ЧЭНДОССКІЙ ПОРТРЕТЪ ШЕКСПИРА.

(Chandos Portrait of Shakespeare).

БИБЛІОТЕКА

ВЕЛИКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. А. ВЕНГЕРОВА

ШЕКСПИРЪ

Т. I.

Е. ЛАНСЕРЕ. 1900.

ИЗДАНІЕ
БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНА.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1902.

Собраніе сочиненій Шиллера закончено и мы приступаемъ къ Шекспиру. Біографія и оцѣнка литературнаго значенія величайшаго изъ писателей новаго времени будутъ даны въ послѣднемъ выпускѣ нашего изданія Шекспира. Теперь же скажемъ только нѣсколько словъ о составѣ настоящаго собранія и его особенностяхъ.

Русская публика знакома съ Шекспиромъ уже болѣе 150 лѣтъ — съ 1748 г., когда появляется „Гамлетъ" Сумарокова, хотя, собственно, къ англійскому оригиналу онъ имѣетъ мало отношенія и представляетъ собою грубую и безвкусную передѣлку самой по себѣ уже полной всевозможныхъ искаженій французской передѣлки Дюсиса. Отрывки изъ „Ромео и Джульетты", изъ „Генриха IV" и др. встрѣчаются въ журналахъ 1780 гг. Вначалѣ XIX вѣка число переводовъ и переложеній Шекспировскихъ пьесъ настолько значительно, что онѣ составляютъ замѣтную часть репертуара того времени. Но особенно часты становятся переводы Шекспира съ 1830-хъ и 1840-хъ годовъ, когда геніальная игра Мочалова сдѣлала имя великаго сердцевѣдца дорогимъ для самыхъ широкихъ слоевъ публики. Въ настоящее время число переводовъ отдѣльныхъ пьесъ Шекспира огромно: ихъ не одна сотня. Иныя драмы переведены по 15 разъ.

Начало полнымъ собраніямъ сочиненій Шекспира положилъ Н. Х. Кетчеръ. Въ концѣ 1830-хъ годовъ онъ предпринялъ *прозаическій* переводъ всѣхъ драмъ Шекспира, который закончилъ только черезъ тридцать лѣтъ. Кетчеровскій переводъ, какъ всякая проза, лишенъ обаянія, связаннаго съ метрическою формою. Но добросовѣстно, тщательно и съ любовью исполненный, онъ же обладаетъ и великимъ преимуществомъ всякаго прозаическаго перевода, гораздо ближе къ подлиннику передавая оттѣнки мысли и образовъ автора. Къ сожалѣнію, Кетчеръ увлекся такъ называемымъ Пайнъ Кольеровскимъ или Перкинсовымъ текстомъ, недостовѣрность котораго въ настоящее время уже внѣ сомнѣній.

Въ 1860-хъ гг. Н. В. Гербель предпринялъ изданіе сочиненій Шекспира въ стихотворномъ переводѣ лучшихъ переводчиковъ нашихъ. Кромѣ драмъ, сюда также вошли шекспировскіе сонеты и поэмы. Изданіе Гербеля получило широкое распространеніе и выдержало 5 изданій. Въ 1890-хъ гг. законченъ замѣчательный литературный подвигъ—*одиночный* стихотворный переводъ всего Шекспира А. Л. Соколовскаго, тоже потребовавшій тридцать лѣтъ. Въ 1893 г. редакція „Живописнаго Обозрѣнія" дала въ качествѣ преміи прозаическій переводъ драмъ и сонетовъ Шекспира, подъ редакціей П. А. Каншина.

Такимъ образомъ наше собраніе сочиненій Шекспира является пятымъ. По составу и частью по переводамъ, въ него входящимъ, преслѣдуя, въ общемъ, тѣ же цѣли, какъ и всѣ предыдущія, оно имѣетъ, однако, и свои значительныя особенности.

Такъ, по составу своему, оно задалось цѣлью быть безусловно полнымъ собраніемъ всего того, что связано съ именемъ

Шекспира, т. е. не только того, что ему безспорно принадлежитъ, но и того, что ему съ нѣкоторою долею вѣроятности только приписывается. Не касаясь пока смѣхотворной теоріи, полагающей, что драмы Шекспира „не могли" быть написаны какимъ-то „малосвѣдущимъ" актерикомъ, а вышли изъ-подъ пера многоученаго философа Бэкона, можно раздѣлить пьесы Шекспира на три разряда: 1) пьесы безусловно ему принадлежащія: „Два Веронца", „Комедія ошибокъ", „Ромео и Джульетта", „Усмиреніе строптивой", историческія хроники, „Лиръ", „Макбетъ", „Гамлетъ" и др. Принадлежность ихъ Шекспиру или „Шекспиру-Бэкону" устанавливается цѣлымъ рядомъ прямыхъ и косвенныхъ доказательствъ, о которыхъ будетъ сказано въ предисловіяхъ и примѣчаніяхъ къ каждой пьесѣ; 2) пьесы, къ которымъ Шекспиръ, повидимому, только приложилъ руку, т. е. къ имѣвшемуся уже тексту другого автора сдѣлалъ разнаго рода добавленія и измѣненія. Къ этой категоріи относится огромный, на три части распадающійся „Генрихъ VI" и др.; 3) пьесы, упорно съиздавна приписываемыя Шекспиру самыми ранними источниками, но едва-ли ему принадлежащія, либо потому, что онѣ очень слабы („Титъ Андроникъ"), либо по другимъ соображеніямъ, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Пьесами перечисленныхъ трехъ родовъ ограничивается огромнѣйшее большинство какъ англійскихъ изданій Шекспира, такъ и переводовъ его на другіе языки.

Но есть еще двѣ пьесы — „Два благородныхъ родственника" (The Two Noble Kinsmen) и „Эдуардъ III", которыя даже весьма осторожные шекспирологи склонны приписать Шекспиру. Во всякомъ случаѣ пьесы могутъ быть причислены къ шекспировской школѣ и въ этомъ ихъ литературный интересъ.

Изъ русскихъ собраній сочиненій Шекспира Кетчеровское, Гербелевское и изданіе А. Л. Соколовскаго не взяли сейчасъ названныя сомнительныя пьесы. Изданіе „Живописнаго Обозрѣнія" даетъ прозаическій переводъ „Эдуарда III" и „Двухъ благородныхъ родственниковъ". Въ нашемъ изданіи и „Два благородныхъ родственника" и „Эдуардъ III" впервые появятся въ стихотворномъ переводѣ.

Значительнѣйшая часть шекспировскихъ пьесъ давно уже имѣется на русскомъ языкѣ въ передачѣ многихъ талантливыхъ переводчиковъ. Редакція вошла въ соглашеніе съ представителями правъ на эти переводы и въ настоящее изданіе войдутъ переводы *П. И. Вейнберга*, *П. П. Гнѣдича*, *Аполлона Григорьева*, *А. В. Дружинина*, *П. П. Козлова*, *А. И. Кронеберга*, *Всеволода Миллера*, *Ѳедора Миллера* и *А. Л. Соколовскаго*.

Но наше изданіе дастъ и рядъ новыхъ переводовъ. Считая каждую изъ пятиактныхъ частей „Генриха IV" и „Генриха VI" за особое произведеніе—всего *десять пьесъ* переведены заново: „Зимняя сказка"—(переводъ *П. П. Гнѣдича*) „Генрихъ V"—(*А. В. Ганзенъ*) „Генрихъ IV", (2 части)—(*Н. М. Минскаго*) „Ричардъ II"—(*Н. А. Холодковскаго*) „Генрихъ VI" (3 части) и „Два благородныхъ родственника" — (*О. Н. Чюминой*); „Эдуардъ III".

Сонеты и поэмы будутъ даны почти сплошь въ новомъ переводѣ, въ которомъ принимаютъ участіе *К. Д. Бальмонтъ*, *П. И. Вейнбергъ*, *В. С. Лихачовъ*, *Н. М. Минскій*, *К. К. Случевскій*, *кн. Э. Э. Ухтомскій*, *А. М. Федоровъ*, *К. М. Фофановъ*, *П. Ф. Червинскій*, *Т. Л. Щепкина-Куперникъ*, *П. Я.*, *кн. Д. Н. Цертелевъ*, *О. Н. Чюмина* и др.

Какъ и въ вышедшемъ подъ нашей редакціей собраніи сочиненій Шиллера, каждая пьеса будетъ снабжена историко-критическими предисловіями и (въ концѣ томовъ) историко-литературными примѣчаніями. Въ составленіи ихъ принимаютъ участіе: *Е. В. Аничковъ*, почет. академикъ *К. К. Арсеньевъ*, *Ѳ. Д. Батюшковъ*, проф. *Ѳ. А. Браунъ*, *Зин. А. Венгерова*, *С. А. Венгеровъ*, *Юрій А. Веселовскій*, *А. Г. Горнфельдъ*, проф. *И. П. Дашкевичъ*, проф. *Ѳ. Ф. Зѣлинскій*, проф. *А. И. Кирпичниковъ*, почет. академикъ *А. Ѳ. Кони*, проф. *Всеволодъ Ѳ. Миллеръ*, *Ѳ. Г. Мищенко*, *П. О. Морозовъ*, *Л. А. Полонскій*, *Э. Л. Радловъ*, приватъ-доцентъ *М. Н. Розановъ*, *В. Д. Спасовичъ*, почет. академикъ *В. В. Стасовъ*, проф. *И. И. Стороженко*, проф. *Л. Ю. Шепелевичъ*, *Л. И. Шестовъ*.

Въ порядкѣ печатанія пьесъ англійскія и континентальныя изданія Шекспира держатся самаго различнаго порядка. Многія распредѣляютъ пьесы по содержанію, соединяя въ одну группу комедіи, въ другую—трагедіи, въ третью—историческія хроники. Незначительное меньшинство держится хронологическаго порядка. Многія соединяютъ въ одну группу знаменитыя и великія произведенія, въ другую произведенія менѣе значительныя, въ третью пьесы ранняго періода и слабыя. Наконецъ, многія изданія вовсе не держатся систематическаго порядка, либо руководствуясь разными практическими со-

ображеніями, либо слѣдуя какому-нибудь традиціонному пріему старыхъ изданій. Такъ напр. установилась традиція начинать всякое изданіе Шекспира „Бурею", хотя хронологически „Буря" одно изъ самыхъ позднихъ произведеній, а по содержанію трудно поддается классификаціи и не можетъ быть причислена ни къ комедіямъ, ни къ трагедіямъ, ни тѣмъ болѣе къ историческимъ хроникамъ. Установилась же такая традиція благодаря тому, что первое собраніе сочиненій Шекспира—знаменитое in folio 1623 года начиналось именно „Бурею".

Въ нашемъ изданіи мы держимся единственнаго, вполнѣ научнаго метода—хронологическаго, при которомъ предъ читателемъ проходитъ вся внутренняя жизнь великаго писателя. Лучше всякой біографіи выясняется при такомъ послѣдовательномъ ознакомленіи исторія его творческаго настроенія—въ началѣ жизни радостнаго, веселаго, бодраго, полнаго вѣры въ торжество идеи даже при величайшихъ несчастіяхъ, и безнадежно-мрачнаго въ концѣ земного поприща, когда углубленіе въ основные вопросы человѣческаго существованія уничтожило всякія иллюзіи и способность къ самообольщенію.

Обдумывая планъ иллюстрацій къ нашему изданію, мы пришли къ рѣшенію отступить отъ обычнаго типа иллюстрированія, который, какъ намъ казалось, даетъ читателямъ значительно меньше того, что можно дать при огромномъ интересѣ къ Шекспиру художниковъ всѣхъ странъ.

Иллюстрированныя изданія Шекспира распадаются на два разряда: съ *большимъ* количествомъ рисунковъ и съ *малымъ*. Изданія перваго типа почти всегда состоятъ изъ текстовыхъ иллюстрацій, рисованныхъ однимъ художникомъ. Таковы извѣстныя иллюстраціи Джильберта, Силуза, изъ новѣйшихъ — Бэйамъ Шоу и др. Основной недостатокъ единоличнаго иллюстрированія — однообразіе. У каждаго художника свои особенности: одному удается комическое, другому — трагическое, третьему — аксесуары и т. д. А между тѣмъ иллюстрировать надо моменты самые разнообразные. И вотъ почему даже у такого очень талантливаго иллюстратора, какъ Джильбертъ на одинъ, два интересныхъ и характерныхъ рисунка десятки вялыхъ и безцвѣтныхъ. И во всякомъ случаѣ Шекспиръ, иллюстрированный однимъ художникомъ, даетъ уже слишкомъ малое представленіе о томъ, что сдѣлано живописцами и рисовальщиками всѣхъ странъ для художественнаго коментированія великаго драматурга. Безграничная популярность Шекспира привлекала къ нему вниманіе длиннаго ряда талантливыхъ художниковъ. Среди живописцевъ, писавшихъ на шекспировскія тэмы, мы встрѣчаемъ имена виднѣйшихъ представителей европейскаго искусства. Изъ англичанъ: Рейнольдсъ, Опи, Смиркъ, Гогартъ Анджелика Кауфманъ, Фюсли, Гольманъ Гентъ, Мадоксъ Броунъ, Милэзъ, Орчадсонъ, Альма Тадема, Вальтеръ Крэнъ и многіе другіе. Изъ французовъ: Делакруа, Жеромъ. Изъ нѣмцевъ: Каульбахъ, Карлъ и Фердинандъ Пилоти, Гофманъ, Туманъ, Бэкеръ, Стейнле, Макартъ, Габріель Максъ, Менцель, Грюцнеръ. Русскіе художники мало занимались Шекспиромъ, но, всетаки, есть нѣсколько интересныхъ картинъ на шекспировскія тэмы Константина Маковскаго, Рѣпина и другихъ.

Кое-что изъ сейчасъ названнаго встрѣчается въ иллюстрированныхъ изданіяхъ Шекспира второго типа, дающихъ мало, но зато въ хорошемъ воспроизведеніи въ формѣ гравюръ, фотогравюръ и геліогравюръ. Таковы англійскія, чрезвычайно дорогія роскошныя изданія: „Royal Shakespeare", „Imperial Shakespeare" и др. Сюда же примыкаютъ альбомы однѣхъ картинъ на шекспировскія тэмы, безъ всякаго текста: нѣмецкій "Shakespeare Album", изданіе Гроте; „Neue „Shakespeare Gallerie" Пехта; англійскій— „Graphic Shakespeare" и другіе.

Послѣ извѣстнаго колебанія, вызваннаго трудностью задачи, мы остановились на рѣшеніи соединить въ одно оба типа. Настоящее изданіе: 1) съ одной стороны, соотвѣтствуетъ тѣмъ роскошнымъ изданіямъ, которыя ограничиваются 20—25 картинами, воспроизведенными, на отдѣльныхъ листахъ, гравюрою, фотогравюрою и геліогравюрою. Приблизительно къ каждой изъ пьесъ будетъ дано по одной фото- или геліогравюрѣ и, такимъ образомъ, всего, съ портретами Шекспира, въ настоящемъ изданіи будетъ около 45 фото- и геліогравюръ. Кромѣ того, больше 50 картинъ будетъ воспроизведено на отдѣльныхъ листахъ (на мѣловой бумагѣ) автотипіею. 2) Рисунками въ текстѣ, которыхъ нѣтъ въ вышеназванныхъ роскошныхъ изданіяхъ, настоящее изданіе примыкаетъ къ тѣмъ, которыя даютъ *много* рисунковъ—по нѣскольку сотенъ. Но въ выборѣ этихъ текстовыхъ рисунковъ мы

совершенно отказались отъ мысли ограничиться однимъ какимъ-нибудь иллюстраторомъ и воспроизводимъ все, что появлялось наиболѣе замѣчательнаго на тэмы той или другой пьесы.

Такимъ образомъ, настоящее изданіе можетъ быть названо: *Шекспиръ въ иллюстраціяхъ лучшихъ художниковъ* и въ этомъ видѣ представляетъ собою первую попытку не только въ Россіи, но и въ Европѣ.

Осуществленіе нашего плана представило очень значительныя затрудненія. Начать съ того, что крайне трудно установить, какія имѣются картины на шекспировскія темы. Въ огромной, безконечно разработанной шекспировской библіографіи, совершенно, однако, нѣтъ сколько-нибудь полныхъ указаній шекспировской иконографіи. Пришлось ихъ ad hoc искать въ сочиненіяхъ по исторіи искуствъ, въ словаряхъ художниковъ, въ каталогахъ разныхъ музеевъ и торговцевъ фотографіями и, наконецъ, обращаться непосредственно къ знатокамъ искусства и шекспирологамъ. Кое-что дала намъ коллекція картинъ и рисунковъ, собранная въ Шекспировскомъ музеѣ (Shakespeare Memorial), устроенномъ на родинѣ Шекспира, въ тихомъ и уютномъ Стратфордѣ на Авонѣ. Но больше всего мы нашли гравюръ и снимковъ разнаго рода въ лондонскомъ Британскомъ музеѣ, который теперь, послѣ того какъ сильно пострадала отъ пожара бирмингамская шекспировская библіотека, обладаетъ самымъ полнымъ въ мірѣ собраніемъ шекспировскихъ изданій и иллюстрацій на шекспировскія тэмы. Въ общемъ, не претендуя на то, чтобы намъ удалось ознакомиться со всею иконографіею Шекспира, думаемъ, однако, что все замѣчательное въ этой области не ускользнуло отъ насъ.

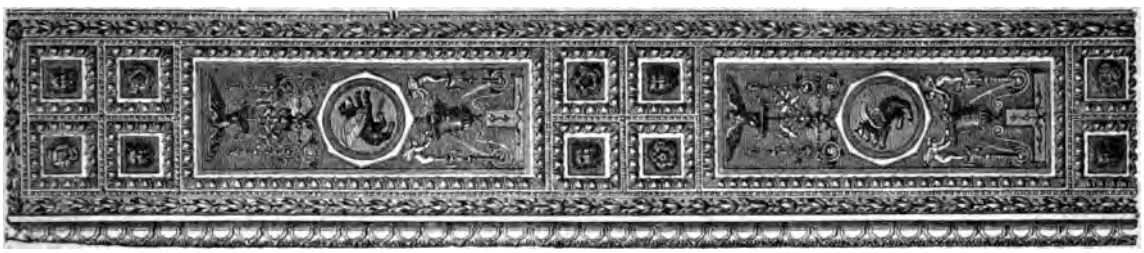
Вторая, едва-ли не самая большая трудность,—было достать оригиналы для воспроизведенія. Легко пріобрѣсть снимки съ картинъ послѣднихъ двухъ десятилѣтій; совсѣмъ не легко достать снимки съ картинъ, появившихся лѣтъ сорокъ тому назадъ, когда графическое искусство не получило еще такого колоссальнаго развитія, какъ въ наши дни; чрезвычайно трудно достать гравюры и политипажи 1820-хъ и 30-хъ годовъ; и прямо дѣло случая натолкнуться на сколько-нибудь полную коллекцію гравюръ конца XVIII и начала XIX вѣка. Благодаря связямъ лейпцигской фирмы Брокгауза и личнымъ поискамъ у лондонскихъ антикваріевъ, намъ удалось въ значительной степени преодолѣть представившіяся препятствія и собрать большую коллекцію шекспировскихъ изданій и рѣдкихъ гравюръ. Но кое-что не удалось достать. Въ этихъ случаяхъ приходилось снимать фотографіи съ музейныхъ экземпляровъ и воспроизводить съ этихъ фотографій.

Въ подписяхъ подъ рисунками и въ примѣчаніяхъ мы даемъ указанія о художникахъ и объ изданіяхъ, которыми мы пользовались. Здѣсь-же мы хотимъ только обратить вниманіе на то, что впервые въ европейской литературѣ въ нашемъ изданіи дана *вся* (около 150 картинъ) такъ называемая *Бойделевская Галлерея*. (См. о ней въ примѣчаніяхъ къ I т.).

Кромѣ иллюстрацій въ тѣсномъ смыслѣ слова, всякому иллюстрированному изданію приходится заботиться объ орнаментѣ: титульныхъ рамкахъ, заставкахъ, концовкахъ. Намъ захотѣлось внести извѣстное разнообразіе и *поучительность* и въ эту часть нашего изданія, исходя при этомъ вотъ изъ какого принципа. Орнаментика тщательно-задуманныхъ иллюстрированныхъ изданій обыкновенно *стилизована*. Если орнаментируется напр. пьеса, дѣйствіе которой происходитъ въ Италіи XV—XVI вѣка, то всякій добросовѣстный художникъ беретъ образцы эпохи Ренесанса и по нимъ компонуетъ. Такимъ образомъ въ лучшемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ добросовѣстнымъ подражаніемъ. Но не лучше-ли, однако, имѣть дѣло съ первоисточниками, съ тѣми образцами, которымъ добросовѣстная орнаментика подражаетъ? Въ силу этого соображенія, мы рѣшили, вмѣсто обычныхъ заставокъ, концовокъ и др. давать либо прямую орнаментику эпохи, либо виды современныхъ зданій, костюмовъ, оружія, утвари и т. д. Въ пьесахъ, мѣсто дѣйствія которыхъ Италія, предъ читателемъ пройдетъ рядъ зданій, видовъ, костюмовъ и т. д. эпохи Ренесанса, въ историческихъ хроникахъ изъ англійской жизни—бытъ средневѣковой Англіи, въ пьесахъ изъ древней жизни—аксесуары античнаго быта и т. д. При стремленіи современнаго театра къ реальной постановкѣ, эта историческая часть иллюстрацій можетъ быть очень полезной для режисеровъ и декораторовъ.

С. Венгеровъ.

Титульная рамка къ «Двумъ Веронцамъ» извѣстнаго англійскаго иллюстратора Вальтера Крэна (Eight Illustrations Shakespeare's «Two Gentlemen of Verona», by Walter Crane. London 1894).



Орнаментъ Рафаэлевскихъ ложъ Ватикана.

ДВА ВЕРОНЦА.

Хотя комедія „Два веронца“ („The two gentlemen of Verona“), появившаяся въ печати впервые in folio въ 1623 году, не имѣетъ никакихъ внѣшнихъ фактическихъ указаній на время ея написанія, комментаторы давно уже единогласно признали эту пьесу однимъ изъ самыхъ раннихъ произведеній Шекспира. Уже крупные недостатки въ композиціи ясно говорятъ за ея раннее происхожденіе; на то же указываютъ анализъ стиля и метра, характеръ юмора и явные слѣды вліянія эвфуизма. Поэтому большинство комментаторовъ относятъ эту комедію къ 1591 году, хотя нерѣдко раздавались голоса и за болѣе раннюю, и за болѣе позднюю дату*).

Сюжетъ пьесы показываетъ, что въ это время поэтъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ итальянской и испанской литературы новеллъ, пользовавшейся широкимъ успѣхомъ въ Англіи, какъ и во всемъ читающемъ обществѣ Европы, увлекавшемся пастушескими романами Рибейра, Саа де-Миранда, Санназара и Монтемайора. Въ пьесѣ „Два веронца“ нѣкоторую часть матеріала Шекспиръ заимствовалъ изъ эпизода о Феликсѣ и Филисменѣ въ „Діанѣ“ Монтемайора, написанной въ 1542 году (въ подражаніе „Аркадіи“ Санназара) и пользовавшейся огромнымъ успѣхомъ въ теченіе 70 лѣтъ, о чемъ свидѣтельствуютъ 16 изданій, выдержанныхъ этимъ пастушескимъ романомъ. Искусный въ созданіи характеровъ, Шекспиръ, какъ извѣстно, не отличался изобрѣтательностью въ сюжетахъ и нерѣдко, встрѣчая фабулу или положеніе, имѣвшія успѣхъ у публики и понравившіяся ему, заимствовалъ ихъ, видоизмѣняя детали и возвращаясь къ тѣмъ же эпизодамъ иногда по нѣскольку разъ.

„Діана“, въ переводѣ Бартоломью Іонга, появилась въ печати лишь въ 1598 году, но, судя по приложенному къ ней предисловію, пролежала въ законченномъ видѣ около 16 лѣтъ и могла быть знакома Шекспиру, переходя въ спискахъ изъ рукъ въ руки, что было въ обычаѣ того времени. Весьма правдоподобно и то предположеніе, что поэтъ пользовался не самой новеллой Монтемайора, а утерянной драматической передѣлкой того же сюжета, именно пьесой, поставленной въ Гринвичѣ, въ присутствіи королевы Елисаветы (въ 1587 году) подъ заглавіемъ „The history of Felix and Philismena“. Какъ бы то ни было, исторія Протея и Юліи очень близко напоминаетъ исторію Феликса и Фелисмены, и несомнѣнно, что тѣмъ или инымъ путемъ Шекспиръ былъ знакомъ съ этой частью повѣсти Монтемайора. У послѣдняго Фелисмена любитъ молодого дворянина Донъ Феликса и, разлученная съ нимъ его отцомъ, отославшимъ сына въ другой городъ, переодѣвается въ мужское платье и слѣдуетъ за своимъ возлюбленнымъ. Прибывъ въ городъ, гдѣ находился Феликсъ, она узнаетъ, что онъ измѣнилъ ей, полюбивъ другую дѣвушку—Целію, и удостовѣряется въ этомъ, подслушавъ ночную серенаду, которую Феликсъ даетъ предмету своего новаго чувства. Не узнанная невѣрнымъ возлюбленнымъ, Фелисмена поступаетъ къ нему пажемъ и однажды, по порученію своего

*) За 1591 или еще болѣе раннюю дату стоятъ Delius Elze, Malone, Furnivall, Hales; за 1595 г.— Drake, Fleay и Chalmers; за 1592 годъ—Hertzberg; за 1592—93– Dowden.

господина, относитъ къ Целіи любовное письмо отъ него. Дальнѣйшая исторія является уже въ иномъ видѣ въ „Діанѣ“ и скорѣе напоминаетъ любовныя отношенія герцога, Віолы и Оливіи въ „Двѣнадцатой ночи“. Именно, прекрасная дама плѣняется красотой переодѣтой пажемъ дѣвушки и влюбляется въ нее. Конецъ—трагическій; Целія признается въ любви послу Феликса и, не находя, конечно, отвѣта на свою страсть, умираетъ съ горя. Феликсъ въ отчаяніи покидаетъ страну и уѣзжаетъ неизвѣстно куда, а Фелисмена отправляется разыскивать своего возлюбленнаго.

Кромѣ исторіи Протея и Юліи, заимствованной у Монтемайора, можно было бы указать еще на отдѣльные моменты пьесы, имѣющіе отношеніе къ другимъ источникамъ, напр., взятые изъ „Аркадіи“ Сиднея или изъ „Apollonius and Silla“ повѣсти Барнаби Рича (Barnabe Rich)*). Но эти заимствованія очень несущественны.

Что касается главнаго сюжета пьесы, именно исторіи дружбы Валентина и Протея, то, по всей вѣроятности, мы имѣемъ въ немъ замыселъ самого Шекспира, такъ какъ до сихъ поръ, несмотря на тщательные поиски комментаторовъ, не найдено было ни одного произведенія, откуда Шекспиръ могъ бы заимствовать эту тему. Поэтому комедію „Два веронца“ слѣдуетъ признать самостоятельнымъ твореніемъ молодого Шекспира, быть можетъ, первымъ опытомъ на этомъ пути, такъ какъ раньше нашъ поэтъ занимался передѣлкой чужихъ пьесъ.

Вся комедія проникнута тѣмъ параллелизмомъ въ композиціи, который является довольно обычнымъ пріемомъ въ раннихъ произведеніяхъ поэта.

Непостоянный Протей противопоставленъ вѣрному въ своихъ привязанностяхъ Валентину, умная и блестящая Сильвія—пылкой и нѣжной Юліи, юмористъ Лаунсъ—остряку Спиду, при чемъ слуги по характеру противополагаются своимъ господамъ. То же мы наблюдаемъ въ другихъ пьесахъ Шекспира, каковы: „Безплодныя усилія любви“, „Комедія ошибокъ“, „Сонъ въ лѣтнюю ночь“, „Ромео и Джульетта“. Такая симметричность въ построеніи указываетъ на вліяніе романскаго искусства съ его стремленіемъ къ ясности, порядку и симметріи, отчасти же можетъ быть поставлена насчетъ неопытности автора. Схематичность въ построеніи дѣйствія и группировки характеровъ несомнѣнно продуктъ искусственности, а не органическаго развитія и жизни. Еще неопытный въ первыхъ своихъ твореніяхъ, поэтъ самъ ставитъ себѣ опредѣленныя рамки, стремясь достигнуть единства впечатлѣнія распредѣленіемъ частей, и считаетъ свое произведеніе непрочнымъ, если ему не служитъ поддержкой нѣкоторая механическая система, какъ бы заранѣе опредѣляющая ходъ дѣйствія, свойства характеровъ и появленіе лицъ на сценѣ. Впослѣдствіи, когда геній Шекспира окрѣпъ и сталъ все глубже проникать въ истинную суть жизни, онъ самъ отбросилъ такіе искусственные пріемы и предоставлялъ организму драмы развиваться по естественнымъ законамъ, достигая этимъ путемъ высшей неосязаемой цѣльности.

Комедія „Два веронца“—хорошенькая и занимательная пьеса на тему о вѣрной и непостоянной любви и о заблужденіяхъ, въ которыя впадаетъ охваченный страстью разсудокъ, пьеса хотя и слабая въ сравненіи съ позднѣйшими произведеніями Шекспира, но уже представляющая многообѣщающую работу молодого художника. Интересъ поддерживается не столько органическимъ развитіемъ дѣйствія и характеровъ, сколько отдѣльными прекрасными моментами. Стиль „Двухъ веронцевъ“, особенно въ приподнятыхъ мѣстахъ діалога, указываетъ на сильное вліяніе Лилли. Поддаваясь литературному вкусу своего времени, поэтъ пользуется утонченнымъ, галантнымъ языкомъ, вычурными оборотами и эвфуистическими хитросплетеніями, но, быть можетъ, въ этой пьесѣ находятся указанія на то, что Шекспиръ уже начиналъ оцѣнивать по достоинству искусственность „Анатоміи остроумія“ пресловутаго Лилли, бывшей въ то время настольной книгой для людей образованнаго общества въ Англіи. Такъ, когда Валентинъ въ цѣломъ рядѣ пышныхъ и цвѣтистыхъ фразъ изображаетъ свою любовь къ Сильвіи, Протей замѣчаетъ на нихъ:

„Мой другъ, къ чему напыщенность такая?“
(Д. II, сц. 4-я).

Во всякомъ случаѣ молодому поэту было простительно пользоваться „высшимъ стилемъ“, такъ какъ онъ господствовалъ въ то время во всей европейской изящной словесности и въ разговорѣ высшихъ классовъ. Поэты и ораторы старались искать гипер-

*) См. Von Friesen—«W. Shakespeare's Dramen» p. 150; Sidney Lee «A life of W. Shakespeare» (1899) p. 53.

болическихъ выраженій для чувства, колоритныхъ эпитетовъ, богатыхъ метафоръ, миѳологическихъ сравненій и охотно прибѣгали къ каламбурамъ и разнымъ словеснымъ фокусамъ. Но уже въ „Двухъ веронцахъ", тамъ, гдѣ является самъ Шекспиръ, не разряженный въ мишуру моднаго наряда мы находимъ прекрасныя описанія, истинно поэтическіе образы; уже ясно слышатся звукипрочувствованнойэротической лирики, полной гармоническихъ, нѣжныхъ оборотовъ, чувствуется уже истинный юморъ и неподдѣльная веселость.

Въ „Двухъ веронцахъ" Шекспиръ впервые избираетъ мѣстомъ дѣйствія Италію, куда впослѣдствіи такъ часто уносилось его воображеніе. Но напрасно стали бы мы отыскивать болѣе или менѣе искуснаго воспроизведенія итальянскаго колорита, который поражаетъ насъ въ позднѣйшихъ пьесахъ: передѣлкѣ „Укрощенія строптивой", „Венеціанскомъ купцѣ" и „Отелло". Въ нихъ мы дѣйствительно находимъ столько характерныхъ подробностей и мѣткихъ эпитетовъ, что у многихъ критиковъ невольно явилось предположеніе, нѣ совершилъ ли Шекспиръ путешествія въ Италію. Но въ настоящее время, повидимому, большинство комментаторовъ высказываются противъ такого предположенія. Разсматриваемая пьеса даетъ въ этомъ отношеніи только отрицательныя показанія: поэтъ даже не дѣлаетъ попытки воспроизвести итальянскую жизнь, и немногія подробности изъ быта и природы, которыя встрѣчаются въ пьесѣ, напр., театральное представленіе въ Духовъ день, ручеекъ ласково лобзающій осоку, перемѣнчивый апрѣльскій день—принадлежатъ гораздо больше Англіи, чѣмъ Италіи. Если бы Шекспиръ побывалъ въ Италіи, онъ, конечно, не могъ бы отправить Валентина въ Миланъ на кораблѣ. Правда, комментаторъ Эльце удосужился найти указаніе, что въ XVI вѣкѣ Верона и Миланъ были соединены каналомъ, но „Шекспиръ", замѣчаетъ Брандесъ, въ общемъ симпатизирующій гипотезѣ объ итальянскомъ путешествіи поэта, „такъ же мало зналъ эту подробность, какъ то обстоятельство, что въ 1270 г. Богеміи принадлежали нѣкоторыя провинціи, лежавшія на берегу Адріатическаго моря", хотя, слѣдуя Грину, заставляетъ своихъ героевъ въ „Зимней сказкѣ" причаливать къ Богеміи на кораблѣ *).

Что комедія „Два веронца" не пользовалась большимъ успѣхомъ у публики, видно уже изъ того, что позднѣе, и съ гораздо большимъ успѣхомъ, Шекспиръ пользовался эпизодомъ переодѣванія, напр., въ „Двѣнадцатой ночи". Туда же перенесъ поэтъ и многія детали „Двухъ веронцевъ". Такъ, діалогу между Сильвіей и Юліей, переодѣтой пажемъ, соотвѣтствуетъ разговоръ между Оливіей и Віолой, а разсказъ Юліи о собственныхъ страданіяхъ воспроизводится отчасти въ прекрасной сценѣ между Віолой и герцогомъ. Можно указать также на многіе моменты общіе съ другими произведеніями Шекспира. Сцена, гдѣ Юлія спрашиваетъ у Лючетты ея мнѣнія относительно своихъ жениховъ, служитъ какъ бы эскизомъ къ превосходной сценѣ такого же содержанія между Порціей и Нериссой въ „Венеціанскомъ купцѣ". Протей такъ же быстро забываетъ Юлію при видѣ Сильвіи, какъ Ромео свою Розалинду при первой встрѣчѣ съ Джульеттой. Монологи Лаунса (II, 3) и Ланцелота Гоббо въ „Венеціанскомъ купцѣ" (II, 2) близки по своему характеру, а серенада докучнаго жениха (IV, 2) вновь появляется въ „Цимбелинѣ" (II, 3)*).

Хотя въ „Двухъ веронцахъ" мы еще не видимъ болѣе или менѣе полнаго развитія характеровъ, однако дѣйствующія лица представляютъ уже значительный психологическій интересъ: многіе моменты схвачены и выражены ярко, въ изображеніи чувствъ замѣчается у молодого художника способность индивидуализировать своихъ героевъ, проникать въ глубь человѣческой души. Изъ мужскихъ характеровъ наибольшій интересъ представляетъ Протей—натура съ богатой умственной жизнью, слабымъ сердцемъ и изумительно гибкой нравственностью. Ловкій и изворотливый, одаренный живымъ умомъ, Протей—личность безхарактерная и глубоко эгоистическая; въ погонѣ за наслажденіями и новыми ощущеніями онъ очень неразборчивъ въ пріемахъ и средствахъ. Онъ знаетъ тайны любви, обладаетъ эротическимъ краснорѣчіемъ, быстро воспламеняется, но, достигая взаимности, столь же быстро охладѣваетъ. Въ первой сценѣ сентиментально-нѣжнаго прощанія съ другомъ мы уже наблюдаемъ его тонко-организованную натуру. Не увѣренный во взаимности Юліи, онъ погруженъ въ меланхолію и, какъ самъ заявляетъ, „съ умомъ въ раз-

*) Брандесъ—Шекспиръ (1899) стр. 131.

*) См. статью Gisbert Freiherr Vincke «Die beiden Veroneser. als Bühnenstück» въ Jahrbuch der Deutschen Shakespeare-Gesellschaft, B. XXI, p. 149.

дорѣ свѣтъ весь презираетъ, коснѣетъ въ лѣни, сердце надрываетъ". Но достаточно письма Юліи, чтобъ онъ вознесся на седьмое небо и восклицалъ: О, счастье! о, милыя черты! о, ангелъ"! (Д. I, сц. 3-я) Недолго, однако, продолжается эта игра въ чувство, и скоро Протею приходится поступить въ школу дѣйствительной жизни. Вынужденная разлука съ возлюбленной, впрочемъ, не вызываетъ въ немъ сильнаго протеста, хотя онъ и прощается съ нею, аффектированно клянясь въ вѣрности. Одного взгляда на Сильвію достаточно, чтобы прежде столь дорогой ему образъ померкъ и новый потокъ страсти увлекъ его, чтобы утерялось всякое различіе между добромъ и зломъ, а нравственные законы потеряли силу передъ жаждой наслажденія. Сознаніе, что онъ поступаетъ дурно, не исчезаетъ въ его анализирующемъ мозгу, и Протей (Шекспиръ рѣзко подчеркиваетъ это свойство) всякими софизмами старается оправдать себя, хотя бы въ собственныхъ глазахъ. Онъ самъ съ нѣкоторою наивностью признается, что станетъ измѣнникомъ другу и возлюбленной и ни передъ чѣмъ не остановится, лишь бы добиться своего; онъ побѣдилъ бы даже искушеніе, если бы это не требовало усилій: но бороться, переламывать себя во имя дружбы и вѣрности—слишкомъ трудно для его неглубокой натуры и является стѣсненіемъ, противъ котораго возмущается его эгоизмъ. И вотъ, подъ вліяніемъ страсти и легкомыслія, онъ отдается во власть охватившаго его потока. Въ результатѣ—цѣлый рядъ низкихъ поступковъ, доносовъ и обмановъ, такъ какъ онъ „самъ себѣ дороже Валентина", и „любовь во всемъ всегда себялюбива". Онъ ловко входитъ въ довѣріе герцога, искусно обходится со своимъ соперникомъ Туріо, доноситъ и клевещетъ на друга, чтобы удалить его въ изгнаніе, мастерски ведетъ интригу, тѣмъ болѣе что обстоятельства сами помогаютъ ему; онъ преслѣдуетъ Сильвію своимъ ухаживаніемъ и когда, наконецъ, судьба отдаетъ на мгновеніе въ его руки беззащитную дѣвушку, готовъ пустить въ ходъ насиліе. Наступаетъ развязка: можетъ быть, Шекспиръ хотѣлъ показать, что эта утонченная и влюбчивая натура совершила эти поступки подъ вліяніемъ молодости и ослѣпленія страсти, не будучи порочной на самомъ дѣлѣ, что когда Протей уличенъ своимъ другомъ и видитъ себя во всей нравственной наготѣ, пелена спадаетъ съ его глазъ, уступая мѣсто искреннему раскаянію и стыду; можетъ быть Шекспиръ дѣйствительно хотѣлъ, чтобы эти преступленія молодости и страсти не ставились юношѣ въ грѣхъ и забылись, какъ тяжелый кошмаръ. Во всякомъ случаѣ раскаяніе Протея такъ слабо мотивировано въ развязкѣ, что эти сцены шаблонны и неестественны, а хорошо задуманная фигура испорчена.

Полную противоположность изворотливому и сложному Протею представляетъ его другъ Валентинъ. Онъ написанъ въ болѣе слабыхъ тонахъ, но служитъ Протею какъ бы необходимымъ противовѣсомъ. Это—натура цѣльная, здоровая физически и нравственно, честная и безхитростная. Отличный другъ, готовый на всякія жертвы и не способный по своему душевному благородству понять зла въ близкомъ человѣкѣ, онъ гораздо мужественнѣе, чѣмъ изнѣженный Протей, и со своимъ умомъ, не знающимъ сомнѣній, увлекается внѣшнею діалектикой. Въ противоположность своему женолюбивому другу, Валентинъ смѣется надъ любовью, и насколько Протей мастеръ въ сердечныхъ дѣлахъ и усердно разбирается въ своихъ чувствахъ, настолько Валентинъ далекъ отъ любви, которая должна сама его искать и улавливать. Но настаетъ и его часъ: Валентинъ полюбилъ горячо, искренно и безхитростно. Онъ настолько не догадливъ и неопытенъ, что его слуга долженъ разъяснять ему назначеніе письма, написаннаго имъ самимъ по просьбѣ Сильвіи. Хотя любовь и научаетъ его вздыхать, слагать любовныя вирши и ломать руки, однако онъ не потерялъ голову, какъ Протей, и не лишился своей энергіи. Наказанный за свой дерзкій планъ овладѣть Сильвіей безъ согласія ея отца, герцога, онъ идетъ въ изгнаніе и начинаетъ новую жизнь въ лѣсу, атаманомъ благородныхъ разбойниковъ. Къ сожалѣнію, развязка пьесы прибавляетъ къ довольно опредѣленной фигурѣ Валентина нѣсколько торопливыхъ и совершенно неестественныхъ штриховъ. Если онъ, узнавъ о кознях своего друга, и способенъ, повѣривъ его раскаянію, простить его, то отказъ отъ Сильвіи въ пользу Протея и такое явное невниманіе къ ея чувствамъ не имѣютъ уже никакого оправданія, особенно если принять въ разсчетъ самостоятельность характера этой дѣвушки.

Въ интересно задуманныхъ женскихъ фигурахъ пьесы, не смотря на нѣкоторые промахи въ исполненіи, уже чувствуется искусная кисть Шекспира и его знаніе женской души. Характеръ Юліи, по вѣрному

замѣчанію одной писательницы *), производитъ впечатлѣніе, будто онъ написанъ въ разныхъ тонахъ: въ отдѣльныхъ сценахъ проявляется у нея какая-нибудь новая черта характера въ зависимости отъ ея настроенія. Шекспиръ словно еще не видитъ передъ собой ея сложнаго образа въ его цѣльности, какъ будто думаетъ, что женскіе характеры состоятъ изъ противорѣчій. По крайней мѣрѣ въ чтеніи репликъ Юліи не такъ ясно чувствуешь одну и ту же личность въ различныхъ сценахъ, какъ въ другихъ позднѣйшихъ женскихъ характерахъ Шекспира. Въ хорошенькой сценѣ съ Лючеттой, Юлія является передъ нами дѣвушкой избалованной своей красотой и ухаживателями, неопытной въ дѣлахъ любви и полной прихотливой, граціозной женственности. Въ ней чувствуется еще дѣвочка, несамостоятельная, радующаяся даже тѣни любовной интриги и старающаяся играть роль свѣтской дамы. И вотъ счастливая, жизнерадостная Юлія, полная дѣвичьей стыдливости и игриваго кокетства, сгораетъ отъ нетерпѣнія прочитать письмо Протея и въ то же время желаетъ, хотя бы въ глазахъ своей камеристки, знающей насквозь свою балованную госпожу, казаться вполнѣ равнодушной и неприступной. И обѣ дѣвушки, прекрасно понимающія другъ друга, разыгрываютъ между собою легкую, граціозную комедію. Хотя эта сцена съ письмомъ (Д. I, сц. 2-я) заимствована Шекспиромъ у Монтемайора, но тонкая психологическая отдѣлка принадлежитъ всецѣло молодому поэту. Открывая намъ впервые характеръ Юліи въ этой игривой сценѣ, Шекспиръ, быть можетъ, дѣлаетъ ошибку, такъ какъ читатель напрасно станетъ искать проявившіяся здѣсь черты характера въ дальнѣйшихъ сценахъ, гдѣ роль Юліи страдательная. При разлукѣ съ Протеемъ она такъ подавлена горемъ, что не можетъ сказать слова прощанія. Во время разлуки въ ней развивается порывистость страсти, и она рѣшается, пренебрегая общественнымъ мнѣніемъ, слѣдовать за своимъ возлюбленнымъ, не имѣя, впрочемъ, еще основанія сомнѣваться въ его вѣрности. Въ Миланѣ Юлія становится уже вполнѣ страдающей, романтической героиней: въ ней уже не остается и тѣни былого тщеславія и игривости, измѣняется и рѣчь ея, въ которой такъ прихотливо смѣшивалось искреннее чувство съ легкою прелестью кокетства. Ей приходится узнать объ измѣнѣ Протея, присутствовать при серенадѣ въ честь Сильвіи, подвергать свое женское самолюбіе постояннымъ ударамъ,—и гордость ея вполнѣ подавлена. Любовь, овладѣвшая всѣмъ ея существомъ, доводитъ ее до такого самоуничиженія, что минутная вспышка женскаго инстинкта и прежней гордости, въ сценѣ съ портретомъ Сильвіи (Д. IV, сц. 4-я), отрадно дѣйствуетъ на читателя. Ревность беретъ свое, и былая пылкая Юлія выцарапала бы глаза у портрета своей соперницы, если бы мягкая, отзывчивая Сильвія не сумѣла смягчить ея сердце. Въ заключительной сценѣ Юлія является свидѣтельницей гнусныхъ дѣйствій Протея, но и здѣсь не рѣшается открыть, кто она. Лишь когда Валентинъ отказывается отъ Сильвіи въ пользу Протея, мѣра страданія переполняется, и Юлія падаетъ безъ чувствъ. Узнанная окружающими, придя въ себя, она обрушивается на своего вѣроломнаго Протея со всей силой и порывистостью, какія мы могли ожидать отъ Юліи перваго акта.

Юліи, по схемѣ пьесы, соотвѣтствуетъ дочь миланскаго герцога Сильвія. Характеръ ея, болѣе уравновѣшенный, чѣмъ характеръ Юліи, проведенъ въ пьесѣ послѣдовательнѣе, потому, можетъ быть, что мы почти не видимъ ея наединѣ съ собою: она постоянно окружена своей свитой, что́ должно, конечно, значительно сдерживать проявленія ея чувствъ. Обладая быстрымъ и острымъ умомъ, она вполнѣ самостоятельна въ своихъ дѣйствіяхъ. Какъ женщина высшаго круга, она прекрасно владѣетъ собой, никогда не роняетъ своего достоинства, даже въ то время, когда, полюбивъ Валентина, первая даетъ ему понять, что онъ ей нравится. Она хорошо знаетъ людей и человѣческое сердце, вѣрно оцѣниваетъ по достоинству хитраго Протея, умѣетъ, исполняя волю отца, сносить ухаживанія Туріо и быть любезной съ этимъ непріятнымъ для нея человѣкомъ,—кстати сказать,—типичнымъ женихомъ комедіи, богатымъ, недалекимъ и служащимъ мишенью для остротъ болѣе умныхъ ухаживателей. Вполнѣ обдуманно и глубоко полюбивъ Валентина и сознавая неодолимыя препятствія своему счастью, Сильвія готова на бѣгство съ нимъ, хотя при постороннихъ прекрасно владѣетъ собой и не оказываетъ своему избраннику никакого предпочтенія передъ другими ухаживателями. Когда Валентинъ изгнанъ, ея рѣшительный харак-

*) Miss Grace Latham въ Jahrbuch der deutschen Shakespeare-Gesellschaft, XXVIII p. 20.

теръ и сильная воля проявляются со всей рѣзкостью. Не долго думая, бросается она къ ногамъ отца, молитъ его, со всей страстностью своей натуры, за своего возлюбленнаго, пуская все въ ходъ—и слезы, и жалобы, и стоны. Бѣгство ея къ Валентину также характерно для ея смѣлой, самостоятельной натуры и совсѣмъ не похоже на капризное желаніе Юліи слѣдовать за возлюбленнымъ. Со свойственной ей проницательностью она выбираетъ себѣ въ спутники Эгламура, умѣя затронуть слабыя струны этого человѣка, нѣкогда любившаго и утратившаго возлюбленную, покидаетъ дворъ и свое высокое положеніе вполнѣ сознательно и увѣренная въ правотѣ своего дѣла.

Комментаторовъ комедіи сильно затрудняла развязка, которую большинство ихъ находитъ слишкомъ торопливой, наивной съ психологической стороны, неправдоподобной и даже оскорбляющей нравственное чувство зрителей *). Мнѣніе Гервинуса, находящаго, что въ этой развязкѣ „все проведено очень тонко, исполнено мѣткихъ характеристическихъ чертъ и изваяно, какъ говорится, изъ одного куска“ **), стоитъ особнякомъ среди сужденій другихъ критиковъ, хотя Гервинусъ признаетъ, что въ сравненіи съ позднѣйшими твореніями Шекспира это всетаки легковѣсный товаръ. Не говоря уже о томъ, что вся послѣдняя сцена комедіи крайне слаба по выполненію, комментаторы останавливаются главнымъ образомъ на „раскаяніи“ Протея и на отказѣ Валентина отъ возлюбленной въ пользу раскаявшагося друга. Краснорѣчивая и искусная защита этихъ двухъ психологическихъ промаховъ Гервинусомъ въ концѣ концовъ мало убѣдительна. Критикъ указываетъ, что напряженный дружественный героизмъ, способность быстро ощущать и быстро дѣйствовать вполнѣ свойственны Валентину, который и по схемѣ пьесы, вмѣстѣ съ самоотверженной Юліей, по своему добродушію и незлобивости, служитъ противовѣсомъ хитрому и эгоистическому Протею. Въ порывѣ великодушія необдуманно рѣшается онъ на величайшую жертву, тѣмъ болѣе что, какъ человѣкъ, ставшій разбойникомъ, онъ не смѣетъ и думать объ обладаніи Сильвіей. Протей же, говоритъ Гервинусъ, исправляется отъ своихъ заблужденій, обсудивши достоинства своей Юліи, которая гораздо болѣе говоритъ его уму, нежели сердцу, и умѣетъ мѣткимъ упрекомъ, если не пробудить въ немъ добрыя начала души, то, по крайней мѣрѣ, пробудить чувство собственнаго достоинства. Если Шекспиръ и хотѣлъ изобразить все то, что приписываетъ ему Гервинусъ, то во всякомъ случаѣ плохо мотивировалъ и чувства, и поступки дѣйствующихъ лицъ, такъ какъ поэтъ, обыкновенно подавляющій критическія способности читателя художественной правдой и силой впечатлѣнія, въ этой развязкѣ оставляетъ его съ чувствомъ полной неудовлетворенности и недоумѣнія. Комментаторы старались разными путями найти этому объясненіе. Объяснить эту сцену слишкомъ близкимъ слѣдованіемъ какому-нибудь источнику мы не имѣемъ данныхъ. Дауденъ полагаетъ, что если 5-й актъ вышелъ изъ-подъ пера Шекспира въ такомъ видѣ, то нужно думать, что онъ отдавалъ пьесу на сцену, когда еще часть ея оставалась въ видѣ небрежнаго наброска и развязку имѣлось въ виду разработать впослѣдствіи *). Гертцбергъ высказываетъ тотъ взглядъ, что пьеса подверглась передѣлкѣ или сокращенію какимъ-нибудь писателемъ-драматургомъ елисаветинскаго вѣка. Возможно, по его мнѣнію, и то, что текстъ былъ составленъ съ недостаточной полнотой изъ списковъ отдѣльныхъ ролей актеровъ, и въ заключительной сценѣ получились пропуски, возстановить которые было бы трудно. Каррьеръ думаетъ, что Шекспиръ могъ найти такую черту дружескаго героизма въ какой-нибудь испанской драмѣ, и тонко проводитъ свою гипотезу, указывая на то, что романтическіе разбойники и отказъ отъ возлюбленной изъ чувствъ дружбы не безъизвѣстны на испанской сценѣ **). Самыя слова, въ которыхъ Валентинъ отказывается отъ своихъ правъ на Сильвію, нѣкоторые критики понимали въ томъ смыслѣ, что Валентинъ обѣщаетъ Протею только дружбу Сильвіи. Но при достаточной ясности словъ Валентина, очевидно вѣрно понятыхъ Юліей, упавшей въ обморокъ, такія толкованія представляются натяжкой, да и вообще едва ли нужно оправдывать автора за юношескіе промахи его раннихъ пьесъ. Во всякомъ случаѣ всѣ

*) См. Жена—Шекспиръ его жизнь и сочиненія стр. 148; Bulthaupt «Dramaturgie der Classiker, Shakespeare» стр. XXXI.

**) Гервинусъ, Шекспиръ т. I, стр. 270.

*) Дауденъ—Шекспиръ. Критическое изслѣдованіе его мысли и его творчества, стр. 58.

**) Jahrbuch der D. Shakespeare-Gesell. VI, 367.

выдвинутыя до сихъ поръ гипотезы пока еще не привели къ положительному результату и остаются гаданіями.

Нѣкоторые критики ставили Шекспиру въ упрекъ, что въ „Двухъ веронцахъ" комическій элементъ слишкомъ грубъ, приноровленъ ко вкусамъ тогдашней публики, а главное, что сцены, гдѣ выступаютъ комическія фигуры—Спидъ и Лаунсъ,—не служатъ для хода и мотивировки дѣйствія, имѣя назначеніе только потѣшить простонародье. Но если Шекспиръ заслужилъ такой упрекъ въ нѣкоторыхъ другихъ юношескихъ пьесахъ, такое мнѣніе о комическомъ элементѣ въ „Двухъ веронцахъ" едва ли справедливо. Не говоря уже о томъ, что этотъ низменный комическій фонъ, на-ряду съ житейскимъ реализмомъ (напр. хозяинъ гостиницы, засыпающій въ сценѣ серенады (Д. IV, сц. 2-я) въ то время, какъ Юлія съ отчаяніемъ узнаетъ объ измѣнѣ Протея), даетъ возможность рельефнѣе выдвинуться серьезной части комедіи и оживляетъ ходъ дѣйствія,—оба слуги входятъ въ схему пьесы, являются каждый противоположностью своему господину и не только дѣйствіями, но и рѣчами помогаютъ читателю разобраться въ характерахъ и поступкахъ ослѣпленныхъ страстью господъ. Гервинусъ заходитъ, несомнѣнно, слишкомъ далеко въ осмысленіи комическихъ лицъ „Двухъ веронцевъ", когда предполагаетъ, что разсказъ Лаунса объ отъѣздѣ изъ Вероны представляетъ пародію на безмолвное разставаніе Протея съ Юліей, что сцена, гдѣ Спидъ вмѣшивается въ любовныя отношенія Лаунса и за то подвергается потасовкѣ, есть каррикатура на коварное вторженіе Протея въ любовныя отношенія Валентины и Сильвіи, что эгоизмъ Протея и все его себялюбивое поведеніе по отношенію къ другу и возлюбленной находятъ себѣ молчаливое осужденіе въ вѣрности его неотесаннаго слуги, который готовъ безъ колебанія принести своему господину величайшую жертву—разстаться съ самымъ близкимъ другомъ, своей собакой. Нельзя также не признать, что комическій элементъ съ одной стороны и серьезный—съ другой въ „Двухъ веронцахъ" еще не проникаютъ другъ друга вполнѣ, какъ позднѣе у Шекспира. Тѣмъ не менѣе, оба элемента уже близко соприкасаются, взаимно пополняя другъ друга, и молодой авторъ сумѣлъ къ грубому комизму, во вкусѣ времени, примѣшать не мало истиннаго юмора. Спидъ является въ комедіи типичнымъ балагуромъ, дѣйствующимъ, главнымъ образомъ, своею изумительною болтливостью. Гораздо болѣе оригинальный Лаунсъ затрогиваетъ въ своихъ комическихъ монологахъ болѣе серьезные элементы жизни. Это первое комическое лицо у Шекспира, живое и реальное, въ которомъ выступаетъ настоящій, сочный англійскій юморъ.

При недостаточности біографическихъ данныхъ, обстоятельства, при которыхъ составлялась пьеса, и настроеніе автора могутъ быть указаны лишь въ общихъ чертахъ. „Два веронца" написаны въ первомъ періодѣ пребыванія Шекспира въ Лондонѣ. Его жизнь была богата впечатлѣніями, которыя онъ воспринималъ среди своей разносторонней дѣятельности актера, драматурга и поэта. Шекспиръ испытывалъ тогда какъ бы двойную молодость—человѣка и генія, богатаго отзвуками на жизнь и жадно накоплявшаго впечатлѣнія; онъ чувствовалъ, какъ росли его творческія силы, а вдали уже начинала заниматься заря его славы. Люди близкіе къ нему цѣнили литературу, какъ истинные представители ренессанса, многіе сами были поэтами или диллетантами, любили блистать роскошью, наслаждаясь жизнью, любуясь ея чудесами. Все это сливалось съ весеннимъ настроеніемъ Шекспира. Поэтому печать молодости и жизнерадостности ярко отмѣчаетъ „Двухъ веронцевъ". При многихъ недостаткахъ пьеса подкупаетъ читателя юношескимъ задоромъ, безпечнымъ здоровымъ смѣхомъ щедро одаренной натуры, еще не искушенной горемъ, еще не знающей душевнаго разлада. Въ ней, впервые у Шекспира, выступаетъ свѣжей струей любовь поэта къ природѣ, къ ароматическому воздуху лѣсовъ (см. монологъ Валентина Д. V, сц. 4-я). Въ образахъ и сравненіяхъ, взятыхъ изъ природы, слышится голосъ самого поэта, возросшаго на вольномъ воздухѣ и тонко понимающаго красоту англійскаго ландшафта. Характеризуя „Двухъ веронцевъ", Фризенъ *) удачно выразился, что комедія эта съ начала до конца производитъ впечатлѣніе наступающей весны, когда сердце невольно радуется набухающимъ почкамъ и съ полной надеждой ожидаетъ, скоро ли онѣ откроются.

Всев. Миллеръ.

---

*) Von Friesen W. Shakespeare's, Dramen стр. 156.

Дѣйствующія лица:

Герцогъ миланскій.

Валентинъ, Протей } веронскіе дворяне.

Антоніо, отецъ Протея.

Туріо, соперникъ Валентина.

Эгламуръ, дворянинъ.

Спидъ, слуга Валентина.

Лаунсъ, слуга Протея.

Пантино, слуга Антоніо.

Хозяинъ гостиницы въ Миланѣ.

Разбойники.

Юлія, молодая веронская дѣвушка.

Сильвія, дочь герцога миланскаго.

Лючетта, горничная Юліи.

Слуги, музыканты.

Мѣсто дѣйствія Верона, Миланъ и мантуанская граница.

Титульная рамка венеціанской работы, второй половины XV в. (Appiani Alexandrini historiae Romanae. Венеція 1478, тип. Ерхардта Ратольта).

Площадь въ Веронѣ (по старинной гравюрѣ изъ коллекцій Британскаго музея).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Площадь въ Веронѣ.

СЦЕНА I.

Входятъ Валентинъ и Протей.

Валентинъ.

Эхъ, перестань, мой дорогой Протей:
Отъ домосѣдства умъ не разовьется.
Да, если бы оковами любви
Привязанъ не былъ ты ко взорамъ милой,
Со мной тебя я попросилъ бы ѣхать,
Чтобъ видѣть странъ далекихъ чудеса,
А не корпѣть безъ пользы, сидя дома,
И тратить юность въ праздности безцѣльной.
Но ты влюбленъ—успѣхъ твоимъ мечтамъ!
Себѣ того бъ желалъ, люби я самъ.

Протей.

Такъ ты ужъ въ путь? Прощай, другъ Валентинъ!
И вспомни обо мнѣ, коль на пути
Увидишь ты предметъ, достойный зрѣнья;
И если счастье встрѣтится тебѣ,
То подѣлись со мною, а въ минуты
Опасности, когда ее ты встрѣтишь,
Себя моимъ молитвамъ поручай:
Я буду твой молельщикъ, Валентинъ.

Валентинъ.

По книгѣ о любви молить мнѣ станешь счастья?

Протей.

Молиться буду я съ любимой книгой.

Валентинъ.

По глупой книгѣ о любви глубокой:
Какъ Геллеспонтъ проплылъ младой Леандръ.

Протей.

Пѣснь глубока, а чувство было глубже:
Онъ по уши ушелъ въ него.

Валентинъ.

Согласенъ,
Но ты въ него съ ушами погрузился,
А Геллеспонта вѣдь не переплылъ.

Протей.

Съ ушами? я? Хоть ихъ-то пощади!

Валентинъ.

Тебѣ, вѣдь, этимъ не поможешь.

Протей.

Что?

Валентинъ.

Любовь, гдѣ скорбь встрѣчаетъ лишь презрѣнье,
Надорванное сердце—взглядъ жеманный,
Гдѣ мигъ блаженства стоитъ двадцати
Ночей безсонныхъ, скучныхъ, безконечныхъ;
Достигъ и, можетъ быть, достигъ несчастья,
А потерялъ—такъ снова нажилъ горе.
Она—разсудкомъ добытая глупость,
Иль глупостью подавленный разсудокъ.

Протей.

Такъ я глупецъ по-твоему?

Валентинъ.

Ты будешь
Имъ, если все по-твоему пойдетъ.

Протей.

Бранишь любовь; но я вѣдь не любовь.

Валентинъ.

Она твой господинъ, ты—рабъ покорный;
А тотъ, надъ кѣмъ владычествуетъ глупость,
Не можетъ быть причисленъ къ мудрецамъ.

Протей.

Поэты говорятъ: какъ въ лучшей почкѣ
Цвѣтка гнѣздится червь, такъ и любовь
Вселяется и въ самый свѣтлый умъ.

Валентинъ.

Но вѣдь они же говорятъ: какъ почка,
Не распустившись, гибнетъ отъ червя,
Такъ отъ любви въ безуміе впадаетъ
И юный, нѣжный умъ: онъ въ почкѣ сохнетъ,
Теряетъ цвѣтъ еще весною ранней,
И съ нимъ плоды всѣхъ будущихъ надеждъ.
Но что жъ я трачу время на совѣты
Тебѣ, поклоннику желаній нѣжныхъ?
Прощай, пора мнѣ: ждетъ меня отецъ,
Чтобъ видѣть, какъ я сяду на корабль.

Протей.

Я провожу тебя туда же, другъ.

Валентинъ.

Нѣтъ, дорогой Протей, простимся здѣсь.
Ты извѣстишь меня письмомъ въ Миланѣ
О здѣшнихъ новостяхъ и объ успѣхахъ
Въ своей любви въ отсутствіе мое;
А я на то письмомъ тебѣ отвѣчу.

Протей.

Желаю всякихъ благъ тебѣ въ Миланѣ.

Валентинъ.

Тебѣ того же дома. Ну, прощай. *(Уходитъ).*

Протей.

Онъ гонится за славой, я—за чувствомъ;
Друзей онъ бросилъ, чтобъ себя возвысить;
Я бросилъ для любви себя, друзей.
Ты, Юлія, меня преобразила:
Занятья бросилъ я, теряю время,
Съ умомъ въ раздорѣ, свѣтъ весь презираю,
Коснѣю въ лѣни, сердце надрываю.

Входитъ Спидъ.

Спидъ. Здравствуйте, господинъ Протей! Видѣли ли вы моего господина?

Протей. Онъ только-что ушелъ, чтобъ отправиться въ Миланъ.

Спидъ.

Ну, если онъ отправился въ Миланъ,
Такъ я теперь потерянный баранъ.

Протей.

Да, вотъ баранъ тотчасъ и заблудился,
Едва пастухъ отъ стада отлучился.

Спидъ. Значитъ, вы изъ этого выводите, что господинъ мой пастухъ, а я баранъ.

Протей. Вывожу.

Спидъ. Значитъ, мои рога—сплю ли я, или не сплю—его рога.

Протей. Глупый выводъ, вполнѣ достойный барана.

Спидъ. Стало-быть, и онъ тоже дѣлаетъ меня бараномъ?

Протей. Разумѣется, а господина твоего пастухомъ.

Спидъ. Нѣтъ, это я могу отвергнуть однимъ доводомъ.

Протей. А я пойду дальше, и докажу это другимъ.

Спидъ. Пастухъ ищетъ барана, а не баранъ пастуха; здѣсь же, напротивъ, я ищу моего хозяина, а онъ меня не ищетъ: слѣдовательно—я не баранъ.

Протей. Баранъ, изъ-за корма, слѣдуетъ за пастухомъ, но пастухъ изъ-за пищи не слѣдуетъ за бараномъ. Ты, изъ-за жалованья, бѣгаешь за господиномъ, но господинъ твой изъ-за жалованья не бѣгаетъ за тобою: ergo—ты баранъ.

Спидъ. Еще одно такое же доказательство, и я закричу: бэ-э-э.

Протей. Однако, послушай: передалъ ли ты мое письмо Юліи?

Спидъ. Да, синьоръ—я, заблудшій баранъ, передалъ письмо ваше ей, потерянной овечкѣ; а она, потерянная овечка, не дала мнѣ, заблудшему барану, ничего за всѣ мои труды.

Протей. Пастбище то слишкомъ мало для цѣлаго стада барановъ.

Спидъ. Если оно слишкомъ мало, такъ вамъ бы ужъ лучше приколоть овечку.

Протей. Не туда попалъ; лучше *запереть* тебя въ *хлѣвъ*.

Спидъ. Лучше бы вы, не *запираясь*, выдали мнѣ фунтъ стерлинговъ на *хлѣбъ*, за передачу письма.

Протей. Опять совралъ: я говорю тебѣ не о *хлѣбѣ*, а о *хлѣвѣ*, о закутѣ.

Спидъ.

Да, какъ ни складывай—хлѣбъ да закутъ,
Все жъ мнѣ приходится мало за трудъ.

Протей. Что жъ она сказала? *(Спидъ киваетъ головой).* Кивнула, болванъ?

Спидъ. Да.

Протей. Да? что—да? кивнула, или что ты болванъ?

Спидъ. Вы не такъ поняли, сударь. Я говорю: „она кивнула"; вы спрашиваете: „кивнула ли она?" я отвѣчаю: „да!" Смекаете?

Протей. Смекаю—и по смѣтѣ выходитъ въ итогѣ, что ты болванъ?

Спидъ. Вы сдѣлали смѣту, такъ возьмите себѣ за труды и итогъ.

Протей. Нѣтъ, зачѣмъ же обижать тебя? Онъ твой за переносъ письма.

Спидъ. Вижу, сударь, что мнѣ приходится много переносить отъ васъ.

Протей. Что же, напримѣръ?

Спидъ. Да писемъ—и не получать за это ничего, кромѣ, „болвана".

Протей. Ты быстро смекаешь.

Спидъ. Но все-таки не на столько, чтобы догнать вашъ неповоротливый кошелекъ.

Протей. Ну, довольно. Развязывай-ка скорѣе свой языкъ. Что она тебѣ сказала?

Спидъ. Развяжите-ка скорѣе кошелекъ, тогда и ваши деньги и ея слова будутъ за разъ переданы по назначенію.

Протей. Ну, вотъ тебѣ за труды. Что жъ она сказала?

Спидъ. Видите ли, сударь—я полагаю, что вы едва ли склоните ее къ любви.

Протей. Какъ? Развѣ она дала тебѣ это понять?

Спидъ. Ну, нѣтъ—она мнѣ ничего не дала, ни даже червонца за передачу письма. А если она была такъ жестока ко мнѣ за передачу вашихъ мыслей, то я боюсь, что она поступитъ такъ же жестоко и съ вами, при передачѣ вамъ своихъ мыслей. Не дарите ее ничѣмъ, кромѣ камней: она тверда, какъ сталь.

Протей. Такъ она ничего не сказала?

Спидъ. Какъ есть—ничего; не сказала даже: „вотъ тебѣ за трудъ". Но вы доказали свою щедрость мелкою монетой, и я прошу васъ, изъ признательности, доставлять впередъ свои письма собственноручно. Затѣмъ не премину передать вашъ поклонъ моему господину. *(Уходитъ).*

Протей.

Ступай, спаси корабль вашъ отъ крушенья;
Онъ не потонетъ, если ты на немъ:
На сушѣ смерть назначена тебѣ,
Я жъ долженъ взять посла себѣ другого;
Боюсь, она пренебрегла письмомъ,
Увидя олуха—моимъ посломъ. *(Уходитъ).*

СЦЕНА II.

Тамъ же. Садъ при домѣ Юліи.

Входятъ Юлія *и* Лючетта.

Юлія.

Скажи, Лючетта,—мы теперь однѣ—
Совѣтуешь ли мнѣ любви предаться?

Лючетта.

Въ просакъ вамъ какъ-бы не попасть, синьора.

Юлія.

А кто изъ всѣхъ блестящихъ кавалеровъ,
Которые вокругъ меня толпятся,
По-твоему достойнѣе любви?

Лючетта.

Прошу васъ ихъ назвать—и я скажу,
Что думаю о каждомъ, безъ утайки.

Юлія.

Что скажешь о прекрасномъ Эгламурѣ?

Лючетта.

Онъ ловкій и любезный господинъ,
Но будь я—вы, не увлеклась бы имъ.

Юлія.

А нравится ль Меркаціо тебѣ?

ЛЮЧЕТТА.

Богатство—да, а самъ онъ—такъ себѣ.

ЮЛІЯ.

А о Протеѣ какъ твое сужденье?

ЛЮЧЕТТА.

Я поглупѣла нынче, безъ сомнѣнья!

ЮЛІЯ.

Какъ мнѣ понять такое восклицанье,
При имени Протея?

ЛЮЧЕТТА.

Какъ признанье,
Что я ничто—и мнѣ ли всѣхъ судить,
И мнѣ-ли всѣхъ достоинства цѣнить?

ЮЛІЯ.

Но ты судила же о всѣхъ другихъ.

ЛЮЧЕТТА.

По моему, онъ лучшій между нихъ.

ЮЛІЯ.

А почему?

ЛЮЧЕТТА.

Мой выводъ чисто женскій:
Изъ всѣхъ онъ лучшій, ибо лучше всѣхъ.

ЮЛІЯ.

По-твоему, его мнѣ полюбить?

ЛЮЧЕТТА.

Да, если чувствомъ должно дорожить.

ЮЛІЯ.

Но онъ одинъ не трогалъ мнѣ души.

ЛЮЧЕТТА.

За-то одинъ васъ любитъ отъ души.

ЮЛІЯ.

Любовь ли то, когда онъ все молчитъ?

ЛЮЧЕТТА.

Подавленный огонь сильнѣй горитъ.

ЮЛІЯ.

Кто про любовь ни слова, тотъ не любитъ.

ЛЮЧЕТТА.

Не любитъ тотъ, кто про любовь всѣмъ трубитъ.

ЮЛІЯ.

Но какъ узнать, что въ сердцѣ у него?

ЛЮЧЕТТА.

Прочтите это.

ЮЛІЯ *(читая)*.

„Къ Юліи!“ Отъ кого.

ЛЮЧЕТТА.

Вамъ скажетъ смыслъ.

ЮЛІЯ.

Кто жъ далъ тебѣ письмо?

ЛЮЧЕТТА.

Пажъ Валентина, посланный Протеемъ;
Хотѣлъ вручить онъ вамъ, но я взяла,
Простите мнѣ, что такъ была смѣла.

ЮЛІЯ.

Ахъ, стыдъ какой! Посланница любви!
Любовныя записки принимаетъ!
Какъ смѣешь ты шептаться, разставлять
Мнѣ западню? Достойное занятье!
И для него вполнѣ годишься ты.
Возьми письмо, отдай его назадъ.
Иль болѣе ко мнѣ не возвращайся.

ЛЮЧЕТТА.

Словечко за любовь—не преступленье.

ЮЛІЯ.

Ступай!

ЛЮЧЕТТА.

Уйду: вамъ нужно размышленье.
(Уходитъ).

ЮЛІЯ.

А все-таки хотѣлось бы прочесть
Письмо; но стыдно воротить Лючетту,
Простивъ ей то, за что ее бранила.
Но какъ она глупа, что не умѣла
Меня заставить прочитать письмо.
Изъ скромности, вѣдь, говорятъ нерѣдко
Дѣвицы „нѣтъ“, сказать желая „да“.
Какъ своенравна глупая любовь!
Ребенокъ такъ капризный щиплетъ няньку

Сѣверно-итальянскіе женскіе костюмы эпохи Ренесанса
По изданію Найта рис. В. Табуринъ.

И вслѣдъ за тѣмъ, смирясь, цѣлуетъ прутъ.
Сейчасъ я съ бранью прогнала Лючетту,
А какъ хотѣлось удержать ее!
Со строгостью нахмурила я брови,
А на душѣ веселье улыбалось.
Такъ въ наказанье жъ позову ее,
И глупый свой поступокъ тѣмъ исправлю.
Лючетта, гдѣ же ты?

Входитъ Лючетта.

Лючетта.

Что вамъ угодно?

Юлія.

Не поданъ ли обѣдъ?

Лючетта.

Желала бъ я,
Чтобъ поданъ былъ: вы сердце бы сорвали
Тогда на немъ, а не на мнѣ.

Юлія.

Что тамъ
Ты подняла поспѣшно?

Лючетта.

Ничего.

Юлія.

Зачѣмъ же нагибалась?

Лючетта.

За бумажкой,
Которую сама я уронила.

Юлія.

Въ ней ничего нѣтъ?

Лючетта.

Ничего ко мнѣ.

Юлія.

Такъ пусть лежитъ для тѣхъ, кому нужна.

Лючетта.

Кому нужна, ужъ не солжетъ она,
Когда онъ самъ не исказитъ въ ней смысла.

Юлія.

Письмо въ стихахъ отъ твоего предмета?

Лючетта.

Его я пропою, лишь положите
На музыку—вы въ этомъ мастерица.

Юлія.

На всякій вздоръ не подберешь мотива;
Пропой его на голосъ „Свѣтъ любви".

Лючетта.

Веселый тонъ нейдетъ для пѣсни грустной.

Юлія.

Она грустна? а какъ ея припѣвъ?

Лючетта.

Хорошъ, когда вы сами пропоете.

Юлія.

А что же ты?

Лючетта.

Да слишкомъ тонъ высокъ.

Юлія.

Ну, покажи! Голубушка, что-жъ это?

Лючетта.

Лишь не сбивайтесь съ тона и пропойте
Все до конца. Вашъ тонъ мнѣ не по вкусу.

Юлія.

А почему?

Лючетта.

По мнѣ онъ слишкомъ рѣзокъ.

Юлія.

Ахъ, дерзкая!

Лючетта.

Ну вотъ вы и ошиблись,
И рѣзкимъ дискантомъ нарушенъ строй!
Для полноты вторить вамъ долженъ теноръ.

Юлія.

Твой грубый басъ всю стройность нарушаетъ.

Лючетта.

Конечно, я пою вѣдь за Протея.

Юлія.

Довольно: ты мнѣ вздоромъ надоѣла.
Вотъ образецъ любовной чепухи!
(*Рветъ письмо*).
Оставь меня. Не трогай лоскутовъ:
Ты мнѣ въ досаду хочешь ихъ собрать.

Лючетта (*про себя*).

Досадно ей; а вѣдь была бы рада,
Чтобъ досадили ей другимъ письмомъ.
(*Уходитъ*).

Юлія.

И я могла сердиться за письмо?
О, руки гадкія! вы разорвали
Слова любви. Вы точно злыя осы,
Что поѣдаютъ сладкій медъ, а пчелъ
Язвятъ въ награду жаломъ смертоноснымъ
За-то клочекъ я каждый расцѣлую.
Здѣсь „доброй Юліей" меня зоветъ онъ.
О, злая Юлія! смотри: въ отмщенье
На камни я твое бросаю имя,
И гордость всю твою топчу ногой.
А здѣсь „любовью раненый Протей"...
Бѣдняжка, грудь моя тебя пригрѣетъ,
Пока отъ раны ты не исцѣлишься;
Теперь ее замкну я поцѣлуемъ.
Но два-три раза здѣсь Протея имя
Написано? Ахъ, тише, добрый вѣтеръ!
Не уноси ты слова у меня,
Пока всѣхъ буквъ въ письмѣ не соберу я.
Мое лишь имя пусть уноситъ вихрь
На страшную, нависшую скалу,
И сдуетъ въ волны яростнаго моря!
Но вотъ его два раза имя въ строчкѣ;
„Протей отвергнутый, Протей влюбленный!
„Къ прекрасной Юліи..." Но это прочь...
Иль нѣтъ, не оторву; его такъ мило
Онъ сблизилъ съ грустнымъ имененемъ своимъ.
Сложу ихъ лучше вмѣстѣ—и теперь
Цѣлуйтесь, ссорьтесь, дѣлайте, что любо.

Входитъ Лючетта

Лючетта.

Обѣдъ готовъ, и батюшка вашъ ждетъ.

Юлія.

Сейчасъ. Пойдемъ.

Лючетта.

Что жъ это? Лоскутки
Останутся разсказчиками здѣсь?

Юлія.

Такъ подними, коль ими дорожишь.

Лючетта.

Меня бранили вы, что ихъ сбирала,
А все жъ я подниму ихъ, чтобъ они
Не простудились.

Юлія.

Вижу я, что ими
Ты дорожишь.

Лючетта.

Что вамъ угодно видѣть—
Вы можете; но вижу все и я,
Хоть вы меня считаете слѣпою.

Юлія.

Ну, хорошо. Пойдемъ, пойдемъ, болтунья!
(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Тамъ же. Комната въ домѣ Антоніо.

Входятъ Антоніо *и* Пантино.

Антоніо.

Скажи, Пантино, про кого мой братъ
Такъ строго говорилъ на галлереѣ?

Пантино.

Про своего племянника Протея.

Антоніо.

Что жъ именно?

Пантино.

Дивится онъ, что вы
Ему даете время тратить дома,
Когда, при меньшей знатности, другіе
Къ отличіямъ дѣтей своихъ готовятъ:
Одни—на бой, чтобъ счастье испытать,
Другіе—въ море для открытій новыхъ,
Тѣ—для науки въ университеты.
Онъ полагаетъ, что вашъ сынъ на каждомъ
Изъ этихъ поприщъ могъ бы отличиться,—
И требовалъ, чтобъ я васъ убѣдилъ
Протея дома больше не держать;
Что въ старости ему упрекомъ будетъ,
Что въ юности онъ свѣта не видалъ.

Антоніо.

Ну, убѣждать тебѣ меня не нужно;
Самъ думалъ я объ этомъ цѣлый мѣсяцъ.
Я вижу, что онъ время тратитъ даромъ
И что не станетъ мужемъ совершеннымъ,
Пока не искусится въ школѣ жизни.
Трудами мы пріобрѣтаемъ опытъ,
А время совершенствуетъ его.
Скажи, куда бы намъ его отправить?

Пантино.

Я полагаю, вамъ не безъизвѣстно,
Что юный Валентинъ, его товарищъ,
Теперь при императорѣ.

Антоніо.

Да, знаю.

Пантино.

Не дурно бы его туда жъ отправить.
Онъ храбрость испытаетъ на турнирахъ,
Узнаетъ свѣтскій тонъ, сойдется съ знатью.
И, вообще, научится занятьямъ,
Приличнымъ роду и годамъ его.

Антоніо.

Вполнѣ съ твоимъ совѣтомъ я согласенъ;
И, чтобъ ты видѣлъ, какъ онъ мнѣ по вкусу,
Не медля, я послѣдую ему
И, лишь представится удобный случай,
Отправлю я Протея ко двору.

Пантино.

Извѣстно ль вамъ, что завтра донъ-Альфонсо
И нѣсколько дворянъ хорошей крови
Туда же ѣдутъ, съ цѣлью предложить
Свои услуги цезарю?

Антоніо.

Вотъ кстати!
Отличные сопутчики! Вотъ съ ними
Поѣдетъ и Протей. Но вотъ и онъ,

Входитъ Протей.

Протей.

О, счастіе! о, милыя черты!
Ея рука здѣсь высказала душу:
Вотъ клятвы вѣрности, залогъ любви:
О, еслибъ наше счастье увѣнчали
Родители согласіемъ своимъ!
О, ангелъ! Юлія!

Антоніо.

Что за письмо читаешь ты, Протей!

Протей.

Письмо отъ Валентина—строчки двѣ
Не болѣе. Его мнѣ передалъ
Нашъ общій другъ, прибывшій отъ него.

Антоніо.

Дай мнѣ прочесть, что новаго онъ пишетъ?

Протей.

Нѣтъ новаго покамѣстъ ничего:
Онъ пишетъ только, батюшка, что счастливъ,
Что всѣми онъ любимъ, что императоръ
Къ нему благоволитъ, и что желалъ-бы,
Чтобъ я съ нимъ раздѣлилъ его успѣхи.

Антоніо.

А ты съ его желаніемъ согласенъ?

Протей.

Но ваша воля, батюшка, дороже
Мнѣ, чѣмъ желанье друга моего.

Антоніо.

Она съ его желаніемъ согласна,
И не дивись, что быстро я рѣшаю.
Что я рѣшилъ, перерѣшать не стану.
Я положилъ, что вмѣстѣ съ Валентиномъ
Ты поживешь при цезарскомъ дворѣ,
И сколько отъ родныхъ онъ получаетъ,
То получать ты будешь отъ меня
Такъ завтра же готовься ты къ отъѣзду;
Не возражай—я все уже обдумалъ.

Протей.

Такъ скоро я собраться не успѣю;
Прошу васъ отложить хоть на два дня.

Антоніо.

Все нужное пошлется за тобою.
Къ чему отсрочка? Завтра ты поѣдешь.
Пойдемъ, Пантино—на тебѣ лежитъ
Обязанность скорѣй его отправить.

(Антоніо и Пантино уходятъ.)

Протей.

Огонь я обошелъ, чтобъ не обжечься,
И въ море угодилъ, гдѣ утопаю.
Я Юліи письма отцу не выдалъ,
Боясь, что онъ любовь мою осудитъ;
Но изъ моихъ отвѣтовъ злополучныхъ
Построилъ онъ преграду для любви.
О, какъ весна любви моей походитъ
На перемѣнчивый апрѣльскій день:
Все такъ свѣтло—вдругъ облако находитъ,
И меркнетъ все; на всей природѣ—тѣнь.

Входитъ Пантино.

Пантино.

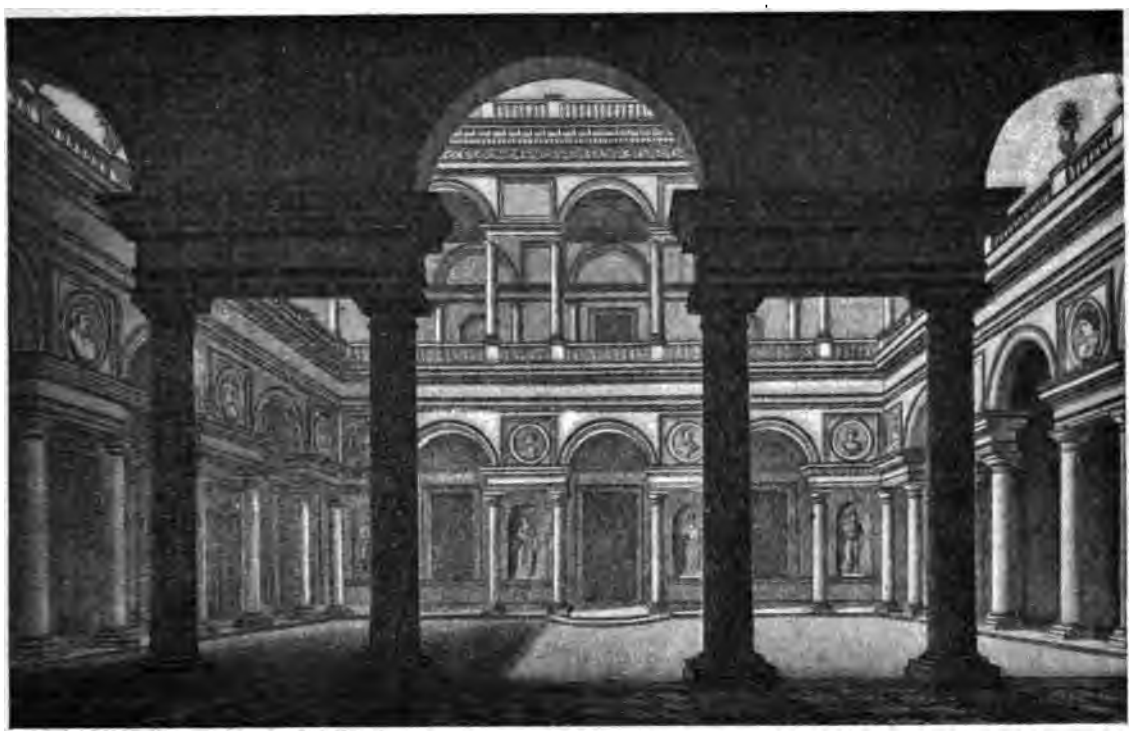
Синьоръ Протей, васъ батюшка зоветъ;
Прошу васъ, торопитесь: онъ спѣшитъ.

Протей.

О, покорися, сердце! но въ отвѣтъ
Твердитъ оно безъ устали: нѣтъ, нѣтъ!

(Уходятъ.)

Видъ Вероны съ Адижа. По старинной гравюрѣ, воспроизведенной въ изд. Knight'a, рис. В. Табурина.



Внутренній видъ итальянскаго дворца эпохи Ренесанса. (Palazzo Sauli въ Генуѣ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Миланъ. Комната во дворцѣ герцога.

СЦЕНА I.

Входятъ Валентинъ и Спидъ.

Спидъ.

Синьоръ, перчатка ваша?

Валентинъ.

Не моя:
Мои при мнѣ.

Спидъ.

Взгляните хорошенько.

Валентинъ.

А покажи-ка. Да, она моя.
О, дивная! божественный предметъ
Объемлешь ты! О, Сильвія!

Спидъ. Синьора Сильвія! синьора Сильвія!

Валентинъ. Чего ты кричишь, дуракъ?

Спидъ. Да ея не докличешься.

Валентинъ. Да кто же тебѣ приказалъ ее кликать?

Спидъ. Вы сами, синьоръ; или я ослышался.

Валентинъ. Ты всегда черезчуръ торопливъ.

Спидъ. А намедни вы бранили меня за мѣшкотность.

Валентинъ. Довольно. Скажи, знаешь ты синьору Сильвію?

Спидъ. Это та, которую вы любите, синьоръ?

Валентинъ. Да тебѣ кто сказалъ, что я ее люблю?

Спидъ. Я узналъ это по особеннымъ примѣтамъ. Во-первыхъ, вы выучились, какъ синьоръ Протей, ломать себѣ руки, будто вѣчно чѣмъ-то недовольны; пѣть любовныя пѣсни, точно снигирь; искать уединенія, какъ зачумленный; вздыхать, какъ школьникъ, потерявшій азбуку; хныкать,

какъ дѣвочка, схоронившая бабушку, поститься, какъ больной, посаженный на діету; бодрствовать, какъ бѣднякъ, боящійся, что его обокрадутъ; клянчить, какъ нищій въ праздникъ Всѣхъ Святыхъ. Прежде вы смѣялись громче горластаго пѣтуха; выступали, точно левъ, постились только сейчасъ послѣ обѣда, и грустили только тогда, когда у васъ не было денегъ. А теперь ваша возлюбленная такъ преобразила васъ, что я часто гляжу и не узнаю моего господина.

Валентинъ. И это все ты во мнѣ замѣтилъ?

Спидъ. Да все это замѣтно помимо васъ.

Валентинъ. Какъ—помимо меня? Это невозможно.

Спидъ. Помимо васъ—это вѣрно: кто помимо васъ будетъ такъ простоватъ? Да никто. Вы до того внѣ себя отъ этихъ сумасбродствъ, что они въ васъ поселились и просвѣчиваютъ, какъ моча въ стаканѣ, такъ что всякій, кто только на васъ ни взглянетъ, сейчасъ же, точно докторъ, поймета вашу болѣзнь.

Валентинъ. Однако, знаешь ли ты, въ самомъ дѣлѣ, синьору Сильвію?

Спидъ. Ту, на которую вы вѣчно пялите глаза за ужиномъ?

Валентинъ. Такъ и это ты замѣтилъ? Да, ее.

Спидъ. Нѣтъ, не знаю, синьоръ.

Валентинъ. Какъ—замѣтилъ, что я не свожу съ нея глазъ—и не знаешь?

Спидъ. Да это не она ли, такая нелюбезная?

Валентинъ. Напротивъ, она еще болѣе любезна, чѣмъ прекрасна.

Спидъ. А, понимаю.

Валентинъ. А что ты понимаешь?

Спидъ. Что она не такъ хороша, какъ вамъ любезна.

Валентинъ. Ты не понялъ. Я говорю: ея красота верхъ совершенства. а любезность безцѣнна.

Спидъ. Потому что первая поддѣльна, а вторая ничего не стоитъ.

Валентинъ. Какъ поддѣльна? какъ ничего не стоитъ?

Спидъ. Да такъ, синьоръ; она такъ наштукатурена, что никто не можетъ оцѣнить ея красоты.

Валентинъ. За кого же ты меня считаешь? Я умѣю цѣнить ея красоту.

Спидъ. Да вѣдь вы не видали ея съ тѣхъ поръ, какъ она подурнѣла.

Валентинъ. А съ какихъ поръ она подурнѣла?

Спидъ. Да съ тѣхъ, синьоръ, какъ вы въ нее влюбились.

Валентинъ. Я полюбилъ ее съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ, и до сихъ поръ она прекрасна въ моихъ глазахъ.

Спидъ. Да если вы любите, то не можете видѣть ее.

Валентинъ. Это почему?

Спидъ. А потому, что любовь слѣпа. О, еслибъ вамъ да мои глаза, или хоть ваши, но съ тою проницательностью, какую они имѣли, когда вы, помните, бранили синьора Протея за то, что онъ разгуливаетъ безъ подвязокъ!

Валентинъ. Что же бы я тогда увидѣлъ?

Спидъ. Свое настоящее сумасбродство и ея страшное безобразіе. Синьоръ Протей, когда влюбился, забывалъ надѣвать подвязки, а вы, влюбившись, забываете и панталоны.

Валентинъ. Такъ, стало быть, и ты влюбленъ, потому что вчера забылъ вычистить мнѣ башмаки?

Спидъ. Правда, синьоръ, я былъ влюбленъ въ мою постель, и очень вамъ благодаренъ, что вы вздули меня за эту любовь, это даетъ мнѣ смѣлость журить васъ за вашу.

Валентинъ. Въ заключенье—я ею очарованъ.

Спидъ. Въ заключеніе—вамъ бы нужно было разочароваться.

Валентинъ. Вчера вечеромъ она поручила мнѣ написать стихи къ одному лицу, будто бы ей милому.

Спидъ. Ну, а вы?

Валентинъ. Написалъ.

Спидъ. А стихи не хромые?

Валентинъ. Напротивъ, написалъ какъ только могъ лучше. Молчи! Вотъ она.

Спидъ *(про себя)*. Что за кукольная комедія! О, прекрасная куколка! она заставляетъ его подсказывать себѣ.

Входитъ Сильвія.

Валентинъ. Синьора и повелительница, желаю вамъ тысячу добрыхъ утръ!

Спидъ *(про себя)*. И добрый вечеръ въ придачу, и милліонъ комплиментовъ.

Сильвія *(Валентину)*.
А вамъ двѣ тысячи, синьоръ служитель!

Спидъ *(про себя)*.
Проценты бы ему платить, не ей.

Валентинъ.
Какъ приказали вы, я написалъ

Письмо отъ васъ къ неназванному другу;
Хоть я надъ нимъ трудился неохотно,
Но долгъ служенья мнѣ повелѣвалъ.

Сильвія.

Благодарю васъ, благородный рыцарь:
Прекрасная работа..

Валентинъ.

Но, повѣрьте,
Она досталась мнѣ съ большимъ трудомъ:
Не вѣдая, къ кому она пойдетъ,
Я наобумъ писалъ и наудачу.

Сильвія.

Вы тяготились, можетъ быть, трудомъ?

Валентинъ.

О, нѣтъ, синьора! Если вамъ угодно,
Я напишу хоть тысячу подобныхъ,
А всетаки...

Сильвія.

Періодъ хоть куда;
И я сама скажу вамъ заключенье:
И *все-таки* зачѣмъ? и *все-таки* не стоитъ,
И *все-таки* письмо назадъ возьмите,
И *все-таки* васъ утруждать не стану.

Спидъ *(про себя)*.

И буду все-таки, и все-таки опять.

Валентинъ.

Синьора, вамъ не нравится оно?

Сильвія.

О, нѣтъ! стихи написаны прекрасно,
Но нехотя—итакъ, назадъ возьмите;
Возьмите же!

Валентинъ.

Они для васъ, синьора!

Сильвія.

Да, я просила васъ ихъ написать,
Но мнѣ не нужно ихъ—они для васъ;
Я съ большимъ бы ихъ чувствомъ написала.

Валентинъ.

Я вамъ другое напишу, синьора,
Лишь прикажите.

Сильвія.

И потомъ прочтите
Его одни. Понравится оно—
Такъ хорошо, а нѣтъ—такъ все равно.

Валентинъ.

А какъ понравится, то что жъ тогда?

Сильвія.

Тогда за трудъ себѣ его возьмите.
Но до свиданія, синьоръ служитель!
(Уходитъ).

Спидъ.

Престранная вещь эти скрытыя шашни,
Какъ носъ на лицѣ, или флюгеръ на башнѣ!
За нею онъ вьется, она его учитъ,
Пока онъ наставника съ ней не разучитъ:
Вотъ штука! О лучшей никто не услышитъ!
Онъ самъ къ себѣ письма, какъ писарь, все пишетъ.

Валентинъ. О чемъ ты тамъ разсуждаешь?

Спидъ. Я плету вирши, синьоръ; вотъ вамъ такъ надобно поразсудить.

Валентинъ. О чемъ?

Спидъ. Да о томъ, что вы ходатайствуете за синьору Сильвію.

Валентинъ. Передъ кѣмъ же?

Спидъ. Предъ самимъ собою. Она объяснилась съ вами аллегоріей?

Валентинъ. Какъ аллегоріей?

Спидъ. Иначе сказать—письмомъ.

Валентинъ. Да, вѣдь, она не писала ко мнѣ.

Спидъ. И не нужно: она васъ заставила писать къ себѣ. И вы не поняли шутки?

Валентинъ. Признаюсь, нѣтъ.

Спидъ. Не поняли шутки и не поняли, въ чемъ дѣло?

Валентинъ. Я понялъ только гнѣвное слово.

Спидъ. Вѣдь, она отдала вамъ письмо.

Валентинъ. Но оно написано къ ея другу.

Спидъ. И это письмо она вручила вамъ—поняли?

Валентинъ. Желалъ бы, чтобъ было такъ!

Спидъ. Ручаюсь въ этомъ, такъ какъ иначе и быть не можетъ.
Вы часто ужъ писали къ ней; однако изъ стыдливости
Она не отвѣчала вамъ, а можетъ, изъ трусливости:
Боялась, чтобы посланный ей тутъ не измѣнилъ;
Ей мысль заставить васъ писать къ себѣ Амуръ внушилъ.
Я говорю, какъ книга, потому что вычиталъ это изъ книги. О чемъ задумались, синьоръ? Пора обѣдать.

Валентинъ. Я ужъ обѣдалъ.

Спидъ. Послушайте, синьоръ, хотя любовь—хамелеонъ и питается воздухомъ, но я одно изъ тѣхъ существъ, которыя питаются пищею—и потому охотно бы перекусилъ. Не будьте же такъ суровы, какъ ваша возлюбленная: троньтесь, троньтесь моей мольбою! *(Уходятъ).*

СЦЕНА II.

Верона. Комната въ домѣ Юліи.

Входятъ Протей *и* Юлія.

Протей.

Имѣй терпѣнье, Юлія моя!

Юлія.

Должна имѣть: другого средства нѣтъ.

Протей.

Я возвращусь, какъ только будетъ можно.

Юлія.

Не увлечешься—такъ вернешься скоро.
Возьми вотъ это отъ меня на память.
(Даетъ ему кольцо).

Протей.

Мы обмѣняемся—возьми мое.

Юлія.

И поцѣлуемъ договоръ скрѣпимъ.

Протей.

И вотъ моя рука тебѣ на вѣрность.
И если въ днѣ хоть часъ одинъ пройдетъ,
Въ который я о Юліи не вспомню,
Пусть въ слѣдующій часъ меня постигнетъ
Мученье за забывчивость въ любви.
Но ждетъ меня отецъ. Не отвѣчай!
Пора ужъ въ путь, но не пора для слезъ:
Онѣ меня заставятъ опоздать.
Прощай же, Юлія! *(Юлія уходитъ).*
Какъ? вышла молча?
Да,—чувство сильное не знаетъ словъ,
А вѣрность украшается дѣлами.

Входитъ Пантино.

Пантино.

Васъ ждутъ, синьоръ.

Протей.

Иду. Ступай. Увы,
Слова любви нѣмѣютъ при разлукѣ!
(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Тамъ же. Улица.

Входитъ Лаунсъ *съ собакой.*

Лаунсъ. Нѣтъ, я и въ часъ не наплачусь вдоволь. Вся порода Лаунсовъ имѣетъ этотъ порокъ: я получилъ мое наслѣдство, какъ блудный сынъ — и отправляюсь съ синьоромъ Протеемъ ко двору императора. Но Краббъ, моя собака, я полагаю, самая же стокосерднѣйшая изъ собакъ на землѣ. Матушка плачетъ, отецъ рыдаетъ, сестра рюмитъ, работница реветъ, кошка ломаетъ руки, весь домъ въ страшномъ горѣ, а этотъ жестокосердый песъ хоть бы слезинку выронилъ. Онъ просто камень—настоящій булыжникъ и любви къ ближнему въ немъ меньше, чѣмъ въ собакѣ. Жидъ бы расплакался, увидя наше разставанье; даже моя слѣпая бабушка—и та всѣ глаза себѣ выплакала, отправляя меня въ путь-дорогу. Да вотъ я сейчасъ вамъ представлю, какъ было дѣло. Этотъ башмакъ будетъ батюшка; нѣтъ, вотъ лѣвый башмакъ пусть будетъ батюшка; нѣтъ, пусть матушка будетъ лѣвый башмакъ; нѣтъ, не такъ; или такъ... да, такъ: у него подошва похуже. И такъ, этотъ башмакъ съ дырою — моя матушка, а этотъ—батюшка. Теперь такъ, совершенно такъ; ну а палка пусть будетъ моя сестра—видите ли, она бѣла, какъ лилія, и тонка, какъ жердь; эта шапка — Нэнъ, наша работница, а я—собака; нѣтъ собакой будетъ она сама. Да, я буду—собака; или нѣтъ—собака будетъ я, а я—я буду самъ. Да, такъ, совершенно вѣрно. Вотъ я и подхожу къ батюшкѣ: „батюшка, батюшка, благословите!“ Вотъ башмакъ не можетъ словечка вымолвить отъ слезъ; вотъ я его цѣлую, а онъ такъ и заливается. Теперь подхожу къ матушкѣ. О, еслибъ этотъ башмакъ могъ говорить, какъ обезумѣвшая женщина! Вотъ я ее цѣлую—вотъ такъ. Вотъ мать моя совсѣмъ задыхается. Теперь—къ сестрѣ. Слышите, какъ она рыдаетъ? А этотъ безчувственный песъ во все время не проронилъ слезинки и не вымолвилъ слова, тогда какъ я— видите, я прибиваю пыль моими слезами?

Входитъ Пантино.

Пантино. Ступай, бѣги, Лаунсъ. Твой господинъ ужъ на кораблѣ—тебѣ придется догонять его въ лодкѣ. Что съ тобою? О чемъ плачешь, парень? Ступай, оселъ; не то потеряешь...

СИЛЬВІЯ.

Картина англійскаго художника Райта (John Wiliam Wright; 1802—1848).

Лаунсъ. Не бѣда, если его и потеряю; безчувственнѣе его я не встрѣчалъ.

Пантино. Безчувственнѣе кого?

Лаунсъ. Да вотъ Крабба, моего пса.

Пантино. Болванъ, я хотѣлъ сказать, что потеряешь приливъ, а потерявъ приливъ, потеряешь возможность поѣхать, а потерявъ возможность поѣхать, потеряешь господина, а потерявъ господина, потеряешь мѣсто. Да что ты мнѣ зажимаешь ротъ?

Лаунсъ. Боюсь, чтобъ ты не потерялъ языкъ.

Пантино. Да какъ же я могу потерять его?

Лаунсъ. Болтая чепуху.

Пантино. Какая же это чепуха?

Лаунсъ. Будто я прозѣваю приливъ, господина и мѣсто. Приливъ? Да знаешь ли ты, если рѣка высохнетъ, я наполню ее моими слезами; если спадетъ вѣтеръ, я стану надувать паруса моими вздохами

Пантино. Да ступай же, болванъ: меня прислали звать тебя.

Лаунсъ. Посмотримъ, какъ ты меня назовешь.

Пантино. Да пойдешь ли ты, наконецъ?

Лаунсъ. Такъ и быть, пойду. *(Уходятъ).*

СЦЕНА IV.

Миланъ. Зала во дворцѣ герцога.

Входятъ Валентинъ, Сильвія, Турio *и* Спидъ.

Сильвія. Служитель!

Валентинъ. Госпожа?

Спидъ. Баринъ, синьоръ Туріо на васъ косится.

Валентинъ. Это отъ любви.

Спидъ. Но не къ вамъ.

Валентинъ. Такъ къ синьорѣ.

Спидъ. Хорошо бы вамъ его отдуть.

Сильвія. Служитель, вы грустны?

Валентинъ. Да, кажется, грустенъ, синьора.

Туріо. Такъ вы только кажетесь грустнымъ.

Валентинъ. Можетъ-быть.

Туріо. Слѣдовательно, вы только прикидываетесь.

Валентинъ. Такъ же, какъ и вы.

Туріо. Чѣмъ, позвольте узнать?

Валентинъ. Умнымъ.

Туріо. Чѣмъ вы это докажете?

Валентинъ. Вашею глупостью.

Туріо. Въ чемъ же вы замѣтили мою глупость?

Валентинъ. Въ вашей курткѣ.

Туріо. Она на мнѣ двойная.

Валентинъ. Такъ и вы вдвойнѣ глупы.

Туріо. Что вы сказали?

Сильвія. Какъ—вы сердитесь, синьоръ Туріо? измѣняетесь въ лицѣ?

Валентинъ. Пусть его, синьора: онъ принадлежитъ къ породѣ хамелеоновъ.

Туріо. И притомъ такихъ, которымъ нужна ваша кровь, а не ваше общество.

Валентинъ. Вы сказали, синьоръ?

Туріо. Сказалъ синьоръ—и кончено!

Валентинъ. Знаю, знаю, синьоръ: вы всегда кончаете прежде, чѣмъ начнете.

Сильвія. Да это настоящая перестрѣлка словами, синьоры: просто—бѣглый огонь!

Валентинъ. Вы правы, синьора. Спасибо тому, кто намъ далъ его.

Сильвія. Кто же это?

Валентинъ. Вы сами, синьора. Синьоръ Туріо заимствуетъ свое остроуміе изъ вашихъ свѣтлыхъ взоровъ и потомъ любезно расточаетъ его въ вашемъ обществѣ.

Туріо. Если вы будете тягаться со мною слово за слово, я какъ-разъ заставлю обанкрутиться ваше остроуміе.

Валентинъ. Знаю, синьоръ, что вы богаты словами, и, вѣроятно, только ими платите своей прислугѣ, если судить по ея потертой ливреѣ.

Сильвія. Довольно, синьоры, довольно, сюда идетъ отецъ мой.

Входитъ герцогъ.

Герцогъ.

Э, Сильвія, ты въ правильной осадѣ!
(Къ Валентину).
Синьоръ, вашъ батюшка вполнѣ здоровъ.
Что скажете на письма отъ своихъ,
Когда я вамъ доставлю ихъ—на письма
Съ пріятными вѣстями?

Валентинъ.

Благодарность
Моя вамъ, герцогъ, за такую вѣсть.

Герцогъ.

Знакомъ вамъ донъ-Антоніо, землякъ вашъ?

Валентинъ.

Да, герцогъ, онъ знакомъ мнѣ коротко,
Какъ человѣкъ, достойный уваженья—
И свой почетъ вполнѣ онъ заслужилъ.

Герцогъ.

Онъ, кажется, синьоръ, имѣетъ сына?

Валентинъ.

И этотъ сынъ достойнѣйшій наслѣдникъ
Отцовскаго почета и значенья.

Герцогъ.

Такъ вы давно и близко съ нимъ знакомы?

Валентинъ.

Его я знаю такъ же, какъ себя;
Мы, какъ друзья, воспитывались вмѣстѣ.
Я былъ тогда порядочный повѣса,
И слишкомъ мало обращалъ вниманья
На усвоенье разныхъ совершенствъ;
Протей же—такъ зовутъ его—старался
Все дѣльное усвоить съ раннихъ лѣтъ.
Годами молодъ онъ, но старъ развитьемъ
И зрѣлостью обдуманныхъ сужденій;
Ну, словомъ—такъ какъ похвалы мои
Далеко ниже всѣхъ его достоинствъ—
Онъ образецъ наружностью, умомъ,
И всѣмъ богатъ, что краситъ дворянина.

Герцогъ.

Да, если онъ дѣйствительно таковъ—
Достоинъ онъ любви императрицы
И чести быть въ совѣтѣ государя.
Такъ видите-ль, онъ съ письмами ко мнѣ
Отъ лицъ весьма значительныхъ явился
И думаетъ здѣсь погостить недолго.
Надѣюсь, эта новость вамъ пріятна.

Валентинъ.

Мнѣ ничего желать не остается.

Герцогъ.

Примите же, какъ слѣдуетъ, его—
Ты, Сильвія, а также вы, синьоръ;

I. сцена 2.

II. сцена 3.

Васъ, Валентинъ, просить о томъ не нужно.
Я къ вамъ его немедленно пришлю.
(Уходитъ).

Валентинъ.

Я вамъ ужъ говорилъ о немъ, синьора.
Со мной бы онъ пріѣхалъ, но глазами
Прикованъ былъ къ возлюбленной своей.

Сильвія.

Но, кажется, теперь глаза свободны,
Иль, можетъ-быть, онъ далъ залогъ другой.

Валентинъ.

О, нѣтъ! они еще въ плѣну остались.

Сильвія.

Тогда слѣпымъ онъ былъ бы, а слѣпой
Не могъ бы къ вамъ, синьоръ, найти дорогу.

Валентинъ.

Любовь имѣетъ сорокъ глазъ, синьора.

Туріо.

Напротивъ, говорятъ, она безъ глазъ.

Валентинъ.

Да, для такихъ поклонниковъ, какъ вы;
Но ясно видитъ тѣхъ, кто ей пріятенъ.

Сильвія.

Довольно спорить! вотъ и нашъ пріѣзжій.

Входитъ Протей.

Валентинъ.

Ахъ, здравствуй, другъ Протей! Прошу, синьора,
Васъ подтвердитьпривѣтъмойсловомъласки.

Сильвія.

Онъ самъ увидитъ, что ему здѣсь рады,
Когда онъ тотъ, о комъ вы такъ скучали.

Валентинъ.

Да, это онъ, синьора! О позвольте
Ему служить вамъ наравнѣ со мной!

Сильвія.

Но я слуги такого недостойна.

Протей.

О, нѣтъ, синьора—недостоинъ онъ
Быть на глазахъ синьоры, столь достойной!

Валентинъ.

Пусть недостойность будетъ въ сторонѣ;
Ему позвольте вамъ служить, синьора.

Протей.

Гордиться буду преданностью вамъ.

Сильвія.

А преданность всегда награды стоитъ,
Служитель, вамъ привѣтъ отъ госпожи,
Васъ недостойной.

Протей.

О, я всякаго убилъ бы,
Кто мнѣ сказалъ бы это, кромѣ васъ!

Сильвія.

Что вамъ привѣтъ?

Протей.

Нѣтъ, что вы недостойны.

Входитъ слуга.

Слуга.

Синьора, герцогъ видѣть васъ желаетъ.

Сильвія.

Сейчасъ. *(Слуга уходитъ. Къ Туріо).*
Синьоръ, прошу васъ, проводите
Меня къ отцу. Вамъ, новый мой служитель,
Еще привѣтъ. Мы оставляемъ васъ
Поговорить о родинѣ о близкихъ;
Затѣмъ надѣюсь видѣть васъ опять.

Протей.

И онъ, и я готовы вамъ служить.
(Сильвія, Туріо и Спидъ уходятъ).

Валентинъ.

Ну, разскажи жъ какъ всѣ тамъ поживаютъ?

Протей.

Здоровы всѣ и шлютъ тебѣ поклоны.

Валентинъ.

Ну, а твои какъ?

Протей.

Были всѣ здоровы.

Валентинъ.

Что Юлія, и что твоя любовь?

Протей.

Всегда скучалъ ты отъ такихъ разсказовъ;
Я знаю, ты до нихъ, вѣдь, не охотникъ.

Валентинъ.

Да, *былъ*, Протей, но все перемѣнилось!
Наказанъ я, что презиралъ любовь;

Теперь она меня поработила
Душевной мукой, тягостнымъ постомъ,
Слезами ночью, вздохами весь день.
Да, за мое презрѣнье отомщая,
Она лишила сна мои глаза
И сдѣлала ихъ стражами тоски.
О, дорогой Протей! Амуръ всесиленъ;
Онъ подчинилъ меня—и сознаюсь,
Нѣтъ горя равнаго его оковамъ,
Нѣтъ счастья выше, чѣмъ ему служить.
Лишь о любви могу я говорить;
Одно ея названье замѣняетъ
Мнѣ завтракъ мой, обѣдъ и сонъ, и ужинъ.

ПРОТЕЙ.

Довольно; по глазамъ я вижу счастье,
Не эта ли—кумиръ твоей души?

ВАЛЕНТИНЪ.

Она, она! Не ангелъ ли небесный?

ПРОТЕЙ.

Нѣтъ, красота ея вполнѣ земная.

ВАЛЕНТИНЪ.

Небесная вполнѣ!

ПРОТЕЙ.

Зачѣмъ ей льстить?

ВАЛЕНТИНЪ.

Польсти хоть мнѣ; хвала—любви отрада.

ПРОТЕЙ.

Меня лѣчилъ ты горькою микстурой,
Теперь я тѣмъ же потчую тебя.

ВАЛЕНТИНЪ.

Такъ правду говори. Не божество,
Но первая она межъ женщинъ въ мірѣ,
И всѣхъ земныхъ созданій превосходитъ.

ПРОТЕЙ.

Всѣхъ, кромѣ Юліи.

ВАЛЕНТИНЪ.

Безъ исключеній!
Не то—мою любовь ты оскорбишь.

ПРОТЕЙ.

Но правъ и я, мою предпочитая.

ВАЛЕНТИНЪ.

Я помогу тебѣ ее возвысить:
Ее высокой чести удостоимъ
Мы—шлейфъ носить возлюбленной моей,
Чтобъ грубая земля не возгордилась,
Облобызавъ края ея одежды,
И, въ пищѣ отказавъ цвѣтамъ душистымъ,
Осталася подъ вѣчною зимой.

ПРОТЕЙ.

Мой другъ, къ чему напыщенность такая?

ВАЛЕНТИНЪ.

Прости, Протей; предъ нею все—ничто,
И рядомъ съ ней всѣ совершенства блекнутъ:
Она одна!

ПРОТЕЙ.

Такъ пусть одной и будетъ.

ВАЛЕНТИНЪ.

Нѣтъ, ни за цѣлый міръ! Она моя!
Я съ ней богаче двадцати морей,
Когда бъ пески ихъ въ жемчугъ превратились,
Утесы—въ золото, а воды—въ нектаръ.
Прости же мнѣ, что я тебя забылъ:
Ты видишь, я дышу одной любовью.
Соперникъ мой, глупецъ, очаровавшій
Ея отца обширностью владѣній,
Пошелъ отсюда съ нею; я за ними:
Любовь, ты знаешь, ревности полна.

ПРОТЕЙ.

Но ты любимъ?

ВАЛЕНТИНЪ.

Да, мы ужъ обручились,
Назначенъ даже самый день вѣнчанья;
Условились и въ средствахъ для побѣга:
Обдумали, какъ я взберусь въ окно
По лѣстницѣ веревочной; ну, словомъ,
Готово все для моего блаженства.
Пойдемъ со мною въ комнату мою:
Я знаю, ты поможешь мнѣ совѣтомъ.

ПРОТЕЙ.

Ступай впередъ—я отыщу тебя;
Теперь отправлюсь въ гавань, чтобы тамъ
Лишь о моихъ вещахъ распорядиться;
Потомъ приду немедленно къ тебѣ.

ВАЛЕНТИНЪ.

Такъ поспѣши же.

ПРОТЕЙ.

Да, тороплюсь.
(Валентинъ уходитъ).
Какъ пылъ одинъ другой уничтожаетъ,
Какъ выбиваютъ клиномъ клинъ другой—

СПИДЪ и ЛАУНСЪ.

Картина извѣстнаго современнаго англійскаго жанриста Чарльза Грина (Green); гравировалъ C. W. Sharpe. (Изъ роскошнаго изданія Cassel'я—«Royal-Shakespeare»).

Такъ память чувства прежняго во мнѣ
Померкла вдругъ предъ новымъ впечатлѣньемъ.
Мои ль глаза, хвалы ли Валентина,
Ея ли красота, моя ли лживость
Къ безумнымъ помысламъ меня влекутъ?
Она прекрасна; Юлія не хуже,
Но къ ней моя растаяла любовь,
Какъ предъ огнемъ статуя восковая
Теряетъ прежній образъ понемногу.
И вмѣстѣ охладѣлъ я къ Валентину.
Я больше не люблю его, какъ прежде;
Но, ахъ, зато люблю его невѣсту!
И это мнѣ любить его мѣшаетъ.
О, какъ ее любить я буду послѣ,
Когда теперь, безумный, такъ люблю!
Лишь внѣшнія ея черты я видѣлъ,
И ужъ онѣ мой разумъ помрачили;
Но если всѣ увижу совершенства,
Я сдѣлаюсь безумнымъ, иль ослѣпну.
Коль страсть мою я подавить смогу,
То подавлю; не то—на все пойду!
(Уходитъ).

СЦЕНА V.

Тамъ же. Улица.

Входятъ Спидъ и Лаунсъ.

Спидъ. Лаунсъ, клянусь моей честью, ты желанный гость въ Миланѣ!

Лаунсъ. Не клянись ложно: я вовсе не желанный гость. Я всегда говорю, что человѣкъ никогда не пропалъ, пока не повѣшенъ, и никогда не будетъ желаннымъ, пока не заплатитъ счета, и хозяйка не скажетъ ему: „милости просимъ".

Спидъ. Ахъ, ты дура-голова! пойдемъ-ка лучше въ кабакъ, тамъ за пять пенсовъ ты услышишь пять тысячъ „милости просимъ". Ну, какъ же разстался твой господинъ съ синьорой Юліей?

Лаунсъ. Сошлись-то серьезно, а разошлись шутя.

Спидъ. Но женится ли онъ на ней?

Лаунсъ. Нѣтъ.

Спидъ. Значитъ, она за него пойдетъ?

Лаунсъ. Опять-таки нѣтъ.

Спидъ. Стало-быть у нихъ разрывъ?

Лаунсъ. И этого нѣтъ; оба цѣлы, какъ рыбы.

Спидъ. Такъ въ чемъ же дѣло, наконецъ.

Лаунсъ. Да ни въ чемъ; если ей хотакъ и ему не хуже.

Спидъ. Вотъ оселъ! Я ничего не возьму въ толкъ.

Лаунсъ. Вотъ чурбанъ безтолковый! У меня и палка съ толкомъ.

Спидъ. Что ты тамъ мелешь?

Лаунсъ. Чего молоть-то? Вотъ упрусь въ тебя и толкну.

Спидъ. То толканье, дуралей, а не толкъ.

Лаунсъ. Толканье ли, толкъ ли—все едино. Не въ словѣ дѣло.

Спидъ. Да говори же, какъ слѣдуетъ—будетъ свадьба?

Лаунсъ. Спроси вотъ у моей собаки; скажетъ „да"—такъ будетъ; „нѣтъ"—такъ не будетъ; а не скажетъ ничего и хвостомъ завиляетъ—опять-таки будетъ.

Спидъ. Слѣдовательно—будетъ.

Лаунсъ. О такихъ тайнахъ я говорю только иносказательно.

Спидъ. Говори, какъ хочешь, только понятно. А что скажешь, Лаунсъ—вѣдь и мой господинъ отъ любви-то ошалѣлъ.

Лаунсъ. Я всегда зналъ его такимъ.

Спидъ. Какимъ?

Лаунсъ. Шальнымъ, какъ ты назвалъ его самъ.

Спидъ. Вотъ оселъ! Опять меня не понялъ.

Лаунсъ. Да я говорю не про тебя, а про твоего господина.

Спидъ. Я тебѣ говорю, что господинъ мой сгораетъ отъ любви.

Лаунсъ. А мнѣ что за дѣло? пусть его сгораетъ! Вотъ, если хочешь завернуть со мною въ кабакъ, такъ ладно, а нѣтъ, такъ будешь евреемъ, жидомъ, недостойнымъ названія христіанина.

Спидъ. А почему?

Лаунсъ. Да потому, что въ тебѣ и настолько нѣтъ любви къ ближнему, чтобъ зайти съ христіаниномъ въ кабакъ. Пойдешь, что-ли?

Спидъ. Идемъ, идемъ. *(Уходятъ).*

СЦЕНА VI.

Тамъ-же. Комната во дворцѣ.

Входитъ Протей.

Протей.

И Юлію оставить—вѣроломство,
И Сильвію любить мнѣ—вѣроломство,
Измѣна жъ другу—хуже вѣроломства.
И сила та, которою я клялся,
Влечетъ меня къ тройному вѣроломству:
И клятва, и измѣна—отъ любви.
О дивно-вдохновительная страсть!

Я согрѣшилъ, тобою соблазненный,
Такъ научи-же, чѣмъ мнѣ оправдаться!
Сначала я боготворилъ звѣзду,
Теперь молюсь блистательному солнцу.
Подумавъ, мы нарушить можемъ клятву
Безумную—и глупъ, кто не стремится
На лучшее дурное обмѣнять.
Стыдись, языкъ! Ее-ль назвать дурною,
Которой власть ты признавалъ такъ часто
И легіоны клятвъ ей расточалъ?
Я разлюбить не въ силахъ—и однако
Тамъ разлюбилъ я, гдѣ любить бы долженъ:
Отвергъ я Юлію и Валентина;
Ихъ сохранивъ, себя отвергну я,
А потерявъ ихъ, я найду взамѣнъ
Себя—за друга, Сильвію—за Юлью.
Я самъ себѣ дороже Валентина:
Любовь во всемъ всегда себялюбива.
Предъ Сильвіей—тому свидѣтель небо,
Создавшее ее—та негритянка.
Забуду я, что Юлія жива,
Но буду помнить, что угасло чувство.
Врага я буду видѣть въ Валентинѣ,
Надѣясь друга въ Сильвіи найти.
Теперь я не могу остаться вѣрнымъ
Себѣ, не измѣняя Валентину.
Онъ въ эту ночь въ окно ея забраться
По лѣстницѣ веревочной задумалъ—
И мнѣ, сопернику, онъ ввѣрилъ тайну.
Я тотчасъ разскажу ея отцу
О тайнѣ ихъ и о ночномъ побѣгѣ—
И въ гнѣвѣ онъ изгонитъ Валентина.
А безъ него я хитростью разстрою
Искусно планы Туріо глупца.
Дай крылья мнѣ осуществить мечты,
Любовь: вѣдь планъ мой мнѣ внушила ты.
(Уходитъ).

— —

СЦЕНА VII.

Верона. Комната въ домѣ Юліи.

Входятъ Юлія *и* Лючетта.

Юлія.

Ахъ, посовѣтуй, помоги, Лючетта!
Любовью заклинаю я тебя—
Ты тотъ листокъ, гдѣ всѣ мои желанья
Записаны и вырѣзаны ясно—
Наставь меня теперь, придумай средство,
Чтобъ я могла, не возбуждая толковъ,
Увидѣться съ Протеемъ дорогимъ.

Лючетта.

Но путь къ нему и длиненъ и тяжелъ.

Юлія.

Не устаетъ же въ рвеньи пилигримъ,
Пройдя полсвѣта слабыми ногами.
Не утомлюсь и я, летя на крыльяхъ
Любви къ тому, кого люблю такъ нѣжно,
Къ прекрасному, безцѣнному Протею.

Лючетта.

Дождитесь лучше, чтобъ онъ самъ вернулся.

Юлія.

Ты знаешь, взоръ его мнѣ пищей былъ.
Тебѣ не жаль, что я должна поститься,
Лишенная той пищи такъ давно.
О, если бъ знала ты всю силу страсти,
То лучше бъ снѣгомъ стала раздувать
Огонь, чѣмъ пылъ любви тушить словами.

Лючетта.

Я вовсе не хочу его тушить,
Но лишь умѣрить жаръ, чтобъ за предѣлъ
Благоразумія онъ вдругъ не вышелъ.

Юлія.

Чѣмъ больше гасишь, тѣмъ сильнѣй горитъ онъ!
И тихій ручеекъ, когда преграду
Себѣ найдетъ, неистово кипитъ;
А если нѣтъ преградъ его теченью,
Гармоніей звучитъ по гладкимъ камнямъ
И ласково лобзаетъ онъ осоку,
Которую встрѣчаетъ на пути.
Такъ мчится онъ, по нивамъ извиваясь
И весело играя, въ океанъ.
Оставь же и меня въ моемъ теченьи.
Я терпѣлива буду, какъ ручей;
И каждый трудный шагъ сочту отрадой,
Пока съ послѣднимъ къ милому приближусь;
Тамъ отдохну я послѣ треволненій,
Подобно праведной душѣ въ раю.

Лючетта.

Въ какомъ же платьѣ вы хотите ѣхать?

Юлія.

Не въ женскомъ только: этимъ я избавлюсь
Отъ приставаній всѣхъ гулякъ распутныхъ.
Достань мнѣ платье, милая Лючетта,
Въ какое одѣваются пажи.

Лючетта.

Такъ вы должны и волосы обрѣзать.

Юлія.

Нѣтъ, милая, я подвяжу ихъ снизу,
А сверху двадцать бантовъ приколю:
Такой уборъ не будетъ страненъ даже
На юношѣ и старѣе меня.

Лючетта.

Какой покрой для панталонъ, синьора?

Юлія.

Ахъ, какъ смѣшно! вотъ точно кто сказалъ бы:
„Какъ широко, синьоръ, пустить вамъ юбку?"
Мнѣ все равно—какой тебѣ по вкусу.

Лючетта.

Такъ спереди ужъ нуженъ бантъ, синьора.

Юлія.

Нѣтъ, нѣтъ, Лючетта—это будетъ гадко.

Лючетта.

Штаны безъ банта ничего не стоютъ;
Вамъ нуженъ бантъ, чтобъ въ немъ носить булавки.

Юлія.

Лючетта, если любишь, постарайся,
Чтобъ было все со вкусомъ и прилично
Но ты скажи—меня осудитъ свѣтъ
За то, что я въ такой пустилась путь?
Боюсь, чтобъ мнѣ позора не нажить.

Лючетта.

Боитесь вы, такъ оставайтесь дома.

Юлія.

Нѣтъ, не хочу остаться.

Лючетта.

Такъ идите
И бросьте мысль о всякихъ пересудахъ.
Лишь былъ бы радъ Протей, что вы пришли,
Пусть осуждаетъ свѣтъ, что вы ушли;
Но самъ Протей едва ли радъ вамъ будетъ.

Юлія.

Объ этомъ я нисколько не забочусь:
Потоки слезъ, безчисленныя клятвы
И увѣренья въ вѣрности любви
Ручаются, что мнѣ онъ будетъ радъ.

Лючетта.

Но тѣ же средства служатъ и къ обману.

Юлія.

Да, людямъ низкимъ и для цѣли низкой;
Но онъ родился подъ созвѣздьемъ правды,
Его слова – обѣтъ, оракулъ—клятва,
Любовь правдива, мысли безупречны,
А слезы—сердца вѣрнаго залогъ.
Онъ лжи далекъ, какъ небо отъ земли.

Лючетта.

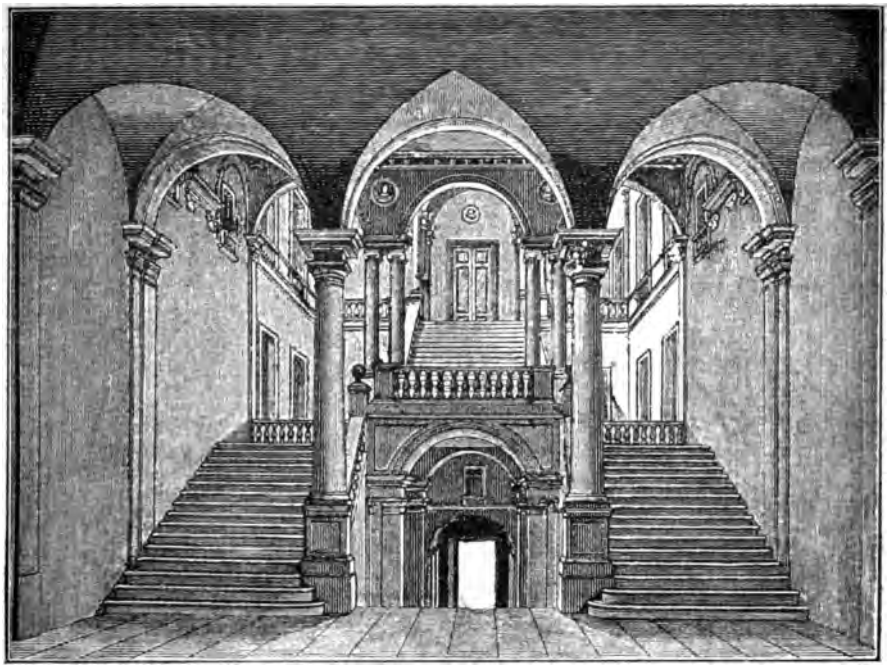
Дай Богъ, чтобъ вы такимъ его нашли.

Юлія.

О, изъ любви ко мнѣ не оскорбляй
Его сомнѣньемъ въ вѣрности, Лючетта!
Лишь тотъ мнѣ милъ, кто любитъ и его.
Пойдемъ со мною въ комнату мою
Обдумать все, что нужно для дороги.
Все, все мое тебѣ я поручаю—
Имущество, владѣнія и честь;
Взамѣнъ того меня лишь снаряди
Скорѣе въ путь. Пойдемъ, не возражай—
Я на себя за медленность сердита.

(Уходятъ).

Костюмъ знатнаго итальянца эпохи ранняго Ренесанса. (Изъ книги Cesare Vecellio «Habiti Artichi et Moderni», Венеція 1589). Рис. Табуринъ.



Сѣни герцогскаго дома эпохи Ренесанса (Дворецъ Бальби въ Генуѣ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Миланъ. Комната во дворцѣ герцога.

СЦЕНА I.

Входятъ Герцогъ, Турio *и* Протей.

Герцогъ *(Къ Турio).*

Синьоръ, прошу оставьте насъ вдвоемъ;
Поговорить намъ нужно съ глазу-на-глазъ.
(Турio уходитъ).
Такъ что же вы хотѣли мнѣ сказать?

Протей.

Свѣтлѣйшій герцогъ, я открыть вамъ долженъ
То, что велятъ скрывать законы дружбы;
Но ваша доброта и благосклонность
Ко мнѣ, хотя я ихъ и недостоинъ,
Мнѣ ставятъ долгомъ то вамъ сообщить,
Чего бъ не выдалъ ни за что на свѣтѣ.
Такъ знайте жъ, герцогъ: другъ мой Валентинъ
Задумалъ ночью вашу дочь похитить
И замыселъ мнѣ свой довѣрилъ самъ.
Я знаю, вы ее рѣшились выдать
За Турio, хоть онъ ей не по сердцу —
И это бѣгство было бы жестокимъ
Ударомъ вамъ на склонѣ вашихъ дней.
Поэтому мой долгъ велитъ скорѣе
Разстроить планы друга моего,
Чѣмъ, скрывши ихъ, на васъ обрушить горе,
Которое могло бы, наконецъ,
Свести васъ преждевременно въ могилу.

Герцогъ.

Протей, благодарю васъ за услугу,
Столь благородную. Пока я живъ,
Располагайте мной. Я самъ нерѣдко
Взаимную любовь ихъ подмѣчалъ,
Когда они меня считали спящимъ.
Я удалить рѣшился Валентина
Отъ моего двора и отъ нея.
Одна боязнь—увлечься подозрѣньемъ
И безъ вины обидѣть человѣка,
Чего всегда стараюсь избѣжать,
Меня остановила. Впрочемъ, я
Съ нимъ ласковъ былъ затѣмъ лишь, чтобъ узнать
О томъ, что вы теперь мнѣ сообщили.
Я знаю, какъ доступны увлеченьямъ

Такіе годы—потому отвелъ
Ей спальню въ недоступной башнѣ,
Которой ключъ держу я при себѣ.
Увесть ее оттуда невозможно.

ПРОТЕЙ.

Но знайте, герцогъ: ими рѣшено,
Что къ ней въ окно онъ влѣзетъ и оттуда
Ее сведетъ по лѣстницѣ висячей.
Теперь за ней пошелъ любовникъ юный,
И съ нею онъ сейчасъ сюда придетъ.
Вы можете его перехватить,
Но, ради Бога, герцогъ, похитрѣе,
Чтобъ не узналъ онъ о моей измѣнѣ:
Не къ другу ненависть—почтенье къ вамъ
Меня вамъ тайну выдать побудило.

ГЕРЦОГЪ.

Я честью вамъ клянусь—онъ не узнаетъ,
Что хоть намекъ отъ васъ я получилъ.

ПРОТЕЙ.

Прощайте, герцогъ—Валентинъ идетъ.

(Уходитъ).

Входитъ ВАЛЕНТИНЪ.

ГЕРЦОГЪ.

Куда вы такъ спѣшите, Валентинъ?

ВАЛЕНТИНЪ.

Свѣтлѣйшій герцогъ, ждетъ меня гонецъ:
Моимъ роднымъ онъ письма доставляетъ,
И ихъ-то я спѣшу ему вручить.

ГЕРЦОГЪ.

И письма важныя?

ВАЛЕНТИНЪ.

Свѣтлѣйшій герцогъ,
Я извѣщаю только, что здоровъ
И жизнью при дворѣ у васъ доволенъ.

ГЕРЦОГЪ.

И только-то? Такъ я васъ на минуту
Здѣсь задержу: мнѣ нужно вамъ сказать
Кой-что о дѣлѣ, очень близкомъ мнѣ.
Вы знаете, что дочь мою я выдать
За Туріо желаю непремѣнно?

ВАЛЕНТИНЪ.

Я знаю это, герцогъ. Что жъ, союзъ
Богатый и почетный: онъ женихъ
Отличный, добрый и вполнѣ достойный
Быть мужемъ вашей дочери прелестной.
Но, кажется, синьора не согласна?

ГЕРЦОГЪ.

Въ томъ вся бѣда! Она горда, упряма,
Капризна, своевольна, непослушна,
Забыла, что она мое дитя,
И что надъ ней я власть отца имѣю.
И я готовъ сознаться—эта гордость
Къ ней всякую любовь во мнѣ убила.
Надѣялся я прежде, что подъ старость
Мнѣ будетъ утѣшеніемъ она;
Теперь же я рѣшился самъ жениться,
Ее же замужъ выдать поскорѣй.
Пусть красота ея приданымъ будетъ—
Вѣдь ей мои богатства нипочемъ.

ВАЛЕНТИНЪ.

Но въ чемъ же я могу помочь вамъ, герцогъ?

ГЕРЦОГЪ.

Въ Миланѣ есть, синьоръ, одна особа,
Въ которую влюбленъ я; но она
Горда и недоступна краснорѣчью
Сѣдого старика. Все дѣло въ томъ,
Что я давно отвыкъ отъ волокитства,
Притомъ и нравы ужъ не тѣ, что прежде;
Такъ за совѣтомъ обращаюсь къ вамъ:
Какъ поступать мнѣ, какъ себя вести,
Чтобы привлечь къ себѣ прелестной взоры?

ВАЛЕНТИНЪ.

Пустите въ ходъ подарки, коль слова
Не дѣйствуютъ: нѣмая драгоцѣнность
На женскій умъ вліяетъ иногда
Сильнѣе краснорѣчья.

ГЕРЦОГЪ.

Но она
Подарокъ мой съ презрѣньемъ отослала.

ВАЛЕНТИНЪ.

Повѣрьте мнѣ, она его желала:
Отказъ ихъ часто равенъ поощренью.
Коль любите, не знайте утомленья—
Повергните другой къ ея стопамъ:
Разсердится—не изъ презрѣнья къ вамъ,
Но чтобъ сильнѣй вы ею дорожили;
Бранитъ—но не затѣмъ, чтобъ уходили
Вы отъ нея; уйдете—и тотчасъ
Сильнѣе будетъ гнѣвъ ея на васъ.
Ея рѣчей понять старайтесь тонъ:
„Ступайте прочь“—еще не значитъ „вонъ!“
Хвала и лесть, восторги красотою
Всегда сильны надъ женскою душою,
И кто прельстить словами ихъ не могъ,
Тому языкъ во рту не въ прокъ.

Герцогъ.

Но дѣло въ томъ—ее родные прочатъ
За молодого знатнаго синьора;
Ее содержатъ въ строгомъ заключеньѣ
И нѣтъ мужчинѣ доступа къ ней днемъ.

Валентинъ.

Такъ доступъ къ ней я ночью бы нашелъ.

Герцогъ.

Но если дверь къ ней заперта, а ключъ
Припрятанъ, и войти къ ней невозможно?

Валентинъ.

Такъ что же? можно и въ окно взобраться.

Герцогъ.

Но слишкомъ отъ земли оно высоко,
А стѣны гладки такъ, что невозможно
Окна достигнуть, не рискуя жизнью.

Валентинъ.

Такъ изъ веревокъ лѣстница, съ двумя
Здоровыми крюками, взлѣзть поможетъ
На башню къ новой Геро, лишь бы смѣлый
Леандръ сумѣлъ воспользоваться ею.

Герцогъ.

Какъ? неужель? скажите жъ, другъ любезный,
Гдѣ лѣстницу такую мнѣ достать?

Валентинъ.

Когда она нужна вамъ будетъ, герцогъ?

Герцогъ.

О, въ эту жъ ночь; любовь, вѣдь, какъ дитя,
Хватается за все, что подъ рукою.

Валентинъ.

Къ семи часамъ я вамъ ее доставлю.

Герцогъ.

Все такъ, синьоръ; но я пойду одинъ.
Смогу ли я снести ее туда?

Валентинъ.

Она легка и даже подъ плащомъ
Ее удобно спрятать можно, герцогъ.

Герцогъ.

Скажите, плащъ такой, какъ вашъ, годится?

Валентинъ.

Да, герцогъ.

Герцогъ.

Такъ позвольте мнѣ взглянуть:
Хочу достать себѣ такой же плащъ.

Валентинъ.

На это, герцогъ, всякій плащъ годится.

Герцогъ.

Мнѣ хочется взглянуть, какъ онъ сидитъ.
Прошу васъ, дайте мнѣ его накинуть.

(Распахиваетъ на Валентинѣ плащъ, изъ котораго выпадаетъ письмо).

Письмо? „Къ синьорѣ Сильвіи". Вотъ какъ!
А, кстати, вотъ и лѣстница такая,
Какъ мнѣ нужна. Ну, что жъ, на этотъ разъ
Прочесть письмо синьоръ, беру я смѣлость.

(Читаетъ).

„Летите къ ней, мечты мои ночныя!
Васъ, какъ рабовъ, я посылаю къ ней.
О, если бъ я, какъ духи неземные,
Могъ самъ нестися къ Сильвіи моей!
Я ихъ къ тебѣ съ любовью посылаю,
Пускай онѣ на грудь падутъ тебѣ;
Но я рабынь завидую судьбѣ
И свой удѣлъ жестокій проклинаю
За то, что тамъ пріютъ найдутъ онѣ,
Куда проникнуть невозможно мнѣ".
А здѣсь что?
„Я въ эту ночь тебя освобожу!"
Такъ вотъ зачѣмъ ты лѣстницу досталъ!
А, Фаэтонъ, ничтожный сынъ Меропса!
Ты вздумалъ править колесницей Феба
И дерзостью безумной землю сжечь?
Достигнуть звѣздъ хотѣлъ лишь потому,
Что также и тебѣ онѣ сіяютъ?
Прочь, рабъ безумный, дерзкій проходимецъ!
Лишь равныхъ обольщай улыбкой льстивой
И помни—снисхожденью моему
Обязанъ ты, что дворъ мой оставляешь
Безъ наказанья. Будь мнѣ благодаренъ
За это больше, чѣмъ за тѣ щедроты,
Которыми тебя я осыпалъ
Не по достоинству; но если дольше
Того промедлишь ты въ моихъ владѣньяхъ,
Чѣмъ нужно, чтобы дворъ оставить мой—
Клянусь тебѣ, что гнѣвъ мой превзойдетъ
Во мнѣ любовь, которую питалъ я
И къ дочери, и къ самому тебѣ.
Ступай! твои излишни оправданья;
Но если жизнью дорожишь—спѣши!

(Уходитъ).

Валентинъ.

О, лучше смерть, чѣмъ эта жизнь подъ пыткой!
Кто умеръ—разлученъ съ самимъ собой;

Но Сильвія—я самъ; разстаться съ нею
Не то ли, что съ самимъ собой разстаться?
Мертвящее изгнанье! Что мнѣ въ свѣтѣ,
Когда при немъ я Сильвіи не вижу?
Какая радость радостью мнѣ будетъ
Безъ Сильвіи? я не могу жъ представить,
Что здѣсь она, со мной—и этой грезой
Обманывать тоскующее сердце.
Когда я ночью не былъ у нея,
Нѣтъ музыки мнѣ въ пѣньи соловья,
А если днемъ я Сильвію не вижу,
То для меня дневного свѣта нѣтъ.
Она мнѣ жизнь давала; я угасну,
Когда ея вліянье перестанетъ
Меня питать, живить и согрѣвать.
И, избѣжавши злого приговора,
Я не избѣгну смерти роковой:
Оставшись здѣсь—я смерти ожидаю,
Уйдя отсюда—жизнь я покидаю.

Входятъ Протей *и* Лаунсъ.

Протей. Бѣги, бѣги, Лаунсъ, отыщи его!

Лаунсъ. Эй, эй! сюда!

Протей. Кого ты видишь?

Лаунсъ. Да того, кого ищемъ: на головѣ его нѣтъ волоса, который не былъ бы Валентиномъ.

Протей. Это ты, Валентинъ?

Валентинъ. Нѣтъ.

Протей. Такъ кто же ты, наконецъ?

Валентинъ. Ничто.

Лаунсъ. Да развѣ ничто можетъ говорить? Синьоръ, не хватить ли его?

Протей. Кого хватить?

Лаунсъ. Да ничто.

Протей. Стой, болванъ.

Лаунсъ. Да кто же, синьоръ—я вѣдь хочу хватить ничто.

Протей. Прочь, говорятъ! Послушай, другъ Валентинъ!

Валентинъ.

Я сталъ глухимъ ко всякой доброй вѣсти,
Затѣмъ что много выслушалъ дурныхъ.

Протей.

Такъ и свои я погребу въ молчаньи—
Онѣ суровы, гадки, мучатъ слухъ.

Валентинъ.

Не умерла ли Сильвія?

Протей.

Нѣтъ, мой другъ!

Валентинъ.

Да, *нѣтъ* меня для Сильвіи прелестной!
Не измѣнила ль мнѣ?

Протей.

Нѣтъ, Валентинъ.

Валентинъ.

Да, *нѣтъ* меня, коль Сильвія забыла.
Какую жъ вѣсть мнѣ хочешь сообщить?

Лаунсъ.

Объявлено, синьоръ, что васъ изгнали.

Протей.

Что ты отсюда изгнанъ, Валентинъ,
Отъ Сильвіи и друга твоего.

Валентинъ.

О, я насытился ужъ этимъ горемъ!
Довольно—я умру отъ пресыщенья.
А Сильвіи извѣстно, что я изгнанъ?

Протей.

Да, этотъ приговоръ неотразимый
Былъ встрѣченъ ею моремъ жемчуговъ,
Которые слезами называютъ.
Ихъ пролила она къ ногамъ отца
Суроваго упавши на колѣна
И, блѣдная, предъ нимъ ломая руки,
Причемъ онѣ бѣлѣй отъ горя стали.
Ни поднятыя руки, ни рыданья,
Ни вздохи тяжкіе, ни стонъ печальный,
Ни серебромъ струившіяся слезы
Не тронули жестокаго отца.
„Нѣтъ, онъ умретъ, когда его поймаютъ!"
И—къ довершенью бѣдъ—ея мольбы
Помиловать тебя такъ раздражили
Его, что дочь онъ держитъ взаперти,
Грозя навѣкъ оставить въ заточеньи.

Валентинъ.

Ни слова больше, если то, что скажешь,
Не умертвитъ меня; но если такъ,
То говори, чтобъ это было пѣснью
Конечною моей безмѣрной скорби.

Протей.

О, не скорби о томъ, чему помочь
Ужъ невозможно; лучше постарайся
Помочь тому, о чемъ ты такъ скорбишь.
Кормилица и мать всѣхъ благъ есть время.
Оставшись здѣсь, ты не увидишь милой,
А только жизнь опасности подвергнешь.
Ступай съ надеждой, посохомъ любви:

Герцогскій костюмъ эпохи Ренесанса. По изданію Найта, рис. В. Табуринъ.

Онъ отъ тебя отчаянье отклонитъ.
Хоть будешь далеко—все-жъ присылай
Твои мнѣ письма: къ бѣлоснѣжной груди
Твоей любезной перейдутъ они.
Теперь не время предаваться скорби:
Пойдемъ—я провожу тебя къ воротамъ,
И до прощанья мы поговоримъ
Подробно о твоихъ дѣлахъ любовныхъ.
Не для себя—для Сильвіи бѣги
Опасности. Уйдемъ скорѣй отсюда.

Валентинъ.

Коль встрѣтишь, Лаунсъ, моего слугу,
Скажи, чтобъ шелъ онъ къ сѣвернымъ воротамъ.

Протей.

Ступай сыщи его. Пойдемъ, мой другъ.

Валентинъ.

О, Сильвія! о, бѣдный Валентинъ!
(*Протей и Валентинъ уходятъ*).

Лаунсъ. Я хоть и глупъ, а все-таки смекнулъ, что господинъ мой нѣчто вродѣ негодяя; а это все равно, что записной негодяй. А такой еще не родился, кто догадался бы, что и я влюбленъ. Да, я влюбленъ, но только не вытянутъ этого изъ меня цѣлымъ цугомъ лошадей. Не узнаютъ и того, кто предметъ моей страсти. Положимъ, она женщина, а кто эта женщина, этого я и себѣ не скажу, потому-что она дѣвушка. Однако жъ она и не дѣвушка, потому-что ходили о ней разныя сплетни; нѣтъ опять-таки дѣвушка, потому-что служитъ въ дѣвушкахъ и получаетъ жалованье. Въ ней больше качествъ, чѣмъ въ любой охотничьей собакѣ, а это ужъ много для простой христіанки. (*Вынимаетъ бумагу.*) Вотъ роспись ея способностей! Imprimis—она можетъ приносить и носить. Что же? и лошадь не сдѣлаетъ больше этого. Нѣтъ, впрочемъ, лошадь можетъ только возить, а ужъ никакъ не приносить. Значитъ, она лучше какой-нибудь клячи. Item—она можетъ доить: рѣдкая добродѣтель въ дѣвушкѣ съ чистыми руками.

Входитъ Спидъ.

Спидъ. Здравствуй, Лаунсъ. Гдѣ мой господинъ?

Лаунсъ. Онъ—на землѣ, а земля—подъ нимъ.

Спидъ. Ты вѣчно остришь. Такъ нѣтъ ли чего новаго въ этой бумагѣ?

Лаунсъ. Какъ не быть! самая черная новость!

Спидъ. Какъ это—черная?

Лаунсъ. Да такъ, какъ чернила.

Спидъ. Дай-ка прочесть.

Лаунсъ. Гдѣ тебѣ дураку прочесть!—ты не грамотный.

Спидъ. Врешь, грамотный.

Лаунсъ. А вотъ мы сейчасъ узнаемъ. Скажи-ка, кто произвелъ тебя на свѣтъ?

Спидъ. Разумѣется, сынъ моего дѣда.

Лаунсъ. О безграмотный шалопай! Тебя произвела на свѣтъ дочь твоей бабушки. Вотъ и видно, что ты читать не умѣешь.

Спидъ. Полно, дуракъ. Дай я прочту бумагу.

Лаунсъ. На—и да поможетъ тебѣ святой Николай.

Спидъ. Imprimis—она умѣетъ доить.

Лаунсъ. Да, да, умѣетъ.

Спидъ. Item—она варитъ хорошо пиво.

Лаунсъ. Отсюда и пословица: „того Богъ благословитъ, кто хорошій эль варитъ".

Спидъ. Item—она можетъ шить.

Лаунсъ. Только не все: на иной ротъ пуговицы не нашьетъ.

Спидъ. Item—она умѣетъ вязать

Лаунсъ. Такъ и мужа умѣетъ къ дому привязать.

Спидъ. Item—она умѣетъ мыть и катать

Лаунсъ. Тѣмъ лучше — не мытьемъ, такъ катаньемъ.

Спидъ. Item—она умѣетъ прясть.

Лаунсъ. И это хорошо: спрядетъ паутину, и будетъ питаться мухами.

Спидъ. Item—она имѣетъ много безъимянныхъ добродѣтелей.

Лаунсъ. То-есть —незаконнорожденныхъ, не вѣдающихъ отцовъ, а потому и безъ именъ.

Спидъ. Затѣмъ слѣдуютъ пороки.

Лаунсъ. Прямо по стопамъ добродѣтели.

Спидъ. Item—ее нельзя цѣловать натощакъ, по причинѣ запаха изо рта.

Лаунсъ. Ну, это пока ничего—можно послѣ завтрака. Дальше.

Спидъ. Item—она сластена.

Лаунсъ. Это возмѣщаетъ за горечь запаха изо рта.

Спидъ. Item—она говоритъ во снѣ.

Лаунсъ. Это лучше, чѣмъ спать во время разговора.

Спидъ. Item—она неразговорчива.

Лаунсъ. Какъ, дуракъ, ты это ставишь въ число пороковъ? Неразговорчивость единственная добродѣтель въ женщинѣ. Вычеркни это отсюда и поставь въ число добродѣтелей.

Спидъ. Item—она тщеславна.

Лаунсъ. Похерь и это: тщеславіе завѣщано женщинѣ ея прародительницей Евой и не можетъ быть отнято у ней.

Спидъ. Item—у ней нѣтъ зубовъ.

Лаунсъ. Тѣмъ лучше: я самъ люблю корки.

Спидъ. Item—она сварлива.

Лаунсъ. И это ничего: безъ зубовъ не укуситъ.

Спидъ. Item—она частенько похваливаетъ винцо.

Лаунсъ. Если оно хорошо—пусть похваливаетъ, а если не захочетъ—я и самъ сумѣю: хорошее надо хвалить.

Спидъ. Item—она слишкомъ податлива.

Лаунсъ. На слова—не можетъ, потому-что выше сказано, что она неразговорчива; на карманъ—не будетъ, потому-что кошелекъ припрячу я къ себѣ; ну, а на что другое—пожалуй: тутъ ужъ я ничего не могу сдѣлать. Ладно—дальше.

Спидъ. Item—у ней больше волосъ, чѣмъ ума, больше пороковъ, чѣмъ волосъ, и больше денегъ, чѣмъ пороковъ.

Лаунсъ. Постой, постой! Мнѣ хочется жениться, а по этой статьѣ вотъ уже два или три раза я и рѣшался, и раздумывалъ. Повтори-ка ее.

Спидъ. Item—у ней больше волосъ, чѣмъ ума.

Лаунсъ. Больше волосъ, чѣмъ ума. Что жъ? это возможно, и я сейчасъ докажу это: крышка солонки покрываетъ соль и потому больше, чѣмъ соль; волосы покрываютъ мозгъ и потому больше мозга—вѣдь, большее всегда покрываетъ меньшее. Что затѣмъ?

Спидъ. Больше пороковъ, чѣмъ волосъ.

Лаунсъ. О, это ужасно. О, еслибъ этого не было!

Спидъ. И больше денегъ, чѣмъ пороковъ.

Лаунсъ. Ну это скрашиваетъ ея пороки. Рѣшено, я беру ее за себя—и такъ-какъ нѣтъ ничего невозможнаго...

Спидъ. То?

Лаунсъ. То и скажу тебѣ, что господинъ твой ждетъ тебя у сѣверныхъ воротъ.

Спидъ. Какъ? ждетъ меня?

Лаунсъ. Ну, да, тебя. Что же тутъ удивительнаго? Онъ ждалъ еще почище людей, чѣмъ ты.

Спидъ. Такъ онъ приказалъ мнѣ идти туда?

Лаунсъ. Какое идти! Бѣги, что есть мочи: ты такъ долго промѣшкалъ, что и бѣгомъ не догонишь.

Спидъ. Зачѣмъ же ты мнѣ раньше не сказалъ? Чортъ возьми твои любовныя письма!

(Уходитъ).

Лаунсъ. Достанется же ему за то, что читалъ мое письмо! Болванъ безсовѣстный, впередъ не будешь совать носъ въ чужія тайны. Побѣгу—посмотрю, какъ ему достанется. *(Уходитъ).*

СЦЕНА II.

Тамъ же. Комната во дворцѣ герцога.

Входятъ герцогъ *и* Туріо; *потомъ* Протей.

Герцогъ.

Не бойтесь Туріо—теперь она
Полюбитъ васъ: нѣтъ больше Валентина.

Туріо.

Съ-тѣхъ поръ какъ нѣтъ его, ея презрѣнье
Удвоилось ко мнѣ: моей бесѣды
Гнушается она—и я ужъ не надѣюсь
Когда-нибудь назвать ее своею.

Герцогъ.

Такой ничтожный отпечатокъ чувства
Чертамъ на льду подобенъ: часъ тепла—
И, тая, ужъ онѣ теряютъ форму.
Такъ время ледъ души ея растаитъ
И будетъ ею Валентинъ забытъ.

(Входитъ Протей).

Синьоръ Протей, уѣхалъ ли вашъ другъ,
Согласно съ нашимъ повелѣньемъ?

Протей.

Да,
Свѣтлѣйшій герцогъ, онъ уже уѣхалъ.

Герцогъ.

Тоскуетъ сильно дочь моя по немъ.

Протей.

Но время скоро грусть ея разсѣетъ.

Герцогъ.

Я думаю; но Туріо не вѣритъ;
Мое къ вамъ уваженіе, Протей,—
Его вы самымъ дѣломъ оправдали—
Къ довѣрію меня располагаетъ.

Протей.

Пусть лучше я для милостей умру,
Чѣмъ покажу себя ихъ недостойнымъ.

Герцогъ.

Вы знаете одно мое желанье—
Бракъ дочери и Туріо устроить.

Протей.

Да, знаю, герцогъ.

Герцогъ.

Полагаю, также
Извѣстно, что противится она.

Протей.

Противилась, пока былъ Валентинъ.

Герцогъ.

Но и теперь противится она.
Такъ что жъ намъ дѣлать, какъ бы такъ устроить,
Чтобы она забыла Валентина
И полюбила Туріо?

Протей.

Намъ надо
Въ ея глазахъ унизить Валентина,
Сказавъ, что онъ не вѣренъ и трусливъ,
И низокъ родомъ; эти недостатки
Для женщины противнѣе всего.

Герцогъ.

Она враждѣ моей припишетъ это.

Протей.

Да, если это скажетъ врагъ; но нужно,
Чтобъ это говорилъ ей тотъ, кого
Она считаетъ другомъ Валентина.

Герцогъ.

Такъ это вамъ всего-бы лучше было.

Протей.

Такое дѣло мнѣ противно, герцогъ:
Достойно-ль дворянина клеветать
И сверхъ того, на истиннаго друга?

Герцогъ.

Ему нѣтъ пользы въ вашихъ похвалахъ,
Такъ нѣтъ вреда и въ вашихъ клеветахъ;

Унизить васъ никакъ онѣ не могутъ:
Вѣдь другъ же васъ объ этой жертвѣ проситъ.

ПРОТЕЙ.

Вы побѣдили, герцогъ. Если я
Подѣйствую моею клеветою,
То къ Валентину страсть ея пройдетъ.
Но можно ль думать, что, забывъ его,
Она синьора Туріо полюбитъ?

ТУРІО.

Но, сматывая нить ея любви
Съ него, синьоръ, никакъ вы не давайте
Ей спутаться и сдѣлаться негодной,
А на меня наматывать спѣшите.
Поэтому настолько жъ восхваляйте
Меня, насколько вы его черните.

ГЕРЦОГЪ.

И въ этомъ мы вполнѣ вамъ довѣряемъ.
Мы знаемъ изъ разсказа Валентина,
Что вы любить на-вѣки поклялись
И измѣнить той клятвѣ не рѣшитесь.
Увѣренные въ томъ, мы разрѣшаемъ
Вамъ доступъ къ Сильвіи и съ ней бесѣду.
Она грустна, задумчива, мрачна,
И будетъ рада другу Валентина;
А вы ее настройте убѣжденьемъ
Такъ, чтобъ она отвергла Валентина
И къ Туріо душою обратилась.

ПРОТЕЙ.

Все сдѣлаю, что въ силахъ буду сдѣлать;
Но, Туріо, вы сами не плошайте:
Ея мечты старайтесь уловить
Въ сонетахъ жалобныхъ, которыхъ риѳмы
Твердили бы о преданной любви.

ГЕРЦОГЪ.

Поэзія, дитя небесъ, всесильна!

ПРОТЕЙ.

Вы пойте ей, что слезы, вздохи, сердце
Ей въ жертву принесли; пишите ей,
Пока у васъ не высохнутъ чернила;
Тогда вы разведите ихъ слезами
И превратите въ полный чувства стихъ.
Поэтовъ струны слышалися въ лютнѣ
Орфеевой; отъ звуковъ золотыхъ
Ея смягчались камни и желѣзо,
Тигръ дѣлался ручнымъ, левіаѳанъ
Всплывалъ изъ бездны на берегъ для пляски.
А послѣ этихъ жалобныхъ элегій
Ступайте ночью подъ ея окно
Съ пріятной музыкой, и въ эти звуки
Вдохните пѣснь тоскующей души.
И сладкозвучной жалобѣ вполнѣ
Содѣйствуетъ безмолвіе ночное,
Лишь такъ и можно тронуть вамъ ее.

ГЕРЦОГЪ.

Да, видно, что и вы любви служили.

ТУРІО.

Я въ эту ночь провѣрю вашъ совѣтъ.
Теперь пойдемте, дорогой наставникъ,
Со мною въ городъ—тамъ отыщемъ мы
Какихъ-нибудь искусныхъ музыкантовъ.
Есть у меня сонетъ, вполнѣ пригодный
Для первой пробы вашихъ наставленій.

ГЕРЦОГЪ.

Такъ поскорѣй за дѣло, господа.

ПРОТЕЙ.

До ужина мы будемъ вамъ служить,
Потомъ немедля къ дѣлу мы приступимъ.

ГЕРЦОГЪ.

Нѣтъ, я теперь же отпускаю васъ.
(Уходятъ).

Герцогъ эпохи Ренесанса и его свита. По изданію Найта рис. В. Табуринъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лѣсъ близъ Мантуи.

СЦЕНА I.

Входятъ РАЗБОЙНИКИ.

1-й РАЗБОЙНИКЪ.
Ребята, стой: вонъ тамъ идетъ прохожій.

2-й РАЗБОЙНИКЪ.
Будь и десятокъ ихъ—всѣхъ перебьемъ.

Входятъ ВАЛЕНТИНЪ *и* СПИДЪ.

3-й РАЗБОЙНИКЪ.
Синьоръ, давайте все, что есть при васъ,
Не то мы сами васъ кругомъ обшаримъ.

СПИДЪ.
Пропали мы, синьоръ: вѣдь это тѣ
Разбойники, которыхъ такъ боятся
Здѣсь путники.

ВАЛЕНТИНЪ.
Послушайте, друзья!

1-й РАЗБОЙНИКЪ.
Ну, не совсѣмъ, синьоръ: скорѣй враги.

2-й РАЗБОЙНИКЪ.
Молчи—послушаемъ, что намъ онъ скажетъ.

3-й РАЗБОЙНИКЪ.
Послушаемъ; клянуся бородою,
Онъ, кажется, хорошій человѣкъ.

ВАЛЕНТИНЪ.
Такъ знайте же, мнѣ нечего терять;
Я человѣкъ, гонимый злой судьбою;
Мое богатство—это одѣянье,
И если вы отнимете его—
Вы все отнимете, что я имѣю.

2-й РАЗБОЙНИКЪ. Куда идете вы?

ВАЛЕНТИНЪ. Въ Верону.

1-й РАЗБОЙНИКЪ. Откуда?

ВАЛЕНТИНЪ. Изъ Милана.

3-й РАЗБОЙНИКЪ. А долго-литамъ жили?

ВАЛЕНТИНЪ.

Шестнадцать мѣсяцевъ; но я остался бъ
И долѣ тамъ, когда бы не судьба.

1-й РАЗБОЙНИКЪ.

Вы изгнаны оттуда?

ВАЛЕНТИНЪ.

Да, я изгнанъ.

2-й РАЗБОЙНИКЪ.

За преступленье?

ВАЛЕНТИНЪ.

Да, за то, о чемъ
Мнѣ тяжело и вспомнить: я убилъ
Тамъ человѣка; этимъ я терзаюсь,
Хотя убилъ его въ честномъ бою,
Безъ хитрости и безъ измѣны низкой.

1-й РАЗБОЙНИКЪ.

Къ чему жъ раскаянье, коль это такъ?
И васъ всего за это лишь изгнали?

ВАЛЕНТИНЪ.

Я радъ тому, что смерти избѣжалъ.

1-й РАЗБОЙНИКЪ.

А языки вы знаете?

ВАЛЕНТИНЪ.

Да, знаю:
Я изучалъ ихъ, странствуя по свѣту;
Безъ нихъ подчасъ мнѣ было-бъ тяжело.

3-й РАЗБОЙНИКЪ.

Монаха Тука лысиной клянусь,
Вотъ былъ бы намъ хорошій атаманъ!

1-й РАЗБОЙНИКЪ.

Возьмемъ его къ себѣ.

(*Переговариваются между собою*).

СПИДЪ.

Подите къ нимъ—
Пречестные грабители они.

ВАЛЕНТИНЪ.

Молчи, болванъ!

2-й РАЗБОЙНИКЪ.

Скажите, есть ли что у васъ въ виду?

ВАЛЕНТИНЪ.

Нѣтъ, ничего.

3-й РАЗБОЙНИКЪ.

Такъ знайте, что изъ насъ
Здѣсь многіе—дворяне; насъ отторгли
Отъ общества порядочныхъ людей
Проступки, страсти юношескихъ лѣтъ.
Я изгнанъ изъ Вероны за попытку
Похитить дочь изъ знатнаго семейства
И родственницу герцога Вероны.

2-й РАЗБОЙНИКЪ.

А я изъ Мантуи за то, что тамъ,
Разгорячившись, закололъ синьора.

1-й РАЗБОЙНИКЪ.

И я былъ изгнанъ за такой же вздоръ;
Но къ дѣлу—мы открылись вамъ затѣмъ,
Чтобъ извинить свой промыселъ предъ вами.
Вы человѣкъ красивый и съ хорошимъ
Образованьемъ; вамъ къ тому жъ извѣстны
И языки: такого человѣка
И нужно намъ для нашего занятья.

2-й РАЗБОЙНИКЪ.

Вы изгнаны—и потому рѣшились
Мы сообща вамъ сдѣлать предложенье:
Согласны ль вы быть нашимъ атаманомъ?
Хотите ли нуждѣ вы покориться,
И съ нами здѣсь въ лѣсахъ дремучихъ жить?

3-й РАЗБОЙНИКЪ.

Что скажете? хотите-ль къ намъ примкнуть?
Скажите *да*—и вы нашъ атаманъ,
И мы во всемъ вамъ будемъ подчиняться
И васъ любить, какъ старшаго надъ нами.

1-й РАЗБОЙНИКЪ.

А за отказъ тебя постигнетъ смерть.

2-й РАЗБОЙНИКЪ.

Чтобъ не хвалился нашимъ предложеньемъ.

ВАЛЕНТИНЪ.

Его я принимаю только съ тѣмъ
Условіемъ, чтобъ вы не нападали
На бѣдныхъ путниковъ и слабыхъ женщинъ.

3-й РАЗБОЙНИКЪ.

Подобныхъ дѣлъ гнушаемся мы сами.
Теперь—къ пещерѣ; тамъ тебѣ покажемъ
Сокровища, которыя скопили:
Они, какъ мы, въ твоемъ распоряженьи.

(*Уходятъ*).

Рисунки извѣстнаго англійскаго иллюстратора,—прерафаэлита Вальтера Крэна (Walter Crane, p. 1845) къ „Двумъ Веронцамъ“.

II.

Дѣйствіе II, сцена 4.

Дѣйствіе IV, сцена 4.

Дѣйствіе III, сцена 1.

Дѣйствіе V, сцена 4.

СЦЕНА II.

Миланъ. Дворъ герцогскаго дворца.

Входитъ Протей.

Протей.

Сперва я предалъ друга Валентина,
Теперь я долженъ Туріо предать.
Я за него ходатайствовать долженъ,
Но о себѣ я буду хлопотать;
Но Сильвія вѣрна, свята, прекрасна,
И мнѣ-ль, ничтожному, ее увлечь.
Скажу ли я, что преданъ ей вполнѣ,
Она тотчасъ коритъ меня измѣной,
Начну ли клясться ей въ любви моей,
Она велитъ мнѣ вспомнить вѣроломство
И Юлію, которую любилъ.
Слабѣйшій изъ ея упрековъ могъ бы
Надежды всей лишить меня, но страсть
Во мнѣ растетъ, какъ ласковость въ болонкѣ,
Чѣмъ болѣе холодности встрѣчаетъ.
Но вотъ и Туріо; къ ея окну
Мы явимся съ ночною серенадой.

Входитъ Туріо *съ музыкантами.*

Туріо.

Вы здѣсь, синьоръ? До насъ ужъ вы прокрались?

Протей.

Любовь всегда сумѣетъ тамъ прокрасться,
Гдѣ прямо ей пройти нельзя, синьоръ.

Туріо.

Но ваша-то любовь не здѣсь, надѣюсь?

Протей.

Нѣтъ здѣсь она, иначе бъ я здѣсь не былъ.

Туріо.

Какъ? къ Сильвіи?

Протей.

Да, къ Сильвіи для васъ.

Туріо.

Благодарю за то. Ну, господа,
Сыграемте дружнѣй и веселѣе.

Входятъ хозяинъ *гостиницы и* Юлія *въ одеждѣ пажа, и останавливаются вдали.*

Хозяинъ. Что съ вами, мой юный гость? Вы, кажется, разстроены. Скажите, отчего это?

Юлія. Вѣроятно оттого, что не могу быть веселъ.

Хозяинъ. Погодите, мы развеселимъ васъ: вы услышите здѣсь музыку и увидите синьора, котораго желали видѣть.

Юлія И услышу его?

Хозяинъ. Разумѣется.

Юлія. Это и будетъ для меня музыкой. (*Музыканты начинаютъ*).

Хозяинъ. Слушайте, слушайте!

Юлія. Онъ между ними?

Хозяинъ. Да, да—послушайте только.

Кто же Сильвья? кто она?
Ею міръ весь очарованъ;
Всѣхъ красотъ она полна;
Умъ небесный ей дарованъ;
Всѣхъ влечетъ къ себѣ она.

Взоры полны доброты;
Красота съ ней въ дружбѣ тѣсной.
О, Амуръ! отъ слѣпоты
Чтобъ избавиться, въ прелестный
Взоръ ея вселился ты!

Прелесть Сильвіи поемъ!
Выше всѣхъ она сравненій!
Пѣснью нашей вознесемъ
Выше всѣхъ земныхъ твореній,
И вѣнки ей поднесемъ.

Хозяинъ. Что съ вами? вы еще печальнѣй, чѣмъ были прежде? Быть-можетъ, вамъ не нравится музыка?

Юлія. Нѣтъ, не музыка, а музыкантъ.

Хозяинъ. Вотъ-какъ? а почему, мой милый гость?

Юлія. Онъ очень фальшивитъ.

Хозяинъ. Значитъ, беретъ не тѣ ноты?

Юлія. О, нѣтъ! но онъ такъ рветъ струны, что надрываетъ струны моего сердца.

Хозяинъ. У васъ очень нѣжный слухъ.

Юлія. О, какъ бы я желалъ быть глухимъ! у меня такъ тяжело на сердцѣ.

Хозяинъ. Вы, кажется, не охотникъ до музыки.

Юлія. Да, если въ ней разладъ.

Хозяинъ. Слышите, какой отличный переходъ?

Юлія. Я переходовъ терпѣть не могу.

Хозяинъ. Значитъ, вамъ бы хотѣлось, чтобъ они играли одно и то же?

Юлія.

Конечно, лучше бы не измѣнять.
Скажите, часто ли синьоръ Протей
Бываетъ у синьоры этой?

Хозяинъ. Мнѣ говорилъ Лаунсъ, его слуга, что онъ влюбленъ въ нее безъ памяти.

Юлія. Гдѣ же этотъ Лаунсъ?

Хозяинъ. Онъ пошелъ за своей собакою. По приказанію своего господина, онъ сведетъ ее завтра—въ подарокъ—къ дамѣ его сердца.

Юлія.

Тсъ! отойдемъ: расходятся они.

Протей.

Я, Туріо, за васъ такъ хлопочу,
Что вы мое похвалите искусство.

Туріо.

Гдѣ мы сойдемся съ вами?

Протей.

У фонтана
Григорія святого.

Туріо.

До свиданья.
(*Уходитъ съ музыкантами*).

Сильвія *показывается у окна*.

Протей.

Прекрасная синьора, добрый вечеръ!

Сильвія.

Благодарю за музыку, синьоръ.
Кто вы?

Протей.

Я тотъ, чей голосъ вы легко бъ узнали,
Когда бы знали преданное сердце.

Сильвія.

Синьоръ Протей, когда не ошибаюсь.

Протей.

Да, я Протей и вашъ слуга, синьора.

Сильвія.

Что вамъ угодно?

Протей.

Вамъ угоднымъ быть.

Сильвія.

Сбылось желанье ваше: мнѣ угодно,
Чтобъ вы сейчасъ же спать пошли домой.
О, гнусный, лживый, низкій человѣкъ!
Ты думаешь, что я такъ безразсудна,
Что уступлю искательству того,
Кто столько клятвъ нарушилъ безъ причины.
Вернись домой, покайся предъ невѣстой.
Клянуся блѣдною царицей ночи,—
Я нечувствительна къ твоимъ мольбамъ.
И всѣ твои исканья презираю.
Мнѣ ужъ за то досадно на себя,
Что я съ тобой такъ долго говорила.

Протей.

Синьора, признаюсь, что я любилъ
Другую; но она ужъ умерла.

Юлія (*про себя*).

Скажи я это—я бы ложь сказала:
Я знаю, не въ землѣ еще она.

Сильвія.

Пусть будетъ такъ, но другъ твой Валентинъ
Еще живетъ: ему—ты самъ свидѣтель—
Обручена я. И тебѣ не стыдно
Ему своимъ искательствомъ вредить?

Протей.

Я слышалъ, что и онъ ужъ не въ живыхъ.

Сильвія.

Такъ вѣрь, что умерла и я; въ могилѣ
Его погребена моя любовь.

Протей.

Прекрасная, дозволь ее мнѣ вырыть!

Сильвія.

Любовь невѣсты вырой изъ могилы,
А нѣтъ, то въ ней похорони свою.

Юлія (*про себя*).

Онъ этого не слышалъ никогда!

Протей.

Синьора, если такъ жестоки сердцемъ,
То дайте мнѣ, страдальцу, свой портретъ,
Висящій въ вашей комнатѣ. Предъ нимъ
Я говорить, вздыхать и плакать буду.
Когда прелестный свой оригиналъ
Вы отдали другому, то я—тѣнь,
И тѣни вашей покланяться буду.

Юлія (*про себя*).

Ты обманулъ бы и оригиналъ,
И превратилъ бы въ тѣнь, какъ и меня.

Сильвія.

Я не хочу кумиромъ вашимъ быть;
Но такъ какъ вашей лживости пристало
Молиться лживымъ призракамъ, то завтра
За нимъ пришлите утромъ, а теперь—
Спокойной ночи.

Протей.

Да, такой, какую
Имѣетъ тотъ, кто къ смерти
осужденъ.

(*Протей уходитъ, Сильвія удаляется отъ окна*).

Юлія. Идемъ, хозяинъ.

Хозяинъ. А я было заснулъ.

Юлія. Скажите мнѣ, гдѣ живетъ синьоръ Протей?

Хозяинъ. Да у меня же въ домѣ. Мнѣ кажется, право, что уже день.

Юлія.

Нѣтъ, ночь; но тягостной такой и длинной я никогда безъ сна не проводилъ.

(*Уходитъ*).

СЦЕНА III.

Тамъ же.

Входитъ Эгламуръ.

Эгламуръ.

Мнѣ въ этотъ часъ назначила
явиться
Синьора Сильвія, чтобъ передать
Свое желанье; дать она хотѣла
Мнѣ порученье важное. Синьора!

Сильвія *показывается у окна.*

Сильвія.

Кто тутъ?

Эгламуръ.

Служитель вашъ и другъ, синьора!
Онъ ожидаетъ вашихъ приказаній.

Сильвія.

А, Эгламуръ! вамъ тысяча привѣтствій.

Эгламуръ.

Вамъ столько же, достойная синьора.
Сюда, согласно съ вашимъ приказаньемъ,
Пришелъ я на разсвѣтѣ, чтобъ узнать,
Что поручить мнѣ вамъ угодно будетъ.

Сильвія.

О, Эгламуръ—вы честный дворянинъ!
Клянусь, что я не льщу вамъ, это правда:
Вы добрый, умный, храбрый человѣкъ.

ЮЛІЯ.

Рисунокъ англійскаго акварелиста Дженкинса (John Joseph Jenkins 1811—1885), (Изъ англо-нѣмецкой галлереи Шекспировскихъ женщинъ 1850-хъ г.).

Къ вамъ прибѣгаю съ просьбой. Вамъ извѣстно,
Какъ сильно Валентина я люблю,
Который изгнанъ, и что мой отецъ
За Туріо меня желаетъ выдать,
Котораго всѣмъ сердцемъ ненавижу.
Любили сами вы и мнѣ признались,
Что васъ ничто не поражало такъ,
Какъ смерть невѣсты, пламенно любимой.
Надъ раннею ея могилой вы
Безбрачія обѣтъ произнесли.
Я въ Мантую отправиться желаю,
Чтобъ Валентина отыскать—онъ тамъ.
Но путь опасенъ, почему прошу васъ
Быть спутникомъ моимъ: на вашу честь
Вполнѣ я полагаюсь Эгламуръ.
Не бойтесь гнѣва моего отца,

А помните о горѣ вашей дамы;
Подумайте, что мой побѣгъ меня
Избавитъ отъ безбожнаго союза,
Противнаго и небесамъ и людямъ.
О, троньтесь же мольбой моей души,
Столь полной скорбью, какъ песками море,
И согласитесь проводить меня!
Но если нѣтъ—прошу храните втайнѣ,
Что я сказала вамъ: тогда одна
Должна я буду ѣхать къ Валентину.

Эгламуръ.

Синьора, мнѣ понятна ваша горесть
И чувства ваши я вполнѣ цѣню;
Отъ всей души готовъ васъ провожать.
Мнѣ все равно, чтобъ послѣ ни постигло
Меня за то: желаю одного,
Чтобъ вы счастливы были. Такъ когда же
Вы думаете ѣхать?

Сильвія.

Въ эту ночь.

Эгламуръ.

А гдѣ сойдемся мы, синьора?

Сильвія.

Въ кельѣ
Отца Патрикія: къ нему пойду я
На исповѣдь.

Эгламуръ.

И я туда явлюсь.
Прощайте, благородная синьора.

Сильвія.

Такъ до свиданья, добрый Эгламуръ.
(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Тамъ же.

Входитъ Лаунсъ *съ собакой.*

Лаунсъ. Когда слуга человѣка долженъ служить ему по-собачьи, оно—видите ли—и обидно. Я воспиталъ его съ пеленокъ, спасъ отъ потопленія, тогда какъ трое или четверо изъ его слѣпыхъ братцевъ и сестрицъ пошли ко дну. Я обучилъ его такъ, что всякій, кто посмотритъ на него, скажетъ: вотъ какъ бы я обучилъ мою собаку. Вотъ и посылаетъ меня господинъ отвести его въ подарокъ синьорѣ Сильвіи. Не успѣлъ я войти въ столовую, какъ онъ шасть къ тарелкѣ синьоры, да и стянулъ съ нея каплунью ножку. Выходитъ дѣло дрянь, когда песъ не умѣетъ вести себя прилично во всякомъ обществѣ. По-моему, ужъ если кто, такъ сказать, взялся быть настоящей собакой, то онъ—такъ, сказать—долженъ вести себя какъ порядочная собака. Ну, не будь я умнѣе его, не возьми на себя его вину, такъ ужъ быть бы ему повѣшену. Поплатился бы онъ за это—сейчасъ умереть, поплатился бы. Посудите сами: забрался онъ на дняхъ, въ компаніи трехъ или четырехъ благовоспитанныхъ собакъ, подъ столъ герцога и, повѣрите ли, не пробылъ тамъ и столько времени, сколько нужно, чтобъ высморкаться, какъ ужъ всѣ носы въ комнатѣ почувствовали его присутствіе. „Выгнать собаку!“ говоритъ одинъ; „это что за песъ?“ говоритъ другой; „отодрать его!“ кричитъ третій; „повѣсить его!“ говоритъ герцогъ. Мнѣ этотъ запахъ ужъ давно знакомъ: я тотъ часъ и смекнулъ, что это мой Краббъ—и пошелъ къ человѣку, который сѣчетъ собакъ. „Любезный, говорю, ты хочешь выпороть эту собаку?“—Да, говоритъ, хочу. „Такъ ты, говорю, поступишь совсѣмъ несправедливо: вѣдь, это того, я сдѣлалъ“. Онъ не сказалъ противъ этого ни слова, и выстегалъ меня вонъ изъ комнаты. Много ли господъ сдѣлали бы то же самое для своихъ слугъ? Да что! я могу показать подъ присягой, что сидѣлъ въ колодкѣ за пудинги, которые онъ не разъ стянулъ—иначе не быть бы ему въ живыхъ; что стоялъ у столба за гусей, которыхъ онъ задушилъ, и за что его непремѣнно бы убили. Что, песъ, небось ты все позабылъ? Но я припоминаю еще одну штуку, которую ты сыгралъ со мною, когда я прощался съ синьорой Сильвіей. Не говорилъ ли я тебѣ, чтобъ ты всегда смотрѣлъ на меня и дѣлалъ такъ, какъ я? Когда же ты видѣлъ, чтобъ я поднималъ ногу и орошалъ юбку благородной дамы? Ну, видалъ ли ты, чтобъ я откалывалъ такія штуки?

Входятъ Протей *и* Юлія.

Протей.

Ты нравишься мнѣ, Себастьянъ; охотно
Беру тебя на службу, и сейчасъ же
Тебѣ могу я порученье дать.

Юлія.

Что вамъ угодно, я готовъ исполнить.

Протей.

Надѣюсь. *(Лаунсу.)* А! ты здѣсь болванъ!
Гдѣ ты шатался цѣлые два дня?

Лаунсъ. Гдѣ? по вашему же приказу водилъ собаку къ синьорѣ Сильвіи.

Протей. Что жъ она сказала про мое маленькое сокровище?

Лаунсъ. Да, сказала, что ваша собака—гадкій песъ, и что такой подарокъ стоитъ только собачьей благодарности.

Протей. Но все же приняла ее?

Лаунсъ. Нѣтъ, не приняла. Вотъ она—я ее привелъ назадъ.

Протей. Какъ? ты ей предлагалъ отъ меня эту гадость?

Лаунсъ. Да, синьоръ. Вашу бѣлку укралъ у меня на площади какой-то прощалыга—ну, я и предложилъ ей свою. Вѣдь, моя-то вдесятеро больше вашей: стало быть, и подарокъ сталъ вдесятеро больше.

Протей.

Бѣги сейчасъ, ищи мою собаку
И безъ нея ко мнѣ не возвращайся.
Что жъ ты торчишь тутъ? чтобъ меня бѣсить?
Ты только знаешь, что срамить меня!

(Лаунсъ уходитъ).

Ну, Себастьянъ, тебя къ себѣ беру я
Отчасти потому, что я нуждаюсь
Въ служителѣ, который могъ бы съ толкомъ
Исполнить порученье; мой же пентюхъ
Рѣшительно на это не способенъ;
Но главное—твое лицо, манеры
Ручаются—коль я не ошибаюсь—
За умъ, за вѣрность и за воспитанье
Хорошее. За то я и беру
Тебя на службу. Теперь ступай-же
И Сильвіи прелестной передай
Вотъ этотъ перстень; онъ мнѣ подаренъ
Особою, меня любившей нѣжно.

Юлія.

Такъ, стало быть, ее вы не любили.
Иль умерла она?

Протей.

Нѣтъ, кажется, жива!

Юлія.

О, горе мнѣ!

Протей.

О чемъ ты такъ вздохнулъ?

Юлія.

Мнѣ какъ-то жаль ее.

Протей.

За что же это?

Юлія.

Мнѣ кажется, васъ такъ она любила,
Какъ любите вы Сильвію теперь;
Она мечтаетъ, можетъ быть, о томъ,
Кто позабылъ ее, а вы, синьоръ,
О той, которая къ вамъ равнодушна.
Какъ жаль, что столь всегда любовь превратна!
При этой мысли я вздохнулъ невольно.

Протей.

Такъ ты отдашь ей перстень и при этомъ
Письмо; вонъ комната ея. Скажи ей,
Что жду ея небеснаго портрета.
Исполнивъ все, ты въ комнатѣ моей
Найдешь меня унылымъ, одинокимъ.

(Уходитъ).

Юлія.

Изъ женщинъ многія ль исполнить могутъ
Такой приказъ? Ахъ, бѣдный мой Протей!
Лисицу ты поставилъ въ пастухи
Своихъ ягнятъ. О, глупая! зачѣмъ
Жалѣешь ты того, кто такъ жестоко
Тобой пренебрегаетъ? Отчего,
Любя ее, меня онъ презираетъ,
А я, его любя, должна жалѣть?
Кольцо ему дала я въ день разлуки,
Чтобъ о моей любви онъ вспоминалъ—
И вотъ теперь меня онъ посылаетъ
Просить того, чего бы не хотѣлось
Мнѣ получить, и предложить ей то,
Что я отвергнутымъ желала бъ видѣть.
Я вѣрность восхвалять его должна,
Которую хотѣла бъ опозорить.
Вѣрна я, какъ невѣста, господину,
Но не могу слугой ему быть вѣрнымъ,
Иль я должна сама себя предать.
И буду я ходатаемъ его,
Но равнодушнымъ: въ томъ свидѣтель небо,
Какъ сильно я желаю неудачи.

Входитъ Сильвія *со служанкой.*

Юлія.

Привѣтъ вамъ, синьорина! Гдѣ, скажите,
Могу синьору Сильвію увидѣлъ?

Сильвія.

Тебѣ на что? положимъ, я—она.

Юлія.

А если такъ, то выслушать прошу:
Я съ порученьемъ.

Сильвія.

Кто тебя послалъ?

Юлія.

Мой господинъ, синьоръ Протей.

Сильвія.

А, вѣрно за портретомъ?

Юлія.

Да, синьора.

Сильвія.

Урсула, принеси его сюда.

(*Служанка приноситъ портретъ*).

Отдай его синьору твоему
И отъ меня скажи ему въ придачу,
Что Юлія, которую онъ бросилъ,
Украсила бы лучше этой тѣни
Его покои.

Юлія.

Вотъ письмо, синьора!
Ахъ, извините, по ошибкѣ, отдалъ
Я вамъ не то, что долженъ былъ подать:
Вотъ это къ вамъ.

Сильвія.

Нѣтъ, дай взглянуть на то.

Юлія.

Нѣтъ, не могу синьора; извините.

Сильвія.

Ну, такъ возьми жъ и это. Я не стану
Читать посланье твоего синьора.
Оно полно, я знаю, увѣреній
И новыхъ клятвъ; но такъ же ихъ легко
Онъ разорветъ, какъ я бумагу эту.

Юлія.

Синьора, вамъ кольцо онъ посылаетъ.

Сильвія.

И не стыдится онъ его дарить!
Онъ сотни разъ твердилъ, что получилъ
Отъ Юліи его при разставаньи.
Онъ осквернилъ его коварною рукой;
Но Юліи моей не оскорблю я.

Юлія.

Она благодаритъ васъ.

Сильвія.

Что сказалъ ты?

Юлія.

Благодарю васъ за участье къ ней.
Мой господинъ съ ней поступилъ жестоко.

Сильвія.

Ее ты знаешь?

Юлія.

Да, синьора, знаю
Почти какъ самаго себя, и только
Подумаю, какъ бѣдная страдаетъ,
То самъ о ней невольно слезы лью.

Сильвія.

Она ужъ знаетъ о его измѣнѣ?

Юлія.

Я думаю, что знаетъ: это ей
Терзаетъ сердце.

Сильвія.

Хороша она?

Юлія.

Да, хороша, но ужъ не такъ, какъ прежде;
Когда любовь синьора моего
Ее живила, на мои глаза
Прекрасна была столь-же,
Съ тѣхъ поръ она о зеркалѣ забыла,
О маскѣ, защищающей отъ солнца:
Поблекли розы на ея щекахъ,
Покрылъ загаръ лилейное лицо,
И стала смуглой бѣдная, какъ я.

Сильвія.

Какъ высока она?

Юлія.

Почти, какъ я. Въ послѣдній Духовъ день,
Когда мы пьесы разныя играли,
Роль женскую пришлось мнѣ исполнять—
И въ платье Юліи я нарядился.
Оно на мнѣ сидѣло такъ, какъ будто
Его нарочно сшили для меня.
Отсюда я узналъ, что одного
Я роста съ нею. Въ этотъ день я сильно
Ее растрогалъ—мнѣ пришлось играть,
Синьора, роль несчастной Аріадны,
Покинутой измѣнникомъ Тезеемъ—
И эту роль такъ вѣрно я исполнилъ,
Что бѣдная синьора залилась
Слезами горькими. Клянуся честью,
Ея печаль вполнѣ я пережилъ.

Сильвія.

Она тебѣ признательна, мой милый.
О, бѣдная, забытая *дѣвица*!
Я тронута до слезъ твоимъ разсказомъ.
Вотъ кошелекъ: возьми его себѣ

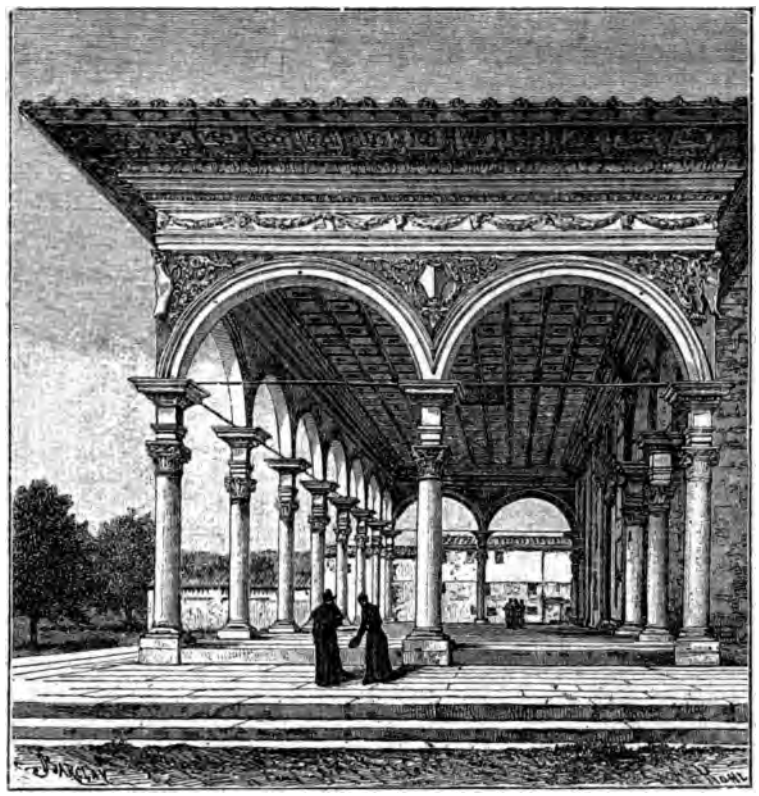
За преданность покинутой синьорѣ.
Прощай! (*Уходитъ*).

Юлія.

Благодарить она васъ будетъ, если
Сойдетесь съ ней. О, какъ она добра,
Какъ благородна! Господинъ мой встрѣтитъ
Холодность въ ней, когда такъ горячо
Сочувствуетъ она моей синьорѣ.
Ахъ, какъ любовь сама себя морочитъ!
Посмотримъ на портретъ ея. О, если бъ
Мое лицо въ такомъ уборѣ было,
Оно не хуже было бъ, чѣмъ ея.
А все таки польстилъ ей живописецъ,
Иль слишкомъ я къ самой себѣ пристрастна.
Ея коса каштановаго цвѣта,
Моя же—свѣтлорусаго. О, если
Лишь это къ ней любовь его влечетъ,
Я заведу парикъ такого цвѣта.
Глаза у ней такіе жъ, какъ мои;
Но низокъ лобъ—мой лобъ гораздо выше.
Но что же въ ней его очаровало,
Чего бы онъ во мнѣ любить не могъ,
Когда любовь была бы не слѣпою?
Возьми же, тѣнь, съ собою эту тѣнь
Соперницы твоей. О, какъ онъ будетъ
Боготворить, лелѣять, цѣловать
Тебя, бездушный образъ! Но когда бъ
Былъ смыслъ малѣйшій въ этомъ поклоненьи,
Была бы я—не ты—его предметомъ.
Къ тебѣ я буду ласкова за то,
Что и она добра была со мною.
Не будь того, Юпитеромъ клянусь,
Я вырвала бы очи изъ портрета,
Чтобъ мой синьоръ на нихъ не любовался.

(*Уходитъ*).

Итальянскій орнаментъ эпохи Ренесанса (Интарсія на полу Сіенскаго собора).



Дворъ итальянскаго монастыря эпохи Ренесанса (Монастырь Санта Марія делле Граціе въ Ареццо, построенный въ XV в. архитекторомъ Бенедетто да Маяно).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Миланъ. Дворъ аббатства.

СЦЕНА I.

Входитъ Эгламуръ.

Эгламуръ.

Ужъ позлатило солнце небосклонъ:
Вотъ часъ, въ который Сильвія сойтись
Со мной у кельи Патрика хотѣла.
Сейчасъ она придетъ—вѣдь, никогда
Влюбленные не забываютъ часа;
Напротивъ, нетерпѣнье побуждаетъ
Ихъ приходить гораздо раньше срока.

Входитъ Сильвія.

Эгламуръ.
Вотъ и она! Синьора, добрый вечеръ!

Сильвія.
Аминь! Пойдемте, добрый Эгламуръ.
Мы выйдемъ черезъ заднюю калитку:
Я опасаюсь, что за мной слѣдятъ.

Эгламуръ.
Не бойтесь: до лѣсу всего три мили,
А тамъ мы безопасны отъ погони.
(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Тамъ же. Комната во дворцѣ герцога.

Входятъ Турio, Протей *и* Юлія.

Турio.
Синьоръ Протей, какъ Сильвія ко мнѣ?

Протей.
Немного благосклоннѣе, чѣмъ прежде;
Но кое-что не нравится ей въ васъ.

ДВА ВЕРОНЦА.

Картина известного английского живописца—прерафаэлита Гольмана Гента (Hollman Hunt).

Туріо.

Не длинны-ль ноги?

Протей.

Нѣтъ, но слишкомъ тонки.

Туріо.

Такъ сапоги надѣну я, чтобъ толще
Онѣ казались.

Юлія *(про себя)*.

Нѣтъ, любовь нельзя
Къ тому пришпорить, кто ей не по вкусу.

Туріо.

Ну, а лицо мое?

Протей.

Она его
Находитъ слишкомъ бѣлымъ.

Туріо.

Вотъ и лжетъ
Плутовка: у меня лицо вѣдь смугло.

Протей.

Хоть перлы бѣлы, но—по поговоркѣ—
Мужчина смуглый перлъ въ глазахъ у дамъ.

Юлія *(про себя)*.

Да, отъ которыхъ гаснутъ ихъ глаза.
Ужъ лучше я смотрѣть на нихъ не буду.

Туріо.

А рѣчь моя пріятна ей?

Протей.

Нисколько.
Коль о войнѣ начнете говорить.

Туріо.

Но нравится, когда я о любви,
О мирѣ говорю?

Юлія *(про себя)*.

А больше, если
Ты мирное молчанье сохраняешь.

Туріо.

Что говоритъ о храбрости моей?

Протей.

О, въ ней она сомнѣнья не имѣетъ.

Юлія *(про себя)*.

Затѣмъ, что ей твоя извѣстна трусость.

Туріо.

Ну, а на счетъ моей породы какъ?

Протей.

Что вы отъ древнихъ предковъ низошли.

Юлія *(про себя)*.

И заключили родъ ихъ—дуракомъ.

Туріо.

А о моихъ владѣніяхъ обширныхъ?

Протей.

Она о нихъ жалѣетъ.

Туріо.

Почему же?

Юлія *(про себя)*.

Что ихъ такой оселъ, какъ ты, имѣешь.

Протей.

Что ими вы не правите.

Юлія.

Вотъ герцогъ.

Входитъ герцогъ.

Герцогъ.

Ну, что, Протей? что Туріо? что слышно?
Не встрѣтилъ ли изъ васъ кто Эгламура?

Туріо.

Я—нѣтъ.

Протей.

Я также.

Герцогъ.

Ну, а дочь?

Протей.

Свѣтлѣйшій герцогъ, я ея не видѣлъ.

Герцогъ.

Ну, такъ она бѣжала къ Валентину,
И Эгламуръ былъ спутникомъ ея.
Да, это такъ: ихъ встрѣтилъ братъ Лаврентій,
Когда, молясь, онъ лѣсомъ проходилъ.

Его узналъ онъ сразу; но ее
Подъ маскою не могъ онъ распознать.
Къ Патрикію вчера она хотѣла
На исповѣдь придти, но не пришла.
Ея побѣгъ все это подтверждаетъ.
Прошу, не тратьте время въ разсуж-
деньяхъ,
Но на коня скорѣе. Мы сойдемся
У склона горъ, что къ Мантуѣ идутъ:
Они туда бѣжали вѣроятно.
Живѣй, синьоры! Слѣдуйте за мною.
(*Уходитъ*).

Турio.

Какая безразсудная; бѣжитъ
Отъ счастія, когда оно при ней!
Пойду за ней, не изъ любви къ безумной,
Но чтобъ отмстить за это Эгламуру.
(*Уходитъ*).

Протей.

Пойду—но не изъ мести къ Эгламуру:
Нѣтъ, къ Сильвіи любовь меня влечетъ.
(*Уходитъ*).

Юлія.

А я—не изъ вражды къ *ея* любви,
Но чтобъ помѣхой быть *его* любви.
(*Уходитъ*).

СЦЕНА III.

Мантуанская граница. Лѣсъ.

Входятъ Сильвія *и* разбойники.

1-й разбойникъ.

Иди, иди—не бойся ничего;
Мы къ атаману отведемъ тебя.

Сильвія.

О, тысячи несчастій научили
Меня покорно все переносить!

2-й разбойникъ.

Ведите же ее; чего жъ вы стали?

1-й разбойникъ.

Гдѣ же дворянинъ, который съ нею былъ?

3-й разбойникъ.

О, этотъ прытокъ—всѣхъ насъ обогналъ;
Его теперь преслѣдуютъ Валерій
И Моисей. Такъ съ нею ты ступай
На западную оконечность лѣса:
Тамъ атаманъ. А мы затѣмъ въ погоню—
Не убѣжитъ онъ: занятъ лѣсъ кругомъ.

1-й разбойникъ.

Пойдемъ со мной въ пещеру атамана;
Не бойся—онъ достойный человѣкъ,
И женщинъ никогда не оскорбляетъ.

Сильвія.

О, Валентинъ! все это за тебя! (*Уходитъ*).

СЦЕНА IV.

Другая часть лѣса.

Входитъ Валентинъ.

Валентинъ.

Къ чему не привыкаетъ человѣкъ!
Глухой, пустынный и безлюдный лѣсъ
Милѣй мнѣ людныхъ, пышныхъ городовъ.
Здѣсь я могу сидѣть въ уединеньи,
И къ жалобнымъ напѣвамъ соловья
Подлаживать тоску мою и горе.
О, ты, живущая въ моей груди,
Не покидай жилища своего,
Чтобъ, рухнувши, оно не подавило
И памяти о томъ, что прежде было!
О, Сильвія! прекраснѣйшая нимфа!
Утѣшь меня, возстанови жилище!
(*Слышенъ шумъ*).

Что тамъ за шумъ сегодня? что за крики?
Не шайка ли моя тамъ разгулялась?
Ихъ воля—имъ единственный законъ;
За путникомъ охотятся они.
Они ко мнѣ привязаны, но трудно
Ихъ сдерживать отъ грубостей и буйства.
Но скройся, Валентинъ—сюда идутъ.
(*Отходитъ въ сторону*).

Входитъ Протей, Сильвія *и* Юлія.

Протей.

Вы преданность не цѣните мою,
Синьора: я съ опасностью жизни
Вамъ оказалъ услугу; я избавилъ
Васъ отъ злодѣя: онъ бы обезчестить
Рѣшился васъ. И за такую помощь
Лишь ласковаго взгляда я прошу.
Я не могу просить награды меньшей,
Да меньшей вы не можете и дать.

Валентинъ (*про себя*).

Не сонъ ли это? О, любовь, пошли
Терпѣнье мнѣ—то слышать и молчать!

ДВА ВЕРОНЦА (Дѣйствіе V, Сцена IV).

Картина извѣстнаго англійскаго живописца Томаса Стотгарда (Stothard, 1755–1834). (Малая Бойделевская галлерея).

Сильвія.

О, я несчастная!

Протей.

Несчастной были
До моего прихода вы; теперь
Я сдѣлалъ васъ счастливою опять.

Сильвія.

Я отъ него еще несчастнѣй стала.

Юлія *(про себя)*.

И я, когда онъ станетъ ближе къ ней.

Сильвія.

О, лучше быть растерзанною львомъ
И послужить ему кровавой пищей,
Чѣмъ жизнью быть обязанной Протею—
Обманщику! О, небо, будь свидѣтель,
Что я люблю всѣмъ сердцемъ Валентина!
Мнѣ жизнь его души моей дороже
И столько же—вѣдь больше ужъ нельзя—
Я ненавижу лживаго Протея.
Иди жъ прочь—оставь меня въ покоѣ!

Протей.

Чего бы я—не исключая смерти—
За взглядъ одинъ привѣтливый не вынесъ!
О, какъ стара и вмѣстѣ какъ свѣжа
Та истина, что женщина не можетъ
Любить того, кто дышитъ къ ней любовью.

Сильвія.

И что Протей не можетъ ту любить,
Которою онъ такъ любимъ. О, вспомни
Про Юлію, про первую любовь!
Ты раздробилъ свою предъ нею вѣрность
На много тысячъ клятвъ ненарушимыхъ,
Чтобъ ихъ нарушить всѣ изъ-за меня.
Нѣтъ больше вѣрности въ тебѣ, коль скоро
Въ тебѣ нѣтъ двухъ; а это будетъ хуже,
Чѣмъ вовсе не имѣть ея: ужъ лучше
Быть безъ нея, чѣмъ много ихъ имѣть.
Ты предалъ друга вѣрнаго.

Протей.

Но кто
Въ любви о дружбѣ помнитъ?

Сильвія.

Лишь не ты.

Протей.

Ну, если ни мольбы мои, ни просьбы
Тебя склонить ко мнѣ не въ состояньи,
Я, какъ солдатъ, того достигну силой
И обращу въ насиліе любовь.

Сильвія.

О, небо!

Протей *(бросаясь къ Сильвіи)*.

Ты насилію уступишь.

Валентинъ.

Прочь, негодяй! Не прикасайся къ ней
Рукой своей безчестной!

Протей.

Валентинъ!

Валентинъ.

О низкій другъ—безъ чести, безъ любви!
Да, таковы теперь друзья. Измѣнникъ,
Ты обманулъ мои надежды,—въ этомъ
Я собственнымъ глазамъ повѣрить долженъ.
Ужъ не могу сказать, что у меня
Есть другъ—во лжи меня ты уличишь.
Кому теперь довѣриться, когда
Своя же правая рука готова
Предать родную грудь? О, больно мнѣ,
Что не могу тебѣ я больше вѣрить,
Что долженъ всѣхъ людей считать чужими!
О, горькій вѣкъ! Мнѣ сталъ врагомъ презрѣннымъ,
Кого считалъ я другомъ неизмѣннымъ.

Протей.

Стыдъ и вина меня уничтожаютъ.
О, Валентинъ, прости, прости меня!
И если можетъ искупить проступокъ
Сердечное раскаянье, то вѣрь—
Моя вина не больше, чѣмъ страданье.

Валентинъ.

Довольно; я готовъ тебѣ повѣрить.
Тотъ, для кого прощенье недоступно,
Ни небу, ни землѣ не будетъ годенъ,
Затѣмъ, что небо и земля прощаютъ,
Раскаянье смиряетъ божій гнѣвъ.
Чтобъ вѣрилъ ты, что я тебѣ прощаю
Твою вину—тебѣ я уступаю
Все, что считалъ я въ Сильвіи моимъ.

Юлія *(упадая въ обморокъ)*.

О, я несчастный!

Протей.

Что съ нимъ, посмотрите?

Валентинъ.

Эй, мальчикъ, что съ тобою? Ободрись!
Открой глаза. Ну, говори же, мальчикъ!

Юлія.

Ахъ, синьоръ, мой господинъ поручилъ
мнѣ отдать кольцо синьорѣ Сильвіи, а я
забылъ про это.

Протей.

Но гдѣ жъ кольцо?

Юлія.

Вотъ здѣсь,
(*Подаетъ ему кольцо*).

Протей.

Что это значитъ?
Кольцо я это Юліи отдалъ.

Юлія.

Простите—я ошибся. Вотъ кольцо,
Которое вы къ Сильвіи послали.
(*Подаетъ ему другое*).

Протей.

Но какъ же то кольцо къ тебѣ попало?
Его вручилъ я Юліи, прощаясь.

Юлія.

Мнѣ Юлія сама его дала,
И Юлія его вамъ возвращаетъ.

Протей.

Какъ? Юлія?

Юлія.

Взгляни—я та, которая была
Предметомъ клятвъ твоихъ и сберегла
Глубоко въ сердцѣ ихъ, хотя извлечь
Ты съ корнемъ ихъ старался вѣроломством.
Стыдись, Протей, что я надѣла платье
Мнѣ неприличное; краснѣй, коль можетъ
Такой нарядъ, придуманный любовью,
Позорнымъ быть;
Но будь увѣренъ, менѣе позорна
Для женщины одежды перемѣна,
Чѣмъ для мужчины—вѣрности измѣна.

Протей.

Измѣна вѣрности? О, небо! правда!
Но чтобъ мужчинѣ совершеннымъ быть
Недостаетъ ему лишь постоянства;
А безъ него нельзя не согрѣшить;
Невѣрность умираетъ до рожденья.
О, что жъ меня такъ къ Сильвіи влекло
Чего бы постоянство не нашло
У Юліи—въ лицѣ ея прелестномъ?

Валентинъ.

Ну, дайте жъ ваши руки: не лишите
Вы счастія меня—васъ примирить!
Межъ двухъ друзей вражды не должно
быть.

Протей.

Свидѣтель Богъ—сбылось мое желанье!

Юлія.

Какъ и мое!

Входятъ разбойники *съ* герцогомъ *и* Туріо.

Разбойники.

Добыча, атаманъ!

Валентинъ.

Назадъ! вѣдь это нашъ свѣтлѣйшій герцогъ
Изгнанникъ вашъ, несчастный Валентинъ
Привѣтствуетъ васъ, герцогъ.

Герцогъ.

Валентинъ?

Туріо.

А вотъ и Сильвія—она моя!

Валентинъ.

Назадъ—не то тебя постигнетъ смерть!
Держись отъ гнѣва моего подальше;
Не называй ее своей—иначе
Милана больше не видать тебѣ.
Посмѣй лишь къ ней рукою прикоснуться,
Посмѣй взглянуть на милую мою!

Туріо.

Синьоръ, о ней я, право, не забочусь;
Не такъ я глупъ, чтобъ жизнью рисковать
За ту, которая меня не любитъ,
И вамъ ее охотно уступаю.

Герцогъ.

Какой же подлый ты и низкій трусъ,
Что послѣ всѣхъ искательствъ согласился
Ее сейчасъ другому уступить!
Клянуся честью рода моего,
Вашъ смѣлый духъ цѣню я, Валентинъ;
Достойны вы любви любой принцессы.
Забылъ я нашу ссору, и охотно
Васъ призываю къ моему двору—
И, доблести въ награду, возвращаю
Вамъ званье рыцаря. Вы дворянинъ,
И родъ вашъ знаменитъ; вотъ дочь моя—
Ея руки достойны вы вполнѣ.

Валентинъ.

Благодарю васъ, герцогъ: вашимъ даромъ
Меня вы осчастливили; но есть
Еще одно желанье у меня—
Исполните для Сильвіи его.

Герцогъ.

Я и для васъ готовъ его исполнить.

Валентинъ.

Изгнанники, съ которыми я жилъ,
Достойные и нравственные люди—
Простите имъ ихъ здѣшній образъ жизни,
Дозвольте имъ вернуться изъ изгнанья.
Они теперь исправились вполнѣ
И съ пользою служить вамъ могутъ, герцогъ.

Герцогъ.

Согласенъ: и тебѣ, и имъ прощаю.
По ихъ способностямъ дай имъ мѣста.
Теперь въ Миланъ; тамъ зло мы позабудемъ
Въ веселіи, въ пирахъ и въ торжествѣ.

Валентинъ.

Дорогою надѣюсь позабавить
Однимъ смѣшнымъ разсказомъ вашу свѣтлость.
Какъ нравится вамъ этотъ юный пажъ?

Герцогъ.

Прекрасный мальчикъ. Что жъ онъ все краснѣетъ?

Валентинъ.

Но онъ не столько мальчикъ, какъ прекрасенъ.

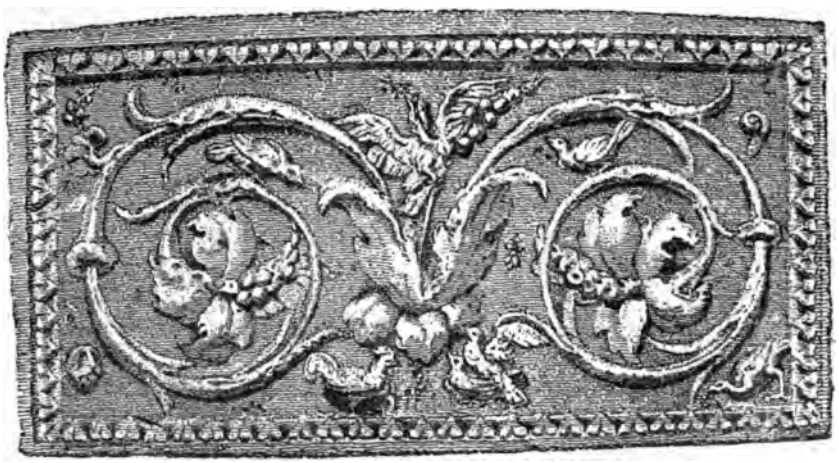
Герцогъ.

Что хочешь ты сказать такою шуткой?

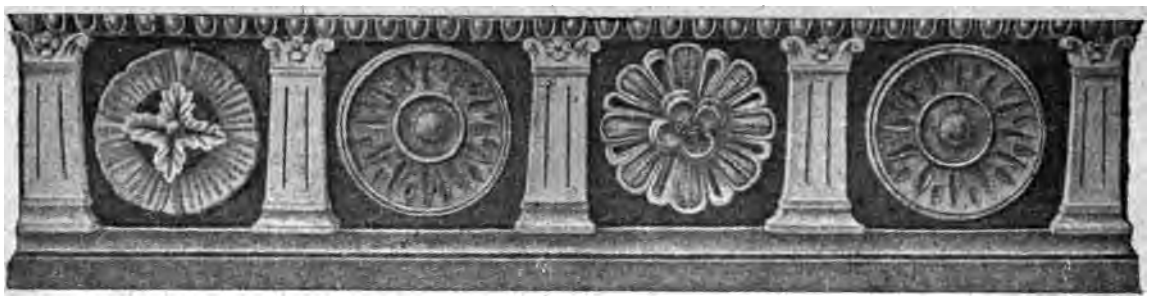
Валентинъ.

Дорогой все подробно разскажу—
И многому вы, герцогъ, подивитесь.
Протей за нами. Въ наказанье, ты
Своей любви услышать долженъ повѣсть;
Затѣмъ да будетъ свадьбы нашей день
Съ твоимъ одинъ: чтобъ праздникъ былъ одинъ,
И домъ одинъ, одно двойное счастье!
(Уходятъ).

Всев. Миллеръ.



Титульная рамка эпохи Ренессанса (Тускулано, у Гардскаго озера, 1520, типографія Александра Паганини). Срезной рисунокъ изъ «Temple Shakespeare»).



Древній орнаментъ (Цоколь этрусскаго саркофага).

КОМЕДІЯ ОШИБОКЪ.

I.

Мотивъ, лежащій въ основѣ „Комедіи ошибокъ“ — мотивъ братьевъ-близнецовъ, какъ мы его можемъ вкратцѣ назвать — очень древняго происхожденія. Мы встрѣчаемъ его прежде всего въ сказкѣ и, стало быть, въ соотвѣтствующей сказочному міру чудесной обстановкѣ. Обстановка эта въ различныхъ случаяхъ различна, но все же можетъ быть создана довольно полная цѣпь, соединяющая древнеегипетскій, т. наз. „романъ о двухъ братьяхъ“ съ нѣкоторыми русскими сказками. Не останавливаясь на отдѣльныхъ звеньяхъ этой цѣпи, присмотримся ближе къ новогреческой представительницѣ нашего типа, такъ какъ есть основаніе предполагать, что именно она,—т. е., говоря правильнѣе, ея древнегреческая родоначальница—была, хотя и косвенно, первоисточникомъ комедіи Шекспира. Эта сказка (№ 22 въ сборникѣ Hahn'a) гласитъ такъ:

Былъ нѣкогда рыбакъ, богатый, но долгое время бездѣтный. Его жена однажды обратилась къ ворожеѣ; та предсказала, что ея мужу суждено поймать золотую рыбку, и посовѣтовала ей, раздѣливъ рыбку на шесть частей, двѣ съѣсть самой съ мужемъ, по одной дать сукѣ и кобылѣ и двѣ посѣять у входа въ избу. Такъ и было сдѣлано; вскорѣ затѣмъ рыбачка родила двухъ близнецовъ, столь похожихъ другъ на друга, что ихъ никакъ нельзя было отличить одного отъ другого; то же случилось и съ кобылой и сукой, а у порога выросло два кипариса. Когда братья возмужали, одному изъ нихъ захотѣлось странствовать; онъ отправился въ путь, взялъ съ собой своего коня и свою собаку и при прощаніи сказалъ брату: „когда мой кипарисъ завянетъ, иди меня искать“. Послѣ многихъ приключеній онъ заѣхалъ въ нѣкоторое царство и остановился у одной старушки; та ему разсказала про горе, постигшее царскій домъ: царская дочь должна быть отдана на съѣденіе змѣю. Нашъ богатырь убиваетъ змѣя и получаетъ въ награду царскую дочь: но его жажда приключеній этимъ не утолена. Онъ отправляется дальше съ конемъ и собакой; томимый жаждой онъ заходитъ въ первую попавшуюся хижину и проситъ, чтобы ему дали напиться. Хозяйка согласна: „дай мнѣ только ударить палкой твою собаку, а то она меня укуситъ“. Хозяйка ударяетъ собаку палкой; та превращается въ камень. Вслѣдъ затѣмъ она той же палкой превращаетъ въ камень и коня, а затѣмъ—и самого героя. Тогда одинъ изъ двухъ кипарисовъ передъ избой рыбака завялъ.

Согласно условію, другой братъ отправился на поиски. Много странъ посѣтилъ онъ; наконецъ зашелъ и въ то царство, гдѣ его братъ убилъ змѣя, и остановился у той же старушки, что и его пріютила. Тутъ начинается „комедія ошибокъ“. Старушка, принимая своего гостя за царскаго зятя, стала извиняться, что не поздравила его съ подвигомъ и женитьбою; гость понялъ, въ чемъ дѣло, успокоилъ ее и прямо отправился во дворецъ. Его встрѣчаетъ тесть и жена его брата: „гдѣ же ты такъ долго пропадалъ?“ Онъ отвѣчаетъ уклончиво и, не выдавая себя, старается все вывѣдать о братѣ; наконецъ, всѣ расходятся, ему приходится идти спать со своей мнимой женой. Въ спальнѣ онъ вынимаетъ мечъ и вонзаетъ его въ постель между собой и невѣсткой. Та въ отчаяніи: „за что на меня разгнѣвался?“ Онъ упорно

молчитъ, а на слѣдующій день отправляется яко бы на охоту. Опять тѣ же приключенія, что и съ его братомъ; благодаря своей осторожности, однако, онъ не только самъ благополучно избѣгаетъ превращенія, но и заставляетъ вѣдьму вернуть жизнь брату. Тому кажется, что онъ проснулся послѣ глубокаго сна; „что случилось?“ Братъ ему разсказываетъ все по порядку; но когда онъ дошелъ до того момента, какъ онъ пошелъ спать съ его женой, братъ не вытерпѣлъ и ударомъ меча отсѣкъ голову своему спасителю. Затѣмъ онъ возвращается домой; тутъ правда обнаруживается; къ счастью, царевна оказывается также опытной волшебницей и съ помощью своего искусства возвращаетъ жизнь своему деверю.

II.

Древне-греческая, спеціально аттическая, комедія любила черпать свои сюжеты изъ сокровищницы родныхъ сказокъ; при этомъ иногда сказочные мотивы болѣе или менѣе искусно вплетались въ фабулу пьесы или въ разговоры дѣйствующихъ лицъ, иногда вся фабула строилась на сказочныхъ мотивахъ, съ доброю примѣсью комическихъ эпизодовъ и политическихъ намековъ, иногда наконецъ комическая фабула представлялась какъ бы аллегорическимъ толкованіемъ извѣстнаго сказочнаго мотива. Чудесные элементы при этомъ оставлялись нетронутыми: они вполнѣ уживались съ фантастическимъ характеромъ древней комедіи. Такъ было въ эпоху Аристофана. Но вотъ на смѣну такъ называемой древней аттической комедіи явилася средняя, за ней—въ 3 вѣкѣ до Р. Х.—новая комедія Менандра и Филемона. Къ этому времени реализмъ сталъ требованіемъ искусства; чудесный элементъ, допускаемый въ простонародныхъ фарсахъ, изгонялся изъ комедіи высокаго стиля, которая должна была быть зеркаломъ жизни и нравовъ. При такомъ воззрѣніи и отношеніе къ сказкѣ должно было измѣниться: фабулу она могла по прежнему изъ нея заимствовать, но все сверхъестественное должно было быть удалено и замѣнено вполнѣ реальными мотивами. Мы не можемъ, впрочемъ, утверждать, что сказка осталась для комедіи непосредственной руководительницей. Стремленіе къ реализму было повсемѣстнымъ; возможно, поэтому, что его испытала на себѣ и сказка въ своей первоначальной повѣствовательной формѣ, что изъ нея развилась сначала реалистическая сказка—т. е. новелла, и что новелла въ свою очередь стала вдохновительницей комедіи. Но, допуская въ теоріи это посредствующее звено между сказкой и новой аттической комедіей, мы на практикѣ уже ради краткости можемъ его оставить въ сторонѣ.

Теперь представимъ себѣ метаморфозы, которымъ должна была подвергнуться разсказанная выше сказка для того, чтобы стать сюжетомъ новой аттической комедіи. Все чудесное должно было быть удалено: стало быть, ворожея съ золотой рыбкой, кипарисы-деревья, жизнь обоихъ братьевъ, змѣй-пожиратель дѣвъ, вѣдьма, превращающая людей въ камни; въ угоду тому же реализму слѣдовало и царя съ царевной превратить въ обыкновенныхъ смертныхъ. Эти измѣненія должны были имѣть послѣдствіемъ другія. Какъ объяснить, въ самомъ дѣлѣ, что ушедшій братъ не извѣщаетъ родныхъ о своемъ житьѣ-бытьѣ? По сказкѣ онъ былъ превращенъ въ камень; разъ этотъ мотивъ отпалъ, нужно было замѣнить его другимъ. Онъ былъ похищенъ въ нѣжномъ возрастѣ, отвѣчаетъ комедія, и возмужавъ уже не помнилъ своей семьи. Но почему отецъ не отправился его разыскивать? Онъ вскорѣ умеръ съ горя, такъ что только братъ, достигши зрѣлаго возраста, могъ исполнить отцовское намѣреніе. Остальное совпадаетъ: обыскавъ полъ свѣта, братъ-странникъ пришелъ въ тотъ же городъ, гдѣ жилъ его похищенный братъ и былъ принятъ его тестемъ и женой за него самого. Затѣмъ, конечно, комедія должна была отъ себя развить этотъ мотивъ путаницы и пріобщить къ нему свой репертуаръ дѣйствующихъ лицъ: гетеру, раба, врача, повара, паразита.

III.

Въ результатѣ получилась слѣдующая уже чисто комическая фабула:

Жилъ нѣкогда въ Сиракузахъ купецъ, по имени Мосхъ; было у него два сына-близнеца, „столь похожихъ другъ на друга, что ни кормилица, ни даже родная мать не могла ихъ различить“; одинъ былъ названъ Менехмомъ, другой—Сосикломъ. Когда мальчикамъ пошелъ восьмой годъ, отецъ по торговымъ дѣламъ поѣхалъ въ Тарентъ, взявъ съ собой Менехма; въ Тарентѣ какъ разъ происходили игры, мальчикъ въ толпѣ отъ отца отсталъ, попалъ въ руки къ одному купцу изъ Эпи-

дамна, который и увезъ его съ собою въ свой родной городъ—крупный торговый портъ въ нынѣшней Албаніи. Отецъ Менехма вскорѣ затѣмъ съ горя умеръ; дѣдъ, на попеченіи котораго остался Сосиклъ, перемѣнилъ ему имя и сталъ его называть тоже Менехмомъ—такую необходимую для „комедіи ошибокъ" перемѣну аттическая комедія мотивируетъ тѣмъ, что самого дѣда тоже звали Менехмомъ; это очень убѣдительно, такъ какъ въ Греціи имя часто переходило отъ дѣда къ внуку, причемъ вполнѣ понятно, что старикъ хотѣлъ сохранить свое за единственнымъ оставшимся у него внукомъ. Тѣмъ временемъ настоящій Менехмъ былъ усыновленъ своимъ похитителемъ, богатымъ и бездѣтнымъ старикомъ, который позднѣе женилъ его на эпидамнійской гражданкѣ съ крупнымъ приданнымъ и затѣмъ умеръ, оставивъ его наслѣдникомъ очень значительнаго состоянія—вотъ во что обратился царскій бракъ старинной сказки.

Сосиклъ, однако, сохранилъ память о своемъ похищенномъ братѣ и, лишь только достигъ зрѣлыхъ лѣтъ, пошелъ его отыскивать. Шесть лѣтъ пространствовалъ онъ безуспѣшно, наконецъ, на седьмомъ году, судьба завела его въ Эпидамнъ. Здѣсь настоящій Менехмъ съ женой вели жизнь вполнѣ достойную комической супружеской четы: жена, чувствуя себя въ привилегированномъ положеніи „жены съ приданнымъ", вѣчно ссорилась съ мужемъ и шпіонила, а мужъ, спасаясь отъ сварливой жены, завелъ себѣ развлеченіе въ видѣ красивой гетеры съ игривымъ именемъ Erōtion („Любушка"). ·Въ самый день пріѣзда Сосикла у супруговъ вышла крупная ссора; Менехмъ съ нѣсколько утрированной даже для комедіи неучтивостью, стянулъ у жены дорогую накидку („мотивъ накидки"), самъ въ нее одѣвшись, и отнесъ ее своей подругѣ, у которой и заказалъ для себя обѣдъ. Эта идиллія пришлась очень не по душѣ его паразиту, „Столовой Щеткѣ" (такъ его звали за его замѣчательный талантъ очищать столъ отъ всякихъ яствъ), который самъ разсчитывалъ отобѣдать у него; но Менехмъ его утѣшилъ, заказавъ и для него приборъ у Эротіи, а затѣмъ, въ ожиданіи веселой трапезы, оба отправляются по дѣламъ на форумъ. Разсчетливая Эротія посылаетъ своего повара за припасами, на троихъ „не болѣе и не менѣе"; поваръ отправляется, возвращается—и тутъ ему попадается навстрѣчу Сосиклъ со своимъ вѣрнымъ рабомъ Мессеніономъ. Здѣсь начинается „комедія ошибокъ", сводящаяся въ сущности къ двумъ мотивамъ: 1) мотиву смѣшенія (Сосикла принимаютъ за Менехма и наоборотъ и 2) мотиву недоразумѣнія (Менехма принимаютъ за Менехма, но приписываютъ ему дѣянія Сосикла, и наоборотъ). Въ частности дѣйствіе развивается слѣдующимъ образомъ.

Поваръ принимаетъ Сосикла за Менехма (1 смѣшеніе); его отговорки онъ объявляетъ шутками („онъ нрава веселаго, когда жены съ нимъ нѣтъ") и приглашаетъ его войти. Менехмъ удивленъ, не столько самому приглашенію—онъ знаетъ, что въ Эпидамнѣ много пройдохъ—сколько тому, что поваръ знаетъ его имя; но Мессеніонъ ему все объясняетъ—гетеры имѣютъ своихъ агентовъ у пристаней, которые и высматриваютъ для нихъ пріѣзжихъ поприличнѣе. Тѣмъ умѣстнѣе осторожность, и Сосиклъ это въ теоріи сознаетъ; но все же когда сама Эротія къ нему выходитъ и, тоже принимая его за Менехма (2 смѣшеніе), приглашаетъ его къ себѣ, онъ не въ силахъ сопротивляться и, чуя веселое приключеніе, отправляется къ ней, передавъ на всякій случай свои деньги („мотивъ кошелька") и прочее Мессеніону—вотъ что осталось отъ трагической ночи, проведенной героемъ сказки съ невѣсткой.—Тѣмъ временемъ Менехмъ со Щеткой толкутся на площади... Щетка, потерявъ въ сутолокѣ своего покровителя, бѣжитъ къ Эротіи, чтобы хоть къ обѣду не опоздать; какъ разъ въ эту минуту Сосиклъ, сытый и пьяный и съ вѣнкомъ на головѣ, выходитъ изъ дома прелестницы. Щетка не сомнѣвается въ томъ, что видитъ передъ собой Менехма (3 смѣшеніе), тѣмъ болѣе, что и та женская накидка у него на рукѣ (Эротія передала ее Сосиклу съ просьбой отнести ее передѣлать, и Сосиклъ, съ комической безцеремонностью на счетъ чужого добра, съ удовольствіемъ воспользовался добычей). На упреки Щетки мнимый Менехмъ отвѣчаетъ глумленіями, и тотъ, въ бѣшенствѣ, чтобы отомстить вѣроломному покровителю, идетъ разсказать обо всемъ его женѣ. Къ Сосиклу же выбѣгаетъ служанка Эротіи и передаетъ ему золотое запястье ея госпожи („мотивъ запястья") тоже съ просьбой отдать его въ починку (4 смѣшеніе); Сосиклъ и этотъ разъ не отказывается отъ добычи и уходитъ, бросивъ свой вѣнокъ въ сторону.

Тѣмъ временемъ жена Менехма, узнавъ

отъ Щетки о продѣлкѣ своего супруга, вмѣстѣ съ нимъ его поджидаетъ. Наконецъ, Менехмъ приходитъ, все еще бранясь по поводу докучливаго дѣла, задержавшаго его на площади. Вдругъ его встрѣчаютъ градомъ неожиданныхъ упрековъ, жена—за похищенную накидку, паразитъ—за съѣденный будто бы безъ него обѣдъ (1 недоразумѣніе). Первой онъ отвѣчаетъ увертками, второму—съ искренностью оскорбленной невинности, но результатъ тотъ, что гнѣвная супруга отказывается впустить его въ домъ, пока онъ не принесетъ ей обратно наряда. Паразитъ ждетъ себѣ благодарности; но хозяйка отпускаетъ его съ ироническимъ обѣщаніемъ отплатить ему взаимностью, когда у него что нибудь будетъ похищено, и онъ уходитъ окончательно, посылая къ чорту какъ мужа, такъ и жену. Менехмъ храбрится: не впустили его въ домъ—точно у него нѣтъ другого гнѣзда помилѣй! Онъ идетъ къ Эротіи; но ея въ началѣ любезный тонъ внезапно мѣняется, какъ только Менехмъ ей излагаетъ свою просьбу. Вѣдь она ему ужъ вручила накидку, да заодно и запястье для починки (2 недоразумѣніе)! „Чтожъ, хочешь отнимать подарки—изволь; только впредь ко мнѣ ужъ не приходи". Менехмъ жалобно смотритъ на вторую захлопнутую дверь: теперь онъ отовсюду прогнанъ. Онъ уходитъ посовѣтоваться съ друзьями о постигшемъ его несчастьи.

Но и Сосиклу не во всемъ повезло: онъ не можетъ найти Мессеніона съ деньгами и машинально, съ накидкою на рукѣ, возвращается на прежнее мѣсто. Жена Менехма выглядываетъ изъ за-двери дома: слава богамъ, нарядъ цѣлъ; все же она считаетъ полезнымъ встрѣтить своего мнимаго супруга (5 смѣшеніе) строгимъ внушеніемъ; тотъ ей гнѣвно отвѣчаетъ; при вспыльчивости обоихъ дѣло принимаетъ такой непріятный оборотъ, что неузнанная невѣстка посылаетъ за отцомъ. Является старикъ; онъ настолько знаетъ свою милую дочку, что заранѣе готовъ признать виновной ее, но разсказъ о нарядѣ его переубѣждаетъ и онъ обращается къ мнимому зятю (6 смѣшеніе) съ отеческими упреками. Сосиклъ божится, что не знаетъ ни его, ни его дочери; его слова и разстроенный видъ наводятъ обоихъ на мысль, что онъ сошелъ съ ума. Сосиклъ ухватывается за эту идею и, чтобы избавиться отъ обоихъ, притворяется дѣйствительно сумасшедшимъ; ему удается ихъ распугать, невѣстка уходитъ къ себѣ домой, старикъ за врачемъ и Сосиклъ спасается, пока цѣлъ.

Менехму, между тѣмъ, друзья ничего путнаго посовѣтовать не могли, и онъ въ раздумьи возвращается, браня про себя и невѣрнаго паразита и невѣрную подругу; у порога дома его встрѣчаютъ тесть и врачъ. Ему напоминаютъ о разыгранной имъ будто бы сценѣ бѣшенства (3 недоразумѣніе); его гнѣвные отвѣты принимаются за подтвержденіе болѣзни, и старикъ велитъ четыремъ крѣпкимъ рабамъ его схватить. Въ эту минуту подоспѣваетъ Мессеніонъ, ищущій своего господина: услышавъ крики Менехма, онъ бѣжитъ къ нему на помощь (7 смѣшеніе), освобождаетъ его и, пользуясь благодарнымъ настроеніемъ спасеннаго, выпрашиваетъ себѣ въ награду отпущенія на волю; Менехмъ, которому ничего не стоитъ отпустить на волю чужого раба, охотно исполняетъ его желаніе. Обрадованный Мессеніонъ увѣряетъ его въ своей дальнѣйшей преданности и уходитъ принести ему его деньги: „непремѣнно принеси" торопитъ его Менехмъ, отличающійся, какъ видно отсюда, такими же легкими взглядами на чужое добро, какъ и его братъ. Затѣмъ онъ вторично стучится къ Эротіи, чтобы переубѣдить капризную красавицу; Мессеніонъ же къ своему удивленію встрѣчаетъ своего настоящаго господина Сосикла, который его все время искалъ. Разумѣется, Сосиклъ и знать не хочетъ о томъ, что онъ отпустилъ своего раба на волю (4 недоразумѣніе); къ счастью, пока у нихъ идетъ перебранка, изъ дома Эротіи слышится такая же перебранка и на порогѣ появляется послѣ новой неудачи Менехмъ. Тутъ впервые оба брата видятъ другъ друга; еще одна послѣдняя ошибка Мессеніона (8 смѣшеніе)—и истина, при его дѣятельномъ участіи, возстановляется; Мессеніону окончательно даруется свобода; Менехмъ рѣшаетъ вернуться съ братомъ въ Сиракузы, продавъ все свое имущество въ Эпидамнѣ; продажа поручается Мессеніону, комическимъ аукціоннымъ объявленіемъ котораго—въ опись имущества Менехма попадаетъ и его жена, „буде ей найдется покупатель"—кончается драма.

IV.

Авторъ этой драмы намъ неизвѣстенъ; во всякомъ случаѣ онъ принадлежалъ къ тѣмъ, которые сосредоточивали свое вниманіе на интересѣ фабулы, а не на тщательности и правильности характеристикъ. Дѣйствительно, насколько хороша и забавна фабула, настолько заурядны изображенные

характеры. Поэтъ нигдѣ не поднимается выше типовъ: передъ нами типъ сварливой и скучной „супруги съ приданымъ". типъ изящной гетеры, съ любовью на устахъ, съ разсчетомъ въ душѣ; типъ паразита, руководимаго исключительно интересами своего желудка; типъ снисходительнаго старика, вѣчно жалующагося на свою старческую немощь; типъ вѣрнаго раба; типъ шарлатана-врача; былъ вѣроятно и типъ хвастливаго повара, но онъ въ сохранившейся передѣлкѣ сильно выцвѣлъ. Сами Менехмы—самые заурядные людишки, столь же похожіе другъ на друга душою, сколько и тѣломъ: оба охотники до утѣхъ продажной любви, оба не прочь поживиться чужимъ добромъ; просто не вѣрится, чтобы такая личность, какъ Сосиклъ, могла пространствовать шесть лѣтъ въ поискахъ за пропавшимъ братомъ, и нигдѣ такъ живо, какъ здѣсь, не чувствуется противорѣчіе между романтической сказкой и сатирической комедіей.

Но именно вслѣдствіе этого качественнаго преобладанія фабулы надъ характеристикой комедія должна была понравиться римлянамъ въ ту раннюю эпоху ихъ литературы, когда они впервые стали знакомиться съ греческими образцами. Неудивительно, поэтому, что она была переведена и передѣлана первымъ замѣчательнымъ комическимъ поэтомъ Рима, Плавтомъ, жизнь котораго обнимаетъ вторую половину 3-го и начало 2-го в. до Р. Х. Насколько мы можемъ судить, Плавтъ довольно тщательно воспроизвелъ греческій подлинникъ, позволивъ себѣ мѣстами сгустить, мѣстами разбавить краски, а также ввести и нѣкоторые чисто римскіе элементы, взамѣнъ греческихъ, которые остались бы непонятны его слушателямъ. Отплатили ли ему эти слушатели благодарностью за его старанія—мы не знаемъ, но для всѣхъ дальнѣйшихъ поколѣній „Менехмы" Плавта остались окончательной и единственной обработкой греческой комической фабулы, происшедшей путемъ реалистической метаморфозы изъ древней народной сказки.

Говоря о переработкѣ Плавта, полезно будетъ упомянуть, что мотивъ смѣшенія личностей и вызванныхъ имъ недоразумѣній встрѣчается у него не въ одной этой комедіи; онъ играетъ важную роль также въ его „Амфитріонѣ". Содержаніе этой комедіи почерпнуто изъ миѳа о чудесномъ рожденіи Геракла: по преданію, Зевсъ, явившись цѣломудренную Алкмену въ образѣ ея отсутствующаго супруга Амфитріона, сдѣлалъ ее матерью славнѣйшаго греческаго богатыря. Драматизацію этого мотива давали и трагическіе и комическіе поэты: для первыхъ важна была трагическая личность цѣломудренной и всетаки невѣрной супруги; для вторыхъ—самый мотивъ смѣшенія. Очень бойко этотъ мотивъ развитъ въ комедіи Плавта: отправляясь на ночное приключеніе, Юпитеръ беретъ съ собою своего слугу, небеснаго глашатая Меркурія; какъ Юпитеръ уподобляетъ себя Амфитріону, такъ и Меркурій превращается въ раба этого послѣдняго, трусливаго Сосія. Одна изъ самыхъ забавныхъ сценъ комедіи—та, въ которой Меркурій преграждаетъ Сосію путь, увѣряя его, что настоящій Сосій—это онъ, Меркурій; Сосій пробуетъ возражать, но обнаруженное Меркуріемъ знаніе самыхъ интимныхъ событій его жизни окончательно заставляетъ его усомниться въ своей личности.

V.

„Менехмы", какъ вообще комедіи Плавта, не пережили паденія римской республики; въ средніе вѣка о нихъ и подавно не могло быть рѣчи, но съ наступленіемъ Возрожденія воскресли и они. Сначала ихъ только читали; но затѣмъ явились попытки ставить ихъ на сцену. Эти попытки были двоякаго характера: мы должны отличать блестящія придворныя представленія отъ скромныхъ школьныхъ. На придворной сценѣ „Менехмы"—или, какъ ихъ называли чаще, „Менекины" (Menechini, первоначально описка вмѣсто Men(a)echini, получившая, однако, права гражданства) ставились то въ подлинникѣ, то въ итальянскомъ или французскомъ переводѣ, со всею пышностью, на какую только была способна та жизнерадостная эпоха; мы читаемъ о представленіи въ Феррарѣ, на которое собралось до 10.000 зрителей. Правда, успѣху содѣйствовала не одна только комедія Плавта, хотя она и считалась „очень веселой и доставляющей много удовольствія" (molto festevole e piena di diletto). Съ одной стороны, актеры позволяли себѣ разнаго рода добавленія и намеки на современность: такъ въ представленіи, данномъ въ Римѣ по случаѣ свадьбы Лукреціи Борджіа съ сыномъ Эрколе ферраскаго, Менехмъ, схваченный четырьмя рабами по приказанію своего тестя, жаловался, какъ

это подобныя насилія могутъ совершаться sospite Caesare, Iove propitio et votivo Hercule (причемъ подъ Цезаремъ разумѣлся Цезарь Борджіа, сынъ папы Александра VI, подъ Юпитеромъ—самъ папа, а подъ Геркулесомъ—Эрколе феррарскій); такъ другой разъ Мессеніонъ, объявляя объ аукціонѣ Менехма, съ котораго должна быть продана его жена—рекомендовалъ зрителямъ, у кого есть сварливая жена, послѣдовать его примѣру. Съ другой стороны, режиссеры приправляли комедію всякаго рода блестящими зрѣлищами, до которыхъ всѣ тогда были такъ охочи: когда „Менехмы" давались въ Феррарѣ въ 1493 г., то въ пьесу были вставлены цѣлыхъ три балета (moresche), а въ заключеніе былъ выведенъ на сцену роскошно разукрашенный корабль (la nave del Menechino), на которомъ оба Менехма совершали свой путь на родину. Все это свидѣтельствуетъ о замѣчательной живучести древней пьесы въ 15 и 16 вѣкахъ; но еще болѣе свидѣтельствуетъ о ней слѣдующее обстоятельство: итальянскій народъ не забылъ своего „Менекина", столько разъ видѣннаго имъ на сценѣ въ излюбленной comedia del Menechino, какъ ее называли; онъ живетъ и понынѣ подъ тѣмъ же именемъ въ миланской народной комедіи, въ которой Meneghino (миланское произношеніе вмѣсто Menechino) играетъ такую же роль, какъ Арлеккино въ Венеціи, Пульчинелла въ Неаполѣ и т. д.

Но какъ ни интересны для насъ эти представленія придворныхъ театровъ—гораздо плодотворнѣе были скромныя и незатѣйливыя по своей внѣшней обстановкѣ представленія гуманистическихъ школъ. Они были плодотворнѣе уже тѣмъ, что были распространеннѣе: не вездѣ имѣлись богатые и пышные меценаты вродѣ Медичи во Флоренціи, Борджіа въ Римѣ, Эсте въ Феррарѣ, Корнаро въ Венеціи, Гонцага въ Мантуѣ; но школьныя представленія были возможны вездѣ, гдѣ только были гуманистическія школы, а эти послѣднія уже въ 15 в. появляются сѣвернѣе Альпъ и въ 16 в. завоевали всю цивилизованную Европу—съ Англіей включительно. Слѣдуетъ помнить, что школьныя представленія классическихъ пьесъ были не однимъ только школьнымъ торжествомъ: они собирали всю интеллигенцію города, въ которомъ давались. Распространенность латинскаго языка дозволяла этой интеллигенціи безъ труда слѣдить за перипетіями представляемой драмы; съ другой стороны, представленіе являлось чѣмъ то въ родѣ публичнаго экзамена, свидѣтельствуя о плодотворности школы, которая была украшеніемъ и гордостью города.

Этотъ школьный театръ, вмѣстѣ съ чтеніемъ античныхъ подлинниковъ (Сенеки для трагедіи, Плавта и Теренція для комедіи), сдѣлался однимъ изъ двухъ корней классической англійской драмы XVI вѣка; вторымъ корнемъ были родные англійскіе „моралитеты", перешедшіе изъ среднихъ вѣковъ въ новыя времена. Изъ моралитетовъ англійская драма заимствовала пестрый калейдоскопъ сценъ съ постоянно мѣняющимся театромъ дѣйствія, многочисленность дѣйствующихъ лицъ съ непремѣннымъ участіемъ шута-балагура (Vice, Old Iniquity, Clown), разнообразіе ихъ безпорядочной фабулы; изъ классической драмы, кромѣ нѣкоторыхъ техническихъ особенностей, единство и выдержанность характеровъ и законченность фабулы (о вліяніи въ томъ же направленіи другихъ классическихъ писателей, особенно Плутарха, см. введеніе къ „Антонію и Клеопатрѣ"). Нѣкоторое время подражатели обоихъ направленій писали независимо другъ отъ друга; первую попытку внѣшнимъ образомъ ихъ спаять сдѣлалъ Кидъ въ своей „Испанской трагедіи"; но первое интимное и внутреннее сліяніе мы находимъ въ поэтическомъ творчествѣ основателя англійской классической драмы Марло, ровесника, но въ то же время предшественника и образца Шекспира.

VI.

Сказанное въ предыдущей главѣ было необходимо для того, чтобы возстановить мостъ между „Менехмами" Плавта и „Комедіей ошибокъ" Шекспира. Правда, мы не въ состояніи сказать, видѣлъ ли Шекспиръ комедію Плавта на сценѣ или былъ вынужденъ удовольствоваться ея чтеніемъ—тѣмъ болѣе, что эти двѣ возможности ничуть не исключаютъ другъ друга: Правда, новѣйшая критика долгое время не желала допускать знакомства Шекспира съ латинскимъ подлинникомъ, основываясь на насмѣшкѣ Бенъ Джонсона, что Шекспиръ зналъ „плохо по латыни, еще хуже по гречески"; а такъ какъ первый англійскій переводъ Плавтовой пьесы появился въ 1595 г., т. е. какъ мы увидимъ тотчасъ, приблизительно пять лѣтъ послѣ окончанія „Комедіи ошибокъ", то приходилось допустить,

что этотъ переводъ былъ распространяемъ въ рукописи и такимъ образомъ сталъ извѣстенъ поэту задолго до своего выхода въ свѣтъ. Но это очевидная натяжка; съ другой стороны слѣдуетъ отмѣтить, что мы не находимъ никакихъ слѣдовъ зависимости Шекспира отъ перевода, между тѣмъ какъ есть улики, указывающія на его знакомство съ подлинникомъ. Дѣло въ томъ, что оба Антифола, соотвѣтствующіе Плавтовымъ Менехмамъ, названы въ первомъ изданіи Шекспировой пьесы: первый—Antipholus Sereptus, а второй—Antipholus Erotes (или Errotis), между тѣмъ какъ переводчикъ называетъ своихъ героевъ Менехмомъ-гражданиномъ (M. the citizen) и Менехмомъ-странникомъ (M. the travailer). Второе имя загадочно (подѣйствовала ли тутъ ассоціація съ глаголомъ errare, или съ именемъ гетеры Erotium, трудно сказать); но зато первое ясно соотвѣтствуетъ эпитету surreptus („похищенный"), который прологистъ у Плавта даетъ своему эпидамнійцу Менехму *). Впрочемъ, на знакомство Шекспира съ подлиннымъ Плавтомъ указываютъ и другія заимствованія, о которыхъ будетъ рѣчь впослѣдствіи; если же Бенъ Джонсону его знаніе латинскаго языка казалось недостаточнымъ, то это вполнѣ объясняется обширной классической эрудиціей этого ученаго поэта, съ которой не могли идти въ сравненіе познанія стратфордскаго самоучки.

Что касается времени возникновенія „Комедіи ошибокъ", то оно опредѣляется довольно точно однимъ каламбуромъ, на который впервые указалъ англійскій критикъ Мэлонъ. Въ той потѣшной географіи кухарки жены Дроміона Эфесскаго, которую Дромионъ Сиракузскій развиваетъ своему господину (д. III, сц. 2), Франція оказывается у этой красавицы „на лбу, вооруженная и мятежная, ведущая войну съ ея волосами" (in her forehead, arm'd and reverted, making war against her hair). Каламбуръ основывается на созвучіи словъ hair „волосы" и heir(e) „наслѣдникъ"; лобъ лысѣющей кухарки приравнивается Франціи, ведущей войну со своимъ „наслѣдникомъ", т. е. Генрихомъ Наваррскимъ, законнымъ наслѣдникомъ престола, послѣ убійства Генриха III въ 1589 г. Эта война кончилась лишь съ переходомъ Генриха Наваррскаго въ католичество въ 1593 г. и такимъ образомъ данъ самый поздній срокъ для возникновенія нашей комедіи. Но, конечно, остается возможнымъ, что она написана и раньше, и что каламбуръ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ вставленъ при одномъ изъ ея повтореній на сценѣ; такимъ образомъ оказывается, что „Комедія ошибокъ"—одна изъ самыхъ раннихъ, если не самая ранняя изъ самостоятельныхъ драмъ Шекспира.

*) Замѣчу кстати, что варіантъ surreptus: sereptus скорѣе говоритъ въ пользу предположенія, что Шекспиръ видѣлъ драму Плавта на сценѣ; дѣйствительно, въ англійскомъ произношеніи оба эти слова совпадаютъ. Латинскаго слова sereptus нѣтъ, но оно образовано совершенно правильно (ср. selectus, seductus) и самая вольность этого словообразованія указываетъ на нѣкоторое знакомство его автора съ латинскимъ языкомъ.

VII.

Завязка ея состоитъ въ слѣдующемъ:

Эгеонъ, сиракузскій купецъ, по дѣламъ отправляется моремъ въ Эпидамнъ; его молодая жена Эмилія, не будучи въ состояніи вынести долгую разлуку, послѣдовала за мужемъ туда же. Тамъ она вскорѣ родила близнецовъ „столь похожихъ другъ на друга, что ихъ можно было различить только именами"; въ тотъ же часъ и въ томъ же домѣ простая женщина тоже разрѣшилась отъ бремени двойнями; ихъ Эгеонъ купилъ у ихъ родителей, чтобы современемъ сдѣлать ихъ слугами своихъ сыновей. Черезъ нѣсколько времени они пустились въ обратное плаваніе; тутъ ихъ настигла буря, они потерпѣли крушеніе, послѣдствіемъ котораго было раздѣленіе семьи. Эгеонъ съ однимъ сыномъ и мальчикомъ-слугой, могли вернуться въ Сиракузы; другихъ отнесло къ Коринеу. Прошло около восемнадцати лѣтъ; сынъ Эгеона, Антифолъ, и его слуга Дроміо (онъ)—„лишенные своихъ братьевъ, они удержали ихъ имена *)—пожелали отправиться на поиски; то же сдѣлалъ со своей стороны и Эгеонъ. Скоро они потеряли другъ друга изъ виду; наконецъ, въ одинъ и тотъ же день, они—ничего не зная другъ о другѣ—очутились въ Эфесѣ. Въ томъ же Эфесѣ жили—то же ничего не зная другъ о

*) Итакъ, Шекспиръ удержалъ фикцію Плавта, согласно которой первоначальному Сосиклу послѣ исчезновенія его брата Менехма было дано его имя—она была для него такъ же необходима какъ и для римскаго поэта. Но насколько это переименованіе естественно тамъ, гдѣ оно производится Менехмомъ дѣдомъ обоихъ мальчиковъ (правда, критики Шекспира оспариваютъ эту естественность, но они дѣлаютъ это исключительно вслѣдствіе своего незнакомства съ условіями античной жизни), на столько оно непонятно у Шекспира, тѣмъ болѣе по отношенію къ слугѣ. Поэтъ тутъ просто допустилъ насиліе надъ фабулой, чтобы создать ту обстановку, которая была нужна.

другѣ—съ одной стороны Эмилія, ставшая почтенной игуменьей эфесскаго монастыря, съ другой—настоящій Антифолъ съ настоящимъ Дроміономъ. Этотъ Антифолъ „Эфесскій" попалъ туда, послѣ многихъ приключеній, изъ Коринѳа; отдавшись военному дѣлу, онъ пріобрѣлъ расположеніе Эфесскаго герцога Солина, который самъ женилъ его на богатой красавицѣ Адріанѣ. Отношенія между Эфесомъ и Сиракузами вскорѣ испортились: въ Эфесѣ былъ даже изданъ законъ, чтобы всякій сиракузянинъ, попавшій въ Эфесъ, былъ казнимъ, если онъ не сможетъ выкупить себя. Когда туда явился Антифолъ „Сиракузскій", его успѣли предупредить; но Эгеонъ предупрежденъ не былъ—его ведутъ на казнь. Здѣсь начинается дѣйствіе.

Такимъ орразомъ, обстановка у Шекспира много сложнѣе, чѣмъ у Плавта. Главное дополненіе состоитъ въ томъ, что кромѣ близнецовъ-свободныхъ англійскій поэтъ ввелъ соотвѣтствующую чету близнецовъ-рабовъ, обоихъ Дроміоновъ; этимъ онъ значительно приблизился къ сказочному мотиву—хотя, съ другой стороны, за неимѣніемъ опредѣленныхъ данныхъ, мы не можемъ утверждать, что сказка вродѣ пересказанной выше (гл. 1) была извѣстна Шекспиру. Несомнѣнно, что главнымъ побужденіемъ было для англійскаго поэта желаніе увеличить персоналъ трагедіи и украсить новыми арабесками простой сравнительно узоръ подлинника: дѣйствительно, благодаря введенію обоихъ Дроміоновъ, соотвѣтствующихъ Меркурію и Сосію въ „Амфитріонѣ", онъ получилъ возможность соединить комическіе мотивы этой пьесы съ заимствованными изъ „Менехмовъ". Но поэтъ не ограничился тѣмъ, что удвоилъ роль Плавтова Мессеніона; онъ ее значительно измѣнилъ, сдѣлавъ своихъ Дроміоновъ настоящими клоунами пьесы. У Плавта Мессеніонъ—типъ честнаго и вѣрнаго раба очень симпатичный въ жизни, но скучноватый на сценѣ; Дроміоны, напротивъ, прежде всего—шуты и балагуры; про сиракузскаго его собственный хозяинъ говоритъ, что онъ его развлекалъ въ минуты скуки (д. I, сц. 2), но его эфесскій братъ ему въ этомъ не уступаетъ; они острятъ надъ другими, острятъ надъ самими собою, когда ихъ бьютъ, что случается при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. При этомъ ихъ остроуміе—чисто шутовское: оно выражается въ чудовищныхъ гиперболахъ, потѣшныхъ сближеніяхъ, рискованныхъ „кводлибетахъ", вымученныхъ играхъ словъ и т. д.; образчиками могутъ служить кводлибетъ о томъ, что не всякому дѣлу свое время (II 2), географія кухарки (II 2), описаніе пристава (IV 3) и т. д. Намъ этотъ юморъ сталъ недоступенъ даже въ англійскомъ подлинникѣ; на другіе языки онъ и подавно непереводимъ; но все же слѣдуетъ помнить, что то, что намъ теперь кажется грубымъ шаржемъ или нелѣпостью, въ свое время считалось верхомъ остроумія. Гораздо понятнѣе намъ заимствованные изъ античности элементы юмора, вродѣ потѣшнаго разсказа Дроміона Эфесскаго о томъ, какъ его встрѣтилъ его мнимый хозяинъ на площади (II 1); тутъ сказывается вліяніе римской комедіи, которой, къ слову сказать, наши клоуны обязаны и своими именами: раба Дроміона мы имѣемъ въ „Антріи" Теренція.

Но чтобы достигнуть требуемой сложности обстановки, поэтъ совершенно пожертвовалъ всякимъ правдоподобіемъ. У Плавта оно—если согласиться съ основнымъ мотивомъ полнаго сходства братьевъ близнецовъ—соблюдено недурно; но, если мы и можемъ примириться съ одной четой вродѣ обоихъ Менехмовъ, то ея удвоеніе совершенно лишено всякаго вѣроятія, тѣмъ бслѣе, что поэтъ не могъ для его объясненія воспользоваться чудеснымъ мотивомъ сказки. У Плавта встрѣча въ Эпидамнѣ обставлена вполнѣ правдоподобно: разъ рѣшившись отыскивать брата повсюду, Сосиклъ не могъ не заѣхать и въ тотъ крупный торговый городъ, въ которомъ онъ жилъ. У Шекспира совпаденія накопляются чудовищнымъ образомъ: Эмилія и Антифолъ Эфесскій жили долгое время въ томъ же городѣ, имѣя общихъ знакомыхъ (герцога), и притомъ не видятъ другъ друга и ничего другъ о другѣ не слышатъ; Эгеонъ и Антифолъ Сиракузскій послѣ шестилѣтней разлуки въ одинъ и тотъ же день являются въ тотъ городъ, гдѣ живетъ предметъ ихъ поисковъ. Совершенно невѣроятно, затѣмъ описаніе самого крушенія и т. д. И всѣ эти нарушенія правдоподобія тѣмъ ощутительнѣе, что фабулу пьесы намъ сообщаетъ не комическое лицо, вродѣ Плавтова прологиста, а трагическая фугура старика Эгеона, котораго ведутъ на казнь за невольное нарушеніе жестокаго эфесскаго закона.

VIII.

Герцогъ Солинъ не намѣренъ оказать пощаду несчастному Эгеону; онъ даетъ

ему только время разсказать о своихъ приключеніяхъ—что Эгеонъ и дѣлаетъ, начиная, подобно Энею у Виргилія, съ infandum jubes renovare dolorem—а затѣмъ, тронутый этимъ разсказомъ, откладываетъ исполненіе приговора до вечера, чтобы дать осужденному время собрать требуемую для выкупа сумму. Эгеонъ уходитъ и не появляется болѣе до конца драмы; его участь, такимъ образомъ—трагическая рамка, въ которую заключена веселая „комедія ошибокъ".

Та сцена, съ которой она начинается у Плавта, здѣсь пропущена, но предполагается; Антифолъ Эфесскій отправился по коммерческимъ дѣламъ на городскую площадь, его домашніе ждутъ его къ обѣду домой. Тутъ большая разница между героями Шекспира и Плавта: шекспировскій Антифолъ — вѣрный супругъ, никакой подруги у него пока нѣтъ. Это не мѣшаетъ, однако, Адріанѣ подозрѣвать его въ невѣрности, и эти ни на чемъ не основанныя подозрѣнія отравляютъ ихъ семейную жизнь. Вообще характеръ этой женщины страдаетъ двойственностью: поэтъ видимо принялъ типическую фигуру сварливой жены, которую нашелъ у Плавта, затѣмъ пожелалъ ее облагородить, но метаморфоза ему удалась не вполнѣ: первоначальные элементы контрастируютъ съ наносными, полнаго сліянія не произошло. Съ особой рѣзкостью этотъ контрастъ даетъ себя знать въ сценѣ съ игуменьей (V, 1): игуменья заставляетъ Адріану признаться въ томъ, что она изводила мужа своими упреками и довела его ими до сумасшествія—и тутъ же ея сестра Люціана ее защищаетъ, говоря, что ея упреки всегда были ласковы. Въ результатѣ мы не знаемъ, кому вѣрить; приходится думать, что сварливая Адріана—первоначальный набросокъ, давшій между прочимъ сцену признанія передъ игуменьей, и что поэту жаль было пожертвовать этой дѣйствительно блестящей сценой даже тогда, когда у него образъ благородной Адріаны уже опредѣлился.

Но какъ уже было замѣчено, сцена ухода Антифола Эфесскаго у Шекспира пропущена; дѣйствіе комедіи начинается съ появленія Антифола Сиракузскаго въ обществѣ знакомаго эфесскаго купца, который ему совѣтуетъ соблюдать осторожность и передаетъ ему полученную имъ нѣкогда на храненіе сумму денегъ—здѣсь всплываетъ удачно видоизмѣненный и приноровленный къ новой обстановкѣ, Плавтовскій „мотивъ кошелька". Кошелекъ Антифолъ отдаетъ своему слугѣ Дроміону Сиракузскому, съ приказаніемъ отнести его въ гостиницу „Кентавръ", гдѣ онъ остановился, и тамъ его дожидаться, а самъ, простившись съ купцомъ, собирается уйти. Вдругъ ему навстрѣчу Дроміонъ Эфесскій; это—первое смѣшеніе, но не простое, какъ у Плавта, а обоюдное: не только Дроміонъ Эфесскій принимаетъ Антифола Сиракузскаго за своего господина, но и Антифолъ Сиракузскій—чужого слугу за своего. Разъ примирившись съ невѣроятностью обстановки, мы въ этомъ удвоеніи должны будемъ признать несомнѣнный прогрессъ; Дроміонъ Эфесскій настойчиво проситъ мнимаго хозяина пожаловать къ обѣду, Антифолъ Сиракузскій еще настойчивѣе спрашиваетъ мнимаго слугу, что онъ сдѣлалъ съ его деньгами; сцена кончается тѣмъ, что Дроміонъ, прибитый Антифоломъ, убѣгаетъ домой, а Антифолъ торопится въ гостиницу присмотрѣть за деньгами. Его безпокойство усугубляется извѣстнымъ ему характеромъ эфесскихъ жителей—и здѣсь мы имѣемъ интересную въ культурно-историческомъ отношеніи параллель къ тому мѣсту у Плавта, гдѣ описываются нравы эпидамнійцевъ (II, 1). Въ Эпидамнѣ, говоритъ тамъ Мессеніонъ, много развратниковъ, пьяницъ, жуликовъ, прелестницъ—вотъ и все, мы на почвѣ дѣйствительности. Въ Эфесѣ, говоритъ здѣсь Антифолъ, много жуликовъ, затѣмъ—кудесниковъ, обманывающихъ взоръ, колдуновъ, тумянящихъ умъ, душегубокъ-вѣдьмъ, превращающихъ тѣло—тутъ сказывается все средневѣковое суевѣріе, смѣнившее ясный раціонализмъ античнаго міра. Но спеціально „Комедіи ошибокъ" это суевѣріе на-руку: мнѣніе, что вся дальнѣйшая путаница—навожденіе сатаны, совершенно правдоподобно зарождается въ умѣ ищущаго своего брата Антифола Сиракузскаго и не даетъ возникнуть догадкѣ, что искомый братъ находится именно въ Эфесѣ.

IX.

Съ уходомъ Антифода Сиракузскаго кончается также и первое дѣйствіе; второе вводитъ насъ въ домъ Антифола Эфесскаго и представляетъ намъ Адріану въ разговорѣ съ ея сестрой Люціаной. Эта Люціана заняла мѣсто Плавтова тестя; и нѣтъ сомнѣнія, что замѣна была очень удачна и съ точки зрѣнія фабулы и съ съ точки зрѣнія характеристики. Что касается прежде всего характеристики, то кроткая и сми-

ренія Люціана образуетъ очень благодарный контрастъ къ нетерпѣливой и ревнивой Адріанѣ; ея рѣчи о необходимости повиновенія мужу навѣяны, положимъ, примѣромъ Плавтова текста, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ слышится прелюдія того, что должно было составить тему „Укрощенія строптивой". Больше, сравнивая сестеръ „Комедіи ошибокъ" съ тѣми, которыя изображены въ „Укрощеніи строптивой", мы приходимъ къ убѣжденію, что именно неудавшаяся попытка облагородить характеръ Адріаны заставила Шекспира еще разъ взяться за ту же задачу на болѣе широкомъ фактическомъ и психологическомъ фундаментѣ. Что же касается фабулы, то полезно будетъ тутъ же указать на коренную разницу между „Менехмами" и нашей комедіей. Тамъ дѣло несомнѣнно должно кончиться разводомъ между Менехмомъ и его женой и даже не разводомъ, а простой разлукой навѣки: ихъ бракъ разрушенъ уже тѣмъ, что мнимый эпидамніецъ Менехмъ оказывается сиракузяниномъ, а возобновить его на новыхъ основаніяхъ при ихъ взаимной ненависти другъ къ другу нѣтъ никакой надобности. Очевидно, Менехмъ, продавъ свое унаслѣдованное имущество, уѣдетъ съ братомъ домой и тамъ женится на сиракузянкѣ, а его жена, получивъ обратно свое приданое, вернется къ отцу, который ее выдастъ за эпидамнійца—дѣтей, къ счастью, у нихъ нѣтъ. Напротивъ, въ христіанской драмѣ политическая точка зрѣнія отступаетъ на задній планъ; бракъ неприкосновененъ, Адріана останется женой Антифола Эфесскаго, отецъ, поэтому, для нея непуженъ. А чтобы прибытіе брата не ослабило ихъ брачнаго союза, поэтъ далъ Адріанѣ незамужнюю сестру, прелестную Люціану: не разводомъ, а второй свадьбой кончится дѣйствіе „Комедіи ошибокъ".

Къ разговаривающимъ сестрамъ вбѣгаетъ Дроміонъ Эфесскій; его разсказъ о томъ, какъ его встрѣтилъ его мнимый хозяинъ, усиливаетъ подозрѣнія Адріаны, сестра не въ силахъ ее утѣшить. Затѣмъ дѣйствіе переносится на площадь: Антифолъ Сиракузскій успѣлъ побывать у себя въ гостинницѣ и убѣдиться въ сохранности своихъ денегъ, но своего Дроміона онъ тамъ не нашелъ (тотъ самъ вышелъ его отыскивать (почему онъ ушелъ, несмотря на данное ему приказаніе оставаться въ гостинницѣ это такъ и остается невыясненнымъ) Теперь, на площади, онъ его встрѣчаетъ и напоминаетъ ему о его неумѣстныхъ шуткахъ съ обѣдомъ (1 недоразумѣніе); такъ какъ онъ отъ нихъ отрекается, то его бьетъ, что однако нимало не портитъ его веселаго настроенія. Но вотъ къ нимъ выходитъ ревнивая Адріана съ сестрой (2 смѣшеніе): удивленные отвѣты Антифола принимаются за притворство, даже кроткая Люціана возмущена недостойной комедіей, которую ея мнимый зять, въ стачкѣ со своимъ холопомъ, разыгрываетъ передъ женой. Удивленіе обоихъ сиракузянъ возрастаетъ; у обоихъ мелькаетъ мысль о дьявольскомъ навожденіи, они не рѣшаются сопротивляться таинственной силѣ, которая ихъ окружаетъ. Адріана очень рѣшительно требуетъ, чтобы ея мнимый супругъ вернулся обѣдать, а Дроміону дается строгое приказаніе никого не впускать въ совершенно чужой для него домъ. Оба безропотно повинуются.

Такъ то мы вернулись къ мотиву сказки: Антифолъ не съ любовницей, а съ законной женой своего брата и принимается ею за ея супруга. Но до тѣхъ приключеній, которыя ему чудятся въ окружающемъ его туманѣ, дѣло не дойдетъ—на обѣдѣ присутствуетъ Люціана, и ея общество даетъ мыслямъ гостей другое, благодѣтельное для всѣхъ направленіе.

X.

Третье дѣйствіе происходитъ на площади передъ домомъ Антифола Эфесскаго; дверь заперта, за дверью, невидимый, стоитъ Дроміонъ Сиракузскій съ твердымъ намѣреніемъ никого не впускать. Является—впервые для зрителей—самъ хозяинъ дома въ сопровожденіи своего Дроміона—все еще ворчащаго за полученные будто бы отъ хозяина побои (2 недоразумѣніе)—и двухъ знакомыхъ купцовъ съ фантастическими именами Анджело и Бальтазара. Первому изъ нихъ Антифолъ Эфесскій заказалъ цѣпочку для своей жены, которая должна быть готова завтра (этотъ „мотивъ цѣпочки" соотвѣтствуетъ „мотиву накидки" у Плавта); пока оба имъ приглашены къ обѣду. Дроміонъ Эфесскій стучится въ дверь; ему отвѣчаетъ изъ дому другой Дроміонъ градомъ забавной ругани. Начинается перебранка, въ которой мало по малу принимаютъ участіе съ одной стороны—Антифолъ Эфесскій, съ другой невидимыя—рѣзвая служаночка Люція и сама хозяйка Адріана. Адріана возмущена тѣмъ, что какой то прохожій забулдыга осмѣливается называть ее своей женой, Антифолъ—тѣмъ, что его не впускаютъ въ его же домъ.

Онъ грозитъ взломать дверь; но Бальтазаръ убѣждаетъ его не порочить своей жены публичнымъ скандаломъ и вооружиться терпѣніемъ, пока очевидное недоразумѣніе не разсѣется само собой. Антифолъ уступаетъ, но терпѣть онъ не намѣренъ. До сихъ поръ жена его безъ всякаго основанія попрекала знакомствомъ съ нѣкоей услужливой дѣвицей; теперь онъ рѣшилъ дѣйствительно у нея отобѣдать и ей же подарить заказанную для жены цѣпочку. Онъ проситъ Анджело принести ее туда и тамъ же съ нимъ повеселиться; затѣмъ всѣ расходятся.

Въ этой сценѣ сосредоточенъ комизмъ „Комедіи ошибокъ"; и именно она не заимствована изъ „Менехмовъ". Ея образецъ другая комедія Плавта, „Амфитріонъ". Мы видѣли уже, что мотивъ близнецовъ-рабовъ ведетъ свое происхожденіе отъ нея; Меркурій съ Сосіемъ соотвѣтствуютъ обоимъ Дроміонамъ, точно такъ же какъ Юпитеръ съ Амфитріономъ соотвѣтствуютъ обоимъ Аитифоламъ. Юпитеръ находится у Алкмены, жены Амфитріона; пока онъ съ ней, Меркурію приказано сторожить и не впускать въ домъ настоящаго хозяина. Онъ исполняетъ свое порученіе очень ловко, и Амфитріонъ уходитъ въ бѣшенствѣ, увѣренный, что жена ему измѣнила. Совпаденіе поразительно—столь поразительно, что можно только удивляться, какъ оно могло ускользнуть отъ вниманія критиковъ до сравнительно недавнихъ временъ *). А если Шекспиръ былъ такъ хорошо знакомъ съ Плавтомъ, что могъ „контаминировать" различныя его пьесы—то, конечно, и мнѣніе о его недостаточномъ знакомствѣ съ латинскимъ языкомъ придется оставить.

За этой сценой рѣзкаго, подъ часъ шутовскаго комизма слѣдуетъ поэтическая жемчужина нашей драмы—объясненіе Антифола Сиракузскаго съ Люціаной. Они оба вышли изъ дому; она—чтобы вразумить своего мнимаго зятя (продолженіе 2-го смѣшенія), онъ—чтобы признаться ей въ тѣхъ сладкихъ чувствахъ, которыя она съумѣла ему внушить. Положеніе, такимъ образомъ, продолжаетъ быть фальшивымъ, но доброта и ласковость Люціаны, сказывающіяся въ ея дружелюбныхъ упрекахъ, страстная любовь, которой дышатъ признанія Антифола, заставляютъ насъ почти забыть объ этомъ. Уже здѣсь чувствуются ноты, которымъ суждено было вскорѣ такъ мощно прозвучать въ настоящей трагедіи любви Шекспира—въ его „Ромео и Джульеттѣ".

Но Шекспиръ любилъ оттѣнять свои мотивы посредствомъ контраста; когда Люціана ушла отъ Антифола, возмущенная вѣроломствомъ своего мнимаго зятя и въ то же время тронутая неподдѣльной искренностью, которой дышали его слова—изъ дома вырывается Дроміонъ Сиракузскій. Доблестно исполнивъ роль привратника, онъ пошелъ было въ кухню закусить—и тутъ его встрѣтила съ распростертыми объятіями кухарка, жена его эфесскаго двойника (3 смѣшеніе). Такой сцены у Плавта нигдѣ нѣтъ; это—карикатура на сцену Адріаны съ Антифоломъ, совершенно въ духѣ клоунскаго остроумія англійской драмы (такъ же, напр., въ „Фаустѣ" Марло трагическій актъ героя этой драмы карикатируется соотвѣтственнымъ дѣйствіемъ клоуна). Дроміонъ приходитъ въ ужасъ при мысли, что онъ можетъ оказаться мужемъ этого „глобуса сала"; этотъ ужасъ, однако, не мѣшаетъ ему дать то подробное географическое описаніе этого глобуса, о которомъ рѣчь была выше въ главѣ VI. Все же дѣло имѣетъ и серьезную сторону: оба сиракузянина все болѣе и болѣе убѣждаются, что ихъ окружаетъ нечистая сила. Спеціально жирная кухарка—несомнѣнно вѣдьма; Дроміонъ увѣренъ, что только его истинная вѣра спасла его отъ участи быть превращеннымъ въ куцую собаку, чтобъ вертѣть жаркое *). Антифолъ посылаетъ его въ гавань справиться, нѣтъ ли тамъ корабля, съ которымъ они могли бы уѣхать, и рѣшаетъ дожидаться его на рынкѣ. Даже къ Люціанѣ онъ сталъ относиться подозрительно; кто знаетъ, не волшебница ли она. Что же касается Адріаны, зовущей его своимъ мужемъ, то „его душа содрогается при мысли, что она могла бы быть его женой"—причемъ безсознательно сказывается естественное отношеніе къ той, которая была женой его брата.

Но на пути къ рынку Антифолу предстоитъ новое приключеніе: его встрѣчаетъ Анджело, извиняется, что не могъ поспѣть

*) Его открылъ Вислиценусъ въ статьѣ, напечатанной въ 1874 г. въ журналѣ «Litteratur» и повторенной съ дополненіями въ XIV томѣ «Jahrbuch der deutschen Shakespeare Gesellschaft». Зато его сближенія нѣкоторыхъ мотивовъ нашей комедіи съ «Периклом» я считаю неубѣдительными; еще менѣе серьезными показались мнѣ теоріи другихъ критиковъ о мнимыхъ источникахъ Шекспира въ нашей комедіи.

*) Это превращеніе осуществилъ Гейне въ самой забавной сценѣ своего «Атта Тролля».

къ обѣду (4 смѣшеніе) и вручаетъ ему золотую цѣпочку; Антифолъ не понимаетъ его рѣчей, но отъ цѣпочки не отказывается—какъ видно, онъ унаслѣдовалъ комическую безцеремонность своего плавтовскаго образца, не вполнѣ идущую къ его прочему джентльменскому характеру. А теперь его единственная мысль—поскорѣй убѣжать вмѣстѣ съ неожиданной добычей. Онъ уходитъ; занавѣсъ опускается.

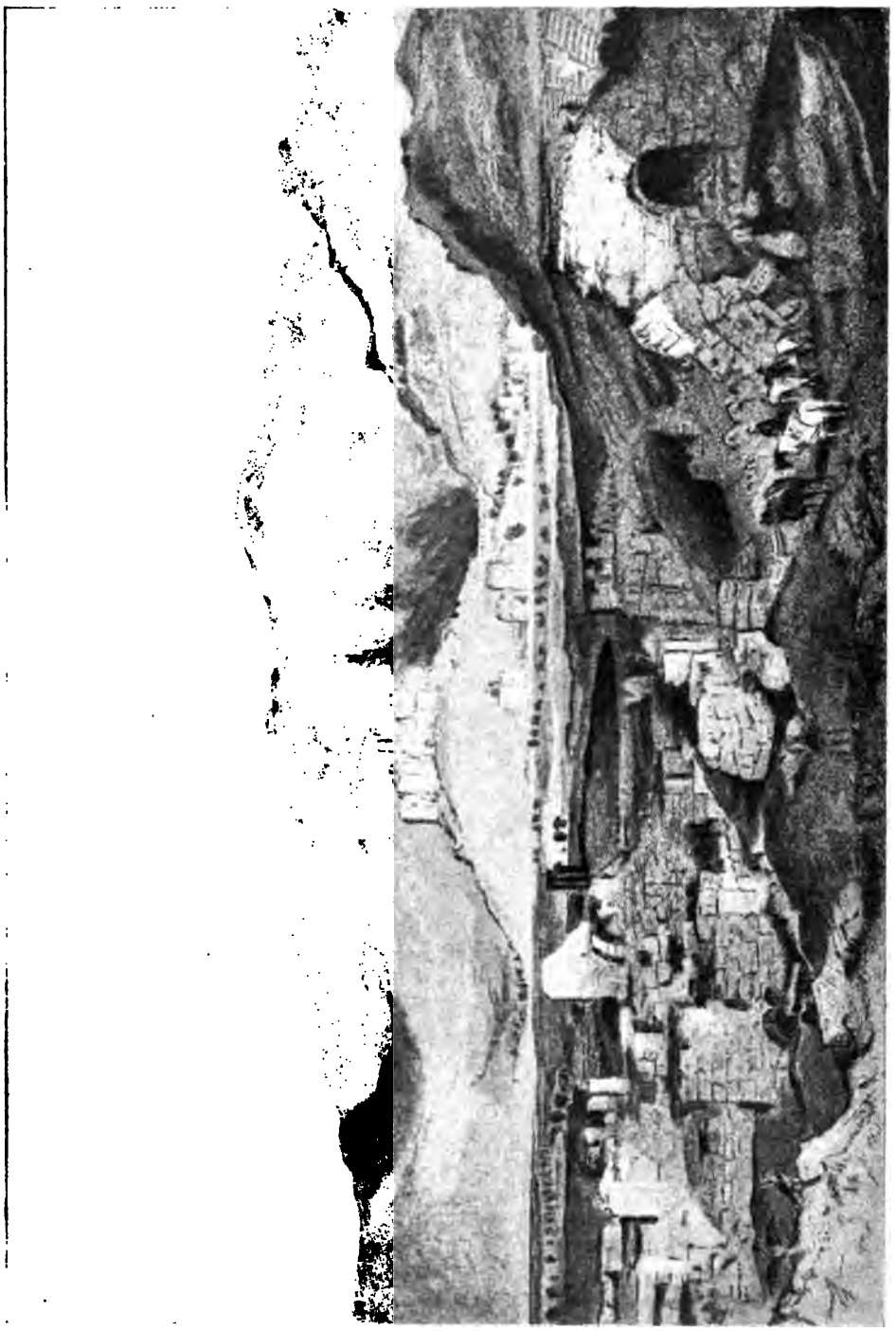
XI.

Четвертое дѣйствіе начинается передъ домомъ той дѣвицы, у которой Антифолъ Эфесскій обѣдалъ. Бѣдный Анджело въ затруднительномъ положеніи: его хотятъ арестовать за долги, кредиторъ за нимъ пришелъ и предупредительно привелъ съ собою пристава. Его единственная надежда—Антифолъ Эфесскій, который долженъ ему уплатить крупную сумму за цѣпочку.—Какъ разъ въ это время Антифолъ Эфесскій, которому надоѣло дожидаться Анджело, выходитъ изъ дома куртизанки, чтобы отправиться къ нему; своего Дроміона онъ посылаетъ тѣмъ временемъ за плеткой, „чтобы раздѣлить ее между его женой и ея союзниками", и тотъ уходитъ. Происходитъ встрѣча между Анджело и Антифоломъ; тотъ требуетъ денегъ за цѣпочку, этотъ—самой цѣпочки, которой онъ не получалъ (3 недоразумѣніе); дѣло кончается тѣмъ, что Анджело приказываетъ приставу арестовать Антифола. Въ эту минуту прибѣгаетъ Дроміонъ Сиракузскій съ радостнымъ извѣстіемъ, что черезъ нѣсколько минутъ корабль отходитъ въ Эпидамнъ (5 смѣшеніе). Антифолъ Эфесскій ничего не понимаетъ, но ему не до споровъ; онъ посылаетъ Дроміона Сиракузскаго домой къ женѣ за суммой денегъ, чтобы избавиться отъ тюрьмы; тотъ повинуется, какъ ему ни страшно при мысли о жирной кухаркѣ. Такъ то оба Дроміона очутились у Антифола Эфесскаго на посылкахъ; путаница все растетъ и растетъ.

Дѣйствіе переносится опять въ домъ Антифола Эфесскаго; разсказъ Люціаны о признаніи гостя еще болѣе растравляетъ рану Адріаны—она гнѣвается на невѣрнаго мужа, гнѣвается даже на преданную сестру. Разговоръ прерывается приходомъ Дроміона Сиракузскаго; пришелъ же онъ за деньгами, чтобы выкупить своего мнимаго хозяина. Ревнивые разспросы Адріаны онъ прекращаетъ новымъ кводлибетомъ о задолженности времени и, получивъ деньги, уходитъ отыскивать арестованнаго. На пути въ тюрьму онъ встрѣчаетъ своего настоящаго хозяина, съ нетерпѣніемъ ждущаго извѣстія о кораблѣ, чтобы поскорѣе оставить заколдованный городъ; тотъ не понимаетъ его рѣчей о приставѣ, арестѣ и деньгахъ (4 недоразумѣніе), но главное—это то, что есть готовый къ отплытію корабль. Итакъ, поскорѣе въ гавань съ добычей. Но ихъ задерживаетъ куртизанка: она признаетъ Антифола (6 смѣшеніе), признаетъ цѣпочку на немъ, которую онъ ей будто бы обѣщалъ... Нѣтъ сомнѣнья, это самъ дьяволъ. Куртизанка обижена: оказывается, что Антифолъ Эфесскій за обѣдомъ взялъ у нея дорогое кольцо; итакъ, пропало и кольцо, и цѣпочка. Она приходитъ къ убѣжденію, что Антифолъ сошелъ съ ума, и идетъ сообщить объ этомъ его женѣ, чтобы вернуть себѣ, если возможно, взятое у нея кольцо.

Нетрудно замѣтить, что этотъ „мотивъ кольца" соотвѣтствуетъ „мотиву запястья" у Плавта, но введенъ онъ очень неудачно. У Плавта, гетера Эротія отъ себя даетъ запястье мнимому Менехму, чтобы онъ велѣлъ его починить (конечно, на свой счетъ); но съ какой стати Антифолъ Эфесскій беретъ у куртизанки ея кольцо, такъ и остается невыясненнымъ. Шекспиру этотъ мотивъ былъ нуженъ ради дальнѣйшаго: именно забота о кольцѣ заставляетъ куртизанку распространить молву о мнимомъ сумасшествіи Антифола; онъ поступилъ, слѣдовательно, въ данномъ случаѣ такъ же, какъ выше съ мотивомъ одинаковыхъ именъ (см. гл. VII, прим.): воспользовался готовымъ мотивомъ своего предшественника, но не позаботился о томъ, чтобы надлежащимъ образомъ его обосновать въ соотвѣтствіи съ измѣненной обстановкой.

Что касается самой куртизанки, то это одна изъ самыхъ безцвѣтныхъ фигуръ всей драмы. Очевидно, поэтъ находился по отношенію къ ней въ неловкомъ положеніи. Съ одной стороны въ его палитрѣ не хватало красокъ для изображенія изящныхъ прелестницъ античнаго міра, не хватало потому, что ими его не снабжала тогдашняя англійская дѣйствительность; съ другой стороны, онъ сознавалъ, что фигура вродѣ подруги Джона Фальстафа и прочихъ безстыдницъ, которыми изобиловали тогда и театръ и жизнь, совсѣмъ не годится въ преемницы красавицѣ Эротіи. Ея роль въ фабулѣ онъ и безъ того сократилъ, выдвинувъ на ея мѣсто Адріану; сдѣлавъ изъ нея, такимъ образомъ, фигуру третьяго раз-



РАЗВАЛИНЫ ЭФЕССА.

Картина извѣстнаго англійскаго художника-путешественника Томаса Алома (Allom, 1804—1872) съ гравюры В. Кука (W. J. Cook).

ряда, онъ и не приложилъ особаго старанія къ ея характеристикѣ.

Что касается Антифола Эфесскаго, то мы по его послѣднимъ словамъ представляемъ себѣ его въ тюрьмѣ; къ нашему удивленію, онъ оказывается на улицѣ, въ сопровожденіи пристава; какъ это случилось, такъ и остается невыясненнымъ. На встрѣчу ему попадается Дроміонъ Эфесскій съ купленной плеткой. Гдѣ же деньги? О деньгахъ онъ ничего не знаетъ (5 недоразумѣніе). Антифолъ въ сердцахъ его бьетъ; его злоба является лишнимъ доказательствомъ его помѣшательства въ глазахъ его жены, которая, извѣщенная куртизанкой, успѣла сбѣгать за докторомъ Пинчемъ, „школьнымъ учителемъ и заклинателемъ", и теперь, въ сопровожденіи какъ его, такъ и своей сестры и куртизанки, идетъ отыскивать своего мужа по городу. При видѣ жены бѣшенство Антифола усиливается: вотъ, значитъ, въ какомъ обществѣ она обѣдала, въ то время, какъ онъ, хозяинъ былъ прогнанъ (6 недоразумѣніе). Но докторъ привелъ съ собой своихъ ассистентовъ, крѣпкихъ людей: они схватываютъ Антифола, да заодно и Дроміона, который тоже какъ будто не въ своемъ умѣ, вяжутъ ихъ и уводятъ домой. На сценѣ остаются Люціана, Адріана и куртизанка; вдругъ появляются Антифолъ Сиракузскій со своимъ Дроміономъ—повидимому на пути въ гавань; увидѣвъ всѣхъ трехъ „волшебницъ" вмѣстѣ, онъ обнажаетъ свой мечъ; тѣ думаютъ, что это сумасшедшіе освободились (7 смѣшеніе), и спасаются бѣгствомъ. Славу Богу, вѣдьмы боятся меча! Сиракузяне могутъ безпрепятственно продолжать свой путь въ гавань. Этимъ кончается четвертое дѣйствіе.

Въ его путаницѣ почти что пропадаетъ фигура доктора Пинча; а это жаль,—если уже Плавтовскій врачъ былъ очень благодарнымъ типомъ, то это слѣдуетъ тѣмъ болѣе сказать о Шекспировскомъ педагогѣ-заклинателѣ: роль такихъ субъектовъ въ тогдашней жизни, уваженіе, съ которымъ къ нимъ относились женщины, и презрѣніе, которое они встрѣтили среди мужчинъ, изображены поэтомъ въ немногихъ, но яркихъ штрихахъ.—Странной можетъ показаться роль куртизанки: несмотря на свое ремесло, она свободно навѣщаетъ почтенную матрону Адріану, и та показывается съ нею на улицахъ и допускаетъ къ ней даже свою дѣвственную сестру. Но эта странность смягчается именно безцвѣтностью этой куртизанки. У Плавта самозваннымъ посредникомъ между Менехмомъ и его женой былъ паразитъ Щетка—здѣсь его роль устранена и передана отчасти ювелиру Анджело, отчасти именно нашей куртизанкѣ.

XII.

Сиракузянамъ не удается достигнуть гавани безъ приключеній: еще въ городѣ, передъ монастыремъ, съ ними встрѣчаются Анджело и его кредиторъ. Завидѣвъ на немъ цѣпочку, они обращаются къ нему съ упреками по поводу его неблагороднаго поведенія (8 смѣшеніе); дѣло доходитъ до рѣзкостей, Антифолъ и кредиторъ обнажаютъ свои мечи. Какъ разъ во-время подоспѣваютъ Адріана и Люціана съ провожатыми: „вотъ они, вяжите ихъ!" (9 смѣшеніе); видя себя окруженными, они спасаются въ монастырь. Но Адріана не намѣрена оставить своего больного мужа подъ чужой опекой; она шумитъ; изъ монастыря появляется игуменья. Она разспрашиваетъ Адріану о причинѣ всей тревоги; тутъ происходитъ та мастерская сцена признанія, о которой рѣчь была выше (гл. VIII). Вообще мы чувствуемъ, что теперь комедія кончается; съ появленьемъ игуменьи воцаряется серьезное, торжественное настроеніе. Адріанѣ она отказываетъ наотрѣзъ; она сама хочетъ, съ помощью лекарствъ и молитвъ, вернуть Антифолу его потерянный разсудокъ. Съ этими словами она уходитъ—и мы знаемъ, что будетъ дальше: она вѣдь—Эмилія, мать Антифола, ей нетрудно будетъ, въ разговорѣ съ ищущимъ брата сыномъ, раскрыть всю тайну.

Адріана въ отчаяніи; сестра совѣтуетъ ей обратиться съ жалобой къ герцогу Кстати, его какъ разъ теперь увидятъ въ этихъ мѣстахъ, такъ какъ въ его присутствіи должна совершиться казнь Эгеона. И онъ приходитъ—за нимъ свита, Эгеонъ и палачъ. Адріана бросается передъ нимъ на колѣни и требуетъ защиты отъ своеволія игуменьи. Герцогъ удивленъ; своеволія игуменьи, этой святой женщины? Но онъ самъ женилъ Антифола на Адріанѣ; онъ велитъ игуменьѣ явиться. Пока за ней идутъ, на сцену врываются Антифолъ Эфесскій со своимъ Дроміономъ; имъ удалось освободиться, и онъ теперь самъ обращается къ герцогу съ жалобой на свою жену. Пока онъ разсказываетъ и всѣ удивляются его разсказу, въ него всматривается осужденный Эгеонъ: онъ не сомнѣвается, что передъ нимъ его сынъ, тотъ сынъ, съ которымъ онъ простился въ Сиракузахъ шесть лѣтъ тому назадъ (10 смѣшеніе). Но Анти-

фолъ его не узнаетъ, да и герцогъ знаетъ, что его спаситель двадцать лѣтъ жилъ безвыѣздно въ Эфесѣ; путаница достигаетъ своихъ послѣднихъ предѣловъ. Къ счастью, является игуменья, съ ней Антифолъ и Дроміонъ Сиракузскіе; благодаря ей недоразумѣніе разъясняется, Эгеонъ находитъ неожиданно и жену, и обоихъ сыновей. Конечно, о казни и рѣчи болѣе нѣтъ; игуменья всѣхъ, не исключая и куртизанки, приглашаетъ въ монастырь на пиръ. Послѣдними уходятъ оба Дроміона; сиракузскому страшновато при мысли, что та „жирная подруга" будетъ всетаки его, если не женой, то невѣсткой; но мы можемъ его утѣшить предсказаніемъ, что онъ найдетъ себѣ лучшую подругу въ лицѣ той рѣзвой служаночки, съ которой онъ тогда вмѣстѣ отгонялъ хозяина отъ его дома. А пока у нихъ возникаетъ споръ о старшинствѣ: кому первому войти въ монастырь? Но сиракузянинъ быстро его рѣшаетъ: не другъ за другомъ, а вмѣстѣ. Этимъ чисто клоунскимъ выходомъ кончается комедія.

XIII.

„Комедія ошибокъ" не принадлежитъ къ тѣмъ драмамъ, которыя сдѣлали безсмертнымъ Шекспира; скорѣе можно сказать наоборотъ, что имя Шекспира ей обезпечило ту извѣстность, которой она пользуется въ наши дни. Извѣстность эта, впрочемъ, не очень велика; на сценѣ она появляется рѣдко, чему виною, впрочемъ, затруднительность ея постановки—не легко найти двѣ пары двойниковъ-актеровъ для ролей обоихъ Антифоловъ и обоихъ Дроміоновъ. Но помимо того и основной мотивъ комедіи не внушаетъ особаго интереса въ наши времена, когда главной задачей поэта считается психологическій анализъ характеровъ и положеній; не даромъ такой опытный директоръ, какъ Лаубе, отзывался пренебрежительно о „старомъ, негодномъ мотивѣ смѣшеній и недоразумѣній".

Но если наша комедія и не можетъ, подобно Гамлету и Лиру, считаться непремѣнной составной частью современнаго репертуара, то ея литературно-историческое значеніе тѣмъ не менѣе остается очень крупнымъ. Поэтъ сдѣлалъ въ ней попытку обновить пьесу, написанную болѣе чѣмъ за полтора тысячелѣтія до его времени, и не только обновить, но и облагородить, поднявъ ее изъ области комедіи типовъ въ область серьезной комедіи характеровъ.

Обыкновенно критики, проводя параллель между „Менехмами" и „Комедіей ошибокъ", отдаютъ пальму первенства послѣдней. И дѣйствительно, Адріана несомнѣнно серьезнѣй сварливой матроны Плавта; Антифолъ Эфесскій не допускаетъ такой вульгарности, какъ похищеніе женина накидки; трогательный образъ Люціаны отсутствуетъ у римскаго комика, какъ равно и величественная фигура игуменьи; нашлись даже любители длинныхъ рѣчей стараго Эгеона. Правда, съ другой стороны, что споръ между Плавтомъ и Шекспиромъ ведется передъ судомъ новѣйшей критики при очень невыгодныхъ для перваго условіяхъ: критикъ рѣдко бываетъ настолько знакомъ съ латинскимъ языкомъ и съ античной жизнью, чтобы оцѣнить прелесть Плавтова діалога и жизненность его фигуръ и мотивовъ. Со всѣмъ тѣмъ правильное сужденіе о сравнительномъ достоинствѣ обѣихъ пьесъ будетъ, думается мнѣ, слѣдующее: англійскій поэтъ несомнѣнно ввелъ частичныя улучшенія въ античную фабулу, но этимъ самымъ онъ ее испортилъ какъ цѣлое. Плавтъ—или, вѣрнѣе, его греческій предшественникъ—отлично сдѣлалъ, что не стремился къ особенной серьезности характеровъ, а удовольствовался однѣми типическими масками своего времени; несерьезность фигуръ, совершенно гармонируя съ несерьезностью самой фабулы, даетъ вполнѣ единое, законченное цѣлое; какъ зритель такъ и читатель остается вполнѣ удовлетвореннымъ забавной пьесой, не возбуждавшей въ немъ никакихъ ожиданій, которыя бы превосходили ея силы. У Шекспира мы имѣемъ не то; независимо отъ вопроса, насколько ему удалось облагороженіе его фигуръ—причемъ я прошу припомнить сказанное выше (гл. VIII) объ Адріанѣ,—мы можемъ сказать, что самое стремленіе ихъ облагородить поднимаетъ комедію на такую высоту, на которой основной мотивъ смѣшенія представляется уже несоотвѣтствующимъ всей обстановкѣ. Съ самаго начала трагическая—или, если угодно, мелодраматическая фигура осужденнаго Эгеона не даетъ возникнуть тому веселому, беззаботному настроенію, при которомъ только и возможенъ интересъ къ такимъ сюжетамъ, какъ сюжетъ „Менехмовъ" [1]).

Ѳ. Зѣлинскій.

[1]) Объ анахронизмахъ и другихъ несообразностяхъ комедіи см. въ примѣчаніяхъ. *С. В.*

Древній орнаментъ (Аѳинскій акрополь, храмъ Аѳины Паллады).

КОМЕДІЯ ОШИБОКЪ.

Дѣйствующія лица:

Солинъ, герцогъ эфесскій.

Эгеонъ, сиракузскій купецъ.

Антифолъ Эфесскій. } братья-близнецы, сыновья Эгеона и Эмиліи, незнакомые другъ съ другомъ.
Антифолъ Сиракузскій }

Дроміо Эфесскій } братья близнецы, служители обоихъ Антифоловъ.
Дроміо Сиракузскій }

Вальтасаръ, купецъ.

Анджело, ювелиръ.

Первый купецъ, другъ Антифола Сиракузскаго.

Второй купецъ, кредиторъ Анджело.

Пинчъ, школьный учитель и заклинатель.

Тюремщикъ.

Эмилія, жена Эгеона, игуменья эфесской обители.

Адріана, жена Антифола Эфесскаго.

Люціана, ея сестра.

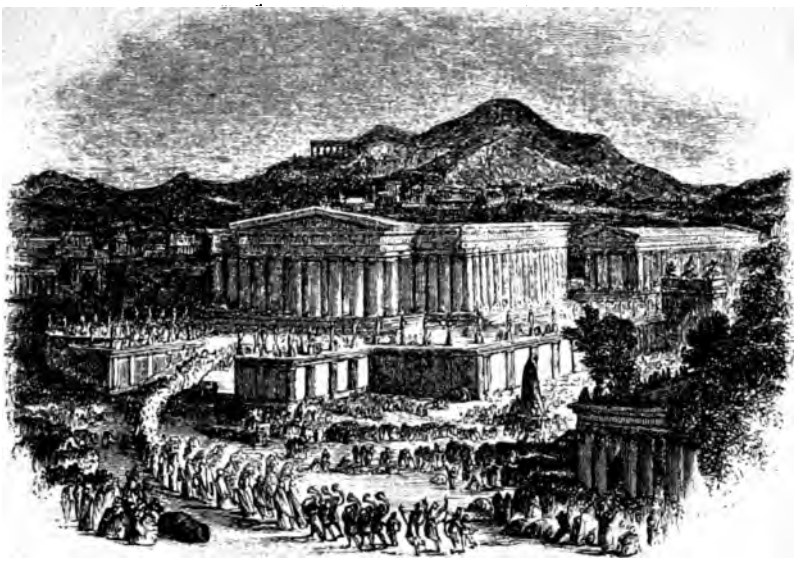
Люція, служанка Адріаны.

Куртизанка.

Свита, полицейскіе и слуги.

Мѣсто дѣйствія—Эфесъ.

Діана Эфесская.
(Древняя статуя въ Ватиканѣ).



Храмъ Діаны въ Эфесѣ. (Реставрація). Изъ «Pictorial Shakespeare» Найта.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Зала во дворцѣ герцога.

СЦЕНА I.

Входятъ ГЕРЦОГЪ, ЭГЕОНЪ, ТЮРЕМЩИКЪ *и свита.*

ЭГЕОНЪ.

Что жъ, продолжай, Солинъ, сверши мое
паденье—
Пусть смертный приговоръ прервetъ мое
мученье.

ГЕРЦОГЪ.

Купецъ, оставь свою защиту; я
Пристрастія не знаю—не нарушу
Законовъ государства. Навсегда
Изъ глазъ моихъ, сверкающихъ угрозой,
Изгнали состраданье та вражда
И тотъ раздоръ, что вызваны недавно
Жестокостью, съ которой поступилъ
Вашъ государь съ почтенными купцами,
Соотчичами нашими, когда
Ихъ, денегъ не имѣвшихъ, чтобъ за вы-
купъ
Свой заплатить, заставилъ кровью онъ
Запечатлѣть жестокіе законы
Его страны. Съ тѣхъ поръ какъ началось
Смертельное междоусобье наше
Съ бунтующимъ твоимъ народомъ—мы
И нашъ народъ въ торжественныхъ со-
браньяхъ
Рѣшили впредь прервать сношенья всѣ
Двухъ городовъ враждебныхъ и при этомъ
Постановить, чтобъ всякій человѣкъ,
Родившійся въ Эфесѣ, чуть онъ только
Покажется на сиракузскомъ рынкѣ
Иль ярмаркѣ, былъ смертію казненъ,
Имущество жъ его конфисковалось
Для герцога—и такъ же поступать
Со всякимъ сиракузцемъ, пристающимъ
У гавани эфесской, если тотъ
Или другой не дастъ двухъ тысячъ марокъ,
Чтобъ выкупить свою вину. Твое
Имущество ста марокъ не превыситъ,
Какъ ни цѣни его—и потому
Приговоренъ ты къ смерти по закону.

ЭГЕОНЪ.

Я утѣшаюсь тѣмъ, что съ окончаньемъ дня
Отъ мукъ освободитъ вашъ приговоръ меня.

ГЕРЦОГЪ.

Теперь скажи намъ вкратцѣ, сиракузецъ,
Зачѣмъ свою родимую страну

Оставилъ ты и для чего пріѣхалъ
Сюда, въ Эфесъ?

Эгеонъ.

Вы не могли ничѣмъ
Такъ удручить меня, какъ повелѣньемъ
Вамъ разсказать о бѣдствіяхъ моихъ,
Невыразимыхъ словомъ. Но чтобъ люди
Могли узнать, что умираю я
Не вслѣдствіе позорнаго проступка,
А волею судьбы, я вамъ скажу
Все, что моя печаль сказать позволитъ.
Родился въ Сиракузахъ я, и тамъ
Женился я на женщинѣ, которой
Я счастіе принесъ бы точно такъ,
Какъ мнѣ—она, когда бы злой звѣздою
Мы не были застигнуты. Я жилъ
Съ ней въ радости; росло богатство наше
Благодаря моимъ неоднократнымъ
И выгоднымъ поѣздкамъ въ Эпидамнъ.
Но умеръ мой повѣренный; забота
О кинутомъ безъ всякаго надзора
Имуществѣ исторгнула меня
Изъ сладостныхъ супружескихъ объятій.
Шесть мѣсяцевъ ужъ былъ въ отлучкѣ я,
Когда моя жена, изнемогая
Подъ сладкимъ наказаньемъ, что несутъ
Всѣ женщины, собралась въ путь и скоро,
И счастливо пріѣхала туда,
Гдѣ жилъ и я. Спустя еще немного,
Она была счастливѣйшая мать
Двухъ мальчиковъ прекрасныхъ, другъ на друга
Похожихъ такъ, что—странно—различать
По имени ихъ только можно было.
Въ тотъ самый часъ и въ томъ же самомъ домѣ
Отъ бремени такого же была
Избавлена другая мать: родились
И у нея два сына-близнеца
Разительнаго сходства. Очень бѣдны
Родители ихъ были, и купилъ
Я этихъ двухъ малютокъ, чтобы сдѣлать
Со временемъ слугами у моихъ
Двухъ сыновей. Жена моя, не мало
Гордясь дѣтьми такими, каждый день
Меня увѣщевала возвратиться
На родину. Я неохотно далъ
Согласіе, и—ахъ—поторопился
Не во-время. Мы сѣли на корабль.
На милю мы уже отъ Эпидамна
Отъѣхали, когда въ волнахъ морскихъ,
Всегда послушныхъ вѣтру, увидали
Мы грозныя предвѣстія бѣды.
Чѣмъ далѣе, тѣмъ меньше оставалось
Надежды намъ, и скоро темнота,
Покрывшая все небо, въ наши души,
Исполненныя ужаса, внесла
Увѣренность немедленной кончины.
Что до меня, я встрѣтилъ бы ее
Съ спокойною душою; но рыданья
Моей жены, заранѣе уже
Оплакивавшей то, что неизбѣжнымъ
Казалось ей; но жалобные крики
Моихъ дѣтей прелестныхъ—этотъ плачъ,
Сознанія опасности лишенный,
Заставили меня искать для нихъ
И для себя отсрочки нашей смерти.
И вотъ что я придумалъ, не найдя
Надежнѣй средствъ: матросы наши въ шлюпку
Всѣ бросились, оставивъ нашъ корабль,
Уже совсѣмъ готовый погрузиться.
Жена моя, заботясь о меньшомъ
Изъ близнецовъ, малютку привязала
Съ однимъ изъ купленныхъ дѣтей къ одной
Изъ небольшихъ запасныхъ мачтъ, что возятъ
На случай бурь съ собою моряки.
Я такъ же поступилъ съ другою парой
И, размѣстивъ въ такомъ порядкѣ ихъ,
Жена и я за мачту ухватились,
Я—съ одного конца, она—съ другого,
И, устремивъ глаза на тѣхъ, о комъ
Заботились, поплыли, повинуясь
Теченью волнъ, которыя, какъ намъ
Казалося, помчали насъ къ Коринѳу.
Но вотъ блеснулъ свѣтъ солнца надъ землей:
Онъ разогналъ губительныя тучи,
И благодать желанная его
Смирила волны моря. Въ это время
Мы издали увидѣли, что къ намъ
Два корабля плывутъ: одинъ—коринѳскій,
Другой—изъ Эпидавра. Но еще
Приблизиться они къ намъ не успѣли,
Какъ... О, позволь мнѣ тутъ разсказъ окончить мой!
Конецъ самъ отгадай изъ сказаннаго мной.

Герцогъ.

Нѣтъ, продолжай, старикъ; на половинѣ
Не прерывай разсказа. Если намъ
Помиловать нельзя, то все же можемъ
Мы пожалѣть тебя.

Эгеонъ.

О, еслибъ я
Въ богахъ нашелъ въ то время состраданье,
Причины я теперь бы не имѣлъ
Ихъ называть безжалостными. Слушай.
Два корабля уже подплыли къ намъ
Миль на десять, когда огромный камень
Мы встрѣтили и сильно о него
Ударились, при чемъ переломилась

Спасительная мачта пополамъ—
Сломалась такъ, что этимъ разлученьемъ
Неправеднымъ судьба обоимъ намъ
Оставила и утѣшенье въ жизни,
И скорбь. Ту часть, что бѣдную мою
Жену несла и на себѣ держала
Хоть меньшій грузъ, но равную печаль,
Стремительнѣй впередъ помчало вѣтромъ
И у меня въ виду ихъ всѣхъ троихъ
Спасли, какъ мнѣ казалось, рыболовы
Коринѳскіе. Но вотъ другой корабль
Взялъ, наконецъ, и насъ троихъ. Матросы
Узнавъ, кого спасти имъ удалось,
Въ насъ приняли участіе живое;
Имъ и жену мою отнять хотѣлось
У рыбаковъ; но такъ-какъ ихъ корабль
Былъ на ходу весьма тяжелъ, то прямо
Къ себѣ домой направились они.
Итакъ, теперь вы знаете, какъ счастье
Утратилъ я навѣки; жизнь мою
Жестокая судьба продлила только
Затѣмъ, чтобъ могъ разсказывать я вамъ
Печальную исторію несчастій,
Постигнувшихъ меня.

Герцогъ.

Во имя тѣхъ,
Которыхъ ты оплакиваешь, сдѣлай
Услугу мнѣ разсказомъ обо всемъ,
Что съ ними и съ тобой происходило
До нынѣшняго дня.

Эгеонъ.

Мой младшій сынъ
И, вмѣстѣ съ тѣмъ, старѣйшая забота,
Въ осьмнадцать лѣтъ желанье ощутилъ
Узнать, гдѣ братъ его, и неотступно
Меня просить онъ началъ—отпустить
На поиски его, въ сопровожденьи
Его слуги, который, какъ и онъ,
Оторванъ былъ отъ брата и лишь имя
Его носилъ. Желая всей душой
Увидѣть вновь потеряннаго мною,
Я уступилъ—и потерялъ того,
Кого любилъ. Пять лѣтъ я ѣздилъ всюду
По Греціи; я былъ и у границъ
Странъ Азіи—и вотъ, плывя оттуда
На родину, въ Эфесъ заѣхалъ—правда,
Безъ всякой ужъ надежды отыскать,
Но потому, что не хотѣлъ оставить
Безъ розысковъ ни одного изъ мѣстъ,
Пріютъ и кровъ дающихъ человѣку.
Здѣсь жизнь моя окончиться должна;
Но раннюю картину эту счастьемъ
Почелъ бы я, когда бы принесли
Мнѣ эти всѣ поѣздки убѣжденье,
Что сынъ мой живъ.

Герцогъ.

Несчастный Эгеонъ,
Судьбою обреченный на несчастье
Страшнѣйшее—повѣрь, моя душа
Была бъ твоимъ усерднымъ адвокатомъ,
Когда бы не противились тому
И нашъ законъ, и мой вѣнецъ, и клятва
Моя, и все достоинство мое,
Которыми не могутъ государи
Пренебрегать, хотя бъ хотѣлось имъ.
Но несмотря на то, что къ смертной казни
Ты присужденъ и отмѣнить нельзя
Твой приговоръ, не нанеся большого
Урона нашей чести, я хочу
Помочь тебѣ, чѣмъ можно. Съ этой цѣлью,
Я этотъ день даю тебѣ, купецъ,
Чтобъ жизнь свою спасти ты попытался
Чужимъ благотвореньемъ. Обратись
Ко всѣмъ своимъ друзьямъ, какихъ въ Эфесѣ
Имѣешь ты; возьми у нихъ иль въ даръ,
Или взаймы назначенную сумму—
И будешь жить. А если не найдешь—
Смерть ждетъ тебя. Возьми его, тюремщикъ.

Тюремщикъ.

Исполню приказанье, государь.

Эгеонъ.

Безъ силы, безъ надеждъ уходитъ Эгеонъ:
Смерть неизбѣжную отсрочилъ только онъ.
(Уходятъ).

— —

СЦЕНА II.

Площадь.

Входятъ Антифолъ Сиракузскій, Дромio Сиракузскій *и* первый купецъ.

Первый купецъ.

Скажите же, что вы изъ Эпидамна;
Иначе конфискуютъ ваше все
Имущество. Не дальше, какъ сегодня,
Подъ стражу взятъ купецъ изъ Сиракузъ,
Пріѣхавшій сюда—и такъ какъ денегъ
Нѣтъ у него, чтобъ выкупить себя,
Согласно городскимъ постановленьямъ,
То онъ умретъ еще предъ тѣмъ, какъ солнце
Усталое на западъ отойдетъ.
Вотъ деньги всѣ, что вы на сбереженье
Мнѣ отдали.

Антифолъ Сиракузскій (*къ Дромio*).

Снеси ты ихъ туда,
Гдѣ мы стоимъ—въ гостиницу Центавра,
И жди, пока я самъ приду туда.

Еще, вѣдь, часъ остался до обѣда,
Такъ я пока по городу пойду,
Чтобъ посмотрѣть обычаи, съ купцами
Потолковать, на зданія взглянуть,
А тамъ вернусь домой соснуть немного.
Отъ дальняго пути измученъ я.
Ну, удирай!

ДРОМІО СИРАКУЗСКІЙ.

Да, многіе поймали бъ
Васъ на словѣ и съ ношею такой
Хорошею удрали бъ въ самомъ дѣлѣ.

(Уходитъ).

АНТИФОЛЪ СИРАКУЗСКІЙ.

Честнѣйшій шутъ! Онъ каждый разъ, когда
Меня томятъ заботы и тоска,
Печаль мою умѣетъ разогнать
Веселыми остротами своими.
Не будетъ ли угодно вамъ со мной
По городу пройтись и послѣ вмѣстѣ
Въ гостиницѣ откушать?

ПЕРВЫЙ КУПЕЦЪ.

Я ужъ званъ
Къ однимъ купцамъ по дѣлу, на которомъ
Надѣюсь я нажить большой барышъ.
Простите мнѣ, пожалуйста. Но послѣ
Пяти часовъ, коли угодно вамъ,
Я встрѣчу васъ на площади и буду
Вамъ спутникомъ, пока придетъ пора
Ложиться спать. Теперь же отзываютъ
Меня отъ васъ дѣла мои.

АНТИФОЛЪ СИРАКУЗСКІЙ.

Такъ я
Васъ буду ждать. Прощайте. А покамѣстъ
Я городъ вашъ осматривать пойду.

ПЕРВЫЙ КУПЕЦЪ.

Желаю вамъ всѣхъ благъ и удовольствій.

(Уходитъ).

АНТИФОЛЪ СИРАКУЗСКІЙ.

Желающій мнѣ благъ и удовольствій
Желаетъ то, чего я не могу
Нигдѣ найти. Я въ этомъ мірѣ то же,
Что капля водяная, въ океанъ
Упавшая, чтобы другую каплю
Въ немъ отыскать, и въ поискахъ такихъ
Незримо пропадающая. Такъ же
И я теперь, отыскивая мать
И брата, самъ въ тѣхъ поискахъ, несчастный,
Теряюсь.

Входитъ ДРОМІО ЭФЕССКІЙ.

АНТИФОЛЪ СИРАКУЗСКІЙ.

Вотъ твой вѣрный календарь,
О, жизнь моя! Что жъ это? Какъ такъ быстро
Вернулся ты?

ДРОМІО ЭФЕССКІЙ.

Такъ быстро? Нѣтъ, скорѣй
Спросите, какъ замѣшкалъ я такъ сильно?
Каплунъ сгорѣлъ, свалился поросенокъ
Внизъ съ вертела, двѣнадцать на часахъ
Ударило, а на моей щекѣ
Ударила одинъ моя хозяйка.
Она разгорячилась оттого,
Что кушанье простыло, а простыло
Оно по той причинѣ, что домой
Нейдете вы, а вы домой нейдете
Затѣмъ, что вы не голодны, а вы
Не голодны, затѣмъ что разговѣлись;
Но мы, знакомые съ молитвой и постомъ,
Мы покаяніе за вашъ же грѣхъ несемъ.

АНТИФОЛЪ СИРАКУЗСКІЙ.

Попридержи, любезный, вихрь словъ
И вотъ что мнѣ скажи: куда дѣвалъ ты
Тѣ деньги, что тебѣ я отдалъ?

ДРОМІО ЭФЕССКІЙ.

А!
Шесть пенсовъ, тѣ, что вы велѣли въ среду
Прошедшую къ сѣдельнику снести
За барынинъ подхвостникъ? Ну, сѣдельникъ
Ихъ получилъ, а у меня ихъ нѣтъ.

АНТИФОЛЪ СИРАКУЗСКІЙ.

Сегодня я охоты не имѣю
Съ тобой шутить. Скажи мнѣ поскорѣй,
Безъ всякаго дурачества, гдѣ деньги?
Мы здѣсь чужіе вѣдь; какъ же ты
Осмѣлился такую сумму бросить
На попеченіи другихъ?

ДРОМІО ЭФЕССКІЙ.

Прошу
Начать шутить, когда ужъ за обѣдомъ
Вы будете сидѣть; я *дулъ* сюда
Во весь галопъ отъ барыни; но если
Я возвращусь безъ васъ, самъ буду *вздутъ*:
На темени моемъ она пропишетъ
Проступокъ вашъ. По мнѣнью моему,
Желудокъ вашъ, какъ мой, служить бы долженъ
Часами вамъ и безъ гонцовъ всегда
Васъ гнать домой.

АНТИФОЛЪ СИРАКУЗСКІЙ.

Ну, полно, полно. Шутки
Твои совсѣмъ не кстати; лучше ихъ

На болѣе веселую минуту
Прибереги. Гдѣ деньги, что тебѣ
Я далъ на сохраненье?

ДРОМІО ЭФЕССКІЙ.

Мнѣ? Отъ васъ
Не получалъ я денегъ.

АНТИФОЛЪ СИРАКУЗСКІЙ.

Перестань же
Дурачиться, бездѣльникъ; отвѣчай,
Какъ ты мое исполнилъ порученье?

ДРОМІО ЭФЕССКІЙ.

Имѣлъ я порученіе одно:
На площади васъ отыскать и въ Феникъ
Домой вести: тамъ барыня моя
Съ сестрой своей васъ ждутъ обѣдать.

АНТИФОЛЪ СИРАКУЗСКІЙ.

Слушай,
Сейчасъ скажи, въ какомъ надежномъ мѣстѣ
Ты золото оставилъ, или-же—
Не будь христіанинъ я—разломаю
Твою башку веселую съ ея
Дурачествомъ упрямымъ въ ту минуту,
Когда совсѣмъ я не хочу шутить!
Что сдѣлалъ ты съ той тысячею марокъ
Что получилъ ты отъ меня?

ДРОМІО ЭФЕССКІЙ.

Отъ васъ
На головѣ моей есть, правда, марки
И на плечахъ отъ барыни моей;
Но, все-таки, итогъ ихъ не доходитъ
До тысячи. Когда бъ я началъ вамъ
Ихъ возвращать, быть-можетъ, ваша милость,
Съ терпѣніемъ не приняли бы ихъ.

АНТИФОЛЪ СИРАКУЗСКІЙ.

Отъ барыни твоей? Какую жъ это
Ты барыню имѣешь, негодяй?

ДРОМІО ЭФЕССКІЙ.

Да вашу же супругу, ваша милость,
И барыню мою—ту, что теперь
Ждетъ въ Фениксѣ, постясь, пока обѣдать
Придете вы, и проситъ, чтобъ скорѣй
Бѣжали вы обѣдать.

АНТИФОЛЪ СИРАКУЗСКІЙ.

Что жъ это!
Ты, все-таки, смѣешься мнѣ въ глаза,
Когда тебѣ я запретилъ? Такъ вотъ же
Тебѣ за то, бездѣльникъ! *(Бьетъ его.)*

ДРОМІО ЭФЕССКІЙ.

Что вы, что
У васъ въ умѣ? Ахъ, ради Бога, руки
Сдержите вы, не то я ходу дамъ
Моимъ ногамъ. *(Убѣгаетъ.)*

АНТИФОЛЪ СИРАКУЗСКІЙ.

Клянусь моею жизнью,
Какимъ-нибудь обманомъ деньги всѣ
Отобраны у этого болвана.
Здѣсь городъ весь, вѣдь, полонъ, говорятъ,
Обманщиковъ, мошенниковъ искусныхъ,
Умѣющихъ пускать туманъ въ глаза,
И колдуновъ какихъ-то мрачныхъ, мысли
Мѣняющихъ, и вѣдьмъ, убійцъ души,
Уродующихъ тѣло, шарлатановъ,
Плутовъ переодѣтыхъ и другихъ
Приверженцевъ грѣха. Коль это правда,
Я поспѣшу уѣхать. А теперь
Пойду въ Центавръ искать, куда бездѣльникъ скрылся;
Сдается крѣпко мнѣ, что денегъ я лишился.

(Уходитъ).

***Древне-греческій орнаментъ** (Терракотовый барельефъ; богъ лѣсовъ и полей Панъ въ разныхъ видахъ).*

ЭФЕСЪ. (Реставрація.)

По описанію англійскаго путешественника и археолога XVIII ст. Покока. Рис. Г. Ф. Сарджентъ, грав. Дж. Кортеръ («The Book of Shakespeare Gems». London, 1854).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Домъ Антифола Эфесскаго.

СЦЕНА I.

Входятъ Адріана *и* Люціана.

Адріана.

Нѣтъ, не идутъ ни мужъ мой, ни слуга,
Котораго за нимъ я такъ поспѣшно
Отправила. Теперь ужъ два часа
Навѣрно есть.

Люціана.

Быть можетъ, пригласили
Его къ себѣ знакомые купцы—
И прямо онъ пошелъ обѣдать съ рынка.
Совѣтую, любезная сестра,
Сѣсть безъ него за столъ и быть спокойной.
Мужчина, вѣдь, властитель надъ своей
Свободою; его жъ властитель—время,
И, времени послушный, онъ идетъ
Туда, сюда. Поэтому, сестрица,
Тревожиться не слѣдуетъ тебѣ.

Адріана.

Зачѣмъ же больше имъ, чѣмъ намъ, дана свобода?

Люціана.

Да потому, что ихъ дѣла такого рода:
Всегда внѣ дома.

Адріана.

Да, но еслибъ онъ узналъ,
Что я такъ дѣйствую, навѣрно бъ злиться сталъ.

Люціана.

О, знай, что, какъ узда, тобой онъ управляетъ.

Адріана.

Зануздывать себя оселъ лишь позволяетъ.

Люціана.

Но волю буйную несчастье плетью бьетъ.
Все то, что видитъ глазъ небесный, что живетъ
Въ моряхъ и въ воздухѣ, и на землѣ—все въ рамки
Свои заключено; самцамъ покорны самки
Звѣрей и рыбъ, и птицъ. И этого всего
Властитель—человѣкъ, въ комъ больше божество

Себя явило—онъ, владыка надъ землею
И надъ свободною пучиною морскою,
Стоящій по уму и по душѣ своей
Гораздо выше рыбъ, пернатыхъ и звѣрей—
Онъ также властелинъ и надъ своей женою,
И потому должна ты быть его слугою.

АДРІАНА.

Но замужъ ты итти не хочешь оттого,
Что рабства этого боишься.

ЛЮЦІАНА.

Не его
Страшусь я, а заботъ супружескаго ложа.

АДРІАНА.

Но еслибъ замужемъ была ты, вѣрно все-же
Хоть маленькую власть хотѣла бы имѣть?

ЛЮЦІАНА.

Я, прежде чѣмъ любить, училась бы терпѣть.

АДРІАНА.

А еслибъ загулялъ твой мужъ?

ЛЮЦІАНА.

Я терпѣливо
Ждала бы, чтобъ домой вернулся онъ.

АДРІАНА.

Не диво
Имѣть терпѣніе, когда ничѣмъ оно
Не растревожено; совсѣмъ не мудрено
Быть кроткой, если нѣтъ причины быть
иною.
Когда вопитъ бѣднякъ, истерзанный бѣдою,
Мы требуемъ всегда, чтобы онъ замолчалъ;
Но еслибы нести случилось намъ самимъ
Такое жъ бремя мукъ, мы такъ же бы кричали.
Вотъ такъ и ты теперь, не знавшая печали
Отъ мужа сквернаго, мнѣ хочешь пособить,
Совѣтуя съ безпомощнымъ терпѣньемъ все
сносить;
А нанеси тебѣ такое оскорбленье,
Конечно, прогнала бъ ты глупое терпѣнье.

ЛЮЦІАНА.

Когда-нибудь рѣшусь я это испытать.
Но вотъ и твой слуга: недолго мужа ждать.

Входитъ ДРОМІО ЭФЕССКІЙ.

АДРІАНА.

Ну, что? идетъ твой господинъ-медлитель?

ДРОМІО ЭФЕССКІЙ. Онъ-то нейдетъ, а вотъ я такъ отъ него насилу ушелъ: и мои оба уха могутъ засвидѣтельствовать вамъ это.

АДРІАНА.

Скажи скорѣй, ты говорилъ съ нимъ? Знаешь
Намѣренье его?

ДРОМІО ЭФЕССКІЙ.

О, да, о, да!
Онъ на ушахъ моихъ отмѣтилъ это
Намѣренье. Проклятая рука!
Я ничего рѣшительно не понялъ.

ЛЮЦІАНА. Развѣ онъ говорилъ такъ темно, что ты не могъ понять его?

ДРОМІО ЭФЕССКОЙ. Нѣтъ, онъ дѣлалъ такія ясныя ударенія къ своимъ словамъ, что я слишкомъ хорошо чувствовалъ эти ударенія; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, слова его были такъ темны, что я рѣшительно ничего не понялъ.

АДРІАНА.

Но говори—идетъ ли онъ домой?
Онъ, кажется, старается усердно
Пріятнымъ быть своей женѣ.

ДРОМІО ЭФЕССКІЙ.

Скажу
Я вотъ что вамъ: мой баринъ, несомнѣнно
Взбѣсился, какъ рогатый...

АДРІАНА.

Негодяй!
Какъ смѣлъ ты мнѣ сказать: рогатый?

ДРОМІО ЭФЕССКІЙ.

То-есть,
Не такъ, какъ мужъ рогатый—но совсѣмъ
Взбѣсился онъ. Когда просить я началъ
Его домой, къ обѣду—у меня
Потребовалъ онъ тысячу червонцевъ.
Я говорю: „Пора итти обѣдать!“
Онъ говоритъ: „Гдѣ золото мое?“
Я говорю: „Всѣ блюда подгорѣли“.
Онъ говоритъ: „Гдѣ золото мое?“
Я говорю: „Пожалуйте скорѣе!“
Онъ говоритъ: „Гдѣ золото мое?
Гдѣ тысяча червонцевъ, плутъ негодный?“
Я говорю: „Сгоритъ вашъ поросенокъ!“
Онъ говоритъ: „Гдѣ золото мое?“
Я говорю: „Да госпожей моею...“
„Повѣсься съ ней! Не знаю никакой
„Я госпожи Чортъ съ госпожей твоею!“

ЛЮЦІАНА.

Кто это говоритъ?

ДРОМІО ЭФЕССКІЙ.

Онъ—говоритъ,
Мой господинъ. „Я“, говоритъ, „не знаю

„Ни госпожи, ни дома, ни жены!"
И вотъ, такимъ манеромъ порученье,
Что долженъ былъ исполнить мой языкъ,
Я на плечахъ моихъ вамъ доставляю,
Благодаря ему: да, по плечамъ
Отколотилъ меня онъ въ заключенье.

Адріана.

Ступай опять, негодный, и веди
Его домой.

Дроміо Эфесскій.

Итти опять и снова
Прибитымъ быть? Нѣтъ, Бога ради, я
Прошу послать кого-нибудь другого.

Адріана.

Ступай сейчасъ, бездѣльникъ, иль тебѣ
Я проломлю башку крестообразно.

Дроміо Эфесскій.

Ну, да, а онъ крестъ этотъ освятитъ
Пощечинами новыми—и выйдетъ
Святою голова моя у васъ.

Адріана.

Вонъ, говорятъ, болтливый олухъ! Живо
Веди его домой.

Дроміо Эфесскій.

Ужели я
Такъ круглъ для васъ, что можете вы мною
Туда, сюда, какъ мячикомъ швырять?
Вы гоните отсюда, онъ оттуда;
Коль этакъ долго мнѣ придется вамъ служить,
То кожею меня вамъ слѣдуетъ обшить.
(*Уходитъ*).

Люціана.

Какъ гнѣвъ твое лицо обезобразилъ скверно!

Адріана.

Онъ веселится тамъ съ любовницами вѣрно,
Межъ-тѣмъ какъ по одномъ веселомъ взглядѣ я
Здѣсь жадно такъ томлюсь. Коль красота моя
Съ несчастныхъ щекъ моихъ унесена годами —
Онъ въ этомъ виноватъ. Коль скуку лишь словами
Могу я наводить, коль умъ мой отупѣлъ
И далеко не такъ, какъ прежде, быстръ и смѣлъ—
Онъ обращеніемъ суровымъ и холоднымъ,
Какъ мраморъ, притупилъ все это. Если яркимъ
Нарядомъ сердце въ немъ другія шевелятъ—
Какъ господинъ моихъ всѣхъ денегъ, виноватъ
И въ этомъ также онъ. Всѣ эти разрушенья,
Что испытала я—его произведенья.
Лишь онъ въ томъ виноватъ, что подурнѣла я!
Пусть солнечный свой взглядъ онъ кинетъ—и моя
Увядшая краса воскреснетъ очень скоро;
Но, какъ дикарь-олень, онъ рвется изъ забора
И кормится, увы, внѣ дома. Для него
Я, бѣдная, давно не значу ничего.

Люціана.

О, ревность злѣйшая, самой себѣ мученье!
Фи, прогони ее!

Адріана.

Такое оскорбленье
Не больно лишь однимъ безчувственнымъ глупцамъ.
Я знаю, нравятся теперь его глазамъ
Другія женщины; иначе, какъ случиться
Могло бъ, что онъ не здѣсь? Ты знаешь, вѣдь, сестрица,
Онъ обѣщалъ мнѣ цѣпь. О, если бы забылъ
Онъ про нее одну, но только бъ не бѣжалъ
Отъ ложа своего! Теперь я вижу ясно,
Что камень дорогой, оправленный прекрасно—
И тотъ теряетъ блескъ, и золото—оно,
Столь долго прочное, испортиться должно
Отъ тренья частаго—и точно также губитъ
Людей развратъ и ложь. О, если ужъ не любитъ
Онъ красоту мою—слезами я сотру
Остатки всѣ ея—и, плача, я умру!

Люціана.

О, сколько глупыхъ я встрѣчаю между нами,
У дикой ревности покорными слугами!
(*Уходятъ*).

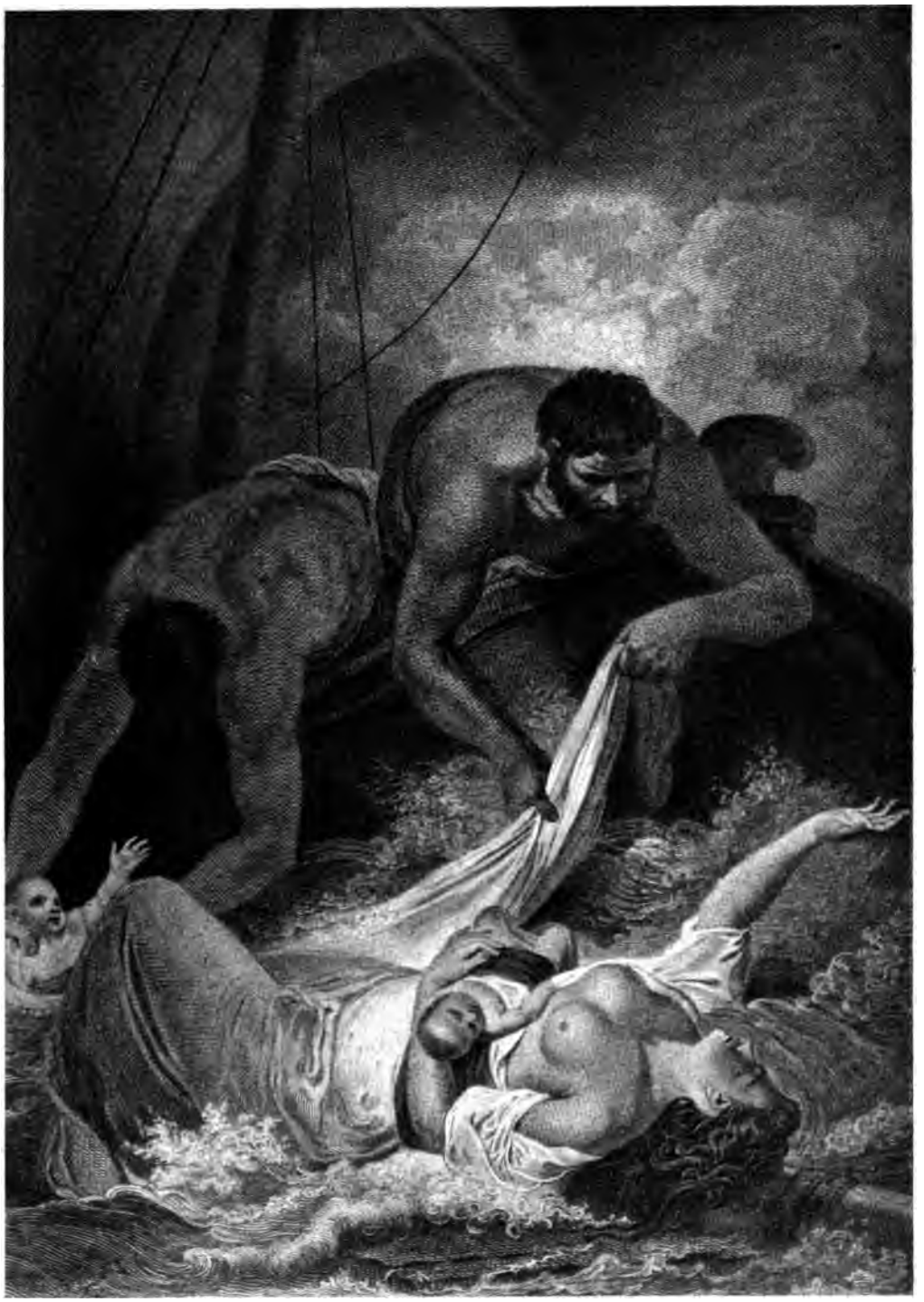
СЦЕНА II.

Площадь.

Входитъ Антифолъ Сиракузскій.

Антифолъ Сиракузскій.

Все золото, что Дромio я отдалъ,
Въ сохранности въ гостиницѣ лежитъ,
А вѣрный шутъ отыскивать куда-то
Меня пошелъ. По моему разсчету
И по словамъ хозяина, не могъ
Я Дромio увидѣть съ той минуты,



КОМЕДІЯ ОШИБОКЪ (Дѣйствіе I, сцена 1).

Картина извѣстнаго англійскаго художника Френсиса Уитли (Wheatley, 1747–1801). (Малая Бойделевская галлерея).

Какъ въ первый разъ послалъ его домой.
А вотъ и онъ.

Входитъ Дромio Сиракузскій.

Антифолъ Сиракузскій.

Ну, что, прошла веселость,
Почтеннѣйшій? Пожалуй, начинай,
Опять шутить, коли побои любишь.
Не знаешь ты Центавра? Отъ меня
Ты золота не получалъ? Ты посланъ,
Отъ госпожи твоей, чтобы меня
Позвать домой обѣдать? Квартирую
Я въ Фениксѣ? Ты, вѣрно, былъ совсѣмъ
Помѣшанный, когда такъ безтолково
Мнѣ отвѣчалъ.

Дромio Сиракузскій.

Я отвѣчалъ? Когда жъ
Я говорилъ вамъ это?

Антифолъ Сиракузскій.

Да не больше,
Какъ съ полчаса назадъ и, вотъ какъ разъ
На этомъ самомъ мѣстѣ.

Дромio Сиракузскій.

Съ той минуты,
Какъ съ деньгами послали вы меня
Домой въ Центавръ, я васъ въ глаза не видѣлъ.

Антифолъ Сиракузскій.

Ты говорилъ, бездѣльникъ, что тебѣ
Не отдавалъ я золота, и только
Про госпожу твою и про обѣдъ
Мнѣ толковалъ. Я далъ тебѣ, надѣюсь,
Почувствовать, какъ это не пришлось
Мнѣ по сердцу.

Дромio Сиракузскій.

Я очень радъ, что вижу
Веселымъ васъ. Что значитъ эта шутка?
Пожалуйста, скажите, господинъ.

Антифолъ Сиракузскій.

Опять, опять ты мнѣ въ лицо смѣешься.
По твоему, шучу я? Вотъ тебѣ!
А вотъ еще! *(Бьетъ его).*

Дромio Сиракузскій.

Постойте, Бога ради!
Ужъ черезъ-чуръ серьезно стали вы
Со мной шутить. За что побои эти?

Антифолъ Сиракузскій.

Изъ-за того, что иногда съ тобой
Я, какъ съ шутомъ, по дружески болтаю,
Нахально ты смѣешься надъ моей
Любезностью и дерзко нарушаешь
Серьезныя минуты. Въ тѣ часы,
Когда сіяетъ солнце, могутъ мошки
Проказничать—но по щелямъ онѣ
Пусть прячутся, чуть только скроетъ солнце
Свои лучи. Когда желаешь ты
Шутить со мной, то изучи сначала
Мое лицо и съ нимъ сообразуй
Свои слова; не то методу эту
Въ твой мѣдный лобъ я скоро вколочу.

Дромio Сиракузскій. Вы называете мой лобъ мѣднымъ? Я бы желалъ, чтобъ онъ былъ просто лобъ, какъ лобъ, лишь бы вы не вколачивали. Но если вы не прекратите побоевъ, мнѣ, дѣйствительно, надо будетъ добыть себѣ мѣдную голову, иначе мой мозгъ вывалится на плечи. Однако, скажите, сдѣлайте милость, за что я отколоченъ?

Антифолъ Сиракузскій. Ты не знаешь?

Дромio Сиракузскій. Ничего не знаю; знаю только, что отколоченъ.

Антифолъ Сиракузскій. И хочешь, чтобы я тебѣ сказалъ—за что?

Дромio Сиракузскій. Да, за что и почему? Вѣдь, говорятъ, что всякое *почему* имѣетъ свое *потому-что*.

Антифолъ Сиракузскій.

Ну, такъ *за-то*, во-первыхъ, что трунилъ
Ты надо мной; а дальше—*потому-что*
Вторично ты зато же принялся.

Дромio Сиракузскій.

Ну, былъ ли кто-нибудь колоченъ такъ не кстати?
Въ причинахъ вашихъ всѣхъ ни смысла нѣтъ, ни стати.
Покорнѣйше благодарю васъ.

Антифолъ Сиракузскій.

Ты
Меня благодаришь? За что же это?

Дромio Сиракузскій. Да за то, что вы дали мнѣ кое-что за ничто.

Антифолъ Сиракузскій. Въ слѣдующій разъ я вознагражу тебя: за кое-что не дамъ ничего. Однако, скажи, не пора ли обѣдать?

Дромio Сиракузскій. Нѣтъ, не пора; я полагаю, что мясу еще не достаетъ того, что я получилъ.

Антифолъ Сиракузскій. Чего же это, если позволите узнать?

Дромio Сиракузскій. Оно не достаточно бито.

Антифолъ Сиракузскій. Сталобыть, оно будетъ твердо и сухо.

Дромio Сиракузскій. А если это такъ, то я васъ попрошу не кушать его.

Антифолъ Сиракузскій. По какой причинѣ?

Дромio Сиракузскій. Да вы разсердитесь, что оно не бито, какъ слѣдуетъ—и станете бить меня.

Антифолъ Сиракузскій. Что жъ дѣлать? Учись шутить во время. Для всего есть свое время.

Дромio Сиракузскій. Это мнѣніе я опровергнулъ бы, прежде чѣмъ вы такъ сильно разгнѣвались.

Антифолъ Сиракузскій. Какимъ доводомъ?

Дромio Сиракузскій. Доводомъ столь же яснымъ, какъ ясенъ лысый черепъ самого старика Времени.

Антифолъ Сиракузскій. Послушаемъ твой доводъ.

Дромio Сиракузскій. Несуществуетъ времени для возвращенія волосъ тому человѣку, который облысѣлъ по волѣ природы.

Антифолъ Сиракузскій. Развѣ нѣтъ никакого средства возвратить ихъ?

Дромio Сиракузскій. Есть одно—покупка парика, то-есть возвращеніе себѣ волосъ потерянными волосами другого человѣка.

Антифолъ Сиракузскій. Отчего же время такъ скряжничаетъ волосами, когда ихъ, вообще, такъ много?

Дромio Сиракузскій. Потому что волоса—благословеніе, которымъ оно надѣлило животныхъ; а что касается людей, то ту долю волосъ, которую время отнимаетъ у нихъ, оно вознаграждаетъ такою же долею ума.

Антифолъ Сиракузскій. Но есть много людей, у которыхъ волосъ больше, чѣмъ ума.

Дромio Сиракузскій. Между ними нѣтъ ни одного, у котораго не хватило бы ума потерять свои волосы.

Антифолъ Сиракузскій. Но ты только что вывелъ заключеніе, что волосатые люди самые глупые.

Дромio Сиракузскій. Чѣмъ человѣкъ глупѣе, тѣмъ онъ скорѣе теряетъ волосы—и притомъ теряетъ съ нѣкотораго рода веселостью.

Антифолъ Сиракузскій. По какой причинѣ?

Дромio Сиракузскій. По двумъ причинамъ и притомъ солиднымъ.

Антифолъ Сиракузскій. Нѣтъ, ужъ, пожалуйста, не называй ихъ солидными.

Дромio Сиракузскій. Ну, такъ вѣрнымъ.

Антифолъ Сиракузскій. Нѣтъ, и не вѣрнымъ, когда дѣло идетъ о такомъ невѣрномъ предметѣ.

Дромio Сиракузскій. Ну, такъ по нѣкоторымъ причинамъ.

Антифолъ Сиракузскій. Объясни ихъ.

Дромio Сиракузскій. Первая—сбереженіе денегъ, которыя тратятся на причесываніе; вторая—та, что за обѣдомъ волосы не падаютъ въ супъ кушающаго.

Антифолъ Сиракузскій. Ты все это время старался доказать, что не для всего есть время.

Дромio Сиракузскій. Дѣйствительно—и доказалъ это. Нѣтъ времени для возвращенія волосъ, потерянныхъ по волѣ природы.

Антифолъ Сиракузскій. Но ты не привелъ основательныхъ доводовъ, почему для возвращенія ихъ нѣтъ времени.

Дромio Сиракузскій. Такъ вотъ моя поправка: само время лысо, и потому желаетъ, чтобы до скончанія міра свита его состояла изъ лысыхъ.

Антифолъ Сиракузскій. Я зналъ, что твое замѣчаніе окажется лысымъ. Но, смотри—кто это дѣлаетъ намъ знаки?

Входятъ Адріана *и* Люціана.

Адріана.

Да, Антифолъ, смотри, какъ на чужую,
И брови хмурь. Ты ласковый твой взглядъ
Даришь другой. А я—не Адріана,
Я не жена твоя. Была пора,
Когда ты мнѣ непринужденно клялся,
Что для твоихъ ушей ничьи слова
Не кажутся гармоніей, что въ мірѣ
Предмета нѣтъ, который бы прельщалъ
Твои глаза, что нѣтъ прикосновенья,
Пріятнаго рукѣ твоей, что ты
Всѣ кушанья безвкусными находишь,
Когда не я съ тобою говорю,
Смотрю въ глаза, руки твоей касаюсь,
Дѣлю съ тобою трапезу. Почему жъ,
О, почему, супругъ мой, сталъ ты чуждымъ
Для самого себя? Я говорю:
„Для самого себя“ затѣмъ, что чуждымъ,
Вѣдь, сдѣлался ты для меня—меня,
Которая, съ тобой такъ нераздѣльно

Соединясь, составила давно
Часть лучшую души твоей прекрасной.
О, милый мой, не отрывай себя!
Знай, что скорѣй ты каплю водяную
Уронишь въ глубь морскую и потомъ,—
Безъ примѣси, безъ всякихъ измѣненій
Въ величинѣ—оттуда вынешь вновь,
Чѣмъ отъ меня отторгнешься и вмѣстѣ
Не увлечешь меня съ собою! О,
Какъ глубоко твой слухъ-бы оскорбила вѣсть,
Что пала я, что запятнала я
Постыднѣйшимъ развратомъ это тѣло,
Которое посвящено тебѣ?
Ты плюнулъ бы въ лицо мое, ты сталъ бы
Топтать меня ногами, ты въ меня
Швырнулъ бы именемъ супруга, кожу
Грѣшную сорвалъ бы съ моего
Преступнаго чела, вѣнчальный перстень
Съ моей руки невѣрной ты бъ отсѣкъ
И разломалъ на части-бы съ угрозой
Жестокаго развода. Это все
Ты сдѣлалъ бы, я знаю; ну, такъ дѣлай!
Запятнана прелюбодѣйствомъ я,
Разврата грѣхъ съ моей смѣшался кровью:
Да, ежели и ты, и я—одно,
И если ты невѣренъ, то ношу я
Въ моей крови ядъ тѣла твоего,
Осквернена твоимъ прикосновеньемъ.
Храни же въ чистотѣ супружеское ложе—
И буду я чиста, и чистъ ты будешь тоже.

Антифолъ Сиракузскій.

И это все вы говорите мнѣ,
Сударыня прекрасная? Я вовсе
Не знаю васъ; всего лишь два часа,
Какъ я въ Эфесъ пріѣхалъ; этотъ городъ
Мнѣ такъ же чуждъ, какъ ваши всѣ слова;
А право, хоть свой умъ я сильно напрягаю,
Но ни единаго изъ нихъ не понимаю.

Люціана.

Фи, братецъ, какъ перемѣнились вы!
Съ моей сестрой вы такъ не обращались
До этихъ поръ. Къ вамъ Дроміо она
Послала съ тѣмъ, чтобъ васъ позвать обѣдать...

Антифолъ Сиракузскій. Дроміо?

Дроміо Сиракузскій. Меня?

Адріана.

Тебя—и ты вернувшись, отвѣчалъ,
Что онъ тебя побилъ и отказался
Мой домъ—своимъ, меня—своей женой
Признать.

Антифолъ Сиракузскій *(къ Дроміо)*.

Такъ ты ужъ съ этой госпожею
Велъ разговоръ? Какой же смыслъ имѣлъ,
Какую цѣль вашъ заговоръ?

Дроміо Сиракузскій.

Я съ нею?
До этихъ поръ я не видалъ ее.

Антифолъ Сиракузскій.

Лжешь, негодяй. Ко мнѣ сюда, на площадь
Ты приходилъ и эти же слова
Мнѣ передалъ.

Дроміо Сиракузскій.

Да въ жизнь мою ни разу
Не говорилъ я съ нею!

Антифолъ Сиракузскій.

Какъ же насъ
По именамъ она назвать умѣла?
По вдохновенью?

Адріана.

Какъ вамъ не пристало,
Почтенному такому человѣку,
Играть съ рабомъ грубѣйшій этотъ фарсъ
И поощрять его на раздраженье
Моей тоски! Ужъ я несчастна тѣмъ,
Что кинулъ ты меня; къ чему же оскорбленье
Усиливать еще чрезъ новое мученье?
Пойдемъ! къ твоей рукѣ прижмуся крѣпко я!
Ты вязъ, о мой супругъ, а я—лоза твоя;
Вкругъ крѣпости твоей я слабостью моею
Повьюсь, и отъ нея сама поздоровѣю
Ахъ, разлучаютъ насъ такъ много травъ дурныхъ,
Плющъ чужеядный, тернъ иль мохъ безплодный. Ихъ
Не рвешь ты—и они весь сокъ твой заражаютъ
И разрушеніемъ твоимъ себя питаютъ.

Антифолъ Сиракузскій.

И эти всѣ слова обращены ко мнѣ!
Ужъ не женился ли я какъ-нибудь во снѣ
На ней, иль сплю теперь и лишь въ воображеньи
Все это слушаю? Какое заблужденье
Пристало къ зрѣнію и слуху моему?
Ну, что жъ: въ обманѣ чувствъ участіе приму,
И недоразумѣніе поближе
Успѣю разсмотрѣть.

Люціана.

Ну, Дроміо, бѣги же:
Вели служителямъ скорѣй обѣдъ нести.

Дроміо Сиракузскій.

Ахъ, четки гдѣ мои? О, господи, прости

Мнѣ грѣшному! Въ страну волшебницъ мы попали.
О, горе горькое: здѣсь феикъ намъ пристали
И эльфы разные, и духи; если ихъ
Ослушаемся мы, они изъ насъ двоихъ
Дыханье высосутъ иль до-синя все тѣло
Исщиплютъ.

ЛЮЦІАНА.

Что ты тамъ бормочешь? Ну, за дѣло,
Живѣе, Дроміо, лѣнтяй, улитка, плутъ,
Безмозглый трутень!

ДРОМІО СИРАКУЗСКІЙ (*Антифолу*).

Я весь здѣсь измѣнился,
Не правда ль?

АНТИФОЛЪ СИРАКУЗСКІЙ.

Да, въ душѣ, какъ сдѣлалось со мною.

ДРОМІО СИРАКУЗСКІЙ.

Ну, нѣтъ, я сталъ иной и тѣломъ, и душою.

АНТИФОЛЪ СИРАКУЗСКІЙ.

Но вида своего, вѣдь, ты не потерялъ.

ДРОМІО СИРАКУЗСКІЙ.

Нѣтъ, обезьяною какою-то я сталъ.

АНТИФОЛЪ СИРАКУЗСКІЙ.

Ужъ если въ что-нибудь ты превратился— значитъ
Въ осла, не иначе.

ДРОМІО СИРАКУЗСКІЙ.

Да, это правда: скачетъ
Она верхомъ на мнѣ, и жажду я травы.
Да, точно, я оселъ; сказали правду вы,
Вѣдь, иначе ее я съ самаго начала
Узналъ бы, какъ она меня сейчасъ узнала.

АДРІАНА.

Довольно: не хочу я глупой быть
И закрывать рукой глаза, и плакать,
Когда слуга и баринъ надъ моимъ
Несчастіемъ смѣются. Ну, идемте—
Насъ ждетъ обѣдъ. Ты, Дроміо, запри
За нами дверь. Супругъ мой, нынче будемъ
Мы наверху обѣдать—и тебя
Заставлю я сознаться мнѣ во многихъ
Твоихъ грѣхахъ.
(*Къ Дроміо*). Ты, если кто-нибудь
Придетъ, скажи, что господинъ твой нынче
Обѣдаетъ въ гостяхъ, и никого
Не смѣй впускать. Пойдемъ, сестра. Ты, Дроміо,
Исполни хорошо обязанность твою.

АНТИФОЛЪ СИРАКУЗСКІЙ.

Да гдѣ жъ я? на землѣ, въ аду, въ раю?
Я сплю, иль бодрствую? въ умѣ, иль помѣшался?
Извѣстный имъ, себѣ невѣдомымъ остался!
Что жъ, съ ними заодно я дѣйствовать рѣшусь
И бодро въ этотъ мракъ, что-бъ ни было, пущусь.

ДРОМІО СИРАКУЗСКІЙ (*Антифолу*).

Прикажете стоять у двери?

АДРІАНА.

Повторяю,
Не смѣй ты никого впускать; не то сломаю
Я голову твою.

ЛЮЦІАНА.

Идемъ же, Антифолъ:
Вѣдь, часъ обѣденный давно уже прошелъ.
(*Уходятъ*).

Древне-греческій барельефъ, изображающій божковъ любви—эротовъ (Саркофагъ поздней эпохи, найденный въ Патрасѣ).

Одежды древнихъ малоазійскихъ грековъ, лидянъ и фригійцевъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Передъ домомъ Антифола Эфесскаго.

Входятъ Антифолъ Эфесскій, Дроміо Эфесскій, Анджело *и* Вальтасаръ.

Антифолъ Эфесскій.

Почтеннѣйшій Анджело, вы должны
Насъ оправдать. Жена моя сердита,
Когда домой я поздно прихожу;
Скажите ей, что въ вашей мастерской я
Сидѣлъ все это время, глядя, какъ
Ей дѣлали цѣпочку, и что завтра
Вы сами къ намъ доставите ее.
(Указывая на Дромію).
Вотъ этотъ плутъ мнѣ лжетъ въ лицо, что встрѣтилъ
На площади меня, что я его
Отколотилъ и требовалъ, чтобъ отдалъ
Онъ тысячу червонцевъ; наконецъ,
Что отъ жены и дома я отрекся.
Ну, отвѣчай, ты, пьяница, къ чему
Ты говорилъ все это?

Дроміо Эфесскій.

Говорите
Все, что угодно вамъ, но знаю я, что знаю.
Избили вы меня: я это подтверждаю
Слѣдами вашихъ рукъ. Когда бъ спина моя
Была пергаментомъ, удары же, что я
Сегодня получилъ отъ васъ, черниломъ были—
Своею подписью вы сами бъ подтвердили
Все это.

Антифолъ Эфесскій.

Ты оселъ, вотъ что сдается мнѣ.

Дроміо Эфесскій.

Да, кажется, что такъ, судя по руготнѣ,
Ударамъ и всему, чѣмъ нынче угощаться
Пришлось мнѣ. Очень жаль, что я не сталъ лягаться,
Когда вы стали бить: копытъ моихъ тотчасъ
Остереглись бы вы —оселъ сдержалъ бы васъ.

Антифолъ Эфесскій.

Вы грустны, Вальтасаръ! Душевно я желаю,
Чтобъ съ тѣмъ радушіемъ, съ которымъ я встрѣчаю
Васъ у себя теперь,—обѣдъ нашъ былъ вполнѣ
Согласенъ!

Вальтасаръ.

Вашъ обѣдъ совсѣмъ не дорогъ мнѣ,
Но дорогъ вашъ привѣтъ.

Антифолъ Эфесскій.

О, въ дѣлѣ мясъ и рыбы,
Сосуды цѣлые привѣтствій не могли бы
Вамъ блюда вкуснаго съ успѣхомъ замѣнить.

Вальтасаръ.

Но блюдо вкусное—не рѣдкость; оно вѣдь
У проходимца всякаго найдется.

Антифолъ Эфесскій.

Тоже
И ласковый привѣтъ нисколько не дороже:
Вѣдь, онъ—одни слова.

Вальтасаръ.

Обѣдъ веселый тотъ,
Гдѣ пищу скудную радушіе даетъ.

Антифолъ Эфесскій.

Когда хозяинъ скупъ, а гость безъ аппетита,
Такъ это хорошо. Но если очень сыто
Я васъ не накормлю, не будьте строги къ
намъ;
Другіе могутъ дать обѣдъ получше вамъ,
Но ужъ радушія такого не ищите—
Не встрѣтите нигдѣ. Однако, погодите—
Дверь заперта моя. Эй, ты, поди сейчасъ,
Скажи, чтобъ отперли и чтобъ впустили
насъ.

Дроміо Эфесскій.

Марьяна! Юлія! Цецилія! Целина!
Бригитта! Марія!

Дроміо Сиракузскій *(за сценой)*.

Дуракъ, оселъ, скотина,
Каплунъ безмозглый, прочь отъ двери отойди,
Иль у порога тамъ смирнехонько сиди.
Ишь, сколько вызвалъ бабъ! Какъ сущій
заклинатель!
Тутъ много и одной. Проваливай, пріятель!

Дроміо Эфесскій.

Что это за паяцъ-придверникъ? Отпирай!
Мой господинъ стоитъ на улицѣ.

Дроміо Сиракузскій *(за сценой)*.

Пускай
Онъ возвращается домой по той дорогѣ,
Откуда и пришелъ, не то—простудитъ ноги.

Антифолъ Эфесскій.

Кто это говоритъ? Эй, отпирайте!

Дроміо Сиракузскій *(за сценой)*.

Да,
Коль скажете *зачѣмъ*, я вамъ скажу *когда*.

Антифолъ Эфесскій.

Зачѣмъ? Чтобъ сѣсть за столъ! Обѣдать
мнѣ давайте!

Дроміо Сиракузскій *(за сценой)*.

Не будетъ нынче вамъ обѣда здѣсь. Ступайте,
Въ другой разъ жалуйте.

Антифолъ Эфесскій.

Да кто же это дверь
Мнѣ заперъ въ собственномъ моемъ дому?

Дроміо Сиракузскій *(за сценой)*.

Теперь
Пока придверникъ я, и Дромьо мнѣ прозванье.

Дроміо Эфесскій.

Ахъ, негодяй—укралъ ты у меня и званье,
И имя. Первое не приносило мнѣ
Малѣйшей выгоды; второе—къ руготнѣ
Служило поводомъ. Будь на моемъ ты мѣстѣ
Сегодня утромъ здѣсь, съ моимъ прозваньемъ вмѣстѣ—
Охотно бъ ты лицо на имя промѣнялъ,
Иль имя за лицо безъ затрудненья далъ.

Люція *(за сценой)*.

Что это тамъ за шумъ? Кто это тамъ за
дверью?

Дроміо Эфесскій.

Впусти насъ, Люція: мой господинъ стучится.

Люція *(за сценой)*.

Ну, нѣтъ: онъ опоздалъ. Такъ и скажи ему.

Дроміо Эфесскій.

Вотъ смѣхъ-то! Слушай ты, иль палку я
возьму.

Люція *(за сценой)*.

Какую и когда?

Дроміо Сиракузскій *(за сценой)*.

Коли на самомъ дѣлѣ
Васъ Люціей зовутъ, отлично вы съумѣли
Отвѣтить, Люція.

Антифолъ Эфесскій.

Ну, что жъ? ты впустишь насъ,
Надѣюсь, милая?

Люція *(за сценой)*.

Объ этомъ я у васъ
Спросила, кажется.

Дроміо Сиракузскій *(за сценой)*.

И вы намъ отказали.

Дроміо Эфесскій.

Экъ перестрѣлку вы какую завязали!
Отлично! Дѣйствуйте!

Антифолъ Эфесскій.

Дрянь, отвори сейчасъ!

Люція *(за сценой)*.
Да ради же кого, нельзя ль узнать у васъ?

Дромio Эфесскій.
Стучите, сударь, въ дверь сильнѣе.

Люція *(за сценой)*.
Да сильнѣе,
Чтобъ стало больно ей.

Антифолъ Эфесскій.
За это ты больнѣе
Поплатишься, когда сломаемъ двери мы.

Люція *(за сценой)*.
Такъ что-же? будто нѣтъ здѣсь въ городѣ тюрьмы?

Адріана *(за сценой)*.
Кто это за дверьми? Чего вы тамъ шумите?

Дромio Сиракузскій *(за сценой)*.
Ну, городокъ у васъ! Куда ни поглядите,
Вездѣ мошенники!

Антифолъ Эфесскій.
Жена моя, ты тутъ?
Давно бъ пора...

Адріана *(за сценой)*.
Жена? Ахъ, ты негодный плутъ!
Пошелъ отсюда вонъ!

Дромio Эфесскій.
Ну, только бъ намъ вломиться,
Мы за „негодный плутъ“ заставимъ поплатиться.

Анджело.
Какъ видно, не найдемъ мы здѣсь ни вкусныхъ блюдъ,
Ни словъ радушія.

Вальтасаръ.
И послѣ пересудъ,
Что лучше: вкусный столъ иль ласковое слово,
Уйдемъ, ни перваго не встрѣтивъ, ни второго.

Дромio Эфесскій.
Что жъ, сударь? гости, вѣдь, стоятъ все у дверей;
Пожаловать въ нашъ домъ просите ихъ скорѣй.

Антифолъ Эфесскій.
Здѣсь что-то въ воздухѣ есть, кажется, такое,
Что не впускаетъ насъ.

Дромio Эфесскій.
И этотъ воздухъ вдвое
Сильнѣй пробралъ бы васъ, будь въ легкомъ платьѣ вы.
Тамъ, дома, вашъ обѣдъ горячъ, а вамъ, увы,
Приходится стоять на холодѣ. Однако,
Васъ ловко провели. Тутъ всякій, какъ собака,
Взбѣсился бы.

Антифолъ Эфесскій.
Поди и принеси сюда
Скорѣе что-нибудь: я дверь сломаю.

Дромio Сиракузскій *(за сценой)*.
Да,
Извольте все ломать; а я вамъ обѣщаю,
Что голову слуги я вашего сломаю.

Дромio Эфесскій.
Сломать бы на тебѣ ходѣлось мнѣ словцо
И нанести ударъ не съ тылу, а въ лицо.

Дромio Сиракузскій *(за сценой)*.
Ломанье, видно, вамъ любимая забава.
Пошелъ ко всѣмъ чертямъ!

Дромio Эфесскій.
Ужъ это слишкомъ, право!
„Пошелъ ко всѣмъ чертямъ!“ Пожалуйста, впусти!

Дромio Сиракузскій *(за сценой)*.
Когда вы дерево сумѣете найти
Безъ листьевъ иль вѣтвей, или безъ шкуры звѣря.

Антифолъ Эфесскій.
Давай полѣно мнѣ: я выломаю двери.

Дромio Эфесскій.
Ну, вотъ! Безъ шкуры мы хоть не нашли звѣрей,
Такъ дерево нашли безъ листьевъ и вѣтвей.
А послѣ, выломавъ полѣномъ эти двери,
И шкуру снявъ съ тебя, найдемъ безъ шкуры звѣря.

Антифолъ Эфесскій.
Полѣно отыщи покрѣпче. Ну, пошелъ!

Вальтасаръ.
О, нѣтъ, не дѣлайте насилья, Антифолъ!
Вѣдь, вы съ своей же собственною честью
Вступаете въ войну, бросая тѣнь
На чистое супруги вашей имя.
Подумайте: ея прекрасный умъ,
Вамъ такъ давно доказанный на дѣлѣ,

Ея года, и чистота души,
И скромность все защитникомъ ей служитъ,
Ручательствомъ, что здѣсь причина есть,
Которой вы не знаете. И вѣрьте,
Она себя сумѣетъ оправдать
Въ томъ, что дверей для васъ не отворяютъ.
Послушайте совѣта моего:
Пойдемте въ „Тигръ“ спокойно отобѣдать,
А вечеромъ вернетесь вы одни,
И страннаго изгнанія причину
Узнаете. Ломаясь силой въ дверь
Средь бѣла дня, вы этимъ только сплетнямъ
Дадите ходъ. Презрѣнная толпа
Злословьемъ запятнаетъ ваше имя,
Столь чистое, и будетъ клевета
Преслѣдовать васъ даже за могилой.
Изъ рода въ родъ она наслѣдственно идетъ;
Гдѣ поселилась разъ, тамъ вѣчно ужъ живетъ.

Антифолъ Эфесскій.

Вы правы. Я уйду спокойно съ вами
И даже—какъ ни трудно это мнѣ—
Надѣюсь быть веселымъ. Я имѣю
Знакомую одну: она умна
И хороша, и говоритъ отлично.
И хоть дика немного, но мила.
Мы къ ней пойдемъ обѣдать. Ею часто
Меня жена коритъ, но—вѣрьте мнѣ—
Безъ всякаго резона. Да, обѣдать
Мы къ ней пойдемъ.

(Къ Анджело). Сходите вы домой,
Возьмите цѣпь—теперь она готова—
И въ домъ Ежа—такъ этотъ домъ зовутъ—
Вернитесь съ ней. Ее хозяйкѣ нашей
Я подарю, хотя бы для того,
Чтобъ разсердить жену. Поторопитесь,
Любезный другъ. Я собственную дверь
Нашелъ закрытою; такъ постучусь покуда
Въ другую: можетъ-быть, не выгонятъ оттуда.

Анджело.

Я черезъ часъ вернусь.

Антифолъ Эфесскій.

Прекрасно. Заплачу
Ужъ больно дорого за то, что пошучу.
(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Тамъ же.

Входятъ Люціана *и* Антифолъ Сиракузскій.

Люціана.

Возможно ли, чтобъ вы совсѣмъ забыли
Обязанность супруга, чтобъ у васъ,
Въ веснѣ любви, цвѣты любви подгнили,
Чтобъ наступилъ ея паденья часъ,
Когда еще не возвелося зданье?
Коль денежный разсчетъ съ сестрой моей
Васъ съединилъ, то ради состоянья,
Что взяли вы, старайтесь быть нѣжнѣй.
Коль любите другую вы—любите
Украдкою и маскою добра
Коварное притворство облеките,
Чтобъ не могла читать моя сестра
У васъ въ глазахъ. О собственномъ позорѣ
Пусть вашъ языкъ не возвѣщаетъ вслухъ:
Привѣтливо, съ любовію во взорѣ,
Убравъ порокъ, одѣвъ преступный духъ
Гонцомъ добра, блистайте чистотою,
Какъ ни была бъ душа загрязнена,—
И спрячьте грѣхъ подъ внѣшностью святою!
Къ чему сестра объ этомъ знать должна?
Гдѣ глупый воръ, своимъ же преступленьемъ
Хвалящійся? Виновны вы вдвойнѣ:
И брачнаго обѣта нарушеньемъ,
И тѣмъ, что все легко читать женѣ
У васъ въ глазахъ. Позоръ, искусно скрытый,
Найдетъ еще среди иныхъ людей
Себѣ почетъ; отъ рѣчи жъ ядовитой
Поступокъ злой, конечно, вдвое злѣй.
Ахъ, бѣдныхъ насъ хоть вѣрить заставляйте
Въ свою любовь: довѣрчивъ женскій нравъ,
Любя другихъ, имъ руку отдавайте,
Но намъ за то дарите хоть рукавъ!
Мы движемся одною вашей силой.
Идите же, любезный братъ, домой,
Спѣшите тамъ привѣтливостью милой
Мою сестру утѣшить и женой
Ее назвать. Гдѣ лести дуновенье
Отрадное способно разогнать
Вражду двухъ душъ, тамъ ложь не преступленье.

Антифолъ Сиракузскій.

Прекрасная—не знаю, какъ васъ звать,
И не пойму, какими чудесами
Вы угадать, какъ я зовусь, могли—
Любезностью и умными рѣчами
Вы превзошли всѣ чудеса земли:
Я вижу въ васъ небесное созданье.

Скажите жъ мнѣ, что думать, говорить—
И пусть мое земное пониманье,
Мой грубый умъ, умѣющій ходить
Лишь ощупью, погрязшій въ заблужденьи,
Безпомощный, поверхностный—пойметъ
Всѣхъ вашихъ словъ сокрытое значенье;
Въ правдивости и чистотѣ живетъ
Моя душа—къ чему же вы хотите
Ей новый путь насильно указать?
Не богъ ли вы? иль, можетъ-быть, скажите,
Хотѣли-бъ вы меня пересоздать?
О если такъ, идите къ этой цѣли;
Могучи вы—я буду побѣжденъ;
Но коль я тотъ, кѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ
До этихъ поръ, то твердо убѣжденъ,
Что съ вашею рыдающей сестрою
Не связанъ я, что не была она
Супругой мнѣ. Нѣтъ, нѣтъ, тобой одною,
Тобой одной моя душа полна!
Не пой, не пой мнѣ пѣсенъ сладкозвучныхъ,
Не увлекай, сирена, за собой,
Чтобъ утопить потомъ въ слезахъ докучныхъ
Твоей сестры; нѣтъ, нѣтъ, сирена, пой
Лишь для себя—и овладѣетъ мною
Безуміе; раскинься по волнамъ
Серебрянымъ, косою золотою
Ихъ устели—и ложе я создамъ
Себѣ на ней, и въ сладкомъ заблужденьи
Я буду мнить, что смертію такой
Окончить жизнь—небесъ благословенье.
Тони, любовь, въ отрадѣ неземной!

Люціана.

Вы обезумѣли: я васъ не понимаю!

Антифолъ Сиракузскій.

Нѣтъ, только сталъ слѣпымъ; а какъ—и самъ не знаю.

Люціана.

Вините въ томъ глаза.

Антифолъ Сиракузскій.

Я тѣмъ испортилъ ихъ,
Что пристально смотрѣлъ на блескъ лучей твоихъ,
О, солнце чудное!

Люціана.

Когда прозрѣть хотите,
Не на меня—на что вамъ слѣдуетъ, смотрите.

Антифолъ Сиракузскій.

О, милый ангелъ мой, смотрѣть въ ночную тьму—
Вѣдь, все равно, что быть совсѣмъ слѣпымъ!

Люціана.

Къ чему
Вы милымъ ангеломъ своимъ меня назвали?
Вы лучше б сестрѣ названье это дали.

Антифолъ Сиракузскій.

Сестрѣ твоей сестры.

Люціана.

Моей сестрѣ.

Антифолъ Сиракузскій.

Нѣтъ, нѣтъ.
Тебѣ, моихъ очей неугасимый свѣтъ,
Душа моей души, кусокъ насущный хлѣба,
Часть лучшая меня, единственное небо
Моей земли и цѣль блаженная всего,
На что надѣюсь я, мой міръ и божество!

Люціана.

Всѣмъ этимъ быть должна сестра моя.

Антифолъ Сиракузскій.

Сестрою
Зови себя одну. Тобой, тобой одною
Плѣнился я, тебя одну хочу любить
И вѣчно жизнь мою съ тобою проводить.
Жены нѣтъ у меня, а ты еще свободна—
Отдай же руку мнѣ.

Люціана.

Прошу не торопиться
Умѣрьте вашъ порывъ. Пойду къ сестрѣ узнать,
Готова ль и она свое согласье дать.

(Уходитъ).

Изъ дому Антифола Эфесскаго выбѣгаетъ Дромio Сиракузскій.

Антифолъ Сиракузскій. Эй, Дромio, куда это ты бѣжишь такъ скоро?

Дромio Сиракузскій. Да развѣ вы меня знаете? развѣ я Дромio? развѣ я вашъ слуга? развѣ я—я?

Антифолъ Сиракузскій. Ты Дромio, ты мой слуга, ты—ты.

Дромio Сиракузскій. Я оселъ, я слуга женщины, я совсѣмъ не я.

Антифолъ Сиракузскій. Какой женщины? и какимъ образомъ ты совсѣмъ не ты?

Дромio Сиракузскій. Да такимъ образомъ, что я принадлежу не себѣ, а женщинѣ—женщинѣ, которая предъявляетъ свои права на меня; женщинѣ, которая гонится за мною; женщинѣ, которая хочетъ завладѣть мною.

Антифолъ Сиракузскій. Какія же права имѣетъ она на тебя?

Дроміо Сиракузскій. Да точно такія, какія вы имѣете на вашу лошадь. Она хочетъ закабалить меня, какъ какое-нибудь животное; но не потому, что я въ самомъ дѣлѣ животное, хочется ей это сдѣлать, а потому, что она сама, имѣя очень животную натуру, предъявляетъ свои права на меня.

Антифолъ Сиракузскій. Кто она такая?

Дроміо Сиракузскій. Весьма почтенная фигура; да-съ, такая особа, о которой нельзя заговорить, не сказавъ: „съ позволенія сказать". Это дѣло доставляетъ мнѣ самую тощую прибыль, несмотря на то, что тутъ предстоитъ женитьба страшно жирная.

Антифолъ Сиракузскій. Что ты понимаешь подъ жирной женитьбой?

Дроміо Сиракузскій. Да изволите видѣть, эта женщина—кухарка, и вся заплыла жиромъ. Что изъ нея можно сдѣлать—я, право, не знаю; развѣ только ночникъ для того, чтобы при свѣтѣ его удрать отъ него же. Ручаюсь вамъ, что сало, которымъ пропитаны ея лохмотья, можетъ горѣть въ теченіе всей польской зимы. Если она проживетъ до дня страшнаго суда, то будетъ горѣть недѣлей больше, чѣмъ всѣ остальные люди.

Антифолъ Сиракузскій. А каково ея лицо?

Дроміо Сиракузскій. Смугло, какъ мой башмакъ, но далеко не такъ чисто, какъ онъ. А почему? Потому что оно потѣетъ и притомъ такъ сильно, что грязью его можно выпачкаться по самую щиколку.

Антифолъ Сиракузскій. Это недостатокъ, который можно устранить водой.

Дроміо Сиракузскій. Нѣтъ, это ужъ врожденное: тутъ ничего не сдѣлаетъ и Ноевъ потопъ.

Антифолъ Сиракузскій. Какъ ее зовутъ?

Дроміо Сиракузскій. *Женни*; но и цѣлой *сажени* мало для того, чтобъ смѣрять ее отъ одного бедра до другого.

Антифолъ Сиракузскій. Значитъ, она довольно объемиста?

Дроміо Сиракузскій. У нея отъ головы до ногъ такое же разстояніе, какъ отъ бедра до бедра; она сферична, какъ глобусъ, и я отыскалъ на ней всѣ страны свѣта.

Антифолъ Сиракузскій. На какой части ея тѣла находится Ирландія?

Дроміо Сиракузскій. На задней; я узналъ ее по топямъ.

Антифолъ Сиракузскій. А Шотландія?

Дроміо Сиракузскій. По безплодности, я нашелъ ее на ладони.

Антифолъ Сиракузскій. А Франція?

Дроміо Сиракузскій. На лбу, вооруженномъ и поднявшемся войною противъ волосъ.

Антифолъ Сиракузскій. А Англія?

Дроміо Сиракузскій. Я искалъ всюду мѣловыхъ утесовъ, но не нашелъ рѣшительно ничего бѣлаго. Предполагаю, однако, что Англія обрѣтается на ея подбородкѣ, судя по соленой влагѣ, протекающей между этою частью ея тѣла и Франціей.

Антифолъ Сиракузскій. Ну, а Испанія?

Дроміо Сиракузскій. Ее, сказать правду, не видѣлъ, но чувствовалъ испанскій пылъ въ ея дыханіи.

Антифолъ Сиракузскій. Гдѣ оказались Америка и обѣ Индіи?

Дроміо Сиракузскій. О, на ея носу, украшенномъ сверху до-низу рубинами, карбункулами и сафирами; всѣ онѣ разсыпали свои сокровища подъ горячимъ дыханіемъ Испаніи, выславшей цѣлыя армады галеръ для нагрузки подъ носомъ.

Антифолъ Сиракузскій. Гдѣ ты нашелъ Бельгію и Нидерланды?

Дроміо Эфесскій. О, такъ низко я не заглядывалъ! И вотъ, эта мерзость, эта вѣдьма предъявила права на меня, при чемъ называла меня Дроміо, клялась, что я женихъ ея и разсказала, какія особыя примѣты у меня на тѣлѣ; напримѣръ: родинка на плечѣ, пятнышко на шеѣ, большая бородавка на лѣвой рукѣ. Я пришелъ въ ужасъ и бѣжалъ отъ нея, какъ отъ колдуньи. Если бъ моя грудь не была сдѣлана изъ теплой вѣры, а сердце не было заковано въ сталь, она, я полагаю, превратила бы меня въ дворовую собаку и заставила бы ворочать на кухнѣ вертелъ.

Антифолъ Сиракузскій.

Бѣги скорѣе въ гавань; если тамъ
Хоть небольшой попутный вѣтеръ дуетъ—
Я до утра остаться не хочу
Здѣсь въ городѣ. Найдешь корабль готовый
Къ отплытію—приди на площадь мнѣ
Сказать о томъ; я ждать тебя тамъ буду.
Весь городъ знаетъ насъ, а мы въ немъ—никого;
Такъ лучше поскорѣй убраться изъ него.

ДРОМІО СИРАКУЗСКІЙ.

Какъ отъ медвѣдя мы спасаемся съ испугомъ,
Бѣгу отъ той, что здѣсь зоветъ меня супругомъ.

(*Уходитъ*).

АНТИФОЛЪ СИРАКУЗСКІЙ.

Какъ видно, здѣсь весь городъ населенъ
Колдуньями; поэтому уѣхать
Давно пора. О той, что назвалась
Моей женой, я не могу и думать
Безъ ужаса, какъ о женѣ. За то
Ея сестра, въ которой все такъ чудно,
Такъ царственно-прелестно, такъ умно,
Виной тому, что я почти измѣнникъ
Передъ самимъ собой. Но для того,
Чтобъ для своей души не стать причиной горя,
Закрою я свой слухъ для пѣсенъ дѣвы моря.

Входитъ АНДЖЕЛО.

АНДЖЕЛО.

Вотъ—Антифолъ!

АНТИФОЛЪ СИРАКУЗСКІЙ.

Да, такъ меня зовутъ.

АНДЖЕЛО.

Я знаю самъ. Вотъ ваша цѣпь. Я думалъ,
Что васъ въ „Ежѣ“ еще застану—но
Цѣпь не была готова; оттого-то
Я запоздалъ.

АНТИФОЛЪ СИРАКУЗСКІЙ.

Что жъ съ цѣпью дѣлать мнѣ
Прикажете?

АНДЖЕЛО.

Да все, что вамъ угодно:
Для васъ ее я сдѣлалъ.

АНТИФОЛЪ СИРАКУЗСКІЙ.

Для меня?
Я не давалъ заказа.

АНДЖЕЛО.

Вы разъ двадцать
А не одинъ, иль два о вещи этой
Твердили мнѣ. Ступайте же домой,
Порадуйте скорѣй жену подаркомъ.
Въ часъ ужина зайду къ вамъ, и тогда
Вы мнѣ за цѣпь заплатите.

АНТИФОЛЪ СИРАКУЗСКІЙ.

Вы лучше
Теперь мой долгъ возьмите, а не то
Не получить ни цѣпи вамъ, ни денегъ.

АНДЖЕЛО.

Какой шутникъ. Прощайте, Антифолъ.

(*Уходитъ*).

АНТИФОЛЪ СИРАКУЗСКІЙ.

Никакъ я не пойму, что это означаетъ;
Но только думаю, что въ свѣтѣ не бываетъ,
Конечно, дурака, который отъ такихъ
Отказываться-бъ сталъ подарковъ дорогихъ.
Какъ видно, не зачѣмъ здѣсь людямъ ухищряться
Для пріисканія средствъ къ жизни, коль валятся
Такія вещи къ нимъ на улицахъ. Пойду
Теперь на площадь я, тамъ Дромьо подожду,
И если есть корабль, готовый отправляться,
Отсюда поспѣшу я поскорѣй убраться.

(*Уходитъ*).

Древне-греческій орнаментъ (Мраморный дискъ - богъ лѣсовъ и полей Панъ).

Древне-греческій орнаментъ. (Терракота).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Площадь.

Входятъ ВТОРОЙ КУПЕЦЪ, АНДЖЕЛО *и* ПРИСТАВЪ.

ВТОРОЙ КУПЕЦЪ.

Вы съ Троицына дня должны мнѣ эту сумму,
И я изъ-за нея не дѣлалъ много шуму;
Да и теперь я не присталъ бы къ вамъ,
Не встрѣться мнѣ нужда большая въ деньгахъ,
Чтобъ съѣздить въ Персію. И потому
Прошу сейчасъ мнѣ уплатить—иначе
Немедленно васъ этотъ господинъ
Сведетъ въ тюрьму.

АНДЖЕЛО.

Такую точно сумму,
Какую вамъ я долженъ, получить
Мнѣ надо съ Антифола. Въ ту минуту,
Какъ встрѣтились мы съ вами, цѣпь ему
Я передалъ—и въ пять часовъ заплатитъ
Онъ за нее. Пожалуйте со мной
Къ нему, и я съ признательностью полной
Отдамъ вамъ долгъ.

ПРИСТАВЪ.

Отъ этого труда
Вы можете себя избавить: самъ онъ
Идетъ сюда.

Входятъ АНТИФОЛЪ ЭФЕССКІЙ *и* ДРОМІО ЭФЕССКІЙ.

АНТИФОЛЪ ЭФЕССКІЙ.

Пойду я къ ювелиру,
А ты пока сходи—купи мнѣ плеть,
Я ею угощу мою супругу
И всѣхъ ея сообщниковъ за то,
Что въ мой же домъ сегодня не впустили
Они меня. Да вотъ и ювеліръ!
Ну, такъ иди—купи мнѣ плеть и дома
Съ ней жди меня.

ДРОМІО ЭФЕССКІЙ.

Я покупаю плеть—
Доходу тысячу я фунтовъ покупаю! *(Уходитъ).*

АНТИФОЛЪ ЭФЕССКІЙ *(къ Анджело).*

Ну, всякій, кто положится на васъ,
Останется доволенъ. Я далъ слово,
Что сами вы придете и съ собой
Возьмете цѣпь; но не пришлось увидѣть
Ни цѣпи мнѣ, ни ювелира. Вы
Подумали, конечно, что ужъ слишкомъ
Цѣпь нашу связь скрѣпитъ, и оттого
Къ намъ не пришли.

Анджело.

Теперь шутить не время.
Извольте счетъ: тутъ вашей цѣпи вѣсъ
До одного карата, тутъ и проба,
И стоимость работы. Весь итогъ
Всего тремя червонцами превысилъ
Мой долгъ ему. *(Указываетъ на купца).*
Прошу васъ заплатить
Немедленно: собрался онъ въ дорогу
И одного—уплаты этой ждетъ

Антифолъ Эфесскій.

Не захватилъ съ собой я столько денегъ;
Притомъ еще мнѣ надо по дѣламъ
Отправиться. Пожалуйста, сходите
Вы съ этимъ господиномъ къ намъ домой,
Возьмите цѣпь, женѣ ее отдайте—
И отъ нея получите сполна,
Что́ слѣдуетъ. Быть-можетъ, въ это время
И я притти успѣю.

Анджело.

Значитъ, вы
Ужъ сами цѣпь ей отдадите?

Антифолъ Эфесскій.

Нѣтъ;
Возьмите вы ее съ собой; быть можетъ,
Замѣшкаюсь я долго.

Анджело.

Хорошо.
Гдѣ жъ цѣпь? При васъ?

Антифолъ Эфесскій.

Коль не при мнѣ, то вѣрно
При васъ она; иначе бы пришлось
Безъ денегъ вамъ домой вернуться.

Анджело.

Полно!
Пожалуйста, давайте цѣпь. Приливъ
И вѣтеръ—все его торопитъ ѣхать;
Я виноватъ, что задержалъ его
Такъ долго здѣсь.

Антифолъ Эфесскій.

Ахъ, Богъ мой, этой шуткой
Хотите вы загладить вѣрно то,
Что въ домъ Ежа, согласно обѣщанью,
Вы не пришли. Мнѣ слѣдовало-бъ васъ
Бранить за то, что цѣпь не принесли вы,
А вы еще тутъ первый принялись,
Какъ спорщица, ворчать.

Второй купецъ *(къ Анджело).*

Уходитъ время;
Пожалуйста, спѣшите кончить.

Анджело.

Вотъ,
Вы видите, какъ онъ меня торопитъ!
Давайте жъ цѣпь.

Антифолъ Эфесскій.

Снесите вы ее
Къ моей женѣ, и получите деньги.

Анджело.

Ну, полно же! Вы знаете, что цѣпь
Я только-что вамъ отдалъ. Такъ пошлите
Или ее, или какой-нибудь
Условный знакъ.

Антифолъ Эфесскій.

Стыдитесь: ваша шутка
Ужъ слишкомъ далеко заходитъ. Ну,
Гдѣ жъ цѣпь моя? Прошу васъ, покажите.

Второй купецъ.

Мои дѣла не позволяютъ мнѣ
Выслушивать всѣ эти шутки. Что же,
Угодно вамъ мнѣ заплатить, иль нѣтъ?
А если нѣтъ, его отдамъ сейчасъ же
Я приставу.

Антифолъ Эфесскій.

Мнѣ вамъ платить? За что жъ,
Скажите мнѣ, платить я долженъ?

Анджело.

Деньги,
Которыя вы мнѣ должны за цѣпь.

Антифолъ Эфесскій.

Пока отъ васъ не получу я цѣпи,
Я ничего не долженъ вамъ.

Анджело.

Но вы,
Вѣдь, знаете, что вамъ ее я отдалъ
За полчаса до этого.

Антифолъ Эфесскій.

Отъ васъ
Я ничего не получалъ. Обидно
Выслушивать мнѣ это.

Анджело.

Мнѣ еще
Обиднѣе, что отрицать вы стали
Мои слова. Вѣдь, этимъ мой кредитъ
Вы губите.

Второй купецъ *(приставу).*

Ну, приставъ, арестуйте
Его сейчасъ.

ПРИСТАВЪ.

Я арестую васъ,
И приглашаю мнѣ повиноваться,
Во имя герцога.

АНДЖЕЛО *(Антифолу)*.

Тутъ честь моя
Затронута. Иль заплатите деньги,
Иль попрошу я пристава сейчасъ же
Васъ взять въ тюрьму.

АНТИФОЛЪ ЭФЕССКІЙ.

Платить за то, чего
Я никогда не получалъ? Коль смѣешь,
Такъ арестуй меня, безмозглый шутъ!

АНДЖЕЛО.

Вотъ кормовыя, приставъ: арестуйте
Его сейчасъ. Я и родного брата
Не пощадилъ бы, еслибъ вздумалъ онъ
Нахально такъ смѣяться надо мною.

ПРИСТАВЪ *(Антифолу)*.

Вы слышали? Я арестую васъ.

АНТИФОЛЪ ЭФЕССКІЙ.

Покуда вамъ поруки не представлю
Я за себя—я повинуюсь вамъ.
Но вы, почтеннѣйшій, за штуку эту
Такъ дорого заплатите, что всѣхъ
Металловъ вашей лавки не достанетъ.

АНДЖЕЛО.

О, я найду въ Эфесѣ правый судъ,
И срамомъ онъ покроетъ васъ навѣрно.

Входитъ ДРОМІО СИРАКУЗСКІЙ.

ДРОМІО СИРАКУЗСКІЙ.

Тамъ есть корабль изъ Эпидамна; онъ
Совсѣмъ готовъ и ожидаетъ только
Хозяина, чтобъ паруса поднять.
Я на него пожитки наши, сударь,
Уже послалъ, а также закупилъ
Бальзама, водки, масла. Все готово
На кораблѣ; попутный вѣтеръ дуетъ
Такъ весело—и чтобъ пуститься въ путь,
Ждутъ только васъ и капитана.

АНТИФОЛЪ ЭФЕССКІЙ.

Что ты,
Съ ума сошелъ? какой такой корабль
Изъ Эпидамна ждетъ меня скотина
Безмозглая?

ДРОМІО СИРАКУЗСКІЙ.

Корабль, куда, меня
Послали вы, чтобъ удержать вамъ мѣсто.

АНТИФОЛЪ ЭФЕССКІЙ.

Ахъ, пьяница негодный, я тебя
Послалъ купить мнѣ плетку, объяснивши,
Зачѣмъ она нужна мнѣ...

ДРОМІО СИРАКУЗСКІЙ.

Никогда
За плетью вы меня не посылали,
А былъ приказъ мнѣ въ гавани найти
Для васъ корабль.

АНТИФОЛЪ ЭФЕССКІЙ.

Ну, это на досугѣ
Я разберу и дамъ твоимъ ушамъ
Урокъ впередъ внимательнѣе слушать.
Бѣги сейчасъ, негодный, къ Адріанѣ,
Вотъ этотъ ключъ отдай ей и скажи,
Что у меня въ столѣ, ковромъ турецкимъ
Покрытомъ, есть съ червонцами мѣшокъ:
Пускай пришлетъ его ко мнѣ. А также
Ты ей скажи, что арестованъ я
На улицѣ и что червонцы эти
Мнѣ нужны для залога. Ну, живѣй,
Негодный рабъ! Теперь, ведите, приставъ,
Меня въ тюрьму: тамъ подождемъ его.

(Антифолъ Эфесскій, приставъ, второй купецъ и Анджело уходятъ).

ДРОМІО СИРАКУЗСКІЙ.

„Бѣги ты къ Адріанѣ!“ Это, значитъ,
Туда, гдѣ мы обѣдали, туда,
Гдѣ на себѣ женить меня желаетъ
Прелестница. Да, для моихъ объятій
Ужъ черезъ-чуръ объемиста она.
Но хоть не хочется, а надо отправляться:
Обязанъ барину слуга повиноваться.

(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Домъ Антифола Эфесскаго.

Входятъ АДРІАНА *и* ЛЮЦІАНА.

АДРІАНА.

И это все тебѣ, сестра, онъ говорилъ?
Въ его глазахъ, скажи, ты ясно прочитала:
Шутилъ ли онъ съ тобой, или серьезенъ былъ?
Что жъ, онъ краснѣлъ тогда, иль блѣдность покрывала
Его лицо? Что онъ высказывалъ тебѣ:
Веселость или грусть? При внутренней борьбѣ,
Какія ты могла въ глазахъ его явленья
Замѣтить, какъ слѣды сердечнаго волненья?

Люціана.

Сперва отвергнулъ онъ, что можешь на него
Ты предъявлять права.

Адріана.

Скорѣй, ни одного
Онъ самъ не хочетъ дать, и этимъ нару-
галсяОнъ больше надо мной.

Люціана.

Потомъ онъ мнѣ поклялся,
Что въ нашемъ городѣ онъ чужестранецъ.

Адріана.

Да,
Не ложно клялся онъ, хоть будетъ онъ
всегдаКлятвопреступникомъ.

Люціана.

Тогда заговорила
Я за тебя.

Адріана.

И что жъ?

Люціана.

Любви, что я молила
Тебѣ, онъ у меня молить сталъ для себя.

Адріана.

И чѣмъ же онъ хотѣлъ склонить къ любви
тебя?

Люціана.

Такими нѣжными словами, что когда бы
Онъ не безчестенъ былъ, я тронуться мог-
ла бы:
И красотѣ моей, и всѣмъ словамъ моимъ
Онъ воздавалъ хвалу.

Адріана.

Такъ говорила съ нимъ
Ты очень ласково?

Люціана.

Да будь же, ради Бога,
Потерпѣливѣе!

Адріана.

Нѣтъ, не могу молчать я
И не хочу; коли не сердцу, языку
Ужъ волю дамъ. Онъ старикъ,
Поношенный, худой, порочный, безобразный
И тѣломъ, и лицомъ, жестокій, глупый,
грязный,Больной, чудовищный и тѣломъ, и душой.

Люціана.

Возможно ли, скажи, чтобъ человѣкъ такой
Въ насъ ревность возбуждалъ? Кто станетъ
сокрушатьсяО злѣ утраченномъ?

Адріана.

Ахъ, я должна сознаться,
Что только на словахъ онъ для меня не
милъ;
Но, несмотря на то, желаю я душевно,
Чтобъ на глазахъ другихъ еще онъ хуже
былъ:
Вѣдь, птичка на гнѣздо кричитъ тогда лишь
гнѣвно,
Когда оно вдали. Ахъ, молится о немъ
Душа моя, хотя кляну я языкомъ!

Входитъ Дромio Сиракузскій.

Дромio Сиракузскій.

Сударыня, скорѣй! Столъ! кошелекъ! живѣе!

Люціана.

Какъ запыхался ты!

Дромio Сиракузскій.

Еще бы: какъ-же,
И бѣжалъ я быстро.

Адріана.

Но гдѣ твой господинъ?
Здоровъ ли?

Дромio Сиракузскій.

Онъ теперь средь Тартара пучинъ,
Онъ хуже, чѣмъ въ аду: его схватилъ злой
демонъВъ неизносимомъ платьѣ, сердце чье
Жестокое застегнуто желѣзомъ;
Злой демонъ, фурія, безжалостный, сердитый,
Волкъ—хуже волка, чортъ, весь въ буйвола
зашитый,Другъ только на словахъ, шпіонъ изъ-за
спины,Рукой котораго пути преграждены
Въ проулкахъ, улицахъ, на пристаняхъ, со-
бака,Что хоть и вкривь бѣжитъ, на вѣрный слѣдъ,
однако,Наткнется, существо, которое всегда
Людей ввергаетъ въ адъ до страшнаго суда.

Адріана.

Да говори, въ чемъ дѣло?

Дромio Сиракузскій.

Я не знаю.

Въ чемъ дѣло; несомнѣнно только то,
Что подъ арестомъ онъ.

АДРІАНА.

Какъ, подъ арестомъ?
Но по какому дѣлу, говори?

ДРОМІО СИРАКУЗСКІЙ.

Вотъ это объяснить я не умѣю тоже;
Одно могу сказать, что въ буйволовой кожѣ
Тотъ человѣкъ, который взялъ его.
Угодно вамъ, сударыня, тѣ деньги,
Что у него въ столѣ лежатъ, послать
Для выкупа?

АДРІАНА.

Сестра, сходи за ними.
Дивлюсь не мало я, что вижу у него
Долгъ, о которомъ я не знала ничего.
За что же арестованъ онъ? За вексель?

ДРОМІО СИРАКУЗСКІЙ.

Что вексель! пустяки! Нѣтъ, арестованъ онъ
За вещь солиднѣе, за цѣпь. Вамъ слышенъ звонъ?

АДРІАНА.

Звонъ цѣпи?

ДРОМІО СИРАКУЗСКІЙ.

Нѣтъ, часовъ; я слишкомъ заболтался.
Вѣдь, было два часа, когда я съ нимъ разстался,
А вотъ теперь ужъ часъ.

АДРІАНА.

Такъ, стало-быть, идутъ
Часы теперь назадъ: сказалъ ты новость, шутъ!

ДРОМІО СИРАКУЗСКІЙ.

Да, каждый разъ какъ часъ тюремщика встрѣчаетъ,
Отъ страха онъ назадъ сейчасъ же убѣгаетъ.

АДРІАНА.

Такъ, значитъ, есть долги у времени? Зачѣмъ
Ты вздоръ такой несешь?

ДРОМІО СИРАКУЗСКІЙ.

Да время, вѣдь, совсѣмъ
Банкротомъ сдѣлалось, и стоитъ слишкомъ мало
Оно въ сравненьи съ тѣмъ, что людямъ задолжало.
Притомъ оно и воръ: вѣдь, говорятъ давно,
Что пробирается украдкою оно
И днемъ, и по ночамъ. А задолжавши столько
И воромъ будучи, ему, при встрѣчѣ только
Съ судебнымъ приставомъ, нельзя не убѣжать
И въ сутки хоть на часъ поэтому отстать.

Входитъ ЛЮЦІАНА.

АДРІАНА.

Вотъ деньги, Дромio; бѣги, не отдыхая,
И съ мужемъ возвратись немедленно домой.
Идемъ, сестра; отъ думъ совсѣмъ изнемогла я,
Отъ думъ, что мнѣ даютъ то слезы, то покой.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Площадь.

Входитъ АНТИФОЛЪ СИРАКУЗСКІЙ.

АНТИФОЛЪ СИРАКУЗСКІЙ.

Кого бы я ни встрѣтилъ—всѣ меня
Привѣтствуютъ, какъ стараго знакомца;
По имени всѣ здѣсь зовутъ меня.
Тѣ денегъ мнѣ даютъ, тѣ приглашаютъ
Меня къ себѣ; одни благодарятъ
За добрыя какія-то услуги,
Другіе предлагаютъ свой товаръ.
Вотъ только-что портной какой-то въ лавку
Зазвалъ свою и шелковыя ткани
Мнѣ показалъ, которыя купилъ
Онъ для меня—а вслѣдъ за этимъ мѣрку
Съ меня онъ снялъ. Не сомнѣваюсь я,
Что это все продѣлки чародѣйства,
Что много здѣсь лапландскихъ колдуновъ.

Входитъ ДРОМІО СИРАКУЗСКІЙ.

ДРОМІО СИРАКУЗСКІЙ. Вотъ, сударь, золото, за которымъ вы посылали меня. Но что я вижу? При васъ нѣтъ уже изображенья стараго Адама въ новомъ платьѣ?

АНТИФОЛЪ СИРАКУЗСКІЙ. Какое золото и о какомъ Адамѣ ты говоришь?

ДРОМІО СИРАКУЗСКІЙ. Не о томъ Адамѣ, который стерегъ рай, но объ Адамѣ, который стережетъ тюрьму; о томъ, который одѣтъ въ шкуру теленка, убитаго для блуднаго сына; о томъ, который слѣдовалъ за вами, какъ злой духъ, и заставилъ васъ отречься отъ вашей свободы.

АНТИФОЛЪ СИРАКУЗСКІЙ. Я не понимаю тебя.

ДРОМІО СИРАКУЗСКІЙ. Не понимаете? Но, вѣдь, это такъ ясно: я говорю о человѣкѣ, который ходитъ въ кожаномъ футлярѣ, точно віолончель; о человѣкѣ, который толь-

ко-что увидитъ усталаго, сейчасъ же ударитъ его по плечу и уведетъ отдыхать; о человѣкѣ, что никогда не преминетъ сжалиться надъ разорившимся и дастъ ему прочную одежду; о человѣкѣ, что своей палочкой производитъ больше подвиговъ, чѣмъ мавръ своимъ копьемъ.

Антифолъ Сиракузскій. Ты, стало-быть, говоришь о полицейскомъ приставѣ?

Дроміо Сиракузскій. Точно такъ, объ обязательномъ приставѣ, который всякаго нарушающаго обязательства, приглашаетъ къ отвѣту, который на всякаго человѣка смотритъ, какъ на отправляющагося спать, и поэтому говоритъ всякому: „не угодно ли вамъ на покой?“

Антифолъ Сиракузскій. Неугодно ли и тебѣ оставить въ покоѣ твои дурачества? Что жъ, нашелъ ты корабль, готовый отплыть сегодня ночью? Можемъ мы уѣхать?

Дроміо Сиракузскій. Да я уже съ часъ назадъ докладывалъ вамъ, что корабль „Отъѣздъ“ отправляется отсюда сегодня ночью; но тутъ приставъ впутался и заставилъ васъ ждать барку „Отсрочку“. Вотъ ангелы, за которыми вы посылали меня для избавленія вашего.

Антифолъ Сиракузскій.

Мой шутъ въ бреду, такъ точно, какъ и я;
Блуждаемъ мы въ какихъ-то сновидѣньяхъ.
Ахъ, если бы нашелся добрый духъ,
Который бы унесъ ужъ насъ отсюда!

Входитъ куртизанка.

Куртизанка.

Весьма, весьма пріятно, Антифолъ,
Мнѣ встрѣтить васъ. Какъ видно, ювелира
Вы, наконецъ, нашли! такъ это цѣпь,
Что нынче вы отдать мнѣ обѣщали?

Антифолъ Сиракузскій. Прочь, сатана, не искушай меня!

Дроміо Сиракузскій. Сударь, это госпожа Сатана?

Антифолъ Сиракузскій. Это дьяволъ.

Дроміо Сиракузскій. Нѣтъ, хуже—это бабушка дьявола. Она явилась сюда въ видѣ женщины легкаго поведенія. Отъ этого и происходитъ, что когда женщина скажетъ: „прокляни меня, Господи!“—то это все-равно, что она сказала бы: „сдѣлай изъ меня, Господи, женщину легкаго поведенія!“ Такъ и писано, что онѣ являются людямъ въ видѣ свѣтлыхъ ангеловъ, а свѣтъ есть слѣдствіе огня, а огонь жжетъ—*ergo*, объ женщину легкаго поведенія всегда обожжешься. Не подходите къ ней близко.

Куртизанка.

И вашъ слуга, и вы сегодня чудо
Какъ веселы. Пойдемте-ка ко мнѣ,
И по пути закупимъ все на ужинъ.

Дроміо Сиракузскій. Если пойдете, сударь, то разсчитывайте на кушанье, которое придется ѣсть ложкой—и припасите себѣ ложку подлиннѣе.

Антифолъ Сиракузскій. Для чего же это, Дроміо?

Дроміо Сиракузскій. Да потому, что кто ѣстъ съ дьяволомъ, у того непремѣнно должна быть длинная ложка.

Антифолъ Сиракузскій.

Прочь, прочь, злой духъ! Зачѣмъ ты мнѣ толкуешь
Объ ужинѣ? Ты вѣдьма, какъ и всѣ
Здѣсь въ городѣ; тебя я заклинаю:
Оставь меня, иди отсюда прочь.

Куртизанка.

Отдайте мнѣ мой перстень, взятый вами
Сегодня за обѣдомъ, или цѣпь,
Что за кольцо мое вы обѣщали
Мнѣ подарить—и я сейчасъ уйду,
И больше васъ не стану безпокоить.

Дроміо Сиракузскій.

Есть дьяволы, которымъ дай орѣхъ,
Булавочку, кровинку, волосинку,
Соломенку, обрѣзокъ ноготка—
Они и тѣмъ довольны; а вотъ эта
Жаднѣе всѣхъ: ей цѣпь, вишь, подавай.
Совѣтую вамъ быть поосторожнѣй:
Дадите ей—такъ дьяволъ загремитъ,
На ужасъ намъ, своею цѣпью, сударь.

Куртизанка.

Я васъ прошу отдать мое кольцо,
Иль вашу цѣпь; надѣюсь, что ограбить
Меня вы не хотите.

Антифолъ Сиракузскій.

Вѣдьма, прочь!
Ну, Дроміо, идемъ, идемъ скорѣе!

Дроміо Сиракузскій.

„Гордиться грѣхъ!“ павлины говорятъ.
Сударыня, вамъ это, вѣдь, извѣстно?
(*Дроміо и Антифолъ уходятъ*).

Куртизанка.

Сомнѣнья нѣтъ, что Антифолъ совсѣмъ

Сошелъ съ ума; иначе онъ не сталъ бы
Такъ поступать. Онъ взялъ мое кольцо,
Которое червонцевъ сорокъ стоитъ,
И обѣщалъ за это дать мнѣ цѣпь;
Но вотъ теперь ни то и ни другое
Не отдаетъ. Да, онъ сошелъ съ ума;
За это мнѣ ручается не только
То, что со мной такъ бѣшено теперь
Онъ поступилъ, но и его нелѣпый
Разсказъ о томъ сегодня за обѣдомъ,
Что собственныя двери онъ нашелъ
Закрытыми. Быть-можетъ, въ самомъ дѣлѣ
Жена его, узнавши о такихъ
Болѣзненныхъ припадкахъ, не впустила
Его къ себѣ. Осталось мнѣ теперь
Одно—бѣжать скорѣй въ его квартиру
И разсказать женѣ его, что онъ,
Въ припадкѣ помѣшательства, ворвался
Въ мой домъ и взялъ насильно у меня
Мое кольцо. Да, путь надежнѣйшій нашла я:
Вѣдь, сорокъ золотыхъ—потеря не пустая.
(Уходитъ).

СЦЕНА IV.

Улица.

Входятъ Антифолъ Эфесскій *и* приставъ.

Антифолъ Эфесскій.
Не бойся, другъ, я не уйду; тебя
Оставлю я не прежде, какъ вручивши
Всю сумму ту, изъ-за которой я
Взятъ подъ арестъ. Жена моя сегодня
Въ сердитомъ настроеньи, и едва-ль
Слугѣ она повѣритъ, что въ Эфесѣ
Меня арестовали. Отъ тебя
Не скрою я—ей это очень страннымъ
Покажется. Но вотъ и мой слуга.

Входитъ Дромio Эфесскій *съ плетью.*

Антифолъ Эфесскій.
Увѣренъ я, что онъ несетъ мнѣ деньги.
Ну, что, принесъ?

Дромio Эфесскій.
Принесъ и поручусь,
Что этимъ вы вполнѣ со всѣми ими
Расплатитесь.

Антифолъ Эфесскій.
Но гдѣ же деньги?

Дромio Эфесскій.
Гдѣ?
Да ихъ за плеть я отдалъ.

Антифолъ Эфесскій.
Какъ, бездѣльникъ,
За плеть пятьсотъ червонцевъ?

Дромio Эфесскій.
Ну, ужъ нѣтъ;
Пятьсотъ плетей могу на эти деньги
Я вамъ купить.

Антифолъ Эфесскій.
Да я зачѣмъ тебя
Послалъ домой?

Дромio Эфесскій.
За плеткою—и съ нею
Вернулся я.

Антифолъ Эфесскій.
А я за то тебя
Привѣтствіемъ вотъ этакимъ встрѣчаю.
(Бьетъ его).

Приставъ. Пожалуйста, успокойтесь, потерпите.

Дромio Эфесскій. Терпѣть приходится не ему, а мнѣ: несчастіе на меня обрушилось.

Приставъ. Ну, любезный, придержи языкъ.

Дромio Эфесскій. Вы лучше убѣдите его попридержать руки.

Антифолъ Эфесскій. Потаскушкинъ сынъ, негодный чурбанъ!

Дромio Эфесскій. Да, сударь, я бы желалъ быть чурбаномъ, чтобы не чувствовать вашихъ побоевъ.

Антифолъ Эфесскій. Ты только и чувствуешь, что побои, какъ оселъ.

Дромio Эфесскій. Я дѣйствительно оселъ; это доказываютъ мои уши, которыя вы такъ сильно вытянули. Я служу ему съ минуты моего рожденія до настоящей минуты и за службу никогда не получалъ изъ его рукъ ничего, кромѣ побоевъ. Когда мнѣ холодно, онъ согрѣваетъ меня пощечиной; когда мнѣ жарко, онъ освѣжаетъ меня пощечиной; пощечины пробуждаютъ меня, когда я сплю, подымаютъ съ мѣста, когда сижу, выгоняютъ за дверь, когда выхожу изъ дома, привѣтствуютъ дома, когда возвращаюсь. Побои постоянно ношу я на своихъ плечахъ, какъ нищая своего сына, и я полагаю, что когда онъ меня изувѣчитъ, придется мнѣ на самомъ дѣлѣ ходить съ ними по-міру.

Антифолъ Эфесскій.
Идемъ впередъ. Вотъ и жена моя.

Входятъ Адріана, Люціана, куртизанка *и* Пинчъ.

Дромio Эфесскій. Сударыня, respice finem, помните конецъ; или, какъ говоритъ попугай: „берегитесь конца плетки".

Антифолъ Эфесскій. Что жъ это ты вѣчно будешь болтать? *(Бьетъ его).*

Куртизанка.

Что жъ, скажите, вашъ мужъ не сумасшедшій?

Адріана.

Да, дикостью своею это ясно
Онъ доказалъ. Мой добрый докторъ Пинчъ,
Вы заклинать умѣете; прошу васъ
Ему опять разсудокъ возвратить—
И заплачу я вамъ, какъ захотите.

Люціана.

Ахъ, какъ свирѣпъ и страшенъ взглядъ его!

Куртизанка.

Смотрите, какъ дрожитъ онъ въ изступленьи!

Пинчъ *(Антифолу).*

Прошу васъ дать мнѣ руку: я хочу
Пощупать пульсъ.

Антифолъ Эфесскій.

Вотъ вамъ рука: хочу я
Пощупать вашъ затылокъ.

Пинчъ.

Сатана,
Что въ этого вселился человѣка,
Тебя я заклинаю уступить
Моимъ святымъ молитвамъ и скорѣе
Бѣжать назадъ, въ твои владѣнья тьмы.
Во имя всѣхъ святыхъ—я заклинаю
Тебя, уйди!

Антифолъ Эфесскій.

Молчи, колдунъ нелѣпый,
Молчи! Еще я не сошелъ съ ума.

Адріана.

О, еслибъ такъ, несчастное созданье!

Антифолъ Эфесскій.

Такъ это вотъ пріятели твои,
Красавица? Не этотъ ли молодчикъ
Съ шафранной рожею въ моемъ дому
Сегодня пировалъ и веселился,
Межъ-тѣмъ какъ дверь преступная была
Закрыта мнѣ, и я не могъ проникнуть
Въ мой домъ?

Адріана.

О, мужъ любезный, видитъ Богъ,
Что дома ты обѣдалъ—и когда бы
До этихъ поръ ты оставался тамъ,
То этого публичнаго позора
Навѣрно бы избѣгнулъ.

Антифолъ Эфесскій *(къ Дромio).*

Дома я
Обѣдалъ? Ну, что скажешь ты на это,
Бездѣльникъ?

Дромio Эфесскій.

Я, чтобъ правду говорить,
Скажу, что вы обѣдали не дома.

Антифолъ Эфесскій.

А дверь моя была не заперта?
И не прогнали насъ?

Дромio Эфесскій.

Да, это точно,
Дверь ваша заперта была, и насъ
Прогнали.

Антифолъ Эфесскій.

Ну, и тутъ не обругала
Она сама меня?

Дромio Эфесскій.

Sans fable, она
Сама васъ обругала.

Антифолъ Эфесскій.

А кухарка
Меня не оскорбила? Отъ нея
Не слышалъ я насмѣшекъ, брани?

Дромio Эфесскій.

Точно,
Бранила васъ весталка кухни.

Антифолъ Эфесскій.

Ну,
А не ушелъ я въ бѣшенствѣ оттуда?

Дромio Эфесскій.

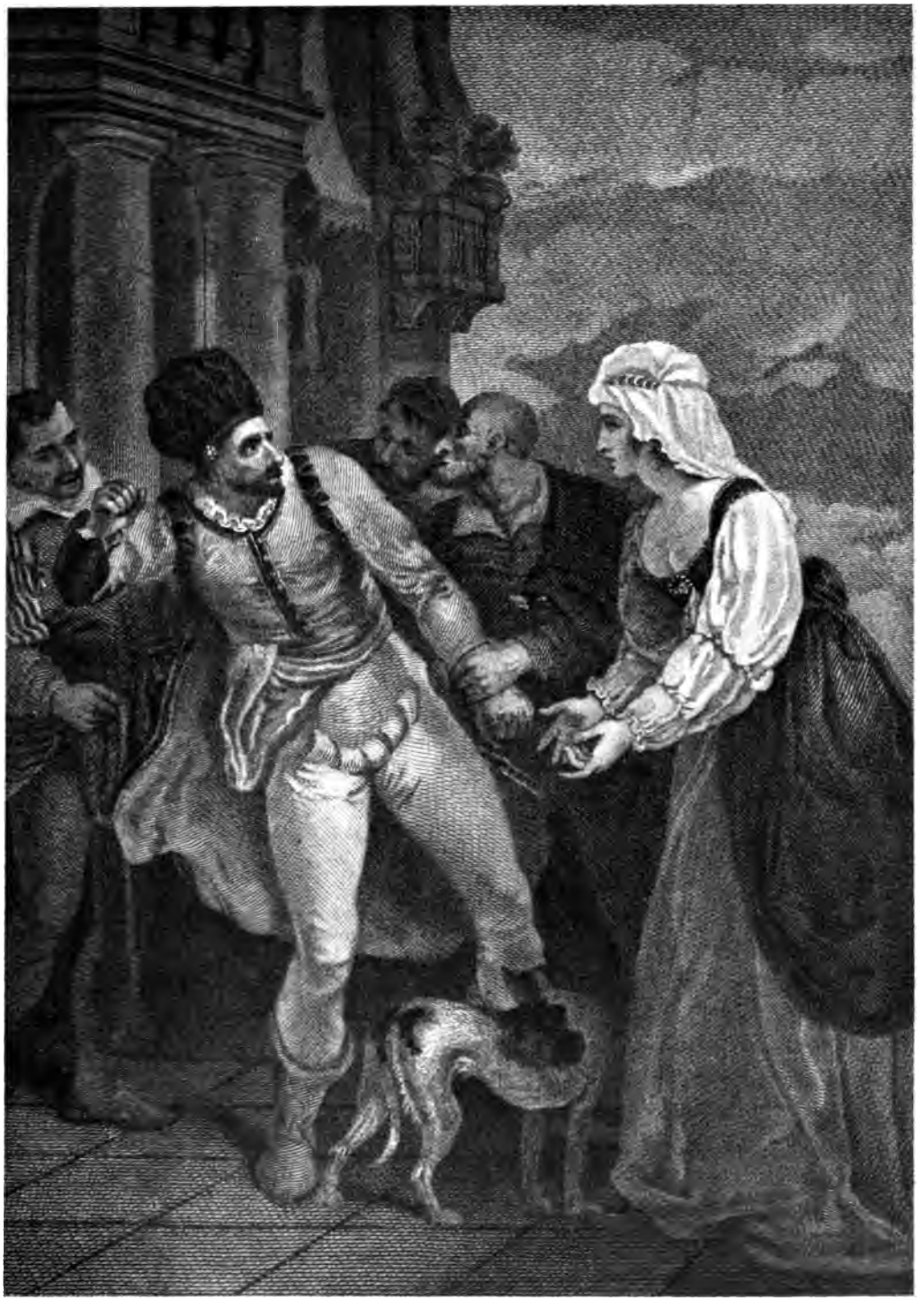
Дѣйствительно. И это испытать
Пришлось моимъ костямъ: онѣ—свидѣтель.

Адріана *(Пинчу).*

Не дурно ли мы дѣлаемъ, ему
Потворствуя въ безумiи?

Пинчъ.

Напротивъ.
Постигъ его характеръ этотъ шутъ,



КОМЕДІЯ ОШИБОКЪ. (Дѣйствіе IV, сцена 4).

Картина извѣстнаго англійскаго художника Франсиса Уитли (Wheatley, 1747--1801). (Малая Бойделевская галлерея).

И бѣшенство его онъ укрощаетъ
Уступками.

Антифолъ Эфесскій (*жент*).

Тобою ювелиръ
Былъ наученъ схватить меня.

Адріана.

О, Боже!
Вотъ Дромію здѣсь на-лицо: я съ нимъ,
Чтобъ выкупить тебя, послала деньги,
Какъ только онъ за ними прибѣжалъ.

Дромію Эфесскій.

Со мною деньги? Можетъ быть, душевно
Желали вы послать ихъ, но божусь,
Что гроша я не получалъ.

Антифолъ Эфесскій.

Да развѣ
Ты не ходилъ просить у ней мѣшокъ
Съ червонцами?

Адріана.

Онъ приходилъ, и тутъ же
Я отдала ему.

Люціана.

И я была
Свидѣтелемъ.

Дромію Эфесскій.

Богъ и канатный мастеръ
Свидѣтели, что только плеть купить
Я посланъ былъ.

Пинчъ.

Сударыня! и баринъ,
И рабъ его взбѣсились оба. Мнѣ
Доказываетъ это видъ ихъ страшный
И мертвенный. Необходимо ихъ
Связать и засадить, гдѣ потемнѣе.

Антифолъ Эфесскій (*Адріанѣ*).

Скажи, зачѣмъ ты затворила мнѣ
Сегодня дверь?
(*Къ Дромію*). А ты съ какою цѣлью
Отнѣкиваться вздумалъ отъ мѣшка
Съ червонцами?

Адріана.

Я дверь не запирала,
Любезный мужъ.

Дромію Эфесскій.

А я не получалъ
Червонцевъ никакихъ, мой добрый баринъ;
Но сознаюсь, что двери были намъ
Затворены.

Адріана.

Ты лжешь и въ томъ, и въ этомъ,
Негодный плутъ!

Антифолъ Эфесскій.

Распутная жена,
Ты лжешь во всемъ! Съ проклятой этой шайкой
Связалась ты, чтобъ сдѣлать изъ меня
Постыднѣйшій предметъ насмѣшекъ гнусныхъ.
Но вырву я вотъ этими ногтями
Твои глаза безстыжіе за то,
Что мой позоръ хотѣлось имъ увидѣть.

Входятъ нѣсколько служителей и хотятъ взять Антифола.

Адріана.

О, Господи! Связать его, связать!
Не подпускайте близко!

Пинчъ.

Эй, побольше
Людей сюда! Силенъ нечистый духъ,
Сидящій въ немъ!

Люціана.

О, Боже мой! Несчастный,
Какъ блѣденъ онъ, какъ страшенъ взглядъ его!

Антифолъ Эфесскій.

Да вы меня убить хотите, что-ли? (*Приставу*).
Тюремщикъ, я твой плѣнникъ; неужели
Потерпишь ты, чтобъ ими былъ я вырванъ
Изъ рукъ твоихъ?

Приставъ.

Не трогайте его;
Онъ узникъ мой, и вамъ не будетъ отданъ.

Пинчъ (*указывая на Дромію*).

Вяжите-ка и этого: сидитъ
Въ немъ тоже бѣсъ.

Адріана.

Что дѣлаешь ты, приставъ
Безсмысленный? Иль весело тебѣ
Смотрѣть на то, какъ человѣкъ несчастный
Насилуетъ, позоритъ самъ себя?

Приставъ.

Онъ узникъ мой—и если я позволю
Ему уйти, придется заплатить
Мнѣ долгъ его.

Адріана.

Съ тебя сниму я прежде
Отвѣтственность. Сведи меня сейчасъ
Къ его заимодавцу; тамъ, узнавши,
Какъ долгъ великъ, я уплачу его.
Любезнѣйшій мой докторъ, наблюдите,
Чтобъ въ полной безопасности его
Свели домой. О, злополучный часъ!

Антифолъ Эфесскій.

О, злополучная блудница!

Дроміо Эфесскій.

Сударь,
Мнѣ изъ-за васъ приходится платить.

Антифолъ Эфесскій.

Пошелъ къ чертямъ! Зачѣмъ, бездѣльникъ, бѣсишь
Ты такъ меня?

Древне-греческій женскій нарядъ. (Изображеніе на древней вазѣ).

Дроміо Эфесскій.

Да неужели вы
Хотите, чтобъ ни за что и ни про что
Вязали васъ? Ужъ если вышло такъ,
Мой добрый господинъ, бѣснуйтесь въ волю,
Зовите всѣхъ чертей!

Люціана.

Спаси васъ Богъ,
Несчастные! Какъ страшно оба бредятъ!

Адріана.

Ведите же его. А ты, сестра,
Пойдешь со мной.

(Всѣ уходятъ, кромѣ Адріаны, Люціаны, пристава и куртизанки).

Адріана.

Теперь скажи мнѣ, приставъ,
Кто требовалъ ареста?

Приставъ.

Ювелиръ,
По имени Анджело, Вамъ, быть-можетъ,
Извѣстенъ онъ?

Адріана.

Анджело знаю я.
Какъ долгъ великъ?

Приставъ.

Всего червонцевъ двѣсти.

Адріана.

За что же ихъ онъ задолжалъ?

Приставъ.

За цѣпь,
Которую ему Анджело отдалъ.

Адріана.

Цѣпь для меня заказывалъ мой мужъ,
Но онъ ея не получалъ.

Куртизанка.

Сегодня,
Какъ бѣшеный, ворвался вашъ супругъ
Въ мой домъ и взялъ мое кольцо насильно.
Я видѣла, на пальцѣ у него
Оно еще теперь. Спустя немного,
Онъ встрѣтился мнѣ съ цѣпью.

Адріана.

Можетъ-быть;
Но я въ глаза той цѣпи не видала.
Идемъ же къ ювелиру, приставъ; мнѣ
Такъ хочется скорѣе узнать всю правду.

Входятъ Антифолъ Сиракузскій *съ обнаженнымъ мечомъ и* Дроміо Сиракузскій.

Люціана.

Ахъ, Господи помилуй! Вотъ они
И вырвались!

Адріана.

И, обнаживъ мечи,—
Сюда идутъ. Скорѣе позовемъ
Еще людей, чтобъ снова ихъ связали.

Приставъ.

Бѣжимъ: они, пожалуй, насъ убьютъ!

Уходятъ всѣ, кромѣ Антифола Сиракузскаго и Дроміо Сиракузскаго).

Антифолъ Сиракузскій.

Я вижу, что мечей боятся вѣдьмы.

Дроміо Сиракузскій.

Та женщина, что вашею женой
Желаетъ быть—отъ васъ же убѣгаетъ.

Антифолъ Сиракузскій.

Идемъ „Центавръ“ пожитки наши взять;
Я отъ души желаю невредимымъ
Скорѣй сидѣть на нашемъ кораблѣ.

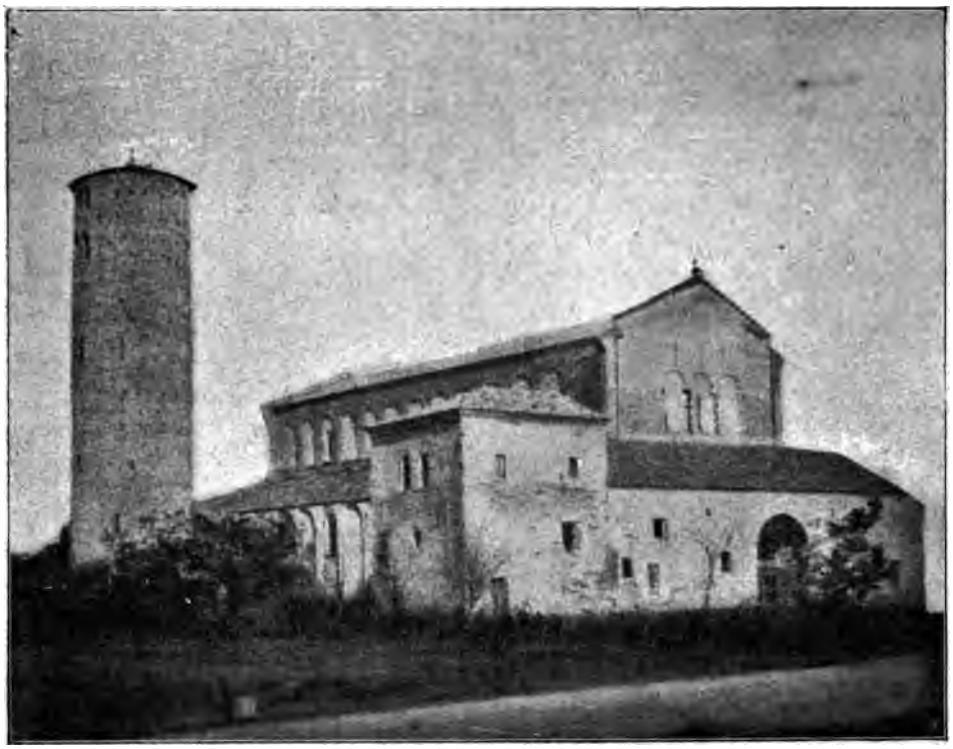
Дроміо Сиракузскій. Повѣрьте мнѣ, переночуемъ сегодня здѣсь; я могу поручиться, что намъ не сдѣлаютъ ничего дурного. Вы сами видѣли, что съ нами говорятъ привѣтливо, даютъ намъ денегъ. На мои глаза, здѣсь народъ такой милый, что не будь этой горы разъяреннаго мяса, которая требуетъ меня въ мужья, я, пожалуй, былъ бы не прочь навсегда остаться здѣсь и сдѣлаться вѣдьмой.

Антифолъ Сиракузскій.

Нѣтъ, хоть давай весь городъ мнѣ—не буду
Здѣсь ночевать. Идемъ же поскорѣй,
Чтобъ на корабль отнесть пожитки наши.

(*Уходятъ*).

Древне-греческая амфора.
(Позднѣйшей эпохи).



Церковная постройка древнѣйшаго типа, византійской-римскаго періода (Базилика Св. Аполлинарія въ Равенн, San Apollinare in Classe, въ Равеннѣ. Построена въ VI вѣкѣ, въ эпоху Юстиніана).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Улица передъ аббатствомъ.

Входятъ ВТОРОЙ КУПЕЦЪ *и* АНДЖЕЛО.

АНДЖЕЛО.

Мнѣ очень жаль, что задержалъ я васъ;
Но вѣрьте мнѣ, что цѣпь ему я отдалъ
И, это отрицая, Антифолъ
Безчестно лжетъ.

ВТОРОЙ КУПЕЦЪ.

Какое о немъ мнѣнье
Здѣсь въ городѣ?

АНДЖЕЛО.

Онъ здѣсь въ большой чести.
Вездѣ кредитъ имѣетъ безграничный,
Снискалъ любовь всеобщую, и былъ
Всегда у насъ онъ первымъ гражданиномъ.
Я на-слово повѣрилъ бы ему
Мой капиталъ.

ВТОРОЙ КУПЕЦЪ.

Потише говорите:
Мнѣ кажется, что это онъ идетъ.

Входятъ АНТИФОЛЪ СИРАКУЗСКІЙ *и* ДРОМІО СИРАКУЗСКІЙ.

АНДЖЕЛО.

Да, это онъ, и съ тою самой цѣпью,
Которую еще недавно онъ
Не признавалъ съ чудовищнымъ безстыдствомъ.
Пожалуйста, побудьте близъ меня:
Я съ нимъ хочу поговорить. Не мало
Я удивленъ, почтенный Антифолъ,
Тому, что вы—притомъ не безъ скандала
Для васъ самихъ—могли мнѣ нанести
Такъ много непріятностей постыдныхъ,
Подъ клятвою рѣшившись увѣрять,
Что отъ меня не получали цѣпи,
Которую открыто такъ теперь
Вы носите на шеѣ. Не считая
Моихъ хлопотъ, ареста моего

Постыднаго, вы повредили много
Достойнѣйшему другу моему:
Не будь онъ здѣсь задержанъ нашей ссорой,
Давно бы онъ ужъ поднялъ паруса
И былъ теперь въ дорогѣ. Я, вѣдь, отдалъ
Вамъ эту цѣпь—не отопретесь вы?

АНТИФОЛЪ СИРАКУЗСКІЙ.

Да, кажется, что вы; не отпирался
Я никогда.

ВТОРОЙ КУПЕЦЪ.

Напротивъ—вы клялись,
Что никогда ее не получали.

АНТИФОЛЪ СИРАКУЗСКІЙ.

Кто-жъ эту клятву слышалъ?

ВТОРОЙ КУПЕЦЪ.

Слышалъ я
Вотъ этими ушами—это знаешь
Ты хорошо. Стыдись, несчастный! Больно
Что ты живешь межъ честными людьми.

АНТИФОЛЪ СИРАКУЗСКІЙ.

Ты поступилъ, какъ негодяй, рѣшившись
Такъ оскорбить меня. Я отстаю
Немедленно и честь мою, и честность,
Коль вызовъ мой посмѣешь ты принять.

ВТОРОЙ КУПЕЦЪ.

Осмѣлюсь я и жду тебя, бездѣльникъ!

(Они обнажаютъ мечи).

Входятъ АДРІАНА, ЛЮЦІАНА, КУРТИЗАНКА *и слуги.*

АДРІАНА.

Остановитесь, не деритесь съ нимъ:
Безумный онъ! Оставьте ради Бога!
(Къ своимъ провожатымъ).
Скорѣй его схватите снова; мечъ
Возьмите у него; свяжите также
И Дроміо и отведите ихъ
Ко мнѣ домой.

ДРОМІО СИРАКУЗСКІЙ.

Ахъ, сударь, ради Бога,
Бѣжимъ, бѣжимъ! Въ какой-нибудь пріютъ
Укроемся. Я вижу здѣсь аббатство.
Войдемъ туда, или погибли мы!

(Антифолъ Сиракузскій и Дроміо Сиракузскій укрываются въ аббатство).

Входитъ ИГУМЕНЬЯ.

ИГУМЕНЬЯ.

Миръ, братья, вамъ! Зачѣмъ сюда такъ шумно
Тѣснитесь вы?

АДРІАНА.

Чтобъ взять тамъ моего
Несчастнаго, безумнаго супруга.
Позвольте намъ войти, чтобъ мы могли
Связать его и отвести лечиться
Ко мнѣ домой.

АНДЖЕЛО.

Я такъ и зналъ, что онъ
Сошелъ съ ума.

ВТОРОЙ КУПЕЦЪ.

Теперь я сожалѣю,
Что обнажилъ мой мечъ противъ него.

ИГУМЕНЬЯ.

Давно ли имъ безумье овладѣло?

АДРІАНА.

Всю прошлую недѣлю былъ онъ золъ,
Угрюмъ, суровъ, совсѣмъ не тотъ, что прежде;
Но никогда до нынѣшняго дня
Болѣзнь его еще не доходила
До бѣшенства такого.

ИГУМЕНЬЯ.

Можетъ-быть,
Онъ на морѣ богатствъ своихъ лишился?
Не схоронилъ ли друга своего
Любимаго? Не вовлекли ли сердца
Его глаза въ преступную любовь?
Вѣдь, этотъ грѣхъ такъ свойственъ молодежи,
Не любящей стѣснять свои глаза.
Какому же изъ этихъ всѣхъ несчастій
Подвергся онъ?

АДРІАНА.

Ни одному изъ нихъ,
Послѣднее, быть-можетъ, исключая,
Въ кого-нибудь влюбился, вѣрно, онъ
И убѣгать сталъ изъ дому.

ИГУМЕНЬЯ.

За это
Бранить его вамъ слѣдовало.

АДРІАНА.

О,
Я сколько разъ бранила!

ИГУМЕНЬЯ.

Вѣрно, слишкомъ
Умѣренно?

АДРІАНА.

На сколько позволялъ
Мой кроткій нравъ.

Игуменья.
Конечно, не при людяхъ?

Адріана.
Нѣтъ, и при нихъ.

Игуменья.
Не часто, можетъ-быть?

Адріана.
Мы ни о чемъ другомъ не говорили.
Въ постели я ему мѣшала спать
Упреками; отъ нихъ и за столомъ
Не могъ онъ ѣсть; наединѣ—лишь это
Служило мнѣ предметомъ всѣхъ бесѣдъ;
При людяхъ я на это намекала
Ему не разъ; всегда твердина я,
Что низко онъ и гадко поступаетъ.

Игуменья.
Вотъ отчего и помѣшался онъ.
Рѣчь ядовитая жены ревнивой—
Смертельный ядъ, смертельнѣе, чѣмъ зубъ
Взбѣсившейся собаки. Нарушала
Ты сонъ его упреками—и вотъ
Безсонница разстроила разсудокъ.
Ты говоришь, что кушанья его
Укорами ты вѣчно приправляла;
Но при ѣдѣ тревожной не варитъ,
Какъ слѣдуетъ, желудокъ—и родится
Отъ этого горячки страшный пылъ.
А что же есть горячка, какъ не тотъ же
Безумія припадокъ? Говоришь
Ты также мнѣ, что весело развлечься
Мѣшала ты упреками ему.
Отсутствіе отрадныхъ развлеченій
Что за собой влечетъ?—одну тоску
Озлобленную, родственницу злого
Отчаянья, лишеннаго надеждъ
И вслѣдъ за ней несмѣтную фалангу
Недуговъ блѣдныхъ, въ нашу жизнь
Вливающихъ отраву. Быть лишеннымъ
Веселья, пищи, сна—отъ этого, повѣрь,
Лишится разума и человѣкъ, и звѣрь.
Изъ этого всего я вотъ что вывесть смѣю:
Его свела съ ума ты ревностью своею.

Люціана.
Ахъ, кротостью дышалъ всегда ея упрекъ,
Межъ-тѣмъ какъ онъ былъ грубъ, и вспыльчивъ, и жестокъ.
Какъ можешь ты укоры эти молча
Сносить, сестра?

Адріана.
Ея слова во мнѣ
Заставили зашевелиться совѣсть.
Прошу васъ, люди добрые, скорѣй
Войти туда и взять его.

Игуменья.
Не смѣетъ
Никто войти въ мой домъ.

Адріана.
Такъ ваши слуги
Пусть выведутъ супруга моего.

Игуменья.
И этому не быть. Мою обитель
Убѣжищемъ священнымъ онъ избралъ—
И охранитъ отъ вашихъ нападеній
Она его, пока я вновь ему
Не возвращу разсудка, иль не буду
Убѣждена, что всѣ мои труды
Безплодными остались.

Адріана.
Я желаю
Ходить за нимъ, быть нянькою его,
Сидѣлкою и докторомъ; вѣдь, это
Обязанность моя, и не хочу
Я никакихъ помощниковъ. Позвольте жъ
Мнѣ взять его домой.

Игуменья.
Нѣтъ, потерпи!
Не выйдетъ онъ, пока не испытаю
На дѣлѣ я всѣхъ средствъ, извѣстныхъ мнѣ,
Цѣлительныхъ сирсповъ и снадобій,
Святыхъ молитвъ, чтобъ снова вышелъ онъ
Изъ рукъ моихъ здоровымъ человѣкомъ.
Такъ поступать велитъ мнѣ мой обѣтъ,
Предписываетъ орденъ мой; оставь же
Его со мной и уходи.

Адріана.
О, нѣтъ,
Я не уйду и мужа не оставлю!
Вамъ, при такомъ священномъ санѣ, быть
Разлучницей супруговъ не пристало.

Игуменья.
Иди домой, не выдамъ я его. *(Уходитъ).*

Люціана.
Пожаловаться герцогу должна ты
На это притѣсненье.

Адріана.
Да, идемъ.
Я упаду къ ногамъ его, не встану,
Пока мои рыданья и мольбы
Не побудятъ его сюда явиться,

Чтобъ мужа моего извлечь изъ рукъ
Игуменьи.

Второй купецъ.

Теперь, я полагаю,
Ужъ пять часовъ; такъ герцогъ здѣсь и самъ
Сейчасъ пройдетъ, конечно, направляясь
Въ печальную долину, мѣсто смерти
И казней злополучныхъ, что лежитъ
Тотчасъ за рвомъ аббатства.

Анджело.

Для чего же
Туда идетъ нашъ герцогъ?

Второй купецъ.

Будетъ онъ
Свидѣтелемъ при всенародной казни
Почтеннаго купца изъ Сиракузъ,
Имѣвшаго несчастіе сегодня
Сюда въ заливъ заѣхать, вопреки
Эфесскому закону и статуту.

Анджело.

Вотъ и они. Пойдемъ и мы взглянуть
На казнь его.

Люціана.

Пока еще аббатства
Онъ не прошелъ, пади къ его ногамъ.

Входятъ герцогъ *со свитой*, Эгеонъ *съ обнаженной головой, палачъ и стража.*

Герцогъ.

Провозгласите снова всенародно,
Что если другъ какой-нибудь внесетъ
Намъ за него назначенную сумму,
Онъ не умретъ. Мы отъ души хотимъ
Помочь ему.

Адріана.

Молю о правосудьи,
Свѣтлѣйшій герцогъ! Я оскорблена
Игуменьей.

Герцогъ.

Игуменья—особа
Почтенная и добрая: никакъ
Не можетъ быть, чтобъ оскорбить рѣшилась
Она тебя.

Адріана.

Позвольте, свѣтлый герцогъ,
Вамъ все сказать. Супругъ мой Антифолъ
Котораго я сдѣлала владыкой
Самой себя и всѣхъ моихъ богатствъ,
По вашему мудрѣйшему совѣту,
Въ сегодняшній, столь злополучный день
Охваченъ былъ ужаснѣйшимъ припадкомъ
Безумія. Съ служителемъ своимъ,
Такимъ же сумасшедшимъ, сталъ онъ бѣгать
Въ неистовствѣ по улицамъ, пугалъ
Всѣхъ жителей, врывался въ ихъ жилища.
Бралъ силою ихъ кольца, вещи, все,
Что нравилось его безумью. Это
Заставило меня связать его
И отослать домой; сама жъ пошла я
По городу вознаграждать за вредъ,
Неистовствомъ больного причиненный.
Вдругъ—я сама не понимаю, какъ—
Онъ убѣжалъ отъ тѣхъ, кто былъ приставленъ
Его стеречь, и только-что его
Съ служителемъ, такимъ же сумасшедшимъ,
Мы встрѣтили; въ неистовствѣ они
Накинулись на насъ, грозя мечами,
Прогнали насъ, но мы, позвавъ людей,
Опять сюда поспѣшно возвратились,
Чтобъ ихъ связать. Тогда они ушли
Сюда въ аббатство; мы бѣжать хотѣли
За ними вслѣдъ, но двери заперла
Игуменья, и вотъ теперь не хочетъ
Ни насъ впустить, ни выдать мужа мнѣ,
Чтобъ я могла домой съ нимъ возвратиться.
Вели же ей, свѣтлѣйшій герцогъ мой,
Отдать его; необходимо помощь
Ему подать.

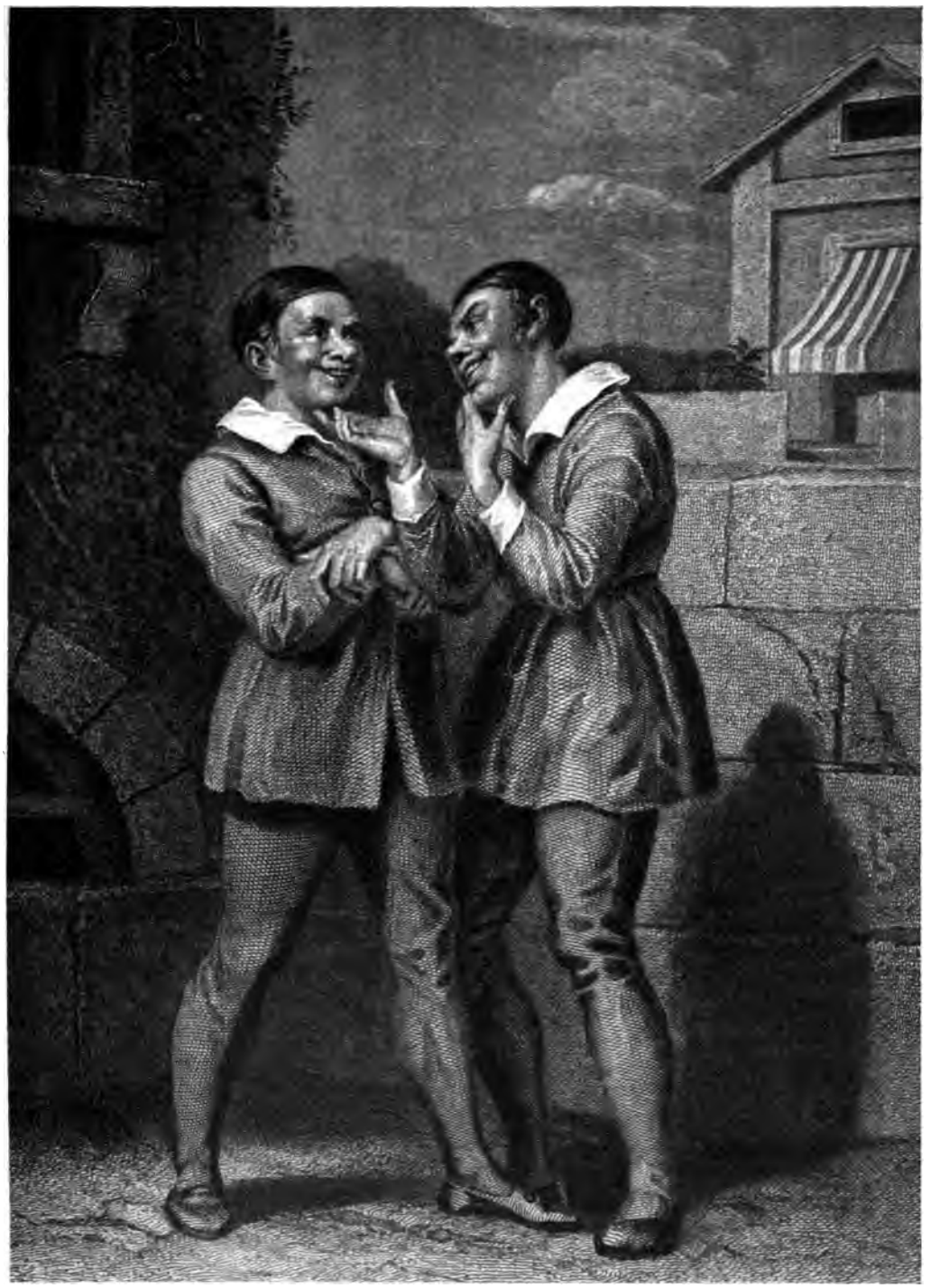
Герцогъ.

Въ былыя времена
Въ моихъ войскахъ твой мужъ служилъ усердно,
И я—въ тотъ день, когда ты отдала
Ему свое супружеское ложе—
Я герцогское слово далъ тебѣ,
Что для него все сдѣлаю, чѣмъ только
Могу служить. Эй, кто-нибудь! Сейчасъ
Въ аббатство постучитесь и просите
Игуменью ко мнѣ. Я не хочу
Уйти, пока не кончу это дѣло.

Входитъ слуга.

Слуга.

Сударыня, спасайтесь поскорѣй!
Мой господинъ и рабъ его на волѣ;
Служанокъ всѣхъ осыпали они
Побоями, а доктора связали
И принялись жечь бороду его
Горящею лучиной—и чуть только
Огонь ее охватывалъ, они
Лохани цѣлыя помоевъ лили
На бороду, чтобъ загасить огонь.



ДВА ДРОМІО.

Дроміо Эфесскій: Мнѣ все сдается, право,
Что ты не братъ, а зеркало мое,
И по тебѣ я вижу, что красавецъ
Я хоть куда (Дѣйствіе V).

Картина Рихтера (изъ роскошнаго изд. Cassel'я «Royal Shakespeare»).

Теперь его мой баринъ поучаетъ
Терпѣнію, а между-тѣмъ слуга
Стрижетъ его, точь-въ-точь какъ сумасшедшихъ
У насъ стригутъ. И если только вы
Помочь ему сейчасъ же не пошлете
Кого-нибудь, навѣрно колдуна
Они убьютъ.

Адріана.

Молчи, болванъ! Твой баринъ
И рабъ его здѣсь оба; все, что намъ
Ты разсказалъ, все это ложь.

Слуга.

Нѣтъ, жизнью
Я самъ клянусь, что правду говорю.
Съ тѣхъ поръ какъ я увидѣлъ это— духу
Я не успѣлъ перевести. Онъ васъ
Зоветъ къ себѣ и клятвенно грозится,
Что чуть онъ васъ поймаетъ, все лицо
Изжаритъ вамъ и всю обезобразитъ.

(*За сценой крики*).

Чу, слышите? Вѣдь, это онъ! Скорѣй,
Сударыня бѣжите!

Герцогъ.

Не пугайся,
Стань близъ меня. Эй, стража, обнажи
Свои мечи!

Адріана.

О, горе! Это мужъ мой!
Я васъ зову въ свидѣтели, что онъ
Является повсюду невидимкой.
Вы видѣли, какъ только-что вошелъ
Въ аббатство онъ—и вдругъ ужъ очутился
Совсѣмъ не тамъ: не можетъ это умъ
Никакъ постичь.

Входятъ Антифолъ Эфесскій *и* Дроміо Эфесскій.

Антифолъ Эфесскій.

Молю о правосудьи!
О, государь, даруй мнѣ правый судъ!
Заслугами моими въ дни былые,
Когда тебя я заслонялъ собой
Въ бою съ врагомъ и, жизнь твою спасая,
Глубокіе удары получалъ—
Всей кровью той, что я въ то время пролилъ
Изъ-за тебя, я заклинаю—дай
Мнѣ правый судъ!

Эгеонъ.

Иль я отъ страха смерти
Сошелъ съ ума, иль вправду предо мной
Стоитъ мой сынъ, мой Антифолъ, и Дроміо.

Антифолъ Эфесскій.

Даруй же мнѣ, о, герцогъ, правый судъ!
Та женщина, которую ты видишь
Здѣсь предъ собой, которую ты мнѣ
Въ супруги далъ, меня теперь покрыла
Позорнѣйшимъ безчестіемъ. Нельзя
Вообразить, какъ страшно оскорбленье,
Что нанесла безсовѣстно она
Сегодня мнѣ.

Герцогъ.

Скажи, какъ поступила
Она съ тобой—и будетъ справедливъ
Мой приговоръ.

Антифолъ Эфесскій.

Сегодня, свѣтлый герцогъ,
Мой домъ она замкнула для меня,
А между-тѣмъ сама въ немъ пировала
Съ мерзавцами.

Герцогъ.

Большой тяжелый грѣхъ!
Что жъ, женщина, ты сознаешься въ этомъ?

Адріана.

Нѣтъ, государь; сестра моя и я,
И онъ—втроемъ обѣдали сегодня,
Клянусь душой, что ложно все, въ чемъ онъ
Винитъ меня.

Люціана.

Пусть вѣчно не увижу
Я свѣта дня, пусть ночью никогда
Я не усну, когда, свѣтлѣйшій герцогъ,
Неправду вамъ она сказала!

Анджело.

Какъ, лгутъ онѣ! О, клятвопреступленье!
Нѣтъ, въ этомъ обвиненьи правъ вполнѣ
Помѣшанный.

Антифолъ Эфесскій.

Мой государь, я знаю,
Что́ говорю. Не отуманилъ я
Себя виномъ, не повредилъ разсудка
Неистовствомъ, хотя и мудреца
Свели бъ съ ума такія оскорбленья.
Да, дверь мою она мнѣ заперла,
Когда домой вернулся я къ обѣду.
Со мною былъ вотъ этотъ ювелиръ,
И если бы теперь ужъ не былъ съ нею
Онъ заодно, конечно бъ подтвердилъ
Мои слова. Оттуда онъ за цѣпью

Отправился и обѣщалъ ее
Принесть мнѣ въ домъ Ежа, куда обѣдать
Пошли мы съ Вальтасаромъ. Между тѣмъ
Онъ не пришелъ—и я, обѣдъ окончивъ,
Отправился отыскивать его.
На улицѣ, вотъ съ этимъ господиномъ,
Попался онъ на встрѣчу мнѣ, и тутъ
Коварный ювелиръ мнѣ началъ клясться,
Что отъ него сегодня получилъ
Я эту цѣпь, которой, Богъ свидѣтель,
Я и въ глаза не видѣлъ; и за то,
По жалобѣ его, судебный приставъ
Арестовалъ меня. Я покорился
И моего слугу послалъ домой
За деньгами, но онъ безъ нихъ вернулся.
Я вѣжливо сталъ пристава просить
Сходить въ мой домъ со мной—онъ согласился;
Но на пути мы встрѣтили жену,
Ея сестру и съ ними шайку подлыхъ
Сообщниковъ. Вели они съ собой
И нѣкоего Пинча, негодяя
Голоднаго, съ изношеннымъ лицомъ,
Живой скелетъ, несчастнаго фигляра,
Гадальщика, живого мертвеца
Съ потухшими глазами, шарлатана,
Оборвыша—и этотъ гнусный плутъ—
Подумайте вы только—заклинанья
Пошелъ творить, смотрѣлъ въ мои глаза
И щупалъ пульсъ и, мертвенную рожу
Въ мое лицо уставивъ, закричалъ,
Что одержимъ я бѣсомъ Тутъ всѣ вмѣстѣ,
Схвативъ меня, связали, увели
Ко мнѣ домой и тамъ въ сырой и мрачный
Подвалъ меня съ служителемъ моимъ,
Котораго они связали тоже,
Упрятали. Но перегрызть успѣлъ,
Веревки я и, получивъ свободу.
Къ вамъ, государь, немедленно бѣжалъ.
И вотъ теперь молю о правосудномъ
Возмездіи за этотъ весь позоръ
Неслыханный, за страшное насилье.

Анджело.

Я, государь, могу вамъ тоже быть
Свидѣтелемъ, что дома не обѣдалъ
Сегодня онъ и отъ своихъ дверей
Былъ прогнанъ.

Герцогъ.

Цѣпь онъ получилъ, однако,
Изъ рукъ твоихъ?

Анджело.

Такъ точно, государь,
И только-что, когда сюда въ аббатство
Онъ побѣжалъ, на шеѣ у него
Всѣ видѣли ее.

2-й купецъ *(Антифолу)*.

Могу поклясться
Я сверхъ того, что лично слышалъ я,
Какъ сами вы сознались, что онъ отдалъ
Вамъ эту цѣпь, тогда какъ прежде вы,
На площади, въ противномъ увѣряли.
За это я мечъ обнажилъ на васъ—
И вотъ тогда укрылись вы въ аббатство,
Откуда вновь, должно-быть, чудомъ къ намъ
Явились.

Антифолъ Эфесскій.

Нѣтъ, свидѣтель Богъ, въ аббатство
Я не входилъ, меча ты на меня
Не обнажалъ, и никогда я цѣпи
Не получалъ. Слова всѣ ваши—ложь.

Герцогъ.

Какъ это все запутанно и странно!
Мнѣ кажется, что вы упились всѣ
Цирцеинымъ напиткомъ. Если бъ точно
Загнали вы его въ аббатство—онъ
И былъ бы тамъ; а будь онъ сумасшедшій,
Не могъ бы защищать себя съ такимъ
Спокойствіемъ души. *(Адріанѣ)*. Выговорите,
Что дома онъ обѣдалъ—ювелиръ
Противное доказываетъ. *(Къ Дромію)*. Что же
Ты скажешь намъ?

Дромio Эфесскій.

Обѣдалъ онъ въ „Ежѣ";
Мой государь, вотъ съ нею.

Куртизанка.

Это правда.
И это вотъ кольцо онъ у меня
Сорвалъ съ руки.

Антифолъ Эфесскій.

Да, герцогъ, этотъ перстень
Я взялъ у ней.

Герцогъ.

Ты видѣла, какъ онъ
Вошелъ сюда въ аббатство?

Куртизанка.

Такъ же вѣрно
Я видѣла, какъ вижу васъ теперь,
Мой государь.

Герцогъ.

Все это очень странно!
Позвать ко мнѣ игуменью. Вы всѣ,

Мнѣ кажется, иль бредите, иль просто
Сошли съ ума.
(Одинъ изъ свиты уходитъ въ аббатство).

Эгеонъ.

Великій государь,
Позволь сказать мнѣ слово! Здѣсь я друга
Себѣ нашелъ, который, можетъ-быть,
Спасетъ мнѣ жизнь уплатою всей суммы,
Назначенной за выкупъ.

Герцогъ.

Говори,
Я слушаю: въ чемъ дѣло, сиракузецъ?

Эгеонъ *(Антифолу)*.

Скажите мнѣ, вѣдь имя Антифолъ
Вы носите, а этотъ вотъ, не правда ль,
Привязанный слуга вашъ Дроміо?

Дроміо Эфесскій.

Да,
За часъ назадъ я былъ его слугою
Привязаннымъ; но, слава Богу, онъ
Перекусилъ веревки на двѣ части—
И вотъ теперь я Дроміо, слуга
Развязанный.

Эгеонъ.

Я убѣжденъ, что оба
Вы помните меня.

Дроміо Эфесскій.

Смотря на васъ,
Мы о себѣ, напротивъ, вспоминаемъ:
Недавно насъ связали точно такъ,
Какъ васъ теперь. Не паціентъ ли Пинча
И вы, синьоръ?

Эгеонъ *(Антифолу)*.

Зачѣмъ вы на меня
Такъ смотрите, какъ-будто бы чужіе?
Вѣдь, знаете меня вы хорошо.

Антифолъ Эфесскій.

До этихъ поръ ни разу васъ не видѣлъ.

Эгеонъ.

О, стало-быть, съ тѣхъ поръ, какъ съ вами я
Разстался, скорбь ужасно измѣнила
Мои черты, и времени рука,
Послушная часамъ заботъ тяжелыхъ,
Мое лицо успѣла исказить!
Но голосъ мой ты узнаешь, конечно —
Скажи скорѣй?

Антифолъ Эфесскій.

И голосъ незнакомъ.

Эгеонъ *(Дроміо)*.

А ты?

Дроміо Эфесскій.

И я его совсѣмъ не знаю.

Эгеонъ.

Не можетъ быть—я въ этомъ убѣжденъ.

Дроміо Эфесскій. Вотъ что! А я такъ убѣжденъ, что не знаю; а когда человѣкъ отрицаетъ что-нибудь, вы обязаны ему вѣрить.

Эгеонъ.

Не узнаютъ и голоса! О, время
Суровое! Уже-ль въ семь краткихъ лѣтъ
Ты до того могло мой бѣдный голосъ
Разбить, порвать, что даже сынъ родной
Не узнаетъ его больного звука,
Разстроеннаго скорбью? Но хотя
Рука зимы, мертвящей соки жизни,
Холодными снѣгами занесла
Мое лицо увядшее и льдомъ
Сковала кровь во всѣхъ ея каналахъ—
Ночь дней моихъ еще не лишена
Всей памяти; мой факелъ, погасая,
Еще вокругъ бросаетъ слабый свѣтъ;
Къ моимъ ушамъ полуоглохшимъ звуки
Доносятся порой—и эти всѣ
Свидѣтели сѣдые—ошибиться
Я не могу—мнѣ говорятъ, что ты
Мое дитя, мой Антифолъ.

Антифолъ Эфесскій.

Ни разу
Съ тѣхъ поръ, какъ я на свѣтѣ, не видалъ
Я моего отца.

Эгеонъ.

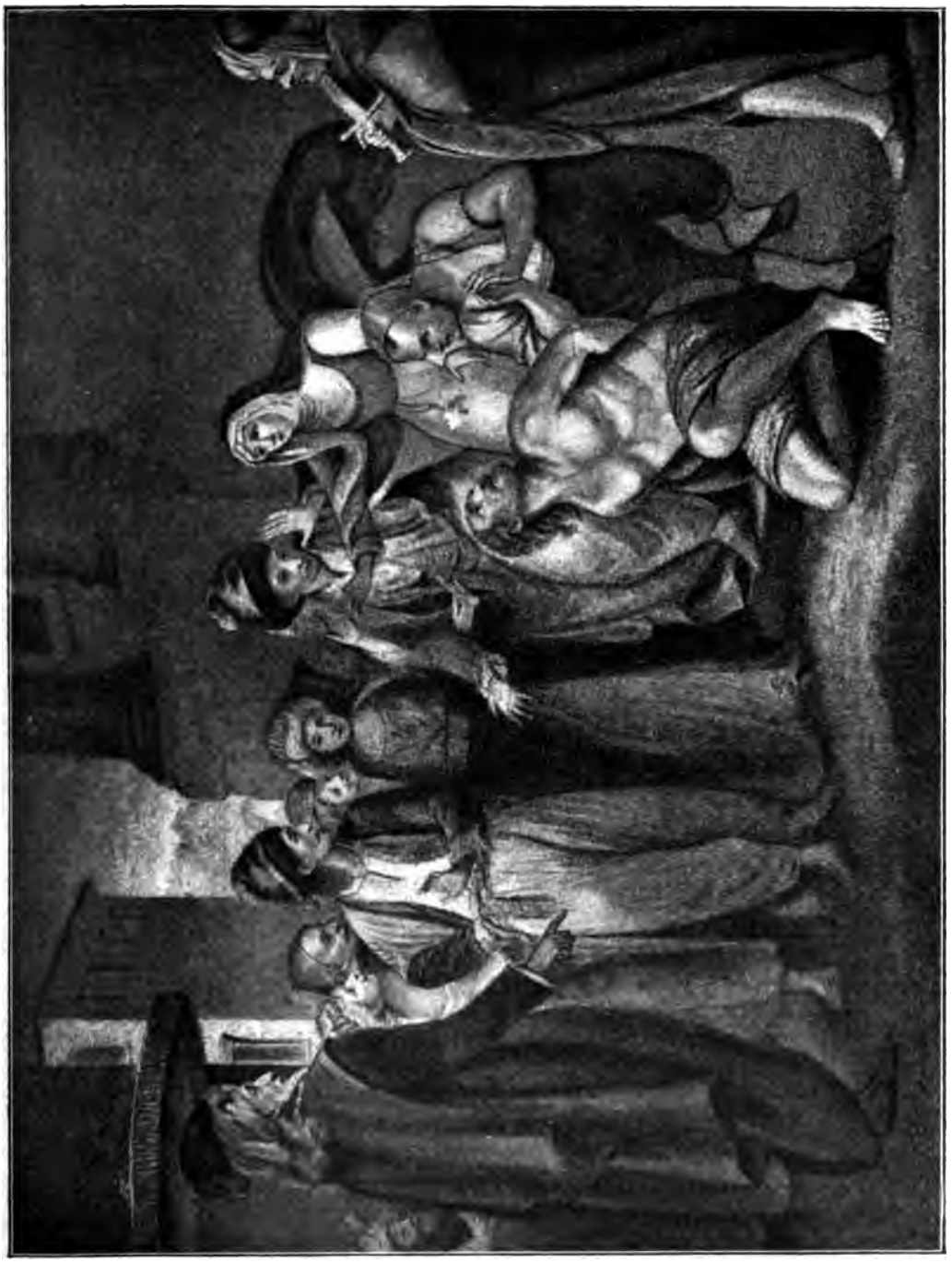
Но, сынъ мой, вспомни—
Всего семь лѣтъ, какъ въ Сиракузахъ мы
Разстались. Быть-можетъ, ты стыдишься
Меня признать въ несчастьи?

Антифолъ Эфесскій.

Герцогъ нашъ
И всѣ мои знакомые въ Эфесѣ—
Свидѣтели неправды вашихъ словъ.
Я никогда и не былъ въ Сиракузахъ.

Герцогъ.

Онъ правъ, купецъ: ужъ двадцать лѣтъ, какъ я
Заботливо слѣжу за Антифоломъ,
И никогда, за это время, онъ
Не ѣздилъ въ Сиракузы. Видно, старость
И скорбь твоя свели тебя съ ума.



КОМЕДІЯ ОШИБОКЪ (Дѣйствіе V, сцена 1-ая).

Картина извѣстнаго англійско-итальянскаго художника Дж. Риго. (I. F. Rigaud, 1742—1810 (Большая Бойделевская галлерея).

Англійская актриса XVIII вѣка Инчбальдъ въ роли игуменьи.
Рисунокъ Рамберга, въ гравюрѣ Шервина.
(Изъ Беллевскаго изд. Шекспира, 1780-хъ г.).

Входятъ ИГУМЕНЬЯ, АНТИФОЛЪ СИРАКУЗСКІЙ *и* ДРОМІО СИРАКУЗСКІЙ.

ИГУМЕНЬЯ.
Я привела къ тебѣ, великій герцогъ,
Несчастнаго, терпящаго отъ всѣхъ
Гоненіе.
(Всѣ подходятъ къ Антифолу Сиракузскому).

АДРІАНА.
Когда не обманули
Меня глаза—я вижу двухъ мужей.

ГЕРЦОГЪ.
Одинъ изъ нихъ навѣрно духъ другого.
(Указывая на обоихъ Дромію).
То самое я нахожу и здѣсь.
Который же, скажите, настоящій?
Который—духъ? кто это различитъ?

ДРОМІО СИРАКУЗСКІЙ.
Я Дромьо, государь: вели ему убраться.

ДРОМІО ЭФЕССКІЙ.
Я Дромьо, государь: позвольте мнѣ остаться.

АНТИФОЛЪ СИРАКУЗСКІЙ.
Тебя ли я здѣсь вижу, Эгеонъ,
Иль призракъ твой?

ДРОМІО СИРАКУЗСКІЙ.
Ахъ, господинъ мой старый!
Кто жъ это васъ связалъ?

ИГУМЕНЬЯ.
Кто бъ ни связалъ,
Я развяжу сейчасъ—и дастъ мнѣ мужа
Его освобожденье. Говори,
О, Эгеонъ, коль ты на самомъ дѣлѣ
Тотъ человѣкъ, который былъ супругомъ
Эмиліи, тебѣ родившей разомъ
Двухъ сыновей прекрасныхъ, если ты
Тотъ Эгеонъ, то говори скорѣе—
И говори съ Эмиліей твоей.

ЭГЕОНЪ.
Коль это все не сонъ, то предо мною
Эмилія; а если ты—она,
То отвѣчай—гдѣ сынъ мой, что съ тобою
Поплылъ тогда на мачтѣ роковой?

ИГУМЕНЬЯ.
Насъ всѣхъ троихъ: его, меня и Дромьо,
Призрѣли въ Эпидамнѣ рыбаки;
Но скоро ихъ настигли рыболовы
Коринѳскіе—и силою у нихъ
Былъ взятъ мой сынъ и Дромію; меня же
Оставили у Эпидамнянъ. Какъ
Судьба потомъ распорядилась съ ними—
Не знаю я; что сдѣлалось со мной—
Вы видите.

ГЕРЦОГЪ.
Разсказъ, который утромъ
Мы слышали, становится теперь
Вполнѣ правдивъ. Два эти Антифола,
Столь схожіе между собой, потомъ
Два Дромію, которыхъ другъ отъ друга
Не отличишь, ея слова о томъ,
Какъ на морѣ постигло ихъ крушенье...
Да такъ, они—родители дѣтей,
Которыхъ свелъ между собою случай.
(Антифолу Сиракузскому).
Ты, Антифолъ, вѣдь изъ Коринѳа къ намъ
Пріѣхалъ?

АНТИФОЛЪ СИРАКУЗСКІЙ.
Нѣтъ, изъ Сиракузъ пріѣхалъ
Я, государь.

ГЕРЦОГЪ.
Постой-ка, отойди
Ты въ сторону: мнѣ трудно другъ отъ друга
Васъ отличать.

Антифолъ Эфесскій.

Мой герцогъ, это я
Пріѣхалъ изъ Коринѳа...

Дроміо Эфесскій.

Захвативши
Меня съ собой.

Антифолъ Эфесскій.

Меня привезъ въ Эфесъ
Принцъ Менафонъ, великій полководецъ
И доблестный вашъ дядя.

Адріана.

Съ кѣмъ изъ васъ
Сегодня я обѣдала?

Антифолъ Сиракузскій.

Со мною,
Прекрасная сударыня.

Адріана.

Вѣдь, вы
Мой мужъ?

Антифолъ Эфесскій.

О, нѣтъ: я съ этимъ не согласенъ!

Антифолъ Сиракузскій.

Я тоже нѣтъ, хоть мужемъ назвала
Она меня; а эта вотъ дѣвица,
Прекрасная сестра ея, со мной,
Какъ съ братомъ говорила.
(Люціанъ.) Я надѣюсь,
Что если все, чѣмъ слухъ мой и глаза
Поражены—не сонъ, то вы на дѣлѣ
Позволите мнѣ доказать все то,
Въ чемъ я тогда васъ увѣрялъ.

Анджело.

Скажите,
Вѣдь эту цѣпь вы взяли у меня?

Антифолъ Сиракузскій.

Да, кажется: не стану отпираться.

Антифолъ Эфесскій.

А вы меня схватили за нее?

Анджело.

Да, кажется: не стану отпираться.

Адріана.

Я съ Дроміо послала денегъ вамъ
Для выкупа; но онъ вамъ ихъ не отдалъ,
Какъ кажется?

Дроміо Эфесскій.

Я денегъ никакихъ
Не получалъ.

Антифолъ Сиракузскій.

Мѣшокъ червонцевъ вашихъ
Я получилъ, и Дромьо, мой слуга,
Его принесъ. Сомнѣнья нѣтъ, что каждый
Изъ васъ встрѣчалъ слугу другого; я
Былъ за него *(указывая на брата)*
повсюду принимаемъ,
Онъ за меня—и въ этомъ-то лежитъ
Причина всѣхъ ошибокъ.

Антифолъ Эфесскій.

Эти деньги
Я отдаю, какъ выкупъ за отца.

Герцогъ.

Не нужно ихъ; безъ выкупа дарую
Я жизнь ему.

Куртизанка *(Антифолу Эфесскому)*.

Вы мнѣ должны отдать
Мое кольцо.

Антифолъ Эфесскій.

Возьми его; при этомъ
Отъ всей души за вкусный твой обѣдъ
Благодарю.

Игуменья.

Прошу васъ, славный герцогъ,
Пожаловать ко мнѣ въ аббатство: тамъ
Подробно мы о нашихъ приключеньяхъ
Разскажемъ вамъ и всѣхъ, что здѣсь сошлись,
Пожаловать прошу за нами тоже.
Васъ всѣхъ страдать заставилъ этотъ день
Запутанныхъ ошибокъ; но, ручаюсь,
Вы будете награждены вполнѣ.
О, сыновья любезные! вѣдь, вами
Промучилась я слишкомъ тридцать лѣтъ
И лишь теперь могу освободиться
Отъ бремени тяжелаго. Теперь
Вы, государь, и ты, мой мужъ, и дѣти,
И вы, календари рожденья ихъ,
Пойдемъ со мной отпраздновать крестины.
О, радостный исходъ столь долгихъ мукъ!

Герцогъ.

Отъ всей души я буду вашимъ крестнымъ.
(Всѣ, кромѣ двухъ Антифоловъ и двухъ Дроміо, уходятъ).

Дроміо Сиракузскій.

Прикажете итти мнѣ на корабль
За вашими пожитками?

Антифолъ Эфесскій.

Моими?
Какіе же мои пожитки ты
Снесъ на корабль?

Дромio Сиракузскій.

Тѣ самые, что были
Въ гостинницѣ Центавра.

Антифолъ Сиракузскій.

Это онъ
Мнѣ говоритъ. Я господинъ твой, Дромьо.
Пойдемъ теперь, а о вещахъ потомъ
Подумаемъ. Ну, поцѣлуйся съ братомъ,
Порадуйтесь свиданью своему.
(Оба Антифола уходятъ).

Дромio Сиракузскій.

У твоего хозяина на кухнѣ
Есть толстая красавица; она
Чуть-чуть меня не испекла сегодня.
Теперь она ужъ будетъ мнѣ сестрой,
А не женой.

Дромio Эфесскій.

Мнѣ все сдается, право,
Что ты не братъ, а зеркало мое,
И по тебѣ я вижу, что красавецъ
Я хоть куда. Ну, что жъ, идемъ смотрѣть
На праздникъ ихъ?

Дромio Сиракузскій.

Впередъ итти извольте:
Вы старшій братъ.

Дромio Эфесскій.

Ну, это, вѣдь, вопросъ—
А какъ рѣшить его?

Дромio Сиракузскій.

Мы кинемъ жребій
Соломинкой о нашемъ старшинствѣ.
Покамѣстъ же ступай впередъ.

Дромio Эфесскій.

Нѣтъ, вотъ что:
Мы вмѣстѣ родились, такъ слѣдуетъ итти
Намъ въ рядъ, не обгонять другъ друга на пути.

П. Вейнбергъ.

Антифолъ Сиракузскій и Люціана.

(Изъ Беллевскаго изданія Шекспира 1780-хъ г.).

Безплодныя усилія любви.

Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ

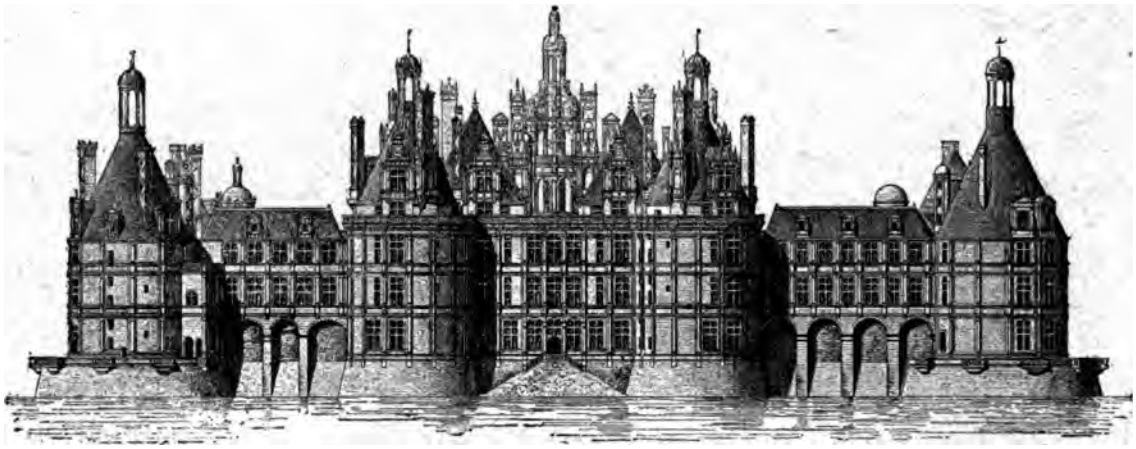
ПЕРЕВОДЪ

П. И. ВЕЙНБЕРГА.

Съ предисловіемъ

П. О. МОРОЗОВА.

Стилизованная во вкусѣ французскаго ренесанса, съ наваррскими эмблемами, заглавная рамка фр. художника Жака Лемана (Leman, род. 1829).



Французскій королевскій замокъ XVI столѣтія (замокъ Шамборъ, построенный въ 1526 году).

БЕЗПЛОДНЫЯ УСИЛІЯ ЛЮБВИ.

Разсматриваемая комедія была одною изъ 15-ти пьесъ Шекспира, изданныхъ при его жизни. Ея первое изданіе вышло въ 1598 г., подъ заглавіемъ: „Забавная и остроумная комедія, называемая „Безплодныя усилія любви“ какъ она была представлена предъ Ея Величествомъ въ минувшее Рождество. Вновь исправлена и дополнена В. Шекспиромъ“. Въ позднѣйшее время она не издавалась отдѣльно до 1631 г. Въ первомъ собраніи драматическихъ сочиненій Шекспира—in folio 1623 г.,—текстъ ея, за исключеніемъ незначительныхъ и, вѣроятно, случайныхъ отступленій, ничѣмъ не отличается отъ первоначальнаго изданія, повторяя даже всѣ его опечатки.

Иниціалъ эпохи Ренесанса.

Заглавіе этого первоначальнаго изданія свидѣтельствуетъ, что пьеса уже раньше была извѣстна публикѣ, — иначе слова: „вновь исправлена и дополнена“ не имѣли бы смысла. Относительно времени ея сочиненія нѣтъ болѣе точныхъ указаній; несомнѣнно только, что она, вмѣстѣ съ „Двумя веронцами“ и „Комедіей ошибокъ“, принадлежитъ къ самымъ раннимъ комедіямъ Шекспира. Это подтверждается и особенностями ея слога и языка, сохраняющими юношескую манеру драматурга. Здѣсь мы встрѣчаемъ всѣ отличительныя черты „первой манеры“ Шекспира: и слишкомъ частое упоминаніе миѳологическихъ именъ и лицъ изъ древней исторіи, и обиліе иностранныхъ словъ и фразъ, и пристрастіе къ риѳмованнымъ стихамъ, въ особенности къ такъ называемымъ „доггрелямъ“ или риѳмованнымъ сентенціямъ въ стилѣ народной поэзіи, къ которымъ Шекспиръ питалъ, въ первомъ періодѣ своей дѣятельности, слабость, впослѣдствіи исчезнувшую; наконецъ, встрѣчается здѣсь также и аллитерація, нѣкогда очень распространенная въ англо-саксонскомъ и англійскомъ народномъ стихотворствѣ. Самое заглавіе комедіи въ оригиналѣ—Love's Labour's lost—представляетъ аллитерацію; педантъ Олофернъ, называющій этотъ пріемъ искусствомъ играть буквой, пользуется имъ для сочиненія стиховъ о принцессѣ: „The preyful princess pierced and pricked a pretty pleasing pricket“, и. т. д.

По своему общему характеру, комедія принадлежитъ къ типу такъ называемыхъ „масокъ, т. е. маскарадныхъ представленій, которыя устраивались обыкновенно на святкахъ въ королевскомъ дворцѣ и въ домахъ знатныхъ вельможъ и имѣли самое разнообразное содержаніе,—большею частью аллегорическое, нерѣдко—пасторальное и любовное и всегда—веселое, съ

примѣсью шаржа и буффонады и съ непремѣннымъ участіемъ клоуновъ и другихъ шутовскихъ фигуръ. Изслѣдователямъ до сихъ поръ не удалось опредѣлить источника, изъ котораго Шекспиръ могъ заимствовать содержаніе своей пьесы; да въ заимствованіи не было и надобности, такъ какъ фабула комедіи крайне проста и бѣдна дѣйствіемъ. Конечно, въ общемъ она навѣяна знакомствомъ автора съ старинными новеллами и рыцарскими романами, разсказами о „любовныхъ судахъ" и любовныхъ приключеніяхъ королей и принцевъ; но въ ней нѣтъ опредѣленнаго „анекдота", и даже нѣтъ того, что принято называть „развязкой", какъ это признаетъ и самъ Шекспиръ. Исторически никогда не существовавшій король наваррскій Фердинандъ вмѣстѣ съ нѣсколькими молодыми людьми изъ своихъ приближенныхъ мечтаетъ устроить свою жизнь на новыхъ, идеальныхъ началахъ строгаго цѣломудрія и спокойнаго созерцанія; его дворъ долженъ на нѣкоторое время подвергнуться особому, стѣснительному искусу: въ продолженіе трехъ лѣтъ никто изъ членовъ этой „смиренной академіи" не смѣетъ смотрѣть на женщинъ, и всѣ должны строго соблюдать установленныя правила относительно порядка жизни, относительно пищи и сна. Но какъ разъ въ то время, когда король торжественно принимаетъ это рѣшеніе, къ нему является, въ видѣ посланницы, французская принцесса въ сопровожденіи своихъ прекрасныхъ дамъ. Появленіе этихъ гостей разрушаетъ всѣ хитроумные замыслы: король и его друзья забываютъ о своихъ обѣтахъ, всѣ влюбляются и начинаютъ сочинять пламенные сонеты и дѣлать разныя глупости. Въ концѣ пьесы, въ самый разгаръ веселья, внезапно приходитъ печальная вѣсть о кончинѣ французскаго короля, отца принцессы; влюбленныя пары должны разстаться, по крайней мѣрѣ, на годъ, въ теченіе котораго кавалеры своимъ постоянствомъ и трудомъ должны заслужить благосклонность своихъ дамъ. „Мы кончили не такъ, какъ въ старыхъ пьесахъ влюбленные оканчиваютъ: Петръ не женится на Марьѣ", говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ. „Эти дамы своею благосклонностью могли бы окончить все развязкою комедій".—„Что жъ,—подождемъ", отвѣчаетъ король: „всего, вѣдь, годъ и день,—и явится развязка!" — „Нахожу я этотъ срокъ для пьесы слишкомъ длиннымъ".

Шекспиру и не нужна обычная развязка: его вниманіе сосредоточено вовсе не на интригѣ, которая здѣсь почти отсутствуетъ, а на діалогѣ; вся пьеса—не что иное, какъ безпрерывный словесный турниръ между лицами разныхъ положеній, которыя только и дѣлаютъ, что „срѣзываютъ" другъ друга ловкими отвѣтами и насмѣшливыми возраженіями. Стиль комедіи представляетъ много сходства съ сонетами Шекспира, написанными около того же времени; нѣкоторыя мѣста ея и по формѣ, и по содержанію являются почти дословными заимствованіями изъ этихъ сонетовъ. Сонетъ, какъ извѣстно, былъ любимой поэтической формой эпохи Возрожденія не въ одной только Италіи, но и въ Англіи, гдѣ въ ту пору итальянское вліяніе чувствовалось особенно сильно,—и Шекспиръ въ своей пьесѣ очень удачно схватилъ и воспроизвелъ придворный тонъ этого времени, живого, страстнаго, причудливаго, оригинальнаго, съ его культомъ женщины и любви, изливающимся въ цвѣтистой, фантастически-своеобразной рѣчи. Рудольфъ Женэ справедливо видитъ въ этой комедіи интересный pendant къ первымъ опытамъ Шекспира въ области трагедіи: какъ тамъ, напр., въ „Титѣ Андроникѣ", Шекспиръ преувеличивалъ трагическое, т. е. собственно ужасное, такъ и тутъ онъ доходитъ до излишества не въ комическихъ положеніяхъ, а въ остротахъ, въ игрѣ словами. Здѣсь и не перечесть всѣхъ метафоръ, замысловатыхъ фразъ, каламбуровъ и т. п., которыми такъ и сыплютъ дѣйствующія лица, всѣ безъ исключенія и каждое на свой особый ладъ. „Они—въ хорошемъ расположеніи духа, и заставляютъ свой умъ галопировать и черезъ возможное, и черезъ невозможное; они играютъ словами, извращаютъ ихъ смыслъ, выводятъ изъ нихъ нелѣпыя и смѣшныя заключенія, стрѣляютъ ими другъ въ друга, словно ракетами... всѣ свои мысли одѣваютъ въ оригинальную и блестящую форму" (Тэнъ). Передъ нами словно состязаніе искуснѣйшихъ фехтовальщиковъ, показывающихъ чудеса своей ловкости: клинки мелькаютъ такъ быстро, что нѣтъ возможности уловить ихъ движенія, и при каждомъ ихъ ударѣ другъ о друга сверкаютъ искры остроумія, живого, веселаго, заразительнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ изысканнаго до крайности. „Этотъ языкъ, говоритъ Тэнъ, слѣдуетъ представлять себѣ не безжизненнымъ, какимъ мы его встрѣчаемъ

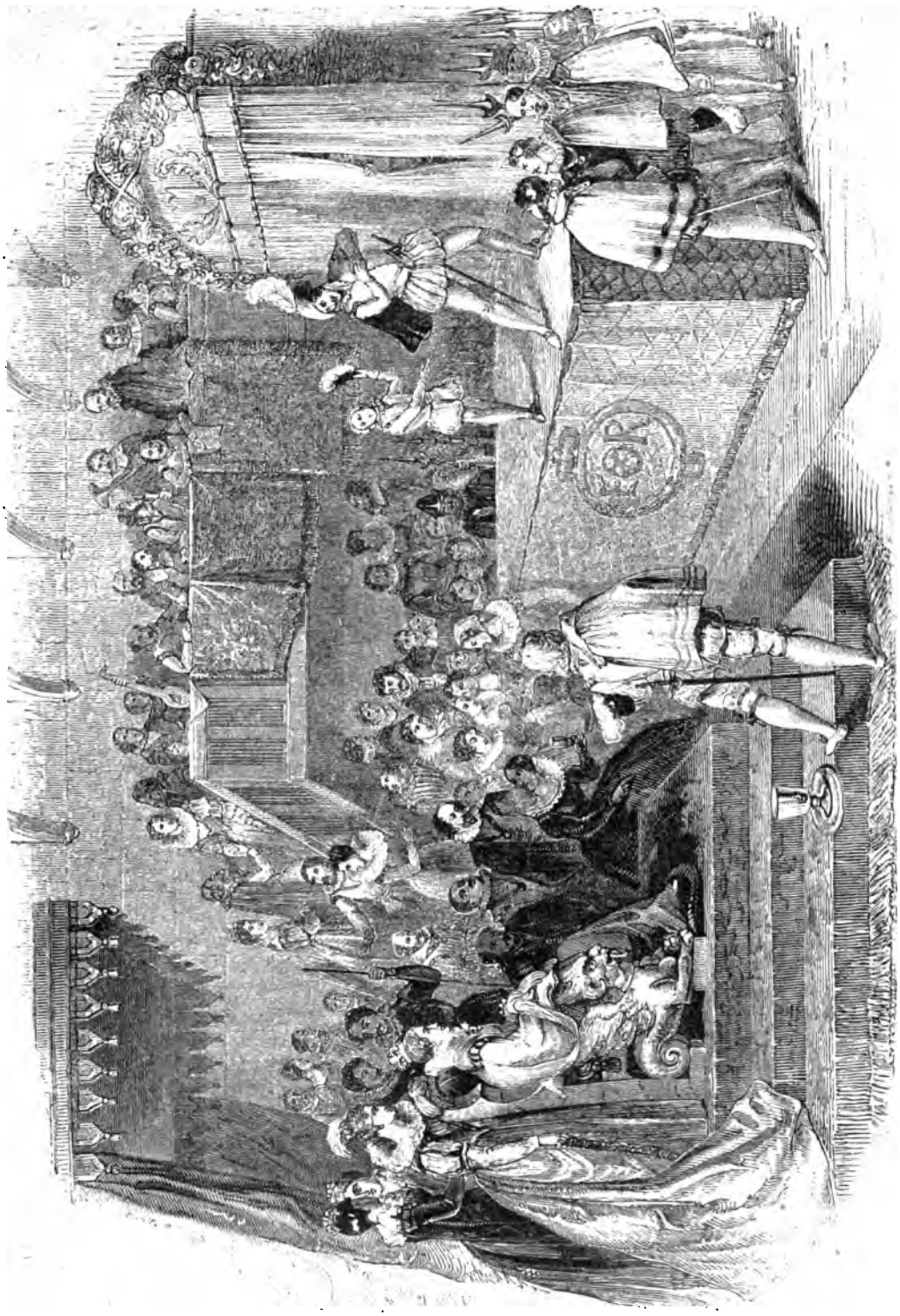
въ старыхъ книгахъ, но порхающимъ по устамъ молодыхъ дамъ и кавалеровъ въ вышитыхъ жемчугомъ камзолахъ, оживленнымъ ихъ звучнымъ голосомъ, ихъ смѣхомъ, блескомъ глазъ, движеніями рукъ, которыя играютъ эфесомъ шпаги или мнутъ край шелковаго плаща. Они въ ударѣ; ихъ голова наполнена и переполнена воображеніемъ, и они тѣшутся себѣ въ свое удовольствіе... Они говорятъ вовсе не затѣмъ, чтобы убѣдить или понять другъ друга, но чтобы дать волю фантазіи, утолить кипучій избытокъ молодости и силы. Они играютъ словами, гнутъ ихъ, какъ попало, обезображиваютъ, любуются неожиданными перспективами и столкновеніемъ контрастовъ, которые такъ и брызжутъ у нихъ, одинъ за другимъ, до безконечности. Они наваливаютъ цвѣты на цвѣты, блески на блески; имъ нравится все, что блеститъ; они украшаютъ золотомъ, вышивкой, перьями свой языкъ, какъ и свои платья. О ясности, порядкѣ, здравомъ смыслѣ — ни малѣйшей заботы: тутъ идетъ празднество, какое-то бѣснованіе; имъ мила эта нелѣпица; ихъ ничто такъ не плѣняетъ, какъ этотъ пышный и уморительный карнавалъ. И дѣйствительно, чего-чего здѣсь не насмотришься и не наслушаешься: тутъ и грубоватая веселость, и нѣжное или грустное слово, и пастораль, и громоподобная фанфара неизмѣримо-длиннаго капитана, и прыжки клоуна. Глаза, уши, всѣ напряженныя любознательныя чувства находятъ себѣ пищу въ металлическомъ лязгѣ слоговъ, въ радужныхъ переливахъ красивыхъ словъ, въ неожиданномъ столкновеніи смѣшныхъ или фамильярныхъ выраженій, въ величавомъ рокотѣ равномѣрныхъ періодовъ... Мы рѣшительно не въ силахъ теперь себѣ представить подобной изобрѣтательности, смѣлости фантазіи, неистощимаго обилія чуткой нервной впечатлительности"..

Такія словесныя схватки, которыя въ нашей комедіи сравниваются то съ игрой въ мячъ, то съ морскимъ сраженіемъ, были въ обычаѣ той эпохи; имъ охотно предавался и самъ Шекспиръ, сидя съ пріятелями въ знаменитой тавернѣ „Морской Дѣвы"; онѣ были въ большой модѣ и въ утонченномъ придворномъ кругу, гдѣ читали и заучивали наизусть образцовое произведеніе этого изысканнаго стиля—романъ Лилли „Эвфуэсъ или Анатомія остроумія", вліяніе котораго чувствуется во многихъ произведеніяхъ Шекспира и едва ли не бо-

его—въ этой ранней его комедіи.

Такова, въ общихъ чертахъ, обстановка среди которой дѣйствуютъ выведенныя Шекспиромъ лица. Внѣшнимъ мотивомъ дѣйствія служитъ споръ между Наваррой и Франціей изъ-за Аквитаніи; разрѣшеніе спорнаго вопроса откладывается „до завтра", потому что не получены важные документы; но это „завтра" такъ и не наступаетъ, и мы ничего не узнаемъ объ исходѣ спора, и даже совсѣмъ забываемъ о немъ, потому что онъ понадобился только какъ предлогъ для встрѣчи французской принцессы съ наваррскимъ королемъ.

Однако же, хотя все дѣйствіе комедіи и ограничивается утонченными забавами придворныхъ и турнирами остроумія, новѣйшимъ изслѣдователямъ все-таки удалось подмѣтить въ этой пьесѣ нѣкоторое соотвѣтствіе съ дѣйствительными историческими обстоятельствами, о которыхъ Шекспиръ несомнѣнно былъ освѣдомленъ и которыми отчасти воспользовался. Прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе самъ король наваррскій. Онъ носитъ имя Фердинанда; наваррскаго короля съ этимъ именемъ въ дѣйствительности никогда не существовало; но самымъ популярнымъ изъ наваррскихъ королей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, современникомъ Шекспира, былъ знаменитый Генрихъ, впослѣдствіи французскій король Генрихъ IV, въ характерѣ котораго, какъ извѣстно, были черты, родственныя характеру вымышленнаго Фердинанда Шекспировой комедіи. Далѣе, имена придворныхъ Бирона и Лонгвиля совпадаютъ съ именами двухъ знатнѣйшихъ приверженцевъ наваррскаго Генриха: Армана Гонто, барона де-Бирона, и Анри, герцога Лонгвиля; въ исторіи Франціи извѣстенъ также и герцогъ Шарль дю-Мэнъ, бывшій однимъ изъ предводителей лиги противъ Генриха IV. Самое дѣйствіе пьесы является отраженіемъ событій, происходившихъ въ 1578—79 гг. именно въ Аквитаніи, которая въ то время называлась уже Гіенью. Здѣсь, въ небольшомъ мѣстечкѣ Неракѣ, поселился Генрихъ наваррскій, который послѣ Варѳоломеевской ночи разстался съ своей супругой, Маргаритой Валуа, дочерью французскаго короля Генриха II, и велъ уединенную жизнь въ тѣсномъ кругу молодыхъ дворянъ-гугенотовъ. И вотъ, осенью 1578 г., Маргарита, вмѣстѣ съ своей матерью, знаменитой Маріей Медичи, пріѣхала къ Генриху въ Аквитанію, въ сопровожденіи блестящей свиты изъ дамъ и дѣвицъ. Онѣ были встрѣчены въ Бордо маршаломъ Бирономъ,



Представленіе „Безплодныхъ усилій любви" при дворѣ королевы Елизаветы англійской.
(Knight. Pictorial edition of Shakespeare).

пица воскресаетъ въ лицѣ стараго Гоббо въ „Венеціанскомъ купцѣ", и пр.

Какъ уже сказано выше, главное содержаніе комедіи заключается въ словесныхъ турнирахъ на любовныя темы, причемъ пускается въ ходъ неистощимое богатство изысканнаго „эвфуизма". Вполнѣ овладѣвъ этимъ моднымъ стилемъ своего времени, Шекспиръ не могъ не подмѣтить въ немъ смѣшныхъ сторонъ—и, комически преувеличивая эти свойства, въ концѣ концовъ, приводитъ къ признанію побѣды простого здраваго смысла надъ словесными ухищреніями. Представители эвфуизма въ комедіи составляютъ три отдѣльныя группы, столкновенія которыхъ и производятъ комическое впечатлѣніе: это, во-первыхъ, король и принцесса съ своими приближенными дамами и кавалерами, съ рѣзкимъ и находчивымъ Бирономъ, „разнощикомъ остроумія" Бойе и Розалиной, всегда готовой срѣзать кого угодно своимъ острымъ какъ бритва языкомъ. Эти лица представляютъ, такъ сказать, высшую школу изысканной рѣчи. Къ нимъ примыкаетъ уже вполнѣ комическая фигура „причудливаго" испанца Армадо. Прототипъ этого лица указываютъ въ нѣкоемъ Антоніо Пересѣ, который зимою 1591—92 гг. жилъ въ Беарнѣ, при дворѣ Генриха наваррскаго, а въ слѣдующемъ году поселился въ Лондонѣ. Это былъ одинъ изъ многочисленныхъ въ ту пору странствующихъ авантюристовъ. Нѣкогда онъ служилъ при королѣ Филиппѣ II, но навлекъ на себя его немилость и затѣмъ, повидимому, сталъ служить Генриху IV и королевѣ Елизаветѣ въ качествѣ политическаго агента, жилъ поперемѣнно то въ Англіи, то во Франціи и пользовался покровительствомъ графа Эссекса. Можно думать, что Шекспиръ въ своей комедіи осмѣялъ „великолѣпный" слогъ этого испанца, писавшаго англійскимъ лордамъ напыщенныя письма. Въ комедіи донъ Армадо „говоритъ не такъ, какъ говорятъ люди, созданные по подобію Божьему":

Въ мозгу его—рудникъ, откуда извлекаетъ
Онъ фразы пышныя; звукъ собственныхъ рѣчей
Онъ восхитительной гармоніей считаетъ...

Король и придворныя смотрятъ на него, какъ на шута-развлекателя, и потѣшаются надъ его высокопарными посланіями и надъ его влюбленностью въ простую крестьянку. Самъ же онъ поучается уму-разуму у веселаго, подвижного и остроумнаго пажа „Моли", который тоже, въ свою очередь, потѣшается надъ нимъ.

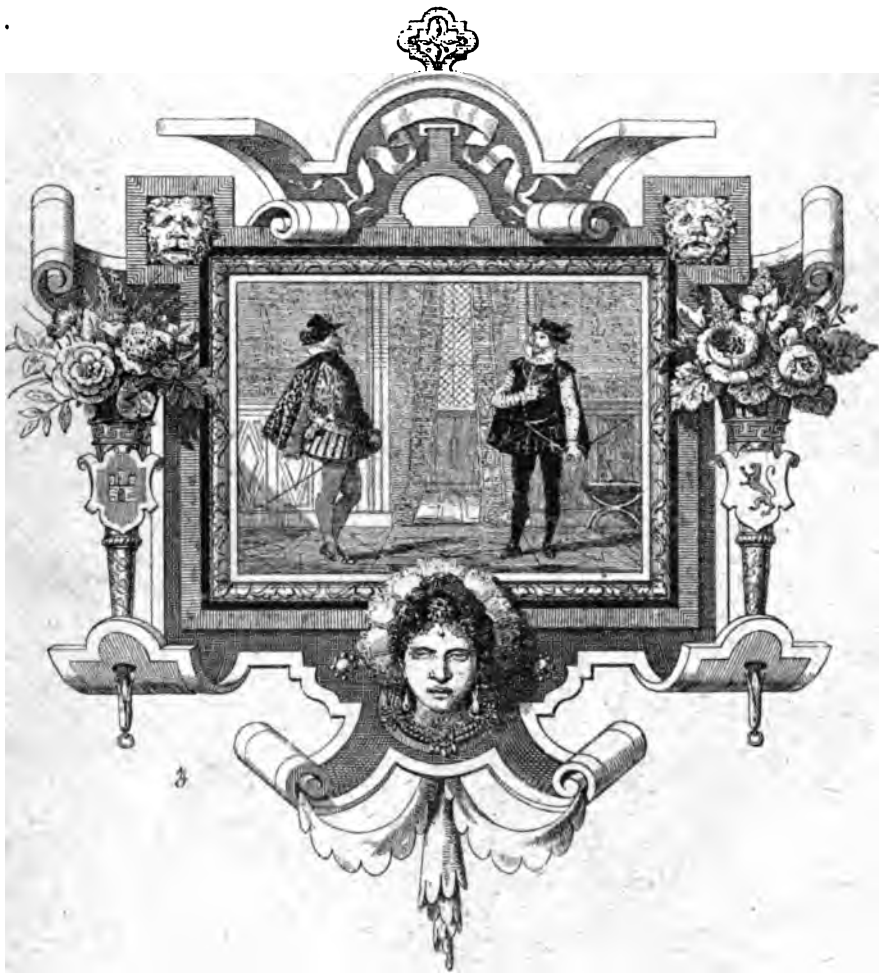
Вторую группу составляютъ педантъ Олоферъ и священникъ Натаніилъ, привыкшіе вести другъ съ другомъ ученыя бесѣды послѣ обѣда. Первый—жалкій буквоѣдъ, живущій „словеснымъ крохоборствомъ"; второй—его хвалитель и подражатель. Къ нимъ примыкаетъ третья группа—шутъ Башка, крестьянка Жакнетта и констэбль Тупица. Башка изъ всѣхъ силъ старается набраться учености и съ восторгомъ вслушивается въ забавныя шуточки Моли; въ порывѣ любви къ этому „кошельку остроумія" онъ даже готовъ отдать ему на пряники все свое состояніе, хотя бы оно составляло только одинъ грошъ. Жакнетта, изловленная констэблемъ въ интимномъ разговорѣ съ Башкой, высмѣиваетъ влюбленнаго въ нее испанца; глупая и неуклюжая фигура Тупицы достойно заключаетъ это простонародное тріо, въ рѣчахъ котораго съ такимъ своеобразнымъ комизмомъ отражается эвфуизмъ высшаго круга. Въ концѣ пьесы король и его придворные, замаскированные „московитами", терпятъ полное пораженіе отъ принцессы и дамъ ея свиты; такимъ же полнымъ фіаско оканчивается и маскарадъ „девяти героевъ", придуманный „учеными"—Армадо, Олоферномъ и Натаніиломъ, съ участіемъ Башки и Моли. Всѣ дѣйствующія лица смѣются надъ обоими маскарадами и, вмѣстѣ съ тѣмъ,—сами надъ собой. Первымъ приходитъ въ себя Бирон: онъ проклинаетъ „тафтяныя фразы", „лощеныя шелковыя рѣчи", „трижды полированныя гиперболы", „педантическія фигуры" и все это напыщенное жеманство, и даетъ обѣщаніе, что отнынѣ его влюбленное сердце будетъ высказываться только или грубымъ „да", или полновѣснымъ „нѣтъ". Такимъ же точно образомъ Шекспиръ впослѣдствіи заставилъ высказываться влюбленнаго короля Генриха V,—свой идеалъ безыскусственности и естественности.

Комедія кончается обѣщаніемъ влюбленныхъ выдержать годовой срокъ, назначенный дамами для ихъ испытанія, и посвятить себя не фразамъ, а дѣлу. Заключительныя пѣсни Весны и Зимы въ похвалу кукушки и совы опять-таки звучатъ торжествомъ простоты и естественности надъ утонченной изысканностью.

Современникъ Шекспира, Фрэнсисъ Миресъ, въ своемъ сочиненіи: „Palladis Tamia"

(1598), перечисляя Шекспировскія комедіи, рядомъ съ „Безплодными усиліями любви“ ставитъ „Успѣшныя усилія любви“ (Love's Labour's won). Такъ какъ въ собраніи сочиненій Шекспира нѣтъ пьесы подъ этимъ заглавіемъ, то полагаютъ, что онъ впослѣдствіи замѣнилъ его другимъ. Большинство изслѣдователей склонно думать, что эта пьеса извѣстна намъ теперь подъ названіемъ: „Все хорошо, что хорошо кончается“. Это предположеніе представляется довольно вѣроятнымъ, такъ какъ сюжетъ этой пьесы подходитъ къ утраченному заглавію, которое, притомъ, нѣсколько разъ упоминается и въ самой пьесѣ. Но въ послѣдней дѣйствуютъ уже совсѣмъ другія лица.

П. Морозовъ.



Французско-наваррскіе костюмы XVI вѣка (заставка франц. художника Жака Лемана (Leman, род. 1829).

Дѣйствующія лица:

Фердинандъ, король наваррскій.

Бирон'ъ, Лонгвиль, Дюменъ } вельможи въ его свитѣ.

Бойе, Меркадъ } вельможи въ свитѣ французской принцессы.

Донъ Адріано де Армадо, причудливый испанецъ.

Натаніилъ, священникъ.

Олоферн'ъ, школьный учитель.

Тупица, констебль.

Башка, шутъ.

Моль, пажъ Армадо.

Лѣсничій.

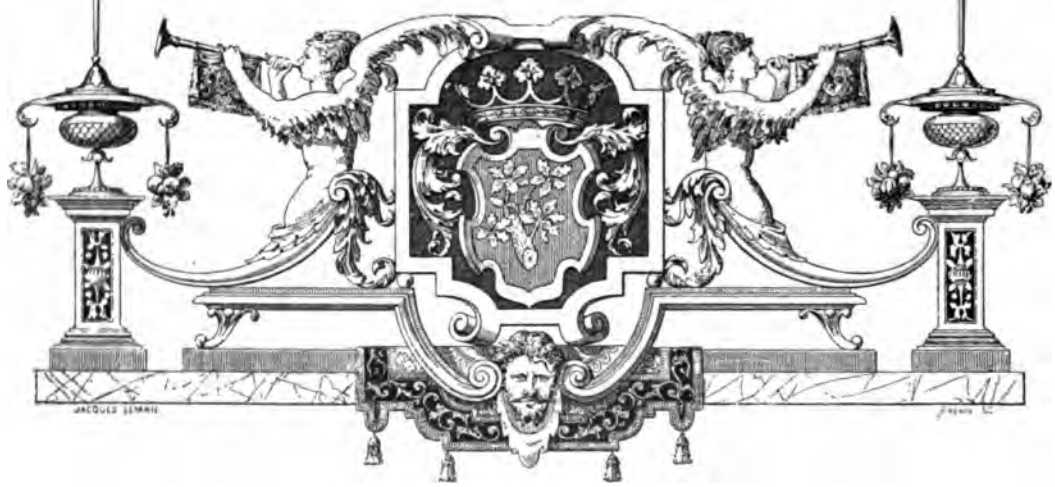
Принцесса французская.

Розалина, Марія, Катарина } ея приближенныя.

Жакнетта, поселянка.

Вельможи, свита и прочіе.

Дѣйствіе въ Наваррѣ.



Стилизованная во вкусѣ французскаго ренесанса виньетка современнаго фр. художника Жака Лемана.

Стилизованная заставка Жака Лемана.

СЦЕНА I.

Паркъ въ замкѣ короля Наваррскаго.

Входятъ КОРОЛЬ ФЕРДИНАНДЪ, БИРОНЪ, ЛОНГВИЛЬ *и* ДЮМЕНЪ.

Король.

Мессеры, пусть та слава, за которой
Всѣ гонятся при жизни, въ письменахъ
Всегда живетъ надъ нашими гробами
Желѣзными и украшаетъ насъ
Средь безобразья смерти. Время—хищникъ
Прожорливый, но, вопреки ему,
Усиліе одной минуты можетъ
Купить намъ честь и ею иступить
Его косу и вѣчность всю въ наслѣдство
Намъ передать. Поэтому, мои
Воители безстрашные, такими
Я признаю васъ всѣхъ за то, что вы
Сражаетесь съ своими же страстями
И съ арміей безчисленной мірскихъ
Наклонностей и прихотей—пусть въ силѣ
Останется послѣдній нашъ эдиктъ:
Мы сдѣлаемъ Наварру чудомъ міра,
Смиренной академіей нашъ дворъ,
И въ ней себя мы посвятимъ отнынѣ
Спокойному искусства созерцанью.
Вы всѣ, Дюменъ, Лонгвиль и Бironъ, мнѣ
Вѣдь поклялись, что будете три года
Со мною жить товарищами всѣхъ
Моихъ трудовъ, и исполнять законы,
Которые на этой вотъ доскѣ
Начертаны. Произнесли вы клятву—
Теперь ее должны вы подписать,
Чтобъ честь того, кто букву въ ней нарушитъ
Его же собственной рукой была
Поражена. Итакъ, коль вы готовы
Серьезный вашъ обѣтъ исполнить, начертайте
Здѣсь ваши имена и клятву исполняйте

Лонгвиль.

Рѣшился я. Три года, вѣдь, всего
Продлится постъ: поголодаетъ тѣло,
За то душа насытится вполнѣ

Тощъ мозгъ у толстыхъ брюхъ; кормись роскошной пищей,
Такъ растолстѣешь весь, но умъ твой станетъ нищій.

Дюменъ.

Мой дорогой монархъ—и вашъ Дюменъ
Смирилъ себя, рабамъ презрѣннымъ міра
Животнаго онъ оставляетъ всѣ
Животныя, мірскія наслажденья.
Для роскоши, любви и славы я умру,
Чтобъ жить философомъ въ стремленіи къ добру.

Бирономъ.

Мой государь, все, что они сказали,
Я повторить могу лишь въ отношеньи
Того, въ чемъ клялся; клялся я жъ
Три года здѣсь учиться. Но еще
Не мало есть другихъ обѣтовъ строгихъ,
Какъ, напримѣръ, три года не смотрѣть
На женщинъ—условіе, надѣюсь,
Которое не включено въ уставъ;
Иль день одинъ въ недѣлю быть безъ пищи
И, сверхъ того, всѣ остальные дни
Не ѣсть двухъ блюдъ—условіе, надѣюсь,
Которое не включено въ уставъ;
Иль, наконецъ, спать по ночамъ не больше
Какъ три часа, а днемъ ужъ никогда
Несмѣть вздремнуть, когда какъ славно ночью
Привыкъ я спать и даже часто день
Въ ночь обращать—условіе, надѣюсь,
Которое не включено въ уставъ.
О, жизнь безцвѣтная и тяжкая: поститься,
На женщинъ не смотрѣть, не спать и все учиться!

Король.

Такъ жить велитъ тебѣ твой клятвенный обѣтъ.

Бирономъ.

Позвольте, государь, сказать на это: нѣтъ.
Я клятву только далъ—три года здѣсь остаться
И съ вами, мой король, наукой заниматься.

Король.

Но съ этой клятвою, вѣдь, ты соединилъ
И остальныя всѣ.

Бирономъ.

О, если такъ, то былъ
Мой шуткою обѣтъ. Какая цѣль ученья,
Позвольте мнѣ спросить?

Король.

Какая? Безъ сомнѣнья,
То узнавать, чего иначе никому
Нельзя узнать.

Бирономъ.

Все то, конечно, что уму
Обыкновенному—закрытая преграда?

Король.

Да—вотъ ученія небесная награда.

Бирономъ.

Ну, если это такъ—клянусь я изучать
Все, что по вашему запрещено мнѣ знать:
Такъ, напримѣръ, всегда изслѣдовать, гдѣ можно
Попировать, когда пиры запрещены;
Иль гдѣ съ красавицей сходиться осторожно,
Когда красавицы отъ глазъ удалены;
Иль какъ не исполнять суроваго обѣта,
Не становясь при томъ безчестнымъ. Если это
Ученья цѣль и плодъ, то радъ я изучать
Все то, что безъ него не могъ бы я узнать.
Дамъ въ этомъ клятву я и клятвы не нарушу.

Король.

Но эти вещи всѣ влекутъ и умъ и душу
Къ утѣхамъ суетнымъ—и, именно, онѣ
Мѣшаютъ изучать науку въ тишинѣ.

Бирономъ.

Утѣхи суетны—я соглашаюсь съ вами,
Но тѣ всѣхъ суетнѣй, которыя трудами
Пріобрѣтаются и кромѣ ужъ труда
Не могутъ ничего доставить никогда.
Такъ: книгу изучать съ мучительнымъ вниманьемъ
И свѣта истины искать въ ней много лѣтъ,
Межъ тѣмъ какъ истина слѣпитъ своимъ сіяньемъ;
Свѣтъ, свѣта ищущій, у свѣта крадетъ свѣтъ;
И прежде, чѣмъ найдешь ты свѣтъ во мракѣ этомъ,
Ослѣпнувшій твой глазъ навѣкъ простится съ свѣтомъ.
Нѣтъ, научи меня, какъ услаждать мой взглядъ
Другими взорами, которыхъ блескъ прекрасный
Служилъ бы для моихъ источникомъ отрадъ
И, ослѣпляя ихъ, свѣтилъ звѣздою ясной.
Наука—то жъ, что блескъ солнечныхъ лучей,
Которыхъ дерзкій взоръ извѣдать не дерзаетъ.
И вѣчный труженикъ пріобрѣтаетъ въ ней
Лишь славу жалкую, которую стяжаетъ
Чужими книгами. Взгляните на земныхъ
Всѣхъ воспріемниковъ, что имена находятъ
Для каждой звѣздочки; съ такой же пользой бродятъ

Они среди ночей блистающихъ своихъ,
Какую для себя и неучъ извлекаетъ
Изъ созерцанья звѣздъ. Кто слишкомъ много знаетъ,
Тому лишь суждено пустую славу знать—
И могутъ имена всѣ крестные давать.

Король.

Съ какой ученостью возсталъ онъ на ученье!

Дюменъ.

Какъ быстро онъ идетъ, чтобъ прекратить движенье!

Лонгвиль.

И, доброе зерно выбрасывая вонъ,
Негодную траву оставить хочетъ онъ.

Бирон ъ.

Весна близка, когда у птицъ родятся дѣти.

Дюменъ.

Но что жъ изъ этого?

Бирон ъ.

То, что всему на свѣтѣ
Свой часъ и мѣсто есть.

Король.

Походишь, Бирон ъ, ты
На тотъ завистливый морозъ, который гложетъ
Перворожденные весенніе цвѣты.

Бирон ъ.

Ну, что жъ, не спорю я. Да развѣ лѣто можетъ
Подняться съ гордостью, пока у птицы нѣтъ
Причины пѣть начать? Могу-ль я восхищаться
Тѣмъ, что до времени рождается на свѣтъ?
Въ рождественскій морозъ не стану я стараться
Добыть букетъ изъ розъ, такъ точно какъ искать
Не стану снѣга я, когда цвѣтетъ природа
Всей майской прелестью; на все есть время года,
И въ это время лишь люблю я все вкушать.
Такъ и для васъ давно прошла пора ученья:
Чтобъ дверь открыть, зачѣмъ вамъ лѣзть на верхъ строенья?

Король.

Тебя не держимъ мы; ступай себѣ домой.

Бирон ъ.

О, нѣтъ; я клятву далъ, король любезный мой,
Остаться съ вами здѣсь. Въ защиту грубой лѣни
Я больше говорилъ, чѣмъ вы могли бъ сказать
Въ защиту ангела науки, тѣмъ не менѣ
Свой клятвенный обѣтъ я буду исполнять
И каждый день трехъ лѣтъ сносить мои лишенья.
Позвольте жъ мнѣ теперь уставъ вашъ для прочтенья—
И всѣ строжайшія условія его
Я подпишу.

Король.

Не могъ ты лучше ничего
Найти для выкупа позора твоего.

Бирон ъ *(читаетъ)*. „Item—никакая женщина не должна подходить къ моему дворцу ближе, чѣмъ на одну милю“. Обнародовано уже это условіе?

Лонгвиль. Да, четыре дня тому назадъ.

Бирон ъ. Посмотримъ, подъ страхомъ какого наказанья? *(Читаетъ)*. „Подъ страхомъ лишенія языка“. Кто придумалъ это наказаніе?

Лонгвиль.

Придумалъ лично я его.

Бирон ъ.

Спросить позвольте, для чего?

Лонгвиль.

Чтобъ прогоняла ихъ боязнь такихъ мученій.

Бирон ъ.

Опаснѣйшій законъ для свѣтскихъ отношеній!
(Читаетъ). „Item—всякій мужчина, застигнутый въ разговорѣ съ женщиною въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ, подвергнется такому публичному и позорному наказанію, какое всѣ остальные придворные найдутъ нужнымъ опредѣлить“.
Пунктъ этотъ, государь, нарушите вы сами:
Вы знаете, на дняхъ пріѣхать къ намъ должна
Принцесса Франціи для разговора съ вами—
Величья, красоты исполнена она.
Ея поѣздки цѣль—уступку Аквитаньи
Скорѣй исхлопотать у васъ для своего
Больного, дряхлаго отца—и оттого
Напрасно этотъ пунктъ поставленъ въ предписаньи,
Иль понапрасну въ путь собралася сюда
Принцесса славная.

Король.

Ну, что вы, господа,
На это скажете? Вѣдь, точно, не имѣли
Мы этого въ виду.

Бирон ъ.

Вотъ такъ-то странно къ цѣли
Идетъ занятіе наукою: оно

Не дѣлаетъ того, что дѣлать бы должно,
А гонится за тѣмъ, что пріобрѣсть желаетъ;
Когда же наконецъ оно и настигаетъ
Давно желанное, то въ случаѣ такомъ
На взятье города, спаленнаго огнемъ,
Похожъ его успѣхъ: въ одно и то жъ мгновенье
И пріобрѣтенье, и вѣчное лишенье.

Король.

Нарушить этотъ пунктъ невольно долженъ я:
Вѣдь, обусловлено прибытіе ея
Необходимостью.

Бирон ъ.

Необходимость эта
Три тысячи разовъ и насъ въ три эти лѣта
Понудитъ преступить нашъ клятвенный обѣтъ.
Вѣдь, каждый человѣкъ родился ужъ на свѣтъ
Съ страстями, государь—и божья благость только
Ихъ можетъ усмирить; насиліе жъ—нисколько.
Поэтому, когда нарушу клятву я,
То оправдаюсь тѣмъ, что вся вина моя —
Необходимости послѣдствіе.
(Подписываетъ бумагу).
Скрѣпляю
Законъ вашъ подписью и смѣло объявляю,
Что кто нарушитъ въ немъ малѣйшую статью,
Покроется навѣкъ позоромъ; искушенья,
Вѣдь, входятъ въ души всѣхъ такъ точно, какъ въ мою;
Но хоть на нашъ обѣтъ и съ чувствомъ отвращенья,
Повидимому, я смотрю, сомнѣнья нѣтъ,
Что я ужъ послѣ всѣхъ нарушу мой обѣтъ.
Но неужель у насъ останутся въ изгнаньи
Всѣ развлеченія и шутки?

Король.

Нѣтъ, мессеръ.
Здѣсь есть, вы знаете, пріѣзжій изъ Испаньи;
По знанью новыхъ модъ онъ первый кавалеръ;
Въ мозгу его—рудникъ, откуда извлекаетъ
Онъ фразы пышныя; звукъ собственныхъ рѣчей
Онъ восхитительной гармоніей считаетъ.
При этомъ онъ одинъ изъ милыхъ тѣхъ людей,
Кого зоветъ и тотъ, кто виноватъ, и правый,
Чтобъ разрѣшать ихъ споръ. Вотъ онъ-то, господа,
Дитя фантазіи, Армадо величавый,
Во время отдыха отъ нашего труда,
Намъ будетъ излагать въ рѣчахъ своихъ кудрявыхъ
Дѣла и подвиги тѣхъ рыцарей-бойцовъ
Испанскихъ жаркихъ странъ, что падали въ кровавыхъ
Междоусобіяхъ и спорахъ тѣхъ вѣковъ.
На сколько васъ займетъ все это—я не знаю;
Но что касается меня, то увѣряю,
Что слушать ложь его люблю—и потому
Его въ число своихъ забавниковъ возьму.

Бирон ъ.

Армадо—славное созданіе природы:
И жаркій говорунъ, и вѣрный рыцарь моды.

Лонгвиль.

Онъ и пастухъ Башка насъ будутъ веселить.
Три года не бѣда за книгами прожить!
Входитъ Тупица *съ письмомъ и* Башка.

Тупица. Гдѣ собственная особа короля?

Бирон ъ. Вотъ она, любезный; чего тебѣ надо?

Тупица. Я самъ представляю собою его особу, ибо я полицейскій служитель его величества; но я хотѣлъ бы видѣть его собственную особу во плоти и крови.

Бирон ъ. Вотъ король.

Тупица. Мессеръ Арм...Арм...свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе. Случилось скверное дѣло; подробности изволите увидѣть изъ этого письма.

Башка. Государь, содержаніе его касается также меня.

Король. Письмо отъ достославнаго Армадо.

Бирон ъ. Какъ ни ничтожно, можетъ быть, содержаніе его, но изложеніе, съ божьею помощью, вѣрно окажется величественное.

Лонгвиль. Величественное изложеніе ничтожнаго предмета! Пошли намъ, Господи, терпѣнье!

Бирон ъ. Терпѣнье слушать или воздержаться отъ смѣха?

Лонгвиль. Терпѣнье слушать, скрѣпя сердце, и смѣяться не слишкомъ сильно, или воздержаться отъ, того и другого.

Бирон ъ. Пожалуй. Пусть самый слогъ письма укажетъ намъ степень смѣха.

Башка. Содержаніе этого письма, государь, составляю я, на сколько это касается Жакнетты. Дѣло въ томъ, что я былъ пойманъ на дѣлѣ.

Бирон ъ. На какомъ дѣлѣ?

Башка. То-есть, собственно не на одномъ дѣлѣ, а на трехъ дѣлахъ. Во-пер-

выхъ, меня видѣли съ нею на мызѣ; во-вторыхъ, видѣли, какъ я сидѣлъ съ нею; въ третьихъ, видѣли, какъ я слѣдовалъ за нею въ паркѣ. Всѣ эти три дѣла, вмѣстѣ взятыя составляютъ одно дѣло.

Король. Какой же результатъ всего этого?

Башка. А результатъ будетъ такой, какое будетъ мое наказаніе—и да защититъ Богъ правое дѣло!

Король. Хотите выслушать это письмо со вниманіемъ?

Бирон. Выслушаемъ, какъ оракула.

Башка. Такова натура человѣка: слушать голосъ плоти.

Король *(читаетъ)*. „Великій намѣстникъ, вице-король небесной тверди и единственный властитель Наварры, земной богъ моей души и питающій покровитель моего тѣла!..."

Башка. До сихъ поръ ни слова о Башкѣ.

Король *(читаетъ)*. „Дѣло въ томъ..."

Башка. Дѣло только можетъ быть въ томъ; но если онъ утверждаетъ положительно, что дѣло въ томъ, то не стоитъ, чтобъ съ нимъ самимъ имѣли какое-нибудь дѣло.

Король. Миръ...

Башка. Да будетъ со мною и со всякимъ, кто боится драться!

Король. Ни слова!

Башка. О чужихъ тайнахъ—объ этомъ и я умоляю васъ.

Король *(читаетъ)*. „Дѣло въ томъ, что удрученный меланхоліей мрачнаго цвѣта я поручилъ черное и гнетущее настроеніе мое цѣлительному леченію твоего, здоровье принсящаго, воздуха—и клянусь своей дворянской честью, предпринялъ прогулку. Въ какое время? Въ шестомъ часу, когда животныя пасутся съ самымъ большимъ аппетитомъ, когда птицы клюютъ усерднѣе, чѣмъ когда-либо, а люди сидятъ за тою трапезой, которая называется ужиномъ—вотъ въ какое время. Затѣмъ, *по чему*? Я хочу сказать, *по чему* я ходилъ? Ходилъ по твоему парку. Наконецъ, въ какомъ мѣстѣ? Я хочу сказать, въ какомъ мѣстѣ привелось мнѣ быть свидѣтелемъ той грязной и въ высшей степени возмутительной сцены, что извлекаетъ изъ моего бѣлоснѣжнаго пера черное, какъ смоль, чернило, которое въ настоящую минуту ты видишь, усматриваешь или созерцаешь? Итакъ, въ какомъ мѣстѣ? Оно лежитъ къ сѣверо-востоку отъ западнаго угла твоего причудливо-извилистаго сада. Тутъ я увидѣлъ этого пастуха съ низкою душою, этого презрѣннаго червяка, увеселяющаго твою особу..."

Башка. Меня!

Король *(читаетъ)*. „...это невѣжественное, мало-образованное созданье..."

Башка. Меня!

Король. *(читаетъ)* „...этого жалкаго вассала..."

Башка. Опять-таки меня!

Король *(читаетъ)*. „...который, сколько я помню, носитъ названье Башка".

Башка. О, это я, самъ я!

Король *(читаетъ)*. „...въ обществѣ и сообществѣ, вопреки твоему постановленному и обнародованному закону и изданному повелѣнію, съ... О! съ... Но мнѣ больно и страшно сказать, съ кѣмъ..."

Башка. Съ женщиной.

Король *(читаетъ)*. „...съ дщерью нашей бабушки Евы, съ созданіемъ женскаго рода, или чтобы выразиться яснѣе для твоего нѣжнаго пониманія—съ женщиной. Побуждаемый ненарушимымъ чувствомъ моего долга, я посылаю его къ тебѣ для полученія причитающейся ему доли наказанія; посылаю въ сопровожденіи чиновника твоего драгоцѣннаго величества, Антона Тупицы, человѣка, пользующагося прекрасною репутаціею, прекраснымъ именемъ и значеніемъ."

Тупица. Это обо мнѣ, съ вашего позволенія; я—Антонъ Тупица.

Король *(читаетъ)*. „Что касается Жакнетты—таково имя болѣе слабаго сосуда, застигнутаго мною съ вышеупомянутымъ пастухомъ—то я удержу ее у себя, какъ сосудъ для строгости твоего закона, и, при малѣйшемъ драгоцѣнномъ мановеніи твоемъ, приведу ее на судъ твой, со всѣми чувствами искренняго и сердцесожигающаго жара преданности,

Донъ-Адріано де Армадо".

Бирон. Письмо не такъ хорошо, какъ я ожидалъ, но лучше всего, что мнѣ приходилось до сихъ поръ слышать.

Король. Да, самое лучшее изъ самаго сквернаго. *(Башкѣ)*. Но ты, пріятель, что скажешь на это?

Башка. Государь, насчетъ женщины я не отпираюсь.

Король. Ты слышалъ про новый законъ?

Башка. Слышать-то очень слышалъ, только вниманія большого не обратилъ.

Король. Было объявлено, что кого застанутъ съ женщиной, тотъ подвергнется годичному тюремному заключенію.

Башка. Меня застали, ваше величество, не съ женщиной, а съ барышней.

Король. Въ законѣ было упомянуто и о барышнѣ.

Башка. Да и не съ барышней, государь; это была дѣвственница.

Король. И это запрещено; законъ объявилъ и о дѣвственницѣ.

Башка. Если такъ, то я отвергаю ея дѣвственность. Меня застали просто съ незамужней дѣвушкой.

Король. Эта дѣвушка не пригодится тебѣ, любезнѣйшій, для твоего спасенья.

Башка. Эта дѣвушка пригодится мнѣ для кой-чего, ваше величество.

Король. Я сейчасъ произнесу твой приговоръ: ты будешь цѣлую недѣлю поститься, сидя на хлѣбѣ и водѣ.

Башка. Мнѣ было бы пріятнѣе цѣлый мѣсяцъ молиться, сидя на баранинѣ и супѣ.

Король.

И донъ-Армадо будетъ стражъ твой. Бironъ,
Прошу васъ наблюсти, чтобъ онъ ему
Былъ сданъ. А мы теперь пойдемъ, мессеры,
То примѣнять на дѣлѣ, въ чемъ теперь
Торжественно другъ другу присягнули.
(Король, Лонгвиль и Дюмэнъ уходятъ).

Бironъ.

Я голову поставлю противъ шляпы
Любого встрѣчнаго, что эти всѣ
Законы ихъ и клятвы скоро станутъ
Посмѣшищемъ позорнымъ. Шутъ, идемъ!

Башка. Я страдаю за правду, мессеръ, потому что сущая правда, что меня застали съ Жакнеттой и что Жакнетта дѣйствительно дѣвушка; и потому привѣтствую тебя, о горькая чаша счастья! Скорбь еще улыбнется мнѣ когда-нибудь, а до тѣхъ поръ сиди около меня, печаль! (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Другая часть того же парка.

Входятъ Армадо *и* Моль.

Армадо. Дитя, что означаетъ, когда человѣкъ съ высокою душою впадаетъ въ меланхолію?

Моль. Несомнѣнно означаетъ, что имъ овладѣетъ печаль.

Армадо. Но развѣ, дорогой мой малютка, меланхолія и печаль не одно и то же?

Моль. О, нѣтъ мессеръ: совсѣмъ не одно и то же!

Армадо. Чѣмъ же ты опредѣлишь различіе между печалью и меланхоліею, мой нѣжный юноша?

Моль. Наглядным изображеніемъ ихъ послѣдствій, мой жесткій синьоръ.

Армадо. Почему называешь ты меня жесткимъ синьоромъ, именно—жесткимъ синьоромъ?

Моль. А почему вы называете меня нѣжнымъ юношей, именно—нѣжнымъ юношей?

Армадо. Я употребилъ слова „нѣжный юноша“, какъ умѣстный эпитетъ, приличествующій твоему юному возрасту, который можно назвать нѣжнымъ.

Моль. А я употребилъ слова „жесткій синьоръ“, какъ идущія къ вашимъ преклоннымъ лѣтамъ, которыя можно назвать жесткими.

Армадо. Мило и ловко.

Моль. Какъ прикажете понимать это? Что я милъ, а мои слова ловки, или что я ловокъ, а мои слова милы?

Армадо. Ты милъ, потому что малъ.

Моль. Стало-быть, мало милъ, если самъ малъ. А почему же я ловокъ?

Армадо. Потому ловокъ, что изворотливъ.

Моль. Это вы въ похвалу мнѣ говорите?

Армадо. Въ заслуженную похвалу.

Моль. Я точно также похвалю угря.

Армадо. Да развѣ угорь уменъ?

Моль. Угорь тоже изворотливъ.

Армадо. Я говорю, что ты изворотливъ въ отвѣтахъ. Ты разгорячаешь мою кровь.

Моль. Вотъ и я получилъ отвѣтъ.

Армадо. Я не люблю, чтобъ мнѣ перечили.

Моль *(въ сторону)*. Любишь кататься, люби и саночки возить.

Армадо. Я обѣщалъ учиться три года съ королемъ.

Моль. Вы могли бы выучиться въ одинъ часъ.

Армадо. Это невозможно.

Моль. Сколько выйдетъ въ итогѣ, если одинъ повторить три раза?

Армадо. Я не силенъ въ ариѳметикѣ, это дѣло цѣловальника.

Моль. А вы, мессеръ, дворянинъ и игрокъ.

Армадо. Сознаюсь въ томъ и другомъ. Дворянство и игра вполнѣ полируютъ человѣка.

Моль. Въ такомъ случаѣ, я увѣренъ,

АРМАДО и ЖАКНЕТТА.

(„Безплодныя усилія любви." Дѣйствіе I, сц. I).

Картина англ. живописца Джемса Голмса (Holmes, 1777—1860).

что вы знаете, сколько составляютъ двойка и тузъ?

Армадо. Составляютъ однимъ больше, чѣмъ два.

Моль. То-есть—то, что въ простонародьи называется три.

Армадо. Вѣрно.

Моль. Вотъ видите, какъ легко учиться! Три вы изучили прежде, чѣмъ успѣли три раза моргнуть глазомъ; а какъ не трудно прибавить слово „года“ къ слову „три“ и изучить три года въ двухъ словахъ—это вамъ скажетъ пляшущая лошадь.

Армадо. Превосходное вычисленіе...

Моль *(въ сторону)*. Сдѣланное для того, чтобъ доказать, что ты—нуль.

Армадо. Теперь я сознаюсь тебѣ, что я влюбленъ, и какъ низко для воина быть влюбленнымъ, точно также низка по происхожденію женщина, которую я люблю. Если бъ обнаженіемъ меча противъ моей страсти я могъ освободить себя отъ этой богопротивной страсти, я взялъ бы въ плѣнъ мое вожделѣніе и отдалъ бы его какому-нибудь французскому придворному въ обмѣнъ на новоизобрѣтенный комплиментъ. Для меня постыдно вздыхать и мнѣ хотѣлось бы отречься отъ Купидона. Утѣшь меня, дитя: скажи, какіе великіе люди были влюблены?

Моль. Геркулесъ, мессеръ.

Армадо. Сладчайшій Геркулесъ! Поименуй еще какіе-нибудь авторитеты, дорогой малютка; побольше авторитетовъ, и пусть они будутъ, милое дитя мое, людьми добропорядочными и почтенными.

Моль. Самсонъ, мессеръ. Онъ былъ человѣкъ порядочный, даже очень порядочный, потому что отнесъ однажды на своей спинѣ, точно носильщикъ, весьма порядочную ношу—городскія ворота.

Армадо. О, сильный Самсонъ! о, могущественный Самсонъ! Я на столько же превосхожу тебя въ искусствѣ владѣть мечомъ, на сколько ты превосходишь меня въ умѣньи таскать на себѣ ворота! Я тоже влюбленъ. Кто была возлюбленная Самсона, мой дорогой Моль?

Моль. Женщина, мессеръ.

Армадо. Какого цвѣта?

Моль. Всѣхъ четырехъ, или трехъ, или двухъ, или одного изъ четырехъ.

Армадо. Скажи мнѣ съточностью, какого?

Моль. Зеленаго, мессеръ.

Армадо. Это одинъ изъ четырехъ?

Моль. Да, судя по тому, что я читалъ—и притомъ самый лучшій изъ всѣхъ.

Армадо. Зеленый цвѣтъ дѣйствительно цвѣтъ влюбленныхъ; но имѣть возлюбленную такого цвѣта—этого, по моему мнѣнію, Самсону незачѣмъ было дѣлать. Вѣрно, онъ любилъ ее за умъ?

Моль. Именно, мессеръ, потому что у нея былъ цвѣтущій, зеленый умъ.

Армадо. Моя возлюбленная самаго чистаго бѣлаго и розоваго цвѣта.

Моль. Подъ этими красками, мессеръ, скрываются самыя нечистыя мысли.

Армадо. Объяснись, объяснись, благовоспитанный юноша.

Моль. Да помогутъ мнѣ умъ моего отца и языкъ моей матери.

Армадо. Трогательное воззваніе ребенка! весьма граціозное и патетическое!

Моль.

Коль дѣвица бѣла и румяна лицомъ,
Ей проступки свои укрывать нипочемъ.
Согрѣшила—сейчасъ покраснѣетъ она,
Испугается—станетъ блѣдна.

Потому-то проступокъ ея или страхъ
Никогда не прочтешь у нея на щекахъ—
Вѣдь, при томъ и другомъ натураленъ ихъ цвѣтъ,
Никогда измѣненія нѣтъ.

Вотъ опасные стихи, мессеръ, для бѣлаго и краснаго цвѣта.

Армадо. Скажи, малютка, вѣдь есть какая-то баллада о королѣ и нищей?

Моль. Міръ провинился сочиненіемъ такой баллады три вѣка тому назадъ, но теперь, я полагаю, ее найти нельзя, а если бы и можно, то ни слова ея, ни музыка не пригодились бы въ этомъ случаѣ.

Армадо. Я хочу написать что-нибудь новое на эту тему, чтобы какимъ-нибудь предшествующимъ авторитетомъ оправдать мое преступное увлеченіе. Дитя, я влюбленъ въ ту поселянку, которую засталъ въ паркѣ съ разсуждающимъ животнымъ, Башкой. И она вполнѣ заслуживаетъ...

Моль *(въ сторону)*. Быть высѣченною, но даже и при этомъ имѣть получше любовника, чѣмъ мой господинъ.

Армадо. Пой, дитя: мнѣ грустно и тяжело отъ любви.

Моль *(въ сторону)*. Удивительное дѣло, тяжело отъ любви къ легкой женщинѣ.

Армадо. Пой, прошу тебя.

Моль. Потерпите, пока пройдетъ эта компанія.

Входятъ Тупица, Башка *и* Жакнетта.

Тупица. Мессеръ, королю угодно, чтобы вы имѣли надзоръ за Башкой и не доставляли ему никакого удовольствія, но въ то же время и не причиняли никакого вреда, заставляя только поститься три дня въ недѣлю. Что касается этой барышни, то мнѣ приказано держать ее въ паркѣ, какъ молочницу. Честь имѣю кланяться.

Армадо. Я измѣняю себѣ, краснѣя. Дѣвушка!

Жакнетта. Что, мужчина?

Армадо. Я посѣщу тебя въ твоемъ сараѣ.

Жакнетта. Вотъ что!

Армадо. Я знаю, гдѣ онъ находится.

Жакнетта. Господи, какой вы ученый человѣкъ!

Армадо. Я поразскажу тебѣ дивныя вещи.

Жакнетта. Съ этимъ-то лицомъ?

Армадо. Я люблю тебя.

Жакнетта. Слышу не впервые!

Армадо. А затѣмъ—прощай!

Жакнетта. Да сопутствуетъ вамъ хорошая погода!

Тупица. Идемъ, Жакнетта, идемъ!

(Тупица и Жакнетта уходятъ).

Армадо. Негодяй, за твои грѣхи ты будешь поститься до тѣхъ поръ, пока не получишь прощенія.

Башка. Слушаю-съ, мессеръ; я надѣюсь, что буду поститься не иначе, какъ съ полнымъ желудкомъ.

Армадо. Ты будешь наказанъ тяжело.

Башка. За это я вамъ буду благодаренъ больше, чѣмъ ваша прислуга, которую вы награждаете легко.

Армадо. Уведите этого негодяя; заприте его.

Моль. Пойдемъ, презрѣнный перебѣжчикъ. Маршъ!

Башка. Не запирайте меня, мессеръ: я предпочитаю поститься на свободѣ.

Моль. Нѣтъ, это значило бы быть въ одно и то же время связаннымъ и развязаннымъ. Ты отправишься въ тюрьму.

Башка. Ну, хорошо! Но если только когда-нибудь я снова увижу прежніе веселые дни скорби, то нѣкоторые люди увидятъ...

Моль. Что же нѣкоторые люди увидятъ?

Башка. Ничего, мессеръ Моль, кромѣ того, что имъ будетъ видно. Узникамъ не слѣдуетъ быть слишкомъ скупыми на слова. Поэтому я не скажу ничего. Благодарю Бога за то, что у меня такъ же мало терпѣнія, какъ и у другихъ людей, почему и могу оставаться спокойнымъ.

(Моль и Башка уходятъ).

Армадо. Я люблю даже землю, которая низка, попираемую ея башмакомъ, который еще ниже, направляемымъ ея ногою, которая ниже всего. Если я буду любить, то нарушу клятву; а это большое доказательство лживости души. А можетъ ли быть искренна любовь, построенная на лживости? Любовь—домовой; любовь—чертъ; единственный злой духъ—это любовь. А между тѣмъ и Самсонъ подвергнулся такому искушенію, хотя обладалъ удивительной силой, и впалъ въ подобное обольщеніе, хотя былъ очень уменъ. Стрѣла Купидона слишкомъ крѣпка для дубины Геркулеса и, слѣдовательно, слишкомъ крѣпка для испанскаго меча. Первая и вторая причина вызова не помогутъ мнѣ; на *passado* Купидонъ не обращаетъ вниманія, *duello* ставитъ ни во-что. Стыдъ его заключается въ томъ, что его называютъ ребенкомъ, а слава—въ томъ, что онъ побѣждаетъ взрослыхъ. Прощай, храбрость! заржавѣй, мечъ мой! замолкни, барабанъ! потому что вашъ повелитель любитъ. Да, онъ влюбленъ. Да поможетъ мнѣ какой-нибудь импровизирующій богъ стиховъ, ибо я увѣренъ, что начну сочинять сонеты! Изобрѣтай, мой умъ! Пиши, мое перо! Я настроенъ на сочиненіе цѣлыхъ фоліантовъ. *(Уходитъ).*

БЕЗПЛОДНЫЯ УСИЛІЯ ЛЮБВИ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Паркъ.

Входятъ ПРИНЦЕССА ФРАНЦУЗСКАЯ, РОЗАЛИНА, МАРІЯ, КАТАРИНА, БОЙЕ, *вельможи и свита.*

БОЙЕ.

Теперь должны, принцесса, вы призвать
Всѣ лучшія способности на помощь;
Подумайте, *кого* сюда прислалъ
Родитель вашъ, *къ кому* прислалъ и также
Зачѣмъ прислалъ. Вы, чтимая вездѣ
Такъ высоко, пришли на совѣщанье
Съ единственнымъ наслѣдникомъ всего
Прекраснаго, что только можетъ смертный
Въ себѣ вмѣстить—съ великимъ королемъ
Наваррскихъ странъ.—И цѣль переговоровъ—
Важнѣйшая: объ Аквитаньи рѣчь
У васъ идетъ—странѣ, что королева
Могла бы взять въ приданое. Итакъ,
Разсыпьте здѣсь, принцесса, ваши чары
Съ такой же щедростью, съ какой на васъ
Разсыпала дары свои природа,
Когда, явясь скупой ко всѣмъ другимъ,
Вамъ все дала въ полнѣйшемъ изобильи.

ПРИНЦЕССА.

Мессеръ Бойе, хоть красота моя
Весьма мала, но въ вашихъ восхваленьяхъ
Раскрашенныхъ ей надобности нѣтъ.
Вѣдь, красоту оцѣниваетъ только
Сужденье глазъ, а ужъ никакъ не рѣчь
Хвастливая того, кто предлагаетъ
Ее купить. Я менѣе горжусь
Тѣмъ, что меня вы хвалите такъ много,
Чѣмъ сами вы желаете прослыть
Ораторомъ, весь умъ вашъ изощряя
На похвалы достоинствамъ моимъ.
Но перейдемъ мы къ дѣлу. Вамъ извѣстно,
Мессеръ Бойе—стоустая молва
Ужъ разнесла по свѣту эту новость—
Что здѣшній дворъ далъ клятву посвятить
Ученью многотрудному три года
И положилъ въ безмолвный свой пріютъ
Не допускать все это время женщинъ.
Поэтому, мнѣ кажется, должны
Мы, прежде чѣмъ порогъ ихъ запрещенный
Переступить—рѣшенье короля
На этотъ счетъ узнать, и, зная ваши
Достоинства, мы это дѣло вамъ,
Какъ лучшему изъ нашихъ адвокатовъ,
Препоручимъ. Скажите королю,
Что дочь монарха Франціи по дѣлу
Серьезному и спѣшному къ нему
Пріѣхала и позволенья проситъ
Поговорить съ нимъ лично. Поспѣшите
Исполнить это порученье; мы
Смиренными просителями будемъ
Монаршаго рѣшенья ожидать.

БОЙЕ.

Гордясь такимъ высокимъ порученьемъ,
Съ охотою иду я.

ПРИНЦЕССА.

Человѣкъ
Гордится лишь по собственной охотѣ,
И точно такъ гордитесь вы, мессеръ.
(Бойе уходитъ).
Друзья мои, какіе здѣсь вельможи —
Товарищи по клятвѣ своего
Прекраснаго и мудраго монарха?

1-Й ВЕЛЬМОЖА.

Одинъ изъ нихъ—Лонгвиль.

ПРИНЦЕССА.

Его, мессеръ,
Вы знаете?

МАРІЯ.

Его я знаю, ваше
Высочество. Я видѣла его
Въ Нормандіи на пиршествѣ въ то время,
Какъ праздновалъ графъ Перигоръ свой бракъ
Съ наслѣдницей прекрасной Фальконбриджа.
Онъ славится вездѣ, какъ человѣкъ
Съ высокими способностями, близко
Съ искусствами знакомый и въ войнѣ
Прославившій себя; за что бы только
Ни взялся онъ съ охотой, у него
Выходитъ все прекрасно. Въ яркомъ блескѣ
Его души есть лишь одно пятно —
Коль блескъ души высокой можетъ пятна
Въ себѣ имѣть—чрезмѣрно рѣзкій умъ
Съ настойчивой и слишкомъ дерзкой волей;
Умъ рѣжетъ всѣхъ, а воля никого
Не пощадитъ, кто въ руки попадется.

ПРИНЦЕССА.

Какой-нибудь насмѣшникъ-весельчакъ,
Не правда-ли?

МАРІЯ.

Такимъ его считаютъ
Всѣ, знающіе близко нравъ его.

ПРИНЦЕССА.

Подобные умы живутъ не долго
И гибнутъ, подростая. Кто еще?

КАТАРИНА.

Еще Дюменъ; онъ юноша прекрасный.
Кто любитъ добродѣтель, тотъ его
Не можетъ не любить за добродѣтель.
Имѣетъ онъ всѣ средства дѣлать зло,
Но никому вреда не причиняетъ;
На столько онъ уменъ, что придаетъ
И безобразью прелесть, и на столько
Хорошъ собой, что даже безъ ума
Всѣмъ нравится. Однажды въ Алансонѣ
У герцога я видѣла его
И столько въ немъ хорошаго въ то время
Замѣтила, что эти похвалы
Для всѣхъ его достоинствъ слишкомъ слабы.

РОЗАЛИНА.

Съ нимъ былъ тогда еще одинъ изъ тѣхъ,
Которые здѣсь учатся; зовется
Бирономъ онъ. Ни разу въ жизни мнѣ
Проговорить часокъ не доводилось
Съ такимъ, какъ онъ, весельчакомъ—хотя
Не перешелъ границъ приличной шутки
Ни разу онъ. Глаза его всегда
Его уму найти умѣютъ пищу;
На что бъ *они* не падали—во всемъ,
Находитъ *онъ* предметъ веселой шутки.
И такъ умно, прелестно такъ ее
Передаетъ его языкъ искусный,
Что старики хохочутъ надъ его
Разсказами, а молодежь такъ просто
Восхищена—такъ ловко и остро
Онъ говоритъ.

ПРИНЦЕССА.

Спаси васъ Богъ! Ужели
Всѣ фрейлины мои влюбились? Я
Такъ думаю по восхваленьямъ пышнымъ,
Которыми здѣсь каждая изъ нихъ
Украсила того, кто ею избранъ.

1-Й ВЕЛЬМОЖА.

Вотъ и Бойе.

Входитъ Бойе.

ПРИНЦЕССА.

Ну, что, мессеръ, какое
Рѣшеніе?

БОЙЕ.

Наваррскій государь
Ужъ зналъ, что вы изволили пріѣхать,
И, прежде чѣмъ пришелъ я, онъ и всѣ
Товарищи его по клятвѣ были
Готовы васъ принять. Но я узналъ,
Что было бы ему пріятнѣй въ полѣ
Оставить васъ, какъ будто для осады
Его двора пришли вы, чѣмъ обѣтъ
Нарушить свой и васъ принять въ пустынномъ
Своемъ дворцѣ. Но вотъ и самъ король.

Входятъ КОРОЛЬ, ЛОНГВИЛЬ, ДЮМЕНЪ, БИРОНЪ *и свита. Принцесса и фрейлины надѣваютъ маски.*

КОРОЛЬ.

Прекрасная принцесса, дворъ наваррскій
Встрѣчаетъ васъ, какъ дорогихъ гостей.

Принцесса. Слово „прекрасная“ я возвращаю вамъ, а дорогимъ вашимъ гостемъ еще не могу назвать себя. Сводъ, подъ которымъ мы стоимъ, слишкомъ высокъ, чтобъ быть сводомъ вашего дворца, а быть дорогимъ гостемъ на этихъ широкихъ поляхъ— слишкомъ недостойно меня.

Король.

И мой дворецъ привѣтствовать васъ будетъ,
Какъ гостью дорогую.

Принцесса.

Если такъ,
Ведите же меня туда.

Король.

Принцесса
Прекрасная, позвольте вамъ сказать:
Я клятву далъ.

Принцесса.

Помилуй васъ Создатель!
Нарушите вы клятву.

Король.

Ни за что,
Принцесса, не нарушу добровольно.

Принцесса.

И именно ничѣмъ инымъ она
Расторгнется, какъ вашей доброй волей.

Король.

Принцесса, вы предмета клятвы той
Не знаете.

Принцесса.

И еслибъ точно также
И вы ее не знали, были бъ вы
Мудрѣй въ своемъ невѣдѣньи; теперь же
Все знаніе является однимъ
Безумiемъ. Узнала я, что ваше
Величество произнесли обѣтъ—
Отнынѣ жить затворникомъ. Тяжелый,
Смертельный грѣхъ быть вѣрнымъ этой клятвѣ,
И грѣхъ—ее нарушить. Но прошу
Меня простить; я сразу слишкомъ дерзкой
Являюсь вамъ; учителя учить
Мнѣ вовсе не пристало. Удостойте
Прочесть, зачѣмъ я прибыла сюда,
И на мое прошеніе не медля
Сказать отвѣтъ.

Король.

Немедленно скажу,
Когда найду возможнымъ.

Принцесса.

Тѣмъ скорѣе
Вы скажете, что этимъ отъ меня
Избавитесь; вѣдь, если я останусь,
Придется вамъ нарушить вашъ обѣтъ.

Биронъ *(Розалинѣ)*.

Не танцовалъ ли я въ Брабантѣ съ вами?

Розалина.

Не танцовала ль я въ Брабантѣ съ вами?

Биронъ.

Да; въ этомъ я увѣренъ.

Розалина.

Если такъ,
То для чего вопросъ вашъ безполезный?

Биронъ.

Вы черезъ-чуръ ретивы.

Розалина.

Это вы
Пришпорили меня такимъ вопросомъ.

Биронъ.

Вашъ умъ, сударыня, ужъ черезъ-чуръ горячъ:
Устанетъ скоро онъ, несясь такъ шибко вскачь.

Розалина.

Но прежде чѣмъ себя на этомъ утомить,
Въ болото всадника успѣетъ онъ свалить.

Биронъ.

Который часъ скажите?

Розалина.

Тотъ,
Когда дуракъ вопросы задаетъ.

Биронъ.

Дай вашей маскѣ Богъ счастливыхъ много дней!

Розалина.

Желайте ихъ лицу, что кроется подъ ней?

Биронъ.

Снабди васъ небо женихами!

Розалина.

Аминь! лишь только бы не вами.

Биронъ.

Ни слова больше не скажу—
И ухожу.

Король.

Принцесса, вашъ родитель предлагаетъ
Въ уплату мнѣ сто тысячъ только кронъ,
И, стало быть, лишь половину суммы,
Которую у моего отца
Для войнъ своихъ онъ взялъ взаймы. Положимъ,
Что моему отцу иль мнѣ сто тысячъ
Возвращены—хотя ни онъ, ни я
Не получали ихъ—все жъ остается
Въ долгу еще сто тысячъ, и залогомъ
За этотъ долгъ часть вашей Аквитаньи
Намъ отдана, хоть стоимость ея
И далека отъ этой суммы. Если
Родитель вашъ захочетъ возвратить
Изъ должнаго одну хоть половину—
Права на Аквитанію ему
Уступимъ мы и искреннюю дружбу
Поддерживать съ нимъ будемъ. Но судя
По этому письму, совсѣмъ другого
Желаетъ онъ; онъ пишетъ, чтобъ ему
Я заплатилъ сто тысячъ, объявляя,
Что, получивши эту сумму, онъ
Откажется отъ правъ на Аквитанью.
Но признаюсь, я лучше бы желалъ
Разстаться съ ней и получить тѣ деньги,
Что мой отецъ истратилъ—чѣмъ владѣть
Страной, совсѣмъ пришедшею въ разстройство.
Не будь его слова такъ далеки
Отъ всякаго разумнаго желанья,
Повѣрьте мнѣ, принцесса, отъ души
На все бы согласился я, и ваше
Высочество уѣхали бъ домой,
Все получивъ по вашему желанью.

Принцесса.

Наносите вы моему отцу
Чрезмѣрную обиду и мрачите
Вы вашу репутацію, король,
Такъ явно отрицая полученье
Того, что вамъ уплачено съ такой
Исправностью.

Король.

Клянусь вамъ, я объ этомъ
Не слышалъ никогда—и если вы
Докажете, я возвращу вамъ деньги
Иль откажусь отъ Аквитаньи.

Принцесса.

Мы
Берсмъ съ васъ это слово. Покажите,
Бойе, квитанціи, что дали намъ
На эту сумму казначеи Карла,
Его отца.

Король.

За это буду я
Обязанъ вамъ.

Бойе.

Осмѣлюсь, государь,
Вамъ доложить, что тотъ пакетъ, въ которомъ
И эти, и другіе документы,
Еще не полученъ; онъ будетъ завтра
Представленъ вамъ.

Король.

И больше ничего
Не нужно мнѣ; на эти документы
Я лишь взгляну—и соглашусь на все
Разумно-справедливое. Покамѣстъ
Такой пріемъ вамъ предлагаю я,
Какой, не оскорбляя чести, можетъ
Честь предложить всѣмъ вашимъ дорогимъ
Достоинствамъ. Прекрасная принцесса,
Вы въ мой дворецъ не можете войти,
Но въ паркѣ здѣсь вы встрѣтите, конечно,
Такой пріемъ, который будетъ вамъ
Свидѣтельствомъ, что если я и заперъ
Мой домъ для васъ—то въ сердцѣ у меня
Живете вы. Душой своей прекрасной
Меня вы оправдаете. Теперь
Прощайте; къ вамъ придемъ мы завтра снова.

Принцесса.

Желаю вамъ всѣхъ благъ на долгіе года!

Король.

Желанья ваши пусть сбываются всегда!
(*Уходитъ*).

Биронъ (*Розалинѣ*).

Сударыня, я сердцу моему
Поклонъ вашъ передамъ.

Розалина.

Да, передайте;
Хотѣлось бы мнѣ на него взглянуть.

Биронъ.

Хотѣлъ бы я, чтобъ вы его стенанья
Услышали.

Розалина.

Шутъ боленъ?

Биронъ.

Боленъ сердцемъ.

Розалина.

Что жъ! кровь откройте у него.

Биронъ.

И будетъ польза отъ того?

Розалина.
Наука „да“ мнѣ говоритъ.

Бирон.
Такъ пусть вашъ глазъ его пронзитъ.

Розалина.
Нѣтъ—я ножомъ устрою это.

Бирон.
Продли Создатель ваши лѣта!

Розалина.
А вамъ дай Богъ не долго жить!

Бирон.
За это не могу я васъ благодарить. (*Отходитъ*).

Дюменъ (*къ Бойе*).
Кто эта дѣвушка, мессеръ?

Бойе.
Дочь властелина
Всѣхъ Алансонскихъ странъ, а имя—Катарина.

Дюменъ.
Красавица она! Мессеръ, я вашъ слуга!
(*Уходитъ*).

Лонгвиль (*къ Бойе*).
Кто это въ бѣломъ здѣсь, мессеръ, спросить васъ смѣю?

Бойе.
Да женщина, мессеръ; я слышалъ, что ужъ съ нею
Встрѣчались вы.

Лонгвиль.
Хотѣлъ бы имя я узнать.

Бойе.
Оно у ней одно—такъ грѣхъ его назвать.

Лонгвиль.
Чья дочь она, спросить позвольте?

Бойе.
Дочь матери своей, какъ говорили мнѣ.

Лонгвиль.
Что проку въ вашей болтовнѣ?

Бойе.
Не злитесь, я шучу, мессеръ. *Сія* дѣвица—
Дочь Фальконбриджа.

Лонгвиль.
Вотъ я пересталъ сердиться.
Она способна восхитить.

Бойе.
Да, очень можетъ-быть. (*Лонгвиль уходитъ*).

Бирон.
Кто это въ головномъ уборѣ капуцина?

Бойе.
Случилось такъ, что это Розалина.

Бирон.
Замужняя или дѣвица?

Бойе.
Какъ вздумается ей и какъ случится.

Бирон.
Мессеръ, привѣтъ примите мой;
Прощайте!

Бойе.
Вашъ я всей душой. (*Бирон уходитъ*).

Марія.
Вотъ это Бирон, тотъ шутникъ веселый вѣчный,
Котораго слова—рядъ шутокъ безконечный.

Бойе.
А шутки—лишь слова и больше ничего.

Принцесса.
Вы очень хорошо дурачили его.

Бойе.
Я былъ готовъ къ борьбѣ, какъ онъ—для обороны.

Марія.
Какіе храбрые бараны!

Бойе.
Нѣтъ, бароны;
Баранами тогда бъ назвать лишь можно насъ,
Когда бъ могли пастись мы на губахъ у васъ,
Овечка милая!

Марія.
И такъ, я лугъ съ травою,
А вы—баранъ? И все такою остротою
Кончается у васъ?

Бойе.
Да, если мнѣ теперь
Пастись позволите (*Хочетъ ее поцѣловать*).

Костюмы эпохи французскаго Ренесанса.
(По Cesare Vecelio, «Habiti Antichi et Moderni», Венеція, 1598).

МАРІЯ.
Ну, нѣтъ, мой милый звѣрь;
Вѣдь, губы у меня не общее владѣнье,
Куда открыта дверь для всѣхъ безъ исключенья.

БОЙЕ.
Кому жъ принадлежатъ?

МАРІЯ.
Моей судьбѣ и мнѣ.

ПРИНЦЕССА.
Два острые ума между собой въ войнѣ.
Но вы, друзья мои, сражаетесь напрасно;
Междоусобную войну умовъ прекрасно
Затѣять можно бы съ наваррскимъ королемъ
И съ погрузившимся въ ученіе дворомъ;
Но здѣсь я вижу въ ней лишь злоупотребленье.

БОЙЕ.
Коль наблюдательность моя не въ заблужденье
Ввела меня теперь—а рѣдко лжетъ она—
Коль чрезъ посредство глазъ ей сдѣлалась видна
Нѣмая рѣчь души—то государь Наварры,
Принцесса, боленъ.

ПРИНЦЕССА.
Чѣмъ?

БОЙЕ.
Тѣмъ, что любовнымъ жаромъ
Влюбленные зовутъ.

ПРИНЦЕССА.
Скажите, изъ чего
Вы это вывели?

БОЙЕ.
Вся свита чувствъ его
Ушла въ дворецъ очей для вѣрнаго служенья,
И жадно начала смотрѣть сквозь вожделѣнья,
А сердце короля, какъ будто сердоликъ,
На коемъ вырѣзанъ былъ вашъ прекрасный ликъ,
Печатью этою гордилось, восхищалось,
И въ блескѣ глазъ его та гордость выражалась.
Языкъ, сердясь на то, что онъ обязанъ былъ
Слова произносить, а не смотрѣть—спѣшилъ
Оканчивать слова и также устремлялся
Въ глаза его и тамъ безмолвно наслаждался.
Да, въ чувство зрѣнія всѣ чувства перешли
Смотрѣть красавицу красавицъ всей земли,
Какъ-будто заперъ онъ въ глаза всѣ ощущенья:
Такъ подъ стекло кладемъ мы рѣдкіе каменья,
Когда намъ хочется, чтобъ ихъ король купилъ;
И такъ красивъ ихъ видъ, что кто бъ ни проходилъ,

Купить желаетъ ихъ во что бы то ни стало.
И такъ лицо его всѣ чувства выражало,
Что каждый взоръ чужой въ глазахъ его читалъ
Восторгъ, съ которымъ онъ вашъ образъ созерцалъ.
За поцѣлуй любви онъ дастъ вамъ безъ сомнѣнья
И Аквитанію, и всѣ свои владѣнья.

ПРИНЦЕССА.

Пойдемте въ нашъ шатеръ. Бойе расположенъ...

БОЙЕ.

Словами выразить лишь то, что видѣлъ онъ;
Языкъ монаршихъ глазъ я перевелъ словами
И ни въ одномъ изъ нихъ я не солгалъ предъ вами.

РОЗАЛИНА.

Ты старый другъ любви и мастеръ убѣждать.

МАРІЯ.

Онъ Купидона дѣдъ—такъ какъ ему не знать
Всѣхъ новостей любви?

РОЗАЛИНА.

Венера, значитъ, сходства
Имѣла съ матерью; отецъ, вѣдь, до уродства
Собою некрасивъ.

БОЙЕ.

Проказницы всегда!
Вы слышите ли?

МАРІЯ.

Нѣтъ.

БОЙЕ.

Такъ видите?

РОЗАЛИНА.

О, да;
Мы видимъ, что пора отсюда намъ въ дорогу.

БОЙЕ.

Ну, съ вами справиться не въ силахъ я ей Богу!
(Уходятъ).

Орнаментъ эпохи французскаго Ренесанса (Гобеленъ въ Фонтенебло, XVI в.).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Другая часть парка.

Входятъ Армадо *и* Моль.

Армадо. Пой, дитя; услади мое чувство слуха.

Моль. Извольте. *(Поетъ).*

Армадо. Прелестная арія! Иди, о, нѣжный юноша, возьми этотъ ключъ, дай свободу пастуху и поспѣши привести его сюда. Я долженъ поручить ему доставленіе письма къ моей возлюбленной.

Моль. Угодно вамъ, сударь, побѣдить вашу возлюбленную французскимъ способомъ?

Армадо. Объясни, что ты хочешь этимъ сказать?

Моль. А вотъ что, безукоризненный господинъ мой. Спойте какую-нибудь штучку кончикомъ языка; въ виду акомпанимента къ ней, пропляшите канарійскій танецъ; приправьте это подмигиваніемъ, испустите музыкальный вздохъ, пустите нѣсколько трелей то горломъ, какъ-будто глотая любовь, то носомъ, какъ-будто обнюхивая ее; шляпу надвиньте, какъ вывѣску, на лавку вашихъ глазъ; руки скрестите на тонкомъ животѣ, точно кроликъ на вертелѣ, или спрячьте ихъ въ карманы, какъ рисовали людей на старыхъ портретахъ; не держитесь слишкомъ долго одного и того же тона; сдѣлали одну штуку—сейчасъ же принимайтесь за другую. Эти-то вещи, эти-то пріемы ловятъ въ западню хорошенькихъ женщинъ, которыя, впрочемъ, и безъ того ловятся; эти-то способности придаютъ людямъ, обладающимъ ими, большое значеніе.

Армадо. Чѣмъ ты купилъ это знаніе?

Моль. Однимъ грошемъ наблюдательности.

Армадо. Но ахъ! но ахъ!..

Моль.—„забыта деревянная лошадка!“

Армадо. Ты называешь мою возлюбленную деревянною лошадкой?

Моль. Нѣтъ, сударь; деревянная лошадка—жеребчикъ, а ваша возлюбленная, можетъ быть, кобылка! Но вы, кажется, забыли вашу возлюбленную?

Армадо. Почти забылъ.

Моль. Нерадивый ученикъ! Выучите ее на память.

Армадо. О, она у меня и на памяти, и на сердцѣ, дитя.

Моль. И въ то же время подъ сердцемъ. Я докажу вамъ это по пунктамъ.

Армадо. Что ты докажешь?

Моль. Докажу справедливость моихъ словъ

—и сію же минуту. Она у васъ на памяти, потому что хоть разбуди васъ, вы сейчасъ же скажете ея имя; она у васъ на сердцѣ, потому что вы влюблены въ нее; она у васъ подъ сердцемъ, потому что ваше сердце перевернулось отъ невозможности завладѣть ею.

Армадо. Да, я испытываю эти три положенія.

Моль. И изъ всѣхъ трехъ ничего не выходитъ.

Армадо. Приведи скорѣе пастуха: я долженъ послать его съ письмомъ.

Моль. Какая удачная штука! Лошадь дѣлается посланникомъ осла.

Армадо. Что такое? что такое?

Моль. Видите ли, вамъ бы слѣдовало послать осла верхомъ на лошади, потому что онъ ходитъ очень медленно. Но я иду.

Армадо. Тутъ очень недалеко. Отправляйся.

Моль. Бѣгу съ быстротою свинца.

Армадо.

О, умникъ мой, что это значитъ?
Да, вѣдь, свинецъ—металлъ тяжелый и такой
Лѣнивый!

Моль.

Minime, почтенный сударь мой,
Иль, проще: говоря нѣтъ, сударь.

Армадо.

Быстротою
Не надѣленъ свинецъ.

Моль.

Съ поспѣшностью такою
Не слѣдуетъ судить. Да развѣ тотъ свинецъ,
Что пущенъ пушкою—не мчится, какъ гонецъ?

Армадо.

О, дымъ реторики прекрасной!
Я—пушка, онъ—ядро! Я выстрѣлить хочу
Тобою въ пастуха.

Моль.

Пали—и я лечу. *(Уходитъ).*

Армадо.

Умнѣйшій юноша съ прекрасною душою!
Позволь, о, небо, мнѣ вздыхать передъ тобою!
Смирись, духъ доблестный, предъ мрачною тоскою!
Но вотъ и мой герольдъ.

Моль *возвращается съ* Башкой.

Моль.

Вотъ, сударь, чудеса! У глупой головы
Сломалася нога.

Армадо.

Явились, вижу, вы
Ко мнѣ съ какою-то загадкою, шарадой.
(Башкѣ).
Ну, гдѣ твой envoy? Все объясни, какъ надо.

Башка. Никакой тутъ нѣтъ загадки, никакой шарады, и никакого envoy никто не прислалъ со мной... Охъ, нога! нога!

Армадо. Клянусь добродѣтелью, ты насильно вызываешь смѣхъ; твоя глупость разгоняетъ мою тоску; воздыманіе моихъ легкихъ вызываетъ на мои уста насмѣшливую улыбку. О, звѣзды небесныя, простите мнѣ! Этотъ невѣжда принимаетъ слово envoy въ буквальномъ смыслѣ и полагаетъ, что оно означаетъ посылку.

Моль. Да развѣ человѣкъ образованный переведетъ это слово иначе? Вѣдь, envoy только и означаетъ посылку.

Армадо.

Нѣтъ, это эпилогъ, смыслъ ясный придающій
Намеку темному во фразѣ предыдущей.
И вотъ примѣръ:
„Мартышка шла съ лисой и съ мухой; значитъ шло
Ихъ трое—стало-быть, нечетное число".
Вотъ, пажъ, мораль, а вотъ и envoy...

Моль. Я самъ прибавлю envoy. Потрудитесь повторить envoy.

Армадо.

„Мартышка шла съ лисой и съ мухой; значитъ, шло
„Ихъ трое—стало-быть, нечетное число".

Моль.

„Гусь вышелъ изъ дому и тоже къ нимъ присталъ;
„Ихъ стало четверо—и нечетъ четомъ сталъ".

Теперь я повторю вашу мораль, а вы послѣдуете за мною съ вашимъ envoy.

„Мартышка шла съ лисой и съ мухой; значитъ, шло
„Ихъ трое—стало-быть, нечетное число".

Армадо.

„Гусь вышелъ изъ дому и тоже къ нимъ присталъ;
„Ихъ стало четверо—и нечетъ четомъ сталъ".

Моль. Весьма пріятный envoy, оканчивающійся гусемъ. Можно ли пожелать чего-нибудь лучше?

Башка.

Пажъ гуся далъ ему ручаюсь въ этомъ смѣло.
(*Къ Армадо*).
Коль жиренъ гусь, мессеръ, то выгодное дѣло
Вы сдѣлали теперь, и я не откажусь
Отъ envoy такихъ, какъ этотъ жирный гусь.

Армадо.

Постой; съ чего у насъ все это завязалось?

Моль.

Съ разсказа моего, что вотъ нога сломалась
У глупой головы. Потомъ вы у него
Спросили envoy.

Башка.

Я о посылкѣ
Заговорилъ—и тутъ свою мораль
Пустили вы; и тутъ явился съ гусемъ
Вашъ пажъ, и вамъ свой жирный envoy
Успѣлъ продать; тѣмъ дѣло и рѣшилось.

Армадо. Но объясни мнѣ смыслъ твоихъ словъ, что глупая голова сломала себѣ ногу? Развѣ у головы есть ноги?

Моль. Я разскажу вамъ это чувствительнымъ образомъ.

Башка. Для тебя, Моль, это не было чувствительно. Позвольте, я скажу envoy. Пришли Башку позвать, Башка къ вамъ побѣжалъ,
Запнулся за порогъ и кость ноги сломалъ.

Армадо. Оставимъ эту матерію.

Башка. Да, пока изъ моей ноги не перестанетъ течь матерія

Армадо. Любезный Башка, я хочу дать тебѣ свободу, избавить отъ заточенія твою личность. Ты былъ запертъ, задержанъ, заточенъ, связанъ.

Башка. Вѣрно, совершенно вѣрно; стало-быть, вы хотите выпустить меня?

Армадо. Я даю тебѣ свободу, отворяю дверь твоей тюрьмы и за это налагаю на тебя только одно обязательство: отнеси это посланіе поселянкѣ Жакнеттѣ. А вотъ тебѣ и ретрибуція *(даетъ ему деньги)*; ибо лучшее украшеніе моей высокой души есть привычка—вознаграждать моихъ подчиненныхъ. Моль, слѣдуй за мною. (*Уходитъ*).

Моль.

Да, какъ за правиломъ примѣръ,
Иду за вами я, мессеръ.
Прощай, Башка.

Башка.

О, мой неоцѣненный
Людского мяса фунтъ! брилльянтъ мой несравненный!
(*Моль уходитъ*).

Посмотримъ теперь на его ретрибуцію! Ретрибуція! О, это латинское слово, которое означаетъ три пятака. Три пятака—ретрибуція. „Что стоитъ эта лента?"—Пятакъ".—„Нѣтъ, я вамъ дамъ ретрибуцію". Вотъ она штука какая! Ретрибуція! Чудеснѣйшее слово—лучше и не придумаешь. Съ этихъ поръ не буду ничего ни продавать, ни покупать безъ этого слова.

Входитъ Биронъ.

Биронъ. О, мой добрѣйшій шутъ Башка, какъ я радъ, что вижу тебя!

Башка. Позвольте васъ спросить, мессеръ, сколько лентъ тѣлеснаго цвѣта можно купить за ретрибуцію?

Биронъ. Что такое ретрибуція?

Башка. Три пятака, мессеръ.

Биронъ. Ну, стало быть, можно купить лентъ на три пятака.

Башка. Покорнѣйше благодарю вашу милость; да сохранитъ Васъ Господь!

Биронъ.

Постой, постой! ты нуженъ мнѣ. Послушай,
Любезный шутъ, я милостью своею
Взыщу тебя, когда исполнишь ты,
О чемъ теперь просить тебя хочу я.

Башка. Когда же я долженъ исполнить это?

Биронъ. Сегодня послѣ обѣда.

Башка. Извольте, будетъ исполнено. Прощайте!

Биронъ. Да, вѣдь, я еще не сказалъ тебѣ, въ чемъ дѣло.

Башка. Узнаю, когда сдѣлаю.

Биронъ. Перестань, бездѣльникъ, ты долженъ узнать прежде, а потомъ исполнить.

Башка. Я пріѣду къ вашей милости завтра утромъ.

Биронъ.

Нѣтъ, сдѣлаться должно сегодня
Предъ вечеромъ. Вотъ дѣло въ чемъ: принцесса
Охотиться пріѣдетъ въ этотъ паркъ,
И въ свитѣ у нея одну ты встрѣтишь
Красавицу. Когда уста хотятъ
Прелестный звукъ издать, то произносятъ
Названіе ея— и Розалиной
Ее зовутъ. Ты отыщи ее,
И эту запечатанную тайну
Ей въ ручку бѣлоснѣжную вложи.
А вотъ тебѣ за трудъ твой—гонорарій.

Башка. Гонорарій! О, милый гонорарій! Это лучше чѣмъ ретрибуція—на одиннадцать съ половиною пятаковъ лучше! Ми-

лѣйшій гонорарій—Исполню все, мессеръ,
какъ по печатному. Гонорарій! Ретрибуція!
(*Уходитъ*).

Бирономъ.

Да, я влюбленъ, сомнѣнья нѣтъ—я, бывшій
Бичомъ любви, казнившій, какъ палачъ,
Любовныя стенанья—Я, служившій
И цензоромъ, и полицейскимъ стражемъ,
И деспотомъ-учителемъ тому
Ребенку, предъ которымъ каждый смертный
Склоняется въ смиреніи—ему,
Ребенку своенравному, слѣпому,
Плаксивому, мальчишкѣ-старику,
Гиганту-карлику, донъ-Купидону,
Правителю сонетовъ въ честь любви,
Властителю объятій, государю
Законному тяжелыхъ вздоховъ, слезъ,
Владыкѣ недовольныхъ и лѣнтяевъ,
Монарху юбокъ, королю штановъ,
Царящему надъ всѣмъ, какъ императоръ
Единственный!—О, милое дитя!
И мнѣ судьба велѣла быть капраломъ
Въ твоихъ войскахъ и на себѣ носить
Твои цвѣта, какъ площадному шуту.
Какъ! я люблю? какъ! я ищу жену—
Жену, что, какъ извѣстно, вѣчно схожа
Съ нѣмецкими часами: какъ ты ихъ
Ни заводи—идти не могутъ вѣрно
И требуютъ поправки каждый день.
А главное и худшее—нарушить
Свой клятвенный обѣтъ—и, наконецъ,
Ту полюбить, что хуже всѣхъ: созданье
Съ лицомъ, какъ снѣгъ, съ бровями, какъ агатъ,
Съ двумя шарами смоляными въ видѣ
Двухъ глазъ... И, чортъ меня возьми, она
Одна изъ тѣхъ, которая исполнитъ,
Что вздумаетъ, хоть Аргуса приставь
Къ ней сторожемъ и евнухомъ! И что жъ!
Я, я по ней вздыхаю, я слѣжу
Вездѣ за ней, молюсь о ней! Что жъ дѣлать!
Должно-быть, Купидонъ меня казнитъ
За то, что я его всесильнымъ, грознымъ
И маленькимъ могуществомъ всегда
Пренебрегалъ. Пусть такъ. Теперь томиться,
Любить, писать, вздыхать, молиться буду я...
Кто любитъ барыню, а кто слугу ея.
(*Уходитъ*).

Французскій придворный костюмъ конца XVI вѣка.
(Современный портретъ Людвига IX).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Другая часть парка.

Входятъ ПРИНЦЕССА *со свитой*, ЛѢСНИЧІЙ, БОЙЕ, РОЗАЛИНА, МАРІЯ И КАТАРИНА.

ПРИНЦЕССА.

Скажите, это государь такъ шибко
Гналъ своего коня на холмъ крутой?

БОЙЕ.

Навѣрное не знаю я, принцесса,
Но кажется, что это былъ не онъ.

ПРИНЦЕССА.

Кто бъ ни былъ онъ— но все въ немъ обличало
Парящій духъ. Итакъ, мессеры, насъ
Сегодня отпускаютъ, а въ субботу
Во Францію поѣдемъ мы. Теперь,
Почтеннѣйшій лѣсничій, покажите,
Гдѣ лѣсъ, куда могли бы мы пойти,
Чтобъ роль убійцъ играть.

ЛѢСНИЧІЙ.

Тутъ недалеко,
На томъ концѣ вотъ этой рощи; тамъ
Прекрасная у васъ охота будетъ.

ПРИНЦЕССА.

Прекрасная!—Ты этимъ намекаешь
На красоту мою? Я хороша,
Охотиться сбираюсь—потому-то
Ты говоришь, что насъ охота ждетъ
Прекрасная.

ЛѢСНИЧІЙ.

Простите мнѣ, принцесса!
Но я совсѣмъ не то намѣренъ былъ сказать

ПРИНЦЕССА.

Какъ! восхвалить сперва, а послѣ отрицать!
О, слава краткая! Слова твои ужасны.
Я не красавица? О, горе!

ЛѢСНИЧІЙ.

Вы прекрасны.

ПРИНЦЕССА.

Нѣтъ, перестань меня прикрашивать. Кому
Богъ не далъ красоты—не дашь ее тому
Словами похвалы. За искренность отвѣта,
О зеркало мое, возьми себѣ вотъ это.
(Даетъ ему денегъ).
За скверныя слова червонецъ добрый дать—
Ужъ это черезъ-чуръ роскошно награждать.

ЛѢСНИЧІЙ.

Въ васъ, кромѣ красоты, ничто не обитаетъ.

ПРИНЦЕССА.

Какъ красоту мою здѣсь золото спасаетъ!
О, ересь страшная въ сужденьи красоты!
Какъ нынѣшнихъ временъ вполнѣ достойна ты!
Какъ ни скверна рука дающая—но знайте,
Хвалителя всегда найдетъ она. Подайте
Мой лукъ мнѣ; доброта уходитъ убивать,
А злыми мы зовемъ умѣющихъ стрѣлять.
Но я въ стрѣльбѣ себя не уроню ни мало:
Коль въ цѣль не попаду, то, значитъ, помѣшало
Мнѣ состраданіе; удастся застрѣлить—
То это сдѣлано, чтобъ только заявить
Умѣніе стрѣлять, и больше по влеченью
Къ пріятнымъ похваламъ, чѣмъ страсти къ истребленью.
Вѣдь, неоспоримо, что доблесть иногда
На гнусныя дѣла пускается, когда,
Прельщаясь славою и громкой похвалою,
Къ нимъ устремляемся мы всей своей душою.
Вотъ такъ и я теперь, изъ-за того, чтобъ дань
Похвалъ себѣ добыть, убить сбираюсь лань
Несчастную, хотя ей не желаю, право,
Дурного ничего.

БОЙЕ.

Не изъ желанья ль славы
И злая женщина стремится лишь къ тому,
Чтобъ стать владычицей супругу своему?

ПРИНЦЕССА.

Конечно, такъ—и та, что мужа въ подчиненье
Умѣетъ привести, достойна восхваленья.

БОЙЕ. Къ намъ идетъ одинъ изъ членовъ республики.

Входитъ БАШКА.

БАШКА. Добраго вечера всей компаніи! Позвольте васъ спросить, гдѣ здѣсь дама, стоящая во главѣ всѣхъ?

ПРИНЦЕССА. Ты можешь ее узнать, пріятель, по остальнымъ, которыя всѣ безъ головъ.

БАШКА. Какая самая главная? Самая высокая?

ПРИНЦЕССА. Самая толстая и самая длинная.

БАШКА.

И толстая, и длинная; да, такъ:
Что правда—остается вѣчно правдой.
Будь ваша талія узка, какъ умъ мой, вамъ
Пришелся бъ поясокъ одной изъ этихъ дамъ.
Не вы ль здѣсь главная? Вѣдь, несомнѣнно,
Вы толще всѣхъ.

ПРИНЦЕССА.

Въ чемъ дѣло? дѣло въ чемъ?

БАШКА.

Графъ Бирон написалъ къ дѣвицѣ Розалинѣ
Письмо, и присланъ я сюда по той причинѣ.

ПРИНЦЕССА.

О, дай письмо скорѣй! Всегда былъ другомъ мнѣ
Графъ Бирон. Ты, посолъ любезный, къ сторонѣ
Покамѣстъ отойди. Мессеръ Бойе, возьмите
И распечатайте.

БОЙЕ.

Исполню, какъ велите;
Но не по адресу письмо принесено:
Къ Жакнеттѣ, а не къ намъ, написано оно.

ПРИНЦЕССА.

И все-таки, клянусь, его мы прочитаемъ.
Ломайте же печать, читайте—мы внимаемъ.

БОЙЕ *(читаетъ)*. Клянусь небомъ, совершенно неоспоримо, что ты прекрасна, несомнѣнно, что ты прелестна, и истинно, какъ сама истина, что ты мила. О, ты, превосходящая красотой красоту, прелестью прелесть, правдивостью самую правду, сжалься надъ твоимъ героемъ-вассаломъ! Достославный и доблестнѣйшій король Кофетуа остановилъ свои взоры на пагубной и несомнѣнной нищей Зенелофонъ—а онъ былъ именно тотъ, который имѣлъ полное право сказать: *veni*, *vidi*, *vici*, что, въ переводѣ на языкъ черни—о, презрѣнная и невѣжественная чернь!—означаетъ: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ. Пришелъ—разъ; увидѣлъ—два; побѣдилъ—три. Кто пришелъ? король. Для чего онъ пришелъ? чтобы увидѣть. Для чего онъ увидѣлъ? чтобы побѣдить. Къ кому онъ пришелъ? къ нищей. Кого увидѣлъ? нищую. Кого побѣдилъ? нищую. Въ результатѣ—побѣда. На чьей сторонѣ? На сторонѣ короля. Порабощенное—обогащено. На чьей сторонѣ это обогащеніе? На сторонѣ нищей. Катастрофа заключается въ бракѣ. Съ чьей стороны? Со стороны короля? Нѣтъ, со стороны обоихъ въ одномъ или одного въ обоихъ. Я—король, ибо такъ указываетъ сравненіе; ты—нищая, ибо это доказывается твоимъ низкимъ общественнымъ положеніемъ. Повелѣть ли тебѣ любить меня? Я могъ бы это сдѣлать. Пріобрѣсть ли твою любовь насильно? И это я могъ бы сдѣлать. Умолять ли тебя о

„Безплодныя усилія любви“ (Дѣйствіе IV, сцена II).

Картина извѣстнаго англійскаго живописца Уэтли (Wheatley, 1747 - 1801) (Малая Бойделевская галлерея).

любви? Вотъ это я сдѣлаю. На что промѣняешь ты свои лохмотья?—на красивыя платья; свое ничтожество? — на почести; самое себя? — на меня. Итакъ, ожидая твоего отвѣта, профанирую мои губы на твоихъ ногахъ, мои глаза на твоемъ лицѣ, мое сердце на всѣхъ частяхъ твоего тѣла.

Твой, съ глубочайшимъ желаніемъ служить тебѣ,

донъ-Адріано де-Армадо.

Овечка, слышишь ли, какъ левъ немейскій тамъ
Реветъ, ища тебя, что выбрана судьбою
Въ добычу грозному? Пади къ его стопамъ,
И онъ, насытившись, придетъ играть съ тобою;
Но если станешь ты сопротивляться—вѣрь,
Бѣдняжка, съѣстъ тебя въ берлогѣ лютый звѣрь.

Принцесса.

Какими перьями украшенъ тотъ, кто эти
Воззванья начерталъ? Найдется ли на свѣтѣ
Забавнѣй что-нибудь? Какой же флюгерокъ,
Какая мельница—виновникъ этихъ строкъ?

Бойе.

Коль не ошибся я, мнѣ слогъ знакомъ.

Принцесса.

Когда бы
Его забыли вы, то были бъ слишкомъ слабы
Вы памятью; прошло, вѣдь, пять минутъ всего,
Какъ вы прочли письмо.

Бойе.

Да, сочинилъ его
Испанскій кавалеръ Армадо. Онъ бываетъ
Здѣсь часто при дворѣ и очень потѣшаетъ,
Какъ фантазеръ и шутъ, монарха самого
И всѣхъ учащихся сотрудниковъ его.

Принцесса *(Башкѣ)*.

Поди-ка ты сюда и удостой отвѣтомъ:
Кто далъ тебѣ письмо?

Башка.

Докладывалъ объ этомъ
Ужъ прежде я; сюда съ письмомъ меня послалъ
Мой господинъ.

Принцесса.

Кому жъ отдать онъ приказалъ?

Башка.

Письмо отъ графа къ госпожѣ.

Принцесса.

Отъ графа?
Какого же и къ госпожѣ какой?

Башка.

Отъ графа Бирона, большого господина,
Къ французской барышнѣ—а звать ихъ Розалина.

Принцесса.

Ты не туда попалъ. Что жъ, господа, идемъ!
(Розалинѣ).
Утѣшься—и къ тебѣ придетъ посолъ съ письмомъ.
(Уходитъ со свитою).

Бойе.

Кто это выстрѣлить сбирается?

Розалина.

Хотите,
Чтобъ я сказала вамъ?

Бойе.

О, да, скорѣй скажите
Вы, столько красоты носящая въ чертахъ.

Розалина.

Та, у которой лукъ вы видѣли въ рукахъ.
Ударъ, вѣдь, отраженъ недурно?

Бойе.

Принцесса губитъ тамъ рога своей стрѣлою:
Рискни же кто-нибудь назвать ее женою—
На висѣлицу я сейчасъ идти готовъ,
Коль будетъ въ этотъ годъ неурожай роговъ
Ударъ, вѣдь, отраженъ недурно?

Розалина.

Такъ я сама стрѣлокъ.

Бойе.

А кто олень?

Розалина.

Вы сами,
Коль это прозвище онъ заслужилъ рогами.
Ударъ, вѣдь, отраженъ недурно?

Марія.

Вы съ ней все ссоритесь—и въ лобъ васъ бьетъ она.

Бойе.

Но ниже лба за-то сама поражена.

Розалина. Хотите, чтобъ я напала на васъ старымъ припѣвомъ, который былъ взрослымъ человѣкомъ уже въ то время, когда король Пепинъ былъ еще ребенкомъ?

Бойе. Я могъ бы отразить это нападеніе такою же старою поговоркою, которая была взрослою женщиной уже въ то время, когда

королева Жиневра британская была еще маленькой дѣвочкой.

Розалина.

Ты не можешь, не можешь, не можешь попасть,
Ты не можешь попасть, мой любезный.

Бойе.

Если я не могу, не могу, не могу,
То другой, безъ сомнѣнія, можетъ.
(Розалина и Катерина уходятъ).

Башка.

Ну, ужъ забавники, и глазъ какой, вѣдь, мѣткій:
Прицѣлъ-то, вѣдь, какой!

Марія.

Да, это выстрѣлъ рѣдкій.
Попали прямо въ цѣль.

Бойе.

Попали въ цѣль! Скорѣй
Замѣтимъ это мы.

Марія.

Но это, вѣдь, о ней
Я только говорю; а вы лѣвѣе взяли,
Чѣмъ слѣдовало вамъ.

Башка.

Да, вы напрасно стали
Такъ далеко: вблизи вѣрнѣй бы выстрѣлъ былъ.

Бойе.

Ну, нѣтъ, я свой зарядъ ей въ самый центръ всадилъ.

Марія.

Мессеръ, мессеръ, слова такія слишкомъ грубы:
Ихъ неприличностью вы пачкаете губы!

Башка.

Вамъ съ ней не справиться: ишь, какъ она жива!

Бойе.

Ты правъ. Прощай, моя добрѣйшая сова!
(Бойе и Марія уходятъ).

Башка.

Вотъ дуренъ, вотъ чурбанъ! Ахъ, Богъ мой, ахъ, Создатель!
Какъ эти барыни и я тебя, пріятель,
Отдѣлали! Такихъ затѣйливыхъ остротъ
Не слышалъ въ жизни я! Вотъ умъ-то! Какъ течетъ
Онъ плавно и легко, и грязно, и свободно!
Армадо! Какъ въ немъ все изящно-благородно!
Вѣдь, стоитъ посмотрѣть, какъ щегольски идетъ
Онъ передъ дамами, какъ вѣеръ ихъ несетъ,
Какъ нѣжный поцѣлуй рукою посылаетъ
И какъ плѣнительно въ любви ихъ увѣряетъ!
А пажъ-то! Пригоршня ума и остроты!
О, небо, какъ ты милъ, какъ патетиченъ ты!
(За сценою слышны звуки роговъ. Башка бѣжитъ крича: „го-ла! го-ла!“).

СЦЕНА II.

Тамъ же.

Входятъ Олоферъ, Натаніилъ *и* Тупица.

Натаніилъ. Воистину, охота была весьма почтенная и исполненная по свидѣтельству доброй совѣсти.

Олоферъ. Олень былъ, какъ вамъ извѣстно, *sanguis*—въ крови. Онъ былъ зрѣлъ, какъ водяное яблоко, которое, глядишь, виситъ, точно брильянтъ, на ухѣ *coelo*, неба, тверди—и вдругъ падаетъ, какъ дикій плодъ, на лицо *terra*, почвы, материка, земли.

Натаніилъ. Воистину, почтеннѣйшій Олоферъ, вы наипріятнѣйшимъ образомъ разнообразите эпитеты, походя въ семъ случаѣ по меньшей мѣрѣ на ученаго. Но смѣю васъ увѣрить, что это былъ не олень, а двухлѣтній козленокъ.

Олоферъ. Уважаемый Натаніилъ, *haud credo*.

Тупица. Нѣтъ, не *haud credo*, а козленокъ.

Олоферъ. Въ высшей степени варварское противопоставленіе! И въ то же время нѣчто въ родѣ инсинуаціи, желанія какъ бы *in via*, путемъ объясненія, *facere*, какъ бы возраженіе, или, вѣрнѣе выражаясь, *ostentare*, показать какъ бы свое умонаправленіе и по своему невѣжественному, неполированному, невоспитанному, необработанному, неразвитому или, вѣрнѣе, неграмотному, или, еще вѣрнѣе, неблагонадежному способу сравнить мое *haud credo* съ животнымъ.

Тупица. Я говорю, что это животное было не *haud credo*, а козленокъ.

Олоферъ. Дважды повторенная аглуиость *bis coctus*! О, чудовищное невѣжество! Въ какомъ безобразіи представляешься ты!

Натаніилъ. Почтенный Олоферъ, онъ никогда не питался лакомствами, кои таятся

въ нѣдрахъ книгъ; никогда, если можно такъ выразиться, не ѣлъ бумаги и не пилъ чернилъ; разумъ его не насыщенъ; онъ не что иное, какъ животное, въ которомъ подвержены чувствительности только грубыя части.
И знайте, при видѣ подобныхъ растеній, растущихъ безплодно,
Мы, въ коихъ всѣ чувстваи вкусы развиты весьма благородно,
Должны быть признательны вѣчно за то, что отъ этихъ даровъ
Въ насъ больше гораздо, чѣмъ въ этомъ невѣждѣ, родится плодовъ.
Вѣдь, мнѣ точно такъ же не кстати быть глупымъ, хвастливымъ мальчишкой,
Какъ было бы странно невѣжду увидѣть за мудрою книжкой.
Но я, *ome bene*, скажу, чтобъ старинную вещь повторить:
„Иные не жалуютъ вѣтра, а бурю способны сносить".

Тупица.

Вотъ вы два ученые мужа; найду ли у васъ разрѣшенье
Такого вопроса: скажите—кто мѣсяцъ имѣлъ отъ рожденья
Въ тотъ день ужъ, какъ Каинъ родился на свѣтъ—
И все еще пятой недѣли ему отъ рожденія нѣтъ?

Олофернъ. Это Диктинна, добрѣйшій Тупица; Диктинна, добрѣйшій Тупица.

Тупица. Что это за Диктинна?

Натаніилъ. Это—титулъ Фебэ, луны, мѣсяца.

Олофернъ.

Имѣла отъ роду луна лишь тридцать дней,
Когда по возрасту Адамъ былъ равенъ съ ней,
Но онъ успѣлъ прожить сто лѣтъ,
А ей пяти недѣль и по сю-пору нѣтъ.

Аллюзія остается та же самая, несмотря на перемѣну именъ.

Тупица. Совершенно справедливо. *Иллюзія* не перемѣнила именъ.

Олофернъ. Да разовьетъ Господь твои способности! Я говорю, что *аллюзія* остается та же самая, несмотря на перемѣну именъ.

Тупица. И я говорю то же самое, ибо луна никогда не бываетъ больше мѣсяца отъ роду; и, сверхъ того, я говорю, что животное, котораго убила принцесса, былъ козленокъ.

Олофернъ. Достопочтенный Натаніилъ, угодно вамъ прослушать эпитафію, написанную мною экспромптомъ на смерть этого животнаго? Чтобы принаровиться къ пониманію неразвитыхъ людей, я назвалъ животное, которое застрѣлила принцесса, козломъ.

Натаніилъ. *Perge*, достопочтеннѣшій Олофернъ, *perge*; только устраните всякое шутовство.

Олофернъ. Въ этомъ стихотвореніи я отчасти играю словами, ибо это доказываетъ легкость въ стихотворствѣ.

Принцесса, склонная ко злу,
Стрѣлою смерть дала козлу;
Была принцесса крѣпко зла
Давно на этого козла;
И къ ней взываютъ всѣ козлы:
„Прицесса, вы, однако, злы!"

Натаніилъ. Рѣдкое дарованіе!

Тупица *(въ сторону)*. Да, сущее надрыванье.

Олофернъ. Эта способность, которою я надѣленъ—простая, простая способность. Это ужъ такой складъ ума, причудливый, своенравный, преисполненный формами, фигурами, образами, предметами, идеями, представленіями, порывами, переворотами; все это зарождается во чревѣ памяти, получаетъ питаніе въ нѣдрахъ *pia mater* и выводится на свѣтъ зрѣлостью удобнаго случая. Но сія способность хороша тогда, когда она остра, и я благодарю Бога за то, что надѣленъ ею.

Натаніилъ. И я благословляю Создателя за васъ. Точно то же дѣлаютъ и мои прихожане, ибо вы прекрасно воспитываете ихъ сыновей, а дочери ихъ преуспѣваютъ подъ вашимъ наблюденіемъ. Вы прекрасный членъ нашей республики.

Олофернъ. *Me hercule*! Если ихъ сыновья не глупы, они получаютъ хорошее образованіе; если ихъ дочери имѣютъ способности, я ихъ приспособлю, какъ слѣдуетъ. Но *vir sapit, qui pauca loquitur:* къ намъ идетъ женская душа.

Входятъ Башка *и* Жакнетта.

Жакнетта. Добраго здоровья, батюшка!

Олофернъ. Сознаешь ли ты, почему нызываешь его батюшкой?

Башка. Я полагаю потому, что они были близко знакомы съ ея матушкой.

Олофернъ. Каково! Вижу достаточную долю остроумія въ комкѣ земли, достаточно огня въ кремнѣ, достаточно жемчуга въ свиньѣ. Недурно, мило!

Жакнетта. Почтенный господинъ пасторъ, будьте такъ добры, прочтите мнѣ это письмо; мнѣ отдалъ его Башка, а прислалъ

донъ-Армадо. Покорнѣйше васъ прошу прочесть его.

Олоферн. *Fauste, precor gelida quando pecus omne sub umbra ruminat*—и такъ далѣе. О, добрый, старый мантуанецъ! Я могу сказать о тебѣ то, что путешественникъ говоритъ о Венеціи:

Vinegia, Vinegia,

Chi non te vede non te pregia!

Старый мантуанецъ! старый мантуанецъ! Кто не понимаетъ тебя, тотъ не любитъ тебя! Ut, re, sol, la, mi, fa. Смѣю спросить, господинъ пасторъ, какое содержаніе этого письма, или, вѣрнѣе, какъ говоритъ Горацій въ своемъ... чѣмъ изображено оно? стихами?

Натаніилъ. Да, стихами—и весьма учеными.

Олоферн. Дозвольте выслушать одинъ стансъ, одну строфу, одинъ стихъ. Lege, domine.

Натаніилъ *(читаетъ)*.

Могу ль въ любви я клясться, когда любовь моя
Велѣла мнѣ нарушить все то, въ чемъ клялся я?
Ненарушимы только бываютъ клятвы тѣ,
Которыя даемъ мы высокой красотѣ!
Хотя передъ собою клятвопреступникъ я,
Тебѣ же буду вѣренъ, прекрасная моя!
Что дубомъ мнѣ казалось—ты клонишь, какъ тростникъ;
Наука забываетъ свой сбивчивый языкъ,
И въ книгу превращаетъ твои глаза она:
Та книга наслажденій божественныхъ полна.
Коль знанье служитъ цѣлью, то, чтобъ достичь ее,
Тебя узнать лишь стоитъ, о, божество мое!
Ученъ языкъ, на коемъ умна и хороша
Хвала тебѣ; коснѣетъ въ невѣжествѣ душа,
Что безъ восторга смотритъ на образъ твой.
Моя
Вся слава въ томъ, что понялъ твою всю прелесть я.
Твой взглядъ—огонь Зевеса, твой голосъ—громъ его,
Но музыкою чудной для слуха моего
Является тотъ голосъ, когда не гнѣвна ты.
Прости, прости мнѣ, ангелъ небесной красоты,
За то, что я дерзаю, въ безуміи своемъ,
Слагать хвалу въ честь неба на языкѣ земномъ!

Олоферн. Вы не соблюдаете удареній, и потому не придаете словамъ должнаго выраженія. Дайте-ка мнѣ просмотрѣть эту канцону. Здѣсь соблюдено только число стопъ, но что касается изящества, легкости и золотого каданса поэзіи, то это все—*caret*. Овидій Назонъ былъ мастеръ этого дѣла. А почему именно онъ назывался Назонъ? потому именно, что умѣлъ обнять благоуханные цвѣты фантазіи, порывы творчества. *Imitari* — ничего не значитъ,—и собака подражаетъ своему господину, обезьяна—своему сторожу, осѣдланная лошадь—своему всаднику. Но, дѣвственная damosella, скажите, это письмо адресовано къ вамъ?

Жакнетта. Точно такъ, нѣкіимъ домомъ-Армадо.

Олоферн. Бросимъ взглядъ на адресъ. *Бѣлоснѣжной рукѣ наипрекраснѣйшей дѣвицы Розалины.* Взгляну снова въ содержаніе письма, дабы узнать имя написавшаго сіе письмо вышепоименованной особѣ. „*Вамъ вѣчно преданный слуга, Бирономъ*“. Мессеръ Натаніилъ, этотъ Бирономъ одинъ изъ товарищей короля по клятвѣ, и это письмо онъ написалъ одной изъ фрейлинъ иноземной королевы, а оно случайно, или путемъ прогрессіи, попало на иную дорогу. *(Жакнеттѣ)*. Бѣги бѣгомъ, моя милая, и отдай эту бумагу въ царственныя руки короля; она, можетъ-быть, имѣетъ большую важность. Не замедляй своего отхода прощальными церемоніями: освобождаю тебя отъ этой обязанности. Прощай!

Жакнетта. Добрый Башка, пойдемъ со мною. *(Олоферну)*. Да сохранитъ Богъ вашу жизнь, сударь!

Башка. Я весь твой, дитя мое.

(Башка и Жакнетта уходятъ).

Натаніилъ. Мессеръ, вы поступили весьма религіозно, въ страхѣ Божьемъ—и, какъ говоритъ одинъ святой отецъ...

Олоферн. Не говорите мнѣ объ отцахъ: я боюсь ложныхъ красокъ. Вернемся, однако, къ стихамъ. Понравились они вамъ мессеръ Натаніилъ?

Натаніилъ. Превосходное изложеніе.

Олоферн. Сегодня я обѣдаю у отца одного изъ моихъ учениковъ; если вамъ будетъ угодно притти туда и, прежде чѣмъ мы сядемъ за столъ, произнести благословеніе трапезѣ, то я, въ силу привилегіи, которую имѣю надъ родителями вышереченнаго ребенка или ученика, ручаюсь вамъ, что вы будете benvenuto. И тамъ я вамъ докажу, что эти стихи весьма невѣжественны и не обладаютъ ни поэтическимъ запахомъ, ни умомъ, ни творчествомъ. Умоляю васъ сдѣлать мнѣ компанію.

Натаніилъ. А я покорно благодарю васъ, ибо компанія, говорится въ писаніи, составляетъ счастье жизни.

Олоферпъ. И слова эти непогрѣшительно справедливы. *(Тупицѣ)*. Почтеннѣйшій, я и васъ приглашаю; не отказывайтесь. Pauca verba. Идемъ. Господа теперь на охотѣ—и мы можемъ отдохнуть. *(Уходятъ)*.

СЦЕНА III.

Другая часть парка.

Входитъ Бирон *съ бумагой въ рукахъ.*

Бирон. Король гонится за оленемъ, а я—за самимъ собою. Они разставляютъ сѣти, а я увязъ въ смолѣ—въ смолѣ, которая пачкаетъ. Пачкаетъ—какое скверное слово! Дѣлать нечего. Садись около меня, о, печаль моя! Такъ говорилъ шутъ, и такъ говорю я—тоже шутъ. Ты часто разсуждаешь, о, умъ мой! Клянусь Богомъ, эта любовь безумна, какъ Аяксъ: она убиваетъ овецъ; она убиваетъ меня—барана. Вотъ еще одно прекрасное разсужденіе! Нѣтъ, не хочу любить. Пусть меня повѣсятъ, если я буду любить. Рѣшительно не хочу. Но ея глазъ... Клянусь небеснымъ свѣтомъ, не будь ея глаза, не будь ея двухъ глазъ, я не любилъ бы ее! Ахъ, я только и дѣлаю, что лгу—лгу передъ самимъ собою. Клянусь небомъ, я люблю—и любовь научила меня слагать стихи и быть меланхоличнымъ. И вотъ образчикъ моихъ стиховъ и моей меланхоліи. Впрочемъ, одинъ изъ моихъ сонетовъ уже въ ея рукахъ: шутъ отнесъ его, дуракъ послалъ его, дѣвушка получила его. Милый шутъ, еще болѣе милый дуракъ, милѣйшая дѣвушка! Богъ свидѣтель, это меня нисколько бы не безпокоило, еслибы съ остальными тремя случилось то же самое. Вотъ идетъ одинъ изъ нихъ съ какою-то бумагой. Да благословитъ его Господь способностью вздыхать.

(Взлѣзаетъ на дерево).

Входитъ король *съ бумагой.*

Король. О, горе мнѣ!

Бирон *(въ сторону)*. Раненъ, клянусь небомъ! Продолжай, милый Купидонъ! Ты попалъ ему твоею стрѣлою подъ лѣвую грудь. Что это онъ читаетъ?

Король *(читаетъ)*.

„Не такъ плѣнительно лучъ солнца золотой
Розъ листья влажные въ часъ утренній лобзаетъ,
Какъ на щекахъ моихъ, окропленныхъ росой,
Лучами свѣжими твой чудный взглядъ играетъ.
Не такъ луна, въ лучахъ серебряныхъ своихъ,
Сквозь грудь прозрачную морской волны сверкаетъ,
Какъ красота твоя сквозь рѣки слезъ моихъ!
Ахъ, у меня она во всѣхъ слезахъ блистаетъ!
Побѣдно ты царишь надъ горестью моей;
Мой каждый вздохъ несетъ тебя, какъ колесница.
Взгляни въ мою слезу—и ты увидишь въ ней
Свой блескъ сквозь скорбь мою, души моей царица!
Не полюби меня—и зеркало себѣ
Найдешь въ моихъ слезахъ: я плачу безконечно.
Царица изъ царицъ, какъ чудно все въ тебѣ—
Не выскажетъ языкъ, умъ не представитъ вѣчно!"
Какъ дать ей знать о горести моей?
Оставлю здѣсь бумагу эту. Листья
Прекрасные, покройте вашей тѣнью
Безуміе. Но кто идетъ сюда? *(Прячется)*.

Входитъ Лонгвиль *съ бумагой.*

Король *(въ сторону)*.

Лонгвиль! И онъ читаетъ! Слушай, ухо!

Бирон *(въ сторону)*.

Ну, вотъ еще является одинъ
Помѣшанный, по моему примѣру.

Лонгвиль.

О, горе мнѣ: нарушилъ клятву я!

Бирон *(въ сторону)*.

Дѣйствительно, онъ, какъ клятвопреступникъ,
Пришелъ сюда съ бумажнымъ ярлыкомъ.

Король *(въ сторону)*.

И онъ влюбленъ, надѣюсь. Какъ отрадно
Сообщество въ позорѣ!

Бирон *(въ сторону)*.

Пьяный съ пьянымъ—
Всегда друзья.

Лонгвиль.

Ужели прежде всѣхъ
Я преступилъ обѣтъ?

Бирон *(въ сторону)*.

Тебя утѣшить
Я могъ бы, другъ: такихъ двоихъ я знаю.

Тріумвиратъ ты довершилъ: ты сталъ
Въ компаніи послѣдней капителью,
Верхушкою того шеста любви,
Гдѣ мы втроемъ повѣсились такъ глупо.

Лонгвиль.

Ахъ, я боюсь, что стихъ мой слишкомъ грубъ,
Чтобъ взволновать ее! О, другъ, Марія,
Владычица моей любви! Хочу
Порвать стихи и написать ей прозой.

Бироиъ *(въ сторону).*

Стихи—шитье, что носитъ на штанахъ
Франтъ-Купидонъ. Не порть его костюма.

Лонгвиль.

Нѣтъ, ничего, сойдутъ мои стихи. *(Читаетъ).*
Небесная реторика прекрасныхъ глазъ твоихъ,
Что словъ опроверженія не терпитъ никакихъ,
Одна меня заставила обѣтъ мой преступить;
Изъ-за тебя измѣнника нельзя, нельзя казнить.
Отъ женщинъ всѣхъ отрекся я, но ты, вѣдь, божество—
И, значитъ, не нарушилъ я обѣта моего;
Ты—существо небесное, обѣтъ мой былъ земной,
Твоею благодатію грѣхъ искупаю мой.
Обѣтъ дыханье легкое, дыханье только дымъ,
Ты, солнце на землѣ моей, сіяніемъ своимъ
Въ себя втянула легкій дымъ обѣта моего,
И, значитъ, не виновенъ я, что преступилъ его.
Да хоть бы такъ! И глупому понять не мудрено,
Что клятвою пожертвовать для рая не грѣшно.

Бироиъ *(въ сторону).*

Вотъ печень какъ работаетъ! Изъ мяса
Мы дѣлаемъ богиню; въ божество
Утенка превращаемъ. Боже, Боже,
Помилуй насъ! Въ язычество совсѣмъ
Мы перешли, съ прямой дороги сбились.

Лонгвиль.

Съ кѣмъ отослать бы ей? Сюда идутъ.
Скорѣе спрячусь. *(Отходитъ).*

Бироиъ *(въ сторону).*

Всѣ играютъ въ прятки:
Припомнили забаву дѣтскихъ лѣтъ.
Какъ полу-богъ, я въ облако забрался
И съ вышины взираю на глупцовъ
Съ ихъ тайнами несчастными. О, Боже!
Еще мѣшокъ на мельницу! Сбылось
Желаніе мое!

Входитъ Дюменъ *съ бумагой.*

Бироиъ *(въ сторону).*

Преобразился
И ты, Дюменъ! На блюдѣ на одномъ
Четыре кулика!

Дюменъ.

О, Катя, Катя
Небесная!

Бироиъ *(въ сторону).*

О, негодяй земной!

Дюменъ.

Свидѣтель Богъ, какъ чудо, ты чаруешь
Глаза людей!

Бироиъ *(въ сторону).*

Клянусь землей, ты лжешь!
Она вся создана изъ тѣла.

Дюменъ.

Амбра
Предъ амброю ея волосъ—ничто.

Бироиъ *(въ сторону).*

Вотъ чудеса! Ворона—цвѣта амбры!

Дюменъ.

Она стройна, какъ кедръ.

Бироиъ *(въ сторону).*

Да перестань:
У ней плечо—беременное точно.

Дюменъ.

Она свѣтла, какъ день.

Бироиъ *(въ сторону).*

Да, какъ тѣ дни,
Въ которые совсѣмъ не свѣтитъ солнце.

Дюменъ.

Ахъ, если бы сбылось мое желанье!

Лонгвиль *(въ сторону).*

Ахъ, и мое!

Король *(въ сторону).*

Ахъ, Боже, и мое!

Бироиъ *(въ сторону).*

Аминь, съ моимъ пусть то же совершится!
Вотъ славная молитва!

Дюменъ.

Я бъ хотѣлъ
Забыть ее, но, ахъ, какъ лихорадка,
Въ моей крови господствуетъ она
И позабыть себя не позволяетъ!

Бироиъ *(въ сторону).*

Коль это лихорадка, такъ должны
Вы кровь пустить—и въ суповую чашку
Все выльется. О, несравненный бредъ!

Дюменъ.

Прочту опять мое стихотворенье.

Бироиъ *(въ сторону).*

Взгляну опять, какъ дѣйствуетъ любовь.

Дюменъ *(читаетъ).*

„Однажды—о бѣдное сердце, страдай!—
Любовь, для которой всѣ мѣсяцы—май,
Увидѣла чудно-прекрасный цвѣтокъ,
Съ которымъ любовно игралъ вѣтерокъ.
Незримо и тихо струи вѣтерка
Входили сквозь бархатъ листочковъ цвѣтка.
Влюбленный въ смертельномъ недугѣ страдалъ
И неба дыханью завидовать сталъ.
„О, воздухъ, сказалъ онъ, ты воленъ дышать!
Ахъ, еслибъ побѣду и мнѣ одержать!
Но, роза, рука поклялася моя,
Что тронуть тебя не осмѣлюся я!“
О, страшная клятва для юныхъ годовъ,
Столь жадныхъ къ срыванію свѣжихъ цвѣтовъ!
Коль клятву нарушу для этой любви—
Ты этотъ поступокъ грѣхомъ не зови!
Юпитеръ—и тотъ бы назвалъ предъ тобой
Юнону свою эфіопкой простой,
Отрекся бъ Юпитерства онъ и, любя,
Охотно бъ сталъ смертнымъ, чтобъ славить тебя!“
Вотъ это къ ней пошлю я, и при этомъ
Еще письмо попроще, чтобъ она
Могла понять глубокія страданья
Моей любви. О, еслибъ государь
И Бироиъ, и Лонгвиль влюбились тоже!
Одна вина служила бы примѣромъ
Винѣ другой и съ моего чела
Позорное клеймо измѣны стерла бъ.
Тамъ каждый правъ, гдѣ виноваты всѣ.

Лонгвиль *(выходя на сцену).*

Дюменъ, твоя любовь немилосердна,
Сообщниковъ желая для своихъ
Тяжелыхъ мукъ; блѣднѣй ты, сколько хочешь,
Но я бы непремѣнно покраснѣлъ,
Когда бъ меня подслушали, поймали
Въ такомъ бреду.

Король *(выходя).*

Ну, такъ краснѣй; вѣдь, ты
Въ такомъ же положеньи и, Дюмена
Браня, ты самъ грѣшишь вдвойнѣ. Ну да,
Ты не влюбленъ въ Марію; въ честь Маріи
Мессеръ Лонгвиль сонетовъ не слагалъ;
Рукъ на груди онъ не скрещалъ ни разу,
Чтобъ прекратить стукъ сердца своего.
Влюбленнаго. Я спрятанъ былъ вотъ въ этомъ
Кустарникѣ, я наблюдалъ за вами
Обоими и за обоихъ васъ
Краснѣлъ. О, да, я слышалъ ваши риѳмы
Преступныя; я видѣлъ, какъ въ лицѣ
Мѣнялись вы; я слышалъ ваши вздохи
И вашу страсть замѣтилъ хорошо.
„О, горе мнѣ!“ кричалъ одинъ; къ Зевесу
Взывалъ другой; тотъ волосы ея
Звалъ золотомъ, а этотъ звалъ кристалломъ
Ея глаза. *(Лонгвилю).* За рай ты былъ готовъ
Нарушить честь и клятву. *(Дюмену).*
А Юпитеръ,
По твоему, обѣтъ бы преступилъ
Изъ-за твоей возлюбленной. Что Бироиъ
Заговоритъ, узнавъ, что клятву вы
Нарушили, которую давали
Такъ горячо? Какъ осмѣетъ онъ васъ!
Какъ изощрять онъ станетъ остроумье!
Какъ будетъ онъ торжествовать, плясать
И хохотать! Сокровищами всѣми,
Какія лишь встрѣчались мнѣ—клянусь,
Я бъ не хотѣлъ, чтобъ точно то же зналъ онъ
И обо мнѣ!

Бироиъ *(въ сторону).*

Теперь пора сойти,
Чтобъ наказать тебя, о, лицемѣрье!
(Слѣзаетъ съ дерева и выходитъ впередъ).
Простите мнѣ, мой добрый государь!
Вы этихъ двухъ червей теперь корите
За ихъ любовь, когда и сами вы
Влюбленнѣй всѣхъ, о, нѣжное сердечко!
Изъ вашихъ глазъ, небось, вы колесницъ
Не дѣлали! Прекрасная принцесса
У васъ въ глазахъ не отражалась! Вы
Ужъ ни за что не измѣнили бъ клятвѣ—
Избави Богъ! Ну, а стихи слагать—
Такъ это, вѣдь, прилично трубадурамъ,
Отнюдь не вамъ! И не стыдитесь вы?
Нѣтъ, вѣрно вамъ не стыдно, что поймали
Васъ всѣхъ троихъ.
(Лонгвилю, указывая на Дюмена).
Замѣтилъ ты сучокъ
Въ его глазу; король сучокъ замѣтилъ
Въ глазахъ у васъ обоихъ, но бревно
У всѣхъ троихъ мнѣ удалось увидѣть.
О, Боже мой, чего пришлось мнѣ быть
Свидѣтелемъ—какой безумной сцены
Стенаній, слезъ, отчаянья, тоски!
О, сколько мнѣ терпѣнья нужно было,
Чтобы смотрѣть, какъ мухой сталъ король,

Какъ Геркулесъ-герой плясалъ въ присядку,
Какъ Соломонъ пѣлъ пѣсенку, какъ Несторъ
Игралъ съ дѣтьми въ лошадки, какъ Тимонъ,
Суровый мужъ, смѣялся, забавляясь
Игрушками! О, добрый мой Дюменъ,
Что у тебя болитъ? А ты, мой милый
Лонгвиль, скажи, чѣмъ боленъ ты? А вы,
Мой государь? Всѣ, всѣ больны вы грудью.
Эй, рвотнаго!

Король.

Твои насмѣшки злы
Ужъ черезъ-чуръ. Ужели намъ такъ скоро
Ты измѣнилъ?

Бирон.

Не я вамъ измѣнилъ,
Вы—мнѣ; я былъ всегда такъ строго честенъ,
Считалъ грѣхомъ нарушить мой обѣтъ—
И вотъ теперь измѣною наказанъ
За то, что былъ въ сообществѣ съ людьми,
Столь шаткими въ словахъ своихъ. Скажите,
Писалъ ли я когда-нибудь стихи?
Вздыхалъ ли я по женщинѣ? Минуту
Я тратилъ ли когда на щегольство?
Слыхали ли вы отъ меня хваленье
Рукѣ, ногѣ, глазамъ, лицу, челу,
Движеніямъ, походкѣ, формамъ, росту?

Король.

Постой, постой! Куда ты такъ спѣшишь?
Кто это такъ въ галопъ несется: воръ ли,
Иль человѣкъ порядочный?

Бирон.

Бѣгу
Я отъ любви. Прекрасный мой влюбленный,
Позвольте мнѣ уйти.

Входятъ Башка *и* Жакнетта.

Жакнетта.

Спаси васъ Богъ,
Мой государь!

Король.

Что это за подарокъ
Ты мнѣ несешь?

Башка.

Измѣну, государь.

Король.

Что дѣлаетъ измѣна здѣсь?

Башка.

Измѣна
Не дѣлаетъ здѣсь ровно ничего.

Король.

А если такъ, то уходите съ миромъ
Вы и она.

Жакнетта.

Велите, государь,
Прочесть письмо. Его нашелъ опаснымъ
Священникъ нашъ. Онъ говоритъ, что тутъ
Измѣна есть.

Король.

Прочти письмо намъ, Бирон.
(Жакнетта). Кто далъ тебѣ его?

Жакнетта.

Да вотъ—Башка.

Король *(Башкѣ).*
Ну, а тебѣ кто далъ?

Башка.

Донъ-Адрамадьо,
Мой государь, донъ-Адрамадьо!
(Бирон рветъ письмо).

Король.

Что
Ты дѣлаешь? Что сталося съ тобою?
Зачѣмъ ты рвешь письмо?

Бирон.

Да пустяки
Мой государь, дурачество! Не стоитъ
Тревожиться.

Лонгвиль.

Однако, взволновало
Оно его—и потому прочтемъ.

Дюменъ *(подобравъ клочки письма).*
Рука твоя, другъ Бирон; вотъ и подпись.

Бирон *(Башкѣ).*
Ахъ, ты, подлецъ безмозглый! Для того
Родился ты, должно-быть, чтобъ позоромъ
Покрыть меня? Простите, государь,
Простите! Я виновенъ, я виновенъ!

Король.

Въ чемъ, Бирон, въ чемъ?

Бирон.

Вамъ, тремъ безумцамъ, я
Не доставалъ, чтобъ четверикъ безумцевъ
Составился. Онъ, онъ, и я, и вы,
Мой государь—любовные воришки
И умереть за это мы должны.
О, государь, велите постороннимъ
Уйти—и я вамъ многое скажу.

Дюменъ.

Ну, вотъ число и четное.

Бирон.

Да, правда—
Насъ четверо. Что-жъ, эти голубки
Оставятъ насъ?

Король.

Ступайте прочь.

Башка.

Уходитъ

Честной народъ и оставляетъ здѣсь
Измѣнниковъ. *(Уходитъ съ Жакнеттой).*

Бирономъ.

О, милые мессеры,
О, милые любовники, скорѣй
Обнимемся! мы совершенно то же,
Что плоть и кровь. Какъ море непремѣнно
Должно имѣть приливъ свой и отливъ,
Какъ небосклонъ держать не можетъ скры-
тымъ
Свое лицо—такъ молодая кровь
Не слушаетъ отжившаго закона.
Не можемъ мы идти наперекоръ
Тому, что насъ заставило родиться.
Поэтому обѣтъ свой сохранить
Мы не могли.

Король.

Такъ, значитъ, эти строки,
Что ты порвалъ, показывали намъ,
Что ты влюбленъ?

Бирономъ.

Что я влюбленъ? Кто могъ бы
Увидѣть Розалину-божество,
Чтобъ передъ ней не преклонить въ смиреньи
Своей главы—какъ упадаетъ ницъ
Дикарь-индусъ предъ первою зарею
Чудеснаго востока—и, внезапно
Ослѣпнувши, презрѣнный прахъ земли
Не лобызать своей покорной грудью?
Гдѣ тотъ орелъ, который бы дерзнулъ
Смотрѣть въ лучи лица ея—и взоровъ
Величіемъ ея не ослѣпить?

Король.

Какой огонь—неистовство какое
Тобою овладѣло! Нѣтъ, предметъ
Моей любви—прелестный, кроткій мѣсяцъ,
И рядомъ съ ней красавица твоя,
Ея слуга, лишь спутникъ незамѣтный.

Бирономъ.

О, если такъ, то, значитъ, не глаза
Мои глаза, и я совсѣмъ не Бирономъ!
Не будь моей возлюбленной—и ночь
Смѣнила бъ день; чудесные оттѣнки
Чудеснѣйшихъ цвѣтовъ сошлися всѣ,
Какъ на показъ, у ней на дивныхъ щечкахъ;
Въ ея лицѣ всѣ прелести слились
Между собой въ одно очарованье,
И нѣтъ черты, которая могла бъ
Не вызывать высокихъ вожделѣній!
О, гдѣ мнѣ взять звукъ трубный языка
Цвѣтистаго? Но нѣтъ, долой прикрасы
Реторики: не нужны ей онѣ!
Лесть продавца нужна вещамъ продажнымъ;
Она жъ стоитъ превыше всѣхъ похвалъ,
И блескъ ея померкнуть можетъ только
Отъ похвалы чрезмѣрно-блѣдной. Пусть
Сѣдой монахъ, своей столѣтней жизнью
Измученный, посмотритъ ей въ глаза—
И пятьдесятъ изъ этихъ ста сейчасъ же
Стряхнетъ съ себя. Отъ красоты ея
Становится новорожденной старость,
И въ колыбель младенчества костыль
Ложится вновь. О, Розалина—солнце,
Дающее чудесный блескъ всему!

Король.

Клянусь Творцомъ, твоя подруга сердца
Черна, какъ смоль.

Бирономъ.

Ужели на нее
Похожа смоль? О, смоль, какъ ты прекрасна,
Божественна! Жену себѣ добыть
Изъ смоли—о, высокое блаженство!
Скажите мнѣ, кто можетъ изобрѣсть
Здѣсь клятву мнѣ? скажите, гдѣ святое
Евангелье, чтобъ я поклясться могъ,
Что красота—не красота, коль только
Заимствуетъ свое лицо она
Не изъ очей прекрасной Розалины;
Что ни одно лицо не хорошо,
Когда оно не такъ черно, какъ это.
О, парадоксъ! Вѣдь, черный цвѣтъ есть
цвѣтъ

Король.

Темницъ и тьмы, вѣдь, онъ—ливрея ада;
А красота блеститъ, какъ небеса.

Бирономъ.

Опаснѣйшіе демоны похожи
На ангеловъ. О, ежели чело
Возлюбленной моей покрыто чернымъ,
Такъ потому, что въ трауръ облекло
Оно себя при видѣ лицъ, покрытыхъ
Румянами, чужихъ волосъ—всего,
Что лживою наружностью чаруетъ
Влюбленнаго. Она явилась въ свѣтъ,
Чтобъ черный цвѣтъ прелестнымъ цвѣтомъ
сдѣлать.
Измѣнитъ онъ всю моду нашихъ дней;
Начнутъ считать естественный румянецъ
Накрашеннымъ и розовыя щеки,
Чтобъ избѣжать хуленія, начнутъ
Раскрашиваться черной краской, лишь бы
Съ ея лицомъ быть схожими.

Дюменъ.

Вотъ что
Причиною, что трубочисты черны.

Лонгвиль.

Съ ея временъ и угольщики всѣ
Считаются красавцами.

Король.

И негры
Свой цвѣтъ лица находятъ съ той поры
Плѣнительнымъ.

Дюменъ.

Для темноты не надо
Уже свѣчей, затѣмъ что темнота
Сама есть свѣтъ.

Бironъ.

Возлюбленныя ваши
На улицу не выйдутъ подъ дождемъ,
Боясь, чтобъ онъ не смылъ съ лица ихъ
красокъ.

Король.

А вашей не мѣшало бы, мессеръ,
Пойти подъ дождь: сказать вамъ откровенно,
Есть много лицъ невымытыхъ, но все жъ
Ея лицо грязнѣе ихъ.

Бironъ.

Я буду
Доказывать, что хороша она,
Хотя бы мнѣ для этого пришлося
Не умолкать до страшнаго суда.

Король.

А въ этотъ день и самый страшный дьяволъ
Тебя не испугаетъ, какъ она.

Дюменъ.

Я въ первый разъ встрѣчаю человѣка,
Цѣнящаго такой дрянной товаръ
Такъ высоко.

Лонгвиль *(указывая на свой сапогъ)*.

Вотъ гдѣ твоя подруга:
Гдѣ мой сапогъ, тутъ и ея лицо.

Бironъ.

О, если бы всѣ мостовыя были
Изъ глазъ твоихъ, все не могла бъ она
По нимъ ходить, не раня нѣжныхъ ножекъ.

Дюменъ.

Фи, стыдъ какой! Да, вѣдь, пройди она
По мостовой, такой, какъ эта, всѣ бы
Подумали, что головою внизъ
Она идетъ.

Король.

Къ чему всѣ эти споры?
Какъ-будто мы не всѣ здѣсь влюблены?

Бironъ.

Конечно, такъ, и, значитъ, всѣ мы клятву
Нарушили.

Король.

Такъ прекратимъ же споръ;
А ты теперь, другъ Бironъ, постарайся
Намъ доказать, что наша страсть законна,
Что клятвы мы не нарушали.

Дюменъ.

Да,
Для нашего проступка оправданье
Найди скорѣй.

Лонгвиль.

Представь ты доводъ намъ,
Который бы намъ дѣйствовать позволилъ;
Найди софизмъ, уловку, что-нибудь,
Чѣмъ дьявола поймать.

Дюменъ.

Найди лекарство
Для клятвопреступленья.

Бironъ.

О, друзья,
Ихъ больше есть, чѣмъ слѣдуетъ. Внимайте,
Поборники любви! Вы поклялись
Постъ соблюдать, учиться и отречься
Отъ женщины—не такъ ли? Это все
Открытая измѣна государству,
Гдѣ молодость царитъ. Возможно-ль вамъ
Постъ соблюдать? Желудки ваши юны,
А долгій постъ недуги за собой
Всегда влечетъ. Вы поклялись учиться—
И клятвою такою отреклись
Отъ истинной науки. Можно-ль вѣчно
Намъ размышлять, мечтать и созерцать?
Возможно ли, чтобъ вы, мой повелитель,
Иль ты, иль ты, нашли благую суть
Познанія, не видя предъ собою
Красавицы? Доктрина эта мной
Изъ женскихъ глазъ почерпнута. Повѣрьте,
Они—тотъ міръ, та книга, тотъ разсадникъ
Познанія, откуда Прометей
Извлекъ огонь. Излишество ученья
Въ артеріяхъ сокъ жизни леденитъ,
Какъ долгое движенье истощаетъ
Энергію у путника. Затѣмъ
Вы отреклись отъ женщины, и этимъ
Отъ глазъ своихъ и вмѣстѣ отъ науки—
Виновницы обѣта—отреклись.
Скажите мнѣ, какой писатель въ мірѣ
Вамъ разъяснитъ такую красоту,
Какъ женскій глазъ? Повѣрьте, вся наука—
Нашъ аттрибутъ, не больше, и вездѣ,
Гдѣ сами мы, тамъ и наука наша.
Итакъ, когда у женщины въ глазахъ
Самихъ себя мы видимъ, развѣ тутъ же
Не видимъ и науки нашей? О,
Мы поклялись учиться, и повѣрьте,
Что клятвою такою отреклись

Отъ всякихъ книгъ. Скажите откровенно,
Мой государь, и ты, и ты, нашли-ль
Когда-нибудь въ свинцовомъ созерцаньи
Вы тотъ огонь, которымъ чудный взглядъ
Красавицы такъ щедро, поэтично
Васъ награждалъ? Другія всѣ науки
Лежатъ въ мозгу недвижно; слуги ихъ
Работаютъ безплодно: скудной жатвой
Награждены ихъ тяжкіе труды.
Но та любовь, которой научаетъ
Взглядъ женщины, не будетъ взаперти
Лежать въ мозгу; о, нѣтъ, съ стихійной мощью,
Стремительно, какъ мысль, она бѣжитъ
По всей душѣ и удвояетъ силу
Всѣхъ нашихъ силъ, крѣпя и возвышая
Природу ихъ. Она даетъ глазамъ
Чудесную способность прозрѣванья;
Влюбленный глазъ способенъ ослѣпить
Орлиный взоръ; влюбленный слухъ услышитъ
Слабѣйшій звукъ, невнятный для ушей
Опасливаго вора; осязанье
Влюбленнаго чувствительнѣй, нѣжнѣй,
Чѣмъ нѣжный рогъ улитки; вкусъ влюбленный
Изященъ такъ, что Бахусъ-гастрономъ
Въ сравненьи съ нимъ обжора грубый. То же
И въ доблести: любовь, какъ Геркулесъ,
На самый верхъ деревьевъ гесперидскихъ
Взбирается безъ устали. Любовь
Умна, какъ Сфинксъ, чудесно-гармонична,
Какъ лира Аполлона. Чуть любовь
Заговоритъ, всѣ боги начинаютъ
Гармоніей баюкать небеса.
На всей землѣ не встрѣтите поэта,
Дерзнувшаго приняться за перо,
Не обмакнувъ его сперва въ прекрасныхъ
Слезахъ любви; зато какъ мощно онъ
Своимъ стихомъ плѣняетъ слухъ суровый,
Какъ передъ нимъ въ смиреніи тиранъ
Склоняется! Друзья, доктрину эту
Я почерпнулъ изъ женскихъ глазъ. Они
Всегда горятъ, какъ пламень Прометея;
Они намъ все—наука, міръ искусствъ;
Они одни питаютъ, разъясняютъ
И берегутъ вселенную; безъ нихъ
Нѣтъ для людей дороги къ совершенству.
Безумцами явились вы, когда
Отъ женщины подъ клятвой отреклися,
И будете безумцами, храня
Такой обѣтъ. Поэтому, во имя
Той мудрости, что дорога для всѣхъ,
И той любви, которой каждый дорогъ,
И тѣхъ мужчинъ, которые даютъ
Жизнь женщинамъ, и женщинъ тѣхъ, чья сила
Мужчинами насъ дѣлаетъ—нарушимъ
Разъ навсегда нашъ клятвенный обѣтъ,
Чтобы спасти самихъ себя; иначе,
Храня обѣтъ, себя погубимъ мы.
Такое нарушенье клятвы—дѣло
Религіи; божественный законъ
Основанъ весь на милосердьи; кто же
Любовь отъ милосердья отдѣлитъ?

Король.

Да здравствуетъ святой Амуръ! Солдаты,
Впередъ, на бой!

Бирон.

Развейте знамена—
И на враговъ ударимъ! Въ бурной схваткѣ
Повалимъ ихъ, и каждый нашъ ударъ
Пусть служитъ намъ началомъ къ размноженью.

Лонгвиль.

Теперь пора и къ дѣлу: толковать
Довольно. Что жъ, постановимъ рѣшенье,
Что станемъ мы теперь искать любви
Француженокъ?

Король.

Да, и притомъ стараться
Ихъ побѣдить. Поэтому, скорѣй
Придумаемъ, какимъ увеселеньемъ
Въ ихъ лагерѣ занять бы ихъ?

Бирон.

Сперва
Изъ парка мы проводимъ ихъ въ то мѣсто,
Гдѣ ихъ шатры разбиты; каждый пусть
Ведетъ свою возлюбленную, руку
Ея держа; а вечеромъ займемъ
Мы ихъ какимъ-нибудь увеселеньемъ
Особеннымъ, какое краткій срокъ
Позволитъ намъ придумать. Маскарады,
Балы, пиры, веселые часы
Предшествуютъ любви и усыпаютъ
Цвѣтами путь ея.

Король.

Идемъ, идемъ—
И постараемся, чтобъ ни единый часъ
Безъ нашей выгоды не могъ пройти у насъ!

Бирон.

Идемъ. Вѣдь, изъ сѣмянъ травы совсѣмъ негодной
Никто не добывалъ пшеницы благородной,
И правосудіе не станетъ никогда
Клонить свои вѣсы туда или сюда.
Быть можетъ, вѣтренницъ Богъ людямъ посылаетъ,
Чтобъ ими тѣхъ карать, кто клятву нарушаетъ.
Коль это намъ грозитъ—за мѣдный грошъ простой
Пріобрѣтемъ металлъ такой же дорогой.

(Уходятъ).

Игра въ шары по рисунку XVI в. (Изъ изданія Найта).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Въ паркѣ.

Входятъ Натаніилъ, Олофернъ *и* Тупица.

Олофернъ. Satis quod sufficit.

Натаніилъ. Васхволяю Господа за васъ. Ваши рѣчи во время обѣда были остры и преисполнены сентенцій, игривы безъ скоморошества, остроумны безъ аффектаціи, смѣлы безъ наглости, учены безъ педантизма и оригинальны безъ ереси. На сихъ дняхъ, quondam, бесѣдовалъ я съ однимъ изъ сотоварищей государя, титулъ коего или прозваніе—донъ-Адріано де Армадо.

Олофернъ. Novi hominen tanquam te. Это мужъ съ характеромъ надменнымъ, съ рѣчью рѣзкой, съ языкомъ острымъ, какъ ножъ, съ взоромъ честолюбивымъ, съ походкой величественной. Вообще, манера его суетная, осмѣянія достойная и тразоническая. Онъ чрезмѣрно франтоватъ, чрезмѣрно аффектированъ, чрезмѣрно жеманенъ, чрезмѣрно страненъ, и при этомъ, если я могу такъ выразиться, чрезмѣрно иностраненъ.

Натаніилъ *(записываетъ въ своей записной книжкѣ)*. Весьма оригинальный и избранный эпитетъ!

Олофернъ. Нить его словотеченія размотана тоньше, чѣмъ веревка его аргументаціи. Я ненавижу такихъ фанатиковъ-фантазеровъ, такихъ несообщительныхъ и угловатыхъ людей, такихъ палачей правописанія, которые произносятъ, напримѣръ, *ничево* вмѣсто *ничего*, *скушно* вмѣсто *скучно* и тому подобное. Это ужасно! Это доводитъ меня до insania! Ne intelligis, domine? Это дѣлаетъ меня бѣшенымъ, остервенѣлымъ.

Натаніилъ. Laus Deo, bone intelligo.

Олофернъ. Bone вмѣсто bene? Присціанъ получилъ пощечину, но ничего—сойдетъ.

Натаніилъ. Videsne quis venit?

Олофернъ. Video et gaudeo.

Входятъ Армадо, Моль *и* Башка.

Армадо *(шепелявя)*. Сутъ!

Олофернъ. Quare сутъ, а не шутъ?

Армадо. Привѣтствую васъ, люди мира!

Олофернъ. И нашъ привѣтъ вамъ, воинственнѣйшій мужъ!

Моль *(тихо Башкѣ)*. Они были на боль-

шомъ пирѣ языковъ и унесли оттуда объѣдки.

Башка *(тихо Моли)*. О, они всегда кормятся словами, выбрасываемыми въ помойную лохань. Удивляюсь я, какъ это твой баринъ не принялъ тебя до сихъ поръ за какое-нибудь слово и не съѣлъ. Потому что, вѣдь, ты, по крайней мѣрѣ, цѣлой головой ниже слова honorificabilitudinitatibus; тебя проглотить легче, чѣмъ поймать изюминку въ чашкѣ вина.

Моль. Молчи: перестрѣлка начинается.

Армадо *(Олоферну)*. Monsieur, вы изъ ученыхъ?

Моль. О, да! о, да! Онъ учитъ дѣтей азбукѣ. *(Олоферну)*. Если послѣ буквы *б* поставить *е*, что выйдетъ?

Олоферъ. Выйдетъ *бе, бе, бе*, pueiritia.

Моль. Бе, бе бе! Заблеялъ, какъ баранъ—потому что въ самомъ дѣлѣ баранъ. *(Къ Армадо)*. Вотъ, сударь, какой онъ у насъ ученый.

Армадо. Клянусь солеными волнами Средиземнаго моря—отличный ударъ, быстрое нападеніе ума! Разъ, два—и попалъ въ самый центръ! Это радуетъ мое пониманіе! Умъ несомнѣнный!

Моль. Поднесенный ребенкомъ старику, мозгъ котораго отъ старости превратился въ роговую оболочку.

Олоферъ. Въ какую оболочку?

Моль. Въ роговую.

Олоферъ. Ты разсуждаешь какъ дитя. Ступай-ка лучше гонять свой кубарь.

Моль. Одолжите мнѣ рогъ, изъ котораго сдѣланъ вашъ мозгъ—и я сдѣлаю себѣ изъ него кубарь и погоню его вмѣстѣ съ вашимъ позоромъ circum circa. Кубарь изъ рога рогоносца—да это чудо что такое!

Башка. Будь мое все состояніе—одинъ грошъ, я и его отдалъ бы тебѣ на пряники. Но, вотъ возьми ретрибуцію, которую я получилъ сегодня отъ твоего господина: дарю ее тебѣ, маленькій кошелекъ остроумія, голубиное яйцо проницательности. О, еслибы небо захотѣло, чтобъ ты былъ хоть незаконнымъ сыномъ моимъ! Какого веселаго отца нашелъ бы ты во мнѣ! Да, братъ, у тебя ума, какъ говорятъ солдаты, полная лядунка.

Олоферъ. Чую скверную латынь: онъ произноситъ *лядунка* вмѣсто *ad unguem*.

Армадо. Ученый мужъ, praeambula—отдѣлимся отъ этихъ варваровъ. *(Отходитъ съ Олоферномъ въ сторону)*. Скажите, вѣдь, это вы обучаете юношество въ той школѣ, что стоитъ на вершинѣ горы?

Олоферъ. Холма, хотите вы сказать?

Армадо. Это совершенно какъ вамъ будетъ угодно; пожалуй—холма.

Олоферъ. Я—безъ всякаго сомнѣнія.

Армадо. Королю благоугодно было возымѣть наклонность и желаніе принести принцессѣ поздравленіе въ ея павильонѣ; временемъ для этого онъ назначилъ заднюю часть дня, въ простонарѣчіи называемую „послѣ обѣда".

Олоферъ. „Задней частью дня", великодушнѣйшій вельможа, весьма прилично, умѣстно и цѣлесообразно выражаетъ понятіе о послѣобѣденномъ времени. Выраженіе это очень удачно прибрано, придумано, изобрѣтено—увѣряю васъ, милостивый государь мой, увѣряю васъ.

Армадо. Король—благородный дворянинъ и мой близкій, смѣю васъ увѣрить, мой задушевный другъ. Не стану разсказывать вамъ о нашихъ отношеніяхъ. „Сдѣлай милость, оставь эти церемоніи! сдѣлай милость, надѣнь шляпу!" И все это говорится мнѣ среди самаго важнаго, самаго серьезнаго разговора—да, увѣряю васъ, самаго важнаго. Но въ сторону это. Скажу вамъ еще— и клянусь, что это правда—его величество нерѣдко соблаговоляетъ опираться на мое бѣдное плечо и царственнымъ пальцемъ своимъ гладитъ экскрементъ моей доблести, мои усы. Но и это въ сторону, драгоцѣнный мой. Клянусь честью, я не басню вамъ разсказываю: не малыми спеціальными почестями удостоиваетъ его величество дона-Армадо, воина и путешественника, видѣвшаго свѣтъ! Но и это въ сторону. Результатъ всего выше сказаннаго—но, дорогой мой, умоляю васъ сохранить это въ тайнѣ—результатъ тотъ, что король желаетъ, чтобы я придумалъ для принцессы, этой милой овечки, какое-нибудь усладительное увеселеніе, спектакль, балетъ, фейерверкъ или что-нибудь такое! Поэтому, узнавъ, что священникъ и ваша милая особа мастера на подобныя импровизаціи и внезапные взрывы веселости, я пришелъ познакомиться съ вами, съ цѣлью просить вашего содѣйствія.

Олоферъ. Мессеръ, совѣтую вамъ представить принцессѣ „Девять героевъ". Достопочтеннѣйшій Натаніилъ, дѣло идетъ объ увеселеніи, которое, по повелѣнію короля и просьбѣ сего изящнѣйшаго, доблестнаго и ученаго вельможи, должно быть, при нашемъ содѣйствіи, совершено передъ принцессою сегодня, въ задней части дня.

Я говорю, что самое лучшее—представить „Девять героевъ".

Натаніилъ. Гдѣ вы найдете людей, достойныхъ изображать этихъ людей?

Олоферпъ. Вы сыграете ролъ Іисуса Навина; я или этотъ доблестный вельможа—Іуду Маккавея; этотъ пастухъ, вслѣдствіе величины своихъ членовъ или сочлененій, представитъ великаго Помпея; наконецъ, пажъ—Геркулеса.

Армадо. Извините меня, но вы въ заблужденіи; пажъ не обладаетъ достаточной величиной для изображенія даже мизинца этого героя. Онъ меньше кончика его палицы.

Олоферпъ. Выслушаютъ ли меня до конца? Онъ представитъ Геркулеса въ младенчествѣ. Вся роль его будетъ состоять въ удушеніи змѣи, и для этой сцены я сочиню апологію.

Моль. Превосходная мысль! Такимъ образомъ если кто-нибудь изъ зрителей свиснетъ мнѣ, вы можете закричать: „Браво, Геркулесъ: это ты душишь змѣю!" Это — средство сдѣлать изъ обиды похвалу — способность, которою обладаютъ немногіе.

Армадо. Ну, а какъ быть съ остальными героями?

Олоферпъ. Я сыграю троихъ.

Моль. О, трижды-герой!

Армадо. Сказать вамъ мое мнѣніе?

Олоферпъ. Мы слушаемъ.

Армадо. Если это не удастся, мы представимъ пантомиму. Умоляю васъ слѣдовать за мною.

Олоферпъ. Via, пріятель Тупица! Ты все это время не сказалъ ни слова.

Тупица. И ни слова не понялъ.

Олоферпъ. Allons! Мы и тебя употребимъ въ дѣло.

Тупица. Я буду танцовать или играть на барабанѣ, чтобъ герои плясали подъ мою музыку.

Олоферпъ. Милѣйшій, честнѣйшій Тупица! Идемъ готовиться къ представленію!

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Паркъ. Передъ шатромъ принцессы.

Входятъ принцесса, Катарина, Розалина *и* Марія.

Принцесса.

Ну, милыя, когда подарки будутъ
Попрежнему такъ сыпаться на насъ—
Мы богачами станемъ до отъѣзда.
Алмазами осыплютъ насъ: смотрите,
Что мнѣ прислалъ влюбленный государь!

Розалина.

И ничего при этомъ?

Принцесса.

Ничего?
Нѣтъ, столько рифмъ любовныхъ, сколько можетъ
Вмѣстить въ себѣ бумаги листъ, кругомъ
Исписанный и на поляхъ, и всюду;
А на его печати Купидонъ
Представленъ былъ.

Катарина.

Мальчишка злой и скверный!

Розалина.

Да, онъ и ты друзьями никогда
Не будете: вѣдь, онъ убилъ стрѣлою
Твою сестру.

Катарина.

Да, сдѣлалъ онъ ее
Печальною, суровой, молчаливой—
И умерла отъ этого она.
О, будь она легка, какъ ты; такая жъ
Веселая, живая—умерла бъ
Прабабушкой она, какъ ты, конечно,
Умрешь: вѣдь, сердце легкое живетъ
До старости глубокой.

Розалина.

Мой мышонокъ,
Не придаешь ли слову „легкій" ты
Какое-то суровое значенье?

Катарина.

Да—легкій нравъ при мрачной красотѣ.

Розалина.

Побольше бы намъ свѣту, чтобъ яснѣе
Тебя понять.

Катарина.

Ты крылья обожжешь,
Когда огонь раздую я поярче;
Поэтому оставлю въ темнотѣ
Я мысль мою.

Розалина.

Да, ты привыкла дѣлать
Все въ темнотѣ.

Катарина.

Совсѣмъ не такъ, какъ ты.
Ты дѣйствуешь, какъ легкое созданье,
Всегда при всѣхъ.

РОЗАЛИНА.
Да, я не такъ, какъ ты,
Увѣсиста.

КАТАРИНА.
Вѣдь, ты меня ни разу
Не вѣсила—такъ взвѣшивать мои
Достоинства не можешь.

РОЗАЛИНА.
Кто ихъ взвѣситъ,
Когда они такъ страшно тяжелы?

ПРИНЦЕССА.
Вы обѣ въ умъ играете отлично:
Какъ мячъ, летитъ онъ отъ одной къ другой.
Но слушай-ка: и ты, вѣдь, Розалина,
Подарокъ получила? Кто тебѣ
Его прислалъ? Что это за подарокъ?

РОЗАЛИНА.
Сейчасъ скажу. Будь такъ же хорошо
Мое лицо, какъ ваше, мнѣ бъ дарили
То, что и вамъ. Смотрите, вотъ что мной
Получено. При этомъ также Бironъ
Прислалъ стихи. Будь въ содержаньи ихъ
Соблюдена такая жъ точно вѣрность,
Какъ въ счетѣ стопъ, была бъ я на землѣ
Первѣйшею богиней. Двадцать тысячъ
Красавицъ я одна превосхожу!
О, мой портретъ въ своемъ письмѣ онъ словно
Нарисовалъ!

ПРИНЦЕССА.
И что же? Сходство есть?

РОЗАЛИНА.
Да, въ буквахъ — есть, въ хваленьяхъ — никакого,

ПРИНЦЕССА.
Ты, значитъ, какъ чернило, хороша,
Сравненіе удачное, признаться!

КАТАРИНА.
Бѣла, какъ прописное *Б* въ тетрадкѣ.

РОЗАЛИНА.
О, берегись: въ долгу, вѣдь, не останусь
Я никогда! По твоему, я *Б*?
А на твоемъ лицѣ я съ грустью вижу
Такъ много *О*!

КАТАРИНА.
За злостныя слова
Желаю я, чтобъ оспою изрыло
Твое лицо!

ПРИНЦЕССА.
Ну, Катя, а тебѣ
Что подарилъ Дюменъ?

КАТАРИНА.
Перчатку эту.

ПРИНЦЕССА.
Всего одну?

КАТАРИНА.
Нѣтъ, пару—и при ней
Мильонъ стиховъ влюбившагося сердца,
Чудовищный притворства переводъ,
Собраніе и глупости и скуки.

МАРІЯ.
А мнѣ Лонгвиль прислалъ вотъ этотъ жемчугъ
И съ нимъ стихи—стиховъ на полверсты.

ПРИНЦЕССА.
Да, кажется. Ты, вѣрно, бы желала,
Чтобъ жемчугъ былъ длиннѣе, а письмо—
Короче?

МАРІЯ.
Да, хотя бы приходилось.
Объ этомъ мнѣ молиться вѣчно.

ПРИНЦЕССА.
О,
Какъ мы умны, что ловко такъ смѣемся
Надъ нашими вздыхателями!

РОЗАЛИНА.
Чтожъ,
Когда глупцы насмѣшки покупаютъ
Такъ дорого! Вотъ этотъ Бironъ: я
Его еще помучу до отъѣзда.
О, еслибъ мнѣ нанять его слугой.
Хоть на одну недѣлю! Какъ бы ползалъ
Онъ у меня! какъ умолялъ бы! какъ
Считалъ бы всѣ минуты! какъ искалъ бы
Удобную минуту! какъ бы умъ
Истрачивалъ въ стихахъ своихъ безплодныхъ!
Какъ прихотямъ моимъ служилъ бы онъ!
Какъ былъ бы гордъ, что я его избрала
Предметомъ для насмѣшекъ! На него
Желала бъ я всегда имѣть такое
Вліянье безграничное, чтобъ онъ
Былъ мнѣ шутомъ, а я его—судьбою.

ПРИНЦЕССА.
Никѣмъ нельзя такъ сильно завладѣть,
Какъ мудрецомъ, когда онъ сталъ безумцемъ
И въ сѣть попалъ. Безумье, изойдя

БЕЗПЛОДНЫЯ УСИЛІЯ ЛЮБВИ.

(Дѣйствіе IV, сц. 1).

Картина Вильяма Гамильтона (William Hamilton, R. A. 1751—1801).

Безплодныя усилія любви. (Дѣйствіе V, сцена 2).

Картина извѣстнаго англійскаго художника Фрэнсиса Уитли (Wheatley, (1747—1801). (Малая Бойделевская галлерея).

Изъ мудрости, находитъ въ ней опору
И, сверхъ того, въ наукѣ для себя
Помощницу имѣетъ; тотъ же умъ,
Что сдѣлался безумцемъ, украшаетъ
Безуміе свое самимъ собой.

РОЗАЛИНА.

Кровь юноши кипитъ не такъ ужасно,
Какъ зрѣлый духъ, который возмущенъ
Любовью.

МАРІЯ.

Да, безуміе безумца
Всегда блѣднѣй безумья мудреца,
Затѣмъ что онъ усиливаетъ только
Своимъ умомъ безуміе свое.

ПРИНЦЕССА.

Вотъ и Бойе. Смотрите, какъ онъ веселъ!

Входитъ БОЙЕ.

БОЙЕ.

О, я умру отъ смѣха! Гдѣ ея
Высочество?

ПРИНЦЕССА.

Въ чемъ дѣло?

БОЙЕ.

Приготовьтесь,
Принцесса, приготовьтесь! Вы же всѣ
Къ оружію, къ оружію! Войною
Идутъ враги на вашъ покой. Любовь,
Подъ маскою, запасомъ аргументовъ
Вооружась, является. Врасплохъ
Застигнутъ васъ; поставьте жъ подъ ружье
Умы свои; готовьтесь къ оборонѣ,
Иль, головы склоня, какъ подлый трусъ,
Бѣгите прочь.

ПРИНЦЕССА.

На бой съ святымъ Амуромъ,
Святой Денисъ! Но кто же это всталъ
На насъ войной? Скажи, шпіонъ, скорѣе.

БОЙЕ.

Подъ тѣнію прохладной сикоморъ
Я собрался на полчаса въ дремотѣ
Сомкнуть глаза; вдругъ шумъ шаговъ нарушилъ
Спокойствіе мое: король и съ нимъ
Товарищи его шли прямо къ мѣсту,
Гдѣ я лежалъ. Тогда прокрался я
За ближній кустъ и услыхалъ оттуда
То, что и вы услышите сейчасъ.
Чрезъ нѣсколько минутъ, переодѣты,
Они придутъ сюда. Герольдъ у нихъ—
Хорошенькій плутишка-пажъ. Онъ знаетъ
Всю роль свою отлично: какъ стоять,
Какъ говорить—все это показали
Они ему: „вотъ это говори,
Вотъ такъ держись". При этомъ опасались,
Что вы его сконфузите своимъ
Величіемъ. „Ты ангела увидишь,—
Сказалъ король,—но не страшись его
И смѣло говори". А пажъ на это:
„Вѣдь, ангелы не злы; я испугался бъ,
Будь чортъ она". Тутъ стали всѣ они
Смѣяться, по плечу трепать плутишку
И похвалой старались ободрить.
Одинъ изъ нихъ теръ локоть свой вотъ этакъ
И хохоталъ, и клялся, что еще
Ни разу онъ такихъ остротъ не слышалъ;
Другой кричалъ: „чтобъ ни случилось—мы
Свое возьмемъ"—и пальцами при этомъ
Онъ щелкалъ; третій весело плясалъ
И восклицалъ: „идетъ отлично дѣло!"
Четвертый сдѣлалъ быстрый пируэтъ
И шлепнулся. Затѣмъ ужъ всѣ на землю
Попадали и стали хохотать
Такъ искренно, что усмирить припадокъ
Безумнаго ихъ хохота пришли
Волненія торжественныя слезы.

ПРИНЦЕССА.

Какъ, какъ, Бойе? Они идутъ сюда,
Къ намъ въ гости?

БОЙЕ.

Да, къ намъ въ гости, москвичами
Иль русскими переодѣвшись всѣ.
Намѣрены они—какъ заключаю
И изъ того, что слышалъ—здѣсь плясать,
Любезничать и веселиться съ вами.
И каждый тутъ откроется въ любви
Возлюбленной своей, ее узнавши
По тѣмъ вещамъ, которыя онъ далъ
Въ подарокъ ей.

ПРИНЦЕССА.

Такъ вотъ что! Ну, мы славно
Обманемъ ихъ. Надѣнемъ маски всѣ
И, какъ бы насъ они ни умоляли,
Не снимемъ ихъ. Ты, Розалина, мой
Брильянтъ возьмешь—и будетъ за тобою
Ухаживать король. Возьми, возьми
И дай мнѣ свой, чтобъ Бирономъ Розалиной
Меня считалъ. *(Другимъ фрейлинамъ).*
Вы тоже межъ собой
Обмѣнитесь подарками—и ваши
Вздыхатели, введенные въ обманъ,
Ухаживать примутся за чужими.

Розалина.

Пусть будетъ такъ. Надѣнемъ повиднѣй
Подарки ихъ.

Катарина.

Какую жъ цѣль, принцесса,
Имѣете вы въ этомъ?

Принцесса.

Цѣль моя—
Ихъ замыслы разрушить. Посмѣяться
Имъ хочется надъ нами—ну, и я
Хочу платить насмѣшкой за насмѣшку.
Пусть тайны всѣ души своей они
Откроютъ здѣсь возлюбленнымъ подложнымъ,
А мы потомъ надъ ними посмѣемся
При первомъ же свиданіи, когда
Увидимъ ихъ уже съ лицомъ открытымъ.

Розалина.

Но если насъ на танецъ пригласятъ,
Пойдемъ ли мы?

Принцесса.

Нѣтъ, мы умремъ скорѣе,
Чѣмъ захотимъ ногой пошевелить.
На ихъ слова кудрявыя не будемъ
Мы отвѣчать ни слова, и чуть кто
Заговоритъ—сейчасъ къ нему спиною.

Бойе.

Презрѣніемъ такимъ убьете вы
Ораторовъ, и память ихъ сейчасъ же
Придетъ въ разладъ съ ихъ ролью.

Принцесса.

Вотъ того
Я и хочу. Убѣждена я твердо,
Что, сбитый разъ, уже никто изъ нихъ
Не справится. Ахъ, что за наслажденье
Насмѣшниковъ насмѣшками давить
И, дѣлая ихъ замыслы своими,
Не уступать имъ ни за что своихъ!
Такъ дѣйствуя, одержимъ мы побѣду,
И со стыдомъ вернутся вспять они.
(За сценой трубы).

Бойе.

Труба звучитъ! Идутъ! Надѣньте маски!
(Дамы надѣваютъ маски).

Входятъ музыканты-мавры; за ними Моль, король, Биронъ, Лонгвиль *и* Дюменъ; *всѣ они въ русскихъ костюмахъ и въ маскахъ.*

Моль.

„Первымъ красавицамъ въ мірѣ—привѣтъ
и хваленіе наше!“

Биронъ *(въ сторону).*

Красавицамъ—на сколько можетъ быть
Красавицей тафта богатой маски.

Моль.

„Группа святая прелестнѣйшихъ женщинъ, какія
Къ смертнымъ когда-либо *(дамы поворачиваются спиной)* спины свои обращали!“

Биронъ *(тихо Моли).*

Не спины, негодяй, а очи, очи!

Моль.

„Къ смертнымъ когда-либо очи свои обращали!“
Ду... ду... ду...

Бироиъ.

Дуракъ! Совсѣмъ онъ сбился съ толку!

Моль.

„О, духи небесные! молимъ мы васъ, удостойте
На насъ не смотрѣть“...

Биронъ.

Смотрѣть, смотрѣть, мальчишка глупый!

Моль.

„На насъ посмотрѣть удостойте очами, что блещутъ, какъ солнце...
„Очами, что блещутъ, какъ солнце... какъ солнце...“

Бойе.

Нѣтъ, на такой эпитетъ не отвѣтятъ
Онѣ тебѣ. Ты долженъ бы сказать:
„Очами, что блещутъ, какъ очи прекраснѣйшей дѣвы!“

Моль.

Онѣ меня не слушаютъ—и это
Совсѣмъ меня сбиваетъ.

Биронъ.

Такъ-то ты
И твердъ, и смѣлъ? Проваливай, негодный!
(Моль уходитъ).

Розалина.

Чего хотятъ, зачѣмъ пришли сюда
Всѣ эти чужеземцы? Разузнайте
У нихъ, Бойе. Коль говорятъ они
На нашемъ языкѣ, то мы желаемъ,
Чтобъ кто-нибудь изъ нихъ намъ разъяснилъ
Цѣль этого визита. Разспросите,
Чего хотятъ они?

Бойе.

Что нужно вамъ?

Бирон ъ.

Намъ ничего не нужно, кромѣ мира
И добраго привѣта.

Розалина.

Ну, чего жъ
Хотятъ они?

Бойе.

Желаютъ только мира
И добраго привѣта.

Розалина.

Отвѣчать,
Что это имъ дано—и пусть уходятъ
Они домой.

Бойе.

Принцесса говоритъ,
Что это вамъ дано—и что отсюда
Вы можете уйти.

Король.

Скажите ей,
Что сотни дней мы шли сюда, чтобъ съ ними
Хоть часъ одинъ на этой муравѣ
Потанцовать.

Бойе.

Они сказать вамъ просятъ,
Что сотни дней шли для того, чтобъ съ вами
Хоть часъ одинъ на этой муравѣ
Потанцовать.

Розалина.

Все это очень странно!
Спросите ихъ, какъ много въ днѣ одномъ
Полусекундъ? Они въ дорогѣ были,
Вѣдь, сотни дней, такъ разсчитать одинъ
Для нихъ легко.

Бойе.

Когда въ дорогѣ были
Вы сотни дней, то отвѣчайте намъ:
Чтобъ день одинъ составить, сколько надо
Полусекундъ?

Бирон ъ.

Прошу васъ отвѣчать,
Что намъ пришлось считать полусекунды
Страданьями.

Бойе.

Принцесса хочетъ васъ
Сама просить.

Розалина.

Скажите, сколько было
Полусекундъ страданія въ одномъ
Изъ сотни дней, что вы прошли?

Бирон ъ.

Какъ-будто
Мы счетъ ведемъ тому, что ради васъ
Расходуемъ? Нѣтъ, мы такъ безконечно
Вамъ преданы, что цѣлый вѣкъ идти
Безъ счета дней могли бы. Удостойте
Сіяніе прекраснаго лица
Открыть для насъ, чтобъ, какъ дикарь, простерлись
Мы передъ нимъ.

Розалина.

Мое лицо—луна,
Зашедшая за тучи.

Король.

О, блаженство—
Быть тучами такими! Свѣтлый мѣсяцъ
И вы, сонмъ звѣздъ, вы, спутники его,
Сгоните эти тучи, и пролейте
Вашъ яркій блескъ на слезы нашихъ глазъ!

Розалина.

Ничтожное моленье! Попросите
Чего-нибудь получше. Блескъ луны
Въ струѣ воды—ну, стоитъ ли, скажите,
О томъ просить?

Король.

Такъ удостойте съ нами
Протанцовать. Велѣли вы просить
Васъ о другомъ—а эту просьбу странной
Нельзя назвать.

Розалина.

Играйте, музыканты!
(Музыка играетъ).

Московскіе костюмы по западно-европейскимъ (близкимъ къ дѣйствительности) представленіямъ XVI вѣка. (Cesare Vecellio Habiti antichi et moderni, Венеція, 1598).

Идите же скорѣе. Впрочемъ, нѣтъ—
Я танцовать не буду. Посмотрите,
Я, какъ луна, мѣняюсь.

Король.

Танцовать
Не будете? Какая перемѣна
Внезапная!

Розалина.

Вамъ полная луна
Сказала: „да"; но тутъужъ въ новый фазисъ
Она вошла.

Король.

И все-таки луной
Осталася, а я—ея слугою.
Оркестръ гремитъ. Я умоляю васъ
Послѣдовать за музыкой.

Розалина.

Ушами
Мы слѣдуемъ.

Король.

И ноги примутъ пусть
Участіе.

Розалина.

Вы чужестранцы: случай
Васъ къ намъ привелъ—и потому нельзя
Васъ мучить такъ. Давайте вашу руку,
Но танцовать не будемъ мы.

Король.

Къ чему жъ
Брать за руку?

Розалина.

Чтобъ дружески проститься:
Вотъ книксенъ мой—тутъ танцу и конецъ.

Король.

Какъ скупы вы!

Розалина.

За эту цѣну больше
Не можемъ дать.

Король.

Такъ не угодно ль вамъ
Сказать самимъ: за сколько продадите
Присутствіе свое?

Розалина.

Мы продадимъ его
За вашъ уходъ.

Король.

Но это невозможно.

Розалина.

Поэтому и насъ купить нельзя.
Прощайте же—два раза вашимъ маскамъ,
Полъ-раза—вамъ.

Король.

Когда вамъ танцовать
Не хочется, продлимъ, по крайней мѣрѣ,
Нашъ разговоръ.

Розалина.

Но только не при всѣхъ!

Король.

О, это мнѣ еще пріятнѣй будетъ!
(Отходятъ въ сторону).

Биронъ *(принцессѣ)*.

Красавица съ рукою бѣлоснѣжной,
На сладкое словечко...

Принцесса.

Сливки, медъ
И сахаръ—вотъ три сладкихъ слова.

Биронъ.

Если
Ты лакомка такая—эти три
Удвою я: мальвазія, варенье
И патока. Сыгралъ я молодцомъ!
Шесть сладостей!

Принцесса.

А вотъ вамъ и седьмая:
Прощайте! Я съ фальшивымъ игрокомъ
Игры вести не стану.

Биронъ.

По секрету
Позволь сказать мнѣ слово.

Принцесса.

Хорошо—
Но ужъ никакъ не сладость.

Биронъ.

Ты волнуешь
Всю желчь мою.

Принцесса.

Желчь? Это вещество—
Прегорькое.

Биронъ.

И, значитъ, очень кстати.
(Отходятъ въ сторону).

Дюменъ *(Маріи)*.

Угодно ли вамъ будетъ обмѣнить
Со мной словцо?

Марія.

Какое? назовите.

Дюменъ.

Красавица моя...

Марія.

И это все?
Красавецъ мой. Вотъ вамъ обмѣнъ на вашу
„Красавицу".

Дюменъ.

Позвольте вамъ сказать
Еще одно лишь слово по секрету—
И вслѣдъ за тѣмъ я съ вами распрощусь.
(Отходятъ въ сторону).

Катарина *(Лонгвилю)*.

Послушайте, какъ видно, ваша маска
Безъ языка?

Лонгвиль.

Я знаю, почему
Такой вопросъ.

Катарина.

Неужто? Такъ скажите,
Пожалуйста, скорѣе мнѣ.

Лонгвиль.

У васъ
Подъ маскою—двойной языкъ, и вы бы
Хотѣли половиной изъ него
Снабдить мою нѣмую маску. Правда?

Катарина.

Veal, говорятъ голландцы. Veal у нихъ
И *правда*, и *теленокъ* означаетъ.
Какое же изъ этихъ словъ къ себѣ
Вы примѣнить хотите?

Лонгвиль.

Лучше—*правду*.

Катарина.

Нѣтъ, лучше бы теленка: вы его
Прокормите; вспоите—вотъ и выйдетъ
Быкъ изъ него.

Лонгвиль.

Насмѣшка ваша зла:
Вамъ хочется снабдить меня рогами?

Катарина.

А вамъ роговъ не хочется? Ну, что жъ—
До нихъ еще умрете вы теленкомъ.

Лонгвиль.

Пока я живъ, позвольте мнѣ сказать
Два слова по секрету.

Катарина.

Только тише
Совѣтую мычать—не то мясникъ
Услышитъ васъ.
(Отходятъ въ сторону).

Бойе.

У дѣвушекъ-насмѣшницъ
Языкъ такъ остръ, какъ бритвы лезвее,

Что волосокъ, для глаза незамѣтный,
Разрѣзываетъ ловко: ихъ слова
Несутся такъ, что смысломъ не поймаешь
Ихъ ни за что; а крылья ихъ остротъ
Быстрѣй стрѣлы, картечи, вѣтра, мысли,
Быстрѣй всего, что быстро.

Розалина.

Ну, мои
Красавицы, ни слова больше. Кончимъ.
Давно пора.

Бироиъ.

Чортъ побери! Насъ всѣхъ
Отдѣлали сухимъ презрѣньемъ славно!

Король.

Прощайте же, безумныя! У васъ
Умъ слишкомъ простъ.

Принцесса.

Сто двадцать разъ прощайте,
О, москвичи замерзшіе—adieu!
(Король и его провожатые уходятъ).
Такъ вотъ каковъ тотъ сонмъ умовъ, которымъ
Дивятся всѣ!

Бойе.

Свѣтильники они—
И только вы дыханьемъ кроткимъ вашимъ
Задули ихъ.

Розалина.

Заплылъ въ нихъ жиромъ мозгъ!
Толстъ, очень толстъ: ну, туша, просто туша!

Принцесса.

О, бѣдный умъ! О, бѣдный государь,
Насмѣшками забитый! Остается,
Я думаю, сегодня ночью имъ
Повѣситься— или, по крайней мѣрѣ,
Къ намъ никогда впередъ не приходить
Иначе, какъ подъ масками. А Бироиъ,
А умникъ-то! Какъ растерялся онъ!

Розалина.

Да, были всѣ въ печальномъ положеньи!
Король едва не зарыдалъ, прося
Привѣтливаго слова.

Принцесса.

Бироиъ, видя,
Что просьбы всѣ безплодны, клялся такъ,
Что просто страхъ.

Марія.

Дюменъ себя и шпагу
Въ мое распоряженье отдавалъ;
„Нѣтъ, не хочу!“ сказала я—и тутъ же
Онъ онѣмѣлъ.

Катарина.

Лонгвиль мнѣ говорилъ,
Что у него ворочаю я сердце.
А знаете, какъ онъ назвалъ меня?

Принцесса.

Какъ? тошнотой?

Катарина.

Дѣйствительно.

Принцесса.

Скорѣе
Уйди отъ насъ, болячка!

Розалина.

Да, легко
Найти умы гораздо лучше этихъ
И подъ простымъ бумажнымъ колпакомъ.
Но знаете ль—король, вѣдь, мнѣ поклялся
Въ своей любви.

Принцесса.

А пылкій Бироиъ мнѣ
Жизнь посвятилъ.

Катарина.

Лонгвиль на свѣтъ родился
Чтобъ мнѣ служить.

Марія.

Дюменъ соединенъ
Со мною такъ, какъ дерево съ корою.

Бойе.

Послушайте, принцесса и вы всѣ,
Прекрасныя дѣвицы: скоро снова
И въ собственномъ ужъ видѣ всѣ они
Придутъ сюда: такого угощенья
Жестокаго, вѣдь, невозможно имъ
Переварить.

Принцесса.

Они придутъ къ намъ снова?

Бойе.

Придутъ, придутъ, ей-Богу—и при томъ
Съ веселыми прыжками, хоть хромаютъ
Отъ вашихъ рукъ порядочно. Итакъ,
Пусть каждая свой собственный подарокъ
Возьметъ къ себѣ—и чуть они придутъ,
Раскройтесь вы, какъ дорогія розы
Подъ вѣяньемъ весны.

ПРИНЦЕССА.

Раскрыться намъ?
Раскрыться намъ? Яснѣе говорите!

БОЙЕ.

Красавица, когда ея лицо
Подъ маскою, есть роза, только въ почкѣ;
Чуть маску снять—всѣ чудные цвѣта
Являются глазамъ—и это ангелъ,
Поднявшійся изъ облаковъ своихъ,
Или цвѣтокъ раскрывшійся!

ПРИНЦЕССА.

Довольно.
Шумиха словъ! Что жъ станемъ дѣлать мы,
Когда они придутъ уже не въ маскахъ
Ухаживать за нами?

РОЗАЛИНА.

Мой совѣтъ
Угодно ли вамъ выслушать, принцесса?
Давайте имъ въ лицо смѣяться такъ,
Какъ только-что надъ масками смѣялись.
Мы съ жалобы начнемъ на дураковъ,
Которые здѣсь были въ русскомъ платьѣ,
Одѣтые уродами; начнемъ
Разспрашивать, какіе это люди
И для чего у насъ въ шатрахъ они
Исполнили прологъ свой безтолковый,
Свой жалкій фарсъ, комедію свою
Грубѣйшую?

БОЙЕ.

Скорѣе удалитесь!
Они идутъ.

ПРИНЦЕССА.

Бѣжимъ въ свои шатры,
Какъ мчится лань широкою поляной.
(Уходятъ всѣ, кромѣ Бойе).

Входятъ КОРОЛЬ, БИРОНЪ, ЛОНГВИЛЬ *и* ДЮМЕНЪ *въ обыкновенномъ платьѣ.*

КОРОЛЬ.

Мессеръ Бойе, Богъ въ помощь! Гдѣ принцесса?

БОЙЕ.

Въ своемъ шатрѣ. Осмѣлюсь ли спросить,
Что вашему величеству угодно
Ей передать?

КОРОЛЬ.

Скажите, что прошу
Позволить мнѣ сказать ей два-три слова.

БОЙЕ.

Сейчасъ спрошу—и знаю, что она,
Мой государь, исполнитъ вашу волю.
(Уходитъ).

БИРОНЪ.

Вотъ человѣкъ, который клюетъ умъ,
Какъ голубь—хлѣбъ и послѣ извергаетъ
Опять его, когда прикажетъ Богъ.
Умомъ враздробь торгуетъ онъ; разноситъ
Онъ свой товаръ по вечерамъ, баламъ,
Собраніямъ, по ярмаркамъ, по рынкамъ;
А намъ, что умъ лишь оптомъ продаемъ—
Намъ никогда сбывать не удается
Товаръ лицомъ такъ ловко. Этотъ франтъ
Прикалываетъ женщинъ, какъ булавкой,
На свой рукавъ. Когда бъ онъ былъ Адамъ,
Никто, какъ онъ, не соблазнилъ бы Еву.
При этомъ онъ картавитъ хорошо
И рѣжетъ дичь искусно. Поглядите,
Какъ собственную руку цѣловать
Умѣетъ онъ въ знакъ вѣжливости свѣтской!
Мартышка всѣхъ приличій модныхъ, франтъ
Изящнѣйшій, онъ, и играя въ кости,
Отборными словами ихъ бранитъ.
А какъ поетъ! Теноръ, какихъ немного!
Какъ этикетъ онъ знаетъ! Тутъ его
Не превзойдетъ никто на свѣтѣ. Дамы
Его зовутъ „мой милый!“ А когда
По лѣстницѣ онъ восходитъ, всѣ ступени
Его цѣлуютъ въ пятку. Онъ—цвѣтокъ,
Что каждому даритъ свою улыбку,
Чтобъ рядъ зубовъ, блестящихъ бѣлизной,
Какъ усъ кита, показывать. И души,
Что не хотятъ въ долгахъ окончить жизнь,
Зовутъ его „Бойе медоточивый“.

КОРОЛЬ.

Чортъ побери его медоточивость!
Черезъ нее мальчишка Моль забылъ
Всю роль свою.

БИРОНЪ.

Вотъ и онѣ, смотрите!

Входятъ ПРИНЦЕССА, РОЗАЛИНА, МАРІЯ, КАТАРИНА *и* БОЙЕ.

БИРОНЪ *(смотря на Бэйе).*

Приличіе изящное, скажи,
Чѣмъ было ты, пока тебя не началъ
Выказывать вотъ этотъ шутъ, и чѣмъ
Ты сдѣлалось теперь?

КОРОЛЬ.

Привѣтъ, принцесса,
Привѣтъ мой вамъ! Да ниспошлетъ вамъ Богъ
Въ сей ясный день *наградъ*, какъ можно больше!

Армадо, одѣтый Гекторомъ. Рисунокъ извѣстнаго англійскаго иллюстратора сэра Джона Джильберта. (Gilbert, род. 1817).

Принцесса.

Какъ, ясный день и съ *градомъ?*

Король.

О, зачѣмъ мои слова толкуете такъ дурно?

Принцесса.

А вы зачѣмъ желанія свои
Такъ дурно выражаете?

Король.

Принцесса,
Мы съ тѣмъ пришли, чтобъ всѣхъ васъ проводить
Ко мнѣ въ дворецъ. Прошу васъ, удостойте
Согласіемъ.

Принцесса.

Король, останусь я
Здѣсь на полѣ, а вы при клятвѣ вашей
Обязаны остаться. Ни Господь,
Ни я не любимъ клятвопреступленья.

Король.

О, для чего въ томъ упрекать меня,
Чему виной вы сами? Только сила
Прекрасная глазъ вашихъ привела
Меня къ тому.

Принцесса.

Не называйте силой
Прекрасною того, что надо звать
Лишь слабостью порочной. Эта сила
Прекрасная не станетъ никогда
Вести людей на клятвопреступленье.
Узнайте же—и въ этомъ я клянусь
Вамъ дѣвственною честью, столь же чистой,
Какъ лилія чистѣйшая—хотя бъ
Мнѣ вынести пришлось міръ цѣлый пытокъ
Я не войду, какъ гостья, въ вашъ дворецъ:
Такъ я боюсь заставить васъ нарушить
Тотъ клятвенный обѣтъ, что небесамъ
Такъ искренно вы дали.

Король.

О, вы жили
Въ пустынѣ здѣсь, невидимы никѣмъ,
Покинуты на посрамленье наше.

Принцесса.

Нѣтъ, государь, клянусь вамъ, это все
Совсѣмъ не такъ: мы здѣсь имѣли тоже
Забавныя увеселенья. Вотъ,
За нѣсколько минутъ гостями были
Здѣсь русскіе.

Король.

Какъ, русскіе?

Принцесса.

Да, да;
Все славные такіе кавалеры,
Любезники и щеголи.

Розалина.

Къ чему
Скрывать отъ нихъ? Нѣтъ, государь, принцесса,
Изъ вѣжливости только и слѣдя
За модою, не по заслугамъ хвалитъ.
А дѣло въ томъ, что четверо мужчинъ,
Одѣтые по русски, навѣстили
Насъ четверыхъ. Они здѣсь были часъ,
Безъ умолку болтали, но, повѣрьте,
За цѣлый часъ хотя бъ одно словцо
Счастливое они намъ подарили.
Не смѣю я глупцами ихъ назвать,
Но думаю, что каждый разъ, какъ жажду
Почувствуютъ они, такъ дуракамъ
Пить хочется.

Бирон.

Сухой насмѣшку эту
Я нахожу. Красавица моя,
Отъ вашего ума мудрецъ глупѣетъ.
Какіе бы здоровые глаза
Ни устремить на глазъ горящій неба—
Отъ свѣта свѣтъ сейчасъ померкнетъ въ нихъ.
Вотъ такъ и вы: сокровища такія
Вмѣстились въ васъ, что подлѣ нихъ мудрецъ
Является глупцомъ, богатый—нищимъ.

Розалина.

Такъ, значитъ, вы—богатый и мудрецъ,
Затѣмъ что вы мнѣ кажетесь...

Бирон.

И нищимъ,
И дуракомъ?

Розалина.

Могла бъ сердиться я,
Что рвете вы слова мои насильно
Изъ губъ моихъ, не отнимай вы то,
Что только вамъ принадлежитъ.

Бирон.

О, вѣрьте,
Я весь, со всѣмъ, что мнѣ принадлежитъ,
Навѣки вашъ.

Розалина.

Какъ, весь глупецъ?

Бирон.

Я меньше
Дать не могу.

Розалина.

Какую маску здѣсь
Носили вы?

Бирон.

Когда? какую маску?
Что за вопросъ?

Розалина.

Ту самую, мессеръ,
Ту самую излишнюю покрышку,
Что самое сквернѣйшее лицо
Припрятала, а лучшее—открыла.

Король.

Мы узнаны; не обобраться намъ
Насмѣшекъ злыхъ.

Дюменъ.

Сознаемся-ка сами
И обратимъ все въ шутку.

ПРИНЦЕССА.

Государь,
Вы смущены, какъ кажется? Что значитъ
Вашъ грустный видъ?

РОЗАЛИНА.

Ахъ, Боже, упадетъ
Онъ въ обморокъ! Скорѣе помогите!
За голову держите... Государь,
Какъ блѣдны вы! Болѣзнь морская, видно...
Не мудрено—вѣдь, плыли изъ Москвы!

БИРОНЪ.

Когда съ небесъ за клятвопреступленье
Летитъ на насъ такъ много страшныхъ каръ,
Чей мѣдный лобъ сносить ихъ въ состояньи?
Красавица, я весь передъ тобой!
Рази меня энергіей своею,
Дави меня насмѣшками, убей
Сарказмами, пронзи умомъ колючимъ
Невѣжество мое, разрѣжь въ куски
Меня твоимъ воображеньемъ острымъ!
О, никогда отнынѣ я тебя
Не приглашу на танецъ; въ русскомъ платьѣ
Я не приду ни разу. Никогда
Отнынѣ я не стану довѣряться
Заранѣе написаннымъ рѣчамъ
Иль языку мальчишки. Не приду я
Подъ маскою къ возлюбленной моей;
Не положу любовь мою на риѳмы,
Какъ музыкантъ слѣпой. Весь этотъ сбродъ
Тафтяныхъ фразъ, рѣчей, изъ шелка свитыхъ,
Гиперболъ трехъ-этажныхъ, пышныхъ словъ,
Надутаго педантства—эти мухи
Зловредныя кусали такъ меня,
Что я распухъ. Отъ нихъ я отрекаюсь
И бѣлою перчаткою моей—
А какъ рука бѣла, извѣстно Богу—
Клянусь тебѣ отнынѣ чувства всѣ
Моей любви высказывать посредствомъ
Сермяжнаго простого *да*, иль *нѣтъ*
Изъ честнаго холста. И для начала,
Красавица—ну, Господи спаси!—
Люблю тебя я крѣпко, безъ малѣйшей
Задоринки, безъ малаго сучка.

РОЗАЛИНА.

Оставьте это „безъ".

БИРОНЪ.

Опять припадокъ
Стариннаго безумья! Но прости—
Вѣдь, боленъ я. Терпѣнье! Понемногу
Пройдетъ болѣзнь.
(*Указывая на остальныхъ мужчинъ*).
Красавицы мои,
На этихъ трехъ надѣньте надпись: „Боже,
Помилуй насъ!" Они заражены:
Чума прошла въ сердца. Зараза эта
Пристала къ нимъ отъ вашихъ глазъ. Они
Зачумлены—и васъ постигнетъ то же:
Я вижу, всѣ вы знакомъ роковымъ
Отмѣчены.

ПРИНЦЕССА
(*показывая на свой подарокъ*).

Тѣ, отъ которыхъ знаки
Достались намъ, ихъ могутъ взять назадъ.

БИРОНЪ.

И безъ того мы бѣдны: не старайтесь
Насъ разорить.

РОЗАЛИНА.

Напрасная боязнь:
Кто станетъ разорять пустую землю?

БИРОНЪ.

Молчите; съ вами не хочу имѣть
Я дѣла никакого.

РОЗАЛИНА.

Точно также
И съ вами—я, пока располагать
Собой могу.

БИРОНЪ.

Мессеры, говорите
Вы сами за себя: я весь свой умъ
Ужъ истощилъ.

КОРОЛЬ.

Прекрасная принцесса,
Скажите, чѣмъ могли бъ мы хорошо
Загладить нашъ дурной поступокъ?

ПРИНЦЕССА.

Средство
Вѣрнѣйшее—сознанье. Это вы
За нѣсколько минутъ здѣсь были въ маскѣ?

КОРОЛЬ.

Да, это я.

ПРИНЦЕССА.

И дѣлали вы все
Обдуманно?

КОРОЛЬ.

Да, милая принцесса.

ПРИНЦЕССА.

Итакъ, когда вы это были здѣсь—
Скажите, что шептали вашей дамѣ
Вы на ухо?

Король.
Что выше, чѣмъ весь міръ,
Я чту ее.

Принцесса.
Когда она поймаетъ
Васъ на словѣ, вы отъ нея тотчасъ
Отступитесь.

Король.
О, нѣтъ—клянусь вамъ честью!

Принцесса.
Т-съ, государь, молчите! Разъ уже
Нарушили вы клятву и хотите
Нарушить вновь.

Король.
Принцесса, если я
Нарушу *эту* клятву—презирайте
Меня всегда.

Принцесса.
Да, буду презирать—
И потому, смотрите! Розалина,
Что русскій твой здѣсь на ухо тебѣ
Шепталъ? скажи.

Розалина.
Что, какъ зѣница ока,
Я дорога ему, что цѣлый свѣтъ
Онъ за меня готовъ отдать охотно,
Что, наконецъ, онъ женится на мнѣ,
Иль до смерти останется влюбленнымъ.

Принцесса.
Такъ пусть Господь порадуетъ тебя
Союзомъ съ нимъ! Монархъ нашъ благородный
Отъ слова не отступитъ.

Король.
Что сказать
Хотите вы? Клянусь вамъ жизнью, честью,
Я никогда не клялся въ этомъ ей!

Розалина.
Свидѣтель Богъ, вы клялись, и, чтобъ клятву
Запечатлѣть, мнѣ дали эту вещь:
Но вамъ ее я отдаю обратно.

Король.
Я эту вещь и клятвенный обѣтъ
Принцессѣ далъ, при чемъ узналъ принцессу
По моему брильянту, что висѣлъ
На рукавѣ ея.

Принцесса.
Нѣтъ, вы ошиблись:
Брильянтъ вашъ былъ на Розалинѣ; мнѣ жъ
Въ поклонники достался, къ счастью, Бирон.
(*Бирону*). Кого же взять хотите вы: меня
Иль жемчугъ вашъ?

Бирон.
Ни васъ, ни жемчугъ; оба
Не нужны мнѣ. Теперь я понялъ все.
Узнавъ нашъ планъ, здѣсь повели интригу,
Чтобъ освистать его, какъ глупый фарсъ
Рождественскій. Какой-то скверный сплетникъ,
Дуракъ-болтунъ, разносчикъ новостей,
Шутъ, блюдолизъ, который отъ улыбокъ
Свое лицо морщинами покрылъ
И знаетъ, чѣмъ заставить нашихъ барынь
Похохотать, когда онѣ не прочь
Отъ этого—онъ разболталъ, конечно,
Нашъ замыселъ. Узнавъ о томъ, онѣ
Подарками сейчасъ же обмѣнялись,
И, знаками введенные въ обманъ,
Мы знакамъ тѣмъ любовь свою открыли,
И, стало-быть, усилили еще
Свою вину, нарушивъ дважды клятву;
Сперва по доброй волѣ, а потомъ
По милости обмана. (*Къ Бойе*). Ужъ не вы ли
Разрушили нашъ планъ, чтобъ сдѣлать насъ
Отступниками клятвы? Вы у барынь
Снимаете, вѣдь мѣрочку съ ноги,
Хохочете, чуть только вамъ глазами
Онѣ мигнутъ, стоите межъ огнемъ
И ихъ спиной съ тарелкой и острите
Безъ умолку! Вы нашего пажа
Сконфузили. О, да, вамъ все на свѣтѣ
Позволено! Когда бъ вы умереть
Ни вздумали, вашъ саванъ будетъ юбка.
Коситесь вы, я вижу, на меня.
Вотъ страшный взглядъ: онъ ранитъ, точно сабля
Свинцовая.

Бойе.
Какъ бодро пробѣжалъ
Съ копьемъ въ рукѣ онъ эту всю арену!

Бирон.
Онъ, кажется, сбирается на бой;
Но кончилъ я—и миръ провозглашаю!

Входитъ Башка.

Бирон.
Привѣтъ тебѣ, чистѣйшій умъ! Пришелъ
Ты кончить споръ чудесный!

Башка.
О, Создатель

Меня за тѣмъ прислали, чтобъ узнать,
Идти ли „тремъ героямъ“, иль не надо?

Бирономъ.

Да развѣ ихъ тамъ только трое?

Башка.

Да-съ,
Но это все чудесно вышло: каждый
Изъ нихъ идетъ за трехъ.

Бирономъ.

А трижды три—
Вѣдь, девять.

Башка.

Нѣтъ, позвольте; нѣтъ, не девять.
Надѣюсь я: не идіоты мы.
Ужъ вѣрьте мнѣ, мы знаемъ то, что знаемъ.
Надѣюсь я, мессеръ, что трижды-три...

Бирономъ.

Не девять?

Башка.

Нѣтъ, ужъ вы позвольте. Знаемъ
Мы хорошо, какъ это сосчитать.

Бирономъ. Клянусь Юпитеромъ, я всегда думалъ, что трижды-три—девять.

Башка. О, Господи! Какая бы это была жалость, если бъ вамъ пришлось зарабатывать хлѣбъ ариѳметикой!

Бирономъ. Сколько же трижды-три?

Башка. О, Боже ты мой! Сами герои, актеры-то, покажутъ вамъ, сколько это составляетъ. А я собственно, какъ они говорятъ, долженъ представлять одного только господина, и неважнаго господина: Помпіона какого-то Великаго.

Бирономъ. Такъ ты тоже одинъ изъ „героевъ“?

Башка. Имъ было угодно найти, что я достоинъ быть Помпіономъ Великимъ. Что это былъ за герой, я, признаться, и не знаю, а только мѣсто его займу.

Бирономъ. Ступай, скажи, чтобъ они приготовились.

Башка. Мы ужъ это дѣло славно оборудуемъ; ужъ постараемся со всякимъ усердіемъ. *(Уходитъ).*

Король.

Они, вѣдь, насъ стыдомъ покроютъ, Бирономъ:
Не надо ихъ впускать сюда.

Бирономъ.

И такъ
Мы терпимъ стыдъ, мой государь, и будетъ
Довольно политично, если мы
Покажемъ фарсъ грубѣй того, что сыгранъ
Былъ королемъ и труппою его.

Король.

Не надо ихъ впускать, я повторяю.

Принцесса.

Позвольте мнѣ, мой добрый государь,
Васъ упросить. Пріятна та забава,
Что нравится помимо своего
Старанія. Когда усердье тщится
Намъ угодить и всѣ его труды
Отъ рвенія самихъ актеровъ гибнутъ,
Тогда смѣсь формъ является сама
Уродливой и шутовскою формой,
И эти всѣ тяжелые труды
При самомъ ихъ рожденьи умираютъ.

Бирономъ.

Какъ правильно изобразили вы
Комедію, разыгранную нами!

Входитъ Армадо.

Армадо. Помазанникъ Божій, умоляю тебя истратить такое количество твоего благодатнаго царственнаго дыханія, какое потребно для произнесенія двухъ словъ. (*Отходитъ въ сторону съ королемъ и передаетъ ему бумагу).*

Принцесса. Скажите, этотъ человѣкъ служитъ Богу?

Бирономъ. Почему это вы спрашиваете?

Принцесса. Потому что онъ не говоритъ такъ, какъ говорятъ люди, созданные по подобію Божьему.

Армадо *(вслухъ королю).* Это все равно, мой прекрасный, драгоцѣнный, медоточивый монархъ; ибо я клянусь, что школьный учитель надѣленъ чрезмѣрною фантастичностью; онъ слишкомъ тщеславенъ, слишкомъ тщеславенъ, но мы все-таки рискнемъ, положимся на fortuna della querra. Желаю тебѣ, о, царственная чета, душевнаго спокойствія!

(Уходитъ).

Король. Мы увидимъ сейчасъ недурное собраніе героевъ. Вотъ этотъ, что только что вышелъ, изображаетъ Гектора троянскаго; пастухъ—Помпея Великаго; приходскій священникъ—Александра; пажъ Армадо—Геркулеса; педантъ-учитель—Іуду Маккавея.

Когда жъ четыре сихъ героя
Понравятся въ роляхъ своихъ

То, въ платье облачась другое,
Они сыграютъ остальныхъ.

Биронъ.

Но ихъ не четверо, а пять.

Король.

Вѣрнѣй должны вы сосчитать.

Биронъ. Педантъ, фанфаронъ, попъ, шутъ и мальчишка.
И ни въ какой игрѣ, какъ ни бросай костей,
Ужъ пятерикъ такой не выкинешь, ей-ей!

Король.

Корабль подъ парусомъ, и вотъ онъ у дверей.

(Всѣ садятся. Начинается представленіе интермедіи „Девять героевъ").

Входитъ Башка, *изображающій Помпея.*

Башка *(декламируя).*

„Я—Помпей..."

Бойе. Ты лжешь!

Башка.

„Я—Помпей..."

Бойе. Съ головой леопарда на колѣнѣ.

Биронъ. Славно сказано, старый насмѣшникъ! Послѣ этого я мирюсь съ тобою.

Башка.

„Я—Помпей, Помпей, который прозванъ
Толстымъ..."

Дюменъ. Великимъ.

Башка. Точно, мессеръ—великимъ.

„Я—Помпей, Помпей, который прозывается
Великій;
Я, врага разившій часто и щитомъ моимъ
и пикой,
Я приплылъ сюда случайно, и оружіе теперь
Здѣсь у ногъ твоихъ слагаю, королей французскихъ дщерь!"

Если вашему высочеству угодно будетъ сказать мнѣ: „спасибо, Помпей", то я кончилъ.

Принцесса. Очень тебѣ благодарна, великій Помпей.

Башка. Не стоитъ такой большой благодарности; но, надѣюсь, что сыгралъ молодцомъ. Вотъ только маленькую ошибку сдѣлалъ въ словѣ „великій".

Биронъ. Ставлю мою шляпу противъ мѣднаго гроша, что Помпей окажется лучшимъ изъ героевъ.

Входитъ Натаніилъ, *въ роли Александра.*

Натаніилъ *(декламируя).*

„Когда я въ мірѣ жилъ, я міромъ управлялъ;
Югъ, сѣверъ, и востокъ, и западъ побѣждалъ;
Мой гербъ—свидѣтельство, что я тотъ Александръ..."

Бойе.

Вашъ носъ—свидѣтельство, что вы не Александръ:
Онъ слишкомъ прямъ.

Биронъ *(къ Бойе).*

А вашъ почуялъ это.
Чутье у васъ тончайшее, мессеръ.

Принцесса.

Совсѣмъ смущенъ завоеватель! Добрый
Мой Александръ, прошу васъ продолжать.

Натаніилъ *(декламируя).*

„Когда я въ мірѣ жилъ, я міромъ управлялъ..."

Бойе.

Да, Александръ, ты точно міромъ правилъ.

Биронъ. *(Башкѣ).*

Герой Помпей!

Башка.

Башка и вашъ слуга!

Биронъ. Уведи-ка ты завоевателя, уведи Александра.

Башка *(Натаніилу).* О, сударь, вы погубили Александра завоевателя! За это съ васъ снимутъ разрисованное платье и вашего льва, который сидитъ съ своимъ оружіемъ на ночномъ стулѣ, отдадутъ Аяксу: онъ будетъ девятый герой. Завоеватель, а боится говорить! Стыдъ какой! Бѣги, Александръ! *(Натаніилъ уходитъ).* Онъ, съ вашего позволенія, тихенькій дурачокъ. И честный-то человѣкъ, да его сейчасъ собьешь съ толку. Сосѣдъ онъ чудесный, увѣряю васъ; въ шары тоже славно играетъ; но для Александра—сами изволите видѣть—не совсѣмъ-то годится. Зато—вотъ идутъ другіе герои, они заговорятъ совсѣмъ иначе.

Принцесса. Посторонись, добрый Помпей.

(Башка уходитъ).

Входятъ Олофернъ, *въ роли Іуды Маккавея, и* Моль, *въ роли Геркулеса.*

Олофернъ *(декламируя).*

„Здѣсь Геркулесомъ великимъ является этотъ ребенокъ—
Тѣмъ, что Цербера дубиной убилъ—трехголоваго *canus*;
Будучи малымъ младенцемъ, дитятей, едва изъ пелонокъ,
Змѣевъ огромныхъ вотъ такъ удушалъ въ своихъ собственныхъ *manus*.
Quoniam онъ малолѣтнимъ является,
Ergo онъ мной восхваляется".

(Моли).

Укрась величіемъ твой *exit* и исчезни.

(Моль уходитъ).

Олофернъ *(продолжая декламировать).* „Іуда я..."

Дюменъ. Іуда!

Олофернъ. Не Искаріотскій.

„Іуда я, что прозванъ Маккавеемъ..."

Дюменъ. Отыми Маккавея, останется все-таки Іуда.

Биронъ. Лобызающій измѣнникъ, какъ это ты сдѣлался Іудой?

Олофернъ.

„Іуда я..."

Дюменъ. Тѣмъ болѣе это стыдно тебѣ, Іуда!

Олофернъ. Позвольте!

Бойе. Позволяю Іудѣ пойти и повѣситься.

Олофернъ. Извольте показать примѣръ—вы старшій.

Биронъ. Недурно сказано!

Олофернъ. Я не позволю оскорблять меня въ лицо.

Биронъ. Потому что у тебя не лицо.

Олофернъ *(показывая на свое лицо).* А это что жъ такое?

Бойе. Голова волынки.

Дюменъ. Голова гвоздя.

Биронъ. Физіономія смерти, вырѣзанная на перстнѣ.

Лонгвиль. Стершееся лицо старой римской монеты.

Бойе. Эфесъ шпаги Цезаря.

Дюменъ. Рожа, вырѣзанная изъ кости на солдатской лядункѣ.

Биронъ. Полъ-щеки святого Георгія на дамской брошкѣ.

Дюменъ. Да, только на свинцовой.

Биронъ. И притомъ такой, какую носятъ на своихъ шляпахъ зубные врачи. Ну, теперь продолжай на свою голову.

Олофернъ. Вы совсѣмъ меня лишили головы.

Биронъ. Неправда: мы дали тебѣ много головъ.

Олофернъ. Все оскорбительныя головы!

Биронъ. Будь ты даже левъ, мы не прибрали бы тебѣ ничего лучшаго.

Бойе.

А такъ какъ онъ оселъ—пускай идетъ!
Прощай, мой миленькій Іуда!

Олофернъ.

Это
Нехорошо—и грубо, и жестоко.

Бойе.

Огня, огня почтенному Іудѣ!
Теперь темно—пожалуй, упадетъ.

(Олофернъ уходитъ).

Принцесса.

Ахъ, бѣдный Маккавей, какъ онъ отдѣланъ!

Входитъ Армадо, *одѣтый Гекторомъ.*

Биронъ. Спрячь свое лицо, Ахиллесъ: сюда идетъ вооруженный Гекторъ.

Дюменъ. Теперь-то я позабавлюсь, хотя бы мои насмѣшки обрушились на меня самого.

Король. Гекторъ, въ сравненіи съ нимъ, былъ не болѣе, какъ троянецъ.

Бойе. Развѣ это Гекторъ?

Король. Гекторъ, кажется, не былъ такъ плотно сложенъ.

Лонгвиль. У него нога слишкомъ толста для Гектора.

Дюменъ. И икры слишкомъ велики.

Бойе. Нѣтъ, онъ не такъ миніатюренъ, какъ Гекторъ.

Биронъ. Рѣшительно, это не Гекторъ.

Дюменъ. Это или богъ, или живописецъ, потому что онъ дѣлаетъ рожи.

Армадо *(декламируя).*

„Побѣдоносный Марсъ, властитель грозный пики.
Далъ мнѣ..."

Дюменъ. Золотой орѣшекъ.

Биронъ. Лимонъ.

Лонгвиль. Украшенный гвоздикою.

Дюменъ. Нѣтъ, треснувшій пополамъ.

Армадо. Молчите! *(Декламируетъ).*

„Побѣдоносный Марсъ, властитель грозный пики,

Далъ мнѣ, наслѣднику троянскаго владыки,
Такую силу мышцъ, что съ ночи до утра
Я драться могъ съ врагомъ внѣ моего шатра.
Я—тотъ цвѣтокъ....*

Дюменъ.
Та мята.

Лонгвиль.
Маргаритка.

Армадо. Дорогой мессеръ Лонгвиль, обуздай твой языкъ.

Лонгвиль. Я скорѣе долженъ разнуздать его, потому что онъ бѣжитъ за Гекторомъ.

Дюменъ. А Гекторъ – гончая собака.

Армадо. Дорогой воитель умеръ и сгнилъ; милые цыплята, не трогайте костей покойниковъ: когда онъ дышалъ, это былъ человѣкъ. Но я стану продолжать мою роль. (*Принцессѣ*). Очаровательная царственность, удѣли мнѣ чувство твоего слуха.

Принцесса. Говори, храбрый Гекторъ: намъ это въ высшей степени пріятно.

Башка *возвращается*; *Бирон говоритъ ему что-то на ухо.*

Армадо. Я боготворю туфлю твоего драгоцѣннаго высочества.

Бойе (*тихо Дюмену*). Онъ любитъ ее снизу.

Дюменъ (*тихо Бойе*). Потому что не любитъ сверху.

Армадо (*декламируя*).
Сей Гекторъ храбростью былъ выше Аннибала!

Башка (*перебивая его*). Пріятель Гекторъ, послушайте: съ вашей половиной дѣло плохо, очень плохо. Уже два мѣсяца.

Армадо. Что ты хочешь этимъ сказать?

Башка. Да то, что не будь вы честный троянецъ, бѣдная дѣвушка пропала бы. Она беременна. Ребенокъ уже копошится у ней въ животѣ. Это отъ васъ.

Армадо. Какъ ты смѣешь диффамировать меня передъ потентатами? За это ты умрешь.

Башка. Стало быть, Гектора высѣкутъ за Жакнетту, которой онъ сдѣлалъ живого человѣка, и повѣсятъ за Помпея, котораго онъ сдѣлаетъ мертвымъ человѣкомъ.

Дюменъ. О, несравненный Помпей!

Бойе. Достославный Помпей!

Бирон. Великій болѣе великаго, великаго, великаго, великаго Помпея! Неизмѣримый Помпей!

Дюменъ. Гекторъ трепещетъ.

Бирон. Помпей взволнованъ. Трави ихъ, трави! Живѣе, горячѣе!

Дюменъ. Гекторъ вызоветъ его на бой.

Бирон. Да, хотя бы у него въ желудкѣ было крови не больше, чѣмъ нужно для того, чтобы накормить блоху.

Армадо (*Башкѣ*). Сѣвернымъ полюсомъ вызываю тебя на поединокъ!

Башка. Не умѣю я драться сѣверными полюсами; а вотъ давайте на шпагахъ. Мессеры, позвольте мнѣ снова получить мое оружіе.

Дюменъ. Мѣсто воспламенившимся героямъ!

Башка. Я буду драться безъ кафтана.

Дюменъ. Неустрашимый Помпей!

Моль (*Армадо*). Мессеръ, позвольте мнѣ разстегнуть васъ. Развѣ вы не видите, что Помпей раздѣвается для поединка? О чемъ же вы думаете? вѣдь, ваша репутація погибнетъ.

Армадо. Мессеры и воины, извините меня, но я не хочу драться въ рубашкѣ.

Дюменъ. Вамъ нельзя отказаться: вызовъ сдѣланъ Помпеемъ.

Армадо. Дорогіе мои, я хочу только то, что могу.

Бирон. Объяснитесь.

Армадо. Нагая истина во всемъ этомъ дѣлѣ заключается въ томъ, что у меня нѣтъ рубашки, такъ какъ я ношу шерстяную фуфайку въ видѣ эпитимьи.

Моль. Это правда. Въ Римѣ ему предписали не носить бѣлья—и съ тѣхъ поръ, клянусь вамъ, онъ не носилъ на себѣ никогда ничего полотнянаго, кромѣ одной тряпки Жакнетты; и эту тряпку онъ держитъ всегда около сердца, какъ воспоминаніе.

Входитъ Меркадъ.

Меркадъ.

Спаси Господь принцессу!

Принцесса.
Очень рада
Тебѣ, Меркадъ, хотя потѣху нашу
Ты прервалъ.

Меркадъ.
Мнѣ это очень жаль,
Тѣмъ болѣе, что вѣстью очень грустной
Отягощенъ языкъ мой. Вашъ отецъ,
Мой государь...

ПРИНЦЕССА.

Онъ умеръ?

МЕРКАДЪ.

Да, принцесса!
Я все сказалъ, что долженъ былъ сказать.

БИРОНЪ.

Герои—прочь: на сцену тучи сходятъ!

АРМАДО. Я же только теперь начинаю дышать свободно. На день оскорбленія я взглянулъ сквозь маленькую дырочку умѣренности, но удовлетвореніе получу, какъ истинный воинъ. (*Герои уходятъ*).

КОРОЛЬ.

Какъ чувствуете вы себя, принцесса?

ПРИНЦЕССА.

Бойе, приготовляйтесь: ѣду я
Сегодня въ ночь.

КОРОЛЬ.

О, нѣтъ, останьтесь съ нами—
Я умоляю васъ.

ПРИНЦЕССА.

Готовьтесь въ путь,
Я говорю. Любезные мессеры,
Благодарю васъ всѣхъ за вашу всю
Привѣтливость, и сердцемъ, омраченнымъ
Внезапною печалью, умоляю,
Чтобъ мудростью богатою своей
Прикрыли вы иль оправдали нашу
Чрезмѣрную насмѣшливость. Когда
Мы перешли интимности границы,
То въ этомъ вы должны винить свою
Любезную привѣтливость. Прощайте,
Мой государь! Когда душа болитъ,
Тогда языкъ нѣмѣетъ. Извините,
Что не могу распространиться я
Въ признательныхъ словахъ за ту готовность,
Съ которой вы исполнили мое
Столь важное желанье.

КОРОЛЬ.

Время, въ быстромъ
Теченіи, рѣшаетъ часто дѣло
Въ послѣднюю минуту—и не разъ
Трудъ долгихъ лѣтъ вѣнчается успѣшно
Въ тотъ самый часъ, когда ужъ все почти
Потеряно. Хотя при видѣ горя,
Мрачащаго дочернее чело,
Уста любви не смѣютъ улыбаться
И говорить за то святое дѣло,
Что выиграть желала бы любовь—
Но если ужъ она пошла открыто
Своимъ путемъ, то съ этого пути
Пускай ее не совращаютъ тучи
Печали злой! Оплакивать друзей
Потерянныхъ—невыгоднѣй, вреднѣе,
Чѣмъ радоваться новымъ.

ПРИНЦЕССА.

Не могу
Я васъ понять; удвоиваетъ это
Мою печаль.

БИРОНЪ.

Чѣмъ откровеннѣй рѣчь
И чѣмъ простѣй, тѣмъ глубже проникаетъ
Въ слухъ горести. Я объясню сейчасъ
Мысль короля. Мы тратили здѣсь время,
Нарушили преступно клятву мы
Лишь изъ-за васъ. Своею красотою,
Красавицы, вы исказили насъ,
Заставили пойти всѣ наши чувства
Наперекоръ желанію—и вотъ,
Вотъ почему казались мы такими
Смѣшными вамъ. Любовь вся создана
Изъ прихотей, до неприличья странныхъ.
Она рѣзка, капризна, какъ дитя;
Ее родятъ глаза, и потому-то
Она, какъ глазъ, полна страннѣйшихъ формъ
И образовъ, и видовъ; точно такъ же,
Какъ глазъ людской, съ предмета на предметъ
Вращается—она свои предметы
Мѣняетъ безпрерывно. Если мы,
Подъ пестрою одеждой, что надѣла
На насъ любовь, предъ вашими глазами
Небесными явилися въ такомъ
Постыднѣйшемъ разладѣ съ нашей клятвой
И съ нашею серьезностью, то эти
Небесные глаза виной всего,
Что въ насъ они увидѣли дурного.
Поэтому, коль вамъ принадлежитъ
Нашъ пылъ любви, то вамъ и заблужденья,
Рождаемыя имъ, принадлежатъ.
Лишь для того нарушили мы клятву,
Чтобъ разъ ее нарушить и потомъ
Не измѣнять во-вѣки тѣмъ, кто сдѣлалъ
Измѣнниками насъ и вмѣстѣ съ тѣмъ
Хранителями клятвы—вамъ, созданья
Прекрасныя! И эта лживость—грѣхъ
Самъ по себѣ—сама и очищенье
Себѣ даетъ, и благомъ для души
Становится.

ПРИНЦЕССА.

Мы получили ваши
Любовныя посланья и при нихъ—

Посланниковъ любви—подарки ваши;
И нашъ совѣтъ дѣвическій рѣшилъ,
Что это все лишь свѣтская любезность,
Пріятная забава для того,
Чтобъ чѣмъ-нибудь занять и скрасить
время.
Серьезнѣе смотрѣть на это мы
Не думали—и потому-то вашу
Любовь сочли за шутку, по ея
Всѣмъ признакамъ.

Дюменъ.

Принцесса, наши письма
Доказывали вамъ, что далеко
Не шутимъ мы.

Лонгвиль.

И наши взгляды—тоже.

Розалина.

Мы поняли ихъ иначе.

Король.

Теперь,
Въ послѣднюю минуту, наградите
Любовью насъ.

Принцесса.

Коротокъ слишкомъ срокъ,
Мнѣ кажется, чтобъ торгъ могли навѣки
Мы заключить. Нѣтъ, нѣтъ, мой государь!
Нарушили вы клятву, совершили
Тяжелый грѣхъ—и потому теперь
Послушайте. Когда готовы сдѣлать
Хоть что нибудь вы изъ любви ко мнѣ—
А этому предлогу я не вѣрю—
То сдѣлайте вы вотъ что. Вашихъ клятвъ
Не нужно мнѣ, но вы должны сейчасъ-же
Отправиться въ какой-нибудь пріютъ,
Заброшенный, пустынный, отдаленный
Отъ всякаго веселья; будьте тамъ,
Покамѣстъ всѣ двѣнадцать знаковъ неба
Не совершатъ свой годовой обходъ.
И если жизнь суровая, глухая
Нетронутымъ оставитъ то, что ты
Мнѣ предложилъ въ разгарѣ страсти, если
Морозы, постъ, угрюмое жилище
И грубая одежда не убьютъ
Роскошнаго и молодого цвѣта
Твоей любви и устоитъ она
Передъ такимъ тяжелымъ испытаньемъ—
Тогда, чуть годъ окончится, приди
И именемъ твоей заслуги требуй
Меня къ себѣ—и дѣвственной рукой,
Которая теперь твою сжимаетъ,
Клянусь я быть твоею. Въ это время
Я въ траурной обители запру
Мою печаль и буду неутѣшно
Оплакивать умершаго отца.
Но если ты на это не согласенъ—
Разъединятся руки, и сердца
Навѣки другъ отъ друга отрекутся.

Король.

О, милая, когда я не рѣшусь
На это испытанье, иль другое
Сильнѣйшее, которое должно
Бездѣйствіемъ сковать мои всѣ чувства—
Пусть смерть смежитъ внезапною рукой
Мои глаза. Съ минуты этой сердце
Мое лежитъ въ груди твоей, принцесса!

Дюменъ *(Катаринѣ)*.

А мнѣ вы что назначите? Жену?

Катарина.

Хорошее здоровье, честность сердца
И бороду—три эти вещи я
Желаю вамъ съ тройнымъ расположеньемъ.

Дюменъ.

О, смѣю ль я сказать: „благодарю,
Прелестная жена?“

Катарина.

Нѣтъ, годъ и сутки
Не буду я выслушивать рѣчей
Вздыхателей-льстецовъ. Когда къ принцессѣ
Придетъ король, придите вы ко мнѣ,
И если я въ то время буду много
Имѣть любви, то дамъ частичку вамъ.

Дюменъ.

До той поры я буду вашимъ вѣрнымъ
И преданнымъ слугою.

Катарина.

Только вы
Мнѣ въ этомъ не клянитесь, чтобы снова
Не сдѣлаться отступникомъ.

Лонгвиль.

Что скажетъ
Марія мнѣ?

Марія.

Я черезъ годъ смѣню
Мой траурный нарядъ на друга сердца.

Лонгвиль.

Я буду ждать съ терпѣніемъ, но срокъ
Не маленькій.

Марія.

Тѣмъ больше это кстати,
И сами вы не маленькій, хотя
Такъ молоды.

Рисунки, въ прерафаэлитскомъ стилѣ, современнаго англійскаго иллюстратора Бейамъ Шоу („The Chiswick Shakespeare" by Bayam Shaw) къ „Безплоднымъ усиліямъ любви".

Дѣйствіе II, сц. 2. (Армадо и Моль).

Дѣйствіе IV, сц. 3. (Биронъ на деревѣ).

sie

Рисунки, въ прерафаэлитскомъ стилѣ, современнаго англійскаго иллюстратора Бейамъ Шоу („The Chiswick Shakespeare" by Bayam Shaw) къ „Безплоднымъ усиліямъ любви".

Дѣйствіе II, сц. 2. (Армадо и Моль).

Дѣйствіе IV, сц. 3. (Бирон̀ъ на деревѣ).

Дѣйствіе II, сц. 1. (Лонгвиль и Бойе).

Дѣйствіе V, сц. 2. («Ку-ку! Ку-ку!»).

Биронъ *(Розалинѣ).*
О чемъ моя дѣвица
Задумалась? О, милая, взгляни
Въ мои глаза—они, вѣдь, окна сердца:
Ты въ нихъ прочтешь покорную мольбу,
Которая ждетъ твоего рѣшенья.
О, прикажи мнѣ сдѣлать что-нибудь,
Чтобъ доказать любовь мою.

Розалина.

Нерѣдко
Я слышала о васъ, мессеръ, когда
Еще совсѣмъ не знала васъ. Широкій
Языкъ молвы провозглашаетъ васъ
Насмѣшникомъ неистощимымъ, полнымъ
Язвительныхъ намековъ и остротъ,
Которыми кидаете вы смѣло
Во всякаго, кѣмъ можетъ завладѣть
Вашъ острый умъ. Чтобъ отъ полыни этой
Очищенъ былъ вашъ плодоносный мозгъ
И, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ вы снискали—если
Желаете того—мою любовь—
А вы ее не купите иначе,
Какъ этою цѣною—я хочу,
Чтобъ цѣлый годъ, день за день, за нѣмыми
Страдальцами ухаживали вы
И съ бѣдными больными говорили
Безъ умолку. И будетъ ваша вся
Обязанность—всѣ силы остроумья
Употреблять на то, чтобы могли
Несчастные страдальцы улыбаться.

Биронъ.

Какъ, дѣлать такъ, чтобъ хохотала смерть?
Но, Боже мой, вѣдь, это невозможно!
Веселостью нельзя расшевелить
Предсмертное страданье.

Розалина.

Въ этомъ средство
И вижу я—смирять злой, ѣдкій умъ,
Обязанный своимъ успѣхомъ только
Ничтожнымъ похваламъ, что расточаетъ
Передъ глупцомъ нелѣпый хохотунъ.
Успѣхъ остротъ нимало не зависитъ
Отъ языка, слагающаго ихъ:
Онъ весь въ ушахъ того, кто ихъ внимаетъ.
Поэтому, когда больного слухъ,
Стенаньями недуга оглушенный,
Найдетъ въ себѣ возможность выносить
Всю болтовню насмѣшливую вашу—
Ее вы продолжайте, и возьму
Я васъ тогда съ порокомъ этимъ вмѣстѣ.
Иначе же старайтесь отъ него
Отдѣлаться—и я чистосердечно
Порадуюсь, когда увижу васъ
Избавленнымъ отъ этихъ недостатковъ.

Биронъ.

Такъ цѣлый годъ? Ну, будь, что будетъ: я
На цѣлый годъ иду острить въ больницу.

Принцесса
(королю, съ которымъ она все это время разговаривала).

Да, государь; затѣмъ проститься съ вами
Имѣю честь.

Король.

Нѣтъ, мы проводимъ васъ.

Биронъ.

Мы кончили не такъ, какъ въ старыхъ пьесахъ
Влюбленные оканчиваютъ: Петръ
Не женится на Марьѣ. Эти дамы
Своею благосклонностью могли бъ
Окончить все развязкою комедій.

Король.

Что жъ, подождемъ; всего, вѣдь, годъ и день—
И явится развязка.

Биронъ.

Нахожу
Я этотъ срокъ для пьесы слишкомъ длиннымъ.

Входитъ Армадо.

Армадо. Драгоцѣнное величество, удостой...

Принцесса. Не Гекторъ ли это?

Дюменъ. Доблестный рыцарь троянскій!

Армадо. Я желаю облобызать твой царственный палецъ и откланяться. Я произнесъ обѣтъ: я поклялся Жакнеттѣ, ради моей любви къ ней, ходить за плугомъ три года. Но, досточтимое величество, угодно будетъ тебѣ выслушать діалогъ, который два ученыхъ мужа сочинили во славу совы и кукушки? Этимъ діалогомъ должно было закончиться наше представленіе.

Король. Ведите ихъ скорѣе. Мы согласны.

Армадо. Эй! приблизьтесь!

Входятъ Олофернъ, Натаніилъ, Моль, Башка *и другіе.*

Армадо. Съ этой стороны *Hiems*, зима; а съ этой—*Ver*, весна; первую изображаетъ сова; вторую—кукушка. Весна, начинай.

ПѢСНЯ.

Весна.

Когда фіалки голубыя
И цвѣта моря васильки,
И маргаритки росписныя,
И золотые пѣтушки
Поляну уберутъ цвѣтами—
Тогда, смѣяся надъ мужьями,
Поетъ кукушка на суку:
„Ку-ку!“
Ку-ку! ку-ку! О, этотъ звукъ
Для всѣхъ мужей—источникъ мукъ!
Когда птенцовъ выводятъ птицы,
Пастухъ беретъ свою свирѣль,
Къ ручьямъ идутъ съ бѣльемъ дѣвицы
И служитъ жаворонка трель
Въ часъ утра пахарю часами—
Тогда, смѣяся надъ мужьями,
Поетъ кукушка на суку:
„Ку-ку!“
Ку-ку! ку-ку! О этотъ звукъ
Для всѣхъ мужей—источникъ мукъ.

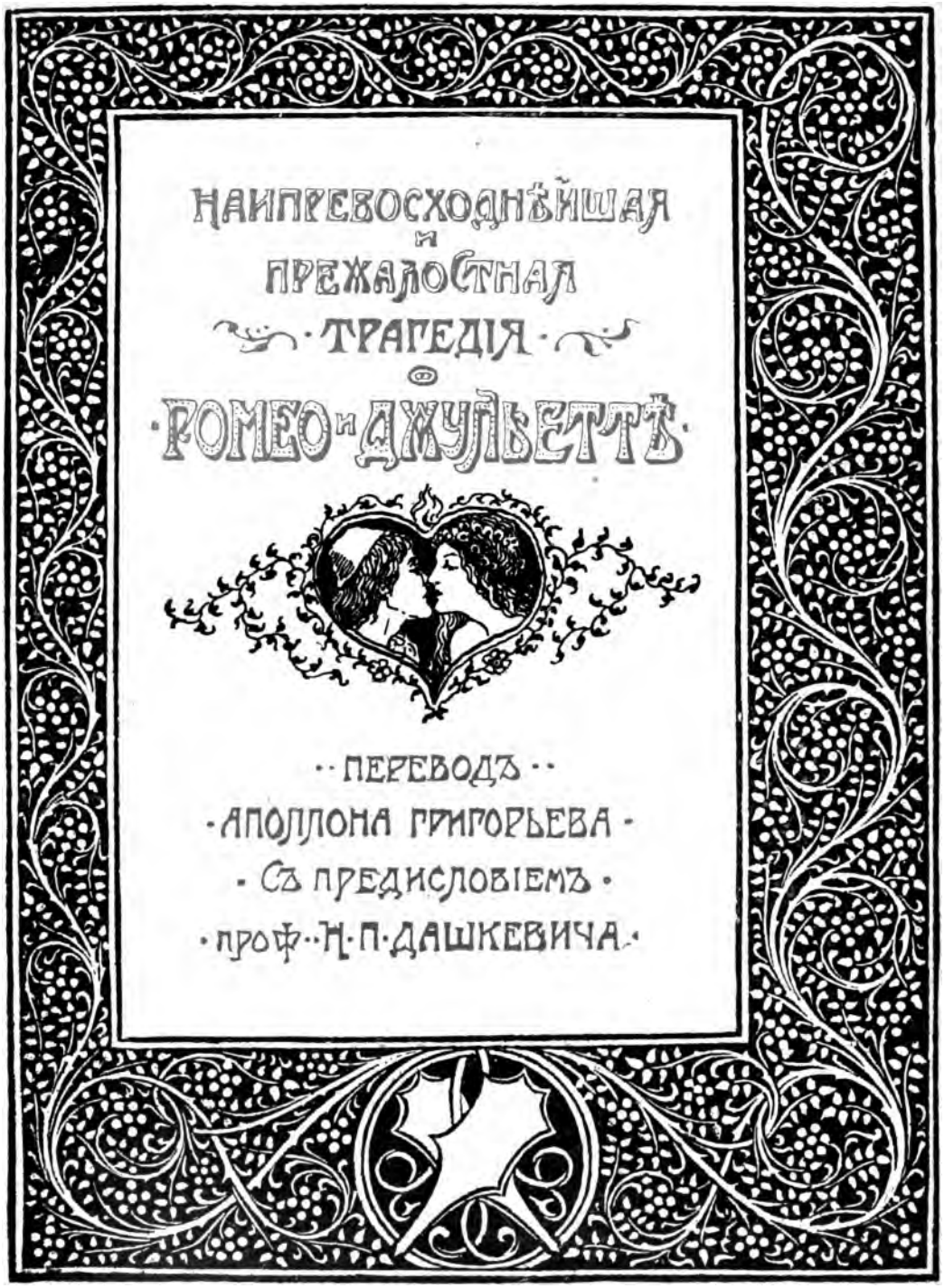
Зима.

Когда сверкаютъ крыши въ льдинкахъ
И дуетъ Томъ пастухъ въ кулакъ
И замерзаютъ сливки въ крынкахъ,
И хворостъ тащитъ въ печку Жакъ,
И стынетъ кровь, и грустно взору—
Тогда сова въ ночную пору
Заводитъ пѣсенку свою:
„Ту-ю!“
Ту-ю! Какъ весело звучитъ,
Межъ-тѣмъ, какъ Жанна супъ варитъ!
Когда бушуетъ вѣтръ суровый
И птицы все въ снѣгу сидятъ,
И носъ Марьянны весь багровый,
И яблоки въ огнѣ свистятъ,
И кашель портитъ рѣчь пастору—
Тогда сова въ ночную пору
Заводитъ пѣсенку свою:
„Ту-ю!“
Ту-ю! Какъ весело звучитъ,
Межъ тѣмъ какъ Жанна супъ варитъ.

Армадо. Слова Меркурія оскорбляютъ слухъ послѣ пѣсенъ Аполлона. Вы—сюда, мы—туда. *(Уходятъ).*

П. Вейнбергъ.

Бой «сѣверныхъ людей» на палкахъ (къ сценѣ 2-й, V-го дѣйствія; см. примѣчанія).



Титульная рамка Ренесанса (Венеція 1478, типографія Ерiарота Ратольта). Средній рисунокъ изъ «Temple Shakespeare».

РОМЕО и ДЖУЛЬЕТТА.

Величайшій драматургъ новаго времени, Шекспиръ, прежде чѣмъ подойти къ драматической постановкѣ проблемъ человѣческой жизни, которымъ посвящены трагедіи, явившіяся въ пору высшей зрѣлости его таланта, началъ съ анализа ближайшихъ силъ, управляющихъ человѣкомъ и коренящихся въ его собственной душѣ. На первыхъ порахъ Шекспиръ сосредоточивалъ свое вниманіе преимущественно на болѣе свѣтлыхъ, хотя и не вполнѣ отрѣшенныхъ отъ эгоизма, страстяхъ, каковы любовь и дружба. Уже и въ этомъ болѣе раннемъ своемъ творчествѣ Шекспиръ выказывалъ иногда замѣчательную разносторонность, глубину и правдивость въ изображеніи людскихъ страстей и отношеній, столь высоко возносящія его надъ всѣми его собратами въ мірѣ драматической поэзіи.

Поэзія любви, неразлучная спутница человѣчества съ раннихъ моментовъ его существованія, создала до и послѣ Шекспира немало чудныхъ гимновъ этому обаятельнѣйшему и могущественнѣйшему изъ чувствованій, свойственныхъ человѣческой натурѣ, нарисовала волшебною кистью немало образовъ, полныхъ чарующей прелести, соткала увлекательнѣйшія повѣствованія о свѣтлой, либо скорбной участи неизмѣнно до смерти страстно преданныхъ другъ другу влюбленныхъ. Эти гимны, образы и сказанія мощно дѣйствуютъ на нашу душу, закрывая собою обманы жизни, скрашивая ея неприглядность, открывая просвѣтъ въ лучшія стороны человѣческой природы и жизни. Чтобы напомнить объ этихъ восхитительныхъ созданіяхъ поэзіи, тянущихся длинною вереницею изъ временъ отдаленной древности и до нашихъ дней, достаточно назвать Геро и Леандра, извѣстныхъ хотя бы изъ Шиллеровой обработки ихъ трогательной исторіи, Пирама и Тисбу, Зигфрида и Кримгильду, Тристана и Изольду, Флора и Бланшфлору, Клиже и Фенису, которыхъ именуютъ средневѣковыми Ромео и Джульеттой, Франческу да Римини и Паоло Малатесту, Фауста и Гретхенъ, Поля и Виржинію, Эгмонта и Клерхенъ, Макса и Тэклу и т. д. Вскорѣ послѣ Шекспира сюжетъ о Ромео и Джульеттѣ обработалъ знаменитый испанскій драматургъ Лопе де Вега (между 1604 и 1617 гг.).

Трагедія Шекспира о Ромео и Джульеттѣ*), по общему признанію, превосходитъ

*) Изъ изданій этой трагедіи назовемъ: The works of Shakespeare. The tragedy of Romeo and Juliet. Edited by E. Dowden. Lond. 1900. - A new variorum edition of Shakespeare. Ed. by Horace Howard Furness. Vol. I. Romeo and Juliet. Philadelphia.—**Послѣдній по времени этюдъ принадлежитъ доктору Ивану**

всѣ сродныя ей поэтическія исторіи пламенной, запечатлѣнной смертью, взаимной любви двухъ юныхъ существъ. Она возвышается надъ другими поэтическими обработками той же темы необычайно художественнымъ типическимъ изображеніемъ любви, неизвѣстно какъ и почему овладѣвающей героемъ и героинею, безъ выбора съ ихъ стороны,—любви, отрѣшенной отъ всякой примѣси разсудочности и вполнѣ невинной, всецѣло поглощающей, старающейся превозмочь всѣ препятствія и доказывающей всю свою силу невозможностью для одной стороны жить безъ другой. Сверхъ того трагедія Шекспира необыкновенно трогательна, а также глубока въ силу того философскаго освѣщенія, которое она вноситъ въ таинственный міръ одной изъ самыхъ могучихъ человѣческихъ страстей.

Подобно другимъ произведеніямъ Шекспира, трагедія о Ромео и Джульеттѣ своею внѣшнею канвою обязана вѣковому творчеству, основана на сказаніи, привлекавшемъ вниманіе цѣлаго ряда поколѣній. Геній Шекспира заявилъ себя и здѣсь, какъ и въ иныхъ своихъ великихъ твореніяхъ, умѣньемъ отличить и выдѣлить весьма благодарный сюжетъ изъ ряда обычныхъ фабулъ, возвести его на высшую степень обработки. Шекспиръ съумѣлъ вложить въ него по истинѣ душу живую, облечь его всею прелестью поэзіи и въ то же время вдохнуть въ него глубокую общую мысль о жизни, превратить его въ вѣчно сохраняющую цѣну типическую картину зарожденія и развитія до высочайшаго подъема одной изъ величайшихъ радостей молодой жизни и величайшаго горя, какое можетъ ее постигнуть, въ силу преграды, какія ставитъ поэтическимъ грезамъ прозаическая суровая дѣйствительность.

Одна изъ частностей исторіи изображенныхъ Шекспиромъ влюбленныхъ, принятіе усыпительнаго напитка для избѣжанія грозящей опасности насильственно навязываемаго брака съ нелюбимою личностью, была издавна въ поэтическомъ обиходѣ. Ее указываютъ уже въ древне-греческомъ романѣ, но тамъ такая же подробность предстаетъ въ довольно неуклюже состряпанной рамкѣ исторіи влюбленныхъ, далекихъ отъ глубоко поэтичной Шекспировой четы *). Изъ Византіи эта подробность передалась на Западъ и вошла въ средневѣковой романъ Кретьена де-Труа о Клиже.

Нѣтъ надобности подробно останавливаться здѣсь также на происхожденіи и различныхъ видоизмѣненіяхъ сказанія, послужившаго непосредственнымъ исходнымъ пунктомъ трагедіи Шекспира *). Достаточно сказать, что оно возникло въ Италіи и основано на происшествіи, пріурочивавшемся въ XVI стол. къ Веронѣ времени Данте, упоминающаго о распрѣ Монтекки и Капулетти. Шекспиръ почерпнулъ знакомство съ этимъ сказаніемъ не у итальянскихъ новеллистовъ, а изъ вторыхъ рукъ, изъ англійскаго пересказа, составленнаго Брукомъ и напечатаннаго въ 1562 г., которому онъ немало обязанъ въ своей трагедіи. Существовала, повидимому, въ то время въ Англіи и драматическая обработка той повѣсти, но она не дошла до насъ.

Для насъ интереснѣе выяснить, какъ Шекспиръ, послѣдовавшій за поэмою Брука во многихъ важныхъ подробностяхъ, отнесся къ заимствованному сюжету и преобразовалъ его. Такое разъясненіе можетъ нѣсколько ввести въ тайны его творчества.

Прежде всего необходимо отмѣтить, что уже ранѣе Шекспира перерабатывали въ драму повѣствованіе, на которомъ онъ основалъ свою трагедію, но впервые подъ перомъ великаго англійскаго драматурга оно получило строго драматическую форму, обогатилось драматическою проблемой и достигло геніальнаго внутренняго углубленія.

Знакомясь съ Шекспировой трагедіей, нельзя не обратить вниманія на чрезвычайную быстроту дѣйствія, совершающагося всего въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ: въ воскресенье утромъ Ромео грезилъ еще о любви къ Розалиндѣ, и Джульетта его не знала, въ понедѣльникъ послѣ полудня мы видимъ ихъ уже обвѣнчанными, въ ночь съ понедѣльника на вторникъ они встрѣчаются въ послѣдній разъ, а въ пятницу

Франку и помѣщенъ въ изданіи: Уіллям Шекспир. Ромео та Джульета. Переклад П. А. Кулїша Видавий з передмовою і поясненями д-ра Ів. Франка. У Львові 1901.

*) См. E. Rohde, Der griechische Roman und seine Vorläufer. Zw. Auflage Leipz. 1900. О томъ, что драма Росвиты «Каллимахъ», нѣсколько напоминаетъ «Ромео и Джульетту», говоритъ B. Шереръ, Geschichte der Deutschen Litteratur (имѣется и русскій переводъ).

*) Исторію этого сказанія изложилъ S. Fränkel, Untersuchungen zur Entwickelungsgeschichte des Stoffes von Romeo und Julia въ «Zeitschrift für Vergleichende Litteraturgeschichte und Renaissance Litteratur», N. F., III. 3, 171-210 и IV, 48—91. Дополненія къ этой статьѣ представилъ A. Stiefel: Ein weiterer Beitrag zur Romeo und Julia-Fabel, тамъ же, IV, 274—286. Тщательное сопоставленіе поэмы Брука съ трагедіею Шекспира см. у Delius, Abhandlungen zu Shakespeare. II Bd., 135 и слѣд.

утромъ они были уже бездыханны. Эта необычайная скорость дѣйствія въ піесѣ Шекспира какъ бы соотвѣтствуетъ неудержимой стремительности чувства, безраздѣльно овладѣвшаго охваченными имъ героемъ и героиней и поставленнаго ими превыше всего на свѣтѣ.

Для большаго соотвѣтствія этому порыву и идеализму чувства Джульетта Шекспира, вопреки всѣмъ предшествовавшимъ изводамъ сказанія, представлена едва достигшею 14-лѣтняго возраста и можетъ быть поставлена рядомъ съ Мариною въ „Периклѣ“ и 15-лѣтнею Мирандой въ „Бурѣ“. Дауденъ ссылается на двухъ послѣднихъ въ подтвержденіе того, что Шекспиръ „любилъ весеннее время женщины“. Сравниваютъ также Джульетту съ Abigail въ „Мальтійскомъ жидѣ“ Марло, которой также едва исполнилось четырнадцать лѣтъ и которая изображена сходно съ Джульеттой. Она, какъ и послѣдняя, названа:

The sweetest flower in Cytherea's field *).

Вообще вліяніе Марло, даровитѣйшаго изъ предшественниковъ Шекспира, долго отзывалось въ творчествѣ великаго драматурга. Выставивъ Джульетту столь молодою, Шекспиръ соблюдалъ вѣрность мѣстнымъ условіямъ, такъ какъ южанки созрѣваютъ рано, и сверхъ того хотѣлъ уже самымъ этимъ возрастомъ охарактеризовать весь юношескій пылъ, къ какому способна дѣтски невинная дѣвушка тѣхъ лѣтъ, въ душу которой внезапно западаетъ искра первой любви. Потому-то Джульетта Шекспира и отдается блаженству этого чувства съ дѣтски-дѣвственнымъ восторгомъ.

Внесъ Шекспиръ нѣкоторыя существенныя отмѣны и въ изображеніе того, кто сталъ идоломъ души юной Джульетты, молодого Ромео. У великаго англійскаго драматурга болѣе, чѣмъ у его предшественниковъ, стало важнымъ мотивомъ отношеніе Ромео къ родственницѣ Джульетты, прекрасной Розалиндѣ, которую Ромео будто бы любилъ ранѣе, чѣмъ увидѣлъ свою новую избранницу на балу у Капулетти, гдѣ находилась и Розалинда. Этотъ эпизодъ предварительной мнимой любви прибавляетъ къ характеристикѣ Ромео новую черту, отличающуюся живой правдой, и тѣмъ содѣйствуетъ красотѣ цѣлаго: неясное стремленіе къ любви, сказавшееся въ увлеченіи Розалиндой,—какъ бы прологъ къ глубокому дѣйствительному чувству. Когда Ромео и Джульетта познакомились другъ съ другомъ, къ концу бала ихъ участь была рѣшена навсегда. Ее не могла предотвратить принадлежность ихъ къ семьямъ, раздѣленнымъ смертельною враждою. Въ сценѣ въ саду, одной изъ прекраснѣйшихъ во всей пьесѣ, сердца влюбленныхъ, полюбившихъ другъ друга съ перваго же взгляда, быстро мчатся впередъ, и на слѣдующій день ихъ привязанность была уже освящена тайнымъ брачнымъ союзомъ.

Мастерски построена у Шекспира 1-я сцена III-го акта, въ которой Ромео въ уличной схваткѣ убиваетъ грубаго Тибальта, племянника стараго Капулета, въ отмстку за то, что Тибальтъ сразилъ друга Ромео—Меркуціо. У Шекспира характеръ Тибальта представленъ такъ, что становится легко понятнымъ въ Джульеттѣ перевѣсъ любви къ Ромео надъ гнѣвомъ изъ-за убіенія ея родственника, которое было вызвано необходимостью.

Убіеніе Тибальта является узломъ трагедіи: съ той поры печальная участь Ромео и Джульетты была неотвратима; съ этого момента начинаютъ подготовляться различныя обстоятельства, которыя потомъ совмѣстно привели къ гибели несчастной четы. Ромео отправляется въ Мантую по приговору герцога за убіеніе Тибальта, а Джульетта, дабы избѣжать навязываемаго ей родителями брака съ Парисомъ, принимаетъ, по совѣту о. Лоренцо, усыпительный напитокъ. Ее считаютъ умершею и погребаютъ въ родовой усыпальницѣ. Шекспиръ пускаетъ въ дѣло напитокъ, которымъ лишь на время была усыплена Джульетта, нѣсколько иначе, чѣмъ его предшественники.

Получивъ ложную вѣсть о дѣйствительной будто бы кончинѣ жены, Ромео быстро принимаетъ рѣшеніе. Въ большей части изводовъ онъ возвращается въ Верону умереть у склепа своей жены, переодѣтый въ другое платье, чтобы его не узнали. Шекспиръ, согласовавшій частности дѣйствія съ характерами, не придавалъ значенія такимъ внѣшностямъ, и у него, одушевляясь лишь любовью, Ромео спѣшитъ ночью къ гробницѣ мнимоумершей, не испытывая страха и не переодѣваясь. Въ другихъ изводахъ, прежде чѣмъ умереть, любовники обмѣниваются еще риторическими рѣчами, и ту же ошибку повторилъ еще въ XVIII в. знаменитый Гаррикъ. Шекспиръ вѣрно усмотрѣлъ въ такомъ предсмертномъ разговорѣ лишь театральный эффектъ и сообщилъ развязку, которая человѣчно-правдивѣе и художественно-совершеннѣе: у

*) Сладчайшій цвѣтокъ на лугу Цитеры.

него Ромео умираетъ немедленно отъ яда, и возставшая послѣ продолжительнаго сна Джульетта уже не застаетъ его въ живыхъ.

Таковы нѣкоторыя изъ видоизмѣненій, допущенныхъ Шекспиромъ въ заимствованномъ имъ сказаніи. Вводя всѣ эти преобразованія, поэтъ былъ направляемъ, конечно, тою творческою мыслью, которую внесъ въ заимствованное имъ повѣствованіе.

Возникаетъ, слѣдовательно, вопросъ о смыслѣ, какой оно получило у Шекспира.

Значеніе разсматриваемой трагедіи Шекспира не въ такой мѣрѣ темно, какъ идея нѣкоторыхъ другихъ его произведеній, но все-таки далеко не вполнѣ ясно послѣ перваго знакомства съ пьесой. О томъ свидѣтельствуетъ разногласіе въ опредѣленіи ея смысла.

Прежде чѣмъ подойти къ установленію послѣдняго, будетъ весьма небезполезно ознакомиться съ нѣкоторыми изъ высказанныхъ о томъ мнѣній и провѣрить ихъ посредствомъ анализа характеровъ дѣйствующихъ лицъ, общаго хода трагедіи и сопоставленія ея съ другими произведеніями Шекспировскаго творчества, относящимися къ тому же періоду его.

Съ трагедіею о „Ромео и Джульеттѣ" какъ бы нераздѣльно слились въ ходячихъ представленіяхъ нѣкоторые сразу подкупающіе эпитеты въ родѣ того, что это „пѣснь пѣсней любви". Начало такому представленію о ней положили романтики XIX вѣка, а у насъ Бѣлинскій, къ которому присоединился и проф. Н. И. Стороженко. Они усматривали въ этой драмѣ идеальное воплощеніе великой силы любви, образцовую поэму и апотеозу чистой юношеской любви, облеченныя чарующею прелестью ранней весны и окруженныя ореоломъ ослѣпительной и неувядающей поэзіи. Усвояя этой трагедіи возвышенныя стремленія, романтики хотѣли найти въ ней выраженіе германскаго любовнаго идеала, и Боденштедтъ, напр., видѣлъ въ Ромео идеалъ юноши.

Противъ этого романтическаго возвеличенія Шекспировой четы юныхъ влюбленныхъ выступаютъ другіе критики, которые находятъ, что Шекспиру навязываютъ въ данномъ произведеніи то, о чемъ онъ и не думалъ. „Ромео и Джульетта" не есть де трагедія любви; это—трагедія страсти, не обращающей вниманія ни на что другое, трагедія дерзновенія и упорства. Влюбленные, выведенные въ этой трагедіи, думаютъ только о томъ, чтобы обладать другъ другомъ; такъ какъ они стараются прорваться черезъ всѣ преграды, которыя судьба ставитъ достиженію этой цѣли, то они должны трагически погибнуть. Родоначальникомъ этого мнѣнія былъ уже романтикъ Тикъ, по словамъ котораго въ разсматриваемой трагедіи „случай только кажущійся; трагедія и судьба были обусловлены характеромъ Джульетты; преимущественно же характеромъ Ромео". По мнѣнію нѣмецкой философской критики (Ульрици, Гервинуса, Ретшера), Ромео и Джульетта должны были погибнуть, какъ нарушители законовъ нравственной жизни въ ослѣпленіи всецѣло подавившей ихъ страсти не взиравшіе ни на что другое. Бультгауптъ признаетъ разсматриваемую трагедію „страшно реалистичною". Онъ примкнулъ къ мнѣнію о ней, выраженному извѣстнымъ авторомъ философіи „безсознательнаго", Эдуардомъ фонъ Гартманомъ. Этотъ философъ пытался доказать, что взаимная страсть Ромео и Джульетты не есть глубокая задушевная любовь, составляющая идеалъ германскаго и спеціально нѣмецкаго образа мыслей и чувствованій; она скорѣе—увитое фантазіею стремленіе чувственнаго пыла того болѣе горячаго и легкаго племени, у котораго заимствована фабула трагедіи. И по мнѣнію Бультгаупта, любовь Ромео и Джульетты, являющаяся и развивающаяся въ нихъ съ крайней быстротою, носитъ де романскій характеръ, а не германскій; она возникаетъ съ перваго же взгляда, чувственна, неосмотрительна. Исходя изъ исключительно чувственнаго направленія ея, Шекспиръ изображаетъ страшную силу, какую можетъ имѣть такое чувство надъ людьми, его ослѣпляющее дѣйствіе, помрачающее умы, полное замѣшательство мужчины, попадающаго въ путы любви, и, напротивъ, ростъ характера женщины, которая направляется прямо къ своей цѣли, уже при первомъ тайномъ свиданіи требуетъ брака и потомъ съ энергіею, свойственною страсти, умѣетъ торжествовать въ самыхъ затруднительныхъ положеніяхъ, когда ея возлюбленный теряетъ голову. Шекспиръ сводитъ дѣйствіе чувственной любви къ ея естественнымъ, психологическимъ послѣдствіямъ.—Можно бы привести цѣлый рядъ мнѣній на тему о томъ, что „Ромео и Джульетта"—трагедія кипучей и безразсудно неудержимой страсти.

Иные, не ограничиваясь указаніями на роковую силу страсти, расширяютъ мысль этой піесы до идеи общаго неотвратимаго

рока, признавая носителями послѣдней всѣхъ дѣйствующихъ лицъ трагедіи: всѣми ими помимо ихъ сознанія и воли заправляетъ посторонняя роковая, могучая и непреодолимая сила. Ея воля, отлично подыскивающая орудія даже во всѣхъ второстепенныхъ личностяхъ, исполняется неукоснительно.

Изложивъ крайнія и наиболѣе характерныя мнѣнія, можно не приводить другихъ и перейти къ провѣркѣ указанныхъ взглядовъ и подготовкѣ матеріала для окончательнаго вывода о смыслѣ разсматриваемой трагедіи.

Эта подготовка должна состоять въ изученіи прежде всего характеровъ дѣйствующихъ лицъ ея.

Какъ бы прологомъ къ дѣйствительной, истинной любви, овладѣвшей душою Ромео послѣ того, какъ онъ увидѣлъ Джульетту, является мечтательное, головное чувство къ холодной, недоступной Розалиндѣ. Ромео сразу предстаетъ фантазирующимъ мечтательно-влюбленнымъ юношею. Наряду съ мечтательностью въ его характерѣ выступаетъ на видъ благородство и отсутствіе задора, какимъ надѣленъ, напротивъ, Тибальтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ромео отличается пылкостью и богатствомъ фантазіи и въ связи съ тѣмъ необузданностью душевныхъ движеній, которыя могутъ повергать его даже въ безсиліе, но подъ вліяніемъ страсти онъ способенъ къ рѣшительному и неудержимому дѣйствованію. Это идеалистически настроенный и восторженный юноша. Его характеръ въ отношеніи къ главному дѣйствію проявляется въ безграничной привязанности къ предмету любви, т.-е, къ Джульеттѣ. Образъ послѣдней заслуживаетъ особаго вниманія: онъ принадлежитъ къ тѣмъ женскимъ характерамъ у Шекспира, прелестнѣе и привлекательнѣе которыхъ трудно встрѣтить въ міровой поэзіи. При этомъ онъ одинъ изъ отличнѣйшихъ въ творчествѣ Шекспира.

Изучая обрисовку характера и любовнаго чувства Джульетты, необходимо приводить разъясненіе того и другого въ связь съ общимъ представленіемъ Шекспира о женщинѣ и любви. Любовь у Шекспира носитъ нѣсколько античный, фаталистическій, а съ другой стороны романтическій характеръ. Она — роковая, неотвратимая страсть, и вмѣстѣ безграничная, безусловная преданность одного существа другому, полное сліяніе душъ, при которомъ нѣтъ другихъ интересовъ и другого счастія въ жизни. Все остальное на свѣтѣ, въ томъ числѣ и самые близкіе дотолѣ люди, каковы отецъ и мать, какъ бы перестаетъ существовать для влюбленныхъ. Любовь—не только одно изъ важнѣйшихъ событій жизни: для женщинъ Шекспира, она—единственно важное событіе послѣдней. Потому женщины Шекспира переносятъ всѣ свои помыслы на любимаго человѣка, вовсе не заботятся о себѣ, и весь остальной міръ отступаетъ тогда на задній планъ. Онѣ готовы принести величайшія жертвы своей любви, изъ-за нея не отступаютъ ни передъ чѣмъ, даже передъ разрывомъ съ родителями, причемъ не испытываютъ никакого колебанія. Влюбленные у Шекспира преодолѣваютъ многочисленныя внѣшнія препятствія и готовы идти даже на смерть, когда не ждутъ уже счастія отъ любви въ настоящей жизни. Все это находимъ и въ разсматриваемой пьесѣ.

Мы видѣли, какую твердую рѣшимость умереть возлѣ своей Джульетты обнаружилъ Ромео при вѣсти о (мнимой) смерти послѣдней, подпавъ власти отчаянія. Въ его женѣ замѣчаемъ такую же смѣну аффектовъ страшною и непреклонною рѣшимостію—послѣдовать по пути, который былъ почти столь же страшенъ какъ сама смерть: выпить усыпительный напитокъ, отъ котораго она очнется въ могильномъ склепѣ, среди тлѣющихъ костей своихъ предковъ. Такимъ образомъ, любовь всецѣло овладѣла и существомъ Джульетты, и при возвышенности этого чувства ея мы должны признать ее однимъ изъ трогательнѣйшихъ образовъ женской преданности, сопровождаемой вѣрностью и постоянствомъ. Напрасно нѣкоторые критики заподазриваютъ любовь Ромео и Джульетты въ чувственности. Въ сценѣ въ саду мы не видимъ ни малѣйшаго намека на какія-нибудь чувственныя влеченія: видимо то было вполнѣ чистое чувство, которому доставляла всю отраду, покой и миръ уже увѣренность въ любви другого существа. А монологъ Джульетты во II-мъ явленіи III-го акта, когда она ждетъ Ромео, какъ мужа, самый лиричный изъ всѣхъ монологовъ, какіе встрѣчаются у Шекспира, также заключаетъ въ себѣ много мечтательной нѣжности и чистой, дѣтской простоты, невинности и радости при мысли обладать Ромео и принадлежать ему. Сама Джульетта сравниваетъ свое нетерпѣніе съ нетерпѣніемъ дѣвочки, которой обновку сшили, но она не можетъ ее надѣть.

Такимъ образомъ, любовь, которой всецѣло отдались Ромео и Джульетта съ момента своей встрѣчи на балу, — чувство идеальное и чистое, которое они лелѣютъ въ своей душѣ, какъ единственный залогъ своего счастія. Подпавъ его власти, они не принимаютъ въ разсчетъ ничего другого.

Но равнымъ образомъ и многія другія лица разсматриваемой пьесы, за исключеніемъ преимущественно умнаго и осмотрительнаго о. Лоренцо, стоящаго въ сторонѣ отъ мірскихъ страстей, дѣйствуютъ подъ вліяніемъ аффектовъ. Они воспламеняются съ чрезвычайной быстротою и легкостью.— Въ такомъ изображеніи сказалась замѣчательная правдивость Шекспировскаго творчества, потому что многіе люди дѣйствуютъ большею частью подъ вліяніемъ ближайшихъ импульсовъ. Эти другія личности піесы заслуживаютъ въ ней вниманія, поскольку и онѣ вліяютъ на общій ходъ дѣйствія, приводятъ его къ тому, а не иному концу,—приводятъ невольно, потому что, безъ сомнѣнія, никто изъ нихъ не желалъ того трагическаго исхода, которымъ заканчивается піеса. Выдающаяся черта въ этихъ второстепенныхъ личностяхъ — родовая вражда. Къ ней, повидимому, уже охладѣли старики, но молодежь и прислуга рвутся продолжать ее, и лишь немногія личности становятся выше этой нелѣпой распри, вмѣсто которой могли бы найти столько радостей въ жизни. Кромѣ Ромео и Джульетты къ этой враждѣ не лежитъ душа и у Меркуціо, но все-таки онъ гибнетъ изъ-за нея со словами: „Чума на ваши домы!“

Итакъ, въ піесѣ Шекспира замѣчаются два главныхъ теченія событій; одно обусловлено враждою двухъ семействъ, въ сущности безсмысленною (по крайней мѣрѣ мало имѣютъ смысла всѣ тѣ столкновенія, которыя происходятъ на нашихъ глазахъ), а съ другой стороны о-бокъ съ этою враждою единственные представители юнаго поколѣнія враждующихъ родовъ, отрекаясь отъ этой ненависти, проникаются самою пламенною взаимною любовью и, отдавшись ей, не смотрятъ ни на какія преграды къ единенію здѣсь и за гробомъ. Спрашивается, которое изъ этихъ теченій преимущественно обусловило трагическую развязку дѣйствія, или же повліяли на нее они оба своимъ сліяніемъ, и не привзошлили и еще какіе-нибудь факторы? Этотъ вопросъ весьма важенъ для уразумѣнія общей мысли разсматриваемой трагедіи, и потому мы обращаемся къ его рѣшенію, проанализировавъ характеры дѣйствующихъ лицъ.

Нѣкоторые критики настаиваютъ, какъ мы уже видѣли, на „трагической винѣ“ главныхъ изъ этихъ лицъ. Подъ трагическою виною въ эстетикѣ разумѣютъ обыкновенно переходъ подъ вліяніемъ страстности черезъ предѣлъ, какой должно ставить вниманіе къ своимъ обязанностямъ и правамъ другой стороны, вторженіе въ кругъ правъ другихъ лицъ. Критики этого направленія готовы усвоять въ ходѣ дѣйствія первенствующее значеніе взаимной страсти Ромео и Джульетты и усматривать въ ихъ печальной участи какъ бы достойное возмездіе за то, что герой и героиня поддались съ закрытыми глазами слѣпой страсти, которая неизбѣжно должна была привести ихъ къ печальному концу. Они не имѣли силы воли обуздать свою страсть и, такимъ образомъ, идеалъ ихъ, исключительный культъ чувства, сталъ причиною и смерти ихъ. Они выказали полное отсутствіе піетета и духовной связи съ родителями и людьми близкими, дѣйствовали вопреки принципу связи съ родною семьей и вопреки чувству родовой гордости, но не имѣли рѣшимости открыто заявить о томъ во-время и старались соблюдать тайну.

Невозможно, конечно, отрицать полную отдачу себя во власть чувства со стороны Ромео и Джульетты. Но надо доказать, что Шекспиръ заботился о такъ называемой „поэтической справедливости“ и признавалъ преступнымъ чувство Ромео и Джульетты, шедшее въ разрѣзъ съ родовымъ и семейнымъ чувствомъ. Родители этихъ лицъ, повидимому, не сумѣли привязать ихъ къ себѣ и не старались вліять на нихъ сердечностію отношеній. Джульетта вынесла изъ своего воспитанія склонность къ притворству, присущую и ея матери. Въ силу того, изображая необычайную силу любви къ личности враждебнаго рода, не знающую никакой душевной борьбы, Шекспиръ выказалъ здравый реализмъ и рѣзко отличается отъ тѣхъ драматурговъ, которые сантиментально развивали тему о внутренней борьбѣ долга съ любовью. Да и проявись такая борьба въ душѣ Ромео и Джульетты, все-таки любовь восторжествовала бы въ этихъ неизломанныхъ натурахъ надъ сомнѣніями безсмысленной вражды. Единственная вина Ромео и Джульетты можетъ быть усматриваема развѣ въ томъ, что они не пошли на добровольную гибель ранѣе, чѣмъ привели ихъ къ тому обстоятельства, и не открыли ро-

дителямъ о своемъ брачномъ союзѣ тотчасъ же послѣ того, какъ онъ состоялся: очевидно, они не могли ожидать для себя ничего добраго отъ такой откровенности. Слѣдовательно, само по себѣ чувство Ромео и Джульетты не заключаетъ въ себѣ трагической вины. Скажутъ, что тѣмъ не менѣе слѣпая сила любви выказала вполнѣ свою власть надъ Ромео и Джульеттой: они погибли вслѣдствіе рабскаго подчиненія страсти и изъ-за своей собственной недальновидности и торопливости подъ вліяніемъ ея. Должно, однако, принять во вниманіе, что, если Ромео выказываетъ себя вначалѣ и до изгнанія весьма податливымъ къ впечатлѣніямъ (умѣетъ онъ, впрочемъ, и тогда себя сдерживать, какъ, напр., въ сценѣ съ Тибальтомъ, и слушаться разумныхъ совѣтовъ Лоренцо), то подъ конецъ піесы ошибка его состоитъ въ томъ, что онъ поторопился умереть, но она вполнѣ естественна въ виду сообщеннаго ему факта погребенія Джульетты; Ромео такъ подпалъ впечатлѣнію отъ этой горестной вѣсти, что не обратилъ вниманія на румянецъ лежавшей въ гробу Джульетты. Значитъ, вся вина Ромео заключалась лишь въ томъ, что онъ не возмогъ пережить Джульетту и безъ нея не видѣлъ цѣли въ жизни. То же можно сказать и о Джульеттѣ. Справедливо замѣтилъ г. Аверкіевъ, что въ этой пьесѣ „развязка основана на томъ же, на чемъ и завязка, на любви". Повидимому, Шекспиръ относился вполнѣ любовно къ Ромео и Джульеттѣ и не даетъ поводовъ заподазривать ихъ моральное достоинство.

Итакъ, характеры Ромео и Джульетты являются лишь отчасти одною изъ причинъ, обусловившихъ трагическую развязку ихъ короткой жизни. Нельзя, поэтому, не примкнуть къ мнѣнію Боденштедта (у насъ къ тому же мнѣнію примыкаетъ Н. И. Стороженко), по которому несчастные любовники погибли не вслѣдствіе трагической вины, какую взваливаетъ на нихъ школьная критика. Но нѣтъ ли противоположной крайности въ мнѣніи того же Боденштедта, что „пришелъ поздній морозъ, и, едва расцвѣтши, они должны были умереть" *); другими словами: они умерли не по своей винѣ, а трагическая участь несчастной четы была обусловлена противорѣчіемъ ихъ внутренней душевной жизни съ внѣшними обстоятельствами. Кажется, что это мнѣніе болѣе вѣрно, чѣмъ предыдущее: оно болѣе согласно съ сущностію трагическаго въ разсматриваемой драмѣ и трагизма вообще, какой свойственъ Шекспировской трагедіи. Вопросъ о трагической развязкѣ въ „Ромео и Джульеттѣ" надлежитъ приводить въ связь съ трагизмомъ этой драмы и, съ другой стороны, съ общимъ характеромъ понятія трагическаго у Шекспира.

Въ „Ромео и Джульеттѣ" передъ нами трагическое, возникшее не только вслѣдствіе господства страсти въ героѣ и героинѣ, но и вслѣдствіе неблагопріятныхъ отношеній и стеченія внѣшнихъ обстоятельствъ, и благодаря случаю.

Нѣкоторые эстетики правильно опредѣляютъ трагическое положеніе, какъ сплетеніе побужденій, трудно примиряемыхъ, либо совсѣмъ расходящихся, взаимно исключающихъ существованіе другъ друга, но въ отдѣльности имѣющихъ право на существованіе. Приблизительно такой трагизмъ представляетъ въ положеніи Ромео и Джульетты драма Шекспира, гдѣ находимъ столкновеніе противоположныхъ мотивовъ—родовыхъ и индивидуальныхъ. Судьба поставила Ромео и Джульетту въ водоворотъ распрей, которыхъ не могъ утишить даже владѣтельный герцогъ Вероны, прибѣгавшій къ мѣрамъ строгости. Кровавая вражда домовъ, къ которымъ принадлежали полюбившіе другъ друга Ромео и Джульетта, вызвала и Ромео, сколь онъ ни уклонялся отъ вмѣшательства въ распрю, на кровавый поступокъ, на месть и убіеніе Тибальта. Умерщвленіемъ Тибальта Ромео былъ совсѣмъ уже поставленъ въ трагическое положеніе, безысходное по отношенію къ браку съ Джульеттой. Ромео совершилъ трагическое дѣяніе, роковыя послѣдствія котораго онъ тотчасъ же предусмотрѣлъ, какъ то видно изъ его восклицанія: „О, я дуракъ судьбы!" *). Дѣло заключалось отчасти именно въ судьбѣ. Но только эта судьба у Шекспира—не древній всемогущій рокъ, слѣпо дѣйствующій и разящій человѣка, какъ бы ни поступалъ послѣдній. У Шекспира, какъ у поэта христіанскаго времени, сохраняетъ

*) Опору для этого мнѣнія какъ бы даетъ восклицаніе Капулета при видѣ мертвой, такъ онъ думаетъ, Джульетты (IV, 5):

Смерть на нее напала, какъ морозъ
Нежданный, что нѣжнѣйшій изъ цвѣтковъ
До времени на полѣ побиваетъ.

*) III. 1: O, I am fortune's fool. Въ первомъ Quarto: O, I am fortune's slave. Въ томъ же первомъ изданіи и Джульетта говорила (III, 2):

Ah why should Heaven so much conspire with Woe.
Or Fate envie our happie Marriage...

значеніе и самоопредѣленіе человѣка; по крайней мѣрѣ, на участь единичной личности можетъ оказывать вліяніе до извѣстной степени свобода воли. Трагическія страданія не случайны у него, но вызываются собственными дѣяніями. При этомъ и страсть можетъ воздѣйствовать на волю, т. е. на свободное самоопредѣленіе, и можетъ привходить судьба либо въ христіанскомъ смыслѣ—какъ предопредѣленіе и міроустроеніе на началахъ справедливости, либо въ философскомъ—какъ сцѣпленіе обстоятельствъ или событій, съ которыми человѣкъ долженъ считаться, но которыхъ онъ можетъ избѣжать, смотря по силѣ и особенностямъ своего чувства или воли. Въ трагедіи о Ромео и Джульеттѣ находимъ трагизмъ, отчасти обусловленный и судьбою въ сейчасъ указанномъ смыслѣ. Убіеніе Тибальта послужило лишь одною изъ причинъ трагическаго исхода, но не было причиною непосредственною. Ходъ дѣйствія направляется не только взаимною страстью и характерами Ромео и Джульетты, но и еще двумя факторами: характерами лицъ, въ кругу которыхъ вращались Ромео и Джульетта, преимущественно ихъ родителей, и неблагопріятнымъ стеченіемъ событій помимо того. Возвышавшаяся надъ нелѣпою враждою любовь Ромео и Джульетты не могла встрѣтить одобреніе со стороны ихъ родителей. Капулеты, отецъ и мать Джульетты, справедливо изображаются нѣкоторыми критиками, какъ люди высокомѣрные, честолюбивые, обидчивые, всецѣло преданные чувственному наслажденію, черствые и безсердечные. Неудивительно, что Джульетта была мало привязана дочерней любовью къ родной семьѣ, мало питала довѣрія къ родителямъ, боялась ихъ и, послѣ изгнанія Ромео, не сказала родителямъ о состоявшемся уже своемъ бракосочетаніи, что было бы самымъ простымъ и наиболѣе подходящимъ выходомъ изъ затрудненія. Слѣдовательно, главное препятствіе къ осуществленію счастія въ любви, къ которому по праву стремились Ромео и Джульетта, заключалось въ характерѣ и настроеніи ихъ родителей. Потому понадобилась продѣлка съ притворною смертію. Слѣдовательно, кровавая вражда домовъ, къ которымъ принадлежали Ромео и Джульетта, сама по себѣ уже заключала немало задатковъ трагической участи влюбленныхъ. Къ тому прибавился рядъ случайностей, сложившихся гибельно для влюбленныхъ. Непосредственная причина, приведшая Ромео къ смерти, была недѣйствительна, а заключалась въ его представленіи, и если бы обстоятельства сложились иначе, то Ромео получилъ бы надлежащее разъясненіе. Такимъ образомъ, смерть Ромео была вызвана совпаденіемъ цѣлаго ряда обстоятельствъ. Случайностью является то, что вѣстникъ, посланный патеромъ Лоренцо извѣстить Ромео о принятіи Джульеттой лишь снотворнаго напитка, не могъ дойти до мѣста назначенія, потому что не могъ войти въ городъ вслѣдствіе случайнаго возникновенія заразительной болѣзни и принятія оградительныхъ мѣръ противъ нея, между тѣмъ какъ слугѣ Ромео удалось пробраться къ своему господину; но вслѣдствіе этой случайности Ромео узналъ только о смерти Джульетты, а не о томъ, что то была смерть кажущаяся, и участь его послѣдовала предназначенною дорогою. Что Лоренцо пришелъ къ могильному склепу Джульетты нѣсколькими мгновеніями позже принятія яда Ромео, что Джульетта проснулась лишь вскорѣ послѣ смерти Ромео, все это—несчастныя стеченія, случайности, которыя могли окончиться также и иначе и которыя, однако, имѣли рѣшающее значеніе въ судьбѣ Джульетты. Нѣкоторые критики ставятъ въ вину Шекспиру такое введеніе случайностей въ ходъ дѣйствія. Если всѣ эти случайности не растерзываютъ намъ сердца своею неразумностью, то остается лишь вѣра въ стеченіе обстоятельствъ, которое оказывается дѣйствующимъ не такъ, какъ древній рокъ, ясно и вѣрно, а страшно и непостижимо. По мнѣнію нѣкоторыхъ, возможно, однако, что въ основѣ этихъ съ разныхъ сторонъ возникающихъ событій, если бы мы могли прослѣдить цѣпи причинъ, вызывающихъ эти событія, могъ бы открыться какой-нибудь общій исходный пунктъ, такъ что то, что кажется человѣческому разумѣнію случайностью, счастливымъ или несчастнымъ сцѣпленіемъ, въ концѣ оказалось бы мудро-задуманнымъ планомъ. Это мы видимъ и въ разсматриваемой трагедіи. У Шекспира преобладаютъ развязки такого рода, и такъ называемой „поэтической справедливости“ нѣтъ. Шекспиръ оказывается въ построеніи трагизма мудрымъ созерцателемъ жизни, не навязывающимъ ей постояннаго внѣшняго торжества правды, какое не всегда бываетъ въ отдѣльныхъ явленіяхъ жизни, и свободнымъ отъ односторонности: не всегда награждается у него добродѣтель, не всегда торжествуютъ и порокъ и интрига. И однако же, не навязы-

вая морали внѣшнимъ образомъ, Шекспиръ является великимъ моралистомъ, какъ великіе моральные уроки даетъ и жизнь. Въ особенности поучительны его великія трагедіи, къ которымъ принадлежитъ и „Ромео и Джульетта".

Трагедія, какъ и всякое вообще художественное произведеніе, имѣетъ своею задачей возбуждать въ насъ, въ нашей душѣ и чувствахъ, рядъ настроеній, которыя въ концѣ концовъ могутъ приносить намъ то или иное удовлетвореніе. Трагедія достигаетъ такой цѣли при помощи имѣющаго въ ней мѣсто трагизма, величіемъ ли и значеніемъ мучительныхъ ощущеній, или же мощью высшаго добраго начала въ страдающей и борющейся личности. Трагедія „Ромео и Джульетта" удовлетворяетъ обоимъ этимъ требованіямъ. Душа созерцателя участи Ромео и Джульетты получаетъ облегченіе (очищается, по выраженію Аристотеля) въ сильнѣйшей степени, благодаря чувствамъ, которыя возбуждаетъ Шекспировская трагедія, чувствамъ такъ называемаго страха и состраданія.

Трудно найти въ какой-нибудь другой драмѣ объясненіе въ любви болѣе прелестное, чѣмъ то, какое слышимъ въ первомъ разговорѣ Ромео и Джульетты. Къ этому объясненію приравниваютъ еще объясненіе между Фернандо и Мирандою въ Шекспировой „Бурѣ". Печать особой нѣжности замѣчается на всей картинѣ ночного свиданія, озаренной вдобавокъ кроткимъ сіяніемъ луны. Это какъ бы лучшій пережитокъ сценъ средневѣковыхъ заревыхъ пѣсенъ со всею ихъ поэтичностью. Если бы выдѣлить сцену взаимнаго объясненія Ромео и Джульетты изъ цѣлаго, въ которое она включена, то она могла бы принести лишь глубокое наслажденіе нашему сердцу: въ ней затрогиваются самыя сладкія чувствованія, къ какимъ мы способны, и передаются словами самой свѣтлой радости. Но какъ скоро мы станемъ разсматривать эту сцену въ связи съ остальными и, присутствуя при ней, окажемся знающими то, чего вначалѣ не предвидѣли Ромео и Джульетта, именно то, что они принадлежатъ къ враждующимъ семьямъ, то сердце наше сразу проникнется страхомъ за нихъ. Мы охвачены заботою о судьбѣ этихъ влюбленныхъ, становящихся вслѣдствіе своей любви въ разрѣзъ со взаимнымъ отношеніемъ семействъ, къ которымъ они принадлежатъ; мы полны глубокаго сострадания къ ихъ столь прекрасной и, однако же, тщетной любви. Эти глубоко захватывающія насъ чувствованія достигаютъ въ насъ потомъ, помѣрѣ хода дѣйствія пьесы, высшаго напряженія, когда мы видимъ всю мимолетность счастія этихъ молодыхъ существъ, очаровывающихъ насъ силою, свѣжестью и поэтичностью своего чувства. Въ концѣ мы достигаемъ освобожденія, отрѣшенія отъ такого напряженія („очищенія", по выраженію Аристотеля), но не вполнѣ. Зритель „Ромео и Джульетты" не вполнѣ проникается тѣмъ настроеніемъ, въ которомъ полагалъ результатъ созерцанія трагедіи Шиллеръ. Послѣдній думалъ, что трагедія пробуждаетъ живое, ясное сознаніе телеологической связи вещей, нравственнаго міропорядка, приводитъ къ примиренію *). Конечно, не смерть Ромео и Джульетты приноситъ намъ такое облегченіе, а въ нѣкоторой степени доставляетъ его примиреніе обоихъ враждовавшихъ домовъ въ виду дорогихъ жертвъ злой вражды. Инымъ, впрочемъ, и это примиреніе кажется ненадежнымъ. Гораздо болѣе утѣшенія даруетъ зрителю то, что, не взирая на смерть, достигаетъ все-таки тріумфа любовь Ромео и Джульетты, любовь безграничная и беззавѣтная, проявившая всю свою красоту. Ромео и Джульетта выказываютъ въ себѣ высокій подъемъ чувства, не желая жить другъ безъ друга. Такъ, судьба Ромео и Джульетты глубоко трогаетъ насъ и вмѣстѣ возвышаетъ нѣсколько нашъ духъ зрѣлищемъ торжества ихъ идеала: Ромео и Джульетта ни на минуту не колеблются въ вѣрности одному изъ идеаловъ совершеннаго человѣческаго существованія. Но все-таки намъ тяжело примириться съ ихъ гибелью.

Предложеннымъ анализомъ характеровъ Ромео и Джульетты и остальныхъ дѣйствующихъ лицъ разсматриваемой трагедіи и изслѣдованіемъ сущности ея трагизма и воздѣйствія, думаемъ, подготовлено достаточно матеріала для рѣшенія вопроса объ ея смыслѣ.

Кажется, достаточно выяснено, что Шекспиръ не могъ имѣть въ виду взваливать всю вину трагической развязки своей пьесы на ослѣпленіе любовной страсти Ромео и Джульетты, и, слѣдовательно, идея его произведенія—не та узко моральная тенденція, какую навязывалъ ему Гервинусъ; равнымъ образомъ не могла она состоять и въ апоѳеозѣ любви въ томъ ея

*) «Das grosse gigantische Schicksal, welches den Menschen erhebt, wenn es den Menschen zermalmt».

напряженіи, которое довело Ромео до неразумной опрометчивости, а вслѣдъ затѣмъ и Джульетту, до прекращенія своей жизни при видѣ бездыханнаго трупа Ромео. Этихъ страстныхъ и погибшихъ отчасти жертвами своей страсти влюбленныхъ врядъ ли Шекспиръ могъ возводить на пьедесталъ идеальныхъ героевъ, какихъ иные въ нихъ усматриваютъ.

Наиближе подойти къ истинной мысли Шекспировой трагедіи возможно лишь при сопоставленіи послѣдней съ остальнымъ творчествомъ Шекспира въ тотъ періодъ, къ которому относится „Ромео и Джульетта".

Время написанія этого произведенія неизвѣстно въ точности. Можно съ увѣренностью сказать лишь, что трагедія о Ромео и Джульеттѣ несомнѣнно ставилась на сценѣ неоднократно съ 1596 г. и была впервые издана въ 1597 г. (до 17 апрѣля: Dowden, XV) въ форматѣ in-quarto,—въ томъ видѣ, говоритъ это изданіе, какъ она часто (съ великимъ одобреніемъ) была публично представляема служащими у достопочтеннаго лорда of Hundson. Второе изданіе ея, съ измѣненіями, вышло въ 1599 г. На основаніи находящихся въ трагедіи упоминанія о землетрясеніи 1590 г., относимаго къ 1591 г., отголосковъ знакомства съ „Complaint of Rosamond" Даніэля, 1592 г., и внутреннихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что „Ромео и Джульетта" была раннимъ произведеніемъ поэта, но потомъ подвергалась пересмотру и дополненіямъ, приходятъ къ заключенію, что она могла быть начата около 1591 г., несомнѣнно была написана около 1595 г. и не позже конца 1596 г., а достигла полнаго завершенія въ смыслѣ окончательной обработки въ 1599 г. *).

Руководясь этими хронологическими рамками, можно опредѣлить тѣ произведенія Шекспировскаго творчества, съ которыми мы имѣемъ полное право сближать „Ромео и Джульетту" въ силу тѣхъ или иныхъ соотношеній. Таковыми будутъ произведенія періода, когда Шекспиръ находился подъ вліяніемъ моднаго тогда въ Англіи итальянствовавшаго, если можно такъ выразиться, стиля воспѣванія любви, періода цвѣтистаго лиризма и нерѣдко натянутыхъ concetti; въ тотъ періодъ была создана первоначальная редакція трагедіи о Ромео и Джульеттѣ. Затѣмъ изслѣдователь будетъ вправѣ привлечь къ сопоставленію и произведенія времени, непосредственно слѣдовавшаго за предыдущимъ, когда у Шекспира выработался характерный стиль въ его національныхъ Histories, въ юмористическихъ комедіяхъ средняго періода его жизни; въ это время піеса „Ромео и Джульетта" получила окончательный видъ. Къ періоду же такъ называемаго великаго трагическаго стиля разсматриваемая трагедія уже не имѣетъ ближайшаго отношенія.

„Два веронца",—произведеніе, въ которомъ любовныя влеченія встрѣчаютъ препятствія,—какъ бы первая подготовительная работа къ Веронской любовной трагедіи, изображенной въ „Ромео и Джульеттѣ". Далѣе эта трагедія имѣетъ близкое отношеніе къ „Венеціанскому купцу", какъ-то видно изъ сличенія англійскаго текста обѣихъ піесъ по языку и композиціи; равнымъ образомъ имѣетъ она отношеніе ко „Сну въ лѣтнюю ночь", заканчивающему ироническо-юмористическимъ образомъ періодъ итальянствовавшаго стиля и любовныхъ произведеній, и къ трагедіямъ о Ричардѣ III и II, открывающимъ „Histories", т. е. произведенія на сюжеты изъ англійской исторіи.

Разбираемая трагедія, по вѣрному замѣчанію Даудена, представляетъ глубокій интересъ, какъ первая по времени изъ великихъ трагедій Шекспира. Мы видимъ, что задолго до созданія „Гамлета" Шекспира въ молодые его годы уже занимала глубокая проблема человѣческой жизни, и рѣшеніе ея уже тогда получалось довольно печальное.

Заслуживаетъ вниманія прежде всего общее представленіе Шекспира о столь сильно занимавшемъ его тогда чувствѣ любви, какъ о болѣзни души, противъ которой не можетъ устоять разсудокъ. Такой взглядъ на любовь былъ развиваемъ и до Шекспира—уже съ начала Возрожденія—подъ вліяніемъ соотвѣтственнаго древняго представленія. Въ годы молодости Шекспиръ со всѣмъ пыломъ того возврата изображалъ „напрасныя усилія любви" бороться съ этимъ всемогущимъ чувствомъ. При этомъ онъ не разукрашивалъ похоти, признавая ее губительною для юной души. Выше чувственной страсти онъ ставилъ идеализмъ сердца, и въ душѣ поэта торжествовало нравственное начало. Онъ чувствовалъ симпатію въ особенности къ высокому настроенію любви. Такую болѣе чистую любовь съ примѣсью идеализма, любовь, доходящую до невозможности жить

*) См. у Dowden'a XVIII—XX; ср. у H. Morley—въ предисловіи къ изданію «Ромео и Джульетты» въ Cassot National Library: 1893, p. 7.

безъ любимаго существа, Шекспиръ изобразилъ въ трагедіи о Ромео и Джульеттѣ.

Но, согласно съ преобладающимъ психологическимъ складомъ личностей Шекспировой драмы, въ особенности въ болѣе раннихъ ея произведеніяхъ, владычество страсти не ограничивается въ дѣйствующихъ лицахъ разсматриваемой піесы никакими сдерживающими силами, ни разумомъ, ни совѣстью. Поступки большей части дѣйствующихъ лицъ опредѣляются ближайшимъ побужденіемъ и слѣдуютъ за нимъ непосредственно. Кругъ чувствованій, относящихся къ тому, что находится внѣ дѣйствующихъ лицъ, весьма узокъ; онъ ограничивается почти только любовью и дружбой. Нельзя не признать, однако, что въ разсматриваемой піесѣ эти чувствованія достигаютъ высокаго подъема, а любовь—можно сказать—высочайшаго.

Уже въ этотъ періодъ творчества Шекспира его занимала мысль о демоническомъ началѣ въ мірѣ, та мысль, которая достигла ужасающей силы потомъ, въ годы созданія величайшихъ трагедій Шекспира. Это демоническое въ мірѣ и въ отражающихъ его произведеніяхъ Шекспира не поддается разсудку и можетъ быть только указываемо. Оно выступаетъ уже въ „Снѣ въ лѣтнюю ночь". Въ основу этого произведенія положена символика, которую нельзя свести къ какимъ-нибудь сухимъ и общимъ положеніямъ. Чтобы понять шутку, на которой построена та піеса, надо вспомнить проклятіе, на которое обречена любовь Венерою въ концѣ Шекспировой поэмы „Венера и Адонисъ". Соотвѣтственно съ тѣмъ любовь и въ „Снѣ въ лѣтнюю ночь" представлена преходящею какъ сонъ, да и сама жизнь есть отчасти сонъ. Влеченіе любви приравнивается къ проблеску молніи полуночи: прежде чѣмъ человѣкъ возможетъ сказать: „вотъ (смотри)!" пасть мрака поглощаетъ ее; такъ быстро изчезаютъ свѣтлыя явленія во мракѣ непроглядной ночи. Такова же и участь любви въ „Ромео и Джульеттѣ": она возникла внезапно, блеснула яркимъ метеоромъ и затѣмъ исчезла во тьмѣ вѣчности. Мы можемъ признать это уподобленіе весьма мѣткимъ поэтическимъ символомъ. И вообще творчество Шекспира символично въ смыслѣ удивительнаго соотвѣтствія внѣшней, чувственной стороны піесъ, ихъ тона и колоратуры, сторонѣ духовной. Внѣшняя сторона піесъ является символомъ стороны духовной, полной нерѣдко смысла, глубоко овладѣвающаго нашей душой.

Такимъ образомъ, по основной мелодіи, трагедія „Ромео и Джульетта" и „Сонъ въ лѣтнюю ночь" довольно близки другъ къ другу: въ первой также изображено непродолжительное счастіе, почти исчезающее вмѣстѣ съ лунною ночью, во время которой произошло объясненіе Ромео съ Джульеттой. Изъ сада Капулетовъ, послѣ того какъ миновала та чудная ночь, поэтъ переноситъ насъ, при свѣтѣ утренней зари, въ монастырскій садъ, гдѣ о. Лоренцо собираетъ уже травы, которыя войдутъ потомъ въ напитокъ, введшій Джульетту въ преддверіе смерти. Трагедія о Ромео и Джульеттѣ является какъ бы символическою иллюстраціею другой анаѳемы, изреченной любви Венерою, послѣ того какъ послѣдняя лишилась Адониса:

За смерть его скажу я въ предвѣщанье,
Что будетъ впредь родниться съ зломъ любовь,
Что будетъ грудь жечь ревности страданье,
Что счастье дастъ—разрушитъ горе вновь!
Одно другимъ замѣнится—и радость
Любви сердцамъ не будетъ больше въ сладость...
Коль скоро смерть мою любовь сразила,
Пусть всѣхъ людей любовь возьметъ могила.

(Переводъ г. Соколовскаго).

„Ромео и Джульетта"—трагедія, совмѣщающая такіе самые разительные контрасты человѣческаго существованія. Въ ней видимъ, съ одной стороны, горячее возвеличеніе любви, того таинственнаго сочетанія душъ, которое направляетъ ихъ къ одному изъ наивысшихъ подъемовъ человѣческаго чувства; а съ другой стороны, слышимъ скорбное сѣтованіе о непрочности такого счастія. Все счастіе жизни въ высокой степени благородныхъ личностей, охваченныхъ неудержимымъ къ нему стремленіемъ, казалось, бывшее столь возможнымъ въ силу отрады, которую приносило имъ ихъ чувство, ограничилось нѣсколькими часами короткой лѣтней ночи, а затѣмъ уже до наступленія другой полуночи упоеніе этимъ счастьемъ было отравляемо грознымъ призракомъ неотвратимой разлуки. Затѣмъ весьма скоро холодная могила сокрыла всѣ горячіе порывы этой любви, видѣвшей цѣль въ самой себѣ и болѣе ни въ чемъ. Ея какъ будто и не было, она пронеслась какъ чарующій сонъ. И сколько довелось ей испытать мученій даже во время этого короткаго сладостнаго

сна! Если не ошибаемся, Шекспиръ—одинъ изъ первыхъ поэтовъ, выдвинувшихъ въ трагедіи любви мотивъ столкновенія со средой и ея предразсудками. Уже въ „Ромео и Джульеттѣ" заключается какъ бы зерно сопоставленія морали мелочно-буржуазной съ романтическою, протеста противъ „роковыхъ буржуазныхъ отношеній", противъ которыхъ возставала мѣщанская драма XVIII в.; возникаетъ роковой вопросъ о высшей правдѣ въ человѣческихъ отношеніяхъ вообще и о разумности человѣческихъ дѣяній. Оказывается, что полной правоты и разумности нѣтъ въ нихъ, нѣтъ ни на одной сторонѣ, и даже лучшія личности являются не вполнѣ правыми и ослѣпленными въ своемъ сознаніи, безсильными устроить даже свою личную судьбу въ желательномъ направленіи, какъ безсильна помочь и философская мудрость о. Лоренцо. Выводъ получается неутѣшительный, въ силу чего и говорится въ концѣ піесы, что на свѣтѣ не было исторіи болѣе печальной. Дѣйствительно, трудно представить что-нибудь болѣе печальное. Среди ненависти родителей выростаетъ любовь дѣтей, но эти крайности непримиримы по доброй волѣ, и грѣхъ родителей оказывается отомщеннымъ въ ихъ дѣтяхъ. Рядомъ поставлены и одна изъ высшихъ радостей жизни и величайшее зло ея, любовь и ненависть, два полюса, около которыхъ вращается вся фабула піесы, веселье бала, ликованіе радости и власть смерти, ключомъ бьющая жизнь и умерщвленіе ею самой себя; и всѣ эти контрасты сливаются гармонически въ единое цѣльное дѣйствіе, какъ гармонична и жизнь, несмотря на разящіе въ ней при первомъ впечатлѣніи диссонансы.

Такое элегическое созерцаніе жизни, отголосокъ котораго особенно отчетливо слышится въ приведенныхъ выше словахъ отца Джульетты о ранней смерти послѣдней, повторяется постоянно въ жизни человѣчества и нерѣдко въ его поэзіи. Оно было не разъ въ ходу со времени Возрожденія. Его находимъ въ поэзіи итальянской и французской. Возобновлялось оно и потомъ. Имъ полна, напр., поэзія Жуковскаго, въ романсѣ котораго „Цвѣтокъ" (1810) читаемъ:

Увы! кто скажетъ: жизнь иль цвѣтъ
Быстрѣе въ мірѣ исчезаетъ.

Но изображенная Шекспиромъ въ „Ромео и Джульеттѣ" чета влюбленныхъ, иллюстрирующая собою такое элегическое созерцаніе жизни, пріобрѣла типическое значеніе въ европейскихъ литературахъ, какъ никакая другая: нельзя указать никакой другой, которая могла бы поравняться популярностью съ Шекспировскою. Причина того заключается не только въ художественныхъ достоинствахъ трагедіи „Ромео и Джульетта" и въ увлекательномъ изображеніи всей красоты молодого и горячаго чувства, но и въ томъ, что Шекспиръ самымъ типическимъ и универсальнымъ образомъ выразилъ самое общее и вмѣстѣ поэтичнѣйшее чувство, высоко-поэтично и трогательно воспроизвелъ вѣчно повторяющуюся въ человѣческой жизни исторію первой любви, со всею чистотою, нѣжностью и безграничностью этого чувства, передалъ всю отраду, какую оно находитъ въ самомъ себѣ *), всю его необычайную силу и весь нравственный ростъ личностей, подпадающихъ его вліянію. Великій успѣхъ произведенія Шекспира порожденъ также его глубокомысліемъ, истинно драматическимъ изображеніемъ и драматической силы страсти, и всего высокаго, что она вызываетъ въ нашей душѣ, и тѣхъ неотвратимыхъ препятствій, которыя постоянно ставитъ человѣческому счастію и лучшимъ влеченіямъ человѣка жалкая внѣшняя жизнь. Ни въ какомъ другомъ поэтическомъ произведеніи не найдемъ такого изображенія контрастовъ радости и страданія и гибели, такого разительнаго и столь поэтичнаго сочетанія любви и смерти. Нѣтъ другой такой трагедіи, въ которой молодость и любовь такъ становятся лицомъ къ лицу съ неразрѣшимыми загадками жизни, съ ненавистью и смертью. Наконецъ, трагедія Шекспира увлекаетъ и тѣмъ моральнымъ выводомъ, который не навязывается авторомъ, но, тѣмъ не менѣе, вытекаетъ изъ нея довольно ясно для вдумчиваго зрителя, выводомъ о томъ, что ничто не можетъ сломить внутренно духа, вѣрящаго въ возвышенность своихъ стремленій; онъ торжествуетъ въ самой своей внѣшней гибели; онъ сильнѣе смерти.

Н. Дашкевичъ.

*) My bounty il as boundless as the sea,
My love as deep; the more I give to thee,
The more I have, for both are infinite,
говоритъ Джульетта.

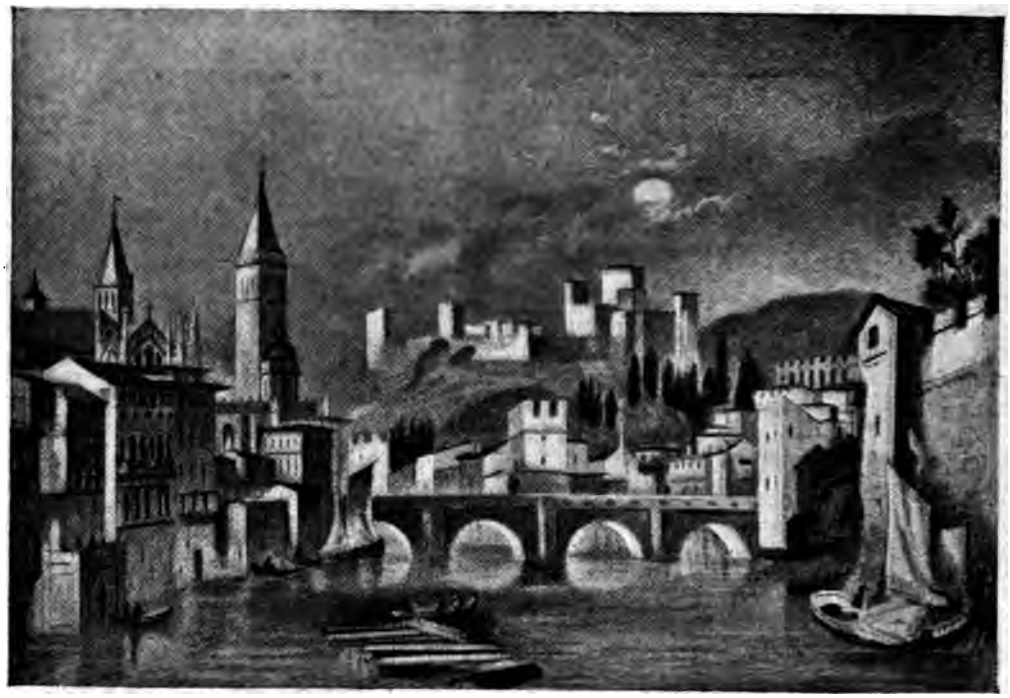
Орнаментъ эпохи Ренесанса (Интарсіатура Генуэзскаго собора).

РОМЕО и ДЖУЛЬЕТТА.

Дѣйствующія лица:

Эскалусъ, князь Веронскій.
Парисъ, молодой вельможа.
Монтекки, Капулетъ } главы двухъ родовъ, состоящихъ между собою въ кровавой враждѣ.
Другой Капулетъ.
Ромео, сынъ Монтекки.
Меркуціо, родственникъ князя и другъ Ромео.
Бенволіо, племянникъ Монтекки и другъ Ромео.
Фра Лоренцо, Фра Джованни } францисканцы.
Бальтазаръ, служитель Ромео.
Самсонъ, Грегоріо } слуги Капулетовъ.
Абрамъ, изъ слугъ Монтекки.
Аптекарь.
Три музыканта.
Пажъ Париса.
Мальчикъ.
Пьетро.
Офицеръ.
Синьора Монтекки.
Синьора Капулетъ.
Джульетта, дочь Капулетовъ.
Кормилица Джульетты.
Горожане Вероны.
Гости и маски.
Солдаты и сторожа.
Слуги.
Хоръ.

Мѣсто дѣйствія: Верона и частію Мантуя.



ВЕРОНА (По старой гравюрѣ).

Входитъ хоръ.

Въ Веронѣ древней и прекрасной,
Гдѣ этой повѣсти ужасной
Свершилось дѣйствіе давно,—
Два уважаемыхъ равно,
Два славныхъ и высокихъ рода,
Къ прискорбію всего народа,
Старинной, лютою враждой
Влеклись—что день—то въ новый бой
Багрились руки гражданъ кровью;
Но вотъ, подъ роковой звѣздой

Чета двухъ душъ, исполненныхъ любовью,
Изъ тѣхъ враждебныхъ родилась утробъ
И обрѣла въ ихъ гибели ужасной
Вражда родовъ исходъ себѣ и гробъ.
И вотъ теперь, о той любви несчастной,
Запечатлѣнной смертью, о плодахъ
Вражды семейной, вѣчно раздраженной
И смертью чадъ лишь милыхъ укрощенной,
Мы въ лицахъ повѣсть вамъ на сихъ доскахъ
Представимъ. Подарите насъ вниманьемъ:
Пособимъ неискусству мы стараньемъ

(Дѣйствіе I, сцена 1).

Знаменитые въ 1830-хъ и 1840-хъ годахъ рисунки очерками нѣмецкаго художника Морица Ретча (Retzsch, 1779—1857).

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

СЦЕНА I.

Верона. Площадь.

Входятъ Самсонъ и Грегоріо, *вооруженные мечами и щитами.*

Самсонъ.

Грегоріо, честное слово! мы не дадимъ собою играть.

Грегоріо.

Не дадимъ! мы имъ не игрушки дались.

Самсонъ.

Я насчетъ того говорю, что если мы изъ себя выйдемъ, то такъ хватимъ...

Грегоріо.

Само собою. Насъ-то бы только не хватили!

Самсонъ.

Я вѣдь на драку скоръ: только меня шевельни!

Грегоріо.

Не легко тебя расшевелить-то!

Самсонъ.

Собакамъ — Монтеккамъ всегда меня легко, сразу.

Грегоріо.

Шевельнуть—значитъ съ мѣста сдвинуть, а вѣдь храбрость-то въ томъ, чтобы устоять на мѣстѣ. Шевельнуть тебя—ты и удерешь.

Самсонъ.

Не отъ собакъ этого дома. Нѣтъ! тутъ я на стѣну! Катай всѣхъ, и мужчинъ, и бабъ!

Грегоріо.

И выходитъ, что ты плохъ. На стѣну залѣзаютъ только трусы. Не держись стѣнки!

САМСОНЪ.

Правильно. Оттого женщинъ, яко сосудъ слабѣйшій, все и прутъ къ стѣнѣ. И коли я только схвачусь съ Монтекками, то мужчинъ попру отъ стѣны, а бабъ припру къ стѣнѣ.

ГРЕГОРІО.

Да вѣдь драка-то и у господъ и у слугъ промежду мужескаго пола.

САМСОНЪ.

Все единственно. Лупи мужчинъ, да пронимай и бабъ! Не уйти имъ отъ меня цѣлыми!

ГРЕГОРІО.

Значитъ, прощай бѣлый свѣтъ!

САМСОНЪ.

Иль отъ стыда не кажись на бѣлый свѣтъ! Пусть кто, какъ знаетъ, понимаетъ!

ГРЕГОРІО.

Тотъ и пойметъ, кого проймет!

САМСОНЪ.

Да ужъ будутъ понимать, пока моя сила будетъ коломъ стоять; мяса-то мнѣ не занимать-стать!

ГРЕГОРІО.

Хорошо, что ты не рыба, а то вѣдь былъ-бы ты самой скверной треской. Ну-ка! на-голо свое оружіе: вонъ идутъ двое изъ дома Монтекковъ.

Входятъ АБРАМЪ и БАЛЬТАЗАРЪ.

САМСОНЪ.

Мечъ мой готовъ. Задирай ихъ—я буду сзади.

ГРЕГОРІО.

Какъ? ужъ и задъ показывать?

САМСОНЪ.

Ты на счетъ меня, пожалуйста, не безпокойся!

ГРЕГОРІО.

Изъ за тебя-то не пришлось бы безпокоиться!

САМСОНЪ.

Давай однако по закону. Подожди, пока они сами начнутъ!

ГРЕГОРІО.

Я нахмурю брови, когда пойду мимо нихъ. Принимай какъ хотятъ.

САМСОНЪ.

Не то что какъ хотятъ, а какъ смѣлости хватитъ. Я покажу имъ кукишъ. Стерпятъ—значитъ плохи!

АБРАМЪ.

Это вы намъ кажете кукишъ, мессеръ?

САМСОНЪ.

Я точно кажу кукишъ, мессеръ.

АБРАМЪ.

Вы это намъ кажете кукишъ, мессеръ?

САМСОНЪ *(тихо Грегоріо)*.

А что? законъ на нашей ли будетъ сторонѣ, если я скажу, что имъ?

ГРЕГОРІО *(такъ же)*.

Нѣтъ.

САМСОНЪ.

Никакъ нѣтъ! Совсѣмъ не вамъ я кукишъ кажу. Я такъ самъ по себѣ кажу кукишъ, мессеръ!

ГРЕГОРІО.

Вы лѣзете можетъ быть на драку, мессеръ?

АБРАМЪ.

На драку, мессеръ? Никакъ нѣтъ, мессеръ!

САМСОНЪ.

А если на драку, мессеръ,—я къ вашимъ услугамъ, мессеръ. У меня господинъ не хуже вѣдь вашего.

АБРАМЪ.

Да и не лучше!

САМСОНЪ.

Посмотримъ, мессеръ.

(Вдали показывается Бенволіо).

ГРЕГОРІО.

Говори, что лучше!.. видишь сродственникъ нашего господина идетъ.

САМСОНЪ.

Не въ примѣръ лучше, мессеръ!

АБРАМЪ.

Врете вы!

САМСОНЪ.

Мечи на-голо, если вы не бабы! Грегоріо, катай! вспомяни старину!

(Драка).

Бенволіо.

Разойдитесь, дурачье! Сами вы не знаете, что вы дѣлаете. *(Выбиваетъ у нихъ мечи).*

Входитъ Тибальтъ.

Тибальтъ.

Какъ? мечъ свой ты на эту сволочь вынулъ?
Вотъ лучше здѣсь на смерть свою взгляни!

Бенволіо.

Хочу я только мира. Спрячь свой мечъ,
Иль имъ уйми со мною этихъ бестій!

Тибальтъ.

Съ мечомъ—и рѣчь о мирѣ! Это слово
Я ненавижу такъ же глубоко,
Какъ адъ и всѣхъ Монтекковъ, и тебя!
Обороняйся лучше, трусъ!

(Сражаются. Входятъ сторонники двухъ домовъ и присоединяются къ дерущимся. Затѣмъ прибѣгаютъ горожане Вероны съ палками).

Одинъ изъ горожанъ.

Дубинъ, ножей и бердышей! Руби ихъ!
Бей всѣхъ—и Капулетовъ, и Монтекковъ!

Входятъ Капулетъ *въ ночномъ платьѣ и* синьора Капулетъ.

Капулетъ.

Что тутъ за шумъ? Эй! дать мнѣ длинный мечъ мой!

Синьора Капулетъ.

Костыль, костыль! Зачѣмъ меча ты просишь?

Капулетъ.

Мечъ, говорю! Идетъ старикъ Монтекки
И на меня мечомъ грозится,—видишь!

Входятъ Монтекки и синьора Монтекки.

Монтекки.

А! гнусный Капулетъ! Да не держи меня ты!
Пусти!

Синьора Монтекки.

Ни на единый шагъ!

Входитъ князь со свитою.

Князь.

Бунтовщики! спокойствія враги,
Скверняще мечи согражданъ кровью!
Не слышите вы, что-ль? Эй! люди! звѣри,
Огонь вражды погибельной своей
Готовые тушить багрянымъ токомъ
Жилъ собственныхъ своихъ! Подъ страхомъ пытокъ
Велю вамъ выбросить изъ рукъ кровавыхъ
Злодѣйствомъ оскверненные мечи
И князя гнѣвнаго суду внимать.

(Всѣ бросаютъ оружіе).

Ужъ третья ссора изъ-за вздорныхъ словъ!—
Твоей виною, старый Капулетъ,
Да и твоей равно, Монтекки, миръ
Сихъ улицъ возмущаютъ!—Третій разъ
Вероны горожане, забывая
Степенные обычаи свои,
За ржавое оружіе берутся
Руками старыми, чтобъ разнимать
Старинную и ржавую вражду.
Когда, хоть разъ еще, вы стогны града
Смутите,—жизнью вы тогда своей
Отвѣтите за нарушенье мира.
Теперь же разойдитесь всѣ, немедля!
Вы, Капулетъ, послѣдуйте за мной,
А вы, Монтекки, въ полдень, въ древній замокъ
Прибудьте Вилла-Франкскій, гдѣ творимъ
Обычно судъ и правду мы. Теперь же
Всѣмъ разойтись подъ страхомъ смертной казни!

(Уходятъ князь и свита, Капулетъ, синьора Капулетъ, Тибальтъ, горожане и слуги).

Монтекки.

Кто старую вражду здѣсь разбудилъ?
Скажи, племянникъ, былъ ты при началѣ?

Бенволіо.

Здѣсь слуги вашего врага и ваши
Уже дрались до моего прихода...
Я вынулъ мечъ разнять ихъ. Тутъ явился
Тибальтъ надменный съ шпагой на-голо,
И вызовами воздухъ оглашая,
Мечомъ онъ воздухъ разсѣкалъ, свистѣвшій
Насмѣшливо въ отвѣтъ ему. Пока мы
Мѣнялись съ нимъ ударами и бранью,
Толпа бойцовъ все больше прибывала
И наконецъ самъ князь унять ихъ вышелъ.

Синьора Монтекки.

А гдѣ же Ромео *)? Видѣлъ ли его ты

---

*) Имена: Ромео, Бенволіо, Меркуціо, какъ у Шекспира и его нѣмецкихъ переводчиковъ, употребляются мною въ стихѣ съ едва слышнымъ въ произношеніи обращеніемъ предпослѣдней гласной въ полугласную (то есть Ромьо, Бенволью, Меркуцьо. *С. В.*).

Бенволіо.

Глазамъ лишь волю дай,
Ихъ обрати на красоты другія!

Ромео.

О! этимъ только цѣну красоты
Единственной возвысишь! Полумаски—
Счастливицы, лобзающія смѣло
Чело красавицъ, чернотой своею
О бѣлизнѣ прозрачной говорятъ,
Подъ ними затаенной... Не забудетъ
Ослѣпшій зрѣнья благъ неоцѣненныхъ.
Какую хочешь покажи теперь
Ты мнѣ красавицу,—что для меня
Ея краса? Страница, на которой
Я лучшей красоты читаю имя!
Прощай! Меня забвенью научить
Ты не найдешь, повѣрь, на свѣтѣ средства!

Бенволіо.

А поищу, хотя бъ его купить
Пришлось цѣной всего отцовскаго наслѣдства!

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Улица.

Входятъ Капулетъ, Парисъ *и* слуга.

Капулетъ.

Монтекки, такъ же, какъ и я, наказанъ;
Подъ равной пеней. А не трудно, право,
Миръ соблюсти двумъ старикамъ, какъ мы.

Парисъ.

Вы оба уважаемы равно,
И жаль, что вы такъ долго были въ ссорѣ.
Но, мой синьоръ, какой отвѣтъ вашъ мнѣ?

Капулетъ.

Да я скажу все то же, что и прежде:
И свѣту дочь моя чужда, и нѣтъ
Еще четырнадцати лѣтъ ей полныхъ...
Пусть двѣ весны хоть прежде отцвѣтутъ,
Чѣмъ къ алтарю ее невѣстой поведутъ...

Парисъ.

Не мало матерей счастливыхъ въ годы эти!

Капулетъ.

Не мало-жъ и на памяти моей
Такихъ цвѣтовъ завяло скороспѣлыхъ...
Мои надежды всѣ поглощены землей;
Моихъ земель наслѣдницей одной
Она осталась. Можете искать вы
Ея любви, Парисъ; желаю счастья!
Мои желанья—часть ея согласья.
Я съ выборомъ ея согласовать
Хочу права своей отцовской власти...
Сегодня ночью пиръ я у себя даю,
Какъ изстари велось; и въ гости всѣхъ зову я,
Кого люблю. Коль вамъ угодно быть
Въ числѣ такихъ,—и васъ я приглашаю.
Въ ночь эту домъ смиренный мой
Сіяньемъ звѣздъ блестящихъ озарится:
Ихъ свѣтомъ—свѣтъ небесный помрачится!
Восторгъ, который въ юношахъ родитъ
Разряженный апрѣль, зимѣ холодной
На пятки наступающій, въ васъ видъ
Красотъ блестящихъ вѣрно возбудитъ...
Глядите, слушайте... Избрать свободно
Тамъ можете вы ту, которая затмитъ
Для вашихъ глазъ другихъ. Одною между ними,—
Не по красѣ, но хоть по счету,—будетъ
И дочь моя. Пойдемте!
Ты, мошенникъ,
Обѣгай всю прекрасную Верону
И всѣхъ особъ найди ты поименно,
Какъ тутъ написано. *(Даетъ слугѣ списокъ).*
И всѣмъ сказать,
Что я и домъ мой ихъ сегодня будемъ ждать.

(Уходятъ Капулетъ и Парисъ).

Слуга.

Найди вотъ поди всѣхъ, какъ тутъ написано? А можетъ быть, тутъ написано, что сапожникъ—знай себѣ ножницы, а портной—шило; рыбакъ—кисти, а маляръ—удочку. Турусы на колесахъ, можетъ быть, тутъ написаны! А меня посылаютъ отыскивать поименно всѣхъ, какъ тутъ написано, когда я и именъ-то не разберу, что тутъ написаны. Надо къ кому нибудь грамотному. Да вотъ кстати!

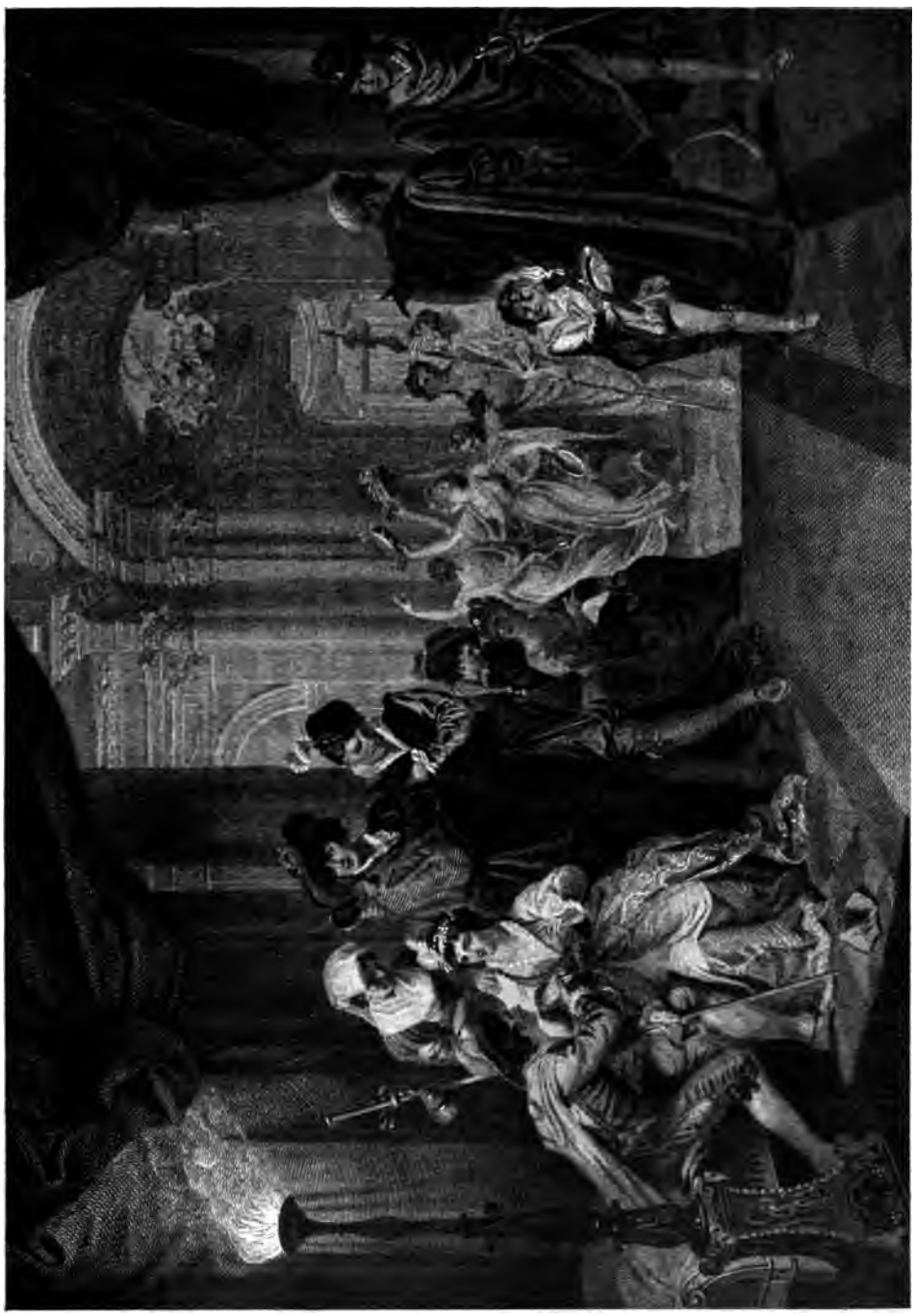
Входятъ Бенволіо и Ромео.

Бенволіо.

Э, милый мой! Клинъ клиномъ выбивай,
Огонь—туши огнемъ, страданье облегчай
Другимъ страданьемъ!..Коль голова кружится
Въ другую сторону кружи ее, пройдетъ!
Отъ боли болью надобно лечиться.
Коли заразу новую вдохнетъ
Въ себя твой взоръ, въ немъ старый ядъ умретъ.

Ромео.

И придорожникъ пользуетъ вѣдь тоже.



Ромео и Джульетта (Дѣйствіе I, сц. 5).
Картина англійскаго художника Вильяма Миллера (W. Miller, род. около 1740, ум. около 1810).
(Малая Бойделевская галерея).

Бенволіо.
Что пользуетъ?

Ромео.
Ушибъ въ ногѣ.

Бенволіо.
Да ты рехнулся, Ромео, что ли?

Ромео.
Нѣтъ; только связанъ крѣпче сумасшедшихъ,
Въ тюрьму посаженъ, пищи я лишенъ,
Избитъ, измученъ... и... Здорово, мой любезный?

Слуга.
Желаю здравія, мессеръ! Позвольте
Спросить: читать изволите умѣть вы?

Ромео.
О, да! Мою судьбу въ моемъ несчастьи.

Слуга.
Ну, это, можетъ быть, безъ книги вы...
А писанное, вы, мессеръ, прочтете-ль?

Ромео.
Прочту, коли языкъ и буквы знаю...

Слуга.
По чести сказано... Прощенья просимъ!

Ромео.
Постой, любезный! Я прочесть съумѣю.
(Читаетъ).
«Синьоръ Мартино, его супруга и дочери; графъ Анселъмо и его прелестныя сестры; вдовствующая синьора Витрувіо; синьоръ Плаченціо и его милыя племянницы; Меркуціо и его братъ Валентинъ; дядя мой Капулетъ, его супруга и дочери; моя прекрасная племянница Розалина; Ливія; синьоръ Валенціо съ своимъ двоюроднымъ братомъ Тибальтомъ; Лючіо и любезная Елена...»
Блестящее собранье! *(Отдаетъ бумагу).*
А къ кому?

Слуга.
А вонъ туда...

Ромео.
Куда?

Слуга.
Къ намъ въ домъ, на ужинъ.

Ромео.
Въ чей домъ?

Слуга.
А въ домъ синьора.

Ромео.
Да! О немъ-то
Всего я прежде бы спросить и долженъ былъ.

Слуга.
Теперь я ужъ пожалуй скажу вамъ и безо всякихъ вашихъ спросовъ. Синьоръ мой—вельможный и богатый Капулетъ, и если вы только не изъ Монтекковъ, такъ милости просимъ къ намъ распить одинъ-другой кувшинчикъ добраго винца. Счастливо оставаться! *(Уходитъ).*

Бенволіо.
На этотъ пиръ старинный Капулетовъ,
И Розалина, та, кого ты любишь,
Въ числѣ другихъ, извѣстнѣйшихъ красавицъ
Вероны, ужинать звана. Ну, вотъ:
Ступай туда и безпристрастнымъ окомъ
Ея лицо ты съ лицами другими,
Которыя я укажу, сравни:
И выйдетъ лебедь твой—не лебедь, галка!

Ромео.
Коль очи, правовѣріе забывъ,
Такую ересь скажутъ, обратится
Въ огонь ихъ слезъ потокъ—и пусть свершится
Надъ ними, уцѣлѣвшими въ разливъ,
За это дерзкое хуленье,
Какъ надъ еретиками, казнь сожженья.
Возможно ли, чтобъ кто сравнился съ ней красой,
Съ любовію моей? Съ тѣхъ поръ, какъ міръ земной
Всевидящее солнце озарило,
Подобной ей оно не находило.

Бенволіо.
Э, полно! Для тебя была она
Прекрасна отъ того, что все въ глазахъ одна.
Ее ты ею-же самою мѣрилъ.
Нѣтъ! вотъ теперь ее съ другой красой
Попробуй свѣсить на вѣсахъ хрустальныхъ,
Съ такой, которую я укажу,
Сіяньемъ окруженную на балѣ,
И, столь сіявшая, покажется она
Тогда ужъ развѣ только не дурна.

Ромео.
Пойду, но не другими заниматься,—
Ея, любви моей, сіяньемъ любоваться!
(Уходятъ).

———

СЦЕНА III.

Комната въ домѣ Капулетовъ.

Входятъ СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ *и* КОРМИЛИЦА.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.
Кормилица, гдѣ дочь? Покличь ее!

КОРМИЛИЦА.
Да кликала: вотъ вамъ моя былая
Дѣвичья честь порукой!
Ой ты, пташка!
Ой ты, овечка! Господи помилуй!
Да гдѣ же козочка? Гдѣ ты, Джульетта?

Входитъ ДЖУЛЬЕТТА.

ДЖУЛЬЕТТА.
Что тамъ? Кто звалъ меня?

КОРМИЛИЦА.
Да мама.

ДЖУЛЬЕТТА.
Здѣсь я,
Синьора! что угодно вамъ?

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.
Вотъ что... Ступай, кормилица... Намъ нужно
Поговорить на-единѣ... Постой,
Кормилица! поди ты къ намъ: совсѣмъ
Забыла я, что слѣдуетъ тебѣ
При разговорѣ быть... Ну, ты вѣдь знаешь,
Что дочь моя на возрастѣ теперь...

КОРМИЛИЦА.
Изъ часу въ часъ сочту ея годочки.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.
Вѣдь ей четырнадцатый?

КОРМИЛИЦА.
Объ закладъ
Пробью четырнадцать зубовъ... жаль вотъ,
Что ихъ и всѣхъ-то у меня четыре...
Четырнадцати нѣтъ еще ей... Сколько
До петрова дни?

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.
Да недѣли съ двѣ,
Не меньше.

КОРМИЛИЦА.
Ну, тамъ меньше ль, больше ль... дѣло
Не въ томъ. На самый, на петровъ день,
въ ночь,
Четырнадцать годочковъ ей минетъ.
Сусанна—упокой ее Господь—
Была бъ ей ровня... Богъ прибралъ Сусанну
Знать за грѣхи мои... Такъ на петровъ-то
На день на самый, въ ночь, ей будетъ ровно
Четырнадцать... Ужъ это такъ... я помню!
Да вотъ: одиннадцать годовъ, какъ было
Землетрясенье... А ее въ ту пору
Отъ груди стала отнимать я... Этотъ
Денечекъ изо всѣхъ-то денъ въ году
Мнѣ памятенъ! Полынью грудь свою
Натерла я да и сижу себѣ
На солнышкѣ, у стѣнки голубятни:
Вы въ Мантую тогда съ синьоромъ ѣздить
Изволили... мнѣ память не отшибло!
Ну, такъ отвѣдала она полыни,
Какъ я сказала, у моей-то груди,
И горько показалось; надо было видѣть,
Какъ дурочка на грудь тогда озлилась.
Вдругъ—голубятня—трахъ! Я, что есть
мочи,
Бѣжать оттоль!
Одиннадцать годковъ тому навѣрно!
Она держалась ужъ на ножкахъ; вотъ
Ей Богу право!.. бѣгаетъ, бывало,
Да сѣменитъ ножонками то... За день
До этого, не дальше, лобъ себѣ
Она расквасила. А мужъ покойникъ—
Царство ему небесное!—куда
Забавникъ былъ!.. Ее съ земли-то поднялъ
И говоритъ: «лицомъ, молъ, вотъ теперь
Ты на земь падаешь, а поумнѣешь,
Такъ будешь все затылкомъ падать... А?
Не такъ ли, Джуля?» и—вотъ умереть мнѣ
Сейчасъ на этомъ мѣстѣ—перестала
Кричать дѣвчонка и сказала: «да!»
А глядь-поглядь, вѣдь шутка-то, пожалуй,
Теперь и сбыться скоро можетъ... такъ-то!
Ну, кажется, хоть тысячу годовъ
Я проживи, а это помнить буду...
«Не такъ ли, Джуля?» говоритъ, а крошка
Притихла тотчасъ и сказала: «да!»

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.
Ну, будетъ ужъ объ этомъ! Перестань,
Пожалуйста...

КОРМИЛИЦА.
Извольте, перестану,
Синьора; только не могу отъ смѣха
Я удержаться, какъ лишь это вспомню...
Сейчасъ притихла и сказала: «да!»
А вѣдь у ней на лбу—хоть побожиться
Не грѣхъ—съ яйцо съ куриное тогда
Вскочила шишка; треснулась она
Порядкомъ и кричала на-крикъ... «Эва!»
Мужъ говоритъ, «лицомъ теперь вотъ на-
земь
«Ты падаешь, а подростешь, такъ падать

«Затылкомъ будешь... А? не такъ ли, Джуля?..»
Она притихла и сказала: «да!»

Джульетта.

Притихни-же, кормилица, и ты-то.

Кормилица.

Ну, ну, молчу! Господь тебя храни!
Ты лучше всѣхъ дѣтенышей была,
Которыхъ я вскормила. И коль только
До свадьбы доживу твоей, умру
Совсѣмъ покойно я!

Синьора Капулетъ.

Ну, вотъ о свадьбѣ-то теперь и дѣло,
О томъ и разговоръ нашъ будетъ... Дочка,
Джульетта! ну, скажи, какихъ ты мыслей
На счетъ замужства?

Джульетта.

Мнѣ объ этой чести
И въ мысль еще совсѣмъ не приходило.

Кормилица.

О чести! ишь ты! Еслибъ не сама я
Тебя вскормила, я бы вѣдь сказала,
Что умъ ты разумъ съ молокомъ всосала!

Синьора Капулетъ.

А не мѣшало бы подумать! Много
Синьоръ—да и прекрасныхъ—есть въ Вероне,
Которыя тебя еще моложе,
А матери семействъ; да и сама я
Ужъ матерью твоей была въ тѣ годы,
Какъ ты еще въ дѣвицахъ. Словомъ, вотъ что:
Твоей руки Парисъ-красавецъ ищетъ.

Кормилица.

Ахъ! что за человѣкъ-то, синьорина!
Ужъ что за человѣкъ! Какъ быть мужчина!
Ужъ точно, можно чести приписать!

Синьора Капулетъ.

Цвѣтъ избранный веронскаго букета!

Кормилица.

Ужъ точно цвѣтъ! какъ есть-то алый цвѣтъ.

Синьора Капулетъ.

Что скажешь ты? Тебѣ синьоръ по нраву ль?
Сегодня ночью къ намъ на пиръ онъ будетъ...
Читай-же ликъ Париса молодого
И изучи прелестныя черты,
Набросанныя кистью красоты;
Замѣть въ гармоніи изящныхъ очертаній,
Какъ соотвѣтствуетъ другому въ нихъ одно.
Что въ этой книгѣ для тебя темно,
То въ зеркалѣ очей доскажется прекрасныхъ...
А книжка драгоцѣнная! Должна
Быть только въ переплетъ обдѣлана она.
Въ водѣ привольно рыбѣ и наружной
Красѣ прилично быть съ красой душевной дружной.
Написанную золотымъ перомъ,
Пріятно въ переплетѣ дорогомъ
Намъ видѣть книгу. Ежели онъ будетъ
Твоимъ, тогда—владѣтельница ты
Его богатства, чести, красоты;
Тебя жъ самой нисколько не убудетъ.

Кормилица.

Чего убудетъ? Съ прибылью какъ разъ!

Синьора Капулетъ.

Ну, какъ же? Ты полюбишь ли Париса?

Джульетта.

Я погляжу: родится ли любовь
Отъ взгляда; но ему я дамъ свободу
Не болѣе, какъ только вамъ въ угоду.

Входитъ слуга.

Слуга.

Синьора! съѣхались гости; столъ ужъ накрытъ; молодую синьорину вездѣ ищутъ; кормилицу въ кухнѣ клянутъ на чемъ только свѣтъ стоитъ: все и всѣ въ ожиданіи... Я бѣгу къ столу! Пожалуйте поскорѣе.

Синьора Капулетъ.

Мы за тобой... Графъ ждетъ ужъ насъ, Джульетта!

Кормилица.

Ну, козочка; иди, да добывай скорѣй
Къ денькамъ счастливымъ—счастливыхъ ночей!

(Уходитъ).

СЦЕНА IV.

Улица.

Входятъ Ромео, Меркуціо, Бенволіо *въ сопровожденіи пяти или шести масокъ и факельщиковъ.*

Ромео.

Ну, какъ же? съ извинительною рѣчью
Иль такъ безъ оправданій мы войдемъ?

Бенволіо.

На околичности прошла ужъ мода
И ни амура нѣтъ у насъ съ глазами,
Повязанными шарфомъ, да съ картоннымъ
Татарскимъ размалеваннымъ лукомъ,
Воронья пугала для юныхъ дѣвъ...
Ни пролога нѣтъ книжнаго, который
Прочли бы вяло мы при нашемъ входѣ
Съ подсказками суфлера. Какъ угодно
Суди-ряди о насъ: мы станемъ въ рядъ,
Станцуемъ танецъ да и маршъ назадъ!

Ромео.

Дай факелъ мнѣ. Я прыгать не намѣренъ,
Душою мрачный, понесу я свѣтъ.

Меркуціо.

Ну, нѣтъ, прелестный Ромео! Ты пляши!

Ромео.

Уволь! вы въ легкихъ башмакахъ
И на ногу легки къ тому-же;
А у меня въ душѣ свинецъ
И тянетъ къ низу: гдѣ порхать мнѣ?

Меркуціо.

Да ты вѣдь числишься влюбленнымъ?
Такъ крылья выпроси взаймы
У Купидона—высоко
Надъ нами грѣшными вспорхни.

Ромео.

Его стрѣлой я слишкомъ тяжко раненъ,
Чтобъ на крылахъ его порхать. Окованъ
Цѣпями, я надъ тяжкою печалью
Не поднимусь, паду подъ бременемъ любви.

Меркуціо.

Такъ вывернись изъ подъ нея наверхъ:
Ты грузъ порядочный для штуки этой нѣжной!

Ромео.

Любовь-то штука нѣжная? Она
Груба, свирѣпа, зла, колюча какъ репейникъ.

Меркуціо.

Грубитъ любовь—такъ самъ груби ты ей;
А колется—коли! возьмешь ты верхъ надъ ней.
Подайте-ка футляръ вы на лицо мнѣ! *(Надѣваетъ маску).*
На харю—харя! Смѣло выдаю
Я безобразіе свое теперь
Всѣмъ любопытнымъ взорамъ на съѣденье.
Пусть за меня краснѣетъ эта рожа!

Ромео.

Мнѣ—факелъ! Пусть повѣсы съ легкимъ сердцемъ
Бьютъ пятками безчувственный тростникъ;
Я поговорки дѣдовской держуся:
Кто свѣтитъ, тотъ и видѣть лучше будетъ...
На свѣтломъ пиршествѣ я темный гость.

Меркуціо.

Э, полно, другъ! всѣ кошки ночью сѣры,
Будь тьма твоя хоть мутное болото,
Изъ этой, съ позволенія сказать,
Любовной тины вытащимъ тебя мы,
Хоть по уши завязъ ты... Ну, пойдемъ же!
Мы попусту лишь тратимъ свѣтъ дневной.

Ромео.

Какая дичь!

Меркуціо.

Хочу, мессеръ, сказать я этимъ,
Что безъ толку теперь, какъ лампы днемъ, мы свѣтимъ:
Лови ты не слова, значенье словъ моихъ,
Цѣни какъ и во всемъ—намѣреніе въ нихъ!

Ромео.

Вотъ, напримѣръ, на этотъ балъ собраться
Намѣренье прекрасно, можетъ статься,
Идти-же—глупо!

Меркуціо.

Чѣмъ? позволь спросить.

Ромео.

Сонъ снился мнѣ...

Меркуціо,

Мнѣ тоже.

Ромео.

Что-жъ снилося?

Меркуціо.

Что нѣту складныхъ сновъ.

Ромео.

Или что мы нескладно ихъ толкуемъ?

Меркуціо.

Ого! царица Мабъ была съ тобой!
То бабка-повитушка чаръ волшебныхъ:
Является она къ намъ невеличка
И вся-то въ камень перстня помѣстится;
Везутъ ее атомчики въ запряжкѣ
Вдоль по носамъ мертвецки-спящихъ смертныхъ.
Въ колесахъ спицы—пауковы ноги,
Верхъ колесницы—стрекозины крылья,
Изъ самой тонкой паутины—возжи,
Изъ влажныхъ мѣсяца лучей—уздечки,
Изъ косточки сверчковой—кнутовище,
А кнутъ изъ жилъ едва замѣтной мошки...
Комаръ у ней въ ливреѣ сѣрой—кучеръ,

Немного меньше кругленькаго звѣря,
Казнимаго на ногтѣ ночью дѣвкой;
Колясочка у ней—пустой орѣшекъ,
Издѣлье хитрой бѣлки-столяра
Да червяка-точильщика, старинныхъ,
Извѣчныхъ мастеровъ всѣхъ дѣлъ каретныхъ
У фей... Въ такомъ то видѣ, еженочно,
Она скакать изволитъ по мозгамъ
Любовниковъ,—и сны любви имъ снятся,
Да по ногамъ придворныхъ—и поклоны
Имъ видятся, иль по судейскимъ пальцамъ—
И снятся судьямъ взятки, иль по губкамъ
Синьоръ—и имъ мерещится лобзанье;
А губки тѣ лихая Мабъ нерѣдко
Прыщами покрываетъ въ наказанье
За разные духи да притиранье.
Иной разъ скачетъ по носу пролаза,
И чуетъ носъ во снѣ мѣстечка запахъ
Доходнаго; свинымъ хвостомъ, порою,
У спящаго дьячка щекочетъ ноздри,—
И грезятся во снѣ ему поминки;
Иль по солдатской шеѣ пронесется,—
И видятся солдату вражьи раны,
Засады, да осады, да клинки
Испанскіе, да чарка водки въ четверть
Хорошую... и барабанный грохотъ
Въ ушахъ его... И вотъ онъ встрепенулся,
Проснулся... ничего! молитву шепчетъ
И вновь заснулъ. Она же, эта Мабъ,
У коней ночью гривы заплетаетъ,
Въ нихъ съ наговоромъ колтуны свиваетъ;
А колтуны волшебные развить
Боится всякъ, чтобъ худа не нажить.
Она-же все...

РОМЕО.

Ну, будетъ, другъ Меркуціо,
Несешь ты бредъ.

МЕРКУЦІО.

Ну да! О бредѣ сновъ,
Больного мозга праздныхъ порожденій,
Воображенія безпутнаго дѣтей,
Какъ воздухъ невещественныхъ, какъ вѣтеръ
Измѣнчивыхъ, который то ласкаетъ
Грудь ледяную сѣвера, то вмигъ,
Въ порывѣ яромъ, прилетитъ оттуда
И быстро оборачиваетъ къ югу,
Еще росой увлаженному, ликъ.

БЕНВОЛІО.

Должно быть, что и насъ занесъ твой вѣтеръ
Богъ вѣсть куда. Придемъ на ужинъ поздно.

РОМЕО.

А я боюсь, не рано ли? Душа
Предчувствуетъ, что нѣчто роковое,
Звѣздой опредѣленное моей,
Начнетъ свершаться надо мною, съ этой
Веселья ночи,—и презрѣнной жизни,
Въ груди моей замкнутой, нить порветъ
Безвременно однимъ ударомъ быстрымъ...
Но—правящій ладьи моей рулемъ
Да руководитъ парусъ мой! Идемъ!
Впередъ, мои веселые синьоры!

БЕНВОЛІО.

Трамъ-трамъ! бей въ барабанъ!

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

За:а въ домѣ Капулета.

Входятъ МУЗЫКАНТЫ И СЛУГИ.

1-Й СЛУГА.

Куда-жь это дѣвался брюханъ? что не помогаетъ убирать? Тарелки лизать—это вотъ его дѣло!

2-Й СЛУГА.

Плохо ужъ, когда все у двухъ человѣкъ въ рукахъ, да и въ рукахъ-то еще не мытыхъ.

1-Й СЛУГА.

Отставляй кресла, отодвинь шкафъ, да за серебромъ-то смотри въ оба глаза. Ну, а ты, любезный, отложи-ка вотъ къ сторонкѣ зтотъ кусокъ марципану для меня! Да, пожалуйста, скажи придвернику, чтобъ онъ пропустилъ сюда Сусанну, Мельницу да Лену... Эй! Антоніо! Брюханъ!

3-Й СЛУГА.

Въ наличности, братецъ ты мой! Вотъ я!

1-Й СЛУГА.

Въ большой залѣ тебя зовутъ—не дозовутся, кричатъ—не докричатся!

3-Й СЛУГА.

Да вѣдь не разорваться же намъ на всѣ мѣста. Ну, ребята! ходи прямо, держись браво! Кто послѣдній останется, тому все достанется!

(Расходятся).

Входятъ: СТАРИКЪ КАПУЛЕТЪ, *потомъ въ числѣ гостей*: ТИБАЛЬТЪ, ДЖУЛЬЕТТА И кормилица; *наконецъ*, РОМЕО *съ друзьями, всѣ замаскированные.* Гости, маски и слуги.

КАПУЛЕТЪ.

Синьоры, милости прошу! Работа

Вамъ будетъ, если ноги дамъ не страждутъ
Мозолями... Что, синьорины? А?
Задѣлъ я васъ? Которая теперь
Откажется? Ну, откажитесь только,—
Сейчасъ скажу: мозоли! Что? поймалъ?
Прошу пожаловать, синьоры! Было
И наше время! Маску надѣвалъ я,
Какъ вы-же, и нашептывать умѣлъ
Въ ушко прекраснымъ синьоринамъ сказки...
Эхъ! было время, да прошло, прошло!
Синьоры, милости васъ просимъ!
Ну, играйте,
Играйте, музыканты! Мѣсто, мѣсто!
Раздайтесь, разступитесь, господа!
(*Музыка; танцы*).
Эй, дурачье! Побольше свѣту. Сдвинуть
Столы, да потушить огонь въ каминѣ!
И такъ тепло. (*Другому Капулету*).
Ага! Ну, вотъ утѣшилъ!
Садись-ка, братецъ Капулетъ, садись!
Для насъ съ тобой минуло пляски время...
А ну-ка, ну! Припомни, другъ, когда мы
Въ послѣдній разъ съ тобою были въ маскахъ?

2-й Капулетъ.

Да лѣтъ ужъ тридцать, братецъ мой, назадъ.

1-й Капулетъ.

Не можетъ быть такъ много, быть не можетъ,
Братище! У Люченціо на свадьбѣ,
Я помню, было... Хоть считай по пальцамъ..
Лѣтъ двадцать, ну ужъ много двадцать пять.

2-й Капулетъ.

Э! что ты? больше! Да ужъ сыну
Его, мессеръ, теперь тридцатый годъ.

1-й Капулетъ.

Кому ты говоришь? Тому два года,
Несовершеннолѣтнимъ онъ считался.

Ромео (*слугѣ*).

Кто эта синьорина, что сейчасъ
Рукой своей почтила кавалера
Вонъ тамъ?

Слуга.

Не знаю я, синьоръ.

Ромео.

О! этимъ огнямъ у нея бы свѣтить поучиться!
Ярко ея красота выдается на тѣни ночной,
Словно въ ушахъ эѳіопки алмазъ дорогой,
Не для земли та краса! На нее лишь молиться, молиться!
Голубь таковъ бѣлоснѣжный средь стаи воронъ,
Какъ она, эта дѣва, въ толпѣ этихъ дѣвъ, этихъ женъ.
Лишь только окончится танецъ, я мѣсто намѣчу,
Я пробьюсь къ ней на встрѣчу!
Грубой рукѣ моей дамъ я блаженство вкусить,
Ручки коснуться ея... Не умѣло доселѣ любить
Сердце мое... не умѣло! Клянитесь вы, очи!
Я не видалъ красоты до сегодняшней ночи!

Тибальтъ.

А это вѣдь по голосу Монтекки!
Поди, сыщи мнѣ шпагу, пажъ! Посмѣла
Тварь эта, харю старую надѣвъ,
Сюда на праздникъ нашъ забраться,
Чтобы надъ нами издѣваться!
Ну, древней честью рода моего
Клянусь: не грѣхъ къ чертямъ послать его!

1-й Капулетъ.

Племянникъ, что ты? и бурлишь о чемъ?

Тибальтъ.

Монтекки, дядя, врагъ между гостями;
Ругаться онъ пришелъ сюда надъ нами
И надъ семейнымъ нашимъ торжествомъ.

1-й Капулетъ.

Вѣдь это Ромео молодой? Не правда-ль?

Тибальтъ.

Такъ точно, дядя: это онъ—подлецъ.

1-й Капулетъ.

Поудержись, племянничекъ! Не трогай
Его! Себя ведетъ онъ по дворянски.
И, правду говоря, Верона можетъ
Гордиться имъ, какъ юношей, вполнѣ
Благовоспитаннымъ и благороднымъ,
И ни за весь нашъ городъ не хочу я,
Чтобъ въ домѣ у меня онъ былъ обиженъ.
А потому уймись и на него
Не обращай вниманья: такъ хочу я,
И ежели ты волю чтишь мою,
Прими веселый видъ, сгони со лба морщины:
Онѣ совсѣмъ некстати на пиру.

Тибальтъ.

Нѣтъ, кстати, если подлецы гостями.
Я не могу сносить его.

1-й Капулетъ.

Ты долженъ!
Ахъ ты, мальчишка! Долженъ, говорю!

Коль я хочу, такъ долженъ! Вотъ те на!
Да кто же здѣсь хозяинъ: я иль ты?
Ты выносить его не можешь! Вотъ какъ!
Съ гостями ссоры затѣвать ты хочешь...
Тьфу пропасть! Курица запѣла пѣтухомъ,
Молокососъ ужъ нынче старшихъ учитъ!

Тибальтъ.

Но, дядюшка, вѣдь это—срамъ.

1-й Капулетъ.

Пошелъ ты,
Мальчишка вздорный! Это что еще?
Ты не серди меня, дружокъ! Я знаю,
Что говорю. *(Танцующимъ).*

Отлично, душки! *(Тибальту).*
Ты—
Пѣтухъ задорный, вотъ что! *(Слугамъ).*
Свѣту, свѣту!
Побольше свѣту! *(Тибальту).*
Я тебя уйму!
Любезный мой! *(Танцующимъ).*
Живѣй, мои милашки!

Тибальтъ.

Терпѣніе насильственное здѣсь
Столкнулось съ вольнымъ бѣшенствомъ; и весь
Составъ мой дрогнулъ... Лучше удалиться
Иль желчной лавой можетъ гнѣвъ разлиться. *(Уходитъ).*

Ромео *(беретъ руку Джульетты).*

Коль осквернилъ я грѣшною рукою
Святыни неприкосновенный кладъ,
Эпитимьѣ строжайшей за такое
Я дѣло грѣшное себя подвергнуть радъ.
Слѣдъ грѣшнаго руки прикосновенья
Дозволь устамъ ты набожнымъ моимъ
Изгладить поцѣлуемъ умиленья.

Джульетта.

Къ рукѣ вы слишкомъ строги, пилигримъ!
По ней могла лишь набожность узнать я.
Вѣдь пилигримъ достоинъ и святыхъ
Рукой касаться... Богомольно ихъ
Привѣтствуетъ руки его пожатье.

Ромео.

Святымъ и страннику равно уста даны.

Джульетта.

Молитвѣ ихъ уста посвящены.

Ромео.

Такъ пусть, моя святая, рукъ примѣру
Послѣдуютъ уста! Склонись къ молитвамъ ихъ,
Отъ мукъ отчаянья ты огради въ нихъ вѣру.

Джульетта.

Склоняясь на мольбы, недвижимъ ликъ святыхъ.

Ромео.

Такъ и останься-жъ безъ движенья,
Пока мольбы воспримутъ исполненье. *(Цѣлуетъ ее).*
Твои уста грѣхъ сняли съ устъ моихъ.

Джульетта.

И на себѣ, должно быть, удержали.

Ромео.

Какъ? на себя грѣхи мои вы взяли?
О, сладостный упрекъ! отдай же вновь мнѣ ихъ.
Пускай назадъ грѣхи мнѣ возвратятся. *(Цѣлуетъ ее).*

Джульетта.

Да вы большой искусникъ цѣловаться!

Кормилица.

Синьора! Мама васъ зоветъ! на пару словъ...
(Джульетта уходитъ).

Ромео.

А кто синьоры матушка?

Кормилица.

Какъ кто,
Разумникъ мой? Сама хозяйка дома...
И госпожа—предобрая, преумная!
А я вскормила дочь ея, съ которой
Вы говорили; и скажу по правдѣ:
Кто женится на ней, того молитвы
Дошли къ угодникамъ.

Ромео.

Такъ Капулетъ она?
О, жизнь моя! врагу въ залогъ ты отдана!

Бенволіо.

Пора домой! Всѣ скоро разойдутся.

Ромео.

Да! всѣ! Лишь муки въ сердцѣ остаются.

1-й Капулетъ.

Нѣтъ, господа... насъ такъ не оставляйте!
Сейчасъ поспѣетъ ужинъ скромный нашъ.
Торопитесь? Ну, какъ угодно! Всѣхъ я
Благодарю покорно васъ, синьоры!
Эй! факеловъ сюда!..
И на постелю
Пора таки! *(2-му Капулету).*
Поздненько, братецъ мой!
Пойти соснуть.
(Уходятъ всѣ, кромѣ Джульетты и кормилицы).

Джульетта.
Поди сюда, кормилица! скажи мнѣ,
Пожалуйста, кто этотъ вотъ синьоръ?

Кормилица.
А стараго Тиберіо наслѣдникъ.

Джульетта.
А этотъ вотъ, что въ дверь сейчасъ выходитъ?

Кормилица.
Должно быть, что Петрукіо молодой.

Джульетта.
А вотъ за нимъ, не танцовалъ который?

Кормилица.
Ну, вотъ ужъ и не знаю, право, я!

Джульетта.
Сходи, узнай, кто онъ? Да не женатъ ли?
(Кормилица отходитъ къ дверямъ).
Мнѣ лучше смерть тогда, чѣмъ брачная постель!

Кормилица *(возвращаясь).*
Ахъ! Ромео онъ зовется и Монтекки!
Сынъ недруга онъ вашего единый.

Джульетта.
Увы! моей единою враждою
Порождена любовь единая моя.
Незнаемый—предсталъ онъ предо мною;
Узнать его—узнала поздно я.
Чудовищную страсть во мнѣ судьба родила,
Смертельнаго врага я полюбила.

Кормилица.
Что? что такое?

Джульетта.
Ничего... Стихи,
Которые сегодня затвердила
Отъ моего танцора я.

Голосъ синьоры Капулетъ.
Джульетта!

Кормилица.
Сейчасъ, сейчасъ! Пойдемъ-ка спать скорѣй!
Пора ужъ, проводили всѣхъ гостей.
(Уходятъ).

Ромео и Джульетта во время бала. (Дѣйствіе I, сц. 5).
Рисунокъ Фердинанда Пилотти.

ПРОЛОГЪ КЪ ВТОРОМУ АКТУ.

Х о р ъ.

На смертномъ ложѣ страсть былая издыхаетъ
И жадно новая наслѣдства ожидаетъ:
Краса, смущавшая мечтателя покой,
Померкла предъ Джульеттиной красой.
Любимъ нашъ Ромео; самъ ужъ любитъ снова;
Навѣкъ обоихъ спутали оковы!
Предъ ней, передъ врагомъ, хотѣлъ бы онъ
Излиться весь въ одинъ сердечный стонъ;
Какъ рыбка сладкою приманкой увлекаясь,
Къ нему навстрѣчу, сердцу довѣряясь,
Она летѣть хотѣла бы... но, ахъ!
Не можетъ прямо Ромео, кровный врагъ,
Ни мукъ ей передать любовныхъ, ни моленій...
Джульеттѣ бѣдной тоже средства нѣтъ
Увидѣть вновь того, кто въ нѣсколько мгновеній
Сталъ для нея милѣй чѣмъ жизнь и свѣтъ.
Но бдитъ любви надъ ними вѣчный геній:
Укажетъ случай онъ и дастъ возможность имъ
Упиться въ трепетѣ блаженствомъ неземнымъ.

(Уходитъ).

АКТЪ ВТОРОЙ.

СЦЕНА I.

Открытое мѣсто, прилежащее къ саду Капулетовъ.

РОМЕО.

Куда мнѣ дальше, если сердце здѣсь?
Стой, глыба персти, и стремися къ центру!
(Перелѣзаетъ чрезъ стѣну въ садъ).

Входятъ БЕНВОЛІО *и* МЕРКУЦІО.

БЕНВОЛІО.

Эй! Ромео! братецъ Ромео!

МЕРКУЦІО.

Да! себѣ
Онъ на умѣ, твой Ромео... Ну, вотъ душу
Я прозакладую, коль онъ ужъ не въ постели.

БЕНВОЛІО.

Сюда онъ побѣжалъ и на стѣну взобрался.
Зови Меркуціо-другъ!

МЕРКУЦІО.

Заклятьемъ развѣ?
Эй, Ромео! эй ты, норовъ! страсть! безумство!
Явися къ намъ хоть въ видѣ вздоха ты;
Скажи одинъ стишокъ и я доволенъ;
Воскликни: ахъ! срифмуй „любовь и кровь“,
Наговори любезностей моей
Кумѣ Венерѣ; прибери прозванье
Ея сынку—наслѣднику слѣпому,
Мальчишкѣ-купидончику, который
Стрѣлялъ такъ мѣтко въ тѣ поры, когда
Король Кофетуй въ нищенку влюбился...
Нѣтъ! вѣдь не слышитъ онъ, не шевельнется,
Не шелохнется! Умеръ нашъ голубчикъ!
Приняться вызывать по формѣ:
Заклинаю
Тебя блестящими очами Розалины,
Челомъ ея возвышеннымъ, устами
Пунцовыми и маленькою ножкой,
Предстань намъ въ видѣ собственномъ своемъ ты!

БЕНВОЛІО.

Онъ сердится, коль слышитъ это все.

МЕРКУЦІО.

За что же тутъ сердиться? Вотъ, когда бы
Въ волшебный кругъ красавицы его
Я вызвалъ демона и такъ оставилъ:
—Гони молъ заклинаньями какъ знаешь!—
Сердиться было бы за что... Мое же
И честно и пристойно заклинанье;
Вѣдь я его зову сюда явиться
Лишь именемъ однимъ его прелестной.

БЕНВОЛІО.

Пойдемъ! онъ спрятался подъ тѣнь деревьевъ,
Бесѣды съ грустной ночью ищетъ онъ;
Любовь его слѣпа: въ ладу съ одною тьмою.

МЕРКУЦІО.

Слѣпа любовь—какъ въ цѣль не попадетъ.
Должно быть, онъ сидитъ теперь подъ фигой
И думаетъ: зачѣмъ красавица—не плодъ
И фигой на него сама не упадетъ?
Покойной ночи, Ромео!... Вотъ пойду я
Да лягу на пуховую постель...
На травкѣ на муравкѣ спится плохо!
Ну, отправляемся!

БЕНВОЛІО.

Пойдемъ. Искать напрасно
Того, кто самъ не хочетъ найденъ быть.
(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Садъ Капулетовъ.

Входитъ РОМЕО.

РОМЕО.

Болѣзнью шутитъ тотъ, кто ранъ не вѣдалъ.
(Джульетта показывается у окна).
Но тише! что за свѣтъ въ окнѣ мелькнулъ?
О! то—восходъ! Джульетта—солнце!
Встань, солнце красное! Убей ты мѣсяцъ
Завистливый, поблекнувшій съ печали,
Что, жрица мѣсяца, его ты краше.
Не будь же жрицей ты его, когда онъ
Тебѣ завидуетъ. Покровъ его весталки,
Болѣзненно-туманный, сбрось съ себя ты!
Вотъ, вотъ моя царица, вотъ моя любовь!
Когдабъ она лишь знала!.. Что-то шепчутъ
Ея уста... но не слова. Что нужды?
Взглядъ говоритъ и я отвѣчу... нѣтъ!

Я слишкомъ дерзокъ,—не ко мнѣ тѣ рѣчи!
Двѣ самыхъ яркихъ звѣздочки небесныхъ,
Куда-то отлучившихся, велѣли
Очамъ ея блистать до ихъ возврата.
А что, когда бы точно были очи
На мѣстѣ ихъ,—онѣ-же тамъ, гдѣ звѣзды?
Померкли бъ эти звѣзды передъ блескомъ
Ея ланитъ, какъ меркнетъ передъ свѣтомъ
Дневнымъ лампада; очи же съ вершины
Небесъ такой бы разливали свѣтъ
Въ воздушныхъ высяхъ, что запѣли бъ птицы,
Принявши ночь за день... Вотъ, вотъ она
Склонилась на руку щекою...
Ахъ! еслибъ быть перчаткой этой ручки,
Коснуться этой щечки!

Джульетта.

Горе!

Ромео.

Говоритъ!
О, говори же, свѣтлый ангелъ! Блещешь
Ты въ этой тьмѣ надъ головой моей,
Какъ блещетъ неба посланецъ крылатый,
Когда предъ изумленными очами
Во прахъ повергшихся людей опережаетъ
Онъ облаковъ тяжелый ходъ
И по воздушной выси рѣетъ.

Джульетта.

О Ромео, Ромео! Отчего, зачѣмъ
Ты Ромео? Отрекись ты отъ отца,
Отъ имени ты откажись, иль если
Нельзя ужъ то, такъ поклянись въ любви ты,
И я не буду больше Капулетъ.

Ромео.

Еще ли слушать мнѣ иль говорить?

Джульетта.

Одно твое лишь имя—врагъ мнѣ... Но вѣдь ты
Самъ по себѣ, ты не Монтекки. Что такое
Монтекки? Не рука вѣдь это, не нога
И не лицо, не тѣла членъ какой;
Не человѣка часть.. Зовись же ты иначе!
И что такое имя? Что зовемъ мы розой,
Зовись она иначе, запахъ тотъ же!
И Ромео, не зовись онъ Ромео, все бы
Прекраснъ и безъ имени остался.
О! сбрось ты имя, Ромео, и за имя,
Которое—не часть же самого тебя,
Возьми ты всю меня.

Ромео.

Ловлю тебя на словѣ...
Ты милымъ назови меня своимъ—
И я перекрещенъ, и я ужъ больше
Не Ромео.

Джульетта.

Кто ты, тьмой ночною скрытый,
Подслушавшій признанія мои?

Ромео.

Ужъ я теперь не знаю какъ и зваться!
Мнѣ прозвище мое, моя святая,
Отнынѣ гнусно... врагъ оно тебѣ...
И, будь оно лишь на бумагѣ, я бы
Его теперь навѣки зачеркнулъ!

Джульетта.

Еще ста словъ въ ушахъ не прозвучало,
Произнесенныхъ этимъ голосомъ, а мнѣ
Знакомы словно эти звуки!.. ты
Не Ромео-ли, увы! и не Монтекки-ль?

Ромео.

Ни тотъ и ни другой, моя святая,
Когда тебѣ тотъ и другой противны!

Джульетта.

Какъ ты пришелъ, скажи мнѣ, и зачѣмъ?..
Стѣна и высока и неприступна...
Ты вспомни только, кто ты!.. Смерть тебѣ,
Коль здѣсь тебя мои родные встрѣтятъ!

Ромео.

На легкихъ крыльяхъ страсти черезъ эту
Я стѣну перенесся... Удержать ли
Любовь преградамъ каменнымъ?.. Она
Что можетъ сдѣлать, то и смѣетъ сдѣлать;
И нѣтъ мнѣ нужды до твоихъ родныхъ!

Джульетта.

Тебя убьютъ они, коли увидятъ.

Ромео.

Увы! Опаснѣй мнѣ твои глаза,
Чѣмъ двадцать ихъ мечей... Лишь ласково взгляни ты,
И закаленъ я противъ ихъ вражды.

Джульетта.

Дай Богъ, чтобы тебя не увидали!

Ромео.

Отъ взоровъ ихъ я скрытъ покровомъ ночи.
А если ты меня не любишь,—мнѣ все
Равно тогда, хотя бъ и увидали!
Конца своей я жизни отъ вражды ихъ
Желаю лучше, чѣмъ отсрочки смерти
Холодностью твоею...

Джульетта.

Кто сюда
Дорогу указалъ тебѣ?

Ромео.

Любовь,
Которая искать ея велѣла...
Она совѣтъ дала мнѣ, я—глаза ей...
Я не морякъ, но будь ты далеко,
Какъ твердая земля за дальнимъ моремъ,
Пустился бъ за такимъ товаромъ я.

Джульетта.

Ты знаешь, маска тьмы теперь скрываетъ
Лицо мое, а то бы на щекахъ ты
Дѣвичьяго стыда увидѣлъ краску,
Стыда за всѣ мои за рѣчи къ ночи,
Тобой подслушанныя. Рада я
Была бы соблюсти приличье; рада
Была бы отпереться отъ того,
Что я сказала... но, прощай пристойность!
Меня ты любишь ли? ты, знаю, да! отвѣтишь,
А я повѣрю на-слово... Но если
И поклянешься,—можешь измѣнить
Ты клятвѣ! Только что смѣется, говорятъ,
Юпитеръ надъ любовнымъ вѣроломствомъ!
О, милый Ромео! Если вправду любишь—
Скажи ты честно; если жъ ты подумалъ,
Что достаюся слишкомъ я легко,
Нахмурю брови я, сурова стану
И буду говорить все нѣтъ! чтобъ ты
Ухаживалъ за мной, а то ни за что въ мірѣ...
О, мой Монтекки!.. слишкомъ влюблена я;
Меня сочтешь ты вѣтреной, пожалуй;
Но вѣрь, синьоръ, вѣрнѣе тѣхъ я буду,
Которыя держать себя умѣютъ.
Я тоже бы себя сдержала—надо
Признаться въ томъ—когда бы не подслушалъ,
Безъ моего ты вѣдома, моихъ
Любви признаній искреннихъ. Прости-же
Ты мнѣ, и въ легкомыслiи меня ты
Не упрекай за то, что только ночь
Тебѣ открыла темная случайно.

Ромео.

Синьора, клянусь луной святою,
Сребрящею верхи деревъ, покрытыхъ
Плодами....

Джульетта.

Не клянися ты луною,
Измѣнчивой луною, каждый мѣсяцъ
Мѣняющею ликъ свой,—да не будетъ
Подобна ей твоя любовь!

Ромео.

Такъ чѣмъ же
Велишь мнѣ клясться?

Джульетта.

Не клянись совсѣмъ ты,
Иль милымъ существомъ своимъ, кумиромъ
Единственнымъ моимъ ты поклянися—
И я повѣрю!

Ромео.

Если сердца страсть...

Джульетта.

Нѣтъ, не клянись!.. Хоть ты моя и радость,
Но нашъ союзъ не радостенъ ночной мнѣ...
Онъ слишкомъ быстръ, нежданъ, внезапенъ слишкомъ,
Похожъ на молнію, которой нѣтъ ужъ,
Когда мы говоримъ: сверкаетъ!.. Милый!
Покойной ночи! Нашъ цвѣтокъ любви,
Быть можетъ, пышно расцвѣтетъ подъ жаркимъ
Дыханьемъ лѣта въ новое свиданье.
Покойной ночи! доброй ночи! Сладокъ
Да будетъ сонъ твой!.. какъ дышать мнѣ сладко!

Ромео.

И ты меня оставишь безъ отрады?

Джульетта.

Какая же возможна въ эту ночь?

Ромео.

Любовью на любовь обмѣнъ ненарушимый.

Джульетта.

Я отдала свою еще до просьбы,—
И жаль, что нечего мнѣ больше отдавать.

Ромео.

Какъ? ты бы взять назадъ ее хотѣла?

Джульетта.

Чтобъ щедрой быть и вновь тебѣ отдать;
Но я—чего желаю, тѣмъ владѣю!
Во мнѣ—какъ море безгранична щедрость
И глубока любовь: чѣмъ больше я
Даю тебѣ, тѣмъ больше я имѣю...
Любовь и щедрость—обѣ безъ конца.
(Слышенъ голосъ кормилицы).
Я слышу въ домѣ шумъ... Прощай, мой милый!
Сейчасъ иду, кормилица... Будь вѣренъ,
Мой дорогой Монтекки!.. Подожди
Одну минуту только: я вернуся *(Уходитъ).*

Ромео.

О, счастливая, счастливая ночь!
Боюсь я только: это все не сонъ ли?
Сонъ, слишкомъ сладкій, чтобы былъ онъ правдой!

(Возвращается Джульетта).

Джульетта.

Три слова, дорогой мой Ромео! А потомъ
Уже взаправду доброй ночи!.. Если .
Твоей любви намѣренія честны
И мысль твоя—жениться, то пришли мнѣ
Словечко завтра съ тѣмъ, кого пошлю я:
Гдѣ и когда вѣнчаться будемъ мы...
Къ твоимъ ногамъ судьбу свою сложу я
И—хоть на край земли—пойду, мой царь, съ тобой!

Кормилица *(извнутри)*.

Синьора!

Джульетта.

Тотчасъ!.. Если жъ у тебя
Дурное что на мысляхъ, то молю я...

Кормилица *(извнутри)*.

Синьора!

Джульетта.

Да иду... Молю покончить
Все это и меня съ моей печалью
Оставить одинокой... Завтра я
Пришлю...

Ромео.

Клянусь души моей спасеньемъ.

Джульетта.

Сто разъ тебѣ желаю доброй ночи!
(Уходитъ).

Ромео.

И во сто разъ она темнѣе стала
Безъ свѣта твоего. Любовь къ любви
Бѣжитъ, какъ мальчики изъ школы, и лѣниво,
Какъ въ школу мальчики, плетется отъ любви.

Джульетта *(снова появляясь)*.

Эй, Ромео, Ромео! Что мнѣ не данъ голосъ
Сокольничаго, чтобъ тебя могла я
Призвать назадъ, мой благородный кречетъ!
Но вѣчно-хриплая неволя громко
Не въ силахъ говорить, а то бъ пещеру,
Гдѣ Эхо спитъ, заставила дрожать я,
У Нимфы бы охрипъ воздушный голосъ,
Какъ мой же, имя Ромео повторяя.

Ромео.

Душа моя меня, я слышу, кличетъ
По имени! Рѣчь милой въ тишинѣ ночной—
Что музыки серебряные звуки!

Джульетта.

Ромео!

Ромео.

Мой свѣтъ!

Джульетта.

Когда къ тебѣ прислать
Мнѣ завтра?

Ромео.

Въ девять утромъ.

Кормилица *(извнутри)*.

Синьорина!

Джульетта.

Такъ я пришлю... Вѣдь это—цѣлый вѣкъ!
Забыла я, зачѣмъ тебя звала я!

Ромео.

Позволь остаться мнѣ, пока ты вспомнишь!

Джульетта.

Не вспомню я, чтобъ оставался здѣсь ты!
Я буду помнить только твоего
Присутствія отраду.

Ромео.

Такъ останусь
Я здѣсь, чтобы навѣкъ забыла ты!
И самъ забуду я, что есть другія
Мѣста на свѣтѣ!

Джульетта.

Вѣдь почти ужъ утро!
Хотѣла бъ я, чтобъ ты ушелъ,—но только
Какъ пташечка у маленькой шалуньи.
Вспорхнуть съ руки она немножко дастъ
Бѣдняжкѣ—плѣнницѣ привязанной—и снова
Ее притянетъ шелковымъ шнуркомъ,
Ревнуя нѣжно птичку къ вольной волѣ.

Ромео.

Хотѣлъ бы я твоею птичкой быть!

Джульетта.

И я бъ того хотѣла, дорогой мой!
Да только заласкала-бъ я до смерти!
Но—доброй ночи, доброй ночи! Такъ
Сладка печаль прощальнаго привѣта,
Что „доброй ночи!“ до дневного свѣта
Твердила все бы я! *(Уходитъ).*

Ромео.

О, да сомкнетъ
Твои рѣсницы сонъ! Да низойдетъ
На сердце миръ! Хотѣлъ бы обратиться
Я въ сонъ и въ миръ, чтобы въ тебя вселиться.
Теперь къ отцу духовному пойду
Я въ келью, съ нимъ блаженствомъ подѣлиться...
Благой совѣтъ и помощь я найду.
(Уходитъ).

Ромео и Джульетта въ кельѣ Лоренцо.
Картина профессора и президента Берлинской Академіи Художествъ, Карла Беккера (Karl Becker, p. 1820).

Ромео и Джульетта въ кельѣ Лоренцо.

Картина профессора и президента Берлинской Академіи Художествъ, Карла Беккера (Karl Becker, р. 1820).

СЦЕНА III.

Келья фра Лоренцо.

Входитъ Лоренцо.

Лоренцо.

Ясная улыбка зорьки сѣроокой
Хмурую ужъ гонитъ ночь и золотитъ
Полосами свѣта облака востока,
И, рѣдѣя быстро, въ ужасѣ бѣжитъ
Прочь съ дороги солнечной, шатаясь словно съ пьяна,
Мракъ предъ колесницею свѣтлаго Титана.
Но пока горящій закрываетъ свой
Взоръ еще дневное, жгучее свѣтило
И не будитъ міра, и росы ночной
На травѣ зеленой капель не спалило,—
Надо понабрать мнѣ въ кузовочекъ мой
Всякихъ травъ опасныхъ, лютаго коренья
И цвѣтовъ съ безцѣннымъ сокомъ исцѣленья.
Мать земля всѣмъ тварямъ и могила имъ;
Гдѣ родное нѣдро тварей—тамъ и гробы!
Чадъ многообразныхъ мы повсюду зримъ
Изъ одной родимой вышедшихъ утробы
И равно сосущихъ грудь земли, живымъ
Молокомъ обильную: и безъ исключенья,
Важнаго исполнены всѣ они значенья,
Безконечно разнятся. О! сколь велика
Сила благодатная въ качествахъ цвѣтка,
Камня и растенія!.. Сколь ни низкимъ зрится
Что либо живое намъ, все землѣ годится.
Нѣтъ равно и добраго, что бы не могло,
Уклонясь отъ правильной цѣли назначенья,
Сдѣлаться источникомъ злоупотребленья.
Добродѣтель самая обратится въ зло,
Если путь, ей избранный, въ дѣлѣ жизни ложенъ:
Дѣломъ же не рѣдко порокъ облагороженъ.
Вотъ, цвѣточка этого чашечка таитъ
Ядъ въ себѣ и мощное средство исцѣленья.
Ты его понюхай—силы оживитъ;
Но вкуси—и всѣ твои мертвы ощущенья!
Въ сердцѣ ль человѣческомъ иль въ цвѣткѣ, равно
Съ благодатью смѣшано воли злой начало...
Если перевѣсъ оно въ твари удержало,
Смертію быть пожранной твари суждено!

Входитъ Ромео.

Ромео.

Съ добрымъ утромъ, падре!

Лоренцо.

Benedicite!
Что за ранній голосъ мнѣ шлетъ такой привѣтъ?
Очень не хорошая сынъ мой, то примѣта,
Коли кто прощается съ ложемъ до разсвѣта,
Держитъ стражу вѣчную въ старческихъ очахъ
Мрачная заботушка и не проникаетъ
Сонъ туда, гдѣ гостья лишь эта обитаетъ.
Но на ложе юности, въ радужныхъ мечтахъ,
Онъ съ любовью нѣжною крѣпкій низлетаетъ.
Заключу изъ ранняго посѣщенья самъ
Вотъ что я—и, кажется, что по всѣмъ правамъ,
Съ ложа тебя важное поднимаетъ дѣло;
Если жъ ты не поднятъ имъ, то скажу я смѣло:
Ромео не ложился и на мигъ единый.

Ромео.

Угадалъ послѣднее, падре... но покой
Вдвое отъ безсонницы слаще былъ отъ той.

Лоренцо.

Господи, прости ему! Былъ ты съ Розалиной?

Ромео.

Съ Розалиной, падре мой? Нѣтъ! забыто мной
Это имя съ прежними за него скорбями.

Лоренцо.

Вотъ такъ умникъ, сынъ ты мой!
Гдѣ жъ ты побывалъ?

Ромео.

Разскажу, чтобъ болѣе ты не вопрошалъ.
Очутился вдругъ я на пиру съ врагами:
Врагъ меня мгновенно въ сердце поразилъ,
Да и мною въ то же пораженъ мгновенье.
Отъ тебя зависитъ наше исцѣленье!
Мужъ святой! Я мести, видишь, не питаю,
За врага тебя я нынѣ умоляю.

Лоренцо.

Говори прямѣе, сынъ мой, безъ смущенья:
На глухую исповѣдь глухо и прощенье.

Ромео.

Ну, такъ знай, что больше я жизни, больше свѣта,
Полюбилъ прелестную дочку Капулета...
Любитъ, какъ люблю ее, и меня она,—
И любовь взаимная бракомъ быть должна
Скрѣплена священнымъ. Гдѣ и какъ мы съ нею
И когда сошлися мы, на пути успѣю
Разсказать. Пришелъ же я вотъ о чемъ молить:
Долженъ съ ней сегодня ты насъ соединить.

Лоренцо.

О, святый Франческо! Что за перемѣна!
Къ Розалинѣ страстенъ онъ былъ и вдругъ—
измѣна!
Ахъ! любовь у юношей, видно, лишь въ
очахъ,
А не въ сердцѣ... Господи!.. сколько слезъ,
бывало,
На твоихъ на блѣдныхъ я видывалъ щекахъ,
Изъ за Розалины все!.. Даромъ же пропала
Соль ихъ на подправку страсти этой лживой,
Отъ которой нѣтъ теперь даже и отзыва!
Вздохи твои солнышко по небу едва ли
До сихъ поръ разсѣяло; стонъ твоей печали
Въ слухѣ моемъ старческомъ все еще
звучитъ...
Да взгляни ты: слѣдъ еще до сихъ поръ
хранитъ
Старыхъ слезъ не высохшихъ блѣдная ла-
нита!
Если былъ собою ты, ежели твоимъ
Было горе старое,—вѣдь вы оба съ нимъ
Были Розалинины... И она забыта!
Ну, скажи, пожалуйста: коль въ мужчинѣ
страсть
Такъ ничтожна,—женщинѣ мудрено ли
пасть?

Ромео.

За любовь къ ней слышалъ я вѣчно наре-
канья.

Лоренцо.

За любовь, ребенокъ?.. Нѣтъ за обожанье!

Ромео.

Ты жъ велѣлъ въ могилу мнѣ любовь за-
рыть!

Лоренцо.

Не за тѣмъ, чтобъ выкопать изъ земли
другую.

Ромео.

Перестань, о, падре, ты такъ меня бранить!
За любовь любовью же та, кого люблю я,
Платитъ мнѣ; другая вѣдь такъ не посту-
пала!

Лоренцо.

Охъ! другая эта видно вѣрно знала,
Что въ тебѣ любовь твоя только наизусть,
Буквъ не разбираючи, свой урокъ читала.
Но пойдемъ, ты—вѣтренникъ! Такъ и быть
ужъ, пусть!
По одной причинѣ я помогать рѣшуся:
Можетъ быть... Кто вѣдаетъ? бракъ не-
жданный сей
Кончитъ ссоры вѣчныя вашихъ двухъ семей...

Ромео.

О! пойдемъ же, падре мой! Я вѣдь тороплюся.

Лоренцо.

Осторожно-медленный шагъ всегда вѣрнѣй.
(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Улица.

Входятъ Меркуціо *и* Бенволіо.

Меркуціо.

Куда дѣвался къ чорту этотъ Ромео?
Скажи: не приходилъ онъ ночью въ домъ?

Бенволіо.

Въ отцовскій—нѣтъ! Я спрашивалъ слугу.

Меркуціо.

Эхъ! все-то блѣднолицая дѣвчонка,
Все эта рыба—Розалина, право,
Его такъ мучитъ! Онъ совсѣмъ рехнется.

Бенволіо.

Тибальтъ, племянникъ Капулета старика,
Записку въ домъ отца его прислалъ.

Меркуціо.

Ну, объ закладъ я бьюсь, что вызовъ это!

Бенволіо.

Ромео навѣрно отвѣтитъ.

Меркуціо.

Да, конечно, всякій на письмо отвѣ-
титъ, кто грамоту знаетъ.

Бенволіо.

Нѣтъ! хозяину письма отвѣтитъ такъ,
что каковъ былъ вопросъ, таковъ будетъ
и отвѣтъ.

Меркуціо.

Увы и ахъ! бѣдный этотъ Ромео! ужъ
и такъ онъ умеръ! Просадили его насквозь
черные глаза чахлой дѣвчонки; прострѣли-
ла его черезъ ухо въ другое любовная пѣс-
ня; попала ему въ сердце въ самую сере-
дину стрѣла слѣпого стрѣлка-мальчишки!
Ну, гдѣ ему тягаться съ Тибальтомъ?

Бенволіо.

Да Тибальтъ-то что за птица ужъ такая?

Меркуціо.

Да не кошачье мяуканье: вотъ что я
тебѣ скажу. О, это—герой хорошихъ ма-

Джульетта, кормилица и Пьетро (дѣйствіе II, сцена 5).
Картина извѣстнаго англійскаго жанриста Бриггса (Henry Perronet Briggs, 1791–1844).

неръ! Дерется онъ, какъ ты поешь пѣсенку,—по нотамъ; наблюдаетъ темпъ, разстояніе, мѣру. Вздохнуть не дастъ—разъ! два!—а три! ужъ въ твоей груди!.. Прокалыватель шелковыхъ пуговицъ! Дуэлистъ, дуэлистъ! баричъ самой кровной породы! Второго позыва ждать не станетъ! О, дивное пассадо! Отбивай! Ага!

Бенволіо.

Еще что?

Меркуціо.

Провались они эти фигляры, щебетуны, жеманные сумасброды!... эти модные производители восклицаній: „ахъ! что за клинокъ! ахъ! что за молодецъ! ахъ! что за дѣвчонка!“ Ну, не жалости ли подобно, старина, что насъ заѣдаютъ эти заморскія мухи, эти разнощики модныхъ товаровъ, эти „пардоне муа“, которые до того вдались въ новизну, что не усидятъ покойно на старой скамейкѣ! Охъ, ужъ эти мнѣ „бонжуры“!..

Входитъ Ромео.

Бенволіо.

Вотъ онъ—Ромео! вотъ онъ—Ромео!

Меркуціо.

Кости лишь да кожа: точно вяленая селедка! Рыба ты, рыба!... Какъ это ты такъ обрыбился? Онъ теперь весь расплылся въ стихахъ Петрарки. Лаура передъ его барыней—судомойка; только что развѣ любовникъ ея былъ молодцоватѣй на счетъ риѳмъ; Дидона—шлюха; Клеопатра—цыганка; Елена и Эро—потаскныя скурехи; а Тизба, сѣроглазая кошка,—ужъ ровно ничто передъ

ней... Синьоръ Ромео! бонжуръ! Французскій салютъ французскимъ штанамъ вашей милости! Славную вы однако съ нами штуку прошлую ночь съерыжничали!

Ромео.

Съ добрымъ утромъ обоихъ! Какую штуку?

Меркуціо.

Удрали, мессеръ, удрали! Изволите понимать?

Ромео.

Виноватъ, добрый Меркуціо! важное дѣло было: въ такомъ дѣлѣ не грѣхъ нарушить приличія.

Меркуціо.

Это почти то же, что сказать: бываютъ, дескать, дѣла, въ которыхъ не грѣхъ и въ сторону уклониться.

Ромео.

Изъ вѣжливости, пожалуй!

Меркуціо.

Отвѣтъ преуклончивый!

Ромео.

Толкованіе самое вѣжливое!

Меркуціо.

Ну, да вѣдь извѣстно, что я—цвѣтъ вѣжливости.

Ромео.

Букетъ цвѣтовъ.

Меркуціо.

Это вѣрно!

Ромео.

У меня вотъ башмаки тоже съ букетами.

Меркуціо.

Прекрасно сказано... Остри, пока износятся твои востроносые башмаки, пока подошвы у нихъ оттреплются! Острота все еще останется у нихъ на кончикѣ: острота безъ конца!

Ромео.

Чудесная острота на подметки къ изношеннымъ башмакамъ!

Меркуціо.

Разними насъ, добрый Бенволіо! Съ моимъ остроуміемъ—одышка!

Ромео.

Хлестни его да пришпорь! хлестни, да пришпорь!—а то я закричу: перегналъ!

Меркуціо.

Да, если твои остроты полетятъ какъ дикіе гуси одна за другой,—я погибъ. И не мудрено: у тебя въ одномъ изъ твоихъ чувствъ больше дичи, чѣмъ у меня во всѣхъ пяти... Хорошъ, однако, и я гусь.

Ромео.

Ктожъ въ этомъ сомнѣвался?

Меркуціо.

А еслибъ я былъ гусыня, которая бы тебя за ухо укусила?

Ромео.

Нѣтъ! ужъ останься лучше добрымъ гусемъ!

Меркуціо.

Твое остроуміе — точно недоспѣлое яблоко: ужасная кислятина.

Ромео.

А развѣ это не отличный соусъ подъ жирнаго гуся?

Меркуціо.

Ну, это ужъ острота резинковая: изъ вершка растягивается въ полсажени!

Ромео.

Да вѣдь я его растягиваю въ твою мѣрку: ну, и выходитъ, что ты—въ длину и въ ширину—огромный гусь.

Меркуціо.

Вотъ, вѣдь не лучше ли это разныхъ любовныхъ аховъ и оховъ? Ты теперь на человѣка похожъ, ты опять Ромео, какъ надо быть Ромео и по воспитанію и по натурѣ! Потому: эта нюня—любовь мечется вѣчно, высуня языкъ, изъ угла въ уголъ, да ищетъ все дырки, куда бы свою дурь всунуть.

Бенволіо.

Стой тутъ, стой тутъ!

Меркуціо.

Коли нужно, чтобы стоялъ, такъ не мѣшай.

Бенволіо.

А не равно будетъ упадокъ отъ перестойки?

Меркуціо.

Ты ошибаешься: я доходилъ до самой сути, до кончика; ты не далъ мнѣ кончить безъ остановки, не растягивая...

РОМЕО.

Прекрасно!

Входятъ КОРМИЛИЦА И ПЬЕТРО.

МЕРКУЦІО.

Парусъ, парусъ!

БЕНВОЛІО.

Два, два! юбка и штаны!

КОРМИЛИЦА.

Пьетро!

ПЬЕТРО.

Здѣсь.

КОРМИЛИЦА.

Пьетро! вѣеръ мнѣ мой, пожалуйста!

МЕРКУЦІО.

Пожалуйста, вѣеръ ей, добрый Пьетро! Личико прикрыть... Такъ-то красивѣй будетъ.

КОРМИЛИЦА.

Пошли вамъ Богъ доброе утро, синьоры!

МЕРКУЦІО.

Пошли вамъ Богъ добрый вечеръ, синьора!

КОРМИЛИЦА.

Какой же еще вечеръ теперь?

МЕРКУЦІО.

Ну, коли не совсѣмъ,—такъ около! увѣряю васъ! Нахальная стрѣлка стоитъ на двѣнадцати.

КОРМИЛИЦА.

Ну васъ! Вы что за человѣкъ?

РОМЕО.

Человѣкъ, которымъ природа сама на себя плюнула.

КОРМИЛИЦА.

Вотъ, ей Богу, отлично сказано: сама на себя плюнула! что только говоритъ! Синьоры, не можетъ ли кто нибудь изъ васъ сказать мнѣ, гдѣ могу я найти молодого Ромео?

РОМЕО.

Это я вамъ скажу, пожалуй. Только молодой Ромео будетъ старше, когда вы его найдете, чѣмъ теперь, когда вы его ищете; изо всѣхъ этого имени я—самый младшій, за исключеніемъ самаго худшаго.

КОРМИЛИЦА.

Сладко вы какъ разсказываете!

МЕРКУЦІО.

Да что жъ въ худомъ-то хорошаго?.. хорошо сказано, ей Богу!.. умно, умно!

КОРМИЛИЦА.

Если вы—онъ, мессеръ, то мнѣ съ вами надо поговорить по секрету.

БЕНВОЛІО.

Должно быть, подзываетъ его на ужинъ.

МЕРКУЦІО.

Сводня, сводня, сводня! Ату ее!

РОМЕО.

Кого это ты травишь?

МЕРКУЦІО.

Не зайца, мессеръ, а можетъ и зайца, все равно: мохнатаго звѣря, только запеченнаго въ постномъ пирогѣ: онъ и зачерствѣлъ, и заплѣснѣвѣлъ, прежде чѣмъ его ѣсть стали.

Старый зайка сѣрый, старый зайка сѣрый;
Блюдо въ постъ онъ—хоть куда!
Только зайка сѣрый пролежалъ безъ мѣры
И протухъ онъ: вотъ бѣда!

Ромео, что ты къ отцу пойдешь? Мы тамъ обѣдаемъ.

РОМЕО.

Я сейчасъ за вами.

МЕРКУЦІО.

Прощайте, древняя синьора! Прощайте, синьора, синьора, синьора!

(Входятъ Меркуціо и Бенволіо).

КОРМИЛИЦА.

Ну да, прощайте! Скажите, мессеръ, кто этотъ нахальный торгашъ съ дряннымъ товаромъ?

РОМЕО.

Господинъ, кормилица, который самъ себя любитъ слушать и въ одну минуту наговоритъ столько, сколько самъ не переслушаетъ въ мѣсяцъ.

КОРМИЛИЦА.

Если онъ скажетъ что нибудь на мой счетъ, то отдѣлаю, будь онъ одинъ сильнѣй, чѣмъ двадцать этакихъ сорванцовъ; а я не справлюсь—найдется, кто съ нимъ справится. Вотъ ерникъ-то! Я вѣдь не дѣвка ему досталась, не скуреха какая! Ты что стоялъ? ты что смотришь, какъ всякій ерыга надо мной потѣшается?

ПЬЕТРО.

Я не видалъ, чтобы кто съ вами потѣшался, кабы только увидалъ,—сейчасъ бы клинокъ на-голо! Я не хуже другихъ вынуть-то съумѣю, коли только случай къ хорошей свалкѣ выйдетъ, да коли законъ будетъ на моей сторонѣ.

КОРМИЛИЦА.

Ну, вотъ передъ Богомъ, такъ это я раздосадована, что всѣ-то у меня косточки трясутся!.. Подлецъ эдакой! Позвольте, мессеръ, словечко... Какъ ужъ я вамъ докладывала, моя барышня послала меня васъ разыскать, а что она сказать вамъ велѣла, это покамѣстъ при мнѣ остается. Только, первое дѣло, позвольте доложить вамъ: коли вы ее только, какъ это говорится, съ ума свести хотите,—расподлый съ вашей стороны это будетъ поступокъ, потому: барышня она молодая; значитъ, если вы съ ней въ темную играете, какъ это говорится,—грѣхъ это будетъ такъ поступить съ хорошей дѣвицей и не хорошее дѣло...

РОМЕО.

Поклонись ты отъ меня, кормилица, своей синьорѣ... Клянусь я...

КОРМИЛИЦА.

Добрая душа! Ей Богу, все это ей скажу. Господи! вотъ обрадуется то.

РОМЕО.

Да что жъ ты скажешь то, кормилица? ты отъ меня ничего еще не выслушала.

КОРМИЛИЦА.

А скажу я ей, синьоръ, что вы клялись, а это,—ну какъ мнѣ не понять?—самый что ни есть дворянскій обычай.

РОМЕО.

Скажи, чтобъ нынче же нашла предлогъ идти
На исповѣдь она;
И въ кельѣ фра Лоренцо совершится
Вѣнчаніе. Вотъ за труды тебѣ.

КОРМИЛИЦА.

Нѣтъ, право, синьоръ, ни копейки не возьму.

РОМЕО.

Ну, вотъ еще! Возьми я говорю.

КОРМИЛИЦА.

Такъ вечеромъ, синьоръ? Ну, хорошо! придетъ!

РОМЕО.

А ты за монастырскою оградой,
Кормилица, постой...
Мой человѣкъ туда къ тебѣ придетъ,
Веревочную лѣстницу тебѣ онъ
Отдастъ: мнѣ по узламъ ея взбираться
На верхъ блаженства моего,
Подъ кровомъ таинственнымъ ночи!
Прощай, служи лишь вѣрно: награжу я...
Прощай, синьорѣ кланяйся своей!

КОРМИЛИЦА.

Храни тебя Господь... Послушайте, синьоръ...

РОМЕО.

Что, дорогая ты моя
Кормилица?

КОРМИЛИЦА.

Вашъ человѣкъ-то вѣренъ?
Вѣдь тайна—знаете пословица ведется—
И промежъ двухъ-то рѣдко тайной остается.

РОМЕО.

Ручаюсь я, что вѣренъ онъ какъ сталь.

КОРМИЛИЦА.

Ну, хорошо, синьоръ! И моя госпожа препрелестная барышня... Богъ мой, Богъ мой! когда она была еще крошкой маленькою... о! есть знаете въ городѣ, синьоръ, графъ Парисъ; очень ужъ онъ на нее зарится, а она, моя голубушка, лучше кажется на жабу, на настоящую заправскую жабу глядѣть будетъ, чѣмъ на него. Я иной разъ и дразню это ее: говорю, что молъ Парисъ—самый ей подходящій женихъ... такъ вѣрите ли? она такъ вотъ вся и поблѣднѣетъ какъ полотно бѣлое... А что! вѣдь розмаринъ—цвѣтокъ и Ромео съ одного слова начинаются?

РОМЕО.

Съ одного, кормилица... только чтожъ тебѣ изъ этого? оба конечно съ Ро...

КОРМИЛИЦА.

Ахъ вы, насмѣшникъ! Вѣдь это собачій лай! ррро... Нѣтъ, ужъ я знаю, что съ другого слова! А ужъ какъ она складно это про васъ и про розмаринъ прибираетъ, просто—прелести слушать!

РОМЕО.

Кланяйся синьоринѣ! (*Уходитъ*).

КОРМИЛИЦА.

Тысячу разъ буду кланяться! Пьетро!

Пьетро.

Чего?

Кормилица.

Возьми мой вѣеръ и ступай впереди.
(*Уходятъ*).

СЦЕНА V.

Садъ Капулета.

Входитъ Джульетта.

Джульетта.

Пробило девять, какъ услала няню,
И въ полчаса сходить она хотѣла...
А можетъ, не нашла... Нѣтъ! быть не можетъ!
Хромая словно эта няня! ахъ!
Любви послами мыслямъ быть бы надо;
Онѣ летятъ скорѣй, чѣмъ солнышка лучи,
Что мракъ ночной съ холмовъ высокихъ гонятъ:
На голубяхъ любовь на легкихъ ѣздитъ
И съ быстрыми какъ вѣтръ крылами купидонъ.
Достигло солнце крайней точки бѣга
Дневного... Съ девяти и до полудня
Три тягостныхъ часа прошли... Ея все нѣтъ.
Будь у нея кровь юности горячая
И страсти пылъ, она бъ какъ мячикъ мчалась...
Я перекинула бъ ее единымъ словомъ
Къ любезному, а онъ ее ко мнѣ.
Но эти люди старые—что мертвые:
Недвижны, вялы, блѣдны какъ свинецъ.

Входятъ Кормилица *и* Пьетро.

О Боже! вотъ... Кормилица, мой сахаръ!
Ну что? Его ты видѣла? Да отошли ты
Скорѣе человѣка твоего.

Кормилица.

Выдь, Пьетро, и останься у дверей.

Джульетта.

Что, няня, жизнь моя! О Боже! взглядъ твой мраченъ!
Будь хоть дурная вѣсть, скажи съ веселымъ видомъ
Ее по-крайности! А доброй вѣсти
Отраднѣйшую музыку зачѣмъ же
Лица печальнымъ выраженьемъ портить?

Кормилица.

Уфъ! мочи нѣтъ... Дай ты вздохнуть немного:
Всѣ косточки болятъ... Сломала жъ я конецъ!

Джульетта и кормилица (дѣйствіе II, сц. 5).
Картина извѣстнаго англійскаго жанриста Р. Смирке. (Smirke, 1752—1845). (Малая Бойделевская галлерея).

Джульетта.

Костями бы своими я за вѣсти
Съ тобою помѣняться рада... Ну-же,
Скорѣе, няня, говори, скорѣе!

Кормилица

Ахъ, Господи! вотъ загорѣлось! Можно
Пождать съ минутку: говорятъ вѣдь вамъ,
Что я совсѣмъ дыханія лишилась.

Джульетта.

Вѣдь есть на столько же, чтобы сказать мнѣ,
Что ты совсѣмъ дыханія лишилась.
Вѣдь оправданья въ медленности, право,
Длиннѣй, чѣмъ то, въ чемъ ихъ приносишь ты.
Съ хорошей ты, съ дурной ли вѣстью? только
Лишь это, а подробности потомъ.
Дай мнѣ узнать: съ хорошею ль, съ дурною ль?

КОРМИЛИЦА.

Да, признаться: можно поздравить съ
выборомъ! хуже-то вы должно быть не сы-
скали... Ромео... да нѣтъ, не то! конечно,
можно чести приписать, что ужъ лицомъ
красавецъ-мужчина; однако строенъ—такъ
это на удивленье, а руки, ноги, станъ—
хоть конечно, что объ этомъ много гово-
рить?—но только и сравненія ни съ кѣмъ
не знаю... На счетъ воспитанія—не скажу,
чтобы очень; только ужъ на томъ постою,
что кротокъ какъ агнецъ! Знать, ужъ судьба
тебѣ: служи молебенъ!... А что вы здѣсь,
дома, обѣдали?

ДЖУЛЬЕТТА.

Нѣтъ, нѣтъ! Да это все вѣдь я и прежде
знала!
Что онъ о свадьбѣ говорилъ, о свадьбѣ?

КОРМИЛИЦА.

Охъ, разломило голову!.. Что только
За голова моя? Стучитъ такъ, словно
Сейчасъ вотъ на двадцать она кусочковъ
треснетъ.
А поясница такъ и ломитъ! охъ!
Ты—поясница, поясница!
Богъ вамъ судья—меня на побѣгушки
Опредѣлили. Просто, въ гробъ ложись!

ДЖУЛЬЕТТА.

Ей Богу, другъ мой няня, жаль тебя мнѣ!
Свѣтъ мой, кормилица! скажи-же ты мнѣ!
Что милый мнѣ наказывалъ съ тобою?

КОРМИЛИЦА.

Вашъ милый говоритъ какъ славный гос-
подинъ,
Порядочный, воспитанный, учтивый,
И поручусь, что честный... гдѣ-жъ синьора?

ДЖУЛЬЕТТА.

Гдѣ матушка? а у себя тамъ, дома.
Гдѣ жъ быть ей? Только, какъ ты странно
все
Мнѣ отвѣчаешь? „Славный господинъ
Вашъ милый", и сейчасъ же „гдѣ жъ синь-
ора?"

КОРМИЛИЦА.

Ахъ! Матерь пресвятая!
Какъ вдругъ вспылила? Хорошо же мнѣ
Мои больныя косточки ты лечишь?
Извольте жъ за вѣстями сами вы ходить!

ДЖУЛЬЕТТА.

И все отсрочки... Ромео что сказалъ мнѣ?

КОРМИЛИЦА.

Позволено-ль идти на исповѣдь сегодня?

ДЖУЛЬЕТТА.

Да.

КОРМИЛИЦА.

Ну, такъ отправляйтесь къ фра Лоренцо.
Найдется мужъ тамъ сдѣлать васъ женою.
Ишь кровь-то шельма какъ на щечкахъ за-
играла!
Такъ полымемъ и пышутъ съ каждой
вѣстью!
Идите въ церковь; я другой дорогой
За лѣстницей пойду; по ней вашъ милый
Взберется въ птичье гнѣздышко въ по-
темкахъ.
Вѣдь я чернорабочая на васъ...
Но и тебѣ вѣдь тоже грузъ не малый
Нести сегодня въ ночи поздній часъ!
Пойду-ка я обѣдать: ты же—въ келью.

ДЖУЛЬЕТТА.

Прощай! скорѣй къ блаженному веселью!
(Уходятъ).

СЦЕНА VI.

Келья фра Лоренцо.

Входятъ ФРА ЛОРЕНЦО *и* РОМЕО.

ЛОРЕНЦО.

Благослови Господь святой обрядъ,
И да не будетъ онъ
Печалію въ грядущемъ омраченъ!

РОМЕО.

Аминь, аминь! но приходи печаль,—
Не перевѣситъ радости безмѣрной,
Которую даетъ одно мгновенье
Въ ея присутствіи. Лишь руки ты
Соедини святыми намъ словами,—
Смерть приходи сама—любви вампиръ!
Довольно, что ее я назову своею.

ЛОРЕНЦО.

Насильственнымъ страстямъ—насильствен-
ный конецъ;
Въ ихъ торжествѣ—имъ смерть; онѣ сго-
раютъ,
Какъ порохъ и огонь, въ лобзаньи. Слад-
кій медъ
Своею сладостью намъ приторенъ порою
И наконецъ оскомину набьетъ.
Люби умѣренно—пролюбишь дольше:
Другъ! тише ѣдешь—дальше будешь ты.

Входитъ Джульетта.

Вотъ и синьора. О! столь легкая нога
Отъ вѣка не ступала по помосту.
Любовники пройдутъ—не упадутъ
По паутинкѣ тонкой, что виситъ
Въ горячемъ лѣтнемъ воздухѣ. Легка
Ты суета суетъ!

Джульетта.

Привѣтъ мой вамъ,
Почтенный мой отецъ духовный!

Лоренцо.

Ромео
За насъ за двухъ пускай тебя благодаритъ.

Джульетта.

Чтобъ онъ меня благодарилъ недаромъ,
Привѣтствую его какъ и тебя я.

Ромео.

Джульетта! Если той же мѣры радость
Твоя, какъ и моя, и если ты сильнѣе
Ее способна высказать,—дыханьемъ
Своимъ окрестный воздухъ услади!
Пусть рѣчи музыка всю полноту
Безмѣрнаго блаженства передастъ
Обоихъ насъ объявшую при встрѣчѣ.

Джульетта.

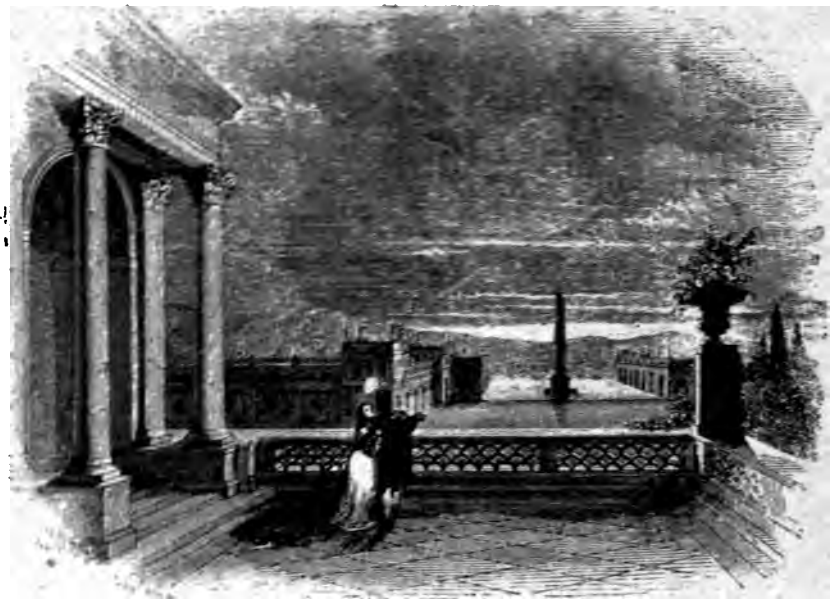
Восторгъ богатъ не словомъ,—полнотою;
Не украшеньемъ гордъ,—самимъ собою:
Тотъ—нищій, кто имущество сочтетъ;
Моя любовь дошла до крайней грани,
Своимъ богатствамъ потеряла счетъ.

Лоренцо.

Идемте же, конецъ положимъ дѣлу.
Однихъ вѣдь не могу оставить васъ я,
Пока предъ церковью святой
Не будете вы—два во плоть едину.

(*Уходятъ*).

Молодой итальянскій щеголь 13—14 вѣка.
(Ио Cesare Vecelio, Habiti Antichi et Moderni, Венеція, 1598).



АКТЪ ТРЕТІЙ.

СЦЕНА I.

Площадь.

Входятъ МЕРКУЦІО, БЕНВОЛІО, ПАЖЪ *и* СЛУГИ.

БЕНВОЛІО.

Пожалуйста, Меркуціо-другъ, уйдемъ!
День жаркій: Капулеты всюду бродятъ,
Коль встрѣтимся, не избѣжимъ мы ссоры!
Вѣдь кровь кипитъ ужасно въ зной такой.

МЕРКУЦІО.

Ты страшно похожъ на одного изъ такихъ молодцовъ, что, какъ только войдутъ въ трактиръ, хлопъ свою шпагу на столъ, да и говорятъ: дай-же Господи, чтобъ ты мнѣ нынче не понадобилась!—а чуть прошлись по второй чаркѣ, сейчасъ ее на-голо на трактирщика, хоть въ сущности совсѣмъ въ этомъ не было ни малѣйшей нужды.

БЕНВОЛІО.

Неужто я на такихъ похожъ?

МЕРКУЦІО.

Ну ужъ! во всей Италіи поискать такого забіяку! Чуть разгорячился—и вскипѣлъ, а какъ вскипѣлъ—то очень горячъ.

БЕНВОЛІО.

Какъ это?

МЕРКУЦІО.

Да такъ, что будь въ мірѣ двое такихъ,—скоро остался бы только одинъ, потому что этотъ одинъ какъ разъ укокошилъ бы другого. Ты! Да ты готовъ съ человѣкомъ подраться изъ-за того, что у него волосомъ больше или волосомъ меньше въ бородѣ чѣмъ у тебя. Ты съ человѣкомъ подерешься за то, что онъ орѣхи щелкаетъ, единственно по той причинѣ, что у тебя у самого глаза орѣховаго цвѣта... Ну, чьи глаза, кромѣ твоихъ, увидятъ тутъ предлогъ для ссоры? Въ твоей головѣ задору, что въ яйцѣ—бѣлка съ желткомъ... что, впрочемъ, не мѣшаетъ ей, отъ частыхъ колотушекъ, походить на выѣденное яйцо. Ты разъ подрался съ человѣкомъ за то, что онъ кашлялъ на улицѣ и кашлемъ разбудилъ твою собаку, которая спала на солнцѣ! Развѣ ты не сцѣпился разъ съ портнымъ за то, что онъ обновилъ камзолъ

СЦЕНА У БАЛКОНА.

Картина мюнхенскаго художника Папериица (Friedrich Georg Papperitz, р. 1846).

до праздниковъ, а съ другимъ за то, что онъ къ новымъ башмакамъ навязалъ старые банты? И ты-то мнѣ проповѣдуешь на счетъ ссоръ!

Бенволіо.

Еслибъ я былъ такой забіяка, какъ ты, я давно бы ужъ запродалъ въ полную собственность жизнь свою первому встрѣчному, лишь бы онъ поручился за одинъ часъ моего существованія.

Меркуціо.

Ужъ и въ полную собственность! О, простота!

Бенволіо.

Клянусь головой: идутъ Капулеты.

Входятъ Тибальтъ, Петрукіо *и нѣсколько другихъ сторонниковъ* Капулетовъ.

Бенволіо.

Клянусь головою, вотъ идутъ Капулеты.

Меркуціо.

Клянусь пяткой: мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ!

Тибальтъ *(къ своимъ).*

Держитесь ближе—говорить я буду съ ними!

(Къ Меркуціо и Бенволіо).

Привѣтъ, синьоры! Слово одному
Изъ васъ сказать хочу я.

МЕРКУЦІО.

Только что слово одному изъ насъ? А вы къ слову что нибудь прибавьте, чтобы вышло слово и ударъ.

ТИБАЛЬТЪ.

На это вы меня всегда найдете готовымъ, мессеръ, если доставите удобный случай.

МЕРКУЦІО.

Точно трудно найти и безъ доставки!

ТИБАЛЬТЪ.

Меркуціо! Ты въ ладу съ Ромео...

МЕРКУЦІО.

Въ ладу? что? ты насъ, кажется, считаешь за гудошниковъ? Ну, такъ скоро услышишь только разладицу.

(Кладя руку на шпагу).

Вотъ мой смычекъ—ты подъ него попляшешь! Чортъ возьми! Въ ладу!

БЕНВОЛІО.

Мы говоримъ на площади публичной.
Иль удалимтесь мы куда подальше,
Иль холодно обсудимъ наши споры,
Иль разойдемтесь: всѣ на насъ глядятъ.

МЕРКУЦІО.

Глаза на то, чтобы глядѣть. Пусть смотрятъ!
Ни для кого не сдвинусь съ мѣста я.

Входитъ РОМЕО.

ТИБАЛЬТЪ.

Мессеръ! миръ съ вами! вотъ мой человѣкъ!

МЕРКУЦІО.

Хочу повѣшенъ быть, мессеръ, сейчасъ же,
Когда ливрею вашу носитъ онъ.
Да! чортъ возьми! Коль позовете вы
Его съ собою въ поле,—онъ готовъ къ услугамъ,
И въ этомъ смыслѣ вы своимъ его зовите!

ТИБАЛЬТЪ.

О, Ромео! ненависть моя одинъ лишь
Привѣтъ внушить мнѣ можетъ: ты подлецъ.

РОМЕО.

Тибальтъ! причины, по которымъ я
Люблю тебя, велятъ простить безумство
Привѣта твоего... Я не подлецъ.
Затѣмъ, прощай! меня, я вижу, ты не знаешь.

ТИБАЛЬТЪ.

Мальчишка! ты не извинишь словами
Обидъ...вернись и мечъ свой обнажи.

РОМЕО.

Клянусь, что никогда тебя не оскорблялъ я,
Что я люблю тебя, хоть не повѣришь ты,
Пока причинъ любви не будешь вѣдать.
Итакъ, о Капулетъ, я имя это
Люблю какъ собственное.—Миръ съ тобою!

МЕРКУЦІО.

Холодное, безчестное смиренье!
Его сотретъ одно a la stoccata.
Помѣряемся, крысодавъ-Тибальтъ! *(Вынимаетъ шпагу).*

ТИБАЛЬТЪ.

Ты то чего отъ меня хочешь?

МЕРКУЦІО.

Ничего, кромѣ одной изъ вашихъ девяти жизней, почтенный кошачій король! Эту я проглочу разомъ, а остальныя восемь, съ вашего позволенія, раскрошу на сухари. Соблаговолите вытащить за уши вашъ мечъ изъ ноженъ. Да поскорѣй только, а не то ваши уши съ моимъ познакомятся.

ТИБАЛЬТЪ.

Къ вашимъ услугамъ! *(Обнажаетъ шпагу).*

РОМЕО.

Меркуціо добрый! Мечъ въ ножны вложи!

МЕРКУЦІО *(Тибальту).*

Ну, ну, синьоръ! passado!

РОМЕО.

Бенволіо! помоги мнѣ
И выбьемъ шпаги мы у нихъ. Синьоры,
Стыдитесь! Что за вспышки? О, Меркуціо!
Тибальтъ! Князь строго драки запретилъ
На улицахъ Вероны. Стой, Тибальтъ, Меркуціо!

(Тибальтъ ранитъ Меркуціо и уходитъ съ своими сторонниками).

МЕРКУЦІО.

Я раненъ!
Чума на оба ваши дома... Конченъ путь!
Ушелъ онъ—и не раненъ?

БЕНВОЛІО.

Ты же раненъ?

МЕРКУЦІО.

Да, да! царапина, царапина пустая!
Ея довольно, впрочемъ.. Гдѣ мой пажъ?
Эй ты, мерзавецъ! Поскорѣй хирурга! *(Пажъ уходитъ).*

РОМЕО и ДЖУЛЬЕТТА (**сцена у балкона**).

Картина знаменитаго нѣмецкаго ***художника Ганса Макарта.***

(1840—1884).

РОМЕО и ДЖУЛЬЕТТА (сцена у балкона).

Картина знаменитаго нѣмецкаго художника Ганса Макарта. (1840—1884).

РОМЕО.

Другъ, ободрись! Не глубока вѣдь рана.

МЕРКУЦІО.

Да, конечно: помельче колодца и поуже церковныхъ дверей, но съ меня и ея будетъ... Понавѣдайся ко мнѣ завтра, какимъ я буду лежать степеннымъ господиномъ. Я пришпигованъ достаточно для сей земной юдоли!.. Чума на оба ваши дома. Чортъ возьми! эта собака, крыса, мышь, кошка, могла убить человѣка... Хвастунъ, дрянь, мразь какая-то, которая дерется по руководству къ ариѳметикѣ! Зачѣмъ, чортъ возьми, сталъ ты между нами? Я раненъ изъ подъ твоей руки.

РОМЕО.

Я думалъ направить дѣло къ лучшему.

МЕРКУЦІО.

Ужъ какъ нибудь до дому доведи,
Бенволіо, силы я свои теряю.
Чума на ваши домы! Вотъ теперь,
По ихъ я милости, на кормъ червямъ
Пойду... я чувствую... О, ваши домы!

(*Уходятъ Меркуціо и Бенволіо*)

РОМЕО.

И вотъ, хорошій человѣкъ и князя
Ближайшій родственникъ и вѣрный другъ мой
Смертельнымъ пораженъ ударомъ
Изъ за меня, за честь мою.
Тибальтомъ оскорбленную, Тибальтомъ,
Съ которымъ я за часъ въ родство вступилъ.
О, милая Джульетта! Красота
Меня твоя позорно измѣнила
И нравъ желѣзный въ воскъ оборотила.

(*Возвращается Бенволіо*).

БЕНВОЛІО.

О, Ромео, Ромео! умеръ нашъ Меркуціо,
И благородный духъ ужъ воспарилъ
За облака, презрѣвши міръ земной.

РОМЕО.

О, роковой и мрачный день! начало
Скорбей и мрака многихъ, многихъ дней!

(*Возвращается Тибальтъ*).

БЕНВОЛІО.

Вотъ снова бѣшенный Тибальтъ идетъ.

РОМЕО.

Живъ! въ торжествѣ! Меркуціо-же убитъ!
Лети-жъ на небо ты, святая кротость,
И бѣшенство, съ огнемъ во взорѣ, будь
Моимъ руководителемъ теперь!
Ну, имя подлеца, Тибальтъ, назадъ
Я отдаю тебѣ. Душа Меркуціо
Еще пути не много совершила
Надъ головами нашими и ждетъ,
Чтобы твоя соединилась съ нею.
Иль ты, иль я, иль оба мы—къ нему!

ТИБАЛЬТЪ.

Мальчишка жалкій! Здѣсь ты неразлученъ
Былъ вѣчно съ нимъ, такъ отправляйся-жъ ты
Къ нему туда!

РОМЕО (*вынимая шпагу*).

Мечъ дѣло разрѣшитъ.

(*Сражаются*; *Тибальтъ падаетъ*).

БЕНВОЛІО.

Скорѣй, спасайся, Ромео, ты! Народъ
Сбѣгается, а здѣсь лежитъ Тибальтъ убитый...
Не стой въ оцѣпенѣньи: князь осудитъ
На смерть, коли найдетъ тебя, бѣги!

РОМЕО.

О! я игрушка рока!

БЕНВОЛІО.

Что стоишь ты? (*Ромео уходитъ*).

Входятъ ВООРУЖЕННЫЕ ГОРОЖАНЕ.

1-Й ГОРОЖАНИНЪ.

Куда бѣжалъ тотъ, кто убилъ Меркуціо,
Тибальтъ-убійца? онъ куда бѣжалъ?

БЕНВОЛІО.

Вотъ онъ лежитъ—Тибальтъ.

1-Й ГОРОЖАНИНЪ.

Мессеръ! За мною!
Во имя князя повинуйтесь мнѣ.

Входятъ князь и его свита, МОНТЕККИ и КАПУЛЕТЪ, ихъ жены и другіе.

КНЯЗЬ.

Гдѣ гнусные зачинщики рѣзни?

БЕНВОЛІО.

Свѣтлѣйшій князь! Я разсказать могу
Печальныя подробности ихъ ссоры.
Вотъ здѣсь лежитъ, сраженъ рукою Ромео,
Тотъ, кто убилъ родного твоего.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Тибальтъ! племянникъ! брата сынъ родного!
О, князь! Племянникъ! Мужъ мой! Это кровь
Родного нашего! Князь! если справедливъ ты—

За нашу кровь Монтекки кровь пролей!
Племянникъ! о, племянникъ!

Князь.

Бенволіо! кто кровавый началъ споръ?

Бенволіо.

Тибальтъ, рукою Ромео здѣсь убитый.
Съ нимъ кротко Ромео говорилъ, просилъ
Одуматься, пустую ссору бросить;
Предупреждалъ о вашемъ гнѣвѣ страшномъ,
Все это—съ тихимъ взглядомъ, кроткой рѣчью,
Едва не съ униженьемъ,—но ничѣмъ
Не могъ унять онъ бѣшеннаго нрава
Тибальтова; не внемля слову мира,
Тибальтъ рванулся съ остріемъ къ груди
Меркуціо; тотъ же, раздраженный, мечъ свой
Противъ него направилъ и, съ воинской
Небрежностью, одной рукою смерть
Онъ отражалъ, другою—посылалъ
Ее Тибальту; а Тибальтъ искусно
Оборонялся. Ромео закричалъ имъ:
„Стой, разойдись, друзья!“ и словъ своихъ быстрѣе,
Ударомъ ловкимъ, ихъ мечи развелъ;
Но въ этотъ мигъ, изъ подъ его руки,
Ударъ Тибальта вѣроломный на смерть
Меркуціо поразилъ. Тибальтъ ушелъ,
Но скоро вновь вернулся къ Ромео: тотъ
Уже пылалъ одной отмщенья жаждой...
Быстрѣе молніи они схватились,
Меча я вынуть не успѣлъ—Тибальтъ
Лежалъ уже убитый, и когда онъ
Упалъ,—бѣжалъ въ мигъ Ромео. Правда все,
Что я сказалъ, иль пусть умретъ Бенволіо.

Синьора Капулетъ.

О, государь! Вѣдь онъ—родня Монтеккамъ,
Лжетъ по пріязни, говоритъ неправду...
Соединилось двадцать ихъ коварно
И двадцать—одного едва убить могли.
Я правосудія прошу,—ты долженъ
Судъ правый дать намъ, государь! Убилъ
Тибальта Ромео: Ромео долженъ пасть.

Князь.

Убилъ Тибальта Ромео, но Тибальтъ
Убилъ Меркуціо. Кто же мнѣ заплатитъ
За дорогую кровь родного моего?

Монтекки.

Не Ромео, князь: онъ другомъ былъ Меркуціо.
Его вина лишь въ томъ, что порѣшилъ онъ
Того, кого законъ бы порѣшилъ:
Тибальта.

Князь.

И за это въ наказанье
Ему изгнаніе опредѣляемъ мы
Не медля. Самъ я—жертва распрей вашихъ:
Кровь близкихъ мнѣ здѣсь льется изъ за васъ;
Но пеню тяжкую на васъ я наложу
И вы въ моихъ раскаетесь страданьяхъ...
Я буду глухъ на ваши оправданья,
Не тронете меня ни стономъ, ни мольбой!
Итакъ, пусть Ромео скроется скорѣе;
Иначе, здѣсь его погибель ждетъ!
Трупъ отнести и ждать велѣній нашихъ!
Щадить убійцъ—убійству помогать!
(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Комната въ домѣ Капулета.

Входитъ Джульетта.

Джульетта.

О, кони огненогіе! Спѣшите
Вы вскачь къ жилищу Фебову! Когда бы
Былъ Фаэтонъ возницею, давно
Угналъ бы васъ онъ къ западу, и ночь
Тѣнистая спустилась бы на землю.
Покровъ густой, и ночь пріютъ любви,
Раскинь скорѣй, чтобы людскіе взоры
Закрылися и Ромео трепеталъ
Въ объятіяхъ моихъ, никѣмъ не зримый,
Не порицаемый. Свѣтло съ избыткомъ
Любовникамъ среди восторговъ ихъ,
Отъ блеска собственной красы,—и если
Любовь слѣпа, тѣмъ лучше ладитъ съ ночью.
Приди-же, о торжественная ночь,
Ты, величавая жена, вся въ черномъ,—
И проиграть, выигрывая, ты
Меня въ игрѣ таинственной, которой
Двѣ непорочности залогомъ служатъ,
Наставь, о ночь! Приливъ нескромной крови
Закрой ты на щекахъ моихъ своей
Мантильей черною, пока любовь,
Сначала робкая, смѣлѣй не станетъ,
Но обратится въ долга чистоту.
Придите, ночь и Ромео, ты, мой день въ ночи:
День потому, что прилетишь
На крыльяхъ ночи ты, бѣлѣй чѣмъ первый снѣгъ
На перьяхъ ворона... Голубка-ночь,
Ночь ласковая съ черными очами!
Подай мнѣ Ромео моего, а если
Умретъ онъ, ты его тогда возьми,
На мелкія на звѣздочки разрѣжь
И сводъ небесъ такъ ярко озарится,
Что влюбится весь міръ въ тебя, о ночь,

СЦЕНА У БАЛКОНА.
Картина Фердинанда Пилотти.

И перестанетъ дню тщеславному молиться...
О! домъ любви себѣ купила я,
Но не владѣю имъ еще: сама
Я куплена, но не взята доселѣ...
Такъ скученъ этотъ день, какъ ночь подъ праздникъ
Скучна нетерпѣливому ребенку,
Которому обновку сшили, а надѣть
Обновки не даютъ... О! вотъ идетъ
Кормилица и новости несетъ!
Языкъ, который только произнесть
Умѣетъ имя Ромео, для меня
Краснорѣчивъ небесно.

Входитъ КОРМИЛИЦА *съ веревочною лѣстницей.*

Няня! что же,
Что новаго? а это что съ тобою?
Не лѣстница ль, которую велѣлъ
Принесть мой Ромео?

КОРМИЛИЦА.

Лѣстница... да! да! (*Бросаетъ лѣстницу на полъ*).

ДЖУЛЬЕТТА.

Увы! что новаго? что ты ломаешь руки?

КОРМИЛИЦА.

О, горе намъ! онъ умеръ, умеръ, умеръ!
Погибли мы, синьора! мы погибли!
Ужасный день! погибъ, убитъ онъ, умеръ!

ДЖУЛЬЕТТА.

Ужели небо можетъ быть такъ злобно?

КОРМИЛИЦА.

Не можетъ небо: ну, такъ Ромео могъ...
О, Ромео, Ромео!
Ну, кто бы могъ подумать это? Ромео!

ДЖУЛЬЕТТА.

Что ты за дьяволъ, что меня такъ мучишь?
Въ аду отъ пытки отъ такой застонешь!
Себя что ль Ромео самъ убилъ? скажи ты.
Простое „да" скорѣй меня отравитъ,
Чѣмъ василиска смертоносный взглядъ.
И я—не я, коль есть такое да.
Глаза его закрылись? Да? ну, что же?
Убитъ онъ? Да, скажи!—а нѣтъ, такъ нѣтъ!
Въ единомъ словѣ горе или счастье.

КОРМИЛИЦА.

Я рану видѣла... Да, да! Своими
Я собственными видѣла глазами...
Владыко-Господи! На самой на груди
На молодецкой!... Жалкій, бѣдный трупъ,
Окровавленный, жалкій трупъ и блѣдный,
Ну, словно пепелъ блѣдный, весь облитый кровью
Запекшейся... Я за-мертво упала.

ДЖУЛЬЕТТА.

О сердце, разорвися! ты—банкрутъ!
Въ тюрьму глаза! Свободы свѣтъ погасъ вамъ!
Ты, прахъ презрѣнный въ землю возвратися,
Не движься больше! Пусть одна доска
Навѣкъ тебя покроетъ вмѣстѣ съ Ромео!

КОРМИЛИЦА.

Тибальтъ, Тибальтъ! Мой лучшій другъ на свѣтѣ!
Ты, честный, обходительный Тибальтъ!
Не думала я дожить до того,
Чтобы тебя увидѣть нынѣ мертвымъ!

ДЖУЛЬЕТТА.

Что за гроза съ противными вѣтрами?
Убитъ мой Ромео? умеръ нашъ Тибальтъ!
Любимый братъ и болѣе любимый
Супругъ!...
Что жъ не трубитъ труба послѣдняго суда?
Кто жъ живъ теперь, коль этихъ двухъ ужъ нѣтъ?

КОРМИЛИЦА.

Тибальтъ убитъ и Ромео вашъ въ изгнаньи!
Убилъ Тибальта Ромео и въ изгнаньи!

ДЖУЛЬЕТТА.

О Боже! Ромео могъ Тибальта кровь пролить?

КОРМИЛИЦА.

Да! пролилъ, пролилъ! Горе намъ! онъ пролилъ!

ДЖУЛЬЕТТА.

О, сердце змѣя подъ цвѣточной оболочкой!
Когда драконъ въ такой великолѣпной
Пещерѣ обиталъ?.. Тиранъ
Съ неотразимою красою!
Бѣсъ въ видѣ серафима! Хищный воронъ
Съ крылами голубя!.. Ягненокъ
Лютѣй волковъ свирѣпыхъ! Содержанье
Презрѣнное подъ дивно свѣтлой формой!
Противорѣчье страшное тому,
Чѣмъ кажется на видъ!.. Святой проклятый,
Вельможный нищій!.. О, природа! что же
Ты создала изъ ада, если духа злобы
Ты въ этотъ райскій образъ посадила—
И въ переплетъ такой красивый, многоцѣнный
Когда нибудь переплетали ль книгу
Съ столь гнуснымъ содержаньемъ? О! коварство

РОМЕО и ДЖУЛЬЕТТА.
*Картина профессора **Константина Маковскаго.***

Обмана поселилося въ палатахъ
Роскошнѣйшихъ!

Кормилица.

Ни совѣсти, ни чести
И ни стыда въ глазахъ нѣтъ больше у людей!
Что всѣ-то всѣ—обманщики, злодѣи,
Клятвопреступники!.. Ахъ! гдѣ мой человѣкъ?
Скорѣй немного водки! Ужъ состарятъ
Меня печали эти, это горе...
Позоръ на Ромео!

Джульетта.

Опаршивѣй твой языкъ
За это слово! Не рожденъ онъ для позора!
Стыдъ устыдится самъ чела его коснуться:
На томъ челѣ—короноваться чести,
Единой повелительницѣ міра!
О! звѣремъ я была, когда его ругала!

Кормилица.

И говорите такъ вы объ убійцѣ брата?

Джульетта.

Неужто жъ дурно говорить должна я
О томъ, кто мужъ мнѣ. Властелинъ мой бѣдный!
О! чей языкъ твое рѣшится имя
Благословить, когда ужъ даже я,
Твоя жена трехъ-часовая,
Проклясть его успѣла?..
Но для чего, злодѣй, убилъ ты брата?
Но братъ-злодѣй иначе бы убилъ
Супруга моего! О, прочь же, прочь
Вы, слезы глупыя! Скорѣе возвратитесь
Къ источнику прямому! Ваша дань—
Печали дань: ее вы радости несете!
Вѣдь живъ мой мужъ, котораго Тибальтъ
Хотѣлъ убить!.. Погибъ Тибальтъ, который
Супруга моего хотѣлъ убить!
Все это такъ, какъ надо: что жъ я плачу?
Но слово есть одно—тяжелѣ смерти
Тибальта—убивающее слово!
Его бы я забыть совсѣмъ хотѣла...
Но ахъ! оно надъ памятью моею
Нависло тяжестью какъ смертный грѣхъ
Надъ грѣшною душой... Тибальтъ погибъ,
Но Ромео—изгнанъ! Изгнанъ!
О! это слово: изгнанъ!—десять тысячъ
Тибальтовъ умертвило! Пусть и горе
Тибальта смерть, но еслибъ только
Одна она, то горе переносно...
И если горе приходить привыкло
Въ сообществѣ, а не одно къ намъ,—что же,
Сказавши, что Тибальтъ погибъ, она
Еще тутъ не прибавила: отецъ твой
Скончался или мать иль оба вмѣстѣ?
Обыкновенное все это бъ горе было!
Но вслѣдъ за вѣстью, что Тибальтъ погибъ,
Другая: Ромео изгнанъ!... съ этимъ словомъ
Отецъ и мать, Тибальтъ и Ромео и Джульетта,
Все сгибло, умерло! Мой Ромео изгнанъ!
Конца, предѣла, мѣры и границъ
Нѣтъ въ этомъ смертномъ словѣ! Слова нѣтъ
Для выраженья безысходной муки!
Кормилица! гдѣ мой отецъ, гдѣ мать?

Кормилица.

Надъ мертвымъ тѣломъ стонутъ все и плачутъ.
Пожалуйте! я къ нимъ васъ проведу.

Джульетта.

Или слезами раны обмываютъ?
Но осушатся слезы ихъ; свои же
Я сберегу, чтобъ плакать объ изгнаньи Ромео.
Веревки эти подними. Бѣдняжка
Ты, лѣстница! Покинута и ты,
Какъ я-же: обѣ! Ромео нашъ въ изгнаньи!
Къ моей постели ты должна была
Дорогой быть ему, но, видно, дѣвой
Умру я въ дѣвственномъ вдовствѣ!
Идемъ же, лѣстница! идемъ же, няня,
На брачную постель мою! Отдамъ
Не Ромео, смерти я свою невинность!

Кормилица.

Ступайте въ комнату. Пойду—найду
Я Ромео, чтобъ утѣшить васъ... Я знаю,
Гдѣ онъ теперь... Ужъ вы повѣрьте мнѣ:
Вашъ Ромео будетъ здѣсь сегодня ночью!
Пойду къ нему: онъ у Лоренцо въ кельѣ.

Джульетта.

Найди ты мнѣ его!.. Отдай вотъ это
Кольцо ему и пусть мой рыцарь вѣрный
Въ послѣдній разъ придетъ со мной проститься!..

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Келья фра Лоренцо.

Входятъ фра Лоренцо и Ромео.

Лоренцо.

Выдь, Ромео, выдь, несчастный человѣкъ!
Несчастье въ существо твое влюбилось,
И обручился ты съ бѣдой!

Ромео.

Отецъ! что новаго? что князь рѣшилъ?
Какое ищетъ доступа ко мнѣ
Еще несчастіе?

Лоренцо.

Ты коротко
Сжился уже съ сообществомъ подобнымъ...
О приговорѣ князя вѣсть принесъ я.

Ромео.

Что жъ? Легче ль онъ послѣдняго суда?

Лоренцо.

Уста его, по милости высокой,
Не смерть тебѣ—изгнанье изрекли.

Ромео.

Изгнанье! О! будь жалостливъ! Скажи,
Что смерть! Страшнѣй изгнанья ликъ, страшнѣй
Чѣмъ смерти ликъ. Не говори: изгнанье!

Лоренцо.

Вѣдь только изъ одной Вероны изгнанъ ты.
Будь терпѣливъ: Господень міръ пространенъ.

Ромео.

Да міра нѣтъ за стѣнами Вероны!
Чистилище за ними, пытки, адъ!
Оттуда изгнанъ я, изъ міра изгнанъ:
Изъ міра же изгнанье—смерть. Изгнанье—
То смерть подъ ложнымъ именемъ! И смерть
Изгнаньемъ называя, рубишь ты
Мнѣ голову сѣкирой золотою
И улыбаешься при смертномъ взмахѣ!

Лоренцо.

О, грѣхъ смертельный! О, неблагодарность
Грубѣйшая! Смерть за вину, по нашимъ
Законамъ, заслужилъ ты: кроткій князь
Взялъ сторону твою, законъ нарушилъ;
Смерть, слово черное, онъ обратилъ
Въ изгнаніе: великая то милость;
А ты и видѣть этого не хочешь!

Ромео.

Нѣтъ! Пытка то, не милость. Небо тамъ
Лишь только, гдѣ живетъ Джульетта! Кошка,
Собака, мышь ничтожная, какая бъ
То ни была презрѣннѣйшая тварь,
Живутъ въ раю тамъ, могутъ видѣть рай...
А Ромео... онъ не можетъ! О! достойнѣй,
Почетнѣе и счастливѣе мухи
Житье чѣмъ Ромео!... Ей всегда доступны
И рукъ Джульетты бѣлизна, и счастье
Безмѣрное касаться губокъ, губокъ,
Которыя, въ стыдливой чистотѣ,
Одна другой касаяся, краснѣютъ.
Дается это мухѣ: я же долженъ
Бѣжать! Она вольна, а я—изгнанникъ...
И говорить ты можешь, что не смерть
Изгнанье? Не имѣлъ въ запасѣ что ли
Ты яда, остраго ножа, какого бъ
То ни было орудія иного
Внезапной смерти, чтобъ меня покончить
За разъ, а непремѣнно словомъ „изгнанъ“
Убить меня хотѣлъ ты! Изгнанъ! Падре!
То слово осужденные въ аду
Произнесутъ со скрежетомъ и стономъ...
Какъ сердца у тебя достало, у тебя,
Служителя Господняго, отца
Духовнаго, врача грѣховъ и друга,
Мнѣ словомъ „изгнанъ“ сердце разорвать?

Лоренцо.

Безумный человѣкъ, дай слово ты сказать!

Ромео.

Ты говорить опять мнѣ станешь объ изгнаньи?

Лоренцо.

Оружіе тебѣ хотѣлъ бы, дать
Я противъ слова этого. Ищи ты
Въ бальзамѣ философіи отрадъ
И обрѣтешь въ самомъ изгнаньи утѣшенье

Ромео.

Опять изгнанье! Къ черту философью!
Вѣдь философія твоя Джульетты
Мнѣ не создастъ? И города она
Не передвинетъ съ мѣста? приговора
Не перемѣнитъ? Такъ зачѣмъ она?
На что годна? Не говори о ней мнѣ!

Лоренцо.

Охъ, вижу я, помѣшанные глухи.

Ромео.

Да какъ же иначе, коль слѣпы мудрецы?

Лоренцо.

Давай, обсудимъ мы спокойно дѣло.

Ромео.

Какъ можешь ты судить о томъ, чего
Не чувствуешь? Будь молодъ ты какъ я
И будь твоей любовію Джульетта,
И, только что женившись, ты убилъ бы
Тибальта, и съ ума какъ я сошелъ бы,
И будь какъ я ты изгнанъ, ну, тогда
Ты могъ бы говорить, тогда ты могъ бы
Рвать волосы и по землѣ валяться,
Какъ я теперь,
Заранѣе свою могилу измѣряя.

Лоренцо.

Встань! Въ дверь стучатся! Спрячься, добрый Ромео!

(Стукъ въ двери).

СЦЕНА У БАЛКОНА.

Картина извѣстнаго нѣмецкаго живописца, профессора Дрезденской академіи Генриха Гофмана.

Ромео.

Нѣтъ! Развѣ облака отъ пара вздоховъ
Меня отъ глазъ людскихъ сокроютъ, можетъ быть!
(Стукъ).

Лоренцо,

Ты слышишь, какъ стучатся! Встань ты, Ромео!
Тебя вѣдь схватятъ!

Подождите!
Встань же!
Ступай въ мою рабочую!
Сейчасъ!
О Господи! что за безумство!
Тотчасъ!
Кто тамъ стучитъ? Откуда? Что угодно?

КОРМИЛИЦА *(за дверями)*.

Впустите-ко! узнаете, съ чѣмъ къ вамъ я!
Пришла я отъ синьоры отъ Джульетты.

ЛОРЕНЦО *(отворяя)*.

Ну, такъ добро пожаловать! Идите!

Входитъ КОРМИЛИЦА.

КОРМИЛИЦА.

Ахъ, мой отецъ святой! Скажи, святой отецъ,
Гдѣ мужъ моей синьоры, гдѣ тутъ Ромео?

ЛОРЕНЦО.

Вонъ на землѣ онъ, пьянъ отъ слезъ своихъ.

КОРМИЛИЦА.

Ну, вотъ совсѣмъ, какъ и моя синьора,
Точнехонько!

ЛОРЕНЦО.

О, горестное сходство!
Плачевный видъ!

КОРМИЛИЦА.

Лежитъ она вотъ такъ же,
Рыдаетъ все да плачетъ, плачетъ да рыдаетъ!
Да встаньте, встаньте, если вы мужчина.
Джульеттой васъ я, ею заклинаю: встаньте.
Что очень въ охи вы вдались да въ ахи?

РОМЕО.

Кормилица!

КОРМИЛИЦА.

Синьоръ, синьоръ! Вѣдь всѣ помремъ мы!

РОМЕО.

Ты о Джульеттѣ говорила? что съ ней?
О, лютаго она убійцу видитъ
Теперь во мнѣ, который запятналъ
Цвѣтъ первый нашихъ радостей такою
Родной и близкой кровью? Гдѣ она?
Что съ ней? Что говоритъ о страсти тайной
О нашей тайная моя жена?

КОРМИЛИЦА.

Ахъ, ничего, синьоръ! А все лишь плачетъ-плачетъ!
То на постелю бросится, то вскочитъ,
Зоветъ Тибальта, Ромео вдругъ кричитъ
И бросится опять въ постелю!

РОМЕО.

Это имя,
Какъ пуля изъ пищали смертоносной,
Ее сражаетъ, какъ рука моя сразила
Проклятая ея родного... О! скажи мнѣ,
Скажи мнѣ, падре: гдѣ, въ которой части
Состава моего презрѣнной имя
Сокрыто это? о, скажи, чтобъ могъ я
Жилище ненавистное его
Разрушить. *(Хочетъ заколоться)*.

ЛОРЕНЦО.

Удержи отчаянную руку!
Мужчина ль ты? По виду ты мужчина,
Но по слезамъ ты женщина, а дикій
Твой замыселъ достоинъ только звѣря
О, баба безобразная подъ видомъ
Мужчины! или, хуже даже, звѣрь ты
Чудовищный подъ видомъ обоихъ!
Ты изумилъ меня: клянусь святымъ
Я нашимъ орденомъ! Въ тебѣ я больше
Предполагалъ характера и воли!
Убилъ Тибальта, а теперь себя
Убить ты хочешь и убить жену,
Которая живетъ однимъ тобою!
Вѣдь самого себя проклятью предаешь ты,
Ругаешься надъ жизнью, небомъ и землею!
Жизнь, небо и земля соединились
Въ твоемъ рожденьи: ты отъ нихъ отъ всѣхъ
Отречься хочешь! Фуй!.. Вѣдь ты срамишь
Любовь свою и красоту и умъ!
Какъ ростовщикъ богатствами владѣешь
Безъ пользы ты, какъ надо не умѣешь
Употреблять любовь и умъ и красоту.
Краса твоя—фигура восковая,
Лишенная душевной силы мужа;
Любовь твоя и клятва—вѣроломство,
Убійство той, кого клялся любить ты;
А умъ твой разумъ, это украшенье
Любви и красоты,—слѣпой вожакъ для нихъ,
И все равно теперь, что у солдата
Неловкаго въ пороховницѣ порохъ;
Онъ вспыхнулъ отъ оплошности твоей
И сталъ тебѣ въ погибель, не въ защиту.
Ну, встань же, человѣкъ! Жива твоя Джульетта,
Изъ за которой ты отъ горя умиралъ;
Ты счастливъ: могъ ты быть убитъ Тибальтомъ,
Но самъ убилъ Тибальта! Ты ль не счастливъ?
Законъ, грозящій смертью—другъ тебѣ,
Смерть обратилъ въ изгнанье онъ. Ну, ты ли

Но счастливъ? Надъ головой твоею явно
Сосредоточились благословенья,
Ухаживаетъ счастье за тобой;
А ты, какъ нравная, упрямая дѣвчонка,
На счастье и любовь все губы дуешь!
Смотри, смотри! съ такими будетъ худо!
Ступай къ женѣ, какъ было рѣшено,
Влѣзь въ комнату, утѣшь ее ты въ горѣ,
Но не забудь уйти до смѣны стражи;
Иначе въ Мантую не проберешься ты...
Тамъ жить ты долженъ до тѣхъ поръ, пока
Удобнаго мы времени не сыщемъ
Бракъ объявить и помирить семейства,
Прощеніе у князя испросить
И вновь сюда призвать тебя. И будешь
Ты во сто разъ счастливѣе тогда,
Чѣмъ горестенъ теперь при разставаньи.
Иди впередъ, кормилица! Синьорѣ
Ты кланяйся, скажи, чтобъ уложила
Своихъ пораньше спать... Они теперь
Утомлены печалію и скоро
Заснутъ. А Ромео—за тобой!

Кормилица.

Ахъ, Боже
Ты Господи! Вотъ, кажется бы, ночь
Я цѣлую все слушала такіе
Разумные совѣты! Ну, ужъ правда:
Ученье свѣтъ, а неученье тьма.
Синьоръ, скажу синьорѣ, что придете.

Ромео.

Скажи! да не забудь сказать ты милой,
Чтобы меня готовилась бранить.

Кормилица.

А вотъ, мессеръ, кольцо она отдать вамъ
Просила. Но спѣшите-ко, ужъ поздно!
(Уходитъ).

Ромео.

О! Какъ меня подарокъ оживилъ!

Лоренцо.

Ступай же... Доброй ночи! Но смотри ты:
Судьба твоя зависитъ отъ того,
Чтобъ ты ушелъ отсюда до разсвѣта.
Живи ты въ Мантуѣ: найду слугу
Я твоего и онъ по временамъ
Къ тебѣ являться будетъ съ доброй вѣстью
О всемъ, что здѣсь хорошаго случится.
Ну, дай мнѣ руку! Поздно. Доброй ночи!

Ромео.

Когда бъ меня звала отсель не радость
Превыше радости самой,
Разстаться грустно было бъ мнѣ съ тобой.
Прощай!
(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Комната въ домѣ Капулетовъ.

Входятъ: Капулетъ, синьора Капулетъ и Парисъ.

Капулетъ.

Бѣды такія выпали, мессеръ,
Что дочь предупредить мы не успѣли...
Извольте видѣть: очень ужъ любила
Она Тибальта, брата своего.
И я вѣдь тоже... Ну да всѣ родимся,
Чтобъ умереть мы! Поздно ужъ теперь;
Внизъ не сойдетъ она. Я самъ вѣдь былъ бы—
Готовъ хоть побожиться—съ добрый часъ,
Безъ вашего сообщества, въ постели.

Парисъ.

Для сватовства не время—время плача.
Синьора, доброй ночи! Дочкѣ вашей
Поклонъ мой.

Синьора Капулетъ.

Передамъ—и завтра утромъ
Ея узнаю мысли: нынче жъ ночью
Замкнулась вся она въ свою печаль.

Капулетъ.

Мессеръ Парисъ! Могу ручаться смѣло
Вамъ за любовь я дочери... Она,
Я полагаю, управлять собою
Мнѣ дастъ во всемъ: да что тутъ? полагаю,
Сомнѣній нѣтъ! Жена! сходи-ко къ ней
Ты прежде, чѣмъ уляжешься въ постелю,
И о любви ты сына моего
Париса извѣсти ее... Да ей
Скажи—замѣть ты это хорошенько—
Что въ середу... постой!.. какой бишь день то
Сегодня?

Парисъ.

Понедѣльникъ, мой синьоръ!

Капулетъ.

А! понедѣльникъ... Да... Эге! ну, въ среду
Ужъ слишкомъ скоро. Пусть въ четвергъ.
Въ четвергъ, молъ,
Пойдешь ты подъ вѣнецъ съ синьоромъ графомъ.
Вы будете ль готовы? Вамъ по нраву ль
Такая скорость? Шуму подымать
Не станемъ мы большого... Такъ, два-три
Пріятеля... А то вѣдь только что убитъ
Тибальтъ; ну, могутъ, знаете, подумать,
Что о родномъ мы нашемъ не горюемъ,
Коль пиръ задать... Съ полдюжины друзей
И—все тутъ. Что жъ, о четвергѣ какихъ
Вы мыслей?

ПАРИСЪ.

Мой синьоръ, зачѣмъ четвергъ—
не завтра?

КАПУЛЕТЪ.

Прекрасно. Ну, ступайте... такъ въ четвергъ!
Сходи къ Джульеттѣ прежде, чѣмъ ложиться,
Къ дню свадьбы приготовъ ее, жена!
Прощайте, мой синьоръ! Эй! въ комнату
мнѣ свѣчку!
Однако, правду молвить, такъ ужъ поздно,
Что скоро будетъ рано... Доброй ночи!
(*Уходятъ*).

СЦЕНА V.

Спальня Джульетты.

Входятъ РОМЕО и ДЖУЛЬЕТТА.

ДЖУЛЬЕТТА.

Ужъ ты идешь? Еще не скоро день...
То соловья, не жаворонка голосъ
Въ твой боязливый слухъ вонзился звономъ...
Ночью всегда поетъ онъ на гранатѣ...
Повѣрь мнѣ, милый, это соловей!

РОМЕО.

Нѣтъ! жаворонокъ это—вѣстникъ утра,
Не соловей! Взгляни, любовь моя:
Завистливые проблески ужъ ярко
Край облаковъ востока золотятъ...
Сгорѣли свѣчи ночи, день веселый
Всталъ на дыбки на высяхъ горъ туманныхъ...
Идти и жить мнѣ надо, иль остаться
И умирать!

ДЖУЛЬЕТТА.

Тотъ блескъ—не свѣтъ дневной.
Я это знаю, знаю хорошо.
То—метеоръ отъ испареній солнца,
Чтобы тебѣ въ ночи свѣтить какъ факелъ
И въ Мантую дорогу озарять.
Останься же, идти еще не время!

РОМЕО.

Ну пусть меня возьмутъ, влекутъ на смерть!
Доволенъ я, коль ты того желаешь!
Да! этотъ сѣрый свѣтъ—не утра взоръ,
То—Цинтіи чела лишь отблескъ блѣдный,
И то не жаворонокъ высоко надъ нами
Подъ сводомъ неба громко зазвенѣлъ...
И больше, больше у меня желанья
Остаться здѣсь, чѣмъ воли уходить.
Приди ты, смерть: привѣтъ тебѣ! Джульетта
Такъ хочетъ. Жизнь, душа моя! Ну, что же?
Давай же говорить... еще не день.

ДЖУЛЬЕТТА.

То день, то день! Увы! бѣги скорѣе!
То жаворонокъ звонко дребезжитъ,
И рѣзкіе, нескладные свои
Намъ звуки сверху сыплетъ... Вотъ, вѣдь
лгутъ же,
Что дѣлитъ пѣснь онъ сладко на лады:
Онъ нашъ съ тобою ладъ теперь разстроилъ...
И говорятъ еще вотъ, что онъ съ жабой
Глазами помѣнялся... О! зачѣмъ
Они и голосами не смѣнялись?
Тотъ голосъ руку отъ руки твоей
Мою отторгнулъ... Трескотней своей
Передразсвѣтною тебя онъ изгоняетъ...
Бѣги... Все ярче, ярче разсвѣтаетъ.

РОМЕО.

Все ярче? Наше горе—все темнѣй.

Входитъ КОРМИЛИЦА.

КОРМИЛИЦА.

Синьора!

ДЖУЛЬЕТТА.

Что кормилица?

КОРМИЛИЦА.

Идетъ къ вамъ,
Синьора, ваша матушка сюда (*Уходитъ*).

ДЖУЛЬЕТТА.

Окно! впускай же солнце ты и жизнь
Ты выпусти мою!

РОМЕО.

Прощай, прощай!
Одинъ лишь поцѣлуй, и я спущуся.
(*Спускается изъ окна*).

ДЖУЛЬЕТТА.

Ушелъ ты... милый! господинъ мой! мужъ
мой!
Мой другъ! Я каждый часъ во дню должна
Вѣсть отъ тебя имѣть... Въ минутѣ много
Дней для меня... Ахъ! если такъ, стара
Я буду, какъ увижу Ромео снова.

РОМЕО.

Прощай! Не пропущу, любовь моя, ни разу
Я случая поклонъ тебѣ прислать.

ДЖУЛЬЕТТА.

О! какъ ты думаешь, мы свидимся ли снова?

РОМЕО.

Не сомнѣваюсь я, и горе наше будетъ

СЦЕНА У БАЛКОНА.

Картина знаменитаго англійскаго живописца-прерафаэлита Мадокса Броуна (Madox Brown).

Намъ въ будущемъ бесѣдъ предметомъ
сладкимъ.

Джульетта.

О, Боже! Духъ живетъ во мнѣ зловѣщій,
И кажешься теперь, когда внизу ты,
Мнѣ мертвецомъ во глубинѣ могилы:
Иль лгутъ глаза, иль блѣденъ ты ужасно.

Ромео.

И мнѣ, любовь моя, такою жъ точно
Ты кажешься, повѣрь! Сухое горе
Кровь нашу пьетъ... Прощай! Прощай!

(Уходитъ).

ДЖУЛЬЕТТА.

О, счастье, счастье! Всѣ тебя зовутъ
Непостояннымъ... Если въ самомъ дѣлѣ
Ты таково, какое можетъ дѣло
Быть до того тебѣ, кто постоянствомъ
Какъ Ромео славенъ? Будь непостоянно!
Его держать, надѣюсь я, не будешь
Ты долго при себѣ, а отошлешь
Назадъ ко мнѣ.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ *(изъ другой комнаты)*.
Эй, дочка! встала ты?

ДЖУЛЬЕТТА.

Кто тамъ? Синьора матушка! Ужели
Такъ рано поднялась иль такъ поздно
Ложится? что приходъ нежданный значитъ?

Входитъ СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Ну, какъ ты, Джуля?

ДЖУЛЬЕТТА.

Мнѣ не хорошо, синьора.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

О братниной все смерти плачешь ты?
Не вымоешь его слезами изъ могилы—
Да еслибъ даже вымыла, отъ нихъ онъ
Не ожилъ бы. Ну, перестань же, полно!
Умѣренное горе о любви
Свидѣтельствуетъ многое: слишкомъ много горя
О скудости ума въ насъ говоритъ.

ДЖУЛЬЕТТА.

О, дайте тяжкую утрату мнѣ оплакать!

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Ее лишь тяжелѣй ты будешь ощущать,
А все же близъ себя не ощутишь
Ты черезъ то оплаканнаго друга.

ДЖУЛЬЕТТА.

Утрату ощущая такъ глубоко,
Я только и могу теперь, что плакать
О другѣ.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Полно, дочка! Не о смерти
Его ты столько плачешь, какъ о томъ,
Что живъ еще подлецъ, его убившій.

ДЖУЛЬЕТТА.

Какой подлецъ, синьора?

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Гнусный Ромео!

ДЖУЛЬЕТТА.

Подлецъ и онъ, огромнымъ разстояньемъ
Одинъ съ другимъ раздѣлены. Господь,
Прости ему! Я отъ души прощаю,
А все же человѣка нѣтъ на свѣтѣ,
Кто волновалъ бы сердце мнѣ какъ онъ.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Да, потому что живъ убійца гнусный.

ДЖУЛЬЕТТА.

Да, что живетъ отъ рукъ моихъ далеко.
Зачѣмъ за брата смерть не мщу одна я?

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Мы отомстимъ; ужъ ты не безпокойся!
Ну, полно плакать! Въ Мантую, куда онъ,
Злодѣй нашъ, изгнанъ, я пошлю кого-нибудь
И поднесутъ такой ему пріемецъ
Хорошаго напитка, что къ Тибальту
Въ сообщество отправится онъ скоро.
Тогда—неправда ль—будешь ты довольна?

ДЖУЛЬЕТТА.

Нѣтъ! Мнѣ не успокоиться, пока
Сама я Ромео не увижу... смерть...
Скорбь въ сердцѣ бѣдномъ лютая о миломъ!
Синьора! Если вы кого найдете,
Кто ядъ снесетъ, сама я приготовлю
Тотъ ядъ. Его принявши, Ромео скоро
Заснетъ покойно. О! какъ больно сердцу
То имя слышать и лишенной быть
Возможности накинуться и смерть
Тибальта выместить на всемъ составѣ
Его убійцы.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Поищи ты средства,
А человѣка я тебѣ найду...
Но, дочка, я къ тебѣ съ веселой вѣстью.

ДЖУЛЬЕТТА.

О! радость кстати въ эти дни печали!
Какая жъ вѣсть? скажите мнѣ, синьора.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Заботливаго Богъ тебѣ послалъ
Отца, дитя мое... Чтобы скорѣе
Тебя отъ горя оторвать, онъ праздникъ,
Какого не ждала ты и какого
Я не надѣялась, теперь готовитъ.

ДЖУЛЬЕТТА.

Синьора, что же за день веселья это?

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Вотъ что, дитя мое: въ четвергъ по утру рано
Изящный, молодой и благородный
Синьоръ Парисъ во храмѣ пресвятаго

Петра, счастливецъ, назоветъ тебя
Счастливою супругою своею.

Джульетта.

Нѣтъ, храмъ Петра и самъ мнѣ Петръ свидѣтель,
Не буду я счастливою супругой!
Поспѣшности дивлюсь я... Выхожу
Я замужъ прежде, чѣмъ женихъ спросилъ
Меня: согласна-ль? Васъ прошу, синьора,
Отцу и господину моему
Сказать, что не хочу еще я замужъ;
А захочу, такъ выйду я, клянуся,
Скорѣй за Ромео, за того, кто мнѣ
Такъ ненавистенъ, какъ извѣстно вамъ,
Чѣмъ за Париса! Новости ужъ, точно!

Синьора Капулетъ.

Вотъ твой отецъ. Скажи ему сама,
И поглядимъ мы, какъ онъ это приметъ.

Входятъ Капулетъ и кормилица.

Капулетъ.

Какъ солнышко взойдетъ—падетъ роса на землю;
Но по закатѣ сына брата моего
Дождь ливмя льетъ...
Ну, что? ты словно жолобъ, дочь, все плачешь,
Все—ливень слезъ да вздохи... Маленькой своею
Особою изволишь представлять
Ты разомъ вѣтеръ и челнокъ и море,
Въ твоихъ глазахъ, которые могу
Назвать я моремъ, слезъ приливы и отливы;
Челнокъ же—это твой составъ тѣлесный;
Ныряющій среди соленыхъ волнъ;
А вѣтры—вздохи; вмѣстѣ со слезами,
На-перерывъ свирѣпствуя, они,
Коли не встанетъ тишь, разрушить могутъ
Разбитый бурею составъ. Жена!
Ты объявила ль ей рѣшенье наше?

Синьора Капулетъ.

Да, мой синьоръ; но вотъ она не хочетъ,
Изволитъ васъ благодарить покорно.
Ужъ лучше бъ съ гробомъ, дура, повѣнчалась!

Капулетъ.

Постой!.. дай мнѣ понять, дай мнѣ, понять, жена...
Какъ? что? не хочетъ? насъ благодарить изволитъ?
И честью не гордится? Не считаетъ
Себя счастливой эта дрянь, что ей
Мы выбрали въ мужья достойнаго синьора?

Джульетта.

Я не горжусь, хоть вамъ и благодарна.
Гордиться нечѣмъ тѣмъ, что намъ противно,
Но благодарной быть могу я даже
За зло, котораго причиною—любовь.

Капулетъ.

Что это? А! умничать! Какія
Слова такія слышу я? „Горжусь"
И „благодарна вамъ я" и „неблагодарна"
И „не горжусь". Ну, умница—синьора!
Изволь-ко, не благодаря, ты быть
Мнѣ благодарной, не гордяся—гордой,
И ножки разсубтильныя изволь ты
Мнѣ къ четвергу расправить, чтобы съ графомъ
Парисомъ въ храмъ Петра идти вѣнчаться.
Не то вѣдь я на петлѣ потащу!
Ахъ, погань блѣдно-желтая! Ахъ, мразь ты!
Ахъ, рожа сальная!

Синьора Капулетъ.

Фуй! фуй! Въ умѣ ли ты?

Джульетта.

Отецъ! я на колѣняхъ умоляю...
Дозвольте вы мнѣ вымолвить хоть слово!

Капулетъ.

Прочь... прахъ тебя возьми, мерзавка... Прочь!
Дѣвчонка самонравная! Тебѣ вѣдь
Ужъ сказано: иди въ четвергъ ты въ церковь,
Иль не кажись мнѣ больше на глаза!
Не поперечь, не отвѣчай, ни слова!
И такъ ужъ руки чешутся... жена!
Ну, вотъ мы вѣчно плакались съ тобою,
Что дѣтище одно намъ далъ Господь...
Нѣтъ, вижу я, и одного довольно,
И этимъ мы наказаны однимъ!
Прочь ты страмница!

Кормилица.

Боже, царь небесный
Спаси ее! Грѣшно вамъ, мой синьоръ!

Капулетъ.

А отчего бъ грѣшно мнѣ, ваша мудрость?...
Языкъ на привязи держите, ваше
Высокоумiе! Идти извольте
Звонить имъ къ вашимъ кумушкамъ вы лучше.

Кормилица.

Я не худое что сказала.

Капулетъ.

Ну
И Богъ съ тобой!

Кормилица.

Ужъ слова не скажи!

КАПУЛЕТЪ.

Молчи ты, дура старая! Ступай
Ты съ кумушками важничай за фляжкой.
Здѣсь важность на себя не напускай!

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Не горячись ты!

КАПУЛЕТЪ.

Господи-Владыко!
Да какъ еще я не сошелъ съ ума?
Днемъ, ночью, каждый часъ и каждый мигъ,
За дѣломъ, за игрою,—одинъ ли,
Съ гостями ли,—единственную я
Имѣлъ заботу, какъ ее мнѣ замужъ
Получше выдать... Ну и вотъ: нашелъ
Я дворянина благородной крови,
Съ прекраснымъ состояньемъ, молодого,
Воспитаннаго, съ головы до ногъ—
Что говорится—полнаго достоинствъ,
Какого лучше пожелать нельзя!
И эта своенравная дѣвчонка,
И эта плакса-кукла отвѣчать
На предложенье счастія изволитъ:
„Я замужъ не хочу", „я не люблю",
„Я слишкомъ молода". „Вы извините"!
Ну, ты не хочешь замужъ? Хорошо!
Я извиню тебя по свойски; можешь
Идти кормиться, гдѣ ты хочешь. Только
Со мной ужъ больше не живи! Ты слышишь?
Подумай же: шутить я не люблю...
Четвергъ-то близко! Положи-ко руку
Ты на сердце да здраво разсуди!
Коль ты—моя, тебя за друга выдамъ,
А не моя—ступай куда глаза глядятъ.
Ходи съ сумой по улицамъ, таскайся,
Хоть околѣй отъ голода! Клянусь,
За дочь тебя я больше не признаю;
Ничто мое твоимъ не будетъ. Вотъ что
Одумай-ко... Я въ словѣ несолгу. *(Уходитъ).*

ДЖУЛЬЕТТА.

Хоть не паритъ-ли жалость въ небесахъ?
Оттуда ль хоть не взглянетъ въ бездну скорби?
О, матушка родная! Не отринь
Меня ты, бракъ отсрочь ты хоть на мѣсяцъ,
Хоть на недѣлю... Если же нѣтъ, готовьте
Въ Тибальтовомъ мнѣ склепѣ гробовомъ
Вы ложе брачное!

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Со мною ты
Не говори... Ни слова не скажу я:
Какъ хочешь поступай,—мнѣ дѣла нѣтъ!
(Уходитъ).

ДЖУЛЬЕТТА.

О, Господи! Кормилица, скажи ты,
Какъ быть? Что дѣлать? Мужъ мой на землѣ,—
На небѣ клятва: какъ же эта клятва
На землю можетъ вновь сойти, доколѣ
Ее назадъ мнѣ мужъ мой не пришлетъ,
Покинувъ землю?.. Поддержи меня ты,
Совѣтъ мнѣ дай... Увы! увы! Ужели
Способны небеса такія сѣти
Столь слабому, какъ я, созданью ставить?
Ну, что жъ ты скажешь?.. Неужели нѣтъ
Ни слова радостнаго у тебя,
Ни утѣшенія, кормилица?

КОРМИЛИЦА.

Вы вотъ что
Послушайте, вѣдь Ромео изгнанъ. Что вы
Хотите, прозакладую, что онъ
Придти сюда за вами не посмѣетъ,
А если и придетъ онъ, такъ украдкой...
И значитъ, слѣдуетъ по моему
По разсужденью вамъ за графа выйти.
А ужъ мужчина-то какой!
Что Ромео? тряпка передъ нимъ! орелъ онъ,
Синьора; у орла-то даже есть ли
Такіе сѣрые и бодрые глаза,
Какъ у Париса... Душенькой своею
Я побожусь, что счастіемъ считаю
Для васъ замужство я второе это—
И лучше не въ примѣръ чѣмъ первое оно.
Да ежели и нѣтъ, такъ все же первый
Вашъ умеръ или все равно что умеръ:
Хоть живъ, а вамъ не годенъ ни на что.

ДЖУЛЬЕТТА.

Ты говоришь отъ сердца?

КОРМИЛИЦА.

И отъ сердца
И отъ души отъ всей,—хоть лопни сердце
И сгинь душа!

ДЖУЛЬЕТТА.

Аминь.

КОРМИЛИЦА.

Что вы сказали?

ДЖУЛЬЕТТА.

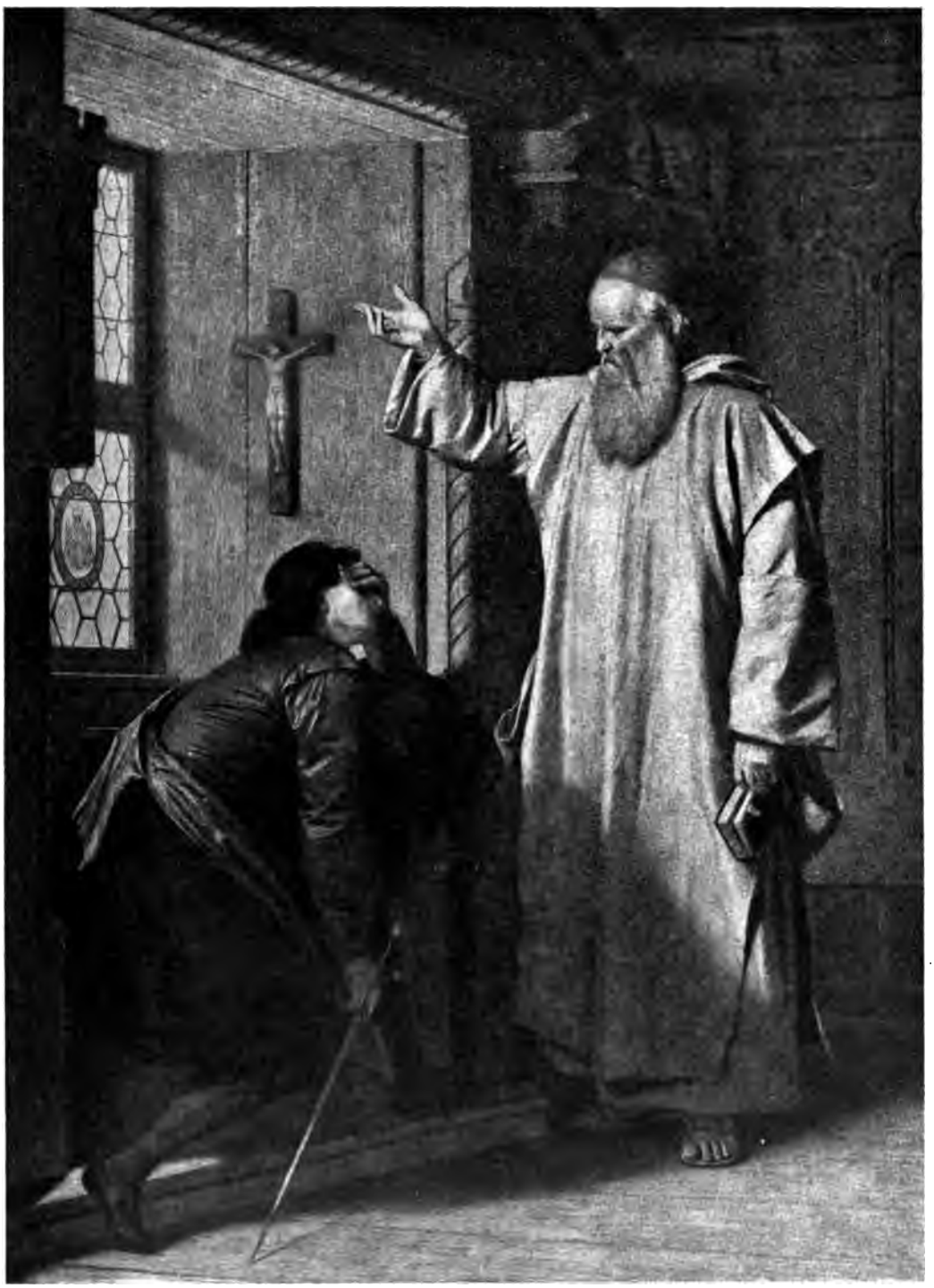
Ну! ты меня утѣшила чудесно!
Ступай, синьорѣ матушкѣ скажи,
Что батюшку прогнѣвала, пошла я
Къ отцу Лоренцо въ келью, чтобъ въ грѣхѣ
Покаяться и получить прощенье.

КОРМИЛИЦА.

Иду. Вотъ что умно—такъ ужъ умно!
(Уходитъ).

ДЖУЛЬЕТТА.

Хрычовка-грѣховодница! Злой бѣсъ!



РОМЕО и ЛОРЕНЦО. (Дѣйствіе III, сц. 3).
Картина Ферранини Пилотти.

Который больше грѣхъ твой? что меня
Ты подучала клятву преступить,
Иль что посмѣла мужа моего
И господина тѣмъ же языкомъ
Ты поносить, которымъ выше всякихъ
Похвалъ его превозносила ты же
Сама разъ тысячу? Такъ прочь же, прочь же,
Совѣтница! Отнынѣ грудь моя
И ты между собою цѣлой бездной
Раздѣлены. Пойду теперь я къ падре:
Не сыщетъ ли къ спасенью средствъ какихъ?
А нѣтъ,—такъ смерть всегда въ рукахъ моихъ!

(Уходитъ).

СЦЕНА У БАЛКОНА.

Картина англо-итальянскаго художника Дж. Риго (J. E. Rigaud, 1742–1810). (Малая Бойделевская галлерея).

Внутренній видъ старинаго итальянскаго церковнаго строенія. (Базилика св. Павла въ Римѣ).

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

СЦЕНА I.

Келья фра Лоренцо.

Входятъ ФРА ЛОРЕНЦО И ПАРИСЪ.

ЛОРЕНЦО.

Въ четвергъ, мессеръ? Скоренько что-то очень!

ПАРИСЪ.

Да такъ желаетъ тесть мой Капулетъ:
Я скорости такой не попеpечу.

ЛОРЕНЦО.

Сказали вы, что неизвѣстны вамъ
Синьоры мысли. Значитъ, бой неравенъ.
Не похвалю, синьоръ мой.

ПАРИСЪ.

Смерть Тибальта
Оплакиваетъ все она безмѣрно;
И потому, съ ней мало говорилъ
Я о любви. Кипридинымъ улыбкамъ
Нѣтъ мѣста въ домѣ плача; но находитъ
Ея отецъ, мой падре, что опасно
Ей предаваться такъ своей печали,
И, мудростью руководясь, рѣшилъ онъ
День нашего вѣнчанія ускорить
И наводненье слезъ остановить:
Себѣ самимъ оставленныя, слезы
Текутъ сильнѣй въ сообществѣ другихъ—
Скорѣй изсякнутъ. Вамъ теперь, надѣюсь,
Ясна причина свадьбой поспѣшить.

ЛОРЕНЦО *(про себя).*

Когда-бъ причины медлить я не вѣдалъ!
(Вслухъ).
Мессеръ, вотъ кстати въ келью и синьора.

Входитъ ДЖУЛЬЕТТА.

ПАРИСЪ.

Вотъ счастливая встрѣча, о моя
Синьора и моя супруга!

Джульетта.

Ею
Тогда лишь буду я, какъ выйду замужъ.

Парисъ.

Да это будетъ, быть должно въ четвергъ,
Любовь моя.

Джульетта

Что будетъ—то и будетъ.

Лоренцо.

Извѣстная и истинная правда.

Парисъ.

Навѣрное, на исповѣдь пришли
Къ отцу святому вы?

Джульетта.

Вамъ отвѣчая,
Была бъ не у него—у васъ я на духу.

Парисъ.

Любовь ко мнѣ предъ нимъ вы только не утайте!

Джульетта.

Въ любви къ нему я признаюся вамъ.

Парисъ.

Въ любви ко мнѣ признаетесь ли также?

Джульетта.

Когда и такъ, признаніе заочно
Дороже несравненно чѣмъ въ лицо.

Парисъ.

О, бѣдная! отъ слезъ твой ликъ прекрасный
Ужасно пострадалъ.

Джульетта.

Плохая жъ
Слезамъ добыча... И до ихъ напора
Лицо мое—не Богъ знаетъ чѣмъ было.

Парисъ.

Обиднѣй слезъ ему—слова такія.

Джульетта.

Не клевещу, мессеръ: сказала правду я,
И—что сказала, то себѣ сказала.

Парисъ.

Лицо твое—мое, а на него ты
Клевещешь!

Джульетта.

Можетъ быть. Оно не мнѣ вѣдь
Принадлежитъ. Святой отецъ! Досугъ ли
Теперь вамъ иль мнѣ вечеромъ придти?

Лоренцо.

Досугъ мой—весь мой. Бѣдное дитя!
Готовъ я. Мой синьоръ: наединѣ
На время мы должны остаться съ нею.

Парисъ.

Избави Богъ мѣшать святому дѣлу!
Въ четвергъ, Джульетта, утромъ разбужу васъ,
До тѣхъ же поръ прощайте—и примите
Вы отъ меня мой поцѣлуй святой.
(Уходитъ).

Джульетта.

Запри скорѣе дверь ты и затѣмъ
Давай со мною плакать. Ни надежды,
Ни помощи и ни спасенья нѣтъ!

Лоренцо.

Ахъ! знаю я твое, Джульетта, горе!
Мой умъ оно повергло въ напряженье.
Я слышалъ, что должна—и безъ отсрочки—
Въ четвергъ ты съ этимъ графомъ повѣнчаться?

Джульетта.

Не говорилъ бы прежде ты объ этомъ,
О, падре, чѣмъ сказать мнѣ, какъ спастись!
Коль средствъ найти твоя не можетъ мудрость,
Ты только оправдай мое рѣшенье,
Я въ мигъ себѣ ножомъ вотъ этимъ помогу...
Сердца намъ съ Ромео небо сочетало,
А руки—ты, и прежде, чѣмъ рука,
Врученная тобой Ромео, будетъ
Другому въ обладанье отдана,
Иль сердце вѣрное мое къ другому
Клятвопреступно обратится, вотъ
Что ихъ за это ждетъ!
Подай же многолѣтнею своею
Ты мудростью совѣтъ мнѣ иль смотри:
Промежъ бѣдой и мною ножъ кровавый
Посредника сыграетъ и своимъ онъ
Судомъ разсудитъ то, чего не въ силахъ будетъ
Ни многолѣтній опытъ твой, ни мудрость
По совѣсти и чести разсудить.
Не медли же отвѣтомъ: опоздать я
Боюся умереть, коль то, что скажешь,
Не скажетъ ничего мнѣ о спасеньи.

Лоренцо.

Стой, дочь моя... Мнѣ что-то на надежду
Похожее пришло, но въ исполненьи
Отчаянное столько же, какъ то
Отчаянное, что мы предупреждаемъ.

Когда скорѣй, чѣмъ повѣнчаться съ графомъ
Парисомъ, силу воли ты находишь
Къ самоубійству, вѣроятно, ты
Подобье смерти вытерпѣть рѣшишься;
Вѣдь ты, чтобъ отвратить позоръ, на смерть,
На самую на смерть теперь готова.
Дерзай же: дамъ спасенья средство я.

Джульетта.

Вели ты мнѣ—скорѣй, чѣмъ повѣнчаться
Съ Парисомъ—соскочить съ зубчатой выси
Вонъ этой башни, или по дорогамъ,
Обложеннымъ бандитами скитаться,
Иль въ нору змѣй ползти мнѣ, или на цѣпь
Меня съ ревущимъ посади медвѣдемъ,
Иль ночью въ складѣ труповъ положи
Подъ грудою костей людскихъ, стучащихъ
Другъ объ друга, съ вонючими кусками
И съ черепами желтыми безъ зубъ,
Иль прикажи въ разрытую могилу
Мнѣ лечь живой и вмѣстѣ съ мертвецомъ
Покрыться саваномъ однимъ... все, все
Вели мнѣ сдѣлать ты, о чемъ и слышать
Безъ дрожи не могла я прежде, все
Исполню я безъ страха и сомнѣнья,
Лишь только бы женою безпорочной
Любимому осталась мужу я.

Лоренцо.

Такъ слушай же: ступай домой,—веселой
Ты притворись, согласье дай на бракъ
Съ Парисомъ. Завтра, въ середу, съ собой ты
Не позволяй кормилицѣ ложиться.
Возьми вотъ эту стклянку и, ложася,
Ты жидкость въ ней растворенную выпей!
Тогда по жиламъ пробѣжитъ твоимъ
Мертвящій, хладный сонъ; обычное движенье
Пульсъ прекратитъ свое и перестанетъ биться:
Ни теплоты не будетъ, ни дыханья;
Ничто не обличитъ, что ты живешь.
Ланитъ и устъ твоихъ поблекнутъ розы,
Какъ пепелъ блѣдны станутъ; окна глазъ
Замкнутся, какъ бы смерть сама закрыла
Для жизненнаго свѣта ихъ; и каждый
Твой членъ, упругой живости лишившись,
Окоченѣетъ, будетъ неподвиженъ
И холоденъ, какъ смерть сама; и въ этомъ
Подобьи смерти цѣпенящей—ты
Пробудешь сорокъ два часа. Когда
Будить тебя придетъ женихъ твой утромъ,
Тебя найдетъ онъ мертвою на ложѣ.
Тогда, какъ въ нашихъ сторонахъ ведется,
Въ одеждахъ лучшихъ, въ незакрытомъ, гробѣ,
Чтобъ съ предками въ одной была могилѣ,
Снесутъ тебя въ старинный склепъ семейный,
Гдѣ Капулетовъ все родство лежитъ.
А между тѣмъ, еще до пробужденья
Увѣдомлю письмомъ я Ромео: онъ
Сюда пріѣдетъ. Я и онъ, мы оба
Стеречь минуту, какъ проснешься, будемъ,
И въ ту же ночь потомъ твой Ромео долженъ
Съ тобой отсюда въ Мантую бѣжать;
Вотъ что освободитъ тебя отъ срама,
Грозящаго тебѣ, коль только нрава
Непостоянство или женскій страхъ
Души твоей не поколеблять въ дѣлѣ.

Джульетта.

Дай мнѣ ты, дай! Не говори о страхѣ!

Лоренцо.

Возьми... Ступай же! Будь неколебима
И счастлива ты въ дѣлѣ. Къ мужу я
Отправлю въ Мантую письмо; снесетъ
Его монахъ.

Джульетта.

О! дай любовь мнѣ силу,—
И сила та одна меня спасетъ!
Прощай, отецъ мой!

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Комната въ домѣ Капулетовъ.

Входятъ: Капулетъ, синьора Капулетъ, кормилица *и* слуги.

Капулетъ *(давая слугѣ списокъ).*

Зови ты всѣхъ, кто здѣсь записанъ, въ гости!

(Слуга уходитъ).

А ты, шельмецъ, поди найми
Мнѣ двадцать поваровъ хорошихъ!

2-й слуга.

Дурныхъ ужъ не приведу, мессеръ; потому—я наперед посмотрю: облизываютъ ли сни у себя пальцы.

Капулетъ.

Да что жъ ты изъ этого узнаешь?

2-й слуга.

Помилуйте, мессеръ! Плохой ужъ поваръ, который у себя пальцевъ не облизываетъ; не вкусно, значитъ, готовитъ; я потому и не приведу такихъ, которые пальцевъ у себя не облизываютъ. *(Уходитъ).*

ДЖУЛЬЕТТА и ФРА-ЛОРЕНЦО.

Картина англійскаго художника Эдуарда Мэтью Уорда (Edward Matthew—Word, 1816—1879).

КАПУЛЕТЪ.

Ну, ступай!
Однако, не застали-бъ насъ врасплохъ!
Ну, что же? дочь ходила ль къ фра Лоренцо?

КОРМИЛИЦА.

Какъ не ходить—ходила!

КАПУЛЕТЪ.

Ну, онъ авось на умъ ее наставилъ...
Вѣдь этакая нравная дѣвчонка!

Входитъ ДЖУЛЬЕТТА.

КОРМИЛИЦА.

Вы посмотрите-ко, съ какимъ веселымъ
Пришла она отъ исповѣди видомъ.

КАПУЛЕТЪ.

Ну, гдѣ, моя упрямица, шаталась?

ДЖУЛЬЕТТА.

Гдѣ я училась каяться въ грѣхѣ
Преступнаго непослушанья
И вамъ и вашимъ приказаньямъ, Падре

Лоренцо мнѣ велѣлъ просить прощенья
У вашихъ ногъ: простите-жъ, умоляю!
Отнынѣ вамъ во всемъ я подчинюсь.

КАПУЛЕТЪ.

Послать за графомъ съ вѣстію объ этомъ!
Хочу я непремѣнно окрутить
Васъ завтра утромъ.

ДЖУЛЬЕТТА.

Встрѣтилась сама я
Съ синьоромъ графомъ въ кельѣ фра Лоренцо
И выказала я къ нему на столько
Любви, на сколько лишь могла
Безъ нарушенья скромности дѣвичьей.

КАПУЛЕТЪ.

Ну, очень радъ! Прекрасно! Встань... Все это
Какъ слѣдственно... Мнѣ графа бъ повидать.
Идти-жъ, говорятъ, за нимъ! Скорѣе!
А золотой вѣдь, право, человѣкъ-то
Святой отецъ для города всего.

ДЖУЛЬЕТТА.

Кормилица! пойдемъ со мною въ спальню
И помоги ты мнѣ наряды выбрать,
Какіе къ утру завтрашнему нужны.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Въ четвергъ все это... Время будетъ.

КАПУЛЕТЪ.

Ступай ты съ ней, кормилица! Такъ завтра
Мы въ церковь.

(Джульетта и кормилица уходятъ).

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Какъ мы только все успѣемъ?
Вѣдь скоро ночь.

КАПУЛЕТЪ.

Молчи ужъ, самъ примусь я
За все и все пойдетъ по маслу, живо...
Ужъ ты покойна будь, жена!
Ступай къ Джульеттѣ, помогай въ нарядахъ!
Я спать не лягу, ты меня оставь!
Самъ за хозяйку нынче я... Эй вы!
Всѣ разбрелись... ну, что жъ? схожу, пожалуй,
Я къ графу самъ, чтобъ извѣстить его
О завтрашнемъ. Какъ на сердцѣ-то стало
Легко мнѣ удивительно, лишь только
Одумалась упрямая дѣвчонка! *(Уходитъ).*

СЦЕНА III.

Спальня Джульетты.

Входятъ ДЖУЛЬЕТТА И КОРМИЛИЦА.

ДЖУЛЬЕТТА.

Да! этотъ вотъ нарядъ всѣхъ лучше будетъ.
Но, вотъ что, милая кормилица моя!
Пожалуйста, оставь меня одну ты
На эту ночь. Мнѣ нужно очень много
Молиться, чтобъ умилостивить небо мнѣ.
Ты знаешь: тяжкій грѣхъ на мнѣ лежитъ!

Входитъ СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Что? заняты? Не надо ли помочь вамъ?

ДЖУЛЬЕТТА.

О, нѣтъ, синьора! Выбрали мы все,
Что завтра нужно будетъ для обряда...
Позвольте мнѣ наединѣ съ собою
Теперь остаться. Пусть ужъ съ вами ночь
Кормилица пробудетъ. Я вѣдь знаю,
Что хлопоты у васъ большія на рукахъ
И дѣло къ спѣху.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

Ну, покойной ночи!
Ложись въ постель и засыпай-ко съ Богомъ...
Тебѣ теперь покой необходимъ.
(Уходятъ синьора Капулетъ и кормилица).

ДЖУЛЬЕТТА.

Прощайте... Знаетъ Богъ одинъ, когда мы
Увидимся... И странный, и холодный
Какой то страхъ по жиламъ пробѣгаетъ
И леденитъ всю жизни теплоту.
Не воротить ли ихъ, чтобъ ободриться?
Кормилица... Но что ей дѣлать здѣсь?
Одна ужасную должна сыграть я сцену...
Приди, фіалъ!..
Что, если не подѣйствуетъ напитокъ?
Меня вѣдь повѣнчаютъ завтра утромъ!
Нѣтъ! нѣтъ!
(Кладетъ подъ подушку ножъ).
Вотъ кто спасетъ меня... ложись ты здѣсь!
А что, коль это ядъ, коли вручилъ
Монахъ его мнѣ съ хитростью, нарочно,
Чтобъ умерла я?.. Опозоренъ этимъ
Вѣдь бракомъ онъ, меня вѣнчавшій съ Ромео!
Боюсь я... но нѣтъ... не можетъ быть!
За праведника онъ всегда считался
И мысли я питать дурныя не хочу...
А что, коли положенная въ гробъ,
Проснуся прежде я, чѣмъ Ромео мой

Придетъ освободить меня?.. О! страшно!
Что, коль задохнусь я въ могильномъ склепѣ,
Ужасный звѣрь котораго въ себя
Струй воздуха свѣжащихъ не вдыхаетъ,
И, задохнувшися, умру я прежде,
Чѣмъ Ромео мой придетъ?
Иль, если я жива останусь, развѣ
Не можетъ быть, что сочетанье смерти
Со тьмой и ужасъ мѣста самаго...
Вѣдь это склепъ могильный и старинный.
Гдѣ, нѣсколько уже столѣтій, кости
Моихъ усопшихъ предковъ хоронились...
Гдѣ окровавленный и свѣжій трупъ Тибальта
Въ землѣ гніетъ подъ саваномъ своимъ,
Гдѣ, говорятъ, въ полуночную пору
Выходятъ мертвецы... увы! увы!
Не можетъ развѣ быть, что слишкомъ рано
Проснуся я?.. и этотъ смрадъ гніенья,
Глухіе стоны, стонамъ мандрагоры
Съ корнями вырванной подобные, которыхъ,
Не обезумѣвши, никто живущій
Не можетъ слышать... О! коль такъ проснуся,
Могу ль съ ума я не сойти, среди
Всѣхъ адскихъ ужасовъ и, обезумѣвъ,
Играть костями предковъ стану я,
И саванъ сдерну съ мертваго Тибальта,
И въ бешенствѣ, схвативши предка кость,
Какъ палицей ей раздроблю свой черепъ
Помѣшанный... О! вотъ: я вижу брата тѣнь...
За Ромео гонится она, который
Концомъ меча насквозь ее пронзилъ...
Стой, стой Тибальтъ! О Ромео, Ромео, Ромео!
Вотъ мой фіалъ!.. Пью за тебя его.
(Пьетъ и кидается на постель).

СЦЕНА IV.

Зала въ домѣ Капулетовъ.

Входятъ СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ И КОРМИЛИЦА.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.
На вотъ ключи и пряностей достань,
Кормилица!

КОРМИЛИЦА.
Въ пирожное айвы
И фиников тамъ требуютъ.

Входитъ КАПУЛЕТЪ.

КАПУЛЕТЪ.
Живѣй!
Живѣй! живѣй! Вторые пѣтухи
Пропѣли: колоколъ звонилъ... Теперь
Ужъ три часа, Анджелика! на кухню
Ты заглянула бы... да чтобы ничего
Тамъ не жалѣли!

КОРМИЛИЦА.
Охъ вы, суета!
Ложитесь-ко вы лучше. Вѣдь, ей Богу,
Вы не здоровы будете на утро,
Не спавши ночь.

КАПУЛЕТЪ.
Ни-ни: вотъ-на! Я часто
Ночей не спалъ бывало изъ за дѣлъ
Гораздо меньше важныхъ... не бывалъ же
Я боленъ.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.
Да! въ свое ты время былъ
Извѣстнымъ мышеловомъ... Но теперь
Мое ужъ дѣло, чтобъ въ такихъ дѣлахъ ты
Ночей безъ сна не проводилъ.
(Уходятъ синьора Капулетъ и кормилица).

КАПУЛЕТЪ.
Ишь ревность-то! ишь ревность-то!
Входятъ слуги *съ блюдами и корзинами.*
Эй! малый!
Что у тебя?

1-й СЛУГА.
Для повара тутъ что-то,
Мессеръ, а самъ не знаю право что.

КАПУЛЕТЪ.
Тащи скорѣй, скорѣй!
(1 й слуга уходитъ).
Шельмецъ! Неси
Сюда полѣньевъ ты посуше... Пьетро
Покличь: тебѣ укажетъ онъ, гдѣ взять.

2-й СЛУГА.
На столько у меня у самого, мессеръ,
Смекалки хватитъ... Что тревожить Пьетро?
(Уходитъ).

КАПУЛЕТЪ.
Отвѣтилъ славно! Ай да—шельминъ сынъ!
Ай да полѣнный мастеръ!.. Богъ ты мой!
Ужъ день! Графъ тотчасъ съ музыкой прибудетъ;
Такъ обѣщался... да ужъ онъ и близко.
Я слышу... Эй! кормилица! жена!
Эй вы! кормилица! да ну же ты!

Входитъ КОРМИЛИЦА.
Ступай, буди Джульетту, одѣвай!
А я пойду съ Парисомъ поболтаю.
Ну, шевелись, ступай! Женихъ ужъ здѣсь.
Ступай скорѣе, говорятъ!
(Уходятъ).

РОМЕО и ДЖУЛЬЕТТА. (Дѣйствіе IV, сц. 5).
Картина извѣстнаго англійскаго живописца Джона Опи (John Opie, 1761—1807. (Большая Бойтелевская галерея).

СЦЕНА V.

Спальня Джульетты.

Входитъ КОРМИЛИЦА.

КОРМИЛИЦА.
Синьора! эй, синьора! Джуля!... Ну!
Признаться, спитъ же крѣпко. Эй, овечка!
Эй, барыня моя! Фай! что за соня!
Да ну-же, милочка, я говорю...
Сударыня! красавица! невѣста!
Ни слуху и ни духу все... Ну, точно
За деньги спать рядилась,—собралась
На цѣлую недѣлю отоспаться.
И то сказать вѣдь: въ будущую ночь
Синьоръ Парисъ усердно похлопочетъ,
Чтобы не много ты спала... Однако,
Господь меня прости, какъ крѣпко спитъ!
Вѣдь надо-жъ разбудить... Эй! синьорина!
Синьора! синьорина! Графъ застанетъ
Васъ на постели, раскачаетъ разомъ...
Да это что?.. Одѣтая совсѣмъ
И на постели!.. Надо побудить.
Синьора, синьорина, синьорина!
Ахъ, ахъ! сюда! скорѣе! умерла!
Охъ, горемычная моя ты доля!
Эй! водки! Мой синьоръ, о мой синьоръ!

Входитъ СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.
Что ты шумишь тутъ?

КОРМИЛИЦА.
Охъ! бѣда лихая!

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.
Да что тутъ?

КОРМИЛИЦА.
Посмотрите, посмотрите:
Вотъ горе-то!

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.
Охъ! охъ! мое дитя,
Сокровище единое! Проснись ты,
Взгляни ты иль умру съ тобою вмѣстѣ!
О, помогите, помогите!.. Кличь ты,
Зови, кричи ты!

Входитъ КАПУЛЕТЪ.

КАПУЛЕТЪ.
Что за срамъ? Ведите
Джульетту вы:—женихъ давно пріѣхалъ.

КОРМИЛИЦА.
Охъ! умерла, скончалась, умерла!
Охъ, горе, горе!

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.
Господи!.. Мертва!
Мертва! мертва!

КАПУЛЕТЪ.
Что? дайте поглядѣть мнѣ..
Остановилась кровь, окоченѣли члены
И жизнь давно разсталася съ устами...
Смерть на нее легла: безвременный морозъ
Палъ на цвѣтокъ на самый лучшій луга.

КОРМИЛИЦА.
Охъ, горе горькое!

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.
О, день несчастный!

КАПУЛЕТЪ.
Смерть,
Которая, чтобы стеналъ я горько,
Взяла ее, языкъ связала мой
И не даетъ мнѣ вымолвить ни слова.

Входятъ ФРА ЛОРЕНЦО *и* ПАРИСЪ *съ музыкантами.*

ЛОРЕНЦО.
Что жъ? Въ церковь собралася ли невѣста?

КАПУЛЕТЪ.
Да! собралась туда она навѣкъ.
О, сынъ мой! Въ ночь передъ твоею свадьбой
Легла съ твоей женою смерть... Взгляни
вотъ,
Лежитъ она, цвѣтокъ, сраженный смертью.
Смерть—зять теперь мнѣ смерть—наслѣдникъ мой;
Съ моею дочерью она вѣнчилась:
Умру—и все оставлю ей! И жизнь
И все житье-бытье—добыча смерти!

ПАРИСЪ.
Такъ ждалъ я утро увидать въ лицо
И вотъ оно въ какомъ предстало видѣ!

СИНЬОРА КАПУЛЕТЪ.
Проклятый, скорбный, гнусный, ненавистный день!
Часъ злополучнѣйшій изъ всѣхъ, какіе
Лишь видѣло когда либо въ своемъ
Теченьи многотрудномъ время!
Одно, одно, одно любимое дитя!
Одно, что мнѣ отрадой, утѣшеньемъ было,
Смерть лютая отъ глазъ моихъ сокрыла.

КОРМИЛИЦА.
Ахти, бѣда! Охъ, горе, горе, горе!
Безчастный день ты, горемычный день!
Такого никогда не знала!.. День ты, день
проклятый!

Темнѣй такого дня и не бывало!
Охъ, день безчастный, охъ, безчастный день!

Парисъ.

Осуждена, разведена,
Оскорблена, поражена, убита!...
О, смерть проклятая! Тобой осуждена,
Тобой, изъ лютыхъ лютая, убита
Любовь и жизнь моя!—Не жизнь ужъ
больше,
Но въ самой смерти ты моя любовь.

Капулетъ.

Отчаянный, проклятый, ненавистный,
Мученій полный, смертію разящій,
Нежданный и незванный часъ! Зачѣмъ ты
Пришелъ убить, убить веселье наше?
Дитя, дитя мое! О, нѣтъ! Душа
Моя, а не дитя! Ты умерла!
Ахъ! умерло дитя мое и съ нимъ,
Съ дитей моимъ, всю жизнь мою схоронятъ.

Лоренцо.

Молчите! Стыдно! Горя врачевство
Не въ гореваньи этомъ! Вы и небо
Въ прекрасной дѣвицѣ по ровной части
Имѣли: нынѣ небо все взяло!
И что жъ могло для дѣвицы быть лучше?
Вѣдь не могли бъ отъ смерти уберечь
Вы часть свою! Свою же небо нынѣ
Въ жизнь вѣчную взяло. Ее возвысить
Желаньемъ высшимъ было вашимъ; доля
Ея высокая была вамъ небомъ—
И плачете о томъ, что выше облакъ
Теперь она на небо воспарила!
О! любите вы дочь плохой любовью—
Когда ей хорошо, вы сходите съ ума!
Не въ томъ вѣдь брака счастье, чтобы долго
Во бракѣ жить; блаженнѣе стократъ
Удѣлъ почившей по недолгомъ бракѣ.
Отрите-жъ слезы ваши; розмариномъ
Вы тѣло ей прекрасное осыпьте,
И, по обычаю, въ убранствѣ лучшемъ
Несите въ церковь; ибо, хоть природа
Велитъ намъ плакать, но природы слезы
Для разума—посмѣшище одно.

Капулетъ.

Все то, что мы готовили для свадьбы,
Для горестныхъ намъ похоронъ послужитъ;
Замѣнитъ звуки колокольный звонъ..
Поминки вмѣсто свадебнаго пира,
А вмѣсто пѣсенъ брачныхъ панихида;
Вѣнокъ невѣсты трупъ ея украситъ...
Все, все перемѣнило назначенье.

Лоренцо.

Мессеръ, идите!—да и вы, синьора,
И вы, мессеръ Парисъ! Готовьтесь провожать
Прекрасную покойницу въ могилу.
За грѣхъ какой то небо васъ караетъ...
Страшитесь раздражить его еще сильнѣй
Безумнымъ ропотомъ на Божью волю.

(Уходятъ Капулетъ, синьора Капулетъ, Парисъ и Лоренцо).

1-й музыкантъ.

Ну, намъ, значитъ, убирать наши дудки, да самимъ убираться...

Кормилица.

Ахъ! убирайте, убирайте вы
Ихъ, люди добрые, скорѣе... Потому
Вы сами видите, какое здѣсь
У насъ теперь разстройство.

(Уходитъ).

1-й музыкантъ.

Всежъ бы, надо
Настроить постараться какъ нибудь!

Входитъ Пьетро.

Пьетро.

Музыканты, а музыканты! Скорѣй: „Сердца радость—жизни сладость“! Если вы хотите, чтобы я жилъ, сыграйте: „Сердца радость“.

1-й музыкантъ.

Зачѣмъ же „Сердца радость“?..

Пьетро.

Ахъ, музыканты! Затѣмъ, что у меня сердце наигрываетъ: „о горесть, о мученье!“ Сыграйте вы мнѣ что-нибудь веселенькое для куражу.

2-й музыкантъ.

Нельзя веселенькое, да и не время теперь играть.

Пьетро.

Такъ вы не хотите?

2-й музыкантъ.

Нѣтъ.

Пьетро.

А я бы вамъ звонко заплатилъ.

1-й музыкантъ.

Чѣмъ это?

Пьетро.

Не монетой, конечно, а голосомъ... ужъ далъ бы я вамъ уши, деруны проклятые!

1-й музыкантъ.

Хамово отродье!

Пьетро.

Хамскій кинжалъ, пожалуй, съѣздитъ васъ по макушкѣ. Не переносны мнѣ ваши крючки, ваши фа да ваши ре. Слышите?

1-й музыкантъ.

Слышимъ, что вретъ ваша фа и вретъ ваша ре.

2-й музыкантъ.

Спрячьте-ко вашъ кинжалъ, а достаньте лучше ваше остроуміе.

Пьетро.

Берегитесь же: я проколю васъ остроуміемъ и вложу въ ножны кинжалъ! Съумѣйте вы только отвѣчать-то:

Коль сердце болѣетъ отъ мукъ
И душу намъ скорбь тяготитъ,
Серебряный музыки звукъ...

Ну, почему тутъ: „серебряный звукъ?“ почему „серебряный звукъ?“ Ну, Симонъ, жильная струна?

1-й музыкантъ.

Потому, мессеръ, что у серебра пріятный звукъ.

Пьетро.

Прекрасно. Ну, а ты какъ скажешь, Уго Гудокъ?

2-й музыкантъ.

По моему, потому „серебряный звукъ“, что за серебро музыканты играютъ...

Пьетро.

Молодецъ! Ну, а ты какъ, Джакомо Труба?

3-й музыкантъ.

Я, право, не знаю, что и сказать.

Пьетро.

Ну, прости; я вѣдь и забылъ, что ты пѣвецъ—и, стало быть, глупъ по обязанности. „Серебряный музыки звукъ“ потому, что:

Серебряный музыки звукъ
Мгновенно печаль исцѣлитъ.

(Уходитъ).

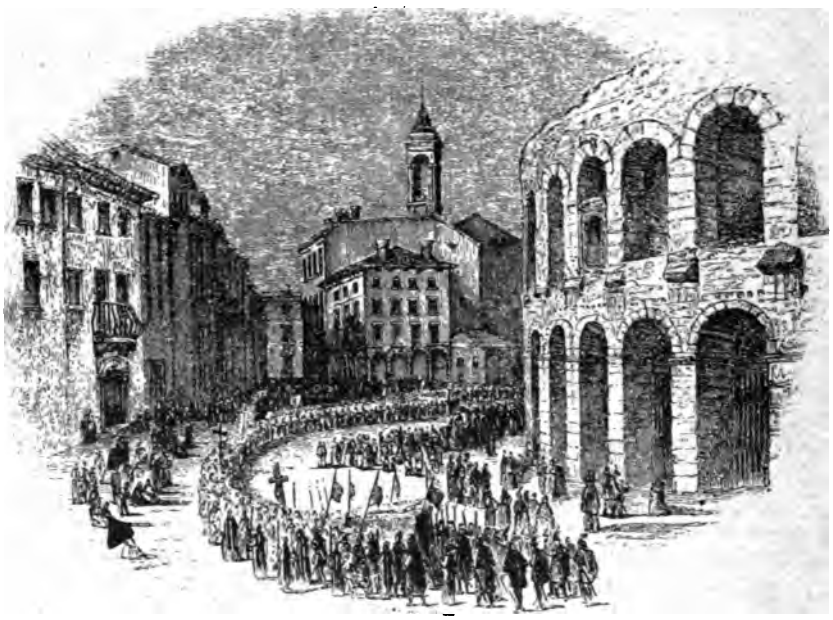
1-й музыкантъ.

Вотъ ерникъ-то малый!

2-й музыкантъ.

Ну его къ лысому бѣсу, Джакомо! Пойдемъ-ко, подождемъ выноса, да не дадутъ ли потомъ пообѣдать?

(Уходятъ).



МАНТУЯ. (По старой гравюрѣ).

АКТЪ ПЯТЫЙ.

СЦЕНА I.

Мантуя. Улица.

Входитъ Ромео.

Ромео.

Коли могу я только довѣряться
Сна увѣреньямъ льстивымъ,—сновидѣнья
Мнѣ предвѣщаютъ радостныя вѣсти.
Груди моей властитель на своемъ
Легко на тронѣ возсѣдаетъ
И цѣлый день какой то духъ
Необычайный отъ земли подъемлетъ
Меня веселой думой... Снилось мнѣ,
Что будто бы пришла моя синьора
И мертваго нашла меня. (Престранный,
Дающій мертвому возможность думать, сонъ!.)
И будто поцѣлуями своими
Въ уста мои вдохнула столько жизни
Она, что ожилъ я и сталъ царемъ.
О! какъ же сладко ты, любви самой блаженство,
Когда и тѣнь любви намъ радости даетъ.

Входитъ Бальтазаръ.

А! вѣсти изъ Вероны! Что? принесъ ли
Ты, Бальтазаръ, письмо мнѣ отъ монаха?
Ну, что моя синьора? что отецъ мой?
Здорова ль, главное, Джульетта? вотъ что...
Коли она здорова,—значитъ, ничего
Дурного быть не можетъ.

Бальтазаръ.

Хорошо ей
Теперь: дурного ей не приключится,
Въ гробницѣ Капулетовъ тѣло спитъ,
А часть безсмертная средь ангеловъ витаетъ,
Я видѣлъ, какъ снесли ее въ семейный
Могильный склепъ и тотчасъ поскакалъ
Вамъ объявить объ этомъ... О, простите,
Что я принесъ дурную вѣсть такую...
Приказъ вашъ исполняю я, мессеръ!

Ромео.

Такъ вотъ какъ!... Ну добро же, звѣзды неба!...
Ты знаешь, гдѣ живу я: принеси ты.

Поди, чернилъ мнѣ и перо—и тотчасъ
Нанять мнѣ лошадей!... я ѣду въ ночь!

Бальтазаръ.

Мессеръ! въ себя придите, умоляю!
Вашъ блѣдный видъ и дикій взоръ о чемъ то
Недобромъ говорятъ.

Ромео.

Пустое! ты ошибся!.
Оставь меня и дѣлай что велятъ;
А нѣтъ письма съ тобою отъ монаха?

Бальтазаръ.

Нѣтъ, добрый мой синьоръ.

Ромео.

Ну, все равно, Иди-же
И—лошадей! Я слѣдомъ за тобою.
(Уходитъ Бальтазаръ).
Хорошо, Джульетта!... Лягу нынче ночью
Я съ тобою вмѣстѣ... Ну, поищемъ средства!..
О! приносишь скоро, скоро дума злая,
Ты совѣтъ лукавый сердцу человѣка.
Вспомнился аптекарь мнѣ: гдѣ-то тутъ онъ близко...
Я его недавно какъ то запримѣтилъ.
Весь въ лохмотьяхъ бѣдныхъ и нахмуря брови,
Травы разбиралъ онъ... Исхудалъ онъ страшно,
Бѣдность непокрытая до костей проѣла!
И въ его лавчонкѣ, видѣлъ я, убогой
Черепаху съ остовомъ крокодила рядомъ,
Да другія чучелы странныхъ рыбъ висѣли...
Нищенски разставлены ящики пустые
У него на полкахъ были, да съ горшками
Пузырьки зеленые—да еще валялась
Тоже плѣсень всякая, нитки, хлѣбъ засохлый
Точно на показъ имъ это выставлялось.
И тогда подумалъ я, видя бѣдность эту:
—Вотъ, молъ, если ядъ теперь человѣку нуженъ,
Хоть казнятъ здѣсь въ Мантуѣ смертью за продажу,
Все таки продастъ его тотчасъ же бѣдняга!
О, я видно чувствовалъ, что нужда мнѣ будетъ
И теперь мнѣ яду оборванецъ дастъ!
Помнится, живетъ онъ тутъ, вотъ въ этомъ домѣ.
Но сегодня праздникъ, заперта лавчонка.
Эй, ты! эй, аптекарь!

Выходитъ аптекарь.

Аптекарь.

Кто зоветъ такъ громко?

Ромео.

Подойди ко мнѣ ты: вижу я— ты бѣденъ,
На тебѣ, возьми вотъ! сорокъ тутъ дукатовъ...
Дай мнѣ драхму яду, но такого яду,
Чтобы, какъ по жиламъ только разольется,
Человѣкъ, которому надоѣло жить,
Мертвый палъ въ минуту; дай такого яду,
Чтобы такъ же быстро вырвалось дыханье
Отъ него изъ груди—какъ отъ искры порохъ
Рвется изъ смертельнаго мѣднаго жерла.

Аптекарь.

Есть такое средство, только за продажу
Въ Мантуѣ законы смертію казнятъ.

Ромео.

Какъ? такой голышъ ты! эдакій бѣдняга
И боишься смерти!.. Голодъ на щекахъ,
Гнетъ нужды гнѣздится въ истомленномъ взглядѣ,
Униженье, нищенство за спиной висятъ...
Что тебѣ до міра, до его законовъ?
Міръ тебя закономъ не обогатитъ!
Такъ нарушь законъ ты... на! разбогатѣешь.

Аптекарь.

Не моя тутъ воля—бѣдность взять велитъ...

Ромео.

Я и подкупаю-то бѣдность, а не волю.

Аптекарь.

Вотъ, въ какую только жидкость захотите.
Всыпьте вы и выпейте... Хоть бы двадцати
Человѣкъ сидѣла въ васъ сила... смерть въ мгновенье!

Ромео.

На, вотъ твое золото... Хуже это ядъ
Для души и болѣе, въ мірѣ ненавистномъ,
Зла оно надѣлало, чѣмъ невинный твой
Порошокъ, котораго продавать не смѣешь ты!...
Я—тебѣ, не ты—мнѣ продалъ злого яда...
Ну, прощай! купи себѣ корму да жирѣй!
Ты же, другъ—не ядъ мой, въ путь пойдемъ мы оба,
Службу у Джульеттина сослужи мнѣ гроба!
(Уходятъ).

СЦЕНА II

Келья фра Лоренцо.

Входитъ фра Джованни.

Джованни.

Святой отецъ! братъ францисканецъ! Эй!

Входитъ ФРА ЛОРЕНЦО.

ЛОРЕНЦО.

Должно быть это—голосъ Фра Джовани...
Грядущему изъ Мантуи привѣтъ!
Что Ромео говоритъ? иль, если онъ
Отвѣтилъ письменно, то дай письмо мнѣ.

ДЖОВАННИ.

Отправясь за однимъ изъ нашихъ братьевъ,
Изъ босоногихъ орденскихъ, который
Больныхъ по городу обхаживалъ, чтобъ вмѣстѣ
Пуститься въ путь съ нимъ, я его нашелъ...
Но городскіе сторожа, подозрѣвая,
Что были съ нимъ мы въ домѣ, гдѣ чума
Свирѣпствуетъ, ворота затворили
И насъ изъ города обоихъ не пустили...
Такъ и не удалось мнѣ въ Мантую попасть.

ЛОРЕНЦО.

Такъ кто же къ Ромео снесъ мое письмо-то?

ДЖОВАННИ.

Я отнести не могъ—и вотъ оно;
Гонца туда не могъ достать я тоже:
Такой на всѣхъ чума наводитъ страхъ!

ЛОРЕНЦО.

Ахъ, грѣхъ какой! Клянуся братствомъ нашимъ,
Письмо-то не пустячное вѣдь было,
А съ очень, очень важнымъ содержаньемъ.
Отъ недоставки приключиться можетъ
Бѣда большая. Ну, сходи-ко, фра Джованни,
Достань мнѣ ломъ и принеси сюда
Ты въ келью.

ДЖОВАННИ.

Хорошо, братъ, принесу.
(*Уходитъ*).

ЛОРЕНЦО.

Итакъ одинъ пойду я въ склепъ могильный!
Проснется черезъ три часа Джульетта
И проклянетъ она меня, что Ромео
Увѣдомленъ о нашемъ дѣлѣ не былъ...
Ну, напишу я въ Мантую вторично;
Ее же, до пріѣзда Ромео, здѣсь
Оставлю въ кельѣ... Бѣдный трупъ живой,
Въ гробницѣ мертвеца похороненный!
(*Уходитъ*).

РОМЕО И АПТЕКАРЬ. (Дѣйствіе V, сц. I).

Рисунокъ извѣстнаго англійскаго художника Франка Дикси младшаго (F. Dicksee, p. 1853).

СЦЕНА III.

Верона. Кладбище; посреди его памятникъ Капулетовъ.

Входятъ ПАРИСЪ *и его* ПАЖЪ, *несущій цвѣты и факелъ.*

ПАРИСЪ.

Дай факелъ, пажъ! Иди и стань поодаль!
Нѣтъ! прочь его возьми! Я не хочу
Быть видимымъ; поди, разлягся ты
Подъ тѣмъ вонъ кипарисомъ, чуткимъ ухомъ
Къ землѣ приткнувшись звонкой. Не коснется
Ничья нога кладбища почвы рыхлой,
Гробокопаньями изрытой, чтобы ты
Не услыхалъ. Подай сигналъ мнѣ свистомъ,
Когда шаги заслышишь. Да цвѣты мнѣ...
Ступай и, что приказано, исполни.

ПАЖЪ (*про себя*).

Мнѣ жутко оставаться одному
Тутъ на кладбищѣ, а оставаться долженъ.

ПАРИСЪ.

О, мой цвѣтокъ прелестный! Осыпаю
Цвѣтами брачную твою кровать
И буду по ночамъ ходить сюда,
Чтобъ ихъ водою чистой орошать...
Иль ежели воды не станетъ, то, рыдая,
Въ слезахъ я стоны буду растворять
И еженочно тризну совершая,
Невѣсты гробъ цвѣтами осыпать.

(Свищетъ пажъ).

Мнѣ пажъ даетъ сигналъ... подходитъ кто-то...
Чья святотатственная здѣсь нога
Блуждаетъ ночью и смущаетъ тризну,
Любви обряда вѣрной?.. Какъ?
И съ факеломъ? Сокрой на мигъ меня, о, ночь!

(Отходитъ).

Входятъ РОМЕО *и* БАЛЬТАЗАРЪ *съ факеломъ, ломомъ и проч.*

РОМЕО.

Подай мнѣ ломъ и заступъ ты желѣзный
На, вотъ письмо: его по утру завтра
Ты государю-батюшкѣ отдай!
Дай факелъ! Если жизнью дорожишь ты,
Что бъ ни услышалъ ты иль ни увидѣлъ
Стой въ сторонѣ, ни въ чемъ мнѣ не мѣшай...
Спускаюсь въ ложе смертное за тѣмъ я,
Чтобы въ лицо мою синьору видѣть;
За тѣмъ еще особенно, чтобъ съ пальца
Снять многоцѣнное кольцо у ней,
Кольцо, предназначаемое мною
На дорогое дѣло .. Удались же,
Уйди ты,—но коли посмѣешь, увлеченный
Ты подозрѣніемъ, подсматривать за тѣмъ,
Что буду дѣлать я, то—Богъ свидѣтель!
Я разорву тебя на части, и кусками
Голодное кладбище я усѣю.
Какъ самый часъ—намѣренья мои
Ужасны, дики и неумолимѣй,
Чѣмъ тигръ голодный или море въ бурю.

БАЛЬТАЗАРЪ.

Уйду, мессеръ и вамъ мѣшать не буду.

РОМЕО.

Докажешь тѣмъ любовь мнѣ. На!
Живи, будь счастливъ и прощай, голубчикъ!

БАЛЬТАЗАРЪ *(про себя).*

Вотъ оттого то я и спрячусь гдѣ нибудь...
Ужасенъ взглядъ его и думы страшны.

(Отходитъ).

РОМЕО.

Ты, зѣвъ треклятый, ты, утроба смерти
Упитанная лучшимъ на землѣ!
(Разбиваетъ двери памятника).
Я силой челюсти твои гнилыя
Раздвину, втисну силой же тебѣ
Я въ глотку новую добычу.

ПАРИСЪ.

Изгнанникъ то, Монтекки то надменный...
Убійца брата дорогой невѣсты...
Отъ горя и печали, говорятъ,
Сошло во гробъ прелестное созданье,
И наругаться онъ пришелъ сюда
Надъ мертвыми тѣлами ихъ обоихъ;
Не допущу его! *(Приближается).*

Останови
Ты! свой несчастный замыселъ, о гнусный
Монтекки! Неужели можетъ месть
Идти за грани смерти? Не пущу я
Тебя, изгнанникъ подлый! Повинуйся.

РОМЕО.

Да! точно долженъ и за тѣмъ пришелъ...
О, добрый, милый юноша! Прошу я:
Не искушай отчаяннаго ты!
Бѣги, оставь меня! Смотри ты, сколько
И безъ тебя здѣсь мертвыхъ—устрашися!
Молю, о юноша! Меня во грѣхъ
Ты новый не вводи и ярости во мнѣ
Не раздразни... Бѣги! клянуся небомъ:
Тебя люблю я больше чѣмъ себя...
Противъ себя лишь самого сюда я
Пришелъ вооруженный... О! не медли!
Уйди! въ живыхъ останься! разскажи
Ты послѣ, что безумца состраданье
Тебя спасло отъ гибели.

ПАРИСЪ.

На бой
Я вызываю это состраданье:
Тебя я какъ преступника схвачу.

РОМЕО.

Зовешь на бой?.. такъ берегись же, мальчикъ!

(Сражаются).

ПАЖЪ.

О, Господи! дерутся! Стражу кликну!

ПАРИСЪ *(падая).*

О! я убитъ... Коль жалость есть въ тебѣ,
Открой гробницу, положи съ Джульеттой.

(Умираетъ).

РОМЕО.

Да будетъ такъ! Но дай въ лицо вгляжусь я:
То родственникъ Меркуціо, графъ Парисъ.
Что мнѣ такое говорилъ слуга мой,

РОМЕО и ДЖУЛЬЕТТА (Дѣйствіе V, сц. 3).
Картина извѣстнаго англійскаго живописца Норскота (James Northcote, 1746—1838) (Большая Бойделевская Галерея).

Когда сюда мы мчались, чего
Разбитая душа не понимала?
Мнѣ кажется, сказалъ онъ мнѣ, что долженъ
Жениться на Джульеттѣ былъ Парисъ?
Сказалъ онъ это? или мнѣ приснилось?
Иль въ помѣшательствѣ своемъ я, слыша,
Что о Джульеттѣ говорилъ онъ, это
Вообразилъ себѣ? О, дай мнѣ руку!
Со мною вмѣстѣ ты отмѣченъ въ книгѣ
Несчастья горькаго! Въ торжественной гробницѣ
Похороню тебя... Въ гробницѣ? Нѣтъ:
Въ чертогѣ свѣтломъ, юноша несчастный!
Джульетта здѣсь лежитъ... Ея краса
Могильный склепъ въ сіяющую свѣтомъ
Обитель пира обращаетъ... здѣсь
Ложись ты, мертвый, мертвымъ погребенный!

(Кладетъ Париса въ гробницу).

Случается порой, за мигъ до смерти,
Становится вдругъ веселъ человѣкъ,
Что окружающіе называютъ
Предсмертной молніей... могу ль назвать
Я это молніей? Любовь моя!
Жена моя! Смерть, выпившая медъ
Дыханья твоего, еще безсильна
Надъ красотой твоей, еще ты ею
Не завоевана, еще краса
Пурпуромъ на устахъ и на щекахъ алѣетъ
И надъ тобою смерти блѣдный флагъ
Еще не выкинутъ... О! ты ли это,
Тибальтъ, лежишь здѣсь въ саванѣ кровавомъ?
Что лучшаго могу я сдѣлать для тебя,
Какъ той же самою рукой, скосившей
Во цвѣтѣ молодость твою, покончить
И твоего врага? Прости мнѣ, шуринъ!
О, милая Джульетта! отъ чего ты
Такъ хороша еще?.. Иль думать долженъ я,
Что смерть безплотная въ тебя влюбилась,
Что остовъ отвратительный тебя
Во мракъ свой захватилъ, чтобы своею
Любовницею сдѣлать? Оттого-то
Здѣсь при тебѣ и буду я, не выйду
Изъ мрачнаго чертога мрачной ночи;
Здѣсь поселиться я хочу съ червями,
Съ твоей прислугой комнатной! Да! здѣсь я
На вѣковѣчное житье останусь
И сброшу иго звѣздъ враждебныхъ съ тѣла,
Пресыщеннаго міромъ! Наглядитесь,
Въ послѣдній разъ, глаза! насытьтесь, руки,
Объятіемъ послѣднимъ! Вы же, вы
Уста, дыханья двери, поцѣлуемъ
Законнымъ купчую мою запечатлѣйте
Со смертью, ненасытнымъ продавцемъ.
Приди, мой горькій проводникъ! Приди,
Мой ѣдкій вождь, отчаянный мой кормчій!
На камни ты подводные направь
Ладью, избитую волнами моря!
Пью за любовь мою! *(Пьетъ).*
О, честный мой
Аптекарь! быстро дѣйствуетъ напитокъ.
И съ поцѣлуемъ умираю я! *(Умираетъ).*

Входитъ съ другой стороны кладбища ФРА ЛОРЕНЦО *съ фонаремъ, ломомъ и заступомъ.*

ЛОРЕНЦО.

Святой Франческо!
Ты мнѣ заступникъ!
Какъ часто ноги старыя мои
О камни гробовые спотыкались
Во мракѣ ночи! Кто тамъ это?

БАЛЬТАЗАРЪ.

Другъ
И человѣкъ, который знаетъ васъ.

ЛОРЕНЦО.

Благослови тебя Господь! Скажи мнѣ,
Мой добрый другъ, что это тамъ за факелъ
Безплодно льетъ свой свѣтъ на черепа
Безъ глазъ и образа? Сдается мнѣ:
Горитъ онъ у гробницы Капулетовъ.

БАЛЬТАЗАРЪ.

Такъ точно, мужъ святой! Тамъ господинъ мой,
Любимецъ вашъ.

ЛОРЕНЦО.

Кто?

БАЛЬТАЗАРЪ.

Ромео!

ЛОРЕНЦО.

Давно-ль онъ здѣсь?

БАЛЬТАЗАРЪ.

Да съ полчаса ужъ добрыхъ.

ЛОРЕНЦО.

Ступай за мною въ склепъ.

БАЛЬТАЗАРЪ.

Не смѣю, падре.
Мой господинъ не знаетъ, что я здѣсь.
Онъ смертью страшно мнѣ грозилъ,
Коль я за нимъ подсматривать останусь.

ЛОРЕНЦО.

Такъ стой же тутъ. Пойду туда одинъ я.
Какой-то страхъ меня беретъ,
Боюся я недобраго чего-то.

РОМЕО и ДЖУЛЬЕТТА.

Картина Фердинанда Пиллати (Ferdinand Pilotty, 1838—1895).

Бальтазаръ.

Когда я спалъ подъ деревомъ, мнѣ снилось,
Что господинъ мой и другой съ нимъ кто-то
Дрался и что этого другого
Убилъ тамъ господинъ мой.

Лоренцо (*подходя*).

Ромео!
Увы! увы! чьей кровью облита
Плита порога памятника? Что
Кровавые мечи, въ юдоли мира
Покинутые, значатъ?

(*Входитъ въ памятникъ*).

Ромео!
О! блѣдный! Кто еще тутъ, кто? Парисъ!
И потонулъ въ крови! Какой недобрый часъ
Виновенъ въ этихъ горестныхъ убійствахъ?
Встаетъ синьора!

(*Джульетта просыпается и встаетъ*).

Джульетта.

О, святой отецъ!
Гдѣ господинъ мой?... Помню хорошо я,
Гдѣ быть должна была и гдѣ теперь.
Гдѣ Ромео мой?

(*Слышенъ шумъ*).

Лоренцо.

Я слышу шумъ... Синьора!
Иди изъ этого гнѣзда ты смерти,
Заразы, неестественнаго сна,
Скорѣй со мной! Власть высшая, которой
Не въ силахъ противустоять мы, всѣ
Предначертанья наши сокрушила.
Твой мужъ лежитъ въ твоихъ объятьяхъ мертвый.
А вотъ—Парисъ. Пойдемъ со мной: сведу
Я въ общину святыхъ сестеръ тебя.
Не спрашивай! ужъ сторожа идутъ.

(*Шумъ опять*).

Не смѣю дольше оставаться я. (*Уходитъ*).

Джульетта.

Ступай! а я... отсюда не пойду я!
Что это? Стклянку мертвая рука
Возлюбленнаго сжала? ядъ—виною
Безвременной его кончины? Да!...
О, жадный, жадный! Выпилъ все! ни капли
Спасительной мнѣ не оставилъ онъ,
Чтобы могла за нимъ я? Цѣловать
Уста твои я буду... Можетъ, къ счастью,
На нихъ еще остался ядъ,
И я умру отъ этого напитка!

(*Цѣлуетъ Ромео*).

Твои уста теплы.

1-й сторожъ (*за сценой*).

Куда? веди же, малый!

Джульетта.

А! шумъ!

(*Схватываетъ кинжалъ Ромео*).

Я поспѣшу... О, благодѣтель—
Кинжалъ!... сюда! гдѣ твои ножны! (*Закалывается*).
Заржавѣй тутъ — а мнѣ дай умереть ты!

(*Умираетъ*).

Входятъ сторожа *съ* пажемъ Париса.

Пажъ.

Вонъ тамъ, вонъ тамъ, гдѣ факелъ свѣтитъ.

1-й сторожъ.

Кровь на землѣ!.. Кладбище обыскать!
Идите вы —хватай кто попадется.

(*Уходятъ нѣкоторые*).

Видъ жалостный!... вотъ графъ лежитъ убитый...
Джульетта вся въ крови, еще тепла
И только что скончалась; а ее
Ужъ третій день сегодня схоронили.
Ступайте, князю донесите! также
Бѣгите къ Капулетамъ, разбудите
Монтекковъ, кличьте по городу кличъ!

(*Уходятъ другіе сторожа*).

Мы видимъ мѣсто, гдѣ бѣды свершились,
Но истинной причины страшныхъ бѣдъ,
Не зная обстоятельствъ, знать не можемъ.

Входятъ сторожа *съ* Бальтазаромъ.

2-й сторожъ.

Вотъ Ромео мы слугу нашли тутъ на кладбищѣ.

1-й сторожъ.

Держите же его, пока прибудетъ князь.

Входятъ съ другой стороны сторожа *съ* фра Лоренцо.

3-й сторожъ.

Вотъ тутъ монахъ дрожитъ, вздыхаетъ, плачетъ.
Мы взяли ломъ и заступъ у него,
Какъ шелъ онъ съ этой стороны кладбища.

1-й сторожъ.

Большое подозрѣніе! Держите!

Входятъ князь *и* свита.

Князь.

Что здѣсь за ранняя бѣда случилась
И насъ оторвала отъ утренняго сна?

(Дѣйствіе V, сцена 3).

Рисунки очерками извѣстнаго нѣмецкаго художника Морица Ретча (Retzsch, 1779—1857).

Входятъ Капулетъ, синьора Капулетъ *и другіе.*

Капулетъ.
Что значатъ крики и тревога всюду?

Синьора Капулетъ.
Народъ кричитъ по улицамъ, кто Ромео,
А кто Джульетта, кто Парисъ—и всѣ
Въ тревогѣ и стремглавъ бѣгутъ къ гробницѣ нашей.

Князь.
Что тутъ за страхъ тревожитъ слухъ нашъ?

1-й сторожъ.
Князь!
Здѣсь вотъ лежитъ убитый графъ Парисъ,
И Ромео мертвый, и Джульетта тоже
Покойница; убита, видно, только
Сейчасъ она, еще не охладѣла.

Князь.
Искать, узнать—какъ совершилось это
Ужасное убійство?

1-й сторожъ.
Вотъ монахъ тутъ
И Ромео вотъ убитаго слуга;
У нихъ же и орудія нашлися,
Которыми разломана гробница
Покойниковъ.

Капулетъ.
О, Господи! Жена!
Взгляни ты: наша дочь лежитъ въ крови!
Кинжалъ ошибся! погляди: пустыя
Его ножны у пояса Монтекки,
А самъ забрелъ въ грудь дочери моей.

Синьора Капулетъ.
Охъ, горе! Этотъ смерти видъ, какъ звонъ
Заупокойный въ гробъ зоветъ меня—старуху.

Входятъ Монтекки *и другіе.*

Князь.
Поди сюда, Монтекки!... Рано всталъ ты,
Чтобъ видѣть, какъ наслѣдникъ твой и сынъ
Еще улегся ранѣе.

Монтекки.
Увы!
Мой государь!... сегодня въ ночь скончалась
Жена моя: изгнанье сына грудь
Ей растерзало. Что еще за горе
На старика грозится заговоромъ?

РОМЕО и ДЖУЛЬЕТТА. (Дѣйствіе V, сц. 3).

Картина нѣмецкаго живописца А. Шписа (August Spiess, p. 1841). (Shakespeare-Gallerie, изд. Брокгауза).

Заглавная виньетка извѣстнаго англійскаго иллюстратора Силуза (Henry C. Sdous, 1812 -1890).

Англійскіе охотники времень Шекспира.

УСМИРЕНІЕ СТРОПТИВОЙ.

„Усмиреніе строптивой" относится приблизительно къ тому же времени, какъ „Комедія ошибокъ" и „Безплодныя усилія любви". Напечатана она была впервые въ „in folio 1623 года, но точная дата ея появленія на сценѣ не установлена. Извѣстно только, что до комедіи Шекспира на сценѣ имѣла большой успѣхъ другая пьеса на тотъ же сюжетъ, напечатанная въ 1594 году подъ заглавіемъ: „A Pleasant Conceited History, called the Taming of a Shrew". Второе и третье изданіе вышли въ 1596 и 1607 гг. Шекспиръ имѣлъ ее въ виду, назвавъ свою пьесу „The Taming of *the* shrew", въ противоположность „*a* shrew" старой пьесы, т. е. какъ бы говоря не о всякой вообще упрямицѣ, а о той, которая уже извѣстна публикѣ.

Принадлежность „Усмиренія строптивой" къ раннему періоду творчества Шекспира доказывается рядомъ ея характерныхъ особенностей: стиль, версификація, композиція, неравномѣрный стихъ, такъ называемые „doggrelrhymes", щеголянье школьной ученостью и латинскими или итальянскими цитатами — все это совершенно въ духѣ раннихъ пьесъ Шекспира, какъ и переодѣванія и подставныя лица. Подчиненность итальянскому вкусу сказывается и въ томъ, что за исключеніемъ центральныхъ лицъ, Петручіо и Катарины, всѣ остальные—ходячіе типы старой итальянской комедіи. Чисто англійскія фигуры—только Петручіо и Катарина. Но зато въ нихъ вложено много стихійной силы и творческаго юмора, облагораживающаго все, что можетъ казаться дикостью нравовъ; благодаря имъ итальянскій фарсъ со всѣми его условностями превращается въ одно изъ яркихъ произведеній Шекспира, и до сихъ поръ не сходитъ съ репертуара.

Сюжетъ „Усмиренія строптивой" взятъ изъ разныхъ источниковъ. Какъ и въ старой пьесѣ, которой пользовался Шекспиръ, здѣсь слиты три отдѣльныя комедіи: первая — исторія лорда и мѣдника, представленная въ прологѣ, вторая — исторія Люченціо, добивающагося руки Біанки путемъ разныхъ хитростей и переодѣваній, и третья—исторія Петручіо и Катарины. Сюжетъ пролога самый старинный; онъ взятъ изъ „Тысячи и одной ночи": по желанію калифа, который хочетъ отблагодарить купца Абу Гассана за пріятно проведенный вмѣстѣ вечеръ, Абу Гассана переносятъ спящаго во дворецъ, и когда онъ просыпается, его всячески стараются убѣдить, что онъ калифъ. Абу-Гассанъ пользуется внезапно выпавшей на его долю властью, чтобы

послать много золота своей матери и отомстить своимъ врагамъ. Отсюда извѣстное выраженіе „калифъ на часъ". Въ концѣ дня Абу Гассану даютъ снотворный напитокъ и уносятъ его спящаго домой, такъ что все происшедшее можетъ показаться ему сномъ. Зимрокъ („Die Quellen des Shakespeares") указываетъ на сходство этого мотива съ опытомъ, продѣланнымъ сицилійскимъ тираномъ Діонисіемъ надъ льстецомъ Дамокломъ; повѣшенный надъ его головою мечъ отравляетъ Дамоклу всѣ обѣщанныя ему наслажденія. Но здѣсь представлена скорѣе суетность королевскаго блеска, чѣмъ суетность всей человѣческой жизни. Тотъ же мотивъ положенъ въ основу драмы Кальдерона „Жизнь есть сонъ". Разсказъ изъ „Тысячи и одной ночи" извѣстенъ былъ въ Англіи во времена Шекспира по переводу Галланда. Кромѣ того, разсказъ существовалъ въ передачѣ знаменитаго венеціанскаго путешественника Марка Поло. Онъ же разсказанъ въ „The Waking Mans Dream" (сборникъ анекдотовъ, изданныхъ Ричардомъ Эдвардсомъ въ 1570 году) и переданъ какъ историческій фактъ въ сборникѣ Гуляра „Thrésor d'histoires admirables et merveilleuses de notre temps", переведенномъ на англійскій языкъ Э. Гримезономъ (1607); разсказъ приведенъ подъ заглавіемъ „Vanité du monde magnifiquement representée"; тамъ дѣйствіе перенесено въ Брюссель, а лордъ, подобравшій пьяницу, замѣненъ герцогомъ Бургундскимъ. Тотъ же мотивъ разработанъ въ комедіи датскаго драматурга Гольберга, „Jeppe Paa Bierga"; Гольбергъ почерпнулъ свой сюжетъ изъ Jac. Bidermanni Utopia, въ которой исторія пьянаго мужика Меналка разсказана въ двухъ частяхъ—съ массой разнообразныхъ подробностей. Еще одинъ пересказъ существуетъ въ „Anatomy of Melancholy" Бортона. Но у Бортона, такъ же, какъ и въ балладѣ на ту же тему (сборн. Percy, Reliques of ancient Poetry, V. I, p. 238), „The frolicsome Duke or the Tinkers good"—ничего не упоминается о представленіи. Восточный характеръ этой нравоучительной исторіи сказывается въ томъ, что мораль ея сводилась къ признанію суетности всѣхъ мірскихъ благъ,—мимолетныхъ какъ сонъ. Но Гуляръ, разсказывая свою исторію герцога Бургундскаго, вспоминаетъ о поученіи Сенеки въ 59-мъ письмѣ къ Люцилію, гдѣ говорится, что наслаждаться и радоваться можетъ только человѣкъ благородный, справедливый и воздержанный. Уже въ пьесѣ, предшествовавшей „Усмиренію строптивой" Шекспира, проводится мысль Сенеки, а Шекспиръ въ своемъ прологѣ еще болѣе выясняетъ ее; онъ изображаетъ въ лицѣ Слайя грубую, невоспитанную натуру, перенесенную въ неподобающую ей среду. Не умѣя цѣнить болѣе возвышенныя удовольствія, Слай тяготѣетъ къ низменнымъ радостямъ своего прежняго существованія. Онъ просыпается въ Шекспировскомъ прологѣ съ требованіемъ кружки простого пива, а послѣ того, какъ его уже убѣдили въ томъ, что онъ лордъ и долженъ жить среди роскоши, онъ все-таки повторяетъ: „дайте мнѣ кружку пива". (Этой характерной подробности въ старой комедіи нѣтъ—ее Шекспиръ вставилъ для выясненія своей мысли). Въ старой комедіи исторія Христофора Слайя доведена до конца. Лордъ наталкивается на спящаго пьяницу Слайя, велитъ перенести его въ замокъ, гдѣ происходятъ смѣшныя сцены его пробужденія среди роскошной обстановки; затѣмъ Слай присутствуетъ на спектаклѣ, который и состоитъ въ исторіи „Усмиренія строптивой". Во время представленія Слай напивается и засыпаетъ; его уносятъ спящаго на улицу и кладутъ передъ дверьми кабака, туда, гдѣ его нашли. Когда онъ просыпается, то все происшедшее съ нимъ ему кажется сномъ, изъ котораго онъ, впрочемъ, вынесъ пользу; онъ не боится больше своей сварливой жены и ея ругани за пьянство,—онъ знаетъ, какъ нужно обращаться со своенравными женами. Шекспиръ сильно измѣняетъ прологъ старой пьесы; онъ сохраняетъ лишь основной мотивъ—крутой поворотъ въ судьбѣ Слайя, и пользуется имъ какъ средствомъ произвести психологическій экспериментъ. Въ старой пьесѣ затѣя лорда совершенно не мотивирована; онъ просто говоритъ слугамъ: „поднимите его и перенесите въ мой замокъ". У Шекспира выдвигается интересный психологическій мотивъ: „господа", говоритъ лордъ, „я хочу сдѣлать опытъ надъ этимъ пьяницей. Что если перенести его въ роскошную постель и т. д... Пожалуй, нищій забудетъ о своемъ прошломъ". Въ этихъ словахъ, принадлежащихъ уже только Шекспиру и отсутствующихъ въ старой комедіи, заключается основная мысль пролога, а отчасти и всей пьесы. Можно-ли искусственно или по капризу измѣнить естественный порядокъ вещей? Отвѣтъ отрицательный. Эта мысль связываетъ прологъ съ содержаніемъ всей комедіи. Шекспиръ оживилъ прологъ старой пьесы множе-

ствомъ художественныхъ подробностей. Такъ, въ старой пьесѣ лордъ, возвращаясь съ охоты, декламируетъ на тему о томъ, какъ спустилась ночь, говоритъ высокопарнымъ языкомъ, щеголяетъ миѳологическими сравненіями и т. д. У Шекспира же это замѣнено характерными реалистическими подробностями. Лордъ велитъ своимъ егерямъ устроить на ночь собакъ и обнаруживаетъ пониманіе и любовь къ спорту и охотѣ. Въ старой пьесѣ есть только три стиха—приказъ накормить собакъ, хорошо поработавшихъ въ теченіе дня. У Шекспира вмѣсто этого свѣжій, колоритный діалогъ двухъ охотниковъ о качествахъ и свойствахъ каждой собаки. Затѣмъ, когда проснувшемуся въ роскошной обстановкѣ Слайю предлагаютъ разныя развлеченія и удовольствія, то въ старой пьесѣ говорится только о богатыхъ одеждахъ, о яствахъ, застольной музыкѣ и охотѣ, причемъ вся сцена очень короткая и блѣдная. Шекспиръ вводитъ множество подробностей, обрисовываетъ низменность Слайя, восхваляетъ музыку и радости охоты очень образно и поэтично и вводитъ описанія трехъ картинъ на миѳологическіе сюжеты (Адонисъ, Іо и Дафне), выказывая знаніе и пониманіе итальянской живописи. Это мѣсто пролога пользуется большой извѣстностью, какъ одно изъ доказательствъ того, что Шекспиръ бывалъ въ Италіи—хотя, конечно, онъ могъ знать картины по копіямъ, существовавшимъ въ Англіи. Шекспиръ обрываетъ исторію Слайя на томъ мѣстѣ, когда актеры начинаютъ представленіе комедіи. Затѣмъ еще только одинъ разъ, въ концѣ перваго акта комедіи, дѣйствіе прерывается вопросомъ Слайя, скоро-ли кончится представленіе. Слуга его убѣждаетъ не спать, а слушать, а Слай хвалитъ пьесу, но желаетъ, чтобы она скорѣе кончилась. Послѣ того о Слайѣ совершенно забываютъ, и конца его исторіи, въ противоположность старой пьесы, у Шекспира нѣтъ.

Прологъ, какъ мы сказали, связанъ у Шекспира съ самой комедіей общей идеей о необходимости подчиняться своему природному назначенію: мѣдникъ все-таки остается мѣдникомъ, и какими бы тонкими яствами его ни кормили, онъ проситъ въ концѣ концовъ кружку пива. И женщина, какъ бы она ни была своенравна, все же должна подчиниться мужчинѣ и быть „подъ началомъ". Мораль эта намѣчена уже въ старой пьесѣ, но Шекспиръ облагородилъ ее и внесъ въ дѣйствія лорда психологическую мотивировку, а въ изображеніе новой обстановки Слайя художественныя подробности. И въ этомъ измѣненномъ видѣ прологъ имѣетъ для комедіи Шекспира еще особое значеніе. Онъ устанавливаетъ извѣстнаго рода атмосферу, нужную для выясненія дальнѣйшаго смысла. Прологъ—шутка съ переодѣваніемъ, затѣянная размышляющимъ лордомъ и для своего развлеченія, и для того, чтобы сдѣлать опытъ надъ наивной человѣческой душой. Уже самая фабула пролога основана на игрѣ, на представленіи недѣйствительнаго дѣйствительнымъ, а комедія „Усмиреніе строптивой" является уже представленіемъ въ представленіи. Этимъ фантазіи и юмору предоставляется обширная свобода. Выведенные характеры и типы могутъ быть преувеличены какъ маски во время карнавала; дѣйствія и слова могутъ быть грубы и рѣзки —все это оправдывается шуточностью представленія, даетъ возможность подъ видомъ дозволенной карикатуры выяснить серьезную основную мысль. Прологъ нуженъ для того, чтобы придать комедіи характеръ фарса; а въ фарсѣ можно доводить положенія до крайности, характеры до грубости, изображать условные типы народной комедіи, пестрить дѣйствіе выходками шутовъ—и все это не въ ущербъ внутреннему смыслу комедіи, а только для болѣе яркаго выясненія его.

Вторая комедія, заключенная въ „Усмиреніи строптивой" — исторія сватовства Люченціо. Источникомъ ея является прежде всего комедія Аріосто „Gli Suppositi", извѣстная въ Англіи по переводу Джоржа Гасконя (1566). Эта часть „Усмиренія строптивой" въ сущности наименѣе интересная, будучи менѣе всего оригинальной. Въ ней, во-первыхъ, очень сильно вліяніе итальянскаго народнаго театра. Дѣйствующія лица — типичныя маски commedia dell'arte. Отецъ Біанки и Катарины, старикъ Баптиста—скаредный и одураченный въ концѣ концовъ отецъ, встрѣчающійся часто въ старыхъ итальянскихъ комедіяхъ. Онъ прежде всего жаденъ и откровенно готовъ отдать либимую дочь за того, кто предложитъ за нее больше денегъ; два претендента на руку Біанки — молодящійся фатъ Гремio и тщеславный Гортензіо — тоже лишены всякой индивидуальности. Оба они глупы и легко примиряются съ потерей невѣсты: Гремio утѣшается своимъ участіемъ въ свадебномъ пирѣ, а Горацio женитьбой на болѣе сговорчивой вдовѣ. Наиболѣе привлекательный

изъ претендентовъ — изящный, нѣжный Люценціо; но онъ тоже безцвѣтенъ при всемъ своемъ благородствѣ и выясненъ лишь постольку, поскольку это нужно для оправданія выбора Біанки. Сама Біанка, гораздо менѣе интересная, чѣмъ ея строптивая сестра, задумана нѣсколько лицемѣрной кокеткой, которая рисуется своей смиренностью—объ этомъ очень вѣрно говоритъ Гервинусъ. Что въ ея мнимой кротости есть значительная доля кокетства—видно изъ заключительной сцены комедіи; Біанка оказывается гораздо болѣе строптивой, чѣмъ ея смирившаяся сестра. Біанка выведена въ комедіи для того, чтобы оттѣнить собою характеръ Катарины: она примѣрная дѣвица—и одинъ видъ ея раздражаетъ ту, которой она ставится въ примѣръ. Эта нарочитость лишаетъ характеръ Біанки реальнаго интереса. Она—блѣдная копія Люциліи изъ „Комедіи ошибокъ". Всѣ остальныя дѣйствующія лица этой части комедіи—повторенія типовъ, часто встрѣчающихся у Шекспира. Полу-слуга, полу-довѣренный Люценціо-Траніо принадлежитъ къ семьѣ пронырливыхъ, но чистосердечныхъ и преданныхъ своему господину слугъ. Шутъ Груміо, слуга Петручіо, одинъ изъ остроумнѣйшихъ шутовъ Шекспира. У него есть фамильное сходство съ Дроміо изъ „Комедіи ошибокъ", но его остроуміе менѣе сводится къ игрѣ словъ, а состоитъ скорѣе въ шутливомъ отношеніи къ грустнымъ житейскимъ истинамъ.

Переодѣваніе Люценціо въ учителя латинской поэзіи, Гортензіо въ учителя музыки, странствующаго ученаго (педанта) въ отца Люценціо—Винценціо, и встрѣча настоящаго Винценціо съ подложнымъ—вся эта интрига, разрѣшающаяся общимъ примиреніемъ съ тайною женитьбою Люценціо на Біанкѣ—совершенно такая же, какъ въ комедіи Аріосто. Въ пьесѣ Шекспира она играетъ побочную, служебную роль, какъ противоположеніе совершенно иного рода любовному поединку между главными героями пьесы, Петручіо и Катариной. Сочетаніе двухъ или трехъ параллельныхъ дѣйствій—очень обычный пріемъ въ комедіяхъ Шекспира; но въ болѣе зрѣлыхъ произведеніяхъ вторыя пары болѣе выпуклы и жизненны. Въ обработку старой пьесы, гдѣ тоже есть исторія благонравныхъ сестеръ Катарины (ихъ тамъ двѣ, а не одна; вторую Шекспиръ замѣнилъ вдовой), Шекспиръ внесъ много измѣненій. Въ старой комедіи дѣйствіе происходитъ въ Аѳинахъ, и любовь между двумя юношами, Авреліемъ и Полидоромъ, и двумя сестрами Катарины, Эмиліей и Филеной, изображена безъ всякой индивидуализаціи характеровъ. Переодѣванія тамъ не имѣютъ прямого отношенія къ дѣйствію: сынъ герцога выдаетъ себя за купца безъ всякой надобности—отчасти для того, чтобы внушить любовь только къ себѣ, а не къ своему сану. Слугу же своего онъ уже безъ всякой цѣли выдаетъ за сына герцога, т. е. за себя. Въ комедіи Шекспира кандидаты на руку Біанки, при всей своей близости къ типамъ итальянской народной комедіи, все же живы и остроумны; игрой въ переодѣванія и своими веселыми хитростями они вносятъ въ комедію атмосферу беззаботнаго карнавала, и этимъ создается самый подходящій фонъ для исторіи Петручіо и Катарины. Въ старой пьесѣ тоже появляется отецъ Аврелія (по пьесѣ Шекспира Люценціо); онъ представленъ герцогомъ Сестскимъ; комическая сцена встрѣчи настоящаго герцога съ подставнымъ имѣется такимъ образомъ и въ старой комедіи, но Шекспиръ болѣе индивидуализировалъ своего Винценціо. Въ старой пьесѣ герцогъ совершенная маріонетка, какъ и всѣ остальныя лица, за исключеніемъ строптивой Катарины и ея упрямаго мужа. Мотивировка хитрости Люценціо и всѣхъ переодѣваній болѣе разработана у Шекспира, такъ какъ отецъ Біанки имѣетъ болѣе опредѣленный характеръ; онъ такъ жаденъ, что ни за что не отдалъ бы дочь за Люценціо, если бы послѣдній не похвалялся своимъ богатствомъ; а такъ какъ старикъ еще требуетъ доказательствъ правды словъ Люценціо, то является необходимость съ одной стороны раздобыть подставного отца, а съ другой—устроить тайный бракъ прежде, чѣмъ откроется правда. Въ старой пьесѣ вся эта комедія съ подставнымъ отцомъ совершенный hors-d'oeuvre; тайнаго брака нѣтъ, и благополучная развязка представлена въ очень скомканномъ видѣ. Шекспиръ, какъ всегда, внесъ психологическій интересъ въ разработку чисто фактическихъ данныхъ своего источника.

Центральный интересъ комедіи заключается, конечно, въ третьей изъ входящихъ въ нее пьесъ—въ исторіи Петручіо, усмиряющаго Катарину. Въ противоположность итальянскому характеру всей остальной пьесы, этотъ мотивъ болѣе національный. Разсказы о сварливыхъ женахъ—излюбленная тема въ старой англійской литературѣ.

Гервинусъ указываетъ на разсказъ „Tom Taylor and his wife" (1569), на „Гризельду" Чэтля. Въ старой пьесѣ этотъ сюжетъ разработанъ съ грубоватымъ народнымъ юморомъ, и мораль главнымъ образомъ сводится къ тому, что мужчинѣ слѣдуетъ показать свое превосходство надъ женщиной и для ея собственной пользы научить ее кротости и смиренію. Внѣ Англіи тотъ же мотивъ встрѣчается уже въ восточныхъ сказаніяхъ. Въ „Kisseh Kuhn der Persische Erzähler" (Berl., 1829), сборникѣ восточныхъ разсказовъ изъ„ Sketches of Persia", есть „Исторія кошки", которая вмѣстѣ съ французскимъ фабліо „La Dame qui fut écoliée" (см. Dunlop, II, p. 444) наиболѣе близко подходитъ къ сѣвернымъ сказаніямъ объ укрощеніи строптивыхъ женъ: Садикъ Бекъ, женившійся на гордой дочери набоба, доказываетъ ей свое превосходство тѣмъ, что спокойно убиваетъ ея любимую кошку, послѣ чего жена начинаетъ бояться и уважать мужа. Много варьяцій на ту же тему есть отчасти въ романской, отчасти же и даже болѣе всего въ сѣверныхъ литературахъ. Есть разсказъ Хуана Мануэля о графѣ Луканорѣ, усмиряющемъ строптивую женщину, и въ сущности къ той же категоріи испытаній вѣрности и кротости жены принадлежитъ и послѣдняя новелла въ Декамеронѣ Боккаціо—о Гризельдѣ, дочери угольщика. Рейнгольдъ Келлеръ приводитъ въ III т. Shakespeare-Jahrbuch (1868) очень интересную ютландскую сказку изъ сборника Свэнда Грунтвига „Gamle danske Mindei; Fölkemunde" (1854—61), гдѣ для укрощенія строптивой жены предлагается тоже рядъ крутыхъ чисто физическихъ мѣръ. Въ сказкѣ говорится о трехъ сестрахъ, Каренъ, Маренъ и Меттѣ. Всѣ онѣ были очень красивы, но своенравны, а Метта еще болѣе чѣмъ другія, и потому ей труднѣе было выйти замужъ. Но женихъ съумѣлъ обуздать ея нравъ. Во-первыхъ, своимъ обращеніемъ съ животными, которыхъ онъ пристрѣливаетъ при первомъ непослушаніи, онъ показываетъ женѣ, какъ опасно нарушать его волю. Затѣмъ онъ всячески провѣряетъ ея покорность, заставляетъ ее утверждать при видѣ журавлей, что это вороны, при видѣ куръ, что это галки. Затѣмъ уже окончательная провѣрка происходитъ въ домѣ родителей Метты, куда мужъ ея пріѣзжаетъ вмѣстѣ съ нею въ гости. Метта оказывается покорнѣе всѣхъ другихъ сестеръ. Эта сказка относится почти ко времени Шекспира, такъ что можно было бы привести ее въ зависимость отъ комедіи Шекспира или отъ старѣйшаго „Усмиренія строптивой", если бы тотъ же мотивъ—въ особенности убійство собаки и лошади на возвратномъ пути изъ церкви—не повторялся въ очень старинныхъ поэмахъ, какъ, напр., въ одномъ изъ старыхъ французскихъ „фабліо" (сборн. Барбазана „Fabliaux et Contes"), въ произведеніи одного средне-вѣковаго нѣмецкаго поэта „Frauenzucht, въ сборникѣ фарсовъ XVII-го вѣка, въ „El Conde Lukanor" дона Хуана Мануэля (умер. въ 1326 г.; изд. А. фонъ Келеромъ въ 1830 г. въ Bibliotheca Castellana), во второй новеллѣ 8-й „Ночи" Г. Страпаролла, гдѣ Пизардо ведетъ свою жену тотчасъ же послѣ свадьбы въ конюшню и закалываетъ на ея глазахъ упрямую лошадь. Тотъ же мотивъ повторяется въ сказкѣ Гримма „König Drosselbart", въ фарсѣ Ганса Сакса, „Der böse Rauch (Tieck, Deutsch. Theater I, стр. 19—28). Въ старомъ „Усмиреніи строптивой", гдѣ шекспировскій Петручіо носитъ имя Фернандо, Катарина не столь пассивна, какъ въ старѣйшихъ преданіяхъ, гдѣ она собственно съ первой же минуты подчиняется пугающему ее мужу. Она очень бойко отругивается отъ своего жениха, причемъ, однако, говоритъ въ сторону, что вышла за него замужъ, чтобы не остаться въ старыхъ дѣвахъ. Сцены усмиренія очень грубы въ старой пьесѣ, причемъ въ дѣйствіяхъ Фернандо нѣтъ буйной непосредственности, которая составляетъ прелесть Петручіо. Фернандо каждый разъ выдаетъ нарочитость своего поведенія. Онъ говоритъ Кэтъ: „Сегодня мой день—завтра ты будешь хозяйкой, и я буду слушаться твоихъ приказаній",—т.-е. хитростью заманиваетъ ее, чтобы тѣмъ временемъ окончательно сломить ея упрямство. Моря ее голодомъ и пугая ее своими бѣшенными выходками противъ слугъ, онъ постоянно заявляетъ, что поступаетъ такъ ради педагогическихъ цѣлей,—а когда, наконецъ, она смирилась и готова въ угоду ему счесть старика за цвѣтущую дѣвушку, Фернандо хвалитъ ее и говоритъ, что ученіе закончено.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ разныхъ источниковъ, Шекспиръ создалъ свою безсмертную парочку веселыхъ упрямцевъ. Многіе критики упрекаютъ Шекспира въ грубости поединка, происходящаго между двумя властными натурами; другіе, напротивъ того, стараются обѣлить и Катарину и Петручіо отъ упрековъ въ грубости. Если сравнить комедію Шекспира со ска-

заніями о строптивыхъ женахъ въ старой литературѣ, то преимущество на сторонѣ Шекспира уже въ томъ, что чисто физическія средства усмиренія замѣнены у него нравственными. Въ англійской балладѣ, (написанной около 1560 г.), „Веселая шутка о строптивой и злой женѣ", мужъ до крови бьетъ жену и заворачиваетъ ее потомъ въ просоленную лошадиную шкуру, чѣмъ навсегда усмиряетъ ее. Чисто физическія средства для усмиренія рекомендуются и въ другихъ старыхъ разсказахъ о злыхъ женахъ. Шекспиръ же изображаетъ торжество не мужского кулака надъ женскимъ упрямствомъ, а мужского ума и нравственной силы. Нѣкоторые критики склонны видѣть недостойный фарсъ въ исторіи Катарины и Петручіо. Такъ Бультгауптъ („Dramaturgie des Shauspiels") называетъ Петручіо циникомъ, который гонится только за деньгами, а его способъ укрощенія называетъ „eine Pferdekur". Переворотъ въ характерѣ Катарины онъ считаетъ совершенно не мотивированнымъ, хотя ее самое ставитъ нѣсколько выше; онъ называетъ ее „суровой дѣвственницей", напоминающей собою Брунгильду, но всю пьесу относитъ къ разряду грубыхъ фарсовъ, лишенныхъ психологическаго интереса. Защитникомъ Катарины и Петручіо является Гервинусъ, очень краснорѣчиво объясняющій психологію упрямой парочки. Катарина, по его мнѣнію, не злая, а только раздраженная обстоятельствами дѣвушка, не строптивая во что-бы то ни стало, а ребенокъ съ кипучей кровью; ея сварливость происходитъ отъ боязни остаться старой дѣвой, „провожать обезьянъ въ адъ", какъ она говоритъ въ раздраженіи. Она очень искренна, и тѣмъ нравится Петручіо, но въ сущности наивна и уступчива—не на словахъ, а въ душѣ. Петручіо, какъ доказываетъ Гервинусъ, не грубъ, а только держится извѣстнаго рода политики. По мнѣнію Ульрици, характеры Катарины и Петручіо вполнѣ соотвѣтствуютъ основной мысли пьесы, т.-е. выясняютъ необходимость каждаго человѣка быть тѣмъ, къ чему его предназначила природа. Петручіо возвращаетъ Катарину на путь истины и лечитъ ее при этомъ испытаннымъ средствомъ гомеопатовъ—„similia similibus"; своими вспышками онъ доказываетъ ей уродство гнѣва и упрямства. Того же приблизительно мнѣнія держится и Крейсигъ, говоря, что въ „Усмиреніи строптивой" проповѣдуется превосходство мужа надъ женой. Эхельгейзеръ указываетъ на величіе юмора Шекспира, облагораживающаго кажущуюся грубость нравовъ. Петручіо казался бы нестерпимымъ циникомъ и его система усмиренія не могла бы интересовать, если бы во все, что онъ дѣлаетъ, Шекспиръ не внесъ столько стихійной веселости и не показалъ бы этимъ, что за грубой оболочкой скрывается любящая душа. И Катарина только упряма, а не зла, только озлоблена безтактнымъ отцомъ и привыкла защищаться дерзостями. Юморъ мотивируетъ и перерожденіе ея нрава—Катарина начинаетъ смиряться передъ Петручіо уже тогда, когда его приказанія становятся окончательно шуточными, когда онъ требуетъ, чтобы она заговорила со старикомъ Винченціо, какъ съ молодой дѣвушкой.

Всѣ эти сужденія критиковъ, въ особенности же защитительная рѣчь Гервинуса, относятся къ разряду излюбленныхъ нѣмецкими критиками Ehrenrettungen. Такъ какъ Катарина и Петручіо принадлежатъ къ оклеветаннымъ типамъ, то критики стараются „обѣлить" ихъ. Въ сущности это едва-ли нужно. Въ пьесѣ Шекспира слѣдуетъ отдѣлить мораль пьесы отъ психологическаго и художественнаго замысла. Мораль ея не возвышенная. Шекспиръ ничѣмъ не отличается отъ людей своего времени въ пониманіи идеаловъ семейной жизни. Для него женщина—идеалъ кротости и послушанія, вѣрности и любви; и таковы всѣ его героини; онѣ страстно отдаются любви, готовы всѣмъ пожертвовать и всѣхъ покинуть для соединенія съ любимымъ человѣкомъ—и становятся кроткими, покорными женами послѣ замужества. Всякое проявленіе рѣзкой самобытности Шекспиръ считаетъ отсутствіемъ женственности, уклоненіемъ отъ долга, проступкомъ, заслуживающимъ кары. Старинный сюжетъ о наказаніи строптивыхъ женъ вполнѣ подходилъ поэтому для его замысла, и новой морали онъ въ него не внесъ. Для современныхъ понятій о свободѣ и равноправности женщинъ „Усмиреніе строптивой", конечно, представляется весьма дикимъ, но комедію Шекспира нужно разсматривать не со стороны ея нравоучительнаго содержанія, объяснимаго лишь историческимъ путемъ. Позднѣйшіе поэты и драматурги совершенно иначе трактовали психологію самобытныхъ, сильныхъ женскихъ натуръ. „Турандотъ" Шиллера тоже превышаетъ „законъ женственности" и въ концѣ концовъ наказана за это, т.-е. возвращена на путь истины силой любви; „Princess" Тенисона принадлежитъ также къ раз-

разу строптивыхъ женщинъ, возмутившихся противъ власти мужчинъ, и тоже смиряется, когда въ ней просыпается чувство любви. Но объ онѣ—дочери болѣе утонченной культуры, и ихъ строптивость изображена, какъ законный протестъ личности противъ судьбы. У Шекспира же протестъ Катарины только смѣшонъ, и „обращеніе" ея представлено въ видѣ легкой, веселой шутки.

Но прелесть комедіи Шекспира въ иномъ—въ стихійной веселости, въ силѣ жизни этихъ двухъ самобытныхъ здоровыхъ натуръ. Пусть въ угоду морали подчиненной окажется женщина, а побѣдителемъ мужчина, все же въ самомъ поединкѣ сказывается большая внутренняя свобода. Оба, и Петручіо и Катарина, радуются своей силѣ и силѣ другого, готовы полюбить другъ друга за силу сопротивленія: Катарина подчиняется не насилію, а той полнотѣ жизни, которую она видитъ въ Петручіо, и ее веселитъ борьба, напрягающая всѣ силы ея души. Въ этой свѣжести характеровъ, въ искренности и непосредственности натуръ, вся прелесть двухъ упрямцевъ; грубость поступковъ смягчена психологической мотивировкой. Петручіо больше хвастаетъ своимъ цинизмомъ, тѣмъ, что въ невѣстѣ онъ цѣнитъ только ея приданое—на самомъ дѣлѣ ему нравится Катарина своей искренностью и цѣльностью—гораздо болѣе привлекательной, чѣмъ полулицемѣрная кротость Біанки. Ихъ поединокъ разыгрывается на почвѣ несомнѣнной любви, и это все оправдываетъ. Критики говорятъ о неожиданности перерожденія Катарины, о необъяснимомъ превращеніи ея въ кроткую жену. Но ничѣмъ инымъ не могъ разрѣшиться конфликтъ между двумя своевольями. Въ сущности внутренней борьбы между ними нѣтъ, потому что Катарина сразу видитъ въ Петручіо подходящаго ей мужа и подчиняется его своевластію. Вся его игра „въ тирана" ведется съ большой веселостью. Петручіо никогда не бываетъ грубъ съ Катариной; онъ только бѣсится на окружающихъ, и какъ бы изъ любви къ женѣ уничтожаетъ ѣду и платье, ей предназначенное—какъ недостаточно хорошее для нея. Отдаваясь своей природной вспыльчивости, онъ тѣмъ самымъ даетъ урокъ Катаринѣ, показывая, что въ смыслѣ упрямства у нихъ нашла коса на камень. Петручіо не „представляется" вспыльчивымъ, а только отдается теченію своей натуры—и въ этомъ тоже большое обаяніе. „Усмиреніе" совершается не путемъ холоднаго разсчета, а столкновеніемъ двухъ разныхъ натуръ, изъ которыхъ одна подчиняется другой, именно въ силу своего сходства съ ней. Петручіо къ тому же всячески облегчаетъ Катаринѣ путь къ примиренію. Онъ устраиваетъ ей сцены въ присутствіи третьихъ лицъ, для того, чтобы у нея было внутреннее оправданіе, что она сдерживается изъ самолюбія. Затѣмъ, онъ ее обезоруживаетъ шуточностью своихъ приказаній: при встрѣчѣ со старикомъ Винченціо—она уже входитъ во вкусъ шутокъ мужа и съ удовольствіемъ называетъ старика цвѣтущей молодой дѣвушкой. Послѣдняя сцена банкета, гдѣ Катарина читаетъ мораль другимъ женамъ—вовсе не результатъ запугиваній Петручіо, а вполнѣ искренняя исповѣдь умудренной женщины. Психологія Петручіо и Катарины совершенно ясная, и вся прелесть въ подробностяхъ столкновеній; въ разработкѣ сценъ Шекспиръ сильно измѣняетъ текстъ старой пьесы, вводитъ много кокетства, задора, юной необузданности, молодечества въ схватки молодыхъ супруговъ. Юморъ его такъ неувядаемо свѣжъ, такъ проникнутъ жизнерадостностью здороваго сильнаго вѣка, что обаяніе его сохранилось и для насъ—какъ ни чужда намъ мораль пьесы. Какъ опытъ разрѣшенія вопроса объ отношеніяхъ мужа и жены, комедія Шекспира вызываетъ даже не негодованіе, а улыбку, но какъ художественное произведеніе она одинъ изъ самыхъ яркихъ памятниковъ жизнерадостности эпохи Возрожденія—такой же памятникъ какъ, изъ болѣе раннихъ, „Декамеронъ" Боккаччіо, какъ, изъ послѣдующихъ, картина Рубенса „Kermess".

„Усмиреніе строптивой" было предметомъ множества позднѣйшихъ передѣлокъ. Англійскій актеръ Гаррикъ передѣлалъ ее въ довольно грубый 3-актный фарсъ „Catharine and Petruchio" (1756), а до него сдѣлана передѣлка I. C. Worsdale'емъ (1736). Въ Германіи существовало много передѣлокъ: комедія „Kunst über alle Künste ein bös Weib gut zu machen" (1672; изд. Köhler'омъ въ 1864), фарсъ „Die böse Katharina" Хр. Вейзе (1705 и др. Въ новѣйшее время Гауптманъ воспользовался прологомъ „Усмиренія" для своей комедіи „Schluck und Jau".

Зин. Венгерова.

Барельефъ работы знаменитаго скульптора эпохи ранняго ренесанса Донателло (1382—1466).

Дѣйствующія лица:

I. ВЪ ПРОЛОГѢ.

Лордъ.
Христофоръ Сляй, мѣдникъ.
Харчевница.
1, 2 } охотники.
1, 2 } комедіанты.
1, 2, 3 } слуги.
Бартоломей, пажъ.
Пажи, охотники, актеры, слуги.
Дѣйствіе—въ Англіи.

II. ВЪ КОМЕДІИ.

Баптиста Минола, падуанскій дворянинъ.
Катарина, **Біанка** } его дочери.
Петручіо, веронецъ.
Груміо, его слуга.
Греміо, старый падуанецъ.
Гортензіо, молодой падуанецъ.
Лючентіо, пизанецъ.
Винченціо, его отецъ.
Траніо, Біонделло } его слуги.
Педагогъ (педантъ).
Жена Гортензіо.
Портной.
Шляпникъ.
Куртисъ, Натаніель, Филиппъ } слуги Петручіо.
Слуга Баптисты.
Гости Баптисты, слуги Петручіо и Баптисты, городская стража.

Дѣйствіе—въ Падуѣ и въ загородномъ домѣ Петручіо.

ВИНКОТЪ.

ПРОЛОГЪ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Поле. Харчевня.

Сляй.

Ну, и задамъ-же я тебѣ!

Харчевница.

Въ колодки тебя, мошенникъ этакій!

Сляй.

Ахъ, ты дрянь! Въ роду Сляевъ нѣтъ мошенниковъ *)! Посмотри въ геройльдіи! Мы пришли съ Ричардомъ Завоевателемъ! Итакъ—ни звука! Paucas pallabris! Все къ чорту! Довольно: Sessa!

Харчевница.

Такъ ты за разбитую посуду платить не будешь?

*) Sly—проныра, плутъ.

Сляй.

Ни гроша,—вотъ тебѣ свидѣтель святой Іеронимъ! Шла-бы ты спать, постель простыла, погрѣйся.

Харчевница.

Я знаю, что дѣлать: я пойду за помощникомъ констабля.

Сляй.

Хоть за помощникомъ помощника, хоть за самымъ послѣднимъ помощникомъ, за кѣмъ угодно; я отвѣчу по закону, а съ мѣста, другъ любезный, не сойду. Пусть приходятъ, милости просимъ!

Ложится на землю и засыпаетъ. Харчевница *уходитъ. Слышны рога. Входятъ* лордъ *и* охотники.

Лордъ *(одному изъ охотниковъ).*

О сворѣ позаботься! Мерриментъ
Совсѣмъ задохлась; Клайнера сосворить
Съ Мордастой. Отличилась на славу
Сегодня Сильверъ: какъ на перекресткѣ

Она напала на забытый слѣдъ?
Я не отдамъ ее за двадцать фунтовъ!

1-й охотникъ.

А что-жъ, милордъ, ужели Бельмонтъ хуже:
Ни разу не сбивался, и два раза
Онъ первый нападалъ на новый слѣдъ!
Онъ наилучшій песъ изъ вашей своры.

Лордъ.

Ты глупъ! Будь Эхо нѣсколько рѣзвѣй,
Онъ дюжины-бы стоилъ псовъ такихъ...
Ну, накорми теперь ихъ хорошенько,
Мы завтра утромъ снова на охоту.

1-й охотникъ.

Исполнимъ, сэръ.

Лордъ *(увидя Сляя)*.

Что это? Мертвый? Пьяный?
Онъ дышетъ?

2-й охотникъ.

Дышетъ. Онъ нагрѣлся элемъ,
Не то зазябъ-бы на такой постели!

Лордъ.

Фу, гнусный скотъ! свинья! О, какъ презрѣнно,
Смерть мрачная, подобіе твое!
Я сдѣлать опытъ съ нимъ хочу: пьянчугу
Перенести на мягкую постель,
Надѣть одежды тонкія, украсить
Перстнями пальцы, рядомъ столъ накрыть,
Побольше блюдъ и слугъ. Проснется нищій,
И самъ забудетъ, кѣмъ онъ прежде былъ.

1-й охотникъ.

Навѣрное, милордъ!

2-й охотникъ.

Но удивится
Съ просонья, несомнѣнно...

Лордъ.

И рѣшитъ,
Что это сонъ, чудесное видѣнье...
Возьмите-же его, и все устройте.
Снесите въ замокъ, въ спальню побогаче,
Картинъ игривыхъ по стѣнамъ развѣсьте,
Водой душистой голову промойте;
Вокругъ сильнѣе накурите амброй;
И только просыпаться онъ начнетъ—
Пусть музыка нежданно заиграетъ.
Едва заговоритъ—съ поклономъ низкимъ
Почтительно вы спросите его:
—„Что приказать угодно, ваша свѣтлость?“
Одинъ пусть подаетъ съ цвѣтами тазъ
Серебряный. Другой пусть подаетъ
Ему въ кувшинѣ розовую воду;
А третій—полотенце, говоря:
„Угодно-ль руки вымыть, ваша свѣтлость?“
Одни пусть держатъ пышныя одежды,
И просятъ: „Что изволите надѣть?“
Пусть говорятъ о псарняхъ и конюшняхъ,
О томъ, что лэди такъ сокрушена
Его недугомъ. Пусть повѣритъ онъ,
Что былъ безумцемъ, и что онъ—не онъ,
Что то былъ бредъ; что онъ—вельможа знатный.
Сыграйте эту штуку хорошенько,
Мои друзья:—умно и осторожно.

1-й охотникъ.

Милордъ, мы роли хорошо сыграемъ:
Такъ низко станемъ кланяться ему,
Что онъ повѣритъ нашимъ увѣреньямъ.

Лордъ.

Несите-же его тихонько въ спальню,
И какъ проснется,—за игру живѣй.

(Сляя уносятъ. Слышны рога).

Трубятъ? Поди, узнай, что тамъ такое?

(Слуга уходитъ).

То знатный путешественникъ, быть можетъ,
Желаетъ въ замкѣ отдохнуть съ дороги.

(Слуга возвращается).

Ну что?

Слуга.

Милордъ,—бродячіе актеры
Хотятъ вамъ предложить свои услуги.

Лордъ.

Зови сюда ихъ.

Входятъ комедіанты.

Лордъ.

Очень радъ васъ видѣть.

Комедіанты.

Благодаримъ покорно, ваша свѣтлость.

Лордъ.

Вы здѣсь ночуете?

2-й комедіантъ.

Да, ваша свѣтлость,
Когда мы вамъ съумѣемъ услужить.

Лордъ.

Я очень радъ! *(показывая на одного комедіанта)*.
Вотъ этого я помню.
Я помню, какъ однажды онъ игралъ

Роль фермера, и сватался за лэди.
Названье роли я твоей забылъ,
Но ты ее исполнилъ превосходно.

1-й КОМЕДІАНТЪ.

Вы вспомнили о Сото, ваша свѣтлость.

Лордъ.

Вотъ, вотъ! Игралъ ты превосходно. Ну-съ,
Вы, господа, явились очень кстати.
Задумалъ шутку я одну, а вы
Поможете мнѣ въ этомъ. Вы должны
Сыграть передъ однимъ почтеннымъ лордомъ,
Я нѣсколько боюся за него:
Онъ никогда не видывалъ театра,
Онъ можетъ разобидѣться остротамъ,
На свой ихъ счетъ принять; вашъ смѣхъ невольный
Его жестоко можетъ оскорбить,—
И вотъ я васъ о томъ предупреждаю.

1-й КОМЕДІАНТЪ.

Милордъ, покойны будьте: какъ-бы ни былъ
Онъ страненъ, мы съумѣемъ воздержаться.

Лордъ *(слугѣ)*.

Ты проведешь ихъ въ замокъ. Угостить
Какъ можно лучше. Прикажи, чтобъ дали
Всего, чего потребуютъ они.

КОМЕДІАНТЫ *и* СЛУГА *уходятъ*.

Лордъ *(другому слугѣ)*.

А ты пойдешь къ пажу Бартоломею,
Надѣнешь платья лэди на него,
И отведешь потомъ къ пьянчугѣ въ спальню.
Зовите всѣ его „Мадамъ“, и съ полнымъ
Почтеньемъ обращайтесь съ нимъ, а онъ—
Коль хочетъ удовольствіе мнѣ сдѣлать,—
Пусть говоритъ съ пьянчугою, какъ лэди
Съ супругами своими говорятъ;
Пусть подойдетъ къ нему съ привѣтомъ нѣжнымъ,
И пролепечетъ ласково надъ нимъ:
„Что приказать изволитъ ваша свѣтлость,
Чѣмъ ваша лэди, скромная супруга,
Докажетъ вамъ покорность и любовь?“
И пусть, склонивъ къ нему на грудь головку,
И осыпая ласками его,
Прольетъ онъ слезы радости о томъ,
Что наконецъ-то добрый лордъ избавленъ
Отъ злого недуга: семь долгихъ лѣтъ
Считалъ себя онъ полупьянымъ нищимъ!
Когда Бартоломей не обладаетъ
Способностью всѣхъ женщинъ — горько плакать
Когда угодно, пусть съ собой въ платокъ
Возьметъ головку лука, и тогда
Невольно слезы оросятъ его.
Теперь иди, исполни все какъ надо,
Я о дальнѣйшемъ вамъ скажу потомъ.
(Слуга уходитъ).

Лордъ.

Я знаю, этотъ плутъ сыграетъ лэди,—
Походку, голосъ, грацію, манеры,
Все передастъ. Воображаю, какъ
Онъ будетъ величать его супругомъ,
Какъ слуги кланяться пьянчугѣ будутъ...
Сыграютъ-ли они какъ надо роли?
Испортятъ смѣхомъ шутку!.. Самому
Мнѣ надо присмотрѣть за ихъ игрою.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Комната въ замкѣ лорда.

Сляй *въ богатомъ ночномъ платьѣ. Вокругъ него* слуги *съ одеждами, тазами и кувшинами.* Лордъ, *переодѣтый слугой.*

Сляй.

Во имя неба, дайте кружку пива!

1-й слуга.

Быть можетъ хереса бокалъ, милордъ?

2-й слуга.

Варенья не угодно-ль, ваша свѣтлость?

3-й слуга.

Что вамъ надѣть угодно, ваша свѣтлость?

Сляй.

Меня зовутъ—Христоферъ Сляй. Сдѣлайте милость, не зовите меня ни милордомъ, ни вашей свѣтлостью. Не знаю, какой на вкусъ хересъ, а коли хотите угостить меня варевомъ, такъ нельзя-ли чего нибудь мясного. Совершенно лишнее спрашивать—что я надѣну: у меня счетомъ столько-же платьевъ, сколько спинъ; столько-же чулокъ, сколько колѣнъ, столько-же башмаковъ, сколько ногъ; даже иногда ногъ бываетъ больше, чѣмъ башмаковъ; а то и башмаки бываютъ такіе, что изъ нихъ смотрятъ пальцы.

Лордъ.

Когда Господь избавитъ васъ, милордъ,
Отъ этихъ вздорныхъ мыслей! Тяжко видѣть:
Богатый лордъ, вельможа, чтимый свѣтомъ—
И недугу такому подчиненъ!

Сляй.

Вы меня съ ума сведете! Помните: я

УСМИРЕНІЕ СТРОПТИВОЙ. (Прологъ, сц. 2).

Картина извѣстнаго англійскаго жанриста Роберта Смирка (Smirke 1752—1845). (Большая Бойделевская галлерея).

Сляй.

Ну, слава Богу за выздоровленье.

Всѣ.

Аминь!

Сляй.

Теперь и вамъ всѣмъ будетъ лучше...

Входитъ пажъ Бартоломей, *одѣтый лэди, со свитой.*

Пажъ.

Ну, какъ здоровье ваше, славный лордъ?

Сляй.

Чудесно! Здѣсь во-всю нажраться можно. Но гдѣ-жъ жена?

Пажъ.

Я здѣсь. Что вамъ угодно, Милордъ?

Сляй.

А, это ты! Зачѣмъ-же Ты мужемъ не зовешь меня? Милордъ Я для людей, а для тебя—«хозяинъ».

Пажъ.

Вы мой супругъ, милордъ. Милордъ—супругъ, А я—покорная супруга ваша.

Сляй.

Еще-бы! А какъ звать тебя?

Лордъ.

Мадамъ.

Сляй.

Эллисъ-мадамъ, иль Джейнъ-мадамъ?

Лордъ.

Нѣтъ, просто— Мадамъ. Такъ лорды называютъ жонъ.

Сляй.

Такъ вотъ, мадамъ-жена,—мнѣ говорили, Что я проспалъ пятнадцать слишкомъ лѣтъ?

Пажъ.

И мнѣ они за тридцать показались: Я ласки мужа моего не знала.

Сляй.

Ого! *(Слугамъ).* Эй вы,—сейчасъ подите прочь! Мадамъ: раздѣньтесь и скорѣй ложитесь.

Пажъ.

Втройнѣ почтенный лордъ, я васъ прошу Ночь, или двѣ еще повременить, Или хотя до вечера сегодня,— Врачъ не позволилъ мнѣ касаться васъ. Иначе можетъ къ вамъ вернуться снова Вашъ недугъ. Я надѣюсь, что такая Причина извинитъ меня предъ вами.

Сляй.

Чортъ побери,—мнѣ право неудобно откладывать этого дѣла. Но въ прежней спячкѣ я быть не хочу. Что-жъ я подожду, хоть и противъ натуры...

Входитъ слуга.

Слуга.

Актеры вашей свѣтлости, узнавъ О вашемъ исцѣленіи, желаютъ Васъ позабавить шуточной игрой. Врачъ одобряетъ это: ваша кровь Сгустилась отъ унынья и грозитъ Вамъ меланхоліей. А пьеса васъ Настроитъ весело, печаль прогонитъ И долгую вамъ подготовитъ жизнь.

Сляй.

Что-жъ, чудесно! Пусть представляютъ. А что это будетъ: ряженые, какъ на святкахъ, или просто паяцы?

Пажъ.

Нѣтъ, милордъ, эта штука будетъ поинтереснѣе.

Сляй.

Почему штука? Бываетъ шутка матеріи?

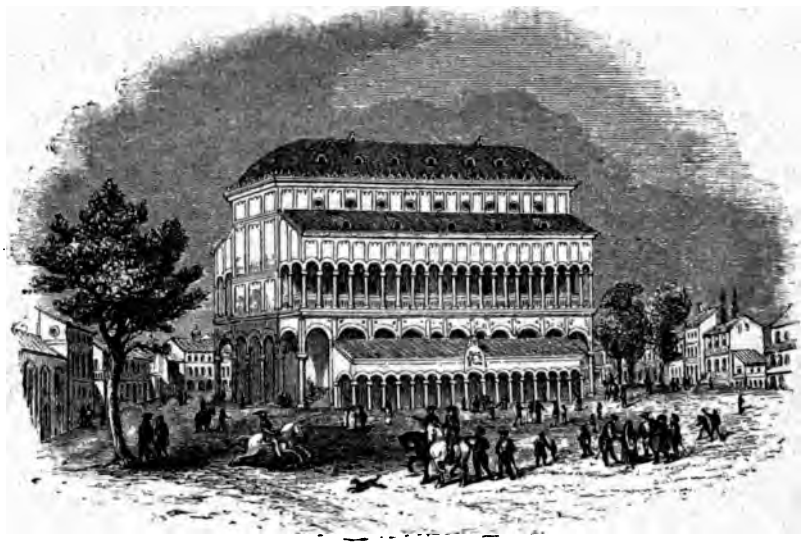
Пажъ.

Нѣтъ, это матерія историческая.

Сляй.

Ну, ладно,—тамъ видно будетъ. Мадамъ-жена—садись рядомъ со мной. Все къ чорту! Моложе не будемъ!..

(Садится).



ПАДУЯ (площадь передъ домомъ городского управленія).
(По старинному рисунку).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Площадь въ Падуѣ.

Входятъ Люченціо *и* Траніо.

Люченціо.

Давно имѣлъ я, Транiо, желанье
Увидѣть эту колыбель наукъ,—
И вотъ я въ Падуѣ,—въ саду прекрасномъ
Италіи,—въ Ломбардіи счастливой!
Отецъ благословилъ мою поѣздку
И предложилъ въ товарищи тебя,
Мой дорогой, испытанный слуга;
Мы здѣсь останемся, учиться будемъ,
Займемся философіей серьезно;
Есть деньги у меня: не даромъ въ Пизѣ,
Прославленной блестящими умами,
Всемірною торговлею извѣстенъ
Родитель мой—Винченцьо Бентиволи;
А сынъ его во флорентинской школѣ
Окончилъ курсъ, и знаньями своими
Затмитъ богатства своего отца.
Теперь я, Транiо, хочу заняться
Той частью умозрительныхъ наукъ,
Которая о счастіи трактуетъ,
Добытомъ добродѣтелью одной.
Вѣдь хорошо я сдѣлалъ, бросивъ Пизу,
Пріѣхавъ въ Падую? Я бросилъ лужу,
Чтобъ кинуться въ пучину славныхъ водъ
И утолить томительную жажду...

Транiо.

Mi perdonate, добрый мой синьоръ!
Хотя согласенъ съ вами я вполнѣ
И радъ, что вы упорны такъ въ рѣшеньѣ
Извѣдать философію до дна,—
Но я боюсь, что, занимаясь ею
И добродѣтели постигнувъ свѣтъ,
Мы въ высохшихъ педантовъ обратимся,
И Аристотель, сдѣлавшись намъ богомъ,
Овидія заставитъ позабыть.
Оставьте логику скамейкѣ школьной,
Съ риторикой, синьоръ, вступите въ жизнь,—
Съ поэзіей и съ музыкой живите.
А метафизикой займитесь вы
И алгеброй,—по скольку вашъ желудокъ
Переварить ихъ можетъ,—и учитесь
Тому, къ чему имѣете влеченье.

Люченціо.

Спасибо, Траньо,—твой совѣтъ хорошъ.
Скорѣй-бы на берегъ сошелъ Бьонделло,—
Могли-бы мы тогда удобный домъ
Найти, чтобъ жить и принимать друзей,—
Ихъ вѣрно много въ Падуѣ найдется...
Постой! Что тамъ за шествіе идетъ?

ТРАНІО.

Съ пріѣздомъ насъ привѣтствовать хотятъ!
(Отходятъ въ сторону.)

Входятъ БАПТИСТА, КАТАРИНА, БІАНКА, ГРЕМІО *и* ГОРТЕНЗІО.

БАПТИСТА.

О, нѣтъ, синьоры, нѣтъ! Ни слова больше!
Вы знаете,—мое рѣшенье твердо:
Я замужъ не отдамъ меньшую дочь,
Пока для старшей мужа не найду.
Когда хотите сватать Катарину—
Я васъ люблю, и знаю васъ давно:
Ухаживайте, сколько вамъ угодно.

ГРЕМІО.

Ну, нѣтъ, спасибо: мнѣ она не пара!
Вотъ, можетъ быть, Гортензіо рискнетъ?

КАТАРИНА *(отцу)*.

Не понимаю, что вамъ за охота
Меня приманкой выставлять для всѣхъ?

ГОРТЕНЗІО.

О, не для насъ, синьора! Вотъ когда-бы
Вы были понѣжнѣй и подобрѣй...

КАТАРИНА.

О, и тогда, повѣрьте мнѣ, синьоръ,
Вамъ не пришлось-бы ничего достигнуть;
А если бы пришлось, то я-бъ съумѣла
Поправить вамъ по своему прическу
И вырядить, какъ слѣдуетъ, шутомъ!

ГОРТЕНЗІО.

Избави насъ, Господь, отъ сатаны!

ГРЕМІО.

О, и меня!

ТРАНІО *(Люченціо)*.

Синьоръ! Забавна встрѣча:
Вѣдь эта дѣвка зла и своенравна.

ЛЮЧЕНЦІО.

За то другая—идеалъ терпѣнья,—
Она скромна въ своемъ молчаньѣ кроткомъ.
Тс! Слушай!

ТРАНІО.

Хорошо. Смотрите въ оба.

БАПТИСТА.

Что я сказалъ, то выполню, синьоры.
Біанка,—ты пойдешь, дружокъ, къ себѣ.
Не плачь, моя Біанка: вѣрь, тебя
Я никогда любить не перестану!

КАТАРИНА.

Ну, вотъ теперь она ревѣть начнетъ,
Спросите-ка о чемъ: сама не знаетъ!

БІАНКА.

Сестра, ты рада моему несчастью.
(Отцу).
Синьоръ, я покоряюсь вашей волѣ,—
Я въ обществѣ останусь книгъ моихъ
И музыкой займусь въ уединеньѣ.

ЛЮЧЕНЦІО *(Транію)*.

Да это говоритъ сама Минерва!

ГОРТЕНЗІО.

Синьоръ Баптиста, это такъ жестоко!
Какъ! добрыя намѣренія наши
Несутъ печаль и горе для Біанки?

ГРЕМІО.

Ужели вы, синьоръ, ее запрете?
За что? За гнусное исчадье ада,
За дьявольскій языкъ ея сестры?

БАПТИСТА.

Синьоры,—таково мое рѣшенье.
Иди-же, Бьянка.
(Она уходитъ).
Да, она такъ любитъ
Поэзію и музыку,—одно
Осталось это ей на утѣшенье.
Я въ домъ къ себѣ возьму учителей
Спосссбныхъ и талантливыхъ. Когда
Вы знаете такихъ людей, синьоры,
Пошлите ихъ, пожалуйста, ко мнѣ—
Для нихъ я буду очень добръ и щедръ,—
Я не жалѣю ничего для дочки.
Прощайте. *(Катаринѣ)*. Ты остаться можешь здѣсь,—
А я пойду, поговорю съ Біанкой.
(Уходитъ).

КАТАРИНА.

Какъ? Почему должна я оставаться?
Все вѣчно дѣлать, какъ хотятъ другіе!
Ни встать, ни сѣсть! Да какъ-же!
Очень нужно!
(Уходитъ).

ГРЕМІО.

Ну и къ чорту! Ты такъ мила, что никому изъ насъ ненужна. Мнѣ кажется, Гортензіо, что любовь къ наукамъ и искусствамъ не такъ уже велика, чтобъ мы не могли ее переждать. Нашъ пирогъ еще не подпекся ни сверху, ни снизу. Ну, что-жъ: пока попостимся. А чтобъ доказать любовь

къ прекрасной Біанкѣ, я разыщу для нея хорошаго учителя, который съумѣетъ преподать что ей нравится, и пошлю его къ ея отцу.

ГОРТЕНЗІО.

Я думаю поступить такъ-же, синьоръ Греміо. Я остановлю васъ еще на одно слово. До сихъ поръ мы были чужды другъ другу, но теперь есть нѣчто, что связываетъ насъ обоихъ. Для того, чтобъ снова имѣть доступъ къ предмету нашихъ желаній и быть счастливыми соперниками въ любви къ Біанкѣ, намъ нужно постараться устроить одно обстоятельство.

ГРЕМІО.

А именно?

ГОРТЕНЗІО.

Найти мужа и выдать замужъ ея сестру, синьоръ.

ГРЕМІО.

Мужа? Развѣ самого дьявола!

ГОРТЕНЗІО.

Я говорю о мужѣ.

ГРЕМІО.

А я говорю о чортѣ. Нѣтъ, Гортензіо, какъ ни богатъ ея отецъ, не найдется такого помѣшаннаго, который бы рѣшился жениться на вѣдьмѣ.

ГОРТЕНЗІО.

Постойте, Греміо: вы не выносите ее, я тоже не въ силахъ вѣчно слушать ея набатный звонъ; но почему-же не найтись человѣку (мало-ли на свѣтѣ такихъ молодцовъ), который возьметъ ее со всѣми ея недостатками, но съ достаточнымъ приданымъ?

ГРЕМІО.

Не знаю, но я-бы, взявши ея приданое, предпочелъ, чтобы меня драли каждое утро на площади.

ГОРТЕНЗІО.

Ну, конечно, это выборъ между двумя гнилыми яблоками. Но пока есть эта преграда, мы должны быть съ вами сообщниками; союзъ нашъ долженъ быть неразрывенъ, пока мы не выдадимъ замужъ старшую дочь Баптисты и не откроемъ младшей возможность вступить въ бракъ. Тогда мы снова будемъ стремиться къ своей цѣли и тогда пусть достанется прекрасная Біанка счастливцу. Кто скорѣе примчится къ цѣли, тотъ и выиграетъ. Согласны, синьоръ Греміо?

ГРЕМІО.

Я согласенъ, и готовъ подарить лучшую лошадь въ Падуѣ тому, кто рѣшится подъѣхать къ ней со сватовствомъ, женится на ней, введетъ ее въ свой домъ и освободитъ отъ нея домъ отца.

ГРЕМІО *и* ГОРТЕНЗІО *уходятъ.*

ЛЮЧЕНЦІО *и* ТРАНІО *выходятъ изъ глубины.*

ТРАНІО.

Синьоръ, простите, это невозможно,
Чтобъ такъ внезапно вспыхнула любовь.

ЛЮЧЕНЦІО.

И я не думалъ, что возможно это,
Пока на дѣлѣ въ томъ не убѣдился.
Безпечно слушалъ ихъ бесѣду я
И былъ врасплохъ охваченъ пылкой страстью.
О, я сознаюсь, Транio, тебѣ—
Ты близокъ мнѣ и дорогъ, какъ была
Близка и дорога Дидонѣ Анна,—
Томлюсь я, Транio, пылаю, гибну!
Я долженъ этой овладѣть дѣвицей,
О, Транio, ты долженъ мнѣ помочь!
О, Транio, ты мнѣ поможешь? Да?

ТРАНІО.

Синьоръ, теперь не время васъ журить:
Вѣдь страсть не подчиняется законамъ.
Когда любовь коснулась васъ,—тогда
Redime te captum quam queas minimo.

ЛЮЧЕНЦІО.

Спасибо, молодецъ! Ну, дальше, Транio:
Меня совѣтъ твой сразу успокоилъ.

ТРАНІО.

Синьоръ, вы такъ смотрѣли на синьору,
Что главнаго замѣтить не успѣли.

ЛЮЧЕНЦІО.

О, я замѣтилъ красоту ея!
Какъ Агенора дочь она прелестна:
Юпитеръ-громовержецъ самъ колѣна
Склонилъ предъ ней на Критскомъ берегу.

ТРАНІО.

И больше ничего? Ну, а сестру
Замѣтили? Хоть уши затыкай,
Такую бурю подняла она!

ЛЮЧЕНЦІО.

Я наблюдалъ движенье устъ ея

Коралловыхъ, ловилъ ея дыханье,—
Все было въ ней божественно и чудно!

ТРАНІО.

Нѣтъ, надо, чтобъ столбнякъ его прошелъ.
Синьоръ, проснитесь! Если вы влюбились,
Старайтесь пріобрѣсть ее себѣ.
Все дѣло въ томъ, что старшая сестра
Упряма и сварлива; а пока
Отецъ ее не выдастъ замужъ, вашъ
Предметъ томиться долженъ подъ замкомъ,
И жениховъ къ ней допускать не будутъ.

ЛЮЧЕНЦІО.

О, Траніо,—жестокъ ея отецъ!
Но слышалъ ты: онъ высказалъ желанье
Искусныхъ ей найти учителей?

ТРАНІО.

Да, слышалъ... И задумалъ даже я...

ЛЮЧЕНЦІО.

Я тоже.

ТРАНІО.

Увѣряю васъ, синьоръ,
Мы объ одномъ и томъ-же говоримъ.

ЛЮЧЕНЦІО.

Скажи сперва свой планъ.

ТРАНІО.

Хотите вы
Учителемъ пристроиться къ синьорѣ,
Не правда-ли?

ЛЮЧЕНЦІО.

Да, если это можно...

ТРАНІО.

Но этого нельзя... Гдѣ-жъ будетъ сынъ
Винченціо? Онъ въ Падуѣ обязанъ
Жить, заниматься, принимать друзей,
Вести знакомства и давать пирушки.

ЛЮЧЕНЦІО.

Стой, basta! Это все легко уладить.
Насъ до сихъ поръ никто не видѣлъ здѣсь,
Никто по лицамъ различить не можетъ,
Кто господинъ и кто слуга. Ты, Траньо,
Синьоромъ станешь, будешь домъ вести,
Смотрѣть за слугами, какъ я смотрѣлъ-бы;
А я явлюсь изъ Пизы бѣднякомъ,
Иль изъ Неаполя, иль флорентинцемъ.
Пусть такъ и будетъ. Раздѣвайся, Траньо,—
Бери мой плащъ и шляпу; Біонделло
Тебѣ слугою будетъ,—чтобы много
Онъ не болталъ, я съ нимъ поговорю.

ТРАНІО.

Что-жъ, коль синьоръ поднялся на затѣи,
Я принужденъ ему повиноваться.

(Мѣняются платьемъ).

Передъ отъѣздомъ вашъ отецъ сказалъ мнѣ:
„Во всемъ ты сына слушаться обязанъ".
Положимъ, говорилъ въ другомъ онъ смыслѣ,
Но такъ привязанъ Траніо къ Люченцьо,
Что самъ не прочь въ Люченцьо обратиться.

ЛЮЧЕНЦІО.

Пусть будетъ такъ. Люченціо влюбленъ!
Я превращусь въ раба, но я добуду
Ее, пронзившую мнѣ сердце взоромъ.

Входитъ БІОНДЕЛЛО.

ЛЮЧЕНЦІО.

Вотъ этотъ плутъ! Бездѣльникъ, гдѣ ты былъ?

БІОНДЕЛЛО.

Гдѣ былъ? Нѣтъ, вы скажите: гдѣ вы? Траньо
Васъ обокралъ? Иль вы его? Иль оба
Другъ друга обокрали? Что такое?

ЛЮЧЕНЦІО.

Поди сюда, бездѣльникъ, намъ не время
Шутить,—и вотъ послушай мой приказъ:
Чтобы спасти мнѣ жизнь, собратъ твой—Траньо—
Беретъ мою одежду и лицо,
А я въ его одежду облекаюсь.
На берегъ выйдя, въ дракѣ я убилъ
Кого-то, и теперь боюсь суда.
Служи ему,—какъ слѣдуетъ служи,
А я укроюсь, жизнь мою спасая.
Ты понялъ все?

БІОНДЕЛЛО.

Я, сударь? Ни бельмеса!

ЛЮЧЕНЦІО.

Забудь, что существуетъ имя Траньо!
Нѣтъ больше Траніо, а есть Люченцьо.

БІОНДЕЛЛО.

Радъ за него. Жаль, мнѣ нельзя того-же.

ТРАНІО.

Я тоже радъ и даже взять не прочь
Въ замужество вторую дочь Баптисты.
Но слушай: чтобъ спасти синьора жизнь,
Держи языкъ все время за зубами.
Глазъ-на-глазъ мы—тебѣ я прежній Траньо,
На людяхъ-же—я твой синьоръ Люченцьо.

ЛЮЧЕНЦІО.

Траніо, идемъ!

Еще ты вотъ что сдѣлаешь: явиться
Ты долженъ женихомъ ея. Зачѣмъ?
На это у меня есть важный поводъ.
(Уходятъ).

Лордъ, Сляй, пажъ, слуги.

1-й слуга.

Вы изволите клевать носомъ, милордъ, и не обращаете вниманія на пьесу.

Сляй.

О, нѣтъ, клянусь святой Анной! Чудесно! А скоро конецъ?

Пажъ.

Это только начало, милордъ.

Сляй.

Очень хорошо, мадамъ-жена,—славная штука. Только-бы поскорѣе кончили.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Падуя. Передъ домомъ Гортензіо.

Петручіо *и* Груміо.

Петручіо *(Грумію).*

Я для того уѣхалъ изъ Вероны,
Чтобъ повидаться въ Падуѣ съ друзьями,—
Особенно съ моимъ стариннымъ другомъ
Гортензіо. Вотъ домъ его, должно быть.
Ну, Груміо! Лупи-ка поживѣе!

Грумію.

Лупить, синьоръ? Кого? Развѣ кто оскорбилъ вашу милость?

Петручіо.

Болванъ! Ты разучился понимать меня.

Грумію.

Васъ лупить, синьоръ? Но развѣ я имѣю право на это?

Петручіо.

Лупи, мерзавецъ, не жалѣя рукъ,
А то получишь по своей башкѣ!

Грумію.

Синьоръ расположенъ сегодня къ дракѣ?
Но коли я начну,—мнѣ-жъ будетъ плохо.

Петручіо.

Когда ты кулаковъ своихъ жалѣешь,
Заставлю я тебя запѣть иначе!
(Бьетъ его).

Грумію.

На помощь! Эй! Синьоръ сошелъ съ ума!
(Падаетъ на землю).

Петручіо.

Теперь ты будешь слушаться, бездѣльникъ!

Гортензіо *выходитъ изъ дома.*

Гортензіо.

Что такое, въ чемъ дѣло? А, старый другъ Груміо. Мой добрый другъ Петручіо! Какими судьбами вы изъ Вероны?

Петручіо.

Гортензіо: мы подрались. Суди—
Con tutto il core bene trovato.

Гортензіо.

Alla nostra casa bene venuto
Molto honorato signor mio Petruchio.
Встань, Груміо,—мы все сейчасъ уладимъ.

Грумію.

Тутъ дѣло совсѣмъ не въ латыни, а только это законная причина бросить у него службу. Вы послушайте, синьоръ: онъ приказалъ мнѣ лупить себя, да еще покрѣпче. Синьоръ, развѣ прилично слугѣ такъ поступать съ своимъ хозяиномъ, которому идетъ, что весьма возможно, если я не ошибаюсь, тридцать третій годъ?

Ну, отлупилъ-бы я его, положимъ,—
Такъ ужъ навѣрно получилъ-бы сдачи?

Петручіо.

Безмозглый плутъ! Я приказалъ ему,
Гортензіо, стучаться въ эту дверь,
Но такъ и не заставилъ это сдѣлать.

Грумію.

Стучаться въ дверь? О Господи! Вѣдь вы
Сказали мнѣ... вотъ что вы мнѣ сказали:
„Эй, негодяй! лупи, лупи меня,
Лупи вотъ здѣсь, что мочи, не жалѣя...“
А вотъ теперь вы все на дверь свалили.

Петручіо.

Да провались ты къ чорту! Замолчи!

Гортензіо.

Оставь, Петручіо! Я за него.
Твой славный, добрый Груміо не можетъ
Сознательно обиды причинить.
А вотъ скажи, какой счастливый вѣтеръ
Васъ изъ Вероны въ Падую занесъ?

Петручіо.

Мой вѣтеръ носитъ молодежь по свѣту,

Чтобъ счастія искать въ чужихъ краяхъ.
Немного дома высидишь. Синьоръ
Гортензіо, дѣлишки таковы
У насъ: Антоніо, отецъ мой, умеръ,
И я по свѣту путаюсь, жениться
Хочу, приданаго побольше взять,—
Хоть у меня есть деньги и имѣнье.
И вотъ причина—почему я здѣсь.

Гортензіо.

Петручіо, тогда я прямо къ дѣлу:
Женись на скверной и сварливой бабѣ.
Конечно, ты потомъ браниться будешь;
Но я скажу одно: она богата,
Богата,—слышишь?.. Впрочемъ, ты мнѣ другъ,—
Я не хочу подобнаго союза.

Петручіо.

Синьоръ Гортензіо,—вѣдь мы друзья;
Зачѣмъ такъ много словъ? Есть у тебя
Достойная Петручіо невѣста,
Богатая (богатство для меня
Сладчайшій гимнъ при торжествѣ вѣнчанья),
Такъ будь она уродливѣй жены
Флоренція, какъ Пиѳія стара,
Сварлива, какъ Сократова Ксантиппа,
Будь хуже ихъ,—мнѣ это все равно;
Не отступлюсь, реви она какъ море.
Я въ Падую пріѣхалъ, чтобъ жениться,
И въ Падуѣ я выгодно женюсь!

Груміо.

Ну, вотъ, синьоръ, онъ вамъ все начисто выложилъ. Ему-бы только деньги, а онъ готовъ жениться на жерди, на карлицѣ, на куклѣ, на беззубой вѣдьмѣ, у которой болѣзней больше, чѣмъ у пятидесяти двухъ старыхъ клячъ. А главное—деньги.

Гортензіо.

Ну, если мы теперь договорились
До этого, то я скажу безъ шутокъ:
Да, я тебѣ сосватаю жену
Съ приданымъ, съ красотой и молодую;
Воспитана прекрасно. Но въ ней есть
Одинъ порокъ, — сказать по правдѣ — сильный:
Она характеромъ невыносима,
Сварлива, своенравна свыше мѣры.
Будь нищимъ я, за золотой рудникъ
Я не рискнулъ-бы въ жены взять ее.

Петручіо.

Ты силы золота, мой другъ, не знаешь.
Чья дочь она? Мнѣ этого довольно,—
И я возьму ее на абордажъ,—
Реви она какъ ураганъ осенній.

Гортензіо.

Отца зовутъ Баптистою Минола,
Онъ добрый, обходительный синьоръ,
А дочка носитъ имя Катарины,
И въ Падуѣ слыветъ она строптивой.

Петручіо.

Ея отца я знаю, не ее.
Онъ друженъ былъ съ моимъ отцомъ покойнымъ.
Я не засну, Гортензіо, пока
Не встрѣчусь съ ней. Прости меня, я долженъ
Тебя оставить съ первой нашей встрѣчи...
Иль, можетъ быть, и ты пойдешь со мной?

Груміо.

Ужъ коли ему засѣло это въ голову, такъ вы его, синьоръ, не удерживайте—пусть идетъ. Могу поручиться, что какъ только она узнаетъ его настолько, какъ я знаю,—она сейчасъ пойметъ, что тутъ бранью ничего не возьмешь. Она можетъ говорить ему что угодно, называть его какъ хочетъ,—ему хоть-бы что. Вотъ когда онъ самъ начнетъ, тогда надо быть осторожнымъ. Тутъ ужъ стоитъ только заикнуться, онъ пуститъ въ голову чѣмъ ни попало, и придется ей ходить, какъ кривой кошкѣ. Вы, синьоръ, еще не достаточно его знаете.

Гортензіо.

Постой, Петручіо. Иду я тоже:
Баптиста въ домѣ у себя хранитъ
Сокровище мое, всю жизнь мою,—
Меньшую дочь, прелестную Біанку;
Ее скрываютъ отъ меня и прочихъ
Искателей—соперниковъ моихъ.
Сообразивъ, что старшую сестру
(Я разсказалъ тебѣ ея пороки),
Сравнивши съ младшей, не возьметъ никто,
За лучшее Баптиста порѣшилъ—
Отрѣзать доступъ женихамъ Біанки,
Покуда Катарина-злючка въ дѣвкахъ.

Груміо.

Да,—„Злючка-Катарина“,—для дѣвицы
Прозваніе такое ой-ой-ой!.

Гортензіо.

Теперь ты мнѣ, Петручіо, окажешь
Услугу: я учителемъ одѣнусь,
А ты меня представишь старику
Какъ музыканта для занятій съ Бьянкой,
Чтобъ я хоть въ этомъ видѣ могъ добиться
Свиданія и объясненья съ ней,
И тѣмъ достичь моей желанной цѣли.

Входятъ Греміо *и* Люченціо, *одѣтый учителемъ, съ книгами въ рукахъ.*

Груміо.

И это не мошенничество! Смотрите, пожалуйста, какъ молодежь взаимными усиліями проводитъ стариковъ, — синьоръ! Синьоръ! Смотрите, кто идетъ.

Гортензіо.

Ни слова, Груміо: то мой соперникъ.
Петручіо, въ сторонку отойдемъ.

Груміо.

Что-жъ,—мальчикъ въ лѣтахъ: ужъ пора
жениться.

Греміо *(Люченціо).*

Прекрасно. Я прочелъ, синьоръ, вашъ
списокъ.
Всѣ книги—въ самыхъ лучшихъ переплетахъ
И всѣ любовныя,—и только эти,—
И никакого чтобъ другого чтенья;
Вы понимаете меня? Баптиста
Вамъ щедро за занятія заплатитъ.
А я еще прибавлю. Вотъ тетрадки,—
Онѣ должны имѣть пріятный запахъ:
Та, для кого назначены онѣ,—
Она сама—одно благоуханье,
Съ чего-же вы свое начнете чтенье?

Люченціо.

Что-бъ ни читалъ я съ ней,—повѣрьте,—
все
Клониться будетъ только къ вашей пользѣ.
Вы—покровитель мой, и я за васъ
Поэтому. Вы сами не могли-бы
Достичь того, что я: вы не ученый.

Греміо.

Ученость! О! великая то вещь!

Груміо.

О, тетеревъ! великій ты оселъ!

Петручіо.

Молчи, бездѣльникъ!

Гортензіо.

Груміо, молчи.

(Греміо).

Синьоръ, здоровье ваше?

Греміо.

А, синьоръ
Гортензіо: я очень радъ васъ видѣть.
Куда иду я, знаете? Къ Баптистѣ,—
Я обѣщалъ навесть немедля справки
Насчетъ учителя прекрасной Бьянки,
И къ счастію—нашелъ; онъ, правда, молодъ,
Но нравственностью и глубокимъ знаньемъ
Вполнѣ подходитъ къ дѣлу: онъ начитанъ
Въ поэзіи и прочемъ,—я ручаюсь.

Гортензіо.

Я тоже одного синьора встрѣтилъ,
Онъ обѣщалъ доставить музыканта,
Чтобъ заниматься музыкой съ синьорой.
Какъ видите, отъ васъ я не отстану
И докажу свою любовь къ Біанкѣ.

Греміо.

Я тоже докажу мою любовь.

Груміо.

Докажетъ онъ карманами своими.

Гортензіо.

Синьоръ, не будемъ хвастаться любовью,—
Не время. Споры въ сторонѣ оставимъ.
Я важную вамъ новость сообщу.
Вотъ дворянинъ. Съ нимъ повстрѣчался я
Случайно. Онъ готовъ, въ угоду намъ,
Посвататься за Катариной,—и
Жениться, коль сойдется на приданомъ.

Греміо.

Когда-бъ слова на дѣлѣ оправдались!
А о порокахъ вы ея сказали?

Петручіо.

Слыхалъ я: дѣвка вздорная и злая.
Коль въ этомъ все—бѣда не велика.

Греміо.

Ахъ, вотъ вы какъ! Откуда вы, синьоръ?

Петручіо.

Я изъ Вероны. Мой отецъ Антоньо
Скончался. Но его имѣнья живы,
И я хочу жить счастливо и долго.

Греміо.

Съ такой женой прожить счастливо трудно.
Но коли васъ на это хватитъ—съ Богомъ,—
Я радъ помочь! Вы не шутя хотите
Посвататься за этой дикой кошкой?

Петручіо.

Хочу-ли жить я?

Груміо *(про себя).*

Ну, какъ не рѣшится
Посвататься?... Повѣшу я его!...

Петручіо.

Да для чего-жъ пріѣхалъ я сюда?

Что я — отъ визга бабьяго оглохну?
Мнѣ доводилось слышать льва рыканье,
Я слышалъ свистъ морского урагана,
Ревущаго, какъ разъяренный звѣрь;
Вокругъ меня гремѣли пушки въ полѣ,
Небесный громъ гремѣлъ надъ головой,
Въ сраженіяхъ я слышалъ стоны павшихъ,
И ревъ трубы и ржаніе коней,—
И вдругъ вы мнѣ со страхомъ говорите
О женской брани! Это трескъ каштановъ,
Когда на фермѣ ихъ кладутъ въ огонь,—
Ужъ вы грудныхъ дѣтей стращайте букой!

ГРУМІО *(про себя).*

Его ничѣмъ не застращать!

ГРЕМІО.

Синьоръ
Гортензіо,—да, этотъ дворянинъ,
Сдается мнѣ, на счастье намъ пріѣхалъ.

ГОРТЕНЗІО.

Я нашу помощь обѣщалъ ему,
Во время сватовства—по мѣрѣ силъ.

ГРЕМІО.

Ну, да,—была бъ удача только...

ГРУМІО *(про себя).*

Будетъ,—
Скорѣй, чѣмъ у меня обѣдъ удачный.

Входитъ ТРАНІО, *богато одѣтый, и* БІОНДЕЛЛО.

ТРАНІО.

Господь да сохранитъ васъ, господа!
Осмѣлюсь васъ спросить,—какой дорогой
Скорѣй дойду я до дому Минолы?

БІОНДЕЛЛО.

Отецъ красивыхъ дочекъ—онъ намъ нуженъ.

ТРАНІО.

Да, это онъ. Эй, Біонделло, слушай!

ГРЕМІО.

Синьоръ, быть можетъ не къ отцу, а къ дочкѣ?

ТРАНІО.

Къ нему-ли, къ ней, что вамъ, синьоръ,
за дѣло?

ПЕТРУЧІО.

Строптивую, синьоръ, прошу не трогать!

ТРАНІО.

Я не люблю строптивыхъ. Біонделло,
Идемъ!

ЛЮЧЕНЦІО *(въ сторону).*

Онъ началъ хорошо.

ГРЕМІО.

Пока вы не ушли,—еще скажите:
Женихъ вы, или нѣтъ? Скажите прямо.

ТРАНІО.

А еслибы и такъ,—обидно вамъ?

ГРЕМІО.

Обиды нѣтъ, уйдите только прочь.

ТРАНІО.

Синьоръ, вѣдь улицы для всѣхъ свободны:
Для васъ и для меня.

ГРЕМІО.

Но не свободна
Она!

ТРАНІО.

Вотъ какъ? А почему-жъ, синьоръ?

ГРЕМІО.

Хотите знать? Я вамъ сейчасъ скажу:—
Она предметъ любви синьора Гремьо.

ГОРТЕНЗІО.

Избранница Гортензіо она.

ТРАНІО.

Синьоры, если только вы дворяне,
То я прошу васъ выслушать меня
Баптиста дворянинъ—онъ благороденъ.
Ему небезъизвѣстенъ мой отецъ.
Когда-бы дочь его была прелестнѣй
Того, что есть,—я и тогда стоялъ-бы
Въ толпѣ искателей. Вѣдь у Елены
Ихъ было тысячи,—а у Біанки
Еще одинъ поклонникъ лишній будетъ—
Люченціо. Мнѣ самъ Парисъ не страшенъ.

ГРЕМІО.

Однако онъ насъ всѣхъ перекричалъ?..

ЛЮЧЕНЦІО *(тихо ему).*

Оставьте,—онъ не страшенъ намъ нисколько.

ПЕТРУЧІО.

Гортензіо, о чемъ мы говоримъ?

ГОРТЕНЗІО *(Транію).*

Осмѣлюсь васъ спросить, синьоръ:
случалось
Вамъ видѣть дочерей Баптисты?

ТРАНІО.

Нѣтъ,—
Но слышалъ я, что у него ихъ двѣ.
Одна изъ нихъ строптивостью извѣстна,
Другая—кроткой скромностью своей.

ПЕТРУЧІО.

Синьоръ, синьоръ: строптивую не трогать!

ГРЕМІО.

Да вы ее оставьте Геркулесу:
Славнѣе прежнихъ этотъ подвигъ будетъ.

ПЕТРУЧІО *(Траніо)*.

Прошу васъ взвѣсить то, что я скажу.
Хотите вы добраться до меньшой.
Не подъ замкомъ сидитъ она; отецъ
Ни за кого ее не выдастъ замужъ,
Пока не выдастъ старшую сестру,—
Тогда и младшая свободна будетъ.

ТРАНІО.

О, если такъ, синьоръ,—вы оказать
Намъ можете огромную услугу.
Переломайте ледъ, свершите этотъ подвигъ,
Возьмите старшую, а младшей дайте
Свободу,—и счастливый обладатель
Ея—на вѣкъ вамъ будетъ благодаренъ.

ГОРТЕНЗІО.

Синьоръ, прекрасно сказано! И разъ
Вы объявили женихомъ себя,
Обязаны, какъ мы, вознаградить
Синьора за его услугу намъ.

ТРАНІО.

Я очень радъ, и медлить не желаю:
Сегодня же прошу васъ вечеркомъ
Поужинать и выпить за любовь!
Мы, какъ юристы, будемъ поступать:
Въ судѣ—враги товарищи въ попойкѣ

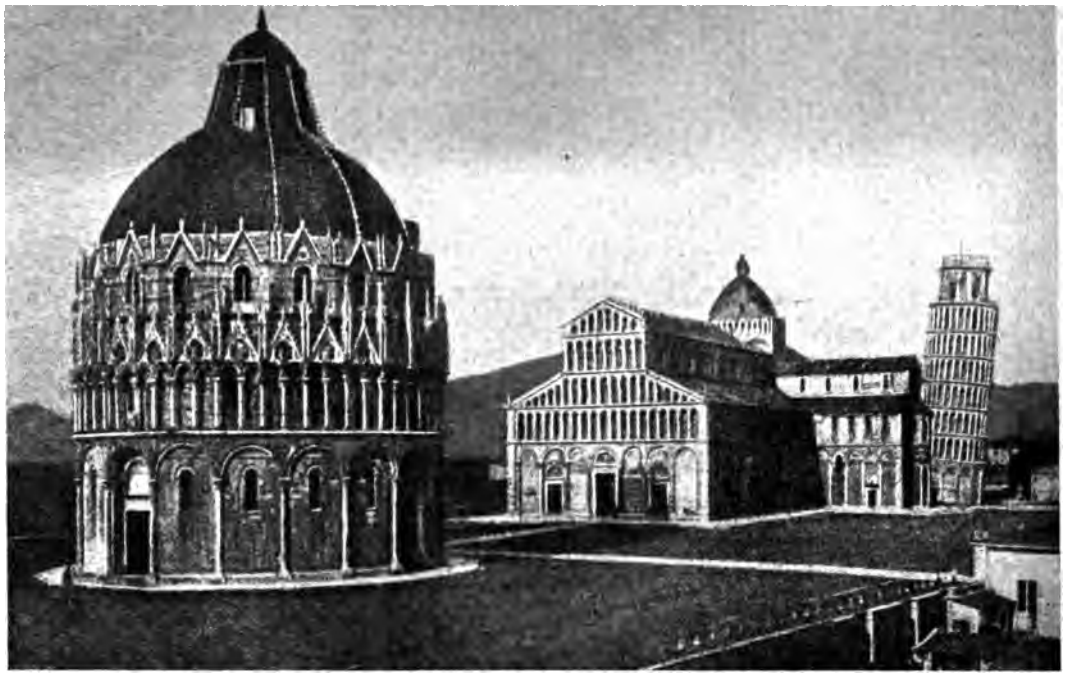
ГРУМІО и БІОНДЕЛЛО.

Прекрасно сказано! Чего-жъ тутъ думать

ГОРТЕНЗІО.

Предложено радушно. Я готовъ,
Петручіо: твой ben venuto—я!

Костюмы падуанскихъ дамъ (по Cesare Vecellio, Habiti Antichi et Moderni, Венеція, 1598).



ПИЗА.

(Соборная площадь, на заднемъ планѣ знаменитая пизанская падающая башня).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната въ домѣ Баптисты.

КАТАРИНА *и* БІАНКА.

БІАНКА.

Не бей меня! Себя ты унижаешь,
Съ сестрою, какъ съ прислугой обращаясь;
Мнѣ не нужны всѣ эти украшенья...
Освободи мнѣ руки, все сниму,
Все сброшу, даже юбку, если хочешь,
Я сдѣлаю все, что захочешь ты:
Обязана я старшимъ покоряться.

КАТАРИНА.

Скажи, кого изъ жениховъ твоихъ
Ты больше любишь? Да смотри, не лгать!

БІАНКА.

Повѣрь, сестра, нѣтъ никого, кто мнѣ
Милѣе прочихъ, на кого-бы я
Смотрѣла съ предпочтеньемъ предъ другими.

КАТАРИНА.

Лжешь, милка, лжешь! Гортензіо? Скажи?

БІАНКА.

Когда тебѣ онъ нравится, сестрица,
Клянусь, я вамъ устрою этотъ бракъ!

КАТАРИНА.

Ахъ, ты желаешь жить въ богатствѣ? Хочешь,
Чтобъ Греміо женился на тебѣ?

БІАНКА.

Какъ? Ты его ко мнѣ ревнуешь? Нѣтъ, —
Теперь я вижу: ты со мной шутила,
И это все однѣ лишь шутки были!
Ну, Катечка, ну развяжи мнѣ руки.

КАТАРИНА *(бьетъ ее)*.

Ахъ, я шучу? Все это только шутки?

Входитъ БАПТИСТА.

БАПТИСТА.

Что это? Что такое? Что за гадость?

Иди, Біанка! Ты въ слезахъ, бѣдняжка!
Займись шитьемъ. Оставь ее въ покоѣ,
Стыдись ты, дьяволъ! Ну, за что сестру
Ты обижаешь? Кроткая она!

КАТАРИНА.

Она молчитъ, и этимъ злитъ меня.
(Кидается къ ней).

БАПТИСТА.

Какъ? какъ? При мнѣ?! Иди къ себѣ, Біанка.
(Біанка уходитъ).

КАТАРИНА.

Вы презираете меня, я знаю!
Она сокровище, ей нужно мужа,
А я босая у нея на свадьбѣ
Пляши, да няньчи обезьянъ въ аду.
Ни слова больше! Сяду, буду плакать,
Пока вамъ всѣмъ за все не отплачу!
(Уходитъ).

БАПТИСТА.

Несчастнѣе меня нѣтъ человѣка!
Но кто-то къ намъ идетъ...

Входятъ ГРЕМІО, ЛЮЧЕНЦІО *въ бѣдной одеждѣ*, ПЕТРУЧІО, ГОРТЕНЗІО, *переодѣтый музыкантомъ*, ТРАНІО, *богато одѣтый, и* БІОНДЕЛЛО *съ лютней и книгами.*

ГРЕМІО.

Сосѣдъ Баптиста, добрый день!

БАПТИСТА.

Сосѣдъ
Мой Греміо! Синьоры, добрый день!

ПЕТРУЧІО.

Синьоръ, не ошибаюсь я,—у васъ
Есть дочка Катарина: красота
И кротость...

БАПТИСТА.

Да, есть дочка у меня
И Катариной звать ее.

ГРЕМІО.

Вы слишкомъ
Ужъ сразу начали!

ПЕТРУЧІО.

Оставьте, Гремьо,
Меня въ покоѣ.

(Баптисту).

Изъ Вероны я,
И слыша о ея красѣ, умѣ,
Радушіи, застѣнчивости скромной,
О нравѣ кроткомъ и гостепріимномъ,
Рѣшилъ сюда явиться смѣлымъ гостемъ,
Чтобъ лично убѣдиться самому,
Насколько справедливы эти слухи.
А для начала, вотъ позвольте вамъ
(показывая на Гортензіо)
Прекраснаго представить музыканта
И математика. Онъ несомнѣнно
Съ успѣхомъ можетъ преподать искусство,
Которое такъ любитъ ваша дочь.
Отказомъ оскорбите вы меня.
Онъ мантуанецъ родомъ: имя— Личьо.

БАПТИСТА.

Добро пожаловать, синьоръ; для васъ
Я и его приму. А вотъ о дочкѣ...
Едвали вы ее возьмете замужъ!

ПЕТРУЧІО.

Я вижу вамъ разстаться съ нею жалко?
Иль, можетъ быть, я самъ не нравлюсь
вамъ?

БАПТИСТА.

Меня не такъ вы поняли, синьоръ:
Откуда вы? И какъ васъ звать?

ПЕТРУЧІО.

Петручьо,
Я сынъ Антоніо, онъ человѣкъ
Извѣстный всей Италіи.

БАПТИСТА.

О! какъ-же!
Я зналъ его, и радъ вамъ чрезвычайно.

ГРЕМІО.

Вы, кажется, довольно говорили,
Петручіо? Позвольте бѣднымъ намъ
Поговорить. Вы все вѣдь о себѣ...

ПЕТРУЧІО.

Синьоръ, я право тороплюсь.

ГРЕМІО.

Охъ, проклянете вы свою поспѣшность!
Вамъ, сосѣдъ, конечно, пріятна любезность
синьора. Я, съ своей стороны, какъ наиболѣе вами обласканный, считаю долгомъ
тоже представить вамъ этого молодого ученаго (*представляетъ Люченціо*), который занимался въ Реймсѣ; онъ настолько-же свѣдущъ по-гречески и латыни, какъ и въ
другихъ языкахъ; не менѣе того—математикъ и музыкантъ. Зовутъ его Камбіо.
Прошу васъ принять его услуги.

БАПТИСТА.

Тысячу разъ благодарю васъ, синьоръ Греміо. Добро пожаловать, любезный Камбіо. *(Къ Траніо).* Но вы синьоръ,—по виду вы пріѣзжій? Могу я осмѣлиться спросить о причинѣ вашего посѣщенія?

ТРАНІО.

Синьоръ, прошу—мою простите смѣлость.
Я въ этомъ городѣ совсѣмъ чужой,
И, тѣмъ не менѣе, являюсь къ вамъ
Искателемъ руки прелестной Бьянки.
Я знаю ваше твердое рѣшенье:
Дочь старшую отдать сначала замужъ,—
И я прошу у васъ лишь объ одномъ:
Узнавъ мое происхожденье, вы
Меня примите наравнѣ съ другими
Искателями въ домъ вашъ. Чтобъ помочь
Образованью вашихъ дочекъ, я
Здѣсь подношу имъ лютню и латинскихъ
И греческихъ книгъ связку. Взявши ихъ,
Вы этимъ самымъ цѣну имъ дадите.

БАПТИСТА.

Люченціо зовутъ васъ? Вы откуда?

ТРАНІО.

Пизанецъ я, а мой отецъ—Винченцьо.

БАПТИСТА.

О, это человѣкъ весьма почтенный,—
О немъ я слышалъ. Милости прошу!
(Гортензіо). Возьмите инструментъ *(Люченціо)* и эти книги
И къ дочерямъ отправьтесь на урокъ.
Эй, кто-нибудь!

Входитъ СЛУГА.

Сведи сейчасъ къ синьорамъ
Вотъ этихъ двухъ господъ. Скажи, что это
Учителя,—чтобъ приняли онѣ
Какъ должно ихъ.

СЛУГА, ЛЮЧЕНЦІО, ГОРТЕНЗІО *и* БІОНДЕЛЛО *уходятъ.*

Пройдемтесь, господа,
Въ саду фруктовомъ, а потомъ—обѣдать.
Я очень радъ былъ видѣть васъ, синьоры.

ПЕТРУЧІО.

Синьоръ Баптиста,—я серьезно занятъ
И свататься нельзя мнѣ каждый день.
Отца вы знали, значитъ и меня
Вы знаете. Единственный наслѣдникъ
Его богатствъ, я не растратилъ ихъ,
А увеличилъ. Если съ вашей дочкой
Поладимъ мы,—приданое какое?

БАПТИСТА.

Когда умру—съ имѣній половина, кронъ.
Теперь-же дамъ я двадцать тысячъ.

ПЕТРУЧІО.

За это я оставлю ей, когда
Переживетъ она меня, мои
Помѣстья и аренды цѣликомъ.
Мы договоръ напишемъ на бумагѣ
И помѣняемся взаимно имъ.

БАПТИСТА.

Сперва должны вы главнаго достичь—
Ея любви,—вѣдь въ этомъ вся задача.

ПЕТРУЧІО.

Ну, это вздоръ! Позвольте васъ увѣрить
Почтенный тесть,—рѣшителенъ я такъ-же
Какъ ваша дочь упряма. Два огня
Пожрутъ скорѣй вдвоемъ свою преграду.
Такъ слабый вѣтерокъ вздуваетъ искру,
А вихорь можетъ потушить пожаръ.
Она уступитъ мнѣ,—ручаюсь въ этомъ,
Вѣдь не младенецъ я, чортъ побери!

БАПТИСТА.

Ну, сватайтесь. Желаю, чтобы васъ
Поспѣшность привела къ концу благому,—
Но приготовьтесь къ сильному отпору...

ПЕТРУЧІО.

Я буду твердъ, какъ каменныя скалы,—
Ихъ ураганъ не можетъ сдвинуть съ мѣста.

Вбѣгаетъ ГОРТЕНЗІО.

БАПТИСТА.

Дружище, что такое? Вы блѣдны?

ГОРТЕНЗІО.

Со страха! Если блѣденъ, то со страха!

БАПТИСТА.

Есть къ музыкѣ способность у нея?

ГОРТЕНЗІО.

Она скорѣй способна быть солдатомъ:
Копье ей надо въ руки, а не лютню.

БАПТИСТА.

Такъ вы совсѣмъ не занимались съ ней?

ГОРТЕНЗІО.

Она разбила лютню объ меня!
Я, показавъ лады, согнулъ ей пальцы,
Хотѣлъ съ ампликатурой познакомить
Какъ вдругъ она взбѣсилась, точно дьяволъ:
„Ахъ, это называется лады?"
И лютней бацъ меня по головѣ.
Сквозь инструментъ я проскачилъ до шеи,

И ошалѣвъ, какъ каторжникъ въ колодкѣ,
Торчалъ изъ лютни головой своей,
Она-жъ меня честила дуракомъ,
Пиликалкой, гудошникомъ и всѣмъ
Запасомъ самыхъ ядовитыхъ словъ.

ПЕТРУЧІО.

Ахъ, чортъ ее возьми! Вотъ это—дѣвка!
Люблю ее еще сильнѣй, чѣмъ прежде,
И жажду съ ней скорѣе поболтать.

БАПТИСТА *(Гортензіо)*.

Пойдемте, успокойтесь; вы теперь
Съ моею младшей дочерью займитесь,
Она способна къ лютнѣ и скромна.
Синьоръ Петручіо,—пойдете съ нами,
Или сюда прислать вамъ дочку Катю?

ПЕТРУЧІО.

Сюда, синьоръ: я подожду ее.

ВСѢ, *кромѣ* ПЕТРУЧІО, *уходятъ*.

Умненько надо сватанье начать.
Пускай бранится,—я скажу на это,
Что голосокъ ея,—какъ птички пѣнье;
Пускай нахмурится,—скажу: „о роза,
Осыпанная перлами росы!“
Ни слова пусть со злости не промолвитъ,—
Я буду восхвалять ея умѣнье,
Необычайно тонко выражаться.
Погонитъ прочь,—благодарить начну,
Какъ будто проситъ здѣсь прожить съ недѣлю.
Откажетъ мнѣ въ рукѣ,—спрошу, когда
Назначить день помолвки и вѣнчанья.
Тс! Вотъ идетъ! Петручіо, держись.

*(*КАТАРИНА *входитъ)*.

А, Котикъ! Слышалъ я: васъ такъ зовутъ?

КАТАРИНА.

Вы глуховаты на ухо, должно быть?
Меня зовутъ всѣ люди Катариной.

ПЕТРУЧІО.

Ты лжешь: тебя зовутъ—царапка-Котикъ,
Прелестный Котикъ, иногда злой Котикъ,
Но все-же Котикъ—самый милый Котикъ,
Какой быть можетъ католичка. Котикъ
Изъ Котиковъ! Конфетка, а не Котикъ.
Ну, слушай, Котикъ, слушай, жизнь моя:
Тебя повсюду до того возносятъ
За красоту, терпѣніе и кротость
(Ты стòишь этого!), что я подвинутъ
Желаніемъ жениться на тебѣ.

КАТАРИНА.

Подвинутъ? Ну, кто же васъ сюда подвинулъ,
Пусть выдвинетъ: васъ выдвинуть легко.

ПЕТРУЧІО.

Но почему-же?

КАТАРИНА.

Да вѣдь вы—скамейка.

ПЕТРУЧІО.

Вотъ это такъ. Иди, садись скорѣй.

КАТАРИНА.

Ослы насъ носятъ; это ихъ удѣлъ.

ПЕТРУЧІО.

Насъ носятъ женщины: то ихъ удѣлъ.

КАТАРИНА.

Ну, для себя ищи другую клячу.

ПЕТРУЧІО.

О, Котикъ, тяжело тебѣ не будетъ:
Я знаю—ты юна и такъ воздушна.

КАТАРИНА.

Воздушна я, но знаю, сколько вѣшу,
Я молода, но осадить тебя
Всегда съумѣю...

ПЕТРУЧІО.

Ты оса?

КАТАРИНА.

А ты—
Осиновый чурбанъ!

ПЕТРУЧІО.

И все-же я
Верхъ надъ тобой возьму.

КАТАРИНА.

Ну, тамъ увидимъ,
Кто будетъ гдѣ.

ПЕТРУЧІО.

Сердитая оса!

КАТАРИНА.

А, я оса? Такъ бойся жала.

ПЕТРУЧІО.

Что-же
Бояться: взять его да вырвать.

КАТАРИНА.

Вырвать?
Да знаетъ-ли болванъ, гдѣ это жало?

ПЕТРУЧІО.

Какъ гдѣ?—извѣстно, тамъ, гдѣ хвостикъ.

КАТАРИНА.

Рисунокъ англійскаго художника, русскаго происхожденія Фрэнсиса Филиппа Степанова (Fr. Ph. Stephanoff, 1788 -1860).

Катарина.

Какъ-же!
Вѣдь жало въ языкѣ?

Петручіо.

Въ чьемъ?

Катарина.

Да въ твоемъ,
Когда ты завираешься. Прощай.

Петручіо.

Такъ мой языкъ, гдѣ хвостикъ у тебя?
Нѣтъ, Котикъ, подожди! Я дворянинъ...

Катарина.

А вотъ я испытаю...
(Даетъ ему пощечину).

Петручіо.

Ну, еще
Ударь,—я такъ тебя хвачу...

Катарина.

Ого!
Ударишь—такъ не будешь дворяниномъ
И потеряешь свой дворянскій гербъ!

Петручіо.

Геральдикъ-Котикъ,—ну, составь мнѣ гербъ!

Катарина.

У васъ колпакъ шута съ пѣтушьимъ гребнемъ?

Петручіо.

Да, я пѣтухъ, а ты—моя насѣдка.

Катарина.

Скорѣе вы похожи на ворону!

Петручіо.

О, Котикъ, что за кислое лицо?

КАТАРИНА.
Отъ кислаго всегда скисаю я.

ПЕТРУЧІО.
Да кислоты здѣсь нѣтъ,—ну и не кисни.

КАТАРИНА.
Нѣтъ, есть.

ПЕТРУЧІО.
Да гдѣ-же?

КАТАРИНА.
Я-бы показала,
Да нѣту зеркала.

ПЕТРУЧІО.
Такъ это я?

КАТАРИНА.
Догадливъ мальчикъ!

ПЕТРУЧІО.
Что-жъ, сказать по правдѣ—
Я мальчикъ предъ тобой.

КАТАРИНА.
Потертый мальчикъ.

ПЕТРУЧІО.
Заботы извели.

КАТАРИНА.
Мнѣ все равно.
(Хочетъ итти).

ПЕТРУЧІО.
Нѣтъ, Котикъ, подожди, не уходи.

КАТАРИНА.
Здѣсь оставаться—только васъ сердить.

ПЕТРУЧІО.
О, никогда! Ты такъ скромна, мила,
А говорили: ты груба, сурова!
Какъ люди лгутъ! Я нахожу, напротивъ,
Что ты мила, шутлива, добродушна;
Какъ майская фіалка молчалива;
Не хмуришься, не смотришь изподлобья,
Какъ злыя дѣвки не кусаешь губы,
Не любишь ты ни въ чемъ противорѣчить
И съ кротостью встрѣчаешь женіховъ,
Чаруя ихъ любезностью своею!
Пустили слухъ, что Котикъ мой хромаетъ.
О, злые языки! Мой Котикъ строенъ
И гибокъ, какъ орѣховая трость,
И цвѣтомъ онъ и вкусомъ, какъ орѣшекъ...
Ты не хромаешь? ну-ка, походи!

КАТАРИНА.
Пошелъ ты, шутъ,—приказывай служанкамъ!

ПЕТРУЧІО.
Была-ли царственнѣй Діана въ рощѣ,
Чѣмъ Котикъ въ этой залѣ! О, пусть будетъ
Мой Котикъ цѣломудренъ, какъ Діана,
Діана-же—прелестна, какъ мой Котикъ!

КАТАРИНА.
Гдѣ научили васъ всей этой чуши?

ПЕТРУЧІО.
Я отъ рожденья очень остроуменъ.

КАТАРИНА.
Ну, ваша мать съострила неудачно!

ПЕТРУЧІО.
Я развѣ недалекъ?

КАТАРИНА.
Ты слишкомъ близокъ.

ПЕТРУЧІО.
Въ твоей я спальнѣ, Катарина, буду
Еще поближе. Будетъ вздоръ болтать!
Вотъ дѣло въ чемъ: отецъ на бракъ согласенъ;
Въ приданомъ мы сошлись со старикомъ,
И хочешь, нѣтъ-ли,—свадьба состоится.
Повѣрь мнѣ, Котикъ: я—чудесный мужъ.
Клянусь свѣтиломъ тѣмъ, что озаряетъ
Красу твою—ничьей женой не будешь,
И подъ вѣнецъ со мной однимъ пойдешь.
Судьбой назначенъ я, чтобъ приручить
И превратить тебя изъ дикой кошки
Въ домашняго веселаго котенка.
Вотъ твой отецъ. Не смѣй перечить. Я
Хочу, и буду мужемъ Катарины!
Входятъ БАПТИСТА, ГРЕМІО *и* ТРАНІО.

БАПТИСТА.
Ну, какъ, синьоръ, чѣмъ кончили вы съ ней?

ПЕТРУЧІО.
Чудесно! Какъ-же можетъ быть иначе,—
Да развѣ можно дурно съ ней покончить!

БАПТИСТА.
Но что-же дочка? Что, она не въ духѣ?

КАТАРИНА.
И вы меня зовете дочкой! Нѣжный
Отецъ! Хотите обвѣнчать меня
Съ какимъ-то сумасшедшимъ наглецомъ,
Съ бездѣльникомъ, который собрался
Достигнуть цѣли съ помощью нахальства!

ПЕТРУЧІО.
Отецъ,—и вы, и съ вами городъ цѣлый,
Вы ложное о ней имѣли мнѣнье.
Ея сварливость—это только хитрость;
Она не зла—кротка какъ голубица,
Не вспыльчива она,—тиха какъ утро,

Терпѣніемъ она—сама Гризельда,
А чистотой—Лукреція сама!
Въ концѣ концовъ: мы влюблены другъ въ друга
И въ воскресенье назначаемъ свадьбу.

КАТАРИНА.

Ну, раньше этого тебя повѣсятъ!

ГРЕМІО.

Петручіо! Какъ, васъ повѣсятъ раньше?

ТРАНІО.

О, если такъ! Ну, плохо наше дѣло.

ПЕТРУЧІО.

Позвольте! Для *себя* я сдѣлалъ выборъ!
Довольны *мы*!—Оставьте *насъ* въ покоѣ!
Мы согласились съ ней наединѣ:—
Пускай при всѣхъ она строптивой будетъ!
Клянусь, вы не повѣрите, насколько
Въ меня влюбился этотъ дивный Котикъ:
Повисла у меня на шеѣ, сыплетъ
Лобзанье за лобзаніемъ и клятву
За клятвой,—я не могъ не уступить!
Синьоры, вы молокососы! Знайте:
Любой бездѣльникъ усмиритъ строптивость
У дѣвушки любой наединѣ.
Ну, Котикъ, ручку! Надо торопиться
Въ Венецію, купить къ вѣнцу наряды.
Отецъ, готовьте пиръ, гостей сзывайте!
А Котикъ очаруетъ цѣлый міръ!

БАПТИСТА.

Не знаю, что сказать... Давайте руки!
Благослови васъ Богъ! Желаю счастья.

ГРЕМІО И ТРАНІО.

Аминь. Мы здѣсь свидѣтели помолвки.

ПЕТРУЧІО.

Отецъ, невѣста, господа,—прощайте!
Теперь—въ Венецію! Здѣсь—въ воскресенье
Наряды, кольца—все, что надо—будетъ.
Цѣлуй, Котенокъ! Въ воскресенье свадьба!

КАТАРИНА *убѣгаетъ въ одну сторону.*
ПЕТРУЧІО *уходитъ въ другую.*

ГРЕМІО.

Такой поспѣшной свадьбы я не видѣлъ.

БАПТИСТА.

Да, господа, теперь я—какъ купецъ
Что наугадъ пустилъ свои товары.

ТРАНІО.

Ну, вашъ товаръ васъ только безпокоилъ,
Теперь онъ дастъ барышъ—или погибнетъ.

БАПТИСТА.

Мой весь барышъ—счастливый, мирный бракъ.

ГРЕМІО.

О, этотъ бракъ навѣрно будетъ мирный!
Теперь вопросъ о вашей младшей дочкѣ.
Насталъ для насъ давно желанный день—
Я вашъ сосѣдъ, и сватался я первымъ.

ТРАНІО.

А я влюбленъ въ Біанку несказанно,
Сильнѣе всякаго воображенья.

ГРЕМІО.

Юнецъ! Прочнѣе страсть моя!

ТРАНІО.

О, старецъ!
Ты заморозишь.

ГРЕМІО.

Ты-же пережаришь!
Прочь, попрыгунъ,—моя любовь солиднѣй.

ТРАНІО.

Лишь юноши дарятъ любви восторги.

БАПТИСТА.

Синьоры, будетъ! Я васъ примирю.
Посмотримъ, кто достойнѣе; который
Предложитъ большее богатство, тотъ
Получитъ сердце Бьянки. Чѣмъ ее
Вы обезпечить, Греміо, хотите?

ГРЕМІО.

Во первыхъ, всѣмъ извѣстно:—у меня—
Домъ въ Падуѣ; тамъ много дорогихъ
Кувшиновъ и тазовъ для омовенья!
Всѣ занавѣски—изъ восточныхъ тканей,
Казна лежитъ въ ларцахъ слоновой кости,
А въ кипарисныхъ сундукахъ—наряды.
Тончайшее бѣлье, покровы, шали,
Турецкое жемчужное шитье
И золото венеціанскихъ кружевъ.
Посуда есть изъ олова и мѣди
Со всѣмъ приборомъ. Сотня есть на фермѣ
Коровъ, и всѣ съ удоемъ. Есть быковъ
Откормленныхъ штукъ шестьдесятъ въ хлѣвахъ,
И прочее въ пропорціи такой-же.
Я сознаюсь, обремененъ годами,
Умру я завтра, это все—ея,
Пусть согласится только быть моею.

ТРАНІО.

Все дѣло въ этомъ *только*. Я, синьоръ,
Единственный наслѣдникъ у отца,
И если получу Біанку въ жены,
Дарю ей три—четыре дома въ Пизѣ,
Настолько-же наполненныхъ добромъ,
Какъ падуанскій домъ синьора Гремьо.
И сверхъ того, двѣ тысячи дукатовъ

Земельной ренты—если овдовѣетъ.
Что, каково? Я побѣдилъ васъ, Гремьо?

Греміо.

Двѣ тысячи дукатовъ ежегодно?
Мои всѣ земли этого не стоятъ.
Но я могу въ придачу дать корабль;
Теперь въ Марселѣ онъ. Ну, что, синьоръ,
Вы подавились этимъ кораблемъ?

Траніо.

Синьоръ, извѣстно всѣмъ, что у отца
Три корабля большихъ, три малыхъ судна
И дюжина галеръ; все это—Бьянкѣ.
Вы сколько ни давайте,—дамъ я вдвое.

Греміо.

Я предложилъ все, что имѣю. Больше
Ни у меня, ни у нея не будетъ.
Хотите,—я со всѣмъ имѣньемъ вашъ.

Траніо.

Она моя! Въ томъ цѣлый свѣтъ порукой.
Вы слово дали. Гремьо побѣжденъ.

Баптиста.

Да, сознаюсь,—заманчивѣе вы.
Пускай отецъ васъ обезпечитъ—ваша
Біанка. Ну, а если вы умрете
Сперва, а онъ потомъ? Наслѣдство какъ-же?

Траніо.

Вы придираетесь: онъ старъ, я молодъ.

Греміо.

Не умираютъ развѣ молодые?

Баптиста.

Итакъ, синьоры, вотъ какъ я рѣшилъ:
Здѣсь въ воскресенье свадьба Катарины,
А въ будущее воскресенье я
Назначу свадьбу дочери Біанки—
Съ Люченціо, когда отецъ согласье
Вамъ дастъ во всемъ, а нѣтъ—съ синьоромъ Гремьо
Мой вамъ привѣтъ. Благодарю за честь.
(Уходитъ).

Греміо.

Прощай, сосѣдъ. *(Транію).* Ну, ты не страшенъ мнѣ,—
Нѣтъ, милый мой: не такъ отецъ твой глупъ,
Чтобы подъ старость все тебѣ отдать
И отъ тебя зависѣть. Это вздоръ!
Нѣтъ, старую лису не проведешь!
(Уходитъ).

Траніо.

Ну, отомщу я этой дряблой шкурѣ!
Теперь на выигрышъ надѣюсь я,—
Обдѣлать дѣльце для синьора надо!
Люченціо подложный смастеритъ
Себѣ отца—подложнаго Винченцьо.
Чудно! Обыкновенно мастерятъ
Отцы дѣтей, а тутъ придется сыну
Создать отца. Смѣлѣе за работу!
(Уходитъ).

Концовка XVI вѣка.

Соборная площадь. Santa Giustina въ Падуѣ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Падуя. Въ домѣ Баптисты.

Люченціо *и* Гортензіо *(переодѣтые).*
Біанка.

Люченціо.

Довольно, музыкантъ! Вы слишкомъ смѣлы!
Вы позабыли вѣрно тотъ пріемъ,
Какимъ васъ угостила Катарина.

Гортензіо.

Педантъ сварливый! Музыка—искусство,
Оно полно гармоніей небесъ,
Оно повсюду на почетномъ мѣстѣ.
Я музыкой займусь одинъ лишь часъ,
Потомъ вы съ ней займетесь вашимъ чтеньемъ.

Люченціо.

Оселъ несчастный! Еслибъ вы читали
Побольше, то узнали-бы, что намъ
Какъ отдыхъ музыка дана, мы ею,
Труды окончивъ, освѣжаемъ мысли,—
И потому наукѣ дайте мѣсто,
Ну, а потомъ брянчите для забавы.

Гортензіо.

Бездѣльникъ: я не вынесу нахальства!

Біанка.

Синьоры, это оскорбленье мнѣ!
Я въ выборѣ моемъ одна свободна,
Не школьникъ я и розогъ не боюсь,
Не стѣснена я временемъ и часомъ,
И занимаюсь я когда хочу.
Чтобы покончить споръ, я здѣсь останусь,
И прежде чѣмъ настроите вы лютню,
Окончены занятья наши будутъ.

Гортензіо.

Настрою я, и бросите вы чтенье?..

Люченціо.

Не думаю. Настраивайте, впрочемъ.

Біанка.

Гдѣ мы остановились?

Люченціо.

Вотъ синьора:
Hic ibat Simois; hic est Sigeia tellus,
Hic steterat Priami regia celsa senis.

БІАНКА.

Переведите.

ЛЮЧЕНЦІО.

Hic ibat—какъ я уже говорилъ вамъ; Simois—я Люченціо; hic est—сынъ Винченціо, пизанецъ; Sigeia tellus—переодѣтый для достиженія вашей любви; hic steterat—а тотъ, кто подъ видомъ Люченціо сватается; Priami—мой слуга Траніо; regia—замѣняющій меня; celsa senis—чтобъ обмануть старика.

ГОРТЕНЗІО.

Синьора, инструментъ настроенъ мой.

БІАНКА.

Послушаемъ. Фу! Фу! Дискантъ фальшивитъ.

ЛЮЧЕНЦІО.

Поплюйте на колки и перестройте
Свой инструментъ.

БІАНКА.

Теперь позвольте мнѣ перевести. Hic ibat Simois—я васъ не знаю; hic est Sigeia tellus—я вамъ не вѣрю; hic steterat Priami: берегитесь — насъ слушаютъ; regia — не будьте самонадѣянны; celsa senis—но не отчаивайтесь.

ГОРТЕНЗІО.

Готова лютня.

ЛЮЧЕНЦІО.

Что-то басъ фальшивитъ.

ГОРТЕНЗІО.

Басъ не фальшивитъ, а фальшивишь ты! *(Про себя).* Онъ вспыльчивъ и нахаленъ.
Несомнѣнно
Волочится онъ за моей невѣстой...
За ними надо будетъ прослѣдить...

БІАНКА.

Современемъ, быть можетъ, я повѣрю,
Но не теперь...

ЛЮЧЕНЦІО.

О, вѣрьте, что Аяксъ
Алкидомъ называется по дѣду.

БІАНКА.

Учитель вы, и я должна вамъ вѣрить.
Подумаю объ этомъ хорошенько.
Пока довольно. Лючіо, начнемъ.
Синьоры: вы не сердитесь, конечно,
Что иногда я позволяю шутки?

ГОРТЕНЗІО.

Вы можете итти и прогуляться,
Сегодня у меня урокъ безъ тріо.

ЛЮЧЕНЦІО.

Вы формалистъ, синьоръ. *(Про себя).*
Останусь я
Слѣдить за ними,—я теперь увѣренъ:
Влюбился нашъ почтенный музыкантъ.

ГОРТЕНЗІО.

Пока, синьора, не коснулись вы
Струнъ лютни, я вамъ долженъ сообщить
Всѣ основныя правила искусства
И кратко преподать, въ чемъ сущность
гаммы,
Короче, выразительнѣе, проще,
Чѣмъ это принято у музыкантовъ.
Вотъ здѣсь она изложена прекрасно.
(Подаетъ свитокъ).

БІАНКА.

Но съ гаммами знакома я давно.

ГОРТЕНЗІО.

Но не знакомы съ гаммою Гортензьо.

БІАНКА *(читаетъ).*

„Я гамма—я полна гармоніей святою!
„A—re: Какъ въ васъ Гортензіо влюбленъ!
„B—mi: Отвѣтьте страстью неземною!
„C—fa—ut: Онъ любовью поглощенъ!
„D—sol—re: Спойте съ нимъ любви дуэтъ!
„E—la—mi: Иль отправлюсь на тотъ свѣтъ".
Такъ это ваша гамма? Мнѣ она
Не нравится,—и старая мнѣ больше
По вкусу: я мѣнять ее не буду.

СЛУГА *(входитъ).*

Синьора, вамъ приказано оставить
Уроки и помочь сестрицѣ вашей
Ихъ комнату убрать: на завтра свадьба.

БІАНКА.

Прекрасные учителя, прощайте!
(Уходитъ).

ЛЮЧЕНЦІО.

Мнѣ тоже нѣтъ причины оставаться.
(Уходитъ).

ГОРТЕНЗІО.

А у меня причина есть слѣдить
За этимъ педагогомъ: мнѣ сдается,
Что онъ влюбленъ. И если только Бьянка
Способна увлекаться каждымъ встрѣчнымъ
И строить глазки,—если я замѣчу
Хоть что-нибудь,—ты не нужна Гортензьо:
Измѣной онъ заплатитъ за измѣну.
(Уходитъ).

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Тамъ же. Передъ домомъ Баптисты.

Баптиста, Траніо, Катарина, Біанка, Люченціо, слуги.

Баптиста.

Синьоръ Люченціо, сегодня день
Вѣнчанья Катарины и Петручьо,
А до сихъ поръ о зятѣ нѣтъ и слуха.
Что скажете? Выходитъ шутка глупой:
Священникъ ждетъ въ соборѣ, чтобъ свершить
Обрядъ, а жениха все нѣтъ какъ нѣтъ...
Позоръ, синьоръ Люченціо, позоръ!

Катарина.

Мнѣ, мнѣ позоръ! По принужденью я
Безумному и грубому нахалу
Обѣщана: посватался проѣздомъ
И думаетъ жениться на досугѣ.
Повѣрьте мнѣ,—онъ бѣшеный. Подъ видомъ
Невинной шутки всякаго обидитъ,
Онъ хочетъ роль сыграть весельчака:
Разъ тысячу присватается онъ,
Назначитъ свадьбу, пиръ и оглашенье,
И никогда не явится къ вѣнцу.
Теперь на Катарину будутъ пальцемъ
Показывать: „Петручіо жена,
Который не успѣлъ пріѣхать къ свадьбѣ".

Траніо.

Постойте, Катарина! Нѣтъ, Баптиста,—
Клянусь, онъ васъ обидѣть не желаетъ,
Онъ случаемъ какимъ нибудь задержанъ,
Онъ грубоватъ,—но слово крѣпко держитъ,
Онъ весельчакъ,—но честный человѣкъ.

Катарина.

О, лучше-бъ мнѣ съ нимъ вовсе не встрѣчаться.

(Идетъ къ дому, плача, въ сопровожденіи Біанки и слугъ).

Баптиста.

Иди,
Плачь, дочка! Я тебя не осуждаю.
Такой обиды не снести святому,—
Тебѣ, съ твоей строптивостью—тѣмъ больше.

Біондело *входитъ.*

Біондело.

Синьоръ! Синьоръ! Давножданная неожиданность! Новость совершенно неслыханная!

Баптиста.

Какъ-же можетъ быть давножданная неожиданность?

Біондело.

А развѣ прибытіе Петручіо не неожиданность?

Баптиста.

Онъ прибылъ?

Біондело.

О, нѣтъ, синьоръ.

Баптиста.

А что-же тогда?

Біондело.

Онъ прибываетъ.

Баптиста.

Когда же онъ будетъ здѣсь?

Біондело.

Когда будетъ стоять на своемъ мѣстѣ и видѣть васъ.

Траніо.

Ну, выкладывай свои старыя новости.

Біондело.

Ну, вотъ. Петручіо ѣдетъ сюда въ новой шляпѣ и старомъ камзолѣ. Панталоны его были выворочены раза три. Сапоги похожи на ящики для склада огарковъ: одинъ на пряжкѣ, другой на шнуровкѣ; шпага старая, ржавая,—точно взятая изъ городского арсенала,—безъ ноженъ, съ поломаннымъ эфесомъ, со старой портупеей. Сѣдло—проѣдено молью и стремена разныя. Кляча съ норовомъ, хромаетъ и хрипитъ: должно быть заражена сапомъ, шелудями, подкожными червями и желтухой. Кромѣ того, она сплечена, спина ея выгнута дугой. Она должно быть спотыкалась, онъ все натягивалъ поводья,—поэтому всѣ ремни полопались и въ узлахъ. Подпруга изъ шести кусковъ; надхвостникъ бархатный, женскій, съ красивымъ вензелемъ имени синьоры, но заштопанъ бичевкой.

Баптиста.

А кто съ нимъ ѣдетъ?

Біондело.

О, синьоръ, его слуга; онъ такъ-же хорошъ, какъ его лошадь; на одной ногѣ чулокъ, на другой—штиблета. Подвязки: одна красная, другая—голубая. Шляпа старая, и вмѣсто пера воткнутъ старинный пѣсенникъ. Чудище, какъ есть чудище: не похожъ на пажа не токмо что христіанина, а вообще порядочнаго человѣка.

ТРАНІО.

Ну, въ этомъ есть причина несомнѣнно,—
Всегда чудить нарядомъ любитъ онъ!

БАПТИСТА.

Пускай придетъ—въ какомъ угодно видѣ.

БІОНДЕЛЛО.

Онъ не идетъ, синьоръ.

БАПТИСТА.

Да вѣдь ты-же сказалъ, что онъ идетъ?

БІОНДЕЛЛО.

Кто? Петручіо идетъ?

БАПТИСТА.

Ну, да,—что идетъ Петручіо.

БІОНДЕЛЛО.

Нѣтъ, синьоръ, я сказалъ: его лошадь идетъ; а онъ у нея на спинѣ...

БАПТИСТА.

Не все ли одно?

БІОНДЕЛЛО.

Клянусь Іаковомъ,—и пенсъ въ закладъ:
Конь съ человѣкомъ—это не одно,
Хотя, конечно, и не двое...

Входятъ ПЕТРУЧІО *и* ГРУМІО.

ПЕТРУЧІО.

Ну, гдѣ-же эти молодцы? Кто дома?

БАПТИСТА.

Благополучно прибыли, синьоръ?

ПЕТРУЧІО.

Ну, не совсѣмъ.

БАПТИСТА.

Но все-таки вы здѣсь?

ТРАНІО.

Нарядъ вашъ неприличенъ...

ПЕТРУЧІО.

Развѣ я
Въ другомъ скорѣй пріѣхалъ-бы? Но гдѣ-же
Мой Котикъ, гдѣ моя невѣста? Ну-съ,
Какъ поживаете, отецъ? Синьоры,
Вы смущены? Дивитесь на меня,
Какъ будто я чудесный монументъ,
Или комета, или звѣрь привозный?

БАПТИСТА.

Синьоръ! Сегодня ваша свадьба. Мы
Грустили, васъ не видя,—а теперь
Грустимъ, увидѣвъ васъ въ подобномъ платьѣ.
Долой его! Оно не для вѣнчанья,
Оно—пятно на нашемъ торжествѣ.

ТРАНІО.

Скажите намъ, какой серьезный случай
Васъ задержалъ вдали отъ нареченной
И васъ сюда доставилъ въ этомъ видѣ?

ПЕТРУЧІО.

Разсказъ мой длиненъ и печаленъ. Я
Далъ слово—и пріѣхалъ:—будетъ съ васъ!
Не все въ порядкѣ, но объ этомъ послѣ:
Я разскажу вамъ на досугѣ все,—
И вы вполнѣ останетесь довольны.
Но гдѣ-же Котикъ? Безъ нея мнѣ скучно.
Ужъ часъ прошелъ назначенный для брака.

ТРАНІО.

Но въ этомъ платьѣ вамъ нельзя къ невѣстѣ.
Пойдемъ ко мнѣ—надѣньте мой нарядъ.

ПЕТРУЧІО.

Нѣтъ, я пойду къ ней въ этомъ самомъ платьѣ.

БАПТИСТА.

Но такъ одѣтымъ вамъ нельзя вѣнчаться.

ПЕТРУЧІО.

Вотъ вздоръ какой! Я буду такъ вѣнчаться.
Не съ платьемъ Катѣ жить, а съ человѣкомъ.
Когда-бъ я могъ перемѣниться самъ,
Какъ я могу смѣнить костюмъ мой бѣдный—
Полезнѣй это было-бъ намъ обоимъ.
Но я съ ума сошелъ: болтаю съ вами
И не иду здороваться съ невѣстой,—
Привѣтствовать день свадьбы поцѣлуемъ.
(Уходитъ).

ТРАНІО.

А что-нибудь да значитъ это платье!
Намъ надо убѣдить его—надѣть
Другой костюмъ передъ вѣнчаньемъ.

БАПТИСТА.

Я
Пойду взглянуть, что дѣлаетъ онъ тамъ.
(Уходитъ).

ТРАНІО *(къ Люченціо).*

Тутъ мало одного расположенья,
Согласіе Баптисты надо намъ.
Докладывалъ я вамъ: необходимо
Найти кого нибудь—кто-бъ ни былъ онъ,—
Но чтобы онъ помогъ намъ въ нашемъ дѣлѣ
И назвался Винченціо изъ Пизы.

УСМИРЕНІЕ СТРОПТИВОЙ. (Дѣйствіе III, сц. 2).

Картина извѣстнаго англійскаго живописца Фрэнсиса Уитли (Wheatley, 1747—1801). (Большая Бойделевская галлерея).

Пусть выдастъ обезпеченье онъ
На бо́льшія, чѣмъ обѣщалъ я, суммы,
И будете вполнѣ спокойны вы
И женитесь на несравненной Бьянкѣ.

Лючендіо.

Когда-бы мой товарищъ-музыкантъ
Не такъ усердно насъ подстерегалъ,
Я тайно обвѣнчался бы съ Біанкой.
Обвѣнчанъ я—мнѣ нечего бояться:
Я получилъ ее и не отдамъ.

Траніо.

Подумаемъ серьезно и объ этомъ,—
И взвѣсимъ все, чтобъ не попасть въ просакъ.
Всѣхъ проведемъ: и Греміо-хрыча,
Минолу, носъ сующаго повсюду,
И пламеннаго Лючіо съ бандурой:
Всѣхъ проведемъ для васъ, синьоръ Лученціо.

Входитъ Греміо.

Вы изъ собора Греміо?

Греміо.

Когда-то
Я удиралъ вотъ точно такъ изъ школы!

Траніо.

Тамъ молодецъ нашъ?

Греміо.

Да, ужъ—молодецъ!
Вы правильно назвали—молодчина!
Почувствуетъ жена, что онъ такое.

Траніо.

Ужели онъ строптивѣе ея?

Греміо.

Да это дьяволъ,—чортъ, чистѣйшій чортъ.

Траніо.

Ну и она, вѣдь, чортово отродье.

Греміо.

Она,—ягненокъ, голубь передъ нимъ!
Вы слушайте, синьоръ. Когда священникъ
Спросилъ: „Охотой вы идете въ бракъ?
Онъ рявкнулъ: „Ну, конечно!“—да такъ громко,
Что книгу выронилъ съ испуга попъ;
Когда нагнулся онъ ее поднять,
Его шальной такъ пнулъ,—что вслѣдъ за книгой
И попъ упалъ на книгу. „А теперь,—
Сказалъ онъ,—подымайте ихъ, кто хочетъ!“

Траніо.

А что сказала Катарина?

Греміо.

О!
Она тряслась, а онъ ругался, топалъ,—
Какъ будто попъ его обидѣлъ кровно.
Когда вѣнчанье подошло къ концу
И дали имъ вина, онъ крикнулъ: „Ваше
Здоровье!“—точно послѣ бури пилъ
Съ матросами. Весь ковшикъ опорожнилъ,
А что осталось—выплеснулъ въ лицо
Пономарю за то, что онъ своей
Трясъ жидкой бороденкой такъ умильно,
Какъ будто и ему хотѣлось выпить.
Потомъ жену облапивши за шею,
Ее онъ въ губы началъ цѣловать,
Да такъ, что гулъ кругомъ пошелъ по церкви.
И я бѣжалъ отъ этакого срама,—
За мною побѣжали остальные.
Такихъ еще вѣнчаній не бывало!
Да вотъ они: ужъ музыка слышна.

Музыка. Входятъ Петручіо, Катарина, Баптиста, Біанка, Гортензіо, Груміо *и гости.*

Петручіо.

Благодарю, друзья, отъ всей души!
Конечно, вы надѣялись со мною
Попировать; столы давно готовы.
Увы! Я долженъ васъ тотчасъ покинуть:
Дѣла, и не отложныя: прощайте.

Баптиста.

Какъ? Къ ночи вы намѣрены уѣхать?

Петручіо.

Нѣтъ,—до ночи я намѣренъ уѣхать.
Не удивляйтесь! О, когда-бъ вы знали,
Зачѣмъ я ѣду,—вы меня спѣшить
Просили-бы. Итакъ—благодарю!
Синьоры: я теперь принадлежу
Прелестной, кроткой, терпѣливой Катѣ.
Пируйте съ тестемъ,—намъ желайте счастья,
А мнѣ пора! Счастливо оставаться!

Траніо.

Позвольте васъ просить хоть отобѣдать.

Петручіо.

Я не могу...

Греміо.

Я тоже васъ прошу.

Петручіо.

Не въ силахъ я...

Катарина.

Я тоже васъ прошу.

ПЕТРУЧІО.
Я счастливъ.

КАТАРИНА.
Тѣмъ счастливы, что остаетесь?

ПЕТРУЧІО.
Я счастливъ вашей просьбою остаться,
Но не останусь, сколько ни просите.

КАТАРИНА.
Останьтесь... если любите меня.

ПЕТРУЧІО.
Эй, Груміо,—коней!...

ГРУМІО.
Синьоръ, готово:
Ихъ съѣлъ овесъ!

КАТАРИНА.
А,—коль на то пошло,
Такъ я совсѣмъ сегодня не поѣду,
Ни завтра не поѣду, ни потомъ,—
Пока не захочу. Вотъ двери, настежь!
Синьоръ,—счастливый путь. А я останусь,
Останусь здѣсь насколько мнѣ угодно!
Хорошій мужъ вы, нечего сказать,—
Когда въ день свадьбы такъ себя ведете!

ПЕТРУЧІО.
О, Котикъ, успокойся, не сердись!

КАТАРИНА.
Хочу сердиться! Не твоя забота.
Отецъ, не безпокойтесь: все уладимъ.

ГРЕМІО.
Теперь сейчасъ начнется перепалка.

КАТАРИНА.
Синьоры,—милости прошу къ столу.
Какъ женщину легко дурачить, если
Она отпора не съумѣетъ дать!

ПЕТРУЧІО.
Ты хочешь такъ? Ну что-жъ: они пойдутъ.
Синьоры, повинуйтесь молодой,
Идите, пьянствуйте, буяньте, пейте
За дѣвственность невѣсты, веселитесь
Что хватитъ силъ, или подите къ чорту!
А мой веселый Котикъ тоже ѣдетъ.
Не надо такъ смотрѣть, и ножкой топать,
И хмуриться. Вѣдь я отъ своего
Не отступлюсь: ты собственность моя;
Мое имѣнье, домъ, посуда, поле,
Конь, рига, волъ, оселъ,—ты все мое!
Вотъ здѣсь она! Осмѣльтесь пальцемъ
тронуть!
Я буду биться съ каждымъ, кто посмѣетъ
Загородить мнѣ въ Падуѣ дорогу.
Эй, Груміо: разбойники! Будь смѣлъ!
Мечъ на-голо! Въ опасности синьора.
Не бойся, Котикъ,—не посмѣютъ тронуть:
Я отъ милльона защищу тебя!
(Уноситъ съ Груміо Катарину).

БАПТИСТА.
Ну, пара! Пусть себѣ уходятъ съ богомъ!

ГРЕМІО.
Еще минута,—я-бъ отъ смѣха лопнулъ!

ТРАНІО.
Такихъ безумныхъ свадебъ я не видѣлъ!

ЛЮЧЕНЦІО *(Біанкѣ).*
Что о сестрѣ вы скажете, синьора?

БІАНКА.
За бѣшенаго бѣшеная вышла.

ГРЕМІО.
Его окатитъ варомъ этотъ котикъ.

БАПТИСТА.
Сосѣди и друзья! У насъ пустуютъ
Приборы новобрачныхъ за столомъ,—
Но все-же пиръ мы зададимъ на славу.
Люченціо пойдетъ за жениха,
И пусть Біанка будетъ за невѣсту.

ТРАНІО.
Чтобъ пріучалась къ роли новобрачной!

БАПТИСТА.
Чтобъ пріучалась. Ну, идемъ, синьоры.

ГРУМІО.

Рисунокъ извѣстнаго англійскаго иллюстратора сэра Джона Джильберта.
(Sir John Gilbert, p. 1817).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Въ деревенскомъ домѣ Петруччіо.

Груміо *входитъ.*

Груміо.

Чортъ бы подралъ всѣхъ замореннныхъ клячъ, всѣхъ сумасшедшихъ господъ и всѣ непролазныя дороги! Былъ-ли когда-нибудь человѣкъ такъ разбитъ, былъ-ли когда человѣкъ такъ перепачканъ грязью, былъ-ли когда человѣкъ такъ изнуренъ? И меня посылаютъ впередъ разводить огонь, а они пріѣдутъ потомъ, чтобы отогрѣваться! Еслибы я не былъ выпивши, не умѣлъ быстро согрѣваться, мои губы примерзли-бы къ зубамъ, языкъ—къ небу, сердце—къ моей утробѣ, прежде чѣмъ огонь разгорѣлся-бы и согрѣлъ меня, но я буду такъ раздувать, что согрѣюсь. На дворѣ такая погода, что можетъ простудиться и болѣе рослый человѣкъ, чѣмъ я. Эй, Куртисъ!

Входитъ Куртисъ.

Куртисъ.

Кто меня зоветъ такимъ прозябшимъ голосомъ?

Груміо.

Ледяная сосулька! Если ты сомнѣваешься въ этомъ, можешь скатиться по мнѣ отъ плечъ до пятокъ; для разбѣга тебѣ послужитъ моя голова и шея. Огня, душенька Куртисъ!

Куртисъ.

Ну что, Груміо, жалуетъ нашъ баринъ съ супругою?

Груміо

Да, да, Куртисъ, и потому огня, огня! Не воды, а огня.

КУРТИСЪ.

Правда, что она такъ строптива и горяча, какъ про нее идутъ слухи?

ГРУМІО.

Была, мой добрый Куртисъ, до этого мороза; но ты знаешь, зима укрощаетъ и мужчинъ, и женщинъ, и скотовъ, и она укротила моего прежняго синьора, мою новую синьору и насъ самихъ, другъ мой Куртисъ.

КУРТИСЪ.

Ну тебя, трехдюймовый шутъ! Развѣ я скотъ?

ГРУМІО.

Я трехдюймовый? У тебя рога въ цѣлый футъ, а я ихъ не короче. Разведешь ты огонь? Я вѣдь пожалуюсь на тебя новой синьорѣ, и ты почувствуешь ея руку (кстати, она сама здѣсь подъ рукой) и тебѣ будетъ холодно отъ того, что ты такъ медленно насъ согрѣваешь.

КУРТИСЪ.

Разскажи-ка, умоляю тебя, Груміо, что происходитъ на свѣтѣ?

ГРУМІО.

Весь свѣтъ замерзъ—одно только твое дѣло горячее,—поэтому—огня! Исполняй свой долгъ, раздувай: синьора и синьоръ замерзли до смерти.

КУРТИСЪ.

Огонь разгорѣлся. Давай-же новостей, новостей, мой добрый Груміо!

ГРУМІО *(поетъ)*.

„Ну, Джекъ, ну впередъ!“—
У меня много новостей ..

КУРТИСЪ.

Это надувательство, а не новости.

ГРУМІО.

Мнѣ самому надуло сегодня порядкомъ. А гдѣ поваръ? А готовъ-ли ужинъ? Убранъ-ли домъ? Набросана-ли трава на полъ? Сметена-ли паутина? Надѣли-ли всѣ новую бумазею, бѣлые чулки и праздничную ливрею? Вычищена-ли посуда снутри и снаружи? Положены-ли ковры и все-ли въ порядкѣ?

КУРТИСЪ.

Все готово и потому—новости!

ГРУМІО.

Во-первыхъ, скажу тебѣ: мой конь усталъ, а синьоръ съ синьорой чебурахнулись.

КУРТИСЪ.

Какимъ образомъ?

ГРУМІО.

Такимъ: съ сѣдла въ грязь. Къ этому-то я веду разсказъ.

КУРТИСЪ.

Ну, слушаю, слушаю.

ГРУМІО.

Протяни мнѣ твое ухо.

КУРТИСЪ.

Ну!

ГРУМІО *(схвативъ его за ухо)*.

Ну, вотъ!

КУРТИСЪ.

Однако, это чувствительно!

ГРУМІО.

Да, исторія очень чувствительная. Я дернулъ тебя, чтобы возбудить въ тебѣ больше вниманія. Ну, вотъ теперь я начинаю. Imprimis. Мы спускались съ грязнаго пригорка. Синьоръ былъ сзади синьоры.

КУРТИСЪ.

Оба на одной лошади?

ГРУМІО.

Что тебѣ до этого?

КУРТИСЪ.

Ну, и лошадь!...

ГРУМІО.

Теперь самъ разсказывай. А еслибъ ты не перебилъ меня, то услышалъ-бы, какъ лошадь упала, а синьора подъ лошадь; ты услышалъ-бы о томъ, что это была за грязища; какъ онъ началъ лупить меня за то, что лошади спотыкаются; какъ она шлепала черезъ грязь, чтобы стащить его съ меня; какъ онъ отчаянно ругался; какъ она умоляла его,—она, которая никогда, никого ни о чемъ не умоляла; какъ я оралъ и какъ кони разбѣжались, потому что повода лопнули, а я потерялъ мой надхвостникъ. Я-бы разсказалъ тебѣ еще о многихъ другихъ важныхъ событіяхъ, достойныхъ вниманія, но теперь они погибнутъ въ забвеніи, и ты сойдешь въ могилу, ничего не узнавъ.

КУРТИСЪ.

По этой таблицѣ выходитъ, что онъ бѣшеннѣе ея?

ГРУМІО.

Вотъ, вотъ. Вернется онъ домой, всѣ вы это увидите, и ты первый. Однако, что-жъ я тутъ раскалякался? Зови Натаніеля, Іосифа, Николая, Филиппа, Вальтера, Блюдолиза и всѣхъ прочихъ. Пусть примажутъ себѣ головы, вычистятъ голубыя ливреи, аккуратно подвяжутъ подвязки, пусть шаркаютъ лѣвой ножкой и сохрани Господи прикоснуться даже къ хвосту лошади моего синьора, прежде чѣмъ не поцѣлуютъ ихъ ручекъ. Всѣ они готовы?

КУРТИСЪ.

Всѣ.

ГРУМІО.

Зови ихъ сюда.

КУРТИСЪ.

Слушайте, эй вы! Идите встрѣчать синьора: надо не ударить лицомъ въ грязь передъ синьорой.

ГРУМІО.

У ней у самой лицо въ грязи.

КУРТИСЪ.

Такъ что-же?

ГРУМІО.

А ты хочешь на зло ей показать, что вы всѣ чисты.

КУРТИСЪ.

Должны же мы подумать о долгѣ?

ГРУМІО.

Что-же вы взаймы ей будете деньги давать?

Входятъ нѣсколько слугъ.

НАТАНІЕЛЬ.

Съ пріѣздомъ, Груміо!

ФИЛИППЪ.

Какъ дѣла, Груміо?

ІОСИФЪ.

Ну что, Груміо?

НИКОЛАЙ.

А, другъ, Груміо!

НАТАНІЕЛЬ.

Ну, какъ, старый шутъ?

ГРУМІО.

Будь здоровъ ты! Ну, что ты? Какъ ты? И ты, другъ? Довольно на всѣхъ? Теперь, мои щеголи, скажите, все-ли въ порядкѣ?

НАТАНІЕЛЬ.

Все. А синьоръ далеко?

ГРУМІО.

Близехонько. Я думаю, ужъ съ сѣдла слѣзъ. Ахъ чортъ подери, молчите: его голосъ!

Входятъ ПЕТРУЧІО *и* КАТАРИНА.

ПЕТРУЧІО.

Гдѣ-же люди? У подъѣзда ни души—
Чтобъ стремя подержать, чтобъ взять коня.
Гдѣ Натаньель, Григорій и Филиппъ?

ГОЛОСА.

Мы здѣсь, синьоръ! Мы здѣсь! Мы здѣсь, синьоръ!

ПЕТРУЧІО.

„Мы здѣсь, синьоръ!“ Вы олухи! невѣжи!
Ни встрѣтить, ни принять, ни поклониться!
Гдѣ тотъ дуракъ, что я послалъ впередъ?

ГРУМІО.

Я здѣсь, синьоръ,—и все дуракъ такой-же.

ПЕТРУЧІО.

Свинья, мерзавецъ, пентюхъ! Хамъ несчастный!
Не говорилъ тебѣ я: встрѣть насъ въ паркѣ
И приведи всѣхъ этихъ негодяевъ?

ГРУМІО.

У Натаньеля куртка не готова,
Подметки у Филиппа отвалились,
Нѣтъ краски вычистить у Пьетро шляпу,
У Вальтера ноженъ нѣтъ отъ кинжала,
Адамъ, Григорій, Ральфъ—одни въ порядкѣ,
А остальные—нищіе въ лохмотьяхъ,—
Но всѣ здѣсь на-лицо, чтобъ встрѣтить васъ.

ПЕТРУЧІО.

Ну, живо ужинъ подавать!
(Слуги уходятъ).
(Поетъ). „Гдѣ моя прежняя жизнь холостая,
Гдѣ она?..“
—Садись-же, Котикъ—милости прошу.
Прошу, прошу, прошу!
(Вносятъ ужинъ).
Что тамъ такое?..
Ну, Котикъ милый, будь повеселѣй.
Эй, сапоги снимите, негодяи!
Что?..

УСМИРЕНІЕ СТ҃ОПТИВОЙ (Дѣйствіе IV, сц. 1).

Картина извѣстнаго англійскаго живописца Юлія Цезаря Ибботсона (Ibbetson, 1759—1817). (Малая Бойковская галлерея).

(*Поетъ*). „То былъ францисканскій монахъ,
И вышелъ онъ разъ погулять"...
—Бездѣльникъ, прочь! Ты вывихнилъ мнѣ ногу!

(*Бьетъ его*).

Вотъ, вотъ тебѣ! Впередъ будь осторожнѣй!
Будь, Котикъ, веселѣе! Эй, воды!...
Да гдѣ-же песъ-Троилъ? Эй, попроси
Сюда скорѣй кузена Фердинанда!
Его ты встрѣтишь, Котикъ, поцѣлуемъ.
Ну, гдѣ-же туфли? Что-же умываться?
Мой руки, Котикъ! Наконецъ, мы дома!

(*Слуга роняетъ тазъ*).

Несчастный,—не умѣетъ тазъ подать?

(*Бьетъ его*).

КАТАРИНА.

Постойте,—онъ нечаянно... Клянусь вамъ...

ПЕТРУЧІО.

Мошенникъ, негодяй, скотина, олухъ!
Садись, мой Котикъ! Ты вѣдь хочешь кушать?
Молитву кто прочтетъ: ты? или я?

(*Садятся*).

Что это? Кажется, баранина?

СЛУГА.

Такъ точно.

ПЕТРУЧІО.

Кто подалъ?

СЛУГА.

Я.

ПЕТРУЧІО.

Все подгорѣло, черти!
Гдѣ поваръ! Гдѣ разбойникъ? Негодяи!
Осмѣлились на ужинъ мнѣ подать
Завѣдомо испорченныя блюда!
Такъ вотъ вамъ все: долой тарелки, кубки!

(*Сбрасываетъ все со стола*).

Болваны! Неотесанныя дряни!
Ворчать еще? Ну, я васъ подтяну!

КАТАРИНА.

Прошу васъ, успокойтесь, ради Бога!
Совсѣмъ недурно приготовленъ ужинъ...

ПЕТРУЧІО.

Нѣтъ, Котикъ,—все засушено, сгорѣло,
А мнѣ нельзя прожареннаго ѣсть:
И разливаетъ жолчь, и горячитъ.
Обоимъ намъ не дурно воздержаться:
Мы безъ того съ тобою горячи,—
А тутъ еще прожаренное мясо!
Ты потерпи: мы завтра все поправимъ,
А ночь сегодня попостимся вмѣстѣ.
Пойдемъ, тебя я отведу въ кроватку...

Уходитъ съ КАТАРИНОЙ *и* КУРТИСОМЪ.

НАТАНІЕЛЬ.

Ну, Пьетро, видѣлъ ты такія штуки?

ПЬЕТРО.

Клинъ клиномъ хочетъ вышибать.

КУРТИСЪ *входитъ*.

ГРУМІО.

Ну, что?

КУРТИСЪ.

Онъ въ спальнѣ проповѣдь читаетъ ей.
Ругается, клянется, поучаетъ.
Бѣдняжечка не знаетъ, гдѣ ей стать,
Гдѣ сѣсть, какъ поглядѣть... Съ просонья точно...
Тс... Тише! Вотъ онъ самъ... Идетъ сюда.

(*Уходятъ*).

Входитъ ПЕТРУЧІО.

ПЕТРУЧІО.

Ну-съ,—началось цареніе мое,—
Надѣюсь, что оно успѣшно будетъ.
Мой соколъ голоденъ и возбужденъ;
Пока онъ не смирится—ѣсть не будетъ:
Лишь голодъ можетъ приручить дикарку.
Еще есть способъ, чтобы соколъ зналъ
Хозяина и шелъ къ нему на зовъ—
Безсонница; мы соколовъ строптивыхъ
Такъ укрощаемъ; съ нею то-же будетъ;
Она не ѣла, и не будетъ ѣсть;
Ночь не спала,—не будетъ спать и эту:
Какъ въ кушаньяхъ нашелъ я неисправность,
Такъ я найду ее въ постеляхъ нашихъ,
Швырну подушки прочь, сюда перины,—
И простыни, и одѣяло къ чорту,
И стану увѣрять ее и клясться,
Что дѣлаю все это изъ любви.
Въ концѣ концовъ—не спать ей эту ночь!
Едва задремлетъ—подниму содомъ,
Не дамъ заснуть отъ грохота и шума.
Вотъ средство—усмирять жену любовью.
Быть можетъ есть еще какое средство?
Прошу сказать: мы будемъ благодарны.

УСМИРЕНІЕ СТРОПТИВОЙ. (Дѣйствіе IV, сц. 1).

Картина нѣмецкаю художника Фридриха Шверера (Friedrich Schwörer, 1833—1891).

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Падуя. Передъ домомъ Баптисты.

ТРАНІО *и* ГОРТЕНЗІО.

ТРАНІО.

Какъ, Личіо: Біанка влюблена,
Но не въ Люченціо? Тогда скажу,
Что ловко провела меня синьора.

ГОРТЕНЗІО.

Чтобъ убѣдиться въ правдѣ словъ моихъ,
Останьтесь здѣсь, узнать, чему онъ учитъ.
(*Отходятъ въ сторону*).

Входятъ БІАНКА *и* ЛЮЧЕНЦІО.

ЛЮЧЕНЦІО.

Какъ успѣваете, синьора, въ чтеньѣ?

БІАНКА.

А вы теперь чѣмъ заняты, учитель?

ЛЮЧЕНЦІО.

Любовь—всегда предметъ моихъ занятій.

БІАНКА.

И овладѣли знаньемъ вы вполнѣ?

ЛЮЧЕНЦІО.

Да, если вы владѣть хотите мною.

ГОРТЕНЗІО (*Транію*).

Ну, каковы успѣхи? Вы клялись,
Что Бьянкѣ дорогъ лишь одинъ Люченцьо?
Ну, что теперь вы скажете, синьоръ?

ТРАНІО.

Несчастная любовь! Я изумленъ!
О, Личіо, какъ женщины коварны!

ГОРТЕНЗІО.

Не заблуждайтесь больше: я не Личьо,
Не музыкантъ, какимъ меня вы знали,
Теперь мнѣ гадокъ этотъ маскарадъ,
Я думалъ имъ достичь любви Біанки,
Она-же проходимца предпочла
Мнѣ, дворянину!—Знайте: я Гортензьо.

ТРАНІО.

Синьоръ Гортензіо,—давно я слышалъ,
Что вы любви Біанки добивались.
Теперь, узнавъ ея непостоянство,
Я вашъ союзникъ; если вы хотите,
Я отъ нея навѣки отрекаюсь.

ГОРТЕНЗІО.

Смотрите, что за нѣжность! Поцѣлуи!
Синьоръ, вотъ вамъ рука моя. Клянусь,
Я отрекаюсь отъ нея. Не стóитъ
Она моихъ сердечныхъ увѣреній,
Которыя предъ ней я расточалъ.

ТРАНІО.

Клянусь и я, что мужемъ никогда
Ея не бýду, какъ бы ни просила.
Смотрите: такъ и льнетъ она къ нему.

ГОРТЕНЗІО.

Пускай,—за то мы всѣ ее накажемъ
Презрѣн емъ. Свое сдержу я слово:
Черезъ три дня съ одной вдовой богатой
Обвѣнчанъ буду. Любитъ ужъ давно
Она меня не меньше чѣмъ люблю
Я гордую Біанку. До свиданья,
Синьоръ. Мы въ женщинахъ должны любить
Ихъ душу, а не глазки. До свиданья,
Я въ клятвѣ твердъ и выполню ее.
(*Уходитъ*).

ТРАНІО.

Синьора, пусть благословитъ васъ небо
И да поможетъ вамъ въ дѣлахъ любви.
Мы васъ застали на свиданьѣ здѣсь
И отреклись отъ васъ: я и Гортензьо.

БІАНКА.

Ты шутишь, Траньо? Оба отреклись?

ТРАНІО.

Да, оба!

ЛЮЧЕНЦІО.

Значитъ, Личіо не страшенъ?

ТРАНІО.

Есть у него какая-то вдовица,
И онъ сейчасъ пойдетъ вѣнчаться съ ней.

БІАНКА.

Пошли ему Господь такое счастье!

ТРАНІО.

Онъ хочетъ усмирить ее.

БІАНКА.

Да ну?

ТРАНІО.

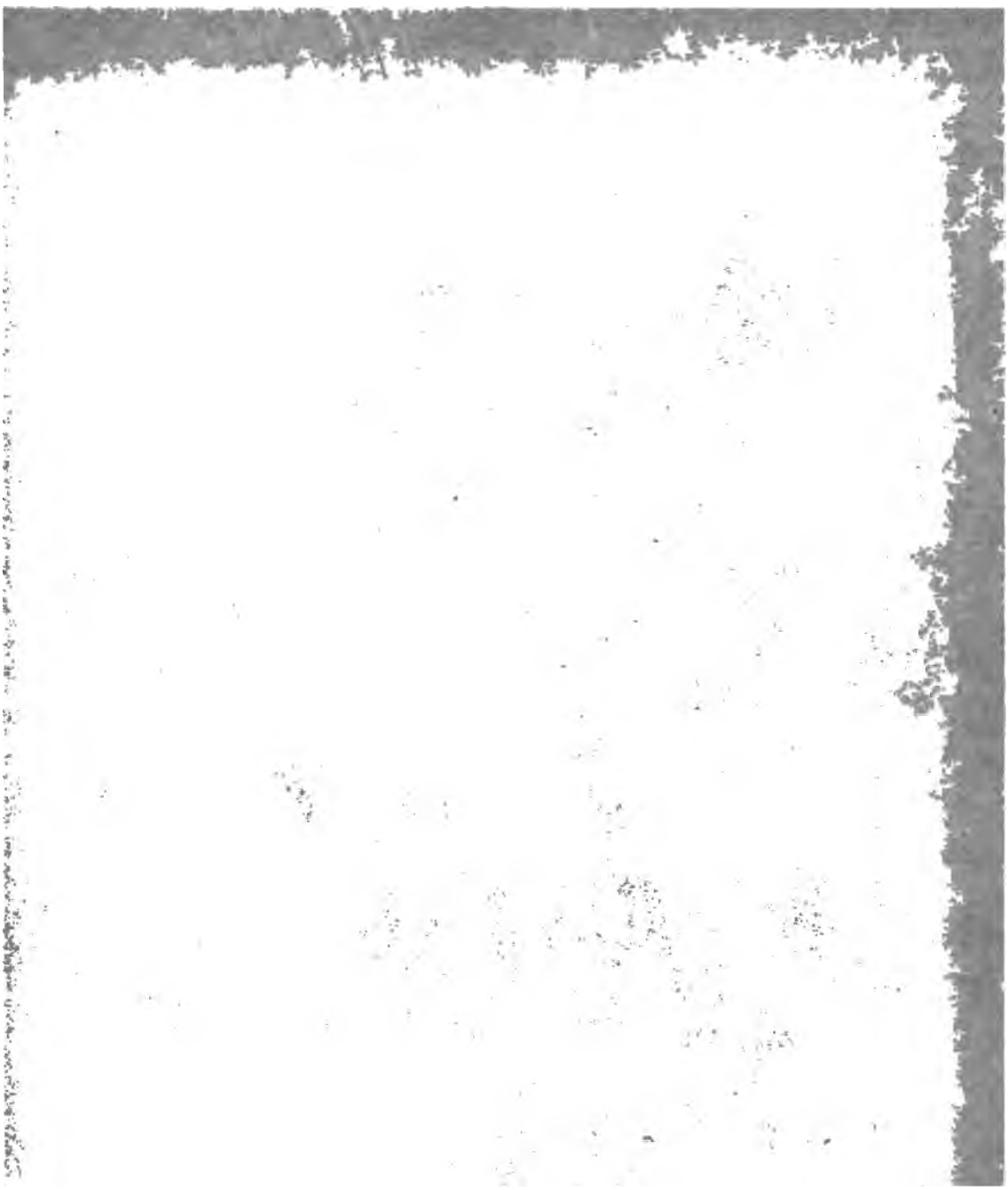
Онъ въ школу „обученья усмиренью"
Теперь пошелъ.

БІАНКА.

А есть такая школа?

ТРАНІО.

О, да, синьора,—тамъ даетъ уроки
Петручіо. Успѣхъ невѣроятный!
Нѣтъ больше женъ сварливыхъ и болтливыхъ!



Тѣ же и Біонделло.

Біонделло.

Синьоръ! Синьоръ! Усталъ я, какъ собака.
Ждалъ, ждалъ и выждалъ. Вотъ смотрите: ветхій
Сюда грядетъ съ того пригорка старецъ,
Какъ разъ онъ будетъ подходящій намъ.

Траніо.

Кто онъ, Біонделло?

Біонделло.

Точно неизвѣстно:
Не то купецъ, не то какой учитель,
За то на видъ— родитель настоящій.

Лученціо.

Зачѣмъ онъ намъ?

Траніо.

Когда онъ глуповатъ
И мнѣ повѣритъ, я его заставлю
Отцомъ моимъ, Винченціо, назваться
И подписать условіе съ Баптистой.
Уйдите вы съ невѣстой,—не мѣшайте.

Лученціо *и* Біанка *уходятъ*.

Входитъ педагогъ.

Педагогъ.

Спаси васъ Богъ, синьоръ!

Траніо.

И васъ, синьоръ.
Далеко-ли изволите итти?

Педагогъ.

Далеко. Здѣсь недѣлю или двѣ
Я отдохну, а тамъ—отправлюсь въ Римъ
И Триполи. Пошли, Господь, мнѣ силы!

Траніо.

Откуда вы?

Педагогъ.

Изъ Мантуи.

Траніо.

Синьоръ!
И вы рѣшились, жизнію рискнувъ,
Пріѣхать къ намъ?

Педагогъ.

Какъ? Жизнью? Синьоръ!
Ужель опасно здѣсь?

Траніо.

А вы не знали?
Смерть мантуанцамъ, въ Падую пришедшимъ!
Вашъ флотъ въ Венеціи задержанъ. Герцогъ,
Поссорясь съ вашимъ герцогомъ, издалъ
И обнародовалъ о томъ законы.
Положимъ, вы въ дорогѣ находились,
Но все-жъ могли-бы видѣть объявленье.

Педагогъ.

Увы, синьоръ, все это такъ ужасно!
По флорентинскимъ векселямъ я долженъ
Здѣсь получить мой капиталъ.

Траніо.

Синьоръ,
Я услужу вамъ, чѣмъ могу. И вотъ
Мой дружескій совѣтъ. Скажите: вы
Когда-нибудь бывали прежде въ Пизѣ?

Педагогъ.

О, да, синьоръ, бывать мнѣ тамъ случалось,
Тамъ много есть весьма почтенныхъ гражданъ.

Траніо.

Знавали или нѣтъ вы тамъ Винченцьо?

Педагогъ.

Нѣтъ, не знавалъ, но слышалъ, много слышалъ.
Громаднымъ состояньемъ онъ владѣетъ.

Траніо.

То мой отецъ, синьоръ, и чрезвычайно
На васъ похожъ наружностью своей.

Біонделло *(въ сторону)*.

Какъ яблоко на устрицу похоже.

Траніо.

Во имя сходства этого, хочу я
Спасти васъ, и въ удачу твердо вѣрю.
Вы на него похожи, такъ возьмите
И имя, и кредитъ его, и въ домѣ
Моемъ остановитесь безъ стѣсненья,
Отцомъ моимъ представьтесь хорошенько.
Вы поняли, синьоръ? Пока вы дѣлъ
Не кончите, живите здѣсь спокойно.
Угодно вамъ принять мою услугу?

Педагогъ.

Я вѣчно буду васъ считать моимъ
Спасителемъ отъ смерти и тюрьмы.

Траніо.

Тогда пойдемъ, уладимъ это дѣло.
Я долженъ вамъ сказать, что моего
Отца здѣсь ждутъ съ минуты на минуту,
Чтобъ подписалъ онъ брачный договоръ:
Женюсь я здѣсь на дочери Баптисты.
Я обо всемъ вамъ разскажу подробно.
Скорѣе, вамъ переодѣться надо.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Комната въ деревенскомъ домѣ Петручіо.

КАТАРИНА *и* ГРУМІО.

ГРУМІО.

Нѣтъ,—я не смѣю! Ни за что на свѣтѣ!

КАТАРИНА.

Я все больнѣе чувствую обиду!
Чтобъ голодомъ жену морить—женился!
Къ дверямъ отца подходитъ съ просьбой нищій,
Его прогонятъ,—онъ къ другимъ пойдетъ,
И все-же сытъ, хоть скуднымъ подаяньемъ.
А я? Не знавшая, что значитъ просьба,
Незнавшая нужды,—я умираю
Отъ голоду, я спать хочу смертельно.
А онъ меня одною бранью кормитъ.
И что меня всего сильнѣе бѣситъ:
Онъ это дѣлаетъ подъ видомъ ласки!
Какъ будто, еслибъ я вздремнула, съѣла,
Такъ заболѣла-бы, иль умерла.
Прошу тебя, поѣсть чего-нибудь,
Чего-нибудь, чтобъ сытой быть!

ГРУМІО.

Телячьи ножки?

КАТАРИНА.

Все равно, хоть ножки
Неси.

ГРУМІО.

Но ножки горячатъ, синьора!
А вотъ кишка, поджаренная въ салѣ?

КАТАРИНА.

На все готова я, давай скорѣй.

ГРУМІО.

Кишка вѣдь тоже горячитъ, синьора!
Не взять-ли намъ говядины съ горчицей?

КАТАРИНА.

Прекрасное и вкусное жаркое!

ГРУМІО.

Горчица тоже горячитъ, синьора!

КАТАРИНА.

Тогда подай мнѣ мясо безъ горчицы.

ГРУМІО.

Нельзя подать мясное безъ горчицы,
То и другое—или ничего.

КАТАРИНА.

То и другое, иль одно,—что хочешь.

ГРУМІО.

Одну горчицу только, и безъ мяса?

КАТАРИНА.

Вонъ, вонъ сейчасъ, безсовѣстный холопъ!
(Бьетъ его).
Названьями лишь блюдъ меня ты кормишь!
Проклятье вамъ и вашей подлой сворѣ—
Вы тѣшитесь страданьями моими!
Вонъ съ глазъ моихъ!

ПЕТРУЧІО *съ блюдомъ и* ГОРТЕНЗІО.

ПЕТРУЧІО.

Ну, Котикъ, что? Грустна, моя краса?

ГОРТЕНЗІО.

Какъ поживаете, синьора?

КАТАРИНА.

Скверно!

ПЕТРУЧІО.

Ну, полно, улыбнись, гляди бодрѣе!
Смотри, мой ангелъ, какъ заботливъ я:
Самъ все состряпалъ, самъ тебѣ принесъ,—
Надѣюсь, Котикъ скажетъ мнѣ спасибо!
Что-жъ ты молчишь? Стряпня моя плоха?
И всѣ труды мои пропали даромъ?
Эй, вы! Возьмите прочь,—не нужно это!

КАТАРИНА.

Прошу тебя, оставь.

ПЕТРУЧІО.

Обыкновенно
Благодарятъ за вздорную услугу.
Благодари, или совсѣмъ не ѣшь.

КАТАРИНА.

Благодарю васъ.

ГОРТЕНЗІО.

Фу, синьоръ, стыдитесь!
(Ей). Я буду съ вами завтракать, синьора.

ПЕТРУЧІО *(ему тихо).*

Будь другомъ: съѣшь скорѣе всю стряпню.
(Ей). Я за добро всегда плачу добромъ.
Ну, кушай, Котикъ! Радость! Жизнь моя!
Теперь къ отцу съ тобою мы поѣдемъ,
И попируемъ у него на славу!
Ходить въ шелку и золотѣ мы будемъ.
Брызжи, манжеты, фижмы, опахалы,
Накидки! Вдоволь наберемъ всего:
Янтарныхъ бусъ и четокъ, и браслетовъ.
Не хочешь кушать больше? Тамъ портной
Съ примѣркой ждетъ; такъ платье и шуршитъ!
Иди сюда!

ПОРТНОЙ *входитъ.*

Давай свою работу.

УСМИРЕНІЕ СТРОПТИВОЙ. (Дѣйствіе IV, карт. 3).
Картина извѣстнаго англійскаго жанриста Чарльза Роберта Лесли (Ch. Rob. Leslie, 1794 –1859).

Входитъ шляпникъ.

Постой, что этотъ намъ синьоръ принесъ?

Шляпникъ.

Вы заказали шапочку? Готово.

Петручіо.

Да ты на чашку примѣрялъ ее?
Колпакъ изъ бархата на чашку? Мерзость!
Что это? Раковина? Скорлупа
Отъ грѣцкаго орѣха? Побрякушка
Ребячья? Убирайся съ нею прочь,
И сдѣлай мнѣ другую,—больше этой.

Катарина.

И не хочу большую. Это—мода.
Всѣ дамы носятъ именно такія.

Петручіо.

Будь поуступчивѣй, и ты получишь
Такую, только не теперь.

Гортензіо.

Не скоро
Она получитъ!

Катарина.

Но, синьоръ,— имѣю
Я право голоса. Позвольте вамъ
Сказать: я не младенецъ. Были люди
Получше васъ, и слушали меня.
Не нравится,—заткните ваши уши.
Я сдерживаться больше не могу:
Въ моей груди на части сердце рвется,
И далѣе терпѣть не въ силахъ я.

Петручіо.

Да, ты права: какая это шляпа!
Колпакъ, блинъ, простоквашница изъ шелка!
Люблю, что ты со мной всегда согласна.

Катарина.

Люби, иль не люби,—но эта шляпа
Мнѣ нравится. Другой носить не стану.

Петручіо.

Что? Платье? Да? Портной, давай намъ платье.
О, Господи! Да это маскарадъ!
Что это? Рукава или мортиры?
Съ защипами, какъ яблочный пирогъ.
Прорѣхи, вырѣзки, прорѣзы, складки!
Ни дать, ни взять—курильница въ цирюльнѣ!
Во имя чорта,—что это такое?

Гортензіо.

Быть ей теперь безъ шапочки и платья!

Портной.

Вы приказали сдѣлать хорошенько.
По модѣ...

Петручіо.

Сдѣлать, да, велѣлъ я сдѣлать
По модѣ, хорошенько, а не портить
По модѣ. Вонъ отсюда! удирай!—
Попрыгаете безъ моихъ заказовъ:
Имѣть я дѣла съ вами не желаю,
А съ этой дрянью дѣлай, что угодно.

Катарина.

Я не видала никогда, чтобъ платье
Такъ мило, такъ изящно было сшито.
Меня одѣть вы чучелой хотите!

Петручіо.

Да, чучелой тебя одѣть онъ хочетъ.

Портной.

Синьора говоритъ, что ваша милость
Ихъ чучелой одѣть хотите...

Петручіо.

Что?
Нахалъ, наперстокъ, нитка, клопъ, блоха!
Мотки изъ нитокъ стали разсуждать!
Прочь, лоскутокъ, обрѣзокъ, тряпка, дрянь!
Не то тебя отмѣрю я аршиномъ,
Чтобъ ты впередъ поменьше говорилъ.
Я повторяю: ты испортилъ платье.

Портной.

Нѣтъ, ваша милость: сдѣлано оно
Точь въ точь, какъ сдѣлать приказалъ хозяинъ.
Приказъ носилъ къ хозяину вашъ Грумьо.

Груміо.

Я не приказъ,—матерію носилъ.

Портной.

Но какъ вы сшить ее велѣли намъ?

Груміо.

Я сшить велѣлъ, синьоръ, иголкой съ ниткой.

Портной.

Но вы-же указали намъ покрой.

Груміо.

Ты умѣешь хорошо отдѣлывать?

Портной.

Умѣю.

Груміо.

Ну, а меня не отдѣлаешь. Перекраивай другихъ, а я не хочу, чтобы меня отдѣлывали и перекраивали. Я повторяю: я велѣлъ твоему хозяину скроить платье, а онъ накроилъ лоскутковъ. Ergo—ты лжешь

Портной.

Да вѣдь вотъ есть записка, гдѣ сказано какъ шить.

Петручіо.

Прочти-ка ее.

Груміо.

Записка нагло лжетъ, если въ ней сказано, что я приказалъ.

Портной *читаетъ*.

„Imprimis. Свободное платье"...

Груміо.

Синьоръ, если я говорилъ о свободномъ платьѣ, зашейте меня въ его подолъ и бейте до смерти концомъ суровой нитки. Я просто сказалъ: „платье".

Петручіо.

Продолжай.

Портной *(читаетъ)*.

„Съ небольшимъ круглымъ воротникомъ".

Груміо.

Вотъ съ воротникомъ я согласенъ.

Портной.

„Съ пышными рукавами"...

Груміо.

И съ рукавами согласенъ.

Портной.

„ ...Рукава въ прорѣзахъ"...

Петручіо.

Ну, вотъ въ этомъ вся мерзость.

Груміо.

Ошибка въ запискѣ, синьоръ, ошибка! Я сказалъ: рукава надо вырѣзать, а потомъ вшить,—и я тебѣ это докажу, хотя-бы твой мизинецъ былъ вооруженъ наперстком.

Портной.

А я утверждаю, что говорю правду. Въ другомъ мѣстѣ я бы показалъ тебѣ кое-что.

Груміо.

Я готовъ постоять за правду: бери въ руки твою записку, я возьму твой аршинъ,— и не щади меня.

Гортензіо.

Помоги тебѣ Господи, Груміо: бой не равенъ.

Петручіо.

Ну, такъ или иначе, платье это не для меня.

Груміо.

Да синьоръ: оно для синьоры.

Петручіо.

Прочь его,—и пусть твой хозяинъ дѣлаетъ что хочетъ.

Груміо.

Стой, негодяй, — этого нельзя! Какъ прочь платье синьоры, и пусть твой хозяинъ дѣлаетъ что хочетъ?

Петручіо.

Что ты городишь?

Груміо.

Нѣтъ-съ, это дѣло важное, синьоръ! Съ синьоры платье снять, и пусть хозяинъ его что хочетъ дѣлаетъ? Фуй! Фуй!

Петручіо *(тихо Гортензіо)*.

Скажи, что онъ потомъ получитъ деньги. *(Громко)*. Ступай безъ разговоровъ вонъ отсюда.

Гортензіо *(тихо)*.

Портной,—я завтра заплачу за платье.
Не обижайся на его слова
И кланяйся хозяину. Иди.

Портной *уходитъ*.

Петручіо.

Ну, Котикъ, мы въ убогихъ честныхъ платьяхъ
Поѣдемъ къ твоему отцу. Что дѣлать!
Пусть бѣдны платья, кошельки полны.
Не въ тѣлѣ красота: въ душевныхъ свойствахъ.
Какъ изъ-за черныхъ тучъ сіяетъ солнце,
Такъ честь сверкаетъ средь лохмотьевъ жалкихъ.
Ужель павлинъ намъ жаворонка лучше
Лишь потому, что хвостъ его красивъ?
Ужель ехидна намъ угря милѣе
Изъ-за своей блестящей пестрой шкурки?
Нѣтъ, Котикъ, нѣтъ, не будемъ хуже мы
И въ этомъ жалкомъ, нищенскомъ нарядѣ.
Повѣрь, мой другъ,—тутъ нечего стыдиться.
Не будь грустна,—мы тронемся сейчасъ,
Повеселимся, попируемъ вдосталь
У твоего отца.

(Груміо).

Сбери людей!

Пусть лошадей сведутъ къ оградѣ парка.
Туда пройдемся мы, а тамъ—на сѣдла.

Я думаю теперь ужъ скоро семь,
И мы какъ разъ къ обѣду подоспѣемъ.

Катарина.

Синьоръ, теперь ужъ два часа, навѣрно,
И къ ужину едва поспѣемъ мы.

Петручіо.

А будетъ семь, когда въ сѣдло я сяду.
Что ни скажу, ни вздумаю — во всемъ
Одно противорѣчье! *(Кричитъ въ дверь).*
Эй! Назадъ!
Не ѣду я.—Когда часы покажутъ
Тотъ часъ, что захочу,—тогда поѣду!

Гортензіо.

Ну, онъ теперь себя покажетъ солнцу!

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Падуя. Передъ домомъ Баптисты.

Траніо и педагогъ, *богато одѣтый.*

Траніо.

Вотъ домъ его. Хотите постучать?

Педагогъ.

Да, да, конечно. Если память мнѣ
Не измѣняетъ,—я знакомъ съ Баптистой.
Тому лѣтъ двадцать жили вмѣстѣ съ нимъ
Мы въ Генуѣ, въ гостиницѣ Пегаса.

Траніо.

Чудесно. Ну теперь входите въ роль,
Чтобъ походить на моего отца.

Педагогъ.

Я за себя ручаюсь. Вотъ и вашъ
Слуга. Его предупредить-бы надо.

Траніо.

Не безпокойтесь. Біонделло, вотъ
Кому теперь служить обязанъ ты;
Представь себѣ, что это самъ Винченцьо.

Біонделло.

Ну, за меня не опасайтесь.

Траніо.

Ты
Исполнилъ порученіе къ Баптистѣ?

Біонделло.

Да, я сказалъ, что въ Падую на-дняхъ
Отецъ вашъ изъ Венеціи прибудетъ.

Траніо.

Ты молодецъ,—вотъ получи за это.
Сюда идетъ Баптиста. Приготовьтесь.

Входятъ Баптиста и Лученціо.

Какъ кстати здѣсь встрѣчаемся мы съ
вами.
Синьоръ: вотъ тотъ, о комъ мы говорили,
Теперь—исполните отцовскій долгъ,
И дайте мнѣ Біанку.

Педагогъ.

Тише, сынъ мой!
Синьоръ, простите. Я сюда пріѣхалъ,
Чтобъ получить кой-что по векселямъ.
Лученціо, мой сынъ, мнѣ сообщилъ
О бракѣ между нимъ и дочкой вашей.
О васъ молва прекрасная идетъ,
Онъ безгранично любитъ вашу дочку,
Она—его,—зачѣмъ-же дѣло стало?
Я очень радъ за сына какъ отецъ,
И если вы съ моимъ согласны взглядомъ,
То я всегда готовъ поладить съ вами,
Сговорчивымъ меня вполнѣ найдете:
Какъ порѣшили, такъ оно и будетъ.
Подробностей я не желаю знать:
Баптиста вы—мнѣ этого довольно.

Баптиста.

Синьоръ, позвольте вамъ сказать на это:
Мнѣ нравится, что коротко и просто
Рѣшили вы вопросъ. Да, вашъ Лученцьо
Влюбился въ Бьянку, а она въ него,—
Или искусно роль ведутъ влюбленныхъ,—
А потому, вамъ стоитъ заявить,
Что, какъ отецъ, желая счастья сыну,
Вы обезпечите его жену,—
И дѣло кончено: вашъ сынъ получитъ
Согласіе мое съ Біанкой вмѣстѣ.

Траніо.

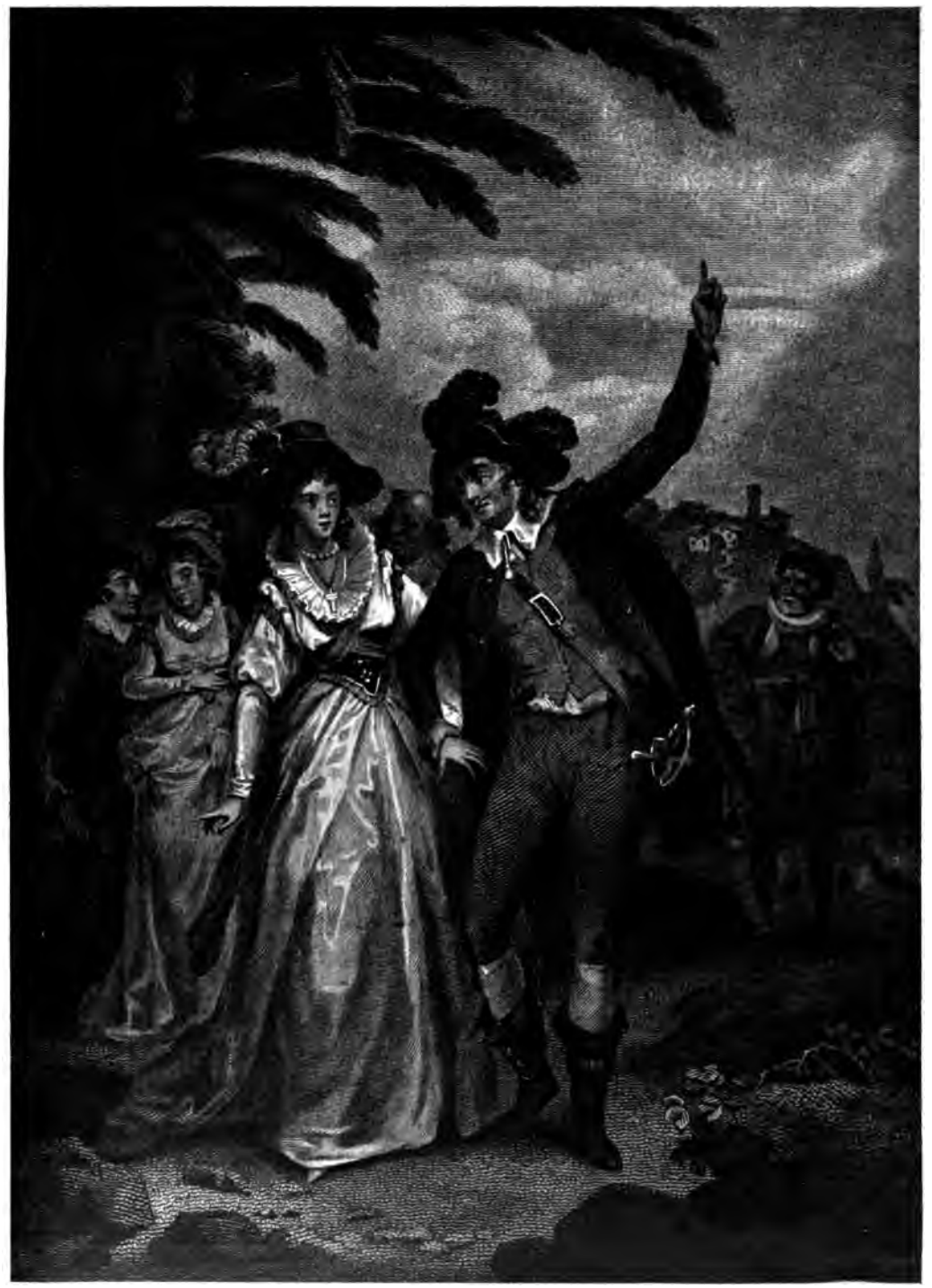
Благодарю, синьоръ. Гдѣ вы найдете
Удобнѣй совершить помолвку нашу
И заключить взаимный договоръ?

Баптиста.

Не у меня въ дому. У насъ горшки
Имѣютъ уши: слишкомъ много слугъ,
И Греміо подслушиваетъ вѣчно.
Тамъ шага не позволятъ намъ ступить.

Траніо.

Тогда ко мнѣ отправимтесь, синьоръ.
Отецъ мой у меня живетъ, и мы
Сегодня все безъ шума и уладимъ.
Вы за Біанкою слугу пошлете,
А за нотаріусомъ я пошлю.
Жаль только, я не ожидалъ гостей
И не могу васъ угостить какъ надо.



УСМИРЕНІЕ СТРОПТИВОЙ. (Дѣйствіе IV, сц. 5).

Картина англійскаго жанриста Юлія-Цезаря Ибботсона (Julius Caesar Ibbetson, 1759—1817). (Малая Бойделевская галлерея).

БАПТИСТА.

Чудесно!—Камбіо, иди домой,
Скажи, чтобъ приготовилась Біанка.
Ты можешь ей сказать, что здѣсь случилось:
Синьоръ Винченцьо въ Падую пріѣхалъ,
И бракъ ея съ Люченціо рѣшенъ.

ЛЮЧЕНЦІО.

Пусть небо этотъ бракъ благословитъ.

ТРАНІО.

Оставь молитвы и иди скорѣй.
Синьоръ Баптиста, милости прошу,
Пожалуйте,—убогъ нашъ будетъ ужинъ,
Зато потомъ поправимъ это дѣло!

БАПТИСТА.

Идемте.

ТРАНІО, БАПТИСТА *и* ПЕДАГОГЪ *уходятъ*.

БІОНДЕЛЛО.

Камбіо!

ЛЮЧЕНЦІО.

Что скажешь, Біонделло?

БІОНДЕЛЛО.

Видѣли вы, какъ Траніо улыбался и подмигивалъ вамъ?

ЛЮЧЕНЦІО.

Ну, что-же?

БІОНДЕЛЛО.

Да ничего особеннаго, а только онъ велѣлъ мнѣ, чтобъ я объяснилъ вамъ смыслъ этой пантомимы.

ЛЮЧЕНЦІО.

Ну, объясняй!

БІОНДЕЛЛО.

Слушайте: Баптиста устраненъ и теперь толкуетъ съ подставнымъ отцомъ подставного сына.

ЛЮЧЕНЦІО.

Ну?

БІОНДЕЛЛО.

Его дочь должна притти съ вами ужинать.

ЛЮЧЕНЦІО.

Дальше что-же?

БІОНДЕЛЛО.

Старый священникъ церкви святого Луки во всякое время готовъ къ вашимъ услугамъ.

ЛЮЧЕНЦІО.

Ну, что-же изъ всего этого?

БІОНДЕЛЛО.

Не знаю, но мнѣ кажется, пока они заняты составленіемъ подложныхъ документовъ, вы законнымъ путемъ закрѣпите за собою право cum privilegio ad imprimendum solum. Отправляйтесь въ церковь, возьмите священника, причетниковъ, нѣсколько правоспособныхъ честныхъ свидѣтелей.

Если это не то, то мнѣ нечего больше сказать,
Но прелестной Біанки тогда вамъ, увы, не видать.

ЛЮЧЕНЦІО.

Подожди, Біонделло.

БІОНДЕЛЛО.

Некогда ждать. Я зналъ одну дѣвушку, которая обвѣнчалась въ самый полдень, выйдя въ огородъ за петрушкой для начинки кролика. Вамъ слѣдуетъ поступить точно такъ-же, синьоръ. До свиданья, синьоръ. Мой синьоръ приказалъ мнѣ отправиться въ церковь святого Луки, сказать священнику, чтобъ онъ былъ готовъ встрѣтить васъ вмѣстѣ съ вашимъ благопріобрѣтеніемъ.

(Уходитъ).

ЛЮЧЕНЦІО.

Что-жъ, рѣшено! А Бьянка согласится?
Да отчего-жъ не согласиться ей?
Ну, будь что будетъ,—на проломъ пойду...
Лишь одному-бы мнѣ не воротиться!

КАРТИНА ПЯТАЯ.

Дорога.

ПЕТРУЧІО, КАТАРИНА, ГОРТЕНЗІО.

ПЕТРУЧІО.

Скорѣй, скорѣй! Къ отцу вѣдь мы спѣшимъ.
О, Боже, какъ прекрасно свѣтитъ мѣсяцъ!

КАТАРИНА.

Какъ—мѣсяцъ? солнце! Это свѣтъ дневной.

ПЕТРУЧІО.

Я говорю, какъ ярко мѣсяцъ свѣтитъ.

КАТАРИНА.

А я скажу: какъ ярко солнце свѣтитъ.

ПЕДАГОГЪ. Рисунокъ Джильберта.

ПЕТРУЧІО.

Клянусь потомствомъ матери моей
(Я самъ—потомство это),—свѣтитъ мѣсяцъ,
Звѣзда и все, что мнѣ угодно! Или
Назадъ коней: къ отцу не ѣду я.
Все нѣтъ, да нѣтъ: во всемъ наперекоръ.

ГОРТЕНЗІО *(Катаринѣ)*.

Не спорьте съ нимъ, а то мы не доѣдемъ.

КАТАРИНА.

Ну, ѣдемъ дальше: возвращаться поздно.
Пусть это мѣсяцъ, солнце—что хотите.
Пусть это будетъ масляный ночникъ,
Противорѣчить больше я не буду.

ПЕТРУЧІО.

Я говорю, что это мѣсяцъ.

КАТАРИНА.

Мѣсяцъ.

ПЕТРУЧІО.

Вздоръ! Это свѣтъ ликующаго солнца.

КАТАРИНА.

Хвала Творцу! Конечно, это солнце.
А можетъ и не солнце,—какъ ты хочешь;
Твои слова измѣнчивы какъ мѣсяцъ,—
Зови, какъ хочешь, такъ оно и будетъ,
И такъ его я буду называть.

ГОРТЕНЗІО.

Петручіо, ты выигралъ сраженье.

ПЕТРУЧІО.

Впередъ, впередъ! Шаръ можетъ внизъ катиться,
Но по уклону кверху не пойдетъ.
Постойте! кто-то нагоняетъ насъ.

Входитъ ВИНЧЕНЦІО *въ дорожномъ нарядѣ.*

ПЕТРУЧІО.

Прелестная синьора! Добрый день!
Куда вашъ путь? Видалъ-ли, Котикъ, ты
Когда-нибудь прелестнѣе дѣвицу?
Какъ бѣлизна съ румянцемъ щечекъ споритъ,
Какъ звѣзды на небѣ сверкаютъ глазки
На личикѣ небесной красоты!
Привѣтъ мой вамъ, красавица-синьора.
О, Котикъ, поцѣлуй ее скорѣй!

ГОРТЕНЗІО.

Отъ словъ такихъ старикъ, пожалуй, спятитъ.

КАТАРИНА.

Цвѣтокъ весенній, нѣжный и прекрасный,
Куда идешь, гдѣ домъ твой? Что, за счастье
Имѣть такого дивнаго ребенка!
Какъ счастливъ тотъ, кому назначатъ звѣзды
Внести тебя въ свою опочивальню.

ПЕТРУЧІО.

Что это, Котикъ,—ты съ ума сошла!
Вѣдь это старецъ сморщенный и хилый,—
А ты его дѣвицей называешь!

КАТАРИНА.

Прости меня, почтенный старецъ: я
Ослѣплена была лучами солнца,
Зеленые въ глазахъ стояли круги.
Теперь я вижу: ты синьоръ—и старый.
Прошу прощенья за мою ошибку.

ПЕТРУЧІО.

Прости-же, добрый дѣдушка, ее
И сообщи: куда ты держишь путь,—
Мы рады будемъ спутнику такому.

ВИНЧЕНЦІО.

Вы очень позабавили меня,
Прекрасный мой синьоръ, и вы, синьора
Веселая,—своимъ курьезнымъ споромъ.
Винченцьо я, изъ Пизы; не видалъ
Давно сынка,—вотъ въ Падую и ѣду.

ПЕТРУЧІО.

Какъ звать его?

ВИНЧЕНЦІО.

Лученціо, синьоръ.

ПЕТРУЧІО.

Счастлива наша встрѣча, счастливъ будетъ
Вашъ сынъ.—Теперь не только по сѣдинамъ
Я васъ могу назвать моимъ отцомъ:
Сестра жены моей,—вотъ этой дамы,—
Женою стала вашего Лученціо.
Не удивляйтесь и не огорчайтесь,—
Она принадлежитъ семьѣ почтенной,
Притомъ умна, богата, учена,
Какъ подобаетъ быть женѣ синьора.
Позвольте мнѣ теперь поцѣловать
Достойнаго Винченціо, и вмѣстѣ
Отправиться къ Лученціо,—вашъ сынъ
Обрадуется вашему пріѣзду.

ВИНЧЕНЦІО.

Серьезно говорите вы? Быть можетъ,
Вы продолжаете шутить? Такихъ
Веселыхъ путешественниковъ много.

ГОРТЕНЗІО.

Я подтвердить готовъ: все это правда.

ПЕТРУЧІО.

Впередъ! Во всемъ вы лично убѣдитесь,
Вы стали осторожны послѣ шутки!

ВИНЧЕНЦІО, ПЕТРУЧІО, КАТАРИНА *уходятъ*.

ГОРТЕНЗІО.

Ты показалъ дорогу мнѣ, Петручьо!
Теперь держись, моя вдова! Чуть что—
Я тотчасъ примѣню его пріемы...

УСМИРЕНІЕ СТРОПТИВОЙ.

Картина Эдуарда Стейнле (Eduard Steinle, 1810—1886).

ПАДУЯ. (Общественное гуляніе Prado).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Падуя. Передъ домомъ Люченціо.

Входятъ Люченціо, Біанка *и* Біонделло, *позднѣе* Греміо.

Біонделло.

Какъ можно тише и какъ можно скорѣй, синьоръ: священникъ ждетъ.

Люченціо.

Лечу, Біонделло... Но, вѣроятно, ты нуженъ имъ дома,—можешь насъ оставить.

Біонделло.

Нѣтъ, я долженъ васъ ввести въ церковь, а потомъ ужъ вернусь къ хозяину.

Люченціо, Біанка *и* Біонделло *уходятъ*. Греміо *входитъ*.

Греміо.

Странно, что нѣтъ до сихъ поръ Камбіо.

Входятъ Петруччіо, Катарина, Винченціо, Груміо *и* слуги.

Петруччіо.

Синьоръ, вотъ гдѣ живетъ вашъ сынъ Люченціо; домъ тестя—ближе къ рынку; мы туда отправимся и здѣсь простимся съ вами.

Винченціо.

Мы прежде съ вами выпьемъ для знакомства,
Осушимъ кубки за здоровье ваше,—
Я думаю, вино у насъ найдется.
(Стучитъ въ дверь).

Греміо.

Стучите громче: тамъ заняты важными дѣлами!

Педагогъ *(показываясь въ окнѣ)*.

Кто это такъ стучитъ, точно хочетъ выломать двери?

ВИНЧЕНЦІО.
Синьоръ, дома синьоръ Люченціо?

ПЕДАГОГЪ.
Дома, но никого не принимаетъ.

ВИНЧЕНЦІО.
Какъ, даже если-бы ему принесли въ подарокъ сто или двѣсти фунтовъ?

ПЕДАГОГЪ.
Спрячьте ваши фунты для самого себя; пока я живъ, онъ въ нихъ не нуждается.

ПЕТРУЧІО.
Вѣдь я говорилъ вамъ, какъ любятъ вашего сына въ Падуѣ. *(Педагогу)*. Синьоръ, чтобы не болтать вздору, скажите Люченціо, что отецъ его прибылъ изъ Пизы и здѣсь стоитъ у дверей, желая его видѣть.

ПЕДАГОГЪ.
Что ты врешь? Его отецъ давно пріѣхалъ изъ Пизы и теперь смотритъ отсюда изъ окна.

ВИНЧЕНЦІО.
Какъ? Ты его отецъ?

ПЕДАГОГЪ.
Да, синьоръ: такъ увѣряла меня его мать, если я ей только могу вѣрить.

ПЕТРУЧІО *(къ Винченціо)*.
Это, синьоръ, что-же такое? Это плутовство—называться чужимъ именемъ.

ПЕДАГОГЪ.
Арестуйте этого негодяя: онъ собирается кого-нибудь надуть, взявъ мое имя.

Входитъ БІОНДЕЛЛО.

БІОНДЕЛЛО.
Они въ церкви. Давай имъ Богъ попутнаго вѣтра. Ай, кто здѣсь,—мой старый господинъ Винченціо! Пропали мы, все пошло на смарку.

ВИНЧЕНЦІО.
Поди сюда, каторжникъ.

БІОНДЕЛЛО.
Синьоръ, я надѣюсь, что могу...

ВИНЧЕНЦІО.
Подойди сюда, бродяга. Что, ты забылъ меня?

БІОНДЕЛЛО.
Забылъ васъ? О, нѣтъ синьоръ! Я не могъ забыть васъ, потому что никогда въ жизни васъ не видывалъ.

ВИНЧЕНЦІО.
Какъ, ты, отъявленный бездѣльникъ, никогда не выдывалъ Винченціо, отца твоего господина?

БІОНДЕЛЛО.
Моего стараго почтеннаго синьора? О, да, синьоръ, посмотрите, вотъ онъ глядитъ изъ окошка.

ВИНЧЕНЦІО *(ударяя его)*.
А, ты такъ!...

БІОНДЕЛЛО.
Помогите, помогите! Здѣсь сумасшедшій хочетъ убить меня.
(Убѣгаетъ).

ПЕДАГОГЪ *(скрываясь въ окнѣ)*.
Помогите. Сынъ мой! Синьоръ Баптиста, помогите!

ПЕТРУЧІО.
Отойдемъ, Котикъ, немножко въ сторонку, надо посмотрѣть, чѣмъ эта исторія кончится.

Съ крыльца сходитъ ТРАНІО *и* ПЕДАГОГЪ, БАПТИСТА *и* СЛУГИ.

ТРАНІО.
Синьоръ, кто вы такой, что позволяете себѣ бить моего слугу?

ВИНЧЕНЦІО.
Кто я такой? Нѣтъ, кто вы такой, синьоръ? О, негодяй! Шелковый колетъ, бархатные штаны, алый плащъ, шляпа по модѣ! Меня въ конецъ разорили, разорили,—пока я дома живу добродѣтельнымъ хозяиномъ, мой сынъ и слуга здѣсь все расточаютъ.

ТРАНІО.
Что такое? Въ чемъ дѣло?

БАПТИСТА.
Это помѣшанный какой-то!

ТРАНІО.
Синьоръ, судя по вашей одеждѣ, вы кажетесь почтеннымъ, пожилымъ человѣкомъ, но говорите вы, какъ полоумный. Что вамъ за дѣло, еслибъ я сплошь былъ въ золотѣ и жемчугѣ? Благодаря моему дорогому отцу, я имѣю средства на все это.

ВИНЧЕНЦІО.

Твоему отцу? Мошенникъ! Да вѣдь онъ чинитъ паруса въ Бергамо!

БАПТИСТА.

Вы ошибаетесь. Какъ, по вашему, его имя?

ВИНЧЕНЦІО.

Его имя? Вы думаете, я не знаю его имя? Когда я взялъ его къ себѣ трехлѣтнимъ мальчикомъ! Его имя—Транiо.

ПЕДАГОГЪ.

Этакій безумный оселъ! Это—Люченціо,—онъ мой единственный сынъ и наслѣдникъ всѣхъ моихъ имѣній, моихъ,—синьора Винченціо.

ВИНЧЕНЦІО.

Это—Люченціо? О, онъ убилъ своего господина! Взять его подъ стражу! Именемъ герцога приказываю вамъ взять его! О, сынъ мой! Скажи мнѣ, разбойникъ, гдѣ мой сынъ Люченціо?

ТРАНІО *(одному изъ слугъ)*.

Позови стражу. Надо свести этого негодяя въ тюрьму.

СЛУГА *подзываетъ нѣсколько городскихъ Стражниковъ.*

ТРАНІО *(Баптисту)*.

Дорогой родитель, распорядитесь, чтобы онъ не сбѣжалъ.

ВИНЧЕНЦІО.

Какъ, меня въ тюрьму?

ГРЕМІО.

Постойте, стража,—онъ въ тюрьму не пойдетъ.

БАПТИСТА.

Оставьте, Гремiо: онъ пойдетъ въ тюрьму.

ГРЕМІО.

Синьоръ Баптиста, не обманитесь. Я смѣю поклясться, что это настоящій Винченціо.

ПЕДАГОГЪ.

А если смѣешь, то клянись.

ГРЕМІО.

Нѣтъ... Не смѣю.

ТРАНІО.

Вы, пожалуй, станете утверждать, что и я не Люченціо?

ГРЕМІО.

Васъ я знаю за синьора Люченціо.

БАПТИСТА.

Ну, берите этого сумасшедшаго, и въ тюрьму!

ВИНЧЕНЦІО.

Какъ поступаютъ здѣсь съ чужеземцами, это чудовищно!

Входятъ БІОНДЕЛЛО, ЛЮЧЕНЦІО *и* БІАНКА.

БІОНДЕЛЛО.

Мы погибли, смотрите, вотъ онъ! *(Къ Люченціо)*. Отрекитесь отъ него, откажитесь отъ него, иначе мы всѣ погибли!

ЛЮЧЕНЦІО *(падая на колѣни)*.

Прости, отецъ!

ВИНЧЕНЦІО.

Мой сынъ, ты живъ, ты живъ!

БІОНДЕЛЛО, ТРАНІО *и* ПЕДАГОГЪ *убѣгаютъ*.

БІАНКА.

Прости, отецъ!

БАПТИСТА.

А ты чѣмъ провинилась? *(Оглядываясь)*.

А гдѣ Люченціо?

ЛЮЧЕНЦІО.

Люченцьо здѣсь
Законный сынъ законнаго Винченцьо.
Пока они, переодѣвшись, васъ
Дурачили,—вѣнчался я съ Біанкой.

ГРЕМІО.

Однако, ловко мы проведены!

ВИНЧЕНЦІО.

Гдѣ Транiо, гдѣ этотъ негодяй,
Что смѣлъ такъ издѣваться надо мною?

БАПТИСТА.

Позвольте: это Камбіо-учитель?

БІАНКА.

Въ Люченцьо Камбіо преобразился.

ЛЮЧЕНЦІО.

Любовь способна дѣлать чудеса!
Любя Біанку, обмѣнялся я
И именемъ, и положеньемъ съ Траньо:
Онъ роль мою игралъ, а я достигъ
Желанной цѣли моего блаженства;
Онъ дѣлалъ это съ моего согласья.
Простите для меня его, отецъ.

Винченціо.

Ужъ я ему раскрою, бездѣльнику, носъ: меня посылать въ тюрьму!..

Баптиста.

Но какъ-же такъ, синьоръ? Вы обвѣнчались съ моею дочерью безъ моего согласія?

Винченціо.

Не безпокойтесь: сладимся мы съ вами.
(Идя къ дому).
Ну, а теперь я съ ними разсчитаюсь!
(Уходитъ).

Баптиста.

И я за вами, надо-жъ дѣло кончить!

Люченціо *(къ Біанкѣ)*

Покойна будь: отецъ доволенъ будетъ.
(Уходятъ въ домъ).

Греміо.

Увы! все, кромѣ ужина, погибло!
(Идетъ въ домъ).

Петручіо *и* Катарина *выходятъ изъ глубины.*

Катарина.

Пойдемъ, дружокъ, посмотримъ, какъ поладятъ.

Петручіо.

Сначала, Котикъ, поцѣлуй меня.

Катарина.

Какъ, здѣсь, на улицѣ?

Петручіо.

Что-жь, ты стыдишься меня?

Катарина.

Нѣтъ, синьоръ, сохрани Богъ! Мнѣ только стыдно цѣловаться.

Петручіо.

Тогда—домой!
(Слугамъ).
Эй, вороти назадъ!

Катарина.

Нѣтъ, милый, нѣтъ!... Я рада цѣловаться...

Петручіо.

Вотъ такъ! Идемъ! Ахъ, Котикъ, лучше поздно,
Чѣмъ никогда! Повѣрь мнѣ, это лучше.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Комната въ домѣ Люченціо. Парадный столъ съ дессертомъ.

Люченціо, Біанка, Петручіо, Катарина, Баптиста, Винченціо, Греміо, педагогъ, Гортензіо *и его* жена; Траніо, *одѣтый попрежнему слугой*, Біонделло, Груміо *и* слуги.

Люченціо.

Ну, наконецъ, давноженланный миръ
Смѣнилъ войны тяжелыя невзгоды,
И не страшны несчастья дней минувшихъ.
Біанка, вотъ отецъ мой,—полюби
Его, какъ я готовъ любить Баптисту,
Ну, братъ Петручіо, сестра Катюша,
Гортензіо со вдовушкой прелестной,—
Благодарю за то, что вы почтили
Мой свадебный обѣдъ своимъ вниманьемъ.
Теперь мы сядемъ здѣсь и отдохнемъ,
Мѣшая разговоры съ угощеньемъ.

Петручіо.

Сидѣть все, да сидѣть; все ѣсть да ѣсть!

Баптиста.

Гостепріимствомъ Падуя извѣстна,
Мой сынъ.

Петручіо.

Все, что изъ Падуи,—прекрасно.

Гортензіо.

Желалъ-бы я, чтобъ это такъ и было.

Петручіо.

О, за жену Гортензіо боится!

Жена Гортензіо.

Пускай боится за кого другого.

Петручіо.

Вы хоть умны, но все-же, я боюсь,
Не поняли меня: онъ васъ боится.

Жена Гортензіо.

Въ чужомъ глазу всегда сучокъ мы видимъ...

Петручіо.

Вотъ это откровенно!

Катарина.

Господа!
Я что-то этого не понимаю.

Жена Гортензіо.

Ну, это дѣло наше съ вашимъ мужемъ.

ПЕТРУЧІО.
Ого! Со мной! Гортензіо, ты слышишь?

ГОРТЕНЗІО.
Да, на словахъ сцѣпляетесь вы ловко.

ПЕТРУЧІО.
Поправилъ дѣло! Ну-ка, поцѣлуйте
Его...

КАТАРИНА.
„Въ чужомъ глазу всегда сучокъ мы видимъ"?
Что̀ этимъ вы желаете сказать?

ЖЕНА ГОРТЕНЗІО.
А то, что онъ, женившись на строптивой,
Теперь всѣхъ судитъ только по себѣ.
Понятно вамъ, что я сказать хотѣла?

КАТАРИНА.
Большую пошлость.

ЖЕНА ГОРТЕНЗІО.
Да, я васъ имѣла
Въ виду.

КАТАРИНА.
Я въ пошлости вамъ уступаю...

ПЕТРУЧІО.
А ну-ка, ну-ка!

ГОРТЕНЗІО.
Ну!

ПЕТРУЧІО.
Держу пари,
Мой Котикъ верхъ надъ вдовушкой возьметъ.

ГОРТЕНЗІО.
Нѣтъ, верхъ, по праву, мнѣ принадлежитъ.

ПЕТРУЧІО.
Вотъ это по солдатски! Будь здоровъ!

БАПТИСТА.
А ловко вѣдь сцѣпляются онѣ?

ГРЕМІО.
Да, да, онѣ бодаются прекрасно.

БІАНКА.
Бодаются? Что это вамъ повсюду
Мерещатся всегда одни рога?

ВИНЧЕНЦІО.
Ого, проснулась наша молодая!

БІАНКА.
Но не отъ страха: я опять засну.

ПЕТРУЧІО.
Ну, спать-то вамъ, положимъ, не дадутъ;
Кольнете вы—вамъ колкостью отвѣтятъ.

БІАНКА *(вставая изъ-за стола).*
Когда въ меня вы цѣлите теперь,
То птичка улетитъ отъ васъ подальше...
Желаю вамъ счастливо оставаться...

(Уходитъ съ КАТАРИНОЙ *и* ЖЕНОЙ ГОРТЕНЗІО.

ПЕТРУЧІО.
Такъ, такъ! А вотъ нашъ Траніо милѣйшій
Безбожно далъ по этой птичкѣ промахъ.
Ну, за здоровье всѣхъ плохихъ стрѣлковъ!

ТРАНІО.
Меня, синьоръ, какъ гончую спустили,
А гончая не ловитъ для себя.

ПЕТРУЧІО.
Немного по-собачьи, но не дурно!

ТРАНІО.
Вы для себя, синьоръ, гнались за звѣремъ,
Что думаете—скоро затравить?

БАПТИСТА.
Ого, Петручіо, онъ васъ задѣлъ!

ЛЮЧЕНЦІО.
Спасибо, добрый Траньо, за остроту!

ГОРТЕНЗІО.
Сознайся, вѣдь задѣлъ тебя онъ больно?

ПЕТРУЧІО.
Да, онъ меня немного оцарапалъ;
Зато стрѣла его, скользнувъ по мнѣ,
Навылетъ васъ обоихъ пронизала.

БАПТИСТА.
Ну, нѣтъ, сынокъ, я съ грустью подтверждаю:
Ты получилъ строптивую жену.

ПЕТРУЧІО.
Я отрицаю это. Вотъ хотите:
Пусть каждый за своей женой пошлетъ.
И чья жена, по первому приказу
Послушная, сюда придетъ на зовъ,
Тотъ и закладъ поставленный получитъ.

ГОРТЕНЗІО.
Идетъ. Закладъ какой-же?

ЛЮЧЕНЦІО.
Двадцать кронъ.

ПЕТРУЧІО.

Что-жъ, Котикъ, время намъ ложиться спать?
Мы всѣ, друзья, попали въ нашу цѣль,
Но взялъ закладъ пока лишь я одинъ.
Желаю отъ души вамъ доброй ночи.
(Уходятъ).

ГОРТЕНЗІО.

Усмирена! И вправѣ онъ гордиться!

ЛЮЧЕНЦІО.

Но какъ съумѣлъ онъ этого добиться?

П. Гнѣдичъ.

Оставшіеся незаконченными эскизы иллюстрацій къ «Усмиренію строптивой» знаменитаго нѣмец. живописца Вильгельма Каульбаха (Wilhelm von Kaulbach, 1805—1874).

Рисунокъ извѣстнаго англійскаго иллюстратора сэра Джона Джальберта (sir John Gilbert, p. 1817).

РИЧАРДЪ III.
(По Уорикской рукописи).

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ ТРЕТІЙ.

„Трагедія о королѣ Ричардѣ Третьемъ, содержащая его предательскіе ковы противъ его брата Кларенса, жалости достойное убіеніе его невинныхъ племянниковъ, его тираническій захватъ престола, со всѣмъ теченіемъ его отвратительной жизни и вполнѣ заслуженной его смертью. Въ томъ видѣ, какъ это было недавно представлено служителями почтеннѣйшаго лорда канцлера".

Подъ такимъ заглавіемъ появилось въ 1597 г. первое изданіе этой пьесы, напечатанное въ 4-ку, „въ Лондонѣ, у Валентина Симса, по заказу Эндрью Уайза, живущаго въ приходѣ св. Павла, подъ вывѣской Ангела". Имя Вильяма Шекспира обозначено было только во второмъ изданіи, вышедшемъ въ слѣдующемъ, 1598 году, а равно и во всѣхъ дальнѣйшихъ: 1602, 1605, 1619 и 1622 г.; начиная съ третьяго изданія, передъ именемъ Шекспира вставляются слова: „вновь дополнено"; но эта прибавка была не болѣе, какъ книгопродавческой уловкой, потому что всѣ указанныя изданія очень мало отличаются другъ отъ друга. Въ значительной степени разнится отъ нихъ текстъ пьесы въ знаменитомъ первомъ in-folio 1623 г.: здѣсь недостаетъ многихъ мѣстъ, находящихся въ прежнихъ изданіяхъ, и прибавлены цѣлыя сцены, имѣющія весьма важное значеніе и не существующія въ первоначальномъ текстѣ. Въ настоящее время большинство ученыхъ изслѣдователей шекспировскаго текста держится того мнѣнія, что изданіе 1623 г. слѣдуетъ признать самымъ достовѣрнымъ и полнымъ и что оно воспроизводитъ подлинный текстъ пьесы въ томъ видѣ, какъ она написана была Шекспиромъ, между тѣмъ какъ всѣ изданія въ 4-ку напечатаны не съ этого подлиннаго текста, а съ театральныхъ списковъ,— почему предисловіе къ первому in-folio и называетъ ихъ „воровскими и обманными".

Извѣстно, что въ то время, когда Шекспиръ началъ свою дѣятельность драматическаго писателя, англійскій театръ и драматическая литература стояли уже на довольно высокой ступени развитія, и сценическій репертуаръ былъ довольно богатъ,— особенно пьесами изъ національной исторіи; но Шекспиръ въ выборѣ сюжетовъ для своихъ драмъ мало заботился о томъ,

былъ ли данный сюжетъ уже обработанъ какимъ-либо другимъ писателемъ, или нѣтъ. Царствованіе Ричарда III,—этотъ полный захватывающаго драматическаго интереса послѣдній актъ войны двухъ Розъ, еще задолго до появленія шекспировской пьесы и затѣмъ въ шекспировское время не разъ служило предметомъ сценическихъ представленій. Такъ, еще въ 1579 г. кембриджскими студентами играна была латинская драма „Ричардъ Третій", сочиненная докторомъ Леджемъ; затѣмъ, почти одновременно съ появленіемъ шекспировской трагедіи, въ 1594 г., напечатана была „Подлинная трагедія о Ричардѣ Третьемъ... въ томъ видѣ, какъ она была играна актерами ея королевскаго величества". Эта пьеса не имѣетъ съ шекспировской ничего общаго. Далѣе, мы имѣемъ извѣстіе, что еще при жизни Шекспира, въ 1602 г., труппа Генсло заказала Бенъ-Джонсону пьесу подъ заглавіемъ: „Ричардъ-горбунъ"; неизвѣстно, былъ ли этотъ заказъ дѣйствительно исполненъ драматургомъ; но несомнѣнно, что названная труппа еще раньше играла пьесу на тотъ же сюжетъ; да и вообще, съ увѣренностью можно утверждать, что въ ту эпоху не было въ Англіи ни одной сколько-нибудь выдающейся актерской компаніи, которая не имѣла бы въ своемъ репертуарѣ драмы на эту чрезвычайно популярную тему. Какъ извѣстно, у Шекспира было въ свое время немало соперниковъ, и каждый изъ нихъ имѣлъ свою публику и своихъ поклонниковъ, не скупившихся на похвалы. Кромѣ драматическихъ произведеній, имѣется еще много „поэмъ", также посвященныхъ Ричарду III, изъ нихъ нѣкоторыя были напечатаны еще при жизни Шекспира, но не заключаютъ въ себѣ никакихъ намековъ на его трагедію и никакихъ слѣдовъ пользованія ею, какъ матеріаломъ.

Что касается времени сочиненія шекспировской трагедіи, то въ этомъ отношеніи мы не имѣемъ точно установленной даты; но большинство изслѣдователей сходится въ томъ, что „Ричардъ III" написанъ нѣсколькими годами раньше перваго появленія его въ печати, т.-е.—въ первой половинѣ 90-хъ годовъ XVI вѣка. Фрэнсисъ Миресъ, въ своей книгѣ „Palladis Tamia", вышедшей въ 1598 г. и заключающей въ себѣ, между прочимъ, перечень шекспировскихъ пьесъ, ставитъ „Ричарда III" второю въ ряду трагедій; тѣсная связь этой пьесы съ двумя послѣдними частями „Генриха VI" указываетъ на то, что „Ричардъ III" былъ написанъ непосредственно вслѣдъ за послѣдней частью названной трилогіи; между тѣмъ, въ извѣстномъ памфлетѣ Грина: „Грошъ ума, купленный за милліонъ раскаянія", изданномъ въ 1592 г., имѣется очень ясный намекъ на эту послѣднюю часть; изъ этого можно заключать, что „Ричардъ III" написанъ скорѣе ближе къ началу, чѣмъ къ концу перваго пятилѣтія 90-хъ годовъ.

Источникомъ „Ричарда III", какъ и другихъ историческихъ драмъ Шекспира, служила почти исключительно изданная въ 1577 г. „Хроника" Голиншеда. Стиль этой хроники, очень живой и нерѣдко переходящій въ діалогическую форму, дѣлаетъ ее чрезвычайно удобнымъ матеріаломъ для переработки въ драму; съ научной точки зрѣнія она представляетъ старательно, но безъ всякой критики составленную компиляцію, часто даже дословное заимствованіе, изъ болѣе раннихъ историческихъ сочиненій, доступныхъ составителю. Пользуясь безъ разбора разными источниками, Голиншедъ нерѣдко въ разныхъ мѣстахъ своей хроники различно передаетъ одни и тѣ же факты и самъ себѣ противорѣчитъ въ изображеніи характеровъ и въ сужденіяхъ о томъ или иномъ событіи, какъ будто даже не замѣчая этихъ противорѣчій и совсѣмъ не стараясь ихъ разъяснять. Между тѣмъ, Шекспиръ вполнѣ довѣрялъ этой хроникѣ,—и не удивительно, стало быть, что она сдѣлалась для него источникомъ многихъ ошибокъ. Невѣрными и противорѣчивыми показаніями особенно изобилуетъ та часть хроники Голиншеда, гдѣ говорится о Ричардѣ III. Изображеніе Ричарда у Голиншеда распадается на двѣ части: первая часть основывается на показаніяхъ Гукера, Стоу, Фэбьяна, Голла и другихъ старинныхъ хронистовъ; здѣсь Ричардъ, герцогъ Глостерскій, является тѣмъ вѣрнымъ, храбрымъ и безкорыстнымъ передовымъ борцомъ Іоркскаго дома, какимъ онъ самъ изображаетъ себя въ словахъ, обращенныхъ къ королевѣ (д. I, явл. 3):

Когда ты королевой не была,
И мужъ твой не сидѣлъ еще на тронѣ,
Ему служилъ я такъ, какъ вьючный конь,
Искореняя грозныхъ супостатовъ
И не щадя друзьямъ его наградъ;
Чтобъ ваша кровь считалась царской кровью,
Я проливалъ свою.

Здѣсь нѣтъ еще никакихъ даже намековъ на честолюбивые замыслы Ричарда, на его стремленіе къ престолу; его участіе въ преступныхъ дѣяніяхъ этого перваго періода, именно—въ убійствѣ принца Уэльскаго Эдуарда и короля Генриха VI—представляется, особенно если имѣть въ виду вообще жестокіе нравы того времени, далеко не такъ значительнымъ, чтобы на этомъ основаніи считать Ричарда выдающимся злодѣемъ. Точно такъ же ничего не говорится и объ его выдающемся физическомъ безобразіи.

Но вотъ, послѣ разсказа о смерти короля Эдуарда IV, Голиншедъ оставляетъ тѣ источники, которыми до тѣхъ поръ руководился, и обращается къ новому, именно—къ сочиненію извѣстнаго автора „Утопіи" Томаса Мора (1480—1535). Это историческое обозрѣніе царствованій Эдуарда V и Ричарда III написано было на латинскомъ языкѣ приблизительно черезъ 25 лѣтъ по смерти Ричарда III, причемъ главнымъ источникомъ для автора служили разсказы умершаго въ 1500 г. кардинала Мортона, епископа Элійскаго (являющагося однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ шекспировской трагедіи); а этотъ послѣдній былъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ противниковъ Ричарда и дѣятельно помогалъ его низверженію. Вліяніемъ Мортона объясняется расположеніе Мора въ пользу Ланкастерскаго дома и его рѣзко порицательное отношеніе къ Ричарду, въ изображеніи котораго онъ не жалѣетъ черныхъ красокъ. При этомъ Моръ нерѣдко удаляется отъ исторической истины также и ради занимательности разсказа, вставляя въ него разные, нарочно для красоты слога сочиненные, разговоры и рѣчи, и вообще относится къ своему предмету очень свободно. Сочиненіе Мора, переведенное на англійскій языкъ съ разными вставками и добавленіями отъ переводчика, почти дословно было переписано Голиншедомъ въ его хроникѣ. Такимъ образомъ, благодаря этому новому источнику, Ричардъ III, послѣ смерти Эдуарда IV, и у Голиншеда является физическимъ уродомъ и нравственнымъ чудовищемъ; ему приписываются коварные замыслы овладѣть престоломъ и многія такія преступленія, о которыхъ раньше не было и рѣчи. Изъ этихъ двухъ изображенныхъ Голиншедомъ характеровъ Ричарда III Шекспиръ выбралъ послѣдній, т.-е. моровскій, и такимъ образомъ поддался вліянію не вполнѣ чистаго историческаго источника. Партійная тенденціозность Мора сказывается не только въ томъ, что онъ винитъ Ричарда въ такихъ преступленіяхъ, о которыхъ не упоминаетъ ни одинъ изъ современныхъ и позднѣйшихъ писателей, но также и въ томъ, что онъ совершенно молчитъ о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя показываютъ, чтоРичардъ въ первое время послѣ смерти Эдуарда IV былъ еще далекъ отъ честолюбивыхъ замысловъ. Напротивъ, въ настоящее время признается исторически доказаннымъ, что Ричардъ вступилъ на этотъ путь только подъ вліяніемъ образа дѣйствій королевы Елизаветы и ея родственниковъ, желавшихъ устранить его отъ протекторства надъ малолѣтнимъ Эдуардомъ V; арестомъ и казнью Риверса, Вогана и Грая онъ, такимъ образомъ, только предупредилъ своихъ противниковъ, готовившихъ ему такую же судьбу. Преувеличенныя обвиненія Мора побудили нѣкоторыхъ позднѣйшихъ англійскихъ историковъ предпринять оправданіе несправедливо опороченнаго короля: Джорджъ Бекъ (1646) и Горасъ Вальполь (1767) старались если не вполнѣ обѣлить Ричарда III, то, по крайней мѣрѣ, найти извиненія для многихъ его поступковъ, и при этомъ также удалились отъ исторической истины,—только въ противоположную сторону.

Но Шекспиръ, конечно, не могъ и подозрѣвать, что пользуется для своей трагедіи источникомъ не вполнѣ надежнымъ. Всѣ историческія открытія въ пользу Ричарда III сдѣланы были уже въ позднѣйшее время; во времена Шекспира изображенная имъ фигура злодѣя вполнѣ оправдывалась какъ историческими сочиненіями, такъ и народнымъ преданіемъ, которое рисовало его въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Ричардъ былъ ненавистенъ не только для династіи Тюдоровъ, но и для англійскаго народа, въ памяти котораго онъ представлялся не иначе, какъ извергомъ,—точно такъ же, какъ, съ другой стороны, Генрихъ V являлся идеаломъ государя. Одна изъ причинъ огромной популярности, какою пользовалась трагедія Шекспира, несомнѣнно, заключается въ томъ, что онъ далъ образъ Ричарда III, вполнѣ согласный съ общераспространенными сужденіями объ этомъ королѣ.

Но, вполнѣ довѣряясь Голиншеду, какъ историческому источнику, Шекспиръ видѣлъ въ этой хроникѣ, однако же, не болѣе, какъ только сырой матеріалъ, къ которому онъ отнесся вполнѣ самостоятельно и свободно: его трагедія построена на повѣство-

ваніи Голиншеда, но ея отдѣльные эпизоды, точно такъ же, какъ и подробности характеровъ дѣйствующихъ лицъ, являются результатомъ собственнаго творческаго вдохновенія Шекспира. Въ сравненіи съ послѣднею частью „Генриха VI", къ которой, по времени написанія, „Ричардъ III" непосредственно примыкаетъ, эта послѣдняя трагедія представляетъ чрезвычайный подъемъ поэтической энергіи и, если ее разсматривать въ цѣломъ,—смѣло можетъ быть поставлена рядомъ съ величайшими созданіями шекспировскаго генія какъ по замыслу, такъ и по исполненію. Недаромъ она такъ восхищала Шиллера, который писалъ о ней Гете: „Эта пьеса—одна изъ самыхъ возвышенныхъ трагедій, какія мнѣ извѣстны, и въ настоящую минуту я не знаю, можетъ ли какая-нибудь другая пьеса оспаривать у нея первое мѣсто. Великія перемѣны судьбы, намѣченныя въ предыдущихъ историческихъ драмахъ Шекспира, здѣсь представлены поистинѣ величественно и въ духѣ самыхъ возвышенныхъ идей. Здѣсь все велико и сильно. Всей драмой руководитъ могучая Немезида, проявляющаяся во всевозможныхъ формахъ; это впечатлѣніе господствуетъ надъ читателемъ отъ начала до конца" *).

„Ричардъ III"—первая изъ историческихъ драмъ Шекспира, въ которой онъ, слѣдуя примѣру Марло, сосредоточилъ все дѣйствіе на одной центральной фигурѣ героя, чего мы не видимъ въ болѣе раннихъ его драматическихъ хроникахъ, по техникѣ похожихъ больше на старинныя англійскія „исторіи", или даже на мистеріи, чѣмъ на драмы въ строгомъ смыслѣ этого слова. Такъ, напр., „Генрихъ VI" отличается совершенно эпическимъ характеромъ: тамъ нельзя выдѣлить главнаго дѣйствующаго лица, потому что на первомъ мѣстѣ стоятъ не личности, а событія, величественная картина которыхъ медленно развертывается въ рядѣ сценъ, лишенныхъ внутренней органической связи, и представленіе можно начать и окончить какой угодно изъ этихъ сценъ, не нарушая драматическаго единства. Въ „Ричардѣ III" впервые является настоящій трагическій паѳосъ, воплощенный въ героической личности съ подробно и тщательно разработаннымъ характеромъ. Необходимо, однако, замѣтить, что въ пору сочиненія этой трагедіи Шекспиръ еще не вполнѣ овладѣлъ новыми для него пріемами драматической техники и психологіи, которые проявились у него во всемъ своемъ блескѣ только впослѣдствіи: онъ нерѣдко дѣлаетъ отступленія, то эпическія, то лирическія, вводитъ въ пьесу эпизоды, сами по себѣ прекрасные, но замедляющіе развитіе главнаго дѣйствія и даже не содѣйствующіе уясненію характеровъ тѣхъ или другихъ лицъ пьесы. Таковъ, напр., разсказъ Тирреля о смерти дѣтей Эдуарда, сонъ Кларенса, рѣчь Бокингэма передъ казнью. Нѣкоторыя мѣста драмы написаны совершенно лирически: какое-нибудь чувство овладѣваетъ въ одно и то же время двумя или тремя лицами, и они высказываютъ его или одновременно, или послѣдовательно другъ за другомъ, подобно тому, какъ музыкальный мотивъ повторяется оркестромъ или послѣдовательно отдѣльными инструментами:

Елизавета. Мой милый мужъ! Эдвардъ мой повелитель!
Дѣти. О, бѣдный Кларенсъ, милый нашъ отецъ!
Герцогиня. О, сыновья мои, Эдвардъ и Кларенсъ!
Елизавета. На свѣтѣ нѣтъ вдовы, меня несчастнѣй!
Дѣти. На свѣтѣ нѣтъ сиротъ, несчастнѣй насъ!
Герцогиня. Нѣтъ матери несчастнѣе меня!

(Д. II, явл. 2; ср. д. IV, явл. 4).

По этому поводу Дауденъ справедливо замѣчаетъ, что въ подобныхъ мѣстахъ правдоподобіе подчинено эффекту симфонической оркестровки или скульптурной позы. „Какой-то ужасъ и красота заключаются въ той сценѣ, гдѣ три женщины,—двѣ королевы, и герцогиня Іоркская,—садятся рядомъ на землю и въ скорби и отчаяніи громко рыдаютъ. Сначала мать двухъ королей, потомъ вдова Эдуарда и, наконецъ, грозная какъ Медуза королева Маргарита, одна послѣ другой, принимаютъ одну и ту же позу и высказываютъ одно и то же горе. Несчастіе сдѣлало ихъ равнодушными ко всякимъ церемоніямъ королевскаго сана и, на время,—къ ихъ частнымъ раздорамъ; онѣ сидятъ, составляя неподвижную, но вмѣстѣ съ тѣмъ—страстную группу, во всемъ величіи своей простой женственности и страшнаго бѣдствія..."

*) Замѣчательно, что Шиллеръ высказалъ это мнѣніе въ то время, когда онъ самъ уже вступилъ на путь серьезныхъ философскихъ и историческихъ изученій, послѣ написанія «Донъ-Карлоса».

Дѣйствіе трагедіи начинается въ 1478 году арестомъ Георга Кларенса и оканчивается гибелью Ричарда III въ сраженіи при Босвортѣ, 22 августа 1485 года, слѣдовательно обнимаетъ семь лѣтъ. Но Шекспиръ здѣсь даже менѣе, чѣмъ въ остальныхъ своихъ драматическихъ хроникахъ, стѣсняется хронологическою точностью: ради концентраціи дѣйствія и драматическаго эффекта онъ совершенно свободно переставляетъ событія болѣе раннія на мѣсто позднѣйшихъ и наоборотъ, соединяетъ факты, исторически раздѣленные годами, въ одинъ день. Точно такъ же свободно развилъ онъ и характеръ своего героя, пользуясь историческими данными только какъ сырымъ матеріаломъ для созданія этого демонически-могучаго и страшнаго образа.

Личность Ричарда III наполняетъ собою всю трагедію и, приковывая къ себѣ все вниманіе читателя, совершенно заслоняетъ всѣхъ прочихъ лицъ, изъ которыхъ каждое, однако, обрисовано со свойственною шекспировскимъ характерамъ полнотою и выразительностью. По своему объему, „Ричардъ III", послѣ „Гамлета", — самая обширная изъ пьесъ Шекспира: въ ней 3603 стиха, изъ этого числа около трети (1128) приходится на роль героя. Уже одна эта цифровая справка свидѣтельствуетъ о томъ, какое важное значеніе придано Шекспиромъ центральной фигурѣ трагедіи. Къ этому надо еще прибавить, что характеръ Ричарда не развивается послѣдовательно передъ нашими глазами: онъ данъ уже вполнѣ готовымъ, окончательно сложившимся,—и мы съ перваго момента трагедіи уже безошибочно знаемъ, каковъ ея герой. Вообще, въ трагедіи очень мало взаимодѣйствія, такъ какъ большинство жертвъ страшнаго тирана гибнетъ безпомощно и безъ сопротивленія, пока онъ, наконецъ, не находитъ себѣ сильнаго противника въ лицѣ Ричмонда; здѣсь мы видимъ не столько сопоставленіе характеровъ, дѣйствующихъ въ одномъ направленіи и взаимно другъ друга развивающихъ, сколько результатъ одного характера, дѣйствующаго быстро и съ неудержимой силой, для котораго другія личности служатъ только пунктами его обнаруженія и его проводниками.

Шекспиръ даетъ намъ возможность прослѣдить характеръ Ричарда гораздо ранѣе начала трагедіи, такъ какъ этотъ четвертый сынъ герцога Ричарда Іоркскаго выводится на сцену уже во II-ой и III-й частяхъ „Генриха VI". Относительно степени участія Шекспира въ сочиненіи трилогіи о Генрихѣ VI существуютъ различныя мнѣнія; но сцены III-й части, касающіяся Ричарда, несомнѣнно написаны Шекспиромъ, такъ какъ находятся въ тѣснѣйшей и непосредственной связи съ „Ричардомъ III, принадлежность котораго Шекспиру стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній.

Будущій герцогъ Глостеръ и король Ричардъ III впервые появляется передъ нами въ концѣ II-й части „Генриха VI", гдѣ онъ, вопреки исторіи, представленъ участвующимъ въ битвѣ при Сентъ-Ольбансѣ, 23 мая 1455 г., между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ ему въ это время шелъ еще только третій годъ отъ роду (онъ родился 2 октября 1452 г.). Это первое появленіе Ричарда на сценѣ совпадаетъ, такимъ образомъ, съ первымъ взрывомъ знаменитой войны двухъ Розъ. Онъ храбро сражается за права своего отца, выручаетъ Солсбери и убиваетъ Сомерсета. Договоръ, заключенный послѣ этой битвы герцогомъ Іоркскимъ съ Ланкастерами о томъ, что престолъ долженъ перейти къ герцогу только по смерти короля Генриха VI, не по-сердцу сыновьямъ и сторонникамъ Іорка; Ричардъ („Генр. VI, ч. 3, д. I, явл. 3) старается убѣдить отца нарушить данную клятву, и въ его рѣчи ясно обнаруживаются главныя свойства его характера: пылкое честолюбіе и хитрая казуистика.

Далѣе, мы встрѣчаемъ Ричарда, вмѣстѣ съ его братомъ Эдуардомъ, въ ту минуту, когда имъ приносятъ извѣстіе объ ужасной гибели ихъ отца и младшаго брата Рутланда (исторически Рутландъ былъ старшимъ, но Шекспиръ, ради драматическаго эффекта, представляетъ его самымъ младшимъ изъ членовъ Іоркской семьи). Эдуардъ изливаетъ свое горе въ малодушныхъ жалобахъ и слезахъ, а Ричардъ старается снова воодушевить своихъ обезсиленныхъ сторонниковъ и становится душою борьбы за корону. Въ битвѣ при Тоутонѣ (д. 2, явл. 3—6) войска Іорка одерживаютъ побѣду; Эдуардъ вступаетъ на престолъ и дѣлаетъ Ричарда герцогомъ Глостеромъ.

Такимъ образомъ, Шекспиръ уже въ этой пьесѣ намѣтилъ, совершенно свободно и независимо отъ исторіи, основныя черты характера своего будущаго героя,—его рѣшительность и храбрость, хитрость и стремленіе къ власти. Это послѣднее, однако, вначалѣ еще не имѣетъ своекорыстнаго, эгоистическаго оттѣнка: Ричардъ понимаетъ, что прежде всего необходимо позаботиться

объ укрѣпленіи іоркской династіи, а потомъ уже можно мечтать и о власти для самого себя и выжидать удобной минуты для осуществленія своей мечты.

Эта минута мало-по-малу приближается. Эдуардъ своимъ легкомысленнымъ поведеніемъ все больше и больше возстановляетъ противъ себя братьевъ. За сценой сватовства Эдуарда къ леди Грей (д. 3, явл. 2) слѣдуетъ монологъ Ричарда,—первый въ ряду тѣхъ знаменитыхъ монологовъ, въ которыхъ Ричардъ раскрываетъ передъ нами свое сердце: его властолюбіе является результатомъ не случайнаго совпаденія обстоятельствъ, какъ у Макбета, а цѣлой системы, излагаемой имъ совершенно послѣдовательно. Основой его служитъ—физическое безобразіе Ричарда: природа, бросивъ его на свѣтъ уродомъ, отказала ему во всѣхъ наслажденіяхъ жизни и оставила ему только одно утѣшеніе,—„жаждать власти, унижать, давить все, что прекрасно". Оттого-то королевскій престолъ и является единственною цѣлью всѣхъ его мыслей, всѣхъ его надеждъ. Но на пути къ этой завѣтной цѣли стоитъ такъ много людей, облеченныхъ гораздо большими правами на власть; и вотъ онъ рѣшается всѣхъ ихъ погубить,—„покончить съ этой мукой, прорубивъ желанный путь кровавымъ топоромъ". Этой цѣли онъ достигнетъ во что бы то ни стало.

Сдѣланное здѣсь самимъ Ричардомъ указаніе на свое физическое уродство настойчиво повторяется потомъ и въ его собственныхъ рѣчахъ, и въ рѣчахъ другихъ дѣйствующихъ лицъ обѣихъ пьесъ. Такъ, напр., королева Маргарита говоритъ ему (Генр. VI, ч. 3, д. 2, явл. 2):

Ты—злой уродъ, отмѣченный природой,
Чтобъ всѣ могли бѣжать тебя, какъ жала
Смертельныхъ змѣй иль ящерицъ.

Самъ онъ, въ только что указанномъ монологѣ, говоритъ, что одна рука у него „скорчена, какъ старый изсохшій сукъ", на спинѣ—горбъ, одна нога короче другой и всѣ члены лишены соразмѣрности; то же самое повторяетъ онъ и во вступительномъ монологѣ „Ричарда III":

И ростомъ я, и стройностью обиженъ,
Обезображенъ лживою природой,
Не конченъ, искривленъ и раньше срока
Я выброшенъ въ волнующійся міръ,
Наполовину недодѣлокъ я,
И вышелъ я такимъ хромымъ и гадкимъ,
Что, взвидѣвши меня, собаки лаютъ...

Но при оцѣнкѣ этихъ и подобныхъ имъ указаній на безобразіе Ричарда не слѣдуетъ забывать, во-первыхъ, что они внушены или ненавистью его враговъ, или его собственной ироніей надъ самимъ собою и, слѣдовательно, до извѣстной степени преувеличены; а во вторыхъ,—что во времена рыцарства и постоянныхъ военныхъ упражненій хилыми уродами считались люди, которые въ наше время, можетъ быть, показались бы красавцами. Изъ историческихъ источниковъ намъ извѣстно только, что у Ричарда былъ низкій лобъ (Голиншедъ называетъ его chort-faced,—„коротколицымъ"), одно плечо выше другого и одна нога короче другой; онъ былъ невысокъ ростомъ и, въ задумчивости или въ гнѣвѣ, имѣлъ привычку закусывать нижнюю губу (черта, которою также воспользовался Шекспиръ въ „Р. III", д. 4, явл. 2), и то вынимать кинжалъ до половины изъ ноженъ, то вкладывать его обратно. Вотъ и всѣ историческія подробности, извѣстныя намъ о внѣшности Ричарда. Къ этому надо еще прибавить, что онъ родился въ 1452 году, а умеръ въ 1484 г.; слѣдовательно, въ началѣ нашей трагедіи онъ является еще очень молодымъ человѣкомъ,—ему не болѣе 25-ти лѣтъ.

Послѣ небольшой сцены, въ которой съ особенною силою высказывается ненависть Ричарда къ Елизаветѣ Грэй, неожиданно ставшей супругою короля Эдуарда, Ричардъ все-таки рѣшается остаться вѣрнымъ своему брату: „не для Эдварда хочу остаться я, а для короны".

Этими моментами въ „Генрихѣ VI" исчерпывается свободное творчество Шекспира въ характеристикѣ Ричарда: дальше онъ уже почти дословно слѣдуетъ разсказу Голиншеда, лишь кое-гдѣ самостоятельно дополняя его. Уоррикъ (Варвикъ) беретъ короля Эдуарда въ плѣнъ; Ричардъ освобождаетъ его; король бѣжитъ въ Бельгію, возвращается оттуда съ войскомъ и при дѣятельномъ участіи Ричарда, одерживаетъ надъ Ланкастерами рѣшительную побѣду при Тьюксбери. Здѣсь, на полѣ сраженія, Эдуардъ и его братья убиваютъ юнаго наслѣдника Ланкастерской династіи, Эдуарда, принца Уэльскаго; въ убійствѣ участвуетъ и Ричардъ, который такимъ образомъ съ этой минуты начинаетъ „пробивать желанный путь кровавымъ топоромъ". Исторически участіе Ричарда въ убійствѣ нельзя считать доказаннымъ, такъ какъ о немъ говорится только у Голиншеда, другіе же источники, и даже Моръ, ничего о немъ

не упоминаютъ; и у Шекспира Ричардъ наноситъ принцу только второй ударъ, настоящимъ же убійцей является Эдуардъ, причемъ ударъ Ричарда вызванъ дерзкимъ восклицаніемъ принца: „Вы этого горбатаго урода ушлите прочь!“ Шекспиръ вообще въ изображеніи Ричарда слѣдуетъ правилу постепеннаго наростанія драматическихъ эффектовъ, представляя первое его преступленіе въ смягченномъ видѣ, а затѣмъ усиливая дальнѣйшее изображеніе его преступныхъ дѣяній,—убійство короля, брата, жены, маленькихъ принцевъ и т. д. Присутствіе Маргариты при умерщвленіи ея сына и намѣреніе Ричарда заколоть ее придуманы Шекспиромъ также только ради драматическаго эффекта.

Слѣдующимъ въ ряду преступленій Ричарда является убійство короля Генриха VI въ Тоуэрѣ, куда Ричардъ именно съ этой цѣлью и является („Генр. VI“, ч. 3, д. 5, явл. 6). Непосредственно за этимъ убійствомъ слѣдуетъ второй монологъ Ричарда, гдѣ онъ уже вполнѣ опредѣленно намѣчаетъ дальнѣйшія жертвы на своемъ пути къ престолу и прежде всего—острить мечъ на своего брата Кларенса, а вмѣстѣ съ тѣмъ слагаетъ отвѣтственность за свои преступленія на природу, создавшую его безобразнымъ:

Когда само ужъ небо присудило
Мнѣ быть такимъ уродомъ,—такъ пускай же
Адъ мой духъ уродуетъ...
Нѣтъ братьевъ у меня: я не похожъ
На нихъ ничѣмъ. Глупцы зовутъ любовь
Божественной; но, вѣдь, она живетъ
Лишь въ существахъ, похожихъ другъ на друга,
А я ни съ кѣмъ не сходенъ,—я одинъ!

Для того, чтобы дополнить эту уже достаточно яркую характеристику своего героя указаніемъ еще на одну черту, получающую развитіе только въ слѣдующей драмѣ, Шекспиръ заставляетъ его показать на дѣлѣ то искусство лицемѣрнаго притворства, которымъ онъ похваляется въ предыдущихъ своихъ монологахъ. На сцену (д. 5, явл. 7) приносятъ новорожденнаго сына и наслѣдника короля Эдуарда,—и Ричардъ цѣлуетъ этого ребенка, увѣряя въ своей любви къ нему и тутъ же прибавляя про себя: „Такъ цѣловалъ Іуда учителя и Бога своего“.

Такимъ образомъ, всѣ элементы грозы, готовой разразиться надъ несчастной семьей Эдуарда и надъ близкими къ нему людьми, уже на-лицо. Эта гроза и разражается въ трагедіи „Ричардъ III“, къ которой читатель уже подготовленъ третьей частью хроники о Генрихѣ VI.

Въ первой же сценѣ новой трагедіи мы опять видимъ передъ собой Ричарда Глостера, который снова, какъ въ двухъ монологахъ предыдущей трагедіи, подробно говоритъ (и почти тѣми же словами) о своихъ злодѣйскихъ планахъ противъ короля и своего брата Георга Кларенса. Послѣдняго уже ведутъ въ тюрьму, и Ричардъ, притворно выражая ему свое участіе и сожалѣніе, а въ душѣ замышляя сейчасъ же погубить его, вновь выказываетъ свой замѣчательный талантъ лицемѣрія. Начиная съ этой первой сцены и до самаго конца трагедіи, Ричардъ постоянно является передъ нами искуснымъ актеромъ, играющимъ то одну, то другую роль, сообразно съ обстоятельствами; самимъ собою онъ становится только тогда, когда остается наединѣ и комментируетъ свои поступки, знакомя зрителей съ своими замыслами; въ этихъ бесѣдахъ съ самимъ собою онъ высказывается до конца, съ полной, циничесской откровенностью. Въ разговорѣ съ Кларенсомъ, въ присутствіи тоуэрскаго коменданта Брэкенбери, Ричардъ, очевидно, уже обдумавшій во всѣхъ подробностяхъ планъ гибели брата, намѣренно заводитъ рѣчь о королевѣ и ея злой роднѣ, чтобы сложить на нихъ вину этой гибели. Изъ этой сцены, какъ и изъ слѣдующей—съ Гэстингсомъ, мы узнаемъ, что король Эдуардъ боленъ, что королева, ея братья и сынъ отъ перваго брака все захватили въ свои руки и угрожаютъ всему государству. Зритель уже предчувствуетъ, какъ распорядится Ричардъ съ ненавистными ему людьми, когда Эдуарда не станетъ въ живыхъ.

Лицемѣрное притворство Ричарда,—этотъ талантъ, которымъ онъ пользуется съ величайшимъ совершенствомъ, обусловливается, съ одной стороны, его полнымъ самообладаніемъ, а съ другой—такимъ же полнымъ отсутствіемъ у него нравственнаго чувства. Лицемѣріе Ричарда не похоже, напримѣръ, на лицемѣріе Тартюфа: послѣднее, такъ сказать, шито бѣлыми нитками и съ самаго начала не вводитъ въ заблужденіе никого, кромѣ глупаго Оргона и его выжившей изъ ума матери, между тѣмъ какъ Ричардъ ослѣпляетъ положительно всѣхъ, не исключая даже и своего хитраго сообщника Бокингэма, котораго онъ же самъ

учитъ лгать и притворяться. Это неотразимое вліяніе Ричарда на всѣхъ его окружающихъ объясняется, конечно, тѣмъ, что онъ ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ не выдаетъ своего настоящаго чувства, что притворство стало для него уже второй натурой и уже не требуетъ отъ него какихъ-либо особенныхъ стараній или усилій.

Торжествомъ этого притворства является слѣдующая за арестомъ Кларенса знаменитая сцена сватовства Ричарда къ Аннѣ, вдовѣ убитаго имъ принца Эдуарда, сына имъ же убитаго Генриха VI *). Эту сцену большинство критиковъ считаетъ въ психологическомъ отношеніи совершенно невѣроятною и невозможною: передъ тѣломъ, еще не похороненнымъ, своего свекра, вдова только что убитаго Эдуарда видитъ убійцу обоихъ этихъ дорогихъ для нея людей; она проклинаетъ злодѣя, призываетъ на него небесный громъ, — а онъ нагло объясняется ей въ своей пламенной любви, и этой наглостью достигаетъ цѣли. Положеніе, въ самомъ дѣлѣ, съ перваго взгляда представляется слишкомъ рѣзко неправдоподобнымъ, слишкомъ возмущаетъ наше нравственное чувство. Но при оцѣнкѣ этой сцены необходимо имѣть въ виду, во-первыхъ, что Анна, не зная истиннаго характера Ричарда (какъ и всѣ прочія дѣйствующія лица трагедіи), не имѣетъ никакого основанія сомнѣваться въ искренности его объясненій, а во-вторыхъ,—что Шекспиръ только сконцентрировалъ въ одну сцену факты, дѣйствительно имѣвшіе мѣсто въ исторіи: вѣдь Анна и въ самомъ дѣлѣ вышла замужъ за Ричарда,—хотя это и случилось только черезъ два года послѣ похоронъ Генриха VI и принца Эдуарда,—и въ глазахъ Шекспира и современной ему публики Ричардъ представлялся несомнѣннымъ убійцей короля Генриха и его сына. А съ нравственной точки зрѣнія Шекспира поступокъ Анны представляется одинаково легкомысленнымъ,—все равно, прошло ли со смерти ея свекра и мужа два года или два дня. Припомнимъ, что говоритъ Гамлетъ о своей матери, которая „башмаковъ еще не износила, въ которыхъ шла, въ слезахъ, какъ Ніобея, за гробомъ мужа", какъ успѣла уже сдѣлаться женою другого (и тоже—убійцы, хотя она объ этомъ и не знаетъ). „Посмотрите, какъ весело глядитъ моя матушка, а вѣдь мой отецъ умеръ всего два часа тому назадъ", говоритъ Гамлетъ Офеліи (д. III, явл. 2).—Нѣтъ, принцъ,—уже дважды два мѣсяца.—„Такъ давно уже? Такъ пусть же самъ сатана ходитъ въ траурѣ, а я надѣну соболью мантію. Боже! уже два мѣсяца, какъ умеръ, и еще не забытъ!" и т. д. Притомъ, и фигура Анны представлена въ тѣхъ же блѣдныхъ очертаніяхъ совершенно пассивнаго характера, какими обрисована въ позднѣйшей трагедіи фигура королевы Гертруды. Ричардъ прекрасно знаетъ слабость этой женщины и вполнѣ увѣренъ въ томъ, что своею смѣлостью и притворствомъ онъ „безъ всякаго заступника въ мольбахъ" съумѣетъ завоевать ее. Бракъ съ нею для него необходимъ: сдѣлавшись его женою, эта дочь знаменитаго „дѣлателя королей" Уоррика привлечетъ на его сторону всю старинную аристократію, недовольную бракомъ Эдуарда съ вдовой незнатнаго рыцаря Грэя; а это будетъ крупнымъ козыремъ въ игрѣ Ричарда и важнымъ шагомъ на его пути къ престолу. Король Эдуардъ ненавидитъ старую аристократію, видя въ ней главную причину всѣхъ междоусобій, и желаетъ поставить на ея мѣсто новую аристократію, возвышая родственниковъ своей жены; ея старшій братъ становится графомъ Риверсомъ, старшій сынъ отъ перваго брака получаетъ титулъ маркиза Дорсета младшій—лорда Грэя. Къ этой родственной партіи, тѣснымъ кольцомъ окружающей тронъ, примыкаетъ въ трагедіи сэръ Томасъ Воганъ, а противниками ихъ являются группирующіеся около Ричарда Глостера Генри Стаффордъ герцогъ Бокингэмъ, потомокъ младшей вѣтви Плантагенетовъ, затѣмъ—лордъ Гэстингсъ и графъ Оксфордъ. Къ нимъ же, до поры до времени, примыкаетъ и лордъ Томасъ Стэнли, который, послѣ смерти Эдуарда, начинаетъ выжидать удобной минуты для того, чтобы поддержать притязанія на престолъ своего пасынка, Генриха Ричмонда.

Отношенія Ричарда къ враждебной ему партіи королевы Елизаветы обрисованы въ трагедіи съ большимъ мастерствомъ. Онъ сильно и рѣзко высказывается противъ нихъ въ разговорѣ съ Кларенсомъ, и съ самой

*) Вообще, въ 1-мъ дѣйствіи «Ричарда III» Шекспиръ пренебрегаетъ, ради драматическихъ цѣлей, всякой хронологіей: трагедія начинается въ ту минуту, когда только что завершилась побѣда Іорковъ надъ Ланкастерами; а между тѣмъ, тутъ же говорится о болѣзни короля Эдуарда, наступившей гораздо позже. Сватовство Ричарда связано съ погребеніемъ Генриха VI, а на самомъ дѣлѣ послѣдовало только два года спустя. Точно такъ же и арестъ Кларенса относится къ болѣе позднему времени.

Елизаветой; затѣмъ, являясь въ минуту устроеннаго Эдуардомъ примиренія между обѣими партіями (д. II, явл. I), когда Бокингэмъ и Гэстингсъ обнимаются съ родственниками Елизаветы, Ричардъ, только что получившій извѣстіе о томъ, что Кларенсъ зарѣзанъ подосланными имъ убійцами, говоритъ о своемъ незлобіи и проситъ забыть всякую вражду. Королева хочетъ воспользоваться этой умилительной минутой, чтобы выпросить прощеніе Кларенсу; но Ричардъ, съ утонченной жестокостью, выставляетъ эту просьбу насмѣшкой надъ несчастнымъ братомъ, погибшимъ, какъ онъ старается внушить, по происканъ Елизаветы и ея родни. Ловко пущенная въ удобную минуту клевета разрушаетъ только что состоявшееся, хотя и безъ того ненадежное, примиреніе враждующихъ сторонъ и даетъ Ричарду возможность, тотчасъ послѣ смерти короля, дѣйствовать быстро и рѣшительно. Объявленный „протекторомъ" малолѣтняго короля Эдуарда V, онъ, не теряя времени, захватываетъ, осуждаетъ и казнитъ Риверса, Грэя и Вогана, какъ измѣнниковъ, и овладѣваетъ маленькимъ королемъ и его братомъ Ричардомъ, герцогомъ Іоркскимъ. Всѣ эти факты взяты у Голиншеда, но мотивировка ихъ принадлежитъ, большею частью, самому Шекспиру. Въ особенности надо это сказать о сценѣ „примиренія": въ дѣйствительности, Кларенсъ былъ убитъ за пять лѣтъ до смерти Эдуарда IV, а Ричардъ во время этой попытки примиренія находился въ Шотландіи.

Покончивъ съ главными врагами, Ричардъ принимается за друзей. Первое мѣсто между ними занимаетъ герцогъ Бокингэмъ, представитель одного изъ знатнѣйшихъ родовъ, котораго Ричардъ постепенно привлекаетъ на свою сторону то обѣщаніями наградъ, то лестью, называя его своей правой рукой, оракуломъ, пророкомъ, добрымъ братомъ... Тщеславный, безхарактерный и алчный Бокингэмъ легко поддается на эту приманку и становится послушнымъ орудіемъ въ рукахъ ловкаго лицемѣра. Ричардъ внушаетъ ему свои мысли и въ то же время дѣлаетъ видъ, что только исполняетъ его совѣты, всегда выдвигаетъ впередъ Бокингэма, самъ оставаясь въ тѣни; какъ искусный режиссеръ, заставляетъ его подыгрывать себѣ въ заранѣе разученной роли, а Бокингэмъ самодовольно хвалится своимъ актерскимъ талантомъ и бьется изъ всѣхъ силъ, чтобы доставить корону своему повелителю, пуская въ ходъ всевозможные ораторскіе и театральные эффекты. А Ричардъ, получивъ корону, спѣшитъ отдѣлаться отъ сообщника и однимъ жесткимъ словомъ раскрываетъ ему глаза на истинный характеръ ихъ отношеній. Герцогъ скачетъ на берегъ моря, собираетъ ополченіе и зоветъ на царство графа Ричмонда; но часъ возмездія еще не наступилъ: Ричардъ захватываетъ своего бывшаго „брата и друга" и приказываетъ сейчасъ же казнить его. Въ послѣдній разъ мы встрѣчаемся съ Бокингэмомъ, когда его ведутъ на плаху. Его душа „пробита скорбью", его память хранитъ весь рядъ ложныхъ клятвъ, всѣ жертвы, когда-то принесенныя имъ своему кумиру; онъ бросаетъ послѣдній взглядъ на свое позорное прошлое и безъ ропота принимаетъ заслуженную кару.

На примѣрѣ Бокингэма видно, какъ искусно умѣетъ Ричардъ пользоваться самыми нужными для него людьми; на примѣрѣ Гэстингса видно, какъ быстро и рѣшительно умѣетъ онъ устранять людей неудобныхъ. Гэстингсъ—также сильный, вліятельный человѣкъ, но, на свою бѣду, преданный слуга короля Эдуарда и его дѣтей. Когда Ричардъ казнитъ противниковъ Гэстингса и посылаетъ къ нему съ извѣстіемъ объ этомъ своего послушнаго клеврета Кэтсби, Гэстингсъ выражаетъ необузданную радость, смѣется надъ врагами, хвастается своей побѣдой передъ людьми, которые еще недавно были свидѣтелями его немилости. Но когда Кэтсби хочетъ узнать отъ него, какъ онъ отнесся бы къ вѣнчанію Ричарда на царство, прямодушный лордъ рѣшительно говоритъ, что пока онъ живъ, этому не бывать,—и, такимъ образомъ, самъ рѣшаетъ свою гибель. Онъ идетъ на совѣтъ въ Тоуэръ, дѣлая разныя мелкія распоряженія на нѣсколько дней впередъ. Ричардъ приходитъ внезапно, въ то самое время, когда Гэстингсъ, вполнѣ увѣренный въ его расположеніи, уже собирается подать за него свой голосъ. Ричардъ уже подвелъ подъ него мину и ежеминутно можетъ взорвать ее. Но въ то же время у него есть другое дѣло, почти столь же важное: у епископа Элійскаго есть необыкновенно вкусная клубника,—надо непремѣнно за ней послать. Ричардъ шутитъ, улыбается,—и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, заявляетъ собравшимся лордамъ, что королева Елизавета вмѣстѣ съ бывшей любовницей короля, мистриссъ Шоръ, околдовали его. Уже самое соединеніе двухъ этихъ именъ, совершенно несоединимыхъ, указываетъ на вздорность

обвиненія; вполнѣ естественно, что Гэстингсъ замѣчаетъ: „Когда онѣ дѣйствительно виновны въ этомъ...“ Именно такого условнаго оборота рѣчи и ждалъ Ричардъ: онъ какъ звѣрь набрасывается на Гэстингса, обвиняетъ его въ измѣнѣ и требуетъ его немедленной казни, предупреждая, такимъ образомъ, всѣ дальнѣйшія попытки лордовъ завести рѣчь о коронаціи маленькаго Эдуарда.

Выигравъ, такимъ образомъ, время и избавившись отъ сильнаго противника, Ричардъ, съ помощью Бокингэма, старается привлечь на свою сторону самаго важнаго пособника—лондонскій народъ. Бокингэмъ разыгрываетъ въ Гильдголлѣ разученную имъ подъ руководствомъ Ричарда, комедію, результатъ которой, однако, мало удовлетворяетъ Ричарда, такъ что ему приходится разыгрывать второй актъ самому, въ присутствіи лордъ-мэра и гражданъ, къ которымъ онъ выходитъ съ двумя епископами и съ молитвенникомъ въ рукахъ, чтобы, съ одной стороны, подчеркнуть разницу между собою и своимъ покойнымъ легкомысленнымъ братомъ, а съ другой—угодить глубокой набожности городского совѣта. Личное участіе первокласснаго артиста въ этой, заранѣе подготовленной сценѣ, конечно, обезпечиваетъ ея полный успѣхъ. Ричардъ Глостеръ становится королемъ.

Весь третій актъ трагедіи построенъ Шекспиромъ по хроникѣ Голиншеда, у котораго заимствованы даже самыя мелкія подробности, какъ, напр., упоминаніе о клубникѣ епископа Элійскаго или рѣчь писца объ осужденіи Гэстингса (явл. 6).

Та завѣтная цѣль, къ которой Ричардъ „прорубилъ себѣ дорогу кровавымъ топоромъ“, наконецъ достигнута,—и съ этой минуты дѣйствіе трагедіи быстро идетъ къ развязкѣ. Начинается расплата за цѣлый рядъ кровавыхъ дѣяній Ричарда. Послѣдними его жертвами становятся двое дѣтей покойнаго короля Эдуарда, задушенныхъ въ Тоуэрѣ. Трогательный разсказъ Тирреля о смерти этихъ малютокъ (д. IV, явл. 3) какъ бы указываетъ на то, что чаша небеснаго гнѣва уже переполнена. Старая 80-лѣтняя герцогиня Іоркская, мать Ричарда, много видѣвшая горя и злодѣяній на своемъ долгомъ вѣку, въ ужасѣ отъ своего сына, призываетъ на него самыя страшныя проклятія; вдова Генриха VI, Маргарита, постоянно преслѣдующая Ричарда и всѣхъ Іорковъ своей ненавистью, съ злорадствомъ говоритъ, что, наконецъ, она дождалась начала тяжкихъ золъ, и пророчитъ, что „конецъ, какъ и начало, будетъ дикъ и страшенъ“. Даже и въ то жестокое время, когда братья нерѣдко губили другъ друга въ междоусобной войнѣ и когда человѣческая кровь вообще не имѣла большой цѣны,—убійство дѣтей считалось тяжкимъ, звѣрскимъ преступленіемъ. И вотъ, съ той минуты, какъ Ричардъ взялъ себѣ на душу это кровавое дѣло, онъ уже не знаетъ покоя. „Онъ никогда не считалъ себя въ безопасности“, говоритъ Голиншедъ. „Когда онъ выѣзжалъ, онъ надѣвалъ прочную кольчугу, постоянно оглядывался вокругъ себя, его рука всегда лежала на рукояткѣ кинжала, и вообще онъ былъ похожъ на человѣка, въ любую минуту готоваго кого-нибудь убить. Ночи онъ проводилъ безъ сна, въ полу-дремотѣ, мучился страшными призраками и иногда вскакивалъ съ постели и бѣгалъ по комнатѣ“ и т. д. То же мы видимъ и у Шекспира. Ричардъ уже отбрасываетъ свое прежнее лицемѣріе; онъ попробовалъ прибѣгнуть къ нему еще разъ, повторивъ, въ сценѣ съ Елизаветой, пріемы своего прежняго сватовства къ Аннѣ; но въ этой сценѣ его краснорѣчіе, несмотря на силу и убѣдительность, уже лишено той энергичной страстности, которая рѣшила судьбу Анны,—и для зрителя несомнѣнно, что Ричардъ потерпѣлъ полную неудачу, хотя самъ онъ пока еще убѣжденъ въ противномъ. Сбросивъ съ себя маску притворства, онъ становится крутымъ, жестокимъ, подозрительнымъ деспотомъ, гордымъ и грубымъ въ отношеніи даже преданныхъ ему людей; онъ перестаетъ владѣть собою, и все больше и больше испытываетъ какое-то лихорадочное безпокойство и нетерпѣніе. Вѣсть о томъ, что Генрихъ Тюдоръ, графъ Ричмондъ, выступилъ претендентомъ на англійскій престолъ, идетъ съ войскомъ на Англію и привлекаетъ къ себѣ съ каждымъ днемъ новыхъ сторонниковъ,—приводитъ Ричарда въ изступленіе; онъ оскорбляетъ самыхъ вѣрныхъ своихъ слугъ, даетъ противорѣчивыя приказанія, повсюду шпіонитъ, ищетъ утѣшенія въ презрительныхъ отзывахъ о Ричмондѣ, о незначительности его военныхъ силъ, въ яростной брани, которою онъ осыпаетъ претендента и его „бретонскую сволочь“. Его умъ теряетъ свою прежнюю гибкость, и даже физическія силы измѣняютъ ему; оружіе становится для него слишкомъ тяжелымъ; онъ нуждается въ

винѣ для возбужденія своего угнетеннаго духа...

Наконецъ, наступаетъ ночь наканунѣ рѣшительной битвы на босвортскомъ полѣ, 22 августа 1485 г. И вотъ, въ душѣ Ричарда впервые за всю его жизнь поднимаются страшныя угрызенія совѣсти, представленныя поэтомъ въ видѣ тѣней загубленныхъ злодѣемъ жертвъ, которыя вопіютъ къ небу объ отомщеніи и призываютъ благословеніе на Ричмонда. Послѣдній монологъ Ричарда, послѣ пробужденія отъ страшнаго сна, въ которомъ онъ видѣлъ эти тѣни, является выраженіемъ полнаго отчаянія. Когда-то полный гордой увѣренности въ самомъ себѣ онъ говоритъ: „Я одинокъ, я самъ по себѣ, у меня нѣтъ братьевъ, я не похожъ на братьевъ,"—и въ этомъ одиночествѣ видѣлъ свою силу: теперь сознаніе того же одиночества служитъ источникомъ глубокой скорби: „Я—тотъ же я..." Онъ совсѣмъ одинокъ, и его никто не пожалѣетъ,—даже и онъ самъ. Онъ хотѣлъ бы смягчить свой приговоръ самому себѣ,—вѣдь онъ такъ любитъ себя!—но проснувшаяся совѣсть „сотней языковъ" обвиняетъ его. Прежде онъ самодовольно хвастался тѣмъ, что „проклялъ наши праздныя забавы и бросился въ злодѣйскія дѣла"; теперь онъ въ отчаяніи называетъ себя извергомъ...

Но за этой минутой самоосужденія слѣдуетъ необыкновенный подъемъ духа. При первомъ извѣстіи о приближеніи непріятеля, король какъ бы преображается. Рѣчь его къ войску звучитъ сильно и грозно. „Это не призывъ къ славѣ, не поэтическая импровизація, это—циническая, возбуждающая рѣчь властителя надъ людьми, не произносящаго даромъ лишняго слова. Тутъ—все, что способно расшевелить душу суроваго англійскаго воина, готоваго лечь костьми за свой клочекъ поля и за свой семейный очагъ; тутъ ругательства надъ непріятелемъ, до сихъ поръ любимыя британскимъ солдатомъ; тутъ непристойныя слова и, вмѣстѣ съ ними, безпредѣльная увѣренность въ побѣдѣ, увѣренность не фальшивая, а вырывающаяся изъ сердца и увлекающая самаго шаткаго изъ подчиненныхъ. Ни въ одной литературѣ мы не знаемъ образца военнаго краснорѣчія, который хоть сколько нибудь приближался бы къ послѣдней рѣчи короля Ричарда, когда въ его груди „забились тысяча сердецъ"... (Дружининъ). Въ бою онъ совершаетъ сверхчеловѣческія чудеса изступленной храбрости; онъ бьется, какъ затравленный левъ, бьется не съ мрачнымъ отчаяніемъ Макбета, заранѣе знающаго, что онъ осужденъ на гибель, а съ твердой вѣрой въ побѣду, до послѣдняго удара, отнимающаго у него корону вмѣстѣ съ жизнью.

Характеръ Ричарда, изображенный въ этой трагедіи съ такою силою и яркостью, какія мы встрѣчаемъ только въ позднѣйшихъ и величайшихъ произведеніяхъ Шекспира, представляетъ нѣкоторыя общія, такъ сказать, родовыя, черты сходства съ другими шекспировскими злодѣями—съ Макбетомъ, Яго, Эдмундомъ; но въ то же время Ричардъ и отличается отъ нихъ многими вполнѣ своеобразными и только ему одному присущими особенностями. Самое существенное отличіе его отъ Макбета заключается въ томъ, что Ричардъ является человѣкомъ съ огромной энергіей и полнымъ властелиномъ всѣхъ своихъ чувствъ и мыслей; онъ безусловно подавляетъ свою совѣсть и хладнокровно губитъ жертвы своего властолюбія; совѣсть пробуждается у него только послѣ того, какъ онъ уже совершилъ цѣлый рядъ преступленій ради достиженія своей цѣли. Между тѣмъ у Макбета вовсе нѣтъ сильной воли, направленной на злое дѣло: онъ становится преступникомъ отчасти подъ вліяніемъ таинственныхъ злыхъ силъ, отчасти подъ вліяніемъ своей честолюбивой жены, т. е. въ силу только внѣшнихъ обстоятельствъ, а не сущности своей натуры, которая, напротивъ, такъ возмущена преступленіемъ, что голосъ совѣсти, заявляющей о себѣ передъ самымъ совершеніемъ убійства и непосредственно вслѣдъ за нимъ, доводитъ Макбета чуть не до сумасшествія. Съ самой минуты убійства мучительное сознаніе, что „Макбетъ зарѣзалъ сонъ" уже не покидаетъ его, и дальнѣйшія свои преступленія онъ совершаетъ уже какъ бы машинально. Ричардъ, наоборотъ, идетъ къ своей цѣли кровавымъ путемъ совершенно спокойно, сознательно и даже, можно сказать, весело, какъ бы любуясь эффектомъ своего искусства. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ ближе къ Яго, чѣмъ къ Макбету. Но Ричардъ—принцъ и полководецъ, который уже въ силу своего положенія окруженъ извѣстнымъ ореоломъ величія и при этомъ имѣетъ въ виду вполнѣ опредѣленную цѣль—завладѣть престоломъ и удержать его въ рукахъ своихъ и своего потомства; Яго—просто мерзавецъ, который дѣлаетъ зло вовсе не ради достиженія какой-либо цѣли, а только

потому, что это доставляетъ ему удовольствіе. Онъ не признаетъ никакихъ нравственныхъ правилъ, издѣвается надъ добродѣтелью и честью и, въ сущности, вовсе ни къ чему не стремится, кромѣ забавы надъ чужими страданіями. Зло для него—стихія, внѣ которой онъ не можетъ жить. Эдмундъ Глостеръ по своему характеру довольно близокъ къ Ричарду: какъ послѣдній рѣшается стать злодѣемъ подъ вліяніемъ мысли о своемъ безобразіи, которое, лишая его всѣхъ радостей жизни, оставляетъ ему одно только стремленіе къ власти, такъ и Эдмундъ задумываетъ и осуществляетъ свои коварные планы подъ вліяніемъ мысли о своемъ жалкомъ положеніи незаконнаго сына. Подобно Ричарду, онъ стремится выйти на широкую дорогу и безжалостно устраняетъ все и всѣхъ, что служитъ ему помѣхой, строитъ ковъ за ковомъ, пользуется слабостью влюбившихся въ него герцогинь, и, опять-таки подобно Ричарду, является безстрашнымъ бойцомъ и рыцаремъ въ рѣшительную минуту. Но у него вовсе нѣтъ того саркастическаго злорадства, того убійственнаго юмора, съ какимъ относится къ своимъ жертвамъ Ричардъ; онъ несравненно грубѣе, проще, искреннѣе.

Разработанный съ удивительнымъ искусствомъ во всѣхъ подробностяхъ характеръ Ричарда III дѣлаетъ его не по имени только, но на самомъ дѣлѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ трагедіи, приковывая къ нему, отъ начала до конца, исключительное вниманіе читателя и зрителя. Можно сказать, что вся трагедія сосредоточена на немъ одномъ. Мы сочувствуемъ несчастной судьбѣ маленькихъ принцевъ, жалѣемъ о другихъ многочисленныхъ жертвахъ безпощаднаго властолюбія Ричарда; но все-таки больше всего интересуетъ насъ этотъ необыкновенный злодѣй, поражающій своею разносторонностью, дерзостью, рѣшительностью и силой ума и, несмотря на всѣ свои преступленія, почти завоевывающій наше сочувствіе. Въ нравственномъ отношеніи онъ является настоящимъ Протеемъ,—то пылкимъ любовникомъ, то дальновиднымъ политикомъ, то великодушнымъ и щедрымъ другомъ, то хитрымъ лицемѣромъ и святошей, то, наконецъ, безумно храбрымъ воиномъ. Одаренный отъ природы въ высокой степени драматическимъ темпераментомъ, Ричардъ—превосходный актеръ; онъ въ состояніи изображать самыя возвышенныя чувства, самыя сильныя душевныя движенія съ такой удивительной поверхностной правдивостью, что передъ этимъ его искусствомъ не устоитъ никто, не говоря уже о тѣхъ слабыхъ женщинахъ или близорукихъ эгоистахъ, надъ которыми онъ практикуетъ свои актерскіе пріемы.

Центральная фигура трагедіи совершенно заслоняетъ собою всѣхъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ, которыя хотя и обрисованы (какъ мы всегда видимъ это у Шекспира) съ достаточной полнотой и индивидуальностью, но играютъ въ пьесѣ роль совершенно пассивную, служебную. Впрочемъ, въ толпѣ этихъ лицъ есть одна фигура, которая заслуживаетъ особеннаго нашего вниманія — Маргарита Анжуйская, вдова Генриха VI, „французская волчица“, которую Шекспиръ, наперекоръ исторіи*), помѣстилъ въ этой трагедіи и сдѣлалъ какъ бы олицетвореніемъ гнѣвной Немезиды, придавъ ей черты какого-то сверхчеловѣческаго привидѣнія. Радуясь всякому злу злодѣянію, направленному противъ кого-либо изъ членовъ ненавистнаго ей Іоркскаго дома, издѣваясь надъ каждымъ несчастьемъ и провозглашая его справедливымъ возмездіемъ за бѣдствія Ланкастеровъ, примѣшивая къ воплямъ другихъ женщинъ свои проклятія, она является чѣмъ-то въ родѣ зловѣщаго хора эринній въ трагедіи Эсхила. Эта бывшая героиня (см. „Генрихъ VI“, ч. 2 и 3), сама обремененная ужасными злодѣйствами, „съ сердцемъ тигра подъ оболочкой женщины“, пережила кровавую гибель всѣхъ своихъ близкихъ и теперь выступаетъ съ проклятіями, которыми она думаетъ ускорить паденіе своихъ враговъ. Сцена трехъ сѣтующихъ женщинъ, которыя сошлись на ступеняхъ дворца, чтобы выплакать свое горе (дѣйствіе IV, явл. 4), принадлежитъ къ числу наиболѣе потрясающихъ сценъ всей трагедіи. Образъ Маргариты возвышается надъ другими: она ликуетъ, она благодаритъ небо за злодѣйства Ричарда, радуясь тому, что „эта алчная собака не щадитъ и дѣтей своей собственной матери“. Старый Іоркъ нѣкогда проклялъ эту жестокую женщину, когда она, издѣваясь надъ нимъ, бросила ему платокъ, омоченный въ крови его юноши-сына Рутланда („Генрихъ VI“, ч. 3, д. I, явл. 4); проклятіе сбылось надъ ней: она лишилась трона, супруга и сына, ко-

*) Въ дѣйствительности Маргарита послѣ непродолжительнаго заключенія въ Тоуэрѣ, въ 1478 г. была отпущена во Францію, гдѣ и умерла три года спустя, не возвращаясь въ Англію.

ıораго закололъ Ричардъ и при паденіи котораго были участниками всѣ эти Риверсы, Грэи, Гэстингсы и Бокингэмы. Но въ этотъ день сила проклятія Іорка перешла на нихъ. Полу-безумная изгнанница смѣло вторгается въ кругъ своихъ враговъ, вызывая своимъ появленіемъ какой-то суевѣрный ужасъ, и громитъ ихъ своими страшными проклятіями, которыя дѣйствительно исполняются надъ всѣми участниками гибели ея мужа и сына: и надъ умирающимъ Эдуардомъ IV, и надъ Кларенсомъ, который клялся биться за Ланкастера, но нарушилъ свою клятву, и надъ Гэстингсомъ, и надъ Елизаветой, которая остается пустою тѣнью самой себя, лишившись братьевъ, мужа и почти всѣхъ своихъ дѣтей, и болѣе всего, конечно, надъ Ричардомъ, главнымъ виновникомъ и вдохновителемъ всѣхъ этихъ кровавыхъ злодѣяній междоусобной войны, въ которомъ какъ бы соединяются всѣ преступленія, раздѣленныя въ предшествующихъ поколѣніяхъ между многими лицами.

Съ гибелью Ричарда оканчивается длинный рядъ ужасныхъ бѣдствій и кровавыхъ злодѣяній, вызванныхъ войною Алой и Бѣлой Розы. Завершитель злополучнаго раздора, Генрихъ Ричмондъ, является въ трагедіи свѣтлымъ, идеальнымъ образомъ благороднаго и простодушнаго рыцаря; его первое дѣйствіе послѣ побѣды—помилованіе, а не мщеніе. Мщеніе какъ бы истощено, кровавый потокъ изсякъ, и на соединеніе двухъ Розъ испрашивается благословеніе неба.

Заключимъ этотъ очеркъ общей характеристикой Шекспира, какъ автора историческихъ драмъ, которую мы находимъ у Ранке:

„Шекспиръ, говоритъ знаменитый нѣмецкій историкъ, овладѣваетъ великими вопросами, по возможности близко слѣдуя хроникѣ и воспринимая отъ нея характерныя черты; но при этомъ онъ каждому лицу даетъ роль, соотвѣтствующую своему собственному пониманію, и оживляетъ дѣйствіе, вводя въ него такіе мотивы, которыхъ исторія не нашла бы или не имѣла бы права принять. Характеры, близкіе между собою по преданію и, вѣроятно, бывшіе близкими и въ дѣйствительности, у него являются различными, каждый съ своими самостоятельными особенностями; естественныя человѣческія движенія, замѣчаемыя обыкновенно только въ частной жизни, пробиваются сквозь политическія событія и черезъ это вдвойнѣ достигаютъ поэтической правды. Но если въ отдѣльныхъ подробностяхъ и замѣчаются отступленія отъ исторіи, то самый выборъ событій, изображаемыхъ на сценѣ, свидѣтельствуетъ о возвышенномъ пониманіи великихъ историческихъ явленій. Мы видимъ здѣсь почти исключительно самыя знаменательныя, полныя глубокой важности положенія и сплетенія обстоятельствъ, великіе историческіе моменты, имѣющіе символическое значеніе не для одной только Англіи, но и для всѣхъ народовъ и ихъ правителей“...

Въ русской литературѣ „Ричардъ III“ является одною изъ первыхъ пьесъ, по которымъ наши читатели могли познакомиться съ Шекспиромъ. Въ 1787 г. въ Спб. напечатана была „Жизнь и смерть Ричарда III, короля Аглинскаго, трагедія Г. Шакеспера, жившаго въ XVI вѣкѣ, умершаго въ 1576 году (sic!). Переведена съ французскаго языка въ Нижнемъ Новѣ городѣ прозою въ 1783 году“. Къ этому переводу приложено было характерное „примѣчаніе французскаго переводчика“, слѣдующаго содержанія:

„Хотя сія трагедія переименована Жизнь и смерть Ричарда III, она однакожъ не содержитъ болѣе, какъ только восемь лѣтъ послѣднія жизни его, ибо начинается съ заключенія въ темницу Герцога Кларенскаго въ 1477 году, а оканчивается смертью Ричарда въ баталію Босфорскую (sic!). Сія пьеса переведена литерально, сколько было возможно преложить на французскій языкъ то, что въ подлинникѣ есть смѣлаго и отмѣннаго. Знающій языкъ Шакесперовъ не найдетъ конечно ничего безмѣрнаго въ томъ образѣ, какимъ стараніе употреблено перенести его на Россійскій языкъ“.

Съ французскаго же былъ переведенъ „Ричардъ III“ и актеромъ Брянскимъ, въ началѣ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Этотъ переводъ долго держался на нашей сценѣ, въ особенности—благодаря Мочалову, въ репертуарѣ котораго роль Ричарда была одною изъ самыхъ выдающихся.

П. Морозовъ.

Рамка, составленная изъ гербовъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ «Короля Ричарда III»
(«Pictorial edition of Shakespeare» by Charles Knight).

Средневѣковый Лондонъ. Рисовалъ В. Табуринъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Лондонъ. Улица.

Входитъ Глостеръ.

Глостеръ.

Прошла зима междоусобій нашихъ;
Подъ іоркскимъ солнцемъ лѣто расцвѣло,
И тучи всѣ, нависшія надъ нами,
Въ пучинѣ океана погреблись.
Свое чело мы лавромъ увѣнчали,
Сложили прочь избитые доспѣхи,
Весельемъ замѣнили грозный бой,
А звуки трубъ—напѣвомъ пѣсни нѣжной.
Разгладила морщинистый свой лобъ
Война свирѣпо-лицая—и нынче
Не на коняхъ, закованныхъ въ желѣзо,
Разноситъ страхъ по вражеской толпѣ,
А ловко пляшетъ въ залахъ, между дамъ,
Подъ сладострастно-тихій голосъ лютни.
Одинъ я не для нѣжныхъ созданъ шутокъ!
Не мнѣ съ любовью въ зеркало глядѣться:
Я видомъ грубъ—въ величіи любви
Не мнѣ порхать предъ нимфою безпутной.

И ростомъ я, и стройностью обиженъ,
Обезображенъ лживою природой;
Не конченъ, искривленъ, и раньше срока
Я выброшенъ въ волнующійся міръ;
Наполовину недодѣлокъ я,
И вышелъ я такимъ хромымъ и гадкимъ,
Что, взвидѣвши меня, собаки лаютъ.
Чѣмъ—въ эту пору вялыхъ наслажденій
И музыки, и мирнаго веселья—
Чѣмъ убивать свое я буду время?
Иль тѣнь свою слѣдить, на солнцѣ стоя,
Да разсуждать о томъ, что я уродъ?
Вотъ почему, надежды не имѣя
Въ любовникахъ дни эти коротать,
Я проклялъ наши праздныя забавы—
И бросился въ злодѣйскія дѣла.
Чрезъ клевету, нашептыванье злое
Про сны, про толки пьяныхъ сумасбродовъ,
Мнѣ удалось смертельную вражду
Межъ королемъ и Кларенсомъ посѣять;
И ежели Эдвардъ, нашъ государь,
Такъ прямъ и смѣлъ, какъ я хитеръ и ловокъ,
То Кларенса сегодня же засадятъ
Въ темницу. Есть пророчество о томъ,
Что буква Г убьетъ дѣтей Эдварда.
Нырните въ душу, мысли! Вотъ и Кларенсъ!

Входитъ КЛАРЕНСЪ *подъ стражей и* БРЕКЕНБЕРИ.

ГЛОСТЕРЪ.

Здорово, братъ! Что значитъ эта стража
Въ оружіи вокругъ твоей особы?

КЛАРЕНСЪ.

Его величество, въ заботѣ нѣжной
О безопасности моей, велѣлъ
Подъ стражею меня отправить въ Тоуэръ.

ГЛОСТЕРЪ.

За что жъ?

КЛАРЕНСЪ.

За то, что я зовусь Георгомъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Мой бѣдный братъ, твоя ли въ томъ вина?
Пускай въ тюрьму сажаютъ тѣхъ, кто назвалъ
Георгомъ при крещеніи тебя.
Не въ Тоуэрѣ же вновь тебя крестить.
Въ чемъ дѣло, Кларенсъ?

КЛАРЕНСЪ.

Какъ же, Ричардъ, я
Скажу про то, чего и самъ не знаю?
Извѣстно лишь одно, что нашъ король
Толкуетъ все про сны и предсказанья.
Изъ азбуки изгналъ онъ букву Г
За то, что будто бы колдунъ какой-то
Ему сказалъ, что черезъ букву Г
Его семья престола не увидитъ.
Георгомъ я зовусь—и черезъ это
Онъ заключилъ, что я его злодѣй.
Вотъ что, съ причудами другими вмѣстѣ,
Противъ меня воздвигло короля.

ГЛОСТЕРЪ.

Да, такъ идутъ дѣла, когда мужья
У женъ своихъ сидятъ въ повиновеньи!
Не нашъ король тебя сажаетъ въ Тоуэръ;
Нѣтъ, Кларенсъ—лэди Грей, его жена,
Виною въ этомъ безразсудномъ дѣлѣ.
Такъ не она ль съ смиреннѣйшимъ ханжой,
Антономъ Вудвилемъ, достойнымъ братцемъ,
Склонили короля отправить въ Тоуэръ
И Гэстингса, что выпущенъ сегодня?
Не хорошо здѣсь, Кларенсъ, намъ съ тобой.

КЛАРЕНСЪ.

Кому жъ здѣсь хорошо? Клянуся Небомъ—
Ея роднѣ да тѣмъ ночнымъ герольдамъ,
Что рыщутъ къ мистриссъ Шоръ отъ короля.
Ты не слыхалъ, какъ униженно Гэстингсъ
Ее просилъ вступиться за себя?

ГЛОСТЕРЪ.

За то, что онъ молился съ униженьемъ,
Лордъ-камергеръ и былъ освобожденъ.
По-моему, съ тобою намъ осталось,
Чтобъ милости добыть отъ короля,
Надѣть ливрею Шоръ и поскорѣе
Проситься къ ней на службу: лишь она
Да старая и злая королева
Имѣютъ власть и силу въ нашемъ царствѣ.

БРЕКЕНБЕРИ *(Кларенсу и Глостеру).*

Васъ, герцоги свѣтлѣйшіе, прошу я
Меня простить. Желанье короля,
Чтобы никто, какого бъ званья ни былъ,
Не совѣщался тайно съ обвиненнымъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Ну, что жъ—прими участье въ разговорѣ:
Мы отъ тебя, какъ видишь, не таимся.
Здѣсь нѣтъ измѣны; говоримъ мы только,
Что нашъ король премудръ и благороденъ,
Что королева вовсе не стара,
Мила, добра и хороша собою,
Что мистриссъ Шоръ болтлива, весела,
Что губки у нея, какъ вишни,
Хорошенькая ножка, свѣтлый взглядъ;
Что въ ходъ пошли родные королевы...
Все это правда! Ты согласенъ съ нами?

БРЕКЕНБЕРИ.

До этого, милордъ, мнѣ нѣту дѣла.

ГЛОСТЕРЪ.

До мистриссъ Шоръ нѣтъ дѣла? Коли такъ,
То было бъ хорошо, когда бъ другіе
Такъ думали, а дѣло съ ней имѣлъ бы
Одинъ лишь человѣкъ.

БРЕКЕНБЕРИ.

Кого жъ, милордъ,
Вы этимъ разумѣете?

ГЛОСТЕРЪ.

Кого?
Ея супруга, плутъ. Теперь ты можешь
На насъ доносъ подать.

БРЕКЕНБЕРИ.

Прошу я снова
Скорѣй бесѣду эту прекратить.

КЛАРЕНСЪ.

Твое мы уважаемъ порученье
И сдѣлаемъ по-твоему.

ГЛОСТЕРЪ.

Въ опалѣ
У королевы мы, и потому
Осталось намъ одно—повиноваться.
Прощай же, братъ! Я къ королю пойду
И все, что ты поручишь мнѣ исполнить—
Хотя бъ назвать сестрой жену Эдварда—
Я выполню, чтобъ дать тебѣ свободу.
Прощай и вѣрь: бѣдой твоею я
Сильнѣе тронутъ, чѣмъ ты можешь думать.

КЛАРЕНСЪ.

Обоимъ намъ тяжка она, я знаю.

ГЛОСТЕРЪ.

Ты просидишь недолго въ заточеньи:
Я пропаду, иль выручу тебя.
Надѣйся же и потерпи покуда!

КЛАРЕНСЪ.

Что дѣлать, потерплю! Прощай же, братъ!
(Кларенсъ, Брекенбери и стража уходятъ).

ГЛОСТЕРЪ.

Ступай, ступай! назадъ ты не вернешься,
Довѣрчивый простакъ! Ты такъ мнѣ милъ,
Что душу я твою пошлю на небо,
Коли оно подарокъ приметъ мой.
Кто къ намъ идетъ? Лордъ Гэстингсъ?

Входитъ ЛОРДЪ ГЭСТИНГСЪ.

ГЭСТИНГСЪ.

Добрый день,
Свѣтлѣйшій герцогъ!

ГЛОСТЕРЪ.

А, лордъ-камергеръ!
Я радъ, что ты опять на волѣ бродишь.
Ну какъ, милордъ, бѣду ты перенесъ?

ГЭСТИНГСЪ.

Съ терпѣніемъ, какъ узникамъ прилично.
Но я надѣюсь отблагодарить
Людей, черезъ которыхъ пострадалъ я.

ГЛОСТЕРЪ.

Еще бы нѣтъ! Того жъ и Кларенсъ хочетъ.
Твои враги—его враги, и съ нимъ
Такую же они сыграли штуку.

ГЭСТИНГСЪ.

Нехорошо, когда орлы по клѣткамъ,
А ястреба и копчики на волѣ.

ГЛОСТЕРЪ.

Что новаго на бѣломъ свѣтѣ, Гэстингсъ?

ГЭСТИНГСЪ.

На свѣтѣ ничего, а дома плохо:
Король печаленъ, слабъ и все хвораетъ,
И лекаря боятся за него.

ГЛОСТЕРЪ.

Клянусь святыми, дѣло очень худо!
О, знаю я, кто виноватъ во всемъ,
Чѣмъ изнурилось царственное тѣло!
Да, тяжело объ этомъ толковать.
Король въ постелѣ?

ГЭСТИНГСЪ.

Да.

ГЛОСТЕРЪ.

Прощай же, Гэстингсъ!
Я за тобой сейчасъ иду къ нему.
(Гэстингсъ уходитъ).
Не встанетъ онъ, надѣюсь; но Георга
На небо вскачь пошлетъ онъ передъ смертью.
Я разожгу искусной клеветою
Его вражду, и если мнѣ удастся,
То Кларенсу до завтра не дожить.
А тамъ пускай Господь нашъ милосердый
Возьметъ къ себѣ Эдварда короля
И мнѣ пошлетъ просторъ на этомъ свѣтѣ
Дочь Варвика себѣ возьму я въ жены.
Конечно, я убилъ ея отца!
Конечно, я убилъ ея супруга!
Да что же въ томъ? Чтобы поправить дѣло,
Я самъ пойду въ отцы ей и мужья.
Не то, чтобъ очень я ее любилъ,
Но этотъ бракъ во многомъ мнѣ поможетъ.
Однако, я занесся; нашъ король

Еще на тронѣ, Кларенсъ живъ покуда!
Съ дороги ихъ, а тамъ сочтемъ добычу!
(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Лондонъ. Другая улица.

Вносятъ тѣло короля Генриха VI *въ открытомъ гробѣ. Стража изъ джентльмэновъ съ аллебардами охраняетъ его.* Лэди Анна, *невѣстка покойнаго короля, идетъ за гробомъ въ глубокомъ траурѣ.*

Лэди Анна.

Сложите же честную ношу вашу,
Когда въ гробу скрываться можетъ честь.
Поставьте гробъ на землю, чтобъ могла я
Еще рыдать надъ доблестною жертвой.
Холодный трупъ святого короля,
Несчастный прахъ Ланкастерскаго дома,
Безкровный слѣдъ великой царской крови,
Позволь мнѣ плакать! царственная тѣнь,
Склони свой слухъ къ рыданьямъ бѣдной Анны,
Жены Эдварда, сына твоего,
Убитаго той самою рукою,
Что нанесла тебѣ вотъ эти раны!
О, въ эти окна, изъ которыхъ жизнь
Твоя ушла, и я бальзамъ безплодный
Хочу пролить изъ бѣдныхъ глазъ моихъ!
Будь проклята рука убійцы злого,
И кровь того, кто кровь твою пролилъ!
Будь проклято и сердце, гдѣ сложилось
Рѣшеніе на пагубное дѣло!
Пускай на ненавистнаго злодѣя,
На горе намъ сгубившаго тебя,
Нагрянетъ зло, какого не желаю
Ни жабамъ я, ни паукамъ, ни гадамъ,
Что, ползая по свѣту, носятъ ядъ!
Пусть—если сынъ родится у него—
Родится онъ не въ срокъ и безобразенъ,
Чтобъ видъ его чудовищный и гнусный,
Родную мать собою испугалъ!
Пусть будетъ сынъ его всѣхъ бѣдъ наслѣдникъ!
Пусть—если онъ жену себѣ возьметъ—
Онъ передъ ней умретъ, ее сразивши
Еще страшнѣй, чѣмъ я поражена
Убійствомъ мужа и твоею смертью!

(Носильщикамъ).

Берите гробъ святой—идемте въ Чертси;
Туда несите царственную ношу,
И если утомитесь, снова сложимъ
Мы гробъ на землю—и тогда я снова
Начну рыдать надъ прахомъ короля.

(Носильщики берутъ тѣло короля и дѣлаютъ нѣсколько шаговъ).

Входитъ Глостеръ.

Глостеръ.

Ни съ мѣста всѣ! Сложите гробъ на землю.

Лэди Анна.

Какимъ волхвомъ проклятымъ этотъ дьяволъ
Къ намъ присланъ, чтобъ мѣшать святому дѣлу?

Глостеръ.

Сложите трупъ, бездѣльники, иль я
Въ трупъ превращу того, кто съ мѣста ступитъ!

1-ый джентльмэнъ.

Съ дороги, герцогъ,—пропустите тѣло.

Глостеръ.

Молчать, собака! Стой, когда велятъ!
Пошевелить осмѣлься аллебардой—
И я тебя сейчасъ о землю брошу
И раздавлю, клянусь святымъ я Павломъ!
(Носильщики ставятъ гробъ на землю).

Лэди Анна *(свитъ)*.

Какъ? вы дрожите? испугались вы?
Увы, я не виню васъ: всѣ вы люди,
А взглядъ людской безъ силы передъ бѣсомъ.
Иди отъ насъ, избранникъ страшный ада!
Ты власть имѣлъ надъ этимъ смертнымъ тѣломъ—
Не надъ душой его. Иди же прочь!

Глостеръ.

О, праведница милая, за что же
Бранишься такъ?

Лэди Анна.

Оставь насъ, гнусный дьяволъ!
Во имя Бога, не смущай насъ больше!
Ты свѣтлый міръ нашъ обращаешь въ адъ.
Исполненный проклятій и стенаній.
Гляди на слѣдъ кровавыхъ дѣлъ своихъ
И радуйся, убійца, передъ жертвой,
(Джентльмэнамъ).
Глядите всѣ, друзья мои, глядите:
Запекшіяся раны мертвеца
Раскрылись вновь и льютъ потоки крови.
Дрожи, краснѣй ты, выкидышъ поганый!
Ты подошелъ, и что же?—Хлещетъ кровь
Изъ жилъ охолодѣвшихъ и безкровныхъ.
Отмсти ему, Господь, явившій намъ
Въ потокахъ крови чудеса свои!

Земля сырая, пьющая ту кровь,
Отмсти за это гибельное дѣло!
Ты, громъ небесный, разрази убійцу!
Земля, раскрывшись, поглоти его,
Какъ поглотила ты святую кровь,
Пролитую бѣсовскою рукою!

Глостеръ.

Принцесса, не умѣешь ты платить
Добромъ за зло, прощеньемъ за проклятья.

Лэди Анна.

Тебѣ ль, мерзавецъ, Божій знать законъ?
И звѣри сами знаютъ состраданье.

Глостеръ.

Но я не звѣрь—его не знаю я.

Лэди Анна.

О, чудо! дьяволъ правду говоритъ!

Глостеръ.

Еще, чуднѣй, что ангелъ разсердился!
Позволь, моя божественная прелесть,
Въ моихъ воображаемыхъ винахъ
Передъ тобой достойно оправдаться.

Лэди Анна.

Позволь и мнѣ, чудовище изъ смертныхъ,
За всѣ твои кровавыя дѣла
Проклясть тебя, безстыдное созданье!

Глостеръ.

Красавица, которой красоту
Не въ силахъ я изобразить словами,
Когда-нибудь ты извинишь меня.

Лэди Анна.

Уродъ поганый, удались на мѣстѣ:
Ты лучшихъ извиненій не найдешь.

Глостеръ.

Я обвиню себя такимъ поступкомъ.

Лэди Анна.

Нѣтъ, оправдаешь, если надъ собою
Ты совершишь отмщеніе за тѣхъ,
Кого убилъ ты, извергъ вѣроломный!

Глостеръ.

Не убивалъ я ихъ.

Лэди Анна.

Такъ гдѣ жъ они?
Нѣтъ, ты убилъ ихъ, рабъ, мерзавецъ, дьяволъ!

Глостеръ.

Не мной твой мужъ убитъ.

Лэди Анна.

Такъ гдѣ жъ мой мужъ?

Глостеръ.

Твой мужъ погибъ—убитъ рукой Эдварда.

Лэди Анна.

Нѣтъ, лжешь ты: королева Маргарита
Въ его крови твой видѣла кинжалъ,
И ужъ надъ ней ты тѣмъ взмахнулъ кинжаломъ.
Но братья отклонили твой ударъ.

Глостеръ.

Взбѣшенъ я былъ ея обидной бранью;
Я вызванъ былъ ихъ умысломъ—вину
Взвалить ко мнѣ, безвиннному, на плечи.

Лэди Анна.

Ты вызванъ былъ твоей душой кровавой,
Исполненной убійствъ и преступленій.
Не ты ли Генриха убилъ?

Глостеръ.

Согласенъ.

Лэди Анна.

А, ты согласенъ, ежъ? Такъ пусть Господь
На то согласенъ будетъ, чтобы ты
Вовѣки проклятъ былъ за злое дѣло!
О, какъ онъ кротокъ, добръ и ласковъ былъ!

Глостеръ.

Тѣмъ онъ нужнѣй для Господа, на небѣ.

Лэди Анна.

На небѣ онъ, гдѣ не бывать тебѣ!

Глостеръ.

Все жъ мнѣ спасибо—я его спровадилъ
Туда, гдѣ онъ нужнѣй, чѣмъ на землѣ.

Лэди Анна.

А ты злодѣй, въ одномъ аду лишь нуженъ.

Глостеръ.

Нѣтъ, не въ одномъ аду.

Лэди Анна.

А гдѣ жъ еще?
Въ темницѣ?

Глостеръ.

Нѣтъ—въ твоей опочивальнѣ!

Лэди Анна.

Будь проклятъ домъ, гдѣ ты живешь и спишь!

Глостеръ.

И точно проклятъ домъ мой одинокій,
Покуда въ немъ я сплю—и безъ тебя.

Лэди Анна.
Должно быть такъ.

Глостеръ.
Да такъ оно и есть.
Но, лэди Анна, милая моя,
Пора оставить этотъ бой остротъ
И перейти къ другой, спокойной рѣчи.
Не правда ли, что тотъ, кто умертвилъ
Плантагенетовъ, Генриха съ Эдвардомъ,
Имѣлъ причину жаждать крови ихъ?

Лэди Анна.
Ты былъ причиной, и убійцей ты же.

Глостеръ.
Нѣтъ, красота твоя всему виной—
Та красота, которой грезилъ я,
Та красота, изъ-за которой смѣло
Рѣшуся я на всѣ убійства въ мірѣ,
Чтобъ хоть на мигъ къ груди твоей припасть.

Лэди Анна.
Когда бъ тебѣ я вѣрила, съ лица
Ту красоту ногтями бъ я сорвала.

Глостеръ.
Твою красу губить не далъ бы я:
Моимъ глазамъ не снесть такой невзгоды!
Мнѣ жизнь и свѣтъ—краса твоя; какъ міру
И жизнь, и свѣтъ въ лучахъ веселыхъ солнца.

Лэди Анна.
Пусть сгибнетъ жизнь, и свѣтъ твой мракомъ станетъ!

Глостеръ.
Красавица, не проклинай себя!
Ты жизнь моя, ты свѣтъ очей моихъ!

Лэди Анна.
О если бъ такъ—отмстить съумѣла бъ я!

Глостеръ.
Согласно ли съ природой, кроткій ангелъ,
Отмщать тому, кто такъ въ тебя влюбленъ?

Лэди Анна.
Правдиво и съ природою согласно
Отмстить убійцѣ мужа моего.

Глостеръ.
Кто разлучилъ тебя съ твоимъ супругомъ,
Найдетъ тебѣ другого, подостойнѣй.

Лэди Анна.
Достойнѣйшихъ, чѣмъ онъ—на свѣтѣ нѣтъ.

Глостеръ.
Нѣтъ, есть одинъ—тебя онъ больше любитъ.

Лэди Анна.
Кто жъ онъ?

Глостеръ.
Плантагенетъ.

Лэди Анна.
То имя мужа.

Глостеръ.
Хоть имя то, да человѣкъ не тотъ.

Лэди Анна.
Гдѣ жъ онъ?

Глостеръ.
Онъ здѣсь. *(Анна плюетъ на него).*
За чтожъ плевать на насъ?

Лэди Анна.
Я плюнуть бы хотѣла смертнымъ ядомъ.

Глостеръ.
Изъ милыхъ устъ итти не можетъ ядъ.

Лэди Анна.
Прочь съ глазъ моихъ! Твой видъ—зараза мнѣ!

Глостеръ.
Твой взглядъ прелестный мнѣ давно зараза.

Лэди Анна.
О ежели бъ могла, какъ василискъ,
Тебя убить я взглядомъ этихъ глазъ!

Глостеръ.
Я самъ того хочу, чтобъ сгибнуть разомъ
И кончить съ мукой, что терплю отъ нихъ.
Твои глаза мнѣ токи слезъ наслали,
Постыдныхъ и соленыхъ дѣтскихъ слезъ.
Мнѣ токи слезъ—тому, кто никогда
Одной слезы изъ глазъ своихъ не пролилъ.
Когда Эдвардъ съ отцомъ моимъ рыдали,
Заслышавши, какъ Рютландъ застоналъ
Подъ взмахомъ сабли смуглаго Клиффорда,
И въ пору ту, когда отецъ твой грозный
Разсказывалъ, какъ умеръ мой отецъ,
И, какъ дитя, печальную ту повѣсть
Десятки разъ, рыдая, прерывалъ,
Когда у всѣхъ стоящихъ тутъ лились
Потоки слезъ, какъ дождь съ древесныхъ листьевъ—
Мои глаза, при горькомъ томъ разсказѣ,
За стыдъ сочли бы жалкую слезу.
И что жъ?—Глаза, сухіе въ горькій часъ,

Изъ-за красы твоей отъ слезъ ослѣпли.
Я никогда ни къ другу, ни къ врагу
Не обращался съ нѣжною мольбою;
Не зналъ языкъ мой ласковыхъ рѣчей;
Теперь—я жажду прелестей твоихъ,
И гордымъ сердцемъ на мольбу рѣшаюсь.
(Лэди Анна смотритъ на него съ гнѣвомъ).
О, не сжимай такъ гнѣвно устъ твоихъ!
Они даны тебѣ для поцѣлуевъ—
Не для презрѣнья. Слушай, лэди Анна,
Когда твое безжалостное сердце
Прощать не въ силахъ—вотъ мой острый мечъ—
Бери его, кончай со мною разомъ,
Пробей мнѣ сердце, полное тобой;
Нагую грудь тебѣ я подставляю,
И на колѣняхъ смерти я прошу.
(Глостеръ раскрываетъ грудь; лэди Анна силится его заколоть).
Не медли же: я Генриха убилъ,
Но вызванъ былъ на то твоей красою.
(Лэди Анна хочетъ снова его заколоть).
Кончай же!—я Эдварда закололъ,
Но вызванъ былъ твоимъ лицомъ небеснымъ.
(Лэди Анна роняетъ мечъ).
Бери жъ мой мечъ, или бери меня!

ЛЭДИ АННА.

Вставай, обманщикъ! Казни стоишь ты,
Но палачомъ твоимъ я быть не въ силахъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Лишь прикажи: я самъ убью себя.

ЛЭДИ АННА.

Я ужъ сказала разъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Въ минуту гнѣва,
Но повтори мнѣ приказанье то—
И та рука, что изъ любви къ тебѣ
Людей, тобой любимыхъ, поразила,
Покончитъ и съ вѣрнѣйшею любовью.

ЛЭДИ АННА.

Кто можетъ знать, что въ сердцѣ у тебя?

ГЛОСТЕРЪ.

Передъ тобой языкъ мой сердце выдалъ.

ЛЭДИ АННА.

Боюсь я, оба лгутъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Тогда и правды
На свѣтѣ нѣтъ.

ЛЭДИ АННА.

Вложи свой мечъ въ ножны.

ГЛОСТЕРЪ.

Скажи, что ты прощаешь.

ЛЭДИ АННА.

Это послѣ
Узнаешь ты.

ГЛОСТЕРЪ *(Вкладывая мечъ въ ножны).*

Надѣяться ль?

ЛЭДИ АННА.

Всѣмъ людямъ,
Я думаю, надѣяться дано.

ГЛОСТЕРЪ.

О, согласись принять вотъ этотъ перстень!

ЛЭДИ АННА.

Принять его—не значитъ подарить.
(Надѣваетъ перстень на палецъ).

ГЛОСТЕРЪ.

Смотри, какъ онъ присталъ къ рукѣ твоей!
Такъ вся душа моя къ тебѣ пристала.
Бери же насъ: съ нимъ оба мы твои;
И если ты еще позволишь мнѣ
Униженно просить одной отрады,
То бѣдный рабъ твой вѣчно счастливъ будетъ.

ЛЭДИ АННА.

Чего жъ еще ты просишь?

ГЛОСТЕРЪ.

Удостой
Мнѣ передать надгробныя заботы
Надъ тѣмъ, чей прахъ оплакивать я долженъ;
Сама жъ на время удалися въ Кросби,
Туда,—похоронивши съ торжествомъ
Великаго монарха и смочивъ
Его могилу горькими слезами—
Къ тебѣ явлюся я безъ промедленья.
Изъ-за причинъ таинственныхъ и важныхъ,
Молю тебя, о, согласись на это!

ЛЭДИ АННА.

Отъ всей души— и радуюсь я очень,
Что видѣла раскаянье твое.
(Дженльмэнамъ).
Беркли и Трессель пусть идутъ за мной!

ГЛОСТЕРЪ.

Простися же со мной!

ЛЭДИ АННА.

Не много ль будетъ?

РИЧАРДЪ III и ЛЭДИ АЧНА .(Дѣйствіе I, сц. 2).

Рисунокъ англійскаго иллюстратора Джона Лоусона Ватсона (John Dawson Watson, 1832 – 1892).

Но если ты сказнилъ меня на лесть,
То можешь думать, что ужъ я простилась.
(Леди Анна, Тиррель и Берклэ уходятъ).

Глостеръ.
Эй, вы, несите тѣло!

Джентльмэны.
Въ Чертси, герцогъ?

Глостеръ.
Нѣтъ, къ Бѣлымъ Братьямъ. Я приду туда.
(Джентльмэны съ гробомъ уходятъ).
Была ль когда такъ ведена любовь?
Была ль когда такъ женщина добыта?
Она моя—да не надолго, впрочемъ.
Какъ, я, зарѣзавшій ея отца,
Какъ, я, зарѣзавшій ея супруга,
Пришелъ къ ней въ часъ неслыханнаго гнѣва,
Къ ней, полной слезъ и яростныхъ проклятій,
Рыдающей надъ жертвою моею,
Пришелъ, имѣя все противъ себя—
И прошлое, и Бога самого—
Безъ всякаго заступника въ мольбахъ,
Съ однимъ притворствомъ дьявольскимъ—и что же?
Она моя, наперекоръ всему!
Ужель забытъ неустрашимый воинъ
Эдвардъ, ея супругъ, въ минуту гнѣва
Убитый мной три мѣсяца тому?
Красивъ онъ былъ. Такого джентльмэна,
Рожденнаго природой въ щедрый часъ,
И юнаго, и царственнаго духомъ,
Широкій міръ не скоро дастъ опять.
И что жъ? Свой взглядъ она къ тому склонила,
Кѣмъ скошенъ былъ цвѣтъ жизни золотой,
Кто далъ ей ложе горестной вдовицы—
Ко мнѣ, хромому, гадкому уроду,
Не стоящему половины мужа.
Нѣтъ, герцогство свое поставлю я
Противъ копѣйки нищаго—должно быть,
Я самъ своихъ красотъ не понимаю.
Клянуся жизнью—вѣдь, нашла жъ она
Во мнѣ весьма приличную особу!
Нѣтъ, надо будетъ зеркало добыть
Да пріискать десятка два портныхъ,
Чтобы меня по модѣ нарядили.
Ужъ ежели я вдругъ похорошѣлъ,
Такъ стоитъ и потратиться на это.
Ну, свалимъ же покойника въ могилу;
А тамъ въ слезахъ пойдемъ мы къ нашей дамѣ.
Сіяй же, солнце свѣтлое, покуда
Я зеркала еще не пріобрѣлъ:
На тѣнь свою мнѣ надо наглядѣться.
(Уходитъ).

СЦЕНА III.

Лондонъ. Комната во дворцѣ.

Входятъ: Королева Елизавета, Лордъ Риверсъ и лордъ Грей.

Риверсъ.
Утѣшьтесь, государыня! Здоровье
Навѣрно возвратится къ королю.

Грей.
Отъ вашей грусти онъ и самъ тоскуетъ;
Такъ, Бога ради, успокойтесь, чтобы
Его веселой рѣчью оживить.

Королева Елизавета.
Когда умретъ онъ, что со мною будетъ?

Грей.
Чему же быть, кромѣ потери мужа?

Королева Елизавета.
Въ такой потерѣ слиты всѣ потери.

Грей.
Отъ Господа вамъ данъ достойный сынъ:
Онъ васъ утѣшитъ въ часъ потери горькой.

Королева Елизавета.
Ахъ, молодъ онъ, и юныхъ лѣтъ его
Назначенъ стражемъ герцогъ Ричардъ Глостеръ,
А герцогъ ни меня, ни васъ не любитъ.

Риверсъ.
Правителемъ уже назначенъ онъ?

Королева Елизавета.
Хоть не назначенъ, но назначенъ будетъ,
Коль королю здоровье не вернется.

Входятъ Букингамъ *и* Стэнли.

Грей.
Сюда идутъ лордъ Букингамъ и Стэнли.

Букингамъ.
Привѣтъ ея величеству отъ насъ!

Стэнли.
И пусть къ ея величеству Господь
Вернетъ ея обычную веселость!

Королева Елизавета.
Мой добрый лордъ, едва ль графиня Ричмондъ
Одобритъ это честное желанье?
Да, Стэнли, хоть она твоя жена,
Меня не очень любитъ, но не въ силахъ
За злобу ту я ей платить враждой.

Стэнли.

Прошу васъ, государыня, не вѣрьте
Ея враговъ вы ложнымъ обвиненьямъ;
А если бъ тѣ враги и правы были,
То снизойдите къ слабостямъ графини,
Всегда больной, но не враждебной вамъ.

Королева Елизавета.

Вы съ королемъ видались ужъ, лордъ Стэнли?

Стэнли.

Мы съ герцогомъ сейчасъ лишь отъ него.

Королева Елизавета.

Какъ вы нашли его?

Букингамъ.

Сказать въ часъ добрый,
Онъ веселъ былъ во время всей бесѣды.

Королева Елизавета.

Дай Богъ ему здоровья! Что же вы
Съ нимъ говорили?

Букингамъ.

Хочетъ онъ согласья
Межъ Глостеромъ и вашими родными.
Ихъ всѣхъ, а также лорда-камергера
Изволилъ онъ потребовать къ себѣ.

Королева Елизавета.

О если бъ такъ! Но не бывать тому!
Я вижу, что надъ бездной счастье наше.

Входятъ: Глостеръ, Гэстингсъ *и* Дорсетъ.

Глостеръ.

Я не стерплю такой себѣ обиды!
Кто смѣлъ пожаловаться королю,
Что я ихъ врагъ, что грубъ и золъ я съ ними?
Клянуся Павломъ, только врагъ монарха
Такія сплетни можетъ распускать!
За то, что я не ласковъ и не льстивъ,
Не въ силахъ врать и сладко улыбаться,
Французскіе отвертывать поклоны,
Вертѣться обезьяной, мягко стлать—
Меня считаютъ недругомъ упорнымъ.
Неужли жъ простодушный человѣкъ
Не можетъ жить безвредно безъ того,
Чтобъ простоту его не осквернялн
И сплетники, и хитрые пройдохи?

Грей.

Кого жъ тутъ разумѣетъ ваша честь?

Глостеръ.

Хотя бъ тебя, въ комъ чести нѣтъ и правды!
Въ чемъ грѣшенъ я? когда тебя обидѣлъ?
Или тебя? или тебя? иль всѣхъ
Изъ вашей шайки? Чортъ васъ побери!
Едва лишь нашъ великій государь—
Господь храни его вамъ всѣмъ на горе!—
Успѣетъ часъ одинъ вздохнуть спокойнѣй,
Какъ вы опять его идете мучить
Своими сплетнями.

Королева Елизавета.

Нѣтъ, братъ нашъ Глостеръ,
Ошибся ты. Король своею волей,
А не по наговорамъ чьимъ-нибудь
Такъ порѣшилъ. Конечно, онъ примѣтилъ
Въ твоихъ поступкахъ ненависти признакъ
Ко мнѣ, къ моимъ роднымъ и сыновьямъ;
А видя это, хочетъ онъ причину
Вражды узнать и устранить ее.

Глостеръ.

Кто знаетъ! Свѣтъ такъ гадокъ сталъ, что галки
Какъ дома тамъ, куда орловъ не пустятъ;
Когда шуты полѣзли въ джентльмэны,
Дворянамъ остается роль шутовъ.

Королева Елизавета.

Тебя мы разумѣемъ, братецъ Глостеръ:
Завидуешь ты мнѣ и всѣмъ, къ намъ близкимъ.
Дай Богъ, чтобъ не нуждались мы въ тебѣ!

Глостеръ.

А между тѣмъ, по той же Божьей волѣ,
Мы всѣ въ тебѣ нуждаемся. Нашъ братъ,
По милости твоей, въ тюрьму посаженъ;
Въ опалѣ я; дворянству нѣту хода,
А всякій день возводятъ въ санъ дворянскій
Такихъ людей, что и гроша не стоятъ.

Королева Елизавета.

Клянуся тѣмъ, кто на бѣду мою
Изъ скромной и счастливой прежней доли
Меня возвелъ на эту высоту,
Не я возстановила государя
Противу Кларенса! Я за него
Сама, напротивъ, часто заступалась.
Милордъ, ты страшно оскорбилъ меня
Своимъ обиднымъ, лживымъ подозрѣньемъ.

Глостеръ.

Ты, можетъ быть, намъ скажешь, что и Гэстингсъ
Былъ заточенъ не по твоей винѣ?

Риверсъ.

И будетъ вправѣ то сказать, милордъ!

Глостеръ.

Неужели, лордъ Риверсъ, точно будетъ?

Мнѣ кажется, у ней еще есть право
Вамъ надавать отличій и чиновъ,
А послѣ объявить, что не она
Тому причиной, а заслуги ваши.
Она права—и вправѣ...

РИВЕРСЪ.

Что же вправѣ?

ГЛОСТЕРЪ.

Свои дѣла поправить ловкимъ бракомъ,
Поймавши холостого короля.
Бываютъ браки хуже, и въ примѣръ
Поставлю я твою родную бабку.

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА.

Лордъ Глостеръ, слишкомъ долго я сносила
И брань твою, и горькія насмѣшки!
Клянуся Небомъ, прямо государю
Я разскажу объ этихъ оскорбленьяхъ.
О, лучше бы мнѣ быть простой служанкой,
Чѣмъ этотъ санъ носить и чрезъ него
Терпѣть обиды, брань и шутки злыя!
Нѣтъ, радостей не много принесло
Мнѣ званіе британской королевы!

Входитъ сзади КОРОЛЕВА МАРГАРИТА.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА *(про себя).*

И пусть Господь тѣхъ радостей убавитъ!
Ты отъ меня взяла и тронъ, и честь.

ГЛОСТЕРЪ *(Елизаветѣ).*

Что? государемъ ты грозишься мнѣ?
Иди-жъ къ нему и говори, что хочешь;
Я самъ готовъ, въ присутствіи его,
Все подтвердить, что высказано мною.
Пускай себѣ меня сажаютъ въ Тоуэръ,
Когда мои заслуги позабыты.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА *(про себя).*

Нѣтъ, дьяволъ, тѣ заслуги помню я:
Ты Генриха, ты моего супруга
Убилъ въ тюрьмѣ и ты же умертвилъ
Въ Тьюксбёри сына моего, Эдварда.

ГЛОСТЕРЪ *(Елизаветѣ).*

Когда ты королевой не была
И мужъ твой не сидѣлъ еще на тронѣ,
Ему служилъ я такъ, какъ вьючный конь,
Искореняя грозныхъ супостатовъ
И не щадя друзьямъ его наградъ;
Чтобъ ваша кровь считалась царской кровью,
Я проливалъ свою.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА *(про себя).*

И кровь людей
Достойнѣйшихъ, чѣмъ ты и чѣмъ они!

ГЛОСТЕРЪ.

А въ тѣ года и ты, и мужъ твой Грей
За бунтъ и домъ Ланкастерскій стояли,
И Риверсъ съ вами былъ. Твой мужъ убитъ
Противу насъ въ бою, подъ Сентъ-Альбансомъ.
Вотъ вамъ совѣтъ мой: помните всегда
То, чѣмъ вы были и что вы теперь,
А также, чѣмъ я былъ и что теперь я.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА *(про себя).*

Ты былъ и есть мерзавецъ кровожадный!

ГЛОСТЕРЪ.

А бѣдный Кларенсъ измѣнилъ отцу,
Нарушилъ клятвы—пусть Господь всесильный
Проститъ его!

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА *(про себя).*

Господь отмститъ за это!

ГЛОСТЕРЪ.

Соединился съ мужемъ онъ твоимъ,
Ему корону добылъ—и теперь
За это онъ отправленъ въ заточенье.
О, лучше бъ сердце бѣдное мое
Изъ камня было, какъ у короля,
Иль сердце королевское смягчилось
Такъ, какъ мое, и стало жалость знать!
Нѣтъ, глупъ я, кротокъ, дѣтски слабъ для свѣта!

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА *(про себя).*

Такъ брось нашъ свѣтъ, безстыдникъ, спрячься въ адъ
И царствуй тамъ ты, дьявольское сѣмя!

РИВЕРСЪ.

Лордъ Глостеръ, въ эти тяжкіе года
Мы не были врагами государства,—
Мы шли за нашимъ королемъ законнымъ
Такъ точно, какъ пошли бы за тобой,
Когда-бъ ты нашимъ государемъ былъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Я государемъ вашимъ? Нѣтъ, ужъ лучше
Въ разносчики пойду я. Мысль о томъ
Противна сердцу!

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА.

Герцогъ, точно такъ же,
Какъ и тебѣ нерадостна та мысль—
Нерадостно мнѣ званье королевы.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА *(про себя).*

А мнѣ, какъ настоящей королевѣ,
Еще нерадостнѣй великій санъ.
Нѣтъ, долѣе терпѣть не въ силахъ я!
(Выходитъ впередъ).

А наглые разбойники, грызетесь
Вы за добычу, взятую у насъ?
Вы въ силахъ ли стоять, не задрожавши,
Рабы—передъ своею королевой,
Бунтовщики—предъ жертвою своей?
(Глостеру).
Что жъ отвернулся ты, свѣтлѣйшій извергъ?

Глостеръ.
Чего ты, вѣдьма, хочешь отъ меня?

Королева Маргарита.
Хочу я счесть всѣ мерзости твои—
И не уйдешь отъ моего ты счета!

Глостеръ.
Ты изгнана подъ страхомъ смертной казни.

Королева Маргарита.
Да, только мнѣ въ изгнаньи жить тошнѣй,
Чѣмъ умирать въ моей родной столицѣ.
Отдай мнѣ сына и супруга, Глостеръ!
Елизавета, возврати мнѣ царство!
Вы всѣ склонитесь снова предо мною!
Вамъ горе я сдаю свое по праву,
Грабители всѣхъ радостей моихъ!

Глостеръ.
Тебя отецъ мой проклялъ благородный
Въ тотъ часъ, когда на грозное чело
Надѣла ты бумажную корону,
Въ тотъ часъ, какъ ты насмѣшкой ядовитой
Изъ глазъ его потоки извлекла
И бросила рыдающему ты
Платокъ, запятнанный невинной кровью
Дитяти Рютланда. Въ тотъ горькій часъ
Его проклятье на тебя упало—
И Богъ тебѣ отмщаетъ, а не мы.

Королева Елизавета.
Господь всегда отмщаетъ за невинныхъ.

Гэстингсъ.
Безжалостно младенца умертвитl—
Неслыханное, мерзостное дѣло!

Риверсъ.
Злодѣи сами плакали тогда.

Дорсетъ.
Всѣ люди призывали мщенье Неба.

Букингамъ.
Нортомберлэндъ тамъ былъ—и онъ заплакалъ.

Королева Маргарита.
Какъ? предъ моимъ приходомъ грызлись вы,
Другъ-друга чуть за горло не хватали—
И что жъ? Теперь противъ меня вы всѣ,
Ильтакъ ужъ святъ проклятый Іоркаголосъ,
Что смерть Эдварда, Генриха погибель,
Потеря царства и мое изгнанье
Пошли въ отмщенье за его щенка?
Когда проклятье тучи разсѣкаетъ
И открываетъ доступъ къ небесамъ—
Лети же къ небу ты, мое проклятье,
И разступитесь облака предъ нимъ!
Какъ нашъ король жизнь кончилъ отъ убійцы,
Такъ вашъ умретъ отъ подлаго недуга!
Пускай Эдвардъ, твой сынъ и принцъ Валлійскій,
За моего Валлійскаго Эдварда
Умретъ до срока той же самой смертью!
Ты, королева, такъ же какъ и я,
Переживи свой королевскій санъ;
Переживи дѣтей и плачь надъ ними,
И все живи, и наглядись на то,
Какъ новая захватитъ королева
Твои права и почести твои!
Пусть золотые дни твои погибнутъ
Задолго до твоей кончины! Пусть
Переживешь ты много дней тяжелыхъ
И сгибнешь не британской королевой,
А жалкою бездѣтною вдовой!
Дорсетъ и Риверсъ, также ты, лордъ Гэстингсъ,
Вы видѣли, какъ подъ ножомъ кровавымъ
Мой сынъ погибъ—и Богъ пошлетъ за то
Вамъ всѣмъ троимъ безвременную гибель!

Глостеръ.
Кончай скорѣй, изсохшая колдунья!

Королева Маргарита.
Кончать, тебя забывши? Нѣтъ, постой
И выслушай, собака! Если Небо
Еще хранитъ запасъ бѣды и зла,
Страшнѣйшаго, чѣмъ я сказать умѣю—
Пускай оно, въ разгаръ грѣховъ твоихъ,
Бѣдами тѣми грянетъ надъ тобой,
Рушителемъ спокойствія на свѣтѣ!
Пусть совѣсть, словно червь, тебя изгложетъ!
Пускай, страшась предательства въ друзьяхъ,
Ты ввѣришься предателямъ страшнѣйшимъ!
Пускай глаза проклятые твои
Не знаютъ сна безъ адскихъ грезъ тяжелыхъ,
Наполненныхъ бѣсовскимъ безобразьемъ!
Ты—выкидышъ, помѣченный на зло,
Свинья, что носомъ землю разрываетъ!
Ты—при рожденьи заклейменный адомъ,
Какъ гнусный рабъ и адово исчадье!
Ты—тяжкій срамъ утробы материнской!

Ты—мерзкій плодъ отцовской мерзкой крови
Отребіе безчестное! Ты! ты!...

Глостеръ.
Ты—Маргарита.

Королева Маргарита.
Ричардъ!

Глостеръ.
Что угодно?

Королева Маргарита.
Я не съ тобою говорю.

Глостеръ.
А мнѣ
Представилось, что именно меня
Осыпала ты горькими словами.

Королева Маргарита.
Да, только мнѣ не надобно отвѣтовъ:
Я кончила съ проклятіемъ моимъ.

Глостеръ.
Назвавъ тебя, я тоже съ нимъ покончилъ.

Королева Елизавета.
Себя ты прокляла своимъ проклятьемъ.

Королева Маргарита.
О, бѣдная, поддѣльная царица,
И ты льешь медъ на злого паука,
Въ его сѣтяхъ запутавшись смертельныхъ
Ты точишь ножъ на самое себя,
Безумная—и близко, близко время,
Когда со мной ты станешь проклинать
Горбатую и злую эту жабу!

Гэстингсъ.
Довольно брани, бѣшеная вѣдьма!
Ты, на бѣду себѣ, разсердишь насъ.

Королева Маргарита.
Нѣтъ, вы меня, проклятые, взбѣсили!

Риверсъ.
Ты стоишь, чтобъ тебѣ внушить теперь
О томъ, кто ты и съ кѣмъ ты говоришь.

Королева Маргарита.
Ну, что жъ, внушайте. Я сама все знаю:
Я—королева, вы—мои рабы;
Вы сами это знаете, конечно.

Дорсетъ.
Она съ ума сошла—чего съ ней спорить?

Королева Маргарита.
Молчать, маркизъ мальчишка! Самъ ты глупъ,
И не въ ходу твой юный гербъ дворянскій.
Вамъ, новаго издѣлія вельможи,
Знать не дано, что значитъ санъ высокій
Утратить и оплакивать его.
Кто высоко стоитъ, тотъ знаетъ грозы
И, падая, ломается въ куски.

Глостеръ *(Дорсету)*.
Совѣтъ хорошъ и для тебя, маркизъ.

Дорсетъ.
Да и для васъ, милордъ, совѣтъ не дуренъ.

Глостеръ.
Конечно, такъ. Но высоко взнеслось
Мое гнѣздо—туда, въ вершину кедра,
На зло вѣтрамъ, съ могучимъ солнцемъ въ спорѣ.

Королева Маргарита.
И даже затмеваетъ солнца свѣтъ.
Мой сынъ сіялъ въ лучахъ великой славы,
Но гнѣвной тучей ты закрылъ его—
И свѣтлый лучъ исчезнулъ въ вѣчномъ мракѣ.
Въ гнѣздѣ чужомъ себѣ гнѣздо вы свили,
Но Богъ всезрящій не снесетъ того—
И сгибнетъ все, что добыли вы кровью!

Букингамъ.
Посовѣстись хоть нѣсколько на милость!

Королева Маргарита.
Ни милости, ни совѣсти здѣсь нѣтъ!
Безъ милости со мной вы поступили,
Безъ совѣсти сгубили жизнь мою.
Мнѣ милость—срамъ, а совѣсть—жизнь моя,
И въ жизни той лишь живы гнѣвъ и горе.

Букингамъ.
Довольно же!

Королева Маргарита.
Свѣтлѣйшій Букингамъ,
Тебѣ цѣлую дружески я руку.
Будь счастливъ ты и домъ высокій твой!
Ты не запятнанъ нашей царской кровью,
И проклинать тебя не стану я.

Букингамъ.
Да и другихъ не надо: злое слово
Несетъ бѣду устамъ, его сказавшимъ.

Королева Маргарита.
Нѣтъ, на Небо восходитъ слово то
И будитъ миръ, что тихо спитъ предъ Богомъ.
О, Букингамъ, страшись собаки злой:
Она кусаетъ, ласково виляя,
И зубъ ея смертельно ядовитъ.

О, берегись, бѣги отъ злого пса—
Онъ заклейменъ и смертью и грѣхами,
И слуги ада служатъ псу тому!

Глостеръ.

Лордъ Букингамъ, что говоритъ она?

Букингамъ.

Того передавать не стоитъ, герцогъ.

Королева Маргарита.

Ты на меня—за добрый мой совѣтъ?
Ты льстишь тому, кого беречься долженъ?
О, вспомяни жъ меня въ тотъ горькій день,
Когда тебѣ пробьетъ онъ душу скорбью!
Скажи тогда: *права ты, Маргарита!*
Пускай всѣхъ васъ онъ вѣчно ненавидитъ,
А вы—его и всѣхъ васъ—самъ Господь!
(Уходитъ).

Гэстингсъ.

Поднялись дыбомъ волоса мои
Отъ всѣхъ проклятій этихъ.

Риверсъ.

И мои.
Зачѣмъ даютъ бродить ей на свободѣ?

Глостеръ.

Клянусь Владычицей, не въ силахъ я
Ее винить: она страдала много,
И я винюся въ части тѣхъ страданій.

Королева Елизавета.

Ничѣмъ я не обидѣла ее.

Глостеръ.

Однако жъ все, что отнято у ней,
Себѣ взяла ты. Страшно и подумать,
Какъ много зла я въ пылкій часъ надѣлалъ!
И Кларенсъ также терпитъ по дѣламъ.
Пусть Богъ проститъ того, кто сдѣлалъ это!

Риверсъ.

И честно, и согласно съ христіанствомъ
За тѣхъ молиться, кто обидѣлъ насъ.

Глостеръ.

Всегда таковъ я въ добрыя минуты.
(Про себя).
Кляня другихъ, себя бы проклялъ я.

Входитъ Кетсби.

Кетсби.

Васъ, государыня, король зоветъ;
Васъ, герцогъ, также; также васъ, милорды.

Королева Елизавета.

Иду сейчасъ. Милорды, вы со мной?

Риверсъ.

Мы слѣдуемъ за вами, королева.
(Уходятъ всѣ, кромѣ Глостера).

Глостеръ.

Я зло творю, и самъ кричу я первый
Затѣмъ, чтобъ всѣ коварныя дѣла
Искуснѣй на чужія плечи сбросить.
Я Кларенса въ темницу засадилъ,
А самъ кричу различнымъ ротозѣямъ,
Какъ Стэнли, Гэстингсъ или Букингамъ,
Что королева и ея родня
Возстановили брата противъ брата
И вѣрятъ мнѣ, и рвутся дураки
Отмстить Вогану, Риверсу и Грею;
Но, я вздохнувъ, твержу имъ изъ Писанья,
Что Богъ велитъ за зло платить добромъ.
Такъ прикрываю умыселъ я свой
Изъ книгъ святыхъ старинными клочками,
И—чорта другъ—святымъ кажуся я.

Входятъ двое убійцъ.

Глостеръ.

Однако, тише: вонъ мои ребята!
Ну, что, мои надежные друзья,
Идете вы покончить дѣло наше?

1-ый убійца.

Идемъ, милордъ; намъ нуженъ только пропускъ;
Безъ этого не пустятъ насъ къ нему.

Глостеръ.

Догадливъ я: онъ взятъ и здѣсь со мною.
(Даетъ бумагу).
Окончивъ дѣло, приходите въ Кросби.
Но помните: не медлить, не зѣвать,
Не медлить и рѣчей его не слушать.
Я знаю, Кларенсъ говоритъ красно,
И васъ еще разжалобитъ, пожалуй.

1-ый убійца.

Ну, нѣтъ, милордъ, болтать не станемъ мы.
Отъ краснобаевъ дѣла не дождешься;
Работать мы взялись не языкомъ,
А нашими руками.

Глостеръ.

Это дѣльно!
Люблю я васъ, друзья. Гдѣ дураки
Расплачутся—изъ вашихъ глазъ скорѣе
Посыплются каменья, а не слезы.
За дѣло же скорѣй!

1-ый убійца.

Идемъ, милордъ. *(Уходятъ).*

СЦЕНА IV.

Лондонъ. Комната въ Тоуэрѣ.

Входятъ КЛАРЕНСЪ *и* БРЕКЕНБЕРИ.

БРЕКЕНБЕРИ.

Какой сегодня безотрадный взглядъ
У вашего высочества!

КЛАРЕНСЪ.

Провелъ я
Дурную ночь. Была она полна
Тяжелыхъ грезъ и страшныхъ сновидѣній.
Какъ вѣрно то, что христіанинъ я—
Другой такою ночью не хотѣлъ бы
Купить я цѣлой жизни дней счастливыхъ.
Да, въ ужасѣ провелъ я эту ночь.

БРЕКЕНБЕРИ.

Что жъ видѣли вы, герцогъ? Разскажите.

КЛАРЕНСЪ.

Мнѣ снилось, что бѣжалъ я изъ тюрьмы
И по морю въ Бургундію плыву,
На кораблѣ со мной былъ братъ мой Глостеръ
И будто изъ каюты онъ взманилъ
Меня на палубу. Мы съ нимъ вдвоемъ
Глядѣли на родной британскій берегъ,
Припоминая все, что съ нами было
Въ тяжелые года войны тяжелой
Межъ Іоркскимъ и Ланкастерскимъ домами.
Бесѣдуя, по зыбкому помосту
Ходили мы; вдругъ Глостеръ оступился;
Я бросился къ нему, но онъ упалъ
И, падая, меня за бортъ онъ сбросилъ
Въ качавшуюся зыбь морскихъ валовъ.
О, Боже! Какъ мучительно тонулъ я!
Какъ шумъ воды въ ушахъ моихъ былъ страшенъ!
Какихъ смертей ужасно-безобразныхъ
Не насмотрѣлся я! Казалось мнѣ,
Я вижу тысячи судовъ затопшихъ;
По дну валялись тысячи людей
И рыбы ихъ глотали; якоря,
Межъ слитковъ золота, и жемчугъ въ грудахъ.
Цвѣтные камни, дивные алмазы,
Разбросаны, лежали подъ водою.
Изъ нихъ одни засѣли въ черепахъ
У мертвецовъ; другіе жъ, какъ въ насмѣшку,
Попавъ случайно въ скважины глазныя,
Горѣли блескомъ страсти, какъ глаза,
Между костей, раскиданныхъ повсюду
По вязкому пространству дна морского.

БРЕКЕНБЕРИ.

Да какъ же, умирая, вы успѣли
Всѣ тайны дна морского разглядѣть?

КЛАРЕНСЪ.

Казалось, все я видѣлъ. Много разъ
Духъ испускалъ я, но пучина злая
Душѣ моей свободы не давала
Летѣть въ пространство воздуха пустое,
И словно разрывалась грудь моя—
И задохнулся я въ морской пучинѣ.

БРЕКЕНБЕРИ.

И не проснулись вы отъ муки злой?

КЛАРЕНСЪ.

О, нѣтъ, мой сонъ и послѣ смерти длился!
Тутъ буря началась въ душѣ моей.
Казалось мнѣ, что въ царство вѣчной ночи
Провезъ меня по лону темныхъ водъ
Злой лодочникъ, поэтами воспѣтый.
И кто жъ на берегу меня встрѣчаетъ?
Мой славный тесть, графъ Варвикъ знаменитый.
Онъ подошелъ ко мнѣ и закричалъ!
„Какая казнь за клятвопреступленье
Ждетъ Кларенса въ подземномъ царствѣ нашемъ?“
И вдругъ пропалъ онъ. Тутъ другая тѣнь—
Какъ будто ангелъ съ свѣтлыми кудрями,
Замокшими въ крови—вскричала громко:
„Здѣсь Кларенсъ лжецъ, злодѣй, предатель Кларенсъ,
Подъ Тьюксбери зарѣзавшій меня!
Ведите жъ, духи тьмы, его на муку!“
И съ этимъ словомъ тьма бѣсовъ поганыхъ
Съ ужаснымъ смѣхомъ кинулась ко мнѣ
И взвыла такъ, что пробудился я
Въ невыразимомъ трепетѣ и—долго
Казалось мнѣ, что все еще въ аду я:
Такъ былъ смущенъ я тѣмъ ужаснымъ сномъ.

БРЕКЕНБЕРИ.

Вашъ страхъ, милордъ, вполнѣ понятенъ мнѣ:
Я самъ дрожу отъ одного разсказа.

КЛАРЕНСЪ.

О, Брекенбери, точно грѣшенъ я
Во всемъ, что мнѣ теперь терзаетъ душу.
Эдварду я грѣхомъ моимъ служилъ—
И вотъ какъ онъ за эту службу платитъ!
О, Боже, если жаркая молитва
Смягчить не въ силахъ гнѣва Твоего,
Когда за зло рѣшилъ Ты мнѣ отплату—
Пускай Твой гнѣвъ лишь надо мною грянетъ,
Не надъ женой невинною моей,
Не надъ дѣтьми несчастными злодѣя!

(Къ Брекенбери).

Прошу тебя, мой другъ, побудь при мнѣ:
Душа моя грустна—и клонитъ сонъ.

БРЕКЕНБЕРИ.

Я не уйду, милордъ. Усните съ Богомъ.
(Кларенсъ засыпаетъ, сидя въ креслахъ).
Ломаетъ грусть привычки жизни нашей:
Ночь—утромъ дѣлаетъ, а полдень—ночью.
Вы, сильные земли, наружной честью
Вамъ платится за внутреннюю боль,
И часто за душевное мученье
Награждены вы лишь пустымъ почетомъ!
Межъ темной долей и высокимъ саномъ
Гдѣ разница?—Въ одной наружной славѣ.

Входятъ ДВОЕ УБІЙЦЪ.

1-ый УБІЙЦА. Эй, кто тутъ?

БРЕКЕНБЕРИ. Чего тебѣ надо, плутъ? Какъ ты сюда попалъ?

1-ый УБІЙЦА. Надо мнѣ говорить съ Кларенсомъ, а попалъ я по милсти своихъ ногъ.

БРЕКЕНБЕРИ. Этого мало.

2-ой УБІЙЦА. О ,сэръ, лучше говорить мало, чѣмъ болтать безъ толку! *(Къ товарищу).* Что толковать: дай ему приказъ въ руки.

БРЕКЕНБЕРИ *(прочитавъ бумагу).*
Приказомъ этимъ мнѣ повелѣно
Сдать герцога вамъ на руки сейчасъ же.
Не мнѣ судить о томъ, что это значитъ.
Я не хочу брать на душу грѣха.
Вотъ вамъ ключи; вотъ герцогъ: въ креслѣ спитъ онъ.
Я къ королю иду и передамъ,
Что герцога я сдалъ на ваши руки.

1-ый УБІЙЦА.
Ступайте жъ, сэръ: вы дѣльно разсудили.
Прощайте же! *(Брекенбери уходитъ).*

2-ой УБІЙЦА. Что жъ, убить его, покуда онъ спитъ?

1-ый УБІЙЦА. Нѣтъ! Еще проснется, да скажетъ, что мы трусы.

2-ой УБІЙЦА. Проснется! Дуракъ ты: не проснется онъ до страшнаго суда.

1-ый УБІЙЦА. За то на страшномъ судѣ скажетъ, что мы его убили соннаго.

2-ой УБІЙЦА. На страшномъ судѣ! это слово затронуло мою совѣсть.

1-ый УБІЙЦА. Это что? Или ты трусишь?

2-ой УБІЙЦА. Убить его я не трушу, на то намъ приказъ дали. Боюсь я за свою душу: ей никакой приказъ не поможетъ.

1-ый УБІЙЦА. Ну, думалъ я, что ты потверже.

2-ой УБІЙЦА. Да я и теперь твердо рѣшился—не убивать его.

1-ый УБІЙЦА. Такъ надо о томъ сказать герцогу Глостеру.

2-ой УБІЙЦА. Нѣтъ, погоди! можетъ-быть, эта душеспасительная прихоть еще пройдетъ—она у меня всегда не долга.

1-ый УБІЙЦА. Ну, рѣшился ты, что ли?

2-ой УБІЙЦА. *(помолчавъ).* По чести, все еще во мнѣ остается совѣсть.

1-ый УБІЙЦА. Вспомни: насъ наградятъ послѣ работы.

2-ой УБІЙЦА. Да, смерть ему! Я, было, и забылъ про награду.

1-ый УБІЙЦА. А гдѣ теперь твоя совѣсть?

2-ой УБІЙЦА. Въ кошелькѣ герцога Глостера.

1-ый УБІЙЦА. Ну, а какъ она улетитъ, когда кошелекъ откроютъ для расплаты?

2-ой УБІЙЦА. Пусть летитъ—кому она надобна?

1-ый УБІЙЦА. А какъ она прилетитъ къ тебѣ снова?

2-ой УБІЙЦА. Не хочу я съ ней знаться больше. Совѣсть—опасная штука. Изъ-за нея человѣкъ попадаетъ въ трусы: хочетъ онъ украсть—совѣсть мѣшаетъ,—поклясться—совѣсть остановитъ, согрѣшитъ онъ съ чужой женою—совѣсть его обличитъ тутъ же. Этотъ стыдливый, краснѣющій бѣсъ только поднимаетъ въ нашей душѣ распри да перечитъ всякому помыслу. Изъ-за него одинъ разъ я отдалъ назадъ кошелекъ, найденный на дорогѣ; изъ-за него люди становятся нищими; его гонятъ изъ городовъ, какъ вредное созданье, и всякій, кому хочется жить покойно, прежде всего долженъ съ нимъ развязаться.

1-ый УБІЙЦА. Вотъ и теперь онъ возлѣ меня—говоритъ, чтобъ я не убивалъ герцога.

2-ой УБІЙЦА. Не вѣрь ему, не вѣрь: онъ въ тебя какъ разъ заберется.

1-ый УБІЙЦА. Ну, я силенъ! со мной сладишь не скоро.

2-ой УБІЙЦА. Дѣльно сказано. Ну, что жъ, за работу?

1-ый УБІЙЦА. Въ той комнатѣ бочка съ мальвазіей. Коли его—мы его кинемъ въ бочку.

2-ой УБІЙЦА. Славно придумалъ. Вотъ будетъ славная настойка.

1-ый УБІЙЦА. Тише, онъ проснулся.

2-ой УБІЙЦА. Что жъ—коли!

1-ый УБІЙЦА. Нѣтъ: мы съ нимъ еще потолкуемъ.

КЛАРЕНСЪ *(просыпаясь).* Гдѣ мой стражъ? Дай мнѣ стаканъ вина.

1-ый УБІЙЦА. Сейчасъ вамъ будетъ много вина милордъ.

КЛАРЕНСЪ. Ради Бога, что ты такое?

1-ый УБІЙЦА. То же, что и ты—человѣкъ.

КЛАРЕНСЪ. Только не царскаго рода.

1-ый УБІЙЦА. За то честнаго, чего про тебя не скажутъ.

КЛАРЕНСЪ. Ты дерзко говоришь, но робко смотришь.

1-ый УБІЙЦА. Говорю я голосомъ короля, а гляжу по-своему.

КЛАРЕНСЪ.

Какъ сумрачна и злобна рѣчь твоя!
Грозишь ты взглядомъ. Отчего ты блѣденъ?
Ты отъ кого пришелъ? Зачѣмъ ты здѣсь?

ОБА УБІЙЦЫ. Чтобъ... чтобъ... чтобъ...

КЛАРЕНСЪ. Чтобъ умертвить меня?

ОБА УБІЙЦЫ. Да, да!

КЛАРЕНСЪ.

У васъ нѣтъ силъ, чтобы признаться въ томъ,
Гдѣ жъ вы возьмете силъ на злое дѣло?
Друзья мои, чѣмъ васъ обидѣлъ я?

1-ый УБІЙЦА.

Не насъ ты оскорбилъ, а короля.

КЛАРЕНСЪ.

Я скоро примирюся съ государемъ.

2-ой УБІЙЦА.

Нѣтъ, герцогъ, никогда. Готовься къ смерти.

КЛАРЕНСЪ.

За что жъ, изъ всѣхъ людей, васъ двухъ избрали
Убить невиннаго? Въ чемъ грѣшенъ я?
Въ какомъ я преступленьи уличенъ?
Передъ какимъ судомъ меня судили?
Какой судья изрекъ, нахмурясь грозно,
Для Кларенса послѣдній приговоръ?
Кто смѣетъ смертной казнію пугать
Того, кто не судимъ судомъ законнымъ?
Во имя Бога, васъ я заклинаю
Христовой кровью, пролитой за насъ,
Уйдите прочь, не проливайте крови.
Такое дѣло въ вѣчную погибель
Васъ вовлечетъ.

1-ый УБІЙЦА.

Не мы за то въ отвѣтѣ.
Намъ велѣно.

2-ой УБІЙЦА.

И королемъ еще.

КЛАРЕНСЪ.

Лжешь, рабъ! Тотъ, кто король надъ королями,
Въ своемъ законѣ людямъ начерталъ:
„Не убивай". И смѣлъ ты тотъ законъ
Отвергнуть, человѣку угождая?
О, берегись! Сильна Его рука—
И молніей ослушниковъ караетъ.

2-ой УБІЙЦА.

Такъ и тебя она теперь казнитъ
За клятвопреступленье и убійство.
Ты клялся предъ Господними дарами
Всегда за домъ Ланкастерскій стоять.

1-ый УБІЙЦА.

И разорвалъ священную присягу—
И, какъ предатель, въ грудь вонзилъ желѣзо
Ты сыну государя своего..

2-ой УБІЙЦА.

Котораго ты защищать поклялся.

КЛАРЕНСЪ.

И для кого жъ я сдѣлалъ злое дѣло?
Для брата, для Эдварда моего—
И онъ теперь, со мной преступникъ равный,
Васъ шлетъ ко мнѣ, чтобъ умертвить меня!
О, если Богъ меня казнить захочетъ,
Меня казнитъ Онъ предъ лицомъ вселенной.
Не спорьте же съ Его рукой могучей:
Господь не совершаетъ тайныхъ казней
Надъ тѣми, кто законъ Его попралъ.

1-ый УБІЙЦА.

Такъ кѣмъ же былъ ты посланъ въ палачи
Въ тотъ часъ, когда Плантагенетъ державный
И удалой, и юный былъ убитъ?

КЛАРЕНСЪ.

Я наученъ былъ дьяволомъ, а также
Любовью къ брату и минутой гнѣва.

1-ый УБІЙЦА.

Твой братъ, твои грѣхи и должность наша
Приказываютъ намъ убить тебя.

КЛАРЕНСЪ.

Когда вамъ дорогъ государь, должны вы
Любить меня: я братъ его родной.
Ему я преданъ всей душой моею.
Уйдите жъ. Васъ, быть можетъ, подкупили?
Такъ я пошлю васъ къ Глостеру. Онъ васъ
Щедрѣе наградитъ за жизнь мою,
Чѣмъ самъ король за вѣсть о смерти брата.

2-ой УБІЙЦА.

Ошибся ты: вѣдь, Глостеръ врагъ тебѣ.

КЛАРЕНСЪ.

О, нѣтъ, меня мой братъ по-братски любитъ.
Идите же къ нему.

ОБА УБІЙЦЫ.

Да, мы пойдемъ.

КЛАРЕНСЪ.

Пусть вспомнитъ онъ, какъ нашъ родитель славный,
Великій Іоркъ, могучею рукою
Своихъ троихъ сыновъ благословлялъ
И имъ приказывалъ любить другъ друга!
Не думалъ онъ тогда объ этомъ днѣ!
Пусть Глостеръ вспомнитъ это и заплачетъ.

1-ый УБІЙЦА.

Каменьями скорѣе, чѣмъ слезами;
Такъ плакать онъ и насъ училъ недавно.

КЛАРЕНСЪ.

Не оскорбляйте Ричарда—онъ добръ.

1-ый УБІЙЦА.

Попалъ ты вѣрно. Разувѣрься, другъ:
Онъ насъ прислалъ, чтобъ мы тебя убили.

КЛАРЕНСЪ.

Не можетъ быть! Онъ такъ жалѣлъ меня,
Такъ обнималъ и клялся онъ, рыдая,
Что скоро онъ освободитъ меня.

1-ый УБІЙЦА.

И точно, онъ даетъ тебѣ свободу
Отъ золъ земныхъ на небо перейти.

2-ой УБІЙЦА.

Молись же Богу—намъ давно пора!

КЛАРЕНСЪ.

Ужели ты въ своей душѣ способенъ
Такъ набожно сказать, чтобъ я молился,
И въ то же время, въ тяжкомъ ослѣпленьи,
Убійцей быть и съ Богомъ враждовать?
Опомнитесь, друзья! Кто васъ послалъ
Убить меня—васъ проклянетъ за это.

2-й УБІЙЦА.

Что жъ дѣлать намъ?

КЛАРЕНСЪ.

Спаси себя отъ ада.

2-ой УБІЙЦА.

И сжалиться?

1-ый УБІЙЦА.

Какъ женщины и трусы?

КЛАРЕНСЪ.

Лишь дьяволы и бѣшеные звѣри
Не знаютъ жалости. О, кто бъ изъ васъ
На мѣстѣ этомъ, посреди темницы,
Увидя двухъ убійцъ передъ собой,
Не сталъ молить о жизни драгоцѣнной?
Мой другъ, въ твоихъ глазахъ я вижу жалость!
О, ежели не лгутъ глаза твои,
Стань за меня и умоляй со мною,
Какъ о своей бы жизни ты молилъ!
Кто изъ послѣднихъ нищихъ въ силахъ слушать
Моленья умоляющаго принца?

2-ой УБІЙЦА.

Взгляните-ка назадъ, милордъ.

1-ый УБІЙЦА

(поражая Кларенса кинжаломъ).

Вотъ такъ! вотъ такъ еще! А если мало,
Я въ винной бочкѣ утоплю тебя.

(Уходитъ съ трупомъ).

2-ой УБІЙЦА.

Кровавое, отчаянное дѣло!
Я, какъ Пилатъ, умыть хотѣлъ бы руки
Въ проклятомъ и безсовѣстномъ убійствѣ!

Опять входитъ 1-ый УБІЙЦА.

Что жъ ты стоишь и мнѣ не помогаешь?
Я герцогу скажу, какъ медлишь ты.

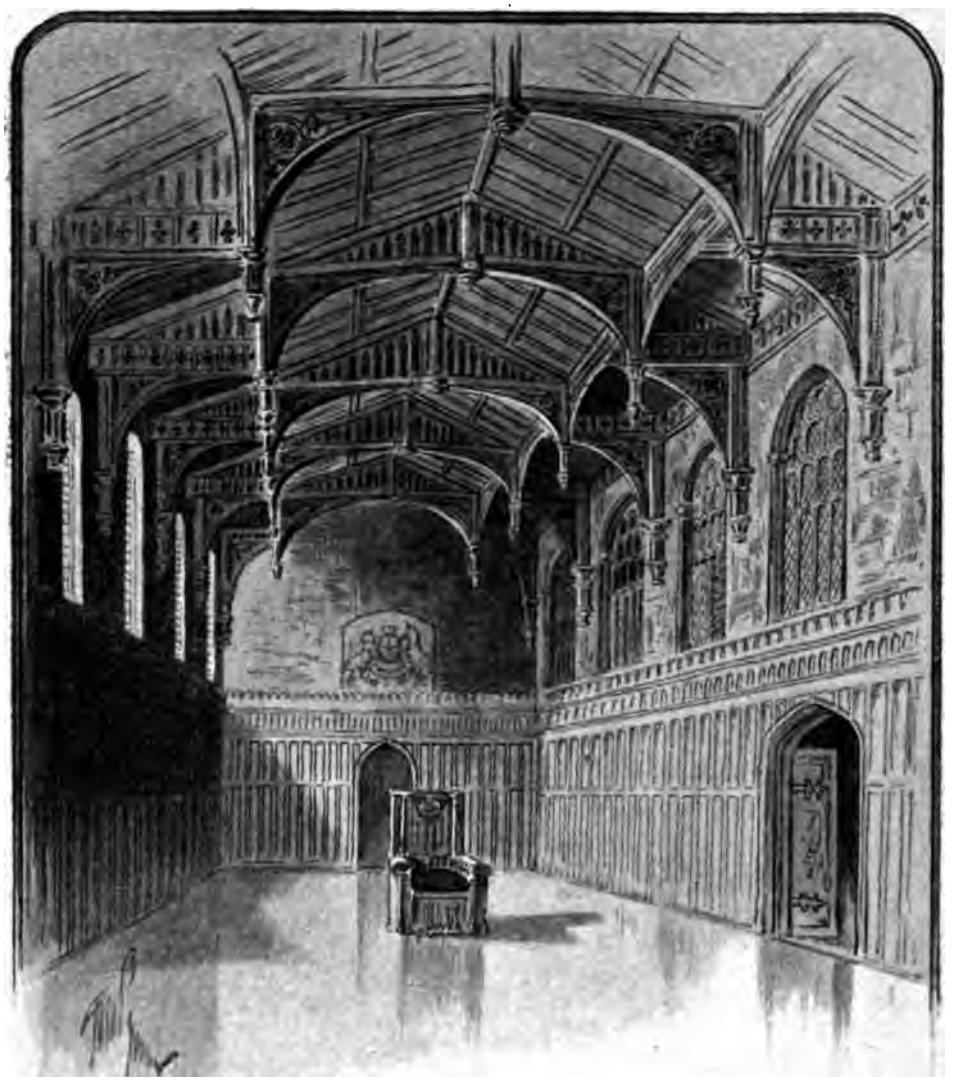
2-ой УБІЙЦА.

Хотѣлъ бы я сказать ему, что братъ
Его не умерщвленъ. Бери всѣ деньги.
Скажи ему, что я сказалъ теперь—
Я въ смерти герцога жестоко каюсь.

(Уходитъ).

1-ый УБІЙЦА.

Ну, я не каюсь. Вонъ, трусишка скверный!
Пойдемъ, однако: надо спрятать трупъ,
Покуда не велятъ зарыть его.
Какъ деньги получу, мнѣ надо будетъ
Куда-нибудь уйти: нечисто дѣло! *(Уходитъ).*



Комната въ королевскомъ дворцѣ. Рис. В. Табурина.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Лондонъ. Комната во дворцѣ.

Входятъ: КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ *больной*, КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА, ДОРСЕТЪ, РИВЕРСЪ, ГЭСТИНГСЪ, БУКИНГАМЪ, ГРЕЙ *и другіе.*

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.

Такъ, доброе мы совершили дѣло.
Вы, лорды, сохраняйте вашъ союзъ.
Я каждый день готовлюся, по зову
Спасителя оставить этотъ міръ;
Но радостнѣй отдамъ я душу Богу,
Согласіе внушивъ друзьямъ моимъ.
Риверсъ и Гэстингсъ, кончите вражду,
Соедините руки и клянитесь
Любить другъ друга.

РИВЕРСЪ.

Небомъ я клянусь,
Моя душа чиста отъ гнѣвныхъ мыслей
И вотъ печать любви—рука моя!

ГЭСТИНГСЪ.

И въ томъ же я клянусь душой моею!

Король Эдуардъ,
Страшитесь лгать предъ вашимъ государемъ
И помните, что Царь царей земныхъ,
Когда вы лжете, тяжко вамъ отплатитъ
И чрезъ вражду обоихъ сгубитъ васъ.

Гэстингсъ.
Пусть счастья не видать мнѣ, если лгу!

Риверсъ.
И мнѣ, когда я съ Гэстингсомъ враждую!

Король Эдуардъ.
Ты, королева, тоже здѣсь грѣшна
И сынъ твой, Дорсетъ съ принцемъ Букингамомъ—
Вы всѣ другъ съ другомъ горько враждовали.
Жена, мирися съ Гэстингсомъ; лордъ Гэстингсъ,
Цѣлуй ей руку и забудь вражду.

Королева Елизавета.
Лордъ Гэстингсъ, вотъ рука моя. Отнынѣ
Навѣкъ забыта прежняя вражда.

Король Эдуардъ.
Лордъ Гэстингсъ и лордъ Дорсетъ, обнимитесь.

Дорсетъ.
Здѣсь объявляю я, что нашъ союзъ
Вовѣки не разрушится.

Гэстингсъ.
Я тоже *(обнимаются)*.

Король Эдуардъ.
Свѣтлѣйшій Букингамъ, скрѣпи союзъ,
Обнявши всѣхъ родныхъ моей супруги—
И съ радостью на васъ я погляжу.

Букингамъ *(Королевѣ)*.
Коль Букингамъ когда-нибудь забудетъ
Служить съ любовью дому твоему;
Когда посмѣетъ онъ смотрѣть враждебно
На королеву—пусть ему Господь
Враждою отъ друзей его отплатитъ!
(Гэстингсу, Дорсету и прочимъ).
Пускай въ тотъ часъ, какъ въ преданнѣйшемъ другѣ
Всего сильнѣй нуждаться буду я,
Мой лучшій другъ окажется глубокимъ
И гибельнымъ предателемъ—и Небо
Воздастъ мнѣ тѣмъ, когда я васъ забуду.
(Обнимаетъ Гэстингса и другихъ).

Король Эдуардъ.
Твои слова, свѣтлѣйшій Букингамъ,
Мнѣ пролили бальзамъ въ больную душу.
Зачѣмъ же братъ нашъ Глостеръ не спѣшитъ
Закончить тотъ союзъ благословенный?

Букингамъ.
Вотъ, въ добрый часъ, и герцогъ благородный!

Входитъ Глостеръ.

Глостеръ.
День добрый государю моему
И королевѣ, и вельможнымъ пэрамъ!

Король Эдуардъ.
Да, этотъ день въ добрѣ мы провели,
Любезный братъ: мы послужили Богу,
И миромъ замѣнили мы вражду
Межъ пэрами, которыхъ здѣсь ты видишь.

Глостеръ.
Богъ въ помощь вамъ, великій государь!
Когда во всемъ ихъ благородномъ кругѣ
Есть кто-нибудь, считающій меня,
По наговорамъ или по ошибкѣ,
Своимъ врагомъ заклятымъ, или даже
Когда я самъ, въ часъ гнѣва иль невольно,
Изъ нихъ кого жестоко оскорбилъ—
Здѣсь я прошу и мира, и прощенья.
Тошнѣе смерти—всякая вражда!
Мнѣ ссоры ненавистны, и хочу я
Любимымъ быть отъ всѣхъ людей достойныхъ.
Васъ, королева, прежде всѣхъ прошу я
Простить меня, принять мою любовь;
Потомъ тебя, кузенъ мой Букингамъ,
Прошу забыть всѣ споры между нами;
Тебя, лордъ Риверсъ, и тебя, лордъ Грей,
Что хмурилися на меня напрасно;
Васъ, джентельмэны, герцоги и графы—
Я всѣхъ прошу не враждовать со мной.
Я въ Англіи не знаю человѣка,
Съ которымъ бы я больше враждовалъ,
Чѣмъ только-что родившійся младенецъ—
И Бога я хвалю за эту кротость.

Королева Елизавета.
Мы этотъ день, какъ праздникъ, помнить станемъ:
Пускай Господь такъ кончитъ ссоры всѣ.
Мой государь, теперь просить хочу я,
Чтобъ брата Кларенса простили вы.

Глостеръ.
Какъ, королева! Развѣ для того
Я говорилъ слова любви предъ вами,
Чтобъ быть осмѣяннымъ при государѣ?
Всѣ знаютъ, что погибъ нашъ добрый герцогъ.
За что жъ вы прахъ позорите его?
(Всѣ ужасаются).

Король Эдуардъ.
Всѣ знаютъ, что погибъ онъ? Какъ? кто знаетъ?

Королева Елизавета.

Господь, Господь, что дѣлается съ нами?

Букингамъ.

Лордъ Дорсетъ, поблѣднѣлъ я, какъ и всѣ?

Дорсетъ.

Да, добрый лордъ—и между всѣми нами
Ни на одномъ лицѣ румянца нѣтъ.

Король Эдуардъ.

Какъ? Кларенсъ умеръ? Но приказъ мой первый
Самъ отмѣнилъ я.

Глостеръ.

Только бѣдный братъ
Погибъ и не дождался той отмѣны.
Гонецъ крылатый первый снесъ приказъ,
Второй достался вялому калѣкѣ—
И тотъ гонецъ къ похоронамъ поспѣлъ.
О, знаю я людей не такъ высокихъ
И меньше преданныхъ, чѣмъ бѣдный Кларенсъ,
Которыхъ за кровавыя дѣла
Давно бъ должна постигнуть та же участь.
А ихъ никто не обвиняетъ даже.

Входитъ Стэнли.

Стэнли *(ставъ на колѣно).*
Я къ королю за милостью являюсь.

Король Эдуардъ.

Оставь меня: въ тоскѣ душа моя.

Стэнли.

Не встану я, не высказавши просьбы.

Король Эдуардъ.

Такъ говори жъ скорѣе, въ чемъ она?

Стэнли.

За жизнь слуги прошу я, государь:
Имъ буйный дворянинъ убитъ сегодня
Изъ прежней свиты герцога Норфолька.

Король Эдуардъ.

Имѣлъ я духъ сгубить родного брата—
И я рѣшусь помиловать раба?
Мой братъ былъ грѣшенъ мыслью—не убійствомъ,
Но горькой смертью былъ наказанъ онъ.
Кто за него молилъ? Кто въ гнѣвный часъ,
Передо мною преклонивъ колѣни,
Просилъ меня одуматься? Кто вспомнилъ
И прежнюю любовь, и узы крови?
Кто мнѣ напомнилъ, какъ мой бѣдный братъ,
Порвавши связи съ Варвикомъ могучимъ,
Сталъ за меня и бился за меня?
Кто мнѣ напомнилъ, какъ въ бою тяжеломъ,
Когда Оксфордъ меня одолѣвалъ,
Онъ спасъ мнѣ жизнь и ласково сказалъ мнѣ:
„Живи и будь монархомъ, милый братъ!“
Кто мнѣ припомнилъ, какъ въ холодномъ полѣ
Полузамерзшіе лежали мы,
И онъ меня закрылъ своей одеждой,
А самъ, больной, полунагимъ остался
Подъ леденящимъ сводомъ темной ночи?
Мой звѣрскій гнѣвъ все это вырвалъ разомъ
Изъ памяти—и что жъ?—никто изъ васъ
Не захотѣлъ къ добру вести мой разумъ.
Но чуть лишь конюхи и слуги ваши
Напьются и злодѣйски осквернятъ
Спасителемъ благимъ намъ данный образъ,
Вы на колѣни: „пощади! помилуй!“
И беззаботно милую я ихъ.
Зачѣмъ же вы за брата не молили?
Зачѣмъ я самъ не могъ, неблагодарный,
Его заслугъ припомнить? Самый гордый
Изъ всѣхъ васъ многимъ былъ обязанъ брату—
И за него не вымолвилъ ни слова.
О, вѣрю я, судъ Господа правдивый
Меня и васъ за это поразитъ!
Веди меня отсюда, Гэстингсъ. О,
Несчастный Кларенсъ!
(Король, королева, Гэстингсъ, Риверсъ, Дорсетъ и Грей уходятъ).

Глостеръ.

Вотъ плодъ поспѣшности! Кто не примѣтилъ,
Какъ королевы злобная родня,
При страшной вѣсти, тотчасъ поблѣднѣла?
Они на зло склонили государя.
Имъ Богъ за то отплатитъ. Что же, лорды?
Отправимтесь Эдварда утѣшать.

Букингамъ. Мы слѣдуемъ за вашимъ высочествомъ. *(Уходятъ).*

СЦЕНА II.

Тамъ же.

Входятъ герцогиня Іоркская *съ сыномъ и дочерью герцога Кларенса.*

Сынъ Кларенса. Скажи, бабушка, отецъ нашъ умеръ?

Герцогиня Іоркская. Нѣтъ, дитя мое.

Дочь Кларенса.

Зачѣмъ же плачешь ты, бьешь въ грудь себя
И говоришь: *мой Кларенсъ, бѣдный сынъ мой!*

Сынъ Кларенса.

Когда отецъ нашъ живъ, зачѣмъ же ты
Глядишь такъ жалко, головой качаешь,
Насъ бѣдными сиротками зовешь?

Герцогиня Іоркская.

Нѣтъ, внучки милые, ошиблись вы:
Я плачу о болѣзни короля—
О немъ, не объ отцѣ я вашемъ плачу.
Что тосковать о томъ, кого ужъ нѣтъ!

Сынъ Кларенса.

Вотъ, бабушка, сама ты намъ призналась,
Что нѣтъ отца на свѣтѣ. Знаю я,
Король въ томъ виноватъ. Молиться стану
Я Господу, чтобъ онъ отмстилъ ему.

Дочь Кларенса.

И я.

Герцогиня Іоркская.

Молчите, дѣти! Онъ васъ любитъ.
Вамъ не понять, невинные младенцы,
Кто вашего родителя сгубилъ!

Сынъ Кларенса.

Нѣтъ, бабушка, мы знаемъ—кто. Мнѣ Глостеръ,
Нашъ добрый дядя, говорилъ не разъ,
Что государь, въ угодность королевѣ,
Отца велѣлъ въ темницу посадить.
И, говоря мнѣ это, дядя плакалъ,
Жалѣлъ объ насъ и цѣловалъ меня,
И все твердилъ, что онъ отцомъ мнѣ будетъ,
А я—его роднымъ, любимымъ сыномъ.

Герцогиня Іоркская.

Ахъ, кротостью обманъ онъ прикрываетъ
И честной маскою великій грѣхъ!
Онъ—сынъ мой. Да, и срамъ мой вмѣстѣ съ этимъ,
Но лживый нравъ не я ему дала.

Сынъ Кларенса.

Неужли, бабушка, нашъ дядя лжетъ?

Герцогиня Іоркская.

Да, лжетъ, дитя мое.

Сынъ Кларенса.

Не вѣрится мнѣ какъ-то. Что за шумъ?

Входитъ Королева Елизавета *въ отчаяніи; за ней* Риверсъ *и* Дорсетъ.

Королева Елизавета.

О, не мѣшайте мнѣ рыдать и плакать,
И мучиться, и проклинать судьбу!
Пусть буду я врагомъ себѣ самой,
Но не прощусь я съ мрачнымъ изступленьемъ!

Герцогиня Іоркская.

Зачѣмъ твоя отчаянная рѣчь?

Королева Елизавета.

Затѣмъ, что дѣло тяжкое свершилось!
Эдвардъ скончался умеръ—нашъ король,
Твой сынъ Эдвардъ, мой мужъ и повелитель!
Что жить вѣтвямъ, коль въ корнѣ жизни нѣтъ?
Зачѣмъ листы, когда въ нихъ сокъ изсякнулъ?
О, плачьте вѣчно иль умрите разомъ,
Чтобы на быстрыхъ крыльяхъ души наши
Нагнать успѣли душу короля!
Покорные рабы, идемъ за нимъ
Въ его святыя, новыя вдадѣнья!

Герцогиня Іоркская.

Я эту скорбь дѣлю душой моею:
Къ ней близокъ былъ великій твой супругъ!
Когда меня мой мужъ покинулъ славный,
Въ моихъ дѣтяхъ его остался образъ—
И я жила, и любовалась ими.
И вотъ теперь два царственные лика,
Два зеркала въ куски разбиты смертью,
И мнѣ на скорбь лишь третье не погибло,
И тусклое, и лживое стекло.
Хоть ты вдова, но матерью осталась;
Въ своихъ дѣтяхъ найдешь отраду ты;
А у меня и мужа смерть отняла,
И костыли изъ этихъ слабыхъ рукъ:
Эдварда съ Кларенсомъ. Ты испытала
На половину менѣе, чѣмъ я—
И весь твой плачъ въ моихъ потонетъ стонахъ.

Сынъ Кларенса *(королевѣ Елизаветѣ)*.

Мы, тетя, о тебѣ не станемъ плакать:
Ты плакала ль, какъ умеръ нашъ отецъ?

Дочь Кларенса.

Для насъ, сиротъ, ты пожалѣла слезъ—
И мы съ тобой, вдовою, не заплачемъ.

Королева Елизавета.

О, я рыдать безъ помощи могу!
Я не бѣдна тоскою и слезми,—
Въ моихъ глазахъ слилися ихъ потоки,
И водъ морскихъ владычица луна
Слезами тѣми цѣлый міръ затопитъ.
Мой милый мужъ! Эдвардъ! мой повелитель!

Дѣти.

О, бѣдный Кларенсъ, милый нашъ отецъ!

Герцогиня Іоркская.

О, сыновья мои, Эдвардъ и Кларенсъ!

Королева Елизавета.

Эдварда нѣтъ—моей подпоры нѣтъ!

Дѣти.

И Кларенса—подпоры нашей—нѣтъ!

Герцогиня Іоркская.

Нѣтъ сыновей моихъ, моей подпоры!

Королева Елизавета.

На свѣтѣ нѣтъ вдовы, меня несчастнѣй!

Дѣти.

На свѣтѣ нѣтъ сиротъ, несчастнѣй насъ!

Герцогиня Іоркская.

Нѣтъ матери, несчастнѣе меня!
О, горе мнѣ: я мать всему ихъ горю.
Что часть для нихъ, то все далося мнѣ.
Я объ Эдвардѣ плачу вмѣстѣ съ нею,
О Кларенсѣ я плачу безъ нея;
Вотъ эти дѣти объ отцѣ рыдаютъ—
И я о немъ рыдаю съ ними вмѣстѣ;
Но объ Эдвардѣ плачу я безъ нихъ.
Васъ трое здѣсь, но я тоскую втрое.
О, плачьте жъ! я со всѣми плакать стану
И няньчить вашу скорбь моимъ рыданьемъ.

Дорсетъ *(королевѣ Елизаветѣ)*.

Мать милая, утѣшься! Грѣхъ роптать
На Господа великія дѣянья.
Въ дѣлахъ мірскихъ неблагодаренъ тотъ,
Кто съ грубой неохотой возвращаетъ
Даръ, временно довѣренный ему;
А если такъ, то можно ль спорить съ Небомъ,
Когда оно рѣшило взять назадъ
Свой царскій даръ, тебѣ на время данный.

Риверсъ.

Подумайте скорѣе, королева,
О сынѣ вашемъ, принцѣ молодомъ.
Пошлите же за нимъ, поторопитесь—
И пусть его сейчасъ же коронуютъ.
Заройте грусть свою съ Эдвардомъ-мужемъ—
И тронъ Эдварда-сына васъ утѣшитъ.

Входятъ: Глостеръ, Букингамъ, Стэнли, Гэстингсъ, Радклиффъ *и другіе вельможи.*

Глостеръ.

Сестра, не плачь! Намъ всѣмъ судьба судила
Рыдать надъ свѣтлой, скрывшейся звѣздой,
Но горе наше не пройдетъ отъ плача.

(Становясь на колѣни передъ герцогиней Іоркской).

Прости мнѣ, мать почтенная! сначала
Тебя я не примѣтилъ. На колѣнахъ
Прошу я твоего благословенья.

Герцогиня Іоркская.

Пусть Богъ тебя помилуетъ и дастъ
Тебѣ любовь и миръ, и кротость духа!

Глостеръ.

Аминь! и пусть умру я добрымъ старцемъ.
(Въ сторону).
Такимъ желаньемъ мать всегда кончаетъ,
Но герцогиня пропустила это.

Букингамъ.

Вы, принцы грустные, и вы, вельможи,
Подавленные общимъ, тяжкимъ горемъ,
Сомкнемтесь во взаимной дружбѣ нашей.
Смерть короля скосила нашу жатву;
Но впереди—въ его прелестномъ сынѣ—
Для насъ другая жатва дозрѣваетъ.
Прошла вражда въ сердцахъ суровыхъ вашихъ,—
Они недавно сблизились и свились,
И долгъ нашъ—то согласіе хранить.
Я предлагаю—небольшую свиту
За юнымъ принцемъ въ Ледло отрядить
И въ Лондонѣ вѣнчать его на царство.

Риверсъ.

Зачѣмъ же небольшую свиту, герцогъ?

Букингамъ.

Затѣмъ, милордъ, что въ многолюдномъ сборѣ
Съ опасностью великой вскрыться можетъ
Едва залеченная рана смутъ:
Все въ государствѣ юно и непрочно,
И всякій въ немъ, какъ лошадь безъ узды,
Готовъ на бѣгъ крутой и своевольный.
И тѣнь вражды, и призракъ несогласья,
Мнѣ кажется, должны мы устранять.

Глостеръ.

Насъ примирилъ король между собою—
И крѣпко сохраню я эту связь.

Риверсъ.

И я, и всѣ мы сохранимъ ее.
Но связь нова, и точно мы должны
Ее беречь отъ всякихъ подозрѣній,
Какія въ многолюдствѣ могутъ крыться.
Согласенъ я съ свѣтлѣйшимъ Букингамомъ
Не посылать за принцемъ многихъ лицъ.

Гэстингсъ.

И я согласенъ съ нимъ.

Глостеръ.

Пусть такъ и будетъ.
А мы рѣшимъ, кто долженъ ѣхать въ Ледло.
Вы, матушка, вы, королева, съ нами

О томъ совѣтъ держать не откажитесь.
(Уходятъ всѣ, кромѣ Букингама и Глостера).

Букингамъ.

Милордъ, кого бъ за принцемъ не послали,
Мы съ вами здѣсь остаться не должны.
Дорогой я придумаю, какъ намъ,
На основаньи нашихъ общихъ плановъ,
Отъ принца молодого отдалить
Родныхъ надменныхъ нашей королевы.

Глостеръ.

Ты—правая рука моя, оракулъ.
Совѣтникъ-прорицатель! Добрый братъ,
Я, какъ дитя, во всемъ тебѣ ввѣряюсь.
Такъ въ Ледло! Здѣсь намъ нечего сидѣть.
(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Улица въ Лондонѣ.

Входятъ съ разныхъ сторонъ ДВА ГРАЖДАНИНА.

1-ый гражданинъ.

Сосѣдъ, здорово! Ты куда бѣжишь?

2-ой гражданинъ.

Признаться, я и самъ себя не помню.
Ты слышалъ новость?

1-ый гражданинъ.

Да, король нашъ умеръ.

2-ой гражданинъ.

Худыя вѣсти! Тутъ добра не жди:
Боюсь я, плохо будетъ жить на свѣтѣ.

Входитъ ТРЕТІЙ ГРАЖДАНИНЪ.

3-ій гражданинъ.

Богъ въ помощь вамъ, сосѣди!

2-ой гражданинъ.

Добрый день!

3-ій гражданинъ.

Вы слышали, король нашъ добрый померъ?

2-ой гражданинъ.

Слыхали, сэръ. Да сохранитъ насъ Богъ!

3-ій гражданинъ.

Плохихъ временъ дождались мы, сосѣди.

1-ый гражданинъ.

Богъ милостивъ наслѣдникъ намъ остался.

3-ій гражданинъ.

Бѣда странѣ, гдѣ королемъ дитя!

2-ой гражданинъ.

Чего же намъ бояться? При ребенкѣ
Совѣтники дѣлами править станутъ;
А выростетъ онъ—приметъ самъ дѣла.
И править нами будетъ онъ не худо.

1-ый гражданинъ.

При Генрихѣ Шестомъ, вѣдь, то же было:
Ему и года не было, когда
Въ Парижѣ королемъ его вѣнчали.

3-ій гражданинъ.

При Генрихѣ Шестомъ? Нѣтъ, нѣтъ, сосѣди!
Тогда въ странѣ совѣтъ былъ знаменитый
Изъ мудрыхъ лордовъ, и при королѣ
Стѣной стояли доблестные дяди.

1-ый гражданинъ.

Да и у принца есть родня
По матери и по отцу.

3-ій гражданинъ.

Когда-бы
Всѣмъ по отцу она родней была,
Иль чтобъ отъ той родни насъ Богъ избавилъ!
О первенствѣ теперь она заспоритъ—
И отзовутся споры тѣ на насъ,
Коль Богъ не защититъ насъ. Герцогъ Глостеръ
Хитеръ и золъ; родные жъ королевы
Горды, честолюбивы и надменны.
Ихъ надо обуздать—и лишь тогда
Попрежнему вздохнетъ нашъ край несчастный.

1-ый гражданинъ.

Что трусишь? Все уладится, быть можетъ.

3-ій гражданинъ.

Берись за плащъ, когда все небо въ тучахъ;
Зима идетъ, когда листы валятся;
Жди ночи, если солнце закатилось,
И голода, коль лѣто было бурно.
Конечно, все уладить можетъ Богъ,
Да я того не жду, и мы не стоимъ.

2-ой гражданинъ.

Всѣ люди перетрусили недаромъ,
И не найдешь ты никого теперь,
Кто-бъ не робѣлъ и не глядѣлъ нахмурясь.

3-ій гражданинъ.

Передъ бѣдой всегда бываетъ такъ.
По волѣ Божьей, мы разсудкомъ чуемъ
Опасность близкую; такъ и вода
Вздымается предъ сильной непогодой.
Положимся на Бога. Вы куда?

Сэръ Томасъ Вóганъ. Всѣхъ троихъ вельможъ
Послали въ Помфретъ.

Герцогиня Іоркская.
Кто-жъ ихъ взялъ подъ стражу?

Гонецъ.
Два герцога могущественныхъ—Глостеръ
И Букингамъ.

Королева Элизавета.
За что? Въ чемъ ихъ вина?

Гонецъ.
Я передалъ все то, что знаю самъ;
Причины же ареста тѣхъ вельможъ
Знать не могу я.

Королева Елизавета.
Горе, горе мнѣ!
Я вижу гибель дому моему.
Лань кроткая попалась въ зубы тигра.
И распростерлось дикое злодѣйство
Надъ тономъ беззащитныхъ и невинныхъ.
Идите жъ—гибель, кровь и преступленье!
Все ясно мнѣ: я вижу все теперь.

Герцогиня Іоркская.
Тревогъ и смутъ проклятыхъ злые дни!
О, сколько васъ глаза мои видали!
Мой мужъ погибъ, корону добывая,
И смутами кидало сыновей
То внизъ, то вверхъ, на горе мнѣ и радость.
Едва война замолкла, какъ за нею
Семейныхъ распрей вспыхнула пора:
Властители возстали другъ на друга;
На брата братъ, и кровь на кровь пошла.
О, бѣшеный потокъ жестокихъ смутъ,
Остановись въ своей проклятой злобѣ!
О, пусть умру я, пусть не вижу я
Еще убійствъ и новыхъ злодѣяній!

Королева Елизавета *(сыну)*.
Пойдемъ, дитя мое, пойдемъ въ храмъ Божій:
Тамъ насъ никто не тронетъ. Герцогиня,
Прощайте!

Герцогиня Іоркскля.
Нѣтъ я тоже скроюсь въ храмъ.

Королева Елизавета.
Вамъ нечего бояться.

Архіепископъ.
Королева,
Не медлите; да не забудьте взять
Всѣ ваши драгоцѣнности съ собою.
Я въ ваши руки передамъ печать,
Довѣренную мнѣ—и пусть Всевышній
Меня хранитъ такъ, какъ хранить я стану
И васъ, и все семейство ваше. Ну,
Идемте же. Я проведу васъ въ храмъ.
(Уходятъ).

Средневековой Лондонъ. Рис. В. Табурина.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Улица въ Лондонѣ.

Трубы. Входятъ принцъ Уэльскій, Глостеръ, Букингамъ *и* кардиналъ Борчеръ.

Букингамъ.

Добро пожаловать, драгайшій принцъ,
Въ родной чертогъ твой, Лондонъ.

Глостеръ.

Мой привѣтъ
Тебѣ, кузенъ и царь души моей!
Ты что-то грустенъ -ты усталъ съ дороги?

Принцъ Уэльскій.

Нѣтъ, дядюшка, хоть путь мой труденъ былъ
И тягостенъ и дологъ. Неужели
Изъ дядей всѣхъ моихъ одинъ ты здѣсь?

Глостеръ.

Принцъ– молодъ ты и духъ невинный твой
Въ житейской лжи еще не искусился;
Ты въ человѣкѣ можешь различать
Одинъ наружный видъ, а знаетъ Богъ,
Что видъ тотъ не всегда съ душой согласенъ.
Тѣ дяди, о которыхъ ты грустишь,
Тебѣ желали зла. За сладкой рѣчью
Ты не примѣтилъ яда ихъ сердецъ.
Пусть Богъ всегда хранитъ и отдаляетъ
Тебя отъ вѣроломныхъ тѣхъ друзей!

Принцъ Уэльскій.

Пусть Богъ хранитъ отъ злыхъ друзей меня;
Но въ нихъ я зла не видѣлъ.

Глостеръ.

Государь,
Мэръ Лондона идетъ къ тебѣ съ привѣтомъ.

Входитъ лордъ-мэръ *со свитой.*

Лордъ-мэръ.

Пусть Богъ благословитъ васъ, государь,
Здоровьемъ и счастливыми годами!

Принцъ Уэльскій.

Благодарю васъ, добрый лордъ!
(Свитѣ мэра). И васъ,
Друзья мои, благодарю я также!
(Лордъ-мэръ и свита уходятъ).
Я думалъ, что и мать моя, и братъ
На встрѣчу поторопятся къ намъ вытти.
И Гэстингсъ полѣнился встрѣтить насъ
И сообщить, когда мы ихъ увидимъ.

Входитъ Гэстингсъ.

Букингамъ.

Вотъ въ добрый часъ и Гэстингсъ весь въ поту.

Принцъ Уэльскій.

Привѣтъ вамъ, добрый лордъ. Гдѣ королева?

Гэстингсъ.

Изъ-за причинъ, мнѣ вовсе непонятныхъ,
Извѣстныхъ только Богу одному,
Родительница ваша съ братомъ вашимъ
Укрылись въ храмѣ. Юный принцъ желалъ
Итти со мной сейчасъ же къ вамъ на встрѣчу,
Но королева принца не пустила.

Букингамъ.

Какъ это странно, неприлично даже!
Лордъ-кардиналъ, сходите къ королевѣ —
Скажите ей, что герцогъ Іоркъ обязанъ
Явиться къ повелителю и брату.
Когда она откажетъ въ томъ, лордъ Гэстингсъ,
Возьмите принца отъ нея насильно.

Кардиналъ.

Лордъ Букингамъ, когда мой слабый голосъ
Смягчитъ упорство матери, то я
Сейчасъ же съ юнымъ герцогомъ явлюся;
Но если кроткой просьбой королева
Не убѣдится—сохрани насъ Богъ
Попрать права убѣжища святого!
За всѣ сокровища страны родной
На страшный грѣхъ такой я не рѣшуся!

Букингамъ.

Милордъ, упрямы вы и суевѣрны,
И мелочны, и просто безтолковы.
Вамъ скажетъ самый грубый старовѣръ,
Что, взявши принца, вы не согрѣшите.
Кому права убѣжища даются?
Тому, кто ищетъ казни избѣжать,
Кто за дѣла свои скрываться долженъ.
Судите жъ сами, принцу молодому
Изъ-за чего въ убѣжищѣ сидѣть?
И, взявъ его оттуда, вы ничѣмъ
Священныхъ храма правъ не оскорбите.
Для взрослыхъ гражданъ тѣ права даны.
А дѣтямъ правъ убѣжища не надо.

Кардиналъ.

Милордъ, я долженъ согласиться съ вами.
Лордъ Гэстингсъ, вы со мной?

Гэстингсъ.

Идемте вмѣстѣ.

Принцъ Уэльскій.

Вернитесь, лорды добрые скорѣй.
(Кардиналъ и Гэстингсъ уходятъ).
Скажи мнѣ, дядя, гдѣ мы, вмѣстѣ съ братомъ,
До дня коронованья станемъ жить?

Глостеръ.

Тамъ, государь, гдѣ самъ захочешь ты.
А мой совѣтъ—отсюда ѣхать въ Тоуэръ
И отдохнуть тамъ день-другой, покуда
Пріищешь ты по вкусу своему
Здоровое, спокойное жилище.

Принцъ Уэльскій.

Не нравится мнѣ почему-то Тоуэръ.
Его построилъ Юлій Цезарь—такъ-ли?

Букингамъ.

Онъ, государь, лишь началъ это зданье:
Впослѣдствіи докончено оно.

Принцъ Уэльскій.

Одно преданье говоритъ объ этомъ,
Иль доказательства другія есть?

Букингамъ.

Одно преданье, государь.

Принцъ Уэльскій.

Зачѣмъ же
Оно не въ лѣтописяхъ. Правдѣ должно
Изъ вѣка въ вѣкъ переходить въ потомство
До той поры, пока нашъ вѣкъ стоитъ.

Глостеръ *(про себя).*

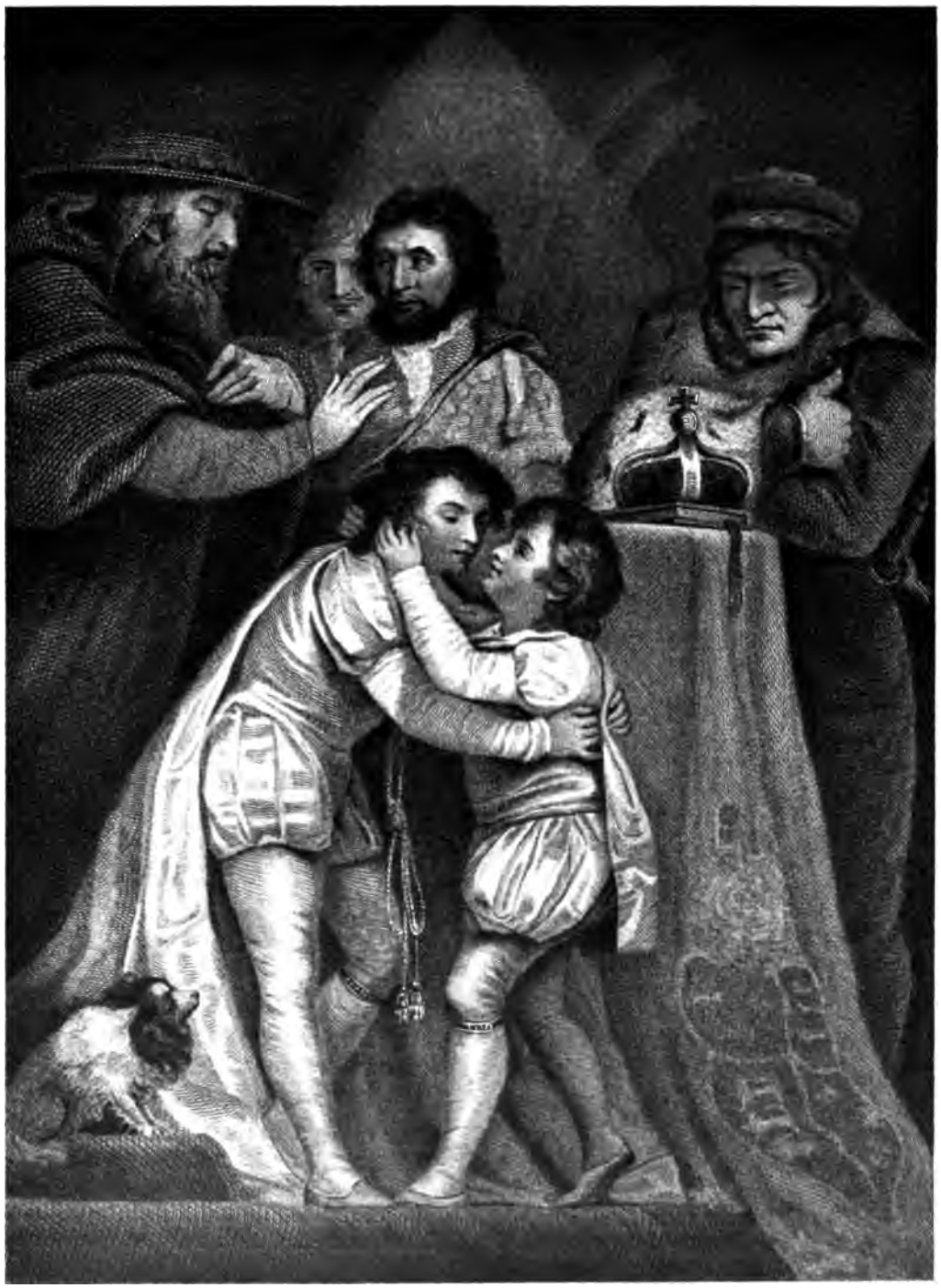
Съ такимъ умомъ недолговѣчны дѣти.

Принцъ Уэльскій.

Что говоришь ты, дядя?

Глостеръ.

Я сказалъ,
Что слава и въ преданьяхъ долговѣчна.
(Про себя). Какъ слѣдуетъ пророку. я даю
Два толкованья и на то же слово.



КОРОЛЬ РИЧАРДЪ III (Дѣйствіе III, сц, 1).

Картина извѣстнаго англійскаго живописца Норкота (James Northcote, R. A., 1746—1838). (Малая Бойделевская галлерея).

Принцъ Уэльскій.
Да, Юлій Цезарь былъ великимъ мужемъ:
Онъ въ подвигахъ своихъ умомъ сіялъ,
И умъ его тѣ подвиги прославилъ.
Такихъ бойцовъ не поражаетъ смерть:
Покинувъ свѣтъ, онъ жилъ своею славой.
Вотъ что, кузенъ нашъ Букингамъ, хотѣлъ я
Сказать тебѣ...

Букингамъ.
Что скажешь, государь?

Принцъ Уэльскій.
Когда я выросту большой—пойду я
На Францію, чтобъ или вновь отнять
Старинныя завоеванья наши,
Или въ бою покончить жизнь по-царски.

Глостеръ *(про себя)*.
Не долго будетъ лѣто, коль весна
Пришла такъ рано.

Входятъ малолѣтній герцогъ Іоркскій, Гэстингсъ *и* кардиналъ.

Букингамъ.
Вотъ и герцогъ Іоркскій.

Принцъ Уэльскій.
А, Ричардъ, братъ мой милый! Какъ живешь ты?

Герцогъ Іоркскій.
Благополучно, повелитель мой!
Такъ называть тебя теперь я долженъ.

Принцъ Уэльскій.
Да, милый братъ, къ великой скорби нашей,
Ужъ нѣтъ того, кто этотъ санъ носилъ,
И самый санъ ужъ не таковъ, какъ прежде.

Глостеръ *(маленькому герцогу)*.
Какъ поживаешь, благородный герцогъ?

Герцогъ Іоркскій.
Спасибо, милый дядюшка. Ты мнѣ
Сказалъ, что въ ростъ идетъ трава дурная;
А государь меня повыше ростомъ.

Глостеръ.
Да, выше.

Герцогъ Іоркскій.
Такъ мой братъ—трава дурная?

Глостеръ.
Я этого, кузенъ, сказать не смѣлъ бы.

Герцогъ Іоркскій.
Такъ, значитъ, ты насъ любишь неравно?

Глостеръ.
Онъ—государь мой, я его слуга;
Ты жъ близокъ мнѣ, какъ родственникъ любезный.

Герцогъ Іоркскій.
Такъ подари жъ мнѣ, дядя, твой кинжалъ.

Глостеръ.
Кинжалъ мой? Вотъ, возьми его, малютка.

Принцъ Уэльскій.
Ахъ, попрошайка!

Герцогъ Іоркскій.
Это, вѣдь, игрушка;
Ее не пожалѣетъ добрый дядя.

Глостеръ.
И лучшаго подарка для кузена
Я не жалѣю.

Герцогъ Іоркскій.
Лучшаго подарка?
Какого жъ? ты и мечъ свой мнѣ отдашь?

Глостеръ.
Охотно, если бъ мечъ мой былъ полегче.

Герцогъ Іоркскій.
Ты, значитъ, щедръ на то лишь, что полегче;
Во всемъ другомъ отвѣтишь: „попрошайка“.

Глостеръ.
Да можешь ли носить ты мечъ тяжелый?

Герцоцъ Іоркскій.
Могу потяжелѣе твоего.
Глостеръ. Ты въ самомъ дѣлѣ хочешь взять мой мечъ, крошка?
Герцогъ Іоркскій. И поблагодарить тебя на одну...
Глостеръ. На одну—на одну?
Герцогъ Іоркскій. На одну крошку.

Принцъ Уэльскій.
Попрежнему нашъ братъ на шутки боекъ,
И ласково ихъ сноситъ добрый дядя.

Герцогъ Іоркскій.
Какъ сноситъ? Да ему меня не снесть.
Вотъ, дядя, какъ мой братъ надъ вами шутитъ!
Хоть ростомъ я не больше обезьяны,
Ты на плечахъ едва ль снесешь меня.

Букингамъ.
Какъ мило шутитъ маленькій хитрецъ!
Чтобъ дядя не сердился на него,
Онъ надъ самимъ собой теперь смѣется.
Да, онъ уменъ и боекъ не по лѣтамъ!

Глостеръ.

Мой государь, мы съ лордомъ Букингамомъ
Отправимся къ родительницѣ вашей—
Просить ее притти васъ встрѣтить въ Тоуэръ.
Такъ не угодно ль путь вашъ продолжать?

Герцогъ Іоркскій.

Какъ,государь?зачѣмъ итти намъ въ Тоуэръ?

Принцъ Уэльскій.

Милордъ-протекторъ говоритъ, что надо.

Герцогъ Іоркскій.

Мнѣ въ Тоуэрѣ не будетъ спаться ночью.

Глостеръ.

Чего жъ ты въ Тоуэрѣ боишься, герцогъ?

Герцогъ Іоркскій.

Тамъ гнѣвной тѣнью ходитъ герцогъ Кларенсъ.
Мнѣ бабушка сказала, что онъ былъ
Зарѣзанъ въ Тоуэрѣ.

Принцъ Уэльскій.

Я мертвыхъ дядей
Бояться не привыкъ.

Глостеръ.

Да и живыхъ
Вамъ нечего бояться.

Принцъ Уэльскій.

Это правда,
Я не боюсь, покуда живы дяди.
Ну,братецъ, въ путь,хоть очень горько намъ
Съ тяжелой думой отправляться въ Тоуэръ.
(Принцъ Уэльскій, герцогъ Іоркскій, Гэстингсъ и свита уходятъ).

Букингамъ.

Милордъ, мнѣ кажется, болтливый крошка
Не матерью ль своею наученъ
Шутить и оскорблять васъ непристойно?

Глостеръ.

Конечно, такъ. А боекъ мальчикъ этотъ:
И ловокъ и хитеръ, и скоръ и смѣлъ—
Весь въ мать онъ вышелъ съ головы до ногъ.

Букингамъ.

Ну, хорошо, оставимъ ихъ покуда.

Входитъ Кетсби.

Букингамъ.

Любезный Кетсби, подойди поближе.
Ты клялся нашимъ планамъ помогать
И свято сохранять всѣ тайны наши,
За то и знаешь все, что знать должно.
Какъ думаешь ты—согласится Гэстингсъ
На то, чтобъ благородный герцогъ Глостеръ
Былъ возведенъ на королевскій тронъ
Британіи родной и знаменитой?

Кетсби.

Онъ преданъ былъ покойному монарху
И противъ принца, вѣрно, не пойдетъ.

Букингамъ.

А Стэнли какъ? Пойдетъ онъ вмѣстѣ съ нами?

Кетсби.

Что будетъ Гэстингсъ дѣлать, то и онъ.

Букингамъ.

Пока довольно. Отправляйся жъ, Кетсби,
Ты къ лорду Гэстингсу, да издалека,
Поосторожнѣй, разузнай о томъ,
Какъ будетъ онъ глядѣть на дѣло наше,
И пригласи его на завтра въ Тоуэръ
Держать совѣтъ насчетъ коронованья.
Когда расположенъ онъ къ намъ, его
Ты подстрекни и выскажи, что надо,
А если жъ тупъ онъ, холоденъ и сухъ,
Самъ будь такимъ, не продолжай бесѣды.
И передай намъ весь вашъ разговоръ.
Большой совѣтъ держать мы завтра станемъ,
И отъ тебя услугъ мы ждемъ большихъ.

Глостеръ.

И отъ меня ты лорду Вилліаму
Отдай поклонъ. Скажи ему еще,
Что всей толпѣ враговъ его заклятыхъ
ВъПомфретскомъзамкѣзавтрапустятъкровь.
Пусть онъ, на радостяхъ отъ доброй вѣсти,
Разъ лишній поцѣлуетъ мистриссъ Шоръ.

Букингамъ.

И поскорѣй все кончи, добрый Кетсби.

Кетсби.

Потороплюсь милорды какъ могу.

Глостеръ.

Ты дашь намъ вѣсть сегодня къ ночи?

Кетсби.

Да.

Глостеръ.

Ты помни же: мы оба будемъ въ Кросби.
(Кетсби уходитъ).

Букингамъ.

Однакожъ, герцогъ, что мы станемъ дѣлать,
Когда лордъ Гэстингсъ съ нами не пойдетъ?

Глостеръ.
Что? голову долой ему—и только!
А кстати, если королемъ я буду,
То не забудь мнѣ предъявить права
На графство Герфордъ и на вещи всѣ,
Которыми владѣлъ король покойный.

Букингамъ.
Я не забуду вашихъ обѣщаній—
И царская рука исполнитъ ихъ.

Глостеръ.
И радостно, отъ всей души исполнитъ.
Однако, ужинать пора. Пойдемъ,
И послѣ потолкуемъ мы объ этомъ. *(Уходятъ).*

СЦЕНА II.

Утро. Передъ домомъ лорда Гэстингса.

Входитъ гонецъ.

Гонецъ *(стучитъ въ двери).*
Милордъ, милордъ!

Гэстингсъ *(за дверьми).*
Кто тамъ стучитъ?

Гонецъ.
Пришелъ я
Отъ лорда Стэнли.

Гэстингсъ *(за дверьми).*
А! Который часъ?

Гонецъ.
Сейчасъ пробьетъ четыре.

Входитъ Гэстингсъ.

Гэстингсъ.
Видно, нынче
Не спится господину твоему.

Гонецъ.
Должно быть, такъ, судя по порученьямъ.
Во-первыхъ, свой привѣтъ онъ шлетъ милорду.

Гэстингсъ.
А далѣе?

Гонецъ.
А далѣе—увѣдомляетъ васъ,
Что ночью дикій вепрь ему приснился
И шлемъ съ него клыкомъ своимъ сорвалъ.
Еще велѣлъ сказать онъ, что вельможи
На двухъ совѣтахъ нынче собрались
И, можетъ быть, рѣшенье одного
Обоимъ вамъ бѣдой грозитъ великой.
А потому онъ приглашаетъ васъ
Сѣсть на коня и съ нимъ скакать на сѣверъ,
Чтобъ скрыться отъ бѣды, что чуетъ онъ.

Гэстингсъ.
Скачи назадъ, вернися къ господину
И передай, что намъ совѣтъ не страшенъ,
Въ одномъ совѣтѣ вмѣстѣ мы сидимъ,
Въ другомъ сидитъ вѣрнѣйшій другъ мой, Кетсби;
И если бъ тамъ что было противъ насъ,
Про все я самъ немедленно узналъ бы.
Скажи, что безъ толку страшится онъ;
Что я дивлюсь, какъ можетъ онъ пугаться
Причудливыхъ и безпокойныхъ сновъ,
И что бѣжать отъ вепря—значитъ прямо
Его за нами гнаться заставлять
И звѣря раздражать безъ всякой нужды.
Скажи, чтобъ Стэнли самъ пришелъ сюда—
И вмѣстѣ съ нимъ отправимся мы въ Тоуэръ,
Гдѣ, знаю я, къ намъ вепрь ласкаться станетъ.

Гонецъ.
Все передамъ, милордъ, какъ вы сказали.
(Уходитъ).

Входитъ Кетсби.

Кетсби.
Съ пріятнымъ утромъ, благородный лордъ.

Гэстингсъ.
А, здравствуй, Кетсби! Ты поднялся рано.
Что, какъ дѣла въ печальномъ царствѣ нашемъ?

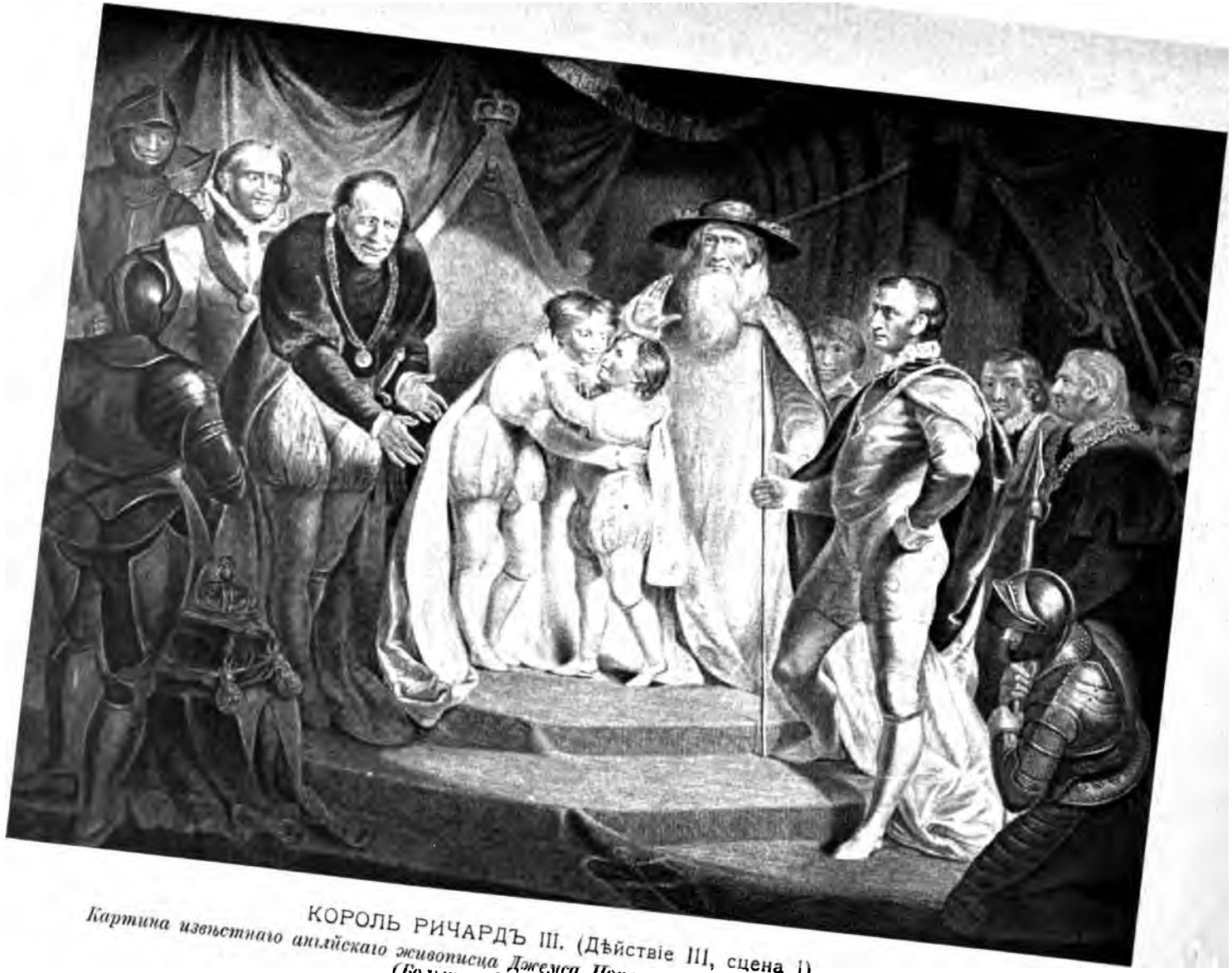
Кетсби.
Качается оно и вкривь, и вкось,
И врядъ ли встанетъ на ноги оно,
Пока вѣнецъ нашъ Глостеръ не надѣнетъ.

Гэстингсъ.
Вѣнецъ? Корону разумѣешь ты?

Кетсби.
Ну да, корону, мой достойный лордъ.

Гэстингсъ.
Покуда голова моя цѣла,
Короною играть я не позволю.
Ты думаешь, онъ мѣтитъ на нее?

Кетсби.
Не только мѣтитъ, но вполнѣ увѣренъ,
Что за него ты станешь прежде всѣхъ.
Меня къ тебѣ прислалъ онъ съ доброй вѣстью
О томъ, что нынче всѣ твои враги



КОРОЛЬ РИЧАРДЪ III. (Дѣйствіе III, сцена 1).
Картина извѣстнаго англійскаго живописца Джемса Норскота (James Northcote R. A., 1746—1828).
(Большая Бойделевская Галлерея).

Родные королевы, въ Помфретъ-Каслѣ
Пойдутъ на казнь.

Гэстингсъ.

Не мнѣ жалѣть о нихъ:
Они всегда для насъ врагами были.
Но Ричарду чтобъ сталъ я помогать
Похитить тронъ наслѣдника прямого—
Покуда живъ я, не бывать тому,
Клянуся Богомъ!

Кетсби.

И пускай Господь
Тебя поддержитъ въ помышленьяхъ этихъ!

Гэстингсъ.

Да, черезъ годъ припоминать я буду,
Какъ всѣ, кто мнѣ вредилъ у короля,
Въ моихъ глазахъ погибли смертью злою.
Да, Кетсби, и недѣли не пройдетъ,
Какъ кой-кому отъ насъ придется плохо.

Кетсби.

О, тяжело, милордъ, итти на смерть,
Не изготовясь и не ждавши смерти!

Гэстингсъ.

Да, тяжело и страшно! Такъ погибли
Грей, Воганъ, Риверсъ, и погибнутъ такъ
Другіе люди, что себя считаютъ,
Какъ мы съ тобой, далеко отъ бѣды—
Другіе люди, милые равно
И Глостеру, и лорду Букингаму.

Кетсби.

Какъ дружны оба герцога съ тобой!
(Прочь). Хоть голову твою желаютъ видѣть
На лондонскомъ мосту.

Гэстингсъ.

Я въ томъ увѣренъ,
И дружбу ихъ я честно заслужилъ.

Входитъ Стэнли.

Гэстингсъ *(къ Стэнли).*
А! что же ты рогатины не взялъ?
Иль пересталъ ты кабана бояться?

Стэнли.

Здорово, добрый лордъ! здорово, Кетсби!
Смѣяться можно, но клянуся Небомъ—
Не нравятся мнѣ эти два совѣта.

Гэстингсъ.

Мнѣ жизнь мила, какъ и тебѣ, лордъ Стэнли,
И даже никогда, клянуся Богомъ,
Такъ, какъ теперь, я не цѣнилъ ее.
Ужели же, опасности предвидя,
Я бы могъ веселость эту сохранять?

Стэнли.

И лорды тѣ, что въ Помфретѣ теперь,
Пустились въ путь съ веселостью безпечной;
Никто изъ нихъ опасности не ждалъ,
А видишь ты—ихъ свѣтлый день затмился.
Бѣдой грозитъ та быстрая опала.
Дай Богъ, чтобъ понапрасну трусилъ я!
Уже свѣтло—пора итти намъ въ Тоуэръ.

Гэстингсъ.

Еще успѣемъ. Знаешь ли, милордъ,
Что лорды, про которыхъ говорилъ ты,
Сегодня обезглавлены?

Стэнли.

Я знаю,
Что лучше бъ шляпы съ головами снять
У тѣхъ, кто погубилъ ихъ. Что жъ, поѣдемъ?

Входитъ разсыльный.

Гэстингсъ.

Идите—я за вами тотчасъ буду,
Лишь пару словъ разсыльному скажу.
(Стэнли и Кетсби уходятъ).
Что, другъ мой, какъ живешь ты?

Разсыльный.

Милордъ, вопросомъ вашимъ счастливъ я.

Гэстингсъ.

И я тебѣ скажу—теперь не то,
Что было при послѣдней нашей встрѣчѣ,
Когда меня вели сажать въ темницу
По сплетнямъ королевиной родни.
Сегодня же—не разглашай покуда—
Доносчики тѣ смертью казнены,
А я живу счастливѣе, чѣмъ прежде.

Разсыльный.

И пусть Господь хранитъ вамъ счастье то.

Гэстингсъ.

Спасибо! Выпей за мое здоровье.
(Бросаетъ ему кошелекъ).

Разсыльный *(уходя).*
Благодарю васъ, благородный лордъ!

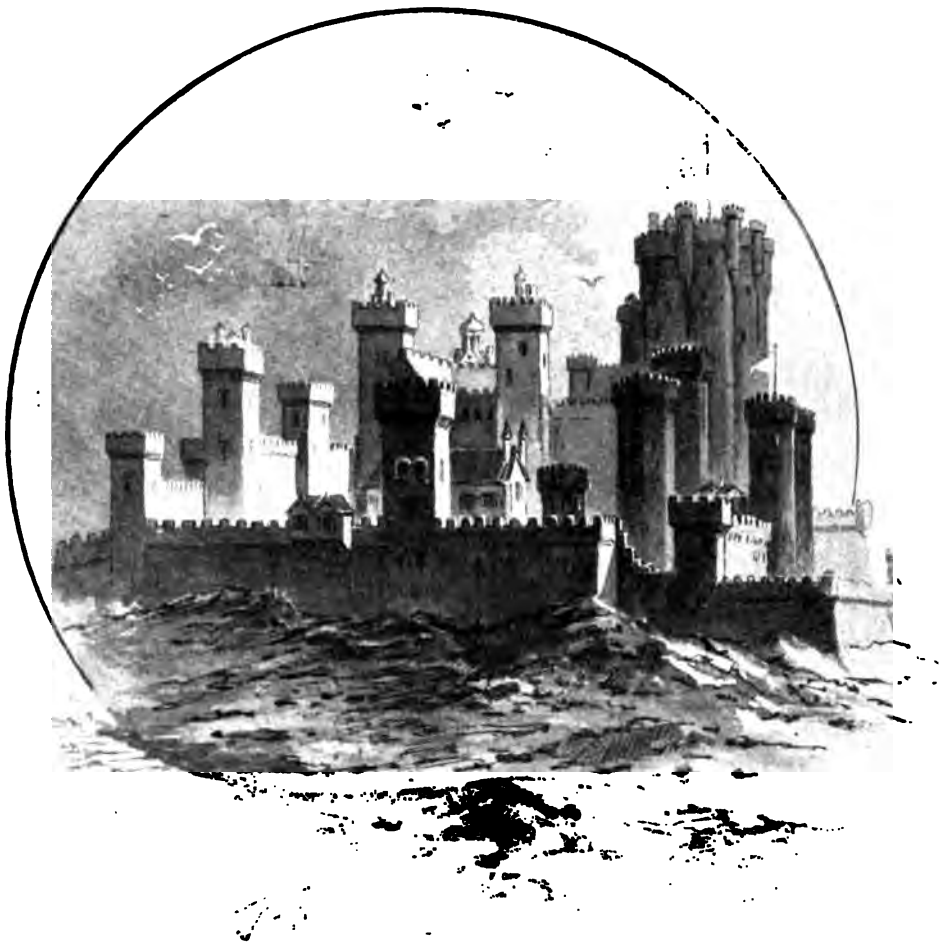
Входитъ священникъ.

Священникъ.

День добрый вамъ, милордъ. Я радъ васъ видѣть.

Гэстингсъ.

Отъ всей души благодарю тебя,
Сэръ Джонъ мой добрый. Я еще въ долгу
Передъ тобой за службу въ прошлый разъ;
Приди же въ воскресенье: мы сочтемся.



Замокъ Помфретъ. Рис. В. Табурина.

Входитъ Букингамъ.

Букингамъ.

О чемъ лордъ-камергеръ бесѣду держитъ
Съ духовною особой? Тѣмъ друзьямъ.
Что въ Помфретѣ теперь священникъ нуженъ:
Тебѣ жъ, милордъ, не время умирать.

Гастингсъ.

Я самъ о лордахъ помфретскихъ подумалъ,
Отца святого встрѣтивши сейчасъ.
Ты также въ Тоуэръ?

Букингамъ.

Только не надолго;
Но, можетъ быть еще вернусь туда.

Гэстингсъ.

Я въ Тоуэрѣ останусь на обѣдъ.

Букингамъ *(про себя)*.

А можетъ быть, что и на ужинъ тоже.
Идемъ же скорѣй.

Гэстингсъ.

Я готовъ, милордъ. *(Уходятъ).*

СЦЕНА III.

Помфретъ. Передъ замкомъ.

Входитъ Радклиффъ *со стражей, ведущей на казнь* Риверса, Грея *и* Вогана.

Радклиффъ.
Скорѣе выводите осужденныхъ!

Риверсъ.
Сэръ Ричардъ Радклиффъ, выслушай меня:
Сегодня предъ тобой приму я казнь
За вѣру, честь и преданность престолу.

Грей.
Пусть юныхъ принцевъ Богъ спасетъ отъ васъ,
Проклятой своры кровопійцъ проклятыхъ!

Воганъ.
Придетъ пора—и всплачетесь вы сами.

Радклиффъ.
Кончайте—вашей жизни срокъ прошелъ.

Риверсъ.
О, Помфретъ, о кровавая тюрьма,
Погибельная лучшимъ людямъ края!
Здѣсь, за оградой стѣнъ твоихъ преступныхъ,
Ричардъ Второй злодѣйски умерщвленъ.
И мы теперь, на вѣчный твой позоръ,
Невинною тебя напоимъ кровью.

Грей.
Постигло насъ проклятье Маргариты,
Насъ, видѣвшихъ, какъ Глостеръ закололъ
Эдварда, сына бѣдной королевы.

Риверсъ.
Она тогда прокляла Букингама,
И Гэстингса, и Глостера съ нимъ вмѣстѣ.
Припомни жъ имъ, Господь, ея проклятья!
О, Боже, пощади сестру мою
И царственныхъ дѣтей ея—и пусть
Тебя обезоружитъ наша кровь,
Пролитая—самъ знаешь Ты—безвинно!

Радклиффъ.
Пора, пора! пришелъ вашъ смертный часъ.

Риверсъ.
Въ послѣдній разъ обнимемся, друзья!
Прощайте до свиданія на небѣ! *(Уходятъ).*

СЦЕНА IV.

Лондонъ. Комната въ Тоуэрѣ.

Букингамъ, Стэнли, Гэстингсъ, епископъ Элійскій, Радклиффъ, Ловель *и другіе вельможи сидятъ за столомъ совѣта. Чиновники имъ прислуживаютъ.*

Гэстингсъ.
Собрались мы, блистательные пэры,
Назначить день вѣнчанія на царство:
Рѣшите же, какой намъ день избрать.

Букингамъ.
Готово ль все къ священному обряду?

Стэнли.
Готово все, лишь стоитъ день назначить.

Епископъ.
Пусть будетъ завтра этотъ славный день.

Букингамъ.
Что думаетъ объ этомъ лордъ-протекторъ?
Кто съ герцогомъ про это говорилъ?

Епископъ.
Вамъ, герцогъ, ближе знать его рѣшенье.

Букингамъ.
Людей мы лица знаемъ, а не мысли.
Моей души не знаетъ онъ, я—вашей,
И мнѣ его намѣреній не знать.
Лордъ Гэстингсъ, съ нимъ вы ближе по душѣ.

Гэстингсъ.
Я думаю, что онъ ко мнѣ привязанъ;
Но только о вѣнчанья днѣ я съ нимъ
Не говорилъ, и мнѣ не сообщалъ онъ
Высокаго рѣшенья своего.
Однако, назначайте день, милорды,
А я подамъ за герцога мой голосъ,
Въ надеждѣ, что онъ тѣмъ не оскорбится.

Входитъ Глостеръ.

Епископъ.
Вотъ, въ добрый часъ, и самъ милордъ-протекторъ!

Глостеръ.
День добрый вамъ, милорды и кузены!
Заспался я сегодня, но надѣюсь,
Что безъ меня не пострадало здѣсь
То дѣло, что мы кончить собрались.

Букингамъ.
За васъ сейчасъ, мой благородный герцогъ,
Вилльямъ лордъ Гэстингсъ подалъ голосъ свой
Насчетъ вѣнчанья молодого принца.

Глостеръ.
Одинъ лордъ Гэстингсъ можетъ быть такъ смѣлъ;
Онъ знаетъ насъ и сердцемъ любитъ насъ.
Милордъ-епископъ, я у васъ, въ Гольборнѣ,

Въ саду видалъ отличную клубнику:
Велите-ка ее для насъ нарвать.

Епископъ.

Сейчасъ велю, мой благородный герцогъ.
(Уходитъ).

Глостеръ.

Еще съ тобой мнѣ надо, Букингамъ,
Сказать два слова.

(Отходитъ съ Букингамомъ въ сторону).

Гэстингса нашъ Кетсби
Выспрашивалъ, и нашъ горячій лордъ
Сказалъ, что прежде голову положитъ,
Чѣмъ согласится отстранить отъ трона
Онъ сына государя своего.

Букингамъ.

Уйдемте-ка отсюда на минуту.
(Глостеръ и Букингамъ уходятъ).

Стэнли.

И все-таки не выбранъ день вѣнчанья.
Я думаю, что можно подождать:
Я первый не готовъ еще на завтра
И небольшой отсрочкѣ буду радъ.

Епископъ Элійскій *возвращается.*

Епископъ.

А гдѣ-жъ милордъ-протекторъ? За клубникой
Я ужъ послалъ.

Гэстингсъ.

Сегодня милъ и веселъ герцогъ нашъ!
Когда онъ такъ привѣтливъ поутру,
То, значитъ, онъ обрадованъ былъ чѣмъ-то.
Кто въ свѣтѣ неспособнѣе его
Скрывать вражду иль дружескія чувства?
Въ его лицѣ душа всегда видна.

Стэнли.

Ну, что жъ ты изъ души его примѣтилъ
Сегодня по наружности его?

Гэстингсъ.

То, что онъ къ намъ ко всѣмъ расположенъ.
Когда бъ не такъ—лицо бъ его сказало.

Входятъ Глостеръ *и* Букингамъ.

Глостеръ.

Я васъ прошу, милорды, объявить,
Чего достоинъ тотъ, кто умышляетъ
На жизнь мою посредствомъ адскихъ чаръ
И волхованьемъ губитъ наше тѣло?

Гэстингсъ.

Я къ вашему высочеству приверженъ
Душой моей, а потому всѣхъ прежде
Я объявляю, что злодѣй такой
За ту вину достоинъ смертной казни.

Глостеръ.

Гляди жъ на доказательства вины,
Глядите всѣ—меня околдовали:
Моя рука суха, какъ сукъ гнилой.
Вдова Эдварда, мерзостная вѣдьма,
Стакнувшись съ непотребной вѣдьмой Шоръ,
Меня сгубили колдовствомъ проклятымъ.

Гэстингсъ.

Когда онѣ, милордъ, виновны въ этомъ...

Глостеръ.

Когда? Ты покровитель мерзкой вѣдьмы,
Ты смѣешь говорить: „когда онѣ".
Святымъ клянуся Павломъ, ты измѣнникъ!
Казнить его сейчасъ! Чтобъ до обѣда
Мнѣ показали голову его!
Ловель и Радклиффъ—кончить это дѣло!
Всѣ, кто за насъ—вставайте и за мной!

(Всѣ уходятъ, за исключеніемъ Гэстингса, Радклиффа и Ловеля).

Гэстингсъ.

О, горе Англіи—не мнѣ! Я стою смерти.
Я могъ предупредить все это зло.
Сорвался вепрь—правдивъ былъ сонъ твой, Стэнли!
Я не бѣжалъ, я презрѣлъ твой совѣтъ.
Три раза въ утро конь споткнулся мой
И вздрагивалъ предъ Тоуэра стѣнами,
Какъ-будто бы на бойню везъ меня.
О, какъ теперь священникъ нуженъ мнѣ!
Какъ каюсь я въ разсказѣ горделивомъ
О томъ, что всѣ противники мои
Сегодня кровь свою прольютъ на плахѣ,
Межъ-тѣмъ какъ я спокоенъ и силенъ!
О, Маргарита, Маргарита, тяжко
Обрушилось проклятіе твое
Надъ Гэстингса несчастной головою!

Радклиффъ.

Скорѣй, милордъ; обѣдать хочетъ герцогъ
И головы твоей онъ ждетъ давно.

Гэстингсъ.

О, милость ненадежная князей,
Ты намъ дороже милостей Господнихъ!
Бѣда тому, кто вѣру возложилъ
На ласковые взгляды сильныхъ міра!
Онъ, какъ на мачтѣ пьяный мореходъ,
Качается и съ каждымъ колыханьемъ
Готовъ свалиться въ бездну океана.

Ловель.

Ну, что тутъ плакаться—кончай скорѣй!

Гэстингсъ.
О, кровопійца-Ричардъ! О, родная,
Несчастная Британія! Пророчу
Тебѣ я горькій рядъ годовъ тяжелыхъ!
Гдѣ плаха? Вотъ вамъ голова моя!
Тѣ, что смѣются гибели моей,
Мои убійцы, сами сгибнутъ скоро *(Уходитъ)*.

СЦЕНА V.

Лондонъ. Въ Тоуэрѣ.

Входятъ Глостеръ *и* Букингамъ *въ заржавленномъ и безпорядочно-надѣтомъ вооруженіи.*

Глостеръ.
Кузенъ, умѣешь ты блѣднѣть, трястись,
На половинѣ слова задыхаться
И снова рѣчь безъ склада начинать,
Какъ человѣкъ въ отчаянномъ испугѣ?

Букингамъ.
Еще бы нѣтъ! Съ трагическимъ актеромъ
Я потягаюсь въ сумрачныхъ рѣчахъ:
Оглядываясь, буду говорить,
Блѣднѣть и вздрагивать при всякомъ шумѣ,
Какъ предъ опасностью. Владѣю я
И страшнымъ взглядомъ, и притворнымъ смѣхомъ—
И ими я могу во всякій часъ
Достойно поддержать мои затѣи.
Да гдѣ же Кетсби? Онъ пошелъ за мэромъ?

Глостеръ.
Не видишь развѣ?—онъ ведетъ его.

Входятъ лордъ-мэръ *и* Кетсби.

Букингамъ
(представляясь встревоженнымъ).
Одинъ я все скажу ему. Лордъ-мэръ...

Глостеръ *(тоже)*.
Что, спущенъ мостъ подъемный?

Букингамъ.
Это что?
Я слышу барабанъ.

Глостеръ.
Скорѣе, Кетсби!
Гляди за часовыми на стѣнѣ!

Букингамъ.
Лордъ-мэръ, мы васъ за тѣмъ сюда призвали...

Глостеръ.
Гляди назадъ, спасайся—здѣсь враги!

Букингамъ.
Да охранитъ Господь безвинныхъ насъ!

Входятъ Ловель *и* Радклиффъ *съ головою Гэстингса.*

Глостеръ.
Приди въ себя! Къ намъ не враги пришли:
То Ловель нашъ и другъ нашъ Ричардъ Радклиффъ.

Ловель.
Вотъ голова предателя. Погибъ
Злоумышлявшій и преступный Гэстингсъ.

Глостеръ *(плачетъ)*.
О, какъ его любилъ я! Лейтесь, слезы!
Его считалъ я кроткимъ существомъ,
Добрѣйшимъ человѣкомъ въ цѣломъ свѣтѣ;
Въ него привыкъ я вписывать какъ въ книгу,
Исторію всѣхъ помысловъ моихъ.
Онъ такъ добромъ искусно прикрывался,
Что исключая одного грѣха—
Его любви къ безпутной этой Шоръ—
Въ немъ тѣни зла нельзя было предвидѣть.

Букингамъ.
Да, да! такого скрытнаго злодѣя
На свѣтѣ не бывало. Вы, лордъ-мэръ,
Повѣрите ль—одинъ Господь то сдѣлалъ,
Что живы мы и съ вами говоримъ.
Повѣрите ль, что мерзостный предатель
Намѣренъ былъ сегодня, средь совѣта,
Меня и лорда Глостера убить?

Лордъ-мэръ.
Ужели это правда?

Глостеръ.
Какъ, ужели?
Мы турки иль безбожники какіе?
Да развѣ бъ мы рѣшились, безъ суда,
Предателя подвергнуть смертной казни,
Когда бы ужасъ замысловъ его,
Миръ Англіи, спасенье жизни нашей
Къ тому тотчасъ не побудили насъ?

Лордъ-мэръ.
Храни васъ Богъ! Онъ стоилъ смертной казни,
И васъ обоихъ обвинять нельзя
Въ томъ, что урокъ спасительный вы дали
Другимъ измѣнникамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Гэстингсъ
Связался съ мистриссъ Шоръ, я отъ него
Добра не ждалъ.

РИЧАРДЪ ВЪ ТОУЭРѢ. (Дѣйствіе III, сц. 4).

***Картина** извѣстнаго англійскаго живописца Ричарда Вестола (Richard Westall, R. A., 1765—1836). (Малая Бойделевская галлерея).*

Букингамъ.

Мы съ герцогомъ хотѣли,
Чтобъ вы, милордъ, его видали казнь;
Друзья же наши, противъ нашей воли,
Поторопились слишкомъ съ казнью той.
Хотѣлось намъ, чтобъ сами вы могли
Изъ устъ злодѣя услыхать разсказъ
О преступленьи, ходѣ заговора
И гражданамъ разсказъ тотъ передать,
Во избѣжанье всякихъ лживыхъ толковъ
И сожалѣній о злодѣѣ томъ.

Лордъ-мэръ.

Мой добрый лордъ, и вашихъ словъ довольно:
Я вѣрю имъ, и казни не видавши.
Сейчасъ же я, достойнѣйшіе принцы,
Велю созвать всѣхъ нашихъ вѣрныхъ гражданъ
И разскажу имъ въ точности все дѣло.

Глостеръ.

Затѣмъ сюда мы васъ и пригласили,
Чтобъ лживый свѣтъ не могъ насъ обвинять.

Букингамъ.

Хоть нѣсколько и опоздали вы,
Но дѣло ясно изъ разсказовъ нашихъ.
Прощайте же, достопочтенный лордъ!

(Лордъ-мэръ уходитъ).

Глостеръ.

За нимъ, за нимъ, родной мой Букингамъ!
Его найдешь ты въ ратушѣ, съ народомъ.
Тамъ, улучивъ удобную минуту,
Ты сообщи народу, что считаешь
Побочными дѣтьми дѣтей Эдварда.
Напомни, какъ одинъ изъ горожанъ
Сказалъ шутя, что сыну своему
Передаетъ корону, разумѣя
Свой домъ и дворъ подъ вывѣской короны,
И какъ король покойный болтуна
За слово то велѣлъ казнить тотчасъ же.
Припомни, какъ распутенъ былъ Эдвардъ,
Какъ часто онъ мѣнялъ своихъ любовницъ,
Безчестилъ женъ и дочерей чужихъ,
Какъ дикій звѣрь, вездѣ ища добычи,
Куда лишь взглядъ развратный проникалъ.
Потомъ, слегка коснися и меня:
Скажи, что въ годъ рожденія Эдварда
Великій Іоркъ, мой доблестный родитель,
Во Франціи войною занятъ былъ
И, свѣривши своей отлучки время,
Эдварда сыномъ не хотѣлъ признать.
Замѣть притомъ, что даже и лицомъ
Эдвардъ совсѣмъ не походилъ на Іорка;
Но помни—должно говорить слегка:
Ты знаешь, мать моя еще на свѣтѣ.

Букингамъ.

Милордъ, не сомнѣвайтесь. Рѣчь держать
Я стану такъ, какъ будто для себя
Я золотой награды добиваюсь.
Прощайте!

Глостер

И когда уд
Веди ихъ всѣхъ въ

Найдете вы меня в
Епископовъ ученыхъ

Букин
Иду—и къ тремъ иль ч
Изъ ратуши вы новостей

(Уходитъ)

Глостеръ.

Ловель, скорѣй—намъ нужен
Ты, Кетсби, къ брату Пенке
Чтобъ оба черезъ часъ въ Бе

(Ловель и Кетсби уход

Теперь, скорѣй отдамъ приказъ
Подальше спрятать Кларенса ще
Да прикажу еще, чтобъ никого
До принцевъ молодыхъ не допуска

(Уходитъ).

СЦЕНА VI.

Лондонъ. Улица.

Входитъ Писецъ.

Писецъ.

Вотъ актъ, которымъ добрый нашъ лордъ Гэстингсъ
И обвиненъ, и осужденъ на смерть.
Онъ переписанъ четко и красиво
И въ церкви прочитается сегодня.
Вотъ каковы дѣла! еще вчера
Его прислалъ мнѣ Кетсби. Я надъ нимъ
Одиннадцать часовъ трудился кряду,
Вчернѣ его писали также долго,
А между тѣмъ, часовъ пять-шесть назадъ,
Лордъ Гэстингсъ былъ спокоенъ и свободенъ,
Не обвиненъ, не заподозрѣнъ даже.
Да, страненъ свѣтъ! Одни лишь дураки
Здѣсь не увидятъ явнаго обмана.
Да кто жъ рѣшится намекнуть о немъ?
Нерадостно на бѣломъ свѣтѣ жить,
Когда дѣла такія въ немъ творятся!

(Уходитъ).

РИЧАРДЪ III
(Дѣйствіе III, сц. 4).
Картина Карла Пилотти (Karl Pilotty, 1826—1886).

Букингамъ.

Мы съ герцогомъ [illegible],
Чтобъ вы, милордъ, его видали [illegible],
[illegible] наши, противъ [illegible]
Поиздержались слишкомъ [illegible]
Хотелось намъ, чтобъ [illegible]
Чтобъ уста злодѣя услыхали [illegible]
О преступленьи, ходъ [illegible]
И граждана [illegible]
И избѣжанье [illegible]
[illegible]

[illegible]
И [illegible]
И [illegible]
Сейчасъ [illegible]
Вели [illegible] чаще черныхъ [illegible]
жанъ
И [illegible] дѣло.

[illegible]
[illegible]
[illegible] обвинять.

[illegible]
[illegible] сказали вы,
[illegible] разсказовъ нашихъ.
[illegible]
[illegible]

Глостеръ.

[illegible], родной мой Букингамъ!
Ты [illegible] въ ратушѣ, съ народомъ.
Тамъ улучи удобную минуту.
Ты [illegible] народу, что считаешь
Побочными дѣтьми дѣтей Эдварда.
Напомни, какъ одинъ изъ горожанъ
Сказалъ шутя, что сыну своему
Передаетъ корону, разумѣя
Свой домъ и дворъ подъ вывѣской короны,
И какъ король покойный болтуна
За слово то велѣлъ казнить тотчасъ же.
Припомни, какъ распутенъ былъ Эдвардъ,
Какъ часто онъ мѣнялъ своихъ любовницъ,
Безчестилъ женъ и дочерей [illegible]
Какъ [illegible] вѣрь, всѣмъ [illegible]
Куда лишь взоромъ [illegible] [illegible]
Потомъ, [illegible]
Скажи [illegible]
Бедняк [illegible] тебя.
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Букингамъ.

Милордъ, не сомнѣвайтесь [illegible]
Я стану такъ, какъ будто для [illegible]
И золотой награды добиваюсь.
Прощайте!

Глостеръ.

И когда удастся рѣчь
Веди ихъ всѣхъ въ Бейнардскій [illegible]

Найдете вы меня въ кругу почтен
Епископовъ ученыхъ и святыхъ.

Букингамъ.

Иду—и къ тремъ иль четыремъ [illegible]
Изъ ратуши вы новостей дождете
(Уходитъ).

Глостеръ.

Ловель, скорѣй—намъ нуженъ [illegible]
Ты, Кетсби, къ брату Пенкеру [illegible]
Чтобъ оба черезъ часъ въ Бейнардскомъ

(Ловель и Кетсби уходятъ).

Теперь, скорѣй отдамъ приказъ [illegible]
Подальше спрятать Кларенса [illegible]
Да прикажу еще, чтобъ никого
[illegible] молодыхъ не допуска[illegible]
[illegible]

СЦЕНА VI.

Лондонъ. Улица.

Входитъ Писецъ.

ПИСЕЦЪ.

Вотъ актъ, которымъ добрый на[illegible]
Гэ[illegible]
И обвиненъ, и осужденъ на смер[illegible]
Онъ переписанъ четко и краси[illegible]
И въ церкви прочитается сегодня.
Вотъ каковы дѣла! еще вчера
Его прислалъ мнѣ Кетсби. Я на[illegible]
Одиннадцать часовъ трудился [illegible]
Вчернѣ его писали такъ же долг[illegible]
А между тѣмъ, часовъ пять-шесть
[illegible] Гастингсъ былъ спокоен[illegible]

[illegible] не заподозрѣнъ [illegible]
[illegible] [illegible]! Одни лишь [illegible]
[illegible] [illegible] обманы.
[illegible] [illegible] путь
[illegible] [illegible]

Оставшіеся незаконченными эскизы Вильгельма Каульбаха къ «Ричарду III». (Дѣйствіе III, сц. 7).

СЦЕНА VII.

Лондонъ. Дворъ Бейнардскаго замка.

Входятъ съ разныхъ сторонъ Глостеръ *и* Букингамъ.

Глостеръ.

Ну, какъ дѣла? Что говоритъ народъ?

Букингамъ.

Клянусь святой Владычицей небесной,
Молчитъ народъ и рта не разжимаетъ.

Глостеръ.

Ты говорилъ ли, что дѣтей Эдварда
Не можешь ты законными признать?

Букингамъ.

Еще бы нѣтъ! Условье съ лэди Люси
Припомнилъ я съ условіемъ другимъ,
Что съ Франціею заключить велѣлъ онъ;
Припомнилъ жизнь безпутную его,
До женъ чужихъ безстыдную охоту,
Его жестокость мелкую, а послѣ
И незаконность рода, и несходство
Его лица съ родительскимъ лицомъ.
При этомъ я сказалъ, что герцогъ Глостеръ
Своимъ лицомъ и благородствомъ духа
Весь вышелъ въ благороднаго отца,
Что въ мирѣ мудръ онъ, что на полѣ **брани**
Въ Шотландіи онъ побѣждалъ враговъ,
Что щедръ онъ, добръ и дѣтски-кротокъ сердцемъ;
И, честію клянусь, не пропустилъ
Я ничего, что вамъ служить могло бы.
Затѣмъ, кончая рѣчь, я предложилъ
Всѣмъ, кто добра для родины желаетъ,
Кричать со мной: „да здравствуетъ навѣки
Великій Ричардъ, Англіи король!"

Глостеръ.

Ну, что жъ—они кричали?

Букингамъ.

Богъ свидѣтель,
Ни слова! Какъ нѣмые истуканы
Иль камни мертвые, стоялъ народъ,
И граждане, какъ трупы поблѣднѣвъ,
Глазѣли другъ на друга. Я съ упрекомъ
К ънимъ обратился и спросилъ у мэра,
Что значитъ это мрачное молчанье?
А онъ отвѣтилъ, что къ такимъ рѣчамъ
Нашъ не привыкъ народъ и что къ нему
Рѣчь держатъ чрезъ глашатаевъ обычныхъ.
Я лорда-мэра пригласилъ тотчасъ
Разсказъ мой передать: онъ согласился,
Сказалъ народу: „герцогъ полагаетъ...
Передаетъ вамъ герцогъ..." Отъ себя жъ

Ни слова не добавилъ въ пользу вашу.
Чуть кончилъ онъ—и спутники мои,
Поодаль стоя, закидали шапки
И закричало голосовъ съ десятокъ:
„Да здравствуетъ король британскій Ричардъ!"
Я поспѣшилъ воспользоваться тѣмъ,
Сказалъ: „спасибо, честные граждане!
Друзья мои, восторгъ вашъ доказалъ,
Что мудры вы, что Ричардъ дорогъ вамъ!"
И, распростившись съ ними, тутъ же вышелъ.

Глостеръ.

Чурбаны безъязычные! Ни слова!
Такъ мэръ со свитой не придетъ сюда?

Букингамъ.

Сейчасъ онъ будетъ здѣсь. Не позабудьте
Прикинуться встревоженнымъ; не вдругъ
Вы соглашайтесь выслушать его.
Молитвенникъ межъ тѣмъ въ рукахъ держите;
Да надобно, милордъ, чтобъ вы стояли
Между двумя священниками. Я
На эту святость и налечь намѣренъ.
Затѣмъ не вдругъ склоняйтесь, какъ дѣвица;
Твердите „нѣтъ", а дѣлайте, что надо.

Глостеръ.

Иду—и если ты запросишь такъ,
Какъ сильно я отнѣкиваться стану,
То безъ сомнѣнья все пойдетъ на ладъ.

Букингамъ.

Скорѣй на галлерею: онъ стучится.
(Глостеръ уходитъ).

Входятъ лордъ-мэръ *и* граждане.

Букингамъ.

Привѣтъ вамъ, добрый лордъ! Я жду да жду,
И попустому, кажется. Нашъ герцогъ
Едва ли съ нами хочетъ говорить.

Кетсби *выходитъ изъ замка.*

Букингамъ.

Ну, Кетсби, что намъ отвѣчаетъ герцогъ?

Кетсби.

Свѣтлѣйшій лордъ, онъ честью проситъ васъ
Зайти хоть завтра или послѣзавтра.
Онъ въ замкѣ и съ двумя духовниками
Святой бесѣдѣ сердцемъ отдался.
Для просьбъ мірскихъ не хочетъ онъ оставить
Своихъ душеспасительныхъ заботъ.

Букингамъ.

Сходи къ его высочеству, другъ Кетсби;
Скажи, что я, лордъ-мэръ и альдермэны
По дѣлу крайней важности пришли;
Скажи, что мы, для общей всѣхъ насъ пользы,
Рѣчь съ герцогомъ намѣрены держать.

Кетсби.

Немедленно ему скажу я это. *(Уходитъ).*

Букингамъ *(лорду-мэру).*

А-а, милордъ! Пришли мы не къ Эдварду:
Нашъ герцогъ не валяется въ постели—
Съ молитвой на колѣняхъ онъ стоитъ;
Не рѣзвится онъ съ парою прелестницъ,
А говоритъ съ двумя духовниками;
Не дремлетъ онъ, чтобъ тѣломъ разжирѣть—
Молитвами обогащаетъ душу.
О, если бы достойный этотъ мужъ,
На счастье всѣмъ, бразды правленья принялъ!
Но нѣтъ—едва ль его преклонимъ мы.

Лордъ-мэръ

Избави богъ! Ужель онъ намъ откажетъ?

Букингамъ.

Боюсь боюсь! Но вотъ пришелъ и Кетсби.

Входитъ Кетсби.

Букингамъ.

Ну, Кетсби, что нашъ герцогъ говоритъ?

Кетсби.

Дивится онъ—зачѣмъ явился ты
Къ нему съ такой большой толпою гражданъ
Безъ всякаго о томъ увѣдомленья.
Недобрый планъ въ томъ видитъ герцогъ нашъ.

Букингамъ.

Мнѣ горько, что свѣтлѣйшій мой кузенъ
Меня въ недобрыхъ мысляхъ заподозрилъ.
Клянуся Небомъ, здѣсь мы съ доброй цѣлью!
Иди къ нему и сообщи о томъ.
(Кетсби уходитъ).

Когда святые, набожные люди
Взялись за четки—не добьешься толку:
Такъ сладостенъ для нихъ молитвы часъ.

На галлерею вверху выходитъ Глостеръ, *между двухъ епископовъ.* Кетсби *возвращается).*

Лордъ-мэръ.

Вотъ и его высочество! Стоитъ онъ
Межъ двухъ духовныхъ лицъ.

Букингамъ.

Святому принцу
Они подпора отъ грѣхопаденья.
Смотри: молитвенникъ въ его рукѣ,
Краса и честь людей благочестивыхъ.
Плантагенетъ великій, герцогъ нашъ,
Склони свой слухъ къ мольбамъ усерднымъ нашимъ
И насъ прости за то, что мы посмѣли
Прервать твои духовныя дѣла.

Глостеръ.

Милордъ, твои напрасны извиненья;
Я самъ прошу простить меня за то,
Что, весь предавшись Господа служенью,
Замедлилъ я принять моихъ друзей.
Оставимъ это. Ты чего желаешь?

Букингамъ.

Желаю я просить, во имя Бога,
О томъ, чего желаетъ весь народъ
Въ странѣ родной, оставшейся безъ власти.

Глостеръ.

Боюсь я, не свершилъ ли я чего
Обиднаго для нашихъ честныхъ гражданъ,
И вы пришли, чтобъ укорить меня
Въ моемъ грѣхѣ невольномъ?

Букингамъ.

Славный герцогъ,
Ты угадалъ. Но тотъ проступокъ можно
Исправить, къ нашимъ просьбамъ слухъ склоня.

Глостеръ.

И мы его исправимъ. Развѣ я
Живу не въ честномъ христіанскомъ краѣ?

Букингамъ.

Такъ знай же, герцогъ, въ чемъ вина твоя:
Ты отступился отъ верховной власти,
Отъ трона пышнаго, отъ скиптра предковъ,
Отъ мѣста своего, отъ правъ рожденья,
Отъ славы царской дома твоего—
И отступился, сдавъ все это вѣтви
Испорченной, отъ дерева гнилого.
Отъ кроткихъ и сонливыхъ дѣлъ твоихъ
Для блага края мы тебя разбудимъ.
Нашъ славный островъ въ силахъ ослабѣлъ;
Его лицо давно въ рубцахъ позора;
Презрѣнныя растенья привились
Къ его стволу державному, а царство
Ушло по плечи въ жадную пучину
Забвенья, запустѣнія и мрака.
Спасая край, всѣмъ сердцемъ просимъ мы,
Чтобъ ты, свѣтлѣйшій герцогъ, на себя
Заботы принялъ мощнаго правленья,
Не какъ протекторъ, опекунъ, чиновникъ,
Не какъ наемникъ мелкій чуждой власти,
Но какъ наслѣдникъ рода своего,
Какъ кровный властелинъ родного царства,
Вотъ почему, въ собраньи вѣрныхъ гражданъ,
И любящихъ, и преданныхъ тебѣ,
По просьбѣ ихъ, усиленной и жаркой,
Тебя молить мы всѣ пришли сюда.

Глостеръ.

Не знаю я, чѣмъ должно встрѣтить мнѣ
По сану моему такую просьбу:
Въ молчаніи уйти ли прочь отъ васъ,
Иль горькимъ словомъ встрѣтить дерзость вашу?
Не отвѣчать? Но вы рѣшите всѣ,
Что я въ молчаньи жадномъ соглашаюсь
Принять златую ношу тяжкой власти;
А гнѣвно встрѣтить жаркія мольбы,
Такъ полныя довѣрьемъ и любовью,
Не значитъ ли корить друзей своихъ?
Чтобъ сразу избѣжать и подозрѣнья,
И горькихъ жалобъ на друзей моихъ,
Такой отвѣтъ даю я вамъ теперь же:
За преданность—благодарю я васъ,
Но бѣденъ я заслугами, и вашихъ
Великихъ просьбъ принять я не могу.
Когда бы мнѣ до царственной короны
Былъ гладокъ и лишенъ препятствій путь,
Когда бъ по праву тронъ мнѣ доставался,
То и тогда—при слабостяхъ моихъ,
При множествѣ грѣховъ моихъ тяжелыхъ—
Отъ пышной доли скрылся бы я самъ.
Мой утлый челнъ не для морей могучихъ,
И лучше отказаться отъ величья,
Чѣмъ задохнуться въ дымѣ пышной славы.
Но, благостью Спасителя, во мнѣ
Вамъ нѣтъ нужды. Державное растенье
Намъ принесло державный, юный плодъ;
Въ медлительныхъ годахъ тотъ плодъ созрѣетъ,
Родной престолъ украситъ онъ собой
И счастье намъ пошлетъ своимъ правленьемъ.
Да, на его счастливую звѣзду
Сложить могу я то, что на меня
Сложить желали вы—и Богъ свидѣтель,
Не мнѣ итти противъ законныхъ правъ.

Букингамъ.

Свѣтлѣйшій герцогъ, рѣчь твоя честна;
Но разсмотри, какъ слабы и безсильны
Всѣ доводы, что ты представилъ намъ.
Ты утверждаешь намъ, что принцъ Эдвардъ
Сынъ брата твоего. Мы съ тѣмъ согласны;

Оставшіеся незаконченными эскизы Вильгельма Каульбаха къ «Ричарду III», (Дѣйствіе III, сц. 7).

Но сынъ ли онъ Эдвардовой жены?
Твой братъ, ужъ обрученный съ лэди Люси—
И мать твоя тому живой свидѣтель—
Черезъ посла былъ съ Боной обрученъ,
Родной сестрой французскаго монарха.
Отъ двухъ невѣстъ его потомъ отбила
Увядшая и бѣдная вдова,
Съ семьею цѣлой взрослыхъ сыновей,
Давно ступившая за полдень жизни.
Она прельстила взглядъ непостоянный
И, мыслями Эдварда завладѣвъ,
На двоеженство короля склонила.
Съ ней въ беззаконномъ бракѣ прижитъ сынъ,
Тотъ самый сынъ Эдвардъ, кого межъ нами
Наслѣднымъ принцемъ принято считать.
Есть доводы потяжелѣе этихъ,
И могъ бы я припомнить ихъ; но честь
Еще живыхъ людей боюсь я тронуть,
И потому обузданъ мой языкъ.
Итакъ, милордъ, поторопись принять
Высокій санъ, предложенный тебѣ,
Ужъ если не для насъ и не для края,
То хоть затѣмъ, чтобъ родъ очистить свой
Отъ гнили, что въ немъ годы развели,
И для того, чтобъ водворить порядокъ
Въ законной передачѣ царскихъ правъ.

Лордъ-мэръ.

Не откажи намъ въ томъ, свѣтлѣйшій лордъ,
О чемъ тебя граждане умоляютъ.

Букингамъ.

Не отвергай любви ихъ, добрый герцогъ!

Кетсби.

Обрадуй ихъ, склонись на просьбы ихъ!

Глостеръ.

О, горе мнѣ! Зачѣмъ заботъ такихъ
Всю груду вы мнѣ валите на плечи?
Я не гожусь для царскаго величья.
Не оскорбляйтеся, я васъ прошу:
Я не могу, не въ силахъ уступить вамъ.

Букингамъ.

Когда, по кротости, не смѣешь ты
Лишить престола этого ребенка,
Затѣмъ, что онъ сынъ брата твоего,
То знай, что мы, цѣня любовь твою,
Цѣня всю нѣжность сердца твоего,
Ко всѣмъ тебѣ и близкимъ и неблизкимъ,
Своихъ рѣшеній не измѣнимъ ввѣкъ.
Отвергнешь ты иль примешь просьбу нашу,
Племянникъ твой не будетъ королемъ:
Мы твой вѣнецъ вручимъ лицу другому,
На стыдъ и гибель дому твоему!
(Гражданамъ).

Съ такимъ рѣшеньемъ мы идемъ отсюда
Домой, друзья: намъ нечего просить.
(Букингамъ и граждане уходятъ).

Кэтсби.

Любезный герцогъ, воротите ихъ,
Примите просьбу: въ цѣломъ государствѣ
Отчаянье вашъ причинитъ отказъ.

Глостеръ.

Рѣшились вы сковать меня заботой.
Ну, такъ и быть—верни ихъ. Я не камень!
(Кетсби уходитъ).
Противъ мольбы стоять не въ силахъ я,
Хоть совѣсть и душа моя страдаютъ.

Входитъ опять Букингамъ *съ гражданами.*

Глостеръ.

Братъ Букингамъ и вы, честные мужи,
Коль вы рѣшились на спину мою
Взвалить заботы тяжкія правленья—
Я вижу то, что волей иль неволей
Я ношу ту обязанъ взять себѣ.
Но ежели упрекомъ безобразнымъ
Иль черной клеветою встрѣтитъ свѣтъ
Послѣдствія усильной просьбы вашей,
То вспомните, что вынужденъ я вами
И не давайте честь мою пятнать.
Богъ видитъ—и вы видѣли теперь—
Какъ я далекъ отъ всякой жажды власти.

Лордъ-мэръ.

Пусть Богъ хранитъ васъ! Знаемъ это мы,
И всѣмъ передадимъ мы то, что знаемъ.

Глостеръ.

Да—и правдива будетъ ваша рѣчь.

Букингамъ.

Прими жъ теперь привѣтъ, тебя достойный:
Да здравствуетъ надолго Ричардъ нашъ,
Британіи великій повелитель!

Всѣ.

Аминь.

Букингамъ.

Угодно ль будетъ, государь,
Короноваться завтра жъ?

Глостеръ.

Если вы
На то рѣшились твердо—я согласенъ.

Букингамъ.

Такъ завтра мы здѣсь будемъ, государь.
Теперь же, съ радостной душой, мы смѣемъ
Откланяться.

Глостеръ *(епископамъ).*

Воротимся жъ опять
Къ святой бесѣдѣ нашей. Букингамъ,
Прощай покуда! Добрые друзья,
И вы прощайте! *(Уходитъ).*

Графъ СЕРРИ. (Со стариннаго портрета).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Предъ Тоуэромъ.

Входятъ, съ одной стороны, КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА, ГЕРЦОГИНЯ ІОРКСКАЯ *и* МАРКИЗЪ ДОРСЕТЪ; *съ другой*—ЛЭДИ АННА *герцогиня Глостеръ, ведя за руку* ЛЭДИ МАРГАРИТУ ПЛАНТАГЕНЕТЪ, *маленькую дочь герцога Кларенса.*

ГЕРЦОГИНЯ ІОРКСКАЯ.

Кто къ намъ идетъ? моя малютка внучка
Съ своею доброй теткой, Анной Глостеръ?
Идутъ онѣ, навѣрно, съ нами вмѣстѣ
Привѣтствовать младенца-короля.
(Лэди Аннѣ).
Здорово, дочь моя!

ЛЭДИ АННА.

Пусть Богъ пошлетъ
Обѣимъ вамъ веселый день и свѣтлый.

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА.

Тебѣ того жъ желаемъ мы, сестра.
Куда идешь ты?

ЛЭДИ АННА.

Въ Тоуэръ, какъ и вы,
Чтобъ поглядѣть на нашихъ милыхъ принцевъ.

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА.

Благодарю, сестра. Пойдемъ же вмѣстѣ.

Входитъ БРЕКЕНБЕРИ.

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА.

Вотъ, кстати, самъ смотритель къ намъ идетъ.
Что, Брекенбери, можешь намъ сказать—
Здоровы государь и герцогъ Іоркскій?

БРЕКЕНБЕРИ.

Они здоровы, королева. Только

Я допустить васъ къ принцамъ не могу:
Король о томъ приказъ мнѣ отдалъ строгій.

Королева Елизавета.

Король? Какой король?

Брекенбери.

Хотѣлъ сказать я:
Милордъ-протекторъ.

Королева Елизавета.

Сохрани Господь
Протектора отъ титула такого!
Онъ смѣетъ ли преграды полагать
Между любовью дѣтскою и мною?
Я мать—и кто меня не пуститъ къ дѣтямъ?

Герцогиня Іоркская.

Я къ нимъ пойду: отецъ ихъ былъ мнѣ сыномъ.

Лэди Анна.

Я по родству—имъ тетка, по любви—
Ихъ матерью считаю я себя.
Веди насъ къ нимъ. Я за тебя въ отвѣтѣ,
И на себя беру вину твою.

Брекенбери.

Нѣтъ, герцогиня, клятвой связанъ я—
И вашей просьбы выполнить не въ силахъ.
(Уходитъ).

Входитъ Стэнли.

Стэнли.

Когда бы васъ я встрѣтилъ часомъ позже,
То къ герцогинѣ Іоркской мой привѣтъ
Я бъ обратилъ, какъ къ спутницѣ почтенной
И матери двухъ славныхъ королевъ.
(Лэди Аннѣ).
Я присланъ къ вамъ, миледи: васъ ужъ ждетъ
Въ Вестминстерѣ обрядъ коронованья
Достойная подруга короля.

Королева Елизавета.

Разрѣжьте поясъ мой—мнѣ душно, душно!
Простора дайте трепетному сердцу,
Не то—умру отъ тяжкой вѣсти я!

Лэди Анна.

Проклятая и гибельная вѣсть!

Дорсетъ.

О, успокойтесь!
(Матери). Что съ тобой, родная?

Королева Елизавета.

Бѣги, мой сынъ! не говори со мною:
Погибель скрыта въ имени моемъ,
Погибель дѣтямъ; за тобою первымъ
Бѣда и смерть стремятся по пятамъ.
Не медли же, бѣги изъ адской силы,
Бѣги отсюда, за-море бѣги!
Ты къ Ричмонду бѣги, бѣги скорѣе
Изъ этой бойни, полной мертвыхъ тѣлъ,
Не умножай собою жертвъ злодѣя,
Не заставляй меня переживать
Проклятія несчастной Маргариты;
Не допусти, чтобъ кончила я жизнь
Безъ сыновей, безъ мужа и короны!

Стэнли.

Разуменъ, королева, вашъ совѣтъ.

(Дорсету).

Спѣши жъ: часы и дороги, и быстры!
Ты отъ меня получишь письма къ сыну;
Его ты встрѣтишь на своемъ пути.
Ступай же и медлительностью глупой
Не загуби ты самого себя.

Герцогиня Іоркская.

О, вихрь бѣды неотразимо-бурный!
О, ложе смерти! о, моя утроба!
Ты василиска выкинула въ свѣтъ,
И взглядъ его несетъ съ собой погибель!

Стэнли *(Лэди Аннѣ).*

Идите жъ, государыня. Спѣшить
Мнѣ велѣно.

Лэди Анна.

Я за тобой пойду
Съ глубокимъ и великимъ отвращеньемъ.
О, если бъ обручъ золотой короны
Мнѣ сталью легъ каленой на чело
И черепъ мой, и мозгъ мой сжегъ бы разомъ!
Пускай меня не царственнымъ елеемъ,
А смертнымъ ядомъ въ церкви умастятъ!
О, пусть умру я, не слыхавши криковъ:
„Да здравствуетъ надолго королева!“

Королева Елизавета.

Иди, страдалица! Не накликай
Ты на себя бѣды! Въ твоемъ почетѣ
Завидовать тебѣ я не могу.

Лэди Анна.

Не накликать бѣды? Когда злодѣй,
Котораго теперь зову я мужемъ,
Явился мнѣ въ тотъ часъ, когда я шла
Съ рыданіемъ за Генриховымъ трупомъ,
Явился, не успѣвши рукъ обмыть
Отъ Генриха святой и чистой крови
Явился онъ, зарѣзавши того,
Кто былъ мнѣ ангеломъ и первымъ мужемъ,
Тогда, взглянувши Ричарду въ лицо,

Сказала я: „навѣки проклятъ будь,
Ты, сдѣлавшій меня вдовою дряхлой
Во цвѣтѣ лѣтъ моихъ! И если ты
Себѣ жену возьмешь—пусть злое горе
Прильнетъ навѣки къ ложу твоему!
И пусть жена твоя—когда такое
Безумное созданье ты найдешь—
Чрезъ жизнь твою страдать сильнѣе будетъ,
Чѣмъ я чрезъ гибель мужа моего!"
И что жъ? Скорѣе, чѣмъ бы я могла
Произнести опять проклятье это,
Медовыми рѣчами онъ успѣлъ
Поработить мой шаткій женскій разумъ.
Себя своимъ проклятьемъ прокляла
Несчастная—и съ той поры не знаютъ
Мои глаза минутнаго покоя,
И съ той поры на Ричардовомъ ложѣ
Сонъ золотой меня не освѣжалъ;
Но каждый часъ я въ страхѣ просыпаюсь
Отъ страшныхъ, безпокойныхъ грезъ его.
Къ тому жъ, какъ дочь великаго Варвика,
Я ненавистна мужу. Скоро, скоро
Онъ навсегда развяжется со мной!

Королева Елизавета.
Прощай, бѣдняжка! какъ мнѣ жаль тебя!

Лэди Анна.
И о тебѣ моя душа тоскуетъ!

Королева Елизавета.
Прощай! Какъ горько ты почетъ встрѣчаешь!

Лэди Анна.
Прощай! Какъ горько съ нимъ ты разстаешься!

Герцогиня Іоркская *(Дорсету)*.
Бѣги же къ Ричмонду и счастливъ будь!
(Лэди Аннѣ). Ты къ Ричарду иди, и пусть тебя
Хранятъ святые ангелы!
(Королевѣ Елизаветѣ). Не медли—
Укройся въ храмѣ и молися тамъ!
А мнѣ—одна могила остается:
Тамъ я найду покой и тишину!
Я восемьдесятъ горькихъ лѣтъ прожила,
За сладкій часъ платя недѣлей горя.

Королева Елизавета.
Не уходи: оглянемся на Тоуэръ.
О, древняя твердыня, пожалѣй
Младенцевъ, что въ стѣнахъ твоихъ сокрыты!
О, жесткая малютокъ колыбель!
Ты, нянька грозная, сѣдой товарищъ
Ихъ дѣтскихъ игръ, храни дѣтей моихъ!
Въ безумномъ горѣ я прощаюсь съ вами,
О, камни Тоуэра! *(Уходитъ)*.

СЦЕНА II.

Тронная зала во дворцѣ.

Звуки трубъ. Король Ричардъ *сидитъ на королевскомъ тронѣ; возлѣ него стоятъ* Букингамъ, Кетсби, пажъ *и свита.*

Король Ричардъ *(свитѣ)*.
Подальше станьте. Здѣсь ли Букингамъ?

Букингамъ.
Я здѣсь, державный повелитель мой!

Король Ричардъ.
Дай руку мнѣ. На эту высоту
Меня взвели совѣты Букингама
И помощь прямо братская твоя.
Что скажешь ты? Продлится ль слава наша,
Иль день единъ прожить ей суждено?

Букингамъ.
Продлится и не на день, а навѣки!

Король Ричардъ.
Мой Букингамъ, теперь я испытаю—
Изъ чистаго ли золота ты слитъ?
Эдвардъ-младенецъ все еще на свѣтѣ—
Ты понялъ ли, что я сказать хочу?

Букингамъ.
Приказывайте, государь!

Король Ричардъ.
Какихъ же
Тебѣ приказовъ надо? Королемъ
Я быть хочу.

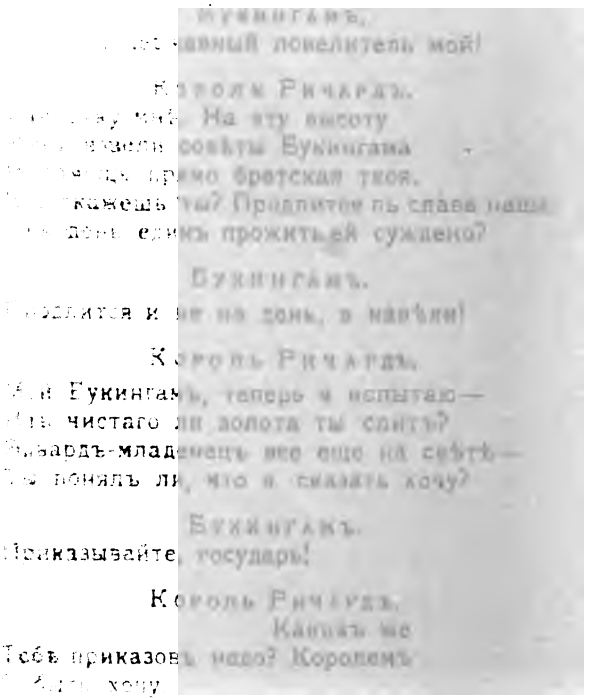
Букингамъ.
Мой государь великій,
Вы развѣ не король?

Король Ричардъ.
Король? король я?
Быть можетъ; но Эдвардъ живетъ на свѣтѣ?

Букингамъ.
Такъ, повелитель мой.

Король Ричардъ.
Не много толку
Въ такихъ словахъ: „такъ повелитель мой".
Эдвардъ живетъ—и долго жить онъ будетъ.
Кузенъ, ты прежде потолковѣй былъ.
Я выскажусь яснѣе: я хочу
Избавиться отъ тѣхъ щенковъ побочныхъ,
Избавиться немедленно. Ну, что же
Ты скажешь намъ, не тратя лишнихъ словъ?

Букингамъ.
Что королю угодно—то и будетъ.



ДѢТИ ЭДУАРДА IV ВЪ ТОУЭРѢ.

Картина знаменитаго французскаго художника Поля Деларош (Paul Delaroche, 1797—1856).
Рисовалъ В. А. Табуринъ.

Король Ричардъ.
Совсѣмъ твоя услужливость замерзла,
И самъ ты—ледъ. Ну что жъ, согласенъ ты
За дѣло взяться?

Букингамъ.
Государь, позвольте
Подумать и потомъ ужъ дать отвѣтъ.
Я ждать васъ не заставлю слишкомъ долго.
(Уходитъ).

Кетсби *(тихо)*.
Король не въ духѣ—закусилъ онъ губы.

Король Ричардъ *(сходя съ трона)*.
Нѣтъ, лучше я готовъ вести бесѣду
Съ мальчишками безмозглыми, глупцами,
Съ чугунной головою на плечахъ!
Того, кто смотритъ на меня пытливо,
Не надо мнѣ; а Букингамъ надменный
Не кстати остороженъ сталъ. Эй, пажъ!
Пажу). Поди сюда.

Пажъ.
Мой государь!

Король Ричардъ.
Скажи мнѣ,
Ты знаешь ли кого-нибудь, кто бъ могъ
Для золота рѣшиться на убійство?

Пажъ.
Я знаю дворянина одного,
Котораго высокомѣрный разумъ
Не можетъ ладить съ тощимъ кошелькомъ.
За деньги онъ все сдѣлаетъ скорѣй,
Чѣмъ изъ-за сотни просьбъ краснорѣчивыхъ.

Король Ричардъ.
А какъ зовутъ его?

Пажъ.
Джемсъ Тиррель.

Король Ричардъ.
Я
Его немного знаю. Такъ ступай
И позови его ко мнѣ сейчасъ же.

(Пажъ уходитъ).
Не стану больше съ хитрымъ Букингамомъ
Я тайнами дѣлиться по-сосѣдски.
Безъ устали со мной онъ все бѣжалъ
И вздумалъ духъ перевести не кстати.
Пусть будетъ такъ!

Входитъ Стэнли.
Король Ричардъ.
Что новаго, милордъ?

Стэнли.
Мой государь, сейчасъ лишь я узналъ,
Что къ Ричмонду тайкомъ бѣжалъ лордъ
Дорсетъ.

Король Ричардъ.
Послушай, Кетсби: распусти скорѣй
Ты слухи объ отчаянной болѣзни
Моей супруги Анны; я жъ велю,
Чтобъ никуда ее не выпускали.
Да изъ дворянъ, не очень знатныхъ родомъ,
Ты пріищи кого-нибудь въ мужья
Для Кларенсовой дочери; мальчишка жъ
Родился глупымъ и не страшенъ мнѣ.
Что жъ ты зѣваешь? Повторяю снова
Я мой приказъ: въ народѣ слухъ пусти,
Что королева Анна умираетъ.
Не мѣшкай же: я долженъ сокрушить
Въ самомъ началѣ помыслы дурные.
(Кетсби уходитъ).
Эдварда дочь мнѣ надо въ жены взять:
Безъ этого все будетъ мой престолъ
Стоять на хрупкихъ черепкахъ стеклянныхъ.
Убивши братьевъ, въ жены взять сестру—
Путь не надежный! Но въ крови по горло
Я ужъ сижу, и грѣхъ родитъ грѣхи.
Да и глазамъ моимъ едва ль поладить
Съ слезливымъ сожалѣньемъ.

Входятъ пажъ *и* Тиррель.

Король Ричардъ.
Ты Тиррель?

Тиррель *(преклоняя колѣно)*.
Джемсъ Тиррель, государя моего
Слуга и вѣрноподданный.

Король Ричардъ.
Не лжешь ты?

Тиррель.
Пусть государь испробуетъ меня!

Король Ричардъ.
Ты согласишься ль изъ людей намъ близкихъ
Убить кого-нибудь?

Тиррель.
Повелѣвайте!
Но лучше я желалъ бы умертвить
Двухъ лицъ, враждебныхъ вамъ.

Король Ричардъ.
Пусть такъ и будетъ!
Есть у меня два смертные врага;
Чрезъ нихъ я сна и отдыха не знаю.
Ихъ на руки тебѣ сдаю я, Тиррель.

Я говорю про тѣхъ дѣтей побочныхъ'
Что въ Тоуэрѣ теперь.

Тиррель.

Велите только
Къ нимъ допустить меня; я не замедлю
Всѣ ваши опасенья уничтожить,

Король Ричардъ.

Мнѣ слаще пѣньярѣчь твоя. Встань Тиррель!
Вотъ пропускъ въ Тоуэръ. Подойди поближе:
(Шепчетъ ему на ухо).
Вотъ весь приказъ. Скажи, что онъ исполненъ,
И награжу тебя я и любовь
Свою тебѣ дарую.

Тиррель.

Я сейчасъ же
Покончу все. *(Уходитъ).*

Входитъ Букингамъ.

Букингамъ.

Великій государь,
Я ужъ обдумалъ вашъ приказъ послѣдній.

Король Ричардъ.

Оставимъ это. Слышалъ ты извѣстье
О томъ, что Дорсетъ къ Ричмонду бѣжалъ?

Букингамъ,

Я слышалъ, государь.

Король Ричардъ.

Я помню, Стэнли,
Что Ричмондъ сынъ жены твоей. Смотри
И берегись!

Букингамъ.

Великій государь,
Осмѣлюсь я припомнить обѣщанье,
Что вашимъ честнымъ словомъ скрѣплено:
Вы мнѣ хотѣли Герфордское графство
Съ имѣньемъ брата вашего отдать.

Король Ричардъ.

Знай, Стэнли, что когда жена твоя
Войдетъ въ сношенья съ Ричмондомъ—отвѣтишь
Ты за нее.

Букингамъ.

Что скажетъ государь
На просьбу, что представить смѣлъ ему я?

Король Ричардъ.

Мнѣ помнится, что Генрихомъ Шестымъ
Былъ Ричмонду предсказанъ тронъ британскій,
Когда еще мальчишкой Ричмондъ былъ.
Престолъ! Быть-можетъ...

Букингамъ.

Повелитель мой!

Король Ричардъ.

Я это слышалъ самъ. Но какъ-же Генрихъ
Не предсказалъ, что я его убью?

Букингамъ.

Вы, государь, мнѣ обѣщали графство.

Король Ричардъ.

Да, Ричмондъ! Въ Экстерѣ я былъ недавно
И видѣлъ тамъ одинъ я замокъ. Мэръ
Его мнѣ назвалъ Ружмонтомъ; я вздрогнулъ
И вспомнилъ, какъ одинъ ирландскій бардъ
Пророчилъ мнѣ, что, Ричмонда увидѣвъ,
Не проживу я долго!

Букингамъ.

Государь!

Король Ричардъ.

Который часъ?

Букингамъ.

Осмѣлюся напомнить
Я ваше обѣщанье, государь.

Король Ричардъ.

Который часъ?

Букингамъ.

Сейчасъ ударитъ десять.

Король Ричардъ.

Такъ не мѣшай ударить.

Букингамъ.

Государь,
Я васъ не понимаю.

Король Ричардъ.

Какъ дуракъ,
Ты всѣмъ мѣшаешь. Ты своею просьбой
Соображенья путаешь мои,
А къ щедрости не склоненъ я сегодня.

Букингамъ.

Такъ сообщите жъ сразу вашу волю.

Король Ричардъ.

Ты надоѣлъ намъ. Мнѣ не до тебя.
(Король Ричардъ и свита уходятъ).

Букингамъ.

А, вотъ оно! Презрѣньемъ платитъ онъ
За всѣ мои безмѣрныя услуги.
Такъ вотъ зачѣмъ я взвелъ его на тронъ!
Припомнимъ Гэстингса. Скорѣй въ Брекнокъ,
Покуда голова моя цѣла. *(Уходятъ).*

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ III. (Дѣйствіе IV. сц. 3).

Картина Джемса Норскота (James Northcote, R. A.).

(Большая Бойделевская галлерея).

СЦЕНА III.

Тамъ же.

Входитъ Тиррель.

Тиррель.

Свершилося неслыханное дѣло—
Кровавое и лютое убійство,
Когда-нибудь пятнавшее нашъ край.
Дайтонъ и Форрестъ, нанятые мной
Сообщники въ злодѣйствѣ нечестивомъ,
Два кровожадныхъ пса, мерзавцы злые,
Передавая пагубный разсказъ,
Рыдали, словно двое ребятишекъ.
„Вотъ какъ лежали милые младенцы",
Сказалъ мнѣ Дайтонъ. „Такъ они лежали,
Обнявъ другъ друга", Форрестъ перебилъ,
„Прозрачными ручонками своими.
Какъ на одномъ стеблѣ четыре розы
Пурпурныя блистаютъ въ лѣтній день,
Такъ цѣловались губы спящихъ братьевъ.
На ихъ подушкѣ, возлѣ, я примѣтилъ
Молитвенникъ—и духъ смутился мой,
И я хотѣлъ уйти; но сатана..."
Тутъ замолчалъ мерзавецъ, и разсказъ
Былъ конченъ Дайтономъ: „Мы задушили
Малютокъ, мы сгубили два созданья,
Прелестнѣе которыхъ никогда
Природа ничего не создавала".
Волнуясь и тоской, и сожалѣньемъ,
Замолкли палачи, и я ушелъ,
Чтобъ королю безжалостному здѣсь же
Все разсказать. Вотъ онъ идетъ ко мнѣ.

Входитъ король Ричардъ.

Тиррель.

Привѣтъ вамъ, мой высокій повелитель!

Король Ричардъ.

А, добрый Тиррель! Радостную вѣсть
Ты намъ принесъ?

Тиррель.

Когда вамъ радость дастъ
Свершенье мнѣ довѣреннаго дѣла,
То радуйтесь—все кончено!

Король Ричардъ.

Самъ видѣлъ
Ты ихъ тѣла?

Тиррель.

Самъ видѣлъ, государь.

Король Ричардъ.

И ты же схоронилъ ихъ, милый Тиррель?

Тиррель.

Ихъ тоуэрскій священникъ схоронилъ;
А гдѣ онъ схоронилъ ихъ—я не знаю.

Король Ричардъ.

Явись же, послѣ ужина, ко мнѣ
И разскажи въ подробности все дѣло;
А самъ пока сообрази о томъ,
Какой просить награды—я жъ исполню
Немедленно желаніе твое.
Прощай же!

Тиррель.

Вашъ слуга, мой государь. (*Уходитъ*).

Король Ричардъ.

Сынъ Кларенса сидитъ ужъ подъ замкомъ,
Дочь обвѣнчалъ я съ бѣднымъ дворяниномъ,
Дѣтей Эдварда спать отправилъ я
На лоно Авраама—и простилась
Со здѣшнимъ міромъ королева Анна.
Я знаю, Ричмондъ хочетъ въ жены взять
Дочь брата моего, Елизавету,
И тѣмъ союзомъ ближе къ трону стать.
Не допущу я этого—и самъ
Веселымъ женихомъ иду къ принцессѣ.

Быстро входитъ Кетсби.

Кетсби.

Мой государь!

Король Ричардъ.

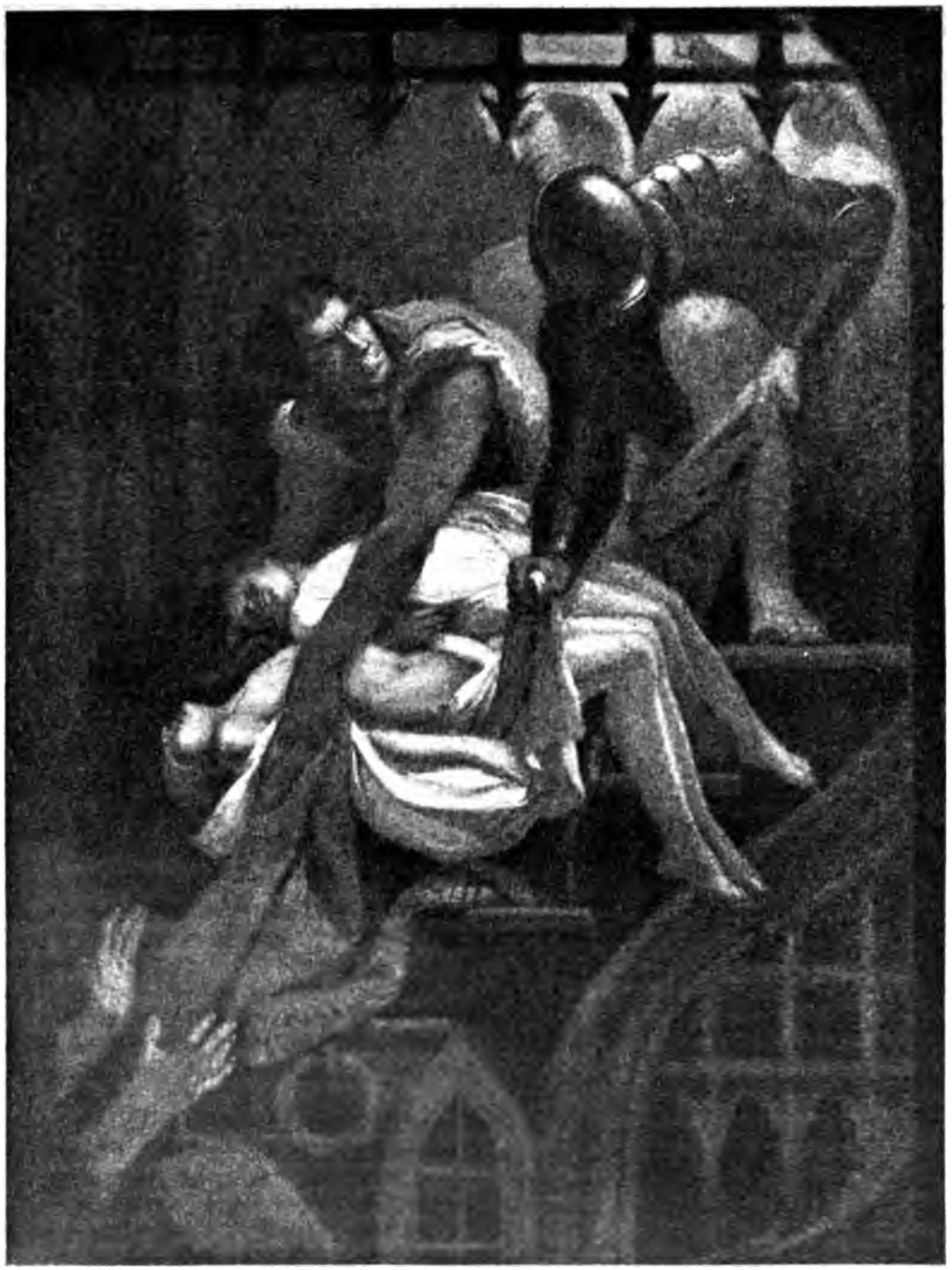
Съ худой иль съ доброй вѣстью
Вломился ты?

Кетсби.

Съ худою, государь.
Мортонъ бѣжалъ. Онъ съ Ричмондомъ. Въ Валлисѣ
Вооружился герцогъ Букингамъ
И выступилъ на васъ съ отборной ратью.

Король Ричардъ.

Мнѣ Ричмондъ съ Эли могутъ быть вреднѣй,
Чѣмъ Букингамъ со сволочью своею.
Впередъ! Не мнѣ робѣть и выжидать,
Не мнѣ служить медлительности вялой,
Что за собой безсиліе ведетъ
Съ походкою улитки и калѣки.
Я съ быстротою пламени лечу,
И пусть перунъ Меркуріемъ Зевеса,
Гонцовъ царя несется впереди!
Сбери войска. Мой щитъ—совѣтникъ мой.
Еще ли ждать? Насъ врагъ зоветъ на бой!
(*Уходитъ*).



КОРОЛЬ РИЧАРДЪ III (Дѣйствіе IV, сц. 3).

Картина Джемса Норкота (James Northcote, R. A.)
(Большая Бойделевская Галлерея).

СЦЕНА IV.

Тамъ же. Передъ дворцомъ.

Входитъ КОРОЛЕВА МАРГАРИТА.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА.

Уже дозрѣло счастіе враговъ
И въ смрадный зѣвъ погибели склонилось.
Я долго здѣсь скиталась, выжидая
Ихъ гибели—и дождалася я
Начала тяжкихъ золъ. Теперь пора мнѣ
Во Францію. Я знаю, что конецъ,
Какъ и начало, будетъ дикъ и страшенъ.
Сюда идутъ. Укройся, Маргарита
Несчастная!

Входятъ КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА *и* ГЕРЦОГИНЯ ІОРКСКАЯ.

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА.

О, принцы молодые,
Мои малютки нѣжные! Гдѣ вы,
Мои цвѣтки, увядшіе до срока?
Коль души ваши въ воздухѣ парятъ,
Еще не скрывшись въ вѣчное жилище—
Спуститесь внизъ ко мнѣ на легкихъ крыльяхъ
И матери своей услышьте плачъ.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА *(про себя)*.

Спуститеся и передайте ей,
Что не безъ права сгубленъ дряхлой ночью
Младенческій и утренній вашъ лучъ.

ГЕРЦОГИНЯ ІОРКСКАЯ.

Подъ грудой золъ разбился голосъ мой
И онѣмѣлъ языкъ мой утомленный.
Эдвардъ Плантагенетъ, зачѣмъ ты умеръ?

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА *(про себя)*.

Эдвардъ пошелъ въ уплату за Эдварда,
И смертію покрылся смертный долгъ
Плантагенета за Плантагенета.

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА.

За что, Господь, забылъ Ты агнцевъ нѣжныхъ
И волку въ пасть ихъ бросить попустилъ?
Иль спалъ Твой громъ при этомъ страшномъ дѣлѣ!

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА *(про себя)*.

Когда мой сынъ и мужъ мой умиралъ!

ГЕРЦОГИНЯ ІОРКСКАЯ.

Ты, жизни гибель, слѣпота очей,
Ходячій призракъ и жилище скорби,
Позоръ земли, могилой позабытый,
Итогъ и память долгихъ скорбныхъ дней—
Присядь съ тоской на англійской землѣ,
Землѣ родной, безбожно оскверненной
И неповинной кровью залитой!
(Садится на землю).

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА *(садясь подлѣ нея)*.

Когда жъ ты мнѣ, родимая земля,
Не отдыхъ дашь минутный, а могилу?
Не сѣсть хочу я на сырой землѣ,
А кости въ ней сложить свои навѣки.
Кто вправѣ плакать болѣе, чѣмъ мы?

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА.

Я старѣй васъ по горю, и должны вы
Признать за мной въ страданьяхъ старшинство.
(Садится на землю подлѣ нихъ).

Когда въ тоскѣ вести бесѣду можно,
Высказывайте мнѣ свои несчастья—
И я свои страданья разскажу.
Былъ у меня Эдвардъ, мой сынъ любимый—
И онъ погибъ отъ Ричарда руки;
Былъ у меня и мужъ—его убилъ
Безсовѣстный и кровожадный Ричардъ.
И твой Эдвардъ отъ Ричарда погибъ,
И Ричардъ твой былъ Ричардомъ погубленъ.

ГЕРЦОГИНЯ ІОРКСКАЯ.

И у меня былъ Ричардъ, Маргарита—
И ты сгубила бѣднаго; былъ Рютландъ—
И ты его зарѣзать помогла.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА.

И Ричардомъ твой Кларенсъ умерщвленъ!
Изъ нѣдръ твоей утробы выползъ въ міръ
Проклятый песъ, что всѣхъ насъ къ смерти гонитъ.
У пса того еще глаза смыкались,
А зубы ужъ росли, чтобы терзать
Ягнятъ и кроткой ихъ питаться кровью.
Тобой рожденъ, чтобъ насъ загнать въ могилы,
Созданій божьихъ мерзостный ругатель,
Тиранъ, какихъ не было на землѣ,
Мучитель, величающійся скорбью,
Рыданіемъ истерзанныхъ имъ душъ.
О, правосудный, праведный Господь,
Благодарю Тебя! Мнѣ сладко видѣть,
Какъ бѣшеный и гнусный этотъ песъ
Терзаетъ племя матери своей
И какъ она свой стонъ мѣшаетъ съ нашимъ!

ГЕРЦОГИНЯ ІОРКСКАЯ.

Ты, Генриха несчастная вдова,

Не веселись страданьями моими!
Богъ видитъ, что жалѣла я тебя!

Королева Маргарита.

Прости меня. Я мщеньемъ голодна
И только начала имъ насыщаться.
Погибъ Эдвардъ твой, моего Эдварда
Зарѣзавшій; а твой другой Эдвардъ
За моего Эдварда расплатился:
Твой Іоркъ-малютка мнѣ пошелъ въ придачу,
Затѣмъ что онъ и братъ его не стоятъ
Того, что въ сынѣ потеряла я.
Твой Кларенсъ, что Эдварда умертвилъ,
И всѣ свидѣтели кровавой драмы—
Грей, Воганъ, Риверсъ, и распутный Гэстингсъ,
Ужъ задохнулись въ сумрачныхъ могилахъ.
Лишь ада представитель живъ еще—
Твой Ричардъ живъ: онъ души покупаетъ,
Онъ въ адъ ихъ шлетъ. Но близится къ нему
Позорная, всѣмъ радостная гибель.
Земля разверзлась, демоны ревутъ,
Пылаетъ адъ, и молятъ силы Неба,
Чтобъ извергъ былъ скорѣй изъ міра взятъ.
Кончай скорѣе, праведный Господь!
О, сокруши его и жизнь продли мнѣ,
Чтобъ я могла сказать: „издохнулъ песъ!“

Королева Елизавета.

О, предсказала ты, что будетъ время,
Когда мы вмѣстѣ станемъ проклинать
Горбатую и мерзостную жабу,
Когда я попрошу твоихъ проклятій
Раздувшемуся злому пауку!

Королева Маргарита.

Тогда тебя поддѣльною царицей,
Моею блѣдной тѣнью я звала;
Былого счастья отблескомъ ничтожнымъ
И льстивымъ перечнемъ великихъ бѣдъ.
Ты вверхъ взнеслась и рухнулась въ пучину;
Дѣтей тебѣ на мигъ судьба дала;
Ты стала грезой прежняго величья,
Цвѣтнымъ значкомъ для цѣли смертныхъ стрѣлъ,
Воспоминаньемъ бывшаго почета,
Смѣшною театральной королевой
И пузыремъ на глади водяной.
Гдѣ твой супругъ? гдѣ сыновья твои?
Гдѣ братья? гдѣ твоя былая радость?
Кто льститъ тебѣ? кто, преклонивъ колѣна,
Передъ тобой кричитъ: „Пошли Господь
Счастливыхъ дней британской королевѣ!“
Гдѣ пэры, что склонились предъ тобою?
Гдѣ свита, что толпилась за тобой?
Забудь же это—на себя взгляни
И разсуди о настоящемъ часѣ!
Ты не супруга—горькая вдова.
Ты—плачущая мать дѣтей погибшихъ.
Не раздаешь ты милостей, а просишь;
Была ты королевой, но теперь
Рабыня ты, увѣнченная горемъ.
Меня когда-то презирала ты,
И что жъ?—тебя теперь я презираю;
Передъ тобой дрожали—ты дрожишь;
Повелѣвала ты—а кто теперь
Твоей повиноваться станетъ волѣ?
Перевернулось счастья колесо
И бросило тебя въ добычу горю
О прежнемъ и затмившемся почетѣ.
Ты мой престолъ взяла—бери жъ теперь
Заслуженную часть моихъ страданій;
Бери на плечи гордыя свои
Моей тяжелой ноши половину!
Пора мнѣ снять съ усталой головы
Жестокій грузъ и сдать тебѣ по праву.
Прощай, супруга Іорка! Королева
Скорбей и бѣдъ, прощай и ты! Пора
Во Францію укрыться, чтобы тамъ
Нарадоваться Англіи страданьямъ.

Королева Елизавета.

Не уходи. Сильна въ проклятьяхъ ты—
Учи жъ меня, какъ клясть моихъ злодѣевъ.

Королева Маргарита.

Не спи ночей и голодай по днямъ,
Припоминай живѣй былое счастье
И съ скорьбью новой сравнивай его,
Воображеньемъ прелесть умножай
Своихъ малютокъ, сгубленныхъ злодѣемъ,
А въ немъ—преувеличивай все злое.
Укрась твою потерю и—виновникъ
Потери той проклятью подпадетъ,
И сами прилетятъ къ тебѣ проклятья.

Королева Елизавета.

Въ словахъ тупа я: проклинай со мною.

Королева Маргарита.

Скорбями заострится рѣчь твоя
И станетъ пробивать однимъ ударомъ.
(*Уходитъ*).

Герцогиня Іоркская.

Нужна ли рѣчь обильная для скорби?

Королева Елизавета.

Слова—заступники страдальцевъ бѣдныхъ,
Безплотные наслѣдники веселья,
Убогіе глашатаи скорбей.

Пускай текутъ они—хотя безплодно.
Но съ ними сердцу легче.

Герцогиня Іоркская.

Если такъ,
То дай свободу слову—и пойдемъ,
Пойдемъ—задушимъ горькими рѣчами
Того, кто задушилъ твоихъ малютокъ,
Кого проклятымъ сыномъ я зову!

(Слышна музыка).

Чу, онъ идетъ! Готовь свои проклятья.

Входитъ король Ричардъ *со свитой и войскомъ.*

Король Ричардъ *(увидя двухъ женщинъ).*

Кто смѣетъ намъ дорогу заграждать?

Герцогиня Іоркская.

Я—что могла твой путь загородить
Къ убійству и злодѣйствамъ нечестивымъ,
Въ своей утробѣ задавивъ тебя.

Королева Елизавета.

Ты лобъ прикрылъ короной золотою,
Короны той владѣтеля сгубивъ.
Моихъ дѣтей и братьевъ умертвивши:
По всѣмъ правамъ, не царственный вѣнецъ—
Клеймо носить на лбу своемъ ты долженъ!
Гдѣ, рабъ презрѣнный, гдѣ мои малютки?

Герцогиня Іоркская.

Ты—жаба! Гдѣ твой братъ? гдѣ бѣдный
Кларенсъ?
Гдѣ Нэдъ Плантагенетъ, его дитя?

Королева Елизавета.

Гдѣ добрый Риверсъ, Воганъ, Грей?

Герцогиня Іоркская.

Гдѣ Гэстингсъ?

Король Ричардъ.

Трубите въ трубы! бейте барабаны,
Чтобъ не слыхало небо глупыхъ бабъ,
Шумящихъ на помазанника Божья!
Трубить сильнѣе! *(Трубы и барабаны).*
(Женщинамъ). А вы ведите рѣчь
Съ приличіемъ, иль въ громѣ трубъ военныхъ
Я ваши восклицанья потоплю.

Герцогиня Іоркская.

Ты сынъ ли мой?

Король Ричардъ.

Да, милостью Господней,
По милости отца, а также вашей.

Герцогиня Іоркская.

Такъ съ кротостью переноси мой гнѣвъ.

Король Ричардъ.

Вы, герцогиня, свой мнѣ дали нравъ,
И выносить упрековъ онъ не можетъ.

Герцогиня Іоркская.

О, дай сказать мнѣ все!

Король Ричардъ.

Пожалуй; только
Не стану слушать я.

Герцогиня Іоркская.

Мои слова
И ласковы, и тихи будутъ.

Король Ричардъ.

Также
И коротки—въ походъ я тороплюсь.

Герцогиня Іоркская.

Торопишься? А развѣ не ждала
Тебя я—знаетъ Богъ—въ тоскѣ и мукахъ?

Король Ричардъ.

И развѣ не исчезли муки тѣ
Съ моимъ рожденьемъ?

Герцогиня Іоркская.

Нѣтъ, крестомъ Господнимъ
Клянуся я, и самъ ты это знаешь;
Ты родился—и міръ мнѣ адомъ сталъ:
Въ страданьяхъ тяжкихъ я тебя родила;
Ты въ дѣтствѣ былъ и золъ, и своеволенъ,
Ты отрокомъ былъ дерзокъ и суровъ;
Горячую и бѣшеную юность
Ты пережилъ и, возмужавъ, явился
Коварнымъ, гордымъ, хитрымъ, кровожаднымъ,
Опаснымъ въ кротости и тихимъ въ злобѣ.
Ты можешь ли назвать хоть часъ одинъ,
Въ который ты отраду мнѣ доставилъ?

Король Ричардъ.

Ни одного—лишь можетъ быть, тотъ часъ,
Когда мы съ вами завтракали порознь.
А впрочемъ, если такъ я вамъ противенъ,
То, герцогиня, я пойду впередъ
И оскорблять васъ болѣе не стану.
Эй, барабаны!

Герцогиня Іоркская.

Выслушай меня!

Король Ричардъ.

Рѣчь ваша слишкомъ зла.

ДѢТИ ЭДУАРДА IV (Дѣйствіе IV, сц. 3).

Картина извѣстнаго нѣмецкаго художника Фердинанда Гильдебранда (Ferdinand Gildebrand. 1801—1871).

Герцогиня Іоркская.

Одно лишь слово
И больше не услышишь ты меня.

Король Ричардъ.

Ну!

Герцогиня Іоркская.

Или Богъ сразитъ тебя правдивый,
Не давъ тебѣ побѣды въ этой брани,
Иль я умру отъ дряхлости и горя,
Въ лицо тебѣ предъ смертью не взглянувъ.
Неси ль съ собой проклятіе мое,
И пусть оно въ разгарь тяжелой битвы
Обременитъ тебя сто разъ страшнѣе,
Чѣмъ тяжкій шлемъ и панцырь твой стальной!
Я за враговъ твоихъ молиться стану!
Малютки-души, дѣти короля,
Вдохнутъ твоимъ противникамъ отвагу,
Предскажутъ имъ побѣду и успѣхъ.
Ты кровь глоталъ и захлебнешься кровью,
Ты срамомъ жилъ и жизнь окончишь въ срамѣ.

(Уходитъ).

Королева Елизавета.

Хоть я должна страшнѣе клясть тебя,
Но духъ мой слабъ, и только въ силахъ я
Проговорить „аминь“ ея проклятьямъ.

Король Ричардъ.

Не уходи. Съ тобою надо мнѣ
Поговорить.

Королева Елизавета.

Я для ножа убійцы
Ужъ не имѣю царскихъ сыновей.

Мнѣ дочери остались—но онѣ
Монахинями набожными будутъ:
Имъ скорбнаго престола не видать,
А потому ихъ мнѣ оставитъ Ричардъ.

Король Ричардъ.
Имѣешь ты дитя—Елизавету;
Она мила, прекрасна и кротка,
Какъ слѣдуетъ дѣвицѣ царской крови.

Королева Елизавета.
За что жъ ее ты хочешь умертвить?
Оставь ей жизнь—я нравъ ея испорчу,
Я красоту ея обезображу,
Я объявлю, что измѣнила мужу,
Я дочь свою безчестіемъ прикрою:
Чтобъ отъ кровавыхъ рукъ ее спасти,
Я всѣмъ скажу, что не Эдвардъ отецъ ей.

Король Ричардъ.
За что жъ безчестить царственную кровь?

Королева Елизавета.
Чтобъ дочь спасти—я отрекусь отъ крови.

Король Ричардъ.
Высокій санъ спасетъ ее отъ бѣдъ.

Королева Елизавета.
Какъ спасъ тотъ санъ ея погибшихъ братьевъ!

Король Ричардъ.
Несчастная судьба ихъ погубила.

Королева Елизавета.
И тѣ, кому мѣшала жизнь младенцевъ.

Король Ричардъ.
Никто своей судьбы не избѣжитъ.

Королева Елизавета.
Когда судьба въ рукахъ злодѣйскихъ скрыта.
Иначе бъ дѣти умерли мои,
Когда бъ тебя Господь иначе создалъ.

Король Ричардъ.
Ты говоришь, какъ будто бъ я сгубилъ
Моихъ родныхъ племянниковъ.

Королева Елизавета.
А кто же?
По родственному отнялъ ты у нихъ
Родню, свободу, жизнь и королевство.
Не знаю, чья рука убила ихъ,
Но мысль твоя направила ту руку.
Я знаю, что убійцы ножъ тупой
На камнѣ сердца твоего наточенъ,
Чтобы вѣрнѣй зарѣзать агнцевъ бѣдныхъ.
Подъ ношей горя ослабѣла я:
Безъ этого—назвавъ моихъ малютокъ—
Ногтями бъ я впилась въ твои глаза,
Какъ якоремъ, и, на тебѣ повиснувъ,
Я бъ замерла, покуда бъ не разбилась
О каменную грудь твою, злодѣй,
Какъ лодка безъ снастей и парусовъ
Въ пучинѣ разбивается о скалы.

Король Ричардъ.
Пусть сгибнетъ цѣль похода моего
И весь успѣхъ моихъ кровавыхъ браней,
Когда тебѣ и дому твоему
Я не воздамъ добромъ за это горе.

Королева Елизавета.
Какое счастье подъ небеснымъ сводомъ
Еще скрываться можетъ для меня?

Король Ричардъ.
А возвышеніе твоихъ дѣтей,
Елизавета милая?

Королева Елизавета.
Куда жъ?
На эшафотъ? на плаху? къ смертной казни?

Король Ричардъ.
На высоту величья и блаженства
И на вершину почестей земныхъ.

Королева Елизавета.
Ласкай мою тоску пустою сказкой!
Какимъ величіемъ, какимъ почетомъ
Дѣтей моихъ ты можешь надѣлить?

Король Ричардъ.
Все, что мое и самаго себя,
Я дочери твоей отдамъ навѣки.
Спѣши же въ Лету горестной души
Скорѣе сбросить тягостную память
Моихъ воображаемыхъ обидъ!

Королева Елизавета.
Скорѣй же говори, не то—остынетъ
Вся кротость небывалая твоя.

Король Ричардъ.
Такъ знай же, что люблю я дочь твою
Отъ всей души.

Королева Елизавета.
Мать дочери моей
Отъ всей души то знаетъ.

Король Ричардъ.
Что же знаетъ?

Королева Елизавета.
Что дочь мою ты любишь всей душой.

Какъ всей душой ея любилъ ты братьевъ.
Я жъ всей душой тебя благодарю.

Король Ричардъ.
Ты смыслъ худой даешь словамъ моимъ.
Отъ всей души я дочь твою люблю,
И королевы санъ ей предлагаю.

Королева Елизавета.
Кто жъ будетъ королемъ ей и супругомъ?

Король Ричардъ.
Конечно, тотъ, кто дастъ ей царскій санъ.

Королева Елизавета.
Какъ! ты?

Король Ричардъ.
Конечно. Что же, королева,
На это скажешь ты?

Королева Елизавета.
Да чѣмъ же ты
Ея любовь добудешь?

Король Ричардъ.
Нравъ дѣвицы
Ты знаешь, и совѣтъ мнѣ добрый дашь.

Королева Елизавета.
И мой совѣтъ ты примешь?

Король Ричардъ.
Всей душою.

Королева Елизавета.
Пошли жъ, съ убійцей принцевъ молодыхъ,
Сестрѣ ихъ два окровавленныхъ сердца,
Не позабывши вырѣзать на каждомъ
Слова: „Эдвардъ“ и „Іоркъ“. Она, конечно,
Заплачетъ—и тогда подашь ты ей,
Какъ Маргарита твоему отцу
Когда-то, помнишь, подала платокъ,
Намоченный въ крови его ребенка,
Чтобъ отереть тѣ слезы, полотно,
Пурпурною намоченное кровью
Ея любимыхъ братьевъ. Если этимъ
Подаркомъ ты ее къ любви не склонишь,
То списокъ дай высокихъ дѣлъ твоихъ;
Похвастайся, что сгублены тобой
Ея родные дяди—Грей и Кларенсъ,
И разскажи, что ты, любя ее,
Покончилъ съ жизнью доброй тетки Анны.

Король Ричардъ.
Смѣешься ты: такимъ путемъ едва ли
Понравлюсь я.

Королева Елизавета.
Другого нѣтъ пути,
Когда не можешь ты переродиться
И Ричардомъ не быть, который эти
Злодѣйства совершилъ.

Король Ричардъ.
Ты ей скажи,
Что изъ любви къ ней совершилъ я ихъ.

Королева Елизавета.
О, да! возможно ль ей не раздѣлять
Твоей любви такой цѣной кровавой!

Король Ричардъ.
Что сдѣлано, того не воротить.
И люди ошибаются нерѣдко,
Чтобъ каяться въ своихъ дѣлахъ потомъ.
У сыновей твоихъ я отнялъ царство,
Но каюсь я—и дочери твоей
Вѣнецъ я предлагаю. Погубилъ я
Твоихъ дѣтей, но замѣню я ихъ
Моимъ и дочери твоей потомствомъ.
Коль матерью счастливой сладко быть,
То по любви не ниже имя бабки,
И дѣти тѣ же будутъ у тебя,
По крови тѣ же, хоть ступенью ниже,
Хоть ихъ рожденье не несло съ собою
Труда, болѣзни, цѣлой ночи стоновъ.
Ты въ юности страдала чрезъ дѣтей—
Въ моихъ дѣтяхъ ты отдохнешь подъ старость.
Ты схоронила сына-короля,
Но въ самомъ горѣ ты найдешь замѣну,
И королевой будетъ дочь твоя.
Потерянnаго я вернуть не въ силахъ—
Бери же то, что въ силахъ я отдать.
Въ тоскѣ и страхѣ бродитъ сынъ твой Дорсетъ
Бунтовщикомъ, на чуждой сторонѣ,
Но нашъ союзъ вернетъ его въ отчизну
Къ почету и высокимъ должностямъ.
Король, на тронъ вѣнчавшій дочь твою,
По-братски приметъ Дорсета, какъ брата,
И королевой-матерью ты будешь,
И всѣ обломки прежнихъ скорбныхъ дней
Въ двойномъ великолѣпіи воскреснутъ.
Да, свѣтлыхъ дней еще дождемся мы,
И капли слезъ, тобою пролитыя,
Въ жемчужинахъ Востока къ намъ вернутся,
А ихъ цѣна, за время скорбныхъ дней,
Возвысится десятикратнымъ счастьемъ.
Иди жъ отсюда къ дочери своей
И золотыхъ, младенческихъ годовъ
Застѣнчивость смягчи своимъ совѣтомъ.
Пусть къ нѣжной рѣчи слухъ она готовитъ!
Пусть въ нѣжномъ сердцѣ теплится у ней
Святая жажда сана золотого.
Раскрой передъ принцессою всю прелесть

Таинственныхъ, завѣтныхъ брачныхъ дней.
А я, сломивъ могучею рукой
Презрѣннаго безумца Букингама,
Вернусь съ вѣнцомъ побѣды на челѣ—
И дочь твою на царственное ложе,
Свои трофеи сдавъ ей, возведу
И Цезаремъ надъ Цезаремъ признаю,
Ее, царицу сердца моего!

Королева Елизавета.

Но что я ей скажу? Что братъ отца
Ея руки желаетъ—или дядя?
Или палачъ ея родныхъ и братьевъ?
Какое имя сочинить тебѣ,
Чтобъ честь моя, законъ и самъ Господь
Не помѣшали ей тебя услышать?

Король Ричардъ.

Скажи, что тѣмъ союзомъ прочный миръ
Дадимъ мы Англіи.

Королева Елизавета.

Борьбой и скорбью
Тотъ прочный миръ придется ей купить.

Король Ричардъ.

Скажи,—король и повелитель проситъ.

Королева Елизавета.

Но Царь царей согласья не даетъ.

Король Ричардъ.

Скажи, что санъ великій ждетъ ее.

Королева Елизавета.

Чтобъ, какъ и мнѣ, грустить о немъ и плакать.

Король Ричардъ.

Скажи, что я люблю ее навѣки.

Королева Елизавета.

Но долго ли продлятся тѣ вѣка?

Король Ричардъ.

Что я всю жизнь ее лелѣять стану.

Королева Елизавета.

Но долго ль ты на свѣтѣ жить ей дашь?

Король Ричардъ.

Какъ Небо и природа соизволятъ.

Королева Елизавета.

Покуда адъ и Ричардъ захотятъ!

Король Ричардъ.

Скажи, что я, король—ея слуга.

Королева Елизавета.

Гнушается она такимъ слугою.

Король Ричардъ.

Краснорѣчивѣй за меня проси.

Королева Елизавета.

Намѣреній благихъ не украшаютъ.

Король Ричардъ.

Такъ просто передай любовь мою.

Королева Елизавета.

Оно и просто, и безчестно будетъ.

Король Ричардъ.

Ты горяча, но мелокъ этотъ гнѣвъ.

Королева Елизавета.

Нѣтъ, корнями глубоко вросъ онъ въ землю,
Гдѣ спятъ мои малютки мертвымъ сномъ.

Король Ричардъ.

Не трогай струнъ тѣхъ и забудь, что было.

Королева Елизавета.

Нѣтъ, не могу, покуда струны сердца
Не порвались.

Король Ричардъ.

Клянусь святымъ Георгомъ,
Короной и подвязкою моей...

Королева Елизавета.

Ты осрамилъ Георга и подвязку,
Корону же—укралъ.

Король Ричардъ.

О, я клянусь!

Королева Елизавета.

Остановись: нѣтъ клятвы для тебя!
Святой угодникъ осрамленъ тобою!
Ты помрачилъ звѣзду подвязки славной
И блескъ короны кражей погубилъ!
Коль вѣры хочешь ты—клянися тѣмъ,
Чему ты не успѣлъ нанесть позора!

Король Ричардъ.

Клянуся свѣтомъ!

Королева Елизавета.

Ты его сквернишь.

Король Ричардъ.

Отца могилой!

Королева Елизавета.

Ты ее безчестишь.

Король Ричардъ.

Самимъ собой!

Королева Елизавета.

Въ тебѣ самомъ—позоръ.

Король Ричардъ.

Ну, Господомъ!

Королева Елизавета.

И Господа всѣхъ больше
Ты оскорбилъ. Когда бъ ты не дерзнулъ
Нарушить клятвы, данной передъ Богомъ,
Союзъ бы цвѣлъ, Эдвардомъ заключенный,
И отъ твоей руки не палъ твой братъ.
Когда бъ хранилъ ты данные обѣты,
То царственный металлъ короны царской,
Сверкающій на головѣ твоей,
Собою бъ красилъ нѣжное чело
Малютки моего—и оба принца,
Что въ пыль, къ червямъ, въ могилу кинулъ ты,
Клятвопреступникъ, жили бы на свѣтѣ.
Такъ чѣмъ же можешь клясться ты теперь?

Король Ричардъ.

Всей будущностью!

Королева Елизавета.

Будущность твоя
Осквернена позоромъ прошлой жизни.
Мнѣ первой—цѣлымъ моремъ горькихъ слезъ
Не смыть того, что сдѣлалъ ты со мною.
Земля полна несчастными дѣтьми
Родителей, тобою умерщвленныхъ,
И плачъ сиротъ пойдетъ на всю ихъ жизнь.
Родители дѣтей, тобой убитыхъ,
Какъ дряхлыя, безплодныя растенья,
Еще живутъ и вѣчно будутъ плакать.
Такъ не клянись же будущей порой—
Ты въ прошломъ осквернилъ ее до срока.

Король Ричардъ.

Во всемъ я каюсь. Это вѣрно такъ,
Какъ то, что я себѣ желаю счастья,
Что я ищу удачи въ бранномъ дѣлѣ.
Пусть погублю я самъ себя! Пускай
Господь лишитъ меня счастливыхъ дней!
Пусть свѣта день и ночь мнѣ сна не дастъ,
И звѣзды всѣ противъ меня возстанутъ,
Когда прекрасной дочери твоей
Я не люблю святой и чистой страстью,
Когда я ей не преданъ всей душой!
Въ ней все мое и все твое блаженство,
А безъ нея—тебѣ и ей, и мнѣ,
И родинѣ и многимъ честнымъ душамъ
Грозитъ бѣда, погибель, смерть и зло.
Одно спасенье всѣмъ—въ союзѣ нашемъ,
А безъ него—намъ всѣмъ спасенья нѣтъ.
Мать милая—такъ звать тебя я смѣю—
Спѣши же за любовь мою просить.
Не говори о томъ, чѣмъ прежде былъ я,
Но передай, чѣмъ быть желаю я;
Не вспоминай о томъ, чего я стою,
А помни то, чего я стоить буду.
Представь ей нужды края и забудь
Свой гнѣвъ для общей и великой пользы.

Королева Елизавета.

Какъ? я склонюсь на искушенья бѣса?

Король Ричардъ.

Конечно, если бѣсъ къ добру ведетъ.

Королева Елизавета.

И я себя забуду для него?

Король Ричардъ.

Забудь, когда ты этимъ зла избѣгнешь.

Королева Елизавета.

Но ты моихъ малютокъ погубилъ.

Король Ричардъ.

Я схороню ихъ въ дочери твоей
И на ея благоуханномъ лонѣ
Они родятся вновь тебѣ на радость.

Королева Елизавета.

Я дочь мою склоню любить тебя?

Король Ричардъ.

И матерью счастливою ты будешь.

Королева Елизавета.

Я къ ней иду. Скорѣй пиши ко мнѣ—
И вѣсть о ней ты отъ меня получишь.

Король Ричардъ.

Прощай—и этотъ нѣжный поцѣлуй
Ей передай. *(Цѣлуетъ ее; королева Елизавета уходитъ).* Насилу поддалась
Непостоянная, дрянная дура!

Входитъ Радклиффъ *и за нимъ* Кетсби.

Король Ричардъ.

Что новаго?

Радклиффъ.

Великій государь,
На морѣ показался флотъ могучій
У западнаго берега, куда
Бѣгутъ толпы сомнительныхъ друзей,

Не думая на бой вооружаться.
Всѣ думаютъ, что это прибылъ Ричмондъ
И что для высадки онъ ждетъ пока
Прихода ополченій Букингама.

Король Ричардъ.

Скорѣй гонца къ Норфольку. Поѣзжай
Ты, Радклиффъ, или Кетсби. Здѣсь онъ?

Кетсби.

Здѣсь,
Мой государь.

Король Ричардъ.

Такъ къ герцогу скачи.

Кетсби.

Не стану медлить я.

Король Ричардъ *(Радклиффу)*.

Ты въ Салисбери
Сейчасъ отправься—и, прибывъ туда...
(Кетсби).
Что жъ ты стоишь, безпечный негодяй!
Что къ герцогу не ѣдешь?

Кетсби.

Государь,
Что жъ герцогу сказать отъ васъ я долженъ?

Король Ричардъ.

Ты правъ, мой добрый Кетсби. Пусть скорѣй
Онъ соберетъ какъ можно больше войска
И въ Салисбери встрѣтитъ насъ.

Кетсби.

Я ѣду. *(Уходитъ)*.

Радклиффъ.

Что жъ дѣлать мнѣ, прибывши въ Салисбери?

Король Ричардъ.

Зачѣмъ тебѣ туда? Я самъ поѣду.

Радклиффъ.

Вы, государь, велѣли мнѣ скакать.

Входитъ Стэнли.

Король Ричардъ.

Раздумалъ я. Съ какою вѣстью, Стэнли?

Стэнли.

Хорошихъ нѣтъ вѣстей, мой государь,
Да тоже нѣтъ вѣстей совсѣмъ печальныхъ.

Король Ричардъ.

Что за загадки? Если ничего
Ни добраго, ни злого ты не знаешь,
Такъ не къ чему скакать по сторонамъ,
А лучше прямо передать намъ дѣло.
Какія жъ вѣсти?

Стэнли.

Ричмондъ вышелъ въ море.

Король Ричардъ.

Такъ пусть въ томъ морѣ ко дну онъ пойдетъ!
Трусъ и бѣглецъ! Зачѣмъ онъ въ море вышелъ?

Стэнли.

Не знаю я навѣрно, государь,
Но, кажется ..

Король Ричардъ.

Что кажется тебѣ?

Стэнли.

Что Букингамъ съ Дорсетомъ и Мортономъ
Его зовутъ на англійскій престолъ.

Король Ричардъ.

Иль тронъ мой пустъ и праздно царство наше?
Король погибъ? мечъ Англіи пропалъ?
Не я ль наслѣдникъ царственнаго Іорка—
И, стало-быть, Британіи король?
Скажи, зачѣмъ плыветъ сюда твой Ричмондъ?

Стэнли.

Мой государь, могу ль я это знать?

Король Ричардъ.

А, ты не можешь знать! А думать можешь
Что въ государи мѣтитъ онъ твои?
Я знаю, намъ ты измѣнить задумалъ
И передаться Ричмонду.

Стэнли.

Въ измѣнѣ
Меня напрасно государь винитъ.

Король Ричардъ.

Такъ гдѣ же войско, что бъ отбить врага?
Ты собралъ ли васалловъ и дружины?
Твои друзья бѣгутъ толпой на западъ,
Чтобъ съ кораблей принять бунтовщика!

Стэнли.

Мои друзья на сѣверѣ собрались.

Король Ричардъ.

Намъ холодно отъ сѣверныхъ друзей!
Зачѣмъ они на сѣверѣ, когда
На западѣ намъ надобны дружины.

Стэнли.

Имъ не дано приказа, государь.
Позвольте мнѣ сейчасъ скакать отсюда—
И я стяну войска и встрѣчу васъ,
Гдѣ вашему величеству угодно.

Король Ричардъ.

Да, да—ты прямо къ Ричмонду поскачешь.
Нѣтъ, я тебѣ не вѣрю.

Стэнли.

Государь,
Я повода не подалъ къ подозрѣньямъ:
Предателемъ я не былъ и не буду.

Король Ричардъ.

Скачи и собирай войска. Но, слушай:
Твой сынъ Георгъ останется при насъ.
Будь въ словѣ твердъ, когда желаешь ты,
Чтобъ твердо голова его держалась.

Стэнли.

Въ отвѣтѣ онъ за преданность мою.

Первый гонецъ *(входя)*.

Великій государь, изъ Девоншира
Я отъ людей надежныхъ вѣсть привезъ,
Что сэръ Эдвардъ Кортней и братъ его,
Экзетерскій епископъ горделивый,
Съ толпой друзей подняли знамя бунта.

Второй гонецъ *(входя)*.

Великій государь, вооружились
Гильфорды въ Кентѣ; каждый часъ приходятъ
Къ нимъ новыя толпы, и бунтъ растетъ.

Третій гонецъ *(входя)*.

Мой государь, дружины Букингама...

Король Ричардъ *(нанося ему ударъ)*.

Прочь, совы, съ вашей пѣснею зловѣщей!
Вотъ, вотъ тебѣ, впередъ, до лучшей вѣсти:

Третій гонецъ.

Я, государь, пришелъ къ вамъ съ вѣстью той,
Что непогодой и разливомъ рѣкъ
Разсѣяны дружины Букингама;
А самъ онъ, растерявъ свои войска,
Куда-то скрылся.

Король Ричардъ.

Ну, прости меня!
Вотъ кошелекъ: лечись имъ отъ ударовъ.
Ты не слыхалъ, назначена награда
Тому, кто намъ предателя представитъ?

Третій гонецъ.

Назначена, великій государь.

Четвертый гонецъ *(входя)*.

Мой государь, въ Іоркширѣ поднялись
Лордъ Дорсетъ съ сэромъ Томасомъ Ловелемъ;
Но радостнѣй другая вѣсть моя:
Флотъ Ричмонда разсѣянъ бурей. Самъ онъ
На берегъ выслалъ лодку въ Дорсетширъ
И спрашивалъ у войскъ на берегу:
Намѣрены ль они итти съ нимъ вмѣстѣ,
Но, получивъ отвѣтъ, что ихъ толпы
Пришли отъ Букингама, герцогъ Ричмондъ
Имъ не повѣрилъ, поднялъ паруса
И путь направилъ къ берегамъ Бретонскимъ.

Король Ричардъ.

Впередъ же всѣ! Готовы къ бою мы—
И если чужеземецъ-врагъ укрылся,
Такъ сокрушимъ своихъ бунтовщиковъ.

Входитъ Кетсби.

Кетсби.

Мой государь, захваченъ Букингамъ;
Но нечего скрывать и вѣсть худую:
Графъ Ричмондъ вышелъ къ намъ на берега;
Онъ въ Мильфордѣ съ могущественнымъ войскомъ.

Король Ричардъ.

Впередъ, впередъ! Скорѣй въ Салисбери!
Пока мы здѣсь болтаемъ, можно бъ было
По-царски пасть иль сокрушить врага.
Пусть кто-нибудь доставитъ Букингама
Къ намъ въ Салисбери; прочіе—за мной!

СЦЕНА V.

Комната въ домѣ лорда Стэнли.

Входятъ Стэнли *и* сэръ Юрсвикъ.

Стэнли.

Ты скажешь графу Ричмонду отъ насъ,
Что кровожадный вепрь въ своей берлогѣ
Порукой держитъ сына моего,
Георга Стэнли. Если я возстану,
То голова Георга съ плечъ слетитъ.
Вотъ почему я медлю въ общемъ дѣлѣ.
Скажи мнѣ, гдѣ теперь нашъ свѣтлый Ричмондъ?

Сэръ Юрсвикъ.

Близъ Пэмброка въ Валлиссѣ.

Ну, что жъ? Веди меня къ позорной плахѣ.
Пусть скорбь за скорбь и срамъ за срамъ
я встрѣчу!

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Поле близъ Тэмворта.

Входятъ съ барабанами, музыкой и знаменами: Ричмондъ, Оксфордъ, сэръ Джемсъ Блентъ, сэръ Вальтеръ Гербертъ *и другіе вельможи съ войскомъ.*

Ричмондъ.

Сподвижники и добрые друзья,
Измятые ярмомъ тирана злого!
Не встрѣтивши препятствій, стали мы
На самомъ сердцѣ родины любезной.
Отъ лорда Стэнли, моего отца,
Я получилъ хорошія извѣстья.
Ужъ недалекъ отъ насъ тотъ злой кабанъ,
Что рылъ сады и гадилъ земли ваши,
Пилъ вашу кровь и внутренности ваши
Клыками рвалъ изъ васъ. Проклятый звѣрь
Залегъ въ срединѣ острова. Отъ насъ
Одинъ лишь переходъ къ нему—на Лейстеръ.
Итакъ, товарищи, во имя Бога,
Смѣлѣй впередъ! Одинъ кровавый бой,
Одна лишь схватка на смерть—и предъ нами
Созрѣвшей жатвой ляжетъ вѣчный миръ.

Оксфордъ.

Во всякомъ сердцѣ тысячи мечей
На бой готовы съ извергомъ кровавымъ.

Гербертъ.

Его друзья передадутся намъ.

Блентъ.

Его друзья ему изъ страха служатъ,
И въ тяжкій часъ отстанутъ отъ него.

Ричмондъ.

Тѣмъ лучше намъ. Впередъ, во имя Бога!
Кто вѣритъ и надѣется, тотъ къ цѣли
На ласточкиныхъ крыльяхъ долетитъ.
Съ надеждой—рабъ сильнѣе короля,
А короли богамъ равны по силѣ. *(Уходятъ).*

СЦЕНА III.

Босвортская равнина.

Входятъ король Ричардъ *съ войскомъ,* герцогъ Норфолькъ, графъ Серри *и другіе.*

Король Ричардъ.

Разбить палатки—здѣсь, на этомъ полѣ!
Лордъ Серри, что такъ мрачно ты глядишь?

Серри.

Душа моя свѣтлѣе глазъ моихъ.

Король Ричардъ.

Гдѣ Норфолькъ?

Норфолькъ.

Здѣсь, великій государь.

Король Ричардъ.

Что, Норфолькъ, какъ ты думаешь, добрались
Мы до толчковъ?

Норфолькъ.

Мой добрый повелитель,
Пора давать и получать толчки.

Король Ричардъ.

Палатку мнѣ. Здѣсь мы переночуемъ...
А завтра гдѣ придется ночевать?
Ну, гдѣ-нибудь. *(Солдаты ставятъ королевскую палатку).* Сильны бунтовщики?

Норфолькъ.

Ихъ тысячъ шесть, быть можетъ, семь, не
больше.

Король Ричардъ.

Такъ, значитъ, мы его сильнѣе втрое;
Да имя короля—такая крѣпость,
Какой имъ не видать. Эй, вы, скорѣй
Кончать съ палаткой! Лорды, вы за мной
Идите—мы осмотримъ поле битвы,
Да пригласить сюда вождей надежныхъ.
Поторопитесь—нечего зѣвать:
Не праздный день для насъ наступитъ завтра.

(Уходятъ).

Входятъ съ другого конца поля: Ричмондъ, сэръ Вилльямъ Брандонъ, Оксфордъ *и другіе лорды партіи Ричмонда. Солдаты ставятъ палатку Ричмонда.*

Ричмондъ.

Все въ золотѣ. На отдыхъ солнце скрылось,
И яркій свѣтъ огнистой колесницы
Пророчитъ намъ на завтра свѣтлый день.
Сэръ Вилльямъ, ты штандартъ мой понесешь.
Подайте мнѣ бумаги и чернилъ!
Въ палаткѣ начерчу я планъ сраженья,

Знаменитый англійскій актеръ Гаррикъ (David Garrick, 1716—1779).
въ роли Ричарда III. (Дѣйствіе V, сц. 3).

Картина знаменитаго англійскаго живописца Гогарта (William Hogarth, 1697—1764).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Салисбери. Площадь.

Входитъ ШЕРИФЪ *со стражей, сопровождая на казнь* БУКИНГАМА.

БУКИНГАМЪ.

Не хочетъ говорить со мною Ричардъ?

ШЕРИФЪ.

Не хочетъ, добрый герцогъ. Покоритесь
Своей судьбѣ.

БУКИНГАМЪ.

Эдвардовы малютки,
Вы, Гэстингсъ, Риверсъ, праведный король
И сынъ его Эдвардъ, и Грей, и Воганъ,
Вы, беззаконно преданные смерти,
Коль съ гнѣвомъ ваши сумрачныя души
Глядятъ сюда съ небесной высоты,
Порадуйтесь моимъ послѣднимъ часомъ!
(Стражѣ). Скажите мнѣ, друзья, сегодня день
Поминовенья мертвыхъ?

ШЕРИФЪ.

Да, милордъ.

БУКИНГАМЪ.

И этотъ день мнѣ днемъ послѣднимъ будетъ!
Я въ этотъ день при королѣ Эдвардѣ
Звалъ на себя отмщеніе небесъ,
Коль измѣну его женѣ и дѣтямъ;
Я въ этотъ день звалъ гибель на себя
Отъ тѣхъ, кому всего сильнѣе вѣрилъ.
Такъ, такъ—насталъ день мертвыхъ, день отмщенья
Для ужасомъ исполненной души.
Всевидящій, которымъ я поклялся,
На голову грѣховную направилъ
Тяжелый гнетъ моихъ притворныхъ клятвъ
И ложь мою кровавой правдой сдѣлалъ.
Такъ направляетъ Онъ мечи злодѣевъ
На ихъ же грудь. Всей тяжестью легло
На плечи мнѣ проклятье Маргариты.
Она сказала: „вспомяни меня,
Когда тебѣ пробьетъ онъ сердце скорбью;
Скажи тогда; права ты, Маргарита!"

Стэнли *(Ричмонду)*.
На шлемъ къ тебѣ побѣду я зову!

Ричмондъ.
Мой славный отчимъ, я тебѣ желаю
Тѣхъ благъ, какія только можетъ дать
Ночь эта темная. Скажи же мнѣ,
Что мать моя? Здорова ли она?

Стэнли,
Здорова и тебя благословляетъ,
И за тебя молитвы къ Богу шлетъ.
Но къ дѣлу. Непримѣтно ночь летитъ:
Ужъ зарѣдѣлъ съ востока мутный сумракъ,
И некогда мнѣ тратить долгихъ словъ.
Когда займется утро, строй войска
И смѣло предоставь свою судьбу
На волю брани и ударовъ смертныхъ.
Я прямо не могу къ тебѣ примкнуть,
Но обману я время и на бой
Къ рѣшительной минутѣ подоспѣю.
Ты знаешь, что при первомъ смѣломъ шагѣ,
Въ моихъ глазахъ твой юный братъ Георгъ
Пойдетъ на казнь. Прощай! Съ тобою намъ
Опасно, да и некогда мѣняться
Той дружеской и ласковою рѣчью,
Что для друзей въ разлукѣ такъ мила.
Пусть Богъ намъ дастъ досугъ для нѣжныхъ словъ!
Прощай же! Не робѣй—и Богъ съ тобою!

Ричмондъ *(лордамъ)*.
Милорды, проводите лорда Стэнли
До войскъ его. Хоть я душой встревоженъ,
Но попытаюсь задремать слегка,
Чтобы на утро, вмѣсто крылъ побѣдныхъ,
Свинцовый сонъ меня не охватилъ.
Прощайте жъ, лорды! доброй ночи вамъ!
(Стэнли и лорды уходятъ).
Господь! Господь! Тебя боецъ Твой молитъ:
Ввгляни съ небесъ на воиновъ моихъ,
Вложи имъ въ руки тяжкій мечъ отмщенья
И пусть его ударъ неотразимый
Врагамъ надменнымъ шлемы сокрушитъ!
Карай своихъ злодѣевъ черезъ насъ
И дай намъ восхвалить свою побѣду!
Мой бодрый духъ Тебѣ вручаю я
И глазъ моихъ я окна опускаю.
И въ снѣ, и въ бдѣньи охрани меня!
(Засыпаетъ).

Тѣнь Эдуарда, *сына Генриха Шестого, поднимается между двумя палатками.*

Тѣнь Эдуарда *(королю Ричарду)*.
Тебѣ на душу тяжко ляжетъ завтра
Валлійскій принцъ, Эдвардъ Плантагенетъ.
Припомни, какъ на Тьюксберійскомъ полѣ,
Во цвѣтѣ лѣтъ, меня зарѣзалъ ты.
Умри жъ въ отчаяньи! Будь веселъ, Ричмондъ;
Убитыхъ принцевъ души—за тебя;
Сынъ Генриха пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ.

Поднимается тѣнь короля Генриха.

Тѣнь Генриха Шестого *(королю Ричарду)*.
Ты язвами смертельными, убійца,
Помазанника тѣло испятналъ.
Припомни Тоуэръ, смерть мою и, вспомнивъ,
Умри въ отчаяньи! Король твой Генрихъ
Тебѣ изрекъ отчаянье и смерть! *(Ричмонду)*.
Ты побѣдишь! Ты святъ и кротокъ духомъ.
Тотъ Гэрри, что тебѣ пророчилъ тронъ,
Тебя во снѣ привѣтствуетъ сегодня.

Поднимается тѣнь герцога Кларенса.

Тѣнь Кларенса *(королю Ричарду)*.
Тебѣ на душу тяжко ляжетъ завтра
Твой братъ родной, несчастный герцогъ Кларенсъ,
Твоимъ виномъ проклятымъ смытый съ міра,
Предательскій погубленный тобой.
Но завтра въ битвѣ обо мнѣ ты вспомнишь
И выронишь иступленный твой мечъ.
Умри жъ въ отчаяньи!
(Ричмонду). Потомки Іорка,
Безвинно умерщвленные, на Небо
За домъ Ланкастерскій молитвы шлютъ.
Пусть ангелы ведутъ тебя къ побѣдѣ!
Привѣтъ тебѣ—живи и счастливъ будь!

Поднимаются тѣни Риверса, Грея *и* Вогана.

Тѣнь Риверса *(Королю Ричарду)*.
Тебѣ на душу тяжко лягу завтра
Я, Риверсъ, обезглавленный тобой.
Умри жъ въ отчаяньи!

Тѣнь Грея *(королю Ричарду)*
Припомни Грея
И возмутись отчаяньемъ въ душѣ!

Тѣнь Вогана *(королю Ричарду)*.
Умри въ отчаяньи! Припомни въ битвѣ
Ты Вогана и въ страхѣ брось копье!

Всѣ три тѣни *(Ричмонду)*.
Проснись—твой врагъ убитъ обидой нашей,
Проснись—и въ бой! Побѣда ждетъ тебя.

Поднимается тѣнь Гэстингса.

Тѣнь Гэстингса *(королю Ричарду)*.
Въ крови и злѣ ты жилъ—и въ злѣ проснешься

Знаменитый актеръ Кембль (Iochn Philipp Kemble, 1757—1823).

Картина неизвѣстнаго современнаго художника.

И на кровавомъ полѣ кончишь дни.
Я Гэстингсъ—и тебѣ пророчу я
Отчаянье и смерть!

(Ричмонду). Проснись, проснися,
Святая, безмятежная душа,
На бой за Англію—и жди побѣды!

Поднимаются тѣни двухъ малолѣтнихъ принцевъ, *дѣтей короля Эдварда.*

Тѣни *(Королю Ричарду).*

Не забывай во снѣ родныхъ малютокъ,
Что въ Тоуэрѣ ты задушить велѣлъ.
Тебѣ на грудь свинцомъ мы ляжемъ, Ричардъ,
И къ гибели и къ сраму увлечемъ.
Бѣду тебѣ пророчатъ дѣти брата:
Умри въ отчаяньи! *(Ричмонду).* Спокойно спи
И радостно проснися, честный Ричмондъ!
Тебя отъ вепря ангелы хранятъ.
Живи и царствуй въ царственномъ потомствѣ!
Эдварда дѣти шлютъ тебѣ привѣтъ!

Поднимается тѣнь королевы Анны.

Тѣнь королевы Анны *(Королю Ричарду).*

Жена твоя тревожитъ сонъ твой, Ричардъ—
Та Анна бѣдная, что близъ тебя
Минутъ покойныхъ и во снѣ не знала.
Но завтра, въ битвѣ, обо мнѣ ты вспомнишь
И выронишь изступленный свой мечъ.
Умри жъ въ отчаяньи!

(Ричмонду). Ты непороченъ,
Ты можешь спать и грезить о побѣдѣ!
Жена врага молилась за тебя.

Поднимается тѣнь Букингама.

Тѣнь Букингама *(королю Ричарду).*

Я первымъ добывалъ тебѣ корону
И палъ послѣдней жертвою твоей.
О, завтра въ битвѣ вспомни Букингама
И задохнись отъ ужаса злодѣй!
Пусть смерть и кровь тебя тревожатъ въ грезахъ!
Изнемогай и сгибни отъ тоски! *(Ричмонду).*
Погибъ я, не приспѣвъ къ тебѣ на помощь;
Но не робѣй и сердцемъ укрѣпись!
Съ тобой въ бою Господь и силы Неба—
И Ричардъ съ высоты своей падетъ!

(Тѣни исчезаютъ; король Ричардъ просыпается и вскакиваетъ съ постели).

Король Ричардъ.

Смѣнить коня! Перевяжите раны!
Умилосердись, Іисусе! Тссъ!
Все это сонъ. Ты, совѣсть, жалкій трусъ,
Мучитель мой! Гдѣ я? Глухая полночь;
Огонь блеститъ какимъ-то синимъ свѣтомъ.
Дрожу я; все въ холодныхъ капляхъ тѣло.
Мнѣ страшно. Но чего жъ? Я здѣсь одинъ,
Я Ричарда люблю и Ричардъ—другъ мнѣ;
Я—тотъ же я. Здѣсь нѣтъ убійцы. Нѣтъ,
Здѣсь есть убійца. Да, убійца—я!
Бѣжать мнѣ? Отъ кого же? отъ себя?
И отъ чего бѣжать? отъ мщенья, что ли?
Ктожъ будетъ мстить? Я—самому себѣ?
Но я люблю себя. За что жъ люблю?
Иль я себѣ добро какое сдѣлалъ?
О, нѣтъ! себѣ скорѣй я лютый врагъ
За мерзкія дѣла и преступленья.
Я извергъ. Нѣтъ, я лгу—не извергъ я.
Дуракъ, не льсти! Дуракъ, себя ты хвалишь!
Сто языковъ у совѣсти моей,
И каждый мнѣ твердитъ по сотнѣ сказокъ,
И въ каждой сказкѣ извергомъ зоветъ.
Я клятвамъ измѣнялъ и—страшнымъ клятвамъ;
Я убивалъ—и страшно убивалъ я;
Толпы грѣховъ—и гибельныхъ грѣховъ—
Сошлись передъ оградою судебной,
И всѣ кричатъ: „онъ грѣшенъ, грѣшенъ, грѣшенъ!“
Отчаянье грызетъ меня. Никто
Изъ всѣхъ людей любить меня не можетъ.
Умру я—кто заплачетъ обо мнѣ?
Меня ль жалѣть имъ, ежели я самъ
Себя жалѣть не въ силахъ и не вправѣ?
Мнѣ грезилось, что души мертвецовъ,
Убитыхъ мной, сошлись въ мою палатку
И каждый мнѣ грозилъ и звалъ на завтра
Отмщеніе на голову мою.

Входитъ Радклиффъ.

Радклиффъ.

Мой государь!

Король Ричардъ.

Кто тамъ?

Радклиффъ.

Я, Ричардъ Радклиффъ.
Два раза ужъ въ деревнѣ пѣтухи
Привѣтствовали утро раннимъ крикомъ.
Всѣ наши встали и взялись за латы.

Король Ричардъ.

О, Радклиффъ, страшный сонъ приснился мнѣ!
Что скажешь ты? Надежно ль наше войско?

Радклиффъ.

Надежно, государь.

Король Ричардъ.
Боюсь, боюсь я...

Радклиффъ.
Мой государь, да кто жъ боится снова?

Король Ричардъ.
Святымъ клянусь я Павломъ, въ эту ночь
Душа моя отъ сновъ смутилась больше,
Чѣмъ отъ отряда въ десять тысячъ войска
Въ оружіи и съ Ричмондомъ дряннымъ!
Еще не разсвѣло. Пойдемъ со мною,
Подслушаемъ, что въ войскѣ говорятъ
И нетаится ль гдѣ какой измѣны. *(Уходятъ).*

Ричмондъ *просыпается. Входятъ* Оксфордъ *и другіе вельможи.*

Лорды.
Привѣтъ тебѣ и съ добрымъ утромъ, Ричмондъ!

Ричмондъ.
Прошу прощенья, бдительные лорды!
Вы разбудили соннаго лѣнивца.

Лорды.
Какъ спали вы, милордъ?

Ричмондъ.
Сладчайшій сонъ
И самыя блистательныя грезы,
Когда-нибудь плѣнявшія сонливцевъ,
Съ уходомъ вашимъ пали мнѣ на долю.
Всѣ души, что злой Ричардъ погубилъ,
Казалось мнѣ, слетѣлися въ палатку
И мнѣ кричали: „не робѣй! побѣда!"
Клянусь вамъ, сердцу весело припомнить
Такой отрадный сонъ. А что, милорды,
Который часъ?

Лорды.
Сейчасъ пробьетъ четыре.

Ричмондъ.
Пора вооружиться—и за дѣло!
Друзья мои, я къ вамъ ужъ рѣчь держалъ,
И больше говорить теперь не время.
Вы помните: самъ Богъ за дѣло наше!
Предстательство угодниковъ честныхъ,
Молитвы душъ, загубленныхъ безвинно,
Стоятъ за насъ, какъ грозная стѣна;
Изъ всѣхъ, кто противъ насъ, одинъ лишь Ричардъ
Побѣды свѣтлой не желаетъ намъ.
Кто вождь враговъ? Сограждане мои,
Ихъ вождь—тиранъ, мучитель и убійца:
Онъ кровью добылъ царственную власть,
Путемъ кровавымъ до вѣнца дошелъ
И растерзалъ сообщниковъ злодѣйства;
Презрѣнный камень дерзко засіялъ
Въ оправѣ пышной трона золотого—
И Божій врагъ взошелъ на тронъ британскій.
Идите жъ на Господняго врага,
И Богъ пошлетъ своимъ бойцамъ надежду!
Сломите кровожаднаго тирана—
И сладокъ будетъ сонъ спокойный вашъ!
На бой съ врагами родины своей—
И родина заслуги ваши вспомнитъ!
На бой, за честь и счастье вашихъ жонъ—
И жоны ваши радостно васъ встрѣтятъ!
На бой, за вашихъ юныхъ сыновей—
И внуки васъ ласкать подъ старость будутъ!
Итакъ, за Бога и права людей,
Впередъ знамена, на-голо мечи!
Холоднымъ трупомъ на землѣ сырой
Готовъ я лечь—цѣной попытки смѣлой;
Но ежели побѣда ждетъ меня,
Я воиновъ послѣднихъ не забуду.
Гремите трубы радостно и смѣло!
Святой Георгъ и Богъ за наше дѣло!
(Уходятъ).

Входятъ король Ричардъ, Радклиффъ, *свита короля и войско.*

Король Ричардъ.
Такъ что же говоритъ Нортомберлэндъ?

Радклиффъ.
Что Ричмондъ ничего въ войнѣ не смыслитъ.

Король Ричардъ.
Онъ правду говоритъ. А Серри что же?

Радклиффъ.
Съ улыбкой отвѣчалъ: „тѣмъ лучше намъ!"

Король Ричардъ.
И это правда: такъ оно и есть. *(Бьютъ часы).*
Что, сколько било? Дай мнѣ календарь.
Кто видѣлъ солнце?

Радклиффъ.
Я его не видѣлъ.

Король Ричардъ.
Оно не свѣтитъ что-то—а по книгѣ
Ужъ солнце на востокѣ цѣлый часъ.
Знать, черный день кому-нибудь придется!
Эй, Радклиффъ!

Радклиффъ.
Государь?

Король Ричардъ.
Не видно солнца,
И небо грозно хмурится надъ войскомъ.

Долой бы эту росу, что покрыла
Слезами землю! Солнце не встаетъ...
Что жъ мнѣ до солнца? Если надо мною
Грозой нависло небо, то оно же
Не веселѣй на Ричмонда глядитъ.

Входитъ Норфолькъ.

Норфолькъ.

Къ оружію, великій государь!
Враги ужъ въ полѣ.

Король Ричардъ.

Стройтесь, бейте сборъ!
Взнуздать коня да съѣздить къ лорду Стэнли,
Чтобъ онъ сейчасъ къ намъ велъ свои войска.
Я на поле самъ выведу дружины—
И вотъ приказъ мой, какъ итти на бой:
И конные, и пѣшіе полки
Передовыхъ отрядовъ станутъ рядомъ;
На серединѣ развернуть стрѣлковъ.
Джонъ, герцогъ Норфолькъ и лордъ Томасъ Серри
Съ пѣхотою и конницей пойдутъ.
За ними самъ я двинусь съ главной силой,
Самъ въ бой введу крылатые полки
Отборной конницы—и пусть тогда
Святой Георгъ за насъ! Что скажешь, Норфолькъ?

Норфолькъ *(подавая записку)*.

Приказъ хорошъ, могучій государь;
Но вотъ что нынче я нашелъ въ палаткѣ.

Король Ричардъ *(читаетъ)*.

„Ты боекъ, Джакъ Норфолькъ, но помни одно:
Твой баринъ ужъ купленъ и проданъ давно!“
Придумана врагами штука эта.
Ну, джентельмены, станьте по мѣстамъ.
Отъ грезъ и вздоровъ не смущайтесь духомъ;
Про совѣсть трусы говорятъ одни,
Пытаясь тѣмъ пугать людей могучихъ.
Пусть наша совѣсть—будутъ наши руки,
А нашъ законъ—мечи и копья наши!
Сомкнитесь же—и грянемъ на врага!
Не на небо, такъ въ адъ войдемъ мы рядомъ.
Что жъ вамъ еще предъ битвою сказать?
Припомните, съ кѣмъ вы на бой идете—
Со стадомъ мерзкихъ плутовъ и бродягъ,
Съ бретонскимъ соромъ, жалкими рабами,
Что край, людьми набитый, изрыгнулъ
На гибель и безумные набѣги.
Вашъ тихій сонъ встревожили они;
У васъ есть земли—имъ земель тѣхъ надо;
Красивыхъ жонъ послала вамъ судьба—
И вашихъ жонъ пришли они безчестить.
И кто жъ ведетъ ихъ? Тотъ молокососъ,
Что матерью былъ выкормленъ моею,
Мальчишка, что бѣду и холодъ зналъ,
Лишь въ башмакахъ таскаяся по снѣгу.
Сметемъ же въ море пакостныхъ бродягъ,
Отхлещемъ же оборванцевъ французскихъ,
Голодныхъ и отчаянныхъ рабовъ,
Презрѣнныхъ крысъ, которыхъ вся надежда
На грабежи, которымъ безъ войны
Отъ нищеты повѣситься пришлось бы
Когда ужъ намъ быть битымъ суждено,
Такъ пусть же бьютъ насъ люди, а не гниль,
Не выродки бретонскіе, которыхъ
На ихъ землѣ отцы и предки наши
Топтали, колотили и затѣмъ
Дѣтей стыда имъ бросили на память.
Имъ нашихъ жонъ? имъ нашихъ дочерей?
Имъ—наши земли? Чу! ихъ барабаны!
На бой, дворяне Англіи! на бой,
Британіи лихіе поселяне!
Стрѣлки, впередъ—и бейте прямо въ сердце!
Ломайте копья, небесамъ на страхъ!
Пришпорьте гордыхъ коней боевыхъ,
Сильнѣй, сильнѣй и вскачь по лужамъ крови!

Входитъ гонецъ.

Король Ричардъ.

Ну, что же Стэнли? Гдѣ его войска?

Гонецъ.

Мой государь, итти онъ отказался.

Король Ричардъ.

Георгу Стэнли голову долой!

Норфолькъ.

Враги уже болото перешли.
Окончивъ бой, его казнить успѣемъ.

Король Ричардъ.

Въ груди забилась тысяча сердецъ.
Впередъ знамена! Прямо на врага!
Святой Георгъ! Пусть древній бранный крикъ
Вдохнетъ въ насъ ярость огненныхъ драконовъ!
Спустилася побѣда намъ на шлемы!
Впередъ—и на врага! *(Уходитъ)*.

СЦЕНА IV.

Другая часть поля.

Шумъ сраженія. Входятъ Норфолькъ *съ войскомъ; къ нему на встрѣчу* Кетсби.

Кетсби.

На помощь, герцогъ Норфолькъ, выручай!
Король творитъ въ бою за чудомъ чудо:
Какъ бѣшеный, въ опасность лѣзетъ онъ.

ЗНАМЕНИТЫЙ АНГЛІЙСКІЙ АКТЕРЪ КЭМЕЛЬ въ роли Ричарда III (V дѣйств., сц. 3).

Картина извѣстнаго художника XVIII в.

Подъ нимъ коня убили: безъ коня
Онъ рубится и въ глотку самой смерти
Кидается, чтобъ Ричмонда сыскать.
На выручку, милордъ, иль все пропало.

Шумъ сраженія. Вбѣгаетъ КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Коня! коня! Престолъ мой за коня!

КЕТСБИ.

Вамъ конь готовъ—спасайтесь, государь!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Прочь, рабъ! Я жизнь мою на карту ставлю,
И я дождусь, чѣмъ кончится игра!
Шесть Ричмондовъ должно быть вышло въ поле:
Я пятерыхъ убилъ, а не его!
Коня, коня! Престолъ мой за коня! *(Уходятъ).*

Битва продолжается. Бѣгство королевской арміи. Входятъ КОРОЛЬ РИЧАРДЪ *и* РИЧМОНДЪ *и уходятъ, сражаясь. Звуки трубъ. Наконецъ входятъ:* РИЧМОНДЪ, СТЭНЛИ *съ короной и другіе лорды съ войскомъ.*

РИЧМОНДЪ.

Хвала Творцу, товарищи мои!
Хвала Творцу и нашей силѣ бранной!
За нами день! Издохнулъ лютый песъ!

СТЭНЛИ.

Хвала тебѣ отъ насъ, безстрашный Ричмондъ!
Ты намъ себя достойно показалъ.
Прими жъ вѣнецъ, похищенный злодѣемъ!
Съ его чела кроваваго онъ снятъ,
И на челѣ твоемъ опять заблещетъ,
Тебѣ на радость и на славу всѣмъ!

РИЧМОНДЪ.

И пусть Господь *аминь* намъ съ неба скажетъ!
Но живъ ли молодой твой сынъ, Георгъ?

СТЭНЛИ.

Живъ, государь. Онъ въ Лейстерѣ, куда мы
Идемъ сегодня, если ты велишь.

РИЧМОНДЪ.

Кто изъ вельможъ погибъ сегодня въ битвѣ?

СТЭНЛИ.

Лордъ Вальтеръ Феррерсъ, герцогъ Джонъ Норфолькъ,
Сэръ Робертъ Брекенбери и сэръ Брандонъ.

РИЧМОНДЪ.

Съ почетомъ должнымъ ихъ похоронить;
Помилованье объявить врагамъ,
Которые съ покорностью къ намъ придутъ;
А тамъ, свершивши царственный обрядъ,
Мы бѣлую и розовую розы
Соединеньемъ вѣчнымъ примиримъ,
И небо, что мрачилось ихъ борьбой,
На тотъ союзъ отрадный улыбнется.
Измѣнникъ лишь „аминь“ не скажетъ намъ!
Терзалъ себя въ безуміи нашъ край,
Съ слѣпою злобой братъ боролся съ братомъ,
Отецъ родной разилъ родного сына—
И сынъ отца въ сраженьи убивалъ.
Ланкастеръ съ Іоркомъ бѣшено сражались.
И въ родинѣ отъ нихъ росла вражда.
Теперь же Ричмондъ и Елизавета,
Наслѣдники двухъ царственныхъ домовъ,
Во имя Бога, пусть соединятся,
И пусть ихъ дѣти, коль велитъ Господь,
Дадутъ годамъ грядущимъ миръ смиренный,
Обилье благъ земныхъ и дни веселья!
Сложи жъ, о Боже, мечъ измѣны злой,
Чтобъ онъ не могъ вернуть къ намъ дней кровавыхъ,
Чтобъ Англіи несчастной не пришлось
Опять точить кровавыхъ слезъ потоки!
Не допусти, чтобъ врагъ нашъ заклятой
Въ родной землѣ попралъ нашъ миръ святой!
Зажили раны, сгибнулъ общій врагъ,
И скажетъ намъ Господь: „Да будетъ такъ!“

(Уходятъ).

А. Дружининъ.

Заглавная виньетка В. А. Табурина (площадь св. Марка въ Венеціи).

ПЛОЩАДЬ СВ. МАРКА въ XV в.

Картина знаменитаго венеціанскаго живописца Джентиле Беллини (Gentile Bellini, 1427—1507).

ВЕНЕЦІАНСКІЙ КУПЕЦЪ.

Драма „Венеціанскій купецъ" впервые была напечатана въ 1600 году, подъ заглавіемъ: „The excellent history of the merchant of Venice, with the extreme cruelty of Schylock the Jew towards the saide merchant in cutting pound of his flesch. And the obtaining of Portia by the chouse of three caskets. Written by W. Shakespeare. Printed by J. Roberts 1600." (Превосходная исторія о венеціанскомъ купцѣ, съ описаніемъ ужасной жестокости жида Шейлока, хотѣвшаго вырѣзать помянутому купцу фунтъ мяса. При этомъ разсказъ о полученіи руки Порціи помощью одного изъ трехъ ящиковъ. Сочинено В. Шекспиромъ. Напечатано Робертсомъ въ 1600 г.). Второе изданіе того же года (Гейса) почти ничѣмъ не отличается отъ перваго. Затѣмъ пьеса не переиздавалась до 1623 года (изд. in F0). Пьеса была написана нѣсколько раньше—около 1598 и, можетъ быть, даже 1594 г. Въ рѣчахъ Порціи критики видятъ манеру стиля, установившуюся у Шекспира въ началѣ девяностыхъ годовъ.

„Венеціанскій купецъ" справедливо считается однимъ изъ лучшихъ произведеній Шекспира и примыкаетъ къ той категоріи его пьесъ, которыя, несмотря на внимательнѣйшее изученіе, представляютъ собою весьма много невыясненнаго и спорнаго, хотя самый текстъ не заключаетъ ничего неяснаго или непонятнаго. Критика не успѣла даже придти къ соглашенію, считать ли Шейлока трагическимъ или комическимъ лицомъ?

Для мыслящаго читателя „Венеціанскій купецъ" представляетъ много матеріала для размышленія; историкъ литературы найдетъ въ пьесѣ много интересныхъ спеціальныхъ проблемъ; юристъ можетъ сдѣлать пьесу темой интереснаго и поучительнаго трактата; актеръ въ исполненіи роли Шейлока найдетъ много для себя благодарнаго и много труднаго. Но особенно интересна, какъ намъ кажется, драма „Венеціанскій купецъ" въ двухъ отношеніяхъ: 1) Здѣсь проявляется весьма наглядно способъ использованія Шекспиромъ литературныхъ источниковъ для своихъ цѣлей. 2) Великій поэтъ ставитъ проблему первостепенной важности и даетъ разрѣшеніе единственно возможное, хотя неожиданное и съ извѣстной точки зрѣнія несправедливое.

Въ противоположность свободному и своеобразному отношенію къ источникамъ въ такихъ пьесахъ, какъ „Гамлетъ", „Буря",

„Тимонъ Аѳинскій", „Король Лиръ" и др., Шекспиръ въ „Венеціанскомъ купцѣ" очень близко держится фабулы разсказовъ, легшихъ въ основаніе этой пьесы, и не сдѣлалъ почти никакихъ измѣненій въ фактическомъ содержаніи двухъ новеллъ, легшихъ въ основаніе фабулы драмы. Первая новелла или, точнѣе, новеллистическій мотивъ,— о заимодавцѣ, требовавшемъ отъ должника уплаты по векселю фунта мяса, и о рѣшеніи судьи по этому вопросу въ связи съ сватовствомъ за богатую и умную красавицу; второй мотивъ—о выборѣ одного изъ трехъ ящиковъ претендентами на руку красавицы.

Ядро легенды о своеобразномъ долговомъ договорѣ въ связи съ сватовствомъ за неуступчивую красавицу древнѣйшаго, едва ли не индійскаго происхожденія. Въ Европѣ его обработалъ нѣкій монахъ Iehan de Haute-Selve въ своемъ романѣ „Долопатосъ или Семь мудрецовъ Рима". Французскій трубадуръ XIII в. Herbers переложилъ „Долопатосъ" въ стихи и въ его обработкѣ четвертый изъ „Семи мудрецовъ Рима" разсказываетъ слѣдующее:

Одна богатая и красивая дѣвушка, наслѣдница большого состоянія, знавшая тайны волшебства, предлагала всѣмъ своимъ женихамъ такое испытаніе: она обѣщала свою руку тому, кто сумѣетъ обнять ее, находясь на ложѣ рядомъ съ нею,—въ противномъ случаѣ искатель долженъ уплатить штрафъ въ 1000 марокъ и убраться во свояси. Многіе пытали счастья, но безуспѣшно, такъ какъ подъ подушку красавица клала волшебное перо, наводящее сонъ. Одинъ рыцарь, знатный, но обѣднѣвшій, потерпѣвъ въ первый разъ неудачу, рѣшилъ вновь попытать счастья, но не могъ достать необходимой суммы денегъ. Одинъ изъ его вассаловъ, богатый человѣкъ, которому рыцарь когда-то отрубилъ ногу, предложилъ ему нужную сумму денегъ, но при этомъ поставилъ условіе, что если долгъ не будетъ уплаченъ въ срокъ, то онъ имѣетъ право вырѣзать изъ тѣла своего должника кусокъ мяса. Рыцарь успѣлъ побѣдить волшебство и женился на красавицѣ, но, упоенный счастьемъ, забылъ о срокѣ договора. Кредиторъ, мстившій за старыя обиды, настаивалъ на буквальномъ исполненіи договора, и король призналъ за нимъ это право. Тогда жена должника перерядилась въ судью и изрекла приговоръ, по которому кредиторъ могъ вырѣзать только такого вѣса кусокъ, который былъ выговоренъ въ договорѣ, — въ противномъ случаѣ онъ долженъ быть казненъ. Угроза подѣйствовала.

Канва этого разсказа перешла въ знаменитый средневѣковый сборникъ новеллъ „Gesta Romanorum" (Римскія Дѣянія) и ихъ нѣмецкія переработки. Существовалъ также англійскій разсказъ XIV ст., по которому безжалостнымъ заимодавцемъ является старшій изъ двухъ братьевъ, а должникомъ— младшій. Судебное рѣшеніе произноситъ царскій сынъ, угрожающій кредитору смертью за пролитіе хотя капли крови.

На основаніи „Gesta Romanorum" одинъ изъ подражателей Боккаччіо, итальянскій новеллистъ Джіованни Фіорентино, составилъ въ своемъ сборникѣ „Il Pecorone", относящемся къ 1378 г., аналогичный разсказъ. Здѣсь впервые въ роли кредитора выступаетъ еврей. Содержаніе этой новеллы состоитъ въ слѣдующемъ:

Воспитанникъ богатаго венеціанскаго купца Ансальдо, Джіанетто, предпринимаетъ изъ любознательности путешествіе на Востокъ и на пути останавливается въ одной гавани, чтобы посѣтить прекрасную повелительницу этой мѣстности, молодую вдову, которая обѣщаетъ свою руку и страну тому, кто сумѣетъ овладѣть ею въ первую брачную ночь; въ противномъ случаѣ соискатель долженъ рисковать всѣмъ состояніемъ. Джіанетто, вкушавшій дважды, ложась въ постель, снотворнаго напитка, все-таки рѣшается попытать счастья въ третій разъ. Ансальдо, его опекунъ, вынужденъ, чтобы снарядить своего пріемнаго сына, прибѣгнуть къ займу у еврея изъ Местре (городокъ возлѣ Венеціи). Послѣдній требуетъ въ случаѣ несвоевременности взноса денегъ фунтъ мяса должника. Предупрежденный служанкой госпожи Бельмонте, Джіанетто избѣгаетъ на этотъ разъ снотворнаго напитка, становится счастливымъ супругомъ и забываетъ о срокѣ уплаты долга Ансальдо. Такимъ образомъ послѣдній подвергается опасности смерти, а еврей радуется предстоящему убійству, чтобы имѣть возможность похвастать, что заставилъ умереть самаго богатаго христіанскаго купца. Однако, Джіанетто все же вспоминаетъ о срокѣ платежа и все разсказываетъ своей женѣ. Послѣдняя переряжается въ мужское платье и на судѣ успѣваетъ отстоять рѣшеніе, по которому еврей долженъ лишиться жизни, если вырѣжетъ больше или меньше, чѣмъ ему полагается по условію.

Повѣсть Фіорентино несомнѣнно была извѣстна Шекспиру, и она составляетъ

главный источникъ фабулы пьесы, даже родина Порціи зовется въ „Венеціанскомъ купцѣ“ Бельмонтъ.

Разсказы, близкіе по содержанію вышеизложенному, были распространены въ различныхъ варіантахъ, то въ формѣ стихотворныхъ, не лишенныхъ трагическаго интереса балладахъ въ родѣ „Гернутъ, еврей изъ Венеціи“, то въ формѣ шутливыхъ до фривольности „Пѣсенъ мейстерзингера“. Въ Лондонѣ, около 1579 г., была поставлена пьеса „Еврей“, изображающая „кровожадность ростовщиковъ“ *).

Въ новеллѣ Фіорентино, послужившей главнымъ источникомъ пьесы Шекспира, автора, болтливаго и словоохотливаго, интересуютъ лишь приключенія, болѣе или менѣе хорошо задуманныя. Ни юридическихъ, ни философскихъ вопросовъ онъ не поднимаетъ и не разрѣшаетъ. Если онъ первый ввелъ въ старую легенду еврея, то тоже не съ тѣмъ, чтобы поднять вопросъ о національномъ и религіозномъ фанатизмѣ, а поддаваясь общему теченію времени. Во второй половинѣ XIV вѣка, послѣ страшной „Черной Смерти“, унесшей десятки милліоновъ людей, отношеніе къ евреямъ чрезвычайно обострилось. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, обезумѣвшій народъ искалъ „виновниковъ“ ужаснаго мора и они были найдены въ лицѣ евреевъ, яко-бы отравлявшихъ колодцы. Десятки тысячъ невинныхъ жертвъ были убиты, и имя еврея стало олицетвореніемъ ненависти къ христіанству и мщенія. Неудивительно, что и Фіорентино, ни мало не задумавшись, превратилъ кровожаднаго и мстительнаго кредитора въ еврея, хотя въ первоначальныхъ источникахъ на это нѣтъ никакихъ указаній.

Благодаря полному отсутствію въ источникѣ, давшемъ сюжетъ драмы, какого бы то ни было идейнаго освѣщенія, при чтеніи пьесы Шекспира является поэтому чрезвычайно интереснымъ опредѣленіе, что новаго отразилось въ его міровоззрѣніи, сравнительно съ точкой зрѣнія на сюжетъ его предшественниковъ? Но къ разрѣшенію этого вопроса мы подойдемъ, когда коснемся Шейлока, какъ типа. Обращаемся теперь ко второму мотиву — испытанію посредствомъ выбора одного изъ трехъ ларцовъ.

Параллелизмъ двухъ фабулъ—пріемъ, къ которому Шекспиръ прибѣгаетъ неоднократно. Особенно ярко оттѣненъ онъ въ „Королѣ Лирѣ“. Въ „Венеціанскомъ купцѣ“, вмѣсто циничнаго и вульгарнаго испытанія жениховъ итальянской новеллы, предлагается высокохудожественный пріемъ—выборъ одного изъ трехъ ларцовъ, снабженныхъ остроумными надписями. Шекспиръ могъ заимствовать канву разсказа изъ „Gesta Romanorum“, гдѣ испытаніе пріурочено къ принцессѣ и играетъ притомъ второстепенную роль. Ему могла быть извѣстна и новелла Боккаччіо о рыцарѣ Руджіери, съ ея своеобразнымъ испытаніемъ счастья и удачи и новой фаталистически-философской точкой зрѣнія, проводимой авторомъ „Декамерона“, не безъ вліянія восточнаго буддизма (ср. разсказъ о браминѣ Лабгадатта *). Шекспиръ выдвинулъ на первый планъ, подобно Боккаччіо, мотивъ испытанія, но отказался отъ фаталистической точки зрѣнія, выдвинувъ, наоборотъ, мотивъ личнаго совершенства и умственнаго превосходства и развивъ, такимъ образомъ, едва замѣченную точку зрѣнія „Gesta Romanorum“. У Боккаччіо рыцарь, жалующійся на немилость короля, долженъ убѣдиться, что король здѣсь ни причемъ, а виновна лишь его судьба (какъ Лабгадатта въ буддійской легендѣ). У Шекспира первые два искателя руки Порціи оказываются мало развитыми въ умственномъ отношеніи и нравственно незрѣлыми; имъ недостаетъ истинной скромности, какъ результата работы мысли и умственнаго опыта; лишь третій искатель и избранникъ Порціи оказывается достаточно зрѣлымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Шекспиръ превосходно мотивируетъ аргументацію каждаго изъ искателей.

Въ общемъ Шекспиръ безцвѣтную и сухую схему новеллъ развилъ, и что особенно важно, очеловѣчилъ и индивидуализировалъ. И фатализмъ и случай отошли на задній планъ; ихъ мѣсто занялъ починъ свободной человѣческой воли.

Но если относительно литературныхъ источниковъ пьесы не можетъ быть разногласій, то пониманіе идеи ея является чрезвычайно спорнымъ и даетъ поводъ къ разнообразнымъ требованіямъ. Чтобы не возвращаться къ источникамъ, отмѣтимъ еще, что часто приводимая въ соотношеніе къ „Венеціанскому купцу“ трагедія Марло „Мальтійскій жидъ“ лишь въ слабой степени могла повліять на Шекспира: ни въ

*) Полный обзоръ см. у Simrock'a «Die Quellen des Shakespeare». Т. I, изд. 1872 года и отчасти у Гретца «Shylock in der Sage, im Drama und in der Geschichte» (2-ое изд. 1899).

*) Подробности см. въ сочиненіи А. Н. Веселовскаго «Боккаччіо, его среда и сверстники», т. I.

фабулѣ, ни въ характерахъ главныхъ лицъ мы не находимъ ни сколько-нибудь яркаго сходства, ни точекъ соприкосновенія, если не считать, что и Варавва и Шейлокъ—евреи и фанатики *).

Переходимъ къ вопросу объ основной идеѣ пьесы, что въ свою очередь, сведется къ опредѣленію, какъ слѣдуетъ относиться къ Шейлоку и его образу дѣйствій. По этому вопросу критика далеко еще не сказала своего послѣдняго слова.

Пьяцетта и соборъ св. Марка въ гравюрѣ Джа-комо Франко (1610)

„Венеціанскій купецъ"—едва-ли не единственная пьеса (если не считать „Гамлета") Шекспира, въ которой критики старались подмѣтить тенденціозность и подчеркнуть идею, нерѣдко забывая, что мы имѣемъ дѣло съ объективнѣйшимъ художникомъ и совершенно зрѣлымъ его произведеніемъ. Правда, Шекспиръ, какъ сынъ своего времени и своей націи, могъ быть пристрастнымъ: достаточно вспомнить изображеніе имъ Орлеанской Дѣвы. Но въ этомъ и аналогичныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ пародіей и карикатурой, чего ни въ коемъ случаѣ нельзя сказать о Шейлокѣ, характеръ котораго, при всей непривлекательности нравственной стороны, преисполненъ силы, своеобразной художественной красоты и цѣльности. Пушкинъ такъ формулируетъ свою характеристику Шейлока: „У Шекспира Шейлокъ скупъ, сметливъ, мстителенъ, чадолюбивъ, остроуменъ". Въ этой лаконической характеристикѣ всѣ основные черты характера Шейлока, никакъ не вяжущіяся съ простой пародіей и карикатурою. Мы склонны думать, что великій драматургъ менѣе всего хотѣлъ казнить еврея, какъ такового, ростовщика—какъ такового, а скорѣе мстительность Шейлока казалась ему отвратительной и роковой. Но съ этимъ вопросомъ намъ придется встрѣтиться еще разъ.

Много спорили лучшіе критики Шекспира, комическая или трагическая личность передъ нами въ Шейлокѣ? Шлегель оставляетъ этотъ вопросъ неразрѣшеннымъ. Готшаль видитъ въ Шейлокѣ отвратительнаго шута, созданнаго Шекспиромъ въ угоду райку. Рюмелинъ склоняется къ тому, что комическій элементъ у Шейлока преобладаетъ. Геблеръ находитъ, что съ Шейлокомъ судьба обошлась мягко, что онъ заслуживалъ болѣе тяжелаго наказанія. Гервинусъ считаетъ Шейлока нравственнымъ уродомъ, превратившимся благодаря стеченью обстоятельствъ въ мученика.

Еще бо́льшее разнообразіе существуетъ въ критикѣ относительно толкованія основной идеи пьесы. Эти толкованія принадлежатъ не только литературнымъ критикамъ, но и юристамъ.

До появленія прекраснаго трактата извѣстнаго юриста Колера, господствовало мнѣніе Ульрици, доказывавшаго, что въ „Венеціанскомъ купцѣ" проводится и наглядно доказывается тезисъ—summum jus—summa injuria. Рётшеръ, подробно развивая положенія Ульрици, доказываетъ, что въ пьесѣ формальное и отвлеченное право противополагается внутреннему и нормальному правовому порядку. Ретшеръ видитъ въ „Венеціанскомъ купцѣ" повсюду символизмъ; золото, напр., является символомъ видимой матеріальной силы. Крейсигъ высказывается, что подводить подъ одно общее положеніе смыслъ драмы Шекспира нѣтъ никакой возможности.

Большинство юристовъ занимались „Венеціанскимъ купцомъ", главнымъ образомъ, съ формально-юридической стороны, констатируя при этомъ знакомство Шекспира съ законодательствомъ и точность юридическихъ терминовъ, у него встрѣчающихся. Лишь въ новѣйшее время были сдѣланы попытки извлечь изъ произведенія Шекспира истины, имѣющія отношеніе къ исторіи права. Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ знаменитымъ юристомъ Іерингомъ. Въ своемъ сочиненіи „Борьба за право" Іерингъ замѣчаетъ: „Условіе само по себѣ было недѣйствительно, такъ какъ содержаніе его было безнравственно; такъ долженъ былъ гласить приговоръ суда. Но если „мудрый

*) См. въ примѣчаніяхъ къ настоящему тому изложеніе содержанія «Мальтійскаго жида». *Ред.*

Даніилъ" призналъ вексель дѣйствительнымъ, то съ его стороны было такимъ же крючкотворствомъ, послѣ признанія за Шейлокомъ права вырѣзать у Антоніо фунтъ мяса, запретить связанное съ этимъ пролитіе крови". Іерингъ изъ всего процесса выводитъ заключеніе, что пораженіе понесъ въ сущности не Шейлокъ, а законъ Венеціи, тенденціозно ставшій на сторону христіанина противъ безправнаго еврея.

Полемизируя съ Іерингомъ, другой извѣстный юристъ нашего времени Колеръ посвятилъ спеціальный трактатъ Шейлоку*). Сочиненіе Колера представляетъ, на нашъ взглядъ, наиболѣе обоснованную попытку разобраться въ правовой сторонѣ „Венеціанскаго купца" и своими заключительными выводами удовлетворяетъ въ равной степени и юриста и историка литературы. Колеръ, анализируя договоръ Шейлока и Антонія, находитъ этотъ договоръ вполнѣ согласнымъ съ тѣми правовыми взглядами, которые господствовали въ теченіе ряда столѣтій на сущность отношеній между кредиторомъ и должникомъ. Нѣсколько десятковъ страницъ посвящено у Колера разбору различныхъ законоположеній о долговыхъ обязательствахъ. Процессъ измѣненія правовыхъ отношеній въ этомъ вопросѣ совершался весьма медленно. Эволюція въ этой области должна была, по вѣрному замѣчанію Колера, повести за собою и эволюцію въ этическихъ воззрѣніяхъ, за которой слѣдовала самостоятельная органическая переработка этическаго матеріала въ составныя части правового организма. „Этотъ процессъ совершается не по приказанію извнѣ, а дѣйствіемъ духовныхъ силъ, управляющихъ исторіей человѣчества".

И вотъ новое правовое сознаніе, по Колеру, проникло въ пьесу Шекспира и повліяло на рѣшеніе „мудраго Даніила". „Его время дошло уже до инстинктивнаго сознанія, что Шейлоковское условіе не должно быть приведено въ исполненіе, но соотвѣтствующее идейное выраженіе этого сознанія еще не было найдено. Это могучее душевное движеніе еще не было разложено на свои идейные элементы и не находило опоры въ твердыхъ посылкахъ".

По Колеру, „мудрый Даніилъ" произнесъ хорошій приговоръ, но плохо обосновалъ его. Съ точки зрѣнія формальной юриспруденціи Шейлоку должны быть предоставлены всѣ средства для реализаціи договора: „Рѣшеніе мудраго и справедливаго Даніила находится въ противорѣчіи съ этимъ принципомъ: ибо ясно, что кому разрѣшено вырѣзать мясо, тому разрѣшено и проливать кровь, если эта операція не можетъ быть совершена безъ пролитія крови". Кредиторъ вправѣ ограничиться частью слѣдуемаго ему; „даже небольшое превышеніе вѣса ему не можетъ быть поставлено въ вину, такъ какъ всѣ человѣческія операціи могутъ быть выполнены только съ приблизительной точностью". Колеръ основательно доказываетъ, что аргументъ Порціи противъ Шейлока „обращаетъ право въ тѣнь и не лучше всякаго правонарушенія".

Намъ кажется, что Колеръ могъ-бы подсказать Даніилу—Порціи рѣшеніе, которое бы соотвѣтствовало требованіямъ истиннаго правосудія; но все же критическая сторона его трактата обставлена превосходно. По нашему убѣжденію, Шейлокъ гибнетъ лишь потому, что свое право, какъ таковое, онъ дѣлаетъ орудіемъ личной мести и преслѣдованія. Въ его требованіяхъ судья не можетъ не видѣть низкаго озлобленія. Нравственное чувство судьи возмущается; онъ явно переходитъ на сторону Антоніо и произноситъ пристрастное рѣшеніе, вступивъ такимъ образомъ въ борьбу съ одной изъ тяжущихся сторонъ, т.-е. изъ судьи сдѣлавшись стороной. Все произошло оттого, что Шейлокъ неумѣренно натягивалъ свой лукъ мщенія: Arcus nimis intensus frangitur!

Теперь переходимъ къ вопросу, интересовавшему критику не менѣе правовой стороны драмы: именно къ вопросу о томъ, что заставило великаго драматурга оставить въ роли безжалостнаго и мстительнаго ростовщика еврея? Часть изслѣдователей приглашаетъ насъ взглянуть въ современныя Шекспиру общественныя отношенія, познакомиться съ ролью евреевъ въ Англіи въ царствованіе Елизаветы, такъ какъ основные источники повѣсти о безжалостномъ кредиторѣ, какъ намъ уже извѣстно, либо ничего не говорятъ о его національности, либо не занимаются этимъ сколько нибудь подробно.

Для освѣщенія этого вопроса много сдѣлано историкомъ еврейства Гретцомъ. Въ своей замѣчательной, хотя тенденціозной и чрезмѣрно полемической работѣ (Shylock in der Geschichte, im Drama und der Sage"), переводъ которой имѣется на русскомъ

*) Трактатъ Колера переведенъ на русскій языкъ въ «Юридической Библ. Я. А. Канторовича № 5. — «Шекспиръ съ точки зрѣнія права». (Шейлокъ и Гамлетъ). Спб. 1895.

ВЕНЕЦІАНСКАЯ ПЬЯЦЕТТА ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ (зданія и колонны не измѣнились съ XIV—XVI вв.).

языкѣ *), Гретцъ присоединяется къ англійскому критику Ли, напечатавшему въ 1880 г. изслѣдованіе, разъясняющее роль Шейлока въ драмѣ Шекспира.

Работа Ли кажется Гретцу убѣдительной и неопровержимой. Ли указалъ, что въ царствованіе Елисаветы процессъ одного еврея, обвиняемаго въ государственной измѣнѣ, обратилъ вниманіе публики на забытыхъ ею евреевъ (они были изгнаны изъ Англіи въ XIV вѣкѣ), и что въ этомъ процессѣ противникомъ еврея является, какъ въ „Венеціанскомъ купцѣ", высокопоставленный христіанинъ, по имени Антоній. Въ царствованіе Елисаветы въ Англіи появляются тайные евреи—выходцы изъ Испаніи, гонимые Филиппомъ, которымъ англійское правительство покровительствовало, пользуясь часто ихъ услугами въ качествѣ шпіоновъ, вывѣдывая при ихъ посредствѣ про то, что происходило въ ненавистномъ имъ королевствѣ Филиппа II.

Изъ поселившихся въ Лондонѣ тайныхъ евреевъ („новохристіанъ", „марановъ") особенною извѣстностью пользовался врачъ Родриго Лопесъ. Ему покровительствовалъ фаворитъ Елисаветы Лейстеръ, и, благодаря ему и другимъ приближеннымъ королевы, Лопесъ былъ сдѣланъ придворнымъ лейбъ-медикомъ. Многіе соотечественники Лопеса получили при его посредствѣ англійскіе паспорты. Особенную популярность Лопесъ пріобрѣлъ въ Англіи съ 1588 г., когда онъ сблизился и даже подружился съ Антоніо Пересомъ, претендентомъ на португальскій престолъ, покровительствуемымъ англійскимъ правительствомъ. Лопесъ сдѣлался переводчикомъ Антоніо, его посвящали въ дипломатическія тайны Испаніи и Португаліи. Однако, дружба между Антоніо и Лопесомъ оказалась непрочной. Желая отвязаться отъ своего совѣтника, Антоніо неоднократно унижалъ стараго врача. Послѣ разрыва послѣдняго съ лордомъ Эссексомъ, желавшимъ навязать Лопесу роль шпіона, отношенія Антоніо къ нему стали еще болѣе натянутыми, а Эссексъ при первомъ удобномъ случаѣ жестоко отомстилъ Лопесу, настоявъ на привлеченіи его къ суду по об-

*) «Восходъ», 1881 г, V.

виненію въ государственной измѣнѣ. Судъ призналъ врача виновнымъ, несмотря на недостаточность уликъ, и Лопесъ, виновность котораго королева долго колебалась признать, былъ наконецъ казненъ въ 1594 г.

По мнѣнію Ли, процессъ Лопеса, вызвавшій во всей Англіи негодованіе противъ евреевъ, заставилъ Шекспира (и двухъ его предшественниковъ-драматурговъ) придать своеобразную окраску своей пьесѣ „Венеціанскій купецъ", поставленной на сценѣ вскорѣ послѣ казни Лопеса. Ли обращаетъ вниманіе на имя Антоніо, котораго нѣтъ въ источникахъ Шекспира и которое, по его мнѣнію, указываетъ на аналогію съ Антоніо Пересомъ, сдѣлавшимся врагомъ Лопеса. Подтвержденіе этому предположенію Ли видитъ въ нѣкоторыхъ другихъ чертахъ пьесы. Роль Антоніо въ пьесѣ Шекспира станетъ, по мнѣнію Ли, понятной лишь тогда, когда мы будемъ имѣть въ виду историческаго Антоніо.

Аргументація Ли, указавшаго на нѣкоторыя любопытныя стороны быта евреевъ въ царствованіе Елисаветы, дала поводъ Гретцу прямо обвинять Шекспира въ нетерпимости къ евреямъ и пристрастномъ воспроизведеніи въ „Венеціанскомъ купцѣ" Лопеса, возбудившаго своею недоказанною измѣною ненависть англичанъ. Въ этомъ же обвиняютъ названные изслѣдователи и Марло, несмотря на то, что Марло сочинилъ своего „Мальтійскаго жида" гораздо раньше процесса Лопеса.

Ни въ какомъ, однако, случаѣ не можетъ считаться доказаннымъ фигурированіе Лопеса передъ судомъ въ качествѣ еврея. Всѣ документы считаютъ его христіаниномъ („ново-христіаниномъ", „марраномъ") и даже вопросъ о тайномъ исповѣданіи іудейства нигдѣ не ставится.

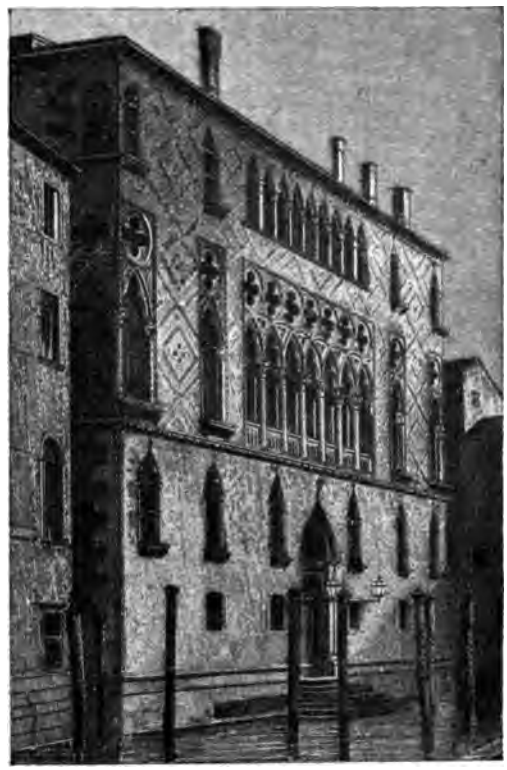
Во всякомъ случаѣ попытка Гретца и Ли доказать, что „Венеціанскій купецъ" былъ сочиненъ Шекспиромъ подъ вліяніемъ свѣжихъ событій процесса Лопеса, имѣетъ совершенно внѣшній интересъ, не говоря уже о томъ, что точная дата пьесы не можетъ считаться установленной. Ничего общаго между Лопесомъ и Шейлокомъ въ сущности нѣтъ. Лопесъ былъ государственный человѣкъ, весьма свѣтскій; врачъ по профессіи, человѣкъ съ вѣсомъ и высшимъ общественнымъ положеніемъ. Его обвиняли въ заговорѣ, направленномъ противъ королевы, въ заговорѣ чисто политическаго характера; о его ненависти къ христіанамъ, мести за униженія—не могло быть и рѣчи. Что же касается до случайныхъ сближеній нѣкоторыхъ чертъ характера Лопеса и Шейлока, то эти сближенія такого рода, что могутъ быть отнесены къ любому индивидууму.

Мы подойдемъ гораздо ближе къ истинному пониманію типа Шейлока, если будемъ помнить, что, несмотря на нѣкоторыя свои субъективныя симпатіи, Шекспиръ является въ своихъ произведеніяхъ объективнѣйшимъ художникомъ. Область каррикатуры на личности или націи была совершенно чужда Шекспиру. Его персонажи типичны, за немногими исключеніями, и представляютъ собою художественныя обобщенія, результаты тонкаго и высокаго творчества поэта, всегда органически вытекающіе изъ тѣхъ психологическихъ задачъ, которыя ставилъ себѣ великій знатокъ человѣческаго сердца. Если онъ выбираетъ для героевъ своихъ пьесъ не своихъ соотечественниковъ, а представителей другихъ націй, то лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда ему казалось, что извѣстная народность, въ лицѣ типичныхъ ея представителей, обладаетъ такими исключительными качествами, которыя лишь въ слабой степени присущи другимъ народностямъ. Блестящимъ примѣромъ можетъ служить личность Отелло. Шекспиръ вывелъ на сцену мавра (или негра) не потому только, что литературные источники подсказали ему эту мысль, а въ виду того, что столь слѣпая, безумная ревность, какъ у Отелло, почти недоступна европейскимъ націямъ, равно какъ и связанныя съ этимъ чувствомъ у Отелло голубиная довѣрчивость, отличающая представителей еще нетронутыхъ дурными сторонами цивилизаціи народовъ. Подобнымъ же образомъ мы не въ состояніи представить себѣ Яго иначе, какъ итальянцемъ эпохи Возрожденія, выработавшей этотъ тонкій и преступный типъ интригана.

Обращаясь къ Шейлоку, мы должны принять во вниманіе два соображенія: 1) Для художественнаго образа безжалостнаго кредитора, задуманнаго Шекспиромъ, представитель современнаго драматургу еврейства долженъ былъ показаться наиболѣе подходящимъ. 2) Безпристрастное отношеніе къ Шейлоку должно убѣдить насъ, что въ этой фигурѣ свѣтъ и тѣни распредѣлены поэтомъ равномѣрно и что Шейлокъ не хуже среды, его окружающей по нравственнымъ качествамъ, а умомъ, остроуміемъ и чистотою семейныхъ нравовъ

онъ значительно превосходитъ христіанскую среду.

Лишенное всякихъ человѣческихъ правъ, еврейство среднихъ вѣковъ и эпохи Возрожденія могло быть извѣстно христіанину только съ худшей своей стороны. За исключеніемъ Польши, гдѣ евреямъ жилось сравнительно лучше, отъ крайняго сѣвера Европы и вплоть до Алжира, евреи, представляя собою какъ-бы зачумленную касту, были въ большей или меньшей степени лишены даже возможности принять участіе въ общегражданской жизни страны и развернуть лучшія стороны своего нравственнаго существа. Въ силу необходимости все вниманіе еврея сосредоточивалось на торговлѣ и связанныхъ съ нею предпріятіяхъ, а всю свою силу и значеніе евреи черпали изъ сознанія своей матеріальной самостоятельности, которая обезпечивала имъ относительную гражданскую свободу и давала средства для борьбы съ суровыми законоположеніями, противъ нихъ направленными.



ВЕНЕЦІАНСКОЕ ПАЛАЦЦО XV вѣка.
(Palazzo Giovanelli).

Такая легко объясняемая въ положеніи средневѣковаго еврея погоня за наживой, сосредотеченіе въ его рукахъ денежныхъ средствъ, въ связи съ религіознымъ фанатизмомъ, возбуждали и поддерживали среди христіанъ ненависть, которая сплошь да рядомъ принимала дикія, стихійныя формы. Понятно, что и евреи не могли питать иного характера чувствъ къ христіанамъ и держались изолированно и враждебно. Эти обоюдныя отношенія значительно ухудшались тѣмъ, что евреи не отказывались отъ операцій, особенно преслѣдуемыхъ средневѣковымъ законодательствомъ; первое мѣсто въ этой категоріи занимала ссуда денегъ подъ высокіе проценты.

Было время, когда законодательство какъ европейскихъ, такъ и восточныхъ народовъ чрезвычайно сурово относилось къ должникамъ. Кредиторъ становился нерѣдко господиномъ не только имущества, но и личности должника. Но позднѣйшее законодательство (начиная съ XIV ст.) старалось смягчить участь должника, стало принимать мѣры противъ ростовщиковъ а церковь отвела лихвѣ мѣсто среди самыхъ суровыхъ прегрѣшеній *). Въ эпоху Шекспира въ Англіи, какъ и на континентѣ, озлобленіе общества противъ ростовщиковъ было весьма сильно.

Послѣднихъ было много среди той части еврейства, которая приходила въ столкновеніе съ недоступнымъ для иного общенія христіанскимъ обществомъ,—отсюда усугубленіе ненависти къ цѣлому племени. Шекспиръ вывелъ Шейлока въ роли безжалостнаго кредитора лишь потому, что, по его свѣдѣніямъ, въ его время эта роль съ бо̀льшимъ основаніемъ могла быть приписана еврею, чѣмъ представителю какой либо другой національности. Что это, а не иное соображеніе, руководило великимъ поэтомъ, уяснится, какъ только мы обратимъ вниманіе на безпристрастное освѣщеніе въ драмѣ личности и дѣйствій Шейлока.

Если, въ самомъ дѣлѣ, много есть въ личности Шейлока отталкивающаго, то неотразимо-убѣдительные и язвительные доводы не одной изъ его рѣчей исключаютъ всякую мысль о спеціальномъ желаніи выставить его исключительно въ дурномъ свѣтѣ. И только шаблонное и безвкусное изображеніе Шейлока актерами долго искажало эту отвѣтственную роль и служило источникомъ

*) Весьма характерно отношеніе Данте къ ростовщикамъ. Онъ видитъ въ лихвѣ насиліе, соединенное съ обманомъ и, согласно съ этимъ воззрѣніемъ, отводитъ имъ мѣсто въ «Аду». Ср. А-ръ Н. Веселовскій. Ж. М. Н. П. 1889, стр. 267—272 и Шепелевичъ, Этюды о Данте, «Видѣніе св. Павла», ч. II, стр. 87 и 88.

невѣрныхъ и неточныхъ представленій среди публики о Шейлокѣ, какъ о художественномъ типѣ.

Отмѣнное мастерство Шекспира, какъ художника, сказалось прежде всего въ чрезвычайно сильной и яркой характеристикѣ Шейлока. Въ сущности онъ появляется на сценѣ не часто и говоритъ сравнительно мало; но каждое его появленіе и каждая рѣчь даютъ совершенно полное о немъ представленіе, такъ что въ лишнихъ сценахъ и явленіяхъ не имѣется никакой нужды.

Первое появленіе Шейлока—бесѣда на площади съ Бассаніо и Антоніо о займѣ въ 3000 червонцевъ. Шейлокъ, какъ истый дѣлецъ, взвѣшиваетъ, достаточно-ли кредитоспособенъ Антоніо? Далѣе мы читаемъ объясненіе Шейлока въ ненависти къ Антоніо за то, что тотъ лишалъ его прибыли и процентовъ и публично поносилъ его. Насчетъ процентовъ у Шейлока своя теорія; онъ съ удовольствіемъ подкрѣпляетъ ее ссылкой на примѣръ патріарха Іакова, успѣвшаго хитростью увеличить приплодъ овецъ. Здѣсь, какъ и въ своихъ операціяхъ, Шейлокъ видитъ лишь находчивое остроуміе, а не коварство или хитрость. Затѣмъ Шейлокъ осыпаетъ Антоніо заслуженными и неотразимыми упреками: давно-ли его поносили, плевали на него, а теперь хотятъ взять у него денегъ? Антоніо не высказываетъ раскаянія, а предлагаетъ Шейлоку смотрѣть на ссуду, какъ на коммерческую сдѣлку. Шейлокъ предлагаетъ извѣстное условіе: если Антоніо не уплатитъ въ срокъ,—обязывается уплатить неустойку: фунтъ мяса. Мотивируетъ Шейлокъ свое предложеніе желаніемъ пошутить и, повидимому, не имѣетъ серьезнаго намѣренія воспользоваться уступчивостью христіанина: онъ доволенъ лишь тѣмъ, что пристыдилъ его, заставивъ публично вступить въ унизительную сдѣлку со своимъ врагомъ. Однако, событія складываются роковымъ для Антоніо образомъ. Шейлокъ человѣкъ страстныхъ привязанностей: онъ съ нѣжностью вспоминаетъ о покойной женѣ своей, онъ любитъ дочь. Пушкинъ называетъ Шейлока „чадолюбивымъ“—и это вполнѣ вѣрно. Отправляясь на пиръ къ Бассаніо, Шейлокъ убѣждаетъ Джессику избѣгать всякихъ искушеній во время маскарада и беречь его кассу. Онъ ретивый и усердный хозяинъ, вносящій страстность своей натуры въ самые будничные процессы существованія.

Въ третьемъ дѣйствіи мы видимъ Шейлока поглощеннымъ извѣстіемъ о бѣгствѣ дочери и пропажѣ драгоцѣнностей. Онъ потрясенъ, оскорбленъ и униженъ. Онъ оживляется лишь тогда, когда слышитъ, что Антоніо, вслѣдствіе крушенія кораблей, разорился. Теперь у него созрѣваетъ намѣреніе воспользоваться оплошностью стараго врага. Въ яркомъ и краснорѣчивомъ монологѣ разсказываетъ онъ о всѣхъ обидахъ, накипѣвшихъ въ его груди. Какъ христіане обращаются съ евреями, такъ и евреи должны обращаться съ христіанами. За месть—месть. Извѣстіе о безплодной тратѣ Джессикой денегъ еще болѣе распаляетъ его; планъ его мстить окончательно созрѣлъ, и Антоніо будетъ первой жертвой.

Въ послѣдней сценѣ, гдѣ является Шейлокъ,—на судѣ предъ дожемъ,—мы присутствуемъ при высокомѣрныхъ и заносчивыхъ заявленіяхъ еврея, настаивающаго на своемъ правѣ вырѣзать у Антоніо фунтъ мяса. Онъ говоритъ умно и находчиво. По существу онъ правъ; это чувствуетъ и Антоніо, чувствуютъ и всѣ присутствующіе на судѣ. Онъ не порицаетъ, не хулитъ христіанъ, но въ его рѣчахъ чувствуется глубокое презрѣніе къ ихъ показному милосердію и лицемѣрной добродѣтели; онъ бьетъ въ самое больное мѣсто: указываетъ на тяжелое положеніе угнетенныхъ рабовъ. Шейлокъ не дѣлаетъ никакихъ попытокъ выставить себя и свои претензіи въ благовидномъ свѣтѣ; онъ откровенно и цинично настаиваетъ на своемъ правѣ. Онъ такъ увлекается чувствомъ мщенія, что не замѣчаетъ, какъ становится на краю пропасти, и приговоръ Порціи своимъ заключеніемъ ошеломляетъ, и подкашиваетъ его. Зритель чувствуетъ, что существованіе еврея вырвано съ корнемъ, что смерть была бы наилучшимъ для него исходомъ, и когда вслѣдъ за этимъ венеціанскій судебный трибуналъ осуждаетъ Шейлока къ конфискаціи половины имущества и рекомендуетъ для сохраненія жизни и другой половины—перейти въ христіанство—Шейлокъ производитъ впечатлѣніе мертваго тѣла, попираемаго ногами. Всегда находчивый, остроумный, еврей не находитъ никакихъ аргументовъ; онъ чувствуетъ давленіе силы, противъ которой нѣтъ у него средствъ для борьбы, и онъ уступаетъ этой силѣ, вызывая лишь смѣхъ и оскорбленія по своему адресу. Такимъ образомъ, на глазахъ у зрителей Шейлокъ переживаетъ страшное нравственное потрясеніе, передъ зрителемъ крушеніе цѣлой жизни.

Первоначальная цѣль договора Шейлока

МОСТЪ РІАЛЬТО въ XVI в.
Гравюра Джіакомо Франко.

съ Антоніо не имѣетъ еще въ себѣ ничего трагическаго; онъ просто радъ принизить Антоніо, доказать всѣмъ, что этотъ богатый христіанскій купецъ настолько малосостоятеленъ, что вынужденъ входить въ сдѣлки самаго унизительнаго характера съ ростовщикомъ, котораго онъ неоднократно поносилъ; и безъ сомнѣнія Антоніо могъ значительно повредить себѣ въ общественномъ мнѣніи такого рода договоромъ. Но когда, благодаря христіанамъ, Шейлокъ лишился единственной надежды и опоры на старости—горячо любимой дочери, которая сбѣжала, не кинувъотцу ласковаго слова и захвативъ часть богатства—Шейлокъ всецѣло поддается обуревающему его чувству мщенія и съ этого момента становится безжалостнымъ мстителемъ за обиды, нанесенныя ему и его соплеменникамъ христіанами. Его мщеніе принимаетъ стихійный характеръ, заглушаетъ всѣ другія чувства, и если „Отелло" есть изображеніе трагизма ревности, „Макбетъ" трагизма честолюбія, „Гамлетъ" безволія и т. д., то „Венеціанскій купецъ" есть изображеніе мести по преимуществу. Предъ жаждой мести совершенно поблекла даже традиціонная жадность еврея —онъ, не задумываясь, отвергаетъ колосальное богатство, предлагаемое ему за отказъ отъ своего канибальскаго требованія. Шейлокъ никогда не видѣлъ со стороны христіанъ ни состраданія, ни тѣни гуманности къ себѣ; онъ удивляется, что отъ него могутъ требовать чего либо подобнаго. Приговоръ Порціи, лишающій Шейлока всего, оглушаетъ его; старикъ подавленъ и повергнутъ въ прахъ. Предложеніе принять христіанство звучитъ по отношенію къ Шейлоку утонченной жестокостью, ибо всѣ знаютъ, какъ фанатиченъ Шейлокъ; съ точки же зрѣнія христіанства оно должно считаться отмѣннымъ кощунствомъ. Шейлокъ—христіанинъ! Горькая иронія для обѣихъ сторонъ!

Вглядываясь въчерты духовнаго облика Шейлока, мы, конечно, не можемъ не признать ихъ отталкивающими; но, помимо сейчасъ сдѣланнаго указанія на безпристрастіе Шекспира въ подборѣ характерныхъ чертъ Шейлока, всякое обвиненіе поэта въ тенденціозномъ сгущеніи красокъ падаетъ, если мы безъ предубѣжденія посмотримъ на среду, Шейлока окружающую.

Мы видимъ венеціанское общество, разгульное, безпринципное и развратное. Молодежь прожигаетъ жизнь, не думая, какими средствами добыты для этой цѣли деньги. Лучшій представитель молодежи, Бассаніо, почти не колеблется согласиться на унизительную сдѣлку своего лучшаго друга съ ростовщикомъ, сдѣлку, которая такъ или иначе компрометируетъ Антоніо. Эгоизмъ Бассаніо былъ-бы ужасенъ, если бы его окружали люди лучше его. Но все это шуты, балагуры, прожигатели жизни; и того хуже. „Лоренцо", говоритъ Гейне, „является соучастникомъ самаго подлаго воровства, и по прусскимъ законамъ былъ-бы присужденъ къ 15-лѣтнему заключенію въ смирительномъ домѣ, заклейменію и выставкѣ у позорнаго столба,несмотря на то, что онъ полонъ трогательной любви не только къ краденымъ червонцамъ, но также и къ красотамъ природы, къ ландшафтамъ при лунномъ освѣщеніи и музыкѣ". Лучше всѣхъ, безъ всякаго сомнѣнія, Антоніо. Въ лицѣ послѣдняго Шекспиръ нарисовалъ весьма удачно типъ меланхолика. Его давитъ толпа; у него нѣтъ жиз-

ненаго идеала; онъ не жаденъ, не предпріимчивъ, пассивенъ. Богатство его—результатъ случайной удачи, а не умѣлаго веденія дѣлъ. Онъ благотворитъ безъ увлеченія, не разбирая, на какую почву падаютъ его благодѣянія. Къ Шейлоку онъ проявляетъ высокомѣрное презрѣніе и плохо мотивированную ненависть. Онъ легкомысленно подписываетъ договоръ съ ростовщикомъ, зная, что Шейлокъ не имѣетъ никакихъ основаній щадить его. Его голова работаетъ вяло и нигдѣ не проявляетъ дальновидности и проницательности; что касается до Порціи, умной, благородной, эмансипированной дѣвушки, то она живетъ внѣ Венеціи и не можетъ быть причислена къ средѣ, окружающей Шейлока.

Итакъ, общество, окружающее венеціанскаго еврея, стоитъ на низкой ступени нравственнаго и умственнаго развитія. Оно крайне фанатично, нетерпимо, жестоко и эгоистично. Оно даже не дѣятельно, эксплоатируетъ, не зная минимальнаго личнаго труда. Въ этомъ отношеніи Шейлокъ, постоянно дѣятельный, заботливый, рачительный, стоитъ несравненно выше окружающихъ его христіанъ.

ВЕНЕЦІАНСКАЯ ГОНДОЛА XVI в.

Гравюра Джіакомо Франко (въ книгѣ Habiti d'uomeni e donne Venetiane». Венеція 1610).

Дочь Шейлока, Джессика, добрая, мягкая и легкомысленная, любящая избранника своего сердца, по отношенію къ отцу является безжалостной и жестокой; ея отношеніе къ Шейлоку доводитъ до высшаго напряженія ту пылкую жажду мщенія, которая послѣ бѣгства Джессики всецѣло овладѣваетъ страстною душою еврея.

Можно относиться къ Шейлоку съ величайшимъ отвращеніемъ, но онъ ни на минуту не дѣлается комичнымъ на всемъ протяженіи пьесы. Въ ранней юности ведетъ онъ трудную, полную заботъ жизнь, стараясь скопить какъ можно больше богатствъ, въ которыхъ основательно видитъ единственное условіе сноснаго существованія, при полной безправности племени, къ которому онъ принадлежитъ. Шейлокъ видитъ вокругъ себя фанатиковъ-евреевъ и фанатиковъ-христіанъ. Въ атмосферѣ нетерпимости, злобы и униженій протекаетъ вся его жизнь; свѣтъ любви и состраданія не проникаетъ въ нее. Шейлокъ, на склонѣ лѣтъ, долженъ пережить тяжелое горе: его единственное дѣтище покидаетъ его, измѣняетъ вѣрѣ отцовъ и похищаетъ его сокровища, легкомысленно даря фамильные сувениры проходимцамъ! Месть Шейлока созрѣваетъ, онъ надѣется, что правосудіе дастъ ему возможность утолить ее; но вмѣсто правосудія онъ встрѣчается съ характернымъ софизмомъ, который любой юристъ опровергнулъ бы, если бы судъ дѣйствительно стремился къ удовлетворенію требованій закона. Шейлокъ, можно сказать, убитъ насиліемъ, которое онъ сознаетъ; онъ не ищетъ безполезныхъ аргументовъ, которые не могутъ его спасти; онъ сознаетъ свою гибель и уходитъ, чтобы, можетъ быть, разстаться съ жизнью. Онъ умеръ, не вызвавъ слезъ жалости даже у собственной дочери.

Только совершенно неправильная манера иныхъ актеровъ въ исполненіи роли Шейлока могла дать поводъ къ какому-либо сомнѣнію насчетъ настоящаго смысла этого типа. Шейлокъ—глубоко трагическое лицо, отмѣнной силы и экспрессіи, страстное и увлекаемое на гибельный путь идеей мести. Его неудача—разрѣшеніе вопроса въ направленіи, соотвѣтствующимъ требованіямъ справедливости и гуманности—должна доставить зрителю облегченіе, такъ какъ цѣль Шейлока гнусна, но это не дѣлаетъ его ни въ коемъ случаѣ смѣшнымъ, а лишь жалкимъ; онъ жертва стихійнаго ослѣпленія, и, какъ таковая, имѣетъ право на извѣстную долю трагическаго состраданія.

Значеніе „Венеціанскаго купца“ опредѣляется не только рядомъ интересныхъ вопросовъ этическаго и правового характера, выдвинутыхъ въ этой пьесѣ, но главнымъ образомъ, правдивой и глубокой психологіей главнаго дѣйствующаго лица, являющагося однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ украшеній галлереи безсмертныхъ типовъ, созданныхъ Шекспиромъ. Пьеса поучительна во многихъ отношеніяхъ. Но ни въ коемъ случаѣ ее нельзя считать тенденціозною. Великій драматургъ, отражавшій всегда жизнь такъ какъ она есть, не могъ быть ни юдофобомъ, ни юдофиломъ. Такому

объективному художнику были чужды представленія и понятія, присущія страстной и некультурной толпѣ.

И несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что во всей всемірной литературѣ нѣтъ ничего равнаго по силѣ и убѣдительности тому знаменитому монологу, который Шейлокъ произноситъ въ III актѣ:

„Да развѣ у жида нѣтъ глазъ? развѣ у жида нѣтъ рукъ, органовъ, членовъ, чувствъ, привязанностей, страстей? развѣ онъ не ѣстъ ту же пищу, что и христіанинъ? развѣ онъ ранитъ себя не тѣмъ же оружіемъ и подверженъ не тѣмъ же болѣзнямъ? лѣчится не тѣми же средствами? согрѣвается и знобится не тѣмъ же лѣтомъ и не тою же зимою? Когда вы насъ колете, развѣ изъ насъ не идетъ кровь? когда вы насъ щекочете, развѣ мы не смѣемся? когда вы насъ отравляете, развѣ мы не умираемъ"*).

Л. Шепелевичъ.

*) Кромѣ общихъ пособій (Гервинусъ, Женэ, Elze, Брандесъ, Даудент, Ulrizi, Боткинъ, Шлегель и др.) ср. томикъ, посвященный «Венец. купцу» въ Cassell's, National Library. Bodenstedt, Sh. Dram. Werke. 1890, т. III. Шексп. въ пер. и объясненіи Соколовскаго. Т. III. Соч. III, изд. Гербеля. Elze. Zum Kaufmann v. Venedig (Jahrb. d. deutsch. Sh. Ges. VII. Delius. Die epischen Elemente in Sh. Dramen (Ib. XII, 1871). Simrock. Die Quellen d. Sh. 1872, т. I. Grätz. Schylock in der Sage, im Drama u. Geschichte, 1880 (рус. пер. «Восходъ», № 5, 1881). Колеръ III, съ точки зрѣнія права, 1895 (Юрид. Библ., № 6). Hönigmann. Ueber d. Charakter d. Schylok (Jahr. d. deuts.-Sh. Ges. XVII, 1882). Lewes. Shakespeares Frauengestalten 1893. Bulthaupt. Dramaturgie d. Schauspiels. Shakespeare. Oldenburg u. Leipzig. 1902. Prölss. Erläuterungen zu den ausländ. Klassikern. Bd. 5. Полный обзоръ литературы о «Венец. купцѣ» и остального историко-литературнаго аппарата см. въ великолѣпномъ изд. Furness'a (A new Variorum Edition of S. Vol. VII. Philadelphia 1888).

ВЕНЕЦІАНСКІЙ ЧЕРВОНЕЦЪ (дукатъ).

ВЕНЕЦІАНСКІЙ КУПЕЦЪ.

Дѣйствующія лица:

Дожъ Венеціи.
Принцъ Мароккскій.
Принцъ Аррагонскій.
Антоніо—венеціанскій купецъ.
Бассаніо—его другъ
Соланіо
Салярино } друзья Антоніо и Бассаніо.
Граціано
Лоренцо—влюбленный въ Джессику.
Шейлокъ—еврей.
Тубалъ—еврей, другъ его.
Ланчелотъ Гоббо—шутъ, служитель Шейлока.
Старикъ Гоббо—отецъ Ланчелота.
Леонардо—слуга Бассаніо.
Бальтазаръ—слуга Порціи.
Стефано—слуга Порціи.
Порція—наслѣдница богатаго имѣнья.
Нерисса—ея служанка.
Джессика—дочь Шейлока.
Сенаторы, члены суда, тюремщикъ, слуги.

Дѣйствіе происходитъ частью въ Венеціи, частью въ большомъ замкѣ Порціи, на материкѣ.

Виньетка изъ изданія Найта «Pictorial Edition of Shakespeare's Works». (Колонна на Пьяцеттѣ со статуей древнѣйшаго патрона Венеціи—св. Оедора, на крокодилѣ; внизу—государственный корабль венеціанскихъ дожей—Буцентавръ).

Улица въ Венеціи (Набережная передъ дворцомъ дожей).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Венеція. Улица.

Входятъ Антоніо, Саларино *и* Соланіо.

Антоніо.

Признаться, я и самъ не понимаю,
Чего я такъ печаленъ. Грусть и васъ
Томитъ, какъ вы сказали мнѣ; но, право,
Я все еще узнать стараюсь, какъ
Я эту грусть поймалъ, нашелъ иль встрѣтилъ,
И изъ чего она сотворена,
И чье она произведенье. Просто
Я сдѣлался какимъ-то дуракомъ,
И самъ себѣ почти неузнаваемъ.

Саларино.

Вашъ духъ теперь летаетъ по морямъ;
Вы мыслью тамъ, гдѣ ваши галеоны,
Подобныя вельможамъ именитымъ
И гражданамъ богатымъ водъ морскихъ,
Вздувъ паруса, внизъ смотрятъ горделиво
На мелкія торговыя суда,
Что головы съ почтеньемъ преклоняютъ,
Когда они несутся мимо нихъ
На полотняныхъ крыльяхъ.

Соланіо.

О, повѣрьте,
Когда бы я такъ много рисковалъ,
Какъ вы, синьоръ, вослѣдъ моимъ надеждамъ
Летали бы и чувства всѣ мои.
Я вырывалъ бы травку поминутно,
Чтобъ узнавать, откуда вѣтеръ; я
Разсматривалъ бы въ картахъ безпрестанно
Всѣ гавани и пристани—и все,
Что породить могло бы опасенье
Несчастія съ имуществомъ моимъ,
Печаль въ меня вселяло бы, конечно.

Саларино.

Я каждый разъ, какъ мой горячій супъ
Дыханіе мое бы охлаждало,
И самъ бы стылъ отъ ужаса, при мысли
О той бѣдѣ, что можетъ натворить
Въ открытомъ морѣ слишкомъ сильный вѣтеръ;
Не могъ бы я ни разу на часы
Песочные взглянуть, чтобъ не подумать
Объ отмеляхъ песчаныхъ— и о томъ,
Что мой корабль, быть можетъ, погрузился
Въ морской песокъ и ниже, чѣмъ бока,
Склонилъ главу, чтобы свою могилу

Поцѣловать. Войдя въ священный храмъ
И бросивъ взглядъ на каменныя стѣны,
Я могъ ли бы не вспомнить въ тотъ же мигъ
О гибельныхъ утесахъ, что малѣйшимъ
Толчкомъ въ корабль мой нѣжный могутъ вдругъ
Всѣ пряности его разсѣять въ морѣ
И тканями шелковыми его
Одѣть валы бунтующаго моря?
Короче—могъ ли я при этомъ всемъ
Не представлять себѣ, что все богатство
Вдругъ сдѣлалось ничтожествомъ? Могу ль
Я мысль мою удерживать на мысли
Объ этомъ всемъ безъ мысли, что такимъ
Несчастіемъ я былъ бы опечаленъ?
Не спорьте: я увѣренъ—оттого
Антоніо груститъ, что вспоминаетъ
Про свой товаръ.

АНТОНІО.

Совсѣмъ не оттого—
Повѣрьте мнѣ. Я очень благодаренъ
Своей судьбѣ; не ввѣренъ мой товаръ
Единственному судну или мѣсту;
Не отдано имущество мое
Въ зависимость отъ нынѣшняго года.
Итакъ, меня печалятъ не дѣла
Торговыя.

САЛАРИНО.

Такъ, значитъ, вы влюбились?

АНТОНІО.

О, нѣтъ!

САЛАРИНО.

Какъ—нѣтъ? и не влюбились? Ну,
Такъ скажемъ такъ: вы оттого печальны,
Что просто вамъ не весело; могли бы
Вы точно также хохотать и прыгать,
И говорить: „я веселъ оттого,
Что не грущу!“ О, Янусъ двуголовый,
Клянусь тобой: забавныхъ чудаковъ
Въ свои часы природа сотворяетъ:
Одинъ—гляди—все щурится и все
Хохочетъ, точно попугай, заслышавъ
Волынки звукъ; а у другого видъ
Такъ уксусенъ, что увѣряй самъ Несторъ,
Что вещь смѣшна, не обнаружитъ онъ
Своихъ зубовъ улыбкою веселой.

Входятъ БАССАНІО, ЛОРЕНЦО *и* ГРАЦІАНО.

СОЛАНІО.

Вотъ родственникъ достопочтенный вашъ,
Бассаніо, съ Лоренцо и Граціано.
Прощайте: мы васъ оставляемъ въ лучшемъ
Сообществѣ.

САЛАРИНО.

Остался бъ съ вами я,
Пока бы вы не стали веселѣе,
Но болѣе достойные друзья
Меня предупредили.

АНТОНІО.

Вашей дружбѣ
Я придаю большую цѣну. Мнѣ
Сдается такъ, что есть у васъ другія,
Свои дѣла и что такой предлогъ
Сыскали вы, чтобы уйти отсюда.

САЛАРИНО.

Привѣтъ мой вамъ, синьоры.

БАССАНІО.

Что жъ, когда
Мы съ вами вновь, синьоры, похохочемъ?
Вы слишкомъ стали нелюдимы. Развѣ
Такъ быть должно?

САЛАРИНО.

Мы оба вамъ готовы
Всегда служить въ свободные часы.

(Салярино и Соланіо уходятъ).

ЛОРЕНЦО.

Бассаніо, теперь, когда нашли вы
Антоніо—уходимъ мы вдвоемъ.
Но не забыть прошу, гдѣ въ часъ обѣда
Мы встрѣтиться условились.

БАССАНІО.

Приду
Навѣрное.

ГРАЦІАНО.

Антоніо, вы какъ-то
Разстроены. Ужъ слишкомъ много вы
Заботитесь объ этой жизни. Право,
Тотъ жизнь свою теряетъ, кто ее
Излишествомъ заботъ пріобрѣтаетъ.
Повѣрьте мнѣ, есть перемѣна въ васъ
Престранная.

АНТОНІО.

Я этотъ міръ считаю
Лишь тѣмъ, что есть на самомъ дѣлѣ онъ:
Подмостками, гдѣ роль играть всѣ люди
Обязаны, а мнѣ досталась роль
Печальная.

ГРАЦІАНО.

Такъ мнѣ ужъ вы позвольте
Взять роль шута. Пускай покроюсь я
Морщинами при смѣхѣ и веселѣ!
Пусть лучше я разгорячу виномъ
Желудокъ мой, чѣмъ остужу все сердце
Стенаньями смертельными! Тому,

Въ чьихъ жилахъ кровь горячая струится,
Зачѣмъ сидѣть, какъ дѣдушка его,
Альбастровой статуей? спать въ то время,
Когда вполнѣ онъ бодрствуетъ? брюзжать
И злиться такъ, чтобъ желчь разлилась въ тѣлѣ?
Антоніо, къ тебѣ привязанъ я—
И говоритъ во мнѣ любовь. Послушай,
Что я скажу: на свѣтѣ люди есть,
Чьи лица такъ недвижны, какъ болото
Стоячее; они всегда хранятъ
Упорное молчаніе, желая
Прослыть вездѣ за мудрецовъ большихъ,
Серьезнѣйшихъ философовъ, и будто
Вамъ говорятъ: „я—господинъ-пророкъ,
И ужъ когда я губы раскрываю,
Тогда молчать обязанъ каждый песъ".
О, милый мой, изъ нихъ я многихъ знаю,
Которые слывутъ за мудрецовъ
Лишь потому, что никогда ни слова
Не говорятъ; а между тѣмъ—вполнѣ
Увѣренъ я—рѣшись они немного
Заговорить—ихъ слушатели всѣ
Терзались бы, необходимость видя
Болванами назвать собратьевъ. Я
Подробнѣе поговорю объ этомъ
Съ тобой потомъ, лишь перестань ловить
На удочки печали мнѣнье свѣта,
Служащее плотвою дуракамъ.
Теперь идемъ, Лоренцо мой. Покамѣстъ
Прощайте. Тамъ, какъ кончимъ мы обѣдъ,
И рѣчь свою я кончу.

Лоренцо.

До свиданья:
Мы до обѣда оставляемъ васъ.
Должно быть, я къ тѣмъ мудрецамъ безмолвнымъ
Принадлежу, затѣмъ что никогда
Поговорить не дастъ мнѣ Граціано.

Граціано.

Да, поживи еще хоть года два
Со мной вдвоемъ—и собственный свой голосъ
Забудешь ты.

Антоніо.

Прощайте. Болтуномъ
Я сдѣлаюсь въ компаньи вашей.

Граціано.

Это
Пріятно мнѣ; вѣдь, только въ двухъ вещахъ
Безмолвіе—одно изъ качествъ важныхъ:
Въ копченыхъ языкахъ и дѣвахъ непродажныхъ.

(Граціано и Лоренцо уходятъ).

Антоніо. Заключается ли что-нибудь во всѣхъ этихъ словахъ?

Бассаніо. Ни одинъ человѣкъ во всей Венеціи не умѣетъ произносить такое безчисленное множество ничего незначущихъ словъ, какое произноситъ Граціано. Его разсужденія—точно два зерна пшеницы, спрятанныя въ двухъ мѣрахъ соломы. Чтобы найти ихъ, нужно искать цѣлый день, а найдешь—оказывается, что они не стоили поисковъ.

Антоніо.

Ну, хорошо. Теперь скажите мнѣ,
Кто дама та, которой поклоняться
Вы поклялись и о которой мнѣ
Вы разсказать сегодня обѣщали?

Бассаніо.

Антоніо, не безызвѣстно вамъ,
Какъ сильно я дѣла свои разстроилъ,
Живя пышнѣй, чѣмъ позволяли мнѣ
Мои, совсѣмъ не важные, рессурсы.
Я не скорблю о томъ, что не могу
Жить долѣе такъ весело и пышно,
Но главная забота у меня—
Какъ заплатить долги мои большіе,
Въ которые я мотовствомъ своимъ
Былъ вовлеченъ. Вамъ я обязанъ больше,
Антоніо, чѣмъ всѣмъ моимъ друзьямъ
И деньгами, и дружбой. Эта дружба
Порукой мнѣ, что я могу открыть
Вамъ планы всѣ и всѣ предположенья,
Которыя я сдѣлалъ для того,
Чтобъ отъ долговъ совсѣмъ себя очистить.

Антоніо.

Скажите все, прошу васъ, добрый мой
Бассаніо—и если эти планы,
Не отклоняются, какъ сами вы,
Отъ честнаго пути—могу увѣрить,
Что кошелекъ и самого себя,
И средства всѣ послѣднія открою
Для вашихъ нуждъ.

Бассаніо.

Еще ребенкомъ я,
Когда стрѣлу мнѣ потерять случалось,
Сейчасъ металъ другую вслѣдъ за ней
Такую же и въ томъ же направленьи,
Но ужъ за ней внимательнѣй слѣдилъ,
Чтобъ первую найти—итакъ, рискуя
Обѣими, я обѣ иногда
Отыскивалъ. Такой примѣръ изъ дѣтскихъ,
Невинныхъ лѣтъ, привелъ я потому,
Что и слова, которыя хочу я
Сейчасъ сказать, вполнѣ невинны. Другъ
Антоніо, я задолжалъ вамъ много

И все, что вы мнѣ дали, потерялъ,
Какъ юноша безпутнѣйшій; но если
Рѣшитесь вы второй стрѣлой метнуть
Въ ту сторону, куда метнули первой,
То я вполнѣ увѣренъ, что, слѣдя
Внимательно, иль обѣ отыщу я,
Иль принесу вторую вамъ назадъ,
И должникомъ признательнымъ останусь
За первую.

Антоніо.

Вы знаете меня
И тратите лишь время въ изворотахъ
Вокругъ моей привязанности къ вамъ,
И—вѣрьте мнѣ—сомнѣнью подвергая
Мою любовь, вы болѣе меня
Печалите, чѣмъ если бъ промотали
Вы все мое имущество. Итакъ,
Скажите лишь, что я обязанъ сдѣлать,
И что, по мнѣнью вашему, могу—
Я все готовъ исполнить. Говорите-жъ.

Бассаніо.

Наслѣдница богатая живетъ
Въ помѣстіи Бельмонтѣ; и прекрасна
Она лицомъ, и тѣмъ еще прекраснѣй,
Что чудныхъ добродѣтелей полна.
Уже не разъ посланія нѣмыя,
Прелестныя изъ милыхъ глазъ ея
Я получалъ. Знай—Порція ей имя,
И Порція, Катона дочь и Брута
Жена, ничѣмъ не превзошла ее.
Достоинства ея во всей вселенной
Извѣстны: всѣ четыре вѣтра къ ней
Изъ всякихъ странъ наносятъ самыхъ знатныхъ
Искателей; какъ солнце, блещутъ кудри,
И золотымъ руномъ съ висковъ бѣгутъ,
И дѣлаютъ ея Бельмонтскій замокъ
Колхидою, куда ужъ не одинъ
Герой-Язонъ являлся за побѣдой.
О, другъ, имѣй я средства для того,
Чтобъ между нихъ соперникомъ явиться—
Душа моя предсказываетъ мнѣ,
Что я побѣду одержу навѣрно.

Антоніо.

Ты знаешь самъ—имущество мое
Все на морѣ; нѣтъ у меня ни денегъ,
Ни средствъ достать сейчасъ же капиталъ.
Ступай, ищи, развѣдай—сколько силы
Въ Венеціи имѣетъ мой кредитъ;
Его готовъ я выжать до копѣйки,
Чтобъ снарядить, какъ слѣдуетъ, тебя
Въ Бельмонтъ, къ прекрасной Порціи. Ступай же,
Вывѣдывай; я тоже поищу,
Гдѣ деньги есть—и можетъ быть едва ли,
Чтобъ мнѣ и подъ мою поруку отказали.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Бельмонтъ. Комната въ домѣ Порціи.

Входятъ Порція *и* Нерисса.

Порція. Право, Нерисса, моему маленькому тѣлу уже не подъ силу этотъ большой міръ.

Нерисса. Такъ бы оно и было, если бы вы на столько же бѣдствовали, на сколько вы счастливы; но, видно, тѣ, которые черезчуръ много ѣдятъ, болѣютъ точно такъ же, какъ и тѣ, которые мучатся голодомъ. Потому-то среднее состояніе не маловажное счастіе. Излишество скоро доживаетъ до сѣдыхъ волосъ, а умѣренность живетъ долго.

Порція. Хорошія правила и хорошо сказаны.

Нерисса. Они были бы еще лучше, еслибы ихъ исполняли, какъ должно.

Порція. Если бы дѣлать было такъ же легко, какъ знать, что слѣдуетъ дѣлать—часовни были бы церквами, а избы бѣдныхъ людей—царскими дворцами. Тотъ хорошій проповѣдникъ, кто слѣдуетъ своимъ собственнымъ побужденіямъ: мнѣ легче научить двадцатерыхъ человѣкъ тому, что они должны дѣлать, чѣмъ быть одною изъ этихъ двадцати и слѣдовать моимъ собственнымъ наставленіямъ. Мозгъ можетъ изобрѣтать законы для крови, но горячая натура перепрыгиваетъ черезъ холодное правило. Безумная молодость—заяцъ, перескакивающій черезъ капканы, которые ставитъ ему благоразуміе. Но такое разсужденіе не кстати теперь, когда мнѣ предстоитъ выбрать себѣ мужа. Увы! къ чему я говорю: „выбрать"? Я не имѣю права ни избрать того, кого сама желала бы, ни отказать тому, кто мнѣ не нравится. Такъ воля живой дочери склоняется предъ волею умершаго отца! Не жестоко ли, Нерисса, что я не могу никого выбрать и никому отказать?

Нерисса. Вашъ отецъ былъ всегда добродѣтельнымъ человѣкомъ, а къ святымъ людямъ, въ минуту смерти, приходятъ благія мысли. Потому-то въ этой придуманной имъ лотереѣ, по которой вы будете принадлежать тому, кто угадаетъ его намѣреніе при выборѣ одного изъ трехъ ящиковъ—золотого, серебрянаго и свинцоваго—безъ

сомнѣнія, выиграетъ только человѣкъ, искренно любящій васъ. Но скажите, чувствуете ли вы горячую привязанность къ какому-нибудь изъ царственныхъ жениховъ, уже появлявшихся передъ вами?

Порція. Пожалуйста, перечисли мнѣ ихъ по именамъ; по мѣрѣ того, какъ ты будешь называть ихъ, я буду ихъ описывать, и, судя по моему описанію, ты заключишь о степени моей привязанности.

Нерисса. Во-первыхъ, принцъ Неаполитанскій.

Порція. Ну, этотъ—родился въ конюшнѣ, потому что только и говоритъ, что о своей лошади и хвастается, какъ большимъ талантомъ, тѣмъ, что умѣетъ самъ подковывать ее. Мнѣ очень сдается, что его почтенная матушка сыграла фальшивую игру съ какимъ-нибудь кузнецомъ.

Нерисса. Затѣмъ—пфальцграфъ.

Порція. Этотъ только и дѣлаетъ, что морщитъ брови, какъ-будто хочетъ сказать: „если вы не хотите меня, то рѣшайтесь". Онъ безъ улыбки слушаетъ веселые разсказы. Если ужъ въ молодости имъ овладѣла такая безнадежная угрюмость, то въ старости онъ, пожалуй, сдѣлается плачущимъ философомъ. Я лучше готова вытти за мертвую голову съ костью въ зубахъ, чѣмъ за одного изъ этихъ двухъ. Избави меня Господь отъ нихъ обоихъ!

Нерисса. Что вы скажете о французскомъ вельможѣ—мосье Ле Бонъ?

Порція. Его создалъ Богъ—такъ пусть онъ и слыветъ человѣкомъ. Право, я знаю, что насмѣхаться грѣшно, но этотъ французъ... У него лошадь лучше, чѣмъ у неаполитанца; скверная привычка морщить брови у него лучше, чѣмъ у пфальцграфа; онъ—всѣ люди и вмѣстѣ съ тѣмъ никто. Стоитъ дрозду запѣть—онъ тотчасъ же подпрыгиваетъ; онъ готовъ сражаться съ своею собственною тѣнью. Выйдя за него, я вышла бы за двадцать человѣкъ; если бы онъ даже презиралъ меня, я прощала бы ему это, потому что люби онъ меня хоть до безумія, мое сердце никогда бы ему не отвѣчало.

Нерисса. Ну, такъ что вы скажете о Фальконбриджѣ, молодомъ англійскомъ баронѣ?

Порція. Ты знаешь, что я и не говорю съ нимъ ни слова, потому что мы не понимаемъ другъ друга; онъ не говоритъ ни по-латыни, ни по-французски, ни по-итальянски; а ты можешь присягнуть передъ судомъ, что я ни на грошъ не знаю по-англійски. По фигурѣ онъ образецъ порядочнаго человѣка, но—увы!—кто можетъ разговаривать съ нѣмою куклой? Какъ странно онъ одѣвается! Мнѣ кажется, что камзолъ свой онъ купилъ въ Италіи, панталоны—во Франціи, шляпу—въ Германіи, а манеры—во всѣхъ странахъ.

Нерисса. Какого вы мнѣнія о его сосѣдѣ, шотландскомъ лордѣ?

Порція. Я думаю, что въ немъ есть чувство милосердія къ своимъ сосѣдямъ, потому что онъ взялъ взаймы у англичанина пощечину и поклялся, что отдастъ ее ему, когда будетъ въ состояніи. Кажется, французъ поручился въ томъ и обязался подпиской.

Нерисса. Какъ вамъ нравится молодой нѣмецъ, племянникъ герцога саксонскаго?

Порція. Онъ отвратителенъ по утрамъ, когда трезвъ, и еще отвратительнѣе послѣ обѣда, когда пьянъ. Въ свои лучшія минуты онъ немного хуже, чѣмъ человѣкъ; въ худшія—немного лучше звѣря. Какое бы несчастіе ни постигло меня, я все-таки надѣюсь, что найду средство не попасть въ руки этого человѣка.

Нерисса. Значитъ, если онъ захочетъ попытаться счастья и угадаетъ, какой ящичекъ надо выбрать, вы, отказавъ ему въ своей рукѣ, откажетесь вмѣстѣ съ тѣмъ исполнить волю вашего отца?

Порція. Чтобъ избѣжать этого несчастья, поставь, пожалуйста, на невыигрышный ящикъ большой стаканъ рейнвейна; тогда, будь внутри этого ящика хоть самъ дьяволъ, а на крышѣ его этотъ соблазнъ, нѣмецъ непремѣнно выберетъ его. Я готова скорѣе рѣшиться на все на свѣтѣ, чѣмъ сдѣлаться женою губки.

Нерисса. Вамъ нечего бояться, синьора: вы не достанетесь ни одному изъ этихъ господъ. Они уже сообщили мнѣ свое рѣшеніе—вернуться домой и перестать безпокоить васъ своимъ искательствомъ, развѣ только для того, чтобъ получить васъ найдется какое-нибудь другое средство, кромѣ предложеннаго вашимъ отцомъ.

Порція. Хотя бы мнѣ пришлось дожить до старости Сивиллы, я умру цѣломудренною, какъ Діана, если никому не удастся получить меня согласно съ волей моего отца. Я очень рада, что эта толпа вздыхателей такъ благоразумна, потому что изъ всѣхъ ихъ нѣтъ ни одного, отсутствія котораго я не желала бы отъ всего сердца—и я всѣмъ имъ желаю счастливаго пути.

Нерисса. Помните ли вы, синьора, одного венеціанца, ученаго и храбреца, ко-

торый, еще при жизни вашего отца, пріѣзжалъ сюда съ маркизомъ Монферратомъ?

Порція. Да, да, это былъ Бассаніо. Кажется, его такъ зовутъ?

Нерисса. Такъ, синьора. Изъ всѣхъ людей, которыхъ видѣли мои глупые глаза, онъ больше всѣхъ достоинъ прекрасной женщины.

Порція. Я хорошо помню его—и помню, что онъ заслуживаетъ твою похвалу.

Входитъ слуга

Слуга. Синьора, четыре чужестранца ищутъ васъ, чтобъ проститься съ вами. Кромѣ того, пріѣхалъ передовой отъ пятаго, принца Мароккскаго. Онъ объявилъ, что принцъ, его повелитель, будетъ здѣсь сегодня вечеромъ.

Порція. Если бъ этому пятому я могла сказать „здравствуйте“ такъ же охотно, какъ говорю этимъ четыремъ „прощайте“—его пріѣздъ порадовалъ бы меня; если у него характеръ святого, а лицо—чорта, я желаю имѣть его лучше своимъ духовникомъ, чѣмъ мужемъ. Пойдемъ, Нерисса. *(Слугѣ).* Ты же ступай впередъ. Въ ту самую минуту, какъ мы запираемъ ворота за однимъ, другой стучится въ дверь. *(Уходятъ).*

СЦЕНА III.

Венеція. Площадь.

Входятъ Бассаніо и Шейлокъ.

Шейлокъ. Три тысячи червонцевъ? Хорошо.

Бассаніо. Да, синьоръ, на три мѣсяца.

Шейлокъ. На три мѣсяца? Хорошо.

Бассаніо. За уплату, какъ я уже сказалъ вамъ, поручится Антоніо!

Шейлокъ. Антоніо поручится? Хорошо.

Бассаніо. Можете ли вы помочь мнѣ? Удовлетворите-ли вы мою просьбу? Узнаю ли я вашъ отвѣтъ?

Шейлокъ. Три тысячи червонцевъ, на три мѣсяца и за поручительствомъ Антоніо.

Бассаніо. Что жъ вы отвѣтите?

Шейлокъ. Антоніо—хорошій человѣкъ.

Бассаніо. Развѣ вы слыхали когда-нибудь, что это неправда?

Шейлокъ. О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Словами: „онъ хорошій человѣкъ“ я хочу сказать, понимаете, что у него есть чѣмъ заплатить. Но его богатство не надежно. Одинъ изъ его кораблей плыветъ въ Триполисъ, другой—въ Индію; кромѣ того, я узналъ на Ріальто, что третій корабль онъ отправилъ въ Мексику, четвертый—въ Англію, а остальныя суда тоже разсѣяны по разнымъ странамъ. Но суда—вѣдь, только доски, а матросы—люди; на свѣтѣ жъ живутъ земляныя и водяныя крысы, а также земляные и водяные воры, то-есть пираты. Да и кромѣ того, опасны волны, вѣтры и скалы. Но у Антоніо все-таки есть, чѣмъ заплатить. Три тысячи червонцевъ? Я полагаю, что можно взять его вексель.

Бассаніо. Будьте увѣрены, что можно.

Шейлокъ. Я желаю быть увѣреннымъ, что можно—и, чтобъ увѣриться, хочу пообдумать. Могу я поговорить съ Антоніо?

Бассаніо. Для этого неугодно ли вамъ пообѣдать съ нами?

Шейлокъ. Да—чтобъ нюхать свинину, чтобъ ѣсть изъ сосуда, въ который вашъ пророкъ загналъ заклинаніями дьявола! Я готовъ покупать съ вами, продавать съ вами, разговаривать съ вами, прогуливаться съ вами и такъ далѣе; но я не стану ни ѣсть съ вами, ни пить съ вами, ни молиться съ вами. Что новаго на Ріальто? Кто это идетъ сюда?

Входитъ Антоніо.

Бассаніо. Это синьоръ Антоніо.

Шейлокъ *(въ сторону).*

Его за то такъ ненавижу я,
Что онъ христіанинъ; но вдвое больше
Еще за то, что въ гнусной простотѣ
Взаймы даетъ онъ деньги безъ процентовъ
И роста курсъ сбиваетъ между насъ,
Въ Венеціи. Пусть мнѣ хоть разъ одинъ
Ему бока пощупать доведется—
Ужъ ненависть старинную свою
Я утолю. Святое наше племя
Не терпитъ онъ, и даже въ тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ сходятся купцы между собою,
Ругаетъ онъ меня, мои дѣла,
И мой барышъ законный называетъ
Онъ лихвою. Будь проклято мое
Колѣно все, когда ему прощу я!

Бассаніо.

Послушайте!

Шейлокъ.

Наличный мой запасъ
Считаю я на память; по разсчету
Выходитъ такъ, что вдругъ собрать для васъ

ШЕЙЛОКЪ.

въ исполненіи знаменитаго англійскаго актера сэра Генри Ирвинга (Sir Henry Irving, p. 1838).

Три тысячи червонцевъ не могу я.
Но все равно. Тубалъ, богачъ-еврей,
Поможетъ мнѣ. Однако, погодите:
Какой вы срокъ назначите?
(Обращаясь къ Антоніо) Синьоръ
Почтеннѣйшій, желаю вамъ здоровья!
У насъ теперь рѣчь именно была
О васъ.

Антоніо.

Шейлокъ, хотя обыкновенья
Нѣтъ у меня ни брать, ни одолжать,
Чтобъ не платить и не взимать процентовъ.
Но правило свое нарушу я,
Чтобъ выручить изъ крайняго стѣсненья
Пріятеля. *(Къ Бассаніо)*. Извѣстно-ли ему—
Вы сколько взять желаете?

Шейлокъ.

Да, знаю:
Три тысячи червонцевъ.

Антоніо.

И на срокъ
Трехмѣсячный.

Шейлокъ.

Я и забылъ. Да точно,
Три мѣсяца и поручитель—вы.
Сообразимъ. Послушайте, однако:
Вы, кажется, сказали, что у васъ
Привычки нѣтъ ни брать, ни дѣлать ссуды
Съ процентами?

Антоніо.

Не поступаю такъ
Я никогда.

Шейлокъ.

Когда овецъ Лавана
Іаковъ пасъ, Іаковъ этотъ былъ—
Онъ матери своей премудрой этимъ
Обязанъ—былъ онъ третьимъ по числу,
Преемникомъ святого Авраама.
Да, третьимъ, такъ.

Антоніо.

Ну, что же изъ того?
Проценты бралъ онъ, что ли?

Шейлокъ.

Нѣтъ, процентовъ
Не бралъ онъ; нѣтъ тутъ, не было того,
Что прямо вы процентами зовете.
Послушайте, что сдѣлалъ онъ. Лаванъ
Съ нимъ заключилъ условье, что ягнята,
Пелесые и пестренькіе, всѣ
Іакову служить наградой будутъ
За трудъ его. Когда пришла пора
Осенняя, овечки въ вожделѣньи
Пошли къ своимъ баранамъ—и начался
Межъ этою лохматою породой
Созданья трудъ. Тогда хитрецъ-пастухъ
Сталъ обдирать кору съ вѣтвей древесныхъ
И вѣтви тѣ предъ каждою овцой
Втыкалъ въ моментъ ея совокупленья—
И овцы зачинали, и потомъ
Рождалися все пестрые ягнята—
И было все Іаковле. Такой
Онъ путь избралъ для барыша—и небомъ
Благословенъ онъ былъ. Итакъ барышъ
Некраденый—благословенье неба.

Антоніо.

Іаковъ тутъ служилъ на рискъ, синьоръ:
Не отъ него зависѣла удача;
Его барышъ былъ божьею рукой
Опредѣленъ и сдѣланъ. Развѣ этимъ
Хотите вы проценты оправдать?
Иль серебро и золото у васъ
Одно и то-жъ, что овцы и бараны?

Шейлокъ.

Какъ вамъ сказать—я быстро ихъ пложу.
Послушайте, однако.

Антоніо.

Вотъ, Бассаньо,
Замѣть себѣ: ссылаться можетъ чортъ
На доводы священнаго писанья.
Когда душа порочная беретъ
Въ защитники свидѣтельство святое,
Она—злодѣй съ улыбкой на устахъ,
Красивый плодъ съ гнилою сердцевиной.
О, какъ на видъ всегда красива фальшь!

Шейлокъ.

Три тысячи червонцевъ! Это сумма
Почтенная. Три мѣсяца изъ году—
Сообразимъ, процентовъ сколько тутъ
Приходится?

Антоніо.

Ну, что жъ, Шейлокъ, скажите,
Хотите вы насъ одолжить?

Шейлокъ.

Синьоръ
Антонію, припомните, какъ часто
Въ Ріальто вы ругались надо мной
Изъ-за моихъ же денегъ и процентовъ,
Я это все всегда переносилъ,
Съ терпѣніемъ плечами пожимая;
Терпѣніе жъ—наслѣдственный удѣлъ
Всей націи еврейской. Вы меня
Ругали псомъ, отступникомъ, злодѣемъ,

Плевали мнѣ на мой кафтанъ жидовскій,
И это все за то лишь, что своимъ
Я пользуюсь. Теперь, какъ видно, помощь
Моя нужна—ну, что жъ! впередъ! и вы
Приходите ко мнѣ и говорите:
„Шейлокъ, намъ нужны деньги". Это вы
Такъ просите, вы, часто такъ плевавшій
Мнѣ въ бороду, дававшій мнѣ пинки,
Какъ-будто псу чужому, что забрался
На вашъ порогъ. Вамъ нужны деньги.
Что жъ
Мнѣ слѣдуетъ отвѣтить? Не сказать ли:
„Да развѣ же имѣетъ деньги песъ?
Да развѣ же возможно, чтобъ собака
Три тысячи червонцевъ вамъ дала?"
Иль, можетъ-быть, я долженъ низко шляпу
Предъ вами снять и тономъ должника,
Едва дыша, вамъ прошептать смиренно:
„Почтеннѣйшій синьоръ мой, на меня
Вы въ середу прошедшую плевали,
Въ такой-то день вы дали мнѣ пинка,
Въ другой—меня собакой обругали;
И вотъ теперь, за ласки эти всѣ,
Я приношу вамъ столько-то и столько".

Антоніо.

Я и теперь готовъ тебя назвать
Собакою и точно такъ же плюнуть
Въ твое лицо, и дать тебѣ пинка.
Когда взаймы ты дать согласенъ деньги,
Такъ и давай—не какъ друзьямъ своимъ...
Ну, видано ль, чтобъ дружба заставляла
Друзей платить проценты за металлъ
Безплоднѣйшій!.. Нѣтъ, какъ врагу, скорѣе
Ты деньги дай, чтобъ, если въ срокъ тебѣ
Онъ не отдастъ, ты могъ, не церемонясь,
Съ него взыскать.

Шейлокъ.

Ну, посмотрите, какъ
Вспылили вы! Хотѣлось бы мнѣ съ вами
Друзьями быть, снискать у васъ любовь,
Забыть позоръ, которымъ вы пятнали
Всегда меня, въ нуждѣ вамъ пособить,
Не взявъ за то процентовъ ни копѣйки
На собственныя деньги, а меня
И выслушать вы не хотите. Право,
По-дружески я предлагаю вамъ.

Бассаніо.

Дѣйствительно, по-дружески.

Шейлокъ.

И это
Я докажу. Къ нотаріусу мы
Сейчасъ пойдемъ; вы на простой роспискѣ
Подпишетесь, и такъ, для шутки, въ ней
Напишемъ мы, что если не внесете
Въ такой-то день, въ такомъ-то мѣстѣ мнѣ
Ту сумму всю, которая въ роспискѣ
Означится, то неустойкой съ васъ
Фунтъ вашего прекраснѣйшаго мяса
Послужитъ мнѣ—и буду властенъ я
Тамъ вырѣзать его, гдѣ пожелаю.

Антоніо.

Что жъ, я не прочь! Подъ векселемъ такимъ
Я подпишусь и объявлю, что жидъ
Безмѣрно добръ.

Бассаніо.

Нѣтъ, векселя такого
Ты за меня не выдашь. Я готовъ
Скорѣй въ нуждѣ остаться.

Антоніо.

Э, не бойся:
Не будетъ мной просрочено. Еще
Два мѣсяца—такъ, стало-быть, до срока
За тридцать дней—и долженъ получить
Я вдесятеро болѣе той суммы,
Что мы займемъ.

Шейлокъ.

О, отче Авраамъ!
Вотъ каковы всѣ эти христіане!
Ихъ собственная жесткость учитъ ихъ
Подозрѣвать въ другихъ дурныя мысли.
(Къ Бассаніо). Ну, сами вы скажите: если
онъ
Въ срокъ не внесетъ—изъ этой неустойки
Что пользы мнѣ? Людского мяса фунтъ.
Вѣдь, цѣнится гораздо ниже мяса
Не только что барана, но козла.
Лишь для того ему услугу эту
Я предложилъ, чтобъ пріобрѣсть себѣ
Его пріязнь. Согласенъ онъ—извольте!
Не хочетъ онъ—прощайте, я прошу
За дружбу къ вамъ не обвинять Шейлока.

Антоніо.

Шейлокъ, готовъ я вексель подписать.

Шейлокъ.

Ступайте же къ нотаріусу: скоро
И я приду. Скажите тамъ ему,
Какъ написать забавный этотъ вексель,
А я пойду—червонцы соберу,
Да посмотрю, что дѣлается дома:
Онъ у меня оставленъ подъ присмотръ
Опаснѣйшій безпутнаго слуги.
Я къ вамъ приду немедленно.

(Уходитъ).

Антоніо.

Ступай,
Мой милый жидъ. Онъ къ вѣрѣ христіанской
Навѣрно обратится: что-то сталъ
Онъ слишкомъ добръ.

Бассаніо.

Тотъ человѣкъ мнѣ гадокъ,
Въ комъ мысли гнусныя, языкъ же льстивъ
и гладокъ.

Антоніо.

Пойдемъ. Бояться намъ не слѣдуетъ жида:
До срока векселя придутъ мои суда.

(Уходятъ).

Левъ Св. Марка. Орнаментъ Витторе Карпачіо (Vittore Carpaccio, XVI вѣкъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Бельмонтъ. Комната въ домѣ Порціи.

Трубы. Входятъ принцъ Мароккскій *со свитой,* Порція, Нерисса *и другія ея прислужницы.*

Принцъ Мароккскій.

Не отвергай меня изъ-за того,
Что черенъ я: то мрачная ливрея
Полуденнаго солнца—моего
Ближайшаго сосѣда и кормильца.
Пускай придетъ красивѣйшій сюда
Изъ всѣхъ людей, на сѣверѣ рожденныхъ,
Въ той сторонѣ, гдѣ ледъ едва-едва
Подъ фебовымъ огнемъ растаять можетъ;
Пусть изъ любви къ тебѣ и я, и онъ
Дадимъ себѣ разрѣзъ на кожѣ сдѣлать—
Увидите, чья будетъ кровь краснѣй.
Синьора, вѣрь—лицо мое въ храбрѣйшихъ
Вселяло страхъ; любовію моей
Клянусь тебѣ, прекраснѣйшія дѣвы
Моей страны смотрѣли на него
Съ любовію! Разстаться съ этимъ цвѣтомъ
Рѣшился бы я только для того,
Чтобъ у тебя твои похитить чувства,
Прекрасная владычица моя.

Порція.

Я въ выборѣ руковожусь не только
Совѣтами глазъ дѣвичьихъ; притомъ
Судьбой моей владѣетъ лоттерея—
И выборомъ своимъ располагать
Не вправѣ я; но если бъ только воля
Отцовская не приказала мнѣ
Отдать себя тому, кто завладѣетъ
Моей рукой тѣмъ средствомъ, о которомъ
Я только-что сказала вамъ, то вы,
Принцъ доблестный, могли бы точно такъ же
Искать моей пріязни, какъ и всѣ,
Кого я здѣсь до этихъ поръ встрѣчала.

Принцъ Мароккскій.

Благодарю васъ и за то. Теперь,
Пожалуйста, меня вы поведите
Къ шкатулкамъ тѣмъ: я счастія хочу
Попробовать. Клянуся этой саблей,

Принесшей смерть Софи и одному
Персидскому владыкѣ—этой саблей,
Которою три славныя сраженья
Я выигралъ султану Сулиману,
Что я готовъ блескъ самыхъ смѣлыхъ глазъ
Затмить моимъ, и высшую отвагу,
Какая есть на свѣтѣ, одолѣть,
И медвѣжатъ отъ материнской груди
Прочь оторвать, и даже надо львомъ,
Алкающимъ добычи, издѣваться—
Все для того, чтобъ завладѣть тобой,
Красавица! Но, ахъ, межъ-тѣмъ какъ Лихасъ
И Геркулесъ играютъ въ кости съ тѣмъ,
Чтобъ порѣшить, кто изъ двоихъ храбрѣе,
Вдругъ можетъ такъ случиться, что рука
Слабѣйшаго удачнѣй кости кинетъ—
И побѣдитъ Алкида пажъ его!
Ахъ, такъ и я, фортуною слѣпою
Руководимъ, могу то потерять,
Чѣмъ менѣе достойный завладѣетъ,
И умереть отъ горя!

Порція.

Вы должны
Итти на рискъ: иль вовсе отказаться
Отъ выбора, иль—прежде чѣмъ начать
Присягу дать, что если ошибетесь,
То ни одной изъ женщинъ никогда
Не будете вы говорить о бракѣ.
Поэтому подумайте.

Принцъ Мароккскій.

На все
Согласенъ я. Ведите къ лотереѣ.

Порція.

Сперва во храмъ; потомъ за столъ—а тамъ
Вы можете и счастья попытать.

Принцъ Мароккскій.

Идемъ! Судьба, ты дашь мнѣ счастье жизни всей,
Иль проклянешь на вѣкъ немилостью своей.
(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Венеція. Улица.

Входитъ Ланчелотъ Гоббо.

Ланчелотъ. Безъ всякаго сомнѣнья, моя совѣсть позволитъ мнѣ убѣжать отъ этого жида, моего хозяина. Злой духъ толкаетъ меня подъ бокъ и соблазняетъ меня, говоря: „Гоббо, Ланчелотъ Гоббо, добрый Ланчелотъ, или добрый Гоббо, или добрый Ланчелотъ Гоббо, употреби въ дѣло свои ноги, навостри лыжи, удирай!“ А совѣсть говоритъ: „Нѣтъ, берегись, честный Ланчелотъ, берегись, честный Гоббо, или—какъ выше сказано—честный Ланчелотъ Гоббо, не удирай, оставь ноги въ покоѣ“. Ну, хорошо. Но дьяволъ все не отстаетъ и велитъ укладываться. „Маршъ!“ говоритъ чортъ; „проваливай!“ говоритъ чортъ; „ради самого себя, соберись съ духомъ!“ говоритъ чортъ—„и бѣги!“ Ну, хорошо. Но тутъ совѣсть бросается на шею къ моему сердцу и мудро говоритъ мнѣ: „мой честный другъ Ланчелотъ, такъ какъ ты сынъ честнаго человѣка“—или, вѣрнѣе, честной женщины, потому что, правду сказать, мой папенька иногда любилъ погулять: были у него коекакіе вкусы. Итакъ совѣсть говоритъ мнѣ: „Ланчелотъ—ни съ мѣста!“—„Ступай!“ говоритъ дьяволъ.—„Ни съ мѣста!“ говоритъ моя совѣсть. „Совѣсть“, говорю я, „твой совѣтъ хорошъ. „Дьяволъ“, говорю я, „твой совѣтъ хорошъ!“ Если повиноваться совѣсти, то слѣдуетъ остаться у жида, моего хозяина, который—прости меня Господи—тоже изъ дьяволовъ; если я убѣгу отъ жида, то послушаюсь чорта, который, съ позволенія сказать, ужъ настоящій чортъ. Нѣтъ сомнѣнія, что жидъ—воплощенный сатана, и, говоря по совѣсти, моя совѣсть—жестокая совѣсть, коли совѣтуетъ мнѣ оставаться у жида. Чортъ даетъ мнѣ болѣе дружескій совѣтъ. Я убѣгу, чортъ. Мои пятки къ твоимъ услугамъ.

Входитъ старикъ Гоббо *съ корзиной*.

Старикъ Гоббо. Синьоръ, молодой человѣкъ, скажите мнѣ, пожалуйста, какъ тутъ пройти къ господину жиду?

Ланчелотъ *(въ сторону)*. О, небо, это мой законный отецъ! Онъ не только подслѣповатъ, но и совсѣмъ слѣпъ, и потому не узнаетъ меня. Сыграю съ нимъ какую-нибудь штуку.

Старикъ Гоббо. Синьоръ, молодой кавалеръ, пожалуйста, скажите, какъ пройти къ господину жиду?

Ланчелотъ. Поворотите направо при первомъ поворотѣ, а при самомъ первомъ—налѣво; но смотрите—при первомъ не сворачивайте ни вправо, ни влѣво, а идите прямо внизъ къ дому жида.

Старикъ Гоббо. Господи милосердый, эту дорогу не легко найдешь. Не можете ли сказать мнѣ: нѣкій Ланчелотъ, который живетъ у него—живетъ ли у него, или нѣтъ?

Ланчелотъ. Вы говорите о молодомъ

синьорѣ Ланчелотѣ? *(Въ сторону).* Замѣчайте-ка, какъ у меня забьетъ фонтанъ! *(Вслухъ).* Вы говорите о молодомъ синьорѣ Ланчелотѣ?

Старикъ Гоббо. Не о синьорѣ, синьоръ, но о сынѣ бѣднаго человѣка; его отецъ—хотя это говорю я—честный и крайне бѣдный человѣкъ, но, слава Богу, держится на ногахъ.

Ланчелотъ. И прекрасно; пусть его отецъ будетъ, кѣмъ ему угодно—мы говоримъ о молодомъ синьорѣ Ланчелотѣ.

Старикъ Гоббо. О Ланчелотѣ, коли будетъ угодно вашей милости.

Ланчелотъ. Поэтому прошу васъ, старикъ, ergo, я умоляю васъ—вы говорите о молодомъ синьорѣ Ланчелотѣ?

Старикъ Гоббо. О Ланчелотѣ, если позволитъ ваша милость.

Ланчелотъ. *Ergo*, о синьорѣ Ланчелотѣ. Не говорите о синьорѣ Ланчелотѣ, старикъ, ибо сей молодой синьоръ, по волѣ судьбы и рока, и, говоря подобнымъ ученымъ слогомъ, по волѣ трехъ сестеръ и другихъ отраслей наукъ, дѣйствительно скончался, или, какъ бы вы сказали безъ обиняковъ, отправился на тотъ свѣтъ.

Старикъ Гоббо. О, Господи спаси и помилуй! Вѣдь этотъ малый былъ единственнымъ посохомъ моей старости, единственною моею подпорою.

Ланчелотъ. Да развѣ я похожъ на палку, или бревно, или посохъ, или подпорку? Знаете ли вы меня отецъ?

Старикъ Гоббо. Ахъ, Боже мой! Я не знаю васъ, молодой синьоръ, но прошу васъ, скажите мнѣ, что мой малый—упокой Господи его душу—живъ или умеръ?

Ланчелотъ. Вы не узнаете меня, батюшка?

Старикъ Гоббо. Увы, синьоръ, я почти слѣпъ: я не знаю васъ.

Ланчелотъ. Правду сказать, не будь вы даже слѣпы, вы бы, пожалуй, все-таки не узнали меня. Мудръ тотъ отецъ, который узнаетъ свое собственное дитя. Хорошо, старикъ: я сообщу вамъ свѣдѣнія о вашемъ сынѣ. Благословите меня! Правда должна обнаружиться. Убійство не можетъ оставаться долго скрытымъ — сынъ человѣка можетъ, но правда должна, наконецъ, обнаружиться.

Старикъ Гоббо. Пожалуйста—синьоръ—встаньте, Я увѣренъ, что вы не Ланчелотъ, мой сынъ.

Ланчелотъ. Пожалуйста, перестаньте шутить и дайте мнѣ ваше благословеніе; я Ланчелотъ, когда то вашъ маленькій мальчикъ, теперь вашъ взрослый сынъ и на всегда ваше дитя.

Старикъ Гоббо. Я не могу вѣрить, что вы мой сынъ.

Ланчелотъ. Я не знаю, что мнѣ думать на этотъ счетъ, но я Ланчелотъ, слуга жида, и увѣренъ, что Маргарита, ваша жена—моя мать.

Старикъ Гоббо. Дѣйствительно, ее зовутъ Маргаритой; если ты Ланчелотъ, то я готовъ поклясться, что ты моя плоть и кровь. Да будетъ благословенъ Господь! Какая борода у тебя выросла! У тебя на подбородкѣ больше волосъ, чѣмъ у моей пристяжной лошади, Доббина, на хвостѣ.

Ланчелотъ. Надо, значитъ, полагать, что хвостъ Доббина растетъ внутрь. Я увѣренъ, что въ послѣдній разъ, какъ я видѣлся съ нею, у нея на хвостѣ было больше волосъ, чѣмъ у меня на лицѣ.

Старикъ Гоббо. Господи, какъ ты измѣнился! Ну, какъ ты ладишь съ своимъ хозяиномъ? Я принесъ ему подарокъ. Какъ вы теперь ладите?

Ланчелотъ. Хорошо, хорошо. Но что касается меня и такъ какъ я рѣшился убѣжать отъ него, то не остановлюсь, пока не уйду подальше. Мой хозяинъ — сущій жидъ. Ему подарокъ! Вы лучше подарите ему веревку. Я у него съ голоду умираю; такъ исхудалъ, что вы можете всѣ мои ребра по пальцамъ пересчитать. Я радъ, батюшка, что вы пришли. Отдайте лучше этотъ подарокъ Бассаніо: вотъ онъ, скажу по совѣсти, даетъ удивительныя новыя ливреи. Коли мнѣ не удастся поступить къ нему на службу, то я убѣгу въ такую даль, какая только у Господа Бога существуетъ. О, рѣдкое счастіе! Вотъ и онъ самъ. Скорѣе къ нему, батюшка, потому что будь я жидъ, коли стану долѣе служить у жида.

Входятъ Бассаніо, Леонардо *и другіе слуги.*

Бассаніо. Можешь это сдѣлать, но поторопись, потому что ужинъ долженъ быть готовъ по крайней мѣрѣ въ пять часовъ. Разошли эти письма по адресамъ, закажи ливреи и попроси Граціано зайти ко мнѣ.

(*Одинъ изъ слугъ уходитъ*).

Ланчелотъ. Подойдите къ нему, батюшка.

Старикъ Гоббо. Богъ въ помощь вашей милости!

Бассаніо. Очень благодаренъ. Что тебѣ нужно?

Старикъ Гоббо. Синьоръ, вотъ мой сынъ, бѣдный малый.

Ланчелотъ. Нѣтъ, синьоръ, не бѣдный малый, а богатаго жида слуга, который хотѣлъ бы, какъ объяснитъ вамъ мой папенька...

Старикъ Гоббо. Онъ, синьоръ, имѣетъ, какъ это говорится, большую склонность служить.

Ланчелотъ. Ну, да, словомъ сказать, я служу у жида и имѣю желаніе, какъ это объяснитъ вамъ мой папенька..,

Старикъ Гоббо. Его хозяинъ и онъ, не во гнѣвъ будь сказано вашей милости, живутъ ладно, какъ кошка съ собакой.

Ланчелотъ. Короче сказать, все дѣло въ томъ, что такъ какъ жидъ притѣсняетъ меня, то это заставляетъ меня, какъ сейчасъ мой папенька, съ божьею милостью старый человѣкъ, съ подробностью доложитъ вамъ..

Старикъ Гоббо. Тутъ у меня блюдо изъ голубей, которое я желалъ бы предложить вашей милости; а прошу я о томъ...

Ланчелотъ. Чтобъ совсѣмъ не тратить словъ: моя просьба очень меня интересуетъ, какъ ваша милость узнаете отъ этого честнаго стараго человѣка, который, хоть это я говорю, хоть онъ старый человѣкъ, но онъ бѣдный человѣкъ и мой родитель.

Бассаніо. Да говори кто-нибудь одинъ. Что вамъ нужно?

Ланчелотъ. Хочу служить у васъ синьоръ.

Старикъ Гоббо. Да, вотъ это мы и хотѣли вамъ доложить, синьоръ.

Бассаніо.

Тебя я знаю—и твое желанье
Исполнено. Шейлокъ, твой господинъ,
Со мною говорилъ еще сегодня—
И на твое согласіе повышенье,
Коль можно повышеніемъ назвать
У богача жида оставить службу
И поступить къ такому бѣдняку.

Ланчелотъ. Старая пословица, синьоръ, отлично раздѣлилась на-двое между моимъ хозяиномъ Шейлокомъ и вами; у васъ милость Божья, а у него—деньги.

Бассаніо.

Твои слова удачны. Ну, теперь
Отецъ и сынъ, ступайте. Съ господиномъ
Своимъ простись и приходи ко мнѣ.
(Своимъ слугамъ).
Снабдить его ливреей—покрасивѣй,
Чѣмъ у другихъ товарищей его.
Смотрите же, исполнить приказанье.

Ланчелотъ. Идемъ, родитель. А, такъ я неспособенъ найти себѣ мѣста? А, такъ у меня нѣтъ языка въ головѣ? То-то! *(Смотритъ на свою ладонь)*. Ну, есть ли въ Италіи человѣкъ, который могъ бы, принося присягу, положить на библію ладонь лучше этой? Ужъ я буду счастливъ—это вѣрно: посмотрите-ка на эту простую линію жизни. Вонъ сколько женъ тутъ обѣщается мнѣ! Увы, пятнадцать женъ—это сущіе пустяки! Одиннадцать вдовъ и девять дѣвушекъ — это только чуть-чуть въ пору одному мужчинѣ. А эта тройственная линія! А вотъ этотъ знакъ, говорящій, что мнѣ грозитъ опасность на краю перины! Если фортуна женщина—то славная она баба: спасибо ей за всѣ ея дары. Пойдемъ, папенька: я въ одно мгновеніе прощусь съ жидомъ.
(Уходитъ съ Гоббо).

Бассаніо *(къ Леонардо).*

Пожалуйста, мой добрый Леонардо,
Распорядись; когда жъ закупишь все
И все совсѣмъ устроишь—возвращайся
Ко мнѣ скорѣй: сегодня угостить
Хочу друзей ближайшихъ. Поспѣши же.

Леонардо.

Употреблю всѣ силы для того.

Входитъ Граціано.

Граціано. Гдѣ твой господинъ?
Леонардо. Вотъ онъ прохаживается.
(Уходитъ).

Граціано. Синьоръ Бассаніо!
Бассаніо. Граціано!
Граціано. У меня есть къ вамъ просьба.
Бассаніо. Заранѣе согласенъ!
Граціано. Вы не можете мнѣ отказать въ этомъ: я долженъ ѣхать съ вами въ Бельмонтъ.

Бассаніо.

Коли должны, такъ ѣдемъ. Но, послушай,
Ты слишкомъ грубъ и дерзокъ на языкъ
И черезчуръ горячъ. Всѣ эти свойства
Къ тебѣ идутъ довольно хорошо
И нравятся такимъ глазамъ, какъ наши;
Но, вѣдь для тѣхъ, которые тебя
Не знаютъ, ты ужъ черезчуръ свободнымъ
Покажешься. Поэтому прошу:
Принудь себя и въ духъ свой кипяченый
Воздержности холодныхъ капель влей;
А то своимъ безумнымъ поведеньемъ,
Вѣдь, и меня уронишь ты—и я
Разбитыми увижу всѣ надежды.

ГРАЦІАНО.

Послушайте, синьоръ: коль не приму
Я скромную осанку и не стану
Почтительно бесѣдовать, и только
По временамъ ругаться, и носить
Молитвенникъ въ карманѣ, и смиренно
Склонять главу, и—что еще важнѣй—
Въ часы молитвъ скрывать вотъ такъ подъ шляпой
Свои глаза, и говорить „аминь",
И воздыхать, и соблюдать престрого
Всѣ правила приличія, какъ тѣ,
Которые умѣютъ притворяться
Святошами, чтобъ бабушкѣ своей
Понравиться—то можете не вѣрить
Мнѣ никогда.

БАССАНІО.

Ну, ладно—мы увидимъ.

ГРАЦІАНО.

Лишь нынѣшній я вечеръ исключаю.
По нынѣшнему вечеру меня
Вы не судите!

БАССАНІО.

Это было бъ жаль!
Напротивъ, я просилъ бы васъ облечься
Въ смѣлѣйшую веселость; къ намъ придутъ
Друзья затѣмъ, чтобъ въ волю посмѣяться.
Однако же, есть дѣло у меня.
Прощай пока.

ГРАЦІАНО.

А я схожу къ Лоренцо
И къ остальнымъ; но только-что пробьетъ
Часъ ужина, мы снова ваши гости.
(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Венеція. Комната въ домѣ Шейлока.

Входятъ ДЖЕССИКА *и* ЛАНЧЕЛОТЪ.

ДЖЕССИКА.

Мнѣ очень жаль, что ты отъ насъ уходишь:
Нашъ домъ—вѣдь адъ, а ты, веселый чортъ,
Въ немъ истреблялъ отчасти запахъ скуки.
Ну, что жъ—прощай. Вотъ золотой тебѣ.
Ахъ, Ланчелотъ, за ужиномъ Лоренцо
Увидишь ты—онъ приглашенъ твоимъ
Хозяиномъ: отдай ему вотъ эту
Записочку, да только чтобъ никто
Не увидалъ. Прощай же. Не хочу я,
Чтобъ мой отецъ засталъ меня съ тобой.

ЛАНЧЕЛОТЪ. Адье! Слезы замѣняютъ мои слова. Прелестнѣйшая язычница, восхитительнѣйшая жидовка, если какой-нибудь христіанинъ не смошенничаетъ, чтобъ завладѣть тобою, то я сильно обманусь въ своихъ ожиданіяхъ. Но, адье! Эти глупыя слезы почти потопили мой мужественный духъ. Адье!

(Уходитъ).

ДЖЕССИКА.

Прощай, прощай, мой добрый Ланчелотъ!
Увы, какой я страшный грѣхъ свершаю
Тѣмъ, что стыжусь быть дочерью того,
Кто мой отецъ! Но только, вѣдь, по крови
Я дочь его, а не по чувствамъ. О,
Лоренцо мой, сдержи лишь обѣщанье—
И кончу я борьбу, и стану, милый мой,
И христіанкою, и любящей женой!
(Уходитъ).

СЦЕНА IV.

Венеція. Улица.

Входятъ ЛОРЕНЦО, ГРАЦІАНО, САЛАРИНО *и* САЛАНІО.

ЛОРЕНЦО.

Да, мы уйдемъ изъ-за стола украдкой
Ко мнѣ домой—переодѣться тамъ,
И черезъ часъ вернемся.

ГРАЦІАНО.

Не готовы
Достаточно мы къ этому.

САЛАРИНО.

Себѣ
Не наняли мы факельщиковъ даже.

СОЛАНІО.

Коль это все не сдѣлать щегольски,
Такъ выйдетъ дрянь; ужъ лучше намъ не браться,
Я думаю.

ЛОРЕНЦО.

Всего, вѣдь, пятый часъ—
Намъ два часа осталось, чтобъ собраться.

Входитъ ЛАНЧЕЛОТЪ *съ письмомъ.*

ЛОРЕНЦО.

Что новаго, пріятель Ланчелотъ?

ЛАНЧЕЛОТЪ. Если вамъ будетъ угодно распечатать это письмо, то, вѣроятно, оно сообщитъ вамъ новость.

З
Г
Н
И

в

г
н
с

Г
С
Н

У
Г

Д

И

Е
З

С
З

С
Е
Е
И
И
К
К
Т
Е
Н
П

ШЕЙЛОКЪ и ДЖЕССИКА.

Картина извѣстнаго нѣмецкаго живописца, профессора Дрезденской академіи Генриха Гофмана (Heinrich Hofmann, p. 1824).

Лоренцо.

Знакомая рука—и, признаюсь,
Прелестная—бѣлѣе, чѣмъ бумага.
Которая той милою рукой
Исписана.

Граціано.

Любовное посланье?

Ланчелотъ. Точно такъ, синьоры, съ вашего позволенья. *(Идетъ).*

Лоренцо. Куда ты идешь?

Ланчелотъ. Эхъ, синьоръ, иду приглашать моего прежняго господино, жида, на ужинъ къ моему новому хозяину—христіанину.

Лоренцо *(давая ему деньги).*
Постой, возьми—и Джессикѣ прелестной
Скажи, что приду къ ней. Да смотри,
Не попадись Ступай же.
(Ланчелотъ уходитъ).

Ну, синьоры,
Угодно вамъ итти на маскарадъ
Готовиться? Я факельщика нанялъ.

Саларино.

Да, такъ и быть—сейчасъ же я иду.

Соланіо.

И я иду.

Лоренцо.

Меня и Граціано
Вы черезъ часъ въ квартирѣ у него
Застанете. Мы ждемъ васъ.

Саларино.

Не замедлимъ.
(Уходятъ съ Соланіо).

Граціано.

Отъ Джессики прелестной получилъ
Записку ты?

Лоренцо.

Тебѣ во всемъ открыться
Обязанъ я: она мнѣ пишетъ, какъ
Ее могу я увезти изъ дома
Ея отца и сколько есть у ней
И золота, и драгоцѣнныхъ камней—
И говоритъ, что припасла себѣ
Костюмъ пажа. Коль жидъ, ея родитель,
Когда-нибудь на небо попадетъ,
Такъ ради лишь своей прелестной дочки.
Ей поперекъ дороги никогда
Несчастіе не станетъ, развѣ только
Подъ тѣмъ однимъ предлогомъ, что она—
Дочь мерзкаго жида. Пойдемъ. Ты это
Дорогою прочесть успѣешь. Мнѣ,
Другъ, Джессика факелоносцемъ будетъ.
(Уходятъ).

СЦЕНА V.

Венеція. Мѣсто передъ домомъ Шейлока.

Входятъ Шейлокъ *и* Ланчелотъ.

Шейлокъ.

Ну, хорошо; своими же глазами
Всю разницу увидишь скоро ты
Межъ старикомъ Шейлокомъ и Бассаніо...
Эй, Джессика!.. Не будешь у него
Такъ сильно жрать, какъ у меня, бывало.—
Эй, Джессика!.. Не будешь спать, храпѣть
И платья рвать... Эй, Джессика! да гдѣ ты?

Ланчелотъ.

Эй, Джессика!

Шейлокъ.

Тебѣ кто звать велитъ?
Вѣдь, отъ меня приказа ты не слышалъ.

Ланчелотъ. Ваша милость всегда говорили мнѣ, что я ничего не умѣю сдѣлать, пока мнѣ не прикажутъ.

Входитъ Джессика.

Джессика.

Вы кликали? Что будетъ вамъ угодно?

Шейлокъ.

На ужинъ я сегодня приглашенъ—
Такъ вотъ возьми ключи мои. Однако,
Зачѣмъ бы мнѣ итти туда? Меня
Не изъ любви, конечно, пригласили:
Они мнѣ льстятъ. Но все таки пойду
И буду ѣсть изъ ненависти только:
Пусть платится мой христіанинъ мотъ!
Ну, Джессика, дитя мое, за домомъ
Ты присмотри. Какое то несчастье
Готовится покою моему:
Сегодня мнѣ мѣшки съ монетой снились.

Ланчелотъ. Синьоръ, я умоляю васъ пожаловать: мой молодой господинъ ждетъ вашего прибытія.

Шейлокъ. Точно также и я жду свиданія съ нимъ.

Ланчелотъ. Они тамъ составили заговоръ. Я не говорю, что вы увидите маскарадъ; но если увидите, то не даромъ въ послѣдній чистый понедѣльникъ, въ шесть

[illegible] и [illegible]

Картина [illegible] профессора [illegible] академии [illegible] (Петербург Нотгаин [illegible] 1821).

Знак
Прел
Кото
Испи

Л
ваше
Л
Л
глаш
на у
стіа

Пос
Ска
Не

Уго
Гот

Да,

И

Вы
Зас

От
За

Об
Ее
Ея
И
И
Кс
Кс
Та
Ей
Не
По

ШЕЙЛОКЪ и ДЖЕССИКА.

Картина извѣстнаго нѣмецкаго живописца, профессора Дрезденской академіи Генриха Гофмана (Heinrich Hofmann, p. 1824).

часовъ утра, у меня шла кровь изъ носу;
а передъ этимъ въ послѣдній разъ она
шла четыре года тому назадъ, въ пятницу
на первой недѣлѣ поста, послѣ обѣда.

Шейлокъ.

Какъ, маскарадъ тамъ будетъ?
(*Джессикѣ*). Ну, послушай,
Дитя мое: всѣ двери ты запри,
И если стукъ услышишь барабана
Иль мерзкій пискъ искривленной трубы—
Не смѣй взлѣзать на окна и не суйся
На улицу, чтобъ милыхъ христіанъ
Съ раскрашенными рожами увидѣть.
Нѣтъ, уши ты въ, моемъ дому заткни—
Я разумѣю окна; пусть въ жилище
Почтенное шумъ глупой суеты
Не проскользнетъ. Клянусь жезломъ свя-
щеннымъ
Іакова, сегодня пировать
Внѣ дома мнѣ не хочется. Однако
Отправлюсь я.
(*Ланчелоту*).
Ну, ты ступай впередъ—
Скажи, что я приду.

Ланчелотъ.

Я отправлюсь
Впередъ, синьоръ.

(*Тихо Джессикѣ*).
Не слушайте его
И все-таки въ окошко посмотрите:
Пройдетъ христіанинъ, синьора,
Достойный еврейскаго взора.
(*Уходитъ*).

Шейлокъ.

Что этотъ шутъ изъ племени Агари
Сказалъ тебѣ?

Джессика.

„Прощайте", онъ сказалъ—
И больше ничего.

Шейлокъ.

Онъ добрый малый,
Но страшно жретъ; въ работѣ, какъ улитка,
Онъ мѣшкаетъ и спитъ по цѣлымъ днямъ,
Какъ дикій котъ. Пускать въ свой улей
трутней
Я не хочу; затѣмъ-то и его
Я отпустилъ и уступилъ другому,
Чтобъ этому другому онъ помогъ
Опустошить весь кошелекъ заемный.
Ну, Джессика, ступай теперь домой;
Быть-можетъ, я и возвращусь сейчасъ же.
Все сдѣлай такъ, какъ я сказалъ. Запри
Всѣ двери за собой. Ты знаешь
Пословицу: запрешь плотнѣй, найдешь вѣр-
нѣй;
Она всегда въ умахъ разсчетливыхъ людей.
(*Уходитъ*).

Джессика (*смотря ему вслѣдъ*).
Прощайте! Лишь бы мнѣ судьба не помѣ-
шала:
Дочь потеряли вы, отца я потеряла.
(*Уходитъ*).

СЦЕНА VI.

Тамъ же.

Входитъ Граціано *и* Саларино *замаскированные.*

Граціано.

Вотъ тотъ навѣсъ, гдѣ мнѣ съ тобой Лоренцо
Свиданіе назначилъ.

Саларино.

Часъ его
Почти прошелъ.

Граціано.

И диво мнѣ, какъ это
Онъ опоздалъ; бѣгутъ скорѣй часовъ
Любовники.

Саларино.

О, голуби Венеры,
Когда они стремятся заключить
Любви союзъ, то въ десять разъ быстрѣе
Летятъ, чѣмъ въ тѣ часы, когда должны
Не нарушать клятвъ, прежде данныхъ.

Граціано.

Это
Всегда ужъ такъ. Никто изъ-за стола
Не можетъ встать съ такимъ же аппети-
томъ,
Съ какимъ онъ сѣлъ. Нѣтъ лошади такой,
Которая обратною дорогой
Бѣжала бъ такъ безумно-горячо,
Какъ начала. За всякой вещью въ свѣтѣ
Мы гонимся усерднѣе тогда,
Когда еще не насладились ею.
На юношу и мота какъ похожъ
Корабль, когда, весь флагами украшенъ,
Изъ гавани родной выходитъ онъ,
Лобзаемый зефиромъ сладострастнымъ.
И какъ похожъ на мота онъ, когда
Придетъ назадъ, съ помятыми боками

И съ парусомъ изодраннымъ, худой,
Замученный зефиромъ сладострастнымъ.

Входитъ Лоренцо.

САЛАРИНО.

А, вотъ и онъ. Объ этомъ мы еще
Поговоримъ.

ЛОРЕНЦО.

Любезные друзья,
Простите мнѣ такое промедленье.
Виной тому не я—мои дѣла.
Когда и вамъ красть женъ придетъ охота,
Я столько же васъ ожидать готовъ.
Подите-ка поближе—здѣсь живетъ
Мой тесть-еврей. Эй, кто тамъ?

Въ окнѣ показывается Джессика *въ мужскомъ платьѣ.*

ДЖЕССИКА.

Кто вы? Дайте
Скорѣй отвѣтъ, чтобъ больше я была
Увѣрена, хотя могу поклясться,
Что голосъ вашъ узнала.

ЛОРЕНЦО.

Я—Лоренцо.

Твоя любовь.

ДЖЕССИКА.

Лоренцо—это такъ;
Моя любовь—дѣйствительно: на свѣтѣ
Я никого такъ сильно не люблю!
Но кромѣ васъ, извѣстно ли, Лоренцо,
Кому-нибудь, что также и меня
Вы любите?

ЛОРЕНЦО.

Богъ, Джессика, и чувства
Твоей души свидѣтели тому.

ДЖЕССИКА.

Ловите-ка шкатулку эту: стоитъ
Она того. Я рада, что темно
И что меня не можете вы видѣть:
Мнѣ стыдно такъ костюма своего;
Но, вѣдь, любовь слѣпа, и тотъ, кто любитъ,
Не видитъ милыхъ шалостей своихъ:
Не то Амуръ сгорѣлъ бы отъ стыда,
Увидѣвши на мнѣ мужское платье.

ЛОРЕНЦО.

Сойди сюда—ты факелъ понесешь
Передо мной.

ДЖЕССИКА.

Какъ! освѣщать я буду
Сама свой стыдъ? Вѣдь, онъ и безъ того
Ужъ слишкомъ ясенъ. Мнѣ скрываться надо,
А это должность видная.

ЛОРЕНЦО.

Мой ангелъ,
И безъ того ты скрыта подъ своимъ
Прелестнѣйшимъ костюмомъ. Ну, сойди же
Скорѣе внизъ. Ночь скоро пролетитъ,
А насъ, вѣдь, ждетъ Бассаніо на ужинъ.

ДЖЕССИКА.

Я затворю всѣ двери, а себя
Позолочу червонцами побольше—
И къ вамъ.

ГРАЦІАНО.

Клянусь я маскою—она
Прелестная и вовсе не жидовка.

ЛОРЕНЦО.

Будь проклятъ я, когда не отъ души
Ее люблю. Она умна, насколько
Могу судить; прелестна, если мнѣ
Мои глаза не говорятъ неправды;
Она вѣрна, что доказала мнѣ.
И потому, владѣя и умомъ,
И красотой, и вѣрностію, вѣчно
Въ моей душѣ жить будетъ.

Входитъ Джессика.

ЛОРЕНЦО.

Ты ужъ здѣсь?
Идемте жъ: насъ ужъ маски ожидаютъ.

(Уходитъ съ Джессикой и Саларино).

Входитъ Антоніо *замаскированный.*

АНТОНІО.

Кто здѣсь?

ГРАЦІАНО.

Синьоръ Антоніо—не вы ли?

АНТОНІО.

Фи, стыдъ какой! А гдѣ жъ всѣ остальные?
Десятый часъ; вѣдь, всѣ друзья васъ ждутъ.
Пиръ отмѣненъ; подулъ попутный вѣтеръ—
И потому Бассаніо сейчасъ
Отправится. Я въ поиски за вами
Послалъ уже десятка два пословъ.

ГРАЦІАНО.

Я очень радъ. Меня надежда восхищаетъ,
Что нынче вечеромъ корабль нашъ отплываетъ.

(Уходятъ).

ШЕЙЛОКЪ и ДЖЕССИКА (Дѣйствіе II, сц. 5).

Картина извѣстнаго англійскаго жанриста Роберта Смирка (Robert Smirke, R. A., 1752—1845) (Большая Бойделевская галлерея).

СЦЕНА VII.

Бельмонтъ. Комната въ домѣ Порціи.

Трубы. Входятъ Порція *и* принцъ Мароккскій; *за нимъ и за нею—свита.*

Порція.

Отдерните намъ занавѣсъ; откройте
Шкатулки всѣ. Ну, благородный принцъ,
Вы можете начать вашъ выборъ.

Принцъ Мароккскій (*глядя на ящики*).

Первый
Изъ золота; написано на немъ:
„Кто выберетъ меня, тотъ все добудетъ,
Чего желаетъ множество людей".
Второй изъ серебра; на этомъ надпись:
„Кто выберетъ меня—пріобрѣтетъ
Все то, чего заслуживаетъ онъ".
Послѣдній—весь свинцовый, и на немъ
Тяжелая, какъ самый ящикъ, надпись:
„Кто выберетъ меня—все долженъ дать
И всѣмъ рискнуть, что только онъ имѣетъ":
Но, выбравши, почемъ узнаю я,
Что угадалъ?

Порція.

Въ одномъ изъ нихъ хранится,
Принцъ, мой портретъ; коль этотъ ящикъ вы
Узнаете—я тоже буду ваша.

Принцъ Мароккскій.

Пусть выборомъ моимъ руководитъ
Какой-нибудь изъ всѣхъ Боговъ! Посмотримъ.
Прочту еще всѣ надписи на нихъ.
Что говоритъ свинцовая шкатулка?
„Кто выберетъ меня—все долженъ дать
И всѣмъ рискнуть, что только онъ имѣетъ".
Все долженъ дать? За что же? За свинецъ?
И всѣмъ рискнуть изъ-за свинца простого?
Смыслъ этихъ словъ—угроза. Человѣкъ,
Рискующій послѣднимъ, поступаетъ
Такъ потому, что на большой барышъ
Надѣется. Но золотого сердца
Не соблазнитъ презрѣннѣйшій металлъ.
Такъ за свинецъ ничѣмъ и не рискну я,
И ничего не дамъ. Ты, серебро,
Что говоришь своимъ невиннымъ цвѣтомъ?
„Кто выберетъ меня—пріобрѣтетъ
Все то, чего заслуживаетъ онъ".
Все то, чего заслуживаетъ? Стой,
Мароккскій принцъ, и прежде взвѣсь свои
Достоинства рукою безпристрастной.
Коль ты себя оцѣнишь хорошо,
Такъ, значитъ, ты заслуживаешь... впрочемъ,
На столько ли, чтобъ право я имѣлъ
Претендовать и на синьору эту?
Но подвергать сомнѣнію свое
Достоинство—вѣдь, значитъ обнаружить
Трусливое невѣріе въ себя.
Все то, чего я стою? Да ея-то
И стою я, заслуживаю всѣмъ:
Рожденіемъ, богатствомъ, воспитаньемъ,
Изяществомъ—но болѣе всего
Заслуживаю я своей любовью.
Не прекратить ли, полно, мнѣ свои
Догадки здѣсь и выбрать этотъ ящикъ?
Прочтемъ еще на золотѣ слова:
„Кто выберетъ меня, тотъ все добудетъ,
Чего желаетъ множество людей".
Да это-то и есть моя синьора!
Весь міръ ее желаетъ; съ четырехъ
Концовъ земли стекаются сюда
Облобызать священный образъ смертной,
Живущей здѣсь. Гирканіи поля
И дикія Аравіи пустыни—
Въ проѣзжіе пути превращены
Владыками, спѣшащими въ сей замокъ
На Порцію прекрасную взглянуть.
И царство водъ, что такъ надменно плюетъ
Вершиною своей въ лицо небесъ—
Остановить не можетъ чужеземцевъ:
Плывутъ они, какъ-будто чрезъ ручей,
Чтобъ Порцію прекрасную увидѣть.
Ея лицо божественное здѣсь,
Въ одной изъ трехъ шкатулокъ. Неужели
Въ свинцовой? Нѣтъ, и думать о такомъ
Безчестіи—прямое святотатство!
Жестокостью чрезмѣрной было бъ—саванъ
Ея вложить въ такой печальный гробъ.
Иль въ серебрѣ лежитъ она—въ металлѣ,
Что въ десять разъ дешевле и простѣй,
Чѣмъ золото? О, грѣшный помыселъ! Нѣтъ!
Еще никто такой алмазъ богатый
Не оправлялъ во что-нибудь простѣй,
Чѣмъ золото. Есть въ Англіи монета
Изъ золота—на ней изображенъ
Ликъ ангела; но тамъ онъ лишь снаружи,
А здѣсь внутри, на ложѣ золотомъ
Покоится. Подайте ключъ. Мной эта
Шкатулка выбрана: жду отъ судьбы отвѣта.

Порція.

Принцъ, вотъ вамъ ключъ, и если мой портретъ
Въ томъ ящикѣ найдете вы—я ваша.

Принцъ Мароккскій (*открывая шкатулку*).

О, смерть и адъ! Что вижу? Черепъ голый,
И въ глазъ пустой клочокъ бумаги воткнутъ,
Исписанной и свернутой. Прочту. (*Читаетъ*).

„Міръ очень часто говоритъ:
Не все то злато, что блеститъ;
Большое множество людей
Платило жизнію своей,
Чтобъ хоть снаружи только мной
Полюбоваться. Въ золотой
Гробницѣ ползаетъ червякъ.
Когда бъ вы были мудры такъ,
Какъ смѣлы духомъ, если бъ вы
Разсудокъ старой головы
Носили въ тѣлѣ молодомъ,
То васъ не встрѣтилъ бы пріемъ
Такой холодный; а теперь—
Прощайте: вамъ открыта дверь".
Да, пріемъ вполнѣ холодный;
Трудъ пропалъ. Прощай, о мой
Сердца пламень благородный—
Здравствуй, холодъ ледяной!
Прощайте, Порція! Я слишкомъ полонъ муки
И не могу продлить мгновеніе разлуки!
Такъ уѣзжаетъ тотъ, кто дѣло проигралъ.

Порція.

Какъ случай всѣ мои надежды увѣнчалъ.
Пойдемъ. Ахъ, если бъ всякъ, кто сходенъ
съ нимъ по цвѣту,
Кончалъ свой выборъ такъ, какъ онъ—по-
попытку эту! *(Всѣ уходятъ).*

СЦЕНА VIII.

Венеція. Улица.

Входятъ Саларино *и* Соланіо.

Саларино.

Да, милый мой, я видѣлъ: поднялъ парусъ
Бассаніо, и Граціано съ нимъ
Отправился; а что Лоренцо не былъ
На кораблѣ, такъ въ томъ увѣренъ я.

Соланіо.

Мерзавецъ-жидъ съ постели поднялъ дожа
Стенаньями и криками—и дожъ
Отправился съ нимъ вмѣстѣ осмотрѣть
Корабль Бассаніо.

Саларино.

Пришелъ онъ поздно:
Когда корабль ужъ поднялъ паруса.
Но дожъ узналъ, что видѣли Лоренцо
Съ возлюбленною Джессикой въ гондолѣ
И, сверхъ того, Антоніо увѣрилъ
Свѣтлѣйшаго, что на суднѣ Бассаньо
Ихъ не было.

Соланіо.

Я никогда еще
Не видывалъ такой ужасной, странной,
Помѣшанной, нелѣпой, дикой страсти,
Какъ у жида собачьяго, когда
По улицамъ неистово вопилъ онъ:
О, дочь моя! Червонцы! дочь моя!
Ушла съ христіаниномъ! О, червонцы,
У христіанъ добытые! Законъ,
Правдивый судъ, отдайте мнѣ червонцы
И дочь мою! Мѣшокъ—нѣтъ, два мѣшка
Съ червонцами и за моей печатью,
Съ червонцами двойными—дочь моя
Украла ихъ. И дорогіе камни—
Два дорогихъ, два богатѣйшихъ камня
Украла дочь. Правдивый судъ, сыщи
Дѣвчонку мнѣ—у ней мои червонцы
И камни драгоцѣнные!"

Саларино.

За нимъ
Мальчишки всѣ бѣжали и кричали:
„Эй, гдѣ его червонцы, камни, дочь?"

Соланіо.

Ну, пусть теперь не вздумаетъ просрочить
Антоніо; не то, за это все
Заплатитъ онъ.

Саларино.

Вотъ кстати ты напомнилъ.
Одинъ французъ вчера мнѣ разсказалъ,
Что будто бы корабль венеціанскій,
Богато нагруженный, потонулъ
Средь узкихъ водъ, текущихъ межъ землями
Французскою и англійской. При этомъ
Антоніо мнѣ вспомнился—и я
Въ душѣ желалъ, чтобъ тотъ корабль по-
гибшій
Не былъ его.

Соланіо.

Совѣтую тебѣ
Скорѣй сказать Антоніо про это;
Но сообщи не сразу, чтобъ его
Не огорчить.

Саларино.

Добрѣе человѣка
Нѣтъ на землѣ. Я видѣлъ, какъ они
Съ Бассаніо прощались. „Постараюсь",
Бассаніо сказалъ ему, „скорѣй
Вернуться".—„Нѣтъ", Антоніо отвѣтилъ:
„Не торопись изъ-за меня: пускай
Отъ времени твое созрѣетъ дѣло.
А векселемъ, что выдалъ я жиду,
Не затрудняй влюбленный мозгъ; будь ве-
селъ
И мысли всѣ всецѣло посвяти
Любезностямъ и тѣмъ изъ доказательствъ
Твоей любви, которыя сочтешь

Приличными и нужными". И это
Проговоривъ, съ слезами на глазахъ,
Отворотясь, пожалъ онъ другу руку
Съ глубокою горячностью души—
И такъ они разстались.

СОЛАНІО.

Мнѣ сдается,
Что къ жизни онъ привязанъ лишь однимъ
Бассаніо. Пойдемъ къ нему, однако,
Попробуемъ веселымъ чѣмъ-нибудь
Прогнать его тоску.

САЛАРИНО.

Пойдемъ скорѣе. *(Уходятъ).*

СЦЕНА IX.

Бельмонтъ. Комната въ домѣ Порціи.

Входитъ НЕРИССА *со слугой.*

НЕРИССА.

Скорѣй, скорѣй отдерни занавѣску,
Пожалуйста: принцъ Аррагонскій здѣсь
Ужъ клятву далъ и къ выбору приступитъ
Немедленно.

Трубы. Входятъ ПРИНЦЪ АРРАГОНСКІЙ, ПОРЦІЯ *и ихъ свита.*

ПОРЦІЯ.

Вотъ, благородный принцъ,
Три ящика. Коль упадетъ вашъ выборъ
На тотъ изъ нихъ, въ которомъ мой портретъ—
Немедленно союзъ нашъ брачный будетъ
Отпразднованъ; а ошибетесь вы—
Такъ выѣхать обязаны сейчасъ же,
Безъ дальнихъ словъ.

ПРИНЦЪ АРРАГОНСКІЙ.

Я въ трехъ вещахъ уже
Поклялся вамъ: во-первыхъ, постоянно
Отъ всѣхъ скрывать, какой я выбралъ ящикъ;
Потомъ, коль я случайно ошибусь,
То никогда ничьей руки на свѣтѣ
Ужъ не искать, и, наконецъ, коль я
Не выберу удачно—васъ оставить
И выѣхать немедленно отсель.

ПОРЦІЯ.

Да, въ этомъ всемъ даетъ мнѣ клятву каждый,
Рискующій собою за мою
Ничтожную особу.

ПРИНЦЪ АРРАГОНСКІЙ.

Я рѣшился
На это все. Судьба, не обмани
Надеждъ души моей! Свинецъ презрѣнный,
И серебро, и золото. Прочтемъ:
„Кто выберетъ меня, все долженъ дать
И всѣмъ рискнуть, что только онъ имѣетъ".
Нѣтъ, соблазнительнѣй ты долженъ быть
Чтобъ за тебя хоть чѣмъ-нибудь рискнулъ я.
Что говоритъ мнѣ ящикъ золотой?
„Кто выберетъ меня, тотъ все добудетъ,
Чего желаетъ множество людей".
Чего желаетъ множество? Быть можетъ,
Подъ *множествомъ* писавшій понималъ
Ту глупую толпу, что выбираетъ
По виду лишь и знаетъ только то,
Чему ее глазъ ослѣпленный учитъ—
Ту глупую толпу, что никогда
Не смотритъ внутрь, но на стѣнахъ наружныхъ,
Какъ ласточка, возводитъ домъ себѣ,
Не думая, что здѣсь она открыта
Опасности и очень къ ней близка.
Нѣтъ, я того не выберу, что многимъ
Желательно—затѣмъ что не хочу
Смѣшать себя съ недальними умами
И стать въ ряду невѣжественныхъ массъ.
Остался ты, серебряный хранитель
Сокровища. Дай разъ еще взглянуть,
Какимъ себя девизомъ ты украсилъ:
„Кто выберетъ меня—пріобрѣтетъ
Все то, чего заслуживаетъ онъ".
Прекрасно сказано. Кто въ самомъ дѣлѣ
Пойдетъ на то, чтобъ счастье обмануть
И почести, не будучи достойнымъ
Снискать ее? Не должно никому
Превозносить себя не по заслугамъ.
О, если бы высокія мѣста
И титулы, и званья не давались
Кривымъ путемъ и если бы цѣной
Дѣйствительныхъ заслугъ пріобрѣтались
Всѣ почести—какъ много бѣдняковъ
Не слугами, а господами-бъ были,
Какъ много тѣхъ, которымъ власть дана
Повелѣвать—другимъ бы подчинялись!
Какъ много бы нечистаго зерна
Отъ чистыхъ зеренъ чести отдѣлялось!
Какъ много бы прекраснаго могло
Сквозь мусоръ времени пройти наружу
И заблистать! Пора, однако, выбрать.
„Кто выберетъ меня—пріобрѣтетъ
Все то, чего заслуживаетъ онъ".
Да—то, что я заслуживаю—смѣло
Беру себѣ. Прошу васъ этотъ ключъ
Мнѣ дать—и я открыть мое блаженство
Потороплюсь.

ПОРЦІЯ.

Такъ много обсуждать

Не стоило изъ-за того, что въ этой
Шкатулкѣ вы найдете.

Принцъ Аррагонскій.
Это что?
Какая-то безсмысленная рожа
Съ гримасой мнѣ записку подаетъ!
Прочту. Какъ ты далеко не похожъ
На Порцію! О, какъ ты не похожъ
На всѣ мои надежды и заслуги!
„Кто выбѣретъ меня—пріобрѣтетъ
Все то, чего заслуживаетъ онъ!"
Уже ли я заслуживаю только
Портретъ глупца? Ужели оцѣнить
Достоинства мои нельзя щедрѣе?

Порція.
Вы знаете, преступникъ и судья—
Двѣ должности различныя, и рѣзко
Одна другой противорѣчатъ.

Принцъ Аррагонскій.
Что,
Однако, здѣсь написано? Посмотримъ.
(Читаетъ).

„Семь разъ я пройдено огнемъ;
Семь разъ испытанъ разумъ въ томъ,
Кто, выбирая что-нибудь,
Не ошибается отнюдь.
Иной, посмотришь, человѣкъ
За тѣнью гонится весь вѣкъ,
Другому счастья тѣнь одна
Въ удѣлъ печальнѣйшій дана;
Есть много глупыхъ—знаю я—
Наружность коихъ, какъ моя,
Покрыта яркимъ серебромъ;
Кого бы ты ни ввелъ въ свой домъ,
Назвавъ женою—образъ мой
Твоею будетъ головой.
Прощай, покончилъ я съ тобой!"
Чѣмъ долѣе я здѣсь пробуду,
Тѣмъ имъ глупѣй казаться буду:
Сюда пришелъ я за женой
Съ одной дурацкой головой—
Теперь съ двумя я ухожу.
Прощай, красавица! Сдержу
Я клятву, данную тебѣ,
И покорюсь своей судьбѣ!
(Уходитъ со свитой).

Порція.
На свѣчкѣ мотылекъ сжегъ крылышки себѣ!
О, глупые разумники, когда
Имъ выбирать приходится—всегда
Они умомъ такъ ловко извернутся,
Что въ выборѣ тотчасъ же ошибутся!

Нерисса.
Пословица не даромъ говоритъ:
„Умрешь и женишься такъ, какъ судьба велитъ".

Порція.
Пойдемъ; задерни занавѣсъ, Нерисса.

Входитъ слуга.

Слуга.
Гдѣ госпожа?

Порція.
Я здѣсь; тебѣ что нужно?

Слуга.
Какой-то молодой венеціанецъ
Къ вамъ только-что курьеромъ прискакалъ,
Чтобъ извѣстить, что вслѣдъ за нимъ прибудетъ
И господинъ его. Покамѣстъ онъ
Привезъ сюда вещественные знаки
Глубокаго почтенья: кромѣ словъ,
Любезнѣйшихъ привѣтствій—и подарки
Богатые. Я никогда еще
Столь милаго гонца любви не видѣлъ.
Апрѣльскій день ни разу на землѣ
Не возвѣщалъ такъ чудно приближенья
Роскошнѣйшаго лѣта, какъ теперь
Намъ возвѣстилъ прекрасный этотъ вѣстникъ
Прибытье господина своего.

Порція.
Пожалуйста, довольно! Расточаешь
На похвалы ему ты умъ такой
Не будничный, что я почти боюся,
Чтобъ не сказалъ ты скоро, что тебѣ
Онъ родственникъ. Пойдемъ, пойдемъ, Нерисса.
Мнѣ хочется увидѣть поскорѣй
Столь быстраго гонца отъ Купидона,
Который, слышу я, любезенъ такъ и милъ!..

Нерисса.
Дай Богъ, сударыня, чтобъ то Бассаньо былъ!
(Уходятъ).

ШЕЙЛОКЪ ПОСЛѢ БѢГСТВА ДЖЕССИКИ.

Рисунокъ извѣстнаго англійскаго иллюстратора сэра Джона Джильберта (Sir John Gilbert, род. 1817).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Венеція. Улица.

Входятъ Соланіо *и* Саларино.

Соланіо. Ну, что новаго на Ріальто?

Саларино. Да все попрежнему ходитъ слухъ, что корабль Антоніо, съ богатымъ грузомъ, погибъ въ проливѣ Гудвинскомъ— такъ, кажется, онъ называется. Это очень опасное мѣсто, въ которомъ похороненъ уже не одинъ корабль. Такъ вотъ какая новость, если только кумушка-молва честная женщина.

Соланіо. Я хотѣлъ бы, чтобъ въ этомъ случаѣ она лгала хуже всѣхъ кумушекъ, какія только грызутъ пряники или хотятъ увѣрить своихъ сосѣдей, что онѣ оплакиваютъ смерть третьяго мужа. Но на этотъ разъ несомнѣнно, говоря безъ всякихъ околичностей и не загораживая ничѣмъ большую дорогу разсказа, несомнѣнно, что добрый Антоніо, честный Антоніо... О, я не могу найти прилагательнаго, которое было бы достойно находиться въ сообществѣ съ его именемъ.

Саларино. Ну, кончай же, что ты хотѣлъ сказать.

Соланіо. Что ты говоришь? Ну, конецъ тотъ, что Антоніо лишился корабля.

Саларино. Дай Богъ, чтобъ это было окончаніемъ его потерь!

Соланіо. Скажу скорѣе *аминь*, чтобъ чортъ не успѣлъ встать поперекъ моей молитвы, потому что вонъ онъ идетъ въ образѣ жида.

Входитъ Шейлокъ.

Соланіо. Что скажешь, Шейлокъ? какія новости въ купеческомъ мірѣ?

Шейлокъ. Вы знаете — и, притомъ, лучше всякаго и лучше всѣхъ вмѣстѣ, что дочь моя убѣжала.

Саларино. Это совершенно справедливо. Я знаю даже, какой портной шилъ крылья, на которыхъ она улетѣла.

Соланіо. А Шейлокъ зналъ, что птичка совсѣмъ уже оперилась; а въ эту пору всѣ птички вылетаютъ изъ гнѣздышекъ: ужъ такова ихъ натура.

Шейлокъ. За это она проклята.

Саларино. Конечно — если судить ее будетъ чортъ.

Шейлокъ. Моя собственная плоть и кровь взбунтовались!

Соланіо. Ахъ, старая падаль! и смѣетъ она бунтоваться въ твои годы?

Шейлокъ. Я называю мою дочь моею плотью и кровью.

Саларино. Между твоей плотью и ея плотью больше разницы, чѣмъ между чернымъ деревомъ и слоновой костью; между твоею кровью и ея кровью больше разницы, чѣмъ между краснымъ виномъ и рейнвейномъ. Но скажи намъ, не знаешь ли ты: потерялъ что-нибудь Антоніо на морѣ, или нѣтъ?

Шейлокъ. Вотъ для меня еще другое скверное дѣло! Банкротъ и мотъ, который едва смѣетъ показывать свою голову на Ріальто, нищій, который обыкновенно такъ гордо расхаживалъ по площади... Ну, пусть онъ не забудетъ своего векселя! Онъ всегда называлъ меня ростовщикомъ, такъ пусть не забудетъ своего векселя! Онъ всегда давалъ взаймы деньги изъ христіанскаго человѣколюбія—пусть же не забудетъ своего векселя!

Саларино. Я увѣренъ, что если онъ просрочитъ, то ты не потребуешь его мяса. На что оно годно?

Шейлокъ. Для приманки рыбы. Если оно не насытитъ никого, то насытитъ мое мщеніе. Онъ ругался надо мной и сдѣлалъ мнѣ убытку на полмилліона; онъ смѣялся надъ моими потерями, надъ моими заработками, ругалъ мой народъ, мѣшалъ моимъ торговымъ дѣламъ, охлаждалъ моихъ друзей, разгорячалъ моихъ враговъ—и все это за что? За то, что я жидъ. Да развѣ у жида нѣтъ глазъ? развѣ у жида нѣтъ рукъ, органовъ, членовъ, чувствъ, привязанностей, страстей? развѣ онъ не ѣстъ ту же пищу, что и христіанинъ? развѣ онъ ранитъ себя не тѣмъ же оружіемъ и подверженъ не тѣмъ же болѣзнямъ? лѣчится не тѣми же средствами? согрѣвается и знобится не тѣмъ же лѣтомъ и не тою же зимою? Когда вы насъ колете, развѣ изъ насъ не идетъ кровь? когда вы насъ щекочете, развѣ мы не смѣемся? когда вы насъ отравляете, развѣ мы не умираемъ, а когда вы насъ оскорбляете, почему-бы намъ не хотѣть отмстить вамъ? Если мы похожи на васъ во всемъ остальномъ, то хотимъ быть похожи и въ этомъ. Когда жидъ обидитъ христіанина, къ чему прибѣгаетъ христіанское смиреніе? Къ мщенію. Когда христіанинъ обидитъ жида, къ чему должно, по вашему примѣру, прибѣгнуть его терпѣніе? Ну, тоже къ мщенью. Гнусности, которымъ вы меня учите, я примѣняю къ дѣлу—и кажется мнѣ, что я превзойду своихъ учителей.

Входитъ слуга.

Слуга. Синьоры, мой господинъ Антоніо теперь дома и желаетъ поговорить съ вами обоими.

Саларино. Мы сами вездѣ искали его.

Входитъ Тубалъ.

Соланіо. Вотъ еще одинъ изъ ихъ племени; третьяго такого не найдешь—развѣ самъ чортъ обратится въ жида.

(Саларино, Соланіо и слуга уходятъ).

Шейлокъ. Ну, Тубалъ, какія новости изъ Генуи? Отыскалъ ты мою дочь?

Тубалъ. Я былъ во многихъ мѣстахъ, гдѣ о ней говорили, но отыскать ее не могъ.

Шейлокъ. Такъ, такъ, такъ, такъ! Пропалъ брильянтъ, за который я заплатилъ во Франкфуртѣ двѣ тысячи червонцевъ. До этихъ поръ проклятіе не обрушивалось на нашъ народъ, и я не чувствовалъ его до этихъ поръ. Двѣ тысячи червонцевъ пропали—а сколько еще драгоцѣнныхъ, драгоцѣнныхъ камней! Я хотѣлъ бы, чтобъ моя дочь лежала мертвая у моихъ ногъ, съ драгоцѣнными камнями въ ушахъ, хотѣлъ бы, чтобъ она была похоронена у моихъ ногъ и чтобъ червонцы лежали въ ея гробѣ. Такъ ничего о нихъ не слышно? Да, ничего... И я еще не знаю, сколько истрачено на поиски. Убытокъ за убыткомъ! Воръ унесъ столько-то, и столько-то стоитъ найти вора. И никакого удовольствія, никакого мщенія! Нѣтъ на землѣ несчастья, кромѣ того, которое обрушилось на мои плечи; нѣтъ вздоховъ кромѣ тѣхъ, которые вылетаютъ изъ моей груди; нѣтъ слезъ, кромѣ тѣхъ, которыя проливаю я!

Тубалъ. Нѣтъ, и у другихъ людей бываютъ тяжкія несчастія. Антоніо, какъ я слышалъ въ Генуѣ...

Шейлокъ. Что, что, что? Несчастье? несчастье?

Тубалъ. Лишился корабля, который шелъ изъ Триполи.

Шейлокъ. Благодарю Создателя, благодарю Создателя! И это вѣрно? это вѣрно?

Тубалъ. Мнѣ сказали это нѣкоторые изъ его матросовъ, которые спаслись отъ кораблекрушенія.

Шейлокъ. Благодарю тебя, добрый Тубалъ. Хорошая новость, хорошая новость! Гдѣ же это? въ Генуѣ?

Тубалъ. Твоя дочь, какъ я слыхалъ, истратила въ Генуѣ въ одну ночь восемьдесятъ червонцевъ.

Шейлокъ. Ты вонзаешь въ меня кинжалъ. Значитъ я никогда уже не увижу моего золота. Восемьдесятъ червонцевъ за одинъ разъ! Восемьдесятъ червонцевъ!

Тубалъ. Со мною вмѣстѣ пріѣхало въ Венецію нѣсколько кредиторовъ Антоніо. Они божатся, что ему непремѣнно быть банкротомъ.

Шейлокъ. Мнѣ это весьма пріятно. Я буду мучить его, я буду терзать его. Мнѣ это весьма пріятно.

Тубалъ. Одинъ изъ нихъ показалъ мнѣ кольцо, которое твоя дочь отдала ему за обезьяну.

Шейлокъ. Будь она проклята! Ты терзаешь меня, Тубалъ. Это моя бирюза. Мнѣ подарила ее Лія, когда я еще былъ холостой. Я не отдалъ бы этого кольца за цѣлый лѣсъ обезьянъ.

Тубалъ. Но Антоніо разоренъ—это вѣрно.

Шейлокъ. Да, это вѣрно, это очень вѣрно. Ступай, Тубалъ, найми мнѣ судебнаго пристава, договори его за двѣ недѣли впередъ. Если Антоніо просрочитъ, я вырѣжу у него сердце. Не будетъ его въ Венеціи—никто не станетъ мѣшать моей торговлѣ. Ступай, Тубалъ, и потомъ приди ко мнѣ въ нашу синагогу. Ступай, добрый Тубалъ. Итакъ—въ нашей синагогѣ, Тубалъ,

(*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Бельмонтъ. Комната въ домѣ Порціи.

Входятъ Бассаніо, Порція, Граціано, Нерисса *и свита. Ящики не задернуты занавѣской.*

Порція.

Я васъ прошу, повремените лучше
И, прежде чѣмъ рѣшиться, дайте дню
Иль двумъ пройти; вѣдь, если ошибетесь
Вы въ выборѣ—я потеряю васъ.
Поэтому, немного подождите.
Я слышу что-то—только не любовь—
Мнѣ говоритъ, что я бы не хотѣла
Васъ потерять, а знаете вы сами,
Что ненависть не можетъ подавать
Такую мысль. Но для того, чтобъ лучше
Меня понять могли вы—хоть языкъ
У дѣвушекъ одинъ: ихъ мысль—охотно
Держала бъ васъ я мѣсяцъ или два
Здѣсь у себя, предъ тѣмъ, какъ вы рискнули бъ
Изъ-за меня. Могла бы я тогда
Васъ научить, какъ выбрать то, что надо;
Но клятву тѣмъ нарушила бы я,
А этого я ни за что на свѣтѣ
Не сдѣлаю. И такъ, возможно вамъ
Не угадать. Но если такъ случится,
То грѣшное раскаянье въ меня
Вселите вы—раскаянье, что клятву
Нарушить я не захотѣла. Ахъ
Проклятіе глазамъ чудеснымъ вашимъ!
Они меня околдовали всю
И на двѣ половины раздѣлили:
Одна изъ нихъ вамъ вся принадлежитъ,
Другая—вамъ... мнѣ, я сказать хотѣла;
Но если мнѣ, то также вамъ—и такъ
Вамъ все мое принадлежитъ. О, злая
Судьба, зачѣмъ преграду ставишь ты
Межъ собственникомъ и его правами?
Я ваша—да, но все-таки не вамъ
Принадлежу. Коль такъ судьбѣ угодно
То въ адъ идетъ пускай она—не я.
Я говорю однако, слишкомъ много;
Но цѣль моя—чтобъ время протянуть
Подолѣе и выборъ вашъ замедлить.

Бассаніо.

Нѣтъ, дайте мнѣ скорѣе приступить:
Мнѣ это положенье—просто пытка.

Порція.

Какъ, пытка? Ну, такъ повинитесь мнѣ.
Къ своей любви какую примѣшали
Измѣну вы?

Бассаніо.

Измѣну лишь одну—
Ужасную измѣну недовѣрья,
Которая за обладанье тѣмъ,
Что я люблю, бояться заставляетъ.
Такое же сношенье и родство
Между моей любовью и измѣной,
Какъ межъ огнемъ и снѣгомъ.

Порція.

Да, но вы
Мнѣ, можетъ быть, все это говорите.
Какъ человѣкъ, который можетъ все
Подъ пыткою сказать.

Бассаніо.

Пообѣщайте
Мнѣ только жизнь—и правду я скажу.

Порція.

Ну, хорошо—скажите и живите.

Бассаніо.

Скажите и любите—въ этомъ все

БАССАНІО и ПОРЦІЯ (Дѣйств. III, сц. 2).

Картина извѣстнаго англійскаго живописца Ричарда Вестоля (Richard Westoll, R. A. (Малая Бойделевская галлерея).

Признаніе мое. Какая пытка
Блаженная, когда пытатель мой
Подсказываетъ мнѣ мои отвѣты,
Служащіе къ спасенью моему!
Ведите же меня скорѣе къ счастью
И къ ящикамъ.

Порція.

Итакъ, впередъ! Въ одномъ
Изъ этихъ трехъ я заперта—и если
Вы любите меня, то ящикъ тотъ
Отыщете. Нерисса, стань подальше
Со всѣми остальными. Пусть оркестръ
Гремитъ, межъ тѣмъ какъ выбирать онъ будетъ;
Тогда, коли не угадаетъ онъ,
То кончитъ такъ, какъ умираетъ лебедь—
При музыкѣ; иль, чтобъ сравнить вѣрнѣй,
Мои глаза ручьемъ обильнымъ будутъ,
Гдѣ онъ найдетъ свой влажный смертный одръ
Но можетъ онъ и выиграть. Тогда же
Чѣмъ будутъ звуки музыки? Тогда
Тѣ звуки будутъ трубнымъ ликованьемъ,
Съ которымъ вѣрноподданный народъ
Передъ своимъ царемъ нововѣнчаннымъ
Склоняется; то будетъ сладкій звукъ,
Что на зарѣ нашептываетъ тихо
Въ слухъ жениха, и, оторвавъ отъ грезъ,
Зоветъ къ налою брачному. Смотрите:
Вотъ онъ идетъ—не меньше величаво,
Но съ большею любовью, чѣмъ Алкидъ,
Когда изъ рукъ чудовища морского
Освободилъ онъ дѣвственную дань,
Заплаченную Троею скорбящей.
Я здѣсь стою, какъ жертва; тамъ
Дарданянки испуганныя смотрятъ,
Чѣмъ подвигъ тотъ окончится, Иди,
Мой Геркулесъ! Ты не умрешь—и буду
Я тоже жить. Смотрѣть на битву мнѣ страшнѣй,
Чѣмъ для тебя—итти принять участье въ ней.

(Бассаніо начинаетъ разсматривать ящики. Музыка).

Свита *(поетъ).*

О, скажи, гдѣ источникъ любви—
Въ головѣ или сердца въ крови?
Какъ она рождается?
Чѣмъ она питается?
Отвѣчай, отвѣчай!
Родится въ глубинѣ очей—
И взгляды служатъ кормомъ ей,
И умираетъ въ цвѣтѣ дней,
Качаясь въ люлечкѣ своей.
Раздайся же повсюду звонъ!
Я начинаю: динь—динь—донъ!

Всѣ.

Динь—динь—донъ!

Бассаніо.

Итакъ, нельзя блестящую наружность
Всегда считать правдивою; весь міръ
Вводимъ въ обманъ наружнымъ украшеньемъ.
Въ судилищахъ найдется-ль хоть одно
Позорное, испачканное дѣло,
Въ которомъ бы пріятнымъ голоскомъ
Нельзя прикрыть всю видимую гнусность?
Въ религіи найдется-ль хоть одно,
Достойное укора заблужденье,
Которое не могъ бы мудрый мужъ
И освятить, и текстами приправить,
И внѣшнимъ украшеніемъ прикрыть?
Ни одного порока нѣтъ, на столько
Наивнаго, чтобъ появляться въ свѣтъ,
Не облачась наружно въ добродѣтель.
Не мало, вѣдь, межъ нами трусовъ есть,
Чьи души такъ печально-ненадежны,
Какъ лѣстница песчаная—межъ тѣмъ
Они лицо снабжаютъ бородою,
Какъ Геркулесъ или суровый Марсъ.
Раскройте-ка ихъ внутренность: печенка
Въ нихъ бѣлая, какъ молоко. Они
У истиннаго мужества берутъ
Наросты лишь одни, чтобы
Страхъ поселить въ другихъ. Взгляните только
На красоту—увидите сейчасъ,
Что цѣнится она всегда по вѣсу
Наружныхъ украшеній; оттого
И сдѣлалось теперь въ природѣ чудо,
Что женщина тѣмъ болѣе легка,
Чѣмъ болѣе на ней тѣхъ украшеній.
Итакъ, когда порою мы глядимъ
На мнимую красавицу и видимъ,
Какъ кудри золотистыя ея
Внизъ съ головы бѣгутъ двумя змѣями,
Кокетливо играя съ вѣтеркомъ,
То знаемъ мы, что это—достоянье
Уже второй головки: черепъ тотъ,
Что ихъ родилъ, давно лежитъ въ могилѣ.
Поэтому на блескъ наружный мы
Должны смотрѣть какъ на коварный берегъ
Опаснѣйшаго моря, какъ на шарфъ
Прелестнѣйшій, который закрываетъ
Красавицы индійской черноту.
Короче, блескъ наружный есть личина
Правдивости, которою нашъ вѣкъ
Коварнѣйшій обманываетъ ловко
И самаго мудрѣйшаго изъ насъ.
Вотъ почему меня не соблазняешь
Ты, золото блестящее, ты, твердый
Мидаса кормъ! *(Обращаясь къ серебряному ящику).* Не нуженъ мнѣ и ты—
Ты, серебро, посредникъ пошлый, блѣдный
Между людей. Но ты, простой свинецъ,
Ты, болѣе грозящій, чѣмъ манящій
Надеждою, своею простотой
Ты убѣдилъ меня: тебя я выбираю—
И отъ тебя теперь блаженства ожидаю!

Порція.

Какъ всѣ другія страсти, разлетѣлись
По воздуху сомнѣнія мои,
Безумное отчаянье, боязнь
Дрожащая, мучительная ревность
Съ зелеными глазами... О, любовь,
Сдержи себя, умѣрь свои восторги,
Останови дождь радости своей!
Я чувствую ужъ слишкомъ сильно въ сердцѣ
Твое благословенье; уменьши
Его скорѣй—оно меня задавитъ!

Бассаніо

(раскрывая свинцовый ящикъ).

Что вижу? Дивной Порціи портретъ!
Какой же полу-богъ такъ превосходно
Воспроизвелъ натуру? Эти очи
Дѣйствительно ли движутся, иль мнѣ
Такъ кажется лишь потому, что ими
Приводятся въ движеніе мои?
Вотъ и уста: они полураскрыты,
И сладостнымъ дыханьемъ губки ихъ
Раздѣлены—прелестная преграда
Межъ двухъ друзей прелестныхъ, какъ онѣ.
Вотъ волоса—тутъ разыгралъ художникъ
Роль паука: сплелъ золотую сѣть,
Куда сердца людскія попадаютъ
Быстрѣй, чѣмъ въ паутину комары.
Но какъ же могъ художникъ оба глаза
Нарисовать? Вѣдь, сдѣлавши одинъ,
Мнѣ кажется, онъ долженъ бы ослѣпнуть
И бросить такъ неконченнымъ второй.
Смотрите-ка, однако же: насколько
Дѣйствительность восторга моего

На эту тѣнь клевещетъ, воздавая
Ей не такой, какъ слѣдуетъ, почетъ—
Настолько же и эта тѣнь тащится
Съ большимъ трудомъ дѣйствительности
вслѣдъ.
Вотъ тотъ клочекъ бумаги, на которомъ
Написано все счастіе мое. *(Читаетъ).*

„Ты, избирающій не только
По виду внѣшнему, насколько
Удаченъ, вѣренъ выборъ твой!
Теперь, когда ужъ кладъ такой
Тебѣ достался, оставайся
Доволенъ имъ и не старайся
Найти другой. Коли тебѣ
Онъ милъ и ты въ своей судьбѣ
Нашелъ блаженство—подойди же
Къ своей красавицѣ поближе,
И поцѣлуями любви
Ее скорѣй къ себѣ зови!“

Чудесныя слова! Итакъ, позвольте,
Прекрасная синьора. *(Цѣлуетъ ее).* Прихожу
Я получить и произвесть уплату
По векселю. Когда передъ толпой
Чета борцовъ дерется на аренѣ
И слышится рукоплесканій громъ
Со всѣхъ сторонъ, тогда одинъ изъ нихъ,
Взволнованный, почти ошеломленный,
Тревожно ждетъ, не зная самъ, ему ль
Весь этотъ громъ хвалебнаго восторга?
Такъ точно я, о, трижды милый другъ,
Стою теперь предъ вами, сомнѣваясь
Въ правдивости того, что вижу здѣсь,
И лишь тогда, когда отъ васъ услышу,
Что это такъ, повѣрю я вполнѣ.

Порція.

Синьоръ, меня вы видите такою,
Какою Богъ на свѣтъ меня создалъ.
Я для себя самой бы не имѣла
Желанія быть лучше; но для васъ
Хотѣла бъ я хоть въ двадцать разъ утроить
Свою цѣну, быть въ десять тысячъ разъ
Прекраснѣе, въ сто тысячъ разъ богаче—
И этого хотѣла бъ для того,
Чтобъ высоко подняться въ вашемъ мнѣньи,
Несчетное количество имѣть
Талантовъ, красоты, друзей, богатства.
Но, ахъ, итогъ того, что стою я—
Ничто; теперь я дѣвушка простая,
Безъ свѣдѣній, безъ опытности, тѣмъ
Счастливая, что не стара учиться,
И тѣмъ еще счастливѣй, что на свѣтъ
Не родилась тупою для ученья;
Всего же тѣмъ счастливѣе, что свой
Покорный умъ она теперь ввѣряетъ
Вамъ, мой король, мой мужъ, учитель мой.
И я, и все мое—отнынѣ ваше.
Еще за мигъ предъ этимъ я была
Владычицей въ великолѣпномъ замкѣ
И госпожей всѣхъ слугъ моихъ—была
Царицею самой себѣ; теперь же
И замокъ мой, и слуги всѣ, и я—
Все ваше, мой владыка: съ этимъ перстнемъ
Вамъ все даю. Но ежели у васъ
Онъ пропадетъ, иль будетъ вами отданъ
Кому-нибудь—увижу въ этомъ я
Предвѣстіе уничтоженья вашей
Любви ко мнѣ и поводъ для себя
Васъ обвинять въ невѣрности.

Бассаніо.

Синьора,
Вы словъ меня лишили; только кровь,
Текущая во мнѣ, вамъ отвѣчаетъ.
Наполнено все существо мое
Тѣмъ хаосомъ, который, послѣ рѣчи
Привѣтливой любимаго царя,
Является въ жужжащей и довольной
Толпѣ, когда всѣ чувства и слова
Сливаются въ какой-то гулъ нестройный,
Гулъ радости съ словами и безъ словъ.
Когда кольцо оставитъ этотъ палецъ—
И жизнь со мной разстанется. Тогда
Скажите вы съ увѣренностью: умеръ
Бассаніо.

Нерисса.

Синьора и синьоръ,
Теперь для насъ, увидѣвшихъ, что наши
Желанія исполнились вполнѣ,
Пришелъ чередъ воскликнуть: дай Богъ
счастья
Синьору и синьорѣ!

Граціано.

Добрый другъ
И милая синьора, все блаженство,
Какого вы желаете себѣ,
Желаю вамъ и я, въ томъ убѣжденьи,
Что вы и мнѣ желаете того жъ!
Въ тотъ самый день, когда союзомъ брач-
нымъ
Торжествовать вы будете обмѣнъ
Взаимныхъ клятвъ, позвольте точно также
Мнѣ въ бракъ вступить.

Бассаніо.

Оть всей души, когда
Найдешь жену.

Граціано.

Нижайше благодаренъ:
Вы сами мнѣ нашли ее. Синьоръ,
Мои глаза такъ быстры, какъ и ваши.

Вы госпожу подмѣтили, а я—
Прислужницу. Синьоръ, вы полюбили—
Я сдѣлалъ то же. Мѣшканья въ дѣлахъ
Я не люблю, какъ вы. Блаженство ваше
Зависѣло отъ этихъ сундучковъ;
Ну, и мое—отъ нихъ, какъ оказалось
На дѣлѣ. Да, я просто весь вспотѣлъ,
Стараясь ей понравиться; я столько
Ей клятвъ давалъ, что пересохло въ горлѣ
И, наконецъ—коль обѣщанье есть
Конецъ всему—мнѣ обѣщала эта
Красавица, что подаритъ меня
Любовію, коль вы надъ госпожею
Одержите побѣду.

ПОРЦІЯ.

Правду ль онъ
Намъ говоритъ, Нерисса?

НЕРИССА.

Да, синьора,
Коль вы на то согласны.

БАССАНІО.

Ну, а вы
Не шутите со мной, Граціано?

ГРАЦІАНО.

Я говорю весьма серьезно.

БАССАНІО.

Мы
Нашъ брачный пиръ украсимъ вашей
свадьбой.

ГРАЦІАНО. Мы побьемся съ ними объ закладъ на тысячу червонцевъ—у кого прежде родится мальчикъ.
Но это кто идетъ сюда? Лоренцо
Съ язычницей своею? Какъ—и ты,
Соланіо, землякъ и другъ старинный?

Входятъ ЛОРЕНЦО, ДЖЕССИКА *и* СОЛАНІО.

БАССАНІО.

Друзья мои, я очень радъ принять
Обоихъ васъ, коль новость положенья
Даетъ мнѣ власть на это. Ангелъ мой,
Позвольте мнѣ гостями дорогими
Назвать моихъ друзей и земляковъ.

ПОРЦІЯ.

Я и сама зову ихъ такъ, синьоръ:
Они вполнѣ здѣсь дорогіе гости.

ЛОРЕНЦО.

Благодарю, синьора. Я, мессэръ,
Васъ навѣстить не думалъ въ этомъ замкѣ;
Но встрѣтился съ Соланіо—и онъ
Такъ горячо просилъ меня съ нимъ вмѣстѣ
Отправиться, что отказаться я
Не могъ никакъ.

СОЛАНІО.

Да, это справедливо;
А я на то имѣлъ причины. Вамъ
Прислалъ привѣтъ Антоніо.
(Подаетъ ему письмо).

БАССАНІО.

Но прежде
Чѣмъ я письмо его раскрою—вы
Скажите мнѣ скорѣй, какъ поживаетъ
Мой добрый другъ?

СОЛАНІО.

Не боленъ онъ, синьоръ,
Коль не болитъ душа его, и боленъ,
Когда она страдаетъ. Изъ письма
Узнаете вы все, что съ нимъ случилось.

ГРАЦІАНО.

Нерисса, ты прими и обласкай
Вотъ эту чужестранку. Вашу руку,
Соланіо. Что новаго у насъ,
Въ Венеціи? Какъ поживаетъ добрый
Антоніо, нашъ царственный купецъ?
Я знаю, онъ порадуется нашей
Удачѣ здѣсь. Язоны просто мы:
Руно себѣ добыли золотое.

СОЛАНІО.

Ахъ, лучше бы нашли вы то руно,
Что потерялъ Антоніо!

ПОРЦІЯ.

Навѣрно
Есть страшное извѣстіе въ письмѣ,
Которое уничтожаетъ краску
Въ лицѣ Бассаніо: быть можетъ, вѣсть,
Что лучшій другъ скончался. Въ самомъ
дѣлѣ,
Такое лишь извѣстіе могло бъ
Такъ измѣнить черты лица мужчины
Столь твердаго. Какъ, онъ еще блѣднѣй
Становится? Бассаніо, позвольте,
Я половина ваша—и должна
Участвовать на половину въ этомъ
Извѣстіи, что принесло письмо.

БАССАНІО.

О, милая, въ немъ есть слова такія
Ужасныя, какія никогда
До этихъ поръ бумаги не чернили!
Мой добрый другъ, когда я въ первый разъ
Открылся вамъ въ любви, то откровенно
Сказалъ, что все имущество мое
Заключено въ крови моей, что родомъ

Я дворянинъ. И правду я сказалъ,
А между тѣмъ, подруга дорогая,
Хоть я себя такъ дешево цѣнилъ,
Но даже тутъ былъ хвастуномъ, какъ это
Вамъ объясню сейчасъ. Сказавши вамъ,
Что ничего я ровно не имѣю,
Я долженъ бы сказать, что даже меньше,
Чѣмъ ничего, имѣю я. Себя
Я заложилъ любимѣйшему другу,
А друга заложилъ его врагу
Заклятому—все для того, чтобъ денегъ
Себѣ добыть. Синьора, вотъ письмо:
Узнайте же, бумага эта—тѣло
Любимѣйшаго друга моего,
А всѣ слова въ бумагѣ этой—раны
Открытыя, откуда кровь его
Бѣжитъ рѣкой. Но точно-ль это правда,
Соланіо? Ужели предпріятья
Антоніо всѣ лопнули? Ужель
Пропало все? Всѣ грузы изъ Триполи,
Изъ Мексики, изъ варварійскихъ странъ,
Изъ Англіи, двухъ Индій, Лиссабона?
И ни одинъ корабль не избѣжалъ
Ужаснаго прикосновенья камней—
Грозы купцовъ?

Соланіо.

Да, ни одинъ, синьоръ.
Притомъ, хотя бъ теперь имѣлъ онъ деньги,
Чтобъ заплатить жиду, то этотъ жидъ,
Какъ кажется, не взялъ бы ихъ. Созданья
Не видывалъ ни разу въ жизни я,
Которое, нося видъ человѣка,
Такъ жаждало собрата погубить.
Онъ день и ночь не отстаетъ отъ дожа:
Онъ говоритъ, что отказать ему
Въ рѣшеніи правдивомъ—значитъ явно
Свободу государства оскорбить.
Знатнѣйшіе сенаторы и двадцать
Купцовъ, и самъ нашъ дожъ—старались всѣ
Уговорить его, но все напрасно:
Отъ кляузъ омерзительныхъ своихъ
Не хочетъ онъ отречься и упорно
Твердитъ одно: заемное письмо,
Взысканіе, несдержанное слово.

Джессика.

Когда еще я у него жила,
То слышала, какъ Хуса и Тубала,
Соотчичей своихъ, онъ увѣрялъ
Подъ клятвою, что хочетъ лучше мяса
Антоніо, чѣмъ сумму въ двадцать разъ
Значительнѣе той, что другъ вашъ долженъ.
И знаю я, синьоръ, что коль законъ
И высшій судъ, и власти не возстанутъ—
Поплатится жестоко бѣдный вашъ
Антоніо.

Порція.

И это другъ вашъ близкій
Въ такой бѣдѣ?

Бассаніо.

Да, мой дражайшій другъ,
Добрѣйшій человѣкъ, съ честнѣйшимъ сердцемъ,
Съ душой, не устававшей одолжать,
Въ комъ доблесть древнихъ римлянъ такъ блистаетъ,
Какъ ни въ одномъ, живущемъ на землѣ
Италіи.

Порція.

А много ли онъ долженъ
Жиду?

Бассаніо.

Ему онъ долженъ за меня
Три тысячи червонцевъ!

Порція.

Какъ! не больше?
Шесть тысячъ заплатите вы ему—
И вексель уничтожьте; эту сумму
Удвойте иль утройте, чтобъ такой
Прекрасный другъ изъ-за вины Бассаніо
Не потерялъ и волоса. Сперва
Предъ алтаремъ меня вы назовите
Своей женой, а послѣ отправляйтесь
Въ Венецію къ Антоніо: съ душой
Тревожною вы не должны въ объятьяхъ
У Порціи покоиться. Я дамъ
Вамъ золота, чтобъ заплатить не только
Ничтожный долгъ такой, но въ двадцать разъ
Значительнѣй; а, заплативъ, сюда
Спѣшите вновь съ прекраснымъ другомъ вашимъ.
Мы между тѣмъ съ Нериссою вдвоемъ
Здѣсь будемъ жить, какъ дѣвушки и вдовы,
Пойдемте же: уѣхать вы должны
Въ тотъ самый день, какъ женитесь. Зовите
Своихъ друзей радушно; грусть свою
Преодолѣть предъ ними постарайтесь.
Купила васъ я дорогой цѣной,
И дорого любить за это буду.
Прочтите-ка, однако, мнѣ письмо.

Бассаніо (*читаетъ*). „Милый Бассаніо, всѣ мои корабли погибли; мои кредиторы дѣлаются жестоки; мое положеніе самое скверное; срокъ моего векселя жиду истекъ; а такъ-какъ, чтобы уплатить этотъ долгъ, мнѣ необходимо лишиться жизни, то мы съ тобой совершенно квиты. Мнѣ хотѣлось бы только увидѣть тебя передъ смертью. Впро-

чемъ, дѣйствуй по своему усмотрѣнію. Если дружба не побудитъ тебя пріѣхать, то пусть не побудитъ и мое письмо".

Порція.

О, милый мой, брось все и поѣзжай!

Бассаніо.

Да, я тороплюсь, имѣя позволенье
Отъ васъ; но прежде, чѣмъ я возвращусь домой,
Ничья постель виной не будетъ промедленья
И намъ разлучникомъ не будетъ отдыхъ мой.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Венеція. Улица.

Входятъ Шейлокъ, Саларино, Антоніо *и* тюремщикъ.

Шейлокъ.

Смотри за нимъ, тюремщикъ. О пощадѣ
И слушать я не стану. Это вотъ
Тотъ дуралей, что деньги безъ процентовъ
Даетъ взаймы. Смотри за нимъ, тюремщикъ.

Антоніо.

Но выслушай, Шейлокъ, мой добрый!

Шейлокъ.

Я
Хочу имѣть по векселю уплату!
Не говори мнѣ ни о чемъ другомъ:
Я клятву далъ, что получу исправно
По векселю. Ты называлъ меня
Собакою—и это безъ причины;
Ну, если я собака—берегись
Моихъ зубовъ: дожъ дастъ мнѣ судъ правдивый.
Дивлюсь тебѣ, дрянной тюремщикъ—ты
Ужь черезчуръ мягкосердеченъ: только
Попроситъ онъ—сейчасъ же изъ тюрьмы
Выходишь съ нимъ.

Антоніо.

Пожалуйста, послушай,
Что я скажу.

Шейлокъ.

Уплата мнѣ нужна
По векселю. Я не желаю слушать,
Что скажешь ты. Хочу я получить
По векселю—поэтому напрасны
Твои слова. Не сдѣлать вамъ меня
Однимъ изъ тѣхъ болвановъ лупоглазыхъ
И мяконькихъ, что просьбу христіанъ
Не могутъ выслушать, чтобъ головою
Не покачать и, тяжело вздохнувъ,
Не уступить. Нейди за мной: ненадо
Мнѣ словъ твоихъ—уплата мнѣ нужна
По векселю. *(Уходитъ).*

Саларино.

Вотъ злѣйшая собака,
Какой еще ни разу человѣкъ
Не видывалъ.

Антоніо.

Оставь его. Не стану
Я болѣе упрашивать его.
Напрасно все. Моей онъ ищетъ жизни,
А почему—я знаю хорошо.
Спасалъ не разъ я отъ его взысканій
Тѣхъ, кто меня объ этомъ умолялъ.
Вотъ отчего меня онъ ненавидитъ.

Саларино.

Увѣренъ я, что не захочетъ дожъ
Дѣйствительнымъ признать условье ваше.

Антоніо.

Не властенъ дожъ законы нарушать
И отнимать у чужеземцевъ льготы,
Что имъ у насъ въ Венеціи даны.
Такъ поступивъ, онъ подорвалъ бы сильно
Кредитъ суда республики въ глазахъ
Купцовъ всѣхъ странъ:а,вѣдь,торговля наша
И барыши зависятъ лишь отъ нихъ.
Поэтому, пусть будетъ то, что будетъ.
Отъ этихъ всѣхъ печалей и потерь
Я изнуренъ такъ сильно, что едва ли
Фунтъ мяса мнѣ удастся уберечь
Для жаждущаго крови кредитора
Я Господа молю лишь объ одномъ:
Чтобъ посмотрѣть Бассаніо пріѣхалъ,
Какъ буду я за долгъ его платить
А до всего другого нѣтъ мнѣ дѣла! *(Уходятъ).*

СЦЕНА IV.

Бельмонтъ. Комната въ домѣ Порціи.

Входятъ Порція, Нерисса, Лоренцо, Джессика *и* Бальтазаръ.

Лоренцо.

Синьора, я въ глаза вамъ говорю:
Божественную дружбу благородно
И вѣрно вы постигли; это тѣмъ
Вполнѣ вы доказали, что разлуку
Съ супругомъ такъ умѣете сносить,
Но если бъ знали вы, кто честь такую
Отъ васъ снискалъ, какой достойный мужъ
И вашего супруга другъ ближайшій

ШЕЙЛОКЪ и АНТОНІО (Дѣйствіе III, сц. 3.)

Картина извѣстнаго англійскаго живописца Ричарда Вестоля (Richard Westall, R. A., 1765—1836). (Малая Бойделевская галлерея).

Отъ васъ получитъ помощь—о, тогда—
Я убѣжденъ—вы этимъ дѣломъ больше
Гордились бы, чѣмъ всякою другой
Щедротою души прекрасной вашей.

Порція.

До этихъ поръ еще ни разу я
О сдѣланномъ добрѣ не пожалѣла,
И этого не сдѣлаю теперь.
Межъ двухъ друзей, что вмѣстѣ жизнь проводятъ
И души чьи согнуты подъ однимъ
Ярмомъ любви, должна быть непремѣнно
Гармонія полнѣйшая всѣхъ чувствъ,
Наклонностей и чертъ лица—и это
Мнѣ мысль даетъ, что такъ какъ мой супругъ
Ближайшій другъ Антоніо, то вѣрно
Онъ и похожъ на мужа моего.
А если такъ, то какъ же я немного
Истратила, чтобъ выкупить скорѣй
Изъ адскихъ рукъ жестокости подобье
Моей души! Однако, слишкомъ я
Хвалю себя; поэтому мы лучше
Поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.
Лоренцо, я вручаю вамъ хозяйство
Въ моемъ дому и управленье имъ
До той поры, пока мой мужъ вернется.
Что до меня, такъ втайнѣ Богу я
Дала обѣтъ въ молитвѣ, въ созерцаньи,
Вдали отъ всѣхъ, съ Нериссою одной
Жизнь проводить, пока не возвратятся
Мой господинъ и мужъ ея. Отъ насъ
За двѣ версты есть монастырь—туда-то
Отправлюсь я съ Нериссой. Вы меня
Обяжете душевно, предложенье
Мое принявъ. Васъ побудить къ тому
Должна моя привязанность, а также
Отчасти и необходимость.

Лоренцо.

Я
Отъ всей души, синьора, радъ исполнить
Все то, что вы прикажете.

ПОРЦІЯ.

Мое
Рѣшеніе уже я объявила
Прислугѣ всей: повиноваться вамъ
И Джессикѣ она такъ точно будетъ,
Какъ мнѣ самой и мужу моему.
Прощайте же, пока мы снова съ вами
Увидимся.

ЛОРЕНЦО.

Да провожаютъ васъ
Счастливые часы и духъ веселый!

ДЖЕССИКА.

Желаю вамъ всѣхъ радостей души.

ПОРЦІЯ.

Благодарю за эти всѣ желанья,
И съ радостью ихъ посылаю вамъ.
Ну, Джессика, прощайте.

(Лоренцо и Джессика уходятъ).

Бальтазаръ,
Ты былъ всегда и преданнымъ, и вѣрнымъ
Слугою мнѣ: будь и теперь такимъ.

(Даетъ ему письмо).

Возьми письмо и мчись, на сколько хватитъ
Силъ у тебя, съ нимъ въ Падую, а тамъ
Отдай его ты въ собственныя руки
Двоюродному брату моему,
Белларіо. Онъ дастъ тебѣ бумаги
И платье; ты, какъ можно поскорѣй,
Ихъ привези на пристань, отъ которой
Суда плывутъ въ Венецію. Не трать
Здѣсь времени въ словахъ. Ступай скорѣе:
Меня ты тамъ застанешь.

БАЛЬТАЗАРЪ.

Поспѣшу
Исполнить все, не медля ни минуты.

(Уходитъ).

ПОРЦІЯ.

Пойдемъ теперь, Нерисса. У меня
Есть планъ одинъ, который неизвѣстенъ
Еще тебѣ. Своихъ мужей скорѣе
Увидимъ мы, чѣмъ думаютъ они.

НЕРИССА.

Ну, а они увидятъ насъ?

ПОРЦІЯ.

Увидятъ,
Но подъ такой одеждою, что намъ
Припишутъ то, чего мы не имѣемъ.
Держу пари на все, что хочешь ты,
Что если мы съ тобою нарядимся
Въ мужской костюмъ, я превзойду тебя
И ловкостью, и удалью, и буду
Свой мечъ носить красиво и легко,
И говорить тѣмъ дискантомъ, который
Всегда обозначаетъ переходъ
Отъ мальчика къ мужчинѣ. Я замѣню
Нашъ мелкій шагъ походкою мужской;
Какъ юноша хвастливый и горячій,
Я буду все о ссорахъ говорить
И ловко лгать о томъ, какъ добивались
Моей любви знатнѣйшія изъ дамъ,
И какъ онѣ, отвергнутыя мною,
Въ страданіяхъ кончали жизнь свою.
„Ну, да и какъ—прибавлю я—мнѣ было
Хватить на всѣхъ. Конечно, въ этомъ я
Раскаялся и очень сожалѣю,
Что ихъ убилъ...“ И сколько небылицъ
Я наскажу въ такомъ же миломъ родѣ,
Чтобъ всякій могъ поклясться, что прошелъ
Ужъ вѣрно годъ, какъ я учиться кончилъ.
Въ моемъ умѣ есть пропасть всякихъ штукъ
Во вкусѣ тѣхъ болтливыхъ хвастунишекъ;
Я примѣню ихъ къ дѣлу.

НЕРИССА.

Значитъ, мы
Теперь въ мужчинъ, синьора, превратимся?

ПОРЦІЯ.

Что за вопросъ! Какъ былъ бы онъ хорошъ,
Когда бъ его ты сдѣлала при людяхъ,
Двусмысленно толкующихъ слова!
Идемъ однако; планъ же мой подробно
Я объясню въ каретѣ: ждетъ она
У парка насъ. Спѣшить ужасно намъ придется:
Вѣдь, сдѣлать двадцать миль сегодня остается.

(Уходятъ).

СЦЕНА V.

Бельмонтъ. Садъ.

Входятъ ЛАНЧЕЛОТЪ *и* ДЖЕССИКА.

ЛАНЧЕЛОТЪ. Да, это такъ, потому что, видите ли, грѣхи родителей всегда падаютъ на дѣтей. По этому, увѣряю васъ, мнѣ страшно за васъ. Я всегда былъ откровененъ съ вами, оттого и объ этомъ дѣлѣ докладываю вамъ свое разсужденіе. Поэтому, пожалуйста, не унывайте. Я въ самомъ дѣлѣ думаю, что вы пропадете. Правда, есть еще надежда, что этого не случится, но и эту надежду можно назвать незаконнорожденной.

ДЖЕССИКА.

Рисунокъ извѣстнаго англійскаго иллюстратора Кини Мидоуса (Kenny Meadows, 1790—1874).

Джессика. Какая же это надежда, скажи пожалуйста?

Ланчелотъ. Да такая, что вы можете отчасти надѣяться, что не вашъ папенька произвелъ васъ на свѣтъ—что вы не дочь жида.

Джессика. Да, это дѣйствительно какая-то незаконнорожденная надежда. Но въ этомъ случаѣ на меня упадутъ грѣхи моей матери.

Ланчелотъ. Это точно. Ну, такъ значитъ, мнѣ слѣдуетъ бояться, что вы пропадете и по папенькѣ, и по маменькѣ. Избѣгая Сциллу, то есть вашего батюшку, я попадаю въ Харибду, то есть вашу матушку. Вотъ и выходитъ, что вы пропали и съ той, и съ другой стороны.

Джессика. Меня спасетъ мой мужъ: онъ сдѣлалъ меня христіанкой.

Ланчелотъ. За то онъ достоинъ еще большаго порицанія. Насъ и безъ того довольно христіанъ на свѣтѣ — какъ-разъ столько, сколько нужно, чтобъ имѣть возможность мирно жить вмѣстѣ. Это обращеніе въ католическую вѣру возвыситъ только цѣну на свиней, такъ какъ если мы всѣ начнемъ ѣсть свинину, то скоро ни за какія деньги не достанешь жаренаго сала.

Входитъ Лоренцо.

Джессика. Я передамъ моему мужу все, что вы мнѣ говорили, Ланчелотъ; да вотъ онъ.

Лоренцо. Я скоро начну ревновать къ вамъ, Ланчелотъ, если вы не перестанете заводитъ мою жену въ темные уголки.

Джессика. Нѣтъ, Лоренцо, вамъ нечего

безпокоиться о насъ. Ланчелотъ и я живемъ не въ ладу. Онъ мнѣ прямо говоритъ, что мнѣ нѣтъ спасенья на небѣ, потому что я дочь жида, и прибавляетъ, что вы дурной членъ республики, потому что, обращая евреевъ въ христіанскую вѣру, увеличиваете тѣмъ цѣну на свинину.

Лоренцо. За это республика обвинитъ меня меньше, чѣмъ тебя за беременность негритянки. Однако, ступай, скажи прислугѣ, чтобъ у ней было скорѣе готово къ обѣду все.

Ланчелотъ. У ней и безъ того все готово: ея желудки на мѣстѣ.

Лоренцо. Какъ каждый глупецъ можетъ теперь острить и играть словами! Я думаю, что скоро дѣйствительное остроуміе будетъ выражаться въ молчаніи и что разговорчивость будетъ вмѣняться въ заслугу только попугаямъ. Ну, такъ скажи, чтобъ готовили обѣдъ.

Ланчелотъ. И это сдѣлано—только не накрыто.

Лоренцо. Такъ угодно вамъ будетъ накрыть?

Ланчелотъ *(держа шляпу въ рукѣ)*. О, нѣтъ, въ вашемъ присутствіи ни за что: я знаю свою обязанность.

Лоренцо. Опять игра въ слова? Ты, видно, хочешь выказать въ одно мгновеніе все богатство своего ума? Пожалуйста, понимай просто простыя слова. Поди къ своимъ товарищамъ и прикажи имъ накрыть на столъ и подавать блюда, а мы скоро придемъ обѣдать.

Ланчелотъ. Что касается стола, синьоръ, то онъ будетъ поданъ; что касается блюдъ, синьоръ, то они будутъ накрыты; что же касается вашего прибытія къ обѣду, синьоръ, то въ этомъ позвольте соображаться съ вашимъ желаніемъ и фантазіею. *(Уходитъ)*.

Лоренцо.

О, Господи, какая болтовня!
Глупецъ набралъ остротъ различныхъ войско
И помѣстилъ ихъ въ памяти своей.
Я и другихъ глупцовъ не мало знаю
Изъ высшаго сословья, но, какъ онъ,
Остротами себя вооружившихъ,
И, чтобы въ ходъ пустить одну изъ нихъ,
Готовыхъ въ бой вступить со здравымъ смысломъ.
Ну, Джессика, какъ поживаешь ты?
Теперь скажи, мой ангелъ, откровенно,
Какъ ты нашла Бассаніо жену?

Джессика.

Хвалить ее нѣтъ словъ. Необходимо,
Чтобъ жизнію примѣрной жилъ синьоръ
Бассаніо: когда такое благо
Въ своей женѣ онъ встрѣтилъ, то найдетъ
Здѣсь на землѣ всѣ наслажденья неба;
А если онъ ихъ не оцѣнитъ здѣсь,
То никогда не будетъ и на небѣ.
Да, если бы случилось двумъ богамъ
Держать пари на двухъ изъ смертныхъ женщинъ
И Порція была одной изъ нихъ:
То ужъ къ другой пришлось бы непремѣнно
Хоть что-нибудь прибавить, потому
Что равной ей нѣтъ въ этомъ жалкомъ мірѣ.

Лоренцо.

Имѣешь ты во мнѣ, какъ въ мужѣ, то,
Чѣмъ Порція богата, какъ супруга.

Джессика.

На этотъ счетъ и мнѣніе мое
Вамъ надо бы спросить.

Лоренцо.

Спрошу сейчасъ же.
Пойдемъ сперва обѣдать.

Джессика.

Нѣтъ, хочу
Теперь вотъ оцѣнить васъ, пока еще
Я не сыта.

Лоренцо.

Нѣтъ, я прошу тебя—
Прибереги къ обѣду эти рѣчи.
Тамъ, что бы ты мнѣ ни сказала—все
Переварю я съ прочими вещами.

Джессика.

Ну, хорошо, я васъ разоблачу.
(Уходятъ).

ДВОРЕЦЪ ДОЖЕЙ (внутренній дворъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Венеція Зала суда.

Входитъ дожъ, сенаторы, Антоніо, Бассаніо, Граціано, Саларино, Соланіо *и другіе.*

Дожъ.

Что жъ, здѣсь Антоніо?

Антоніо.

Здѣсь, ваша свѣтлость:
Жду вашихъ приказаній.

Дожъ.

Мнѣ тебя
Душевно жаль: вѣдь, ты имѣешь дѣло
Съ противникомъ изъ камня. Эта тварь—
Не человѣкъ: жалѣть онъ не способенъ,
И не найдетъ никто въ его душѣ
Ни капли состраданья.

Антоніо.

Мнѣ сказали,
Свѣтлѣйшій дожъ, что очень сильно вы
Изволили стараться, чтобъ немного
Жестокую претензію смягчить.
Но такъ какъ онъ упорствуетъ въ рѣшеньи
И такъ какъ нѣтъ законныхъ средствъ меня
Освободить отъ ненависти этой,
То бѣшенству его противоставить
Терпѣніе я долженъ. Я себя
Вооружилъ спокойствіемъ душевнымъ,
Чтобъ выдержать тиранство все его
И лютый гнѣвъ.

Дожъ.

Подите, позовите
Сюда жида.

Соланіо.

Онъ ждетъ ужъ у дверей,
Свѣтлѣйшій дожъ. Вотъ онъ.

Входитъ Шейлокъ.

Дожъ.

Очистить мѣсто,
Пусть онъ стоитъ предъ нами. Ну, Шейлокъ!
Всѣ думаютъ, и я такъ полагаю,
Что эту роль злодѣя хочешь ты
Разыгрывать лишь до развязки дѣла;
Но что когда наступитъ этотъ часъ,
Ты выкажешь раскаянье и жалость,
Которыя всѣхъ поразятъ сильнѣй,
Чѣмъ мнимое твое жестокосердье.
Всѣ ждутъ, что ты, настаивая такъ
На этой неустойкѣ—фунтѣ мяса
Отъ этого несчастнаго купца,
Не только не захочешь неустойки,
Но, движимый душевной добротой
И кротостью, часть даже суммы долга
Простишь ему; что состраданья взоръ
Ты обратишь на всѣ его потери,
Которыя недавно на него
Обрушились—потери, что могли бы
И царственнаго разорить купца
И возбудить участье даже въ людяхъ
Съ желѣзною иль каменной душой,
Въ татаринѣ иль туркѣ непреклонномъ,
Котораго никто не воспиталъ
Для жалости. Жидъ, добраго отвѣта
Ждемъ отъ тебя.

Шейлокъ.

Намѣренья свои
Я объяснилъ вамъ прежде, ваша свѣтлость.
Я нашею субботою святой
Поклялся въ томъ, что получу уплату
По векселю. Коль захотите вы
Мнѣ отказать—нарушите законы
И вольности республики своей.
Вы спросите, зачѣмъ предпочитаю
Тремъ тысячамъ червонцевъ мяса фунтъ
Негоднаго? На это не желаю
Я отвѣчать. Положимъ, что скажу:
„Такой мой вкусъ!“ Отвѣтъ ли это будетъ?
Представьте вотъ, что крыса завелась
Въ моемъ дому и не даетъ покоя,
И я тому, кто отравитъ ее,
Хочу отдать червонцевъ десять тысячъ.
Достаточенъ для васъ такой отвѣтъ?
Есть многіе, которые не любятъ
Смотрѣть на пасть раскрытую свиньи;
Другой готовъ, при видѣ кошки, просто
Сойти съ ума; иной, волынки звукъ
Заслышавши случайно передъ носомъ,
Никакъ мочи не можетъ удержать.
Фантазія, страстей владыка, ими
Руководитъ и направляетъ ихъ
Согласно съ тѣмъ, что ей или противно,
Иль нравится. Теперь вотъ мой отвѣтъ:
Коль объяснить нельзя опредѣленно
Причинъ того, что одному свинья
Съ открытымъ ртомъ противна, а другому—
Безвреднѣйшій и нужный въ домѣ котъ,
А третьему—звукъ вздувшейся волынки,
И что они невольно платятъ всѣ
Дань слабости такой неотвратимой,
И, сами будучи угнетены,
Гнетутъ другихъ: такъ точно не могу я
И не хочу представить вамъ другихъ
Причинъ, какъ та, что ненависть и злобу
Питаю я къ Антоніо, что онъ
Противенъ мнѣ, и лишь изъ-за того я
Веду такой убыточный процессъ
Противъ него. Довольны вы отвѣтомъ?

Бассаніо.

Нѣтъ, человѣкъ безчувственный, такимъ
Отвѣтомъ ты не можешь оправдаться
Въ жестокости упорной.

Шейлокъ.

Угождать
Отвѣтами тебѣ я не обязанъ.

Бассаніо.

Какъ будто бы всѣ убиваютъ тѣхъ,
Кого они не любятъ?

Шейлокъ.

А какъ будто
Мы ненависть питать способны къ тѣмъ,
Кого убить желанья не имѣемъ?

Бассаніо.

Не всякая обида вдругъ родитъ
Вражду на смерть.

Шейлокъ.

Какъ, развѣ ты позволишь
Змѣѣ тебя два раза укусить?

Антоніо.

Подумайте—вы споръ съ жидомъ ведете.
Поймите же—вѣдь, это все равно,
Что стать на берегу и приказанье
Волнамъ отдать, чтобъ высоту свою
Понизили онѣ, или у волка
Стать спрашивать, зачѣмъ овечку онъ
Кручиниться по дѣтямъ заставляетъ,
Иль запретить соснамъ, жилицамъ горъ,
Размахивать высокими верхами
И не шумѣть, когда небесный вихрь
Волнуетъ ихъ. Скорѣе вамъ удастся
Труднѣйшую работу совершить,
Чѣмъ жалостью наполнить эту душу
Жидовскую: труднѣе ничего

ВЕНЕЦІАНСКІЙ ДОЖЪ.

Портретъ дожа Николо да-Понте (1578 - 1588), кисти знаменитаго венеціанскаго художника Тинторето (Jacapo Tintoretto, 1519—1594).

На свѣтѣ нѣтъ. Поэтому, прошу васъ
Не предлагайте больше ничего,
Оставьте всѣ дальнѣйшія попытки,
Но поскорѣй и прямо надо мной
Свершите судъ, исполните желанье
Жида.

Бассаніо.

Смотри, шесть тысячъ я даю
На мѣсто трехъ.

Шейлокъ.

Когда бъ червонецъ каждый
Въ тѣхъ тысячахъ имѣлъ хоть шесть частей,
И каждая червонецъ составляла
Въ отдѣльности, я и тогда бы ихъ
Не взялъ отъ васъ: я требую уплаты
По векселю.

Дожъ

Какъ можешь ожидать
Ты милости, коль самъ ея не знаешь?

Шейлокъ.

Когда я правъ, какой мнѣ страшенъ судъ?
Обдумайте вы вотъ что: есть не мало
У васъ рабовъ; а такъ какъ вы себѣ
Купили ихъ, то, наравнѣ съ ослами,
Собаками, мулами, тѣхъ людей
На рабскія, презрѣнныя работы
Вы гоните. Скажи теперь я вамъ:
„Пустите ихъ на волю; пожените
Ихъ на своихъ наслѣдницахъ. Зачѣмъ
Подъ ношами тяжелыми потѣютъ
Несчастные? Пускай постели ихъ
По мягкости не уступаютъ вашимъ;
Пусть блюда тѣ, что кушаете вы,
Ихъ неба услаждаютъ". Вы на это
Сказали бъ мнѣ: „рабы всѣ эти намъ
Принадлежатъ". Ну, такъ и я отвѣчу:
Тотъ мяса фунтъ, котораго теперь
Я требую, мнѣ очень много стоитъ;
Онъ мой, и я хочу имѣть его.
Откажете—я плюну на законы

Венеціи: въ нихъ, значитъ, силы нѣтъ.
Я жду суда. Дождусь ли—отвѣчайте?

Дожъ.

Я властію своею распущу
Собраніе, коль нынче не пріѣдетъ
Белларіо, ученый докторъ; я
За нимъ послалъ для разрѣшенья дѣла.

Соланіо.

Тамъ на дворѣ ждетъ посланный съ письмомъ
Отъ доктора: онъ только что пріѣхалъ
Изъ Падуи.

Дожъ.

Позвать его; письмо же
Принесть сюда.

Бассаніо.

Будь веселѣй, мой милый
Антоніо! Пріободрись! Скорѣе
Презрѣнный жидъ возьметъ мои всѣ кости
И плоть мою, и кровь, и все, чѣмъ ты
Изъ-за меня лишишься капли крови.

Антоніо.

Другъ, въ стадѣ я паршивая овца,
И мнѣ итти приличнѣе на бойню,
Чѣмъ всѣмъ другимъ: гнилѣйшій плодъ всегда
Скорѣй другихъ на землю упадаетъ.
Пусть и со мной такъ будетъ. Ничего
Не сдѣлаешь ты лучше, другъ Бассаньо,
Какъ жить и мнѣ надгробье сочинить.

Входитъ Нерисса, *одѣтая писаремъ.*

Дожъ.

Изъ Падуи ты прибылъ, отъ Балларьо?

Нерисса.

Такъ точно. Онъ свидѣтельствуетъ вамъ
Почтеніе. (*Подаетъ ему письмо*).

Бассаніо. (*Шейлоку.*)

Зачѣмъ ты такъ усердно
Свой точишь ножъ?

Шейлокъ.

Готовлюсь рѣзать имъ
У этого банкрота неустойку.

Граціано.

Жестокій жидъ, не на подошвѣ ты
Свой точишь ножъ, а на душѣ. Металлу
Ни одному, сѣкирѣ палача
Со злобою твоею не сравниться
По остротѣ. Ужели ни одной
Мольбой тебя не тронуть?

Шейлокъ.

Ни одною,
Какую бы ни изобрѣлъ твой умъ.

Граціано.

О, проклятъ будь ты, песъ неумолимый!
А жизнь твоя укоромъ злымъ пусть будетъ
Правдивости! Я, право, начинаю
Ужъ въ вѣрѣ колебаться и готовъ,
Какъ Пиѳагоръ, доказывать, что души
Звѣрей въ тѣла людскія переходятъ.
Твой гнусный духъ жилъ въ волкѣ, и когда
Его за растерзанье человѣка
Повѣсили—свирѣпая душа,
Освободясь изъ петли, улетѣла,
И, между тѣмъ какъ въ матери своей
Нечистой ты лежалъ еще—вселилась
Она въ тебя. Ты настоящій волкъ:
Какъ онъ, жестокъ, свирѣпъ и кровожаденъ.

Шейлокъ.

Ругательствамъ твоимъ не соскоблить
На векселѣ печати. Значитъ, крикомъ
Ты лишь свою печенку надорвешь.
Побереги, о, юноша любезный,
Свой острый умъ: не то навѣки онъ
Разрушится. Я жду здѣсь правосудья.

Дожъ.

Белларіо рекомендуетъ намъ
Ученаго и юнаго юриста.
Гдѣ жъ онъ?

Нерисса.

Онъ здѣсь поблизости и ждетъ,
Угодно-ль вамъ принять его?

Дожъ.

Съ охотой
Полнѣйшею. Пусть четверо изъ васъ
Введутъ его съ почетомъ. А покамѣстъ
Прочесть суду Белларіо письмо.

Писецъ (*читаетъ*). „Имѣю честь доложить вашей свѣтлости, что ваше письмо застало меня совсѣмъ больнымъ; но въ ту самую минуту, какъ пріѣхалъ вашъ посланный, я имѣлъ удовольствіе принимать у себя молодого доктора изъ Рима. Имя его Бальтазаръ. Я познакомилъ его съ процессомъ, возникшимъ между жидомъ и купцомъ Антоніо; мы просмотрѣли вмѣстѣ много книгъ. Онъ знаетъ мое мнѣніе и сообщитъ его вамъ, придавъ ему большую цѣну своею собственною ученостью, обширность которой я не могу достаточно похвалить; по моей просьбѣ, онъ исполнитъ, вмѣсто меня, желаніе вашей свѣтлости. Умоляю васъ, несмотря на его молодость, не отказывать ему въ должномъ уваженіи, потому что я

никогда не встрѣчалъ такого молодого тѣла
съ такой старой головой. Поручаю его ва-
шему благосклонному пріему, но испытаніе на
дѣлѣ послужитъ ему самою лучшею реко-
мендаціею".

Дожъ.

Вы слышите, что пишетъ нашъ мудрецъ
Белларіо? Вотъ, кажется, и докторъ.

Входитъ Порція, *одѣтая адвокатомъ.*

Дожъ.

Пожалуйте мнѣ вашу руку. Вы
Отъ стараго Белларіо?

Порція.

Такъ точно.

Дожъ.

Привѣтствую отъ сердца и прошу
Садиться. Вамъ уже извѣстна тяжба,
Которая собрала этотъ судъ.

Порція.

Я знаю всѣ подробности. Скажите,
Гдѣ здѣсь купецъ, гдѣ жидъ?

Дожъ.

Шейлокъ и ты,
Антоніо, поближе подойдите.

Порція.

Шейлокомъ васъ зовутъ?

Шейлокъ.

Меня зовутъ
Шейлокомъ.

Порція.

Искъ затѣяли вы странный;
Но вмѣстѣ съ тѣмъ такого рода онъ,
Что помѣшать не могутъ вамъ законы
Венеціи. *(Къ Антоніо)* Такъ это вы въ та-
кой
Опасности?

Антоніо.

Да, такъ онъ утверждаетъ.

Порція.

Вы признаете вексель?

Антоніо.

Признаю.

Порція.

Такъ долженъ жидъ явиться милосердымъ.

Шейлокъ.

А по какой причинѣ долженъ, вы
Скажите мнѣ?

Порція.

По принужденью милость
Не дѣйствуетъ, а падаетъ она,
Какъ тихій дождь, струящійся на землю
Изъ облаковъ. Благословенье въ ней
Сугубое: она благословляетъ
Тѣхъ, кто даетъ и кто беретъ ее.
Сильнѣй всего она въ рукахъ у сильныхъ;
Она—царямъ приличнѣе вѣнца;
Монарховъ скиптръ знакъ временной ихъ
силы,
Онъ—аттрибутъ величья; изъ него
Исходитъ страхъ предъ властью государей.
Но скиптра мощь предъ милостью—ничто.
Въ сердцахъ царей владычествуетъ милость,
Какъ аттрибутъ Всевышняго—и та
Земная власть всѣхъ ближе къ власти Бога,
Которая и правый судъ творитъ,
И милуетъ. Жидъ, ты на правосудье
Ссылаешься, но взвѣсь мои слова:
Когда бъ всегда законы исполнялись
Съ буквальностью, никто бъ изъ насъ не
могъ
Спасти себя. О милости взываемъ
Въ молитвѣ мы, и милосердымъ быть
Насъ эта же молитва научаетъ.
Я говорю все это для того,
Чтобъ чѣмъ нибудь смягчить твой искъ за-
конный,
Но если ты настаиваешь въ немъ,
То строгій судъ Венеціи обязанъ
Постановить рѣшенье надъ купцомъ.

Шейлокъ.

На голову мою мои поступки
Пусть падаютъ. Я требую суда
Законнаго—я требую уплаты
По векселю.

Порція.

Да развѣ деньги онъ
Внести не въ состояньи?

Бассаніо.

Нѣтъ, напротивъ.
Здѣсь, предъ судомъ, всю сумму я сполна
Даю ему—удвоиваю даже.
Коли и тѣмъ онъ не доволенъ—я
Ему отдамъ хоть вдесятеро столько,
И головой, и сердцемъ, и рукой
Въ томъ поручусь. А если не доволенъ
И этимъ онъ—такъ нѣтъ сомнѣнья въ
томъ,
Что хочетъ злость попрать прямую чест-
ность,
Я васъ молю—предъ властію своей
Хоть разъ одинъ законъ вы преклоните;

Я васъ молю—неправду совершить
Малѣйшую изъ-за великой правды,
И демона свирѣпаго, что имъ
Руководитъ, смирить своимъ рѣшеньемъ.

Порція.

Нѣтъ, такъ нельзя. Уставленный законъ
Перемѣнить нельзя ничьею властью
Въ Венеціи. Какъ происшедшій фактъ,
Запишется рѣшеніе такое,
И вторгнется затѣмъ не мало зла
Въ республику по этому примѣру.
Нѣтъ, такъ нельзя.

Шейлокъ.

О, это Даніилъ
Пришелъ судить! да, Даніилъ! О, юный
Мудрецъ-судья, какъ сильно и высоко
Я чту тебя!

Порція.

Позвольте мнѣ взглянуть
На вексель вашъ.

Шейлокъ.

Вотъ онъ, почтенный докторъ,
Вотъ онъ.

Порція.

Шейлокъ, вѣдь, втрое заплатить
Тебѣ хотятъ.

Шейлокъ.

А клятва, клятва? Небу
Я клятву далъ. На душу тяжкій грѣхъ
Не положу я клятвопреступленьемъ.
Нѣтъ, нѣтъ, за всю Венецію того
Не сдѣлаю.

Порція.

Итакъ—просроченъ вексель;
По немъ вполнѣ законно можетъ жидъ
Взять, вырѣзавъ, какъ можно ближе къ сердцу,
Фунтъ мяса. Нѣтъ, ты сжалишься, Шейлокъ:
Возьми себѣ тройную сумму долга,
И прикажи мнѣ вексель разорвать.

Шейлокъ.

Тогда скажу, когда по немъ уплату
Всю получу. Мы ясно видимъ всѣ,
Что вы судья достойнѣйшій: законы
Знакомы вамъ, отлично дѣло все
Вы поняли, и потому, во имя
Законности, которая нашла
Въ васъ вѣрную, достойную опору,
Я васъ прошу окончить этотъ судъ.
Клянусь душой, поколебать не въ силахъ
Ничей языкъ рѣшеніе мое.
Я требую по векселю уплаты.

Антоніо.

Отъ всей души я умоляю судъ
Произнести свой приговоръ.

Порція.

Да будетъ
По вашему. Приготовляйте грудь
Его ножу.

Шейлокъ.

О, юноша прекрасный,
О, судія правдивый!

Порція.

Потому,
Что духъ и текстъ закона совершенно
Согласны съ тѣмъ взысканіемъ, что здѣсь,
Въ семъ векселѣ, означено такъ ясно.

Шейлокъ.

Такъ, точно такъ. О, мудрый судія,
Правдивѣйшій! На сколько же ты старше,
Чѣмъ кажешься!

Порція *(къ Антоніо)*.

Итакъ, раскройте грудь.

Шейлокъ.

Да, грудь его: такъ вексель говоритъ мой.
Не правда ли, почтеннѣйшій судья?
Такъ сказано: какъ можно ближе къ сердцу—
Не такъ ли?

Порція.

Да. А есть ли здѣсь вѣсы?
Они нужны, чтобъ свѣсить мясо.

Шейлокъ.

Какъ же!
Я ихъ принесъ.

Порція.

Такъ припасите тоже
На вашъ же счетъ хирурга, чтобъ ему
Перевязалъ онъ рану—а иначе
Онъ кровію, пожалуй, изойдетъ.

Шейлокъ.

А въ векселѣ написано объ этомъ?

Порція.

Не писано, но это все равно.
Конечно, вы должны изъ состраданья
Такъ посупить.

Шейлокъ *(глядя на вексель)*.

Нѣтъ, не могу найти
Я въ векселѣ условіе такое.

Порція.

Ну, вы, купецъ,—имѣете ль сказать
Намъ что нибудь?

Антоніо.

Имѣю очень мало.
Вооруженъ и приготовленъ я.
Бассаніо, прощайте—вашу руку!
Я васъ прошу не горевать, что вы
Виной того, что сдѣлалось со мною:
Судьба ко мнѣ добрѣе отнеслась,
Чѣмъ къ множеству другихъ. Обыкновенно,
Кто потерпѣлъ крушенье, обреченъ
Переживать богатство и съ глазами
Потухшими, съ морщинистымъ челомъ
Вѣкъ нищеты влачить. А я избавленъ
Отъ этого страданія судьбой.
Привѣтъ мой шлю женѣ достойной вашей;
Скажите ей, какъ я окончилъ жизнь,
Скажите, какъ я васъ любилъ; отдайте
Честь мертвому. Когда же свой разсказъ
Вы кончите, пускай она разсудитъ—
Имѣли ли вы друга на землѣ?
Не кайтесь въ томъ, что друга потеряли,
Какъ этотъ другъ не кается, что долгъ
Вашъ заплатилъ: пусть только жидъ глубоко
Запуститъ ножъ—всѣмъ сердцемъ заплачу
Я этотъ долгъ немедленно.

Бассаніо.

Антоньо,
Женился я на женщинѣ такой,
Которая дороже мнѣ всей жизни;
Но жизнь мою, жену мою, весь міръ
Я не цѣню дороже вашей жизни.
Все потерять, все въ жертву принести
Вотъ этому чудовищу готовъ я,
Чтобъ васъ спасти.

Порція.

Ну, если бы жена
Услышала, чѣмъ жертвовать хотите
Вы для него, не слишкомъ-то она
Была бы вамъ за это благодарна.

Граціано.

И я женатъ—люблю свою жену,
Но былъ бы радъ, чтобъ въ небесахъ витала
Она теперь, когда бъ изъ вышнихъ силъ
Хотя одну могла склонить къ смягченью
Паршиваго жида.

Нерисса.

Ну, хорошо,
Что за ея спиной вы говорите
Такую вещь; иначе шумъ большой
У васъ въ дому изъ-за нея поднялся бъ.

Шейлокъ *(въ сторону)*.

Вотъ какова супружеская жизнь
У христіанъ! Я дочь одну имѣю,
Но лучше бы желалъ, чтобъ мужемъ ей
Былъ человѣкъ изъ племени Варравы,
Чѣмъ кто нибудь изъ христіанъ.
(Вслухъ). Къ чему
Напрасно мы растрачиваемъ время?
Прошу тебя скорѣе приговоръ
Произнести.

Порція.

Такъ мяса фунтъ изъ тѣла
Сего купца принадлежитъ тебѣ;
Законъ его даетъ, судъ—присуждаетъ.

Шейлокъ.

Правдивѣйшій судья!

Порція.

И этотъ фунтъ
Ты вырѣзать обязанъ близко къ сердцу:
Такъ судъ рѣшилъ, такъ говоритъ законъ.

Шейлокъ.

Ученѣйшій судья! Вотъ приговоръ-то,
Такъ приговоръ. Ну, къ дѣлу поскорѣй!

Порція.

Нѣтъ, погоди—еще не все. По этой
Распискѣ ты имѣешь право взять
Лишь мяса фунтъ; въ ней именно: *фунтъ мяса*
Написано; но права не даетъ
Она тебѣ ни на одну кровинку.
Итакъ, бери, что слѣдуетъ тебѣ—
Фунтъ мяса; но, вырѣзывая мясо,
Коль каплю крови христіанской ты
Прольешь—твои имущества и земли
Возьметъ казна республики себѣ.
Таковъ законъ Венеціи.

Граціано.

О, мудрый!
Жидъ, замѣчай! О, праведный судья!

Шейлокъ.

Таковъ законъ?

Порція.

Ты самъ его увидишь.
И такъ какъ ты правдиваго суда
Здѣсь требуешь, то, вѣрь, что въ большей мѣрѣ,
Чѣмъ хочешь ты, онъ будетъ совершенъ.

Граціано.

О, судія ученѣйшій, мудрѣйшій!
Жидъ, замѣчай! О, праведный судья!

Шейлокъ.

Ну, если такъ, на ваше предложенье
Согласенъ я: отдайте втрое мнѣ
По векселю и пусть себѣ уходитъ
Христіанинъ.

БАССАНІО.

Вотъ деньги.

ПОРЦІЯ.

Нѣтъ, пока
Еще не все. Узнаетъ правосудье
Жидъ до конца. Не надобно спѣшить.
Получитъ онъ одну лишь неустойку—
Не болѣе.

ГРАЦІАНО.

О, жидъ, что за судья
Правдивѣйшій, ученѣйшій, мудрѣйшій!

ПОРЦІЯ.

Готовься же ты мясо у него
Вырѣзывать; не забывай, что крови
Нельзя пролить; да помни: ровно фунтъ
Вырѣзывай, ни больше и ни меньше.
Коль вырѣжешь ты болѣе, чѣмъ фунтъ,
Иль менѣе, коль вѣсъ его усилишь,
Иль уменьшишь на сотую хоть часть
Ничтожнѣйшаго скрупула, коль только
Хоть на волосъ наклонится игла
Твоихъ вѣсовъ, то смерть тебя постигнетъ,
Имущество жъ твое пойдетъ въ казну.

ГРАЦІАНО.

Вотъ Даніилъ! Жидъ, Даніилъ предъ нами
А, нехристь, ты теперь въ моихъ рукахъ.

ПОРЦІЯ.

Что жъ сталъ ты, жидъ? Бери свой долгъ.

ШЕЙЛОКЪ.

Отдайте
Мой капиталъ—и я сейчасъ уйду.

БАССАНІО.

Вотъ онъ: тебѣ его я приготовилъ.

ПОРЦІЯ.

Онъ отъ него отрекся предъ судомъ.
По точному условію расписки
Получитъ онъ уплату.

ГРАЦІАНО.

Даніилъ—
Онъ Даніилъ второй, я повторяю.
Спасибо, жидъ, что подсказалъ ты мнѣ
Сравненіе такое.

ШЕЙЛОКЪ.

Неужели
Не получу и капитала я?

ПОРЦІЯ.

Получишь ты одну лишь неустойку:
Бери ее на собственный свой страхъ.

ШЕЙЛОКЪ.

Такъ пусть съ нея беретъ уплату дьяволъ!
Мнѣ нечего здѣсь больше толковать.

ПОРЦІЯ.

Нѣтъ, жидъ, постой. Законный судъ имѣетъ
Еще одну претензію къ тебѣ.
Республики законъ постановляетъ,
Что если иностранецъ посягнетъ
На жизнь кого нибудь изъ гражданъ, прямо
Иль косвенно, и это предъ судомъ
Докажется, то часть его имѣнья
Идетъ тому, кому онъ угрожалъ
Погибелью; другую жъ половину
Беретъ казна республики. А жизнь
Виновнаго отъ милосердья дожа
Зависитъ вся: одинъ лишь дожъ казнить
Иль миловать его имѣетъ право.
Поэтому—я говорю—къ тебѣ
Имѣетъ судъ претензію: улики
Всѣ говорятъ, что посягалъ на жизнь
Отвѣтчика ты косвенно и прямо,
И этимъ то возмездье заслужилъ,
Которое здѣсь высказано мною.
Пади же ницъ и дожа умоляй
О милости.

ГРАЦІАНО.

Проси, чтобъ позволенье
Онъ далъ тебѣ пойти и самому
Повѣситься; но такъ какъ поступаетъ
Имущество твое сполна въ казну,
И не на что купить веревку—
То слѣдуетъ тебя повѣсить, жидъ,
На счетъ казны.

ДОЖЪ.

Чтобъ нашихъ чувствъ различье
Увидѣлъ ты, я жизнь тебѣ дарю
Безъ просьбъ твоихъ. Часть твоего имѣнья
Антоніо возьметъ; другая часть
Пойдетъ въ казну республики. Покаясь,
Ты превратить все это можешь въ штрафъ.

ПОРЦІЯ.

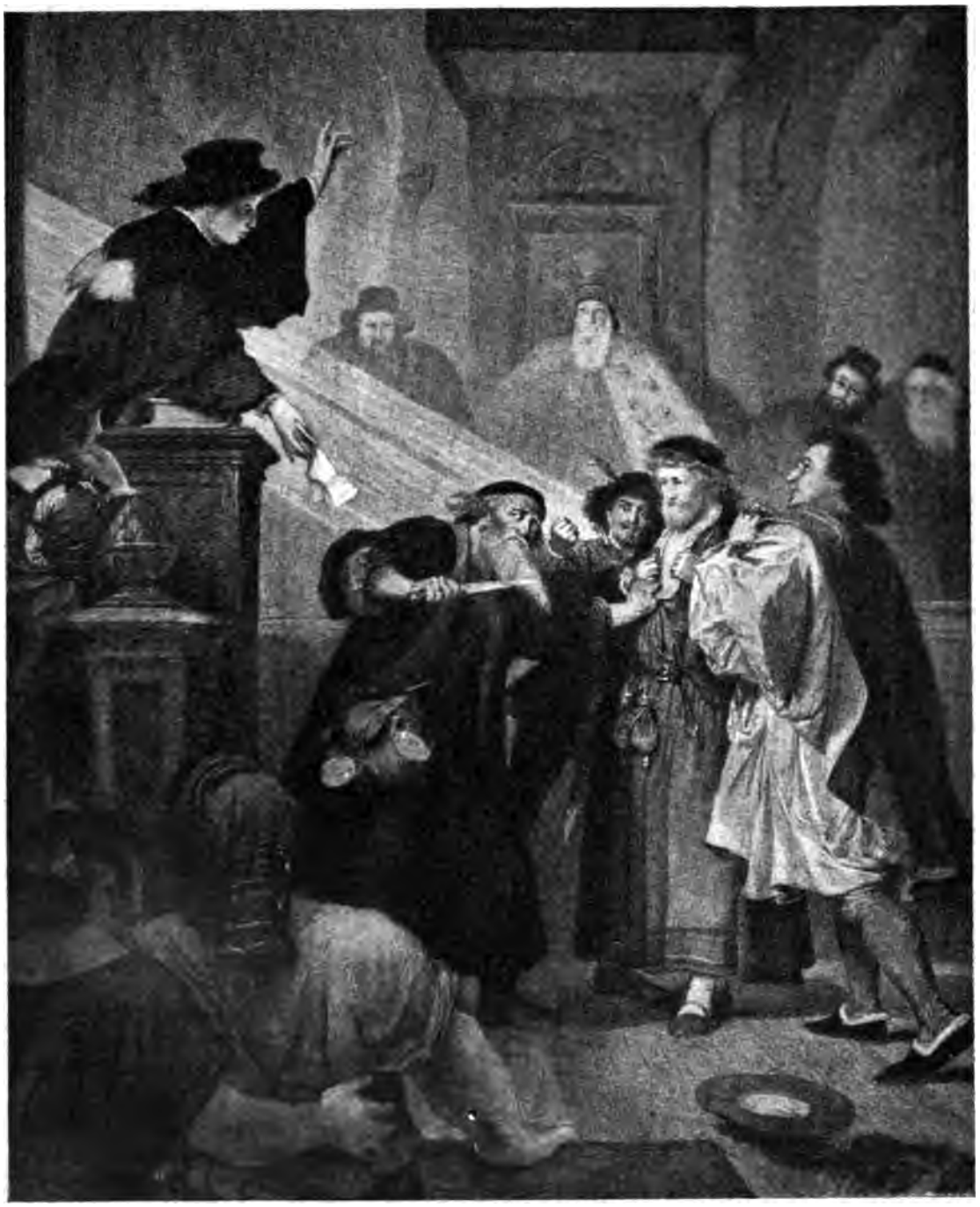
Да, для казны—не для Антоньо только.

ШЕЙЛОКЪ.

Берите все, берите жизнь мою:
Не нужно мнѣ пощады. Отымая
Подпоры тѣ, которыми мой домъ
Весь держится, вы цѣлый домъ берете;
Лишая средствъ для жизни—жизни всей
Лишаете.

ПОРЦІЯ.

Антоніо, что дѣлать
Вы для него хотите?



ШЕЙЛОКЪ и ПОРЦІЯ на судѣ (Дѣйствіе IV, сц. I).

Рисунокъ нѣмецкаго художника, профессора Адольфа Шмитца (Adolph Schmitz, 1825—1894).

Граціано

Дать ему
Безденежно веревку—и затѣмъ
Ужъ ничего другого, ради Бога!

Антоніо.

Коли хотятъ свѣтлѣйшій дожъ и судъ
Не брать съ него законной половины
Имущества его—согласенъ я,
Съ тѣмъ, чтобы мнѣ другую половину
Онъ далъ взаймы, съ условьемъ возвратить
Ее, когда онъ кончитъ жизнь, синьору,
Который дочь похитилъ у него.
Но, сверхъ того, за это снисхожденье,
Я требую, во первыхъ, чтобъ сейчасъ
Крестился онъ, а во-вторыхъ, чтобъ запись
Формальную суду представилъ въ томъ,
Что все свое имущество по смерти
Онъ дочери и зятю передастъ.

Дожъ.

Быть по сему. Иначе то прощенье,
Которое я далъ ему, тотчасъ
Возьму назадъ.

Порція.

Жидъ, отвѣчай: доволенъ
Рѣшеньемъ ты?

Шейлокъ.

Доволенъ.

Порція.

Секретарь,
Составьте актъ; пусть онъ его подпишетъ.

Шейлокъ.

Позвольте мнѣ уйти. Не хорошо
Я чувствую себя. Пришлите запись
Ко мнѣ домой—я дома подпишу.

Дожъ.

Ступай; но все, какъ сказано, исполни.

Граціано.

Къ крещенію два крестные отца
Тебя сведутъ. Будь я твоимъ судьею,
Я бъ, вѣрно, далъ тебѣ не пару ихъ,
А дюжину, чтобъ не къ святой купели,
А къ висѣлицѣ проводить тебя.

(Шейлокъ уходитъ).

Дожъ *(Порціи)*.

Покорнѣйше прошу васъ отобѣдать
Со мной, синьоръ.

Порція.

Покорнѣйше прошу,
Свѣтлѣйшій дожъ, простить меня. Я долженъ
Сегодня въ ночь быть въ Падуѣ, и мнѣ
Поэтому необходимо ѣхать
Немедленно.

Дожъ.

Жалѣю отъ души,
Что сильно такъ вы заняты. Антоньо,
Достойно вы должны вознаградить
Ученаго синьора: онъ услугу
Огромную вамъ нынче оказалъ.

(Дожъ, сенаторы и свита уходятъ).

Бассаніо.

Достойнѣйшій синьоръ мой, ваша мудрость
Отъ страшнаго несчастія меня
И друга моего спасла сегодня.
За это мы спѣшимъ вамъ предложить
Три тысячи червонцевъ, припасенныхъ
Мной для жида.

Антоніо.

И все-таки у васъ
Останемся въ долгу до самой смерти—
Готовностью служить по мѣрѣ силъ.

Порція.

Кто собственнымъ своимъ доволенъ дѣломъ,
Тотъ признаетъ, что съ щедростью ему
Заплачено; освобожденьемъ вашимъ
Доволенъ я—и потому считаю,
Что хорошо вы заплатили мнѣ.
Я никогда не зналъ другой корысти.
Когда опять мы встрѣтимся, прошу
Признать меня: вотъ все мое желанье.
Затѣмъ всѣхъ благъ желаю вамъ, и въ путь
Отправиться спѣшу.

Бассаніо.

Синьоръ достойный,
Я принужденъ настаивать, чтобъ вы
Хоть что-нибудь на память согласились
Принять отъ насъ—принять, какъ дань любви,
Когда за трудъ вы не хотите платы.
Двѣ вещи лишь исполнить васъ прошу:
Согласье дать и извинить за просьбу.

Порція.

Синьоръ, вы такъ настойчивы, что я
Вамъ отказать не въ силахъ.
(Къ Антоніо). Дайте ваши
Перчатки мнѣ; я буду ихъ носить.
(Къ Бассаніо).
У васъ же я возьму вотъ этотъ перстень.
Отдернули вы руку? Не хочу
Я ничего другого—и, конечно,
Любя меня, не захотите вы
Въ немъ отказать.

БАССАНІО.

Синьоръ, вѣдь, этотъ перстень
Бездѣлица такая; стыдно мнѣ
Вамъ дать его.

ПОРЦІЯ.

Я ничего другого
Взять не хочу; такая мнѣ пришла
Фантазія.

БАССАНІО.

Я дорожу имъ больше,
Чѣмъ стоитъ онъ. Сейчасъ же отыщу,
Посредствомъ объявленья, лучшій перстень
Въ Венеціи и вамъ его отдамъ;
Но этотъ вы мнѣ удержать позвольте.

ПОРЦІЯ.

Какъ вижу я, вы щедры на словахъ.
Сперва меня просить вы научили,
Теперь урокъ даете ужъ другой—
Какъ отвѣчать просящему.

БАССАНІО.

Синьоръ
Добрѣйшій мой, дала мнѣ этотъ перстень
Моя жена, при чемъ—надѣвъ его
На палецъ мой—заставила поклясться,
Что никогда я не продамъ его,
Не подарю, не потеряю.

ПОРЦІЯ.

Это—
Одинъ предлогъ: для многихъ служитъ онъ
Лишь средствомъ—быть какъ можно экономнѣй
Въ своихъ дарахъ. Коль не сошла съ ума
У васъ жена, то, безъ сомнѣнья, зная,
Какъ хорошо умѣлъ я заслужить
Вашъ перстень здѣсь—не станетъ вѣчно злиться
За то, что вы мнѣ отдали его.
Ну, дѣлайте, какъ знаете. Прощайте.

(Уходятъ съ Нериссой).

АНТОНІО.

Бассаніо, совѣтую отдать
Ему кольцо. Пускай моя любовь,
Съ услугою его соединившись,
Одержатъ верхъ надъ клятвою, что съ васъ
Жена взяла.

БАССАНІО.

Скорѣе, Граціано,
Бѣги за нимъ и догони его;
Отдай ему кольцо и, если можешь,
Къ Антоніо въ квартиру приведи
Его сейчасъ. Живѣе, Граціано.

(Граціано уходитъ).

Идемъ же къ вамъ. А завтра рано утромъ
Мы полетимъ въ Бельмонтъ. Идемте, другъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Венеція. Улица.

Входятъ ПОРЦІЯ *и* НЕРИССА.

ПОРЦІЯ.

Узнай, гдѣ домъ Шейлока; эту запись
Ему отдай, и пусть подпишетъ онъ.
Сегодня въ ночь уѣдемъ мы, и дома
Опередимъ на цѣлый день мужей.
Я думаю, Лоренцо эта запись
Порадуетъ.

Входитъ ГРАЦІАНО.

ГРАЦІАНО.

Синьоръ, я счастливъ тѣмъ,
Что васъ догналъ. Бассаніо, обдумавъ,
Мнѣ поручилъ вамъ передать кольцо,
И вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше васъ проситъ
Съ нимъ раздѣлить обѣдъ.

ПОРЦІЯ.

Никакъ нельзя.
За перстень я душевно благодаренъ
И васъ прошу синьору передать
Признательность мою. Прошу васъ также
Мнѣ указать домъ стараго жида.

ГРАЦІАНО.

Съ охотою.

НЕРИССА *(Порціи).*

Синьоръ, мнѣ нужно съ вами
Поговорить. *(Тихо).* Хочу я испытать—
Удастся ль мнѣ у моего супруга
Взять то кольцо, съ которымъ никогда
Онъ клятву далъ не разставаться.

ПОРЦІЯ.

Смѣло
Ручаюсь я—удастся. Будутъ намъ
Они давать торжественныя клятвы,
Что отданы мужчинамъ кольца ихъ;
Но станемъ мы ихъ уличать въ противномъ
И громче ихъ доказывать... Теперь
Ступай скорѣй; ты знаешь, вѣдь, гдѣ буду
Я ждать тебя.

НЕРИССА *(Граціано).*

Такъ будьте такъ добры,
Квартиру мнѣ Шейлока покажите.

(Уходятъ).

МОСТЪ РІАЛЬТО въ настоящее время.
(Внѣшній видъ вполнѣ сохранился съ XVI вѣка).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Бельмонтъ. Аллея, ведущая къ дому Порціи.

Входятъ Лоренцо *и* Джессика.

Лоренцо.

Луна блеститъ. Въ такую ночь, какъ эта,
Когда зефиръ деревья цѣловалъ,
Не шелестя зеленою листвою—
Въ такую ночь, я думаю, Троилъ
Со вздохами всходилъ на стѣны Трои,
И улеталъ тоскующей душой
Въ станъ греческій, гдѣ милая Крессида
Покоилась въ ту ночь.

Джессика.

Въ такую ночь
Тревожно шла въ травѣ росистой Тизба
И, тѣнь отъ льва увидѣвъ прежде льва,
Вся ужасомъ объятая, пустилась
Стремительно бѣжать.

Лоренцо.

Въ такую ночь
Печальная Дидона, съ вѣткой ивы,
Стояла на пустынномъ берегу,
И милаго той вѣткою манила
Вернуться въ Карѳагенъ.

Джессика.

Въ такую ночь
Медея шла, въ поляхъ сбирая травы
Волшебныя, чтобъ юность возвратить
Язону-старику.

Лоренцо.

Въ такую ночь
Съ своимъ любезнымъ Джессика бѣжала,
Покинувъ домъ богатаго еврея,
Изъ города Венеціи въ Бельмонтъ—
И скрылась тамъ.

Джессика.

Увы, въ такую ночь
Ее любить Лоренцо юный клялся,
И клятвами онъ душу у нея
Укралъ; но всѣ обѣты эти были—
Одинъ обманъ и ложь.

Лоренцо.

Въ такую ночь
Хорошенькая Джессика-малютка,
Обидчица шалунья, клеветала
На милаго—и милый ей простилъ.

Джессика.

Съумѣла бы тебя я переспорить,
Когда бъ одни остались мы; но—чу!
Я слышу шумъ мужскихъ шаговъ.

Входитъ Стефано.

Лоренцо.

Кто это
Поспѣшно такъ въ ночной тиши идетъ?

Стефано.

Другъ.

Лоренцо.

Другъ? какой? скажите, другъ, прошу васъ,
Какъ васъ зовутъ?

Стефано.

Стефано. Приношу
Извѣстье я, что завтра на разсвѣтѣ
Прибудетъ госпожа моя сюда.
Теперь она, въ окрестностяхъ Бельмонта,
Къ святымъ крестамъ прикладываться ходитъ
И шлетъ мольбы, колѣни преклоняя,
О счастіи супружества.

Лоренцо.

Кто съ ней?

Стефано.

Святой монахъ и горничная—только.
Скажите мнѣ, вернулся ли домой
Мой господинъ?

Лоренцо.

Еще не возвращался,
И нѣтъ о немъ извѣстій никакихъ.
Ну, Джессика пойдемъ домой подумать,
Какой бы намъ торжественный пріемъ
Изобрѣсти владѣтельницѣ замка.

Входитъ Ланчелотъ.

Ланчелотъ. Тру-ту-ту! Тра-та-та! Эй!

Лоренцо. Кто это зоветъ?

Ланчелотъ. Тру-ту-ту! Не видали ли вы синьора Лоренцо и синьору Лоренцо? Тру-ту-ту!

Лоренцо. Перестань трубить, дурень! Мы здѣсь.

Ланчелотъ. Тру-ту-ту! гдѣ? гдѣ?

Лоренцо. Здѣсь.

Ланчелотъ. Скажите ему, что отъ моего господина пріѣхалъ гонецъ, съ рогомъ биткомъ набитымъ хорошими новостями. Мой господинъ будетъ здѣсь на разсвѣтѣ. *(Уходитъ).*

Лоренцо.

Мой милый другъ, вернемся въ замокъ; тамъ
Мы будемъ ждать пріѣзда ихъ. А впрочемъ,
Зачѣмъ итти? Стефано, милый другъ,
Пожалуйста, скажите людямъ въ замкѣ,
Что госпожа ихъ ѣдетъ; да пускай
На чистый воздухъ выйдутъ музыканты.
(Стефано уходитъ).
Какъ сладко спитъ сіяніе луны
Здѣсь на скамьѣ! Мы сядемъ тутъ съ тобою,
И пусть въ нашъ слухъ летитъ издалека
Звукъ музыки; тишь безмятежной ночи—
Гармоніи прелестной проводникъ.
Сядь, Джессика. Смотри, какъ сводъ небесный
Весь выложенъ мильонами кружковъ
Изъ золота блестящаго. Межъ ними
Нѣтъ самаго малѣйшаго кружка,
Который бы не пѣлъ, какъ ангелъ, вторя
Въ движеніи размѣренномъ своемъ
Божественнымъ аккордамъ херувимовъ.
Такою же гармоніею души
Безсмертныя исполнены; но мы
До той поры ее не можемъ слышать,
Пока душа безсмертная живетъ
Подъ грубою и тлѣнною одеждой.

Входятъ музыканты.

Лоренцо.

Эй, вы, сюда! Прервите гимномъ сонъ
Діаны; пусть прелестнѣйшіе звуки
Доносятся до вашей госпожи
И привлекутъ ее домой скорѣе. *(Музыка).*

Джессика.

Становится мнѣ грустно всякій разъ,
Какъ музыку хорошую я слышу.

Лоренцо.

Причина та, что духъ твой напряженъ.
Замѣть себѣ, когда несутся дико
Въ степяхъ стада, иль молодыхъ коней
Лихой табунъ: они безумно скачутъ,
Ревутъ и ржутъ; то кровь играетъ въ нихъ
Горячая. Но стоитъ имъ заслышать
Лишь звукъ трубы или иной какой
Звукъ музыки—какъ вкопанные, станутъ
Мгновенно всѣ, и одичалый взглядъ,
Подъ силою мелодіи прелестной,
Въ смиреніе и кротость перейдетъ.
Вотъ отчего и говорятъ поэты,
Что пѣснями своими привлекалъ
Орфей деревья, волны и утесы;

Нѣтъ на землѣ живого существа
Столь жесткаго, крутого, адски-злого,
Чтобъ не могла хотя на часъ одинъ
Въ немъ музыка свершить переворота.
Кто музыки не носитъ самъ въ себѣ,
Кто холоденъ къ гармоніи прелестной,
Тотъ можетъ быть измѣнникомъ, лгуномъ,
Грабителемъ; души его движенья
Темны, какъ ночь, и, какъ Эребъ, черна
Его пріязнь. Такому человѣку
Не довѣряй. Послушаемъ оркестръ.

Въ отдаленіи показываются Порція *и* Нерисса.

Порція.

Вотъ этотъ свѣтъ горитъ въ моей пріемной.
Какъ далеко отъ маленькой свѣчи
Блеститъ огонь. Такъ въ извращенномъ мірѣ
Блеститъ добро.

Нерисса.

При лунномъ свѣтѣ мы
Не видѣли свѣчи.

Порція.

Передъ сіяньемъ
Великой славы меркнетъ меньшей блескъ.
Пока король не явится—намѣстникъ
Сіяетъ такъ, какъ самъ король; когда жъ
Появится властитель—исчезаетъ
Величіе его, какъ ручеекъ
Теряется въ безмѣрномъ океанѣ.
Чу, музыка!

Нерисса.

Да, это вашъ оркестръ.

Порція.

Все хорошо тогда бываетъ только,
Когда оно у мѣста. Звуки ихъ,
Мнѣ кажется, плѣнительнѣе ночью,
Чѣмъ днемъ.

Нерисса.

Ну, да! имъ прелесть придаетъ
Безмолвіе ночное.

Порція.

Крикъ вороны
И жаворонка пѣніе равны
Въ ушахъ того, кто съ равнымъ равнодушьемъ
Ихъ слушаетъ; и если бъ соловей
Пѣлъ днемъ, когда гогочутъ громко гуси,
Считался бъ онъ такимъ же музыкантомъ,
Какъ и пѣтухъ. Какъ много есть вещей,
Которыя тогда лишь получаютъ
И должную оцѣнку, и хвалу,
Когда даютъ ихъ во-время. Но тише!
Смотри, луна съ Эндиміономъ спитъ
И сонъ прервать не хочетъ!

(Музыка прекращается).

Лоренцо.

Это голосъ
Синьоры Порціи, коль слухъ меня
Не обманулъ.

Порція.

Меня онъ узнаетъ,
Какъ узнаетъ всегда слѣпой кукушку
По голосу противному.

Лоренцо.

Привѣтъ
Сердечный вамъ, почтенная синьора!

Порція.

Мы только-что съ молитвы за успѣхъ
Своихъ мужей; надѣемся, что много
Мы помогли молитвой этой имъ.
Вернулись ли они домой?

Лоренцо.

Покамѣстъ
Ихъ нѣтъ еще, но прискакалъ гонецъ
Съ извѣстіемъ, что ѣдутъ.

Порція.

Ну, Нерисса,
Ступай домой и прикажи слугамъ
Не говорить о томъ, что отлучались
Мы изъ дома. Объ этомъ же прошу
Васъ, Джессика, и васъ, Лоренцо, тоже.

(Слышенъ трубный звукъ).

Лоренцо.

Недалеко супругъ вашъ: слышу я
Его трубу. Не бойтесь; мы, синьора,
Не болтуны.

Порція.

Сегодняшняя ночь
На день больной, по моему, похожа—
Немного лишь блѣднѣе. Это день
Такой, какимъ бываетъ день безъ солнца.

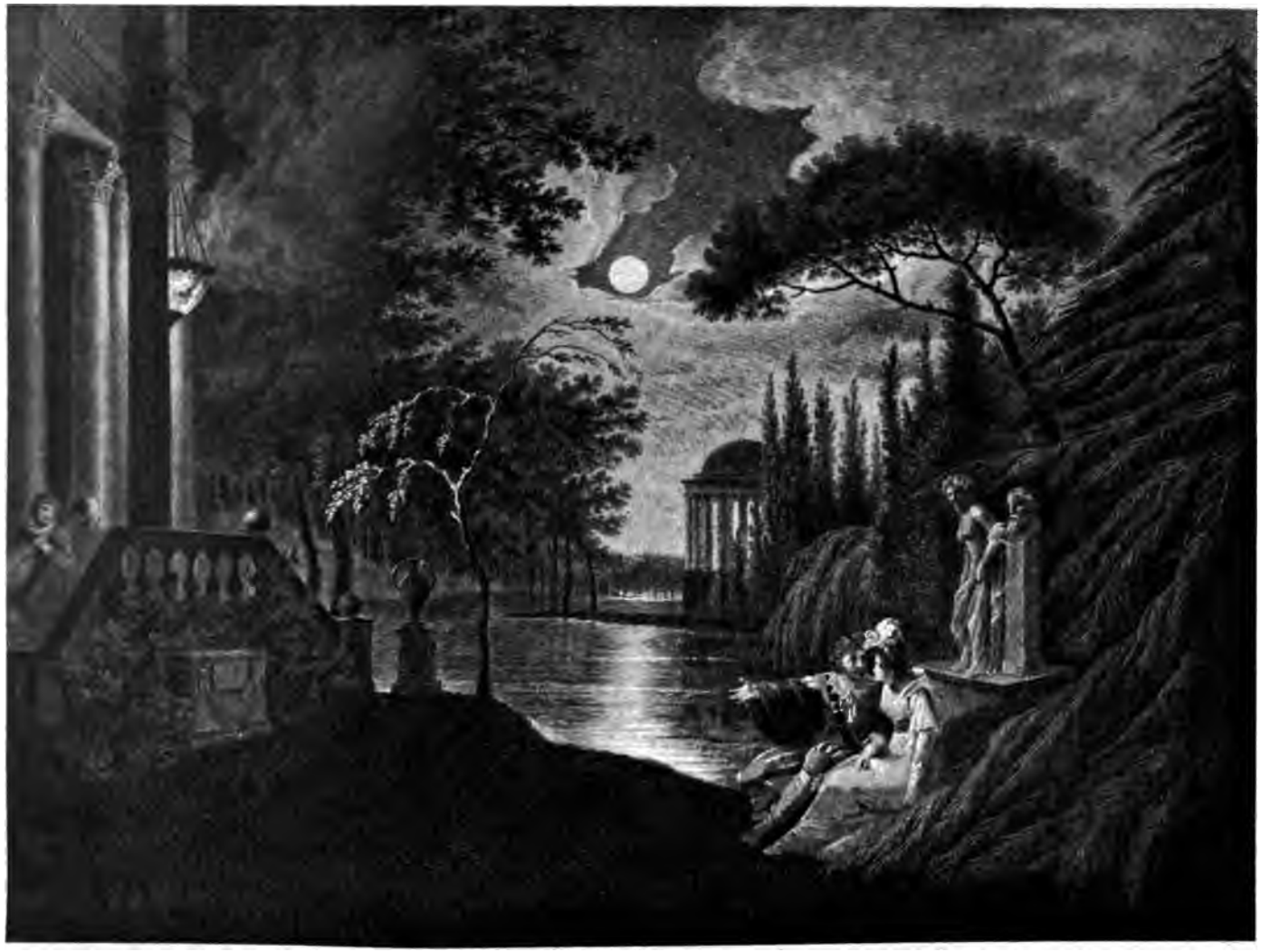
Входятъ Бассаніо, Антоніо, Граціано *и ихъ свита.*

Бассаніо *(къ Порціи).*

Когда бы вы, синьора, въ тѣ часы
Являлися, когда не свѣтитъ солнце—
Мы съ антиподами, конечно, день
Имѣли бы въ одно и то же время.

Порція.

На блескъ огня желала бы всегда
Я походить блистаніемъ, но только
Не легкостью; вѣдь, легкая жена



ДЖЕССИКА и ЛОРЕНЦО въ Бельмонтѣ (Дѣйствіе V, сц. I).
Картина англійскаго пейзажиста Вильяма Годжеса (William Hodges, R. A., 1744–1797).
(Большая Бойделевская Галлерея).

Такъ тяжела для мужа .. эту тягость
Бассаніо не долженъ никогда
Испытывать. А впрочемъ, все отъ Бога!
Привѣтствую въ владѣньи вашемъ васъ,
Мой господинъ.

БАССАНІО.

Благодарю, синьора.
Привѣтствуйте и друга моего.
Вотъ этотъ другъ, Антоніо, который
Меня навѣкъ безмѣрно обязалъ.

ПОРЦІЯ.

Вы всѣмъ ему обязаны, конечно;
Я слышала, что изъ-за васъ себя
Онъ заложилъ.

АНТОНІО.

Во всемъ онъ поквитался
Вполнѣ со мной.

ПОРЦІЯ.

Отъ всей души, синьоръ,
Мы рады вамъ; но доказать вамъ это
Обязаны не на однихъ словахъ;
И потому словесную любезность
Я прекращу.

ГРАЦІАНО

(разговаривавшій въ это время съ Нериссой).

Луной, свѣтящей здѣсь,
Клянусь, что вы напрасно разсердились.
Повѣрьте мнѣ, секретарю судьи
Я далъ его. Такъ близко это къ сердцу
Вы приняли, мой другъ, что, право, я
Хозяину кольца за то желалъ бы
Стать евнухомъ.

ПОРЦІЯ.

Ого! ужъ ссору вы
Затѣяли! изъ-за чего, скажите?

ГРАЦІАНО.

Изъ-за пустой вещицы золотой:
Изъ-за кольца, что получилъ въ подарокъ
Я отъ нея; былъ вырѣзанъ на немъ
Такой девизъ: „люби меня и вѣчно
Не покидай"—девизъ, который могъ
Итти ко всѣмъ на свѣтѣ, точно такъ же,
Какъ мастера ножеваго стихи
На лезвіи ножа.

НЕРИССА.

Да что толкуешь
О цѣнности и о девизѣ ты?
Когда тебѣ кольцо я отдавала,
Ты клялся мнѣ, что будетъ при тебѣ
Оно всю жизнь, и даже въ гробъ съ тобою
[illegible]жется. Коли не для меня,
[illegible]ди клятвъ твоихъ многорѣчивыхъ,
Ты долженъ былъ не разставаться съ нимъ.
Секретарю судьи! Но я готова
Держать пари, что этотъ секретарь
Останется весь вѣкъ свой безбородымъ.

ГРАЦІАНО.

Нѣтъ, борода появится, когда
Мужчиною онъ станетъ.

НЕРИССА.

Да, конечно,
Коль женщина мужчиной можетъ стать.

ГРАЦІАНО.

Клянусь тебѣ вотъ этою рукою,
Твое кольцо секретарю судьи
Я подарилъ—мальчишкѣ молодому,
Съ тебя, никакъ не выше, ростомъ; онъ
Конючилъ такъ, молилъ такъ неотступно
Отдать ему въ награду за труды,
Что, право, я не могъ не согласиться.

ПОРЦІЯ.

Признаться вамъ по совѣсти, достойны
Упрека вы за то, что такъ легко
Рѣшились разлучиться съ первымъ даромъ
Своей жены: вѣдь, къ пальцу эту вещь
Вы клятвами навѣки прикрѣпили,
И къ тѣлу приковали вы ее
Присягою быть вѣрнымъ. Другу сердца
Я отдала свой перстень и его
Заставила поклясться, что до гроба
Не сниметъ онъ его. Мой милый другъ
Здѣсь налицо, и за него готова
Я присягнуть, что перстень тотъ отдать
Иль снять его съ руки за всѣ земныя
Сокровища не согласится онъ.
Да, слишкомъ вы жестоко огорчили
Свою жену; случись такая вещь
Со мной, съ ума сошла бы я навѣрно.

БАССАНІО *(въ сторону).*

Ужъ лучше бы мнѣ было руку всю
Себѣ отсѣчь и присягнуть, что въ битвѣ
За то кольцо я потерялъ ее.

ГРАЦІАНО.

Бассаніо, синьора, тоже отдалъ
Кольцо судьѣ, который попросилъ
Его о томъ, и въ самомъ дѣлѣ стоилъ
Вполнѣ такой награды. А за нимъ
Его писецъ—мальчишка, съ письмоводствомъ
Возившійся, сталъ у меня просить
Мое кольцо; и ни слуга, ни баринъ
Другихъ вещей не соглашались брать.

ПОРЦІЯ *(къ Бассаніо).*

Какое же кольцо вы подарили?
Надѣюся, что не мое.

Знаменитый англійскій актеръ Кинъ въ роли Шейлока. Edmund Kean, (1787—1833).

БАССАНІО.

Когда бъ
Къ проступку могъ я ложь прибавить, сталъ бы
Я отрицать; но видите—кольца
На пальцѣ нѣтъ: оно со мной разсталось.

ПОРЦІЯ.

Такъ, значитъ, нѣтъ и вѣрности уже
У васъ въ душѣ фальшивой. Богъ свидѣтель,
Что не взойду на ваше ложе я,
Пока кольца на васъ не буду видѣть.

НЕРИССА *(къ Граціано).*

И я, пока мое кольцо опять
Не будетъ здѣсь, къ вамъ не взойду на ложе.

БАССАНІО.

Другъ Порція, когда бы знали вы,
Кому кольцо я далъ, когда бъ вы знали,
Изъ-за кого, я далъ кольцо, когда бъ
Вы поняли за что кольцо я отдалъ,
Какъ не хотѣлъ разстаться я съ кольцомъ,
Но долженъ былъ, затѣмъ что не хотѣли
Взять ничего другого, какъ кольцо:
Смягчили бъ вы негодованье ваше.

ПОРЦІЯ.

Знай вы, синьоръ, достоинство кольца;
Знай вы, хотя на половину, цѣну
Той женщины, что вамъ дала кольцо;
Знай вы, что вамъ и честь повелѣвала
Хранить кольцо—вы бъ никому кольца
Не отдали. Вѣдь, если бъ вы хотѣли
Съ горячностью отстаивать его,
Нашелся ли бъ на столько сумасшедшій.
Чтобъ требовать настойчиво предметъ,
Считаемый святынею?—Нерисса
Сказала мнѣ, что думать я должна:
Будь я не я, коли кольца не дали
Вы женщинѣ.

БАССАНІО.

Нѣтъ, честію клянусь,
Клянусь душой—не женщинѣ, синьора,
Я далъ его, а мудрому судьѣ;
Онъ не хотѣлъ три тысячи червонцевъ
Взять у меня и только о кольцѣ
Просилъ. Сперва я отвѣчалъ отказомъ,
И онъ ушелъ съ негодованьемъ—онъ,
Которому спасеньемъ жизни друга
Обязанъ я. Что было дѣлать мнѣ,
Прекрасная синьора? Поневолѣ
Я долженъ былъ послать ему кольцо;
Приличья долгъ и стыдъ меня томили,
И честь моя взывала, чтобъ ее
Не пачкалъ я неблагодарнымъ дѣломъ.

Простите мнѣ, великодушный другъ:
Священными свѣтилами ночными
Клянусь, когда бъ вы были тамъ со мной,
То сами бы навѣрно попросили,
Чтобъ доктору достойному кольцо
Я подарилъ.

ПОРЦІЯ.

Пускай же этотъ докторъ
На мой порогъ не всходитъ никогда;
Ужъ такъ какъ онъ владѣетъ этимъ перстнемъ,
Любимымъ мной, который вы клялись
Беречь, какъ знакъ любви ко мнѣ, то съ вами
Я щедростью хочу сравниться. Да,
Ему ни въ чемъ, чѣмъ только я владѣю,
Отказывать не буду съ этихъ поръ—
Ни въ чемъ, хотя бъ мое то было тѣло,
Иль брачный одръ супруга моего.
Я съ нимъ сойдусь—за это поручиться
Вполнѣ могу; совѣтую всегда
Вамъ дома спать, смотрѣть за мной, какъ Аргусъ;
А чуть меня оставите одну,
Клянуся вамъ своею честью—честью,
Которая еще при мнѣ теперь,
Я доктору свое открою ложе.

НЕРИССА *(Граціано)*.

А я—писцу его, и потому
Подумайте объ этомъ, оставляя
Меня одну подъ собственный надзоръ.

ГРАЦІАНО.

Ну, хорошо; но только пусть мнѣ въ руки
Писецъ не попадается—не то
Его перо я разомъ уничтожу.

АНТОНІО.

Къ несчастью, я предметъ всѣхъ этихъ ссоръ.

ПОРЦІЯ.

Пусть это васъ, синьоръ, не огорчаетъ;
Мы все таки душевно рады вамъ.

БАССАНІО.

Другъ Порція, невольную обиду
Простите мнѣ; въ присутствіи друзей,
Стоящихъ здѣсь, клянусь тебѣ твоими
Прекрасными глазами, гдѣ себя
Я вижу самъ...

ПОРЦІЯ.

Замѣтьте-ка: въ обоихъ
Моихъ глазахъ онъ видитъ самъ себя
Вдвойнѣ—итакъ, по разу въ каждомъ глазѣ.
Клянитесь же вы двойственной душой—
Довѣріе внушитъ такая клятва.

БАССАНІО.

Но выслушай. Прощенья за вину
Мою прошу, и всей душой клянуся,
Что съ этихъ поръ я буду сохранять
Обѣты всѣ всегда ненарушимо.

АНТОНІО *(Порціи)*.

Я отдавалъ, для счастія его,
Себя въ залогъ, и поплатился бъ тѣломъ
Навѣрно я, безъ помощи того,
Кому вашъ мужъ далъ перстень. Снова смѣло
Я душу дамъ въ залогъ того, что онъ
Умышленно впередъ не провинится
Въ невѣрности.

ПОРЦІЯ *(снимая съ руки кольцо)*.

Итакъ, вы за него
Мнѣ будете порукой. Дайте это
Кольцо ему; но съ просьбой, чтобъ его
Онъ сохранилъ старательнѣй и лучше,
Чѣмъ первое.

АНТОНІО.

Возьмите же кольцо,
Бассаніо, и поклянитесь вѣчно
Его хранить.

БАССАНІО.

Свидѣтель Богъ, оно—
То самое, что доктору я отдалъ.

ПОРЦІЯ

Да онъ-то мнѣ и передалъ его.
Бассаніо, простите; этотъ перстень
Мнѣ подаренъ за то, что ложе сна
Я съ докторомъ ученымъ раздѣлила.

НЕРИССА *(Граціано)*.

И ты меня, мой миленькій, прости;
Писецъ судьи, мальчишка этотъ скверный,
Вчерашній день, за это вотъ кольцо,
Спалъ у меня.

ГРАЦІАНО.

Кой чортъ! да развѣ лѣтомъ,
Когда совсѣмъ дороги хороши,
Есть надобность чинить ихъ? Неужели,
Еще роговъ не заслуживши, мы
Ужъ сдѣлались рогатыми?

ПОРЦІЯ.

Прошу васъ
Не говорить такъ грубо. Всѣ вы здѣсь
Изумлены. Вотъ вамъ письмо; прочтите
Его въ часы свободные; оно
Изъ Падуи, отъ доктора Белларьо.
Вы изъ него узнаете, что я
Была судьей, Нерисса же—судейскимъ
Секретаремъ. Лоренцо будетъ вамъ
Свидѣтелемъ, что я вослѣдъ за вами

Знаменитый англійскій актеръ Мэклинъ въ роли Шейлока (Charles Macklin, 1690—1797).

Уѣхала и только что домой
Вернулася: еще и не входила
Я въ комнаты. Антоніо, привѣтъ
Душевный вамъ; извѣстія такія
Я припасла для васъ, какихъ совсѣмъ
Не ждете вы; вотъ вамъ письмо—прочтите
Его скорѣй: оно васъ извѣститъ,
Что ваши корабли съ богатымъ грузомъ
Въ нашъ портъ пришли. Я не открою вамъ,
Благодаря какой, довольно странной,
Случайности оно въ моихъ рукахъ.

Антоніо.

Я онѣмѣлъ.

Бассаніо.

Какъ! были вы судьею,
И не узналъ я васъ?

Граціано.

Какъ, были вы
Его писцомъ, желающимъ рога
Приставить мнѣ?

Бассаніо.

Прелестный докторъ мой,
Вы будете дѣлить со мною ложе;
Въ отсутствіи жъ моемъ, съ моей женой
Спать будете.

Антоніо.

Прекрасная синьора,
Вы дали мнѣ и жизнь, и средства жить:
Здѣсь я прочелъ за вѣрное, что въ гавань
Мои суда приплыли.

Порція.

Ну, вы какъ
Живете здѣсь, Лоренцо? Мой писецъ
Привезъ и вамъ хорошія извѣстья.

Нерисса.

Дѣйствительно—и даромъ ихъ отдамъ.
Вотъ здѣсь для васъ и Джессики, смотрите,
Формальный актъ, которымъ жидъ-богачъ
Вамъ отдаетъ по смерти все, чѣмъ только
Владѣетъ онъ.

Лоренцо.

Людей голодныхъ путь

Усыпали вы манною небесной,
Прекрасная синьора.

Порція.

Начало
Уже свѣтать, а я могу ручаться,
Что вы еще не знаете вполнѣ
Подробностей случившагося. Въ замокъ
Пойдемте же, и тамъ вольны вы насъ
Вопросами засыпать—мы отвѣты
На все дадимъ, какъ слѣдуетъ.

Граціано.

Быть такъ.
И вотъ вопросъ вамъ первый, на который
Нерисса мнѣ подъ клятвой дать отвѣтъ
Обязана: чего ей хочется сильнѣе—
До завтра ль на ногахъ стоять, или скорѣе
Итти въ постель теперь, до наступленья дня
За часъ иль два? А что касается меня,
Когда бъ теперь былъ день, я—сознаюсь въ томъ смѣло—
Желалъ бы, чтобъ скорѣй погасъ онъ и стемнѣло,
И спать бы я пошелъ съ секретаремъ судьи.
Отнынѣ посвящу заботы всѣ мои,
Чтобъ пуще всѣхъ вещей, на сколько хватитъ силы,
Хранить кольцо моей Нериссы до могилы.

П. Вейнбергъ.

Левъ св. Марка покровителя Венеціи. (На вершинѣ той изъ двухъ колоннъ Піацетты, которыя ближе къ двору дожей).

Сонъ въ Иванову ночь.

Переводъ Н. М. САТИНА.

Съ предисловіемъ Ѳ. Д. БАТЮШКОВА.

Сонъ въ Иванову ночь.

I.

„Трудно говорить серьезно о такой пьесѣ, какъ „Сонъ въ Иванову ночь"—замѣтилъ Георгъ Брандесъ, посвятившій, однако, въ своемъ трудѣ о Шекспирѣ около десяти страницъ ея разбору, причемъ повторяетъ въ нѣсколько догматичной формѣ положеніе объ ея происхожденіи и значеніи, которыя по меньшей мѣрѣ не провѣрены и не могутъ считаться доказанными. Остроумныя, а порой блестящія критическія замѣчанія знаменитаго датскаго критика, къ сожалѣнію, далеко не рѣшаютъ вопросовъ, довольно существеннаго характера, надъ которыми, вотъ уже почти два вѣка, весьма серьезно задумывались изслѣдователи Шекспира, и все же не пришли къ окончательному проясненію той загадочной пелены, которою словно окутано одно изъ самыхъ поэтичныхъ, если не самыхъ серьезныхъ произведеній великаго англійскаго драматурга. Затрудненіе представляется намъ не только въ серьезности отношенія къ анализу пьесы, а прежде всего въ томъ, чтобы разобраться во множествѣ разнорѣчивыхъ толкованій, которыя были предложены въ объясненіе пьесы и, не разрѣшая многихъ недоумѣній, которыя она вызываетъ (начиная съ ея заглавія, см. ниже), скорѣе способствуетъ распространенію ошибочныхъ взглядовъ. Совершенно правильно замѣтилъ Гоуардъ Фэрнесъ, въ своемъ предисловіи къ послѣднему, образцовому изданію Шекспира (т. X, 1895) *), что никто не довольствуется признаніемъ того, что намъ достовѣрно извѣстно о Шекспирѣ: „именно то, чего мы не знаемъ, наполняетъ томы нашихъ комментаріевъ (our volumes)". Конечно, о томъ, что извѣстно—нечего было бы и писать; неизвѣстность заманчива, но догадки не всегда могутъ считаться положительными пріобрѣтеніями. Постараемся отмѣтить лишь степень большей или меньшей вѣроятности тѣхъ гипотезъ, которыя были высказаны по поводу „Сна въ Иванову ночь", тщательно выдѣляя достовѣрное отъ сомнительнаго.

Какъ бы резюмэ наиболѣе аккредито-

*) Horace Howard Furness, A New variorum edition of Shakespeare. Въ этомъ изданіи собранъ богатый матерьялъ комментаріевъ къ Шекспиру. Въ послѣдующемъ изложеніи тѣ ссылки, которыя не оговорены особо, съ указаніемъ источника, относятся къ десятому тому изданія Фурнесса.

ванныхъ мнѣній по данному вопросу въ настоящее время представилъ Сидней Ли въ слѣдующей страницѣ, которую мы приводимъ цѣликомъ, по новѣйшему изданію его труда о Шекспирѣ въ нѣмецкомъ переводѣ, съ поправками и дополненіями лейпцигскаго проф. Р. Вюлькера: „Сонъ въ Иванову ночь" *вѣроятно* возникъ зимой 1595 года. *Вѣроятно* пьеса была написана для свадебнаго торжества, *быть-можетъ* по случаю брака, всеобщей покровительницы поэтовъ, Люціи Гарингтонъ, съ Эдуардомъ Русселлемъ, третьимъ графомъ Бедфорскимъ, брака, состоявшагося 12 дек. 1594 г.; *или же* по случаю свадьбы Вильяма Стэнлея, графа Дерби, 24 января 1594—5 г. въ Гринвичѣ. Поэтъ, обозначивъ съ изысканной лестью королеву—„чистою весталкой, царствующей на Западѣ (д. II, сц. 1)", отблагодарилъ Елизавету за милостивое расположеніе, которое она ему выказывала, и надѣялся заручиться и впредь ея покровительствомъ. Фантастическое описаніе Оберона (д. II, сц. 2) того мѣста, откуда онъ увидѣлъ, гдѣ растетъ цвѣтокъ, прозванный „Любовью въ праздности", за которымъ онъ посылаетъ Пука, *вѣроятно* написано Шекспиромъ въ воспоминаніе празднествъ, устроенныхъ графомъ Лейстеромъ королевѣ Елизаветѣ въ 1575 г., при ея посѣщеніи Кенильворта. Вся пьеса написана въ легкомъ изящномъ тонѣ комедіи. Сюжетъ *могъ быть* заимствованъ изъ разныхъ источниковъ: у Чаусера въ его „Разсказѣ рыцаря"; у Плутарха въ біографіи Тезея; изъ метаморфозъ Овидія (кн. IV); изъ старофранцузскаго романа о „Гюонѣ Бордоскомъ", въ которомъ приведена исторія Оберона, романа, переведеннаго на англійскій языкъ лордомъ Бернерсомъ и впервые изданномъ въ 1534 г. Вліяніе Джона Ли (J. Lee) сказывается въ шутливыхъ рѣчахъ, которыми обмѣниваются смертные люди и безсмертные духи. Внесеніемъ юмористическаго представленія „Пирама и Ѳисби" въ исполненіи простыхъ людей, эллинскихъ рабочихъ „съ мозолистыми руками", Шекспиръ развиваетъ тему, которою онъ уже пользовался при написаніи „Безплодныхъ усилій любви". Но заключеніе, данное въ „Снѣ въ Иванову ночь", совершенно новое, и можно замѣтить по поводу этой пьесы, что Шекспиръ впервые открылъ новую область искусства, надѣливъ фантастическія существа могучей драматической жизнью, чему еще не было примѣровъ въ литературѣ".

Нельзя не отмѣтить, какъ много оговорокъ въ приведенной цитатѣ, какъ каждое положеніе въ ней смягчено осторожными—„вѣроятно", „можетъ быть", которыя мы отмѣтили курсивомъ. Дѣло въ томъ, что достовѣрнаго объ „Снѣ въ Иванову ночь" имѣется лишь фактъ перваго изданія пьесы въ 1600 г.*) и извѣстіе Мэра (Meere), упоминающаго о существованіи пьесы Шекспира подъ тѣмъ же заглавіемъ въ 1595 г. Стало быть мы знаемъ только, что пьеса написана не позже этого года. Попытки болѣе точнаго пріуроченія „Сна" къ опредѣленной датѣ раньше 1598 г. основаны на догадкахъ, такъ сказать, внутренняго порядка, на сближеніи отдѣльныхъ стиховъ въ драмѣ Шекспира съ произведеніями другихъ современныхъ поэтовъ **), на опредѣленіи вѣроятнаго отношенія „Сна въ Иванову ночь" къ поэмамъ Эдмунда Спенсера—„Королева фей" (The Faerie Queen) и Джона Лили (Iohn Lyly) „Эндиміонъ", наконецъ на соображеніяхъ эстетико-психологическаго характера по указанію мѣста, занимаемаго

*) William Shakespeare, Sein Leben und seine Werke von Sidney Lee,—durchgesehen und eingeleitet von Professor Dr. Rich. Wülker, Leipzig. 1901.

*) Объ отношеніи этого editio princeps къ двумъ послѣдующимъ (второе безъ означ. года, третье 1623 г.) см. статьи Крауза: Die drei ältesten Drücke des Sommernachtstraum, въ Jahrb. der deutsch. Shakesp. Geselschaft, XXI Ihg. 1886 г.

**) Тексты собраны J. O. Halliwell'емъ въ его изданіи: «Illustration of the fairy mythology of Shakespeare». Напечатано англійск. шекспировскимъ обществомъ въ 1845—1853 г.г. съ приложеніемъ статьи Гальпина (Rev. N. J. Halpin)—«Oberon's vision», о которой рѣчь ниже.

Въ числѣ предложенныхъ намековъ въ пьесѣ на современныя Шекспиру обстоятельства общественной жизни указанъ стихъ:

«Скорбь трижды трехъ прекрасныхъ музъ о смерти,
Постигнувшей науку въ нищетѣ».

Это заглавіе одного изъ произведеній, предложенныхъ Тезею на выборъ Филостратомъ, въ спискѣ приготовленныхъ развлеченій ко дню свадьбы. Тезей замѣчаетъ:

Тутъ тонкая и старая сатира:
На брачномъ торжествѣ ей мѣста нѣтъ!

Приведенное заглавіе принимаютъ какъ намекъ на стихотвореніе Спенсера: «Слезы музъ», написанное около 1591 года. По другому объясненію (Knight'a), оно скорѣе относится къ смерти Роберта Грина, поэта, скончавшагося въ 1592 г. въ большой бѣдности, почти въ нищетѣ. Наконецъ, Флей (Fleay) замѣтилъ, что данное мѣсто въ равной степени можетъ быть примѣнено и къ Спенсеру и къ Грину, или къ обоимъ вмѣстѣ. (Сводъ мнѣній см. у Фэрнесса, О. с.).

настоящей драмой въ ряду другихъ произведеній Шекспира. Она переходный типъ отъ комедіи къ драмѣ, представляется уже настоящей „драмой" по яркому изображенію психическихъ аффектовъ, но съ недостаточно цѣльно обрисованными характерами и искусственно созданными ситуаціями. Въ стихѣ пьесы усматривается еще нѣкоторая неувѣренность; есть небрежности; пьеса всего удобнѣе пріурочивается къ переходному моменту отъ юности къ возмужалому возрасту поэта, быть можетъ, къ началу второго періода его творческой дѣятельности, когда ему уже было за тридцать лѣтъ.

Что могло побудить Шекспира взяться за сюжетъ фантастической сказки, пріуроченной къ описанію предстоящаго брака „аѳинскаго герцога Тезея" съ побѣжденной имъ царицей амазонокъ Ипполитой? Имена Тезея и Ипполиты несомнѣнно взяты или непосредственно у Плутарха, или изъ „Кентерберійскихъ сказокъ" Чаусера (разница въ написаніи имени: Ipolita у Чаусера, Hyppolita у Шекспира): въ первой изъ нихъ, — „разсказъ рыцаря", — рѣчь идетъ какъ разъ о свадьбѣ „герцога аѳинскаго Тезея" съ царицей амазонокъ Ипполитой, но дальнѣйшее содержаніе разсказа Чаусера, отвѣчающее извѣстной новеллѣ Боккачіо о томъ, какъ два друга, Палемонъ и Аркитъ, влюбились оба въ одну и ту же дѣвушку, не имѣетъ прямого отношенія къ драмѣ Шекспира. Заимствованной представляется лишь основная ситуація: т. е. пріуроченіе происшествія къ моменту возвращенія Тезея на родину вмѣстѣ съ Ипполитой. Но у Чаусера—Ипполита уже считается женой Тезея. У Шекспира ихъ свадьба должна вскорѣ состояться:

Четыре дня счастливые пройдутъ
И приведутъ съ собою новый мѣсяцъ.

Это обстоятельство, что Шекспиръ отодвинулъ срокъ свадьбы Тезея и Ипполиты, ввелъ двѣ другія пары жениховъ и невѣстъ, сдѣлалъ завязкой пьесы—ожиданіе наступленія брачной церемоніи, наконецъ, общимъ содержаніемъ ея избралъ любовныя перипетіи въ полу-шутливой, фантастической формѣ, закончивъ благополучнымъ разрѣшеніемъ всѣхъ недоразумѣній,—и служитъ главнымъ основаніемъ предположенія, что настоящая пьеса есть не болѣе, какъ предсвадебное развлеченіе, такъ назыв. „маска", одно изъ увеселеній, которое должно было войти въ программу празднествъ, устраиваемыхъ по случаю бракосочетанія какого нибудь знатнаго вельможи, изъ числа вліятельныхъ друзей и покровителей Шекспира. Когда предположеніе это возникло—оставалось лишь найти подходящее лицо, для котораго Шекспиръ „могъ" написать свою пьесу. Такими лицами „могли" быть вышеназванные—Эдуардъ Руссель или Вильямъ Стэнлей; но могъ быть имъ и кто-нибудь другой, третій, четвертый, о которомъ мы не имѣемъ достаточно свѣдѣній.—Однако, уже Ульрици высказалъ не лишенное остроумія, хотя, какъ увидимъ ниже, на нашъ взглядъ, неосновательное возраженіе противъ опредѣленія настоящей пьесы Шекспира, какъ спеціально свадебнаго развлеченія, въ связи съ существовавшимъ въ ту пору обычаемъ давать „маски", „интерлюдіи", „интермедіи" и т. п. театральныя представленія по случаю вступленія въ бракъ знатнаго лица. „Странный и, по сущности, довольно дерзкій поступокъ,—говоритъ Ульрици,—поднести въ видѣ свадебнаго подарка своему патрону пьесу, гдѣ любовь представлена на смѣхъ, скорѣе съ комической, чѣмъ съ нравственной и серьезной стороны, любовь въ ея слабости и неустойчивости, какъ простая игра воображенія, при чемъ даже празднованіе свадьбы Тезея носитъ смѣшной характеръ въ силу тѣхъ условій, при которыхъ она происходитъ. Было бы большой безтактностью во всякомъ случаѣ переносить на общественную сцену пьесу, написанную по такому поводу, до или послѣ заключенія брака вельможи (въ чью честь она была составлена)". Впечатлѣнія, очевидно, могутъ расходиться, но къ вопросу объ умѣстности „Сна въ Иванову ночь" въ пріуроченіи ко дню свадьбы мы ниже вернемся, при ея оцѣнкѣ по существу. Пока ограничиваемся выводомъ, что опредѣленіе пьесы, какъ свадебной „маски", весьма мало способствуетъ установленію точной даты ея происхожденія.

Сидней Ли оставилъ безъ оговорки лишь указанье на то, что рѣчь Оберона по поводу цвѣтка, обладающаго чудодѣйственнымъ свойствомъ возбуждать внезапную любовь къ первому лицу, которое попадется навстрѣчу, послѣ того какъ сокомъ этого цвѣтка натереть глаза,—есть воспоминаніе, въ поэтическомъ образѣ, о празднествахъ,—которыхъ свидѣтелемъ, вѣроятно, былъ Шекспиръ въ молодые годы,—празднествахъ, устроенныхъ въ Кенильвортѣ графомъ Лейстеромъ, мечтавшимъ стать мужемъ Елизаветы. Но королева „царст-

вующая на Западѣ", осталась цѣломудренной весталкой: „стрѣла Купидона, пущенная въ нее, была отклонена лучомъ дѣвственной луны; она упала на „маленькій западный цвѣточекъ", который „зардѣлся отъ любовной раны", и изъ молочно-бѣлаго цвѣтка превратился въ алый цвѣтъ, названный „любовью отъ бездѣлья".

Толкованіе разсказа Оберона въ смыслѣ аллегоріи на королеву Елизавету и ея отношенія къ Лейстеру, при чемъ „зардѣвшійся цвѣтокъ" долженъ обозначить возлюбленную Лейстера, графиню Эссексъ *), мужъ которой былъ убитъ въ то время, когда стала извѣстной связь его жены съ Лейстеромъ; это толкованіе принадлежитъ Гальпину, статья котораго въ свое время произвела большую сенсацію между шекспирологами **). Тонкій анализъ Гальпина даннаго мѣста въ пьесѣ, представляющагося дѣйствительно загадочнымъ по двойному смыслу, который чувствуется въ передачѣ подробностей происхожденія волшебнаго цвѣтка, его сопоставленіе нѣкоторыхъ деталей (морская дѣва, плывшая на спинѣ дельфина и очаровавшая море своимъ пѣніемъ) съ дошедшими до насъ описаніями упомянутыхъ празднествъ — Гайскойна и Ланегама, представлялись дѣйствительно весьма убѣдительными, какъ неожиданное проясненіе историческими аллюзіями непонятнаго вымысла: ему, казалось, подыскана была реальная почва. Однако, есть и возраженіе противъ такого объясненія. Празднества въ Кенильвортѣ состоялись въ 1575 году. Вѣроятно ли, чтобы Шекспиръ о нихъ вспоминалъ чрезъ двадцать лѣтъ, и прибѣгъ къ аллегоріи въ то время, когда она утратила свое живое значеніе и врядъ ли кому либо изъ современниковъ могла быть даже просто понятна? Намеки на Елизавету и Лейстера утратили всякое значеніе „актуальности". Но другого объясненія разсказу Оберона пока не найдено: весталка, царствующая на Западѣ" всетаки слишкомъ прозрачный намекъ на королеву Елизавету, чтобы можно было поступиться вполнѣ толкованіемъ Гальпина. Въ виду этого остается или присоединиться къ мнѣнію тѣхъ изслѣдователей, которые полагаютъ, что „Сонъ въ Иванову ночь" принадлежитъ къ раннимъ произведеніямъ Шекспира, по крайней мѣрѣ задуманъ былъ имъ въ юношескую пору, быть можетъ въ редакціи, которая до насъ не дошла, и лишь вторично имъ обработанъ въ половинѣ 90-хъ годовъ XVI вѣка; или предположить, что аллегорія навѣяна не воспоминаніями о празднествахъ 1575 года, а какими-нибудь другими аналогичными празднествами въ позднѣйшую пору, о которыхъ до насъ не дошли описанія; или, наконецъ, счесть весь этотъ разсказъ Оберона чистымъ вымысломъ Шекспира, безъ опредѣленной реальной почвы въ происшествіяхъ современной жизни, кромѣ намека на королеву Елизавету въ образѣ весталки.

Перейдемъ теперь къ внутреннимъ даннымъ и отношеніямъ фантастическихъ существъ, которыя Шекспиръ ввелъ въ свою пьесу. Прежде всего представляется вопросъ о несоотвѣтствіи заглавія съ содержаніемъ: въ четвертомъ дѣйствіи Тезей, увидя заснувшихъ въ лѣсу Лизандра, Елену, Деметрія и Гермію, говоритъ: „они такъ рано встали, чтобъ *майскіе обряды* совершить" (to observe the right of May), и дальше: „ночь Валентина уже прошла". Итакъ, день свадьбы Тезея и Ипполиты пріуроченъ къ 1-му мая, а между тѣмъ пьеса получила названіе, которое относитъ насъ къ серединѣ лѣта (midsummernight), т. е. къ 24 іюня, по обычному обозначенію Ивановой ночи именно какъ ночи „въ половинѣ лѣта". Какъ объяснить это несоотвѣтствіе заглавія и содержанія? По мнѣнію Малона, заглавіе дано въ зависимости не столько отъ времени дѣйствія въ пьесѣ, какъ отъ времени постановки ея въ видѣ развлеченія въ „лѣтнюю ночь". Быть можетъ, заглавіе принадлежитъ не самому Шекспиру. Фэрнесъ, цитируя возраженія Джонсона противъ заглавія, объясняетъ дѣло такъ, что въ самой пьесѣ усматривается нѣкоторая двойственность положенія. майскія празднества суть по преимуществу дневныя празднества; между тѣмъ, къ 24 іюня относится большинство повѣрій о ночныхъ чудесахъ и въ это время справляются различные обряды именно ночью. Такимъ образомъ, свадебныя развлеченія Тезея,— охота, представленіе „интерлюдіи",—происходятъ днемъ, а чудесныя происшествія съ двумя влюбленными парами ночью: майскій день и лѣтняя ночь чередуются въ фантастической смѣнѣ сказочныхъ происшествій. Весною ночи слишкомъ коротки, и народныя повѣрья всѣхъ странъ пріурочиваются именно къ темнымъ и уже болѣе

*) Другое высказанное предположеніе, по которому въ аломъ цвѣткѣ усматривался намекъ на Марію Стюартъ, нынѣ оставлено по совершенной неубѣдительности.

**) Статья Гальпина выше указана.

длиннымъ лѣтнимъ ночамъ, въ христіанскихъ странахъ—„подъ Ивана Купала". Шекспиръ дѣйствительно впалъ въ противорѣчіе, но ставить ли ему въ укоръ сбивчивую хронологію, когда сюжетъ данъ чисто сказочный? Перевѣсъ вниманія несомнѣнно въ пользу „ночи", а не дня свадьбы Тезея: поэтому Шекспиръ обозначилъ свою пьесу „Сонъ въ Иванову ночь", согласно ея дѣйствительному содержанію, а не внѣшней рамкѣ дѣйствія, пріуроченнаго къ послѣднимъ днямъ апрѣля и заканчивающагося 1-го мая. Быть можетъ, умѣстно напомнить, однако, что какъ бы смутный прообразъ „Сна въ Иванову ночь" Шекспира мы имѣемъ въ одной старо-французской комедіи XIII вѣка трувэра Адама де Ла Галь, дошедшей до насъ подъ своеобразнымъ заглавіемъ „Игра подъ кущей" (Jeu de la Fenille" или просто Jeu Adam). Въ этомъ произведеніи, о происхожденіи и источникахъ котораго мы ничего не знаемъ, кромѣ самаго факта представленія этой пьесы въ Аррасѣ, въ 1262 г., усматривается такое же характерное сочетаніе реалистическихъ сценъ и видѣній въ ночное время. Содержаніе иное; оно заимствовано изъ современной автору жизни, облечено въ автобіографическую форму; при чемъ поэтъ выставляетъ на сцену самого себя и свои семейныя отношенія, въ грубой формѣ высмѣиваетъ сосѣдей и собственную жену, даетъ яркую бытовую сцену шумной ярмарки, на которой выступаютъ шарлатанъ-предсказатель и монахъ, продавецъ мощей; затѣмъ, съ наступленія ночи, появляются феи на сцену (Ариль, Моргъ и Глоріада); проѣзжаетъ Фортуна на колесѣ, однихъ изъ бѣдности возвеличивая и вознося ихъ въ одинъ день на верхъ благополучія, другихъ съ высоты низвергая внизъ. Комедія заканчивается опять таки реально-бытовой сценой въ кабакѣ, гдѣ расторговавшійся было своими святынями монахъ оказывается въ свою очередь ограбленнымъ. Обычное объясненіе заглавія—„Игры подъ кущей" то, что оно пріурочено къ майскимъ народно-обрядовымъ празднествамъ, когда, именно привѣтствуя наступленіе весны, устраивали зеленые шалаши, подъ которыми какъ бы находили пріютъ и фантастическія олицетворенія силы природы въ „майскую ночь". Мы припомнили объ этомъ отдаленномъ прообразѣ „Сна въ Иванову ночь", въ отвѣтъ на замѣчанія, что ночная фантастика умѣстна лишь въ серединѣ іюня: Шекспиръ съ полнымъ правомъ могъ выдержать, да и на самомъ дѣлѣ и выдерживаетъ, единство времени, ибо въ пьесѣ нѣтъ ни одного указанія, чтобы ночныя сцены происходили непремѣнно въ іюнѣ. Высказанныя по этому поводу замѣчанія (Тика, а за нимъ Зимрока), будто нѣкоторыя растенія и цвѣты только въ іюнѣ достигаютъ надлежащей волшебной силы, не существенны, ибо волшебный цвѣтокъ Оберона не есть обязательно цвѣтъ папоротника или какого нибудь лѣтняго растенія; точно также появленіе „душистаго горошка" рядомъ „съ горчичнымъ зерномъ" не есть показатель различнаго времени произростанія того или другого: передъ нами простыя олицетворенія по прихоти поэта. Итакъ, названіе Midsummernight, на нашъ взглядъ, случайное, безъ отношенія къ содержанію піесы, и, конечно, правильнѣе было бы обозначать ее либо просто—весенней сказкой", или съ маленькой натяжкой—„майской ночью", т. е. передъ наступленіемъ перваго мая. Не настаиваемъ на вопросѣ, съ точностью ли проходятъ четыре дня и столько же ночей, о которыхъ говорятъ Тезей и Ипполита въ самомъ началѣ драмы;—или удобнѣе было бы сосредоточить всѣ эти видѣнія въ одну ночь: во „снѣ" времени, конечно, не измѣряютъ, но если Шекспиръ вспомнилъ, что весеннія ночи коротки, и предпочелъ представить сновидѣніе въ болѣе продолжительный срокъ, то длительность времени ему была нужна для большаго правдоподобія въ изображеніи психическихъ аффектовъ, быстрыхъ по первому импульсу, тѣмъ не менѣе требующихъ нѣкотораго времени для своего рельефнаго проявленія.

Сидней Ли, какъ мы видѣли, вмѣняетъ въ особую заслугу Шекспиру, что въ данномъ произведеніи онъ впервые надѣлилъ фантастическія существа реальной жизнью. Вдохновлялся ли при этомъ Шекспиръ непосредственно народными преданіями и повѣріями? Имя Оберона, короля Эльфовъ, заимствовано во всякомъ случаѣ изъ французскаго источника, вѣроятно изъ романа о „Гюонѣ Бордосскомъ"; Титанія, жена Оберона и королева эльфовъ—отзвукъ классическаго преданія, при чемъ вѣроятно, что имя заимствовано изъ метаморфозъ Овидія или изъ поэмы Спенсера, гдѣ это древнеклассическое наименованіе королевы эльфовъ уже встрѣчается.

Въ романѣ о Гюонѣ Бордосскомъ *)—Оберонъ тоже, такъ сказать, пріобщенъ къ

*) Объ этомъ романѣ см. статью г. Гастона Париса, въ «Poemes et legendes du Moyen-âge, изд. Societé d'edition artistique, 1900. Paris.

циклу античныхъ традицій: онъ называетъ своимъ отцомъ Юлія Цезаря; мать его—фея Моргъ. Пріуроченіе къ Юлію Цезарю есть, конечно, выдумка французскаго труверa, воспользовавшагося народнымъ повѣріемъ объ карликахъ-эльфахъ, сторожащихъ подземные клады, и пожелавшаго придать большую опредѣленность фантастическому существу. По своему происхожденію преданіе объ эльфахъ (древненѣмецк. Alben или Elben) есть исконное-германское, при чемъ и имя Оберона этимологически восходитъ къ германской формѣ, соотвѣтствіе которой находятъ въ имени Альбериха, или Эльбериха, но съ инымъ романскимъ окончаніемъ и романскимъ переходомъ звуковъ въ началѣ слова. *) Альберихъ извѣстенъ намъ по старонѣмецкой поэмѣ объ Ортнитѣ, но, кромѣ созвучія имени и общаго представленія о „королѣ Эльфовъ", между этими двумя произведеніями—французскимъ и нѣмецкимъ,—нѣтъ никакой связи. Почему и какъ французскій труверъ—авторъ „Гюона Бордосскаго" воспользовался германскимъ миѳомъ—до сихъ поръ не вполнѣ выяснено, но во всякомъ случаѣ, придавъ своеобразную генеалогію Оберону, онъ сдѣлалъ изъ него оригинальную фигуру, сочетаніе античной традиціи съ средневѣковымъ романтизмомъ. При рожденіи Оберона, такъ же какъ въ сказкѣ о Золушкѣ, присутствуютъ разныя феи, при чемъ одна изъ нихъ обрекла его на маленькій ростъ—всего три фута,—но тутъ же, раскаявшись въ своемъ дурномъ пожеланіи, постаралась надѣлить его другимъ преимуществомъ—необыкновенной красотой. И несмотря на свой маленькій ростъ Оберонъ столь прекрасенъ, что „краше солнца въ лѣтнее время" (Car plus est bians que solans en este"). Другія феи надѣляютъ Оберона разными волшебными свойствами, при чемъ одна изъ нихъ даже—способностью слышать пѣніе ангеловъ въ раю; и мѣсто Оберону, оказывающемуся христіаниномъ, уготовлено на томъ свѣтѣ наилучшее, и ему самому предоставлено рѣшить, когда онъ захочетъ покинуть землю и переселиться въ рай. Пока царство Оберона находится на дальнемъ Востокѣ, по сосѣдству съ „Вавилоніей", въ заколдованномъ лѣсу. У Шекспира мѣсто дѣйствія въ лѣсу близъ Аѳинъ, хотя Оберонъ и прилетаетъ „изъ дальнихъ странъ индійскихъ". Оберонъ уже не мальчикъ—„qui n'a de grant que trois pies mesurés"; мало того—онъ даже женатъ и вообще въ разработкѣ сюжета усматриваются существенныя отличія. Объясняется это отчасти тѣмъ, что между старо-французской поэмой и произведеніемъ Шекспира были промежуточныя обработки сюжета, который еще во Франціи былъ приспособленъ къ сценѣ: въ 1557 году представлена была „Мистерія о Гюонѣ Бордосскомъ", которая, повидимому, была вскорѣ передѣлана по-англійски, при чемъ эта пьеса, гдѣ долженъ бытъ выступить и Оберонъ, представлена была въ 1593 г. труппой Шекспира. Вѣроятно, эта утраченная пьеса, и послужила канвой драмѣ Шекспира, который съ другой стороны вдохновился поэмой Спенсера и кое-что заимствовалъ у Лилли. У Спенсера Оберонъ упомянутъ вскользь, но Титанія, повидимому, собственное созданіе Спенсера. Не настаивая на много разъ дѣлаемыхъ сопоставленіяхъ отдѣльныхъ мѣстъ у Шекспира съ произведеніями его предшественниковъ и современниковъ, ограничимся небольшимъ замѣчаніемъ по поводу нѣсколько загадочнаго эпизода объ индійскомъ мальчикѣ, къ которому Титанія такъ привязалась, что не хочетъ отдать его Оберону, для его свиты, изъ-за него и возникла распря между супругами. Почему этотъ мальчикъ играетъ такую роль? Повидимому, данный эпизодъ стоитъ въ связи съ повѣріемъ о томъ, что эльфы похищаютъ дѣтей у живыхъ людей, замѣняя ихъ демоническими существами. Отсюда то значеніе, которое и Оберонъ и Титанія придаютъ мальчику, рожденному отъ смертной женщины, для своей свиты. Правда, народное повѣріе представляется въ значительно измѣненномъ видѣ: Титанія говоритъ, что мать „индійскаго мальчика" была ея любимой жрицей; за тѣмъ оказывается, что она „летала надъ землей, какъ по волнамъ", но въ то же время все-таки—„смертная была моя подруга и умерла, доставивъ сыну жизнь". Далѣе, къ спору о мальчикѣ примѣшивается мотивъ ревности уже на почвѣ супружеской вѣрности между Обероном и Титаніей; „индійскій ребенокъ" (индійскій потому, что, какъ указано, настоящее царство Оберона на Востокѣ) остается лишь показнымъ предлогомъ размолвки супруговъ. Вообще, если и есть въ пьесѣ Шекспира элементы народныхъ вѣрованій и представленій, то они въ значительной мѣрѣ за-

*) Другая, раньше предложенная этимологія имени Оберона отъ alba (aube; заря), нынѣ оставлена, какъ маловѣроятная, и напрасно выдается Брандесомъ, какъ вполнѣ установленная.

слонены литературными обработками этихъ преданій, предшествовавшими появленію въ свѣтъ драмы Шекспира. Только образъ пука Робина-Гудъ-Феллоу, фантастической личности, популярной и въ народныхъ англійскихъ балладахъ, наиболѣе непосредственный отголосокъ національнаго фольклора; въ остальномъ книжные источники—розысканные или вѣроятные—берутъ перевѣсъ надъ непосредственнымъ воспроизведеніемъ народныхъ повѣрій. И Шекспиру принадлежитъ честь не столько изобрѣтенія, какъ обработки заимствованныхъ изъ разныхъ мѣстъ данныхъ.

Каковы бы ни были составные элементы драмы Шекспира, мы вправѣ судить о ней самостоятельно, какъ о цѣльномъ художественномъ произведеніи, подлежащемъ оцѣнкѣ, такъ сказать по существу. Но именно цѣльности на первый взглядъ пьеса лишена; можно объяснить условіями времени смѣшеніе древне-классическихъ воспоминаній и современныхъ Шекспиру національныхъ повѣрій, обычаевъ и даже реально бытовыхъ типовъ: аѳинскіе мастеровые во времена Тезея не разыгрывали интермедій въ родѣ „Пирама и Ѳисби", и Буравъ, Пигва, Основа, Флейта суть типичные англійскіе рабочіе XVI вѣка. Тезей выражается, какъ современный Шекспиру англійскій лордъ. Но особенно рѣзокъ контрастъ между античной обстановкой жизни, классическимъ именемъ Титаніи и германо-романскимъ Обероном, вполнѣ англійскимъ по замыслу и воплощенію, игривымъ и не лишеннымъ лукавства „домашнимъ" духомъ пересмѣшникомъ—пукомъ Робиномъ (ибо пукъ—нарицательное имя *), чего не слѣдуетъ упускать изъ виду). Въ цѣломъ пьеса Шекспира, съ точки зрѣнія обстановки дѣйствія, можетъ быть названа, если не по формѣ, то по содержанію, „лжеклассическимъ" произведеніемъ: она, правда, отвѣчаетъ принципамъ творчества, которыхъ придерживались въ XVI вѣкѣ поборники ново-европейскаго искусства, „романтики" по позднѣйшей терминологіи, въ возникшей именно въ эпоху Возрожденія борьбѣ двухъ школъ, но наша терминологія, не отвѣчаетъ дѣйствительному характеру спора „классиковъ" и „романтиковъ" XVI вѣка, какъ выразился между прочимъ и Мезьеръ, причисляя Шекспира къ поборникамъ романтизма**). Тогдашніе „романтики", отстаивая новые виды и роды литературы, въ то же время возводили въ принципъ именно тѣ историко-психологическіе анахронизмы, въ которые безсознательно впадали средневѣковые авторы; ихъ принципъ, по отношенію къ изображенію древнеклассическаго міра, намъ представляется по существу именно лжеклассическимъ. Такъ, авторъ одного трактата по теоріи поэзіи (спеціально о формѣ эпическихъ поэмъ—Romanzi), итальянецъ Джамбаттиста Джиральди Чинтіо, писавшій въ половинѣ XVI в., развивая положеніе Аристотеля о различіи между исторіей и поэзіей, приходитъ къ выводу, что поэты, хотя бы избирали античные сюжеты, „ищутъ то, что отвѣчало бы нравамъ новѣйшаго времени, внося въ свое произведеніе понятія, не соотвѣтствующія древней эпохѣ, но согласныя съ современными имъ воззрѣніями". Противъ такого направленія въ искусствѣ, въ защиту соблюденія исторической правды, реагировали нео-классики, нами нынѣ переименованные въ „псевдоклассики" *), тогда какъ по сущности они представлялись сторонниками вполнѣ вѣрнаго принципа. Отстаивая внутреннюю правду художественнаго произведенія, они, въ то же время, однако, съуживали область искусства въ формальномъ отношеніи, предлагая вернуться къ образцамъ древне-классическихъ родовъ и видовъ поэзіи. Шекспиръ не былъ сторонникомъ теоріи Филиппа Сиднея, который именно въ концѣ XVI вѣка выступилъ однимъ изъ первыхъ теоретиковъ классицизма въ Англіи. Но, разработывая національныя формы поэзіи, онъ усвоилъ и пріемы творчества, о которыхъ писалъ Джиральди: античный сюжетъ Шекспиръ представилъ намъ „въ согласіи съ понятіями вѣка" не въ исторической перспективѣ дѣйствія, а въ окраскѣ именно „своего вѣка" (Cose dissimili a'tempi antichi e convenevole loro—т. е. a'tempi moderni). Это теоретическое заблужденіе объясняетъ намъ, такъ сказать, неорганичность фантастической драмы Шекспира, смѣшеніе разнородныхъ элементовъ; однако, уменьшаются ли отъ этого поэтическія достоинства произведенія? Классическій элементъ вноситъ нѣкоторую опредѣленность, большую ясность въ расплывчатые и часто смутные

*) По англійски пукъ (puck)—домовой, кобольдъ.

**) Alfred Mezières. Shakespeare, гл. I.

*) Недавно С. А. Венгеровъ (въ V т. его изданія соч. Бѣлинскаго) установилъ, что этотъ терминъ впервые пущенъ былъ у насъ въ оборотъ именно Бѣлинскимъ, при чемъ комментаторъ вполнѣ правильно оспариваетъ научное значеніе чисто-полемическаго эпитета, созданнаго Бѣлинскимъ.

образы германской народной миѳологіи. Оберонъ и Титанія стали дѣйствительно живыми образами, надѣленными людскими свойствами; воплощеніями,въ которыхъ процессъ антропоморфизма, столь послѣдовательно завершившійся въ античной миѳологіи, придаетъ больше рельефа ихъ характеристикамъ, чѣмъ въ отрывочныхъ и смутныхъ народныхъ германскихъ повѣріяхъ объ олицетворенныхъ силахъ природы.Даже неугомонный, постоянный „скиталецъ" пукъ Робинъ, поставленный въ служебную зависимость отъ Оберона, пріобрѣтаетъ большую опредѣленность въ своихъ функціяхъ исполнителя порученій короля эльфовъ, и въ то же время шутника и проказника, такъ сказать, за свой счетъ. Въ концѣ концовъ, если германскій міръ эльфовъ въ пьесѣ Шекспира изъ античной жизни является замѣстителемъ древнеклассическихъ нимфъ и дріадъ, то врядъ ли умѣстно настаивать на такой точной локализаціи созданій воображенія, чтобы не допускать ихъ свободнаго перемѣщенія изъ страны въ страну, въ часы таинственныхъ видѣній ночи. Шекспиръ во всякомъ случаѣ приблизилъ своихъ эльфовъ къ характеру древнеклассическихъ миѳовъ, придавъ имъ человѣческія черты, ясность и опредѣленность живыхъ существъ. И тѣмъ не менѣе, конечно, это не вполнѣ живые люди. Шекспиръ воспользовался именно лишь вымышленными созданіями для того, чтобы довести до крайности свой тезисъ, выраженный имъ устами Тезея (д. V, сц. I):

Влюбленные, ровно какъ и безумцы,
Имѣютъ всѣ такой кипучій мозгъ,
Столь странныя фантазіи, что часто
Имъ кажется за истину такое,
Чего никакъ смыслъ здравый не поймет.

Признавъ влюбленность—„игрой воображенія" („Безумный и влюбленный и поэтъ—составлены всѣ изъ воображенія"),прихотью случая, дѣйствіемъ силы, независимой отъ нашей воли, Шекспиръ въ каррикатурномъ видѣ представилъ это состояніе лишь на примѣрѣ Титаніи, влюбляющейся въ человѣка съ ослиной головой, подъ вліяніемъ волшебнаго цвѣтка, которымъ Оберонъ натеръ ей глаза. Принято считать этотъ тезисъ Шекспира и вообще всю пьесу „Сонъ въ Иванову ночь" проникнутыми очень пессимистическимъ, чтобы не сказать отрицательнымъ взглядомъ на любовь. Однако, тезисъ самъ по себѣ былъ, конечно, весьма не новымъ. Объ „ослѣпленіи любовью" трактовалъ уже Лукрецій (De rerum natura, кн. IV, ст. 1142 слл.), указывая, до какой степени обманываются тѣ, которые поддаются данному душевному настроенію. Позже Мольеръ перефразировалъ указанное мѣсто у Лукреція, вложивъ въ уста Эліанты, въ „Мизантропѣ" (д. II сц. 4), слѣдующій монологъ *):

Кто любитъ, склоненъ тотъ хвалить свое избранье
И въ немъ порочнаго не видитъ ничего;
Въ предметѣ страсти все прекрасно для него—
Пороки кажутся въ немъ благомъ очевиднымъ,
Ихъ именемъ спѣшитъ назвать онъ безобиднымъ:
Онъ блѣдную какъ смерть—*жасминомъ* назоветъ,
И страшно черная—*смугляночкой* слыветъ,
Свободна и гибка — коль очень худощава,
А слишкомъ толстая—*осанкой величава*;
Неряха грязная, невзрачная собой —
Тотчасъ же прослыветъ *небрежной красотой*,
Коль ростомъ велика—*богини воплощенье*,
А карлица — *чудесъ небесныхъ сокращенье*.
Коль дура—то *добра*, лукавая—*умна*,
Спесивая—*носить корону суждена*,
Пріятный нравъ найдутъ у слишкомъ говорливой,
Нѣмую прозовутъ *невинностью стыдливой*:
Такъ всякій, если кѣмъ до страсти увлеченъ,
Въ пороки самые окажется влюбленъ.

Не та же ли основная мысль проводится и Шекспиромъ? Но онъ идетъ дальше и. признавая ошибочность сужденій влюбленныхъ о предметѣ своей страсти, подчеркиваетъ непроизвольность самого увлеченія, которое онъ ставитъ въ зависимость отъ чудодѣйственной силы. Въ этомъ отношеніи Шекспиръ стоитъ на почвѣ вполнѣ національной,германо-романской концепціи: не въ той же ли Англіи родина знаменитаго въ средневѣковой литературѣ сюжета

*) Цитируемъ по переводу Л. Поливанова.

о Тристанѣ и Изольдѣ, хотя и ставшаго намъ впервые извѣстнымъ во французской обработкѣ? И чѣмъ по существу разнится роковой напитокъ, отвѣдавъ котораго Тристанъ и Изольда, въ силу волшебства, должны были полюбить другъ друга, отъ алаго цвѣтка, который приноситъ пукъ Робинъ, по приказанію Оберона? Развѣ не простая случайность, съ точки зрѣнія такого представленія о роковомъ, отъ нашей воли независящемъисточникѣлюбовнагоаффекта,— что Тристанъ и Изольда были оба молоды, прекрасны собой, надѣлены всевозможными положительными качествами, и только по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ не должны были смотрѣть другъ на друга какъ на жениха и невѣсту? Получилась поэма незаконной, даже преступной любви, но красивая, привлекательная, потому что прекрасны были оба очарованные. Возможна и оборотная сторона медали, которую и показалъ Шекспиръ: Титанія, по пробужденіи отъ сна, обреченная полюбить перваго, кого увидитъ, встрѣтила не Тристана, а Основу, вдобавокъ съ ослиной головой. Но все таки это судьба,вліяніе роковой силы. Дѣлать ли отсюда выводъ, что Шекспиръ дѣйствительно относился отрицательно къ любовному аффекту, что онъ представилъ каррикатуру для того лишь,чтобы рельефнѣе оттѣнить безразсудство состоянія влюбленности? Несомнѣнно нѣсколько пессимистическая нотка проглядываетъ въ этомъ произведеніи, однако, не безъ другой, положительной точки зрѣнія. И чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить перипетіи четырехъ любовниковъ. Лизандръ любитъ Гермію и любимъ ею, какъ раньше Деметрій любилъ Елену, расположивъ ее къ себѣ. Но внезапная прихоть отклонила Деметрія отъ предмета его первоначальной страсти и заставила выступить соперникомъ Лизандра въ исканіи руки Герміи. Елена покинута и несчастна, но она не теряетъ надежды мольбою и просьбами вернуть къ себѣ сердце Деметрія. Тщетная надежда и ошибочный пріемъ снискать расположеніе любимаго человѣка. Своими приставаніями Елена только надоѣдаетъ Деметрію и еще больше отталкиваетъ отъ себя. Какъ же ей въ концѣ концовъ удалось опять привлечь любовника? Совсѣмъ инымъ и неожиданнымъ способомъ, а именно—самопожертвованіемъ. Да, на нашъ взглядъ, вся сказанная обстановка дѣйствія только красивый вымыселъ, который нисколько не заслоняетъ рѣшенія проблемы объ измѣнчивости и прихотливости чувствъ на чисто психологической почвѣ. Припомнимъ конецъ перваго дѣйствія: Елена пришла къ заключенію, что не даромъ „крылатый Купидонъ представленъ намъ слѣпымъ и безразсуднымъ“: любовь—прихоть и въ такомъ смыслѣ подвержена всевозможнымъ случайностямъ; такъ Деметрій, измѣнивъ ей, влюбился въ Гермію; такъ впослѣдствіи Титанія, по волѣ Оберона, влюбилась въ Основу. Однако, есть въ любви нѣчто, способное возвысить ее надъ прихотью чувствъ и придать ей устойчивость. Пусть Деметрій увлекается красотой Герміи (doting on Hermias eyes),— Елена любитъ въ немъ его достоинства (admiring of his qualities), и это придаетъ болѣе серьезный характеръ ея чувствамъ къ Деметрію. Теперь она рѣшается пожертвовать собой: услыхавъ, что Гермія и Лизандръ уговариваются на слѣдующую ночь бѣжать и встрѣтиться въ лѣсу, за Аѳинами, Елена спѣшитъ сообщить объ ихъ предполагаемомъ побѣгѣ Деметрію; пусть его „спасибо“ за эту услугу будетъ ей единственной наградой, и, хотя бы пришлось потомъ ей съ нимъ разстаться на вѣки, оно будетъ ей дорогимъ, прощальнымъ подаркомъ (if I have thankes it is a deere expence). И этотъ подвигъ Елены долженъ быть современемъ оцѣненъ ея вѣроломнымъ любовникомъ: насколько она отваживала его отъ себя своими приставаніями, настолько побѣдила вновь— безкорыстіемъ чувствъ. Что нужды, что внѣшняя развязка пьесы обусловлена волшебствомъ, за нимъ чувствуется реальная психологическая почва: если на Лизандра нашла внезапная прихоть къ Еленѣ, подъ вліяніемъ цвѣтка, которымъ по ошибкѣ Пукъ натеръ ему глаза, то вѣдь такая же прихоть напала раньше на Деметрія безъ всякаго участія волшебной силы. Несущественность такихъ увлеченій Шекспиръ пояснилъ на примѣрѣ Лизандра, какъ бы въ назиданіе Деметрію. И вотъ протрезвленный Деметрій возвращается къ своей Еленѣ, которая вновь стала ему мила, когда перестала домогаться его любви; мастерской, по истинѣ геніальный анализъ душевныхъ движеній Шекспира служитъ такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, не къ посрамленію „ребенка Амора“ (the boy Love), который, какъ обыкновенно дѣти, склоненъ къ капризамъ, а напротивъ къ возвеличенію чувства, на нравственной основѣ. И въ общемъ выводѣ, допуская, что пьеса Шекспира была свадебной „маской“, мы отнюдь не раздѣляемъ сомнѣній и недоумѣній Уль-

рици, удивлявшагося выбору сюжета для даннаго случая: онъ какъ нельзя болѣе умѣстенъ, и истинный смыслъ пьесы раскрывается намъ, если вникнуть въ ея суть, а не во внѣшнюю фабулу, какъ бы ни выдѣлялся кричащей нотой горькаго скептицизма эпизодъ съ Титаніей.

Какъ по отношенію влюбленности, такъ и къ поэзіи—воображеніе обоюдоострое оружіе, но оно не подлежитъ безусловному осужденію. Сцена мастеровыхъ, разыгрывающихъ интермедію о Пирамѣ и Ѳисби, представляетъ обратный случай по сравненію съ исторіей Титаніи и Основы, и поэтому стоитъ въ интимной, органической связи съ сюжетомъ драмы. Въ самомъ дѣлѣ, если Титанія „воображеніемъ" облагораживала несчастный предметъ своей страсти, то, какъ личность, она представляется живымъ контрастомъ Основѣ: это воплощенное изящество, красота и грація, которыя стремятся поднять до себя воплощеніе грубости и глупости. Обратно этому мы видимъ изящную и поэтическую легенду о Пирамѣ и Ѳисби, приниженную и искаженную въ уровень съ ограниченнымъ кругозоромъ грубыхъ и необразованныхъ людей, которые безсознательно впадаютъ въ пародію, оставаясь вполнѣ серьезными въ своихъ намѣреніяхъ. Воображеніе покрываетъ ихъ невольный самообманъ и поддерживаетъ въ нихъ иллюзіи относительно собственныхъ талантовъ, какъ у Титаніи относительно мнимыхъ достоинствъ Основы. Не кроется ли въ этой пародіи на драматическое представленіе какого нибудь личнаго предубѣжденія автора противъ „грубой черни", которую онъ выводилъ на смѣхъ, какъ впослѣдствіи заклеймилъ ее презрѣніемъ въ Каллибанѣ? Наврядъ, хотя, конечно, въ общемъ Шекспиръ отнюдь не можетъ быть подверженъ упреку въ излишнемъ пристрастіи къ толпѣ. Но въ данномъ случаѣ нельзя не усмотрѣть нѣкоторой аналогіи отзыва Тезея, по поводу игры исполнителей интермедіи, съ замѣчаніемъ Гамлета по поводу искренняго одушевленія актера, прочитавшаго монологъ. Знаменитое выраженіе:—„что ему Гекуба, что онъ Гекубѣ?" устанавливаетъ силу воображенія, благодаря которому актеръ могъ прочувствовать свой монологъ въ такой степени, что голосъ его дрожалъ и слезы показались на глазахъ. А главное, что, усвоивъ данную вымышленную ситуацію, актеръ такъ близко принялъ ее къ сердцу, что говорилъ искренне, точно отъ своего лица. Бѣдные мастеровые—любители очень далеки отъ такого искусства перваго актера въ „Гамлетѣ", которое произвело впечатлѣніе даже на Полонія. Однако, Тезей предупреждаетъ насмѣшки по поводу ихъ исполненія замѣчаніемъ Ипполитѣ:

Коль бѣдное стараніе безсильно,
То чистое усердье выкупаетъ
Невольный неуспѣхъ.

Тезей напоминаетъ, что иное молчаніе, происходящее отъ искренняго смущенія, отъ „пугливаго усердія" доставляетъ больше удовлетворенія, чѣмъ „дерзкое", т. е. напускное, краснорѣчіе находчиваго смѣльчака:

Признаюся,
Что, по моимъ понятіямъ, любовь
При языкѣ простомъ чистосердечья
Всегда сильнѣе сердцу говоритъ.

Итакъ, неумѣлое искусство, какъ несчастная любовь, могутъ быть скрашены чистосердечіемъ. Конечно, отъ этого чистосердечья исполненіе пьесы мастеровыми не становится лучшимъ, какъ чистосердечье Титаніи не можетъ придать Основѣ достоинствъ, которыхъ онъ лишенъ. Но искренность усердья неумѣлыхъ служителей Мельпомены все же отклонила глумленіе надъ ними и вызвала у Тезея слова снисхожденья. И Оберонъ не глумится надъ Титаніей *): онъ поспѣшилъ снять съ нея чары, какъ только получилъ искомое, т. е. какъ только заставилъ Титанію отрѣшиться отъ ея прежняго пристрастія къ индійскому мальчику, служившему поводомъ ихъ ссоры. Одно только шутливое замѣчаніе Оберона послѣ пробужденія Титаніи: „Вотъ здѣсь лежитъ твой милый"—служитъ напоминаніемъ о томъ, что произошло. Но, какъ уже было замѣчено, не столько въ фантастическихъ дѣйствующихъ лицахъ „Сна", сколько у живыхъ людей пьесы Шекспира психологія этого великаго знатока человѣческаго сердца глубже и тоньше имъ соблюдена. Для исторіи его творчества, было бы не безынтересно принять во вниманіе аналогію первой сцены—Эгея и Герміи передъ судомъ Тезея—съ появленіемъ Брабанціо и Отелло передъ совѣтомъ дожа въ „Отелло". Но дальнѣйшія соображенія по исторіи творчества Шекспира и по отношенію настоящей пьесы къ другимъ его произведеніямъ (особенно къ „Бурѣ", которая во многомъ является какъ бы

*) Превращенія Основы—продѣлка Пука.

естественнымъ приростомъ къ „Сну въ Иванову ночь“) отвлекли бы насъ слишкомъ въ сторону. Если Шекспира не разъ сравнивали по глубинѣ и ширинѣ его творческаго генія съ моремъ, то небольшой заливъ, образованный этимъ моремъ, обладаетъ многими свойствами стихіи, съ которой онъ остается въ органической связи. И въ заливъ вливаются тѣ же волны, хотя не столь грозныя и величавыя, какъ въ безбрежномъ просторѣ океана. Онѣ мельче дробятся, кажутся прозрачнѣе, выкатываясь на песчаный берегъ, но льются изъ той же глубины; и въ настоящемъ случаѣ Шекспиръ далъ намъ почувствовать эту глубину, подъ красивыми и фантастическими завитками прибрежной пѣны, глубину—въ томъ значеніи, которое онъ сумѣлъ придать безкорыстію въ любви и чистосердечной искренности чувства.

Θ. Батюшковъ.

ЛЮБОВЬ-ПОБѢДИТЕЛЬНИЦА.
Древняя (Помпейская) фреска.

АМУРЫ, ВЬЮЩІЕ ВѢНКИ ИЗЪ РОЗЪ.

Древняя (Помпейская) фреска.

Дѣйствующія лица:

Тезей, герцогъ аѳинскій.
Егей, отецъ Герміи.
Лизандеръ, Деметрій } влюбленные въ Гермію.
Филострат, завѣдывающій увеселеніями при дворѣ Тезея.
Пигва, плотникъ.
Бурав, столяръ.
Основа, ткачъ.
Флейта, продавецъ раздувальныхъ мѣховъ.
Рыло, мѣдникъ.
Выдра, портной.
Ипполита, царица амазонокъ, невѣста Тезея.
Гермія, дочь Егея, влюбленная въ Лизандера.
Елена, влюбленная въ Деметрія.
Оберонъ, царь эльфовъ.
Титанія, царица эльфовъ.
Пукъ, или Робинъ, добрый духъ, эльфъ.
Душистый горошекъ, Паутинка, Моль, Горчичное зернышко } эльфы.
Пирамъ, Ѳисби, Стѣна, Лунный свѣтъ, Левъ } лица интермедіи, разыгрываемой аѳинскими мастеровыми.
Эльфы, покорные Оберону и Титаніи.

Придворные Тезея и Ипполиты.

Дѣйствіе происходитъ въ Аѳинахъ и въ окрестномъ лѣсу.

ЭЛЬФЫ.
Рисунокъ Джильберта.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Аѳины. Комната во дворцѣ Тезея.

Входятъ Тезей, Ипполита, Филостратъ *и придворные.*

Тезей.

Теперь союзъ нашъ близокъ, Ипполита!
Четыре дня счастливые пройдутъ
И приведутъ съ собою новый мѣсяцъ!
Какъ тихо убываетъ старый мѣсяцъ!
Онъ медлитъ совершить мои желанья,
Какъ медлитъ мачиха или вдова
Наслѣдника несовершеннолѣтье
Провозгласить оконченнымъ, дабы
Не потерять наслѣдника доходовъ.

Ипполита.

Четыре дня въ ночахъ потонутъ быстро,
И быстро въ снахъ пройдутъ четыре ночи;
Тогда луна серебряной дугою,
Вновь перегнувшись въ темныхъ небесахъ,
Освѣтитъ ночь торжественную нашу.

Тезей.

Мой Филостратъ, ступай и пригласи
Всѣхъ юношей аѳинскихъ забавляться.
Въ нихъ духъ живой веселья пробуди.
Для похоронъ пусть грусть они оставятъ:
На праздникѣ нѣтъ мѣста блѣдной гостьѣ!
(Филостратъ уходитъ).
Я овладѣлъ тобою, Ипполита!
Моимъ мечомъ, враждой я пріобрѣлъ
Твою любовь; но бракъ нашъ совершится
Средь пышности, торжествъ и наслажденій.

Входятъ Егей, Гермія, Лизандеръ *и* Деметрій.

Егей.

Будь счастливъ вѣкъ, нашъ герцогъ знаменитый!

Тезей.

Благодарю. Что новаго, Егей?

Егей.

Я съ жалобой на Гермію мою
Являюся, исполненный печали.
Приблизься ты, Деметрій. Добрый герцогъ
Вотъ человѣкъ, которому я далъ
Согласіе на Герміи жениться.
Приблизься ты, Лизандеръ! Государь,

А этотъ вотъ околдовалъ ей сердце.
Лизандеръ, да, ты ей давалъ стихи,
Ты съ дочерью моею обмѣнялся
Залогами любви; ты подъ окномъ ея
При мѣсячномъ сіяньи ей пѣвалъ
Притворно нѣжнымъ голосомъ слова,
Дышавшія притворною любовью:
Ты голову вскружилъ ей разнымъ вздоромъ;
Браслетами изъ собственныхъ волосъ,
Колечками, бездѣлками, сластями,
Игрушками, букетами, цвѣтами—
Посланниками тѣми, что всегда
Надъ юностью неопытной всесильны;
Ты хитростью у дочери моей
Похитилъ сердце—и повиновенье,
Которымъ мнѣ обязана она,
Ты измѣнилъ настойчивость въ упрямство.
Мой государь, когда руки и слова
Она не дастъ Деметрію при насъ,
То я прошу васъ предоставить мнѣ
Старинное аѳинянина право,
Она моя, и я ея судьбою
Располагать могу. Пускай она
Здѣсь изберетъ Деметрія иль смерть,
Которую при случаѣ подобномъ
Немедля произноситъ нашъ законъ.

Тезей.

Ну, Гермія, что скажешь? Разсуди;
Тебѣ отецъ твой богомъ долженъ быть.
Онъ красоты твоей творецъ, и для него
Ты то же, что фигура восковая,
Которая имъ вылита. Имѣетъ
Онъ право полное—и уничтожить,
И довершить созданіе свое.
Деметрій, вѣдь, достойный человѣкъ.

Гермія.

Не то же ль и Лизандеръ?

Тезей.

Точно;
Но такъ какъ онъ родителя согласья
На вашъ союзъ лишенъ, то ты должна
Предпочитать Деметрія.

Гермія.

О, если бъ
Мои глаза отцу могла я дать,
Чтобъ онъ глядѣлъ, какъ я!

Тезей.

Скорѣй же ты
Должна глядѣть его благоразумьемъ.

Гермія.

Я васъ прошу: простите, государь!
Не знаю я, откуда эта смѣлость?
И, можетъ быть, я скромность оскорблю,
Что чувствую, высказывая здѣсь;
Но я молю сказать мнѣ, ваша свѣтлость,
Что худшаго въ грядущемъ ждетъ меня,
Когда женой Деметрія не буду?

Тезей.

Отъ общества навѣки отлученье
Иль смерть тогда должна избрать ты.
Итакъ извѣдай, Гермія, себя;
Подумая, какъ ты молода, пылка;
Подумай и о томъ, что если ты
Откажешься отцу повиноваться,
То ты должна навѣкъ оставить свѣтъ
И навсегда безплодною остаться,
Чтобъ гимны пѣть къ безчувственной лунѣ,
Тѣ трижды счастливы, въ комъ столько силы,
Чтобъ, обуздавъ себя, свершить спокойно
Путь дѣвственный; но роза на землѣ
Счастливѣе, когда она цвѣтетъ
И не таитъ свое благоуханье;
Счастливѣе, повѣрь мнѣ, розы той,
Которая на стеблѣ тихо вянетъ,
Растетъ, живетъ, и принимаетъ смерть—
И все одна, все въ одинокомъ счастьѣ.

Гермія.

Такъ я расти и жить, и умереть
Хочу одна, скорѣй чѣмъ соглашуся
Я дѣвственность мою отдать тому,
Чью власть душа всей силой отвергаетъ.

Тезей.

Подумай хорошенько; но когда
Настанетъ новолунье—въ этотъ день
Соединюсь навѣкъ я съ Ипполитой—
Тогда и ты готова быть должна
Иль умереть за неповиновенье,
Иль сдѣлать то, что хочетъ твой отецъ,
Иль принести на алтарѣ Діаны
Святой обѣтъ провесть всю жизнь свою
И строгою, и одинокой дѣвой.

Деметрій.

О, согласись же, Гермія! Лизандеръ,
Ничтожныя претензіи свои
Ты долженъ уступить моимъ правамъ,
Столь неоспоримымъ.

Лизандеръ.

Любовь отца
Имѣешь ты, Деметрій, такъ оставь же
Мнѣ Гермію, а самъ—возьми его.

Егей.

О, дерзкій! Да, любовію моею

Владѣетъ онъ—и все, что въ ней же,
Моя любовь отдастъ ему назадъ.
Она моя, и всѣ мои права
Надъ нею я Деметрію вручаю.

Лизандеръ.

Но, государь, не такъ же ли, какъ онъ,
И я богатъ, и знаменитъ рожденьемъ?
Моя любовь сильнѣй его любви,
И въ обществѣ, въ малѣйшихъ отношеньяхъ
Деметрію я равенъ; можетъ быть,
Деметрія я превышаю даже;
А сверхъ того, чѣмъ можетъ онъ хвалиться?
Я Гермію прекрасною любимъ:
Зачѣмъ же я права мои оставлю?
Деметрій... Да, я объявлю при немъ:
Онъ дочери Надара предложилъ
Свою любовь; съ тѣхъ поръ душой Елены
Онъ овладѣлъ, и добрая Елена
Ему вполнѣ, всѣмъ сердцемъ предана:
Боготворитъ невѣрнаго она.

Тезей.

Я признаюсь, дошли такіе жъ слухи
И до меня, и я наиѣревался
Съ Деметріемъ объ этомъ говорить,
Но я забылъ: я самъ былъ озабоченъ.
Иди за мной, Деметрій и Егей,
Иди за мной: мнѣ нужно вамъ обоимъ
Дать нѣсколько особыхъ наставленій.
Ты, Гермія прекрасная, готовься
Согласовать желанія свои
Съ желаніемъ родителя; иначе
Законъ Аѳинъ, который измѣнить
Не можемъ мы, произнесетъ свой судъ
И обречетъ тебя на заточенье
Или на смерть. Пойдемъ-же, Ипполита!
Что, милая, какъ чувствуешь себя?
Деметрій и Егей, за мной идите:
Я долженъ къ вашей помощи прибѣгнуть,
Чтобъ нужное все изготовить къ свадьбѣ.
Поговоримъ мы также кой-о-чемъ,
Что собственно касается до васъ.

Егей.

Мы слѣдуемъ по долгу и желанью.

(Тезей, Ипполита, Егей, Деметрій и свита уходятъ).

Лизандеръ.

Ну, что съ тобой, другъ милый? Отчего
Ты такъ блѣдна, и помертвѣли розы
Твоихъ ланитъ?

Гермія.

Конечно, оттого,
Что нѣтъ дождя; но буря глазъ моихъ
Легко замѣнитъ этотъ недостатокъ.

Лизандеръ.

Мнѣ никогда не удалось прочесть
Или услышать въ исторіи, въ разсказѣ,
Чтобъ гдѣ-нибудь путь истинной любви
Былъ совершенъ спокойно. Иногда
Онъ возмущенъ различіемъ рожденій...

Гермія.

Мученіе, когда высокій родомъ
Влюбляется въ простую дѣву!

Лизандеръ.

Иногда
Различьемъ лѣтъ...

Гермія.

Какое наказанье,
Когда скуютъ со старостію юность!

Лизандеръ.

А иногда спокойствіе зависитъ
Отъ выбора родныхъ...

Гермія.

О, это адъ,
Когда должны мы выбирать не сами
Предметъ любви!

Лизандеръ.

А если выборъ ихъ
Съ влеченіемъ душъ любящихъ согласенъ,
Тогда война, болѣзни или смерть
Ихъ счастію ужъ вѣрно помѣшаютъ.
И такъ—любовь мгновенна, будто звукъ;
Кратка, какъ сонъ; какъ призракъ, преходяща;
Какъ молнія среди глубокой ночи,
Она быстра—блеснетъ и озаритъ
Предъ взорами и небеса, и землю,
Но прежде чѣмъ успѣетъ человѣкъ
Сказать: „смотри“, ужъ снова бездны мрака
Все поглотятъ. Такъ быстро на землѣ
Все свѣтлое въ хаосѣ исчезаетъ!

Гермія.

Но ежели для истинной любви
Страданіе всегда необходимо,
То, видно, ужъ таковъ законъ судьбы.
Научимся сносить его съ терпѣньемъ;
Страданія нельзя намъ избѣжать:
Оно принадлежитъ любви, какъ вздохи,
Мечты и сны, желанія и слезы,
Всегдашніе товарищи влюбленныхъ!

Лизандеръ.

Прекрасна эта вѣра; но теперь
Не то! Послушай: у меня есть тетка,
Богатая, бездѣтная вдова—

Она живетъ отсюда миляхъ въ трехъ—
И ею я любимъ, какъ сынъ родной.
Тамъ, Гермія, мы можемъ обвѣнчаться,
Законъ Аѳинъ тамъ не настигнетъ насъ.
Когда меня ты любишь, завтра ночью
Тихонько домъ родительскій оставь,
И тамъ, въ лѣсу, который только въ милѣ
Отъ города, гдѣ встрѣтилъ я тебя
Съ Еленою однажды майскимъ утромъ,
Когда вы съ ней обряды совершали,
Я буду ждать.

Гермія.

О, добрый мой Лизандеръ,
Клянусь крѣпчайшимъ лукомъ Купидона
И лучшей, золотой его стрѣлой,
И кротостью Венериныхъ голубокъ!
Клянуся тѣмъ, что связываетъ души
И дѣлаетъ счастливою любовь!
Клянусь огнемъ, который жегъ Дидону,
Когда троянецъ лживый уплывалъ!
Клянусь тебѣ, Лизандеръ, всею тьмою
Мужчинами нарушенныхъ обѣтовъ,
Которые ужъ вѣрно превзойдутъ
Своимъ числомъ всѣ женскіе обѣты—
Я буду тамъ, гдѣ ты назначилъ мнѣ!

Лизандеръ.

О, милый другъ, сдержи же обѣщанье!
Смотри, сюда Елена къ намъ идетъ.

Входитъ Елена.

Гермія.

Будь счастлива, прекрасная Елена!
Куда идешь?

Елена.

Прекрасная? Увы!
Возьми назадъ, возьми свое названье!
О, красоту твою Деметрій любитъ,
Счастливая! Да, для него горятъ
Твои глаза полярною звѣздою,
И голосъ твой пріятный для него
Пріятнѣе, чѣмъ жаворонка пѣнье
Для пастуха, когда кругомъ поля
Зеленою пшеницею покрыты,
А посреди боярышникъ въ цвѣту.
Прилипчивы болѣзни—для чего бы
И красотѣ прилипчивой не быть?
Пока я здѣсь, могла бъ я заразиться,
О, Гермія прекрасная, тобой!
Мой жадный слухъ запомнилъ бы твой голосъ,
Мои глаза усвоили бъ твой взоръ;
Мои слова проникли бы, быть-можетъ.
Мелодіей твоихъ пріятныхъ словъ;
Когда бъ весь свѣтъ моимъ былъ достояньемъ,
Деметрія себѣ оставивъ, міръ
Я бъ отдала, чтобъ только быть тобою.
О, научи меня глядѣть, какъ ты!
Скажи, какимъ ты способомъ владѣешь
Деметріемъ и мыслями его?

Гермія.

Я хмурюся, а онъ меня все любитъ.

Елена.

О, если бъ обаятельна была
Какъ хмуренье твое, моя улыбка.

Гермія.

Я съ нимъ бранюсь, а онъ мнѣ говоритъ
Слова любви.

Елена.

Когда бъ мои молитвы
Могли любовь въ немъ также пробудить!

Гермія.

И чѣмъ сильнѣй его я ненавижу,
Тѣмъ онъ сильнѣй преслѣдуетъ меня.

Елена.

Меня же онъ тѣмъ больше ненавидитъ,
Чѣмъ болѣе я предаюсь ему.

Гермія.

Въ его безумствѣ я не виновата.

Елена.

Нѣтъ, красота твоя виновна въ томъ.
О, если бъ и моя такъ провинилась!

Гермія.

Утѣшься, онъ меня ужъ не увидитъ:
Рѣшилась я съ Лизандеромъ бѣжать.
До той поры, пока я не видала
Лизандера, Аѳины были рай!
Теперь мой рай—увы—преобразился
Въ жестокій адъ могуществомъ любви!

Лизандеръ.

Елена, мы откроемъ наши души
Передъ тобою. Завтра ночью мы,
Когда луна свой образъ серебристый
На лонѣ водъ зеркальныхъ отразитъ
И уберетъ всѣ травки влажнымъ перломъ,
Въ тотъ самый часъ, который укрываетъ
Въ своей тиши любовниковъ побѣгъ,
Рѣшилися Аѳины мы оставить.

Гермія.

И въ томъ лѣсу, въ которомъ мы съ тобою
Такъ часто, отдыхая на цвѣтахъ,
Свои мечты другъ другу изливали,
Сойдуся я съ Лизандеромъ моимъ;
Тамъ отъ Аѳинъ мы взоры отвратимъ,
Чтобъ вновь друзей искать въ странѣ чужой.

Прощай, моя подруга; помолися
За насъ двоихъ. Пусть счастіе вручитъ
Твоей любви Деметрія! Лизандеръ,
Не позабудь обѣщанное слово:
До завтрашней полуночи должны
Лишить себя мы сладкаго свиданья,
Которое—какъ пища для влюбленныхъ!
(Уходитъ).

Лизандеръ.

Я буду тамъ. Прощайте же, Елена.
Пускай Деметрій вамъ принадлежитъ,
Какъ вы ему теперь принадлежите.
(Уходитъ).

Елена.

Какъ счастіе неровно въ этомъ мірѣ!
Красавицей такой же, какъ она,
Въ Аѳинахъ я слыву; но что въ томъ пользы?
Деметрій думаетъ не такъ: не хочетъ
Признать меня, чѣмъ признана я всѣми.
Но, кажется, мы оба въ заблужденьи:
Онъ въ Гермію влюбился до безумья,
А я въ его достоинства. Такъ что жъ?
Вѣдь, для любви все низкое, пустое
Въ достойное легко пересоздать:
Любовь душой, а не глазами смотритъ.
И оттого крылатый Купидонъ
Представленъ намъ слѣпымъ и безразсуднымъ.
Быть съ крыльями и быть лишеннымъ глазъ—
Поспѣшности немыслящей эмблема!
Любовь зовутъ ребенкомъ оттого,
Что въ выборѣ своемъ нерѣдко
Обманута бываетъ, какъ дитя.
Видала я, какъ вѣтреныя дѣти
Среди игры другъ другу обѣщаній
Вдругъ надаютъ и вдругъ измѣнятъ имъ.
Дитя-любовь, какъ и другія дѣти,
При случаѣ, готова взять назадъ
Всѣ данныя недавно обѣщанья.
Пока еще Деметрій не видалъ
Глазъ Герміи, онъ градомъ клятвъ мнѣ клялся,
Что онъ одной лишь мнѣ принадлежитъ;
Но этотъ градъ предъ Герміей растаялъ
И клятвеннымъ дождемъ на землю палъ.
Я Герміи побѣгъ ему открою.
Ужъ вѣрно въ ночь преслѣдовать ее
Онъ пустится, и если благодарность
Я отъ него за это получу,
То дорого досталась мнѣ она.
Да, тамъ его увидѣть и потомъ
Въ Аѳины вновь печально возвратиться—
Достаточно награды этой мнѣ! *(Уходитъ).*

СЦЕНА II.

Аѳины. Внутренность хижины.

Входятъ Основа, Буравъ, Флейта, Рыло, Пигва *и* Выдра.

Пигва. Вся ли наша кампанія здѣсь?

Основа. Лучше бы вы перекликали насъ всѣхъ одного за другимъ, по тому порядку, какъ мы записаны.

Пигва. Вотъ списокъ именъ всѣхъ тѣхъ людей, которые найдены способными и избраны изъ всѣхъ аѳинянъ, чтобы исполнить нашу интермедію предъ герцогомъ и герцогинею, вечеромъ послѣ свадьбы.

Основа. Во-первыхъ, любезный Питеръ Пигва, скажите намъ, въ чемъ состоитъ наша пьеса? Потомъ прочтите имена актеровъ. Приступайте къ дѣлу.

Пигва. Ладно! Наша пьеса: „Плачевная комедія и жесточайшая смерть Пирама и Ѳисби".

Основа. Славная штука! увѣряю васъ, превеселая! Теперь, любезный Питеръ Пигва, вызывайте впередъ вашихъ актеровъ, по списку. Господа, развернитесь въ линію.

Пигва. Отвѣчайте по вызову. Никъ Основа, ткачъ!

Основа. На лицо! Назначьте мою роль въ пьесѣ и продолжайте.

Пигва. Вы, Никъ Основа, возьмите на себя роль Пирама.

Основа. Что такое Пирамъ? любовникъ или тиранъ?

Пигва. Любовникъ, который преблагородно убиваетъ себя за свою возлюбленную.

Основа. Надо будетъ пролить нѣсколько слезъ, чтобъ исполнить роль, какъ слѣдуетъ. Если я буду играть эту роль, то берегите ваши глаза, господа слушатели! Я подниму бурю и, нѣкоторымъ образомъ, стонъ! Ну, къ другимъ! Однако, я особенно превосходенъ въ роляхъ тирановъ; я бы отмѣнно сыгралъ роль Еркулеса или роль, въ которой бы пришлось бѣсноваться и все посылать къ чорту. *(Декламируя).*

„Съ трепетомъ, съ трескомъ, утесы толкаясь,
„Тюрьмы уничтожатъ запоры!
„А Ѳибъ, въ колесницѣ своей приближаясь,
„Судьбы измѣнитъ приговоры!"

Вотъ истинно превосходно! Ну, назначайте остальныхъ актеровъ. Это совершенно въ духѣ Еркулеса, въ духѣ тирана; любовники говорятъ плаксивѣе.

Пигва. Францисъ Флейта, продавецъ раздувальныхъ мѣховъ.

МАСТЕРОВЫЕ-АКТЕРЫ.

Рисунокъ нѣмецкаго художника Вильгельма Фольца (Wilhelm Volz, род. 1855).

Флейта. Здѣсь, Питеръ Пигва.

Пигва. Вы должны взять на себя роль Ѳисби.

Флейта. Что [illegible] странствующій рыцарь?

Пигва. Это дама, [illegible] которую влюбленъ Пирамъ.

Флейта. Нѣтъ, [illegible] возьми, [illegible] чу играть [illegible] у меня пробиваются борода.

Пигва. [illegible] не значитъ. Вы будете [illegible] такимъ [illegible] буде[illegible]

[illegible] подъ [illegible] роль Ѳисби, [illegible] тоненькимъ голоскомъ: „Ѳисби, Ѳисби!“ Ахъ, Пирамъ! мой дорогой, мой возлюбленный! — Твоя дорогая Ѳисби, твоя дорогая возлюбленная!“

Пигва. Нѣтъ, нѣтъ! вы должны исполнять роль Пирама, а вы, Флейта, Ѳисби.

Основа. Хорошо; продолжайте.

Пигва. Робинъ Выдра, портной!

Выдра. Здѣсь, Питеръ Пигва.

Пигва. Робинъ Выдра, вы возьмете на себя роль матери Ѳисби. Томасъ Рыло, мѣдникъ!

Рыло. Здѣсь, Питеръ Пигва.

Пигва. Вы [illegible] роль Пирамова [illegible]. Самъ я буду играть отца Ѳисби. [illegible] столяръ, [illegible] представлять [illegible], теперь [illegible] роли [illegible].

[illegible]. Нам[illegible] льва? Пожалуйста, [illegible], дайте мнѣ ее, а то я учу ужасно тупо.

Пигва. Нѣтъ, вы можете исполнить

вашу роль наобумъ: вамъ надо будетъ только рычать.

Основа. Позвольте мнѣ взять на себя роль льва. Я буду такъ рычать, что всѣмъ слушателямъ будетъ любо меня слушать; я буду такъ рычать, что заставлю герцога сказать: *„пусть его порычитъ еще, пусть его еще порычитъ!*

Пигва. Если вы будете рычать слышкомъ страшно, то испугаете герцогиню и дамъ: вы—рычать, а онѣ—кричать; а этого достаточно, чтобы насъ повѣсили.

Всѣ. Да, этого достаточно, чтобы насъ всѣхъ перевѣшали!

Основа, Я согласенъ съ вами, друзья, что если мы испугаемъ дамъ до того, что онѣ лишатся чувствъ, то, пожалуй, могутъ заставить насъ повѣсить; но я только до такой степени возвышу мой голосъ, что буду рычать, какъ милая молодая голубка. Я просто буду рычать, какъ соловей.

Пигва. Вамъ нельзя взять на себя другой роли, кромѣ роли Пирама. Для Пирама нуженъ человѣкъ съ пріятною наружностью, красивый мужчина, какого только можно себѣ представить, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ. Для этой роли нуженъ самый любезный человѣкъ. А потому вы непремѣнно должны исполнить роль Пирама.

Основа. Ладно, я беру на себя эту роль. Какую бороду я преимущественно возьму для этой роли?

Пигва. О, какую хотите.

Основа. Я привяжу себѣ или бороду соломеннаго цвѣта, или бороду оранжево-дубоваго цвѣта, или бороду пурпурно-малиноваго цвѣта, или бороду цвѣта французской короны—ярко-желтаго цвѣта.

Пигва. У нѣкоторыхъ французскихъ головъ совершенно нѣтъ волосъ, а потому вамъ пришлось бы играть безъ бороды. Однако, господа, вотъ ваши роли; я васъ прошу, я васъ умоляю, и вмѣстѣ желаю, чтобы вы выучили ихъ къ завтрашней ночи. Мы соберемся всѣ въ дворцовомъ лѣсу, который въ одной милѣ отъ города, и тамъ, при лунномъ свѣтѣ, сдѣлаемъ репетицію. Если мы соберемся въ городѣ, то толпа послѣдуетъ за нами и разболтаетъ о нашихъ намѣреніяхъ. А между-тѣмъ я составлю списокъ нѣкоторымъ вещамъ, необходимымъ для нашего представленія. Прошу васъ, не обманите меня: приходите.

Основа. Мы будемъ непремѣнно. Тамъ мы можемъ сдѣлать нашу репетицію съ большею свободою и съ большею бодростью. Постарайтесь, господа! Отличитесь! Прощайте!

Пигва. Мы соберемся у герцогова дуба,

Основа. Довольно! Хоть тресни, а приходи! *(Всѣ уходятъ).*

ЭЛЬФА и ПУКЪ.

Рисунокъ извѣстнаго нѣмецкаго силуэтиста Поля Коневки (Paul Konewka 1841—1871).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Лѣсъ въ окрестностяхъ Аѳинъ.

Входятъ съ одной стороны ЭЛЬФА, *а съ другой* ПУКЪ.

ПУКЪ.

Что новаго? Куда несешься, Эльфа?

ЭЛЬФА.

Надъ горами, надъ долами,
Сквозь лѣсную глубину,
Надъ оградой, надъ стѣнами,
Сквозь огонь и сквозь волну—
Мнѣ повсюду путь нетрудный.
Я ношусь быстрѣй луны,
Я служу царицѣ чудной
Въ часъ полночной тишины!
Я волшебные кружечки
Поливаю для нея.
Видишь буквицъ на лужечкѣ?
То питомицы ея;
Видишь пятна расписныя
На одеждахъ ихъ златыхъ?
То рубины дорогіе—
Даръ волшебницъ молодыхъ.
Въ нихъ тайникъ благоуханья,
Въ нихъ вся роскошь ихъ красы.
Я несусь для собиранья
Капель утренней росы;
Я повѣсить въ серединкѣ
Каждой буквицы хочу
По жемчужинкѣ-росинкѣ.
Ну, прощай, духъ, я лечу!
Скоро праздникъ здѣсь начнется
Для царицы молодой,
И съ царицей принесется
Легкихъ эльфовъ цѣлый рой!

Пукъ.

И у царя здѣсь праздникъ нынче ночью.
Царицу ты свою предупреди,
Чтобы отнюдь она съ нимъ не встрѣчалась:
Онъ на нее ужасно разсерженъ
За то, что есть у ней прелестный мальчикъ,
Похищенный недавно у царя
Индійскаго. Царица не имѣла
Прелестнѣе ребенка никогда.
Нашъ Оберонъ завистливый желаетъ
Его, во что бъ ни стало, въ свиту взять,
Чтобъ обѣгать съ нимъ вмѣстѣ глушь лѣсную;
А между тѣмъ ребенка дорогого
Не хочется царицѣ уступить.
Она его цвѣтами убираетъ
И въ немъ одномъ всю радость полагаетъ.
Теперь, когда встрѣчаются они
Или въ лѣсу, иль на травѣ зеленой,
Иль у ручья, при блескѣ чудныхъ звѣздъ,
То ссориться такъ сильно начинаютъ,
Что эльфы ихъ отъ страха убѣгаютъ
И прячутся, бѣдняжки, поскорѣй
Подъ чашечки упавшихъ желудей.

Эльфа.

Наружностью твоей и обращеньемъ,
Быть можетъ, и обманываюсь я,
Но, кажется, ты точно духъ лукавый,
По имени Робинъ, иль Добрый Другъ.
Не ты ль дѣвицъ пугаешь деревенскихъ?
То сливочки снимаешь съ молока,
То мельницы ручныя ихъ ломаешь,
То не даешь хозяйкѣ масла сбить,
То не даешь закиснуть ихъ напиткамъ?
Не ты ль съ пути сбиваешь пѣшеходовъ
И тѣшишься ихъ страхомъ и досадой?
Но кто тебя зоветъ любезнымъ Пукомъ,
Тѣмъ счастіе приносишь ты съ собой,
И самъ за нихъ работы исполняешь.
Не ты ли Пукъ?

Пукъ.

Такъ точно, ты узнала:
Я точно тотъ веселый духъ ночей
И вмѣстѣ шутъ придворный Оберона.
Нерѣдко онъ смѣется надо мной,
Когда начну я ржать, какъ кобылица,
И голосомъ обманывать коня,
Который жиръ себѣ наѣлъ бобами.
Я иногда, рѣзвяся, принимаю
Видъ яблока печенаго, и съ нимъ
Я къ кумушкѣ тихонько прячусь въ чашку;
И только лишь кума начнетъ хлебать,
Я въ губы ей толкаюсь и питьемъ
Изношенный передникъ обливаю.
А иногда для тетушки степенной,
Когда она разсказывать начнетъ
Исторію, исполненную слезъ,
Я, сдѣлавшись трехногимъ, гладкимъ стуломъ,
Изъ подъ нея выскакиваю вонъ —
И тетушка летитъ въ припадкѣ кашля,
И цѣлый хоръ, поджавъ себѣ бока,
Хохочетъ и чихаетъ, и клянется,
Что никогда не веселился онъ
Такъ истинно, какъ въ этотъ часъ паденья.
Тс! Оберонъ, мой царь, сюда идетъ!

Эльфа.

А вотъ моя царица! Хорошо бы,
Когда бъ твой царь ушелъ скорѣй отсюда.

Входятъ Оберонъ *со свитой съ одной стороны, а* Титанія *со своей свитой—съ другой.*

Оберонъ.

Зачѣмъ я здѣсь, при мѣсячномъ сіяньи,
Надменную Титанію встрѣчаю?

Титанія.

А, это ты, ревнивецъ Оберонъ!
Идемте, эльфы: я, вѣдь, поклялась
Съ нимъ не дѣлить ни общества, ни ложа.

Оберонъ.

Остановись, преступная жена:
Не я ль твой мужъ!

Титанія.

А я тебѣ жена!
О, знаю я, ты часто покидаешь
Изподтишка волшебную страну
И въ образѣ влюбленнаго Корина
Проводишь дни, съ свирѣлію въ рукахъ,
У ногъ своей возлюбленной Фелиды,
И ей поешь любовь свою въ стихахъ!
Ты для чего изъ дальнихъ странъ индійскихъ
Явился здѣсь? Ужъ вѣрно для того,
Что съ дерзкою, въ сапожкахъ, амазонкой,
Съ воинственной любимицей твоей,
Готовится Тезей соединиться—
И ложу ихъ пришелъ ты даровать
И счастіе, и радость безъ конца.

Оберонъ.

Титанія, тебѣ ли упрекать
За то, что я привязанъ къ Ипполитѣ?
Извѣстна мнѣ къ Тезею страсть твоя:
При блѣдномъ звѣздъ сіяніи, не ты ли
Похитила его у Перигены,
Которую онъ обольстилъ? Не ты ль
Заставила его забыть всѣ клятвы,
Которыя давалъ онъ Аріаднѣ,
Аглаѣ и прекрасной Антіопѣ?

ЗЛЬФЪ НА СТРАЖѢ.

Силуэтъ Поля Коневки (Paul Konewka).

Елена.

Я не могу перевести дыханья;
Но тщетно я преслѣдую его:
Чѣмъ болѣе его я умоляю,
Тѣмъ меньше въ немъ участья возбуждаю.
Ты жъ, Гермія—ты счастлива вездѣ,
Гдѣ бъ ни была! Въ твоихъ глазахъ есть сила
Притягивать къ себѣ сердца другихъ.
Чѣмъ придала она такъ много блеску
Своимъ глазамъ? быть можетъ, солью слезъ?
О, если бъ такъ, то чаще, чѣмъ ея,
Мои глаза слезами орошались!
Нѣтъ; какъ медвѣдь, собой я безобразна:
Встрѣчаяся со мною, даже звѣри
Пугаются и отъ меня бѣгутъ;
Не должно же дивиться, что Деметрій
Отъ моего присутствія бѣжитъ,
Какъ-будто отъ чудовища. Какому
Коварному, несчастному стеклу
Я вѣрила, что съ Герміей прекрасной
Осмѣлилась я сравнивать себя!
Кто это здѣсь? Лизандеръ на землѣ!
Онъ спитъ иль мертвъ? Но я не вижу крови,
И раны нѣтъ. Лизандеръ, если вы
Не умерли, проснитесь ради Бога!

Лизандеръ *(просыпаясь)*.

О, для тебя, прозрачная Елена,
Я сквозь огонь охотно побѣгу.
Могущество свое теперь являетъ
Природа тѣмъ, что дозволяетъ мнѣ
Въ твоей груди вполнѣ увидѣть сердце.
Деметрій! Гдѣ онъ? Гадко эти имя!
Какъ хорошо оно тому пристало,
Кто долженъ пасть отъ моего меча!

Елена.

Лизандеръ, нѣтъ, не говорите такъ;
Что нужды вамъ, что Гермію онъ любитъ?
О, Боже мой, у Герміи въ душѣ
Одни лишь вы: такъ будьте же довольны!

Лизандеръ.

Довольнымъ быть! Кѣмъ—Герміей? О, нѣтъ!

Раскаялся я въ скучныхъ тѣхъ минутахъ,
Которыя я съ нею потерялъ!
Не Гермію люблю я, а Елену.
Кто жъ ворона на голубя смѣнять
Не пожелаетъ? Волей человѣка
Владѣетъ умъ, а умъ мнѣ говоритъ,
Что ты изъ всѣхъ достойнѣйшая дѣва.
Какъ всякій плодъ до зрѣлости доходитъ
Въ извѣстное лишь время, такъ и я
До сей поры былъ юношей незрѣлымъ.
Мой умъ достигъ теперь лишь до сознанья
И, управляя волею моей,
Привелъ меня къ глазамъ твоимъ, Елена:
Въ твоихъ глазахъ, какъ въ книгѣ незакрытой,
Читаю я разсказы про любовь.

Елена.

За что меня избрали вы предметомъ
Насмѣшки злой? Чѣмъ заслужила я
Презрѣніе отъ васъ? О, не довольно ль,
Не слишкомъ ли довольно и того,
Что заслужить я не могла и взгляда
Привѣтнаго отъ милаго ничѣмъ?
Нѣтъ, мало вамъ—и надъ моимъ безсильемъ
Смѣетесь вы. Повѣрьте мнѣ, Лизандеръ:
Презрительно привѣтствуя меня,
Не хорошо вы сдѣлали. Прощайте.
Но, признаюсь, я больше ожидала
Участія въ васъ встрѣтить. Неужели,
Когда однимъ мужчиною дѣвица
Отвергнута, то долженъ оскорблять
Ее другой? *(Уходитъ).*

Лизандеръ.

Елена не видала
Здѣсь Герміи! Спи, Гермія! Отнынѣ
Ко мнѣ не приближайся! Какъ желудокъ,
Пресытившись хорошимъ сладкимъ яствомъ,
Потомъ къ нему питаетъ отвращенье;
Какъ ереси—особенно для тѣхъ,
Которые въ нихъ долго заблуждались—
Становятся глубоко ненавистны:
Такъ Гермія, какъ ересь иль какъ яства
Въ излишествѣ, будь ненавистна всѣмъ,
Особенно жъ будь ненавистна мнѣ!
Я съ этихъ поръ всѣ силы посвящаю
Любви моей Еленѣ и ея
Могуществу. Ей буду я слугою! *(Уходитъ).*

Гермія *(просыпаясь).*

О, помоги, Лизандеръ, помоги!
Сорви змѣю съ груди моей скорѣе!
О, сжалься!... Ахъ, какой тяжелый сонъ!
Смотри, я все еще дрожу отъ страха.
Мнѣ снилося, что будто бы змѣя
Ужасная мнѣ сердце пожирала
И что, смѣясь, спокойно ты смотрѣлъ
И на змѣю, и на мои страданья.
Лизандеръ! Какъ, ушелъ? Меня не слышитъ?
Лизандеръ! Какъ, ни звука нѣтъ, ни слова!
Увы! гдѣ ты? О, говори со мной,
О, говори, молю тебя любовью!
Я чувствъ почти лишилася отъ страха.
Нѣтъ, видно, ты далеко отъ меня!
Тебя иль смерть сейчасъ же отыщу я!
(Убѣгаетъ).

СОНЪ ВЪ ЛѢТНЮЮ НОЧЬ.

Картина граф. Эдмунда Кановльда, (Edmund Kanoldt, p. 1835).

СПЯЩАЯ ТИТАНІЯ И ОБЕРОНЪ.

Картина извѣстнаго нѣмецкаго художника, профессора Поля Тумана (Paul Thumann, род. 1834).

УСЫПЛЕНІЕ ТИТАНІИ и ПРЕВРАЩЕНІЕ ОСНОВЫ.

Картина извѣстнаго нѣмецкаго живописца, профессора Эдуарда-Стейнле (Eduard Steinle 1810—1886).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Та же часть лѣса.

Титанія *спитъ*. *Входятъ* Пигва, Буравъ, Основа, Флейта, Рыло *и* Выдра.

Основа. Всѣ ли мы собрались?

Пигва. Хорошо! хорошо!.. Да, здѣсь чрезвычайно подходящее мѣсто для нашей репетиціи. Эта зеленая лужайка будетъ нашей сценой, этотъ кустъ боярышника — нашей уборной; и мы разыграемъ нашу пьесу точь-въ-точь какъ передъ герцогомъ.

Основа. Питеръ Пигва!

Пигва. Что тебѣ, самонадѣянный Основа?

Основа. Есть вещи въ этой комедіи Пирама и Ѳисби, которыя вовсе не понравятся. Во-первыхъ, Пирамъ долженъ обнажить мечъ, чтобы убить себя—этого дамы не могутъ вынести. Что ты на это скажешь?

Рыло. Клянусь—это въ самомъ дѣлѣ опасно.

Выдра. Я полагаю, что при концѣ представленія убійство можно и выпустить.

Основа. Ничуть! У меня есть хитрость, которая все уладитъ. Напишите мнѣ прологъ и пусть въ этомъ прологѣ будетъ сказано, что мы вовсе не хотимъ вредить на-

ПРЕВРАЩЕННЫЙ ОСНОВА И ПИГВА.

Силуэтъ Поля Коневки (Paul Konewka).

Который никогда усталости не знаетъ!
Приду къ тебѣ, Пирамъ, къ Нинушѣ на
могилу!

Пигва. *Къ Нину на могилу*, любезный! Но вамъ еще рано это говорить: этимъ стихомъ вы должны отвѣчать Пираму. Вы выговариваете вашу роль всю сплошь и не дожидаетесь реплики. Пирамъ входитъ; вы кончаете этими словами: *усталости не знаетъ.*

Возвращается Пукъ *невидимый и* Основа *съ ослиной головой.*

Ѳисби.

И вѣрный мнѣ, какъ конь, вѣрнѣйшій изъ
коней,
Который никогда усталости не знаетъ!

Пирамъ.

Лишь для тебя Пирамъ прекраснымъ
быть желаетъ!

Пигва. О ужасъ! О, чудо! Здѣсь черти! Молитесь, господа! Спасайтесь, добрые люди! Помогите! *(Всѣ разбѣгаются).*

Пукъ.

Теперь пойду за вами и заставлю
Васъ поплутать порядкомъ чрезъ
кусты,
Чрезъ тернія, чрезъ чащу и болота.
Я буду вамъ являться каждый мигъ
То лошадью, то свинкой, то собакой,
Медвѣдемъ безголовымъ, то огнемъ,
И буду ржать и хрюкать, и урчать,
Рычать и жечь, при каждой перемѣнѣ,
То лошади, то свинкѣ, то собакѣ,
То пламени, то хищному медвѣдю
Со всѣмъ моимъ искусствомъ подражая.

(Уходитъ).

Основа. Куда же это они разбѣжались? А! это штука: они хотятъ испугать меня.

Возвращается Рыло.

Рыло. О, Основа! ты превращенъ: что это я вижу на тебѣ?

Основа. Что вы видите? вы видите ослиную голову, такую же, какъ ваша—не такъ ли?

Возвращается Пигва.

Пигва. Да защититъ тебя небо, Основа! да защититъ тебя небо: ты превращенъ!

(Рыло и Пигва убѣгаютъ).

Основа. Я понимаю ихъ хитрость: они хотятъ сдѣлать видъ, что принимаютъ меня за осла и испугать, если можно; но я не сойду съ этого мѣста, что бы они ни дѣлали; я буду здѣсь прогуливаться взадъ и впередъ; я буду пѣть, чтобы они слышали, что я не испугался.

(Поетъ).

И черный дроздъ съ оранжевымъ носкомъ,
И сѣрый дроздъ съ пріятнымъ голоскомъ,
И королекъ съ коротенькимъ пушкомъ...

Титанія *(пробуждаясь).*

О, кто меня, какъ геній, пробуждаетъ?

Основа *(поетъ).*

И зябликъ, и щегленокъ,
И звонкій жаворонокъ.

И сѣрая пеструшка—
Несносная кукушка,
Которая весь вѣкъ
Все то же повторяетъ;
Ей внемлетъ человѣкъ,
Хоть вѣрить не желаетъ.

Впрочемъ, кто же захочетъ терять свои слова для такой глупой птицы? Кто захочетъ доказывать птицѣ, что она вретъ, хоть бы она цѣлый вѣкъ кричала: „ку-ку!“

Титанія.

О, спой еще, прекраснѣйшій изъ смертныхъ:
Мой слухъ влюбленъ въ твой чудный голосокъ,
Какъ влюблены мои глаза въ твой образъ,
Ты силою своихъ прекрасныхъ качествъ
Влечешь меня невольно и признаться,
И клятву дать, что я тебя люблю!

Основа. Мнѣ кажется, сударыня, что съ вашей стороны не слишкомъ благоразумно любить меня. Впрочемъ, сказать правду, въ нынѣшнее время любовь и благоразуміе рѣдко ходятъ рука-объ-руку, и, право, достойно сожалѣнія, что какой-нибудь честный сосѣдъ не возьметъ на себя труда подружить ихъ. Видите ли, что я умѣю и пошутить при случаѣ.

ТИТАНІЯ ВОСХИЩЕННАЯ ПѢНІЕМЪ ОСНОВЫ.
Силуэтъ Поля Коневки (Paul Kanewka).

Титанія.

Ты такъ уменъ, какъ и красивъ собою!

Основа. Ни то, ни другое. Но если бы я имѣлъ настолько ума, чтобы выйти изъ этого лѣса, мнѣ было бы достаточно его для собственнаго обихода.

Титанія.

О, не желай изъ лѣса выходитъ!
Я не пущу: ты долженъ здѣсь остаться.
Я эльфа и породы не простой.
Весна всегда живетъ въ моихъ владѣньяхъ.
Люблю тебя, останься же со мной!
Я дамъ тебѣ прекрасныхъ эльфъ въ услугу,
И для тебя онѣ пойдутъ искать
На днѣ морскомъ каменья дорогіе
И будутъ пѣть и пѣсней усыплять
На берегу, усыпанномъ цвѣтами.
И смертную природу я въ тебѣ
Очищу такъ, что будешь ты подобенъ
Воздушному, безплотному созданью.
Скорѣй, Горохъ Душистый, Паутинка,
Моль, Зернышко Горчичное, сюда!

Являются четыре эльфы.

Первая эльфа.

Я здѣсь!

Вторая эльфа.

И я!

Третья эльфа.

И я!

Четвертая эльфа.

Что намъ прикажешь?

Титанія.

Любезными прошу быть съ этимъ **смертнымъ.**
Всѣ прыгайте, рѣзвитесь передъ нимъ,
Его кормить несите абрикосы,

ЭЛЬФЫ ПРИВѢТСТВУЮТЪ ОСНОВУ.

Рисунокъ Джильберта.

Въ ихъ ужасѣ столь сильномъ; ложный страхъ
Способствовалъ безжизненнымъ предметамъ
Еще сильнѣй вредить имъ и пугать;
Терновникъ и шиповникъ за одежды
Хватали ихъ, при чемъ рукавъ иль шляпу
Бѣгущіе покинуть торопились.
Такъ, преданныхъ безумному ихъ страху,
Я разогналъ ихъ всѣхъ, оставя здѣсь
Прекраснаго Пирама въ превращеньи.
Межъ тѣмъ, какъ я тамъ съ ними хлопоталъ,
Проснулася царица и тотчасъ же
Влюбилася до крайности въ осла.

ОБЕРОНЪ.

Исполнилось все лучше, чѣмъ я думалъ.
Пустилъ ли ты аѳинянину въ очи
Волшебный сокъ, какъ я тебѣ велѣлъ?

ПУКЪ.

Да, я его нашелъ, когда онъ спалъ
Недалеко отъ юной аѳинянки;
Когда же онъ проснется, то она
Его глазамъ предстанетъ поневолѣ.

Входятъ ДЕМЕТРІЙ *и* ГЕРМІЯ.

ОБЕРОНЪ.

Тс! замолчи! Вотъ онъ идетъ сюда!

ПУКЪ.

Да, дѣва та, но съ ней другой мужчина.

ДЕМЕТРІЙ.

О, для чего отталкиваешь ты
Того, кто такъ тебя безумно любитъ?
Смертельнаго врага ты мучай такъ,
А не меня!

ГЕРМІЯ.

Пока я упрекала;
Но я боюсь, чтобъ ты не заслужилъ
Не только что упрека, не проклятья!
О, если ты убилъ во время сна
Лизандера? Его облитый кровью,
Ты погрузись вполнѣ въ моей крови:
Убей меня! Нѣтъ, солнце не бывало
Такъ вѣрно дню, какъ вѣренъ былъ Лизандеръ
Своей любви! О, нѣтъ—уйдетъ ли онъ

Отъ Герміи уснувшей? Я повѣрю
Скорѣй тому, что скоро шаръ земной
Просверлится насквозь и что въ отверстье
Скользнетъ луна до самыхъ антиподовъ,
Чтобъ въ полдень тамъ явить свой блѣдный ликъ
И оскорбить пылающее солнце.
О, вѣрно ты Лизандера убилъ:
Ты страшенъ мнѣ, ты смотришь, какъ убійца!

ДЕМЕТРІЙ.

О, такъ, какъ я, убитый только смотритъ!
Да, я убитъ жестокостью твоей,
А ты, мой врагъ, убійца мой прекрасный,
Горишь звѣздой плѣнительной Венеры,
Вотъ что горитъ на ясныхъ небесахъ!

ГЕРМІЯ.

Что общаго съ Лизандеромъ моимъ
Въ твоихъ словахъ? О, добрый мой Деметрій!
Гдѣ онъ? отдай его моей любви!

ДЕМЕТРІЙ.

Я трупъ его скорѣй отдамъ собакамъ!

ГЕРМІЯ.

Прочь отъ меня, прочь злобная собака!
Мою ты скромность вывелъ изъ предѣловъ.
Да, ты убилъ Лизандера? Отнынѣ
Будь исключенъ изъ общества людского!
Не мучь меня: вѣдь, ты убилъ его?
Прошу, скажи хотя однажды правду!
Когда бы онъ не спалъ, ты не посмѣлъ бы
Ему въ лицо взглянуть; но ты напалъ
На соннаго. Какъ храбро поступилъ ты!
Лишь гадина могла такъ поступить!
Да, ты змѣя; но и змѣѣ едва ли
Когда случалось злѣй чѣмъ ты ужалить.

ДЕМЕТРІЙ.

Ты сердишься напрасно: я невиненъ,
Лизандера я кровь не проливалъ
И не слыхалъ, что твой Лизандеръ умеръ.

ГЕРМІЯ.

Молю тебя, скажи мнѣ, что онъ живъ!

ДЕМЕТРІЙ.

Какая жъ ждетъ меня за то награда?

ГЕРМІЯ.

Не видѣться со мною никогда!
Присутствіе твое мнѣ ненавистно!
Живъ онъ, иль нѣтъ, я не хочу, чтобъ ты
Мнѣ на глаза являлся.

(Уходитъ).

ДЕМЕТРІЙ.

Безполезно
Ее теперь преслѣдовать: она
Разсержена ужасно. Постараюсь
Здѣсь отдохнуть немножко: я усталъ.
Печаль еще становится несноснѣй,
Когда ей сонъ, должникъ неаккуратный,
Откажется уплачивать свой долгъ.
Попробую, быть можетъ, онъ уплатитъ
Хоть что-нибудь: здѣсь подожду его.

(Ложится и засыпаетъ).

ОБЕРОНЪ.

Что сдѣлалъ ты: ты все перемѣшалъ!
Ты вѣрному любовнику влилъ соку,
И отъ твоей ошибки—посмотри:
Кто вѣрнымъ былъ, тотъ сдѣлался невѣрнымъ.

ПУКЪ.

Ужъ, видно, такъ устроено судьбой:
На одного, кто вѣрнымъ остается,
Есть милліонъ вздыхателей невѣрныхъ,
Тьму ложныхъ клятвъ которые даютъ!

ОБЕРОНЪ.

Ну, обѣги весь лѣсъ быстрѣе вѣтра
И отыщи Елену изъ Аѳинъ.
Она больна; ея ланиты блѣдны;
Отъ вздоховъ и отъ пламенной любви
Исчезла въ ней вся свѣжесть юной крови.
Какимъ-нибудь обманомъ приведи
Ее сюда, а я здѣсь очарую
Его глаза, пока она придетъ.

ПУКЪ *(убѣгая)*.

Бѣгу, бѣгу! Смотрите, какъ бѣгу—
Быстрѣй стрѣлы, татариномъ спущенной.

ОБЕРОНЪ

(выжимая цвѣтокъ на глаза Деметрія).

Купидономъ пораженный,
Чудный, пурпурный цвѣтокъ,
На покровъ очей смеженный
Испусти волшебный сокъ—
И имъ брошенная дѣва
Пусть блеснетъ въ его очахъ
Какъ Венера въ небесахъ!

Когда придетъ Елена, ты проснись
И всей душой въ прекрасную влюбись!

ПУКЪ *возвращается*.

ПУКЪ.

Толпы волшебной властелинъ,
Елена близко. Вмѣстѣ съ нею

ПИГВА И РЫЛО, ПОРАЖЕННЫЕ ПРЕВРАЩЕНІЕМЪ ОСНОВЫ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Идетъ аѳинянинъ одинъ;
Тотъ, что ошибкою моею,
Проснувшись, сталъ ее любить—
И умоляетъ онъ Елену
Его любовь вознаградить.
Увидимъ мы смѣшную сцену.
Какъ глупы люди—погляди!

Оберонъ.

Молчи и дальше отойди;
Ихъ шумъ Деметрія разбудитъ.

Пукъ.

Здѣсь разомъ два влюбленныхъ будетъ.
О, какъ забавно, какъ смѣшно!
Меня ничто не забавляетъ
Сильнѣй того, какъ заодно
Нелѣпость съ глупостью бываетъ!

Входятъ Лизандеръ *и* Елена.

Лизандеръ.

Ты думаешь, что я лишь насмѣхаюсь,
Твою любовь вымаливая—нѣтъ!
Бываютъ ли насмѣшки со слезами?
Смотри, когда клянусь тебѣ—я плачу:
Мои слова рождаются въ слезахъ,
Въ ихъ истинѣ порукой ихъ рожденье.
Какъ можешь ты предполагать насмѣшку,
Когда въ глазахъ ты видишь знакъ того,
Какъ я въ моихъ словахъ чистосердеченъ?

Елена.

Все дальше хитрость вы свою ведете.
Какъ тяжела борьба двухъ клятвъ бываетъ,
Когда одна другую убиваетъ!
Для Герміи храните ваши клятвы:
Онѣ—ея? откажетесь ли вы?
Попробуйте вы взвѣсить клятву клятвой—
И вѣсу въ ней не будетъ. Такъ обѣтъ,
Который вы и мнѣ, и ей даете,
Коль положить въ двѣ чашечки вѣсовъ,
То ни одна изъ нихъ не перевѣситъ:
Онѣ легки останутся, какъ сказки.

Лизандеръ.

Когда я ей клялся, разсудокъ мой
Былъ не со мной.

ЕЛЕНА.

Онъ и теперь не съ вами,
Когда отъ прежнихъ клятвъ вы отречетесь.

ЛИЗАНДЕРЪ.

Пусть Гермію Деметрій любитъ; васъ
Не любитъ онъ.

ДЕМЕТРІЙ (*просыпаясь*).

Елена! О, богиня!
О, нифиа водъ! О, чудо совершенства!
Съ чѣмъ я могу сравнить твои глаза?
Съ кристаллоиъ?—нѣтъ, кристаллъ нечистъ
и мутенъ.
О, какъ на видъ твои созрѣли губки—
Какъ вишенки: зачѣиъ онѣ растутъ?
Чтобъ возбуждать желанье къ поцѣлую.
О, бѣлизна снѣговъ оледенѣлыхъ,
Ласкаемыхъ восточными вѣтрами
И покрывающихъ высокій Тавръ,
Мнѣ кажется чернѣй пера вороны,
Когда свою ты руку поднимаешь!
Елена, о, позволь поцѣловать
Ее печать небеснаго блаженства,
Владычицу чудесной бѣлизны!

ЕЛЕНА.

О, хитрость! адъ! Вы сговорились всѣ,
Чтобъ надо мной жестоко насмѣхаться.
О, если бы приличье знали вы—
Вы оскорблять не стали бы такъ сильно
Несчастную! Да, мнѣ давно извѣстно:
Вы ненависть питаете ко мнѣ;
Но нужно ль вамъ еще соединяться,
Чтобъ тяжко такъ смѣяться надо мной?
О, если бы вы были точно люди—
Какъ кажетесь по виду —о, тогда
Не стали бъ вы, конечно, обращаться
Такъ съ женщиной смиренною и тихой,
Не стали бъ мнѣ давать такъ много клятвъ
И восхвалять достоинства мои
До крайности, когда я вѣрно знаю,
Что вы меня не терпите всѣмъ сердцемъ.
Соперники вы были по любви,
Соперники теперь вы по насмѣшкѣ.
Насмѣшками своими вызывать
У дѣвушки несчастной, бѣдной слезы...
Какъ доблестенъ, какъ храбръ поступокъ
вашъ!
О, нѣтъ, въ комъ есть хоть искра благо-
родства,
Не станетъ тотъ такъ забавлять себя
И выводить бѣдняжку изъ терпѣнья!

ЛИЗАНДЕРЪ.

Деметрій, вы жестоки перестаньте!
Вѣдь Гермію вы любите, я знаю —
Я отъ души и сердца моего
Передаю вамъ всѣ мои права
На Гермію, а вы мнѣ уступите
Свои права на чудную Елену,
Которую я всей душой люблю
И буду вѣкъ любить.

ЕЛЕНА.

О, никогда
Насмѣшники такъ нагло не сиѣялись!

ДЕМЕТРІЙ.

Нѣтъ, Гермію оставь себѣ, Лизандеръ:
Она мнѣ не нужна, и если я
Ее любилъ—моя любовь прошла.
У Герміи мое гостило сердце,
Теперь—оно къ Еленѣ, какъ въ свой домъ,
Пришло назадъ навѣки поселиться!

ЛИЗАНДЕРЪ.

Не вѣрь ему, Елена!

ДЕМЕТРІЙ.

Не дерзай
Оспаривать, чего ты самъ не знаешь,
Иль дорого заплатишь ты за дерзость.

Входитъ ГЕРМІЯ.

ГЕРМІЯ.

Отнявъ у глазъ способность зорко видѣть,
Ночь мрачная усиливаетъ слухъ
И дѣлаетъ чувствительнѣе звуки.
Ночь, зрѣніе ослабивъ, награждаетъ
Насъ тѣмъ, что слухъ удвоиваетъ въ насъ.
Я не глазамъ обязана, а уху
Тѣмъ, что тебя, Лизандеръ, здѣсь нашла:
Я шла сюда на голосъ твой. Жестокій,
Зачѣмъ меня оставилъ ты одну?

ЛИЗАНДЕРЪ.

А могъ ли тотъ съ тобою оставаться,
Кого любовь гнала прочь отъ тебя?

ГЕРМІЯ.

Какая же любовь тебя гнала
Отъ Герміи?

ЛИЗАНДЕРЪ.

Лизандера любовь!
Лизандера любовь не позволяла
Съ тобой мнѣ быть; любовь его къ Еленѣ,
Которая блеститъ во тьмѣ ночной,
Сильнѣй очей небесныхъ—чудныхъ звѣздъ!
Зачѣмъ меня ты ищешь? Не могла ли
Ты разгадать, что ненависть моя
Заставила меня тебя покинуть?

ГЕРМІЯ.

Не то, что думаешь, ты говоришь;
Не можетъ быть!

Елена.

Смотрите—и она
Къ нимъ въ заговоръ вступила. О, я вижу,
Они втроемъ здѣсь собрались затѣмъ,
Чтобъ надо мной жестоко забавляться!
Неблагодарная, коварная подруга,
Не ты ли все устроила, скажи,
Чтобы меня измучить глупой шуткой?
О, Гермія! забыла ты мечты,
Которыя дѣлили мы съ тобою,
Привязанность взаимную, часы,
Которые вдвоемъ мы проводили
И быстроту ихъ обвиняли въ томъ,
Что насъ они такъ скоро разлучали.
Уже ли все забыто: наша дружба
И дѣтская невинность? Помнишь, мы
Одинъ цвѣтокъ съ тобою вышивали,
Какъ двѣ богини, по одной канвѣ;
Всегда сидѣли на одной подушкѣ,
Одну и ту же пѣсню напѣвая,
Какъ будто въ насъ и руки, и тѣла,
И голоса, и души были слиты?
О! мы росли, какъ вишенка двойная,
Что раздвоенной кажется на взглядъ,
Но связана однимъ и тѣмъ же стеблемъ.
Какъ ягодки согласныя растутъ
На стебелькѣ единомъ, такъ и мы—
Хоть съ виду были двѣ, однако сердце
Мы общее имѣли. Какъ въ гербѣ,
Хотя и есть два поля—оба поля,
Принадлежа единому щиту,
Увѣнчаны нашлемникомъ единымъ:
Такъ мы съ тобой—и прежнюю любовь,
О, Гермія, ты хочешь уничтожить!
Съ мужчинами соединилась ты,
Чтобъ надъ своей подругой насмѣяться.
Не дружескій, не дѣвственный поступокъ!
Весь женскій полъ со мною заодно
Тебя винить—повѣрь—за это будетъ,
Хоть я одна тобой оскорблена.

Гермія.

Меня твои упреки удивляютъ!
Я не смѣюсь, но кажется, что ты
Намѣрена смѣяться надо мною.

Елена.

Лизандера не ты ль уговорила,
Въ насмѣшку мнѣ, послѣдовать за мной
И восхвалять мое лицо и очи?
А твой другой возлюбленный, Деметрій,
Который такъ недавно отгонялъ
Меня ногой, не по твоей ли волѣ
Зоветъ меня безцѣнной, божествомъ,
Небесною и нимфой несравненной?
Зачѣмъ бы сталъ такъ говорить онъ той,
Которую онъ сердцемъ ненавидитъ?
Зачѣмъ бы сталъ Лизандеръ отрекаться
Отъ прошлаго и отъ твоей любви,
Которая вселилась такъ глубоко
Въ его душѣ? Зачѣмъ свою любовь
Онъ предлагать мнѣ сталъ бы? Безъ сомнѣнья,
Все съ твоего согласья. Если я
Не такъ, какъ ты, прекрасна и счастлива,
И не влеку, какъ ты, къ себѣ сердецъ,
Напротивъ же люблю—и нелюбима,
О, Гермія, несчастіе мое
Въ тебѣ вселить должно бы не презрѣнье,
А жалость.

Гермія.

Нѣтъ, не понимаю я,
Что хочешь ты сказать.

Елена.

О, притворяйся
Печальною! Прекрасно! продолжай!
О, дѣлайте гримасы и другъ другу
Примаргивать съ улыбкой продолжайте,
Когда спиной я обращаюсь къ вамъ;
Всѣ поддержать старайтесь вашу шутку:
Въ ней много есть забавнаго; она
Такъ сыграна, что перейдетъ въ потомство.
О, если бы въ васъ было сожалѣнье,
Привѣтливость иль благородство, вы
Не сдѣлали бъ меня предметомъ шутокъ!
Прощайте. Я отчасти виновата;
Но смерть или отсутствіе мое
Мою вину исправятъ очень скоро.

Лизандеръ.

Остановись и дай мнѣ оправдаться!
Моя любовь, моя душа и жизнь—
Чудесная Елена!

Елена.

Превосходно!

Гермія.

Ну, перестань, не оскорбляй ее.

Деметрій.

Когда она не можетъ упросить,
То я могу принудить.

Лизандеръ.

Ты принудить,
Меня, повѣрь, не можешь, а она
Меня равно не можетъ упросить.
Повѣрь, твои угрозы не сильнѣе
Ея безсильнаго моленья. О, Елена,
Клянусь тебѣ, что я тебя люблю!
Клянусь тебѣ я жизнью—это правда!
Той жизнію, которой я готовъ

Пожертвовать, чтобъ только доказать,
Что тотъ солгалъ, кто утверждать дерзаетъ,
Что будто бы я не люблю тебя.

ДЕМЕТРІЙ.

Я говорю, что я люблю Елену,
И болѣе, чѣмъ можешь ты любить.

ЛИЗАНДЕРЪ.

О, если такъ, пойдемъ—и докажи мнѣ.

ДЕМЕТРІЙ.

Сейчасъ; идемъ...

ГЕРМІЯ *(удерживая Лизандера).*

О, что все это значитъ?
Лизандеръ, объясни!

ЛИЗАНДЕРЪ.

Прочь эѳіопка!

ДЕМЕТРІЙ.

Довольно, другъ, хитрить и притворяться!
Для виду лишь ты рвешься изъ объятій
И показать стараешься притворно,
Что хочешь вслѣдъ итти—и не пойдешь.
О, знаю я тебя: ты смирный воинъ!

ЛИЗАНДЕРЪ *(Герміи).*

Не вѣшайся, несносная ты кошка!
Оставь меня свободнымъ, злая тварь!
Иль я тебя отброшу, какъ змѣю,
Прочь отъ себя!

ГЕРМІЯ.

Зачѣмъ такая строгость?
О, милый мой, что сдѣлалось съ тобой?

ЛИЗАНДЕРЪ.

Твой милый? Прочь, прочь, смуглая татарка,
Прочь, кислое лѣкарство, прочь микстура!

ГЕРМІЯ.

Ты шутишь?

ЕЛЕНА.

Да, онъ шутитъ, какъ и ты.

ЛИЗАНДЕРЪ.

Деметрій, я сдержу, что обѣщался.

ДЕМЕТРІЙ.

Чосмотримъ, докажи. Я замѣчаю,
Что слабыхъ узъ довольно для того,
Ттобы тебя сдержать—и я не вѣрю
Пвоимъ словамъ.

ЛИЗАНДЕРЪ.

Не хочешь ли, чтобъ я
Ее побилъ, иль ранилъ, иль до смерти
Ее убилъ? Я не хочу ей зла,
Хотя ее и ненавижу.

ГЕРМІЯ.

Боже,
Мнѣ ненависть твоя сильнѣй всѣхъ золъ!
Какъ—ненависть? ко мнѣ? Скажи, за что же?
О, что съ тобой, мой милый? Развѣ я
Не Гермія? ты развѣ не Лизандеръ?
Не такъ ли я, какъ прежде, хороша?
Какъ, въ ту же ночь любить меня и бросить!
Да, бросилъ ты меня! О, боги, боги!
Не дайте мнѣ увѣриться, что правду
Я говорю!

ЛИЗАНДЕРЪ.

Да, правду: я клянусь
Въ томъ жизнію! Да, я тебя оставилъ
Съ намѣреньемъ не видѣть никогда;
А потому ты можешь отказаться
Отъ всѣхъ надеждъ, вопросовъ исомнѣній.
Да, я люблю Елену, а къ тебѣ
Я ненависть питаю—и повѣрь,
Что истина все это, а не шутка.

ГЕРМІЯ *(Елену).*

Обманщица! червь, спрятанный въ цвѣткѣ!
Воровка! Ты сюда прокралась ночью,
Чтобъ милаго похитить у меня.

ЕЛЕНА.

Какъ хорошо! Нѣтъ болѣе въ тебѣ
Ни чистоты, ни скромности дѣвичьей,
И искры нѣтъ стыда въ твоихъ поступкахъ,
Иль хочешь ты изъ устъ моихъ смиренныхъ
Потокъ укоровъ пламенныхъ извлечь?
Стыдись, дрянная кукла!

ГЕРМІЯ.

Кукла! Я?
Что хочешь ты сказать? А, понимаю,
Откуда ты названіе взяла!
О, я теперь все дѣло понимаю:
Она меня унизить ростомъ хочетъ,
Сравнивъ мой ростъ съ своимъ, которымъ такъ
Ты чванишься. Наружностью своею,
Высокою фигурой—знаю я—
Она его плѣнила. Неужели
Ты оттого такъ стала высоко
Въ его любви? Уже-ль я такъ мала?
Ну, отвѣчай, раскрашенная жердь!
Уже-ль я такъ мала? О, нѣтъ, не думай!
Нѣтъ, я не такъ мала, чтобъ не достать
До глазъ твоихъ ногтями.

ЕЛЕНА.

Господа,
Хотя и вы смѣетесь надо мною,
Но я прошу васъ—не давайте ей
Вредить мнѣ. Я совсѣмъ не зла—повѣрьте,
И ссориться привычки не имѣю.
По робости, я дѣвушка вполнѣ;
Меня побить ее не допускайте.
Не думайте, чтобъ я могла найти
Въ самой себѣ отъ Герміи защиту,
Хотя она и меньше.

ГЕРМІЯ.

Какъ! Опять
Ты говоришь о ростѣ!

ЕЛЕНА.

Не сердись,
О, Гермія! Не будь ко мнѣ жестока!
Ты помнишь, вѣдь, къ тебѣ всегда любовь
Питала я и тайны всѣ твои
Хранила вѣкъ. Я предъ тобой чиста!
Теперь въ одномъ я только провинилась,
Что, изъ любви къ Деметрію, сказала,
Что вы ушли тихонько въ этотъ лѣсъ.
Деметрій мой послѣдовалъ за вами,
А я за нимъ любовью увлеклась;
Но, оттолкнувъ, онъ угрожалъ меня
Прибить, прогнать, ногами растоптать
Или убить. Теперь, когда хотите
Меня домой пустить, я отнесу
Въ Аѳины страсть безумную обратно
И болѣе не буду вамъ мѣшать.
Позвольте же теперь мнѣ удалиться.
Вы видите, какъ я проста, глупа.

ГЕРМІЯ.

Ну, что жъ тебя удерживаетъ?

ЕЛЕНА.

Сердце,
Которое я оставляю здѣсь.

ГЕРМІЯ.

Съ Лизандеромъ?

ЕЛЕНА.

Съ Деметріемъ.

ЛИЗАНДЕРЪ.

Елена,
Она тебѣ не смѣетъ сдѣлать зла:
Ты можешь быть покойна.

ДЕМЕТРІЙ.

О, конечно!
Хотя бъ и ты соединился съ ней—
Вы сдѣлать зла не смѣете Еленѣ.

ЕЛЕНА.

Когда она разсердится, ужасно
Бываетъ зла. Еще какъ были въ школѣ —
Она была драчуньей. Я боюсь,
Хотя она мала.

ГЕРМІЯ.

Опять „мала"—
Опять меня ты ростомъ попрекаешь!
Дозволите ль меня такъ оскорблять?
Пустите къ ней!

ЛИЗАНДЕРЪ.

Прочь, карлица, прочь, крошка,
Зачатая на маточной травѣ!
Прочь, брусника! прочь, желудь!

ДЕМЕТРІЙ.

Ну, Лизандеръ,
Не слишкомъ ли услужливъ ты для той,
Которая услугъ твоихъ не проситъ?
Оставь ее, не говори о ней,
Не защищай Елены. Если смѣешь
Ты оказать хоть каплю къ ней любви,
Ты дорого заплатишь!

ЛИЗАНДЕРЪ.

Я свободенъ:
Она меня не держитъ. Ну, теперь
Иди за мной скорѣе, если смѣешь.
Кто больше правъ имѣетъ на Елену—
Увидимъ.

ДЕМЕТРІЙ.

Какъ? Мнѣ за тобой итти?
Я предъ собой тебѣ не дамъ ни шага?

(Деметрій и Лизандеръ уходятъ).

ГЕРМІЯ.

И вы однѣ, сударыня, причиной
Всѣхъ этихъ непріятностей. Куда?
Останьтесь здѣсь!

ЕЛЕНА.

Я вамъ не довѣряю,
И съ вами здѣсь остаться не хочу.
Когда дойдетъ до драки, ваши руки
Быстрѣй моихъ; но ноги у меня,
Чтобы бѣжать, длиннѣй гораздо вашихъ.

(Убѣгаетъ).

ГЕРМІЯ.

Не нахожусь, не знаю, что сказать!

(Бѣжитъ за Еленой).

ОБЕРОНЪ.

Вотъ слѣдствія оплошности твоей!

И всякій разъ ты промахи творишь.
Иль просто ты умышленно плутуешь.

Пукъ.

Ошибся я—повѣрь мнѣ, царь тѣней!
Не ты ли мнѣ сказалъ, что по костюму
Аѳинскому узнаю я того,
Кого ищу? И, право, мой поступокъ
Не заслужилъ упрековъ! Развѣ я
Не покропилъ аѳинянина очи?
Отчасти я ошибкѣ даже радъ:
Ихъ ссора намъ доставила забаву.

Оберонъ.

Соперники, однако, ищутъ мѣста,
Чтобъ драться. Ну, ступай скорѣе, Робинъ,
Спѣши, удвой тьму ночи; звѣздный сводъ
Покрой густымъ туманомъ, столь же мрачнымъ,
Какъ Ахеронъ, и разведи сейчасъ
Двухъ вспыльчивыхъ соперниковъ, но такъ,
Чтобы одинъ не могъ другого встрѣтить:
То голосомъ Лизандера дразни
Деметрія язвительной насмѣшкой;
То голосомъ Деметрія серди
Лизандера—и такъ ихъ другъ отъ друга
Удерживай до той поры, пока
На ихъ чело сонъ, подражатель смерти,
Надвинется свинцовою стопой
И ихъ своимъ крыломъ нетопыринымъ
Прикроетъ. Ты пусти тогда въ глаза
Лизандеру сокъ этой чудной травки:
Въ ней свойство есть въ глазахъ уничтожать
Постигшій ихъ обманъ иль ослѣпленье
И прежнюю способность возвращать,
Когда они проснутся, эта шутка
Покажется имъ сномъ, пустымъ видѣньемъ,
Соперники въ Аѳины возвратятся,
И свяжутъ ихъ сердца такія узы,
Которыя разрушитъ только смерть.
Ступай—пока исполни это дѣло,
А я пойду къ царицѣ, и у ней
Я выпрошу индійскаго ребенка.
Потомъ сниму я съ глазъ ея тѣ чары,
Которыми прикована она
Къ чудовищу—и всюду водворится
Спокойствіе.

Пукъ.

О, повелитель эльфовъ,
Намъ слѣдуетъ, однако, поспѣшить.
Ужъ облака драконы черной ночи
Всей силою стремятся разсѣкать,
Ужъ тамъ блеститъ предвѣстница Авроры,
И, чувствуя, что скоро будетъ свѣтъ,
Спѣшатъ толпой блуждающія тѣни
На кладбище. Всѣ проклятыя души,
Которыя могилу обрѣли
Въ волнахъ иль на дорогахъ перекрестныхъ,
Ужъ улеглись на ложа изъ червей.
Страшись, чтобъ день ихъ страшнаго позора
Не озарилъ, отъ радостнаго дня
Они себя изгнали добровольно
И тьмѣ ночей навѣки обреклись.

Оберонъ.

Но мы съ тобой другого рода духи:
Съ поклонникомъ Авроры мнѣ не разъ
Случалося въ лѣсу здѣсь забавляться.
Я обѣгалъ съ нимъ рощи, какъ лѣсничій,
До той поры, пока врата Востока,
Всѣ красные, какъ будто бы въ огнѣ,
Разверзнувшись широко, начинали
Свои лучи въ Нептуна погружать
И покрывать чудесно-желтымъ златомъ
Соленыя, зеленыя струи.
Но поспѣши, однако, и не мѣшкай—
До утра мы успѣемъ кончить все.

(Уходятъ).

Пукъ.

И сюда и туда, и туда и сюда,
Я ихъ всѣхъ поведу и сюда и туда.
Не деревни однѣ, но и всѣ города,
Всѣ боятся меня, всѣмъ я страшенъ всегда.

Ну, шалунъ, поводи ихъ туда и сюда!
А, вотъ одинъ!

Входитъ Лизандеръ.

Лизандеръ.

Ну, гдѣ же ты, Деметрій?
Надменный, гдѣ ты—говори?

Пукъ.

Я здѣсь!
А, негодяй! Къ оружью, защищайся!
Гдѣ ты?

Лизандеръ.

Я здѣсь! Сейчасъ найду тебя.

Пукъ.

Иди сюда: здѣсь поровнѣе мѣсто!

(Лизандеръ уходитъ, слѣдуя за голосомъ).

Входитъ Деметрій.

Деметрій.

Лизандеръ, трусъ! Ну, говори опять!
Бѣглецъ! Ушелъ! Въ кустарникѣ ты, что ли?
Гдѣ голову свою ты спряталъ?

Пукъ.

Трусъ!
Ты лишь во тьмѣ храбришься предъ звѣз-
дами,
Кричишь кустамъ, что время бой начать,
А самъ нейдешь. Иди сюда, трусъ подлый,
Молокососъ! Я розгою тебя
Здѣсь высѣку; меча же не унижу:
Противъ тебя не обнажу его!

Деметрій.

Да гдѣ же ты?

Пукъ.

Иди за мной, на голосъ:
Удобнѣе здѣсь храбрость испытать.
(Уходятъ).

Лизандеръ *возвращается.*

Онъ отъ меня бѣжитъ и вызываетъ
Меня на бой. Когда я прихожу
На тѣ мѣста, куда меня онъ кличетъ,
Его тамъ нѣтъ. Да, этотъ негодяй
Быстрѣй меня. Хоть я довольно скоро
Гнался за нимъ, но онъ еще скорѣй
Бѣжалъ, чтобъ я не могъ его настигнуть.
Гнался, гнался и, наконецъ, попалъ
На темную, неровную дорогу.
Останусь здѣсь. Приди скорѣе, день!
(Ложится).
Лишь только ты блеснешь передо мною
Своимъ сѣдымъ лучемъ, я отыщу
Деметрія и отомщу обиду. *(Засыпаетъ).*

Пукъ *и* Деметрій *возвращаются.*

Пукъ.

Го-го-го-го! Трусъ! что же ты нейдешь?

Деметрій.

Дождись меня, когда дождаться смѣешь.
О, знаю я—ты отъ меня бѣжишь
И лишь мѣста мѣняешь безпрестанно,
Ни на одномъ не смѣя оставаться,
Чтобъ прямо мнѣ въ лицо взглянуть. Гдѣ ты?

Пукъ.

Поди сюда! я здѣсь.

Деметрій.

Ты надо мной смѣешься.
Но дорого заплатишь ты за то,
Когда тебя при свѣтѣ дня я встрѣчу.
Теперь ступай дорогою своей.
Я вынужденъ усталостью измѣрить
Всѣмъ корпусомъ холодную постель.
Лишь только день настанетъ—жди меня!
(Ложится и засыпаетъ).

Входитъ Елена.

Елена.

Ночь скучная, меня ты утомила!
Ночь длинная, убавь свои часы!
О, заблести скорѣе на востокѣ,
Отрадный день! При чудномъ свѣтѣ дня
Я возвращусь въ Аѳины и оставлю
Тѣхъ, для кого присутствіе мое
Несносно такъ! Ты, благодатный сонъ,
Смежающій порой глаза страданью,
О, помоги забыться хоть на мигъ!
(Ложится и засыпаетъ).

Пукъ.

Только трое ихъ покуда;
Пусть еще придетъ одна—
По два будь обоихъ половъ—
И четыре—всѣ сполна!
Вотъ она идетъ, бѣдняжка:
Какъ сердита, какъ грустна!
Купидонъ большой проказникъ:
Можно ль женщинъ такъ крушить?
Можно ль ихъ съ ума сводить?

Входитъ Гермія.

Гермія.

О, никогда я такъ не уставала
И никогда несчастнѣй не была!
Изорвана я вся колючимъ терномъ,
Измочена росой—и не могу
Ни двигаться, ни продолжать пути.
У ногъ моихъ нѣтъ силы покоряться
Желаніямъ моимъ. Останусь здѣсь
И отдохну, пока день загорится.
О, ежели сразиться должно имъ,
Пусть небеса Лизандеру помогутъ.
(Ложится и засыпаетъ).

Пукъ *(подходя къ Лизандеру).*

Спи, влюбленный, спи,
Спи глубокимъ сномъ:
Я глаза твои
Излѣчу цвѣткомъ!
(Выжимаетъ цвѣтокъ надъ Лизандеромъ).
И въ минуту пробужденья
Снова будешь ты имѣть
Въ полной мѣрѣ наслажденье—
Прежде милому творенью
Въ очи милыя глядѣть!
И надъ вами совершится,
Что въ народѣ говорится:
Всякъ будь царь своихъ владѣній;
Джонъ свою получитъ Дженни;
Все пойдетъ своимъ путемъ;
Будутъ всѣ съ своимъ конькомъ;
Все окончится добромъ! *(Уходитъ).*

ТИТАНІЯ ЗАСЫПАЕТЪ, ОБНЯВШИ ОСНОВУ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Тамъ же.

ДЕМЕТРІЙ, ЕЛЕНА, ЛИЗАНДЕРЪ *и* ГЕРМІЯ *спятъ.*

Входятъ ТИТАНІЯ *со свитой и* ОСНОВА. ОБЕРОНЪ *наблюдаетъ за ними издали.*

ТИТАНІЯ.

Поди, садись на ложе изъ цвѣтовъ!
Дай поласкать прекрасныя ланиты,
Дай розами убрать твою головку,
Столь мягкую, столь гладкую, позволь
Поцѣловать твои большія уши.
О, милый другъ!

ОСНОВА. Гдѣ Душистый Горошекъ?

ДУШИСТЫЙ ГОРОШЕКЪ. Здѣсь.

ОСНОВА. Почешите у меня въ головѣ, Душистый Горошекъ. Гдѣ госпожа Паутинка?

ПАУТИНКА. Здѣсь.

ОСНОВА. Госпожа Паутинка, любезная госпожа Паутинка, возьмите въ руки ваше оружіе и убейте мнѣ эту красноногую ди-

кую пчелку, что сидитъ на вершинѣ этого волчеца и затѣмъ, любезная госпожа Паутинка, принесите мнѣ ея медовый мѣшочекъ. Только не слишкомъ усердствуйте въ этомъ дѣлѣ, госпожа Паутинка, чтобы медовый мѣшочекъ не лопнулъ: мнѣ было бы непріятно увидѣть васъ, сударыня, облитою медомъ. Гдѣ господинъ Горчичное Зернышко?

Горчичное Зернышко. Здѣсь.

Основа. Дайте мнѣ вашу лапку, господинъ Горчичное Зернышко! Сдѣлайте одолженіе, перестаньте церемониться, любезный господинъ!

Горчичное Зернышко. Что вамъ угодно?

Основа. Ничего, любезный господинъ; помогите, однако, госпожѣ Паутинкѣ почесать у меня въ головѣ. Надо мнѣ сходить къ цырюльнику, любезный господинъ, а то, кажется мнѣ, я слишкомъ обросъ волосами на лицѣ. Я такой чувствительный оселъ, что если чуть защекочетъ меня волосъ, то я долженъ чесаться.

Титанія.

Не хочешь ли ты музыки послушать,
Мой милый другъ?

Основа. Да, у меня довольно хорошее ухо для музыки. Сыграйте-ка что-нибудь на варганѣ.

Титанія.

Не хочешь ли покушать ты чего?

Основа. Въ самомъ дѣлѣ! Я бы поѣлъ, я бы охотно поглоталъ хорошаго, сухого овсеца. Мнѣ кажется, что я имѣю также большое влеченіе къ вязанкѣ сѣна. Хорошее, сочное сѣно! что можетъ съ нимъ сравниться?

Титанія.

Есть у меня проворный эльфъ въ услугахъ.
У бѣлочки отыщетъ онъ запасъ
И принесетъ тебѣ орѣховъ свѣжихъ.

Основа. Я бы предпочелъ горсть или двѣ сухого гороху. Но сдѣлайте одолженіе, прикажите вашему народу оставить меня въ покоѣ. Я чувствую, что-то меня начинаетъ клонить ко сну.

Титанія.

Спи; вокругъ тебя я обовьюсь руками!
(Обнимаетъ Основу).
Вы, эльфы, всѣ ступайте по мѣстамъ.
(Эльфы уходятъ).
Такъ жимолость иль сладкій каприфолій
Высокій вязъ съ любовью обвиваютъ;
Такъ нѣжный плющъ кольцами огибаетъ
Покрытые корою пальцы вяза.
О, я тебя люблю, боготворю!
(Титанія и Основа, обнявшись, засыпаютъ).

Входитъ Пукъ.

Оберонъ *(приближаясь).*

А, мой Робинъ, здорово! Полюбуйся
На зрѣлище прекрасное. Во мнѣ,
Я признаюсь, рождаться начинаетъ
Къ безумію царицы состраданье.
За лѣсомъ съ ней я встрѣтился сейчасъ,
Когда она сбирала благовонья
Для этого презрѣннаго болвана.
Я тамъ ее порядкомъ пожурилъ.
Вѣнками изъ цвѣтовъ пахучихъ, свѣжихъ
Она его власатые виски
Придумала украсить—и росинки,
Которыя гордилися недавно
Тѣмъ, что блестятъ роскошно на цвѣтахъ,
Какъ круглыя жемчужины Востока,
Теперь лежатъ въ глазахъ цвѣтковъ, какъ слезы,
Которыя принуждены свой срамъ
Оплакивать. Когда я посмѣялся
Надъ нею вдоволь и когда она
Просить меня съ покорностію стала,
Чтобъ я ее простилъ, я у нея
Потребовалъ индійскаго ребенка.
Она его мнѣ тотчасъ уступила
И эльфу приказала отнести
Его въ мою волшебную бесѣдку.
Теперь онъ мой, и съ глазъ моей царицы
Я слѣпоту презрѣнную сниму.
Ты, милый Пукъ, аѳинскаго невѣжду
Отъ головы искусственной избавь.
Проснувшись, пусть воротится съ другими
Въ Аѳины онъ, и тамъ пускай они
Припоминаютъ всѣ объ этой ночи
Не иначе, какъ о видѣньяхъ сна.
Но прежде надо снять съ царицы чары.
(Выжимаетъ цвѣтокъ на глаза Титаніи).

Будь, чѣмъ ты всегда была,
Видь, какъ видѣла ты прежде!
Сокъ Діанина ростка
Уничтожитъ въ мигъ всю силу
Купидонова цвѣтка.

Теперь, моя Титанія, проснись!
Проснись, моя любезная царица!

Титанія *(просыпаясь).*

Мой Оберонъ, какія сновидѣнья
Имѣла я! Сейчасъ казалось мнѣ,
Что будто-бы я влюблена въ осла.

Оберонъ.

Вотъ здѣсь лежитъ твой милый.

Титанія.

Какъ все это
Могло случиться? О, какъ нестерпимо
Смотрѣть глазамъ на эту образину!

Оберонъ.

Молчанье на минуту! Ну, Робинъ,
Избавь его отъ этой головы.
Титанія, пусть музыка играетъ,
Пускай сильнѣй, чѣмъ сонъ обыкновенный,
Всѣхъ пятерыхъ она здѣсь усыпитъ.

Титанія.

Эй, музыка! эй, музыка, сюда!
Скорѣй играй и очаруй здѣсь спящихъ!
Пукъ *(снимая ослиную голову съ Основы)*.
По прежнему, проснувшись, ты гляди
Своими глупыми глазами!

Оберонъ.

Ну, музыка, играй! *(Раздается тихая и мелодичная музыка)*. Моя царица,
Возьмемся за руки съ тобой и землю
Подъ спящими заставимъ трепетать.
Теперь опять мы въ дружбѣ. Завтра въ полночь
Торжественно мы будемъ танцовать
У герцога Тезея въ пышномъ замкѣ—
И мы его наполнимъ мирнымъ счастьемъ.
Любовниковъ двѣ вѣрныя четы
Тамъ женятся съ Тезеемъ въ то же время
И будутъ всѣ счастливы и довольны.

Пукъ.

Властитель, скоро разсвѣтетъ:
Ужъ, рѣя, жавронокъ поетъ!

Оберонъ.

Мы вслѣдъ за ночью полетимъ,
Среди священной тишины,
Быстрѣй блуждающей луны.

Титанія.

Летѣть съ тобой готова я;
Ты жъ мнѣ разскажешь, какъ случилось,
Что ночью здѣсь уснула я
И вдругъ средь смертныхъ очутилась.
(Исчезаютъ).

(Слышны за сценой крики охотниковъ).

Входятъ Тезей, Ипполита, Егей *и свита*.

Тезей.

Одинъ изъ васъ пусть сходитъ отыскать
Лѣсничаго. Теперь обряды наши
Окончены. Но такъ какъ мы еще
Въ началѣ дня, то милая моя
Моихъ собакъ музыку будетъ слышать.
Спустите ихъ всѣхъ къ западной равнинѣ.
Скорѣе! Я сказалъ, чтобы нашли
Лѣсничаго. А мы съ тобой, царица
Прекрасная, пойдемъ на эту гору
И будемъ тамъ свободнѣе внимать
Чудесному смѣшенью голосовъ
Моихъ собакъ и эха.

Ипполита.

Помню я,
При мнѣ однажды Геркулесъ и Кадмъ
Спартанскими собаками травили
Медвѣдя въ Критскомъ лѣсѣ. Никогда
Пріятнѣе я звуковъ не слыхала.
Повѣришь ли, не только что кусты,
Но небеса, окрестности, ручьи
Звучали всѣ единымъ, общимъ крикомъ.
Да, никогда не слыхивала я
Такого музыкальнаго разлада,
Такого усладительнаго шума!

Тезей.

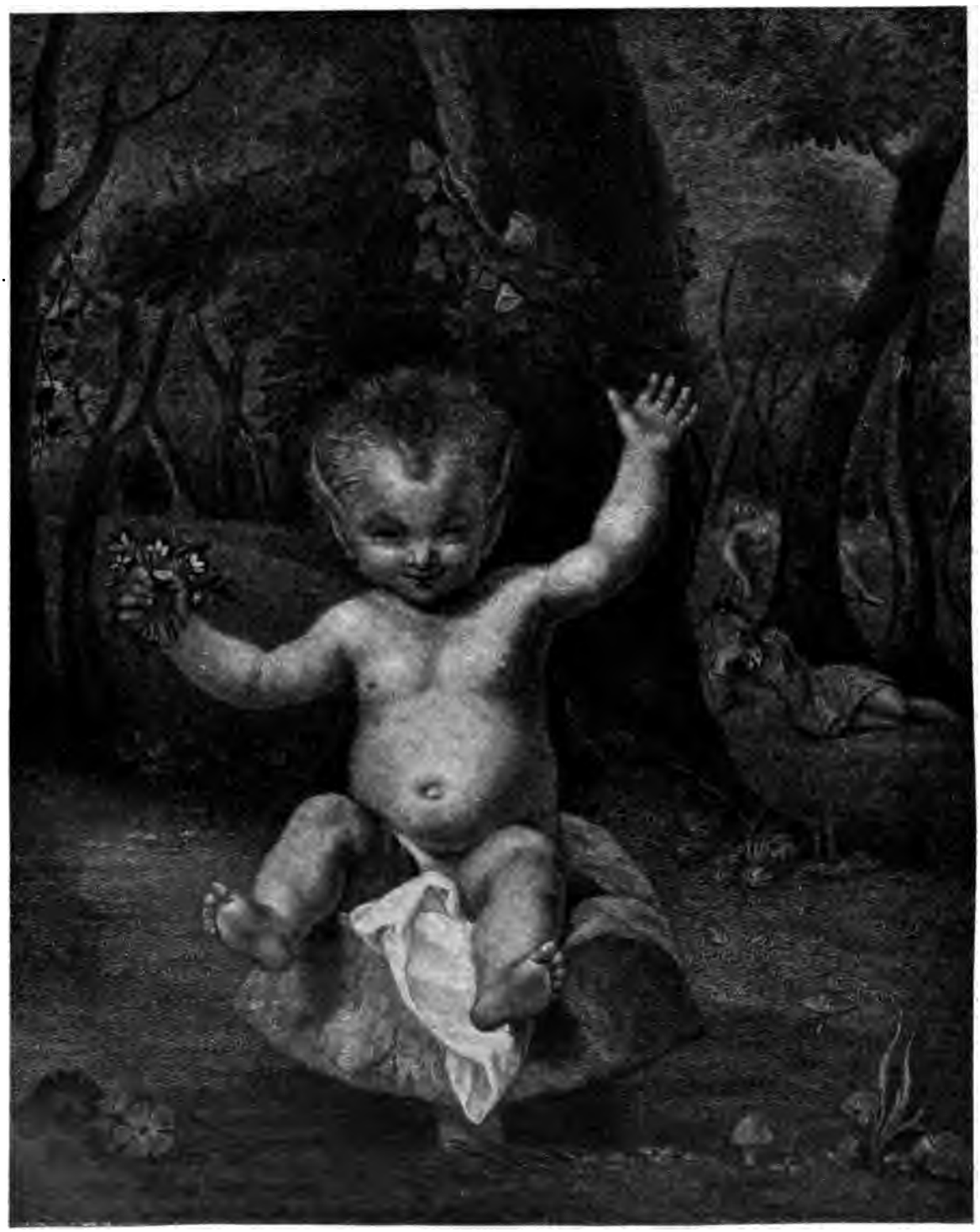
Но и мои къ спартанской же породѣ
Принадлежатъ: и у моихъ собакъ
Большая пасть и шерсти цвѣтъ песочный;
На головахъ ихъ уши такъ висятъ,
Что ими даже утреннюю росу
Онѣ сметаютъ; выгнуты ихъ ноги,
Подгрудки же у нихъ, какъ у быковъ
Ѳессаліи. И если на угонку
Онѣ не такъ-то быстры, ужъ зато
Имъ голоса подобраны другъ къ другу,
Какъ колокольчики. О, никогда
Въ Ѳессаліи, иль въ Спартѣ, иль на Критѣ
Охотничьи рога не возбуждали
Собой собакъ, столь сильно сладкозвучныхъ
Суди сама, когда услышишь ихъ.
Но, тише! Тс! Что это здѣсь за нимфы?

Егей.

Мой государь, да это дочь моя,
А здѣсь лежитъ Лизандеръ; вотъ Деметрій,
А съ ними и Елена, дочь Недара.
Я удивленъ, что нахожу ихъ здѣсь
Всѣхъ вмѣстѣ.

Тезей.

Да, они такъ рано встали,
Чтобъ майскіе обряды совершить.
Услышавъ о намѣреніи нашемъ,
Они пришли сюда, чтобъ съ нами вмѣстѣ
Здѣсь праздновать. Скажи-ка мнѣ Егей,
Не нынче ли срокъ Германи назначенъ?
Дай свой отвѣтъ.



ПУКЪ.

Картина знаменитаго англійскаго живописца сэра Джошуа Рейнольдса (sir Joshua Reynolds, R. A., 1723—1792). (Малая Бойделевская галлерея).

СОНЪ ВЪ ИВАНОВУ НОЧЬ. (Дѣйствіе IV, сц. I).

***Картина** извѣстнаго англо-швейцарскаго живописца Фюсли (Johann Heinrich Füssli, у англичанъ—Fuseli, 1742—1825).*
(Большая Бойделевская Галлерея).

ПРОБУЖДЕНІЕ ТИТАНІИ („СОНЪ ВЪ ИВАНОВУ НОЧЬ", д. IV, сц. I).

Картина извѣстнаго англо-швейцарскаго живописца Фюсли (Johann Heinrich Füssli, у англичанъ—Fuseli, 1742—1825). (Большая Бойделевская Галлерея).

ЕЛЕНА.

И Ипполита.

ЛИЗАНДЕРЪ.

Онъ намъ велѣлъ итти за нимъ во храмъ.

ДЕМЕТРІЙ.

Такъ, стало, мы не спимъ! Итакъ пойдемте
За герцогомъ скорѣе и разскажемъ
Дорогою другъ другу наши сны *(Уходятъ)*.

ОСНОВА *(просыпаясь)*. Когда придетъ моя очередь, позовите меня—и я буду отвѣчать. Мнѣ надо говорить тотчасъ послѣ этихъ словъ: „*мой прекраснѣйшій Пирамъ!*“ Эй! го-го! Питеръ Пигва! Флейта — продавецъ раздувальныхъ мѣховъ! Рыло — мѣдникъ! Выдра! Господи помилуй! они всѣ улизнули и оставили меня спящимъ. Я видѣлъ престранный сонъ. Я видѣлъ сонъ... не достанетъ человѣческаго ума, чтобъ разсказать, какой это былъ сонъ. Оселъ тотъ человѣкъ, который пустится объяснять этотъ сонъ. Мнѣ казалось, что я былъ... Ни одинъ человѣкъ не можетъ сказать, что мнѣ казалось! Мнѣ казалось, что я былъ... мнѣ казалось, что я имѣлъ... но былъ бы пестрымъ шутомъ тотъ человѣкъ, который бы осмѣлился сказать, что мнѣ казалось! Глазъ человѣческій не слыхалъ, ухо человѣческое не видало, рука человѣческая неспособна вкусить, языкъ человѣческій неспособенъ понять, а сердце человѣческое неспособно выразить, что такое былъ мой сонъ! Я попрошу Питера Пигву написать балладу изъ этого сна. Эту балладу назовутъ „Сномъ Основы“, потому что въ этомъ снѣ нѣтъ никакой основы. Я пропою эту балладу передъ герцогомъ, въ самомъ концѣ пьесы. Можетъ быть, чтобы придать ей болѣе пріятности, я пропою ее тотчасъ послѣ смерти Ѳисби. *(Уходитъ)*.

СЦЕНА II.

Аѳины. Комната въ домѣ Пигвы.

Входятъ ПИГВА, ФЛЕЙТА, РЫЛО *и* ВЫДРА.

ПИГВА. Послали ли въ домъ Основы? воротился ли онъ домой?

ВЫДРА. О немъ нѣтъ и слуху. Безъ сомнѣнія, онъ околдованъ.

ФЛЕЙТА. Если онъ не воротится, то наша пьеса пропала. Безъ него она не можетъ итти—не правда ли?

ПИГВА. Невозможно! Кромѣ него у васъ нѣтъ во всѣхъ Аѳинахъ человѣка, который былъ бы способенъ взять на себя роль Пирама.

ОСНОВА ПРИПОМИНАЕТЪ СВОЙ СОНЪ.

Силуэтъ Поля Коневки.

ФЛЕЙТА. Нѣтъ; онъ, просто на просто, самый сильный умъ изъ всѣхъ аѳинскихъ мастеровыхъ.

ПИГВА. Да—и вмѣстѣ самый красивый мужчина. Онъ истинный любовникъ по своему пріятному голосу.

ФЛЕЙТА. Вы бы должны были сказать: истинный образчикъ совершенства. Любовникъ! Боже насъ упаси! Это самая ничтожная вещь!

Входитъ БУРАВЪ.

БУРАВЪ. Господа, герцогъ возвращается изъ храма: тамъ же обвѣнчаны два или три

кавалера, двѣ или три дамы. Если наша пьеса пойдетъ, наше счастье у насъ въ рукахъ!

Флейта. О, мой любезный крикунъ-Основа! это навсегда лишаетъ тебя шести пенсовъ въ день. Онъ непремѣнно получилъ бы шесть пенсовъ въ день. Я хочу быть повѣшенъ, если бы герцогъ не назначилъ ему по шести пенсовъ въ день за то, что онъ сыгралъ роль Пирама — и онъ бы заслужилъ ихъ. Шесть пенсовъ въ день за Пирама или ничего!

Входитъ Основа.

Основа. Гдѣ они, мои молодчики? гдѣ они, мои милые?

Пигва. Основа! О торжественнѣйшій день! о счастливѣйшій часъ!

Основа. Господа, я могу разсказать вамъ чудеса, но не спрашивайте у меня, какія чудеса, потому что если я вамъ разскажу, то я не буду истинный аѳинянинъ. Я разскажу вамъ все точь-въ-точь, какъ случилось.

Пигва. Говори, говори, любезный Основа.

Основа. Ни слова обо мнѣ. Все, что я скажу вамъ теперь, это—что герцогъ откушалъ. Надѣвайте ваши костюмы, привяжите хорошіе снурки къ вашимъ бородамъ и новыя ленты къ вашимъ башмакамъ. Сейчасъ отправляйтесь во дворецъ. Пусть всякій заглянетъ хорошенько въ свою роль, ибо—коротко и ясно—наша пьеса будетъ представлена. Пусть Ѳисби, на всякій случай, надѣнетъ чистое бѣлье; да не позволяйте тому, кто долженъ представлять льва, грызть свои ногти; пусть онъ выставитъ ихъ, какъ львиные когти! Да еще, возлюбленные актеры, не кушайте луку или чесноку, потому что дыханіе наше должно быть пріятно. Я не сомнѣваюсь, что мы услышимъ похвалы нашей комедіи. Ни слова болѣе. Отправляемся! Маршъ! *(Всѣ уходятъ).*

ОБЕРОНЪ и ТИТАНІЯ УЛЕТАЮТЪ.

Силуэтъ Поля Коневки (Paul Konewka).

ПИРАМЪ ПОРАЖАЕТЪ СЕБЯ МЕЧЕМЪ.
Рисунокъ извѣстнаго нѣмецкаго художника Вильгельма Фольца (Wilhelm Volz, 1855—1901).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Аѳины. Комната во дворцѣ Тезея.

Входятъ Тезей, Ипполита, Филостратъ, *придворные и свита.*

Ипполита.

Какъ странны, мой Тезей, разсказы ихъ!

Тезей.

Да, странностей въ разсказахъ этихъ больше,
Чѣмъ истины. Но не повѣрю я
Волшебнымъ глупостямъ и старымъ баснямъ.
Влюбленные, равно какъ и безумцы,
Имѣютъ всѣ такой кипучій мозгъ,
Столь странныя фантазіи, что часто
Имъ кажется за истину такое,
Чего никакъ смыслъ здравый не пойметъ.
Безумный, и влюбленный, и поэтъ
Составлены всѣ изъ воображенья.
Одинъ—и это сумасшедшій—видитъ
Вокругъ себя такую тьму чертей,
Что не вмѣстилъ бы ихъ и адъ обширный;
А кто влюбленъ—такой же сумасшедшій—
Тотъ на челѣ цыганки смуглой зритъ
Елены красоту; поэта взоръ,
Пылающій безуміемъ чудеснымъ,
То на землю, блистая, упадаетъ,
То отъ земли стремится къ небесамъ.
Потомъ, пока его воображенье
Безвѣстные предметы облекаетъ
Въ одежду формъ, поэтъ своимъ перомъ

Торжественно ихъ всѣ осуществляетъ
И своему воздушному *ничто*
Жилище онъ и мѣсто назначаетъ.
Да, сильное воображенье часто
Проказитъ такъ, что ежели оно
Помыслитъ лишь о радости—тотчасъ же
Передъ собой оно какъ будто видитъ
И вѣстника той радости; а ночью
Оно въ себѣ рождаетъ ложный страхъ
И кустъ легко медвѣдемъ почитаетъ.

ИППОЛИТА.

Однако, въ ихъ разсказахъ обо всемъ,
Что въ эту ночь случилось, въ превращеньи
Ихъ умственныхъ способностей и чувствъ,
Есть не одна игра воображенья.
Хоть это все достойно удивленья.
Но къ истинѣ подходитъ очень близко.

Входятъ ЛИЗАНДЕРЪ, ДЕМЕТРІЙ, ГЕРМІЯ *и* ЕЛЕНА.

ТЕЗЕЙ.

А, вотъ идутъ и самыя четы! Какъ полны
Веселія и радости онѣ!
Мои друзья, пускай любовь и радость
Сопутствуютъ вамъ въ жизни.

ЛИЗАНДЕРЪ.

Государь!
Пусть болѣе, чѣмъ намъ, утѣхи, радость
Сопутствуютъ вамъ въ царственныхъ прогулкахъ
И за столомъ, и въ свѣтлыхъ сновидѣньяхъ!

ТЕЗЕЙ.

Посмотримъ-ка, какія развлеченья
И пляски намъ предложитъ Филостратъ,
Чтобы убить трехчасовую вѣчность
Межъ ужиномъ и часомъ спать ложиться?
Но гдѣ же онъ, нашъ учредитель празднествъ?
Что въ этотъ день намъ приготовилъ онъ?
Комедіей какой-нибудь нельзя ли
Тоску часовъ тяжелыхъ облегчить?
Гдѣ Филостратъ?

ФИЛОСТРАТЪ.

Я здѣсь, Тезей могучій!

ТЕЗЕЙ.

Скажи скорѣй, веселости какія
Ты нынче вечеромъ предложишь намъ:
Комедію ль, иль музыку какую?
Какъ обмануть лѣнивые часы,
Когда у насъ не будетъ развлеченій?

ФИЛОСТРАТЪ.

Вотъ списокъ приготовленныхъ забавъ.
Что будетъ, государь, тебѣ угодно
Изъ нихъ избрать? съ чего велѣть начать?
(*Подаетъ бумагу*).

ТЕЗЕЙ (*читаетъ*).

„Сраженіе кентавровъ. Будетъ пѣть
„Аѳинскій евнухъ и играть на арфѣ".
Не нужно. Я разсказывалъ объ этомъ
Моей женѣ, во славу Геркулеса.
„Какъ пьяныя вакханки растерзали
„Въ часъ бѣшенства фригійскаго пѣвца".
Старо—и я ужъ это слышалъ разъ,
Когда изъ Ѳивъ съ побѣдой возвратился.
„Скорбь трижды трехъ прекрасныхъ музъ о смерти,
Постигнувшей науку въ нищетѣ".
Презлая тутъ и тонкая сатира:
На брачномъ торжествѣ ей мѣста нѣтъ!
„Грустная, краткая сцена Пирама,
Истинно траги-веселая драма".
Траги-веселая и грустная при томъ,
И краткая! Да это ледъ горячій
И твердый снѣгъ. Ну, какъ согласовать
Всѣ эти несогласья?

ФИЛОСТРАТЪ.

Государь,
Во всей піесѣ этой, можетъ быть,
Какихъ-нибудь словъ десять. Я не знаю
Другой піесы столь короткой; но,
Мой государь, и эти десять словъ
Въ ней лишнія. Вотъ отчего она
И краткая, и грустная піеса.
Въ ней слова нѣтъ на мѣстѣ; нѣтъ актера,
Хоть крошечку способнаго. Она
Трагической піесой названа
Лишь потому, что въ ней лишаетъ жизни
Себя Пирамъ; но, признаюсь, когда
Я видѣлъ репетицію піесы,
Глаза мои слезами наводнялись,
И громкій смѣхъ едва ли заставлялъ
Когда нибудь лить слезы веселѣе.

ТЕЗЕЙ.

А кто жъ актерами?

ФИЛОСТРАТЪ.

Мастеровые,
Которые мозольными руками
Работаютъ въ Аѳинахъ. Въ первый разъ
Сегодня умъ ихъ въ дѣйствіи: они
Неопытную память нагрузили
Въ день вашего супружества піесой.

ТЕЗЕЙ.

И мы ее услышимъ.

ФИЛОСТРАТЪ.

Государь!
Повѣрьте мнѣ, она васъ недостойна.

Я слышалъ всю піесу до конца:
Пустѣйшая, ничтожнѣйшая пьеса!
Но, можетъ быть, пріятно будетъ вамъ
Намѣренье цѣной усилій тяжкихъ
Вамъ услужить.

ТЕЗЕЙ.

Піесу мы услышимъ.
Я никогда не оттолкну услугъ,
Предложенныхъ и ревностно, и просто.
Поди, зови сюда скорѣй актеровъ,
А дамъ прошу садиться по мѣстамъ.

(Филострать уходитъ).

ИППОЛИТА.

Я не люблю смотрѣть, что слишкомъ дурно,
И видѣть, какъ усердье погибаетъ
Въ усиліяхъ напрасныхъ.

ТЕЗЕЙ.

Милый другъ,
Ты этого, повѣрь мнѣ, не увидишь.

ИППОЛИТА.

Онъ говоритъ, что ничего они
Представить намъ порядочно не могутъ.

ТЕЗЕЙ.

Тѣмъ будемъ мы любезнѣе съ тобой,
Благодаря ихъ даже за дурное.
Ошибки ихъ забавой будутъ намъ.
Коль бѣдное стараніе безсильно,
То чистое усердье выкупаетъ
Невольный неуспѣхъ. Случалось часто,
Когда я путешествовалъ, меня
Сановники привѣтствовать хотѣли
Готовыми рѣчами. Иногда
Они блѣднѣть и трясться начинали,
Мѣшалися среди начатой фразы,
Нѣмѣлъ отъ страха опытный языкъ—
И, наконецъ, они вдругъ умолкали,
Привѣтствіе свое не досказавъ.
Но, милая, повѣришь ли, что въ ихъ
Молчаніи привѣтствіе я видѣлъ,
И въ скромности пугливаго усердья
Я болѣе, повѣрь мнѣ, находилъ,
Чѣмъ въ языкѣ болтливомъ смѣльчака
И въ дерзкомъ краснорѣчьи. Признаюся,
Что, по моимъ понятіямъ, любовь,
При языкѣ простомъ чистосердечья,
Всегда сильнѣе сердцу говоритъ.

Входитъ ФИЛОСТРАТЪ.

ФИЛОСТРАТЪ.

Когда угодно будетъ, государь—
Прологъ готовъ.

ТЕЗЕЙ.

Пускай его войдетъ.

Звуки трубъ. Входитъ ПИГВА *и* ПРОЛОГЪ.

ПРОЛОГЪ.

„Коль не удастся намъ піеса, мы желали,
Чтобъ знали вы, что мы не съ тѣмъ пришли сюда,
Чтобъ намъ не удалось; мы вотъ чего искали:
Вамъ предложить свои услуги, господа;
Вотъ нашего конца вѣрнѣйшее начало.
Вамъ угодить вполнѣ, не зная ничего,
Не смѣли думать мы, одно насъ здѣсь собрало,
Васъ позабавить всѣхъ, мы здѣсь не для того,
Чтобъ вы раскаялись, готовы мы стараться,
Изъ представленія жъ легко вамъ увидать,
Въ чемъ будетъ именно піеса заключаться
И что вы будете, конечно, скоро знать!“

ТЕЗЕЙ. Ну, этотъ молодецъ не слишкомъ силенъ въ знакахъ препинанія!

ЛИЗАНДЕРЪ. Чтобы прочесть прологъ, онъ пустилъ свой языкъ какъ бѣшенаго жеребенка, который не знаетъ препятствій. Однако же, тутъ есть нравоученіе, государь: недостаточно говорить, но надо говорить съ толкомъ.

ИППОЛИТА. Въ самомъ дѣлѣ, онъ проговорилъ свой прологъ, какъ ребенокъ, играющій на флажолетѣ: звуки есть, но безъ всякой гармоніи.

ТЕЗЕЙ. Его рѣчь была похожа на запутанную цѣпь: ни одного кольца не потеряно, но всѣ они въ безпорядкѣ. Что это еще?

Входятъ ПИРАМЪ, ѲИСБИ, СТѢНА, ЛУНА *и* ЛЕВЪ.

ПРОЛОГЪ.

„Что видите вы здѣсь, быть можетъ, васъ дивитъ,
Достойны зрители! Дивитеся себѣ,
Пока вамъ истина всего не объяснитъ.
Сія красавица есть госпожа Ѳисбе,
Сей человѣкъ, Пирамъ, коль вамъ угодно знать,
А сей, съ известкою, здѣсь стѣну представляетъ,
Ту стѣну страшную, которая страдать
Любовниковъ моихъ въ разлукѣ заставляетъ.
По милости ея, бѣдняжечки съ трудомъ,
Лишь шопотомъ сквозь щель, бесѣдуютъ порою.
Вотъ этотъ съ фонаремъ, съ собакой и съ кустомъ,
Представитъ лунный свѣтъ. Я вамъ теперь открою,
Что Ѳисби и Пирамъ у Ниновой могилы
Рѣшилися сойтись, когда взойдетъ луна,
Чтобъ высказать—насколь они другъ другу милы.

Но только лишь Ѳисби пришла туда одна,
Какъ сей ужасный звѣрь—львомъ Богъ его назвалъ—
Спугнулъ прекрасную, иль просто испугалъ.
И вотъ, когда она въ испугѣ убѣгала,
Накидочка съ ея лилейныхъ плечъ упала.
Тогда презрѣнный звѣрь накидочку схватилъ
И, въ ярости, ее онъ кровью обагрилъ.
Потомъ пришелъ Пирамъ, прекрасный и высокій,
Накидочку Ѳисби погибшей онъ нашелъ,
И дерзкимъ остріемъ онъ, въ горѣсти жестокой,
Кипящу грудь свою, рыдая, прокололъ.
Тогда опять Ѳисби на сцену прибѣгаетъ
И, выхвативъ кинжалъ, себя имъ поражаетъ.
А остальное все въ подробномъ разговорѣ
Разскажетъ вамъ сей левъ и свѣтлая луна,
Чета любовниковъ и страшная стѣна,
При вашемъ собственномъ и благосклонномъ взорѣ!"

(Прологъ, Пирамъ, левъ и луна уходятъ).

Тезей. Ужъ не будетъ ли и левъ говорить?

Деметрій. Тутъ не будетъ ничего мудренаго. Отчего же не быть одному говорящему льву, когда есть такъ много говорящихъословъ?

Стѣна.

„Въ сей интермедіи случилося, что я,
Я—Рыло прозвищемъ, разыгрываю стѣну;
Но знайте, господа, стѣна такая я,
Что есть во мнѣ дыра иль щель дырѣ въ замѣну,
Дабы любовники, Пирамъ нашъ и Ѳисбе,
Могли сквозь эту щель, благодаря судьбѣ,
Хоть часто, но тайкомъ, шептаться межъ собою.
А этотъ камешекъ съ известкой распускною
Доказываетъ вамъ, что точно я стѣна.
Сомнѣнья въ этомъ нѣтъ? А вотъ и щель видна.
Немножко въ бокъ она, но сквозь нее, о диво,
Любовники не разъ шептались боязливо".

Тезей. Можно ли требовать, чтобы известь и штукатурка говорили лучше этого?

Деметрій. Государь, это самая умная стѣна, которую я когда-либо слышалъ говорящею.

Входитъ Пирамъ.

Тезей. Пирамъ приближается къ стѣнѣ. Молчите!

Пирамъ.

„О, ночь ужасная! о, черная, о, ночь!
О, ночь, которая вездѣ, гдѣ нѣту дня!
Увы, увы, увы! О, ночь, о, ночь!
Боюсь я, что Ѳисби забыла про меня;
А ты, а ты, стѣна, о, милая стѣна!
Между моею и землей ея отца
Стоящая стѣна, о, милая стѣна!
Привѣтна будь, стѣна, Пираму до конца,
И покажи мнѣ щель, дабы я сквозь нее
Могъ увидать, хоть вскользь, сокровище мое.
(Стѣна подымаетъ руку съ растопыренными пальцами).
Благодарю тебя, привѣтная стѣна!
Да сохранитъ тебя Зевесъ отъ поврежденья!
Но что я вижу? О, Ѳисби мнѣ не видна!
Ты, злобная стѣна, лишаешь наслажденья.
Да будутъ прокляты всѣ камешки твои
За то, что рушила надежды ты мои!"

Тезей. Мнѣ кажется, что стѣна, имѣя способность чувствовать, должна бы отвѣчать ему такими же проклятіями.

Пирамъ. Нѣтъ, государь, поистинѣ она не должна этого дѣлать. «*Надежды ты мои!*» Послѣ этихъ словъ начинается роль Ѳисби. Теперь она входитъ—и я замѣчаю ее сквозь эту стѣну. Вы увидите, что все будетъ точь-въ-точь, какъ я говорю. Вотъ она приближается.

Входитъ Ѳисби.

Ѳисби.

„Какъ часто ты, стѣна, слезамъ моимъ внимала
О томъ, что разлученъ со мною мой Пирамъ!
Губами алыми какъ часто цѣловала
Я камешки твои съ известкой по краямъ!

Пирамъ.

О, вижу голосъ я! Я къ щелкѣ приложуся:
Услышу, можетъ быть, Ѳисби моей черты.
Ѳисби!

Ѳисби.

О милый мой! ты—милый, я клянуся!
Я думаю, что такъ?

Пирамъ.

Что хочешь, думай ты;
Любовію твоей я избранъ—и измѣна
Мнѣ неизвѣстна, какъ Лимандру, о, Ѳисби!

Ѳисби.

А я тебѣ вѣрна до гроба, какъ Елена!

Пирамъ.

„Вѣрнѣй ли Прокрусѣ бывалъ Шафалъ, Ѳисбе?

Ѳисби.

„Какъ Прокрусѣ Шафалъ, такъ я вѣрна тебѣ!

ЛУНА СЪ ФОНАРЕМЪ.

Силуэтъ Поля Коневки (Paul Konewka).

Пирамъ.

„Поцѣловать меня сквозь стѣну потрудися.

Ѳисби.

„Я не уста твои цѣлую, а дыру!

Пирамъ.

„Ну, хочешь ли итти со мной на холмъ Ниниса?

Ѳисби.

„Сейчасъ туда иду, иль пусть скорѣй умру?

(Пирамъ и Ѳисби уходятъ).

Стѣна.

„Узнайте: я, стѣна, окончила долгъ свой,
„А потому стѣна идетъ теперь домой".

(Стѣна уходитъ).

Тезей. Теперь стѣна, раздѣлявшая двухъ сосѣдей, уничтожена.

Деметрій. Что жъ иначе дѣлать, государь, съ такими стѣнами, которыя такъ дерзки, что слушаютъ, не предостерегая.

Ипполита. Вотъ самый глупый наборъ словъ, который я когда-либо слышала!

Тезей. Лучшія зрѣлища этого рода не болѣе, какъ тѣни, и худшія не будутъ хуже, если имъ поможетъ воображеніе.

Ипполита. Такъ для этого нужно ваше воображеніе, а не ихъ?

Тезей. Если мы не вообразимъ о нихъ ничего хуже того, что они воображаютъ сами о себѣ, то они могутъ показаться отличными актерами. Вотъ идутъ сюда два благородные звѣря: луна и левъ.

Входятъ левъ *и* луна.

Левъ.

„Сударыни, въ коихъ всѣ чувства столько тонки,
„Что ихъ тревожатъ и ничтожныя мышонки,
„Вы, можетъ быть, теперь здѣсь всѣ затрепетали,
„Когда бы точно льва ревъ дикій услыхали;
„Но знайте: я ни левъ, ни львица по натурѣ—
„Нѣтъ, я Буравъ, столяръ и левъ по львиной шкурѣ;
„Но еслибъ я былъ левъ и вдругъ пришелъ сюда,
„Тогда, дѣйствительно, была-бъ вамъ всѣмъ бѣда!

Тезей. Вотъ премилое и пресовѣстливое животное.

Деметрій. Самое доброе животное, государь, которое я когда-либо видѣлъ.

Лизандеръ. Этотъ левъ—настоящая лисица, по своему мужеству.

Тезей. Правда—и настоящій гусь по своему благоразумію.

Деметрій. Не совсѣмъ такъ, государь, такъ какъ его мужество не можетъ побѣдить его благоразумія; а лисица побѣждаетъ гуся.

Тезей. Впрочемъ, я увѣренъ, что и его благоразуміе не можетъ побѣдить его мужества, какъ гусь не можетъ побѣдить лисицу. Но довольно: оставимъ его съ его благоразуміемъ и послушаемъ. Что скажетъ намъ луна?

Луна.

„Двурогую луну фонарь сей представляетъ..."

Деметрій. Ему бы должно имѣть рога на лбу.

Тезей. Да, вѣдь, это не новая луна, и рога исчезли въ полнолуніи.

Луна.

„Двурогую луну фонарь сей представляетъ;
А я тотъ человѣкъ, въ лунѣ что обитаетъ!"

Тезей. Вотъ въ чемъ самая главная ошибка: человѣкъ долженъ былъ влѣзть въ

фонарь; иначе, какъ же онъ можетъ представлять человѣка въ лунѣ?

Деметрій. Онъ не осмѣлился влѣзть туда изъ-за свѣчки: видите, какъ она нагорѣла!

Ипполита. Мнѣ наскучила эта луна; я бы желала, чтобъ она вздумала перемѣниться.

Тезей. Судя по слабости разсудка этой луны, кажется, что она въ ущербѣ; но учтивость и справедливость требуютъ, чтобы мы дождались, пока она совершитъ свое теченіе.

Лизандеръ. Продолжай, Луна!

Луна. Все, что я имѣю сказать, состоитъ въ томъ, что этотъ фонарь есть луна, а я—человѣкъ въ лунѣ; что этотъ терновый кустъ—мой терновый кустъ, а эта собака—моя собака.

Деметрій. По-настоящему, все это должно быть въ фонарѣ, потому что все это находится въ лунѣ. Но, тише! Вотъ идетъ Ѳисби.

Входитъ Ѳисви.

Ѳисби.

„А, вотъ могила стараго Ниниса!
„Но гдѣ же мой возлюбленный?"

Левъ.

„О-о!!"

(Левъ рычитъ, Ѳисби убѣгаетъ и роняетъ накидку).

Деметрій. Славно рычишь, левъ!

Тезей. Славно бѣгаешь, Ѳисби!

Ипполита. Славно свѣтишь, луна! Право, луна свѣтитъ съ необыкновенною ловкостью.

(Левъ разрываетъ накидку и убѣгаетъ).

Тезей. Славно сцапалъ, левъ.

Деметрій. Теперь приходитъ Пирамъ.

Лизандеръ. А левъ, конечно, исчезаетъ.

Входитъ Пирамъ.

Пирамъ.

„Благодарю тебя, о, милая луна,
„За-то, что нынче ты блестяща и ясна!
„Когда ты будешь мнѣ отрадно такъ блестѣть,
„Я милую Ѳисби надѣюсь лицезрѣть!
„Но, стой! О, видъ ужасный!
„Посмотримъ! О несчастный!
„Какое зрѣлище ужасно вижу я!
„Глаза мои, смотрите!
„Возможно ли—скажите?
„О, милая Ѳисби! о, душенька моя!
„Накидочка безцѣнна,
„Здѣсь кровью обагренна.
„Жестоки фуріи, приблизьтесь поскорѣй!
„О, Парки, приходите
„И жизнь мою прервите.
„Убейте, задушите.
„Избавьте вы меня отъ тяжкой жизни сей!"

Тезей. Это отчаяніе и смерть милаго друга почти могутъ сдѣлать человѣка печальнымъ.

Ипполита. Клянусь моимъ сердцемъ мнѣ жаль этого человѣка!

Пирамъ.

„Природа, для чего ты львовъ произвела
„Левъ страшный умертвилъ Ѳисби мою во цвѣтѣ.
„Она есть лучшая... Нѣтъ, нѣтъ: она была
„Изъ женщинъ лучшая, которая на свѣтѣ
„Когда-нибудь жила, любила и цвѣла!
„Теките, слезы жгучи!
„Вотъ онъ—мой мечъ могучій!
„Тебя я въ грудь вонзаю,
„И прямо въ лѣвый бокъ,
„Гдѣ сердце—токъ-токъ-токъ.
„Вотъ какъ я умираю!
(Поражаетъ себя мечемъ).
„Теперь бездыханъ я
„И въ небесахъ витаю!
„Языкъ—поксй узнай!
„Ты жъ, мѣсяцъ, улетай!
„Здѣсь кости я свои бросаю
„Ахъ, ахъ! я умираю!
(Пирамъ умираетъ. Луна уходитъ).

Деметрій. Не кости, а только очко, потому что онъ одинъ.

Лизандеръ. Какое онъ очко? онъ умеръ, слѣдовательно онъ ничто.

Тезей. Однако, съ помощью медика, онъ можетъ выздоровѣть и сдѣлаться опять осломъ.

Ипполита. Отчего же лунный свѣтъ исчезъ прежде, чѣмъ Ѳисби возвратилась и отыскала своего любовника?

Тезей. Она отыщетъ его при свѣтѣ звѣздъ. Вотъ она идетъ, и ея отчаяніе окончитъ пьесу.

Входитъ Ѳисви.

Ипполита. Кажется, что для такого Пирама ея отчаяніе не будетъ продолжительно. Я надѣюсь, что она скоро кончитъ.

Деметрій. Одинъ атомъ могъ бы перевѣсить всѣхъ и рѣшить, кто изъ нихъ лучше Пирамъ или Ѳисби?

Лизандеръ. Вотъ она уже высмотрѣла его своими прекрасными глазками.

Деметрій. И начинаетъ его оплакивать нижеслѣдующимъ образомъ:

Ѳисби.

„Ты здѣсь уснулъ, мой дорогой!
„Какъ? умеръ ты, голубчикъ,
„Пирамъ, о, встань и говори!
„Но ты молчишь—ты умеръ? Да!
„Уже-ль могила навсегда
„Должна закрыть глаза твои?
„Уста лилейны, алый носъ—
„Исчезло все, все рокъ унесъ!
„Любовники, стонайте!
„Ланиты, буквицы желтѣй,
„У смерти вопрошайте.
„Вы, три сестры, издалека,
„Съ руками цвѣта молока,
„Ко мнѣ скорѣй придите!
„Вы взяли мой предметъ любви—
„Теперь скорѣй въ моей крови
„Вы руки окуните!
„Приди скорѣй, мой вѣрный мечъ,
„И въ грудь вонзись, чтобъ жизнь пресѣчь,
„А ты, языкъ—ни слова.
„Прощайте, всѣ мои друзья!
„Такъ умираю вѣрной я!
„Прощайте—я готова!“

(*Поражаетъ себя мечомъ и умираетъ*).

Тезей. Луна и левъ оставлены въ живыхъ, чтобы схоронить мертвыхъ.

Деметрій. Да, и стѣна тоже.

Основа. Извините, могу васъ увѣрить, что стѣна, которая раздѣляла ихъ отцовъ, не существуетъ. Не угодно ли вамъ посмотрѣть эпилогъ или послушать бергамасскій танецъ, исполненный двумя изъ нашей компаніи?

Тезей. Прошу васъ, безъ эпилога. Для вашей пьесы совершенно не нужны извиненія. Вамъ нечего извинять; всѣ актеры умерли, слѣдовательно некого и хулить. Если бы тотъ, который сочинилъ эту пьесу, игралъ Пирама и повѣсился бы на подвязкѣ Ѳисби, то изъ этой пьесы вышла бы превосходная трагедія. Но ваша пьеса, все-таки, хороша и прекрасно исполнена. Теперь покажите намъ свой бергамасскій танецъ, а эпилогъ оставьте.

(*Веселый простонародный танецъ*).

Тезей.

Двѣнадцать разъ полуночи языкъ
Ужъ прогудѣлъ. Любовники въ постели!
Теперь насталъ волшебный часъ духовъ.
Похитимъ мы у утра тѣ часы,
Которые мы подарили ночи.
Нелѣпая піеса превосходно
Ускорила шаги тяжелой ночи.
Теперь, друзья, въ постели! Двѣ недѣли
Мы проведемъ въ различныхъ празднествахъ,
Въ забавахъ и ночныхъ увеселеньяхъ.

(*Всѣ уходятъ*).

СЦЕНА II.

Тамъ-же.

Входитъ Пукъ *съ метлой.*

Пукъ.

Теперь голодный левъ рычитъ,
И волкъ на мѣсяцъ воетъ;
Усталый пахарь крѣпко спитъ:
Ночь всѣхъ ихъ успокоитъ.
Теперь огонь въ печахъ погасъ,
Совы зловѣщей крики
Напоминаютъ смерти часъ
Страдальцу-горемыкѣ.
Теперь настала ужъ пора
Могиламъ разверзаться
И средь церковнаго двора
Покойникамъ являться.
Но эльфамъ весело—и мы,
Гекату окружая,
Скользимъ, какъ сонъ, за духомъ тьмы,
Отъ солнца убѣгая.
Итакъ, пусть мышь здѣсь не скребетъ!
А домъ—не знай потери!
Съ метлою посланъ я впередъ,
Чтобъ выместь соръ за двери!

Входятъ Оберонъ, Титанія *и ихъ свита.*

Оберонъ.

Вы по дому разбѣгитесь,
И, при трепетныхъ огняхъ,
Эльфы, дружно веселитесь,
Словно птички на кустахъ!
Пойте пѣснь мою за мною,
И пляшите всѣ толпою!

Титанія.

Ноту въ ноту, слово въ слово,
Эту пѣснь пропойте снова!
Взявшись за руки, пойдемъ
Осчастливить этотъ домъ!

(*Пѣсни и пляски эльфъ*).

Оберонъ.

Разсыпьтесь, эльфы, до утра
Въ покояхъ полумрачныхъ;
А намъ теперь итти пора
Къ постели новобрачныхъ.
Вселимъ мы разомъ въ три четы

Любовь безъ измѣненья—
И будутъ полны красоты
Всегда ихъ поколѣнья.
Природа, щедрая въ дарахъ,
Дѣтей ихъ не оставитъ:
Отъ пятенъ, трещинъ на губахъ
Она ихъ всѣхъ избавитъ,
И знакамъ, вѣстникамъ дурнымъ,
Забытымъ при рожденьи,
Потомъ же пагубнымъ инымъ,
Не быть въ ихъ поколѣньи.
Теперь росою полевой
Покои окропите,
И миръ и счастье въ домъ людской
Навѣки водворите!
О, эльфы, радостной толпой
Умыться торопитесь,
Но утромъ будьте всѣ со мной,
Съ разсвѣтомъ воротитесь.

(Оберонъ, Титанія и ихъ свита уходятъ въ разныя двери).

Пукъ *(къ зрителямъ)*.

Когда не угодили вамъ мы, тѣни,
То я прошу—исправится бѣда—
Предположить, что въ мірѣ сновидѣній
Вы были здѣсь уснувши, господа;
Что слабое, пустое представленье
Есть легкій сонъ—не болѣе того;
Не будьте же вы строгими въ сужденьи,
Простите насъ—мы просимъ одного.
Исправиться мы, право, не забудемъ.
Какъ честный Пукъ, я клясться вамъ готовъ,
Что ежели мы счастливы такъ будемъ,
И избѣжимъ мы брани и свистковъ,
То вы отъ насъ вознагражденья ждите,
Не то лгуномъ вы Пука назовите.
Ночь добрую желаю всѣмъ—одинъ,
А вы меня хлопками наградите,
И—вѣрьте мнѣ—исправится Робинъ!
(Уходитъ).

Н. Сатинъ.

Концовка Поля Коневки.

Примѣчанія къ I тому.

Въ составленіи примѣчаній къ I тому приняли участіе Зин. Ав. Венгерова, С. А. Венгеровъ и П. О. Морозовъ. Нѣкоторыя примѣчанія принадлежатъ переводчикамъ.

I.

ДВА ВЕРОНЦА.

(Two gentlemen of Verona).

Стр. 9. *Я буду твой молельщикъ* (по-англ. beadsman)—нанимаемый за деньги человѣкъ для чтенія молитвъ—обычай католич. королей и вельможъ. Въ пьесѣ много указаній на католическіе обычаи, такъ какъ дѣйствіе происходитъ въ Италіи.

Стр. 9. *Съ ушами? я? Хоть ихъ ты пощади.* Въ оригиналѣ непереводимая игра словомъ *over boots*, какъ усиленіемъ выраженія «over shoes»: вода доходила ему не только выше ботинокъ, но выше сапогъ (по поводу Леандра, погрузившагося въ любовь, а ради нея и въ воду); Протей же понимаетъ *boots*—въ смыслѣ пытки, извѣстной подъ названіемъ «испанскихъ сапогъ», и говоритъ: nay give me not the boots—не подвергай меня пыткѣ испанскихъ сапогъ. Игра словъ продолжается дальше въ выраженіи «it boots thee not»—тебѣ не подобаетъ.

Найтъ въ своемъ Pictorial edition of Shakespeare's Works» даетъ нижеслѣдующее изображеніе этой пытки, нарисованное по книгѣ Millaeus'a «Praxis criminis persequendi» (Парижъ, 1541).

Стр. 10. *Ждетъ меня отецъ.* По-англійски: my father at the road—на рейдѣ. Шекспиръ впадаетъ тутъ въ грубую ошибку, принимая Верону за приморскій городъ, изъ котораго отправляются моремъ въ Миланъ.

Стр. 10. *Такъ я теперь потерянный баранъ.* По-англ. игра словъ: shipped (сѣлъ на корабль) и sheep (овца).

Стр. 11. Спидъ. *Да, синьоръ; я, заблудшій баранъ, передалъ письмо ваше ей, потерянной овечкѣ...*

Въ подлинникѣ, вмѣсто «*потерянная овечка*», стоитъ—*перетянутая баранина* (laced mutton). Во времена Шекспира это было обыкновенное прозвище женщинъ легкаго поведенія, такъ что улица въ Клеркенвеллѣ, населенная такого рода особами, называлась «*Бараній переулокъ*» (mutton lane).

Стр. 11. Протей. *...лучше запереть тебя въ хлѣвъ.*
Спидъ. *Лучше бы вы, не запираясь, выдали мнѣ фунтъ стерлинговъ на хлѣбъ...*
Протей. *Опять соврали: я говорю тебѣ не о хлѣбѣ, а о хлѣвѣ...*

Тутъ непереводимая игра переносными и двойными значеніями словъ: *to pound*—запирать, загонять въ хлѣвъ, *pound*—фунтъ стерлинговъ, *pinfold*—загонъ, хлѣвъ, *pin*—булавка и *to fold*—складывать

Стр. 11. Протей. *Что-жъ она сказала?* (*Спидъ киваетъ головою*). *Кивнула, болванъ?*
Спидъ. *Да.*
Протей. *Да? что—да? кивнула, или что ты болванъ?*

Здѣсь опять непереводимая игра созвучіями словъ *to nod* кивать и *I* да (вм. новѣйшаго *yes*), со словомъ *noddy* болванъ.

Стр. 11.
Ступай, спаси корабль вашъ отъ крушенья
Онъ не потонетъ, если ты на немъ:
Сухая смерть назначена тебѣ.

Намекъ на извѣстную пословицу: кому суждено быть повѣшену, тотъ не утонетъ.

Стр. 13. *Кому нужна, ужъ не солжетъ она.* Игра словъ: to lie лежать и лгать. Юлія говоритъ: пусть бумажка лежитъ. Лючетта возражаетъ, что бумажка не лжетъ.

Стр. 14. Юлія. *Пропой его на голосъ «Свѣтъ любви»..*

«*Свѣтъ любви*» такъ начиналась одна плясовая пѣсня, бывшая въ большомъ ходу во времена Шекспира, судя по частому упоминанію о ней у поэтовъ стараго времени. Первоначальныя слова этой пѣсни не дошли до насъ; что же касается музыки, то, по указанію нѣкоторыхъ комментаторовъ Шекспира, она очень хороша, если ее играть тихо и съ выраженіемъ. Шекспиръ упоминаетъ объ этой пѣснѣ также въ «Много шуму изъ ничего» (дѣйствіе III, сцена IV) и въ «Безплод. усиліяхъ любви» (Д. III, сц. 4).

Стр. 15. *Вижу я, что ими ты дорожишь*—по-англ. a month's mind—поминаніе мертвыхъ черезъ мѣсяцъ послѣ смерти (католич. обрядъ), въ болѣе широкомъ смыслѣ преданность, привязанность.

Стр. 18. *Клянчить какъ нищій въ день Всѣхъ Святыхъ.* Въ Англіи былъ обычай раздавать въ этотъ день нищимъ милостыню ввидѣ особаго пирога-Soul-cake (пирогъ за упокой души).

Стр. 18. Спидъ . . . *вы, помните, бранили синьора Протея, что онъ разгуливаетъ безъ подвязокъ!*

Тотъ же несомнѣнный признакъ влюбленности приводитъ и Розалинда, во второй сценѣ третьяго дѣйствія комедіи «*Какъ вамъ будетъ угодно*», утверждая, что у влюбленнаго «чулки должны быть безъ подвязокъ». Нѣчто подобное существуетъ и въ нашихъ русскихъ народныхъ повѣрьяхъ: когда молодая женщина теряетъ подвязку (или когда у нея подвязка развязывается), то о ней говорятъ, что «по ней миленькій встосковался».

Стр. 18. *Забываете и панталоны*—гипербола совершенно въ стилѣ Спида. Въ нѣкоторыхъ изд. сдѣлана поправка «put on your shoes» (забываете надѣть сапоги)—ввиду того, что Валентинъ не является, конечно, на сценѣ безъ панталонъ. Но эту фразу нужно понимать какъ намѣренное преувеличеніе.

Стр. 18. Сильвія. *А вамъ двѣ тысячи, синьоръ служитель...*

«*Синьоръ служитель*» (gentle servant) называли дамы въ Шекспирово время своихъ поклонниковъ. У французовъ и до сихъ поръ сохранилось это прозваніе любезнаго мужчины—*cavalier servant*.

Стр. 20. *Блудный сынъ*—въ оригиналѣ Лаунсъ вмѣсто «prodigal son» (блудный сынъ) говоритъ «prodigious son» (чудо-сынъ). У Шекспира комическіе персонажи постоянно искажаютъ слова (ср. особенно миссисъ Квикли въ «Генрихѣ IV»).

Стр. 20. *Не то ты потеряешь.* По-англійски игра словъ: you loose the tide—упустишь время прилива, и to lose the tied,—потерять привязаннаго (подразумѣвая свою собаку, которую онъ ведетъ на привязи).

Стр. 21. *Болтая чепуху.* Въ подлинникѣ игра словъ: tale—сказка (т.-е. выдумка, вранье) и tail хвостъ: Лаунсъ говоритъ: твоими выдумками ты потеряешь языкъ, а Пантино отвѣчаетъ: моимъ хвостомъ?

Стр. 24. *Но первая она изъ женщинъ въ мірѣ*—по-англ. let her be a principality—опредѣленный рангъ въ іерархіи ангеловъ и небеснаго воинства.

Стр. 24. *Какъ пылъ одинъ другой уничтожаетъ.* Это мѣсто Шекспиръ повторилъ потомъ въ «Коріоланѣ».

Стр. 26. *Желанный гость въ Миланъ.* Въ Folio 1623 г. сказано въ «Падуѣ». Попъ замѣнилъ Падую Миланомъ, исправляя ошибку Шекспира, который часто путаетъ въ этой комедіи обозначенія мѣстностей.

Стр. 26. *Будешь евреемъ, жидомъ* (a Hebrew, a Jew). Въ Англіи временъ Шекспира дѣлали различіе между этими двумя опредѣленіями; — второе было усугубленіемъ. Фальстафъ въ «Генрихѣ IV» для большей выразительности соединяетъ ихъ: or I am a Jew else, an Ebrew Jew (Henry IV, I часть, II, 4, 198).

Стр. 26. *Я ничего не возьму въ толкъ*—по англ. тутъ игра словъ: *understand*—понимать и *stand under*—стоять, находиться подъ чѣмъ нибудь. Скабрезные намеки не переданы переводчикомъ, вставившимъ тутъ каламбуры на тему «толкъ» и «толканіе», которыхъ нѣтъ въ оригиналѣ.

Стр. 26. *Отъ любви то ошалѣлъ.* По-англійски игра словъ: *lover*—влюбленный, и *lubber*—болванъ, увалень.

Стр. 26. *Пойти съ христіаниномъ въ кабакъ.* По англ.: go to ale with a Christian. Игра словъ: ale—пиво или портерная, и ale—христіанскій народный праздникъ, въ которомъ еврей не можетъ принять участія. На такихъ праздникахъ пиво, приготовленное духовенствомъ, для народа продавалось на кладбищахъ, а для высшихъ классовъ въ церквахъ. Выручка шла на ремонтъ церквей. Пиво называлось по мѣстностямъ и временамъ года: Lamb-ale, Bride-ale, Church-ale, Whitesun-ale.

Стр. 27. Лючетта. *Такъ вы должны и волосы обрѣзать.*

Юлія: *Нѣтъ, милая, я подвяжу ихъ снизу,*
А сверху двадцать бантовъ приколю:
Такой уборъ не будетъ странѣ даже
На юношѣ и старѣе меня.

Въ Шекспирово время и мужчины убирали свои волосы косичками и бантами, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго рисунка, воспроизведеннаго въ изданіи Найта по гравюрѣ XVI в.

Стр. 28. *Вамъ нуженъ бантъ, чтобъ въ немъ носить булавки*, по-англ. a codpiece to stick pins on. Насмѣшка надъ современной Шекспиру модой носить панталоны съ толстой подбивкой впереди (у того мѣста, которое растегивается). Другіе поэты временъ Шекспира называли эту часть панталонъ подушкой для булавокъ.

Стр. 31. *А, Фэтонъ, ничтожный сынъ Меропса*—т. е. земное существо, а не сынъ бога солнца.

Стр. 33. Протей. . . . *присылай*
Твои мнѣ письма: къ бѣлоснѣжной груди
Твоей любезной перейдутъ они.

Во времена Шекспира, на передней части корсетовъ въ женскихъ платьяхъ дѣлали карманъ, въ которомъ носили не только любовныя письма, но и деньги.

Стр. 33. *Чьимъ въ любой охотничьей собакѣ*—по-англ. water-spaniel, порода собакъ, наиболѣе поддающаяся въ дрессировкѣ.

Стр. 34. *Гдѣ твой господинъ.* Въ оригиналѣ непереводимая игра словъ: your mastership—вашъ господинъ, и thy masters ship—корабль моего господина.

Стр. 34. *Она можетъ шить* и т. д. По англійски игра словъ sew—шить и so—такъ.

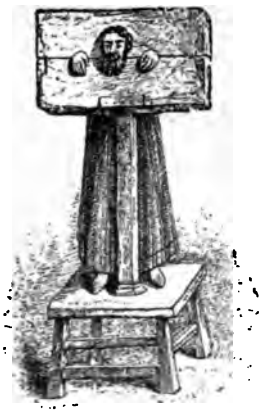
Стр. 34. *Да поможетъ тебѣ св. Николай*—Св. Николай заступникъ школьниковъ.

Стр. 38. *Монаха Тука лысиной клянусь... Монахъ Тукъ*—сотоварищъ подвиговъ и духовникъ Робинъ Гуда, знаменитаго средневѣковаго удальца и разбойника; его обезсмертилъ Вальтеръ-Скоттъ въ своемъ романѣ «*Айвенго*».

Стр. 42, столб. 2. *Сколько нужно, чтобы высморкаться.* Въ оригиналѣ грубѣе—a pissing while (чтобы помочиться).

Стр. 42 (тамъ же). *Сидѣлъ въ колодкѣ за пудинги, которые онъ не разъ стянулъ*—обычное названіе бродягъ во времена Шекспира и позже. Нижеслѣдующее изображеніе колодокъ (stock) Найтъ извлекъ изъ книги Фокса «Acts and Monuments».

Стр. 42 (тамъ-же). *Стоялъ у столба за гусей, которыхъ онъ задушилъ.* Изъ книги названнаго выше Фокса «Martyrs» Найтъ извлекаетъ рисунокъ выставленія у позорнаго столба (въ царствованіе Генриха VIII) Роберта Окама.



Стр. 44. *О маскѣ, защищающей отъ солнца.* Дамы временъ Шекспира носили бархатныя маски вмѣсто вуали, для защиты отъ солнца.

Переводъ «Двухъ Веронцевъ» Всев. Ѳ. Миллера появляется въ нашемъ изданіи съ нѣкоторыми исправленіями. О другихъ переводахъ «Двухъ Веронцевъ» см. въ заключительномъ выпускѣ.

II.

КОМЕДІЯ ОШИБОКЪ.

(Comedy of Errors).

Стр. 70. . . . *различать*
по имени ихъ только можно было.

Въ пьесѣ, однако, оба близнеца носятъ одно и то же имя—Антипола.

Стр. 70.
Два корабля плывутъ: одинъ—коринѳскій,
Другой—изъ Эпидавра.

Городъ Эпидавръ находился въ Арголидѣ, на Сароническомъ заливѣ; другой городъ того же имени былъ въ Лаконіи (онъ назывался также Лимерою). Коринѳъ имѣлъ два порта: Лехейскій на Коринѳскомъ заливѣ, и Кенхрейскій—на Сароническомъ. Такимъ образомъ, корабль, вышедшій изъ Эпидавра, идетъ по тому же пути, что и корабль изъ Кенхрейскаго порта, и оба могутъ встрѣтить обломки судна, о которыхъ говоритъ Эгеонъ, пройдя Іонические острова. Но несообразность заключается въ томъ, что Эпидамнъ (Диррахій, нынѣшній дураццо) находится въ 250 миляхъ отъ входа въ Коринѳскій заливъ. кораблекрушеніе же произошло въ то время, когда корабль Эгеона отошелъ только на милю отъ Эпидамна; слѣдовательно, Эгеонъ съ женой и дѣтьми должны были проплыть на мачтѣ, до встрѣчи съ упомянутыми выше кораблями, чрезмѣрно значительное разстояніе.

Стр. 71. *Мой младшій сынъ.*

Шекспиръ здѣсь обмолвился: какъ видно изъ предыдущаго разсказа Эгеона (стр. 70), младшій изъ близнецовъ во время крушенія былъ при матери, которая привязала его къ мачтѣ, а отецъ взялъ себѣ старшаго.

Стр. 72. *Вотъ твой вѣрный календарь,*
О, жизнь моя!

Антифолъ говоритъ о Дроміо, который родился въ одинъ съ нимъ часъ и потому служитъ указателемъ времени его рожденія, подобно календарю.

Стр. 72. *Я думъ сюда*
Во весь галопъ отъ барыни; но если
Я возвращусь безъ васъ, самъ буду вздутъ
На темени моемъ она пропишетъ
Проступокъ вашъ.

Въ подлинникѣ непереводимая игра словъ: «Я прибѣжалъ къ вамъ гонцомъ (*post*) отъ моей барыни,—и самъ стану столбомъ (*post*), на которомъ она зарубитъ вашъ долгъ». Такой столбъ, замѣнявшій нашу деревянную бирку, находился въ каждой мелочной лавкѣ и тавернѣ, около прилавка.

Стр. 73. . . . *отъ васъ*
На головѣ моей есть, правда, марки
И на плечахъ отъ барыни моей.

Тутъ переводчикъ употребилъ слово *марки* въ смыслѣ ремарки, отмѣтки. Въ подлинникѣ игра словъ: *marks*—деньги и *marks*—слѣды, отмѣтины.

Стр. 73.
Здѣсь городъ весь, вѣдь, полонъ, говорятъ,
Обманщиковъ, мошенниковъ искусныхъ и пр.

Эта тирада заимствована Шекспиромъ изъ современнаго англійскаго перевода комедіи Плавта «Менехмы»; но тамъ она относится къ Эпидамну, а не къ Эфесу. Объ эфесскихъ волшебникахъ и шарлатанахъ говорится также и въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, XIX, 13, 19.

Д. II, сц. 2 (стр. 78—79).

Дроміо Сиракузскій... я полагаю, что мясу еще недостаетъ того, что я получилъ.

Антифолъ Сиракузскій. Чего же это, если позволите узнать?

Дроміо. Оно недостаточно сыто.

Антифолъ. Стало быть, оно будетъ твердо и сухо.

Дроміо. А если это такъ, то я васъ попрошу не кушать его.

Антифолъ. По какой причинѣ?

Дроміо. Да вы разсердитесь, что оно не было какъ слѣдуетъ, и станете бить меня.

Въ подлинникѣ здѣсь игра словомъ *basting*, означающимъ «подливку» и «колотушки». Что касается намека на «сухость» мяса, то такое мясо, по мнѣнію современниковъ Шекспира, развивало желчь; послѣдняя фраза Дроміо въ буквальномъ переводѣ читается: «Это сдѣлаетъ васъ желчнымъ, и вы мнѣ зададите сухую подливку».

Стр. 79.

Антифолъ. *Я зналъ, что твое замѣчаніе окажется лысымъ.*

Здѣсь въ подлинникѣ непереводимая игра словъ: *bold* - смѣлый и *bald*—лысый.

Стр. 81. Дроміо Эфесскій... *Пожалуйста впусти!*
Дроміо Сиракузскій. *Когда вы дерево сумѣете найти*
Безъ листьевъ и вѣтвей или безъ шкуры звѣря.
Антифолъ Эфесскій. *Давай полѣно мнѣ; я выломаю двери.*
Дроміо Эфесскій. *Ну, вотъ! Безъ шкуры мы хотъ не нашли звѣрей,*
Такъ дерево нашли безъ листьевъ и вѣтвей.
А послѣ, выломавъ полѣномъ эти двери
И шкуру снявъ съ тебя, найдемъ безъ шкуры звѣря.

Здѣсь въ подлинникѣ игра словъ *crow*, означающимъ *ворону* и *ломъ*. По непереводимости этого каламбура, переводчикъ замѣнилъ его другимъ.

Стр. 87.

Антифолъ. *Какъ ее зовутъ?*

Дроміо. *Женни; но и цѣлой сажени мало для того, чтобы смѣрять ее...*

Въ подлинникѣ—игра созвучіемъ имени Nell съ словомъ an ell—локоть, аршинъ.

Стр. 87. Антифолъ Сиракузскій. *А Франція?*
Дроміо Сиракузскій. *На лбу вооруженномъ и поднявшемся войною противъ волосъ.*

(Объясненіе см. выше, стр 59, въ предисловіи).

Теобальдъ первый замѣтилъ, что тутъ должна быть игра значеньями слова *hair*—волосы и *heir*—наслѣдникъ и что подъ словомъ наслѣдникъ слѣдуетъ подразумѣвать Генриха IV, наслѣдника французскаго престола, главнаго виновника народныхъ войнъ во Франціи, продолжавшихся много лѣтъ сряду, начиная съ 1589 года. Послѣ продолжительной и тяжелой борьбы противъ лиги, Генрихъ, желая разомъ выпутаться изъ всѣхъ затрудненій, принялъ 25-го іюля 1593 года, въ С.-Дэни, католичество, и въ февралѣ слѣдующаго года былъ коронованъ королемъ Франціи. Въ 1591 году, лордъ Эссексъ съ 4000 англійскаго войска, былъ посланъ на помощь французскому королю, при чемъ братъ его Вальтеръ былъ убитъ подъ Руаномъ. Съ того времени, вплоть до окончательнаго утвержденія Генриха IV на престолѣ Франціи, множество отрядовъ англійскихъ войскъ было посылаемо королевою Елизаветою ему на помощь, вслѣдствіе чего положеніе, въ которомъ онъ находился, должно было быть общеизвѣстнымъ и служить поводомъ къ разговорамъ въ Англіи. Изъ этого намека Мэлонъ заключаетъ, что «Комедія Ошибокъ» была написана не раньше 1594 года.

Стр. 87.

Антифолъ. *А гдѣ оказались Америка и объ Индіи?*

Одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ анахронизмовъ у Шекспира, потому что дѣйствіе комедіи происходитъ, во всякомъ случаѣ, ранѣе завоеванія Эфесса магометанами, а слѣдовательно—на много вѣковъ раньше открытія Америки.

Стр. 92.

Дроміо . . *демонъ*
Въ неизносимомъ платьѣ. . .
чортъ, весь въ буйвола зашитый.

Во времена Шекспира (и раньше) полицейскіе одѣвались обыкновенно въ куртки изъ буйволовой кожи, которая служила для нихъ своего рода латами, предохраняя отъ ударовъ.

Стр. 92. . *Существо, которое всегда*
Людей ввергаетъ въ адъ до страшнаго суда.

Самымъ худшимъ помѣщеніемъ въ старинныхъ тюрьмахъ было то, куда сажали арестантовъ, не имѣвшихъ денегъ, чтобы заплатить тюремщику. Это отдѣленіе обыкновенно называлось «адомъ». Выраженіе: «до страшнаго суда» указываетъ на предварительное заключеніе.

Стр. 93.

Что много здѣсь лапландскихъ колдуновъ.

Лапландія издавна пользовалась славой, какъ родина чародѣевъ. Мильтонъ въ своемъ «Потерянномъ Раѣ» (кн. II) также упоминаетъ о «лапландскихъ вѣдьмахъ».

Стр. 93. Дроміо Сиракузскій. *При васъ нѣтъ уже изображенія стараго Адама въ новомъ платьѣ?*

Дроміо называетъ пристава «*старымъ Адамомъ*», потому что полицейскіе ходили въ кожаномъ платьѣ, подобно тому какъ Адамъ послѣ грѣхопаденія покрывался звѣриными кожами.

Стр. 94. Дроміо Сиракузскій. . . *Вотъ ангелы, за которыми вы посылали меня для избавленія вашего.*

Здѣсь имѣется въ виду современная Шекспиру монета, по изображенію на ней ангела, называвшаяся—Ангеломъ. (Ср. прим на стр. 564).

Стр. 94. *Объ женщину легкаго поведенія всегда обожжешься.* Въ подлинникѣ тутъ игра словъ *light*—свѣтлый и *light*—легкій.

Стр. 95. *Я дѣйствительно оселъ; это доказываютъ мои уши.* Въ подлинникѣ игра словъ: by my long *ears*: по моимъ длиннымъ ушамъ или по моей долголѣтней службѣ (long *years*;—долгимъ годамъ).

Стр. 96. Дроміо Эфесскій. *Сударыня, respice finem, помните конецъ; или, какъ говоритъ попугай: «берегитесь конца плѣтки».*

По мнѣнію Варбуртона, здѣсь намекъ на тогдашнее обыкновеніе выучивать попугаевъ разнымъ назидательнымъ изреченіямъ, которыя они и выкрикивали проходящимъ, и если тѣ обижались, то хозяева обыкновенно говорили имъ: «берегитесь, сэръ—мой попугай недаромъ пророчествуетъ».

Ст. 96. *Мой добрый докторъ Пинчъ,*
Вы заклинать умѣете...

Деревенскіе школьные учителя въ старину считались знахарями, и имъ въ особенности приписывалось умѣнье изгонять демоновъ Такое мнѣніе, повидимому, составилось потому, что учитель въ деревнѣ являлся единственнымъ человѣкомъ, знающимъ латыни,—кромѣ священника; а латынь считалась единственнымъ языкомъ, понятнымъ для демоновъ.

Стр. 103. *Ея слова во мнѣ*
Заставили зашевелиться совѣсть.

«Конечно, говоритъ изданіе Ирвинга (Irving Shakespeare), рѣчь игуменьи должна была произвести такое дѣйствіе. Сильное и жизненное изображеніе сварливой, «пилящей» жены какъ бы говоритъ въ пользу того предположенія, что Шекспиръ покинулъ свой родной городъ и свою жену не только затѣмъ, чтобы искать въ Лондонѣ заработка. Человѣкъ, написавшій сильную рѣчь игуменьи, долженъ былъ хорошо прочувствовать всю горечь семейныхъ непріятностей».

Стр. 106. Слуга. . . . *а между тѣмъ слуга*
Стрижетъ его, точь-въ-точь какъ сумасшедшихъ
У насъ стригутъ...

Обычай стричь и брить головы сумасшедшимъ очень древенъ. Толстъ говоритъ, что въ царствованіи Альфреда налагалась пеня въ десять шиллинговъ на того, кто обривалъ кому нибудь голову, какъ сумасшедшему.

Переводъ «Комедіи Ошибокъ» П. И. Вейнберга появляется въ настоящемъ изданіи съ нѣкоторыми исправленіями. О другихъ переводахъ см. въ заключительномъ выпускѣ.

III.

БЕЗПЛОДНЫЯ УСИЛІЯ ЛЮБВИ.

(Love's Labour's Lost).

Д. I, сц. 2 (стр. 128).
Армадо. *Я не люблю, чтобы мнѣ перечили.*
Моль. *Любишь кататься, люби и саночки возить.*

Въ подлинникѣ—непереводимая игра двойнымъ значеніемъ слова *cross*—«перечить» и «крестъ» (или «крестовикъ»=крейцеръ, монета съ изображеніемъ креста). Армадо говоритъ: «Я не люблю, чтобы мнѣ шли на крестъ» (перечили), а Моль замѣчаетъ въ сторону: «Да, крестовики его не любятъ, т.-е. денегъ у него не водится.

Сц. 2 (стр. 130).
Армадо. *Скажи, малютка, вѣдь есть какая-то баллада о королѣ и нищей?*

Баллада о королѣ Кофетуа, влюбленномъ въ нищую, была очень популярна во времена Шекспира и не разъ упоминается въ его произведеніяхъ (напр., въ Генрихѣ IV, ч. 2, д. V, сц. 3 и въ Ромео и Джульеттѣ, д. II, сц. 1).

Д. I, сц. 2 (стр. 130).
Моль . *Это вамъ скажетъ пляшущая лошадь.*

Англичане во времена Шекспира очень любили смотрѣть на ученыхъ животныхъ. Джонъ Тэйлоръ упоминаетъ о верблюдѣ, котораго показывалъ какой-то Хольденъ; Джонсонъ говоритъ о чрезвычайно ученомъ слонѣ; но въ особенности славилась одна лошадь, принадлежавшая нѣкоему Банку. Ее звали «Марокко»; въ первый разъ она появилась въ Лондонѣ въ 1589 г., а въ 1595 г. о ней была напечатана цѣлая брошюра. Здѣсь разсказывается, что лошадь Банка не только умѣла сосчитывать число пенсовъ въ любой серебряной монетѣ и число очковъ на игральныхъ костяхъ, но что она изумила весь Лондонъ, поднявшись на башню собора св. Павла. Банкъ изъ Англіи отправился съ нею во Францію и Италію; но въ Римѣ его обвинили въ чародѣйствѣ и вмѣстѣ съ лошадью сожгли.

Д. I, сц. 2 (стр. 131).
Армадо . . . *Первая и вторая причина вызова не помогутъ мнѣ; на passado Купидонъ не обращаетъ вниманія, duello ставитъ ни во что.*

Ссылки на модныя въ то время руководства къ правильному веденію поединковъ. Надъ этими руководствами Шекспиръ смѣется и въ «Ромео и Джульеттѣ» (д. II, сц. 4), приводя тѣ-же самые термины «благороднаго искусства».

Д. II, сц. 1 (стр. 133).
Принцесса и фрейлины надѣваютъ маски.

Итальянскій обычай носить маски вошелъ въ моду въ Англіи въ концѣ XVI вѣка. Дамы являлись замаскированными въ театрахъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ, причемъ пользовались масками первоначально для защиты лица отъ солнечныхъ лучей и загара. Поэтому не удивительно, что принцесса и ея фрейлины пріѣхали въ Наварру съ этими неизбѣжными по тому времени принадлежностями туалета.

Д. II, сц. 1 (стр. 134).
Бирон. *Дай вашей маскѣ Богъ счастливыхъ много дней!*

Такъ какъ Розалина, наравнѣ со всѣми прочими дамами, является въ маскѣ, то Бирон и обращается съ своими пожеланіями къ ея маскѣ, а не къ лицу, котораго онъ не видитъ

Д. II, сц. 1, (стр. 136).
Марія. *Какіе храбрые бароны!*
Бойе. *Нѣтъ,—бараны.*

Въ подлинникѣ игра со звучными словами: *sheeps* (овцы) и *ships* (корабли).

Д. III, сц. 1 (стр. 139).
Моль. *Однимъ грошемъ наблюдательности.*

Подобная фигуральная оцѣнка духовныхъ качествъ на деньги была довольно обычна въ изысканномъ языкѣ XVI столѣтія. Одна современная Шекспиру брошюра называется: «На пенни хорошаго толкованія Св. Писанія»; врагъ Шекспира Робертъ Гринъ издалъ противъ него памфлетъ подъ заглавіемъ: «На грошъ остроумія, купленнаго за милліонъ раскаянія» (1592).

Д. III, сц. 1 (стр. 139).
«... *Забыта деревянная лошадка!*»

Деревянная лошадка (hobby horse), на которой скакали паяцы во время балаганныхъ представленій, была одною изъ любимыхъ принадлежностей народнаго гулянья 1 мая. Пуритане старались уничтожить веселый разгулъ этихъ народныхъ праздниковъ и, между прочимъ, запретили скакать на деревянныхъ лошадкахъ. По этому поводу сложена была пѣсенка съ припѣвомъ: «Но ахъ! но ахъ! За

быта деревянная лошадка!» Моль, услышавъ возгласъ Армадо: «Но ахъ! но ахъ!» дополняетъ его другой половиной стиха. Тотъ же стихъ встрѣчаемъ и въ «Гамлетѣ» (д. III, сц. 2).

Нижеслѣдующая старая гравюра изображаетъ старинный англійскій майскій народный праздникъ, въ числѣ забавъ котораго фигурируетъ и «деревянная лошадка».

Стр. 140. Армадо. (*Башкъ*). *Ну, гдѣ твой envoy? Все объясни, какъ надо.*

Каждое старинное французское стихотвореніе оканчивалось строфою, заключавшею въ себѣ нравоученіе— и эта-то заключительная строфа называлась *посылкою* (envoy).

Д. III, сц. 1 (стр. 140).

Моль. *Весьма пріятный envoy, оканчивающійся гусемъ.*

Ставенсъ приводитъ, въ объясненіе этого стихотворенія, старинную англійскую пословицу: «Три бабы и одинъ гусь—цѣлый базаръ».

Стр. 142. Бироиъ.

Жена, что, какъ извѣстно, вѣчно схожа
Съ нѣмецкими часами: какъ ты ихъ
Ни заводи—итти не могутъ вѣрно
И требуютъ поправки каждый день...

Первые часы, вошедшіе въ употребленіе въ Англіи, были нѣмецкой работы и, по причинѣ своего тяжелаго и неискусно выполненнаго механизма, они весьма часто шли невѣрно. Вестонъ говоритъ, что онъ слышалъ французскую поговорку, которая сравнивала все запутанное и безпорядочное съ страсбургскимъ пѣтухомъ, составлявшимъ часть механизма часовъ этого города. Первыми часами, сдѣланными въ Англіи, называютъ часы въ Гамптонъ-Кортѣ, которые, судя по надписи, бывшей на нихъ въ прежнее время, были сдѣланы въ 1540 году.

Д. IV, сц. 1 (стр. 146—147).

Розалина. *Хотите, чтобъ я напала на васъ старымъ приливомъ, который былъ взрослымъ человѣкомъ уже въ то время, когда король Пепинъ былъ еще ребенкомъ?*

Бойе. *Я могъ бы отразить это нападеніе такою же старою поговоркою, которая была взрослою женщиной уже въ то время, когда королева Жиневра британская была еще маленькой дѣвочкой.*

Фразу о королѣ Пепинѣ, равносильную нашему выраженію о парѣ Горохѣ, Шекспиръ повторяетъ и въ другихъ пьесахъ, напр. «Все хорошо, что хорошо кончается» (II,) и въ «Генрихѣ VIII» (I,²), Бойе упоминаетъ о еще болѣе старой легендарной королевѣ Жиневрѣ, супругѣ миѳическаго короля Британіи Артура.

Стр. 149. Олоферпъ. . . *О, добрый старый мантуанецъ!.*

Старымъ мантуанцемъ названъ здѣсь Баптиста Спаньоло, авторъ разныхъ поэмъ, который жилъ въ концѣ XV вѣка и былъ прозванъ мантуанцемъ, по мѣсту своего рожденія.

Д. IV, сц. 2 (стр. 149).

Олоферпъ. *Fauste, precor, gelida quando pecus omne sub umbra ruminat.*

Начальные стихи латинской эклоги Баптиста Спаньоло, стихотворенія котораго часто читались въ тогдашнихъ школахъ: «Счастливый, я молю, когда весь скотъ въ тѣни прохладной пасется». *Venegia, Venegia, chi non te vide, non te pregia*— «Венеція, Венеція, только тотъ, кто тебя не видѣлъ, не прославляетъ тебя».

Стр. 150. Бироиъ.

Дѣйствительно, онъ, какъ клятвопреступникъ,
Пришелъ сюда съ бумажнымъ ярлыкомъ.

Намекъ на обычай того времени, по которому на клятвопреступниковъ, при исполненіи надъ ними приговора, надѣвали бумажные ярлыки, на которыхъ было написано большими буквами ихъ преступленіе.

Д. V, сц. 1 (стр. 157).

Олофернъ. *Bone* вмѣсто *bene?* Присціанъ получилъ пощечину

Присціанъ—старый латинскій грамматикъ.

Приведенная фраза—есть старинная англійская поговорка, означающая, что кто нибудь обходится безъ правилъ грамматики.

Д. V, сц. 2 (стр 158).

«*Девять героевъ*» — одно изъ очень популярныхъ въ старой Англіи аллегорическихъ представленій, безъ которыхъ не обходилась ни одна торжественная процессія. Обыкновенно въ числѣ девяти было три героя древнихъ, три библейскихъ и три христіанскихъ, а именно: Гекторъ, Александръ Македонскій, Юлій Цезарь,—Іисусъ Навинъ, Давидъ, Іуда Маккавей,—король Артуръ, Карлъ Великій и Годфридъ Бульонскій; но они могли замѣняться и другими, по произволу составителя рѣчей, въ которыхъ заключалось прославленіе даннаго торжества.

Стр. 160. *Была какъ прописное Б въ тетрадкѣ.*

Въ старинныхъ англійскихъ азбукахъ буква А была *красная*, а буква Б—*черная*, и потому намекъ Катарины совершенно ясенъ, самъ по себѣ.

Стр. 160. Катарина. *А на твоемъ лицѣ я съ грустью вижу*
Такъ много О!

Этими словами Розалина намекаетъ, повидимому, на слѣды оспы, оставшіеся въ видѣ кружковъ, похожихъ на букву О, на лицѣ Катарины.

Д. V, сц. 2 (стр. 163).

Труба звучитъ! Идутъ! Надѣньте маски!

Слѣдующая за этимъ маскарадная импровизація—одна изъ тѣхъ, которыя были въ большой модѣ при дворѣ Генриха VIII и Елизаветы. Генрихъ VIII очень любилъ такія забавы, а Шекспиръ могъ прочесть ихъ описаніе въ хроникахъ Голиншеда и Холла. Послѣдній разсказываетъ, что во время одного банкета, даннаго Генрихомъ VIII въ честь иностранныхъ пословъ, графъ Уильтширъ и лордъ Фицуолтеръ явились въ длинныхъ кафтанахъ изъ желтаго атласа, съ полосами изъ атласа же бѣлаго и краснаго, «по русской или россійской модѣ», въ сѣрыхъ мѣховыхъ шапкахъ, съ сѣкирами въ рукахъ и въ сапогахъ съ загнутыми кверху носками. Такъ изображали въ то время русскій костюмъ. О значеніи «масокъ» см. въ предисловіи.

Д V, сц. 2 (стр. 166).

Veal, *говорятъ голландцы.*

Голландцы вмѣсто англійскаго *veal* (ладно) произносятъ *vell*, что звучитъ одинаково съ словомъ *veal*—теленокъ.

Стр. 175. Король. *Гекторъ, въ сравненьи съ нимъ, былъ не больше, какъ троянецъ...*

Въ Шекспирово время слово: *троянецъ* было синонимомъ слова: *мошенникъ, воръ.* Во Франціи и теперь воровъ называютъ *греками.*

Д. V, сц. 2 (стр. 176).

Не умѣю я драться сѣверными полюсами.

Игра словъ: На сѣверѣ Англіи въ большомъ ходу былъ бой на палкахъ (pole—палка и pole—полюсъ). Рисунокъ на стр. 180 даетъ понятіе объ этой народной забавѣ.

Стр. 178. . . . *Съ минуты этой сердце*
Мое лежитъ въ груди твоей, принцесса!

Въ старинныхъ и даже во многихъ новѣйшихъ изданіяхъ послѣ этихъ строкъ встрѣчаются слѣдующіе стихи:

Бирон. *А мнѣ что, дорогая?*
Розалина. *Очищенье.*
И вамъ необходимо; мы грѣхомъ
Заражены; въ насъ множество проступковъ
И клятвопреступленій. Если вы
Желаете, чтобъ я васъ полюбила,
То цѣлый годъ безъ отдыха должны
Ухаживать за бѣдными больными.

Сравнивая эти слова Розалины съ послѣдующей ея рѣчью, которой она, сравнительно, слабое и блѣдное сокращеніе, очевидно, что вопросъ Бирона и отвѣтъ Розалины въ этомъ мѣстѣ есть не болѣе, какъ первоначальная редакція того же отвѣта на тотъ же вопросъ. Поэтому новѣйшіе издатели сочиненій Шекспира обыкновенно исключаютъ это мѣсто, служащее только къ ослабленію впечатлѣнія слѣдующаго, болѣе подробнаго и точнаго отвѣта Розалины.

Д. V, сц. 2 (стр. 180).

Пѣсня.

По старинному театральному обычаю, по окончаніи комедіи на сцену являлся клоунъ и пѣлъ пѣсню, сопровождая ее пляскою. Это называлось «джигъ». Въ настоящей комедіи шутовская пѣсня представляетъ лирическій дуэтъ двухъ клоуновъ, изъ которыхъ одинъ является въ костюмѣ Весны, а другой—Зимы.

По англійски рогоносецъ— cuckold», поэтому звукъ «ку-ку» (cuckoo)—«для всѣхъ мужей—источникъ мукъ».

Въ пѣснѣ «Зимы» сближается крикъ совы *to who* со слозомъ to woo—свататься, искать любви.

О русскихъ переводахъ см. въ заключительномъ выпускѣ. Точный переводъ «Безплодныхъ усилій любви» на русскій яз. представляетъ непреодолимыя трудности по огромному количеству каламбуровъ и часть ихъ гдѣ было возможно,—П. П. Вейнбергъ передалъ приблизительно, а часть опустилъ совсѣмъ. Опущены также нѣкоторыя изъ черезъ чуръ уже грубыхъ и непристойныхъ остротъ.

IV.

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА.

(Romeo and Juliet).

Прологъ (стр. 194).

Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ «прологъ» называется также хоромъ: комментаторы полагаютъ, что эти названія употреблялись безразлично для обозначенія лица, произносившаго въ драмахъ вступительныя и заключительныя рѣчи. По мнѣнію Ульрици, этотъ прологъ не принадлежитъ Шекспиру, почему и не помѣщенъ въ первомъ in folio 1623 г.

Прологъ (стр. 194).

Въ Вероны древней и прекрасной...

Верона—послѣ Рима—самый интересный изъ итальянскихъ городовъ по сохранившимся здѣсь остаткамъ старины. Въ этомъ городѣ находятся и развалины римскаго амфитеатра (изображеніе ихъ

см. на стр. 252), и тріумфальныя арки, дворцы знаменитыхъ итальянскихъ фамилій и могилы средневѣковыхъ королей. Старинный дворецъ Капеллетти (Капулетти), съ некрасивымъ балкономъ и неправильно расположенными окнами, до сихъ поръ стоитъ въ переулкѣ близъ городской площади, привлекая вниманіе путешественниковъ, вспоминающихъ трагедію Шекспира и стихъ Данте:

Vieni a veder Montecchi e Cappelletti.

Д. 1, сц. 1 (стр. 195).

Самсонъ. *Грегоріо, честное слово! мы не дадимъ собою играть.*

Въ подлинникѣ: «Мы не станемъ *таскать уголь*» (coal), — синонимъ выраженія: «исполнять черную работу», «быть на посылкахъ». Таскань̀е дровъ и угля возлагалось обыкновенно на глупыхъ и безотвѣтныхъ слугъ, которыхъ всякій могъ безнаказанно обидѣть.

Стр. 196.

Не уйти имъ отъ меня цѣлыми.
Лупи мужчинъ, да пронимай бабъ.

Въ подлинникѣ пространнѣе и грубѣе:

Самсонъ. Я буду тиранномъ. Побивши съ мужчинами, я буду жестокъ къ дѣвушкамъ и всѣмъ имъ спущу головы.

Грегоріо. Спустишь дѣвушкамъ головы?

Самсонъ. Головы или дѣвственность (игра словъ: heads of the maids—головы дѣвушкамъ, и maiden heads—дѣвственность)—понимай какъ хочешь.

Сц. 1 (стр. 196).

Грегоріо. . . ты былъ бы самой скверной треской.

Въ подлинникѣ: «бѣднымъ Джономъ»; такъ называли, въ насмѣшку, самую плохую сушеную и соленую треску, которая во время поста употреблялась въ пищу бѣдными людьми и прислугой.

Сц. 1 (стр. 196).

Самсонъ. *Я покажу имъ кукишъ.*

Въ подлинникѣ: «Я закушу на нихъ пальцъ»—оригинальная итальянская манера символическаго оскорбленія, выражающаго презрѣніе къ тому лицу, въ присутствіи котораго это дѣлается.

Сц. 1 (стр. 197).

Одинъ изъ горожанъ. *Дубинъ, ножей и бердышей.*

Крикъ: «Дубинъ!» (Clubs) всегда раздавался на улицахъ англійскихъ городовъ во время народныхъ возмущеній, когда приверженцы враждующихъ партій бросались другъ на друга съ палками. Отъ этого національнаго обычая ведутъ свое происхожденіе англійскіе *клубы*, являющіеся первоначально синонимомъ партіи, кучки «дубинщиковъ», стоящихъ подъ тѣмъ или другимъ знаменемъ. Такимъ образомъ, въ этой сценѣ Шекспиръ заставляетъ итальянцевъ употреблять чисто-англійское, мѣстное выраженіе. Подобный пріемъ является у него вообще довольно обычнымъ.

Стр 199.

Любовь... вѣдь это дымъ, который порожденъ
Парами вздоховъ. Если не стѣсняетъ
Его стремленія преграда, ярко онъ
Огнемъ въ очахъ двухъ любящихъ пылаетъ.

Какъ большинство русскихъ переводчиковъ, Григорьевъ не вѣрно передалъ тутъ очень кратко выраженную мысль Шекспира, у котораго сказано: «Очищенная (отъ дыма вздоховъ), она (любовь)—огонь сверкающій во взорѣ любящихъ».

Сц. 1 (стр. 199).

Ромео. *Она*
Стрѣламъ Эрота вовсе недоступна,
Суровой чистоты броней ограждена
И какъ сама Діана неприступна...

Стивенсъ видитъ въ этихъ и дальнѣйшихъ словахъ Ромео косвенный комплиментъ «дѣвственной» королевѣ Елизаветѣ; вѣроятно, говоритъ онъ, 67-лѣтней весталкѣ лестно было слышать похвалы ея красотѣ, и ея неприступному цѣломудрію».

Сц. 1 (стр. 199).

Ромео. *Безцѣнно-дорогой*
Кладъ красоты погибнетъ вмѣстѣ съ нею.

Ромео говоритъ о своей возлюбленной, что она богата, обладая несравненной красотой, но въ то же время и бѣдна, такъ какъ это ея богатство,—красота, — вслѣдствіе ея цѣломудрія, никому не достанется и умретъ вмѣстѣ съ нею. Подобныя выраженія нерѣдко встрѣчаются и въ сонетахъ Шекспира.

Сц. 2 (стр. 200).

Капулетъ . . . . . *нѣтъ*
Еще четырнадцати лѣтъ ей полныхъ.

Въ старинной поэмѣ Брука (1562), послужившей источникомъ для шекспировской трагедіи, Капулетъ говоритъ: «Ей нѣтъ еще и XVI лѣтъ». Но въ позднѣйшихъ изданіяхъ этой поэмы (1582, 1587) вмѣсто XVI стоитъ XIV, вѣроятно, вслѣдствіе ошибочной перестановки единицы. Въ прозаическомъ разсказѣ Пэйнтера Джульетта является еще на два года старше; ей 18 лѣтъ. Шекспиръ, очевидно, держался одного изъ позднѣйшихъ текстовъ Брука. Въ Англіи дѣвушка въ 14 лѣтъ уже могла выйти замужъ. Браунъ предполагаетъ, что Шекспиръ сдѣлалъ свою Джульетту какъ можно моложе для того, чтобы оправдать въ глазахъ публики исполненіе этой трудной роли мальчикомъ.

Сц. 2 (стр. 201).

Ромео. *И придорожникъ пользуетъ вѣдь тоже.*

«Придорожникъ» или «подорожникъ»—извѣстное растеніе, листья котораго употребляются простонародьемъ какъ кровоостанавливающее средство для излѣченія ранъ, ссадинъ и пр.

Сц. 2 (стр. 202).

Ромео (*читаетъ*). . . *Меркуціо и его братъ Валентинъ.*

Имя Меркуціо стоитъ въ спискѣ приглашенныхъ, хотя мы видимъ этого молодого человѣка всегда въ обществѣ друзей Монтекки. Онъ — родственникъ князя и потому, вѣроятно, находится въ отношеніяхъ добраго знакомства съ обоими враждующими домами, хотя къ Монтекки онъ ближе, чѣмъ къ ихъ противникамъ.

Сц. 3 (стр. 203).

Кормилица. *...одиннадцать годовъ, какъ было землетрясенье.*

Шекспиръ могъ имѣть свѣдѣнія о землетрясеніи, бывшемъ въ Веронѣ въ 1348 году, въ бытность тамъ Петрарки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, комментаторы видятъ въ этихъ словахъ намекъ на землетрясеніе, случившееся въ Англіи въ 1580 году и на основаніи этого намека опредѣляютъ время написанія трагедіи (см. предисловіе, стр. 190); но едва ли не вѣрнѣе мнѣніе Гентера, что Шекспиръ имѣетъ въ виду землетрясеніе 1570 года, разрушившее Феррару и отозвавшееся также и въ Веронѣ. Объ этомъ земле-

трясеніи онъ упоминаетъ въ своей «Бурѣ». Оно описано и въ современной Шекспиру англійской брошюрѣ подъ заглавіемъ: «Списокъ письма, посланнаго изъ Феррары 22 ноября 1570 г.».

Сц. 4 (стр. 205).

Бенволіо. ... *Амура нѣтъ у насъ съ глазами,*
Повязанными шарфомъ, да съ картоннымъ
Татарскимъ размалеваннымъ лукомъ.

Въ «Тимонѣ Аѳинскомъ» Шекспира замаскированнымъ дамамъ и амазонкамъ предшествуетъ Амуръ, который обращается къ присутствующимъ съ рѣчью. Эта фигура была одною изъ наиболѣе обычныхъ въ такъ наз. «маскахъ» шекспировской эпохи. «Татарскій» лукъ—съ перехватомъ посрединѣ дуги, въ противоположность англійскому—прямому. Съ такимъ лукомъ обыкновенно изображали Амура въ эпоху Возрожденія.

Сц. 4 (стр. 205).

Ромео. *Дай факелъ мнѣ.*

Въ старину залы дворцовъ во время праздниковъ освѣщались обыкновенно восковыми факелами, съ которыми приходили гости и ихъ слуги. Во время театральныхъ представленій въ присутствіи королевы Елизаветы въ королевской коллегіи въ Кембриджѣ, факелы держали придворные джентльмены, но обыкновенно эта обязанность исполнялась особыми факелоносцами.

Сц. 4 (стр. 105).

Ромео. *Пусть повѣсы съ легкимъ сердцемъ*
Бьютъ пятками безчувственный тростникъ.

Въ Италіи уже давно были въ употребленіи ковры, а въ Англіи временъ Елизаветы все еще продолжали устилать полъ соломой, которую здѣсь Шекспиръ называетъ тростникомъ. Это дѣлалось даже въ тронной залѣ королевы.

Сц. 4 (стр. 205).

Меркуціо. *Ого! царица Мабъ была съ тобой.*

Имя «царицы Мабъ» вызвало много разнообразныхъ толкованій. Нѣкоторые комментаторы видѣли въ немъ сокращеніе «Dame Abunde» (олицетвореніе изобилія),—другіе сокращеніе словъ Ma bella (моя красавица), amabilis (возлюбленная) и т. п. Томсъ нашелъ въ одномъ старинномъ сочиненіи, что царица ирландскихъ фей носила имя Mabh. На гаэльскомъ и родственныхъ ему британскихъ діалектахъ слово mab означаетъ ребенка—и, конечно, это значеніе всего ближе подходитъ къ изображаемому въ разсказѣ Меркуціо маленькому, проказливому мионическому существу.

Сц. 4 (стр. 205).

Меркуціо. *И вся-то въ камень перстня помѣстится.*

Въ подлинникѣ: «Ростомъ не больше агата на указательномъ пальцѣ олдермэна». Чиновныя лица и богатые люди въ старой Англіи обыкновенно носили на указательномъ пальцѣ агатовый или сердоликовый перстень съ печатью, а чаще—съ изображеніемъ человѣческой фигуры. Съ такою-то маленькою фигуркою и сравнивается здѣсь царица фей.

Стр. 206.

Немного меньше кругленькаго звѣря
Катаемаго на ноготь ночью дѣвкой.

Григорьевъ, какъ и нѣкоторые другіе русскіе переводчики, ложно понялъ это мѣсто. У Шекспира сказано: «меньше половины кругленькаго червячка, вылѣзающаго изъ пальца лѣнивой дѣвушки». По народному повѣрью временъ Шекспира—въ пальцахъ лѣнивыхъ женщинъ заводились черви.

Сц. 4 (стр. 20[illegible]).

Меркуціо... *Она же, эта Мабъ,*
У коней ночью гривы заплетаетъ.

И донынѣ среди европейскаго простонародья кое-гдѣ сохраняется вѣра въ то, что домовой путаетъ по ночамъ конскія гривы и завязываетъ на нихъ узлы, заливая ихъ смолой. Объ этомъ съ полною увѣренностью говоритъ парижскій епископъ Гильомъ Оверискій (XIII в.) въ одномъ изъ своихъ сочиненій. Дѣйствительнымъ средствомъ для того, чтобы прогонять злыхъ духовъ изъ конюшенъ, признавались «чортовы пальцы» (белемниты) или находимые въ землѣ продырявленные кремни, которые подвѣшивались въ конюшняхъ или на шею лошадямъ.

Сц 5 (стр. 206).

1-й слуга. *Отставляй кресла, отодвинь шкафъ.*

Въ подлинникѣ: court-cupboard, т. е. открытый буфетъ или «горка» съ золотой и серебряной посудой.

Сц. 5 (стр. 207).

Ромео. *Словно въ ушахъ эѳіопки алмазъ дорогой.*

Подобное же сравненіе встрѣчаемъ и въ извѣстномъ романѣ Лилли: «Эвфуэсъ»: «Драгоцѣнная жемчужина въ ухѣ мавританки».

Сц. 5 (стр. 208).

Джульетта. *Къ рукѣ вы слишкомъ строги, пилигримъ!*

Ромео въ этой сценѣ одѣтъ пилигримомъ—въ длинной рясѣ съ широкими рукавами и пелериной на плечахъ, въ широкополой шляпѣ, у которой спереди поля пристегнуты къ тульѣ небольшой раковиной или пуговицей, и съ длиннымъ согнутымъ посохомъ въ лѣвой рукѣ. Это былъ одинъ изъ обычныхъ въ старое время маскарадныхъ костюмовъ.

Сц. 5. (стр. 208).

Ромео цѣлуетъ Джульетту.

Шекспиръ слѣдовалъ здѣсь обычаямъ своего времени, когда не считали зазорнымъ публично поцѣловать даму. Въ «Генрихѣ VIII» точно такъ же лордъ Сэндсъ цѣлуетъ Анну Болейнъ, сидя съ нею рядомъ за ужиномъ у кардинала Уольсея.

Д. II, сц. 1 (211).

Меркуціо. . . . *Король Кофетуй въ нищенку влюбился.*

Балладу о королѣ Кофетуа, влюбленномъ въ нищую, упоминается также въ «Безплодныхъ усиліяхъ любви» (I, сц. 2, стр. 130 и въ прим. стр. 551).

(Стр. 211). Въ заклинаніи Меркуціо, Григорьевъ опустилъ (послѣ словъ «устами пунцовыми и маленькою ножкою»): «ея колышащимися бедрами и всею прилегающею къ нимъ областью».

(стр. 211). Меркуціо.

И думаетъ: зачѣмъ красавица не плодъ
И фигой на него сама не упадетъ.

Тутъ Григорьевъ очень кратко передалъ рядъ невозможно-грубыхъ каламбуровъ и сближеній Меркуціо.

Сц. 2 (стр. 213).

Джульетта . . . . . *смѣется, говорятъ,*
Юпитеръ надъ любовнымъ вѣроломствомъ.

Это выраженіе Шекспиръ могъ заимствовать изъ перевода «Любовной науки» Овидія, изданнаго Марло, гдѣ говорится: «Самъ Юпитеръ возсѣдаетъ на лазурныхъ небесахъ и смѣется надъ вѣроломствомъ любовниковъ». Въ поэмѣ Баярдо «Влюбленный Орландъ» также есть стихи:

Quel che si fa per ben Dio nonagrava
Anzi ride el spergiuso degli amanti.

Сц. 4 (стр. 216).

Бенволіо. *Да Тибальтъ-то что за птица ужъ такая?*

Меркуціо. *Да не кошачье мяуканье...*

Въ подлинникѣ: «Да, могу сказать, побольше, чѣмъ князь котовъ», Комментаторы сближаютъ это выраженіе съ именемъ Кота Тиберта въ средневѣковомъ «Романѣ о Лисѣ».

Сц. 4 (стр. 217).

Меркуціо. *Дуэлистъ, дуэлистъ!... Второго позыва ждать не станетъ. О, дивное пассадо! Отбивай! Ага!*

При Елизаветѣ дуэли сдѣлались въ Англіи обычнымъ явленіемъ, и для правильнаго ихъ веденія издано было нѣсколько руководствъ, въ которыхъ подробно перечислялись всевозможные поводы къ поединкамъ и всѣ пріемы боя. Однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ руководствъ этого рода было переведенное съ итальянскаго сочиненіе Савіоло и Каранцы (1595). Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. въ Лондонѣ было нѣсколько знаменитыхъ учителей фехтованія, тоже большею частью итальянцевъ, отчего и всѣ термины «благороднаго искусства» были итальянскіе. «Пассадо» (собств. passata)—выпадъ, шагъ впередъ во время боя. Въ пьесахъ Шекспира часто встрѣчаются указанія на дуэли и различные термины атаки и обороны.

Сц. 4 (стр. 220).

Кормилица. . . *Вѣдь розмаринъ-цвѣтокъ и Ромео съ одного слова начинаются?*

Розмарину приписывалось свойство укрѣплять память; потому этотъ цвѣтокъ и считался символомъ вѣрности и входилъ въ составъ свадебныхъ букетовъ. Ср. «Гамлетъ», д. IV, сц. 2.

Сц. 4 (стр. 220).

Ромео. . . . *оба, конечно, съ Ро.*

Кормилица. *Ахъ, вы, насмѣшникъ! Вѣдь это собачій лай!*

Неграмотная кормилица думаетъ, что Ромео надъ нею смѣется. Букву *р* въ школахъ называли «собачьей» и повторяли стихъ Люцилія: «Irritata canis quot RR quam plurima dicat».

Д. III, сц. 1 (стр. 226).

Меркуціо. *Его сотретъ одно a la stoccata.*

Итальянскій терминъ, означающій быстрый ударъ рапирою.

Сц. 1 (стр. 226).

Меркуціо. *Почтенный кошачій король.*

Ср. выше, примѣч. къ стр. 216.

(Стр. 226).

Почью всегда поетъ онъ на гранатѣ.

Григорьевъ сдѣлалъ къ этому мѣсту такое примѣчаніе:

«Неправильный стихъ, который измѣнить можно было-бы такъ:

Всегда поетъ онъ ночью на гранатѣ,

если-бы я не пытался удержать въ этомъ классическомъ мѣстѣ особенную музыкальность оригинала, но всѣмъ тѣ даже съ сохраненіемъ ударенія на [illegible] трехъ слогахъ».

Сц. 5 (стр. 23[illegible]).

Джульетта. . . . *О, звѣзда...*
Она о полудни не скрывается?

[illegible] *Ромеу* [illegible] *жабу, и изъ-*

канье не было бы признакомъ начинающагося дня, а слѣдовательно—и сигналомъ разлуки влюбленныхъ.

Д. IV, сц. 1 (стр. 245).

Лоренцо. *Въ одеждахъ лучшихъ, въ незакрытомъ гробѣ.*

По итальянскому обычаю, покойниковъ хоронили въ склепахъ въ незакрытыхъ гробахъ.

Сц. 2 (стр. 245).

Капулетъ . . . . . *найми*
Мнѣ двадцать поваровъ хорошихъ.

По счетнымъ книгамъ лондонской Stationers Company 1560 года видно, что проповѣднику платили 6 шиллинговъ 2 пенса, менестрелю (пѣвцу, музыканту)—12 шиллинговъ, а повару—15. Эта сравнительная оцѣнка услугъ почти не мѣнялась въ теченіе двухъ столѣтій. Капулетъ, какъ человѣкъ тщеславный, хочетъ большимъ числомъ поваровъ показать свое богатство и роскошь.

Сц. 3 (стр. 248).

Джульетта. *Глухіе стоны, стонамъ мандрагоры,*
Съ корнями вырванной, подобные...

Корню мандрагоры приписывалось сходство съ человѣческой фигурой, отчего и думали, что этому растенію присуща извѣстная степень сознательной жизни и нѣкоторыя человѣческія свойства, напр.,—голосъ: мандрагора, если ее вырвать съ корнемъ, будто бы стонетъ, и этотъ стонъ убиваетъ или сводитъ съ ума человѣка, вырвавшаго растеніе. Чтобы избѣжать такихъ послѣдствій, рекомендовалось обвязывать мандрагору веревкой, другой конецъ которой привязывался бы къ собакѣ, такъ чтобы вырывала мандрагору эта послѣдняя.

Сц. 5 (стр. 251).

Лоренцо . . . . . *. размариномъ*
Вы тѣло ей прекрасное осыпьте.

Розмаринъ, какъ растеніе вѣчно-зеленое, считался эмблемою безсмертія, а потому и употреблялся при погребальныхъ обрядахъ.

Сц. 5 (стр. 251).

Пьетро. *Музыканты, а музыканты! Скорый: «Сердца радость – жизни сладость!»*

Здѣсь мы имѣемъ одну изъ тѣхъ шуточныхъ интермедій, которыми время отъ времени прерывалось дѣйствіе въ старинной англійской драмѣ. Въ изданіи «Ромео и Джульетты» in quarto 1599 года, этой сценѣ предшествуетъ указаніе: «Входитъ Вилль Кемпъ». Это—имя артиста, очевидно, игравшаго роль Пьетро. Вилль Кемпъ былъ въ свое время однимъ изъ самыхъ любимыхъ клоуновъ. Пѣсня: «Сердца радость»—очень популярная старинная англійская мелодія. «О горесть, о мученье!»—напѣвъ также популярной баллады «О двухъ любовникахъ». Дальше Пьетро поетъ начальные стихи пѣсни, напечатанной въ шекспировское время Ричардомъ Эдуардсомъ подъ названіемъ: «Въ похвалу музыкѣ».

Сц. 5 (стр. 25[illegible]).

Пьетро. *Ну, а ты какъ скажешь, Уго Гудокъ.*

Въ подлинникѣ: Hugh Rebeck. *Ребекъ*—трехструнный смычковый музыкальный инструментъ, перешедшій въ Англію изъ Италіи (ribeca), гдѣ онъ былъ первоначально введенъ маврами (арабское rebâb).

Д. V, сц. 1 (стр. 253).

Ромео. *Коня могу я только довѣрять*
[illegible] вѣрнымъ листамъ...

Предчувствія и предвѣщанія—одинъ изъ обычныхъ драматическихъ мотивовъ у Шекспира. Изображая такимъ способомъ «тѣнь грядущихъ событій», поэтъ какъ бы желаетъ объяснить роковой исходъ трагедіи тѣмъ, что человѣкъ не вѣритъ своему предчувствію, пренебрегаетъ предзнаменованіями, и оттого становится жертвой судьбы. Таково; напр., предзнаменованіе смерти Юлія Цезаря, Гамлета (V, 2), Дездемоны (Отелло, IV, 3) и т. д.

Сц. 3 (стр. 255).
Верона. Кладбище.

По указаніямъ комментаторовъ, здѣсь изображено кладбище Santa Maria Antiqua въ Веронѣ, съ памятникомъ Скалигеровъ. По преданію, Ромео и Джульетта были похоронены въ склепѣ Fermo Maggiore, принадлежавшемъ францисканскому ордену. Монастырь этотъ потомъ сгорѣлъ, а саркофагъ, называемый «гробомъ Джульетты», былъ спасенъ изъ развалинъ и до сихъ поръ показывается въ Веронѣ. Байронъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Муру, говоритъ: «Веронезцы упорно держатся вѣры въ правдивость исторіи о Джульеттѣ, указываютъ даже годъ ея смерти (1303) и показываютъ ея гробницу. Это—низкій открытый и отчасти обломанный саркофагъ, стоящій въ глухомъ и заброшенномъ монастырскомъ саду, гдѣ нѣкогда было кладбище...»

Такъ называемый «Гробъ Джульетты» въ окрестностяхъ Вероны.

Сц. 3 (стр. 258).
Лоренцо. *Какъ часто ноги старыя мои*
О камни гробовые спотыкались...

Споткнуться дурной знакъ. Объ этомъ часто говорится у Шекспира (напр. Генр. VI, ч. 3. IV, 7; Ричардъ III, д. III, 4 и др.).

Переводъ Аполлона Григорьева былъ напечатанъ въ «Драматич. Сборникѣ» 1860 г. О другихъ русскихъ переводахъ см. въ заключительномъ выпускѣ.

V.

УСМИРЕНІЕ СТРОПТИВОЙ.

(Taming of the Shrew).

Стр. 274. *Вотъ тебѣ свидѣтель св. Іеронимъ.* Въ оригиналѣ: «Go by, Saint Ieronimy»—взято изъ «Spanish Tragedy» Кида («Hieronimo beware, go by, go by»). Вся трагедія и въ особенности это мѣсто, были предметомъ насмѣшекъ во времена Шекспира. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ стоитъ «go by, Ieronimy» (безъ Saint), что ближе къ тексту Кида. Но «святой Іеронимъ» болѣе подходитъ къ общему тону разговора пьяницы, который до того говоритъ о «*Ричардѣ* (вмѣсто Вильгельма) Завоевателѣ», вмѣсто «pocos palabras» (по-испански: поменьше словъ) говоритъ «paucas palabris», вмѣсто «cessa» (по-итальян.—успокойся) говоритъ «Sessa». Въ старой комедіи этихъ подробностей нѣтъ.

Стр. 275. «*Бродячіе актеры—хотятъ вамъ предложить свои услуги*». По обычаю того времени бродячія труппы актеровъ заходили въ дома знатныхъ людей и сами предлагали свои услуги. Платили имъ очень немного. Во времена Шекспира актеры, вѣроятно, лучше оплачивались.

Стр. 276. «*Вы вспомнили о Сото, ваша свѣтлость*».—Неизвѣстно въ точности, къ какой пьесѣ это относится. Есть Сото сынъ фермера въ «Women Pleased» Бомонта и Флетчера, но слова лорда «и сватался за лэди» къ нему не подходятъ. Въ Folio 1623 г. вмѣсто «Сото» стоитъ «Синкло. Это имя одного изъ второстепенныхъ актеровъ труппы Шекспира.

Стр. 276. «*Возьметъ головку лука*» — подобная же фраза встрѣчается въ «Антоніи и Клеопатрѣ» (A. I, сц. 2) «the tears live in an onion» (слезы живутъ въ лукѣ).

Стр. 276. Карт. II. *Сляй въ богатомъ платьѣ.*—Въ старинномъ сценаріи сказано: «Пьяница показывается наверху», т. е. на узкомъ балконѣ въ глубинѣ сцены; съ этого балкона Сляй и остальные смотрѣли на представленіе комедіи внизу.

Стр. 276. «*Дайте кружку пива*»—по-англійски small ale—плохой сортъ пива, употреблявшійся въ народѣ для того, чтобы опохмѣлиться; употребляется и теперь вмѣсто содовой воды.

Стр. 278. *Изъ Бертонъ Хиза* (Burton—Heath)—трудно въ точности установить, о какихъ деревняхъ здѣсь идетъ рѣчь. Есть Barton-on the-Heath въ Варвикшайрѣ, Burton-Dorset и деревня Burton-Hastings. Вѣроятно, указаніе Шекспира относится къ первой изъ трехъ деревень, находящейся возлѣ роднаго его Стратфорда.

Стр 278. «*Жирная жарчевница изъ Винкота*» — Бильмкотъ или Винкотъ — ферма близъ Стратфорда-на-Авонѣ, мѣсто жительства Роберта Ардена, дѣда Шекспира съ материнской стороны. Шекспиръ тамъ часто бывалъ.

Стр. 278. *Хотѣли донести, что кружки у нея безъ клеймъ.* По-англійски «present her at the leet»; leet—судъ владѣльца помѣстья. «Court of leet» или «View of frank pledge»—происходилъ разъ въ годъ въ отдѣльныхъ помѣстьяхъ въ присутствіи «steward of the leet».

Стр. 280. «*Эту колыбель наукъ*» (Падуа).—Во

времена Шекспира падуанскій университетъ, основанный въ 1228 г. Фридрихомъ Барбарусой, былъ самымъ знаменитымъ и наиболѣе посѣщаемымъ въ Италіи—число студентовъ доходило до 18 тысячъ. Тамъ получили воспитаніе Галилей, Петрарка, Колумбъ.

Стр. 280. *Mi perdonate.*—Въ этой пьесѣ часто встрѣчаются итальянскія фразы. Шекспиръ избѣгаетъ этого въ другихъ пьесахъ—только въ «Безплодныхъ усиліяхъ любви» Олофернъ говоритъ по-итальянски—и то для комическаго эфекта, такъ какъ онъ не итальянецъ. Другіе современники Шекспира, Бенъ-Джонсонъ, а также Вебстеръ и Марстонъ, любили вставлять иностранныя слова.

Стр. 281. «*Меня приманкой выставлять для всѣхъ*»—по-англ: To make a stale of me amongst these mates. Stale—непотребная женщина (то же, что harlot). Это выраженіе вполнѣ въ стилѣ безцеремоннаго языка Катарины.

Стр. 281. «*Съ пріѣздомъ насъ привѣтствовать хотятъ*». Траніо иронически называетъ входящихъ Баптисту и др. депутаціей отъ города, высланной на встрѣчу знатнымъ пріѣзжимъ.

Стр. 281. *Ухаживайте, сколько вамъ угодно—ну, ньтъ, спасибо: мнѣ она не пара*; по-англ. игра словъ. To court—ухаживать (to court her at your pleasure) и cart—привязывать къ повозкѣ и отстегать плетью (такъ принято было наказывать злыхъ, упрямыхъ женщинъ).

Стр. 282. «*Какъ была близка и дорога Дидонь Анна*»—Анна—сестра и довѣренная покинутой Энеемъ Дидоны (Энеида, IV). Шекспиръ зналъ о ней ближайшимъ образомъ по драмѣ Марло «Dido».

Стр. 282. «*Radime te captim quam que as minime*» (выкупи себя изъ плѣна какъ можно дешевле)—цитата изъ «Евнуха» Теренція (I, 1), несомнѣнно взятая Шекспиромъ изъ грамматики Лили.

Стр. 282. «*Чтобы меня драли каждый день на площади*»—по-англійски «at the high cross», т. е. на рыночной площади. На улицахъ старыхъ англійскихъ городовъ были всегда два каменныхъ креста: High Cross и Low Cross.

Стр. 282. «*Кто скорѣе примчится къ цѣли, тотъ и выиграетъ*»—поговорка (встрѣчается въ «Виндз. Кумушк.», въ «Генрихѣ» IV», въ «Зимней сказкѣ»).

Стр. 283. «*Возьми мой плащъ и шапку*»—въ оригиналѣ «my coloured hat»—цвѣтную шляпу; такія шляпы люди высшихъ классовъ носили въ отличіе отъ простонародья.

Стр. 284. Con tutto il core bene trovato—отъ всей души радъ, что встрѣтилъ тебя.

Тамъ-же. Alla nostra casa и т. д.—(по-итальян.)—очень радъ видѣть тебя въ своемъ домѣ, многоуважаемый синьоръ Петручіо.

Тамъ-же. *Тутъ дѣло совсѣмъ не въ латыни.* Шекспиръ тутъ забылъ, что итальянское привѣтствіе никакъ не можетъ показаться итальянцу Груміо—«латынью».

Стр. 285. *Будь она уродливый жены Флоренція.* Исторія молодого рыцаря Флоренція, племянника императора Клавдіана, который женился на уродливой женщинѣ только потому, что она рѣшила загадку, чѣмъ спасла его жизнь, разсказана въ «Confessio Amantis» Гоуэра, повторено Чаусэромъ въ «The Woman of Bath» и впослѣдствіи Вольтеромъ въ «Ce qui plait aux dames».

Стр. 290. *Плящи да пляшчи обезьянъ въ аду*—(dance bare foot and lead apes to hell)—такъ пословица опредѣляетъ участь старыхъ дѣвъ: онѣ послѣ смерти будутъ водить на помочахъ обезьянъ въ аду, за то, что при жизни не водили дѣтей. То же въ «Много шуму изъ ничего», II. I.

Стр. 291. «*Люченціо зовутъ васъ? Вы откуда?*»—Шекспиръ не замѣтилъ, что Баптиста еще не можетъ знать имени Люченціо. Можетъ быть выпалъ стихъ, въ которомъ Траніо выдалъ себя Баптистѣ за Люченціо—или же (по другому комментарію) имя Люченціо стояло на пакетѣ книгъ, который передаетъ Траніо.

Стр. 292. «*Да вѣдь вы скамейка* (a joint—stool)—то же выраженіе встрѣчается въ королѣ Лирѣ (Д. 3, сц. 6): cry you mercy I look you for a joint stool—грубое оправданіе, когда хотятъ нарочно не замѣтить кого нибудь.

Стр. 292.—*Извѣстно, тамъ, гдѣ хвостикъ* (in his tail). Непереводимая игра словъ: «tail»—хвостъ и «tale» разсказъ, сказка, выдумка.

Стр. 295. *Въ воскресенье назначаемъ свадьбу.*—(we will de married on Junday)—рефренъ народной пѣсни, который нѣсколько разъ повторяется въ «Усмиреніи строптивой» съ небольшими измѣненіями.

Стр. 297. *Hic ibat Simois* и т. д. Тутъ протекалъ Симоисъ; здѣсь Сигейская земля; здѣсь стоялъ высокій дворецъ старика Пріама. Цитата изъ «Героидъ» Овидія.

Стр. 299. «*Вмѣсто пера воткнутъ старый пьсенникъ*»—въ оригиналѣ the humour of forty fancies» (юморъ сорока причудъ)—заглавіе стараго сборника короткихъ пѣсенъ; «fancies» (т. е. причуды, фантазіи) ихъ называетъ и Фальстафъ во II части Генр. IV.

Стр. 302. *Весь ковшикъ опорожнилъ.* Во времена Шекспира былъ обычай нести передъ невѣстой въ церкви кубокъ вина (the brides cup), изъ котораго должны были выпить новобрачные и гости.

Стр. 304. Первоначально III дѣйствіе заканчивалось сценой между Траніо и педантомъ (IV, 2), IV начинался сценой между Катериной и Груміо и кончался поцѣлуемъ на улицѣ (V, 1). Пятый состоялъ только изъ сцены банкета.

Стр. 305. *Вычищена ли посуда снутри и снаружи.* Въ оригин.: Be the jacks fair within, the jills fair without: jacks—кожанные сосуды для питья; ихъ нужно чистить снутри; jills—металлическія; ихъ нужно чистить снаружи. Также игра словъ: jack—нарицательное имя для людей изъ простого сословія (Ванька), Jill—соотвѣтствующее женское имя для мужички (Машка).

Стр. 308. *Мой руки, котикъ.* Во времена Шекспира былъ обычай мыть руки передъ обѣдомъ и послѣ него; это было необходимо особенно ввиду того, что тогда ѣли пальцами.

Стр. 311. *Сюда грядетъ съ того пригорка старецъ.*—Въ оригиналѣ «an ancient angel» (старый ангелъ)—спускающійся съ горы путникъ кажется Біонделло посланнымъ имъ на помощь ангеломъ, а такъ какъ педантъ старъ, то онъ называетъ его въ шутку «престарѣлымъ ангеломъ».

Стр. 316. Въ концѣ третьей сцены Попъ вставляетъ слѣдующія строки изъ старой пьесы:

Лордъ.

Эй, кто тамъ?

(Слэй спитъ. Входятъ слуги).

Онъ опять заснулъ. Поднимите его тихонько и одѣньте его въ старое платье. Но только осторожно чтобы ни въ коемъ случаѣ не разбудить его.

Слуга.

Слушаюсь, милородъ (слугамъ). Помогите унести его (уносятъ Слэя, по старой пьесѣ, въ кабакъ).

Стр. 324. *Парадный столъ съ десертомъ.* По-англ.—«A banquet set out». По ремаркѣ въ Folio

Знатный охотникъ временъ Шекспира. (Со старинной гравюры, изображающей короля Якова I въ охотничьемъ костюмѣ).

1623 г. «banquet» т. е. десертъ изъ плодовъ, варенья и вина, вносится Траніо и слугами на сцену. Сама-же праздничная трапеза происходила въ другой комнатѣ. Во времена Шекспира десертъ подавался въ другой комнатѣ, чѣмъ самый ужинъ или обѣдъ. См. также Генрихъ IV, II часть, 9 II.

Стр. 325. *Что думаете—скоро затравить?* по англ. игра словъ deer (дичь) и dear (дорогая, любимая—здѣсь возлюбленная жена).

Стр. 328. *Мы всѣ друзья попали въ нашу цѣль. · Но взялъ закладъ пока лишь я одинъ.* По англ. 'twas I won the wager, though you hit the white - игра словъ. The white—бѣлая точка въ мишени и намекъ на имя Bianca—бѣлая.

Стр. 328. Послѣ 5-го акта въ старѣйшихъ изд. есть еще слѣдующій *Эпилогъ*:

Двое слугъ приносятъ Слая въ его прежнемъ платьѣ и кладутъ на землю. За ними трактирный слуга.

Слэй (просыпаясь).

Симонъ, принеси еще вина. Какъ, актеры уже ушли? Развѣ я не лордъ?

Слуга.

Лордъ? Чорта съ два. Неужели ты еще не протрезвился?

Слэй.

Кто это? Послушай, малый, мнѣ привидѣлся такой чудесный сонъ, о какомъ ты никогда въ жизни не слыхивалъ.

Слуга.

Ну и пускай, чтобъ тебя чортъ побралъ! Но ты лучше отправляйся домой, тебѣ достанется отъ жены за то, что ты тутъ цѣлую ночь спалъ и сны видѣлъ.

Слэй.

Не достанется! Я знаю какъ усмирять дракона. Мнѣ объ этомъ снилось всю ночь—и ты разбудилъ меня отъ очаровательнаго сна. Ну да, пойду къ женѣ—я съумѣю укротить ее, когда она будетъ сердить меня.

—

Переводъ П. И. Гнѣдича печатается здѣсь въ исправленномъ видѣ. О другихъ русскихъ переводахъ см. въ послѣднемъ выпускѣ нашего изданія сочиненій Шекспира.

VI.

РИЧАРДЪ III.

(King Richard III).

Дѣйствіе первое, сц. 1 (стр. 344).

Подъ іоркскимъ солнцемъ лѣто расцвѣло.

Фамильный гербъ герцоговъ іоркскихъ изображалъ солнце, выходящее изъ-за тучъ.

А ловко пляшетъ въ залахъ, между дамъ.

Въ подлинникѣ: «ловко впрыгиваетъ въ компату какой-нибудь дамы».

(Стр. 345).

Есть пророчество о томъ,
Что буква Г убьетъ дѣтей Эдварда.

По разсказу Голиншеда, Эдуардъ IV былъ встревоженъ предсказаніемъ объ опасности для него и его семьи человѣка, имя котораго начинается съ буквы Г, и отнесъ это предсказаніе къ своему брату Георгу Кларенсу, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности оно сбылось по отношенію къ Ричарду Глостеру. Слѣдуя Голиншеду, Шекспиръ обвиняетъ Ричарда въ гибели Кларенса; это обвиненіе исторически не доказано.

(Стр. 345).

Не въ Тоуэрѣ же вновь тебя крестить.

Намекъ на смерть Кларенса, который, по преданію, былъ утопленъ въ бочкѣ съ виномъ. Ср. д. I, сц. 4 (стр. 361): «Я въ винной бочкѣ утоплю тебя» и д. V, сц. 3: «Несчастный герцогъ Кларенсъ, твоимъ виномъ проклятымъ смытый съ міра».

Стр. 345.

Съ смиреннѣйшимъ ханжой,
Антоніемъ Вудвилемъ, достойнымъ братцемъ.

Ричардъ говоритъ о графѣ Гиверсѣ, фамильное имя котораго было Вудвиль.

Стр. 345.

Тьмъ ночнымъ герольдамъ,
Что рыщутъ къ мистриссъ Шоръ отъ короля.

Мистрисъ Шоръ, жена одного лондонскаго горожанина, была въ продолженіе многихъ лѣтъ фавориткой короля Эдуарда IV.

Стр. 345.

Старая и злая королева.

Въ подлинникѣ: «Ревнивая изношенная вдова». Ричардъ намекаетъ на то, что Елизавета Вудвиль, до замужества съ королемъ Эдуардомъ, уже была замужемъ за сэромъ Джономъ Грэемъ (ум. 1461).

Стр. 346.

Дочь Варвика себѣ возьму я въ жены.

Лэди Анна, дочь «дѣлателя королей» лорда Гарвика (Уоррика), род. 1452, ум. 1485, вдова Эдуарда, принца Уэльскаго, сына короля Генриха VI.

Сц. 2 (стр. 347)

Вся эта сцена, какъ уже было замѣчено въ предисловіи, основана не на исторіи, а придумана самимъ Шекспиромъ. Принцессы Анны вовсе не было въ Лондонѣ во время похоронъ короля Генриха VI. Тѣло послѣдняго выставлено было сначала въ соборѣ св. Павла, затѣмъ перенесено въ доминиканскій монастырь («Черныхъ Братьевъ») въ Лондонѣ же, и оттуда—въ монастырь Чертси, находившійся въ трехъ миляхъ отъ столицы.

Стр. 347.

Запекшіяся раны мертвеца
Раскрылись вновь и льютъ потоки крови.

Извѣстно старинное вѣрованіе, что въ присутствіи убійцы раны убитаго раскрываются, и изъ нихъ льется кровь. Англійскій король Іаковъ I, въ своей Демонологіи» говоритъ объ этомъ съ полною увѣренностью.

Стр. 347.

Хлещетъ кровь
Изъ жилъ похолодѣвшихъ и безкровныхъ.

Въ подлинникѣ прибавлено: «Твое дѣяніе, безчеловѣчное и противоестественное, вызываетъ этотъ противоестественный потопъ».

Стр. 348.

Когда-нибудь ты извинишь меня.

Въ подлинникѣ: «Имѣй терпѣніе выслушать мои оправданія».

Стр. 349.

Не правда ли, что тотъ, кто умертвилъ
Плантагенетовъ—Генриха съ Эдвардомъ,
Имѣлъ причину жаждать крови ихъ?

Въ подлинникѣ: «Развѣ тотъ, кто былъ причиною безвременной смерти этихъ Плантагенетовъ, Генриха и Эдуарда, не столь же виновенъ, какъ и ихъ убійца?»

Стр. 350.

Лэди Анна надѣваетъ перстень на палецъ.

Въ раннихъ изданіяхъ «Ричарда III» нѣтъ этого указанія: оно явилось впервые только въ изданіи Джонсона, 1765 г. которому и слѣдовали позднѣйшіе издатели. Эхельгейзеръ и Боденштедтъ признаютъ его совершенно не отвѣчающимъ характеру этой сцены и положенію Анны, а потому полагаютъ, что перстень надѣваетъ ей на палецъ не она сама, а Ричардъ. Это было бы и болѣе согласно съ слѣдующими затѣмъ словами Глостера:

Смотри, какъ онъ присталъ къ рукѣ твоей, и пр.

Стр. 350.

Сама жъ на время удалися въ Кросби.

Такъ назывался въ Лондонѣ домъ, гдѣ жилъ Глостеръ, купившій этотъ домъ у вдовы его первоначальнаго владѣльца, купца Джона Кросби. Впослѣдствіи въ этомъ же домѣ жилъ сэръ Томасъ Моръ, авторъ «Утопіи». Часть этой старинной постройки сохранилась до настоящаго времени.

Стр. 352.

Къ Бѣлымъ Братьямъ.

Монастырь «Бѣлыхъ Братьевъ» или Кармелитовъ былъ построенъ въ Лондонѣ въ 1241 г. и въ свое время обладалъ самой обширной въ Англіи библіотекой. Онъ былъ упраздненъ Генрихомъ VIII, но его помѣщеніе еще сохранило право неприкосновенности. и потому сдѣлалось въ елизаветинскія времена убѣжищемъ для воровъ и бродягъ,—своего рода парижскимъ «Дворомъ чудесъ» (см. «Соборъ парижской Богоматери» Гюго), получившимъ извѣстность подъ названіемъ «Альзаціи». Около 1633 г. на мѣстѣ прежняго аббатства былъ построенъ театръ.

Сц. 3 (стр. 352).

Едва ль графиня Ричмондъ
Одобритъ это честное желанье.

Вдова графа Ричмонда, своднаго брата Генриха VI, вышедшая за лорда Стэнли, была прирожденною непріятельницею Іоркскаго дома: она была дочерью герцога Сомерсетскаго, внука герцога Джона Ланкастерскаго, и стремилась доставить корону своему сыну Генриху, какъ послѣднему потомку Ланкастеровъ.

Стр. 354.

А въ тѣ годы и ты, и мужъ твой Грэй
За бунтъ и домъ Ланкастерскій стояли.

Елизавета была въ родствѣ съ Ланкастерскимъ домомъ, такъ какъ ея мать была вдовою герцога Бедфорда, брата Генриха V. Возвышеніе такой фамиліи естественно должно было огорчить давнишнихъ приверженцевъ Іоркскаго дома,—братьевъ короля Букингэма, Гэстингса и др., чѣмъ и воспользовался Глостеръ для того, чтобы захватить себѣ корону.

Стр. 354.

А бѣдный Кларенсъ измѣнилъ отцу.

«Отцомъ» Кларенса Глостеръ называетъ здѣсь его тестя, Варвика, а о раздорѣ между ними говорится въ III части «Генриха VI». на которую въ этой сценѣ вообще много указаній.

Стр. 355.

Ты изгнана подъ страхомъ смертной казни.

Какъ уже замѣчено въ предисловіи, королева Маргарита не могла находиться въ Лондонѣ въ то время, къ которому относится дѣйствіе «Ричарда III». Она бѣжала во Францію послѣ чекстонскаго сраженія, въ 1464 году, и тогда же было объявлено ея вѣчное изгнаніе. Семь лѣтъ спустя, она высадилась съ войскомъ въ Англіи, но битва при Тьюксбери разрушила ея надежды. Она была схвачена и заключена въ Тоуэръ, гдѣ и находилась болѣе четырехъ

лѣтъ, по прошествіи которыхъ ея отцу, герцогу Рене Анжуйскому, удалось ее выкупить и увезти во Францію. Тамъ она и умерла, въ 1481 году.

Стр. 355.

Въ тотъ часъ, когда на грозное чело
Надѣла ты бумажную корону.

Герцога Іоркскаго, схваченнаго въ битвѣ при Сендль-Кэстлѣ, взвели на холмъ, увѣнчали короной изъ бумаги и тряпокъ, выставили на позоръ передъ войскомъ и потомъ казнили. Шекспиръ воспользовался этимъ преданіемъ въ III части «Генриха VI».

Д. I, сц. 3 (стр. 355).

Свинья, что носомъ землю разрываетъ.

Въ гербѣ Ричарда было изображеніе вепря. «Вепремъ» называетъ Ричарда и Стэнли (д. III, сц. 2), передавая, что «ночью дикій вепрь ему приснился и шлемъ съ него клыкомъ своимъ сорвалъ» (стр. 376).

Ричардъ очень любилъ носить цѣпь съ подвѣшаннымъ по срединѣ кабаномъ; его примѣру слѣдовали приверженцы его.

Стр. 358.

Горѣли блескомъ страсти, какъ глаза
Между костей...

Буквальный переводъ:

Глядѣли страстно въ тинную пучину,
Надъ мертвыми костями въ ней смѣясь.

Стр. 359.

Въ той комнатѣ бочка съ мальвазіей. Коли его,—мы его кинемъ въ бочку.

Въ подлинникѣ: «Хлопни его по башкѣ рукоятью шпаги, и бросимъ его въ бочку съ мальвазіей, что стоитъ въ комнатѣ рядомъ».

Стр. 360.

Которую ты защищать поклялся.

Дальше въ подлинникѣ:

1-й убійца. Какъ можешь ты призывать противъ насъ грозный божескій законъ, когда ты самъ такъ страшно попралъ его?

Д. II, сц. 2 (стр. 366).

Небольшую свиту
За юнымъ принцемъ въ Лѣдло отрядить.

Замокъ Ludlow—старинный дворецъ принцевъ Уэльскихъ. Принцъ Эдуардъ жилъ тамъ подъ наблюденіемъ своего дяди, графа Риверса.

Д. II, сц. 4 (стр. 370).

Я въ ваши руки передамъ печать,
Довѣренную мнѣ.

Архіепископъ Іоркскій, Томасъ Готерхэмъ, былъ канцлеромъ при Эдуардѣ IV. Хроника разсказываетъ, что онъ при первомъ извѣстіи объ узурпаціи Глостера передалъ вдовствующей королевѣ Елизаветѣ большую королевскую печать, храненіе которой лежало на обязанности канцлера и которая, по средневѣковымъ понятіямъ, имѣла весьма важное государственное значеніе. Но нѣсколько дней спустя, архіепископъ опять взялъ эту печать и передалъ ее Глостеру.

Д. III, сц. 1 (стр. 371).

Добро пожаловать, дражайшій принцъ,
Въ родной чертогъ твой, Лондонъ.

Лондонъ, т. е. собственно Сити, назывался въ торжественныхъ случаяхъ «Королевскимъ чертогомъ», Camera Regis.

Д. III, сц. 1 (стр. 372).

Какъ слѣдуетъ пророку, я даю
Два толкованья и на то же слово.

Въ подлинникѣ: «Подобно старинному Пророку Несправедливости» (Vice Iniquity). Такъ назывался въ старинныхъ англійскихъ аллегорическихъ пьесахъ нравоучительнаго содержанія (moral plays) олицетвореніе дьявола.

Сц. 1 (стр. 375).

Я не боюсь, покуда живы дяди.

Принцъ говоритъ о братьяхъ своей матери, которые только что были арестованы въ его присутствіи: пока они еще живы, ему нечего опасаться за свою жизнь.

Д. III, сц. 4 (стр. 381).

Моя рука суха, какъ сукъ гнилой.

Ричардъ родился съ сухой рукой, а потому его слова о томъ, будто его изуродовали, съ помощью колдовства, вдова Эдуарда и Лэди Шоръ, являются наглою ложью передъ людьми, знающими этотъ его недостатокъ, но не смѣющими противорѣчить.

Сц. 4 (стр. 381).

Ты покровитель мерзкой вѣдьмы.

«Въ подлинникѣ—не *вѣдьма*, а другое, непристойное слово. Любители точности могутъ подставить его,—стихъ будетъ такъ же гладокъ». (Дружининъ).

Сц. 5 (стр. 384).

Глостеръ. *Напомни, какъ одинъ изъ горожанъ*
Сказалъ шутя, что сыну своему
Передаетъ корону, разумѣя
Свой домъ и дворъ подъ вывѣской короны,
И какъ король покойный болтуна
За слово то велѣлъ казнить тотчасъ же.

Историческій фактъ. Имя горожанина было *Іокеръ*, и онъ занимался мелочной торговлей въ Чипсайдѣ.

Тамъ же.

Глостеръ. *Веди ихъ всѣхъ въ Бейнардскій замокъ...*

Этотъ замокъ находился въ самомъ Лондонѣ, на берегу Темзы. При сильномъ пониженіи воды слѣды его фундамента видны до сихъ поръ.

Сц. 5 (стр. 384).

Намъ нуженъ докторъ Шау;
Ты, Кетсби, къ брату Пенкеру бѣги.

Шау и Пенкеръ—извѣстнѣйшіе проповѣдники того времени, августинскіе монахи.

Сц. 7 (стр. 385).

Букингамъ. *...Условье съ Лэди Люси*
Припомнилъ я...

Король Эдуардъ Четвертый имѣлъ съ ней связь. Мать его, не желая, чтобы онъ женился на Елизаветѣ Грей, уговорила Лэди Люси объявить, что король помолвленъ съ ней.

Сц. 7 (стр. 388).

На двоеженство короля склонила.

Двоеженствомъ называется здѣсь бракъ со вдовой, который королемъ Эдуардомъ I, согласно постановленіюЛіонскаго синода, былъ объявленъ грѣховнымъ и незаконнымъ.

Д. IV, сц. 1 (стр. 391).

О, если-бъ обручъ золотой короны
Мнѣ сталью лечь каленой на чело!

Цареубійцъ и особенно тяжкихъ политическихъ преступниковъ казнили, накладывая имъ на голову вѣнецъ изъ раскаленнаго желѣза.

Сц. 2 (стр. 393).

Ты принцы кого-нибудь въ мужья
Для Кларенсовой дочери; мальчишка-жъ
Родился глупымъ и не страшенъ мнѣ.

Сыну герцога Кларенса король Генрихъ VII возвратилъ наслѣдство и титулъ его дѣда, графа Уоррика; но впослѣдствіи казнилъ его за участіе въ одномъ заговорѣ. Дочь Кларенса была выдана Ричардомъ за одного рыцаря, сэра Ричарда Поля. Генрихъ VIII далъ ей титулъ графини Солсбери; но впослѣдствіи, уже въ глубокой старости, она также предана была суду и казнена за политическое преступленіе. Она была послѣдней представительницей дома Плантагенетовъ.

Сц. 2 (стр. 394).

Генрихомъ Шестымъ
Былъ Ричмонду предсказанъ тронъ британскій.

См. «Генр. VI», ч. 3, д. IV, сц. 6.

Сц. 2 (стр. 394).

Скорѣе въ Брекнокъ.

Брекнокъ—замокъ герцога Букингама въ Уэльсѣ.

Д. IV, сц. 4 (стр. 406).

Король Ричардъ. *Иль тронъ мой пустъ и праздно царство наше?*

«На этотъ моментъ роли Ричарда умный актеръ долженъ обратить особенное вниманіе. Въ немъ, во-первыхъ, огромный сценическій эффектъ: король Ричардъ, кидающійся на Стэнли съ этимъ вопросомъ, долженъ заставить трепетать зрителей. Во-вторыхъ, съ того момента начинается *воинственная и царственная* сторона роли». (Дружининъ).

Д. V, сц. 3 (стр. 411).

Чтобъ бѣлый Сёрри къ утру былъ осѣданъ.

Любимая лошадь Ричарда носила имя Сёрри.

Д. V, сц. 2 (стр. 416)

Ты боекъ, Джакъ-Норфолькъ, но помни одно:
Твой баринъ ужъ купленъ и проданъ давно.

Въ хроникѣ Холла разсказывается, что такая надпись дѣйствительно сдѣлана была на дверяхъ палатки Норфолька ночью наканунѣ Босвортскаго сраженія.

Сц. 4 (стр. 418).

Стэнли. *Прими жъ вѣнецъ, похищенный злодѣемъ;*
Съ его чела кроваваго онъ снятъ...

«Можетъ показаться страннымъ, откуда могла взяться корона на убитомъ Ричардѣ? Но короны прежде употреблялись не при одной порфирѣ, въ часъ торжественныхъ аудіенцій. Короли и пэры часто носили короны на боевыхъ шлемахъ, при чемъ или корона охватывала весь шлемъ узорчатой стѣною, или, въ уменьшенномъ видѣ, украшала его вершину. На шлемахъ, увѣнчанныхъ короною, перьевъ не носили». (Дружининъ).

О русскихъ переводахъ «Ричардъ III» см. въ послѣднемъ томѣ настоящаго изд. соч. Шекспира.

VII.

ВЕНЕЦІАНСКІЙ КУПЕЦЪ.

(The Merchant of Venice).

Дѣйствующія лица:

Нѣкоторые комментаторы указываютъ, что имя Шейлока взято Шекспиромъ изъ старинной брошюры подъ заглавіемъ: «Каллебъ Шиллокъ,—его пророчество, или предсказаніе еврея», напечатанной въ Лондонѣ въ концѣ XVI вѣка. Голліуэль нашелъ имя «Ричарда Шейлока» въ одной грамотѣ 1435 г. По мнѣнію другихъ комментаторовъ, Шейлокъ—Scialocca, обычная въ Италіи еврейская фамилія. Окончаніе—*окъ* находится во многихъ старинныхъ нарѣчіяхъ и, между прочимъ, въ ирландскомъ, гдѣ оно равнозначуще латинскому—*us*; слѣдовательно, Шейлокъ = Schaulock = Saulus. На современномъ жаргонѣ нѣмецко-польскихъ евреевъ Sheilik=Саулъ.

Тубалъ—имя, взятое изъ книги Бытія (X, 2).

Порція—имя жены Брута, о которой упоминаетъ Бассаніо въ 1-й сценѣ I-го дѣйствія: «Порція, Катона дочь и Брута жена»...

Нериссa—итальянское Neriссia (отъ nero—черный)—«Чернушка», черноволосая дѣвушка.

Джессика—«Есха» въ книгѣ Бытія, XI, 29.

Гоббо—Gobbo di Rialto называлась каменная фигура, поддерживавшая на Піальто гранитный столбъ, на которомъ во времена Венеціанской республики выставлялись новые законы. Имя Гоббо часто встрѣчается въ итальянской исторіи и, какъ фамилія, еще и до сихъ поръ существуетъ въ Венеціи.

Дѣйствіе I, сц. 1 (стр. 433).

Антоніо: *Признаться, я и самъ не понимаю,*
Чего я такъ печаленъ...

Это меланхолическое настроеніе, необычное для Антоніо (по собственному его сознанію), не покидаетъ его въ продолженіе всей пьесы, такъ что онъ и самъ себя не узнаетъ и говоритъ, что онъ «сдѣлался какимъ-то дуракомъ». Это—одно изъ тѣхъ проявленій предчувствія близкой бѣды, которое часто встрѣчается у Шекспира (пророческіе сны и т. п.). Съ другой стороны, можетъ быть, Шекспиръ, вводя здѣсь этотъ мотивъ, желалъ отмѣтить ненормальное состояніе Антоніо, который, вполнѣ владѣя собою, едва-ли рѣшился бы прозакладывать свою жизнь за друга.

Стр. 434.

Саларино. *О, Янусъ двуголовый!*
Клянусь тобой...

Янусъ изображался съ двумя обращенными въ противоположныя стороны лицами, изъ которыхъ одно было веселое, другое—печальное.

Стр. 434.

Граціано. *Такъ мнѣ ужъ вы позвольте*
Взять роль шута...

Шутъ (клоунъ) былъ постояннымъ дѣйствующимъ лицомъ во всѣхъ старинныхъ комедіяхъ.

Сц. 2, стр. 437.

Нериссa. *Во-первыхъ, принцъ Неаполитанскій.*

Порція. *Ну, этотъ родился въ конюшнѣ...*

Во времена Шекспира неаполитанцы особенно славились какъ искусные наѣздники. Монтань въ своихъ «Опытахъ» говоритъ, что въ молодости онъ видѣлъ въ Неаполѣ принца Сальмонскаго, который объѣзжалъ молодую, дикую и пылкую лошадь и показывалъ всевозможные фокусы верховой ѣзды.

Стр. 437. Порція:

Онъ не говоритъ ни по-латыни, ни по-французски, ни по-итальянски.

Изъ этихъ словъ Порціи Прельсъ заключаетъ, что во времена Шекспира знаніе этихъ трехъ языковъ считалось необходимымъ для образованнаго человѣка, и что Шекспиръ, конечно, зналъ ихъ, такъ какъ иначе не сталъ бы смѣяться надъ ихъ незнаніемъ.

Стр. 437. Порція:

Кажется, французъ поручился въ томъ и обязался подпискою.

Намекъ на постоянныя обѣщанія помощи, даваемыя французами шотландцамъ въ ихъ междоусобіяхъ съ англичанами.

Сц. 3 (стр. 438).

Шейлокъ. *Три тысячи червонцевъ? Хорошо.*

Въ подлинникѣ: *дукатовъ* (Ducatus Venetorum)—венеціанская золотая монета, соотвѣтственно нынѣшней цѣнности денегъ стоившая рублей 5—7. (См. рисунокъ на стр. 431).

Стр. 438. Шейлокъ:

... я узналъ на Ріальто...

Ріальто (отъ Riva alta, высокій берегъ)—названіе острова, отдѣляемаго отъ квартала Санъ-Марко Большимъ каналомъ; то-же названіе дается и мосту, соединяющему этотъ островъ съ кварталомъ Санъ-Марко, и зданію устроенной на островѣ биржи, гдѣ весь венеціанскій торговый людъ собирался ежедневно утромъ и вечеромъ для заключенія сдѣлокъ и обмѣна свѣжими новостями. Островъ Ріальто—древнѣйшее поселеніе венетовъ: находящаяся здѣсь церковь св. Іакова построена еще въ началѣ V вѣка. Мостъ Ріальто построенъ въ 1591 году.

Стр. 438. Шейлокъ:

Чтобъ пусть изъ сосуда, въ который вашъ пророкъ занялъ заклинаніями дьявола!

Намекъ на извѣстный евангельскій разсказъ о томъ, какъ Христосъ, изгнавъ бѣсовъ изъ одержимаго ими человѣка, повелѣлъ имъ вселиться въ стадо свиней,—и вмѣстѣ съ тѣмъ, насмѣшка надъ христіанами, которые, несмотря на то, все-таки, ѣдятъ мясо свиньи,—«сосудъ бѣсовскій».

Стр. 440. Шейлокъ:

Плевали мнѣ на мой кафтанъ жидовскій.

Евреи въ Италіи ничѣмъ не отличались въ одеждѣ отъ христіанъ, за исключеніемъ только желтаго колпака или тюрбана, ношеніе котораго было для евреевъ обязательнымъ. Такимъ образомъ, Антоніо плевалъ на «жидовскій кафтанъ» Шейлока не потому, что это былъ кафтанъ какого либо особеннаго покроя, а изъ презрѣнія къ лицу, его носившему.

Дѣйствіе II, сц. 1 (стр. 441). Принцъ Марокскій:

Увидите, чья будетъ кровь красный.

Красная кровь считалась признакомъ храбрости; о трусахъ же говорили, что у нихъ кровь бѣлая, какъ молоко. Красный цвѣтъ одежды во времена англо-саксовъ былъ исключительною принадлежностью королей и воиновъ.

Стр. 441—442. Принцъ Марокскій:

Клянусь этой саблей,
Принесшей смерть Софи и одному
Персидскому владыкѣ...

«Софи»—персидское названіе мудреца или ученаго. Турецкій султанъ Сулиманъ II Великолѣпный велъ войну съ Персіей, и въ этой войнѣ Марокскій принцъ (какъ онъ самъ говоритъ) принималъ участіе (1535 г.).

Стр. 442. Принцъ Марокскій:

Межъ тѣмъ, какъ Лихасъ
И Геркулесъ играютъ въ кости...

Лихасъ—бѣдный рабъ Геркулеса, принесшій своему господину, самъ того не зная, роковой подарокъ Деяниры,—ядовитую тунику, окрашенную кровью кентавра Несса,—и за то брошенный въ море.

Стр. 444. Ланчелотъ:

Старая пословица... раздѣлилась на-двое между моимъ хозяиномъ и вами.

Пословица: «Милость Божья лучше богатства».

Сц. 4 (стр. 445). Лоренцо:

Да, мы уйдемъ изъ-за стола украдкой
Ко мнѣ домой,—переодѣться тамъ.

О забавахъ и праздникахъ венеціанцевъ, объ ихъ жизни политической и общественной, о театрахъ и пр. Шекспиръ совсѣмъ не упоминаетъ; онъ изображаетъ только одно, спеціально венеціанское развлеченіе—маскарадъ. Обычай носить маски, вообще очень распространенный въ Италіи, въ Венеціи былъ особенно популярнымъ: здѣсь носили маски не только во время карнавала, но всегда, когда вздумается. Дожъ, который появлялся публично только во время какихъ-нибудь торжествъ, посѣщалъ оперу въ маскѣ и въ сопровожденіи только одного слуги,—инкогнито; высшіе сановники появлялись въ маскахъ въ пріемной залѣ дворца, во время аудіенцій иностраннымъ посламъ. Вообще, чиновныя и духовныя особы часто надѣвали маски, чтобы избавиться отъ церемоннаго этикета и чувствовать себя свободнѣе. Венеціанскія дамы всегда носили съ собою, на всякій случай, маску вмѣстѣ съ вѣеромъ и носовымъ платкомъ. (См. нижеслѣдующій рисунокъ венец. дамы въ маскѣ, заимствованный изъ картины Веронезе). Такимъ образомъ, устроить маскарадъ въ любое время было очень легко. Съ этою-то цѣлью молодые люди и сговариваются уйти украдкой съ ужина, на который они приглашены Бассаніо.

Стр. 445. Саларино.

. . . . . *Себѣ*
Не наняли мы факельщиковъ даже.

Факельщики были необходимы для того, чтобы провожать гостей ночью по неосвѣщеннымъ улицамъ.

Сц. 5 (стр. 446). Шейлокъ.

. . . . . *Но все-таки пойду*
И буду пѣсть изъ ненависти только.

Шейлокъ принимаетъ приглашеніе на ужинъ,

забывая свое рѣшеніе (стр. 438)—не ѣсть и не пить съ христіанами — подъ вліяніемъ ненависти къ Антоніо и его друзьямъ.

Сц. 5 (стр. 446—447). Ланчелотъ.

Не даромъ у меня шла кровь изъ носу.

Кровотеченіе изъ носу считалось примѣтой какой либо счастливой или непріятной неожиданности или вообще чего нибудь необыкновеннаго.

Стр. 447. Ланчелотъ.

. . . *Достойный еврейскаго взора.*

Въ подлинникѣ: «Который стоитъ еврейскаго глаза». Это—старая пословица, напоминающая о томъ выкупѣ, который евреи должны были платить за избавленіе отъ увѣчья и смерти. Жадный король Джонъ вымогалъ у бристольскихъ евреевъ огромныя деньги угрозою вырвать у нихъ всѣ зубы; въ другихъ случаяхъ этого же рода грозили вырвать глазъ. Такимъ образомъ и сложилась пословица: «это стоитъ еврейскаго глаза», т. е. очень дорого.

Стр. 447. Шейлокъ.

Что этотъ шутъ изъ племени Агари
Сказалъ тебѣ?

Шейлокъ сравниваетъ покидающаго его слугу съ Агарью, которая также покинула свою госпожу Сарру, жалуясь на ея строгое обращеніе.

Сц. 7 (стр. 450). Принцъ Мароккскій.

Гирканіи поля
И дикія Аравіи пустыни.

Гирканіей называлась страна къ югу отъ Каспійскаго моря. Шекспиръ въ разныхъ пьесахъ (Генр. VI, ч. 3, д. I, 1; Макб. III, 4; Гамл. II, 2) упоминаетъ о гирканскихъ тиграхъ.

Стр. 450. Принцъ Мароккскій.

Имъ въ серебрѣ лежитъ она—въ металлѣ,
Что въ десять разъ дешевле и простѣй,
Чѣмъ золото?

Именно такое (10 : 1) отношеніе стоимости золота и серебра существовало въ 1600 г., когда впервые напечатана была эта пьеса Шекспира.

Стр. 450. Принцъ Мараккскій.

Есть въ Англіи монета
Изъ золота, на ней изображенъ
Ликъ ангела...

Извѣстное выраженіе папы Григорія Великаго, сравнившаго новообращенныхъ христіанъ *англовъ* съ *ангелами*, послужило поводомъ къ изображенію ангела на старинныхъ англійскихъ монетахъ. Золотой «ангелъ» стоилъ обыкновенно 10 шиллинговъ.

Дѣйствіе III, сц. 2 (стр. 457). Порція.

Тѣ звуки будутъ трубнымъ ликованьемъ,
Съ которымъ вѣрноподданный народъ
Передъ своимъ царемъ нововѣнчаннымъ
Склоняется; то будетъ сладкій звукъ,
Что на зарѣ нашептываетъ тихо
Въ слухъ жениха...

При вѣнчаніи англійскихъ королей, въ ту минуту, когда надѣвалась корона, музыка обыкновенно играла тушъ. Въ Англіи существовалъ также обычай музыкой будить жениха утромъ въ день свадьбы.

Стр. 457. Порція.

. . . *Алкидъ*
. . . *изъ рукъ чудовища морского*
Освободилъ... дѣвственную дань,
Заплаченную Троею скорбящей...

Геркулесъ освободилъ Гезіону, посвященную отцомъ ея Лаомедонтомъ морскому чудовищу, за что и получилъ отъ Лаомедонта коней.

Стр. 458.

О, скажи, гдѣ источникъ любви? и пр.

Любопытно сопоставить эту пѣсню съ слѣдующимъ мѣстомъ знаменитаго романа Лили «Эвфуэсъ»: «Подобно тому, какъ отъ Васильевой травы скорпіонъ *рождается* и съ помощью той же самой травы уничтожается, такъ и любовь, которая отъ времени и воображенія зарождается въ праздной *головѣ*, временемъ же и воображеніемъ изгоняется изъ *сердца*; или подобно тому, какъ саламандра, долгое время *питаясь* огнемъ, подъ конецъ тушитъ его, такъ и любовь, овладѣвъ воображеніемъ и живя въ умѣ любовника, съ теченіемъ времени измѣняетъ жаръ и обращается въ холодность».

Стр. 460. Граціано.

. . . *Какъ поживаетъ добрый*
Антоніо, нашъ царственный купецъ?

Въ началѣ XIII вѣка всѣмъ подданнымъ Венеціанской республики, которые могли снарядить корабль, дано было дозволеніе овладѣвать островами Архипелага и другими приморскими мѣстами и пользоваться ими на правахъ князей, уплачивая за это Венеціи извѣстную дань. Въ силу этого дозволенія, Санудо, Джустиніани, Гримальди, Суммарино и другіе венеціанскіе купцы основали княжества на разныхъ островахъ Архипелага, которыми ихъ потомки владѣли въ теченіе долгаго времени и, такимъ образомъ, сдѣлались царственными купцами. Къ числу такихъ владѣтельныхъ особъ, повидимому, принадлежалъ и Антоніо.

Стр. 461. Бассаніо.

. . . . *Всѣ грузы изъ Триполи,*
Изъ Мексики...

Съ Мексикой, какъ и вообще съ Америкой, Венеція никогда не имѣла непосредственныхъ торговыхъ сношеній.

Стр. 464 Порція.

. . *Планъ же мой подробно*
Я объясню въ каретѣ...

Во времена Шекспира кареты уже вошли въ Англіи во всеобщее употребленіе, а въ 1601 г. въ парламентѣ былъ даже внесенъ проектъ закона «объ ограниченіи чрезмѣрнаго употребленія каретъ въ семъ Англійскомъ королевствѣ». Но Порція находится въ Венеціи, гдѣ кареты были рѣдкостью, такъ какъ республиканскія власти принимали строгія мѣры противъ этой роскоши: напр., законъ 1562 г. запрещалъ употребленіе золота, серебра и шелка на отдѣлку каретъ, подъ угрозою штрафа въ 20 дукатовъ.

Сц. 5 (стр. 465). Ланчелотъ.

Избѣгая Сциллу, то есть вашего батюшку.
я попадаю въ Харибду, то есть вашу
матушку.

Въ средніе вѣка обратился въ пословицу стихъ изъ «Александреиды» французско-латинскаго поэта XIV вѣка Филиппа Гальтье Шатильонскаго: «Incidis in Scyllam, cupiens vitare Charybdim».

Дѣйствіе IV, сц. 1 (стр. 476). Граціано.

Къ крещенію два крестные отца
Тебя сведутъ. Будь я твоимъ судьею,
Я бъ, вѣрно, далъ тебѣ не пару ихъ,
А дюжину, чтобъ не къ святой купели,
А къ висѣлицѣ проводить тебя.

«Дюжину»—т. е. двѣнадцать присяжныхъ, которые произнесли бы смертный приговоръ.

Въ воспроизводимомъ въ настоящемъ изданіи, съ нѣкоторыми измѣненіями, переводѣ П. И. Вейнберга, очень уже грубые и безцеремонные остроты и каламбуры опущены. О другихъ русскихъ переводахъ см. въ заключительномъ томѣ.

Нижеслѣдующее изложеніе содержанія пьесы Марло «Мальтійскій Жидъ» имѣетъ цѣлью подтвердить мнѣніе проф. Л. Ю. Шепелевича (см. выше, стр. 423), что точки соприкосновенія обѣихъ пьесъ чисто внѣшняго свойства.

Въ драмѣ Марло «Jew of Malta» центральнымъ лицомъ является еврей-ростовщикъ, очерченный не менѣе ярко, чѣмъ въ Шекспировской драмѣ, но въ другомъ свѣтѣ. Въ «Jew of Malta» весь интересъ сосредоточенъ на психологіи героя пьесы Варавви, который по своему нравственному облику напоминаетъ своего венеціанскаго соплеменника. Но разница та, что Шекспиръ очеловѣчилъ своего еврея, придалъ его дѣйствіямъ благородный мотивъ мщенія за угнетенный народъ, вложилъ въ его уста въ III актѣ знаменитый монологъ: «Я жидъ, да развѣ у жида нѣтъ глазъ?» и т. д., и тѣмъ склоняетъ отчасти на его сторону сочувствіе читателей, смягчаетъ суровость, жестокость его поступковъ. Варавва же—крайняя степень порока, не облагороженнаго ни одной гуманной чертой. На островѣ Мальтѣ живетъ богатый еврей Варавва; богатства его несчетны: одного изъ его драгоцѣнныхъ камней достаточно, «чтобы выкупить короля изъ плѣна». Турки, подъ игомъ которыхъ находится Мальта, требуютъ денегъ. Комендантъ пользуется случаемъ досадить ненавистнымъ ему и всему населенію евреямъ и требуетъ отъ нихъ уплаты долга, причемъ больше всѣхъ долженъ поплатиться Варавва. Вмѣсто половины состоянія, какъ у другихъ, комендантъ велитъ отнять у него все за то, что онъ въ судѣ протестовалъ противъ несправедливаго налога; домъ Вараввы обращенъ въ женскій монастырь. Но обрушившіяся несчастія возбуждаютъ въ немъ энергію. Въ домѣ, такъ внезапно отнятомъ у него, спрятаны подъ половицей мѣшки съ золотомъ; чтобы ихъ добыть, онъ велитъ своей дочери Абигайль притвориться христіанкой и поступить въ монастырь, что та и исполняетъ. Тогда онъ приходитъ ночью къ балкону своего бывшаго жилища, и дочь сбрасываетъ сокровища. Монологъ Вараввы предъ монастыремъ принадлежитъ къ лучшимъ, наиболѣе поэтичнымъ въ пьесѣ, и проникнутъ глубокой грустью, какъ бы навѣянной участью его племени. Его меланхолія, впрочемъ, скоро смѣняется величайшей радостью при видѣ мѣшковъ золота; восторгъ, возбужденный сокровищами, и благодарность къ дочери перепутываются оригинальнымъ образомъ въ его восклицаніяхъ: «O my girl, my gold, my fortune, my felicity» etc. Эта сцена до извѣстной степени напоминаетъ разсказъ Соланіо въ «Венеціанскомъ купцѣ» о томъ, какъ Шейлокъ бѣгалъ по улицамъ, неистово крича: «О, дочь моя! Червонцы! Дочь моя!» и т. д. Съ деньгами въ рукахъ Варавва рѣшается мстить коменданту. Онъ знаетъ, что сынъ послѣдняго, Донъ-Лодовико, влюбленъ въ Абигайль, которая въ свою очередь любитъ его друга—донъ-Матіаса. Варавва велитъ дочери быть любезной съ Лодовикомъ и для виду согласиться сдѣлаться его невѣстой. Затѣмъ онъ искусственнымъ образомъ возбуждаетъ ревность Лодовика къ Матіасу, посылаетъ отъ имени Матіаса вызовъ на дуэль сыну коменданта, и оба молодыхъ человѣка погибаютъ на поединкѣ.

Возмущенная поступкомъ отца, Абигайль на самомъ дѣлѣ принимаетъ христіанство и удаляется въ монастырь. Тогда Варавва забываетъ дочь въ измѣнницѣ религіи отцовъ и мститъ ей ужаснымъ образомъ: онъ посылаетъ въ монастырь отравленную пищу, отъ которой погибаютъ всѣ монахини, въ томъ числѣ и его дочь. Абигайль предъ смертью приноситъ покаяніе духовнику и говоритъ ему о преступленіяхъ отца, совершенныхъ съ ея вѣдома. Духовникъ Фра Джіакомо разсказываетъ объ исповѣди Абигайль своему собрату Фра Бернардино, и они оба начинаютъ угрожать Вараввѣ тѣмъ, что выдадутъ его инквизиціи, но мальтійскій жидъ оказывается хитрѣе, проницательнѣе монаховъ. Задобривъ ихъ обѣщаніями принять христіанство и пожертвовать свое состояніе въ пользу ихъ монастыря, онъ успѣлъ залучить ихъ къ себѣ и предательски убитъ. Но и его постигаетъ наказаніе: боясь измѣны со стороны своего слуги Итамора, единственнаго сообщника его поступковъ, онъ отравляетъ его и его возлюбленную Бельмамиру ядовитымъ букетомъ: тѣ успѣваютъ еще предъ смертью донести коменданту на Варавву. Послѣдняго арестуютъ, предаютъ пыткѣ, но и тутъ не заканчивается дѣятельность хитроумнаго жида: онъ ловко спасается отъ смерти, передается туркамъ, помогаетъ имъ захватить Мальту и назначается правителемъ острова. Имѣя возможность отмстить своимъ прежнимъ мучителямъ, Варавва, въ припадкѣ какого-то непонятнаго великодушія, прощаетъ врагамъ и входитъ съ ними въ стачку, чтобы погубить турокъ. Но комендантъ открываетъ его затѣи туркамъ,—видно, ихъ послѣднихъ было менѣе обидно его самолюбію, чѣмъ власть презираемаго Вараввы. Послѣдній самъ попадаетъ въ ловушку и умираетъ.

VIII.

СОНЪ ВЪ ИВАНОВУ НОЧЬ.

(A Midsummer Night's Dream).

Дѣйствіе I, сц. 1 (стр. 503). Лизандеръ.

. . . встрѣтилъ я тебя
Съ Еленою однажды майскимъ утромъ,
Когда вы съ ней обряды совершали.

Едва-ли найдется хоть одинъ англійскій поэтъ, отъ Чосера до Теннисона, который не упоминалъ бы о старинныхъ англійскихъ народныхъ обрядахъ при встрѣчѣ весны (или мая). Въ первое майское утро молодежь обоего пола обыкновенно отправлялась въ лѣсъ—«завивать вѣнки»—и торжественно приносила оттуда разукрашенное вѣнками и цвѣтами «майское дерево».

Стр. 503. Гермія.

Клянусь крылчайшимъ лукомъ Купидона
И лучшей, золотой его стрѣлой...

По Овидію (Метаморф., I, 466), стрѣлы Купидона двухъ родовъ: однѣ возбуждаютъ любовь, а другія уничтожаютъ ее. Первыя—золотыя, съ блестящимъ и тонкимъ остріемъ, вторыя—свинцовыя и тупыя.

Стр. 504. Основа.

Я бы отмѣнно сыгралъ роль Еркулеса...

Геркулесъ былъ одною изъ любимыхъ фигуръ старинной англійской сцены. Въ памфлетѣ Грина «На грошъ остроумія» одинъ актеръ говоритъ: «Я ужасно гремѣлъ со сцены про двѣнадцать подвиговъ Геркулеса». Повидимому, эта роль была однородна съ ролью Ирода въ мистеріяхъ, о которой упоминаетъ Гамлетъ, говоря объ актерахъ, которые кричатъ такъ сильно, какъ будто хотятъ «перепро-

дить самого Ирода». Стихи, которые декламируетъ Основа, представляютъ, по всей вѣроятности, отрывокъ изъ какой-нибудь старой пьесы или пародію на стиль драматическихъ «интерлюдій» шекспировскаго времени.

Сц. 2 (стр. 505). Флейта.

Я не хочу играть роль женщины: у меня пробивается борода.

Въ шекспировскую эпоху въ Англіи, какъ извѣстно, не было актрисъ, и женскія роли исполнялись мальчиками, а за отсутствіемъ ихъ и взрослыми мужчинами въ маскахъ, которыя, составляя въ ту пору обыкновенную принадлежность женскаго костюма, не казались на сценѣ неумѣстными. Нѣкоторые актеры, избравшіе женскія роли своею спеціальностью, пользовались въ нихъ большимъ успѣхомъ. Такъ, напр., Доунесъ въ своемъ сочиненіи *Roscius Anglicanus* (XVII в.) говоритъ о Кинастонѣ, который достигъ въ исполненіи женскихъ ролей такого совершенства, какого не достигала впослѣдствіи ни одна актриса. Въ концѣ XVII в. въ женскихъ роляхъ славились Стивенъ Гаммертонъ и Пэйтъ. Актрисы появились на англійской сценѣ только послѣ реставраціи Стюартовъ, при Карлѣ II, хотя отдѣльные случаи исполненія женскихъ ролей актрисами восходятъ еще къ первой половинѣ XVII вѣка.

Стр. 505.

Пигва. *Робинъ Выдра, вы возьмете на себя роль матери Ѳисби... Вы—роль Пирамова отца. Самъ я буду играть отца Ѳисби. Буравъ, столяръ, — вы будете представлять льва. Надѣюсь, теперь всѣ роли розданы.*

Отецъ и мать Ѳисби и отецъ Пирама вовсе не появляются въ интерлюдіи; съ другой стороны, въ этомъ перечнѣ дѣйствующихъ лицъ не упомянуты Стѣна и Лунный Свѣтъ, а также и Прологъ, которые участвуютъ въ представленіи. Надо думать, что Шекспиръ неожиданнымъ появленіемъ этихъ новыхъ лицъ хотѣлъ указать, что его импровизированные артисты обладаютъ даромъ импровизаціи.

Стр. 506.

Основа. *Я привяжу себѣ или бороду соломеннаго цвѣта, или бороду оранжево-дубоваго цвѣта, или бороду пурпурно-малиноваго цвѣта, или бороду цвѣта французской короны,— ярко-желтаго цвѣта.*

Театральныя бороды обыкновенно назывались по именамъ разныхъ библейскихъ лицъ, напр., «красная борода Іуды», «длинная, густая борода Авраама» и т. п. Слова Основы пародируютъ эти названія.

Стр. 506.

Пигва. *У нѣкоторыхъ французскихъ головъ совершенно нѣтъ волосъ...*

Намекъ на болѣзнь, которую иногда, въ шутку, называли «французской короной (corona Veneris»).

Дѣйствіе II, сц. 1 (стр. 507).

Эльфа. *Я волшебные кружочки*
Поливаю для нея.

Кружки на лугахъ, которые, по народному повѣрью, дѣлаются феями для того, чтобы на нихъ танцовать, и отличаются особенно яркою зеленью.

Стр. 507.

Эльфа. *Видишь буквицу на лужочкѣ?*
То питомицы ея.

Буквица—одно изъ самыхъ распространенныхъ въ Англіи растеній, по повѣрью—особенно любимое феями. «Питомицы»—въ подлинникѣ «пенсіонеры»: намекъ на учрежденный Елизаветою особый отрядъ королевской гвардіи, называвшійся «Пенсіонерами королевы» и состоявшій изъ молодыхъ людей самыхъ знатныхъ фамилій, красивыхъ и высокаго роста, которые служили образцомъ моднаго тона. Ихъ было всего 50 человѣкъ; они были одѣты въ кафтаны, вышитые золотомъ, и вооружены алебардами. Въ 1564 г., когда королева посѣтила Кэмбриджъ и присутствовала на устроенномъ для нея представленіи комедіи Плавта «Aulularia», эти «пенсіонеры» стояли по обѣимъ сторонамъ сцены, съ факелами въ рукахъ.

Стр. 508.

Оберонъ . . . . . *Не ты ли*
Похитила его у Перигены?

Перигена—дочь Синниса, спасшаяся бѣгствомъ, когда ея отецъ былъ убитъ врагами, Тезей открылъ ея убѣжище и соблазнилъ ее.

Стр. 508.

Оберонъ . . . . . *Не ты ли*
Заставила его забыть всѣ клятвы,
Которыя давалъ онъ Аріаднѣ,
Аллэ и прекрасной Антіопѣ?

Аріадна, съ помощью которой Тезей проникъ въ Критскій лабиринтъ и убилъ тамъ Минотавра, впослѣдствіи была брошена Тезеемъ и съ горя повѣсилась. Нимфа Аглая, влюбленная въ Тезея, была дочерью Панопея. Антіопа—амазонка, похищенная Тезеемъ.

Стр. 510.

Оберонъ . . . . . *Всѣ дѣвицы*
Любовью въ праздности его зовутъ.

По указанію одного стариннаго англійскаго ботаника (Lyte, or Panses or Hartes eck, 1578), этотъ цвѣтокъ, называемый по-англійски Love-in-Idleness, по-латыни называется Viola tricolor или Herba trinitatis. Русское народное названіе этого растенія—«Иванъ да Марья».

Объясненіе разсказа Оберона см. въ предисловіи.

Стр. 511.

Елена. *За грифономъ помчится голубица.*

Англійскій путешественникъ XVI вѣка, сэръ Джонъ Мандевиль, въ своемъ описаніи «Бахаріи» (т. е. Бухары) такъ изображаетъ это баснословное животное: «Въ этой странѣ водится много грифоновъ, гораздо больше, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. Говорятъ, что у нихъ верхняя половина тѣла какъ у орла, а нижняя—какъ у льва; только грифонъ гораздо больше того и другого; онъ сильнѣе восьми обыкновенныхъ львовъ и ста орловъ такихъ, какъ наши. Онъ можетъ унести въ свое гнѣздо лошадь или пару воловъ, запряженныхъ въ плугъ; его кости похожи на рога большого быка и служатъ сосудами для питья, а изъ перьевъ его крыльевъ дѣлаютъ луки», и пр.

Дѣйствіе III, сц. 1 (стр. 519).

Основа. *Боже насъ избави привести льва туда, гдѣ находятся дамы! Это ужаснѣйшій поступокъ.*

Мэлонъ указываетъ въ этихъ словахъ «курьезное совпаденіе» съ обстоятельствомъ, случившимся въ Шотландіи въ 1594 г., при крещеніи старшаго сына короля Іакова I: «Когда король и

королева сидѣли за обѣденнымъ столомъ, въ залу въѣхала колесница, которую везъ негръ. Эту колесницу долженъ былъ везти левъ, но такъ какъ его появленіе могло бы напугать присутствующихъ, да и самъ онъ могъ бы придти въ безпокойство при видѣ огней и факеловъ, то рѣшено было замѣнить его негромъ».

Стр. 519.

Основа. *Надо, чтобы актеръ назвалъ себя по имени и изъ-за шеи льва показалъ до половины свое лицо.*

Быть можетъ, Шекспиръ намекаетъ на одно обстоятельство, случившееся въ его время: для королевы Елизаветы устроенъ былъ спектакль, въ которомъ, между прочимъ, нѣкій Гольдингъ долженъ былъ изображать Аріона, плывущаго на дельфинѣ. Къ началу представленія онъ охрипъ и, когда ему пришлось пѣть, поднялъ свою маску и поклялся, что онъ вовсе не Аріонъ, а Гольдингъ, почему его непріятный голосъ и не слѣдуетъ ставить въ вину Аріону. Это неожиданное открытіе очень насмѣшило королеву.

Стр. 520.

Основа *съ ослиной головой.*

Во времена Шекспира вѣра въ возможность подобныхъ превращеній существовала не только среди англійскаго простонародья, но и среди образованныхъ людей. Въ изданной въ 1584 г. книгѣ *Скота* «Открытіе силы колдовства» приводится рецептъ мази, съ помощью которой можно совершить такое превращеніе: надо у живого осла отрѣзать голову и три дня варить ее въ маслѣ, въ закрытомъ сосудѣ на медленномъ огнѣ, пока все мясо не сойдетъ съ костей, а затѣмъ, смѣшавъ это масло съ истолченною въ порошокъ шерстью осла, помазать имъ голову человѣка, котораго желаютъ превратить. Еще болѣе простой рецептъ данъ въ сочиненіи Альберта Великаго «О таинствахъ натуры», стоитъ только помазать голову человѣка ослинымъ навозомъ, и голова будетъ казаться ослиною. Подобную шутку сыгралъ съ своими пьяными гостями чернокнижникъ Фаустъ, о чемъ разсказывается въ популярной его исторіи, очень распространенной въ Англіи въ шекспировскія времена.

Дѣйствіе IV, сц. 1 (стр. 536).

Тезей. *Ночь Валентина*
Уже прошла.

По старинной поговоркѣ, въ день св. Валентина происходятъ «птичьи свадьбы». Замѣчательно, что о Валентиновомъ днѣ говоритъ аѳинскій «герцогъ» Тезей.

Дѣйствіе V, сц. 1 (стр. 537).

Тезей. *Сраженіе Кентавровъ.*

О кентаврахъ и о оракійскомъ пѣвцѣ, растерзанномъ вакханками, Шекспиръ могъ узнать изъ англійскаго перевода «Метаморфозъ» Овидія, гдѣ разсказана также и исторія Тезея. Арфа была совершенно неизвѣстна древнимъ грекамъ, такъ что здѣсь Шекспиръ допустилъ анахронизмъ.

Д. V, сц. 1 (стр. 540).

Тезей. *Грустная, краткая сцена Пирама.*

Исторія Пирама и Ѳисбы находится въ IV книгѣ «Метаморфозъ» Овидія, переведенной на англійскій языкъ Гольдингомъ въ 1567 году.

Дѣйствіе V, сц. 1 (стр. 541).

Тезей.

Когда я путешествовалъ, меня
Сановники привѣтствовать хотѣли
Готовыми рѣчами.

Нѣкоторые комментаторы видятъ въ этихъ словахъ Тезея намекъ на дѣйствительное происшествіе, случившееся во время пріѣзда королевы Елизаветы въ Уорникъ: представитель города, который долженъ былъ привѣтствовать высокую гостью, до того растерялся въ ея присутствіи, что не могъ сказать ни одного слова.

Д. V, сц. 1 (стр. 541).

Прологъ.

Актеръ, произносившій прологъ, выходилъ на сцену немедленно послѣ третьяго сигнала къ началу представленія. Онъ былъ обыкновенно одѣтъ въ длинную епанчу изъ чернаго бархата.

Въ прологѣ къ представленію Пигвы и его товарищей знаки препинанія намѣренно разставлены такъ, чтобы выходила безсмыслица, о чемъ и говорятъ далѣе Тезей и Лизандеръ. Настоящую пунктуацію не трудно угадать. Во второй своей рѣчи Прологъ исполняетъ обязанность такъ называемаго «Представителя» (Presenter), который, по обычаю стараго англійскаго театра, передъ началомъ пьесы выводилъ на сцену всѣхъ дѣйствующихъ лицъ и поочередно представлялъ ихъ зрителямъ, замѣняя такимъ образомъ, афишу.

Д. V, сц. 1 (стр. 542).

Пирамъ.

«Лимандеръ» вмѣсто «Александръ (Лисандръ) второе имя Париса. «Шафалъ» и «Прокрусъ»—Кефалъ (Цефалъ) и Прокрида.

Д. V, сц. 1 (стр. 545).

Основа *бергамасскій танецъ*

Жители области Бергамо, принадлежавшей Венеціи, вошли въ Италіи въ пословицу по своей глупости (нѣчто вродѣ нашихъ пошехонцевъ). Всѣ итальянскіе шуты передразнивали ихъ смѣшной выговоръ, и названіе «Bergamasco» вообще было синонимомъ шута. Оттого и «бергамасскій» танецъ значитъ «шутовской», смѣшной, неуклюжій.

Д. V, сц. 1 (стр. 545).

Пукъ.

Колесница Гекаты, т. е. Луны. Дочь Юпитера и Латоны на небѣ называлась Луной или Цинтіей, на землѣ—Діаной, въ аду—Гекатой. Въ ея колесницу запряжено было двѣ лошади, одна черная, другая—бѣлая.

Старопечатная русская заставка въ стилѣ Ренесанса. (Апостолъ 1564 года).

РИСУНКИ.

I.

РИСУНКИ ВЪ ТЕКСТѢ.

стр.

1. Титульная рамка ко всему изданію. Рисовалъ для настоящаго изд. *Е. Е. Лансере.*
2. Древне-русская (изъ Острожской Библіи 1581 г.) книжная заставка, по стилю принадлежитъ частью къ венеціанскому, частью къ нѣмецкому Ренесансу 1
3. Титульная рамка къ «Двумъ Веронцамъ» извѣстнаго англійскаго иллюстратора *Вальтера Крэна* (Eight illustrations to Shakespeare's «Two Gentlemen of Verona» by Walter Crane. London 1895) 1
4. Заставка. Орнаментъ Рафаэлевскихъ ложъ Ватикана 1
5. Титульная рамка венеціанской работы, второй половины XV в. (Appiani Alexandrini historiae Romanae. Венеція, 1478, тип. Ергардта Ратольта) 8
6. Площадь въ Веронѣ (по старинной гравюрѣ изъ коллекцій Британскаго музея) . . 9
7. Сѣверно-итальянскіе женскіе костюмы эпохи Ренесанса. По изданію Найта, рис. для настоящаго изд. *В. Табурина* 13
8. Видъ Вероны съ Адижа. По старинной гравюрѣ, воспроизведенной къ изд. Knight'a, рис. *В. Табурина* 16
9. Внутренній видъ итальянскаго дворца эпохи Ренесанса. (Palazzo Sauli въ Генуѣ) 17
10. Сильвія. Картина англійскаго художника *Райта* (John William Wright, 1802—1848) . . 21
11. Спидъ и Лаунсъ. Картина извѣстнаго современнаго англійскаго жанриста *Чарльза Грина* (Green). (Изъ роскошнаго изданія Cassel'я «Royal-Shakespeare») 25
12. Костюмъ знатнаго итальянца эпохи ранняго Ренесанса. (Изъ книги Cesare Vecellio «Habiti Antichi et Moderni, Венеція, 1589). Рис. *В. Табурина* 28
13. Сѣни герцогскаго дома эпохи Ренесанса. (Палаццо Бальби въ Генуѣ) 29
14. Герцогскій костюмъ эпохи Ренесанса. По изданію Найта, рис. *В. Табурина* 33
15. Концовка—итальянскіе музыканты . . . 36
16. Герцогъ эпохи Ренесанса и его свита. По изданію Найта, рис. *В. Табурина* 37
17. Юлія. Рисунокъ англійскаго акварелиста *Дженкинса* (John Joseph Jenkins, 1811—1885). Изъ англо-нѣмецкой галлереи Шекспировскихъ женщинъ 1850-хъ гг. 41
18. Концовка—итальянскій орнаментъ эпохи Ренесанса. (Интарсія на полу Сіенскаго собора) 45
19. Дворъ итальянскаго монастыря эпохи Ренесанса. (Монастырь Санта Марія делле Граціе въ Ареццо, построенный въ XV в. архитекторомъ Бенедетто да Маино) 46
20. Два Веронца. (Дѣйств. V, сц. 4). Картина извѣстнаго англійскаго живописца *Томаса Стотгарда* (Stothard, 1755—1834). (Малая Бойделевская галлерея) 49
21. Концовка въ античномъ стилѣ 52
22. Титульная рамка эпохи Ренесанса (Гускулано у Гардскаго озера, 1520, типографіи Александра Паганини. Средній рисунокъ изъ «Temple Shakespeare») . . . . . .
23. Заставка: древній орнаментъ. (Цоколь этрусскаго саркофага) 53
24. Развалины Эфеса. Картина извѣстнаго англійскаго художника *Томаса Алома* (Allom, 1804—1872) въ гравюрѣ В. Кука (W. I. Cook) 65
25. Заставка: древній орнаментъ (Аѳинскій акрополь, храмъ Аѳины Паллады) 68
26. Діана Эфесская. Древняя статуя въ Ватиканѣ 68
27. Храмъ Діаны въ Эфесѣ. (Реставрація). Изъ «Pictorial edition of Shakespeare» Найта. 69
28. Концовка: древне-греческій орнаментъ (Терракотовый барельефъ; богъ лѣсовъ и полей Панъ въ разныхъ видахъ) 73

стр.

29. Эфесъ (Реставрація). По описанію англійскаго путешественника и археолога XVIII ст. Покока, ри... *Г. Ф. Сарджентъ*, грав. Дж. Кортеръ, («The Book of Shakespeare Gems». London, 1854). 74

§ 30. Комедія ошибокъ. (Дѣйств. I, сц. 1). Картина извѣстнаго художника *Френсиса Уитли* (Wheatley, 1747—1801). (Малая Бойделевская галлерея). 77

31. Концовка: древне-греческій барельефъ, изображающій божковъ любви—эротовъ. (Саркофагъ поздней эпохи, найденный въ Патрасѣ). 81

32. Одежды древнихъ малоазійскихъ грековъ, лидянъ и фригійцевъ 82

33. Концовка: древне-греческій орнаментъ. (Мраморный дискъ—богъ лѣсовъ и полей Панъ). 88

34. Заставка: древне-греческій орнаментъ. (Терракота). 91

35. Комедія ошибокъ. (Дѣйств IV, сц. 4). Картина извѣстнаго англійскаго художника *Френсиса Уитли* (Wheatley, 1747—1801). (Малая Бойделевская галлерея) 97

36. Древне-греческій женскій нарядъ. (Изображеніе на древней вазѣ). 99

37. Концовка: древне-греческая амфора. (Позднѣйшей эпохи). 100

38. Церковная постройка древнѣйшаго типа византійско-римскаго періода. (Базилика Св. Аполлинарія въ Гавенни, San Apollinare in Classe, въ Равеннѣ. Построена въ VI вѣкѣ въ эпоху Юстиніана). 101

39. Два Дроміо. Картина *Рихтера* (изъ роскошнаго изд. Cassel'я, Royal Shakespeare) . . 105

40. Комедія ошибокъ. (Дѣйств. V, сц. 1). Картина извѣстнаго англійско-итальянскаго художника *Дж. Риго* (I. F. Rigaud, 1742—1810). (Большая Бойделевская галлерея) 109

41. Англійская актрисаXVIII вѣка Инчбальдъ въ роли игуменьи. Рисунокъ *Рамберга*, въ гравюрѣ Шервина (Изъ Беллевскаго изд. Шекспира, 1780-хъ г.). 110

42. Антифолъ Сиракузскій и Люціана. (Изъ Беллевскаго изд. Шекспира 1780-хъ г.) . . . 112

43. Титульная рамка («Безплодныя усилія любви»), стилизованная во вкусѣ французскаго Ренесанса съ наваррскими эмблемами, франц. художника *Жака Лемана* (Leman, род. 1829 г.) 113

44. Французскій королевскій замокъ XVI ст. (Замокъ Шамборъ, построенный въ 1526 г.) . . 114

45. Представленіе Безплодныхъ усилій любви» при дворѣ королевы Елизаветы англійской. (Knight, Pictorial edition of Shakespeare) 117

46. Французско-наваррскіе костюмы XVI в. Заставка франц. художника *Жака Лемана* (Leman, род. 1829). 121

47. Стилизованная во вкусѣ французскаго Ренесанса рамка *Жака Лемана*. 122

48. Стилизованная заставка *Жака Лемана*. . 123

49. Армадо и Жаккетта. Картина англійскаго жанриста *Джемса Голмса* (Holmes, 1777—1860) 129

50. Заставка *Жака Лемана*. 132

51. Костюмы эпохи французскаго Ренесанса. (По Cesare Vecelio, «Habiti antichi et moderni», Венеція, 1598). 137

52. Концовка: орнаментъ эпохи французскаго Ренесанса (гобеленъ въ Фонтенебло, XVI в.). 138

53. Биронъ и Башка. Рисунокъ изъ изд. Найта 139

54. Французскій придворный костюмъ конца XVI вѣка (современный портретъ Карла IX, кисти *Клуэ*). 142

55. Бойе и принцесса. Рисунокъ (исторически вѣрно представляющій англійскіе сады XVI в.) изъ изд. Найта 143

56. Безплодныя усилія любви. (Дѣйств. IV, сц. 2). Картина извѣстнаго англійскаго живописца *Фрэнсиса Уитли* (Wheatley 1747—1801). (Малая Бойделевская галлерея). . . . 145

57. Игра въ шары, по рисунку XVI в. (Изъ изданія Найта) 157

58. Безплодныя усилія любви. (Дѣйств. V, сц. 2). Картина *Фрэнсиса Уитли* (Wheatley, 1747—1801). (Малая Бойделевская галлерея). 161

59. Московскіе костюмы по западно-европейскимъ (близкимъ къ дѣйствительности) представленіямъ XVI вѣка. (Cesare Vecellio. «Habiti antichi et moderni», Венеція, 1598) . . . 165

60. Армадо, одѣтый Гекторомъ. Рисунокъ извѣстнаго англійскаго иллюстратора сэра *Джона Джильберта* (Gilbert, род. 1817) 169

61. Бой «сѣверныхъ людей» на палкахъ (къ 2-й сценѣ V-го дѣйств.) 180

62. Титульная рамка эпохи Ренесанса (Венеція, 1478, типографія Ергардта Ратольта). Средній рисунокъ изъ «Temple Shakespeare». —

63. Заставка въ античномъ стилѣ. 181

64. Заставка: орнаментъ эпохи Ренесанса. (Интарсіатура Генуэзскаго собора) 193

65. Верона. (По старой гравюрѣ) 194

66. Ромео и Джульетта. (Дѣйст. I, сц. 1). Знаменитые въ 1830 и 1840-хъ годахъ рисунки очерками нѣмецкаго художника *Морица Ретча* (Retzsch. 1779—1857). 195

67. Ромео и Джульетта. (Дѣйств. I, сц. 5). Картина англійскаго художника *Вильяма Миллера* (W. Miller, род. около 1740, ум. около 1810). (Малая Бойделевская галлерея) 201

68. Ромео и Джульетта во время бала. (Дѣйств. I, сц. 5) Рисунокъ *Фердинанда Пилотти* 209

69. Открытое мѣсто передъ домомъ Капулетовъ. Рисунокъ изъ изд. Найта. 210

70. Джульетта, кормилица и Пьетро. (Дѣйств. II, сц. 5). Картина извѣстнаго англійскаго жанриста *Бриггса* (Henry Perronet Briggs, 1791—1844). 217

71. Джульетта и кормилица. (Дѣйств. II. сц. 5). Картина извѣстнаго англійскаго жанриста *Р. Смирка* (Smirke, 1752—1845). (Малая Бойделевская галлерея). 221

72. Молодой итальянскій щеголь 13—14 вѣка. (По Cesare Vecellio, «Habiti antichi et moderni». Венеція, 1598) 223

73. Ромео и Джульетта на балконѣ. Рисунокъ изъ изд. Найта 224

74. Сцена у балкона. Картина мюнхенскаго художника *Папериттца*. (Friedrich Georg Papperitz, p. 1846) 225

75. Сцена у балкона. Картина *Фердинанда Пилотти* 229

76. Сцена у балкона. Картина извѣстнаго нѣмецкаго живописца, профессора Дрезденской академіи *Генриха Гофмана* 233

77. Сцена у балкона. Картина знаменитаго англійскаго живописца прерафаэлита *Мадокса Брауна* (Madox Brown) 237

78. Ромео и Лоренцо. (Дѣйств. III, сц. 3). Картина *Фердинанда Пилотти*. 241

стр.

79. Сцена у балкона. Картина англо-итальянскаго художника *Дж. Риго* (I. F. Rigaud, 1742—1810). (Малая Бойделевская галлерея) . 242
80. Внутренній видъ стариннаго итальянскаго церковнаго строенія. (Базилика св. Павла въ Римѣ) 243
81. Джульетта и Фра-Лоренцо. Картина англійскаго художника *Эдуарда Мэтью Уорда.* (Edward Matthew Word, 1816—1879) 246
82. Ромео и Джульетта. (Дѣйств. IV, сц. 5). Картина извѣстнаго живописца *Джона Опи.* (John Opie, 1761—1807). (Большая Бойделевская галлерея) 249
83. Похороны Джульетты. Рис. въ изд. Найта (изображена улица, ведущая мимо развалинъ римскаго амфитеатра). 251
84. Мантуя. (По старой гравюрѣ) 253
85. Ромео и аптекарь. (Дѣйств. V, сц. 1). Рисунокъ извѣстн. англ. художника *Франка Дикси* (F. Dicksee, p. 1853). 255
86. Ромео и Джульетта. (Дѣйств. V, сц. 3). Картина извѣстнаго англійскаго живописца *Норскота* (James Northcote, 1746 — 1838). (Большая Бойделевская галлерея) 257
87. Рисунки очерками извѣстнаго нѣмецкаго художника *Морица Ретча* (Retzsch, 1779—1857). (Ромео и Джульетта. Дѣйств. V, сц. 3). 260
88. Ромео и Джульетта. (Дѣйств. V, сц. 3). Картина нѣмецкаго живописца *А. Шписа* (August Spiess, p. 1841). 261
89. Рисунокъ очерками *Морица Ретча.* (Ромео и Джульетта. Дѣйств. V, послѣдняя сцена). 262
90. Заглавная виньетка къ «Усмиренію строптивой» извѣстнаго англійскаго иллюстратора *Силуза* (Henry C. Selous, 1812—1890). . 265
91. Англійскіе охотники временъ Шекспира. 266
92. Заставка: барельефъ работы знаменитаго скульптора эпохи ранняго Ренесанса *Донателло* (1382 - 1466) 273
93. Винкотъ или Вильмкотъ, ферма возлѣ Стратфорда. 274
94. «Усмиреніе строптивой». (Прологъ, сц. 2). Картина извѣстнаго англійскаго жанриста *Роберта Смирка.* (Smirke, 1752—1845). (Большая Бойделевская галлерея). 277
95. Падуя (площадь передъ домомъ городского управленія). (По старинному рисунку) . 280
96. Костюмы падуанскихъ дамъ (по Cesare Vecellio, «Habiti antichi et moderni». Венеція, 1598). 288
97. Пиза (соборная площадь, на заднемъ планѣ знаменитая пизанская падающая башня). 289
98. Катарина. Рисунокъ англійскаго художника, русскаго происхожденія, *Франсиса Филиппа Степанова.* (Fr. Ph. Stephanoff, 1788—1860) 293
99. Книжная концовка XVI вѣка (изъ «Ornamenten Schatz») 296
100. Соборная церковь Santa Giustina въ Падуѣ. 297
101. Усмиреніе строптивой. (Дѣйств. III, сц. 2). Картина извѣстнаго англійскаго живописца *Фрэнсиса Уитли.* (Wheatley, 1747—1801). (Большая Бойделевская галлерея) 301
102. Концовка: итальянскіе музыканты. (Изъ изд. Найта) 303
103. Груміо. Рисунокъ извѣстнаго англійскаго иллюстратора сэра *Джона Джильберта.* (Sir John Gilbert, p. 1817) 304
104. Усмиреніе строптивой. (Дѣйст. IV, сц. 1). Картина извѣстнаго англійскаго живописца *Юлія Цезаря Ибботсона.* (Ibbetson, 1759—1817). (Малая Бойделевская галлерея). . . . 307
105. Усмиреніе строптивой. (Дѣйств. IV, сц. 1). Картина нѣмецкаго художника *Фридриха Шверера.* (Friedrich Schwörer, 1833—1891). 309
106. Усмиреніе строптивой. (Дѣйств. IV, сц. 3). Картина извѣстнаго англійскаго жанриста *Чарльза Роберта Лесли.* (Ch. Rob. Leslie, 1794—1859) 313
107. Усмиреніе строптивой. (Дѣйств. IV, сц. 5). Картина англійскаго жанриста *Ибботсона.* (Julius Caesar Ibbetson, 1759—1817). (Малая Бойделевская галлерея) 317
108. Педагогъ. Рисунокъ *Джильберта* . . . 319
109. Концовка въ античномъ стилѣ 320
110. Падуя (общественное гуляніе Prado) . 321
111. Оставшіеся незаконченными эскизы иллюстрацій къ «Усмиренію строптивой» знаменитаго нѣмецкаго живописца *Вильгельма Каульбаха.* (Wilhelm von Kaulbach, 1805—1874). 328
112. Король Ричардъ Третій. Заглавный рисунокъ извѣстнаго англійскаго иллюстратора сэра *Джона Джильберта.* (Sir John Gilbert, p. 1817). 329
113. Ричардъ III. (По Уорикской рукописи). 330
114. Рамка, составленная изъ гербовъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ короля Ричарда III («Pictorial edition of Shakespeare's works» by Charles Knight) 343
115. Средневѣковой Лондонъ. Рисовалъ *В. Табуринъ* (по изд. Найта) 344
116. Ричардъ III и лэди Анна. (Дѣйств. I, сц. 2). Рисунокъ англійскаго иллюстратора *Джона Даусона Ватсона.* (John Dawson Watson, 1832—1892) 351
117. Комната въ королевскомъ дворцѣ. Рис. *В. Табуринъ* (по изд. Найта). 362
118. Королева Елизавета и герцогъ Іоркскій. (Дѣйств. II, сц. 4). Картина извѣстнаго англійскаго живописца *Эдуарда Мэтью Уорда* (Edward Matthew Ward, R. A. 1816—1879) . . . 369
119. Черный Принцъ (Эдуардъ). Средневѣковая миніатюра . . . . . —
120. Средневѣковой Лондонъ. Рис. *В. Табуринъ* (по изд. Найта). 371
121. Король Ричардъ III. (Дѣйств. III, сц. 1). Картина извѣстнаго англійскаго живописца *Норскота* (James Northcote, R. A 1746—1838). (Малая Бойделевская галлерея) 373
122. Король Ричардъ III. (Дѣйств. III, сц. 1). Картина извѣстнаго англійскаго живописца *Джемса Норскота.* (James Northcote). (Большая Бойделевская галлерея) 377
123. Замокъ Помфретъ. Рис. *В. Табуринъ* (по изд. Найта). 379
124. Ричардъ III въ Тоуэрѣ. (Дѣйств. III, сц. 4). Картина извѣстнаго англійскаго живописца *Ричарда Вестоля.* (Richard Westall, R. A. 1765—1836). (Малая Бойделевская галлерея). 383
125. Оставшіеся незаконченными эскизы *Вильгельма Каульбаха* къ «Ричарду III». (Дѣйств. III, сц. 7) 385
126. То же. (Дѣйств. III, сц. 7) 388
127. Графъ Серри. (Со стариннаго портрета). 389
128. Передъ Тоуэромъ (по изд. Найта). . . 390
129. Король Ричардъ III. (Дѣйств. IV, сц. 3). Картина *Джемса Норскота.* (James Northcote, R. A. 1746—1838). Большая Бойделевская галлерея) 395

стр.

130. Король Ричардъ III. (Дѣйств. IV, сц. 3). Картина *Джемса Норскота.* (Большая Бойделевская галлерея) 397
131. Дѣти Эдуарда IV. (Дѣйств. IV, сц. 3). Картина извѣстнаго нѣмецкаго художника *Фердинанда Гильдебранда.* (Ferdinand Gildebrand, 1804–1874) 401
132. Сэръ Томасъ Воганъ. (Бронзовая плита надъ его могилой въ Вестминстерскомъ аббатствѣ) 408
133. Знаменитый англійскій актеръ Гаррикъ (David Garrik, 1716—1779) въ роли Ричарда III. (Дѣйств. V, сц. 3). Картина знаменитаго англійскаго живописца *Гогарта.* (William Hoghart, 1697—1764) 409
134. Знаменитый актеръ Кембль (John Philipp Kemble, 1757—1823) въ роли Ричарда III. Картина неизвѣстнаго художника XVIII в. . 413
135. Знаменитый англійскій актеръ Кембль въ роли Ричарда III (V дѣйств., сц. 3). Картина неизвѣстнаго художника XVIII в. 417
136. Венеціанскій купецъ. Заглавная виньетка *В. А. Табурина* (площадь Св. Марка въ Венеціи) 419
137. Площадь Св. Марка въ XV в. Картина знаменитаго венеціанскаго живописца *Джентиле Беллини* (Gentile Bellini, 1427—1507) . . 420
138. Пьяцетта и соборъ Св. Марка въ гравюрѣ *Джакомо Франко* (1610) 423
139. Венеціанская пьяцетта въ настоящее время (зданія и колонны не измѣнились съ XIV—XVI вв.) 425
140. Венеціанское палаццо XV вѣка (Palazzo Giovanelli) 427
141. Мостъ Ріальто въ XVI в. Гравюра *Джіакомо Франко* (1610) 429
142. Венеціанская гондола XVI в. Гравюра *Джіакомо Франко* (въ книгѣ «Habiti d'uomeni e donne Venetiane». Венеція, 1610) 430
143. Венеціанскій червонецъ (дукатъ) . . . 431
144. Виньетка изъ изданія Найта «Pictorial Edition of Shakespeare's Works». (Колонна на пьяцеттѣ со статуей древнѣйшаго патрона Венеціи - св. Ѳедора, на крокодилѣ; внизу государственный корабль венеціанскихъ дожей Бучентавръ) 432
145. Улица въ Венеціи (набережная передъ дворцомъ дожей) 433
146. Левъ св. Марка. Орнаментъ *Витторе Карпаччіо.* (Vittore Carpaccio, XVI вѣкъ) . . . 441
147. Шейлокъ и Джессика. (Дѣйств. II, сц. 5). Картина извѣстнаго англійскаго жанриста *Роберта Смирка.* (Robert Smirke, R. A. 1752—1845). (Большая Бойделевская галлерея) . . . 449
148. Шейлокъ послѣ бѣгства Джессики. Рисунокъ извѣстнаго англійскаго иллюстратора сэра *Джона Джильберта* (Sir John Gilbert, род. 1817) 454
149. Бассаніо и Порція. (Дѣйств. III, сц. 2). Картина извѣстнаго англійскаго живописца *Ричарда Вестоля.* (Richard Westall, R. A. 1765—1836). (Малая Бойделевская галлерея) 457
150. Шейлокъ и Антоніо. (Дѣйств. III, сц. 3). Картина извѣстнаго англійскаго живописца *Ричарда Вестоля.* (Richard Westall). (Малая Бойделевская галлерея) 463
151. Джессика. Рисунокъ извѣстнаго англійскаго иллюстратора *Кини Мидоуса.* (Kenny Meadows, 1790—1874) 465
152. Дворецъ дожей (внутренній дворъ) . . 467

стр.

153. Венеціанскій дожъ. Портретъ дожа Николо да-Понте (1578—1585), кисти знаменитаго венеціанскаго художника *Тинторето.* (Jacopo Tintoretto, 1519—1594) 469
154. Шейлокъ и Порція на судѣ. (Дѣйств. IV, сц. 1). Рисунокъ нѣмецкаго художника профессора *Адольфа Шмитца.* (Adolph Schmitz, 1825—1894) 475
155. Мостъ Ріальто въ настоящее время. (Внѣшній видъ вполнѣ сохранился съ XVI вѣка). 478
156. Джессика и Лоренцо въ Бельмонтѣ. (Дѣйств. V, сц. 1). Картина англійскаго пейзажиста *Вильяма Годжеса* (William Hodges, R. A., 1744—1797) 481
157. Знаменитый англійскій актеръ Кинъ въ роли Шейлока (Edmund Kean, 1787—1733) . . 483
158. Знаменитый англійскій актеръ Мэклинъ въ роли Шейлока (Charles Macklin, 1690—1797) 485
159. Левъ св. Марка, покровителя Венеціи. (На вершинѣ той изъ двухъ колоннъ пьяцетты, которая ближе къ дворцу дожей) 486
160. Заглавная виньетка къ «Сну въ Иванову ночь» *Джильберта* 487
161. Заставка въ античномъ стилѣ 488
162. Любовь-побѣдительница. Древняя (Помпейская) фреска 498
163. Амуры, вьющіе вѣнки изъ розъ. Древняя. (Помпейская) фреска 499
164. Эльфы. Рисунокъ *Джильберта* 500
165. Мастеровые актеры. Рисунокъ извѣстнаго нѣмецкаго художника *Вильгельма Фольца* (Wilhelm Volz., 1855–1901) 505
166. Играющая на трубахъ. Древне-греческій орнаментъ 506
167. Эльфа и Пукъ. Рисунокъ извѣстнаго нѣмецкаго силуэтиста *Поля Коневки* (Paul Konewka, 1841—1871) 507
168. Сирена, купидонъ и царственная весталка. Рисунокъ «декадентскаго» пошиба, *Бейамъ Шоу* (Bayam Schaw) 510
169. Пукъ. Картина знаменитаго англо-швейцарскаго живописца *Фюсли* (Johann Heinrich Füssli, у англичанъ—Fuseli, 1742—1825) . . . 513
170. Лизандеръ, Гермія и Пукъ. Силуэтъ *Поля Коневки* (Paul Konewka) 514
171. Эльфъ на стражѣ. Силуэтъ *Поля Коневки.* (Paul Konewka) 515
172. Концовка въ древнемъ стилѣ 516
173. Спящая Титанія и Оберонъ. Картина извѣстнаго нѣмецкаго художника профессора *Поля Тумана* (Paul Thumann, род. 1834) . . . 517
174. Усыпленіе Титаніи и превращеніе Основы. Картина извѣстнаго нѣмецкаго живописца профессора *Эдуарда Стейнле.* (Eduard Steinle, 1810—1886) 518
175. Превращенный Основа и Пигва. Силуэтъ *Поля Коневки* (Paul Konewka) 520
176. Титанія, восхищенная пѣніемъ Основы. Силуэтъ *Поля Коневки* (Paul Konewka) 521
177. Эльфы привѣтствуютъ Основу. Рисунокъ *Джильберта* 523
178. Пигва и Рыло, пораженные превращеніемъ Основы. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 525
179. Титанія засыпаетъ, обнявши Основу. Рисунокъ *Джильберта* (Gilbert) 532
180. Пукъ. Картина знаменитаго англійскаго живописца сэра *Джошуа Рейнольдса* (Sir Joshua Reynolds R. A., 1723—1792). (Малая Бойделевская галлерея) 535
181. Основа припоминаетъ свой сонъ. Силуэтъ *Поля Коневки* 537

стр.

182. Оберонъ и Титанія улетаютъ. Силуэтъ *Поля Коневки.* (Paul Konewka) 538
183. Пирамъ поражаетъ себя мечомъ. Рисунокъ извѣстнаго нѣмецкаго художника *Вильгельма Фольца.* (Wilhelm Volz, 1855–1901). 539
184. Луна съ фонаремъ. Силуэтъ *Поля Коневки.* (Paul Konewka) 543
185. Концовка (Пукъ). Силуэтъ *Поля Коневки* 546
186. Изображеніе (XVI в.) пытки «Испанскими сапогами» 547
187. Головной уборъ (съ бантами) XVI в. . 548
188. Изображеніе старо-англійскихъ колодокъ 549
189. Выставленіе у позорнаго столба . . . 549
190. Майскій праздникъ въ старой Англіи и «деревянная лошадка» 552
191. Такъ называемый «Гробъ Джульетты» въ окрестностяхъ Вероны 557
192. Знатный охотникъ временъ Шекспира (со старинной гравюры, изображающей короля Якова I въ охотничьемъ костюмѣ) 559
193. Венеціанка въ маскѣ (по картинѣ *Поля Веронезе*) 563
194. Старопечатная русская заставка . . . 568
195. Заставка 574

II.

АВТОТИПІИ НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТАХЪ.

1. 8 рисунковъ извѣстнаго англійскаго иллюстратора, прерафаэлита *Вальтера Крэна* (Walter Crane, p. 1845) къ «Двумъ Веронцамъ»: I. Дѣйств. I, сц. 1. II. Дѣйств. I, сц. 2. III. Дѣйств. II, сц. 3. IV. Дѣйств. II, сц. 4) . . . 23
2. То же V. Дѣйств. II, сц. 4. VI. Дѣйств. III, сц. 1. VII. Дѣйств. IV, сц. 4. VIII. Дѣйств. V, сц. 4 39
3. Безплодныя усилія любви. (Процессія «девяти героевъ»). Картина англійскаго жанриста *Роберта Гиллингфорда* (Hillingford, род. 1828), почетнаго члена С.-Петербургской Академіи Художествъ 177
4. Рисунки, въ прерафаэлитскомъ стилѣ, современнаго англійскаго иллюстратора *Бейамъ Шоу* («The Chiswick Shakespeare» by Bayam Shaw) къ «Безплоднымъ усиліямъ любви» . . 179
5. Ромео и Джульетта въ кельѣ Лоренцо. Картина профессора и президента Берлинской Академіи Художествъ, *Карла Беккера* (Karl Becker, p. 1820) 215
6. Ромео и Джульетта (сцена у балкона). Картина знаменитаго художника *Ганса Макарта* (1840—1884) 227
7. Ромео и Джульетта. Картина профессора *Константина Маковскаго* 231
8. Усмиреніе строптивой. (Прологъ, сц. 2). Картина извѣстнаго англійскаго жанриста *Вильяма Орчардсона* (Orchardson, p. 1835) . . 279
9. Усмиреніе строптивой. Картина извѣстнаго нѣмецкаго живописца *Эдуарда Грюцнера* (Grützner, p. 1846) 312
10. Дѣти Эдуарда IV въ Тоуэрѣ. Картина знаменитаго французскаго художника *Поля Делароша* (Paul Delaroch, 1797—1835). Рисовалъ *В. А. Табуринъ* 392
11. Шейлокъ въ исполненіи знаменитаго англійскаго актера сэра Генри Ирвинга (Sir Henry Irving, p. 1838) 438
12. Шейлокъ и Джессика. Картина извѣстнаго нѣмецкаго живописца, профессора Дрезденской академіи *Генриха Гофмана* (Heinrich Hofmann, p. 1824) 446
13. Бассаніо выбираетъ одинъ изъ ящиковъ («Венеціанскій купецъ», дѣйств. III, сц. 2). Картина нѣмецкаго художника *Фердинанда Барта* (Ferdinand Barth, 1842—1892) . . . 460
14. Титанія. («Сонъ въ лѣтнюю ночь»). Рисунокъ извѣстнаго англійскаго живописца и иллюстратора *Кини Мидоуса* (Kenny Meadows, 1790—1874) 508
15. «Сонъ въ Иванову ночь». (Дѣйств. IV, сц. 1). Картина извѣстнаго англо-швейцарскаго живописца *Фюсли* (Johann Heinrich Füssli, у англичанъ Fuseli, 1742 — 1825). (Большая Бойделевская галлерея) 536
16. Пробужденіе Титаніи («Сонъ въ Иванову ночь», дѣйств. IV, сц. 1). Картина извѣстнаго англо-швейцарскаго живописца *Фюсли* (Johann Heinrich Füssli, у англичанъ Fuseli, 1742—1825). (Большая Бойделевская галлерея) . . . 536

III.

ГЕЛІОГРАВЮРЫ и ФОТОГРАВЮРЫ.

1. Чандосскій портретъ Шекспира (Chandos Portrait of Shakespeare).
2. Два Веронца. Картина извѣстнаго англійскаго живописца-прерафаэлита *Гольмана Гента* (Hollman Hunt).
3. Два Веронца (Дѣйств. V, сц. 4). Картина знаменитой швейцарско-англійской живописицы *Анджелики Кауфманъ* (Angelica Kaufmann 1741—1807).
4. Безплодныя усилія любви. (Дѣйств. IV, сц. 1). Картина извѣстнаго англ. живописца *Вильяма Гамильтона* (William Hamilton, R. A. 1751—1801).
5. Ромео и Джульетта. Картина извѣстнаго нѣм. художника *Фердинанда Пилотти* (Ferdinand Pilotty, 1828–1895).
6. Усмиреніе строптивой. Картина извѣстнаго нѣмецкаго живописца, проф. *Эдуарда Стейнле.*
7. Ричардъ III. (Дѣйств. III, сц. 4). Картина знаменитаго нѣм. живописца, проф. *Карла Пилотти* (Karl Pilotty, 1825—1886).
8. Венеціанскій купецъ. Картина профессора *Стейнле* (Eduard Steinle, 1810—1886).
9. Сонъ въ лѣтнюю ночь. Картина извѣстнаго нѣм. живописца, проф. *Эдмунда Канольда* (Edmund Kanoldt, p. 1835).

о Бойделевской Галлереѣ см. въ заключительномъ выпускѣ, главу «Шекспиръ въ живописи».

Оглавленіе I тома.

	стран.
I. Отъ редакціи. **С. А. Венгерова**	I.
II. „Два Веронца". Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ и предисловіе проф. **Всеволода Миллера**	1
III. „Комедія ошибокъ". Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ **П. И. Вейнберга**, съ предисловіемъ проф. **Ѳ. Ф. Зѣлинскаго**	53
IV. „Безплодныя усилія любви". Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ **П. И. Вейнберга**, съ предисловіемъ **П. О. Морозова**	113
V. „Наипревосходнѣйшая и прежалостная трагедія Ромео и Джульетта". Въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ **Аполлона Григорьева**, съ предисловіемъ проф. **Н. П. Дашкевича**	181
VI. „Усмиреніе строптивой". Переводъ **П. П. Гнѣдича**, съ предисловіемъ **Зинаиды Венгеровой**	265
VII. „Король Ричардъ Третій". Переводъ **А. В. Дружинина**, съ предисловіемъ **П. О. Морозова**	329
VIII. „Венеціанскій купецъ". Переводъ **П. И. Вейнберга**, съ предисловіемъ проф. **Л. Ю. Шепелёвича**	
IX. „Сонъ въ Иванову ночь". Переводъ **Н. М. Сатина**, съ предисловіемъ **Ѳ. Д. Батюшкова**	
X. Примѣчанія къ I тому. **З. А. Венгеровой, С. А. Венгерова, П. О. Морозова**	547